
*К 60-летию
Хизри Амирхановича
Амирханова*

ХИЗРИ АМИРХАНОВИЧ АМИРХАНОВ

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

Палеолит и мезолит Восточной Европы

*Сборник статей
в честь 60-летия
Хизри Амирхановича
Амирханова*

Москва 2011

УДК 902"632/633"(082.1)
ББК 63.442(4)212я43+63.442(4)213я43
П 14

*Утверждено
к печати Ученым советом
Института археологии РАН*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
И СОСТАВИТЕЛЬ:
кандидат исторических наук *К.Н. Гаврилов*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
кандидат исторических наук *Е.В. Леонова*
кандидат исторических наук *Д.В. Ожерельев*

Публикуется при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 11-01-16061д)

П 14 Палеолит и Мезолит Восточной Европы : сб. ст. в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова / Учреждение Российской академии наук, Ин-т археологии РАН ; отв. ред. К.Н. Гаврилов. — М.: Ин-т археологии РАН: Таус, 2011. — 496 с.: ил. — ISBN 978-5-903011-82-7.
Г. Гаврилов, К.Н., ред.

Сборник статей посвящен состоявшемуся в декабре 2009 г. 60-летию выдающегося ученого и организатора науки, члена-корреспондента РАН, профессора Х.А. Амирханова. Авторами сборника стали научные сотрудники ведущих археологических исследовательских центров Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, а также Липецка, Сыктывкара, Курчатова, Донецка, Симферополя. Тематически, представленные статьи затрагивают проблематику исследований палеолита Восточно-Европейской равнины, а также мезолита лесной зоны Восточной и Северной Европы. В сборник включены работы, в которых освещаются как вопросы, связанные с общей характеристикой целых эпох, так и отдельные сюжеты, посвященные анализу комплекса материальной культуры и пространственной организации отдельных памятников или изучению одной категории орудий при помощи типологического, трасологического и технологического методов. В статьях широко представлены результаты междисциплинарных исследований палеолитических стоянок, вводятся в научный оборот результаты раскопок последних лет, а также ранее неизвестные архивные материалы.

Для специалистов в области археологии каменного века и первобытной истории, преподавателей высших и средних специальных учебных заведений.

УДК 902"632/633"(082.1)
ББК 63.442(4)212я43+63.442(4)213я43

ISBN 978-5-903011-82-7

© Гаврилов К.Н., составление, 2011
© Таус, 2011

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
<i>Л. Кулаковская, В. Усик</i> РАННИЙ ПАЛЕОЛИТ УКРАИНЫ	9
<i>В.Е. Щелинский</i> НОВАЯ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ (ЮЖНОЕ ПРИАЗОВЬЕ)	37
<i>С.А. Кулаков, М.А. Кулькова</i> ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СТРАТИГРАФИЧЕСКОГО И ЛИТОЛОГО- МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОТЛОЖЕНИЙ АХШТЫРСКОЙ ПЕЩЕРНОЙ СТОЯНКИ	59
<i>А.К. Очередной</i> ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАСЕЙНА ВЕРХНЕЙ ДЕСНЫ	78
<i>Ю.Н. Грибченко</i> ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОГЕОГРАФИИ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ	100
<i>В.П. Чабай</i> ПРОБЛЕМА СХОДСТВА СПЕЦИФИЧЕСКИХ ТИПОВ ОРУДИЙ КРЫМСКОГО МИКОКА И СТРЕЛЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ	119
<i>В.Н. Степанчук</i> СТОЯНКА МИРА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ НАЧАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЧЕЛОВЕКОМ СОВРЕМЕННОГО ФИЗИЧЕСКОГО ОБЛИКА	141
<i>Е.Ю. Гиря, П.Ю. Павлов</i> ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ СТОЯНКИ КОСТЕНКОВСКО-СТРЕЛЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ГАРЧИ I (СЕВЕРНЫЙ УРАЛ)	159

<i>К.Н. Гаврилов</i> СТОЯНКА ХОТЫЛЁВО 6 (СЛОЙ 3): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК 2004 Г.	169
<i>Г.А. Хлопачев</i> МНОГОСЛОЙНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ПУШКАРИ IX	185
<i>С.Н. Лисицын</i> ГРАВЕТТИЙСКИЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ БОРЩЕВО 5 В КОСТЕНКОВСКО-БОРЩЕВСКОМ РАЙОНЕ НА ДОНУ	204
<i>М.Н. Желтова</i> ОСТРИЯ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ТИПА: КОНТЕКСТ, МОРФОЛОГИЯ, ФУНКЦИЯ	226
<i>С.Ю. Лев, Л. Кларик, Е.Ю. Гиря</i> НОЖИ КОСТЕНКОВСКОГО ТИПА И ПЛАСТИНЫ С ПОДРАБОТКОЙ КОНЦА: ФЕНОМЕН КОНВЕРГЕНТНОГО РАЗВИТИЯ ИЛИ РОДСТВО ТЕХНОЛОГИЙ?	235
<i>А.Б. Селезнёв</i> ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА Р. ОКИ (ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА И НАКОПЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ)	280
<i>В.Я. Сергин</i> СОПОСТАВЛЕНИЕ ЖИЛИЩ ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕДНЕПРОВСКОГО ТИПА ПО КОСТНЫМ ОСТАТКАМ	310
<i>Д.Ю. Нужный, П.С. Шидловский</i> ПЕРВОЕ ЖИЛИЩЕ МЕЖИРИЧСКОГО ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ: ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ СОДЕРЖИМОГО ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ	321
<i>Н.Б. Ахметгалева</i> НИЖНИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ СТОЯНКИ БЫКИ-7: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ	343
<i>А.Н. Бессуднов, А.А. Бессуднов</i> ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЗАМЯТИНО 14 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ	356

<i>Е.А. Виноградова, Н.Б. Леонова, М. Хамакава</i> СИСТЕМА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ В ПОЗДНЕМ ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ НА ЮГЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ (НА ПРИМЕРЕ ОСНОВНОГО СЛОЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II)	368
<i>Н.А. Хайжунова</i> КОМПЛЕКСЫ СТОЯНКИ ТРЕТИЙ МЫС: ПРОБЛЕМА ОБЪЕДИНЕНИЯ	383
<i>А.В. Колесник, Ю.Г. Коваль</i> КОМПЛЕКС КРЕМНЕВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ П. ДОНЕЦКИЙ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ (УКРАИНА)	397
<i>Л.В. Кольцов</i> ВАРИАНТЫ АДАПТАЦИИ В МЕЗОЛИТЕ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЫ	418
<i>М.Г. Жилин</i> КАК ОТДЕЛИТЬ КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ОТ МНОГИХ ДРУГИХ? (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЗОЛИТА ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ)	432
<i>К.Е. Агеева</i> ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА ПО Р. ТАРУСА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ ТАРУССКОГО РАЙОНА	454
<i>В.С. Житенёв</i> АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЮЖНО-УРАЛЬСКИХ ПЕЩЕРНЫХ ПАМЯТНИКОВ С НАСТЕННЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	462
<i>М.В. Аникович</i> О ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА	478

Предисловие

Книга, которую держит в руках читатель, была собрана благодаря искреннему чувству уважения и симпатии, которое испытывают авторы к Хизри Амирхановичу Амирханову, чье 60-летие праздновалось его друзьями и коллегами в декабре 2009 г. Но все же настоящий том нельзя назвать юбилейным в обычном смысле. Это — приглашение к диалогу, часто полемическое, иногда преднамеренно заостряющее проблематику, но, надеюсь, всегда неравнодушное и рассчитанное на заинтересованный отклик коллег. Прошедший юбилей если и был поводом к такому приглашению, то только в том смысле, что с личностью чествовавшегося два года тому назад Хизри Амирхановича связаны столь заметные события в археологии каменного века, влияние которых на развитие нашей науки сейчас вряд ли кто-либо будет оспаривать.

Авторами сборника стали научные сотрудники ведущих археологических исследовательских центров Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, а также Липецка, Сыктывкара, Курчатова, Донецка, Симферополя. Тематически, представленные статьи охватывают проблематику изучения как палеолита Восточно-Европейской равнины, так и мезолита лесной зоны Восточной и Северной Европы. Вполне естественно, что сюжеты, которые затрагиваются в публикациях, связаны прежде всего с изучением каменных индустрий. Однако в книге достойное место занимают исследования, посвященные пространственной организации поселений, геоморфологии и стратиграфии памятников, археологическому контексту палеоантропологических материалов, первобытному искусству.

В книгу включены работы, в которых освещаются как вопросы, связанные с общей характеристикой целых эпох, так и отдельные сюжеты, посвященные анализу комплекса материальной культуры и пространственной организации отдельных памятников или изучению одной категории орудий при помощи типологического, трасологического и технологического методов. В статьях широко представлены результаты междисциплинарных исследований палеолитических стоянок, вводятся в научный оборот фактические данные о раскопках последних лет, а также ранее неизвестные архивные материалы.

Завершая это краткое предисловие, я хочу искренне поблагодарить всех, кто откликнулся на приглашение принять участие в подготовке этого сборника и прислал свои рукописи. Насколько удачной получилась в результате наша книга — судить читателю.

Константин Гаврилов

Ранний палеолит Украины

*Л. Кулаковская, В. Усик**

Вступление

Первые свидетельства появления человека в Украине относятся ко времени более 900 тыс. лет назад. Речь идет о раннепалеолитических слоях VII и VI многослойной стратифицированной стоянки Королево в Закарпатье.

Палеолитическое местонахождение Королево расположено на 100- – 120-метровых террасах левого берега р. Тисы у северной окраины села Веряця Виноградовского района Закарпатской области Украины. Именно здесь – в районе Хустских ворот – Тиса пересекает Выгорлат-Гутинскую вулканическую гряду и выходит на просторы Панонийской низменности (рис. 1: А).

Стоянка Королево исследовалась с 1974 по 1991 г. группой Археологического музея ИА НАНУ под руководством д.и.н. В.Н. Гладиллина. Раскопки проводились в двух секторах местонахождения (Гострый Верх и Бейвар) (рис. 1: В; 2). Эти два сектора неравнозначны в геологическом и археологическом плане. На Гостром Верхе (северный сектор) четвертичная толща включает все присутствующие в Королево ископаемые почвы, но здесь отсутствуют отдельные археологические слои. С другой стороны – на Бейваре (восточный сектор) мы встречаемся с большим количеством средне-палеолитических слоев, однако геологический профиль беднее, много участков разрушено эрозионными процессами еще в древности.

Сразу же следует отметить, что на стоянке полностью отсутствуют фаунистические остатки.

Стратиграфия

Первый комбинированный разрез стоянки Королево был описан О.М. Адаменко за

материалами шурфов 18 и 26 (Гострый Верх) (Adamenko, Gladiline, 1989; Gladiline, 1989). В представленном разрезе выделено 7 погребенных почв, разделенных суглинками. В основании палеопочвы VIII (литологический слой 21) была зафиксирована граница Брюнес–Матуяма (Adamenko, Gladiline, 1989).

В конце 90-х годов прошлого века, в рамках международной исследовательской программы INTAS был изучен геологический профиль в районе шурфов 18 и 26 на Гостром Верхе, что позволило уточнить стратиграфические данные стоянки Королево (Haesaerts, Koulakovska, 2006) (рис. 3).

Четвертичная толща мощностью около 14 м (Гострый Верх) залегает на цоколе террас, сложена дацитами. Ископаемые почвы Королево (нумерация почв III–IX по О. Адаменко и K–III–K–IX по П. Эзартсу) коррелируются с региональной геологической схемой Закарпатья и служат реперами для определения относительного возраста археологических слоев (Адаменко, Гродецкая, 1987; Адаменко и др., 1989; Гладиллин, Ситливый, 1990а; Haesaerts, Koulakovska, 2006). Наиболее полно стратиграфия Королево опубликована О. Адаменко (Адаменко и др., 1989; Adamenko, Gladiline, 1989) и П. Эзартсом (Haesaerts, Koulakovska, 2006).

В рамках этой стратиграфической последовательности определены следующие хронологические события:

1 – граница зон Матуяма–Брюнес. Установлена по образцам из суглинка, разделяющего VIII и IX ископаемые почвы (Адаменко и др., 1989; Adamenko, Gladiline, 1989). В 1998 г. наличие этого экскурса было подтверждено в нижней части слоя 21 (Haesaerts, Koulakovska, 2006. С. 28).

2 – палеопочва, которая была отнесена к миндель-рису (гольштайну). По палинологии

* Институт археологии НАН Украины, Киев.

ческим данным Г.М. Левковской (Гладилин, Ситливый, 1990а) в ней было выделено два оптимума, «...которые напоминают оптимумы типа гольштайн также фитоценологическими закономерностями. На десятках диаграмм, имеющих для разрезов Северной Европы, оптимум типа гольштайн выделяется по наличию в конце его фазы пихты, граба, иногда с единичной лапшой. В условиях более теплой и влажной карпатской провинции ему отвечает фаза, где большие лапины и пихты, но меньше участие граба. ... В разрезе Королево наибольшее распространение очень требовательной к теплу и влаге породы – лапины – характерно для позднего оптимума» (Адаменко и др., 1989. С. 13).

П. Эзартс интерпретирует литологический слой 15 как интергляциальную палеопочву (K-VI) и сопоставляет ее с гольштайнской (Haesaerts, Koulakovska, 2006. С. 26).

3 – палеопочва последнего межледникового (R-W, Eem). Г.А. Пашкевич выделила в ней два комплекса. В нижнем комплексе обнаружена пыльца широколиственных пород: *Quercus robur*, *Quercus petraea*, *Carpinus betulus*, *Acer campestre*, *Ulmus laevis*, *Ulmus scabra*, *Fraxinus excelsior*, *Tilia plathyphyllos*, *Fagus sylvatica*. Хвойных было немного. В противовес этому, верхний комплекс содержит большее количество пыльцы хвойных пород: *Abies*, *Pinus cembra*, *Pinus silvestris*, *Larix*. Оба комплекса можно отнести к теплому (микулинскому, росс-вюрмскому) межледниковью (Пашкевич, 1984. С. 3–4). Эти выводы вполне соотносятся с характеристиками, полученными для разреза 1998 г. Палеопочва K-IV имеет полигенетический характер и может быть подобна педокомплексу Прилуки–Кайдаки Центральной части Украины, который включает собственно интергляциальную почву Eem (слой 8с) и палеопочвы первых вюрмских интерстадиалов (Haesaerts, Koulakovska, 2006). Аналогичную точку зрения высказывает и Н. Герасименко, коррелируя разрезы закарпатских палеолитических стоянок Королево и Сокирница I, основываясь на сходстве разрезов и палинологических характеристик (Герасименко, 2006. С. 139–140).

Можно говорить, что прочтение разреза О. Адаменко и П. Эзартсом в основном совпадают. Наряду с этим существует ряд различий, касающихся микроморфологии отдельных литологических слоев (Haesaerts, Koulakovska, 2006. Р. 22–25).

Важность работ П. Эзартса состоит в том, что он впервые провел корреляцию отложе-

ний стоянки Королево с кислородно-изотопными стадиями (OIS) (Shackelton et al., 1990); провел более детальное расчленение четвертичных отложений, основываясь на микроморфологическом анализе; в очередной раз подтвердил наличие на стоянке границы Брюнес–Матуяма; сопоставил разрез Королево с региональными схемами Центральной Украины, Волыни и Подолии, Венгрии) (Pécsi, 1985; Bogutski et al., 2002; Haesaerts, Koulakovska, 2006. Fig. 3–4).

Методика

В предшествующих публикациях археологических материалов Королево, использовался термин «культурно-хронологический комплекс» (Солдатенко, 1982; Кулаковская, 1989; Гладилин, 1985; Гладилин, Ситливый, 1990), который, как правило, объединял артефакты из стратифицированных и/или нестратифицированных участков различных раскопов, шурфов, расчисток, а также находки с поверхности. Руководящим критерием для определения «комплекса» выступала степень различия состояния сохранности (патины, уровень выщелачивания) поверхности андезитовых артефактов и технико-типологические показатели собрания (в случае нахождения артефактов выразительных, без сомнения относящихся к определенной индустрии).

Более 90% изделий во всех слоях стоянки Королево изготовлено из местного андезита, который имеет определенную градацию химического выщелачивания поверхности. Находки нижних археологических слоев явно более разрушены, чем вышележащие (Гладилин, Ситливый, 1990а; Солдатенко, 1982). Как правило, поверхность изделий в слоях, приуроченных к почвенным горизонтам, имеет более интенсивное разрушение, чем в суглинках. Однако, следует отметить, что в стратифицированных слоях встречается несколько видов патинизации и выщелоченности андезитов, как например, в слое Па (Кулаковская, 1989. С. 35). Подобные выводы сделаны и для слоя V (Усик, 2006). То же самое можно сказать об андезитах слоя Va. В частности, это касается столь характерных для набора этой индустрии листовидных острий, найденных в одном раскопе (раскоп XI), в одном квадрате (А-4, А-6) и на одной глубине (3,15–3,25 м), но отнесенных по внешним признакам к различным комплек-

сам (V, Va, VI) (Гладилин, Ситливый, 1990а). Это разделение не представляется сейчас объективно обоснованным (Кулаковская, 2009).

По нашему мнению, на современное состояние поверхности андезитовых поделок могли повлиять два основных фактора:

1. Неоднородность химического состава самого андезитового сырья (Кулаковская, 1989. С. 35; Гладилин, Ситливый, 1990. С. 24). Подтверждением этому есть примеры, когда на поверхности изделий присутствуют различные по цвету и характеру патины участки. Речь не идет о случаях реутилизации.

2. Изменение степени разрушения андезитовых артефактов зависит от древности, положения в определенном геологическом слое (ископаемая почва — лессовидный суглинок), а также от характера воздействия химического состава седиментов на сырье. Динамика и конечный результат процесса разрушения, по-видимому, зависит от нескольких факторов: время и продолжительность извержения вулкана, химический состав изверженной породы, а также возраст и химический состав палеопочв и суглинков, в которых находились артефакты. Не следует также забывать о возможном влиянии окружающей среды на артефакты до их погребения.

Следовательно, степень разрушения поверхности андезитового сырья сама по себе не может быть использована в виде исключительного хронологического и абсолютного культурного критерия, учитывая тот факт, что речь идет лишь о субъективном визуальном определении.

Другими словами, материалы Королево демонстрируют тот факт, что общая тенденция изменения поверхности андезитов от более древних к более молодым, которая коррелируется со стратиграфией, реально существует. Однако, наши работы только со стратифицированными коллекциями заставляют внести определенные изменения в трактовку возраста и культурной принадлежности андезитовых артефактов некоторых «комплексов».

В интерпретации относительной хронологии андезита мы не выступаем против правомерности использования самого принципа, а акцентируем внимание на том факторе, что в гомогенных коллекциях разная степень сохранности сырья являлась, в первую очередь, результатом разницы химического состава и химического воздействия седиментов, а не просто показателем иного возраста. Наиболее четким аргументом для такого заключения выступают предметы с так называемой полосча-

той структурой, на которых присутствуют участки с серо-голубой и белесой патиной и, соответственно, с несколько большей и несколько меньшей степенью разрушения (Усик, 2006. С. 52). Это еще раз доказывает неприемлемость существования выделенного В. Гладилиным и В. Ситливым из гомогенного слоя Va такого комплекса, как Vb (Гладилин, Ситливый, 1990; Кулаковская, 1989). Вероятно, нечто подобное произошло при разделении единого слоя, на комплексы VI и VII.

Наконец, следует отметить, что для слоев Pb, Pa, P, Ia (средний и начало верхнего палеолита) этот метод практически неприменим. В целом, андезитовые изделия этих собраний по степени сохранности поверхности практически не имеют различий.

Этот факт стал еще одним дополнительным аргументом в пользу нашего отказа как от методики объединения материалов в культурно-хронологические комплексы, так и от использования самого термина.

Правомерность такого выбора косвенно можно подтвердить замечанием В.П. Любина относительно аналогичной ситуации при исследовании пещеры Треугольная на Кавказе. *«Совершенно некорректным представляется также отнесение задним числом к тому или иному комплексу (на основании “сходства сырья и типологии”) многочисленных находок из осыпей, шурфа 1986 г. и раскопа 1987. Равным образом некорректно такое же распределение по комплексам каменных изделий из переотложенного субстрата линз»* (Любин, 1998. С. 136).

Объединение находок из культурного слоя и сборов на поверхности в одну коллекцию возможны лишь через процедуру ремонтажа (Королево, слой II: коллекция раскопа, сборы, сделанные в ходе вскрышных работ; Королево II, слой II) (Usik, 1989).

В последнее время в публикациях материалов Королево мы используем термин «культурный/археологический слой» (Кулаковская, 1999, 2003а, б, 2009; Усик, 2006, 2009; Кулаковская, Усик, 2010), так как речь идет исключительно о стратифицированных коллекциях (материалы из одного раскопа).

Определенное непонимание вызывают «пассажи» В. Степанчука по поводу того, что «...досадным недостатком публикаций материалов Королево является отсутствие четкой разбивки артефактов на найденные в стратиграфическом контексте и происходящие из поверхностных сборов. Не менее досадно отсутствие подробной публикации по методике

выделения т.н. культурно-хронологических комплексов по степени сохранности поверхности» (Степанчук, Рековец, 2010. С. 161–162). Учитывая «неугасающий» интерес В. Степанчука к стоянке Королево, мы предлагаем два варианта решения этой проблемы: 1) читать работы своих коллег, ссылаться на них и критиковать (Koulakovskaya, Usik, 2008, 2010; Кулаковская, Усик, 2010); 2) самостоятельно обработать эти коллекции.

Королево. Слой VI

В четкой стратиграфической позиции слой VI обнаружен в раскопах IX и XI в урочище Бейвар (рис. 1: В; 2: В). На Гостром Верхе он присутствует в шурфах 18 и 26, раскопе XIII (рис. 1: В; 2: А, В), а также в профиле 1998 г. Не исключено, что он присутствует и в других раскопанных объектах. По всем имеющимся на сегодня данным, материалы этого слоя зафиксированы в верхней части палеопочвы VII – OIS 14 (рис. 3) (Гладилин, Ситливый, 1990; Haesaerts, Koulakovska, 2006).

Археологическая коллекция

Предварительное исследование основных черт индустрии было проведено по материалам раскопа IX в урочище Бейвар (более 5 000 изделий).

Свыше 95% коллекции артефактов изготовлено на андезите. Других видов сырья (кварцит, песчаник, яшма, сланцы, кварц) немного. Поверхность андезитовых изделий покрыта серовато-синей густой патиной и многочисленными глубокими кавернами выщелачивания на поверхности. В коллекции присутствуют артефакты с белесоватой патиной и более разрушенной поверхностью.

Системы раскалывания слоя VI

Большая часть коллекции слоя VI представлена желваками и блоками андезита, на которых отсутствуют четкие признаки преднамеренного раскалывания отбойником. Эти артефакты наиболее сложны для определения. Наряду с ними встречаются обломки и предметы, напоминающие отщепы с «дорсальной» и «вентральной» поверхностями, не имеющие традиционных следов использования техники отбойника (ударный бугорок).

Ранее в методике классификации артефактов нижнепалеолитических индустрий речь шла об обломках и плоских сколах без признаков искусственного расщепления с целью обоснования критериев так называемой техники дробления (Гладилин, Ситливый, 1990. С. 7–8, 14).

Происхождение отмеченных типов артефактов объяснялось применением «...техники разбивания, или дробления...», для которой «...свойственно хаотичное разбивание каменных пород». «Техника дробления не основана на изготовлении и утилизации нуклеуса. Получение обломков, осколков, плоских фрагментов достигается несколькими крайне примитивными приемами: бросанием камня на камень, разбиванием на твердой основе. В результате получались преимущественно угловатые, бесформенные обломки и плоские фрагменты исходного сырья без традиционных признаков искусственного расщепления и лишь в редких случаях – достоверные сколы» (Гладилин, Ситливый, 1990. С. 8). К слову, применение техники дробления было отмечено в материалах нижнего слоя пещеры Ля Микок во Франции. Предполагалось, что желваки камня разбивались «резкими, сильными, случайно направленными ударами» (Ефименко, 1953. С. 168).

В настоящее время, пытаясь типологически выделить из остальной массы обычных естественных обломков и плоских фрагментов те предметы, которые подвергались расщеплению без применения отбойника, мы определяем две категории артефактов – «обломки-нуклеусы» и «обломки-отщепы».

«Обломки-нуклеусы» представляют собой отдельные андезитового сырья разной формы и размеров с одним или несколькими плоскими или выпуклыми негативами на поверхности. «Обломки-отщепы», которые могли быть с них отделены, имеют дорсальную и вентральную поверхности (см. рис. 11: 1, 2), а также прямой или вогнутый профиль, что по форме может соответствовать негативам на «обломках-нуклеусах». На «отщепках-обломках» нет четкой зоны, которую можно классифицировать как ударную площадку и, соответственно, нет явных признаков точки удара. Вполне вероятно, что эти две категории могут являться результатом техники дробления или раскалывания о каменную наковальню (?). Нельзя также исключать, что морфология появления артефактов «без отбойника» может быть связана с применением огня. Во всяком случае, мы не наблюдаем характерных следов исполь-

зования биполярной техники. Во многих случаях «обломки-нуклеусы» по своей морфологии наиболее близки к так называемым полиэдрам и сфероидам. Следует отметить, что в вопросах происхождения этих изделий также допускалась возможность термического воздействия (Gobert, 1914).

В коллекции также присутствуют нуклеусы и отщепы со следами нанесения ударов на значительном расстоянии от кромки рабочей поверхности (рис. 4: 4, 5). Часто на бугорковой части отщепов проявляются ярко выраженные конусы, указывающие на избыточно сильные удары твердым отбойником. В некоторых случаях отмечается тупой угол между площадкой и рабочей поверхностью, что практически непригодно для традиционного способа раскалывания. Последние факторы обычно влияют на образование заломов или захват нижней, противоположной ударной площадке поверхности. Эти элементы также могли влиять на образование определенной части «обломков-нуклеусов» и «обломков-отщепов». Следует также учитывать, что сам андезит по своим физическим свойствам намного больше подвержен фрагментации, чем кремний или кварцит. Фактор фрагментации андезита в том или ином количественном, качественном и, отчасти, функциональном выражении (например, преднамеренная фрагментация) проявляется во всех коллекциях Королево. Однако, такие артефакты, которые мы можем классифицировать как «обломки-нуклеусы» и «обломки-отщепы», являются одной из характерных черт индустрии слоя VI. Понятно, что для прояснения природы их происхождения, самого процесса этого типа раскалывания, если можно так выразиться, подобной системы повторяющихся действий, а также для того, чтобы перейти от теоретических предположений к заключениям, необходимо провести профессиональное экспериментальное исследование.

Из коллекции слоя VI нами было проанализировано более 150 нуклеусов. Большинство нуклеусов демонстрируют систему, которую мы относим к простому однонаправленному раскалыванию. В рамках данной системы сколы снимаются не параллельно, а последовательно один за другим или с рабочей поверхности и/или ее части удаляется только одна заготовка. К однонаправленным мы относим одноплощадочные нуклеусы с одним плоским негативом на рабочей поверхности (рис. 4: 3 и 5: 4). В собрании также встречаются двуплоща-

дочные и многоплощадочные нуклеусы, которые утилизировались в аналогичном однонаправленном стиле. Другими словами, с каждой части поверхности удалялся один или несколько сколов в одном направлении. Этой системе строго соответствуют многочисленные сколы с одним плоским негативом на дорсальной поверхности.

Вторую группу представляют параллельные одноплощадочные, реже двуплощадочные и многоплощадочные нуклеусы, среди которых преобладают параллельные продольные с укороченной плоской рабочей поверхностью. Бипродольные и ортогональные нуклеусы немногочисленны. Подчетыреугольная форма ядрищ является доминирующей. В собрании есть несколько подцилиндрических, подпиримидальных и пирамидальных образцов (рис. 5: 1, 2).

Небольшой серией представлены ядрища, на которых отмечается сочетание однонаправленных и параллельных негативов. В одном из двусторонних образцов одна из рабочих поверхностей раскалывалась в радиальном (центростремительном) направлении, а вторая имеет один однонаправленный негатив (рис. 4: 1). Радиальные (центростремительные) нуклеусы немногочисленны (рис. 5: 5). В небольшом количестве также отмечены нуклеусы Kombewa (рис. 5: 3). Присутствуют в коллекции также неопределимые нуклеусы и их фрагменты. Площадки ядрищ, преимущественно, покрыты коркой или образованы одним плоским негативом.

В общем технологическом контексте каждую из групп перечисленных нуклеусов можно отнести к леваллуазскому методу производства. Получение заготовок происходило путем простой эксплуатации локальной поверхности при использовании однонаправленной техники, включая метод Kombewa, и/или локальных поверхностей при использовании параллельного и радиального направления расщепления. По всем признакам в индустрии слоя VI для раскалывания нуклеусов применялся исключительно твердый отбойник.

Мы не нашли никаких следов применения метода леваллуа или прото-леваллуа, как это ранее отмечалось для индустрии слоя VI (Гладилин, Ситливый, 1990; Gladilin, Sitlivi, 1990). Иначе говоря, в типологии нуклеусов мы не видим явных признаков технологии преднамеренного формирования выпуклой части рабочей поверхности и подготовки основной площадки для получения заготовок леваллуа как

конечного продукта. Единичные экземпляры, напоминающие внешним видом леваллуазские ядрища (рис. 4: 1; 5: 4), реально не имеют никаких характерных атрибутов соответствующей стратегии расщепления. К таким «псевдолеваллуазским» образцам, как это нередко случается, могут быть отнесены простые радиальные нуклеусы с плоской рабочей поверхностью, когда последний негатив занимает чуть большую поверхность, чем остальные, и это создает иллюзию сочетания основного и вспомогательных сколов, при полном отсутствии технологии подготовки поверхности, системы фасетирования площадок и, соответственно, отщепов леваллуа.

Орудийный набор

В типологическом наборе слоя VI отчетливо преобладают скребла. Большинство из них представлено продольными (рис. 6: 1; 7: 1; 8: 2), диагональными (рис. 6: 2; 7: 2) поперечными выпуклыми образцами. Конвергентные (рис. 6: 3, 4) и двойные формы встречаются крайне редко, угловатые отсутствуют.

При оформлении этих орудий применялась, преимущественно, чешуйчатая ретушь. Вместе с тем достаточно часто рабочий край скребел был высоким и создавался ретушью ступенчатой, отдаленно напоминающей ретушь *Quina* или полу-*Quina*. Следует заметить, что изготовлены эти орудия как на андезитовом, так и на других видах сырья (например, кварцит) (рис. 6: 3, 4; 8: 2, 3).

В коллекции присутствует серия орудий с высоким рабочим краем, оформленным широкими фасетками. Учитывая наличие скребел со ступенчатой ретушью, можно было бы отнести эти изделия к полуфабрикатам, собственно, орудиям в начальной степени оформления. С другой стороны, отмечается определенная стандартизация при их изготовлении, поэтому они выделены пока что в отдельный тип — скребло-видные орудия с отгеской (рис. 6: 1; 7: 2).

Вторая по количеству группа — орудия зубчатые, рабочий край которых оформлялся широкими фасетками, создающими зубцы (рис. 6: 5, 6). Иногда эти широкие фасетки перемежаются с более мелкой ретушью. В этом случае можно было бы говорить о переоформлении рабочего края скребел, собственно, его подправке. Вместе с тем полной уверенности в этом нет. Зубчатые орудия дополняются немногочисленными выемчатыми формами.

Чопперы единичны, равно как и рубящие орудия типа секачей. Аккомодация представлена случайными элементами: единичны случаи вентрального и базального утончения.

Индустрия слоя VI имеет все черты комплекса с односторонним оформлением рабочего края. Все же в наборе есть орудие с двусторонней обработкой. Это — плоско-выпуклое скребло, изготовленное на первичном отщепе из яшмовидной породы (рис. 7: 4). С дорсальной стороны высокий рабочий край оформлен ступенчатой ретушью, вентральная сторона уплощена широкими сколами. Противоположный лезвию край с вентральной стороны имеет дополнительную подправку, своеобразное притупление. На терминальной части орудия заметны негативы утончения, подобные резцовым сколам. Это изделие уникально и не имеет аналогов в коллекции. Здесь налицо тщательность отделки, продуманность и создание формы, наличие аккомодации. Подобные орудия более характерны для микокских индустрий — т.н. ножи типа Прондник. С другой стороны, ступенчатая ретушь, которой оформлен рабочий край, очень часто встречается в индустрии слоя VI.

Два изделия (яшмовидное сырье и черный сланец) из набора можно назвать преформами двусторонних изделий. Они также изготовлены на первичных отщепках, широкими фасетками оформлены как вентральная, так и дорсальная сторона. И в одном и в другом случае предполагаемый рабочий край имеет sporadическую ретушь. Здесь можно говорить о начальной стадии изготовления, а именно, создании формы и отделки рабочего края (рис. 7: 3). Аналогичную отделку имеет двустороннее изделие на андезите (рис. 8: 1). Три андезитовых артефакта определены как фрагменты таких преформ.

Итак, в орудийном наборе слоя VI ведущая роль принадлежит скреблам, среди которых выразительны изделия с высоким рабочим краем, сформированным ступенчатой ретушью. Другие типы орудий, как, например, зубчатые, выемчатые, рубящие, не создают четких серий и стандартов. Присутствие двусторонних форм, несмотря на их кажущуюся несовместимость с коллекцией, вполне допустимо в этом комплексе.

Такое типологическое сочетание (скребла с высоким рабочим краем, оформленным ступенчатой ретушью, и немногочисленные двусторонние артефакты типа *Keilmesser* чаще встречается в среднем палеолите, например, в микокских индустриях (Koulakovskaya et al.,

1993) и единично в собраниях т.н. восточного шаранта: Tata, Raj (Kozłowski, 1990–1991), Королево, слой II (Кулаковська, 2002, 2003а, б; Кулаковская, 2009).

Возможно, следуя устоявшимся мнениям о примитивности ранних технокомплексов с обязательным присутствием чопперов, чоппингов, рубил, индустрия слоя VI выглядит более развитой, чем это можно было бы ожидать от раннепалеолитической индустрии.

Королево. Слой VII

Слой VII был обнаружен в стратифицированном положении в горизонте мелкогалечного аллювия (литологический слой 26) ниже границы Брюнес–Матуяма (Адаменко и др., 1989. С. 18) исключительно в раскопе XIII в урочище Гострый Верх на очень локализованном участке. По В.Н. Гладилину, этот слой «залегает в верхней части пачки гюнцминдельского аллювия (слой 26)» (Гладилин, 1989. С. 10).

Мы проверили все находки из раскопа XIII (1984–1986 гг.) (рис. 9: с, d). Артефакты были отмечены на различных глубинах (от 9,40 м до 12,0 м), что можно объяснить за счет значительного падения литологического слоя в направлении юго-востока (рис. 9: а; 10). В квадратах а/б-6, которые находятся непосредственно вблизи изученного профиля, они равномерно распределяются на глубине от 9,5 м до 9,92 м в пределах одного геологического горизонта (рис. 10).

В квадрате D-10 литологический слой 26 разделяется интрузивным горизонтом делювия (?), что свидетельствует о локальном эпизоде нарушения стратиграфической последовательности на очень ограниченном участке. Над этим горизонтом было найдено 3 артефакта слоя VII (рис. 10), ниже этого горизонта — один отщеп и два сомнительных обломка. Следует отметить, что ни выше, ни ниже по профилю следов подобного делювия не наблюдается. Объективные данные указывают, что слой VII *in situ* распределен в границах горизонта аллювия террасы, а не только в его верхней части, как отмечалось В. Гладиллиным (Гладилин, 1989. С. 10).

Следует в очередной раз обратить внимание наших коллег на тот факт, что в шурфах 18 и 26, а также в разрезе 1998 г., послуживших стратотипами для сводного разреза стоянки Королево, артефакты слоя VII отсутствуют.

Археологическая коллекция

Собрание этого слоя включает 33 предмета, 30 из них изготовлено из местного андезита. Два образца выполнено из кварцита, один — из кварца. Андезитовые поделки имеют густую патину серого цвета с глубокими кавернами выщелачивания. Поверхность артефактов этого слоя наиболее разрушена по сравнению с андезитами других археологических слоев. В связи с этим отнесение найденных в этом слое предметов к артефактам надо производить с большой степенью осторожности.

Ранее была опубликована коллекция из 1539 артефактов культурно-хронологического комплекса VII (Гладилин, Ситливый, 1990. С. 39–41; Gladilin, Sitliviyy, 1990. P. 25–26). Как уже было отмечено Л. Кулаковской (Кулаковская, 1999, 2003б, 2009), в этот культурно-хронологический комплекс были включены смешанные материалы из разных участков, раскопов, шурфов, зачисток, а также с поверхности. Как и в случае со слоем VI, в качестве критерия, по которому эти артефакты были отнесены к одной коллекции, выступала степень выщелачивания поверхности андезитового сырья.

В нашей работе мы используем исключительно материалы, зафиксированные в четкой стратиграфической позиции раскопа XIII.

Итак, в коллекции слоя VII (33 предм.): полиэдр (1) (рис. 11: 3), «обломки-нуклеусы» (2) (рис. 11: 2), «обломки — отщепы» (5) (рис. 11: 1), нуклеусы (5), отщепы (12), обломки (4), фрагменты (1), чешуйки (1) и орудия (2).

Стратегия раскалывания

Первичное раскалывание характеризуется одноплощадочными однонаправленными (рис. 12: 2), параллельными (рис. 12: 1) и многоплощадочным (рис. 13: 2) нуклеусами с однонаправленными и параллельными негативами на рабочей поверхности

Полиэдр и «обломки-нуклеусы» имеют очень схожие плоские и слегка выпуклые негативы на расколотых поверхностях. Плоские или вогнутые вентральные поверхности «обломков-отщепов» по своей морфологии отвечают этим негативам, что подтверждается примерами ремонтажа (рис. 11). Как и в слое VI, на отмеченных артефактах отсутствуют признаки раскалывания отбойником, что также может объясняться спецификой процесса раскалывания или, возможно, термальным воздействием на исходный андезитовый материал.

В коллекции 12 отщепов, 2 из которых отнесены к отщепам *debordant*, один — к *Kombewa*, шесть — к первичным, четыре — к однонаправленным (рис. 12: 3) и один — к радиальным (рис. 12: 4). В собрании отщепов присутствует три образца с псевдорезцовым сколом (*falls burin*), что есть прямым свидетельством применения твердого отбойника.

Общий анализ нуклеусов и сколов указывает на то, что в индустрии, кроме раскалывания «без отбойника», использовался метод *Kombewa* и иные методы, базирующиеся на однонаправленной, параллельной и радиальной технике нанесения ударов без какой-либо предварительной подготовки рабочей поверхности.

Типология представлена лишь двумя предметами: чоппером (рис. 13: 3) и фрагментом двустороннего орудия, оформленного на первичном кварцитовом отщепе (рис. 13: 1). Эта обработка напоминает ту, которая обычно встречается на долотовидных инструментах (*pièce esquillée*).

Слой VIII — Постфактум

До недавнего времени для нас оставался вопрос, что же собой представляет слой VIII Королево?

В работах В. Гладиллина и В. Ситливого материалы самого нижнего раннепалеолитического слоя VIII опубликованы как наиболее древние. Стратиграфически они находятся «в низах галечного аллювия гюнцского возраста (слой 27)» (Гладиллин, Ситливый, 1990. С. 37). В коллекцию было включено 426 предмета. Авторы оговаривали, что «большинство этих изделий не отложены и до недавнего времени не найдены в стратиграфической позиции. Первоначально они были выделены морфологически. От более поздних ашельских поделок, с которыми они нередко встречаются вместе во вторичном залегании, их, наряду с технико-типологическими показателями, отличают цвет и худшая сохранность поверхности — высокая степень ее выщелоченности. Высказано предположение, что они должны происходить из миндельских или даже более древних отложений. Это предположение подтвердилось. В 1984 г. изделия VIII культурно-хронологического комплекса были найдены на Гостром Верхе (раскоп XIII)...» (Гладиллин, Ситливый, 1990. С. 37).

В отчете 1984 г. отмечено, что «...собрано 15 поделок (9 из андезита, 6 из кварцита и песча-

ника). Уровень сохранности поверхности андезитовых предметов аналогичен сохранности артефактов, выявленных на других раскопных объектах и выделенных по морфологическим признакам в отдельный самый архаичный комплекс (VIII) на местонахождении. Среди находок примитивные нуклеусы (выделяется крупный полиэдр), грубые отщепы (рис. 4, 2), чоппер с продольно выпуклым краем, обработанный с одной стороны несколькими широкими сколами и естественным обушком (рис. 3, 1). Три поделки из кварцита и песчаника отнесены к чопперовидным изделиям, две другие — к грубо расколотым галькам.

Таким образом, коллекция древнейших находок в Королево (VIII культурно-хронологический комплекс) теперь насчитывает до 400 предметов. Архаичный облик этих изделий и древний их возраст (около 1 млн. лет до н.э.) позволяет относить комплекс VIII к кругу олдувайских или раннеашельских индустрий» (Гладиллин, Кухарчук, Ситливый и др. Отчет ... 1985. С. 4–5).

В 1985 г. «Находки VIII комплекса, как и в 1984 году, были зафиксированы в галечнике (гюнц). Среди них: 9 обломков из андезита, 2 массивных отщепы. Обнаружены десятки расколотых галек из песчаника, кварцита, кварца, однако, с уверенностью говорить об их искусственном происхождении пока не представляется возможным» (Гладиллин, Ситливый, Демиденко и др. Отчет ... 1986. С. 5–6).

При обработке коллекции этого культурно-хронологического комплекса были изъяты все артефакты, происходящие из нестратифицированных участков и собранные на поверхности. Анализировались лишь материалы из раскопа XIII, с четкой перепроверкой их местоположения на плане и в профиле.

На предметах из песчаника, кварцита и кварца «со следами раскалывания» мы не нашли никаких следов искусственного расщепления, — это не артефакты. Сомнения в отношении этих предметов к артефактам высказывалось еще в 1986 г. В.Н. Гладиллиным (Гладиллин. Полевой дневник ... 1986. Запись от 10-го июля).

Более того, находки «слоя VIII» и вышележащего слоя VII имеют одинаковую стратиграфическую позицию. Они залегают в слое галечного аллювия. Как отмечалось выше, степень сохранности андезитовых поделок имеет свои вариации в рамках одного слоя.

После скрупулезной проверки спорных, прежде всего галечных артефактов из аллювия террасы (раскоп XIII) было установлено, что на них имеются явные естественные сле-

ды разломов и «заполировки» (трение камня о камень). По сути, мы развеяли сомнения В.Н. Гладилина по поводу этих предметов. Что же касается другой части коллекции «комплекса VIII», то это находки нестратифицированы и относить их определенно к «слою VIII» мы не считаем возможным. Не исключено, что какая-то часть этой коллекции принадлежит слою VII, стратиграфическая позиция которого сейчас ясна.

Мы обращаем внимание наших коллег на то, что мы не проводим предвзятую ревизию ранее опубликованных материалов стоянки. Наши выводы построены на анализе полевой документации, архивных материалов, обработке коллекции, корреляции стратиграфии и планиграфии раскопа XIII, а также личных наблюдениях непосредственно в ходе раскопок. Все это и позволило нам констатировать, что культурно-хронологический комплекс VIII в Королево не существует как отдельное явление. Если наши коллеги аргументированно докажут обратное, мы с этим, безусловно, согласимся.

Дискуссия

В работах В. Гладилина и В. Ситливого к ашелю были отнесены также материалы культурно-хронологических комплексов Vc и Vb (Гладилин, Ситливый, 1990).

Коллекции эти исключительно малочисленны (для слоя Vc вообще не указывалось количество находок) (Гладилин, Ситливый, 1990. С. 47) и, скорее всего, были созданы искусственно. Стратиграфия, внешний вид андезитов и техника изготовления двусторонних изделий из слоя Vb (Гладилин, Ситливый, 1990. С. 48) полностью соответствуют таковым для слоя Va. Более того, в слое Vb отсутствуют какие-либо следы изготовления двусторонних изделий. Напротив, в материалах слоя Va представлены все слагаемые этого процесса: преформы двусторонних (листовидных) орудий, сколы оформления этих орудий, фрагменты и уже законченные образцы.

По общим характеристикам слой 5a имеет все признаки среднепалеолитического технокомплекса.

Резюмируя все сказанное выше, можно сделать такие выводы:

1. Стратиграфические условия залегания артефактов слоев VIII и VII идентичны.

2. Степень сохранности поверхности андезитовых поделок слоя VII и т.н. VIII слоя не имеет различий.

3. Все присутствующие в коллекции предметы имеют аналогичную морфологию (Koulakovska, Usik, 2008).

4. Таким образом, нет данных о существовании двух археологических слоев в отложениях ниже границы Брюнес–Матуяма.

5. Артефакты из раскопа XIII принадлежат к одному гомогенному слою VII. Этот вывод, никоим образом, не умаляет огромной важности Королево. Существование раннепалеолитической индустрии древностью около 950 000 лет назад позволяет отнести Королево к кругу древнейших палеолитических памятников Евразии.

6. Ранее индустрия слоя VII Королево определялась как леваллуазская или прото-леваллуазская (Гладилин, Ситливый, 1990; Gladilin, Sitlivi, 1990). Однако при более детальном анализе артефактов этого слоя леваллуазский метод расщепления не был отмечен. Леваллуазская и/или прото-леваллуазская технология отмечалась и для слоя VI. С этим выводом мы также не можем согласиться. В коллекции слоя VI из раскопа IX присутствуют простые однонаправленные, параллельные, единичные радиальные и Kombewa ядрища с естественными и/или гладкими площадками. В инструментарии присутствуют различные виды скребел, часто высокой формы, что также нехарактерно для леваллуазских индустрий.

7. Системы раскалывания слоев VI и VII похожи между собой, равно как они имеют аналогии в других раннепалеолитических индустриях, например Богатыри (Щелинский, Кулаков, 2007).

Итак, мы считаем, что на палеолитической стоянке Королево существовало два раннепалеолитических слоя VI и VII.

Артефакты слоя VII зафиксированы в зоне обратной намагниченности, в литологическом слое 26. Слой может быть отнесен к OIS 23–25 (?) (Haesaerts, Koulakovska, 2006) и датирован в пределах 900 тыс. лет назад. В коллекции отсутствуют какие-либо проявления леваллуазской/прото-леваллуазской техники, равно как и изделия с двусторонней обработкой (рубила). Таким образом, эта индустрия не может быть отнесена к ашелю, как представлялось раньше (Гладилин, Ситливый, 1990. С. 41).

Слой VI приурочен к верхней части внутриминдельской палеопочвы (литологический

слой 17), отнесен к OIS 14. Может быть датирован в пределах 600 тыс. лет назад.

В индустрии этого слоя, равно как и для нижележащего слоя VII не выделено элементов леваллуазской системы расщепления. Нет также оснований определять этот слой как ашельский. В коллекции присутствует всего лишь три предмета с двусторонней обработкой, которые по технике исполнения ближе к среднепалеолитическим орудиям типа скребел и Keilmesser. Проторубила, опубликованные в работе В. Гладилина и В. Ситливого (1990. С. 218. Табл. XIV), относятся к вышележащему слою Va. Аргументами для такого вывода послужило следующее: 1) эти артефакты были найдены в одной стратиграфической позиции вместе с серией листовидных наконечников слоя Va; 2) они изготовлены из андезита, сохранность поверхности которого соответствует изделиям слоя Va; 3) по технике исполнения (двусторонняя двояковыпуклая обработка, линзовидное сечение) они аналогичны материалам указанного слоя.

С другой стороны, наличие скребел с высоким рабочем краем, оформленным ступенчатой ретушью и аккомодационными элементами, приводит нас к заключению, что в этой индустрии мы впервые сталкиваемся с проявлениями т.н. шарантского технокомплекса. Подобные предположения вполне приемлемы. Отметим, что о шарантских элементах в раннем палеолите Кавказа еще в 1984 г. упоминал В.П. Любин (1984. С. 69). Мы никоим образом не сравниваем ранний палеолит Кавказа и Карпат (Королево), однако общие черты в развитии раннепалеолитических индустрий можно проследить в различных регионах палеолитической ойкумены. В этой связи стоит упомянуть типологические наборы раннепалеолитических индустрий таких памятников, как Хай Лодж и Хоксн в Британии, которые также не слишком отличаются от среднепалеолитических (Roberts et al., 1995. P. 169, 179–180; Bosinski, 1996, P. 79–80). Вопрос в том, стоит ли относить эти памятники к ашело, для определения которого существуют четкие критерии, в первую очередь, присутствие разнообразных рубил. Скорее всего, нет. В раннем палеолите существовало такое же разнообразие технокомплексов, как и в последующих эпохах. *«Анализируя роль ашельской индустрии в истории человечества, не следует впадать в крайности: преувеличивать или недооценивать ее. Во-первых, ашельскую индустрию нельзя рассматривать как культурную дефиницию. Не*

которые исследователи под ашелем понимают некий хронологический диапазон; и одни допускают существование в его временных рамках различных индустриальных технокомплексов, а другие считают обязательным наличие на местонахождениях раннего палеолита бифасиальной техники» (Деревянко, 2009. С. 48).

Подтверждение таким выводам мы находим и в индустриях новых раннепалеолитических памятников, открытых в последнее время в разных частях Старого Света. Анализ этих технокомплексов дает все больше аргументов в пользу того, что их типологические характеристики имеют много общего с таковыми для среднего палеолита. При технико-типологической характеристике этих материалов зачастую речь идет о присутствии в наборах скребел, скребков, резцов, зубчатых и выемчатых форм. Следует заметить, что эти типы известны как в обычных, так и в микроиндустриях (Деревянко, 2009). Еще раньше на это явление обратил внимание В. Щелинский, отмечая, что ашельские каменные орудия не были примитивными и полифункциональными, они изготавливались для выполнения конкретных производственных функций (Щелинский, 1994. С. 38–41). Такого же мнения придерживается и В.П. Любин (1998. С. 171).

Скорее всего, для характеристики раннепалеолитических индустрий больше внимания стоит уделять именно технологическому аспекту – системе первичного раскалывания. Речь идет о простых методах: раскалывание без отбойника, однонаправленное, плоскостное параллельное, реже ортогональное. Впервые отмечены случаи радиальной стратегии эксплуатации плоской поверхности нуклеуса.

В последние годы интерес к раннему палеолиту Королево явно возрос. В монографии В.Н. Степанчука «Нижний и средний палеолит Украины» (2006) много места уделяется именно этим материалам. Сразу же отмечаем, что обширная глава об антропологии Украины в нижнем и среднем палеолите никакого отношения как к Королево, так и ко всем остальным, якобы раннепалеолитическим памятникам отношения не имеет. Антропологических остатков этого времени в Украине найдено не было, и подобные разделы есть просто переписыванием специальной литературы. Конечно же, артефакты в Королево изготовил древний человек. Однако кто может сегодня ответить на вопрос: это был Homo erectus, Homo habilis или Homo georgicus.....?

Совершенно неприемлемым есть достаточно свободное обращение с геохронологией раннего палеолита Украины, в том числе и Королево. В. Степанчук предлагает хронологические рамки для этого периода 1 млн – 300 (450/300) тысяч лет назад (Степанчук, 2006. С. 27). Под этим следует понимать возраст раннепалеолитических слоев Королево, так как других стратифицированных памятников в Украине сейчас просто нет. Верхняя дата вызывает более чем удивление, учитывая тот момент, что с подобной датой не отождествляется ни один раннепалеолитический слой Королево. Совсем непонятно звучит следующее заключение: «Литологический слой с находками VII культурно-хронологического комплекса по ТЛ датируется в промежутке 950–750 тлн.» (Степанчук, 2006. С. 29). Если придерживаться ТЛ дат, то слой VII ближе к дате 850 тыс. лет назад. Возможно, автор позаимствовал дату 950 тыс. лет назад для слоя VII из последних работ по стратиграфии Королево (Haesarts, Koulakovska, 2006), но тогда было бы корректно сослаться на соответствующую работу. Дальше в разделе об абсолютном возрасте нижнего и среднего палеолита слой VIII исчезает, а слой VII уже спокойно переходит в OIS 19–17 и «подтверждается ТЛ датой 850 ± 100 тлн (Гладилин, Ситливый, 1990. С. 30, 33)» (Степанчук, 2006. С. 33). Оговорим сразу, что в 1990 г. В. Гладилин и В. Ситливый не писали о кислородно-изотопных стадиях, более того, на указанных страницах речь не идет о возрасте слоя VII. К слову, слой VI Королево у В. Степанчука тоже не получил своей абсолютной даты. Далее по тексту становится еще интереснее. На табл. 12 «OIS 22/2 хронология археологических памятников и местонахождений Украины» слой VIII по-прежнему отсутствует. Полным открытием для нас стало разделение слоя VII на две части. Более того, одна часть уже попадает в OIS 22, а вторая – в OIS 17 с датой 659–712 тыс. лет назад. Слой VI переходит в OIS 13 и получает дату 476–528 (Степанчук, 2006. С. 157–158). В последних публикациях В. Степанчук по-прежнему не может определиться с возрастом нижнепалеолитических слоев Королево. В одном случае он пишет, что «VIII і VII культурно-хронологічні комплекси Королевого I у Закарпатті пов'язані з гюнцським та гюнц-міндельським алювієм», слой VI связан с OIS 13, несуществующий слой V-с с OIS 11 (Степанчук, Сапожніков, 2010. С. 72–73), в другой работе «Нижнепалеолитические материалы были встречены в горизонте гюнцкого алю-

вия, перекрывающих этот аллювий суглинках, а также в миндель-рисской почве» (Степанчук, Рековец, 2010. С. 161). Слой VI в последнем случае исчезает из хронологической колонки, так как его позиция не связана ни с гюнцским аллювием, ни с вышележащими суглинками, ни с миндель-рисской почвой. Дальше продолжать не имеет смысла.

Таких «инноваций» в работах В.Н. Степанчука можно найти еще много, включая датировки нестратифицированных памятников. Он по-прежнему продолжает писать о четырех раннепалеолитических комплексах в Королево, два из которых все так же помещает ниже границы Брюнес–Матуяма (Stepanchuk et al., 2010). Удивление вызывает тот момент, что будучи археологом, Вадим Николаевич меньше всего уделяет внимания именно этому аспекту в изучении стоянки. Его абсолютно не привлекает анализ кремневого инвентаря. Приведенные в его публикациях характеристики материалов с точностью повторяют работы В. Гладилина и В. Ситливого (1990). С другой стороны, отмечается масса манипуляций со стратиграфией и хронологией, о чем уже было сказано выше. Конечно же, можно не соглашаться с выводами постоянных сотрудников Закарпатской палеолитической экспедиции, непосредственных участников раскопок в Королево, однако полное игнорирование их работ, умение использовать опубликованные данные без соответствующих ссылок никак нельзя назвать научным подходом, а тем более новым словом в изучении нижнего палеолита Украины.

К слову сказать, много «нового» в хронологию слоя VI внесено В. Дороничевым и Л. Головановой (Дороничев и др., 2007), что уже было прокомментировано одним из авторов (Кулаковская, 2009).

Совсем недавно в научный оборот были введены материалы еще одного «раннепалеолитического памятника» **Меджибож** на Южном Буге в Хмельницкой области (Пясецкий, 2001; Рековец, 2001; Степанчук, 2006, 2009).

Само местонахождение известно давно как памятник палеонтологический. Первые палеолитические артефакты были здесь обнаружены В. Пясецким, он же и проводил небольшие раскопки. Толща четвертичных отложений, которые залегают на гранитах, достигает почти 5 м. Собственно в подошве отложений и были отмечены каменные поделки. Коллекция невелика, судя по иллюстрациям, технико-типологический облик нахо-

док неясен. В.К. Пясецкий отнес их к среднему ашелю, датировав лихвинским временем (Пясецкий, 2001. С. 131–133). В 2000–2001 гг. экспедицией Нежинского педагогического института под руководством д-ра биол. наук Л. Рековца было найдено еще три предмета. Речь идет об отщепе, пластине и фрагменте из кремня. Мы имели возможность ознакомиться именно с этими находками, дать им предварительное определение и, собственно, проиллюстрировать (Рековец, 2001. С. 136). Отщеп, найденный «*непосредственно на гранитах, в самом основании аллювия*» (Рековец, 2001. С. 136), окатан. По своим технико-морфологическим признакам он может быть отнесен как к раннему, так и к среднему палеолиту. Интерпретировать этот отщеп как ашельский (Рековец, 2001. С. 136) некорректно. Два других предмета (отщеп и фрагмент пластины) были подняты «*в осыпи лессово-почвенной серии*» (Рековец, 2001. С. 137). Они также не есть диагностичными и возможны как в среднем, так и в верхнем палеолите. Итак, стратиграфическая позиция артефактов, найденных В. Пясецким и Л. Рековцом не скоррелирована, неизвестно истинное положение в профиле и на плане изделий, обнаруженных Л. Рековцом. Памятник пока что не исследован археологически. Не подвергая сомнению истинный возраст этого **палеонтологического** памятника, мы считаем, что сегодня нет никаких оснований однозначно относить местонахождение Меджибож к раннему палеолиту, тем более к ашелю. Не прояснили ситуацию с корреляцией материала из разных исследованных участков и собранных в осыпях и последние, посвященные Меджибожу публикации и предоставленные в них иллюстрации. Не совсем понятен и термин «*модифіковані камені*» (Степанчук, Рековец, 2010; Степанчук, Рижов и др., 2010). Было бы неплохо в публикациях также указывать местонахождение проиллюстрированных артефактов.

Непоротово VI на Днестре. Не так давно была опубликована очередная якобы раннепалеолитическая индустрия из местонахождения Непоротово (Ридуш, Степанчук, 2000). В районе этого села давно известна группа верхнепалеолитических стоянок (Береговая, 1960. С. 11; Черныш, 1973. С. 80–81; Археологічні пам'ятки ... 1981. С. 75–76). Коллекции содержат кремневые поделки мало диагностичные в рамках палеолита (нуклеусы, отщепы, пластины, невыразительные, чаще, неопределимые орудия). В районах, изобилующих каменным

сырьем, каковым есть все Среднее Поднестровье, следует относиться с большой осторожностью к лишенным стратиграфии каменным находкам. Зачастую именно в таких местах существовали места обработки каменного сырья на протяжении длительного отрезка времени (от палеолита до эпохи палеометаллов). Присутствие их на поверхности самых высоких террас еще не есть доказательством их древности. К тому же каменные артефакты неолита–энеолита бронзы очень часто выглядят еще более архаичными.

Малый Раковец IV в Закарпатье. Четвертичные отложения на стоянке достигают 1,8 м. Геологическая ситуация здесь абсолютно идентична таковой на Рокосовских пунктах, а также современному состоянию на отдельных участках сектора Бейвар в Королево (Гладилин и др. Отчет 1982 г.). Малый Раковец IV находится на высоких террасовых уровнях (более 200 м) левого берега Тисы, разрушенных и разрушаемых эрозионными процессами, как в древности, так и сейчас. Стратиграфический разрез на стоянке очень маломощный, почвенные горизонты практически накладываются один на другой, вышележащие по затекам и трещинам попадают в нижележащие седименты (Рыжов и др., 2009. С. 62–63). Археологический материал на стоянке смешан. Имея опыт расчленения подобных участков в Королево, можно с уверенностью сказать, что определить в таком разрезе стратиграфическую позицию археологических слоев очень сложно, практически невозможно. Не вполне ясный разрез, отмеченный на стенке одного квадрата при отсутствии четкой стратиграфии на остальной раскопанной площади и данных корреляции разрезов, не делает стоянку автоматически стратифицированной. Более корректным представляется вывод первооткрывателя и исследователя этого памятника В. Ситливого: «*В нижней части второй ископаемой почвы на контакте с делювием коры выветривания найдены обсидиановые и кварцитовые поделки. Изделия переотложены. Более древние отложения, в которых они первоначально залежали, были смыты, а оставшиеся находки просели на коренные породы*» (Ситливый, 1989. С. 150–151). На этой стоянке более-менее четко выделяется лишь один среднепалеолитический слой II (культурно-хронологический комплекс II по С. Рыжову), коллекция которого выглядит относительно гомогенной. Ситуация с культурно-хронологическими комплексами на этой стоянке абсолютно аналогична таковой в Королево. Комплексы формируются, преимущественно, на основании

визуального наблюдения за степенью сохранности обсидианов. Относить этот памятник к раннему палеолиту пока нет никаких оснований. Зафиксированные в завадовской почве на разных уровнях обсидиановые поделки невыразительны и не составляют каких-либо типологических групп (Рыжов и др., 2009). К слову сказать, они никогда и не были опубликованы. Более того, здесь же в этих отложениях отмечены естественные фрагменты туфа и обсидиана (Рыжов и др., 2009. С. 63, 71).

Маслово 5в в бассейне Южного Буга. Несколько кремневых предметов найдено в верхах завадовской почвы. Это режущее-рубящее изделие, скребло и несколько сколов (Степанчук и др., 2009. С. 116). Не совсем понятно, почему эти находки должны относиться к раннему палеолиту.

Для отнесения этих памятников (Меджибож, Малый Раковец IV, Непоротово VI, Маслово 5в) к раннему палеолиту необходимо их комплексное изучение и более аргументированная интерпретация.

Как следует из всего сказанного выше, достоверный ранний палеолит в Украине сегодня

представлен материалами слоя VII и VI стоянки Королево в Закарпатье. Хронологически они относятся к OIS 23/25 и OIS 14. В культурном плане в рамках раннего палеолита их можно отнести к Mode 1 (технокомплекс без рубил).

Благодарности: Авторы приносят искреннюю благодарность проф. Полю Эзартсу (Бельгия) и д-ру геогр. наук Н.П. Герасименко за совместные работы и многочисленные консультации. Работа подготовлена в рамках программы INTAS 96-0072 и INTAS Réseau-087996-0072.

Резюме

Статья посвящена проблемам раннего палеолита Украины. По мнению авторов в настоящее время с уверенностью к этой эпохе можно отнести материалы слоев VII и VI многослойной стратифицированной стоянки Королево в Закарпатье.

Хронологически они относятся к OIS 23/25 и OIS 14. В культурном плане в рамках раннего палеолита их можно отнести к Mode 1 (технокомплекс без рубил).

Литература

- Адаменко О.М., Гродецькая Г.Д., 1987. Антропоген Закарпаття. Кишинев.
- Адаменко О.М., Адаменко Р.С., Гладиллин В.Н., Гродецькая Г.Д., Левковская Г.М., Пашикевич Г.А., Поспелова Г.А., Солдатенко Л.В., Шелкопляс В.Н., 1989. Палеолитическое местонахождение Королево в Закарпатье // БКИЧП. 58. С. 5–25.
- Археологічні пам'ятки Прикарпаття та Волині кам'яного віку, 1981. Київ.
- Береговая Н.А., 1960. Палеолитические местонахождения СССР // МИА. М.; Л. № 81.
- Герасименко Н.П., 2006. Динамика палеоэкологических обстановок на стоянке Сокирница (Закарпатье) // Европейський середній палеоліт. Київ. С. 132–152.
- Гладиллин В.Н., 1985. Ранний палеолит // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 1. С. 12–54.
- Гладиллин В.Н., 1989. Проблемы раннего палеолита: дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. доклада. Новосибирск.
- Гладиллин В.Н., Ситливый В.И., 1990. Ашель Центральной Европы. Київ.
- Деревянко А.П., 2009. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск.
- Доронищев В.Б., Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Блэквелл Б.А., Гарутт Н.В., Левковская Г.М., Молодков А.Н., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Хоффекер Д.Ф., 2007. Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб..
- Ефименко П.П., 1953. Первобытное общество. Киев.
- Кулаковская Л.В., 1989. Мустьерские культуры Карпатского бассейна. Киев. 124 с.
- Кулаковская Л.В., 1999. Палеолитические местонахождения в районе Королево // Археологический альманах. Донецк. № 8. С. 153–158.
- Кулаковська Л.В., 2002. Деякі аспекти господарства середньопалеолітичних поселенців Королево: сировинні ресурси комплексу II // Археологія. Київ. № 2. С. 19–25.

- Кулаковська Л.В., 2003а. Середньопалеолітичні варіації на заході України // Варіабельність середнього палеоліту України. Київ. С. 10–32.
- Кулаковская Л.В., 2003б. Новые аспекты в исследовании Королево // Археологический альманах. Донецк. № 13. С. 158–170.
- Кулаковская Л.В., 2009. Королево: хронология раннего и среднего палеолита // С.Н. Бибииков и первобытная археология. СПб. С. 87–101.
- Кулаковская Л.В., Усик В.И., 2010. Несколько замечаний к интерпретации стоянки королево (Украина) // Карабах в каменном веке. Баку. С. 174–184.
- Любин В.П., 1984. Ранний палеолит Кавказа // Археология СССР. Палеолит СССР. М. С. 45–94.
- Любин В.П., 1998. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.
- Пашкевич Г.О., 1984. Природне середовище в епоху палеоліту – мезоліту на території України // Археологія. Київ. 47. С. 1–13.
- Пясецкий В.К., 2001. Среднеашельское местонахождение Меджибож // Vita Antiqua. Київ. № 3–4. С. 125–133.
- Рековец Л.И., 2001. Териофауна и материальная культура местонахождения Меджибож // Vita Antiqua. Київ. № 3–4. С. 135–137.
- Рідуш Б., Степанчук В., 2000. Непоротове VI, нове місцезнаходження домустьєрського часу на Дністрі (попереднє повідомлення) // АС. Чернівці. Вип. 1. С. 194–200.
- Рыжов С.Н., Матвишина Ж.Н., Пудовкина А.С., Левчук П.А., 2009. Стратиграфические и планиграфические исследования палеолитической стоянки Малый Раковец на Закарпатье // Vita Antiqua. Київ. № 7–8. С. 60–72.
- Ситливый В.И., 1989. Раннепалеолитические комплексы Малого Раковца в Закарпатье // Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев. С. 146–154.
- Солдатенко (Кулаковская) Л.В., 1982. Мустье Тисо-Дунайского бассейна: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Степанчук В.Н., 2006. Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы.
- Степанчук В.Н., Рыжов С.Н., Матвишина Ж.Н., Кармазиненко С.П., 2009. Новые данные к изучению палеолитических памятников в бассейне Южного Буга // С.Н. Бибииков и первобытная археология. СПб. С. 115–120.
- Степанчук В.Н., Рековец Л.И., 2010. Нижний палеолит Украины // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб. С. 136–160.
- Степанчук В.М., Сапожников І.В., 2010. Природа і Людина в середньому й верхньому плейстоцені України: основні тренди заселення та культурної динаміки // Кам'яна доба України. Київ. 13. С. 72–85.
- Степанчук В.М., Рыжов С.М., Матвишина Ж.М., Кармазиненко С.П., 2010. Поновлення робіт на місцезнаходженні Меджибіж: результати 2008–2009 рр. // Кам'яна доба України. Київ. 13. С. 33–45.
- Усик В.И., 2006. Королево. Новые аспекты исследований культурного слоя V // Европейский средний палеолит. Київ. С. 50–78.
- Усик В.И., 2009. Хроностратиграфия раннего среднего палеолита (Королево, слой V) // С.Н. Бибииков и первобытная археология. СПб. С. 101–109.
- Черныш А.П., 1973. Палеолит и мезолит Приднестровья. М.
- Щелинский В.Е., 1994. Каменные орудия труда ашельской эпохи из пещеры Азык // Экспериментально-трассологические исследования в археологии. СПб. С. 3–41.
- Щелинский В.Е., Кулаков С.А., 2007. Богатыри (Синяя Балка) – раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // РА. № 3. С. 7–18.
- Adamenko O.M., Gladiline V.N., 1989. Korolevo – un des plus anciens habitats acheuléens et moustériens de Transcarpatie soviétique // L'Anthropologie. Paris. T. 93, n. 4. P. 689–712.
- Bogutski A., Lanczont M., 2002. Loess stratigraphy in the Halyč Prydnistrovja region // Loess and Palaeolithic of the Dniester River Basin, Halyč Region (Ukraine). Cracow. P. 366–373. (Studia Geologica Polonica; vol. 119).
- Bosinski G., 1996. Les origines de l'homme en Europe et en Asie: Atlas des sites du Paléolithique inférieur. Paris.
- Gladilin V.N., Sitlivyj V.I., 1990. Genesis of Levallois Technique in Transcarpathie // Revue d'Archéologie et de Paléontologie. N 9. P. 23–43.

- Gobert E.G., 1914. Introduction à la Palethnologie tunisienne // Cahiers d'Archéologie Tunisienne. P. 125–172.
- Haesaerts P., Koulakovska L., 2006. La séquence pédosédimentaire de Korolevo (Ukraine transcarpatique): contexte chronostratigraphique et chronologique // Европейський середній палеоліт. Київ. С. 21–37.
- Koulakovskaya L., Kozlowski J.K., Sobczy K., 1993. Les couteaux Micoquines du Wurm ancien // Préhistoire Européenne. Liege. Vol. 4. P. 9–32.
- Koulakovskaya L., Usik V., 2008. Early Paleolithic of Korolevo site (Transcarpathian, Ukraine) level VII // Древнейшие миграции человека в Евразии. Новосибирск. С. 260–267.
- Koulakovska L., Usik V., Haesaerts P., 2010. Early Palaeolithic of Korolevo site (Transcarpathian, Ukraine) // Quaternary International. 223–224. P. 116–130.
- Kozlowski J.K., 1990–1991. Le Charantien d'Europe Centrale et la place de la technique Pontienne // Quaternaria Nova. 1. P. 605–620.
- Pécsi M., 1985. Chronostratigraphy of Hungarian loesses and the underlying subaerial formation // Loess and the Quaternary. Budapest. P. 33–49.
- Raymond P., 1904. Commentaire a la communication de M. Ballet sur la découverte de silex taillés pliocenes a Saint-Hilaire-en-Liguieres (Cher) // B.S.P.F. T. 1. P. 23–34.
- Roberts M.D., Gamble C.S., Bridgland D.R., 1995. The earliest occupation of Europe: the British Isles // The Earliest Occupation of Europa. Leiden. P. 165–191.
- Shackelton N.J., Berger A., Peltrier W.R., 1990. An alternative astronomical calibration of the lower Pleistocene timescale based on ODP Site 677 // Transaction of the Royal Society of Edinburg: Earth Sciences. 81. P. 251–261.
- Stepanchuk V.N., 2008. Medzhibozh, Ukraine: Early Middle Pleistocene of human dispersal at the East European Plain // Древнейшие миграции человека в Евразии. Новосибирск. С. 291–301.
- Stepanchuk V., Ryzhov S., Rekovets L., Matviishina Zh., 2010. The Lower Palaeolithic of Ukraine: Current evidence // Quaternary International. 223–224. P. 131–143.
- Usik V., 1989. Korolevo–transition from Lower to Upper Palaeolithic according to reconstruction data // Anthropologie. 27 (2–3). P. 179–213.

Архивные материалы

- Гладилін В.Н., Солдатенко Л.В., Ситливый В.И., Кухарчук Ю.В., Ткаченко В.И., 1983. Отчет о работах Закарпатской палеолитической экспедиции в 1982 г. // Научный архив ИА НАНУ. Ф. е. 20467.
- Гладилін В.Н., Кухарчук Ю.В., Ситливый В.И., Ткаченко В.И., Усик В.И., 1985. Отчет о работах Постояннодействующей палеолитической экспедиции Археологического музея Института зоологии АН УРСР за 1984 г. // Научный архив ИА НАНУ. Ф.е. 21400.
- Гладилін В.Н., Ситливый В.И., Демиденко Ю.Э., Кухарчук Ю.В., Ткаченко В.И., Усик В.И., 1986. Отчет о работах Постояннодействующей палеолитической экспедиции Археологического музея Института зоологии АН УРСР за 1985 г. // Научный архив ИА НАНУ. Ф.е. 1985/121.
- Гладилін В.Н., 1986. Полевой дневник Закарпатской палеолитической экспедиции 1986 г. № 1.

Список сокращений

- АС — Археологічні студії. Чернівці
БКИЧП — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. Москва
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
РА — Российская археология. Москва
СА — Советская археология. Москва
B.S.P.F. — Bulletin de la Société préhistorique française. Paris

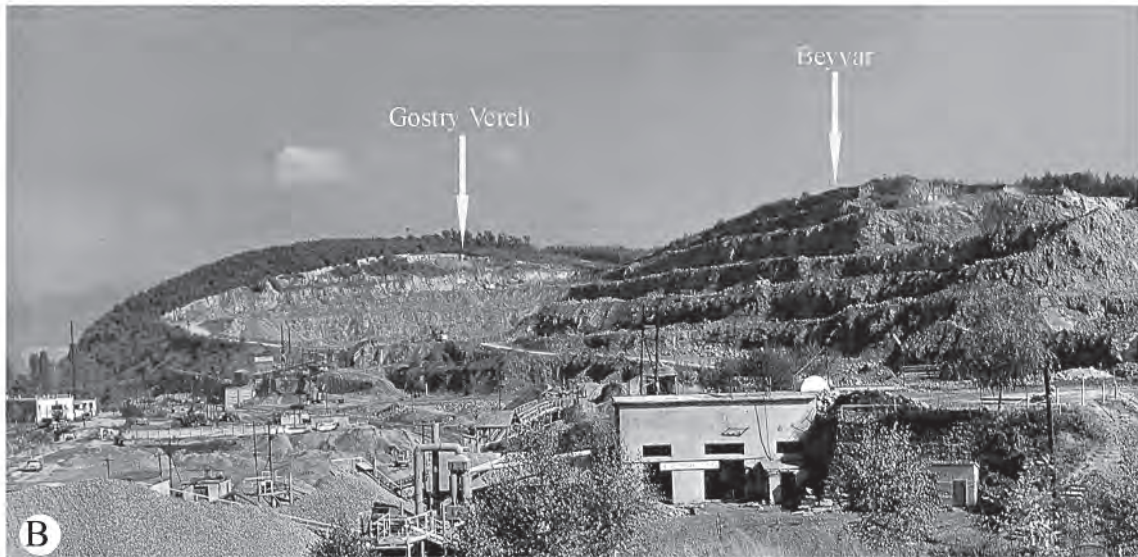
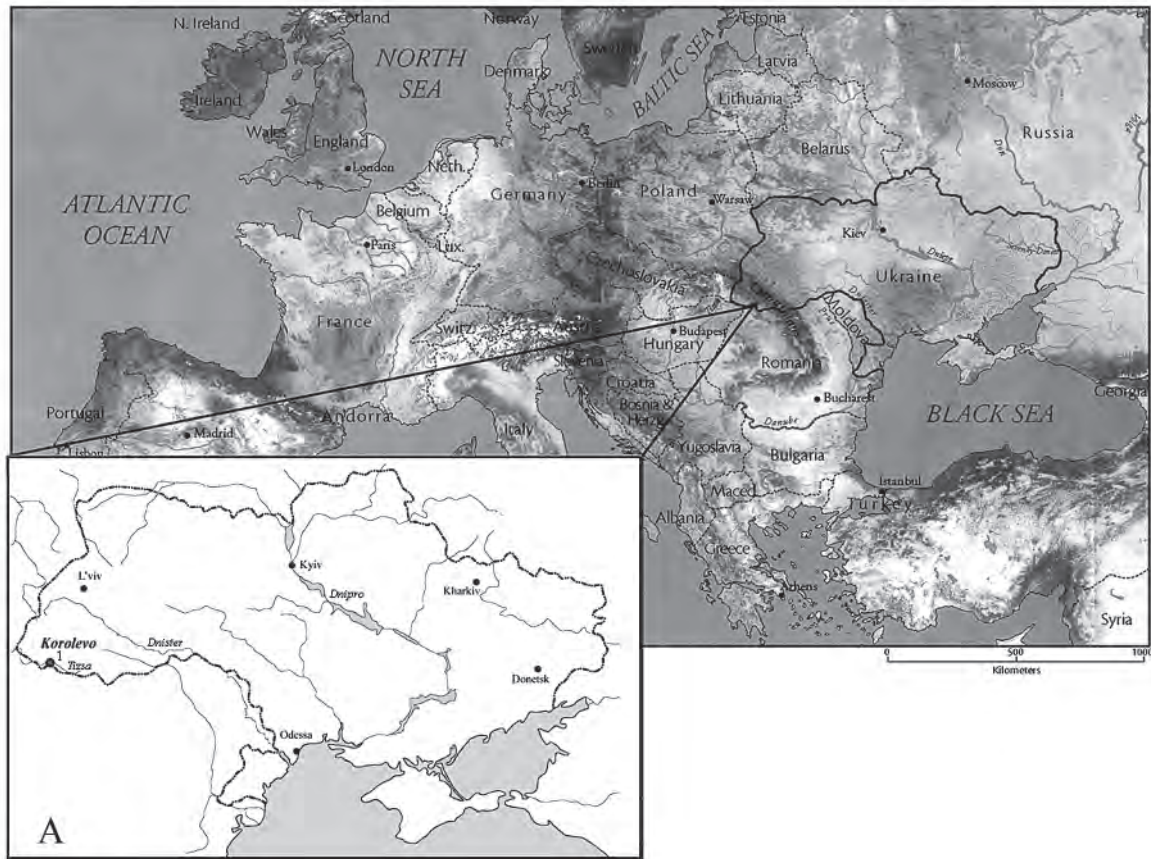

Рис. 1. А – карта Европы и Украины; 1 – местонахождение Королево; В – общий вид стоянки Королево I

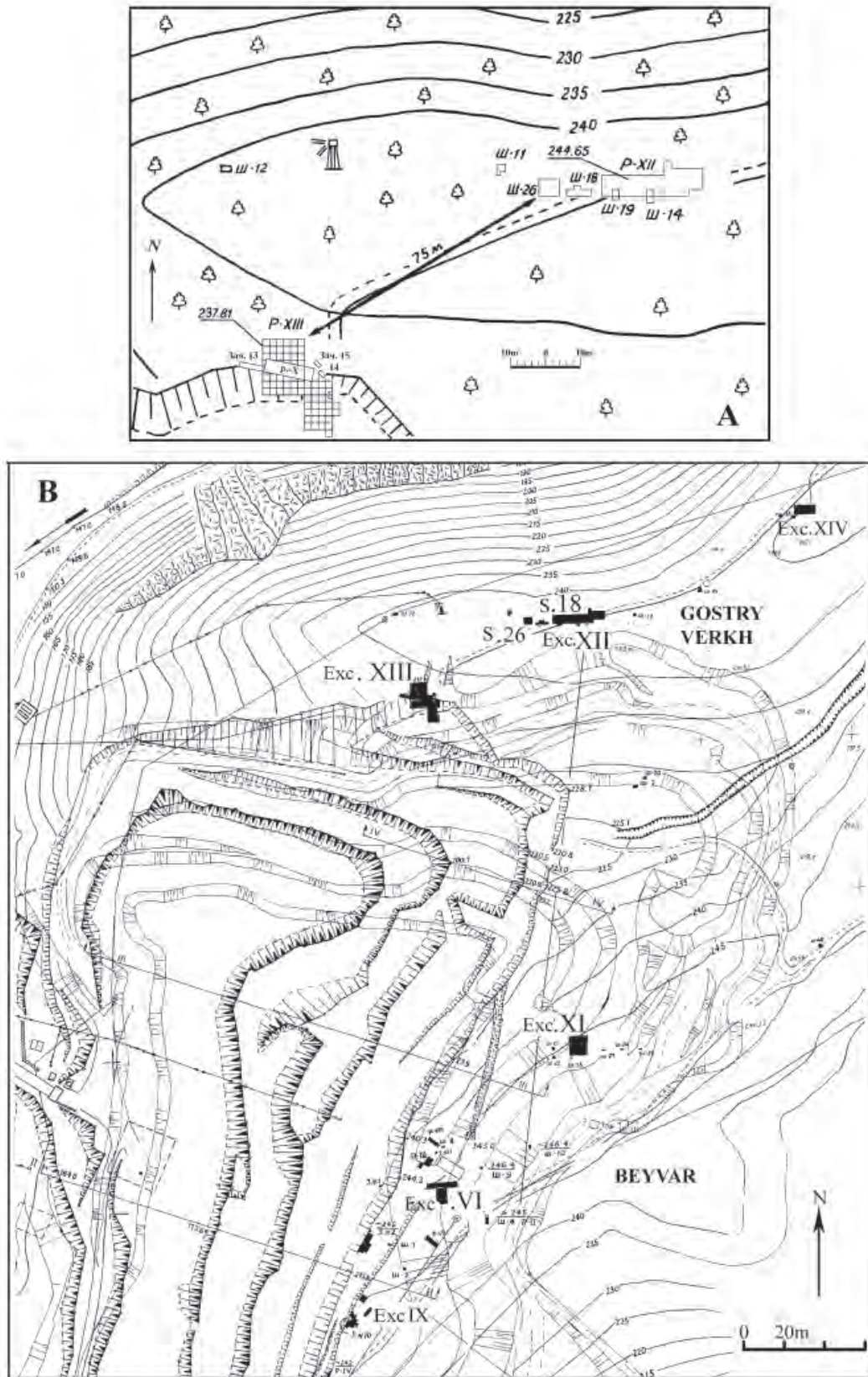

Рис. 2. А – план сектора Гострый Верх; В – общий план стоянки Королево I

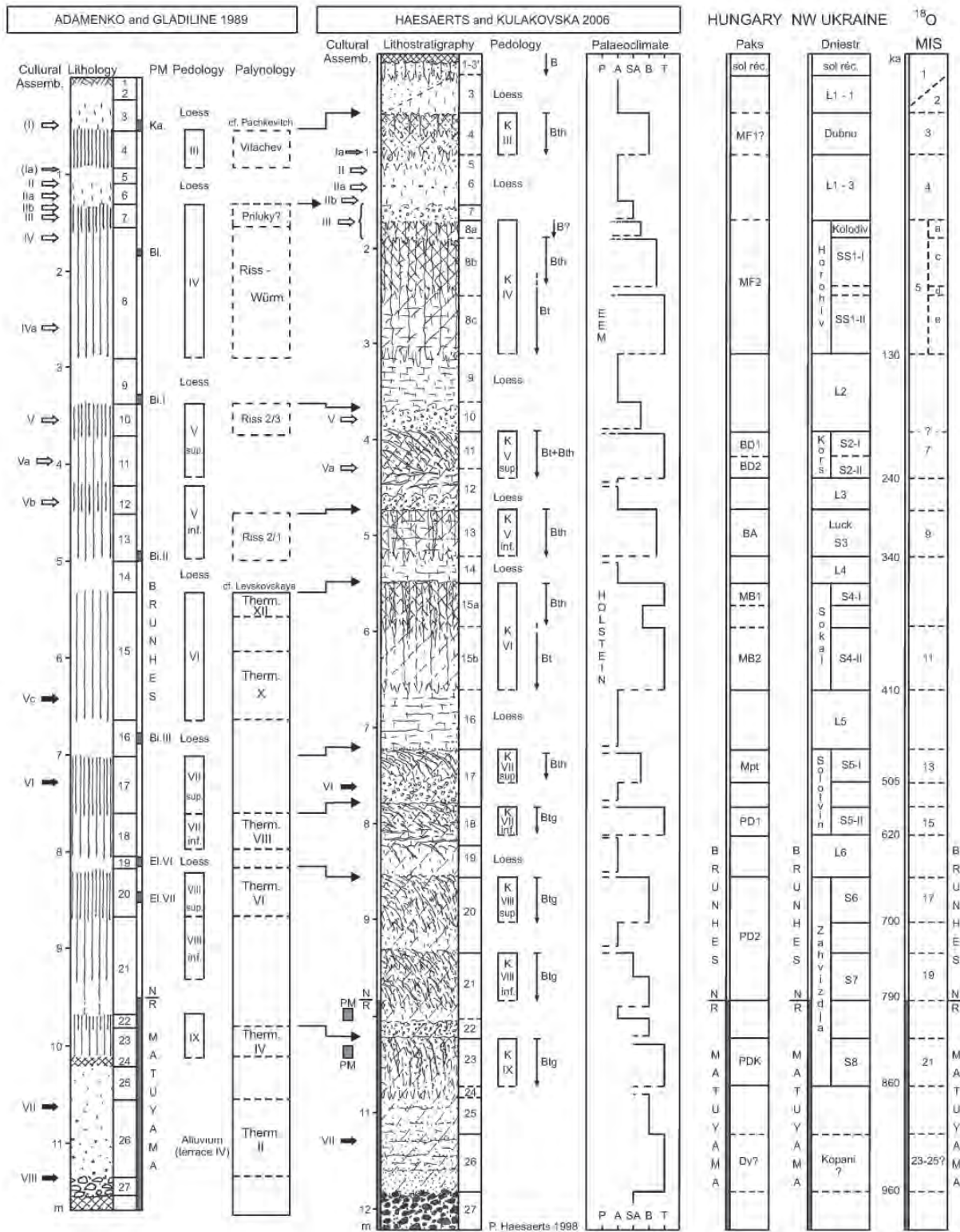

Рис. 3. Лессово-почвенный разрез Королево, скоррелированный с лессовыми разрезами Венгрии (Récsi, 1985), северо-западной Украины (Bogutski, Lanczont, 2002) и морскими изотопными стадиями ODP Site 677 (Shackleton et al., 1990). Обозначения: маленькая белая стрелка – ранний верхний палеолит; большая белая стрелка – средний палеолит; черная стрелка – ранний палеолит; P – перигляциальный; A – арктический; SA – субарктический; B – boreальный; T – умеренный

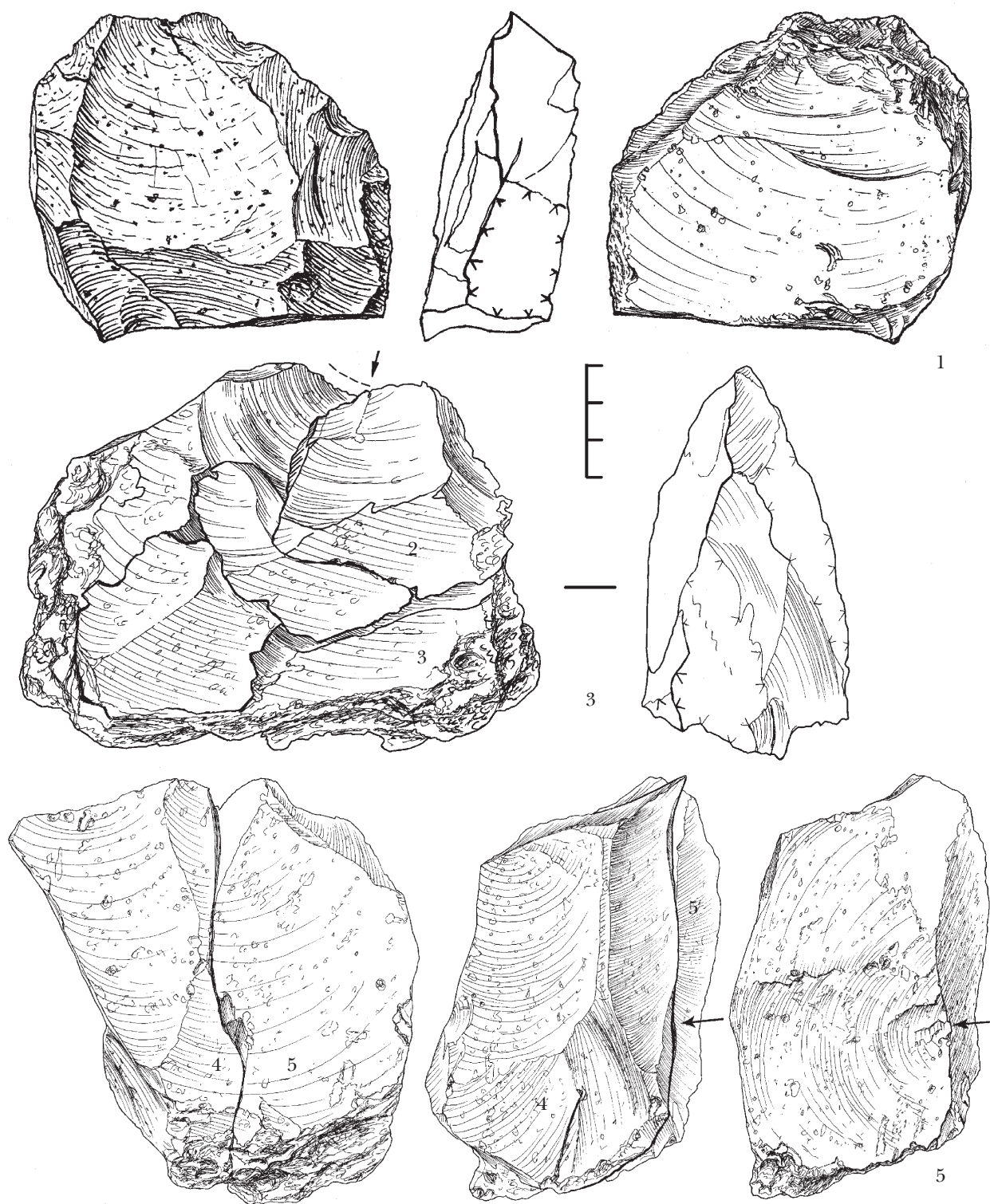

Рис. 4. Королево, раскоп IX, слой VI. Нуклеусы (андезит)

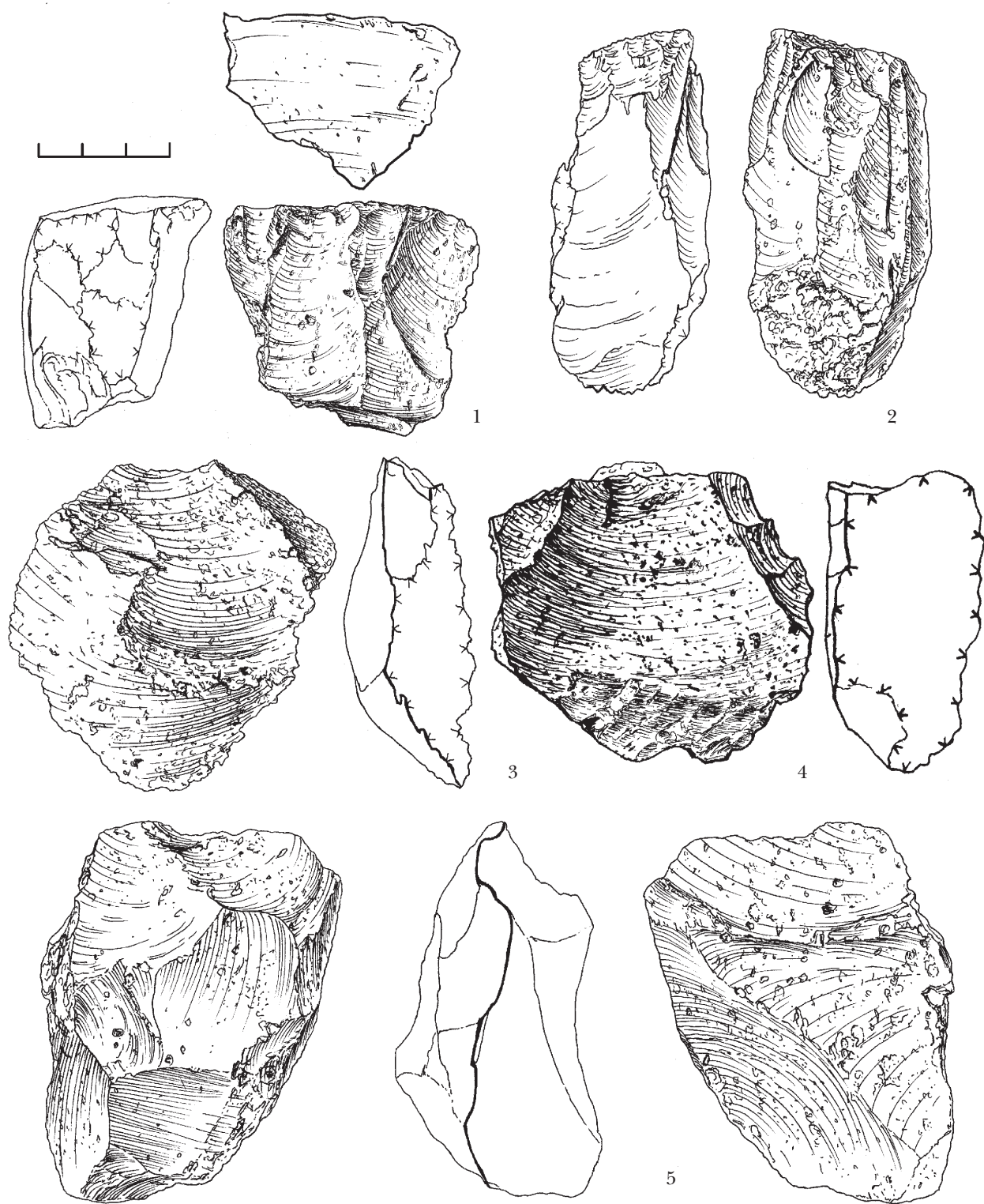

Рис. 5. Королево, раскоп IX, слой VI. Нуклеусы (андезит)

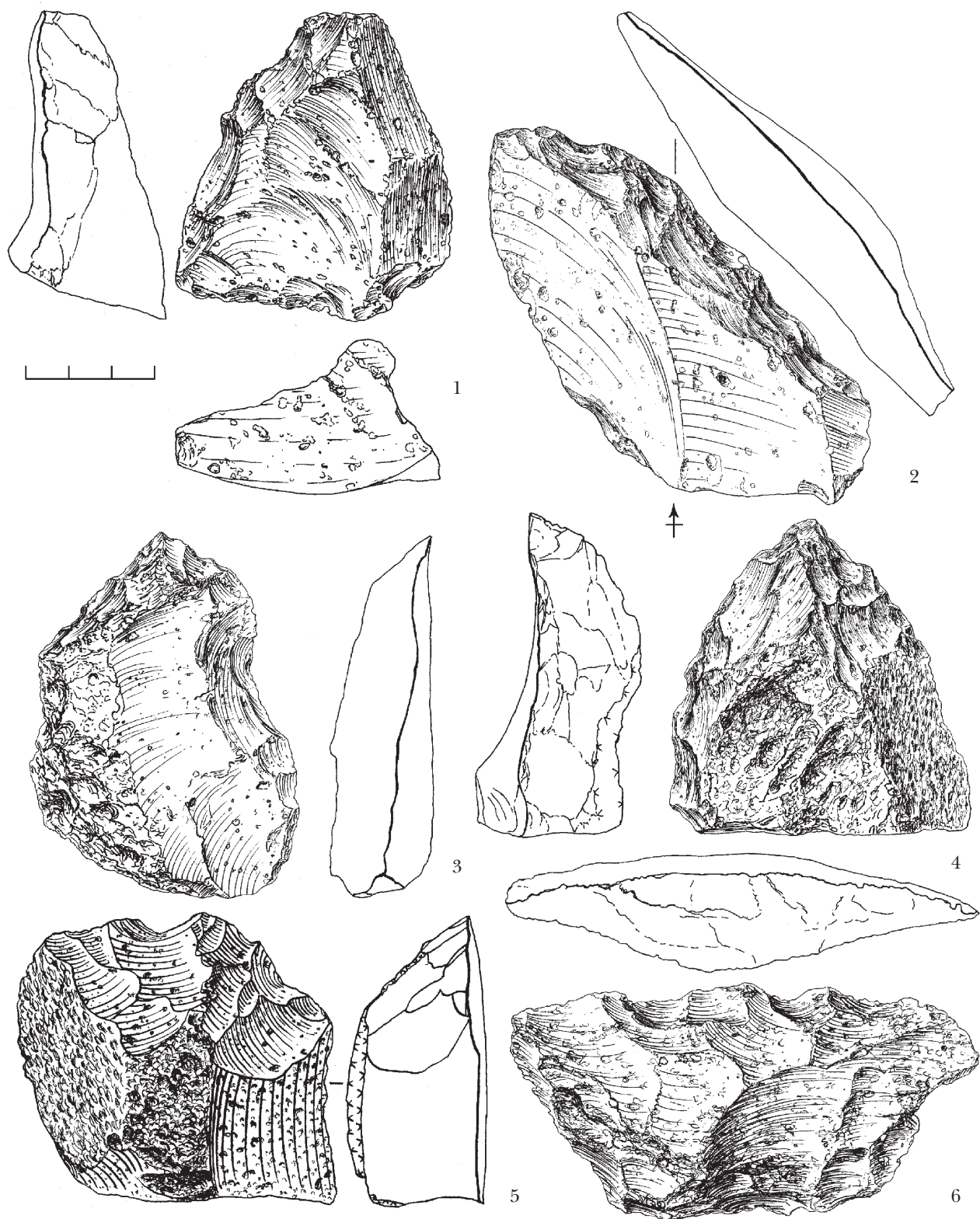

Рис. 6. Королево, раскоп IX, слой VI. Орудия (андезит)

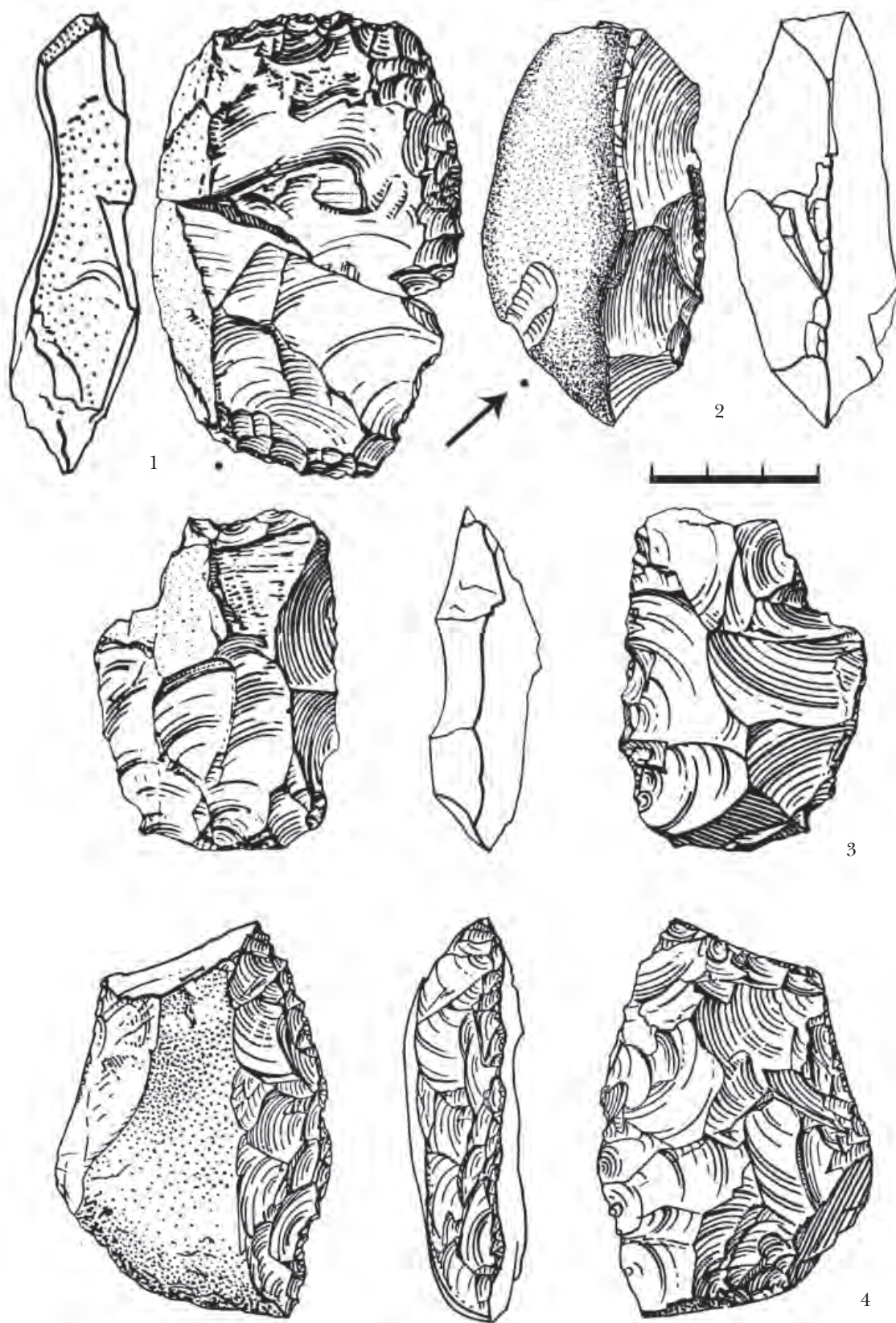

Рис. 7. Королево, раскоп IX, слой VI. Орудия: 1 – песчаник; 2 – сланец; 3, 4 – яшма?

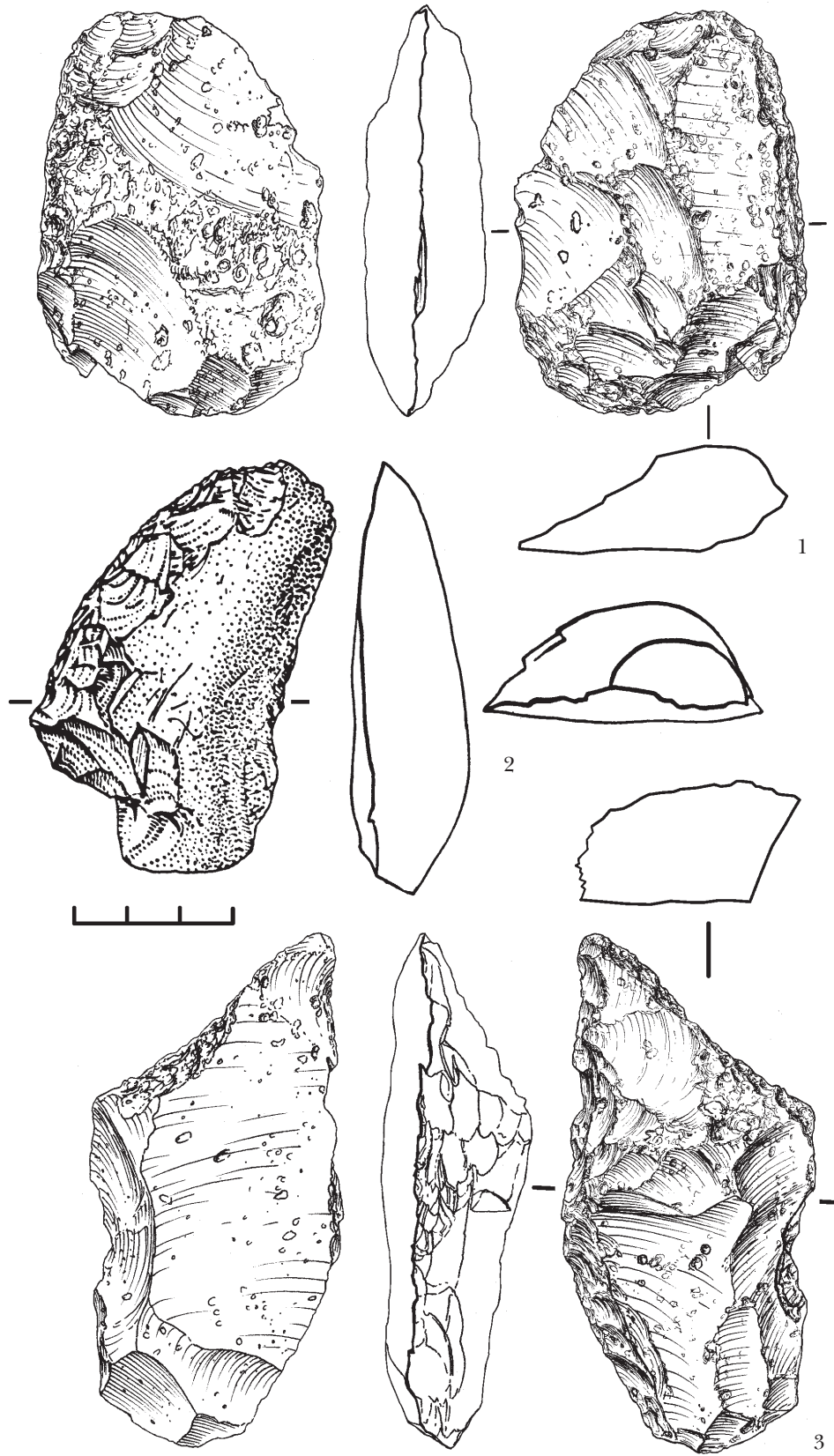

Рис. 8. Королево, раскоп IX, слой VI. Орудия: 1, 3 – андезит; 2 – песчаник

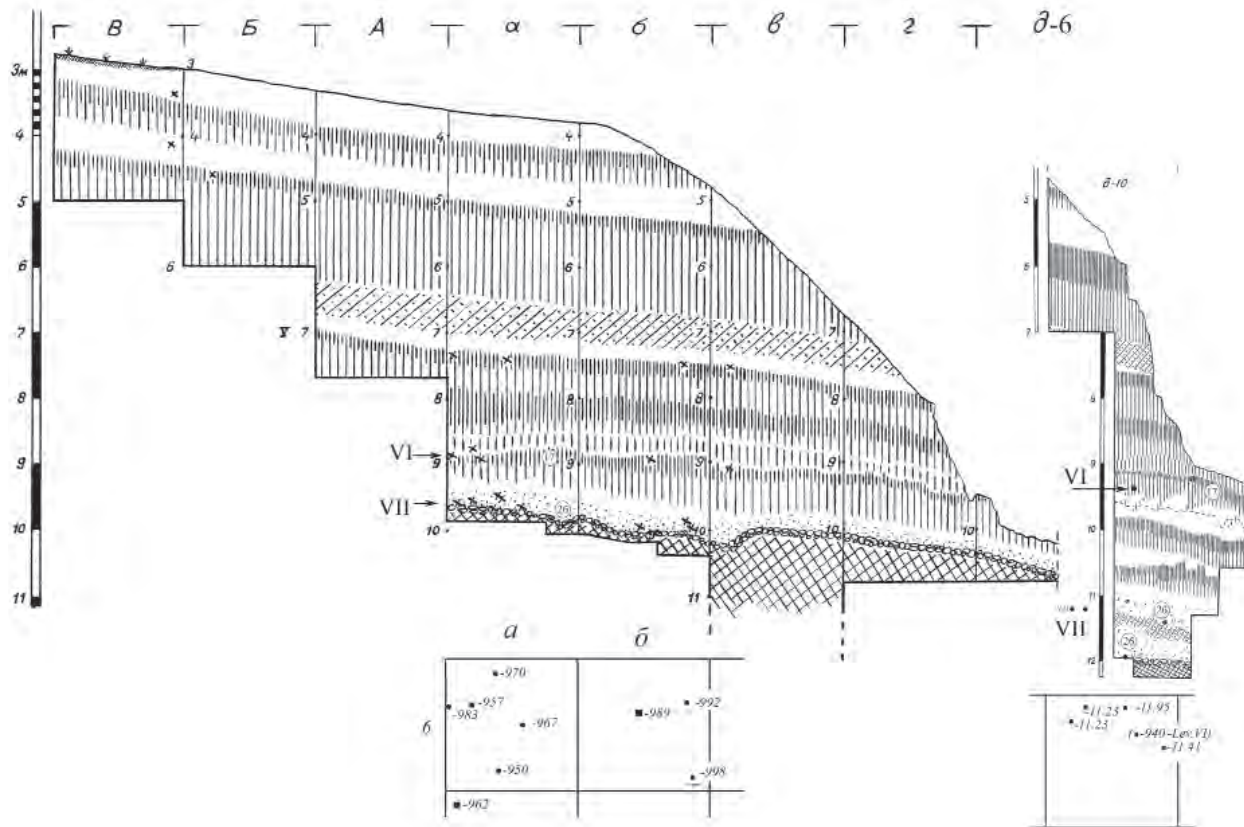

Рис. 10. Королево, раскоп XIII: профиль восточной стенки и план слоя VII

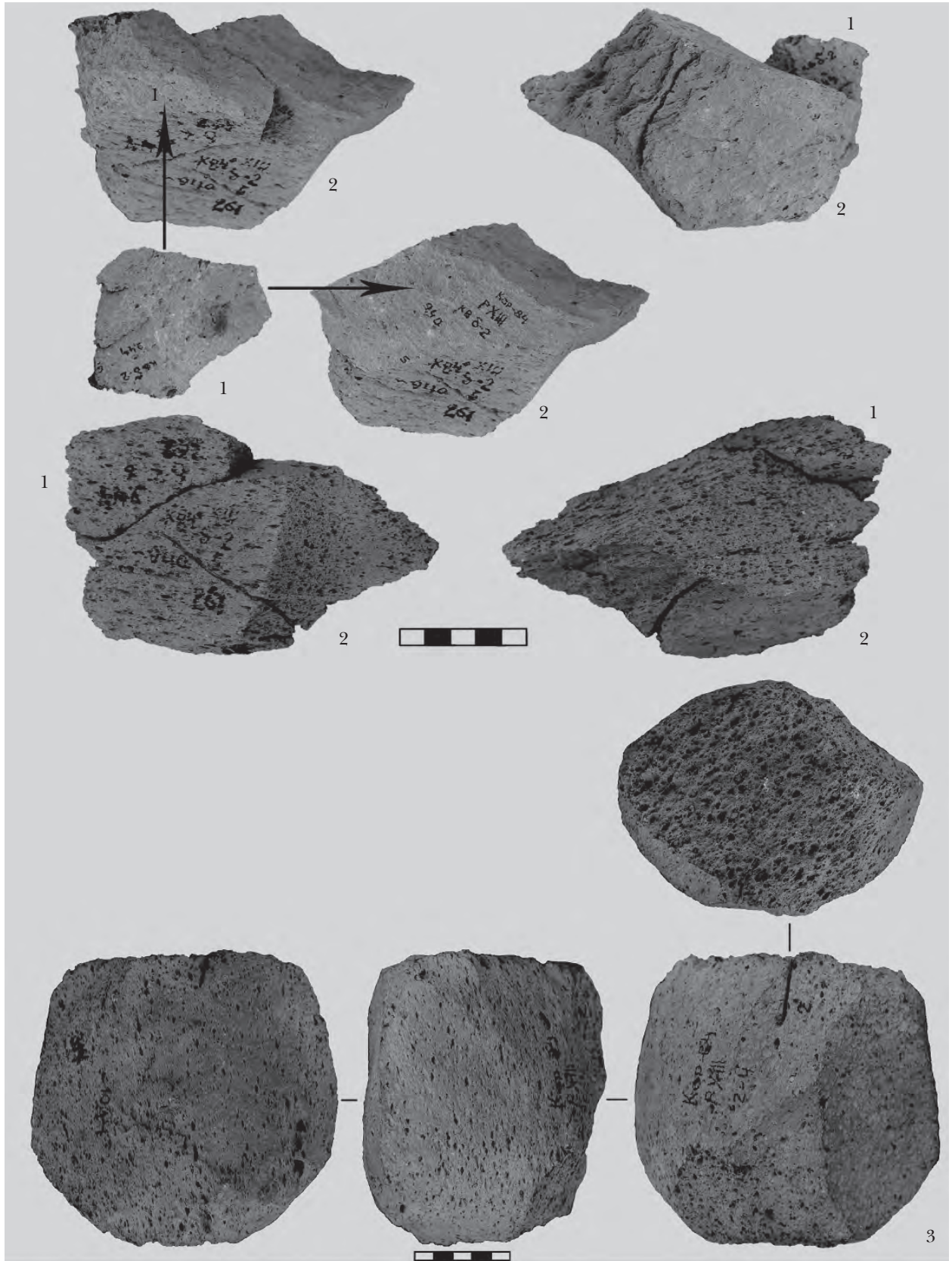

Рис. 11. Королево, раскоп XIII, слой VII: 1 – обломок-отщеп; 2 – обломок-нуклеус; 3 – полиэдр (андезит)

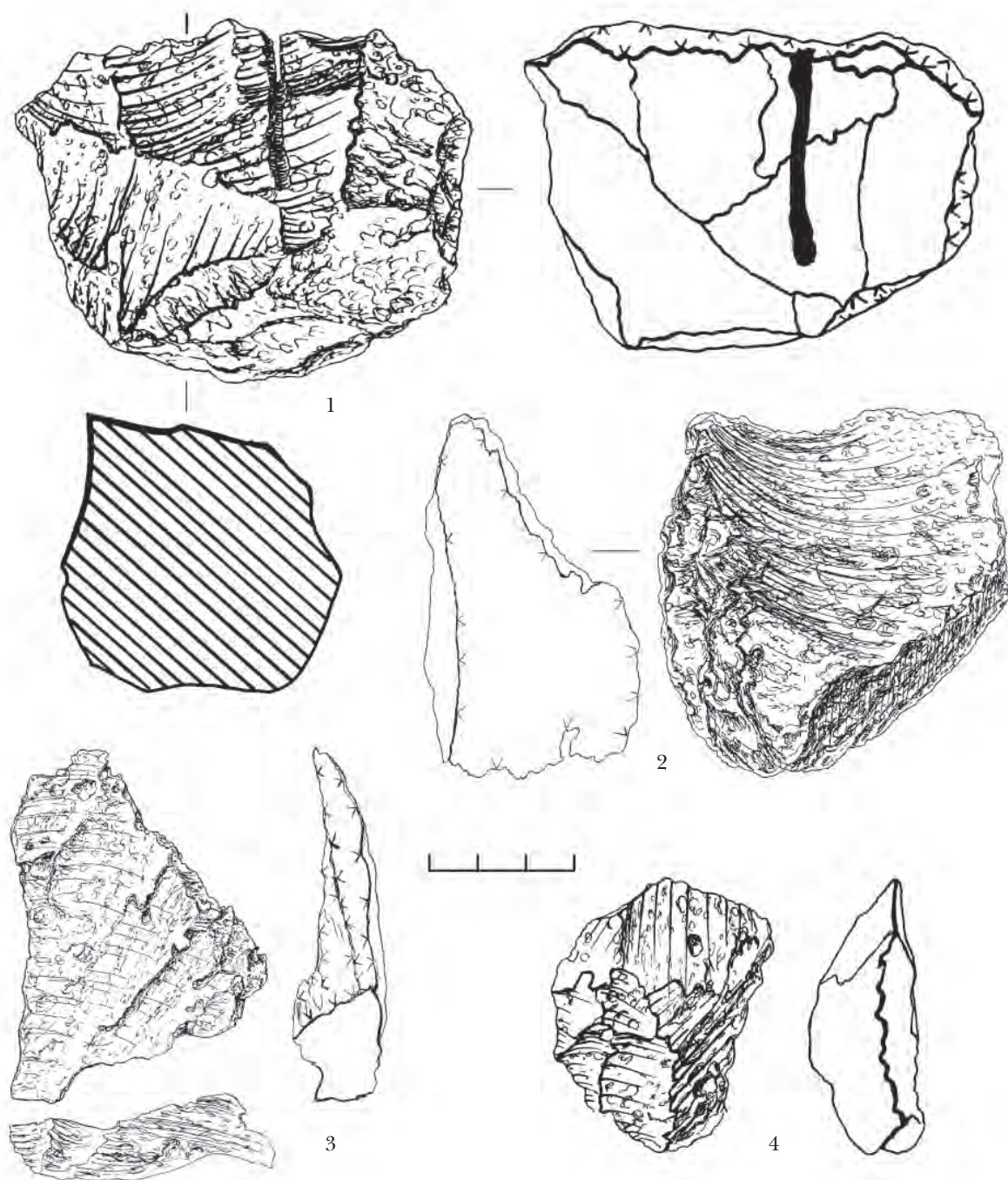

Рис. 12. Королево, раскоп XIII, слой VII: 1, 2 — нуклеусы; 3, 4 — отщепы (андезит)

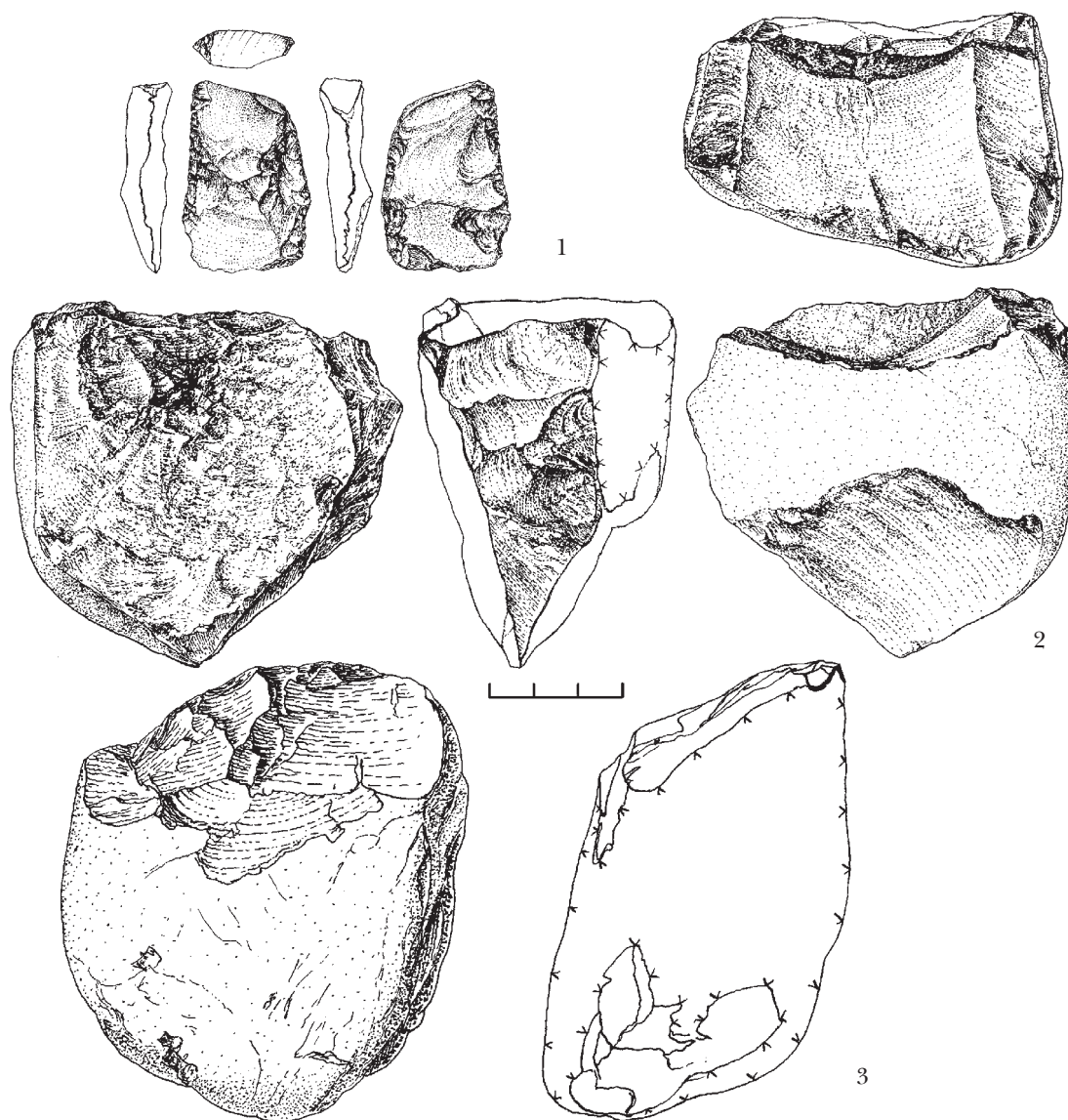

Рис. 13. Королево, раскоп XIII, слой VII: 1 — фрагмент двустороннего орудия (кварцит); 2 — нуклеус (кварцит); 3 — чоппер (кварц)

Новая раннепалеолитическая стоянка на Таманском полуострове (Южное Приазовье)

*В.Е. Щелинский**

В последние годы на Северном Кавказе и в Южном Приазовье были открыты весьма древние раннепалеолитические стоянки, датируемые ранним плейстоценом (эоплейстоценом) (Амирханов, 2007; Деревянко, 2009; Деревянко, Амирханов, Зенин, 2006; Деревянко, Зенин, 2008; Щелинский, 2010; Щелинский и др., 2003, 2004, 2008; Щелинский, Кулаков, 2007, 2008; Shchelinsky et al., 2008, 2010). Эти открытия имеют исключительно важное значение, так как показывают, что древнейшие люди начальной поры раннего палеолита обитали не только в южных широтах в Африке, Южной Европе, Передней и Юго-Восточной Азии и в Южном Закавказье, но и в умеренной зоне Евразии. Выявлению столь древних стоянок первобытных людей на территории России, несомненно, способствовало то, что археологи перешли к целенаправленным поискам таких стоянок и стали больше внимания уделять обследованию наиболее древних плейстоценовых, а также позднеплиоценовых субаэральных и субаквальных (береговых) отложений, в которых ранее исключалась возможность обнаружения следов человеческой деятельности.

В 2008 г. в ходе исследований геологических разрезов плиоцен-четвертичных отложений вдоль берега Азовского моря на Таманском полуострове нами была открыта новая раннепалеолитическая стоянка, названная Кермек (первоначальное название — Родники. Береговой участок). Предварительный анализ геологической ситуации этой стоянки позволяет предполагать, что она древнее расположенных поблизости от нее раннепалеолитических стоянок Богатыри / Синяя Балка и Родники, имеющих среднеапшеронский возраст (Shchelinsky, Tesakov, Titov, 2010. P. 148), так как залегает в более древних отложениях

позднего кувальника, относимого до недавнего времени к плиоцену, а ныне включенного в состав четвертичной системы.

Стоянка Кермек находится в 25 км к западу от г. Темрюка вблизи пос. За Родину Темрюкского района Краснодарского края, в 250 м к востоку от устья Синея балки и в 150 м к западу от стоянки Родники в береговой части террасовидной поверхности высотой 20–25 м над уровнем моря (рис. 1). Она связана со сложно построенной слоистой толщей отложений, обнажающейся в береговом обрыве, состоящей из переслаивающихся светлых прибрежно-морских песков, темных глин и галечников общей мощностью около 50 м. Большая часть толщи сильно дислоцирована тектоническими процессами и представляет собой моноклиналную структуру, в которой все слои круто наклонены в восточном направлении под углом 50–60°. Верх этой дислоцированной толщи срезан водной эрозией и перекрыт в более позднее время слоистой пачкой аллювиально-морских отложений. Причем эти отложения залегает горизонтально и не имеет каких-либо признаков тектонических деформаций (рис. 2).

Данная толща плейстоценовых отложений хорошо известна в геологической литературе, так как с ней связаны два опорных палеонтологических местонахождения раннеплейстоценовой фауны мелких млекопитающих: Тиздар 1 и Тиздар 2. При этом остатки млекопитающих сопряжены с обильной фауной солоноватоводных и пресноводных моллюсков. По этой малакофауне дислоцированная толща отложений была датирована верхним кувальником, коррелируемым с гелазием Италии (Pevzner et al., 1998. P. 95–97). Образцы для палеомагнитного анализа, взятые из верхней и нижней глинистых частей дислоцированной толщи, показали обратную намаг-

* Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

ниченность (эпоха Матуяма), что подкрепило вывод о ее куяльницком возрасте (Вангенгейм и др., 1991. С. 42–43). Местонахождение Тиздар 1 с остатками мелких млекопитающих располагается в основании толщи. Оно характеризуется наличием в составе фауны архаичной формы *Allophaiomys deucalion*, *Mimomys intermedius* (= *M. savini*) и других показательных таксонов и считается типовым местонахождением древнейшей (МQR 11) региональной зоны мелких млекопитающих Восточной Европы. Обе границы этой зоны древнее палеомагнитного эпизода Олдувей (1,96 млн. лет назад) (Вангенгейм и др., 2001. С. 85). Местонахождение Тиздар 2 располагается выше по разрезу, приблизительно в середине толщи. По наличию *Allophaiomys deucalion*, *Lagurodon arankaе*, *Prolagurus ternopolitanus* и других таксонов оно отнесено к более поздней региональной зоне МQR 10, но верхняя возрастная граница этой зоны также устанавливается ниже палеомагнитного эпизода Олдувей (Там же). Таким образом, рассматриваемая дислоцированная толща отложений, включающая культуросодержащий слой стоянки, по совокупности палеомагнитных и биостратиграфических данных датируется в интервале 2–2,1 миллиона лет назад (Тесаков, 2004. С. 93; Shchelinsky, Tesakov, Titov, 2010. P. 149).

Верхняя не дислоцированная пачка отложений, перекрывающая дислоцированную толщу, скорее всего, имеет среднеплейстоценовый возраст. В ней нами обнаружена почти целая нижняя челюсть лошади, которая, по определению В.С. Байгушевой и В.В. Титова, принадлежит *Equus cf. chosaricus*, характерной для хазарского фаунистического комплекса второй половины среднего плейстоцена.

Культуросодержащий слой стоянки залегает в нижней части дислоцированной толщи отложений в промежутке между хорошо изученными палеонтологическими местонахождениями Тиздар 1 и Тиздар 2 (рис. 2). Связан он с прослоем слабоокатанного галечника, залегающего на плотной бурой глине и перекрытого белыми слоистыми прибрежно-морскими куяльницкими песками. Поскольку этот прослой галечника в составе моноклиальной толщи круто наклонен к востоку, его западный край поднят почти до современной поверхности. В среднем плейстоцене он был срезан морской абразией и перекрыт пачкой аллювиально-морских отложений, не подвергавшихся тектоническим нарушениям. Восточный край культуросодержащего прослоя, напро-

тив, сильно опущен, погружен на глубину более 20 м и, по-видимому, уходит под современный пляж ниже уровня моря.

Как видим, датировка стоянки Кермек не вызывает особых затруднений. Судя по имеющимся на сегодняшний день палеомагнитным и биостратиграфическим данным, приведенным выше, можно констатировать, что эта стоянка относится к началу раннего плейстоцена, по-видимому к позднему куяльнику, и имеет возраст около 2 миллионов лет (Shchelinsky, Tesakov, Titov, 2010. P. 149).

Предварительные исследования стоянки были начаты в 2008 и 2009 гг. У западного наиболее приподнятого края культуросодержащего прослоя галечника, обнажающегося в естественном разрезе, была сделана расчистка, позволившая уточнить стратиграфию и выяснить литологические особенности культуросодержащего слоя стоянки. Установлен следующий разрез отложений (сверху вниз) (рис. 3 и 4):

Мощность, м

1. Современная почва. Суглинок темно-серый, песчанистый, рыхлый. Контакт с нижележащим слоем отчетливый, неровный..... 1,5
2. Суглинок светло-коричневый плотный, сверху пронизан светлыми мелкими и ветвистыми прожилками карбонатов, в нижней половине слоя содержит многочисленные карбонатные стяжения от 1 до 5–8 см в поперечнике. Нижний контакт постепенный..... 0,7–0,8
3. Глина пестроокрашенная серо-желто-коричневая, мелкослоистая, песчанистая, плотная; в нижней части преимущественно сизая с мелкими прерывистыми прослойками песка. Контакт с нижележащим слоем отчетливый..... 1,0–1,2
4. Галечник плотный с бурым песчано-гравийным заполнителем, скрепленным карбонатно-железистым цементом, местами с прослойками серого и желтовато-белого песка, содержит редкие обломки раковин моллюсков и ракушечный детрит. Слой содержит единичные кости млекопитающих. Обломочный материал преимущественно слабоокатанный, уплощенной плитчатой формы, редко встречаются хорошо окатанные гальки. Обломки в основном мелких (2–3 см) и средних (5–8 см) размеров, в нижней половине слоя они крупнее, имеются единичные крупные обломки плиток до 20–25 см в попереч-

- нике. Обломочный материал представлен почти исключительно доломитами, изредка встречаются мелкие гальки кварца. Контакт с нижележащим слое отчетливый 1,0–1,3
5. Песок чистый, косо- и горизонтальнослоистый, пестроокрашенный, преимущественно желто-белый. В отличие от вышележащих слоев, этот слой песка круто наклонен с запада на восток и мощность его резко увеличивается в восточном направлении до десятка метров. Контакт с нижележащим слое отчетливый. Видимая мощность на месте расчистки 1,9
6. Галечник слоистый, состоит из нескольких (4–5) прерывистых прослоев окатанного обломочного материала толщиной от 10 до 25 см, перемежающихся с прослоями белого, серого и желто-серого песка. Верхние прослои галечника прочные, скреплены карбонатно-железистым цементом. Прослои галечника образованы мелкими гальками, мелким и средним окатанным щебнем, единичными слабоокатанными и не окатанными глыбами и обломками плиток до 20–30 см в поперечнике и многочисленными окатышами плотной синевато-бурой глины с ржаво-коричневым и желтым песком в качестве заполнителя. Обломочный материал представлен главным образом доломитами, изредка встречаются мелкие гальки кварца и кремня. В прослоях имеются многочисленные раковины моллюсков: *Margaritifera sp.*, *Unio (Pseudosturia) sp.*, *Potomida subltoralis Tschepalyga*, *Dreissena polymorpha Pallas*, *Viviparus sp.*, *Valvata sp.*, *Fagotia sp.* (определение Т.А. Яниной и А.Л. Чепальги). Слой, как и вышележащий песок, круто наклонен в восточном направлении. Контакт с нижележащим слое отчетливый ... 0,8–1,0
7. Глина синевато-бурая, плотная, местами содержит не окатанные куски доломитов. Видимая мощность 1,5

Культуросодержащим слое является 6-й литологический слой галечника (рис. 3). В других вышележащих слоях артефакты не обнаружены.

Характер распределения культурных остатков в культуросодержащем слое пока не совсем ясен. Похоже, что изделия содержатся в прослойках по всему слою. Однако выраженных концентраций их пока не установлено.

Поскольку плотный галечный культуросодержащий слой перекрывается рыхлыми сыпучими и легко размываемыми и развеваемыми

ветром песками, поверхность его на некоторых участках берегового склона отчасти обнажается или находится под сравнительно тонким слоем песка. Это облегчает его исследование.

На месте расчистки было исследовано около 12 м² культуросодержащего слоя. Он оказался довольно насыщенным культурными остатками. В нем найдено 86 каменных изделий (от 3 до 8 находок на 1 м²) и около десятка обломков костей сравнительно небольших и крупных животных, в том числе обломок эпифиза и фрагмент пластины зуба слона.

Обнаруженные каменные изделия типично раннепалеолитические. При этом они разнообразны и среди них представлены все основные группы – орудия, нуклеусы и сколы разных типов и размеров.

Общий состав изделий

1. Орудия	53 экз.
2. Нуклеусы	3 экз.
3. Отщепы	30 экз.
<hr/>	
Всего	86 экз.

Подавляющее большинство орудий (75,5%) по размерам превышает 5 см в поперечнике и, по классификации М. Лики (Leakey, 1971. P. 4), относится к крупным орудиям или орудиям «тяжелого действия» (heavy-duty tools). Мелких орудий или орудий «легкого действия» (light-duty tools) размером 5 см и меньше – только 24,5%. В целом по принципу использования для орудий заготовок тех или иных типов, индустрия стоянки может быть определена как *не-сколовая* (термин вводится впервые), так как орудия в ней изготовлены в основном из обломков камня (71,7% орудий) и принадлежат к категории “core-tools”; орудия из отщепов составляют всего 28,3%.

Орудия представлены различными категориями, однако особенно выделяются среди них чопперы и массивные скребла.

По технологии обработки камня, категориям и типам орудий индустрия стоянки Кермек относится к олдовану (или моде I).

Рассмотрим индустрию стоянки более подробно.

Исходное сырье

Основным исходным сырьем для изготовления орудий на стоянке был местный оквар-

цованный доломит миоценового возраста. В целом это неплохое сырье. Оно твердое и прочное, обладает выраженными изотропными свойствами и является вполне подходящим материалом для расщепления и изготовления орудий. Как показывают эксперименты, орудия из этого сырья уступают по рабочим качествам и износоустойчивости орудиям из кремня. Тем не менее, ими можно было достаточно эффективно выполнять многие виды работ, связанные с разделкой туш животных, обработкой шкур, дерева и других материалов (Щелинский, 1984. С. 189–190).

Наряду с доломитом, на стоянке спорадически использовались также черный и серо-желтый кремь и обсидиан.

Доломит использовался преимущественно в виде плитчатых отдельностей. Гальки из этой горной породы, которые, по-видимому, можно было найти, практически не применялись. Кроме того, существовал отбор доломита хорошего качества и плитчатых отдельностей разной толщины в зависимости от изготовления орудий разных категорий.

Большинство изделий (75,6%) изготовлено из прочного однородного мелкозернистого доломита хорошего качества. Более грубые и менее качественные разновидности этого сырья (доломит неоднородный слоистый мелко- и крупнозернистый) применялись значительно реже (20,9% орудий). Использование кремня и обсидиана документируется наличием всего трех мелких отщепов (3,5% изделий).

Среди плитчатых отдельностей доломита, обрабатывавшихся на стоянке, различаются толстые (толщина больше 3 см) и тонкие (толщина от 1,5 до 3 см). Чопперы изготовлены из толстых обломков плиток толщиной от 4,2 до 6,8 см. Для скребел также отбирались в основном толстые отдельности (от 3,1 до 5,3 см), хотя в некоторых случаях использовались и тонкие обломки (1,9–2,5 см). Такие категории орудий, как клювовидные и зубчатые орудия, изготавливались из тонких обломков плиток и из отщепов.

Анализ остатков природной корки, сохранившихся на изделиях, показывает, что отобранное доломитовое сырье в основном было не окатанным и, следовательно, происходило, главным образом, не с пляжа или береговых галечников, а из других мест.

В самом культуросодержащем слое стоянки, представляющем собой песчано-галечные отложения древнего пляжа мелководного бассейна типа озера или лагуны, природные

отдельности доломита многочисленны и разнообразны по форме. И первоначально казалось, что люди собирали подходящее сырье там, где жили, среди пляжных галечников прямо на месте стоянки. Так оно, по-видимому, отчасти и было. Однако, выяснилось, что все природные отдельности доломита в культуросодержащем слое в той или иной степени окатанные и часто покрыты бурой выветрелой коркой. К тому же среди них редко встречаются отдельности однородного мелкозернистого доломита, который преимущественно использовался людьми на стоянке. Очевидно, каменное сырье в основном приносилось на стоянку, но, скорее всего, не издалека. В настоящее время плитчатый доломит, такой же, как использовавшийся на стоянке, часто встречается в ближайших окрестностях от нее в обнажениях и осыпях древних грязевулканических отложений.

Кремь и обсидиан происходят из галечников. Об этом можно судить по отщепам из этих материалов, они были сколоты с галек.

Сохранность изделий

Каменные изделия в основном имеют неплохую сохранность. На них не только хорошо видны следы обработки, но нередко сохранились и следы изнашивания от использования в работе. Несмотря на то, что изделия залегали в пляжных отложениях водного происхождения, сглаженную водой поверхность имеют только 21% изделий. Это свидетельствует о том, что остатки деятельности людей недолго находились на поверхности и достаточно быстро были перекрыты последующими отложениями. Вместе с тем большинство изделий из доломита подверглось сильному химическому выветриванию, в результате которого первичное вещество доломита было сильно выщелочено и преобразовано. На многих изделиях видна сетка мелких трещин, от которых изделия иногда после высыхания разрушаются. Такие изделия нуждаются в консервации клеевым раствором. Изделия имеют преимущественно серовато-коричневую, коричневатую-серую, коричневую и желтовато-коричневую с различными оттенками патину в зависимости от структуры и плотности исходного сырья.

Технология первичного расщепления камня

Анализ обломков плиток, использованных для изготовления орудий, сколов, в том числе отщепов, превращенных в орудия, и нуклеусов, показывает, что технология первичного расщепления камня в индустрии стоянки была довольно сложной. Оказалось, что многие обломки доломита, использованные как заготовки для орудий, не только отбирались среди природных обломков, но и специально изготавливались путем раскалывания более крупных отдельных первичного сырья. В свою очередь, отщепы изготавливались как нуклеусовым расщеплением, так и простым расщеплением неподготовленных плиток. Таким образом, в индустрии стоянки выделяются три способа получения заготовок для орудий:

1. Раскалывание плиток доломита с целью отбора подходящих обломков для изготовления орудий. При этом нередко практиковалась намеренная дополнительная обколка обломков для придания им нужных размеров и форм.

2. Расщепление неподготовленных плиток доломита.

3. Расщепление нуклеусов.

О *раскалывании плиток доломита* как способе получения обломков-заготовок для орудий свидетельствуют многочисленные орудия и некоторые нуклеусы, изготовленные из таких заготовок. Всего изделий из обломков плиток 39 экз. При этом только для 9 из них в качестве заготовок были использованы естественные обломки. В 8 случаях определение обломка затруднительно. 22 изделия изготовлены из намеренно полученных обломков плиток. Процесс получения заготовок мог быть приблизительно таким. Первоначально раскалывались более крупные плитчатые отдельности. Затем отбирались подходящие обломки, которые при необходимости «доводились» до нужных размеров и форм обколкой краев. Негативы раскалывания и обколки плиток хорошо сохранились на заготовках и важно отметить, что по сохранности эти негативы ничем не отличаются от негативов последующей обработки и оформления орудий.

Расщепление неподготовленных плиток доломита документируется соответствующими отщепами и обломками плиток (обычно крупных) с единичными негативами краевого рас-

щепления. При этом плитки перед скалыванием с них отщепов не подвергались никакой подготовительной обработке: ударной площадкой служила одна из поверхностей плитки, как правило, покрытая коркой, а поверхностью скалывания — край плитки. Таким способом получали отщепы с характерными отличительными признаками. На них сохраняются участки обеих поверхностей расщепляемой плитки. Одна сторона плитки фиксируется на ударной площадке отщепы, часто прямой и покрытой плитчатой коркой. Другая сторона плитки сохраняется в виде вертикальной или скошенной плоскости с корочным покрытием на дистальном крае отщепы. Отщепы имеют подчетырехугольную форму и обычно укороченные пропорции. В коллекции имеется 9 отщепов с отмеченными признаками (рис. 5, 2–4, 7). Они разные — от крупных (длиной 5–7,5 см) до мелких (1,5–3 см). 3 из них были превращены в орудия с помощью вторичной обработки. Можно ли уверенно интерпретировать расщепление неподготовленных плиток как один из способов изготовления отщепов или же речь может идти лишь об обычной оббивке заготовок в процессе изготовления орудий и тогда скалываемые отщепы не были целью расщепления? Скорее всего, оно было и тем и другим. Намеренно изготовленными таким способом, очевидно, были крупные отщепы, тогда как мелкие отщепы, наверняка, можно отнести к отходам изготовления орудий.

Нуклеусов 3 экз. Длина их 4,9, 6,5 и 9,2 см. Для 2-х из них использованы обломки плиток доломита, 1 нуклеус — из толстого отщепы. Нуклеусы одноплощадочные, плоскостного расщепления. Они грубые, неподготовленные — ударная площадка и поверхность скалывания у них не подготавливались ни перед расщеплением, ни в ходе его. При этом они слабо сработанные, отчего форма исходных заготовок нуклеусов почти не изменилась (рис. 6, 9, 7, 1).

Общая характеристика отщепов

Отщепы, представленные в коллекции, далеко не всегда можно разделить на намеренно изготовленные и технические сколы, связанные с изготовлением заготовок, нуклеусов и орудий. Всего зафиксировано 47 отщепов (целых и фрагментов). 16 из них были превращены в орудия с вторичной обработкой, 1 отщеп использован как нуклеус. Целых или почти

целых отщепов 41 экз. Большинство из них (33 экз.) мелкие, т.е. длиной от 5 см и меньше. Среди отщепов крупнее 3 см по форме выделяются: удлиненные пластинчатые — 3 экз. (рис. 5, 5, 6); подтреугольные — 2 экз.; подчетырёхугольные, включая укороченные, — 8 экз. и бесформенные — 10 экз. Первичных отщепов немного, но на многих отщепах сохраняется участок выветрелой корки плитки. Следует отметить наличие единичных отщепов с изогнутым профилем, связываемых обычно с обработкой бифасов, а также отщепов с естественным обушком. 1 скол напоминает отщеп типа комбева. Ударная площадка сохранилась на 30 отщепах. На 20 из них (66,7%) она покрыта выветрелой коркой (прямая или скошенная), на 8 — гладкая (в 5 случаях прямая, в 3 — скошенная), на 2 — маленькая и на 1 — фасетированная. 2 отщепа имеют выраженную редукцию приплощадочного карниза.

Встает вопрос об использовавшихся на стоянке отбойниках для расщепления камня и оббивки орудий. Они пока не найдены. Однако об их характере можно предварительно судить по отщепам. Дело в том, что большинство отщепов коллекции имеет низкий, расплывчатый ударный бугорок и выступающий ободок на границе с ударной площадкой или так называемое «коническо-изогнутое начало плоскости расщепления» (Гиря, 1997. С. 43–44). Отчасти это связано с более низкой изотропностью доломита, по сравнению с кремнем. Но основная причина здесь, конечно, в отбойниках. Многочисленные отщепы с такими признаками ударного бугорка обычно ассоциируются с применением «мягких» отбойников из рога, кости или дерева. Поэтому вероятно, что на стоянке Кермек обработка камня производилась именно такими отбойниками, хотя считается, что такого рода инструменты свойственны были технологиям более поздних ашельских индустрий. Вместе с тем, основываясь на результатах экспериментов по расщеплению доломита, можно высказать и другое предположение относительно использовавшихся отбойников. Роль «мягких» отбойников на стоянке вполне могли выполнять и каменные отбойники в виде обломков доломита с толстой выветрелой коркой. Эта корка обычно гораздо мягче доломита или какой другой породы камня и при ударе часто создает эффект мягкого отбойника. В обломках доломита с выветрелой коркой на стоянке не было недостатка. Некоторые из таких обломков доломита из слоя как будто имеют следы

от ударов и, может быть, подтверждают наше предположение.

В результате предварительного трасологического анализа на 12 отщепах без дополнительной обработки обнаружены следы изнашивания (выкрошенность, истертость лезвий) от использования этих отщепов в качестве орудий. Ими в основном резали и скоблили мягкие и твердые материалы, вероятно мясо, шкуры, дерево.

Состав орудий

В индустрии стоянки представлены весьма разные орудия, которые, несмотря на малочисленность в отдельных группах и наличие переходных форм, можно разделить на ряд категорий. Выделяются:

1. Чопперы.....	10 экз.
2. Скребла.....	14 экз.
3. Ножи.....	2 экз.
4. Грубые бифасы.....	2 экз.
5. Клювовидные орудия.....	3 экз.
6. Зубчатые орудия.....	11 экз.
7. Отщепы с ретушью.....	9 экз.
8. Обломки плиток доломита с частичной обработкой.....	2 экз.

Всего 53 экз.

На некоторых орудиях, как и на отщепах, прослеживаются следы изнашивания от использования в работе, которые, до специального изучения, интерпретируются нами в предварительном плане.

Чопперы. Среди этих орудий представлены несколько типов: *широкие, узкие, округлый и заостренный*. Все орудия изготовлены из обломков плиток доломита.

Чопперы широкие (6 экз.). У этих орудий рабочее лезвие располагается на широком крае заготовки.

1. Чоппер односторонний (9 × 11,3 × 4,8 см) с выпуклым извилистым и зазубренным лезвием, оформленным крупными и мелкими сколами. Пятка — естественный закругленный край плитки, покрытый коркой. На правом углу видны следы, вероятно, от использования в качестве отбойника. На лезвии нет следов изнашивания от использования в ударной функции по дереву или кости; зубцы слабо истерты, скорее, от резания или скобления мягких материалов.

2. Чоппер односторонний (8,2 × 11,4 × 5,6 см) с выпуклым извилистым лезвием, оформленным

крупными и мелкими сколами и грубой ретушью. Сходен с массивным скреблом. Пятка выпуклая, образована вертикальной плоскостью разлома плитки. Лезвие со следами изнашивания (истирание, закругленность, местами выкрошенность) от резания, возможно рубки, разных материалов.

3. Чоппер односторонний (7,8 × 10,7 × 4,2 см) с почти прямым шиповидным лезвием, оформленным крупными и мелкими сколами, а также грубой разреженной ретушью. Срединная часть лезвия слегка вытянута в виде широкого выступа. Кончик выступа подправлен мелкими диагональными сколами с нижней стороны (возможно, это следы изнашивания от использования). Оба боковых края орудия стесаны крупными и мелкими вертикальными сколами. Верхняя сторона частично уплощена крупным сколом, снятым от края пятки. Пятка образована слабовыпуклой скошенной поверхностью исходного обломка доломита, покрытой выветрелой коркой. Тонкая проксимальная часть ее забита мелкими сколами, возможно, для удобства захвата орудия рукой. Рабочее лезвие имеет следы изнашивания (слегка забито, выкрошено и истерто), по видимому, от рубки и кромсаия слабтвердых материалов.

4. Чоппер односторонний (10,7 × 11,2 × 6,8 см) с выпуклым извилистым лезвием, оформленным крупными и мелкими сколами (рис. 8, 2). Боковые края образованы вертикальными плоскостями от раскалывания плитки и частично оббиты встречными поперечными сколами с верхней стороны. Пятка выпуклая и представляет собой вертикальную плоскость от раскалывания плитки. Края и углы ее оббиты мелкими сколами, очевидно, для удобства захвата орудия рукой. Рабочее лезвие местами забито и смято от рубки и раскалывания, вероятно, дерева или кости.

5. Чоппер односторонний (14 × 13,3 × 5,8 см) с зазубренным лезвием, оформленным крупными и мелкими сколами. Оба боковых края грубо оббиты сколами: правый край — торцовыми сколами, левый — сколами с верхней стороны. Пятка образована почти вертикальной плоскостью разлома плитки. Некоторые острые углы на ней притуплены мелкими сколами. Рабочее лезвие слабо изношено (следы выкрошенности), вероятно, от рубки твердого материала.

6. Чоппер односторонний (7,5 × 13 × 4,4 см) с выпуклым, извилистым и мелкозазубренным лезвием, оформленным крупными и мелкими сколами и разрозненными фасетками грубой ретуши. Один боковой край, образованный

вертикальной плоскостью разлома плитки, имеет частичную обработку. Пятка выпуклая и представляет собой край окатанной плитки. Лезвие орудия слегка изношено (истерто, выкрошено), вероятно, от рубки и резания не твердых материалов.

Чопперы узкие (2 экз.). У чопперов этого типа рабочее лезвие располагается на узком крае заготовки.

1. Чоппер односторонний (6,5 × 5,5 × 3,3 см) с прямым извилистым лезвием, оформленным крупными и мелкими сколами. Боковые края отвесные. Правый край образован крупным продольным (торцовым) сколом, левый — плоскостью раскалывания плитки и частично утончен мелкими поперечными сколами с верхней стороны. Пятка прямая, представляет собой вертикальную плоскость разлома плитки. Рабочее лезвие слабо затупленное (без выкрошенности), видимо, от резания и скобления мягкого материала.

2. Чоппер односторонний (12,1 × 5,9 × 5 см) с прямым лезвием, оформленным крупными сколами. Орудие оригинальное и, видимо, комбинированное (рис. 9, 1). Оно продолговато-клиновидной формы. Рабочее лезвие является наиболее широкой частью орудия. Корпус орудия сужается к нижнему концу. Этот конец также обработан, и ему придана заостренная клиновидная форма. Боковые края отвесные и интенсивно обработаны вертикальными, в том числе торцовыми сколами. Рабочее лезвие имеет следы изнашивания (забитость и истертость кромки). Особенно изношен левый угловой выступ лезвия. Орудие использовалось, скорее всего, для пробивания и долбления кости или дерева.

Чоппер округлый (11,3 × 13,8 × 4,2 см) (рис. 8, 1). Рабочее лезвие занимает $\frac{2}{3}$ периметра орудия. Оно извилистое, сильно зазубренное и обработано крупными и мелкими сколами и разрозненной грубой ретушью. Пятка образована вертикальной поверхностью разлома плитки. Рабочее лезвие слабо изношено, местами слегка забито и истерто, вероятно, от рубки нетвердого материала (мясо?).

Чоппер заостренный с долотовидным концом (12 × 10,2 × 6,5 см) (рис. 10). Он подтреугольной формы. Поперечное сечение его ближе к дистальному концу также подтреугольное. Обработаны, оббиты, главным образом, боковые края, причем обработка их грубая (сколы разнонаправленные и с заломы на концах фасеток), не формирует лезвия, а направлена на то, чтобы получить зауженный и сравнительно тонкий ра-

бочий конец долотовидной формы. Этот конец дополнительно утончен плоским поперечным сколом с нижней стороны. Пятка — наиболее массивная часть орудия. Она образована почти вертикальной поверхностью разлома плитки. Края и выступы на ней оббиты мелкими сколами, очевидно, для удобного захвата орудия рукой. Рабочее лезвие без следов выкрошенности и забитости, но слегка истерто. Орудием определенно не раскалывали кости и не рубили дерево. Возможно, это было охотничье вооружение.

Скребла. Некоторые из этих орудий сходны с чошперами. Они разделяются на *крупные массивные* (максимальный размер больше 5 см) и *мелкие* (5 см и меньше). При этом и те, и другие представлены разными типами.

Скребла крупные массивные (13 экз.). Заготовками для 12 из них были обломки плиток доломита, 1 скребло изготовлено из отщепы. Выделяются скребла: *простые, с выступом на лезвии, овальные и со сходящимися лезвиями*.

Скребла простые из обломков доломита (4 экз.). Общим для них признаком является наличие обушка, противоположащего лезвию.

1. Скребло с выпуклым лезвием (7,1 × 6,5 × 5,3 см) (рис. 7, 2), оформленным крупными и мелкими сколами и ретушью с заломом на концах фасеток. Оба боковых края отвесные. Правый край оббит двумя крупными сколами, снятыми с верхней стороны, левый — образован поверхностью раскалывания плитки. Лезвие слегка выкрошено и истерто.

2. Скребло с прямым извилистым лезвием (6,4 × 6,7 × 2,5 см), оформленным сколами и ретушью. Боковые края образованы вертикальными поверхностями раскалывания плитки доломита.

3. Скребло со слабо выпуклым и зазубренным лезвием (2,6 × 5,5 × 2,1 см), оформленным сколами и ретушью. Один край утончен серией поперечных сколов и занозистой ретушью. Лезвие слабо изношено, имеются следы легкой выкрошенности, истирания и заполировки, скорее всего, от резания мягкого материала.

Скребла с выступом на лезвии (4 экз.). Это те же простые скребла, но имеющие на лезвии намеренно выделенный выступ/выступы. При этом кончик выступа может быть более или менее заостренным или закругленным.

1. Скребло (4,3 × 6,9 × 2 см) с небольшим выступом на лезвии, оформленным ретушью с обеих сторон. Один боковой край скребла узкий, закругленный и утончен плоскими сколами с нижней стороны. Другой боковой край образован вертикальной плоскостью от рас-

калывания плитки. Лезвие имеет следы изнашивания (выкрошенность, забитость, истертость), как на режущих и скобящих орудиях.

2. Скребло (5 × 5,4 × 2,5 см) с коротким широким выступом на лезвии, оформленным сколами. Боковые края образованы вертикальной плоскостью от раскалывания плитки. Левый край частично оббит мелкими сколами. Лезвие имеет следы изнашивания (истертость), характерные для режущих и скобящих орудий.

3. Скребло (5,6 × 6 × 2,8 см) с двумя выступами на лезвии, выделенными сколами и ретушью. Боковые края — вертикальные плоскости от раскалывания или оббивки плитки. На обушке верхнее ребро притуплено ретушью. Лезвие со слабо выраженными следами изнашивания в виде истирания, вероятно, от резания и скобления мягкого материала.

4. Скребло (5,5 × 5,8 × 2,7 см) с выступом на лезвии, образованным двумя смежными сколами. Боковые края являются вертикальными плоскостями раскалывания плитки.

Скребла овальные (2 экз.)

1. Скребло (9 × 6,5 × 3,6 см) с извилистым лезвием по всему периметру, обработанным крупными и мелкими сколами и грубой прерывистой ретушью. Лезвие местами имеет следы изнашивания (выкрошенность, забитость, истирание) от рубки, резания мягкого и твердого материала.

2. Скребло овально-подтреугольной формы (5,3 × 4,5 × 3,1 см) с извилистым зазубренным лезвием по всему периметру, обработанным сколами и грубой ретушью.

Скребла со сходящимися лезвиями (3 экз.). В эту группу включены заведомо разнотипные орудия, представленные пока единичными экземплярами.

1. Скребло овально-удлиненной формы (9,7 × 5,8 × 4,5 см), обработанное по всему периметру сколами и ретушью (рис. 11, 2). Боковые края выпуклые, извилистые. Более тщательно обработан один (левый) край. Острие, образованное схождением боковых лезвий, широкое и толстое. Проксимальный конец узкий и слегка вогнутый от снятия глубокого скола. На лучше обработанном лезвии сохранились следы изнашивания (истирирование, заполировка) от скобления и резания мягкого материала.

2. Скребло овально-удлиненной формы (5,4 × 3 × 1,9 см), обработанное по всему периметру сколами и ретушью. Это орудие имеет два заостренных конца, образованных сходящи-

мися выпуклыми боковыми лезвиями. Оно наминает грубый лимас. Лезвия орудия слабо изношены (прослеживаются следы истирания и заполировка), видимо, от резания мягкого материала.

3. Скребло овально-подтреугольной формы (12,6 × 8,6 × 3,4 см) со сходящимися лезвиями и с обушком. Одно лезвие короткое и образовано двумя крупными сколами, другое — длинное, протягивается по всей длине орудия. Верхняя часть этого лезвия, примыкающая к острию, обработана крупным сколом и ретушью. Нижняя часть его выпуклая и оформлена несколькими сколами и ретушью. Посередине лезвия выделен широкий заостренный выступ (шип). Обушок прямой, в виде обломанного края плитки. Он противостоит длинному лезвию и под тупым углом примыкает к короткому лезвию. Орудие во многом сходно с ножами, рассматриваемыми ниже.

Среди крупных массивных скребел 1 изготовлено из толстого отщепя. Это *овальное скребло* (8,7 × 5,9 × 4,8 см) (рис. 9, 2). Лезвие у него протягивается почти по всему периметру. Оно извилистое и обработано сколами и грубой ретушью. На нем местами прослеживаются следы изнашивания (выкрошенность, истертость), по-видимому, от резания и скобления сравнительно мягкого материала.

Мелкое скребло всего 1 (4,4 × 4,7 × 3 см). Оно изготовлено из отщепя. Это боковое скребло с выпуклым мелкозазубренным лезвием, оформленным ретушью.

Ножи (2 экз.). Отличительными признаками этих орудий является двулезвийность, выделенное острие и наличие обушка.

1. Нож сегментовидной формы (8,7 × 6,8 × 3,6 см). Одно лезвие орудия короткое и почти поперечное. Оно немного вогнутое, извилистое, обработано сколами. Второе лезвие длинное, протягивается по всей длине орудия. Оно слабо выпуклое, зазубренное, так как обработано сколами. Лезвия сходятся на дистальном конце под углом около 80° и образуют широкое режущее острие. Проксимальный край узкий и представляет собой вертикальную плоскость от раскалывания плитки. Обушок противостоит длинному лезвию. Он довольно протяженный, прямой и оформлен обивкой.

2. Нож сегментовидной формы частично фрагментированный (9,2 × 6 × 2,2 см). Одно лезвие его короткое и расположено диагонально по отношению к длинной оси орудия. Оно обработано сколами и имеет вогнутое

очертание. Другое лезвие протягивается по всей длине орудия. Это лезвие слегка выпуклое, оформлено сколами и крупной разрозненной ретушью. Кромка его зазубренная. Лезвия при схождении образовывали на дистальном конце острие. Верхняя часть его была сломана в древности. Проксимальный край узкий, обработан сколами. Причем один скол был снят с нижней стороны. Обушок занимает большую часть края, противоположного длинному лезвию орудия. Он выпуклый, представляет собой край расколота плитки, частично обработан сколами. На длинном лезвии прослеживаются слабые следы изнашивания (истирание, закругление кромки), вероятно, от резания мягкого материала.

Грубые бифасы (2 экз.). Орудия имеют частичную двустороннюю обработку противоположного типа (один край обработан с верхней стороны, другой — с нижней).

1. Бифас подсердцевидной формы (7 × 6,1 × 4 см) (рис. 11, 1). Верхняя сторона орудия угловато выпуклая, нижняя — плоская. Максимальная ширина приходится на середину, максимальная толщина — на пятку орудия. Одно боковое лезвие угловато-выпуклое, другое — прямое. Обработка верхней стороны незначительная и ограничивается оформлением сколами и разрозненной ретушью верхней части выпуклого лезвия. Большая часть этой стороны занята поверхностью разлома и коркой исходной заготовки. Нижняя сторона обработана более интенсивно. На ней от другого бокового края снята серия плоских сколов, уплощающих эту сторону и формирующих второе боковое лезвие орудия. Лезвия образуют широкое острие, треугольное в поперечном сечении. Пятка массивная, угловато выпуклая и образована вертикальными поверхностями от раскалывания плитчатой заготовки для орудия. Лезвия и острие имеют следы изнашивания (забитость, истирание), характерные для режущих орудий.

2. Бифас подсердцевидной удлиненной формы (9,3 × 7 × 4,3 см) (рис. 9, 3). Максимальная ширина и толщина приходятся на нижнюю половину и пятку изделия. Верхняя сторона орудия угловато-выпуклая с длинным ребром, нижняя — плоская. Боковые края прямые, сходятся к дистальному концу. На верхней стороне снят крупный скол и сформировано одно боковое лезвие. Большая часть этой стороны занята поверхностью от раскалывания и коркой плитки. Нижняя сторона имеет интенсивную обработку. Она сплошь оббита плоскими

сколами, снятыми от другого края. Эта оббивка, наряду с общим уплощением нижней стороны, формирует второе боковое лезвие. Небольшой скол снят в продольном направлении от дистального конца. Этот конец заужен, но довольно толстый. Лезвия имеют слабо выраженные следы изнашивания (выкрошенность, стертость) режущего орудия.

Клювовидные орудия (3 экз.). Эти орудия изготовлены из отщепов. 2 из них крупные, 1 мелкое.

1. Орудие $5,1 \times 4,5 \times 2$ см. Заостренный конец широкий, колющий, оформлен сколами и разреженной ретушью с одной стороны на углу проксимальной части отщепца.

2. Орудие $5,6 \times 3,7 \times 1,9$ см. Заостренный конец широкий, колющий, оформлен ретушью с одной стороны на углу дистальной части отщепца.

3. Орудие ($2,3 \times 2,2 \times 0,9$ см) изготовлено на фрагментированном отщепе. Заостренный конец широкий, колющий и оформлен снятием нескольких фасеток с верхней стороны и одной фасетки ретуши с нижней стороны заготовки. На острие видна слабая истертость от работы по мягкому материалу.

Зубчатые орудия (11 экз.). 8 орудий крупные, 3 мелкие. 10 изготовлены из обломков плиток исходного сырья, 1 — из отщепца.

1. Орудие ($4 \times 5,8 \times 2,9$ см) с коротким лезвием, оформленным сколами.

2. Орудие ($6,2 \times 7,9 \times 4,5$ см) с коротким лезвием, оформленным сколами.

3. Орудие ($2 \times 5,5 \times 1,1$ см) с коротким лезвием, обработанным сколами и ретушью частично с обеих сторон. На лезвии прослеживаются следы изнашивания (истертость, заполировка) от резания мягкого материала.

4. Орудие ($4,4 \times 3,7 \times 2,2$ см) с коротким лезвием, подготовленным сколами.

5. Орудие ($2,7 \times 2,7 \times 0,9$ см) с коротким лезвием, обработанным ретушью. Прослеживаются слабые следы изнашивания (истертость, заполировка) от резания мягкого материала.

6. Орудие ($4,1 \times 5,5 \times 2$ см) с широким лезвием, сформированным ретушью. Лезвие слабо изношено, прослеживаются следы легкой выкрошенности, забитости и истертости от резания и скобления твердого материала.

7. Орудие ($5,6 \times 6,7 \times 3$ см) с широким лезвием, обработанным сколами и ретушью. Боковые края орудия оббиты вертикальными сколами.

8. Орудие ($7,7 \times 7 \times 1,9$ см) с лезвием, занимающим $\frac{2}{3}$ периметра и обработанным ско-

лами и ретушью. На лезвии местами прослеживаются следы изнашивания в виде слабой истертости, вероятно, от резания мягкого материала.

9. Орудие ($7 \times 5,8 \times 1,5$ см) с лезвием почти по всему периметру, подготовленным сколами и ретушью. Лезвие слабо изношено, прослеживается истертость и заполировка от резания и скобления мягкого материала.

10. Орудие ($6,5 \times 6,4 \times 3,8$ см) с лезвием по всему периметру, обработанным крупными и мелкими сколами с применением грубой ретуши.

Зубчатое орудие из отщепца мелкое ($4,5 \times 2 \times 0,9$ см). В качестве заготовки использован фрагмент удлиненного отщепца. Лезвие оформлено ретушью. Оно слабо изношено от работы по мягкому материалу.

Отщепы с ретушью (9 экз.) 7 из них мелкие (рис. 5, 2, 4; 6, 4, 6), 2 крупные. На лезвиях 3 орудий обнаружены следы изнашивания (выкрошенность, истертость) от резания мягкого материала.

Обломки плиток доломита с частичной обработкой (2 экз.). 1 крупный, другой мелкий. Оба имеют слабый износ от резания и скобления мягкого материала.

Представленный материал отчетливо показывает, что индустрия стоянки Кермек по основным категориям и типам орудий полностью соответствует комплексам олдована, описанным М. Лики (Leakey, 1971, 1975), Х.А. Амирхановым (2006, 2007, 2008), Г.П. Григорьевым (1974) и многими другими исследователями. При этом примечательно, что она характеризуется сложностью состава и типологической выраженностью орудий. И это, как выясняется, свойственно олдованским индустриям. В наборах орудий этих индустрий выделяются весьма разные категории орудий, в том числе грубые бифасы (протобифасы), которые имеются даже в ранних олдованских комплексах (Leakey, 1971. P. 79–80; 1975. P. 481, 483).

Сравнительный анализ индустрии Кермека является задачей дальнейших исследований. Отметим только, что индустрия этой стоянки во многом сходна с олдованскими же индустриями стоянок Родники и Богатыри / Синяя Балка, расположенных неподалеку, но имеющих более поздний геологический возраст в пределах раннего плейстоцена (Щелинский, 2010. С. 174–185; Щелинский, Кулаков, 2009. С. 188–206). В связи с этим интересно будет вы-

яснить имело ли место развитие олдованской традиции на этих стоянках и если таковое было, то в чем оно конкретно заключалось.

Другими близкими аналогами индустрии Кермека, несомненно, являются индустрии двух эоплейстоценовых олдованских стоянок Айникаб I и Мухкай I во внутреннем Дагестане на Северо-Восточном Кавказе, открытых и исследуемых Х.А. Амирхановым (Амирханов, 2007, 2008). В индустриях этих стоянок представлены в целом те же формы орудий, что и в индустрии Кермека. Однако есть и различия. Например, в них доминируют чопперы, причем многие из них двусторонние. Скребел значительно меньше, хотя, возможно, часть из них отнесена к скребкам. Представлены пики и пиковидные орудия (Амирханов, 2007. С. 13, 20).

В индустрии Кермека, как мы видели, чопперы также наиболее представительны, но они односторонние. Пики отсутствуют. В ней много разнообразных скребел и среди них большинство крупные и массивные. Единично представлены ножи, клювовидные орудия, а также грубые бифасы. Конкретные причины этих различий в наборах орудий стоянок еще предстоит выяснить. При этом важно прежде всего уточнить возраст стоянок и исследовать влияние исходного сырья на формирование их индустрий. Разновременность, различия в технологиях обработки камня, обусловленные спецификой исходного сырья, равно как и особенности образа жизни людей в конкретных природных условиях, надо полагать, в первую очередь определяли различия индустрий стоянок.

Литература

- Амирханов Х.А., 2006. Каменный век Южной Аравии. М.
- Амирханов Х.А., 2007. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе: (предварительные результаты). М.
- Амирханов Х.А., 2008. Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай-1 в Центральном Дагестане (по материалам раскопок 2007 года) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: материалы международной конференции, Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г. Ростов н/Д.
- Вангенгейм Э.А., Векуа М.Л., Жигало В.И., Певзнер М.А., Тактакишвили И.Г., Тесаков А.С., 1991. Положение таманского фаунистического комплекса в стратиграфической и магнито-хронологической шкалах // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. № 60.
- Вангенгейм Э.А., Певзнер М.А., Тесаков А.С., 2001. Зональное расчленение квартера Восточной Европы по мелким млекопитающим // Стратиграфия. Геологическая корреляция. Т. 9, № 3.
- Гифя Е.Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий. СПб.
- Григорьев Г.П., 1977. Палеолит Африки // Палеолит мира. Л.
- Деревянко А.П., 2009. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., 2006. Материалы к проблеме прикаспийского пути первоначального заселения Юго-Восточной Европы // Этнокультурное взаимодействие в Евразии: Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М. Кн. 1.
- Деревянко А.П., Зенин В.Н., 2008. Древнейшие индустрии юго-восточного Дагестана // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. Т. I.
- Тесаков А.С., 2004. Биостратиграфия среднего плиоцена – эоплейстоцена Восточной Европы (по мелким млекопитающим). М. (Тр. / ГИН РАН; вып. 554).
- Щелинский В.Е., 1984. Некоторые особенности изготовления и эффективность раннепалеолитических орудий из разных пород камня // III Seminar in petroarchaeology, Plovdiv – Bulgaria: Reports. Plovdiv.
- Щелинский В.Е., 2010. Исследование раннего палеолита Приазовья // Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии: материалы докладов ведущих ученых на V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, 4–9 апреля 2010 г., Иркутск. Иркутск.
- Щелинский В.Е., Бозински Г., Кулаков С.А., 2003. Исследования палеолита Кубани // АО-2002. М.

Щелинский В.Е., Додонов А.Е., Байгушева В.С., Кулаков С.А., Симакова А.Н., Тесаков А.С., Титов В.В., 2008. Раннепалеолитические местонахождения на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: материалы международной конференции, Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г. Ростов н/Д.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А., Бозински Г., Киндлер Л., 2004. Открытие нижнепалеолитической стоянки на Таманском полуострове // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию А.А. Формозова. СПб.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А., 2007. Богатыри (Синяя Балка) – раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // РА. № 3.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А., 2008. Ранний палеолит Приазовья: новые открытия // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. М. Т. 1.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А., 2009. Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри / Синяя Балка и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) // Древнейшие миграции человека в Евразии: материалы международного симпозиума (6–12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск.

Leakey M.D., 1971. Olduvai Gorge. Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge. Vol. 3

Leakey M.D., 1975. Cultural Patterns in the Olduvai Sequence // After the Australopithecines. Stratigraphy, ecology and culture change in the Middle Pleistocene / Ed. K.W. Butzer, G.L. Issak. Paris.

Pevzner M., Tesakov A., Vangengeim E., 1998. The position of the Tizdar locality (Taman Peninsula, Russia) in the magnetochronological scale // Paludicola. Vol. 2, N 1.

Shchelinsky V.E., Dodonov A.E., Baigusheva V.S., Kulakov S.A., Simakova A.N., Tesakov A.S., Titov V.V., 2008. Early Paleolithic sites on the Taman peninsula (Southern Asov sea Region) // Les premières expansions humaines en Eurasie à partir de l'Afrique. Facteurs limitant ou favorisant. Colloque international organize au Muséum National d'Histoire Naturelle, Paris. Département de Préhistoire, 26, 27, 28 novembre 2008. Paris.

Shchelinsky V., Tesakov V., Titov V., 2010. Early Paleolithic sites in the Azov Sea Region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries // Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA-SEQS Conference (Rostov-on-Don, June 21–26, 2010). Rostov-on-Don.

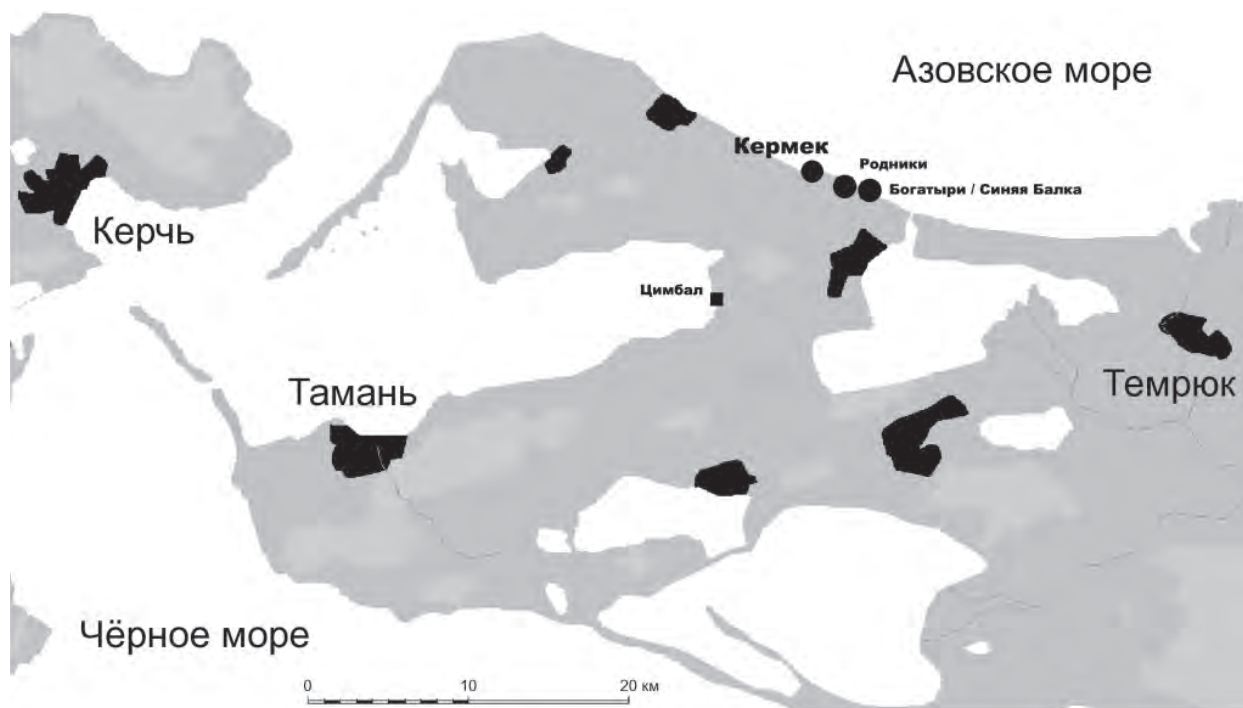

Рис. 1. Расположение раннепалеолитической стоянки Кермек на Таманском полуострове

Рис. 2. Геологическая ситуация раннепалеолитической стоянки Кермек. Тиздар 1 и Тиздар 2 — палеонтологические раннеплейстоценовые местонахождения. Вид с севера

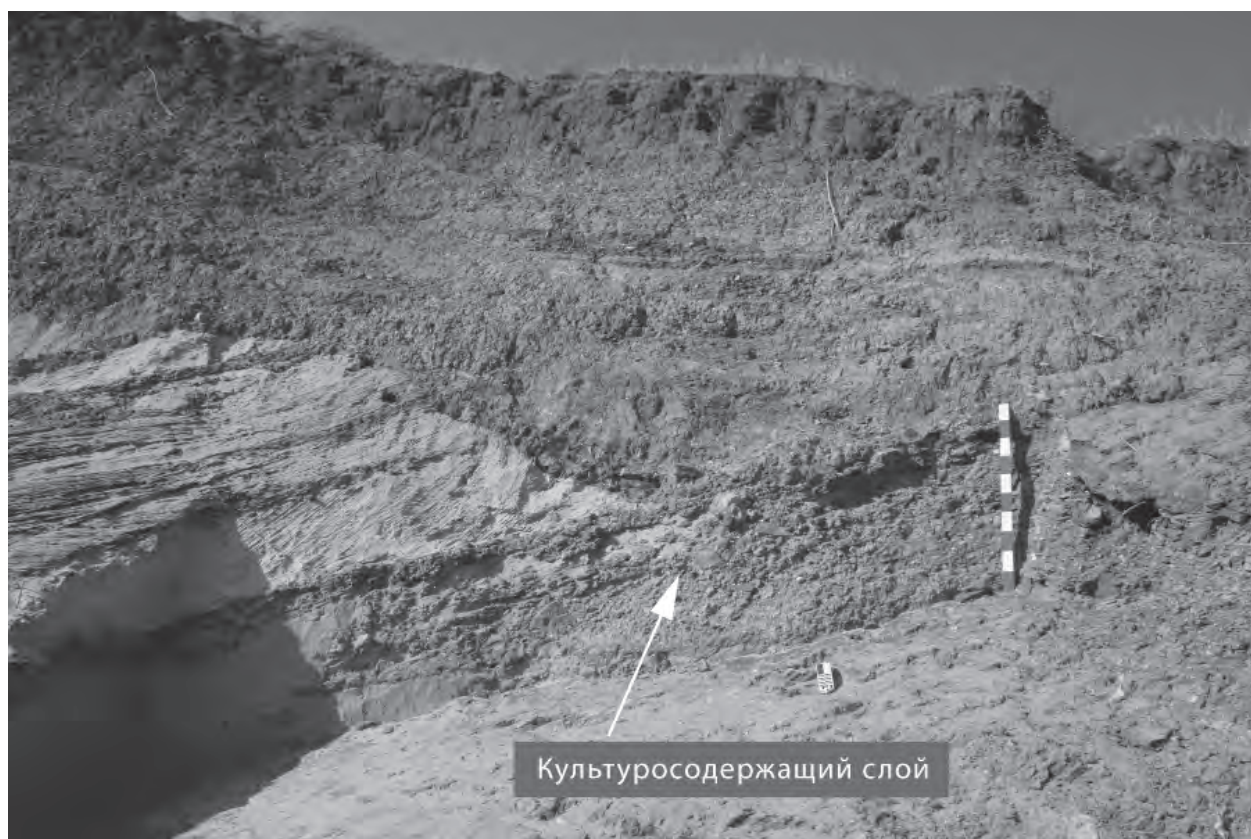

Рис. 3. Раннепалеолитическая стоянка Кермек. Расчистка 2009 г. Разрез отложений по южной стенке. Вид с севера

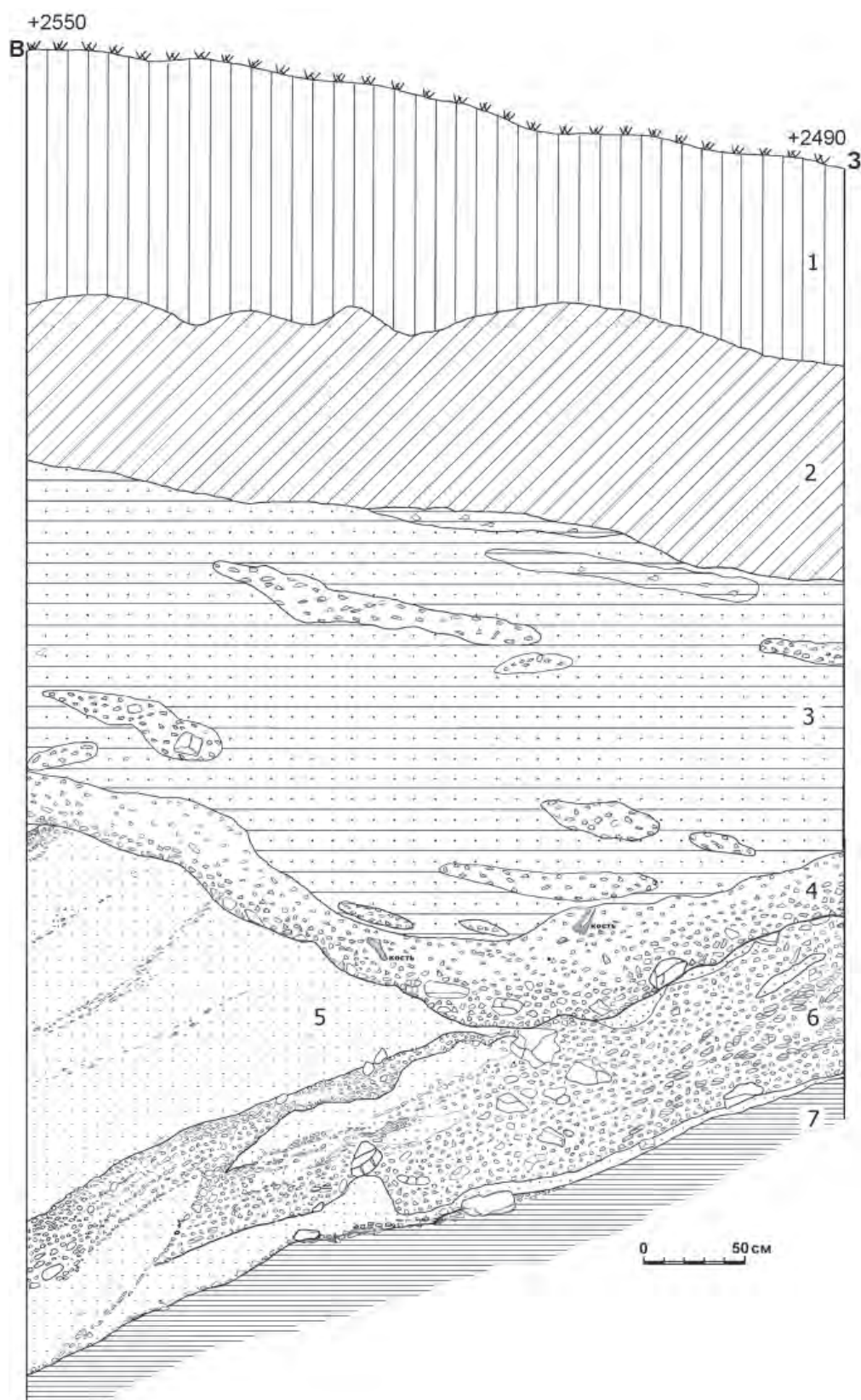

Рис. 4. Раннепалеолитическая стоянка Кермек. Расчистка 2009 г. Разрез отложений по южной стенке: 1–7 – литологические слои

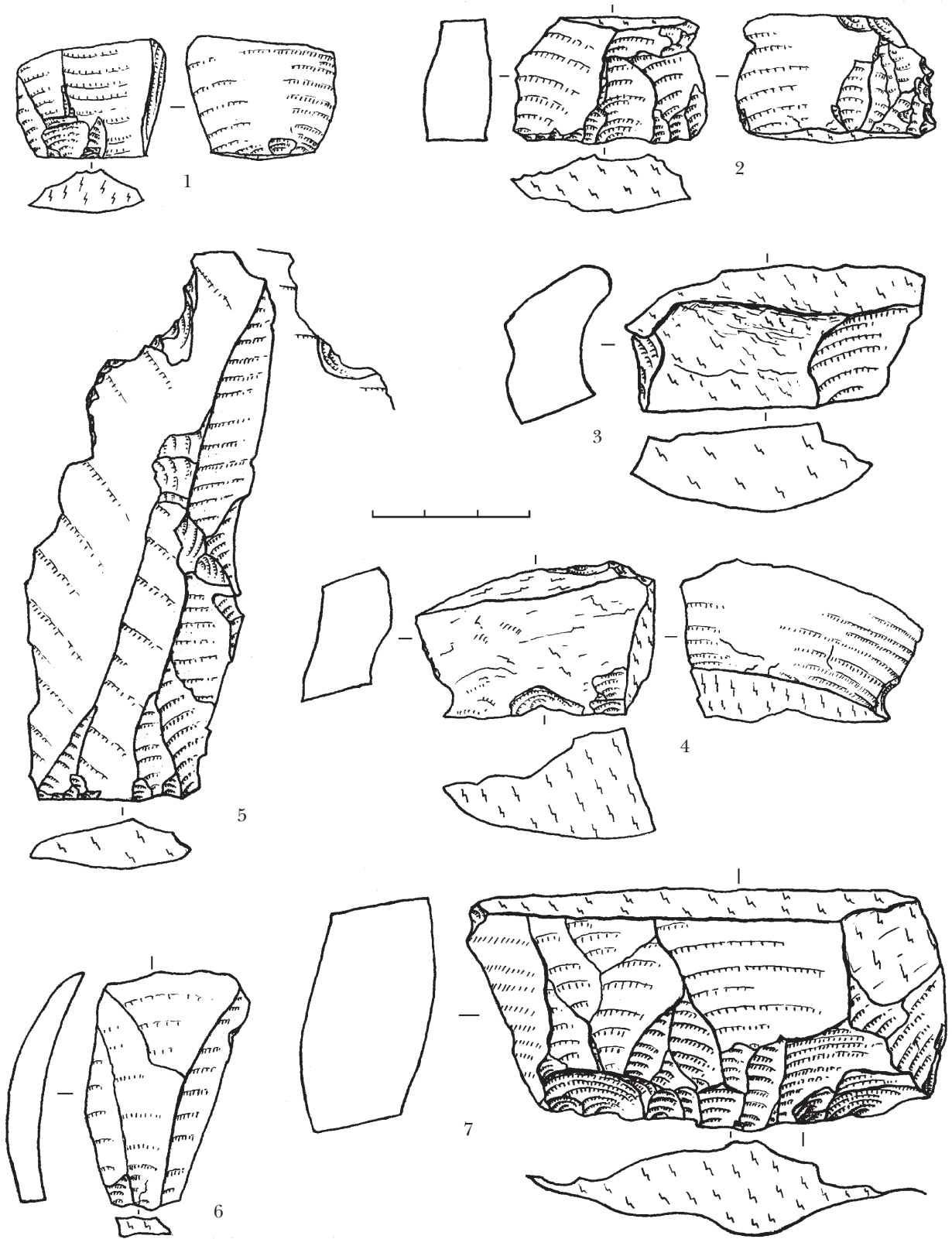

Рис. 5. Раннепалеолитическая стоянка Кермек. Изделия из окварцованного доломита: 1, 3, 6, 7—отщепы; 2, 4—отщепы с ретушью; 5—пластинчатый отщеп с ретушью

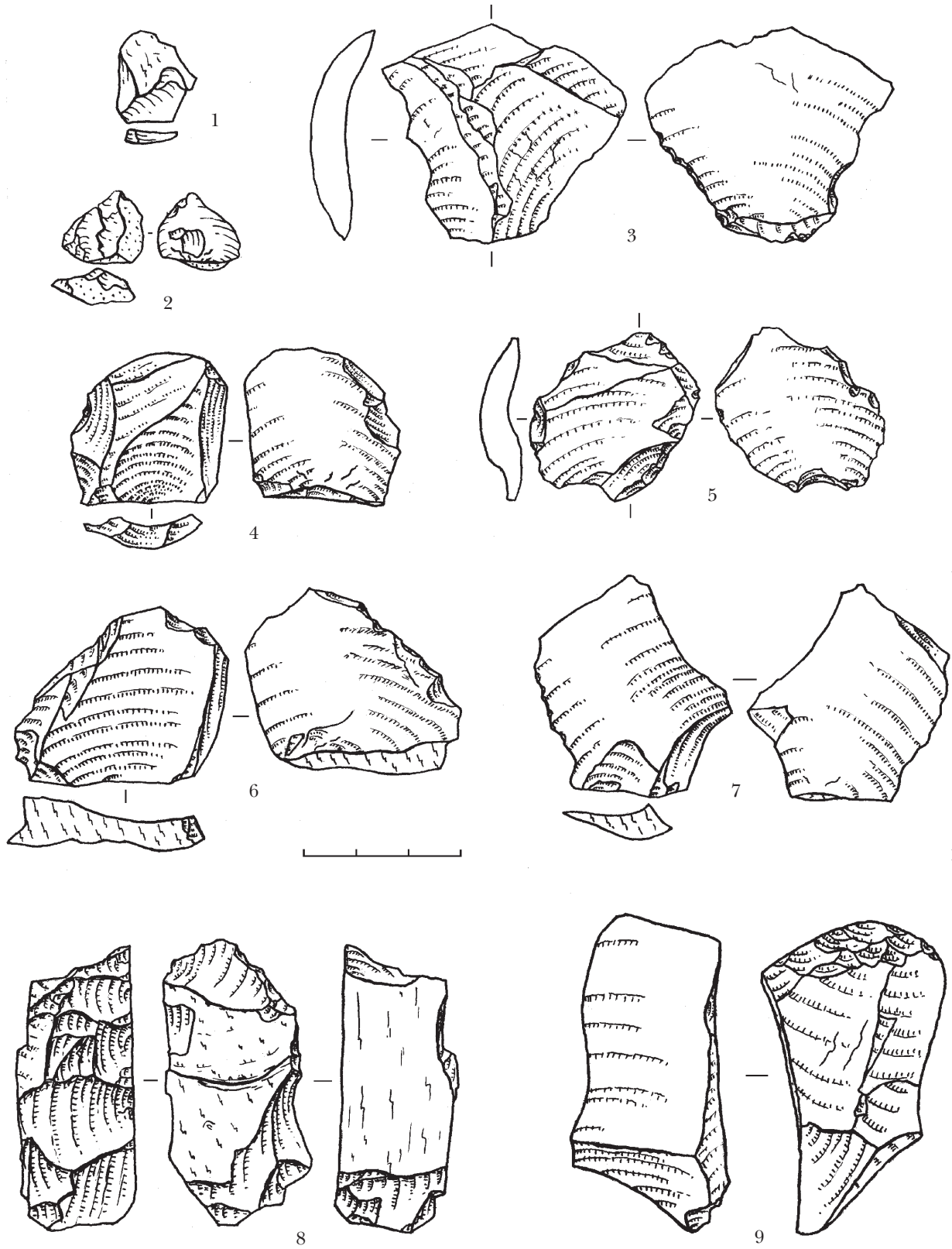

Рис. 6. Раннепалеолитическая стоянка Кермек. Изделия из кремня (1), обсидиана (2) и окварцованного доломита (3-9): 1-3, 5, 7- отщепы; 4, 6- отщепы с ретушью; 8- скребло простое с утончением края; 9- ядро

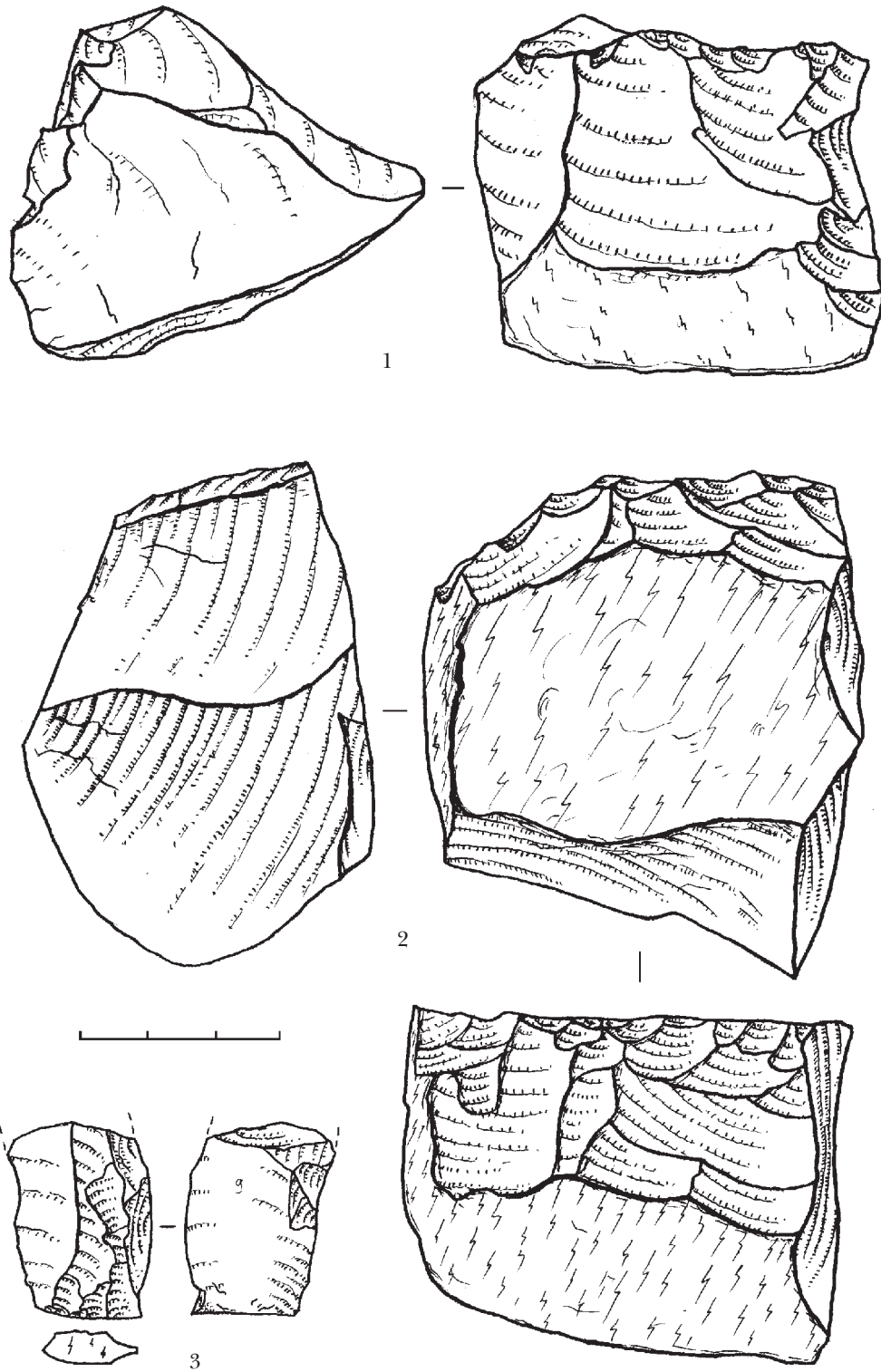

Рис. 7. Раннепалеолитическая стоянка Кермек. Изделия из окварцованного доломита: 1 — нуклеус; 2 — скребло массивное простое; 3 — отщеп с ретушью

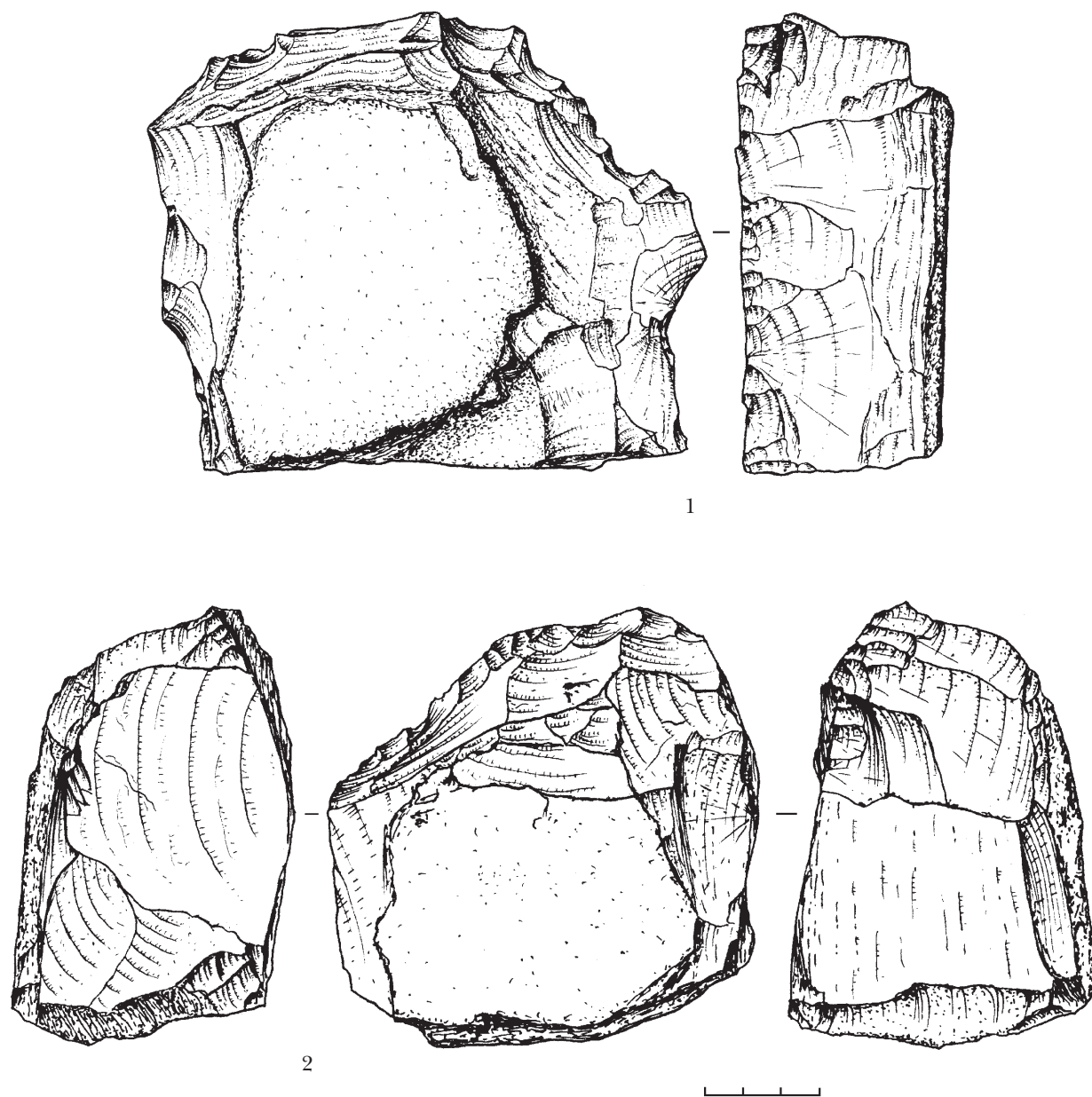

Рис. 8. Раннепалеолитическая стоянка Кермек. Изделия из окварцованного доломита: 1 — чоппер односторонний округлый; 2 — чоппер односторонний широкий

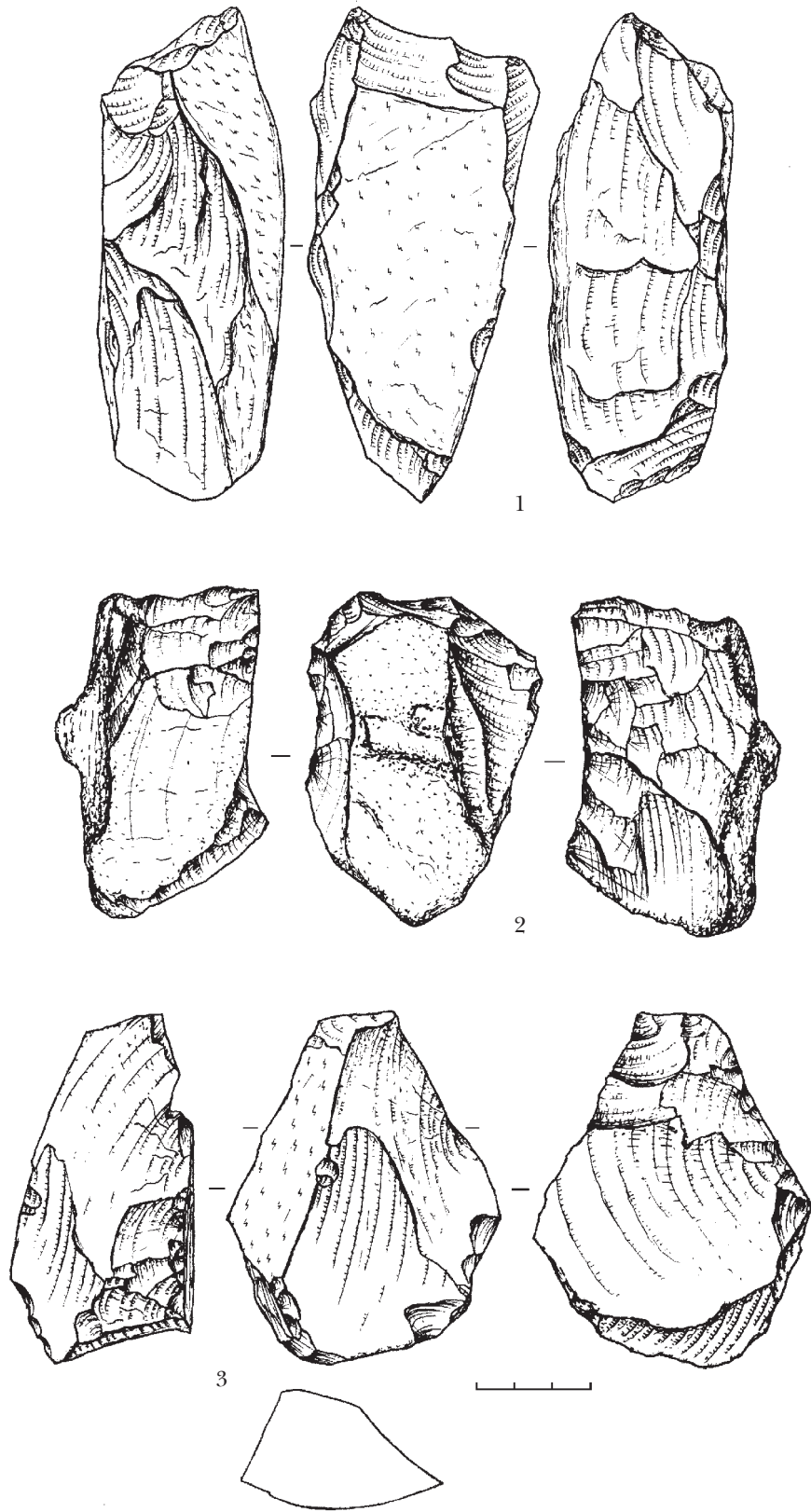

Рис. 9. Раннепалеолитическая стоянка Кермек. Изделия из окварцованного доломита: 1 — чоппер односторонний узкий с оббитыми боковыми краями; 2 — скребло массивное овальное из отщепы; 3 — грубый бифас

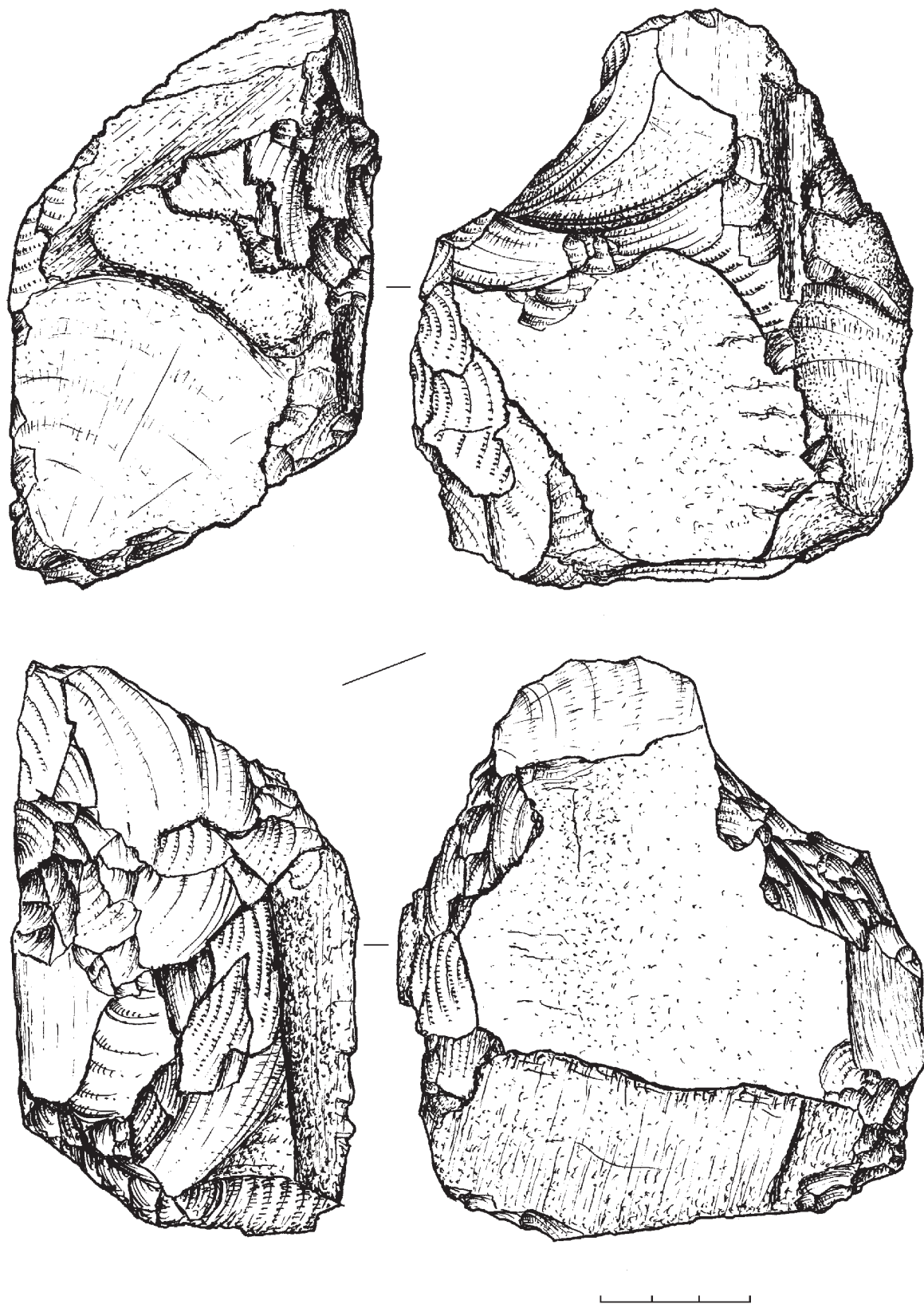

Рис. 10. Раннепалеолитическая стоянка Кермек. Чоппер заостренный с долотовидным концом из окварцованного доломита

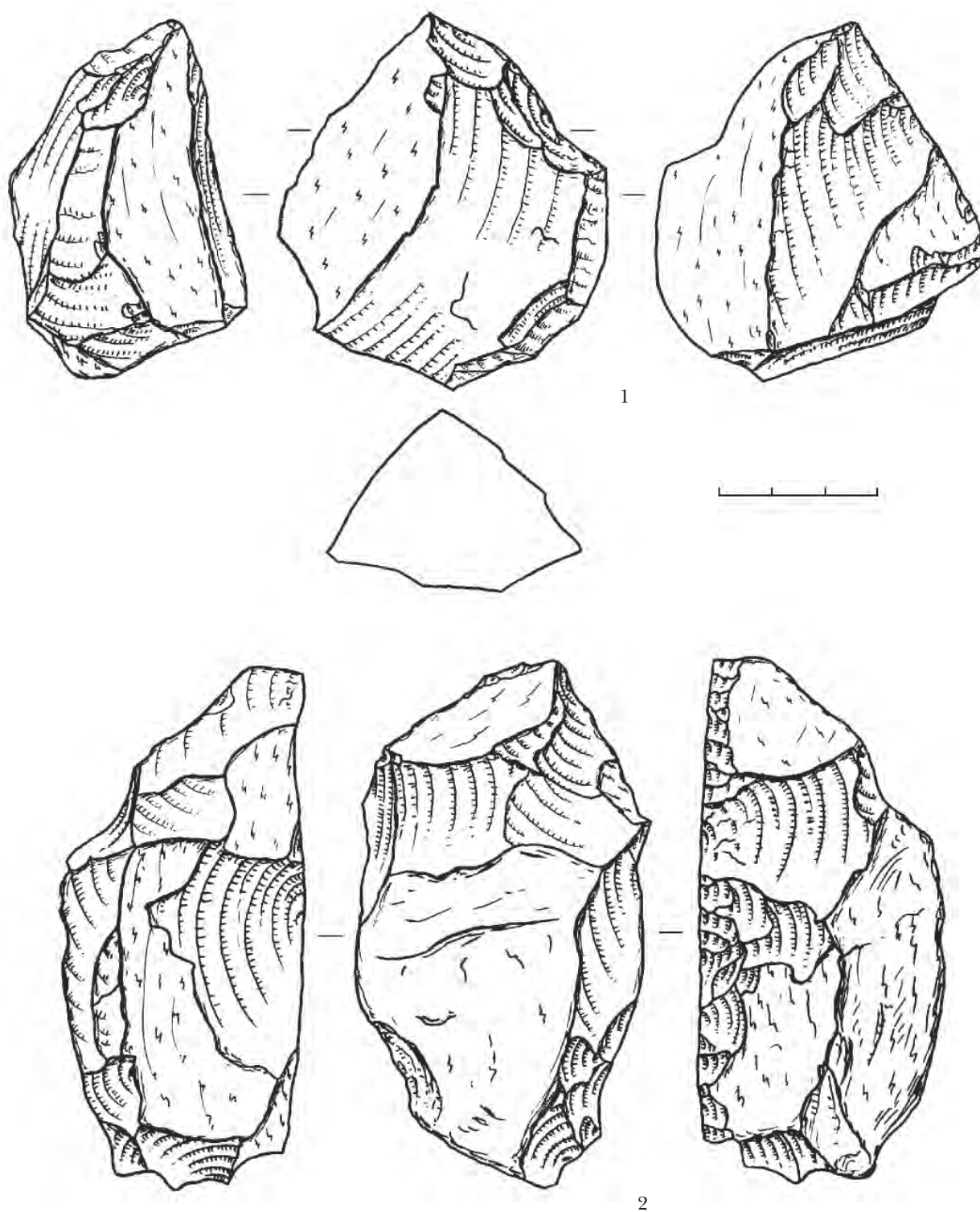

Рис. 11. Раннепалеолитическая стоянка Кермек. Изделия из окварцованного доломита: 1 – грубый бифас; 2 – скребло массивное со сходящимися лезвиями

Предварительная корреляция результатов стратиграфического и литолого-минералогического изучения отложений Ахштырской пещерной стоянки

С.А. Кулаков*, М.А. Кулькова**

В 1999–2008 гг. Причерноморская экспедиция ИИМК РАН провела комплексное полевое изучение Ахштырской пещерной стоянки раскопом 01, общей площадью более 12 м² (рис. 1, 2). В результате работ была вскрыта пачка пещерных отложений мощностью более 3 м, содержащая археологические и фаунистические материалы; в раскопе были взяты образцы для проведения палинологического, минералогического, геохимического, палеомагнитного и петрографического и других анализов, а также удалось получить новые пробы для проведения изотопного датирования (рис. 2, I – *ув. вставка*). История изучения, некоторые предварительные результаты комплексного исследования памятника и полученные новые абсолютные даты публиковались коллективом исследователей и докладывались на различных научных форумах (Кулаков, 2000, 2005; Кулаков и др., 2007; Кулаков и др., 2008; Кулькова, Шаврина, 2008; Несмеянов, 1999; Поспелова и др., 2004; Baryshnikov, 1998, 2000; Pospelova et al., 2007). Настоящая работа посвящена корреляции результатов стратиграфического и планиграфического изучения культуросодержащих пещерных отложений с результатами литолого-минералогического изучения этих же седиментов. На основании полученных выводов авторы предлагают пробную попытку реконструкции обитания и жизнедеятельности первобытных коллективов в Ахштырской пещерной стоянке.

Стратиграфия отложений

В течение шести полевых сезонов в раскопе 01 были тщательно изучена вся толща пещерных отложений, в результате раскопок нами бы-

ли получены новые поперечный и продольный разрезы памятника (рис. 1–2, I – *ув. вставка*).

Ахштырская пещерная стоянка была открыта и изучается разными исследователями уже почти 85 лет назад, поэтому взгляды и мнения на стратиграфию пещерных отложений менялись от автора к автору. Рамки данной работы не позволяют нам подробно рассмотреть все эти изменения, поэтому результаты наших стратиграфических исследований представлены в обобщающей таблице 1. Тем не менее, короткий экскурс в историю изучения Ахштырской пещерной стоянки вполне уместен.

Стоянка первобытного человека открыта была в пещере в 1936 г. С.Н. Замятниным, им же в 1937–1938 гг. было произведено первое исследование памятника, в результате работ было вскрыто около 90 м² пещерных отложений. Исследователь выделил в пещере два культурных слоя эпохи мустье – «верхний и нижний», уровни обитания человека в позднем палеолите – неолите, энеолите – бронзе и средневековье (Замятнин, 1940, 1950, 1961).

В 1961 г. исследование стоянки продолжили Е.А. Векилова и М.З. Паничкина, стратиграфия культурных слоев и их атрибуция рассматривалась исследователями в русле выводов С.Н. Замятнина (Паничкина, Векилова, 1962).

В 1962–1963, 1965 гг. работы на памятнике велись Е.А. Векиловой, в результате было вскрыто около 40 м² культурных отложений. В это время начинается комплексное изучение памятника, большие работы были произведены на стоянке геологом М.Н. Грищенко. Результатом этих исследований стал новый взгляд на стратиграфию стоянки, были введены более дробные подразделения не только пещерных, но и культурных уровней. Так, вместо ранее выделяемых двух мустьерских слоев стали выделяться четыре (Векилова,

* Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

** Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург.

1967; Векилова, Грищенко, 1972; Грищенко, 1971).

В 1978 г. для демонстрации на совместном советско-французском полевом семинаре на Ахштырской стоянке Е.А. Векиловой был подготовлен новый разрез пещерных отложений. К этому же времени группой специалистов-естественников был утвержден новый взгляд на стратиграфию пещерных отложений, согласно которому количество пещерных напластований является большим, чем у С.Н. Замятни-на, но не столь дробным, как у М.Н. Грищенко (Векилова и др., 1978; Гричук и др., 1970).

В настоящее время для памятника имеются следующие датировки культурных и пещерных отложений, сверху-вниз (рис. I – *ув. вкладка*):

1. **18370 ± 400** лет тому назад (SPb-101 – Российский гос. педагогический университет им. А.И. Герцена, изотопный центр) из углестого горизонта сл. 2/2 (шурф 01), публикуется впервые.

2. **19000 ± 500** лет тому назад из зольной прослойки 2-го слоя (Чердынцев и др., 1965б).

3. **24500 ± 500** лет тому назад (SPb-102 – Российский гос. педагогический университет им. А.И. Герцена, изотопный центр) из углестого горизонта сл. 2/3–3 (шурф 01), публикуется впервые.

4. **25300 ± 500** лет тому назад (ЛЕ-6238 – Г.И. Зайцева, ИИМК РАН) из углестой прослойки на квадрате 110г в горизонте 4 слоя 2/3 (Кулаков, 2005).

5. **35000 ± 2000** лет тому назад по урану и торю из сталактитов (Чердынцев и др., 1965а) для верхов «верхнего мустьерского слоя».

6. **112000 ± 22000** лет тому назад (РТЛ-927 – О.А. Куликов, Москва, МГУ), для образца 5т из середины слоя 5/2 (Кулаков, 2000).

7. **306000 ± 61000** лет тому назад (РТЛ-926 – О.А. Куликов, Москва, МГУ), для образца 1т из середины слоя 7 (Кулаков, 2000).

С самого начала, с 1996 г., в нашем исследовании Ахштырской пещерной стоянки, мы придерживались последней стратиграфической схемы пещерных отложений (Кулаков, 2000), утвержденной в 1978 г. (Векилова и др., 1978). Ниже представлены краткие итоги стратиграфического и планиграфического изучения культуросодержащих отложений Ахштырской пещерной стоянки.

Слой 1 (рис. 1–2, I – *ув. вкладка*)

В данном раскопе представляет собой условную прослойку в 2–3 см, в которой в сером

пылеватом заполнителе перемешены с разновеликим щебнем современный антропогенный мусор, обломки и осколки разновременных костей животных и обломки кремневого изделия. Нижней условной границей слоя была принята линия уплотнения заполнителя слоя и прекращения находок современного мусора.

Слой 2/1 (рис. 1–2, I – *ув. вкладка*)

На квадратах 109в, 113в, 114г, в связи с разрушенностью верхней части слоя, разбирался 2 раскопными горизонтами.

Верхний (1-й) раскопный горизонт сл. 2/1, 10–15 см мощностью, так же, как слой 1, – серый, «вытопанный» пылеватый заполнитель, в котором вместе с разновеликим остроугольным щебнем перемешены мусор и неопределимые обломки и осколки костей животных.

Нижний (2-й) раскопный горизонт сл. 2/1, 15 см мощностью, – щебнистый слой, насыщен разновеликим щебнем, в основном остроугольным, «свежим». Заполнитель – супесь темно-коричневая. Стал появляться известняковый хрящ. По всей площади раскопа было обнаружено много мелких обломков и осколков костей животных. Общая мощность слоя 2/1 в раскопе составила 25–30 см.

Слой 2/2 (рис. 1–2, I – *ув. вкладка*)

Вследствие разрушенности слоя в восточной половине квадратов 109в, 110г, разбирался в раскопе 01 двумя раскопными горизонтами. Слой 2/2 – перенасыщен разновеликим известняковым щебнем, который на 90% имеет сглаженные края и грани, но встречаются и остроугольные куски. Много известнякового хряща, чаще стали встречаться щебенки с «меловой» поверхностью. На всей площади раскопа стали встречаться мелкие и средние глыбы известняка. Заполнитель слоя – супесь темно-бурая, легкая, рассыпчатая и комковатая, слегка влажная, при переборке легко перетирается в пыль. В слое стало заметно больше фаунистических находок, много мелких обломков и осколков костей животных, но встречаются и крупные, целые экземпляры. Общая мощность слоя до 30 см. Нижняя граница слоя была проведена по углестой линзе черного цвета, из которой была получена в 2008 г. новая дата по $^{14}\text{C} = 18370 \pm 400$ л.т.н. (СПб-101, С.-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена). Для «середины слоя»

2/2 имеется старая дата по $^{14}\text{C} = 19000 \pm 500$ (Чердынцев и др., 1965б). Слой 2/2 содержит не разделяемые материалы верхнего палеолита, мезолита и неолита.

Слой 2/3 (рис. 1-2, I – *ув. вставка*)

На квадратах 105в, 106г, 109в, 110г, 113в, 114г, вследствие своей мощности, разбирался 5-ю раскопочными горизонтами толщиной 10–15 см. Слой 2/3 содержит не разделяемые материалы верхнего палеолита, мезолита и неолита.

1-й раскопочный горизонт

Снимался на всей площади раскопа. Мощность горизонта около 10 см. Это – супесь темно-бурая, сильно насыщенная разновеликим известняковым щебнем с оглаженными краями и гранями, но встречается и остроугольный щебень. Стало больше «меловой», мягкой щебенки. Встречаются отдельные мелкие глыбы известняка. Остатков фауны в горизонте заметно меньше, чем в вышележащем слое 2/2.

2-й раскопочный горизонт

Мощность горизонта менее 10 см, снимался на всей площади раскопа. Супесь – более светло-коричневая, насыщенная разновеликим известняковым щебнем с оглаженными краями и гранями, но встречается и остроугольный щебень. Начиная с этого уровня, щебня становится заметно меньше, чем в вышележащих отложениях, но при этом все нижележащие горизонты щебнистой пачки ахштырских отложений все равно забиты щебнем. Встречаются отдельные мелкие глыбы известняка. Этот горизонт выделяется и определяется по появлению и наличию в нем на всей площади раскопа темных, до черного, пятен в заполнителе – «углистых». Находок мало.

3-й раскопочный горизонт

Горизонт выделяется и определяется по наличию в нем крупных известняковых обломков. Это – супесь черно-бурая, насыщенная разновеликим известняковым щебнем, который почти весь с оглаженными краями и гранями, много известнякового хряща. Стали попадаться мелкие и очень мелкие гальки и обломки натечных образований. В горизонте много разновеликих известняковых обломков, которые почти все в сильно разложившемся состоянии. Находок, как археологических, так и фаунистических, стало заметно больше. Из углистой линзы в горизонте в

2008 г. удалось получить новую дату по $^{14}\text{C} = 24500 \pm 500$ (СП6-102, С.-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена).

4-й раскопочный горизонт

Это – супесь темно-бурая, с обилием разновеликого известнякового щебня с оглаженными краями и гранями, много известнякового хряща. Мощность горизонта до 15 см. Горизонт выделяется и определяется самостоятельно по наличию в нем ярко выраженного скопления щебня вдоль южной стены пещеры, которое, как и предполагалось при работах ранее (Кулаков. Отчет, 1996, 1999 гг.), является разложившимся до щебня выступом южной стены пещеры. Начиная с уровня этого горизонта, на кв. 114г можно достаточно четко установить в плане границы шурфа 1961 г. (Векилова. Отчет, 1961). Горизонт насыщен разновеликими, углистыми пятнами, по углям собранным на кв. 110г, в 2002 г. удалось получить дату по $^{14}\text{C} = 25300 \pm 500$ (ЛЕ-6238, С.-Петербург, ИИМК РАН) (Кулаков, 2005).

5-й раскопочный горизонт

Темно-бурая супесь, обилием известнякового щебня и хряща, рыхлая, влажная, влажность и более темная окраска увеличивается к низу к контакту со слоем 3/1. Горизонт забит разновеликим и разнообразным по форме щебнем, который слегка оглажен, но встречаются и остроугольные экземпляры. Общая мощность горизонта достигала 10–12 см. В пристенном участке отложений на квадратах 105в, 109в более четко выделяется скопление разновеликого известнякового щебня, который протягивается вдоль южной стены полости и повторяет ее форму. В 5-м горизонте слоя 2/3 окончательно оконтурился в плане шурф 1961 г. Подпрямоугольное пятно шурфа четко выделяется по более рыхлому и пестрому заполнителю и многочисленным разновеликим окатышам суглинков и глин из нижележащих отложений. Шурф 1961 г. занимает почти всю площадь кв. 114г. 5-й горизонт слоя 2/3 в раскопе 01 оказался в археологическом отношении очень скудным, в нем были, в отличие от вышележащих отложений, найдены единичные артефакты и костные остатки.

Слой 3/1 (рис. 1-2, I – *ув. вставка*)

На квадратах 101в, 102г, 105в, 106г, 109в, 110г, 113в, 114г разбирался 2-мя условными раскопочными горизонтами. Для слоя имеется датировка 35000 ± 2000 л. т. н. по урану и торию из сталактитов (Чердынцев и др.,

1965а), на наш взгляд, происхождение ее весьма загадочно, совершенно непонятно из какого места, какие сталактиты были взяты для анализа, в современном состоянии в глубине пещерной полости, на потолке, можно найти мелкие «сталактитики», да и то, как правило, обломанные. К сожалению, у Е.А. Векиловой ни в отчетах, ни в публикациях нет точного и четкого указания происхождения этой даты.

Горизонт 1 слоя 3/1, мощностью 10–12 см, это темно-бурый суглинок, легкий, плотный и рассычатый, насыщен известняковой щебенкой, в основном среднего размера, но много в слое и средних и крупных известняковых блоков и натеков. Щебень имеет оглаженную, «мягкую» поверхность, и его все же меньше, чем в вышележащем 5-м горизонте слое 2/3. Резкое отличие горизонта 1 слоя 3/1 – в нем гораздо меньше известнякового хряща. Другая особенность горизонта – это многочисленное присутствие черных «углистых» пятнышек, максимального размера до 1 см в диаметре. Особым объектом в горизонте оказался пристенный участок раскопа, на квадратах 101в, 105в, 109в, 113в. Эта особенность была отмечена на разрезе пещерных отложений еще в 1996 г., как завал из известнякового щебня, при почти полном отсутствии в нем заполнителя, у южной стены пещеры в зоне контакта слоев 3/1 и 3/2, при этом отдельные щебенки имеют плотную уложенность между собой и складываются в изначальные блоки. Тогда было предположено, что мы видим выступ-карниз стены пещеры, который уже в рыхлых отложениях отделился от нее и разложился на отдельные кусочки – щебенки, имеющие остроугольную, плитчатую форму (вследствие того, что известняк, в котором выработана полость, имеет плитчатое строение). Это предположение полностью подтвердилось. В настоящее время, выше рыхлых отложений на южной стене пещеры прослеживаются, как минимум, два подобных выступа-карниза, но гораздо меньших и мощных размеров. На удивление, при разборке и зачистке поверхности этого выступа стены, среди плотно уложенного щебня были встречены находки – кости пещерного медведя: целые, крупные фрагменты, обломки и осколки. Артефактов в горизонте 1 слоя 3/1 было немного, основную массу находок составляла фауна – кости пещерного медведя, сохранность которых была такой же, как в вышележащих отложениях.

Горизонт 2 слоя 3/1, 15–20 см мощностью, суглинок темно-буро-коричневый, легкий, рассычатый. Количество известнякового щебня в горизонте резко уменьшается, преобладает средний и крупный щебень, с оглаженной поверхностью. Известняковый хрящ практически исчезает. В этом горизонте был разобран пристенный щебнистый участок. Как уже отмечалось выше, этот участок, выделенный в отдельный объект слоя, представляет собой выступ – карниз на южной стене пещеры, который был перекрыт пещерными отложениями и в результате химических процессов, протекающих в пещере, разложился – развалился на отдельные, но уложенные, известняковые щебенки, полностью повторяющие конфигурацию карниза стены. Как показали раскопки, все эти события происходили во время формирования слоя 3/1. Отложения слоя 3/1 подстилают и перекрывают этот карниз. Сам этот щебнистый участок представляет собой сплошной завал разновеликой, в основном плитчатой, известняковой щебенки, при почти полном отсутствии рыхлого заполнителя.

Археологический материал слоя 3/1 является смешанным, содержащим находки среднего и верхнего палеолита, а также материалы, возможно, мезолита и неолита и даже артефакты энеолита (Кулаков, 2005). Согласно Е.А. Векиловой слой 3/1 является «первым верхнемустьерским слоем» (Векилова, 1967; Векилова и др., 1978).

Слой 3/2 (рис. 1–2, I – *ув. вкладка*)

Глина коричневато-желтая, гораздо светлее слоя 3/1, легкая, однородная. Контакт со слоем 3/1 четкий, но сильно неровный, в виде ям и бугров. Известнякового щебня в слое значительно меньше, чем в вышележащих отложениях, щебенка крупного и среднего размера, мелкий щебень и хрящ практически отсутствуют, – это обстоятельство резко отличает все слои «второй», «средней», суглинистой пачки отложений Ахштырской пещерной стоянки, и сразу бросается в глаза. С другой стороны, в слое 3/2 было встречено довольно много средних и крупных глыб известняка. Щебень и глыбы имеют оглаженную, мягкую, мыльную поверхность. В слое 3/2 довольно часто попадались мелкие черные «углистые» пятна. На раскопе 01, слой 3/2 занимал в плане не всю поверхность, а лишь, образно говоря, пристенный участок на квадратах 97в, 101в, 105в, 109в, 113в, дальше на север, к центру пещер-

ных отложений утончаясь, залегая пятнами, и постепенно выклиниваясь. Слой 3/2 содержит артефакты среднепалеолитического облика и фаунистические остатки в достаточном количестве, но меньшем, чем слой 3/1. Согласно С.Н. Замятнину, 3/2 — это «верхний мустьерский слой» (Замятнин, 1940, 1950, 1961), а по Е.А. Векиловой — это «2-ой мустьерский слой» (Векилова, 1967; Векилова и др., 1978).

Слой 4/1 (рис. 1–2, I — *ув. вкладка*)

Суглинок буро-сизый средний, рассыпчатый, однородный, контакт с вышележащим слоем в плане достаточно четкий, но неровный. Слой залегал на всей площади раскопа 01, на квадратах 101в, 102г, 104б, 105в, 106г, 109в, 110г, 113в. Мощность слоя 4/1 на данном участке отложений предварительно определялась больше 10 см. Поэтому было решено разбирать слой 4/1 минимум двумя условными раскопными горизонтами. Отличительный признак слоя 4/1 (как и слоя 3/2) — почти полное отсутствие известнякового щебня и хряща, зато в нем много мелких, средних и, реже, крупных глыб известняка. И щебенка и глыбы имеют оглаженную, мягкую, мыльную поверхность. Так же, как в слоях 3/1 и 3/2, в слое 4/1 было много расчищено мелких черных «углистых» пятен, количественно даже больше, чем в слое 3/2. По всей толщине слой 4/1 содержал находки среднепалеолитических артефактов и фауны, которые распределялись более или менее равномерно по площади раскопа 01. По С.Н. Замятнину — это «стерильный слой» (Замятнин, 1940, 1950, 1961), а согласно Е.А. Векиловой — слой 4/1 «содержит обильные остатки 2-го мустьерского слоя» (Векилова, 1967; Векилова и др., 1978).

Слой 4/2 (рис. 1–2, I — *ув. вкладка*)

Это суглинок буро-сизый, тяжелый до глины, плотный, но рассыпчатый, более светлый (сизый) и сухой, чем вышележащий слой 4/1. Слой залегал в виде большой линзы, почти во весь раскоп 01, не доходя 5–20 см до южной стены пещеры. Мощность слоя 4/2 на данном участке отложений предварительно определялась больше 10 см. Поэтому было решено разбирать слой 4/2 минимум двумя условными раскопными горизонтами. В слое встречаются единичные известняковые щебенки и отдельные мелкие и средние глыбы известняка, — это отличие слоя 4/2 от слоя 4/1, кон-

такт с которым достаточно четкий, но не ровный. Мощность слоя максимальная до 15 см, на квадратах 105в, 106г. В слое 4/2, как и в слоях 3/1–4/1, присутствуют мелкие черные «углистые» пятна, но в гораздо меньшем количестве, и они приобретают «на ощупь» иную структуру. Они более сухие и опесчаненные, возможно, это уже не «углистые» пятна, а пятна марганцовистых стяжений. Находок среднего палеолита в слое 4/2 много, примерно в 2 раза больше, чем в слое 4/1, это касается как артефактов, так и фауны. До наших работ ни у одного из исследователей пещеры нет указаний на наличие в слое 4/2 находок.

Слой 5/1 (рис. 1–2, I — *ув. вкладка*)

Это суглинок буро-сизо-желтый тяжелый, плотный, сухой, оскольчатой структуры, распадается под ножом на угловатые, кубовидные кусочки. На срезе эти кусочки имеют металлический блеск. Некоторые такие кусочки имеют черный налет — марганцевистость. Щебня в слое практически нет, присутствуют единичные, сильно корродированные крупные щебенки и мелкие глыбы известняка, но много известнякового хряща и дресвы. Встречаются каменные «орехи» — средние и мелкие известняковые щебенки, практически полностью разложившиеся в железисто-марганцевистой рубашке — скорлупе. В слое присутствуют разновеликие разнообразных галечки. Мощность слоя 20–25 см.

На квадратах 97в, 98г, 101в, 102г, 105в, 106г, 109в, 110г, 113в, 114г разбирался 2-мя условными раскопными горизонтами, мощностью 10–12 см.

1-й условный раскопный горизонт слоя 5/1

Первые 10 сантиметров слоя были насыщены артефактами и достаточно крупными, сильно корродированными, известняковыми обломками. Фаунистических остатков было немного. Залегал горизонт в виде линзы, не доходя 15–30 см до южной стены пещеры.

2-й условный раскопный горизонт слоя 5/1

В горизонте были обильно представлены каменные изделия, бесспорно, среднепалеолитического «мустьерского» облика. Многочисленные кости животных представлены сильно разложившимися остатками, которые фиксировались в виде пятен. Залегал горизонт в виде линзы, не доходя 30–50 см до южной стены пещеры.

Таким образом, разборка слоя 5/1 в раскопе 01 показала, что на данном участке слоя

можно говорить о двух уровнях концентрированного залегания среднепалеолитических артефактов. В первом — совместно с известняковыми обломками, во втором — с многочисленными костями пещерного медведя. Согласно С.Н. Замятнину, слой 5/1 — это основной «нижний мустьерский слой» (Замятнин, 1940, 1950, 1961), а по Е.А. Векиловой — это «3-й культурный слой мустьерского времени» (Векилова, 1967; Векилова и др., 1978).

Слой 5/2 (рис. 1–2, I — *цв. вкладка*)

Это суглинок буровато-серый, тяжелый, сухой, плотный, но комковатый. Так же, как и слой 5/1, обильно заполнен известняковым хрящом и дресвой. Щебня в слое 5/2 практически нет, присутствуют отдельные, разновеликие и разнообразные галечки. Слой залегал в виде небольшой линзы на квадратах 98г — 102г — 105в — 106г — 110г. Мощность слоя — линзы увеличивается к центру отложений, к продольному разрезу. Контакт слоев 5/1 и 5/2 четкий, волнистый. Возле продольного разреза на квадратах 98г, 102г были расчищены два крупных пятна фосфатных стяжений, в виде отдельных разновеликих конкреций с толстым черным налетом на гранях. Слой разбирался 2-мя условными раскопочными горизонтами. Артефакты среднего палеолита и мелкие неопределимые обломки костей в слое 5/2 — редки. По Е.А. Векиловой — это «4-й мустьерский слой» (Векилова, 1967; Векилова и др., 1978). Из середины слоя 5/2 в 1999 г. была получена термolumинисцентная дата = 112000 ± 22000 л.т.н. (РТЛ-927, Москва, МГУ) (Кулаков, 2000).

Слой 6/1 «верх», горизонт 1

(рис. 1–2, I — *цв. вкладка*)

Суглинок сизо-лиловато-коричневый, местами сероватый, тяжелый, плотный, сухой, рассыпается на неравномерные отдельности, многие из них покрыты черным налетом (фосфаты — марганец). На квадратах 106г — 110г было расчищено крупное (до 60 см в диаметре) пятно, мощностью до 20 см, в котором весь суглинок имел толстый черный налет. Горизонт достаточно насыщен известняковым хрящом и дресвой. Горизонт распространяется на всю площадь раскопа, квадраты 94г — 97в — 98г — 101в — 102г — 105в — 106г — 109в — 110г — 113в — 114г, при этом в плане он четко разделяется на два участка. Пристенный участок (квадраты

линии «г» вдоль южной стены пещеры), в котором много сильно корродированного разновеликого известнякового щебня и хряща. Много фаунистических остатков — целых костей и их крупных определяемых обломков (100% — это кости пещерного медведя), обильно представлены мелкие обломки и осколки костей. Артефакты в пристенном участке также представлены достаточным количеством. Участок вдоль продольного разреза (квадраты линии «в») отличается более сизым оттенком и резким уменьшением количества находок артефактов и фауны. Щебень практически отсутствует, незначительным количеством представлены разнообразными, разновеликими галечки.

В целом в горизонте 1 слоя 6/1 находки каменных изделий обильны и дают хороший оружейный набор, что, бесспорно, свидетельствует о наличии среднепалеолитического культурного слоя. С.Н. Замятнин упоминает, что «слой 6» содержит «в верхней части единичные мустьерские кремни» (Замятнин, 1940), у Е.А. Векиловой слой 6/1 — «без культурных остатков» (Паничкина, Векилова, 1962).

Слой 6/1 (низ), горизонт 2

(рис. 1–2, I — *цв. вкладка*)

Это суглинок коричнево-бурый, плотный, тяжелый, комковатый, при высыхании оскольчатой структуры. В горизонте попадают единичные известняковые сильно корродированные щебенки, довольно часто встречаются мелкие галечки. Фаунистические остатки представлены мелкими, неопределимыми обломками костей. Горизонт насыщен пятнами разложившихся костей и костной трухой. В горизонте 2, как и вышележащем горизонте 1, присутствуют мелкие черные пятна, кроме того, черный налет встречается на гранях комков суглинка. Пятна и налет, так же, по структуре сухие и опесчаненные, скорее всего, это марганцевистые или фосфатные образования. На квадратах 109в, 110г, 114г горизонт насыщен также пятнами извести, скорее всего — это следы полностью разложившихся щебенки или натечных образований. На квадратах 101в, 105в, 109в горизонт 2 слоя 6/1 налегал прямо на скалу (стенку-дно) пещеры. Но на самой скале, под суглинком залегала тонкая (2–3 мм), достаточно прочная корочка черного налета на известняке.

В горизонте 2, слоя 6/1 каменные изделия представлены многочисленно, но меньше чем в горизонте 1. Среди кремневых изделий, на-

ряду с простыми сколами и их обломками, гораздо богаче представлены орудийные формы. Одним из отличий 2-го горизонта слоя 6/1 является наличие в нем большого числа использованных и разбитых разновеликих галек.

Таким образом, наблюдения над залегающим артефактов в раскопе 01 дают возможность говорить о 2-х уровнях концентрации каменных изделий в слое 6/1, хотя находки рассеяны по всей толщине слоя.

Слой 6/2 (рис. 1–2, I – *ув. вкладка*)

Суглинок от сизо-сиреневого до сизовато-серого цвета, тяжелый, плотный, но рассыпчатый, сухой. Рассыпается на мелкие неопределимой формы отдельности. В слое представлены мелкие обломки и осколки костей. Слой залегают в виде четко ограниченной линзы на квадратах 98г, 102г, 106г, 110г. На квадрате 98г верх слоя 6/2 бронировался мощной (до 5 см) известковистой коркой сизо-сиреневого цвета, очень плотной и сухой. В археологическом отношении слой 6/2 оказался абсолютно стерильным, чистым и пустым.

Слой 7 (рис. 1–2, I – *ув. вкладка*)

Глина красновато-коричневая, плотная сухая, пластичная, абсолютно стерильная. В плане слой 7 не доходит до южной стены пещеры и оказывается, что слой 7 вложен в слой 8. Из середины слоя 7 в 1999 г. была получена термолюминисцентная дата = 306000 ± 61000 л.т.н. (РТЛ-926, Москва, МГУ) (Кулаков, 2000).

Слой 8 (рис. 1–2, I – *ув. вкладка*)

Желто-серая придонная глина, плотная, пластичная и влажная, включает в себя, местами, обильные разновеликие гальки. Вдоль южной стены пещеры эти гальки концентрируются, и в верхней части слоя 8 образуется своеобразный слой галечника. Как правило, галечник хорошо сцементирован и, местами, прираен к скальному дну пещеры. В археологическом отношении слой 8 абсолютно стерильен.

Слой 9 (рис. 2, I – *ув. вкладка*)

Темно-желтый суглинок с включением гальки, хорошо окатанной, размером 5–6 см. Залегают в самой пониженной части дна пещеры. В археологическом отношении – стерильны.

Литолого-минералогический анализ

Литолого-минералогический анализ включал исследование пещерных отложений методами гранулометрического и рентгенофазового анализов, инфракрасной спектроскопии, геохимическими методами.

Гранулометрический анализ

Для определения гранулометрического состава отложений использовался ситовой метод. Гранулометрический состав отложений является важным показателем палеогеографических условий формирования отложений. Отложения Ахштырской пещеры представляют собой парагенетические ассоциации остаточных отложений с аллювиальными отложениями подземных потоков, с эоловыми отложениями, глинами и суглинками, привнесенными инфильтрационными водами по трещинам и карстовым каналам с поверхности. Исходным материалом при этих процессах могли являться поверхностные почвы, коры выветривания, хемогенные карбонатные образования, обвальные накопления.

Минеральный состав отложений

Минеральный состав отложений определялся с помощью рентгенофазового дифракционного анализа, на установке ДРОН-3. Здесь подробно представлен минеральный состав наиболее интересных слоев:

Контактная зона слоев 5–2/6–1. Состав: кварц, иллит, полевой шпат, апатит, хлорапатит, вулканическое стекло.

Слой 3–2. Состав: кварц, иллит, полевой шпат, апатит, хлорапатит, вулканическое стекло.

Слой 2–2. Состав: кварц, иллит, полевой шпат, апатит, вулканический пепел.

Отложения, содержащие включения вулканического стекла, были проанализированы с помощью метода ИКС (инфракрасной спектроскопии). Отложения слоев 5–2/6–1, 4–2, 3–2 содержат следы вулканического стекла, что подтверждается методами рентгенофазового анализа и ИК-спектроскопией. Содержание вулканического пепла в образцах незначительно, поэтому достаточно сложно определить его характеристики, тем не менее, эти данные являются ценными для реконструкции периодов вулканических извержений и их хронологии.

Геохимия пещерных отложений

Химический состав отложений был исследован с помощью метода рентгеноспектрального флуоресцентного анализа. Анализ проводился в лаборатории Геохимии окружающей среды РГПУ им. А.И. Герцена рентгенофлуоресцентным методом на спектрометре «СПЕКТРОСКАН МАКС». Для реконструкции палеоклиматических условий методом геохимической индикации использовались данные по химическому составу тонкозернистой фракции, размером <0,25 мм.

Палеоклиматические условия осадконакопления (относительная влажность, относительная температура, антропогенное влияние) зависят от степени преобладания факторов физического или химического выветривания на изменение исходных отложений и пород. Для выявления этих факторов полученные данные по химическому составу отложений были обработаны методами математической статистики, методом главных компонент факторного анализа. Поэтому можно отметить, что нижняя и средняя пачки отложений формировались при преобладании процессов химического выветривания, в результате которого были образованы глинистые минералы, верхняя пачка отложений была сформирована при преобладании процессов физического выветривания, при котором происходит образование термо-гравитационных отложений, сложенных карбонатным щебнем.

Для характеристики изменения антропогенной активности использовалось значение изменения фосфатов в отложениях по разрезу. Повышенные значения по сравнению с фоновым могут характеризовать периоды повышенной антропогенной активности.

Условия осадконакопления пещерных отложений по данным литолого-минералогических исследований

Отложения нижнего **слоя 9** (рис. I – *ув. вставка*), залегающие в основании пещеры, представлены темно-желтым суглинком с включениями хорошо окатанной гальки и характеризуются пестрым гранулометрическим составом, что характерно для отложений русловых потоков пещер-источников. Эти процессы могли происходить на ранней стадии развития карстовой полости пещеры.

Глинистые отложения **слоев 8, 7** (рис. I – *ув. вставка*) по данным гранулометрического

анализа характеризуются повышенным содержанием алевритовой и глинистой составляющих. Эти отложения, по-видимому, были сформированы в условиях периодических потоков внутри пещеры-понора. В этот период происходит закрытие входа пещерной полости, возможно, эти процессы происходили в условиях затопления пещеры водами р. Мзымта.

Отложения из **слоя 7** (рис. I – *ув. вставка*) характеризуются увеличением доли влияния химического выветривания, показывая кислую агрессивную среду, в которой не сохраняются карбонаты и костные остатки. Такие условия характерны для более влажных и теплых климатических условий.

Отложения **слоя 6–2** (рис. I – *ув. вставка*), представленные пестроцветным суглинком голубоватого цвета с линзами и пятнами глины красного цвета, по данным гранулометрического анализа характеризуются повышенными концентрациями псаммитовых и глинистых частиц. Формирование этих отложений проходило в условиях руслового потока при постепенном уменьшении уровня воды. Вероятно, на этой стадии развития пещера вновь превращается в пещеру-источник, через которую протекают водные потоки.

Отложения **слоев 6–1 и 5–2** (рис. I – *ув. вставка*) были сформированы на поверхности при уменьшении уровня воды. По данным гранулометрического анализа, эти отложения были сформированы в поверхностных условиях, которые сменялись периодическими подъемами уровня воды в русловых потоках, которые могли быть связаны с сезонными увеличениями уровня воды и образования русловых потоков.

Отложения из **слоя 6–1** (рис. I – *ув. вставка*) были сформированы в условиях преобладания процессов химического выветривания. Формирование отложений проходило в условиях влажного и теплого климата. В этом слое также отмечается увеличение содержания окислов железа, уменьшение содержания окислов марганца и повышение содержания органического вещества. Эти данные свидетельствуют о преобладании кислой, агрессивной среды, с низкими значениями pH, которая способствовала разложению карбонатных отложений и костных остатков. В отложениях этого слоя регистрируются низкие значения фосфатов, минеральный состав также характеризуется незначительным содержанием фосфатных минералов. Возможно, теплые и влажные климатические условия способствовали поступле-

нию в пещеру кислых инфильтрационных вод, богатых гуминами и фульво-кислотами, которые приводили к растворению карбонатных остатков и костных остатков.

Отложения **слоя 5–2** (рис. I – *цв. вкладка*) характеризуются тем, что процессы физического выветривания несколько преобладали над процессами химического выветривания. Можно отметить, что климат в этот период стал немного прохладнее и суше. Эти отложения также характеризуются низкой долей органического материала, уменьшением содержания окислов железа и увеличения содержания окислов марганца.

Для отложений из **зоны контакта слоев 5/2–6/1** (рис. I – *цв. вкладка*) отмечается присутствие следов вулканического пепла, также отмечаются повышенные содержания элементов, связанных с вулканической активностью. Можно предположить, что период формирования этого горизонта характеризовался прохладными и сухими условиями. Антропогенная активность в этих отложениях низкая.

Формирование отложений суглинков **слоя 5–1** (рис. I – *цв. вкладка*) проходило в поверхностных условиях. Климатические условия могут быть охарактеризованы как умеренно теплые и влажные, преобладают в верхней части слоя. По-видимому, в результате преобладания процессов химического выветривания, в верхней части слоя сохранность костных остатков значительно хуже. В верхней части слоя фиксируется уменьшение количества фосфатов и фосфатных минералов, которые не сохраняются в кислых условиях.

Формирование отложений суглинков **слоя 4–2** (рис. I – *цв. вкладка*) также происходит в поверхностных условиях. Условия формирования сходны с условиями формирования слоя 5–1, но немного уменьшается доля химического выветривания. Отложения характеризуются повышенными концентрациями окислов марганца и содержанием марганцевых минералов. Эти показатели характеризуют преобладание теплых и сухих климатических условий. Кроме того, в отложениях этого слоя фиксируются следы вулканического пепла, отмечаются повышенные содержания элементов, связанных с вулканической активностью, наблюдаются повышенные концентрации органического вещества, для формирования которого, по-видимому, были благоприятные условия. Отложения этого слоя также характеризуются высоким содержанием фосфатов и фосфатных мине-

ралов. Преобладание сухих и теплых условий способствовало хорошей сохранности костных остатков в этом слое.

Климатические условия формирования отложений **слоя 4–1** (рис. I – *цв. вкладка*) сходны с условиями формирования отложений слоя 4–2. В отложениях слоя 4–1 не фиксируется следов вулканической деятельности.

Глины бежево-коричневого цвета, с отдельными включениями обломков карбонатного щебня **слоя 3–2** (рис. I – *цв. вкладка*), по данным гранулометрического анализа, обогащены глинисто-алевритовой фракцией. Формирование такого типа отложений происходило под влиянием периодических потоков и инфильтрационных вод, проникающих внутрь пещеры по трещинам и карстовым каналам с поверхности, образуя небольшие застойные водоемы. В формировании отложений большую роль играют процессы физического выветривания. В составе отложений присутствуют термо-гравитационные отложения. Глинистые минералы характеризуются преобладанием монтмориллонита. Эти показатели указывают на прохладные и сухие климатические условия, преобладающие в этот период. Также в отложениях были зафиксированы следы вулканического пепла, отмечены повышенные содержания элементов, связанных с вулканической деятельностью. Сохранность костных остатков в отложениях хорошая. Антропогенная нагрузка по сравнению с предыдущим слоем уменьшается.

Формирование отложений **слоя 3–1** (рис. I – *цв. вкладка*) связано с интенсивными термо-гравитационными процессами. Этот слой представлен суглинком коричневого цвета, насыщенным карбонатной щебенкой. В формировании отложений большую роль играют процессы физического выветривания. Климатические условия можно охарактеризовать, как прохладные и сухие. Антропогенная нагрузка увеличивается по сравнению с предыдущим горизонтом.

Отложения горизонтов **слоев 2–3 и 2–2** (рис. I – *цв. вкладка*) были сформированы в аналогичных условиях. Формирование отдельных горизонтов слоя 2–2 проходило при участии инфильтрационных вод и периодических потоков, на это указывает повышенное содержание алевритовой и глинистой фракций в этих отложениях. В нижнем горизонте слоя 2–2 фиксируются следы вулканического пепла, повышенное содержание вулканогенных микроэлементов.

Отложения **слоя 1** (рис. 1 – *ув. вкладка*) были сформированы в условиях современного климата, характеризуются повышенным содержанием органики, преобладанием почвенных процессов.

Повышенные содержания апатита в слоях отложений пещеры вместе с найденными костными остатками свидетельствуют об интенсивном освоении пещеры животными и древними людьми в среднем и верхнем плейстоцене. Плохая сохранность костных тканей в нижних слоях связана с процессами разложения костных остатков в результате процессов растворения инфильтрационными и поточными водами, обогащенными гумусовыми кислотами, сформировавшимися в теплые и влажные климатические периоды.

В составе отложений отмечаются следы присутствия вулканического пепла. Эти данные могут быть важными для установления хронологии осадконакопления пещерных отложений и этапов заселения пещеры древним человеком.

По данным О.А. Богатикова и др. (2003), одно из древних эксплозивных извержений, пеплы которого были аэралью перенесены в низовья р. Волги между городами Астраханью и Волгоградом, имело место 100–120 тыс. лет тому назад. Линза этого пепла, аналогичная по химизму и геохимическим особенностям пирокластике одного из ранних эксплозивных извержений Эльбруса, обнаружена в верхах верхнехазарских отложений. Возможно, отложения, содержащие следы пепла контакта слоев 5/2–6/1, были сформированы в этот период.

Затем, 72 тыс. лет назад был следующий, из пока установленных, этапов активности вулкана Эльбрус (скорее всего, работал кратер вулкана в районе ледника Кюкюртли). Этому событию может соответствовать формирование слоя 4/2.

Отложения вулканического пепла в слое 3/2 связано со следующим катастрофическим событием, произошедшем около 40 тыс. лет назад. По данным палеомагнитных исследований (Pospelova et al., 2007), для этого горизонта фиксируется палеомагнитная аномалия, которая коррелируется с магнитным экскурсом Каргополово и датируется возрастом около 45–39 тыс. лет назад. Остатки пепла этого возраста фиксируются в отложениях Мезмайской пещеры Северного Кавказа и имеют возраст около 40 тыс. лет назад. По данным О.А. Богатикова и др. (2003), извержение на Кавказе

около 39 тыс. лет назад связано с образованием на Бечасынском плато, в верховьях р. Тоханы, одноактного щитового вулкана исландского типа (г. Таш-Тебе). Это был один из периодов сильного похолодания и оледенения.

Следующий этап, связанный с вулканической активностью, зафиксирован в отложениях слоя 2/2. По данным проведенного радиоуглеродного анализа отложения из «углистого» горизонта слоя 2–2 имеют возраст 18370 ± 400 лет назад. Эксплозивное извержение, в виде пеплового горизонта с $C14$ возрастом 17–18 тыс. лет, было обнаружено у станции Темижбекская в террасе р. Кубани.

Выводы

Итогом изложенной работе может послужить первая пробная реконструкция заселения и обитания первобытными коллективами Ахштырской пещерной стоянки, которая расположена, согласно «Кадастру карстовых полостей Западного Кавказа» в Большой Казачебродской пещере, являющейся «гравитационно-коррозионной пещерой-понором» (Комплексные ... 1987).

Согласно С.А. Несмеянову, карстовая полость в правом борту р. Мзымта открылась в среднем плейстоцене, 150–200 тысяч лет тому назад (Несмеянов, 1999. С. 321–322).

1. Нижние глинистые стерильные слои 9 и 8, как представляется, демонстрируют начало заполнения карстовой полости рыхлыми отложениями еще до того, как входное отверстие в пещеру было прорезано рекой, или в самом начале этого процесса. По крайней мере, слой 8 – «галечник» свидетельствует о проникновении в пещеру речной гальки в большом количестве.

2. Коричнево-красная глина слоя 7 образовалась (поступила) в пещеру в очень влажных и теплых условиях одного из межледниковий. Раскоп 01 показал, что мощный слой 7 отложился на сильно промытую, особенно вдоль южной стены полости (рис. 1 – *ув. вкладка*), но перед этим успешно сцементироваться корытообразную поверхность слоя 8. РТЛ-дата в 306 тысяч л.т.н. из середины слоя 7 не противоречит современной хронологии Лихвинского межстадиала, например.

3. Археологически пустая линза слоя 6/2 еще раз показывает картины естественной жизни живой пещеры-понора. Сильное об-

воднение — быстро текущая вода — промыв врез в слое 7 — заполнение лужи врез-линзы суглинком уже в слаботекущей или стоячей воде.

4. Формирование отложений слоя 6/1 демонстрирует самые благоприятные условия обживания пещеры. Теплый и влажный климат низкорья, доступность пещеры, высота над рекой не более 10 м (Несмеянов, 1999. Табл. 20.5) способствовали долговременному обитанию человеческих коллективов в полости, что подтверждается самой высокой концентрацией артефактов в этом уровне на раскопе 01 (табл. 2). Литологическое подразделение 6/1 можно уверенно рассматривать как остатки растащенного по глубине культурного слоя раннего среднего палеолита с пластинчатой технологией расщепления камня, базирующейся на местном сырье, и изготовлением уникальных двусторонних листовидных накопителей.

5. Линза слоя 5/2 вновь показывает нам перерыв в пещерном осадконакоплении, сильное обводнение верхов слоя 6/1 стоячей водой, образование огромных луж и пещерных озер, которые размывали нижележащий культурный слой и растаскивали артефакты по высоте. РТЛ-дата 112 тысяч л.т.н. для середины слоя удостоверяет время начала очередного межледникового, по всей видимости, Микулинского (Рисс-Вюрмского). Пепел в зоне контакта слоев 6/1–5/2, который привязывается к извержениям Эльбруса около 120 тысяч л.т.н., укрепляет положение о рисс-вюрмском возрасте слоя 5/2.

6. Отложения слоя 5/1 формировались в умеренно теплых и влажных условиях межледникового, что способствовало очередному долговременному обживанию человеком пещеры, что демонстрирует увеличение количества артефактов в раскопе 01 (табл. 2). В культурном плане это были носители той же традиции, которая фиксируется и в слое 6/1.

7. Слой 4/2 дает первую большую загадку в пачке ахштырских пещерных отложений. В стратиграфическом и планиграфическом отношениях — это линза отложений, врезанных в слой 5/1 (рис. 2, I — *ув. вкладка*). То есть вполне логично предположить, что перед нами опять следы переобводнения пещерной полости и размыв верхов культурного слоя 5/1 в больших лужах или озерах стоячей воды. Но с другой стороны, литолого-минералогический анализ дает нам комфортные теплые и сухие климатические условия. Это противоречие

требует дальнейшего изучения. Пепел в слое 4/2 привязывается к 72-тысячелетнему извержению вулкана Эльбрус.

8. Слой 4/1, несмотря на внешние большие отличия от слоя 4/2 (цвет, структура и пр.), свидетельствует также о комфортных сухих и теплых условиях. Слой залегает по всей площади пещеры, но артефактов в нем гораздо меньше, чем во всех других среднепалеолитических слоях, даже вдвое меньше, чем в линзе слоя 4/2 (рис. I — *ув. вкладка*; табл. 2). Недаром С.Н. Замятнин определял слой 4 как стерильный (Замятнин, 1940, 1961). С этого уровня в пещере появляются носители среднепалеолитической индустрии также с пластинчатой технологией расщепления камня, базирующейся на местном сырье. Основные категории орудийного набора этого уровня те же, как и в нижележащих отложениях, кардинальное отличие — это отсутствие двусторонних листовидных форм. Что это означает? Развитие культуры, зафиксированной в слоях 6/1–5/1, как считали С.Н. Замятнин (1961), Е.А. Векилова (1967, 1973) и Д.А. Чистяков (1996) и считают современные исследователи среднего палеолита Кавказа (Голованова и др., 2003, 2005, 2006; Любин, 1977, 1989; Любин, Беляева, 2006). Или появление новых первобытных коллективов с новой культурной традицией, — требует, на наш взгляд, дальнейшего углубленного изучения.

9. Данные литолого-минералогического и стратиграфического анализов слоя 3/2 оказались неожиданными. Сильное обводнение пещеры, текущая вода и залегание слоя в виде линзы вдоль южной стены пещеры плохо связываются с сухим прохладным климатом и выделением этого седимента как основного «верхнего мустьерского слоя». Еще более усложняет картину присутствие пепла в слое, которое связывается с извержением на Кавказе около 40 тысяч л.т.н. Это время палеомагнитного экскурса Каргополово — время сильного похолодания и иссушения климата (Pospelova et al., 2007). Для более точного понимания необходимо продолжение целенаправленного изучения слоя 3/2.

10. Слой 3/1, на наш взгляд, оказывается еще более загадочным. Прохладные и сухие условия начала оледенения (скорее всего последнего), начинается процесс интенсивного шелушения стен и потолка пещеры, начинает образовывать мощная щелнистая пачка в отложениях пещеры. Не самые комфортные ус-

ловия для жизни, но при этом слой насыщен находками, количество найденных артефактов на втором месте после слоя 6/1, при этом в коллекции представлены как среднепалеолитические формы, так и изделия верхнего палеолита, возможно, мезолита–неолита и даже энеолита (Кулаков, 2005). Что это за «каша», могут быть различные предположения, пока мы придерживаемся точки зрения, что это механическая смесь артефактов в результате размыва и переотложения нижележащих культуроросодержащих отложений.

11. Щебнистая толща, слои 2/3–2/2–2/1 формировались в сходных климатических условиях оледенения холодных и сухих, только слой 2/2 дает более влажную среду в пещере.

В этом же слое фиксируется и вулканический пепел. Абсолютные датировки этой пачки отложений в 25, 24, 19 и 18 тысяч л.т.н. удачно распределяются по глубине и предоставляют некоторые основания для ее разграничения, но чрезвычайно малое количество артефактов и сложность, пока, археологического разделения верхнего палеолита и мезолита – неолита Западного Кавказа не дают возможность сделать это бесспорно.

Такой, пока, представляется картина использования Ахштырской пещерной стоянки первобытными коллективами, она, конечно, не бесспорна и будет дополняться и уточняться данными других методов исследования.

Литература

- Богатилов О.А., Мелекесцев И.В., Гурбанов А.Г. и др., 2003. Катастрофическая плейстоценовая и голоценовая активность вулканического центра Эльбрус (Северный Кавказ, Россия): события и хронология по данным ¹⁴С, ЭПР и К-Аг датирования // Вулканология и сейсмология. М. Вып. 2. С. 3–17.
- Векилова Е.А. Отчет о работе Северо-Кавказского палеолитического отряда в 1961 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 241, 242.
- Векилова Е.А., 1967. Краткие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961–1965 гг. // Краткие сообщения ИА АН СССР. М. Вып. 111.
- Векилова Е.А., 1973. О зубчатом мустье и зубчатых орудиях мустьерских слоев Ахштырской пещеры // Краткие сообщения ИА АН СССР. М. Вып. 137. С. 46–53.
- Векилова Е.А., Грищенко М.Н., 1972. Результаты исследования Ахштырской пещеры в 1961–1965 гг. // Палеолит и Неолит СССР. Л. Т. VII. С. 41–54. (МИА СССР; № 185).
- Векилова Е.А., Гричук В.П., Губонина З.П., Ермолова А.М., Зубов А.А., Муратов В.М., Фриденберг Э.О., 1978. Ахштырская пещера // Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа: путеводитель совмест. сов.-фр. рабочего полевого семинара по теме «Динамика взаимодействия природ. среды и доист. об-ва». М. С. 37–48.
- Голованова Л.В., Доронищев В.Б., 2003. Палеолит Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 3. С. 3–44.
- Голованова Л.В., Доронищев В.Б., 2005. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 5. С. 3–72.
- Голованова Л.В., Доронищев В.Б., Левковская Г.М., Лозовой С.П., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Романова Г.П., Харитонов В.М., 2006. Пещера Матузка. СПб.
- Гричук В.П., Губонина З.П., Муратов В.М., Фриденберг Э.О., 1970. О результатах спорово-пыльцевого анализа отложений палеолита кавказских пещер // Известия АН СССР. Серия географическая. М. № 4.
- Грищенко М.Н., 1971. Некоторые особенности геологии Ахштырской пещеры // Палеолит и Неолит СССР. Л. Т. VI. С. 49–60. (МИА СССР; № 173).
- Замятнин С.Н., 1940. Навашищенская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа // БКИЧП. М.; Л. № 6–7. С. 100–101.
- Замятнин С.Н., 1950. Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936–1948 гг. // Материалы по четвертичному периоду СССР. М.; Л. Вып. 2. С. 127–139.
- Замятнин С.Н., 1961. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту. М.; Л. С. 67–118.
- Комплексные карстолого-спелеологические исследования и охрана геологической среды Западного Кавказа: (методические рекомендации), 1987. Сочи.

Кулаков С.А. Отчет о работе Причерноморского палеолитического отряда ИИМК РАН в 1996 г. // Архив ИА РАН. 1996.

Кулаков С.А., 1999. Отчет о работе Причерноморской палеолитической экспедиции ИИМК РАН в 1999 году // Архив ИА РАН. 2000.

Кулаков С.А., 2000. Некоторые новые данные к изучению Ахштырской пещерной стоянки (Северо-Западный Кавказ) // Археологические вести. СПб. № 7. С. 20–28.

Кулаков С.А., 2005. Новые данные по стратиграфии и хронологии Ахштырской пещерной стоянки (Северо-Западный Кавказ) // Четвертая Кубанская археологическая конференция: тезисы и доклады. Краснодар. С. 158–161.

Кулаков С.А., Барышников Г.Ф., Левковская Г.М., 2007. Некоторые результаты нового изучения Ахштырской пещерной стоянки (Западный Кавказ) // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. СПб. С. 65–81.

Кулаков С.А., Барышников Г.Ф., Кулькова М.А., Сапелко Т.В., 2008. Ахштырская пещерная стоянка (некоторые предварительные результаты исследования) // Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конференции. Краснодар. С. 200–206.

Кулькова М.А., Шаврина К.Ф., 2008. Некоторые аспекты палеоэкологии Ахштырской пещеры // Геология, геоэкология, эволюционная география. СПб. VIII.

Любин В.П., 1977. Мустьерские культуры Кавказа. Л.

Любин В.П., 1989. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л. С. 9–142. (Палеолит мира).

Любин В.П., Беляева Е.В., 2006. Ранняя преистория Кавказа. СПб.

Несмеянов С.А., 1999. Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита (на примере Западного Кавказа). М.

Паничкина М.З., Векилова Е.А., 1962. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г. // Краткие сообщения ИА АН СССР. М. Вып. 92.

Поспелова Г.А., Казилко-Ховмонд М., Крүль Е., Кручек Я., Кулаков С.А., Левковская Г.М., 2004. Направление геомагнитного поля и палеоклиматическая запись в отложениях Ахштырской палеолитической стоянки (Северный Кавказ) // Материалы международного симпозиума «Палеомагнетизм и магнетизм горных пород. Теория. Практика. Эксперимент». Казань.

Чердынцев В.В., Алексеев В.А., Кинд Н.В., Форова В.С., Завельский Ф.О., Сулержицкий Л.Д., Чурикова И.В., 1965а. Радиоуглеродные даты лаборатории Геологического института (ГИН) АН СССР // Геохимия. М. № 12.

Чердынцев В.В., Казачевский И.В., Кузьмина Е.А., 1965б. Возраст плейстоценовых карбонатных формаций по изотопам урана и тория // Геохимия. М. № 9.

Чистяков Д.А., 1996. Мустьерские памятники Северо-Восточного Причерноморья. СПб.

Baryshnikov G., 1998. Cave bears from the Paleolithic of the Greater Caucasus // Quaternary Paleozoology in the Northern Hemisphere. Springfield.

Baryshnikov G., 2000. Late Pleistocene cave bear (*Ursus deningeri kudaransis*) from the Akhstyrskaya Cave in the Caucasus (Russia) // Beitr. Palaont. Wien. N 25.

Pospelova G.A., Krol E., Levkovskaya G.M., Kruczyk J., Kadzialko-Hofmokl M. and Kulakov S.A., 2007. Magnetic, paleomagnetic and palynologic studies of Paleolithic depositions of the Akhshtyrskaya cave (Russia) // Acta Geophysica. Versita. Vol. 55, n. 4. P. 619–639.

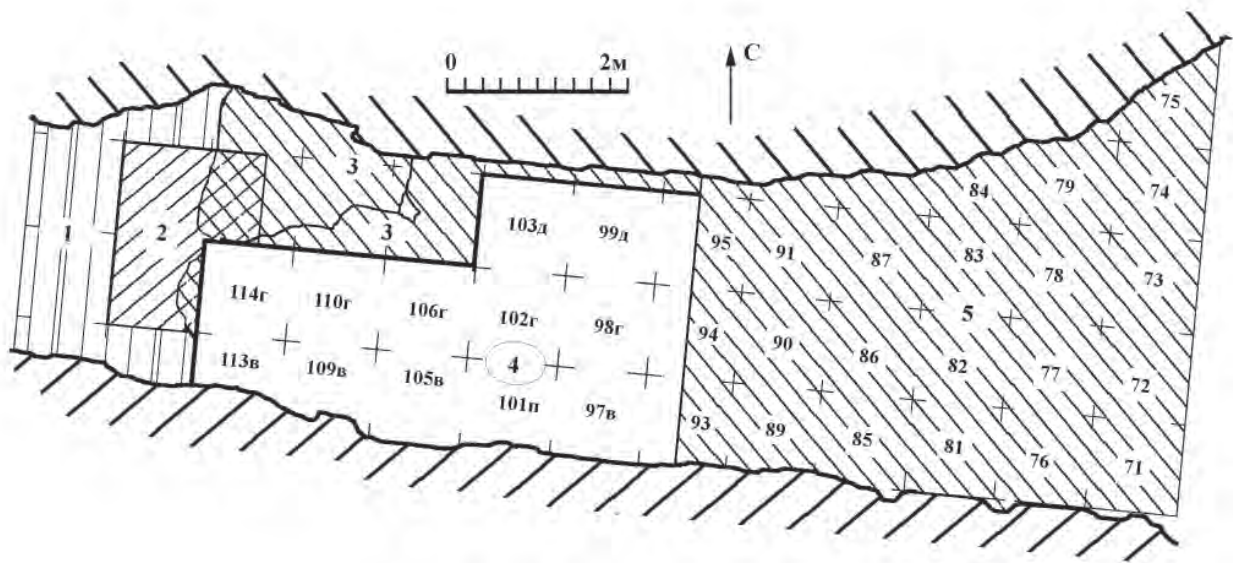

Рис. 1. Ахштырская пещерная стоянка. Фрагмент плана пещеры (Векилова. Отчет, 1961). Расположение раскопа 01 (1999–2008 гг.).

Сохранившаяся дневная поверхность пещерных отложений.

Засыпанный шурф Е.А. Векиловой, 1961 г.

Участок разрушенных пещерных отложений.

Раскоп 01 (1999–2008 гг.)

Участки памятника, раскопанные в 1937–1938, 1961–1965 гг.

97в – 114г – нумерация квадратов 1999–2008 гг.

71 – 05 – нумерация квадратов 1937–1965 гг.

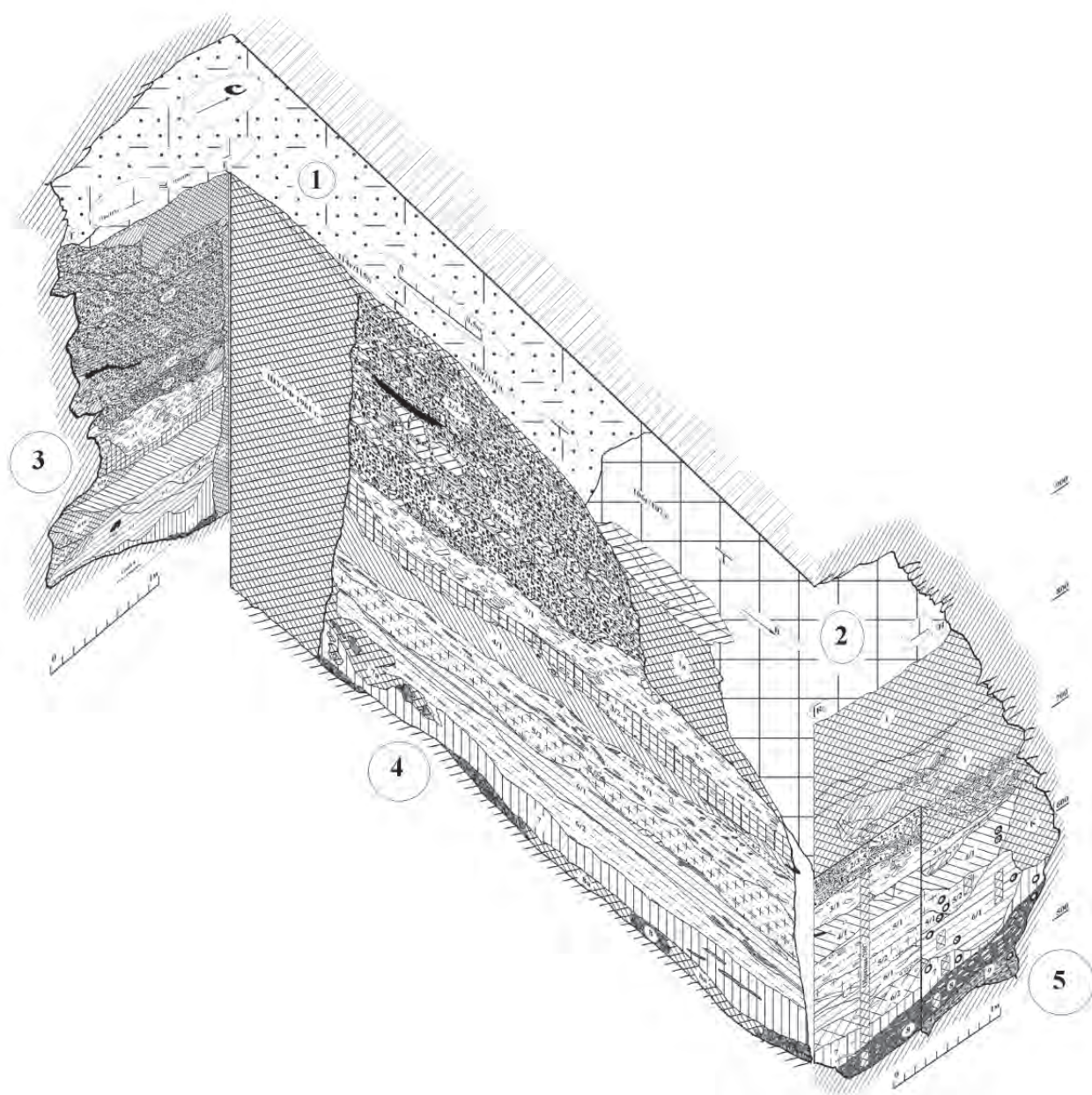

Рис. 2. Ахштырская пещерная стоянка. Раскоп 01, стенки:

1. Дневная поверхность не разрушенных пещерных отложений.
2. Дневная поверхность разрушенных пещерных отложений.
3. Поперечный разрез T-T¹, 1999–2008 гг. (западная стена раскопа).
4. Продольный разрез T¹-R, 1999–2008 гг. (северная стена раскопа).
5. Поперечный разрез R-H, 1996–2008 гг.

Таблица 1 (продолжение)

1	6	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		В верхней части единичные мустьерские кремни			Слой 6		Слой 6	Без культурных остатков			Слой 13		Слой 6/1		Слой 6/1	Средний палеолит
													Слой 6/2		Слой 6/2	Стерильный
	7	Находок нет			Слой 7	Находок нет	Слой 7	В самой верхней части – единичные кремни и кости			Слой 14		Слой 7	Мустьерские изделия	Слой 7 306000± 61000 л.т.н.	Стерильный
											Слой 15	Костеносный конгломерат	Слой 8		Слой 8	Стерильный
													Слой 9		Слой 9	Стерильный

Таблица 2

**Ахштырская пещерная стоянка.
Обобщенная стратиграфия и распределение артефактов в раскопе 01**

Замятнин С.Н., 1940, 1961 гг.	Паничкина М.З., Векилова Е.А., 1962 г.	Векилова Е.А., 1967 г.	Векилова Е.А., Грищенко М.Н., 1972 г.	Векилова Е.А. и др., 1978 г.	Кулаков С.А., 1999–2008 гг.		
					Отложения	Артефакты	
Слой 1	Слой 1		Слой 1	Слой 1	Слой 1	1	
Слой 1а							
Слой 1б							
Слой 2	Слой 2	Слой 2	Слой 2	Слой 2/1	Слой 2/1	2	
			Слой 3	Слой 2/2	Слой 2/2	5	
			Слой 4				
			Слой 5	Слой 2/3	Слой 2/3	47	
Слой 6							
Слой 3	Слой 3а	Слой 3а	Слой 7	Слой 3/1	Слой 3/1	108	
	Слой 3	Слой 3	Слой 8	Слой 3/2	Слой 3/2	14	
Слой 4	Слой 4	Слой 4	Слой 9	Слой 4/1	Слой 4/1	5	
	Слой 4а		Слой 10	Слой 4/2	Слой 4/2	16	
Слой 5	Слой 5	Слой 5	Слой 11	Слой 5/1	Слой 5/1	48	
		Слой 5а	Слой 12	Слой 5/2	Слой 5/2	31	
Слой 6	Слой 6		Слой 13	Слой 6/1	Слой 6/1	134	
				Слой 6/2	Слой 6/2		
Слой 7	Слой 7		Слой 14	Слой 7	Слой 7		
				Слой 15	Слой 8	Слой 8	
					Слой 9	Слой 9	

История изучения среднепалеолитических памятников бассейна Верхней Десны*

*А.К. Очередной***

История исследования среднего палеолита Среднего течения Десны насчитывает уже более шестидесяти лет и может делиться на несколько этапов. Средний палеолит на Верхней Десне был зафиксирован в 1939 году и первые отрывочные данные в течение почти 20 лет являлись единственными — до конца 1950-х и начала 1960-х годов наступил значительный перерыв в изучении региона. Интенсивные разведки, производившиеся здесь с конца тридцатых до семидесятых годов, были приурочены к выходам кремня, залегающего в достаточно четких стратиграфических условиях. Открытие на Верхней Десне широко известных памятников Хотылево I и Хотылево 2 связано именно с одним из таких обнажений. Комплексный подход к раскопкам памятников обусловил разнообразие точек зрения на условия залегания каждого из них. В первую очередь это сказалось на вопросах датирования. Определение возраста памятников на сегодняшний день во многом базируется на типологических характеристиках материала и на разных характеристиках его стратиграфического положения. Пик комплексных исследований на Верхней Десне приходится на двадцатилетие с начала шестидесятых до конца семидесятых годов XX века. Именно в это время с незначительным перерывом здесь работали две экспедиции, привлекавшие в свой состав специалистов-естественников. Экспедиция из Брянского краеведческого музея под руководством Ф.М. Заверняева занималась планомерными исследованиями в селе Хотылево, а немного выше по течению Десны, в районе села Бетово, в 70-е годы аналогичными работами на нескольких памятниках занималась Деснинская (Среднерусская) экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством Л.М. Тарасова (см. рис. 1).

Первый этап исследования среднего палеолита Верхней Десны приходится на конец 30-х годов и связан с деятельностью М.В. Воеводского и сотрудников его Деснинской экспедиции, работы которой в 1939 году проходили в верхнем и среднем течении Десны. Основное внимание уделялось среднесеснинским памятникам и в частности району с. Пушкари и уже известной к тому времени зоне концентрации верхнепалеолитических памятников (обнаружение и начало раскопок Пушкарей М.Я. Рудинским в 1932 году) и среднепалеолитических местонахождений (Воеводский, 1940. С. 34–36; Хохловкина, 1947. С. 80–81; Беляева, 2002. С. 10). Орловский отряд Деснинской экспедиции в составе В.А. Хохловкиной, Т.Н. Тралло и Т.С. Кулагиной проводил разведочные работы в верхнем течении реки у д. Нёготино. Именно здесь, на правом берегу Десны, были сделаны первые находки кремневых изделий, охарактеризованные М.В. Воеводским как среднепалеолитические (Воеводский, 1947. С. 81–83). Среди них не было орудий. Воеводский перечисляет характеристики 14 предметов, лишь пять из которых наиболее выразительны. Определение этих предметов в качестве изделий (отщепов) позволило впервые установить наличие среднепалеолитического материала на Верхней Десне и сравнить его типологические характеристики с предметами, обнаруженными Деснинской экспедицией в районе сел Чулатово, Араповичи и Пушкари на Средней Десне (Воеводский, 1946. С. 89–91; 1950. С. 218–222; 1952. С. 26–37).

Интересно, что позже подъемный материал в Нёготино был обнаружен Ф.М. Заверняевым (в 1948 году) и В.П. Левенком (в 1956 году), которому удалось собрать коллекцию из

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект 08-06-00213-а).

** Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

40 предметов, к сожалению, утраченных позже (Чубур, Миненко, 2006. С. 46).

Второй этап можно целиком связать с деятельностью Ф.М. Заверняева и Л.М. Тарасова — обнаружением и многолетними исследованиями стратифицированных среднепалеолитических памятников Хотылево I и Бетово. Объединение работ Ф.М. Заверняева и Л.М. Тарасова в один этап во многом связано как с тем, что это были первые комплексные исследования памятников в регионе, так и с тем, что анализ результатов изучения разных по сложности и представительности среднепалеолитических комплексов строился на одинаковых принципах использования формально-типологического (статистического) метода, применение которого позволило не только детально описать обнаруженные комплексы, но и интерпретировать их (ашело-мустьерский комплекс Ф.М. Заверняева, с выделенными в нем комплексами кина и феррасси; зубчатое мустье в раннем определении специфики бетовской индустрии Л.М. Тарасовым).

Первые находки (кости мамонта и несколько орудий) в районе будущего обширного среднепалеолитического местонахождения Хотылево I были сделаны в 1948 году учащимися местной школы и местными краеведами. Спустя десять лет, в 1958 и 1959 годах, высокий и разделенный балками коренной берег Десны, к которому выходит с. Хотылево, был обследован Ф.М. Заверняевым и смоленским геологом Е.А. Шмидтом. Разведочные работы выявили стратиграфическую позицию культуросодержащего горизонта и приблизительную площадь распространения памятника. Было установлено, что горизонт с находками залегает «непосредственно на коренных породах меловой системы — на глауконитовых песках, сверху он перекрыт толщей четвертичных отложений в 15,65 м» и фиксируется на протяжении 400 м вдоль берега реки (Заверняев, 1961. С. 243–247).

Исследованием памятника занимался Брянский государственный краеведческий музей (БГОКМ), и экспедиция под руководством Ф.М. Заверняева начала регулярные раскопки, продолжавшиеся в течение пяти лет. За это время вдоль правого берега Десны экспедицией было заложено 6 раскопов и несколько шурфов (рис. 2).

В работе экспедиции в разное время принимали участие проводивший систематические исследования на Верхней и Средней Десне А.А. Величко (Величко, 1961), а также геоло

логи А.И. Москвитин, М.Н. Грищенко, Г.И. Горещкий, В.П. Гричук, И.К. Иванова, Л.Н. Вознячук, И.Н. Салов и др. (Заверняев, 1978. С. 6). Каменный инвентарь анализировался частично с участием Н.Д. Праслова (Праслов, 1984. С. 108–109). Палинологический анализ части разреза производился Н.А. Махнач и В.П. Гричук, малакофауна определялась В.М. Мотузом (Мотуз, 1967. С. 150–154). С немногочисленными фаунистическими остатками в разное время работали В.И. Громов, В.И. Бибикина, В.Е. Гарутт, И.К. Иванова и А.А. Чубур.

В течение первых сезонов были выявлены основные характеристики обнаруженного памятника. Выразительный культурный слой здесь отсутствовал. Находки изделий были приурочены к слою галечника, минимальная протяженность которого оценивалась Ф.М. Заверняевым в 1 км в обнажениях коренного берега Десны. Также, практически сразу, было установлено, что культурный горизонт здесь часто фиксируется во вторичном залегании и степень переотложенности находок — разная. В раскопах и зачистках, расположенных выше по течению (т.н. «верхние участки памятника»), материал был представлен всеми типами продуктов расщепления, вплоть до чешуек, а его состояние — отсутствие следов окатанности и оглаженности, мелкой прерывистой псевдоретуши по краям изделий и люстрированных поверхностей — свидетельствовало в пользу ненарушенного положения этой части памятника. Кроме того, было зафиксировано неравномерное распределение и изделий и, собственно, отдельных сырьевых в разных раскопах, общая площадь которых составила 490 м² (Заверняев, 1961. С. 6–7; 1978. С. 7, 31–35).

В итоге исследований Ф.М. Заверняевым была сформирована коллекция из 18 000 каменных изделий, среди которых выделялось 1 600 нуклеусов, 883 орудия и более 8 000 сколов-заготовок (рис. 5) (Заверняев, 1978. С. 36). Уже первичный анализ материала продемонстрировал его типологическую неоднородность. Первоначально памятник был определен как мастерская, а материал был разделен на аморфный и ашело-мустьерский комплексы (Заверняев, 1971. С. 174; 1977. С. 45–47; 1978. С. 47–64). Позже, при анализе всей коллекции, ашело-мустьерская часть коллекции была также дифференцирована на несколько самостоятельных комплексов. На сегодняшний день коллекция Хотылево I, хранящаяся в фондах БГОКМ, в результате нескольких переездов, к сожалению, сильно сократилась в объеме.

Продолжение подробного и интенсивного изучения Верхней Десны связано с открытием Л.М. Тарасовым в начале 70-х годов целой группы новых памятников в 10 км выше Хотылево по течению реки. Разведки Л.М. Тарасов вел практически все время своей работы на Верхней Десне — после открытия стоянки Бетово в 1971 году и начала ее планомерных исследований в 1972 году вблизи поселка Бетово были открыты еще несколько памятников — это многослойные стоянки Коршево I и Коршево II (1973 год) и местонахождение Лебедевка (1974 год). В 1975 году начаты исследования окрестностей д. Нёготино, на северной окраине которой, в приустьевой части русла р. Руднянки, был собран подъемный материал и заложен небольшой раскоп в 15 м². Позже, в 1981 и 1983 годах, Л.М. Тарасов проводил разведки и раскопки в самом Нёготино, после работ отряда Хохловкиной более не исследовавшегося. Кроме того, за десять лет в окрестностях Бетово экспедицией Л.М. Тарасова было открыто несколько местонахождений неолитического, мезолитического и, вероятно, верхнепалеолитического возраста (Тарасов, 1983. С. 92–93; 1989. С. 169; 1992. С. 90–95) (рис. 3).

Основное внимание уделялось исследованию однослойной Бетовской стоянки, так как уже в первые сезоны здесь была собрана большая коллекция разнообразного кремневого инвентаря среднепалеолитического облика и фаунистических остатков. Кроме того, так же, как и в Хотылево, материал здесь был четко стратифицирован. Стоянка была обнаружена в осыпи пятнадцатиметрового лессового обнажения, расположенного на пойменном участке правого берега Десны. Культурный горизонт, мощность которого доходила до 1 м, залегал на коренном песке сеноман-альбского яруса меловой системы и перекрывался мощной шестиметровой толщей лессов с выраженной слоистостью. Значительная коллекция была собрана уже в результате первой зачистки, что могло свидетельствовать о потенциале памятника. Исследования начинались с разведочных раскопов (68 м² за первые два года), которые позже расширялись. В итоге, раскопки производились широкими площадями, что влекло за собой необходимость использования техники для удаления немой лессовой толщи — в общей сложности за все годы раскопок была вскрыта площадь в 500 м² (Тарасов, 1989. С. 172) (рис. 3).

Комплексности исследований здесь, так же, как и в Хотылево, уделялось значительное

внимание. Фаунистические остатки определялись Н.М. Ермоловой (крупные млекопитающие), И.М. Громовой (грызуны) и Н.И. Бурчак-Абрамовичем (птицы), палинологические анализы разрезов Бетово, Коршево I и Коршево II производились Г.М. Левковской.

В отличие от Хотылево I, в Бетово выяснение состояния культурного горизонта потребовало больше времени. Результаты первых сезонов свидетельствовали о постдепозиционных нарушениях в слое, который «видимо, частично смещен сюда с участка, лежащего выше по склону» (Тарасов, 1977а. С. 23). Однако позже, после вскрытия восточной части памятника, изучения разрезов и сохранности зафиксированных скоплений фаунистических остатков, расщепленного кремня и углистых прослоек, было выдвинуто предположение о сохранности слоя с находками *in situ* (Тарасов, 1986а. С. 262; 1987а. С. 53; 1989. С. 172). Таким образом, Бетово на сегодняшний день является единственным среднепалеолитическим памятником на Верхней Десне, разная сохранность культурного горизонта которого зафиксирована стратиграфически. Еще одной очень важной характеристикой слоя, содержащего культурные остатки, является его насыщенность отдельностями плитчатого кремня, осколками и обломками естественного происхождения. Именно этот кремень и составил сырьевую базу каменного инвентаря (Тарасов, 1973а. С. 202; 1977а. С. 23; 1988. С. 33). В данном случае эта особенность культуросодержащего слоя практически полностью аналогична характеристикам слоя с находками на памятнике Хотылево I. Коллекция памятника, так же, как и в случае с Хотылево I, весьма обширна и насчитывает около 10 000 экз., из которых к орудиям относится 1 080 изделий, а 1 716 изделий — к сколам-заготовкам (Тарасов, 1995. С. 16) (рис. 6). Типологический анализ материала, в отличие от результатов анализа хотылевских коллекций, не выявил аргументов для дифференциации на разные комплексы.

Трехслойные стоянки Коршево I и Коршево II были открыты в 1973 году, и раскопки здесь продолжались в течение шести полевых сезонов с 1974 по 1981 год (с перерывами в 1977 и 1979 годах). Памятники расположены в 1,5 км к юго-западу от Бетово, на соседних мысах в глубине крупной балки, проработанной ручьем Коршовка и разделяющей с. Бетово и с. Чернетово. Оба памятника занимают удлиненные оконечности мысов и в обоих случаях слои со среднепалеолитическим инвентарем

перекрываются верхнепалеолитическим и неолитическим слоями — это первые многослойные памятники каменного века в регионе. За все время раскопок в Коршево I было вскрыто около 170 м², а в Коршево II — около 190 м² (Тарасов, 1974. С. 81; 1975. С. 91–92; 1976. С. 75–76; 1986б. С. 46–53) (рис. 3).

Слои со среднепалеолитическими материалами на обоих памятниках характеризуются Л.М. Тарасовым, как сохранившиеся *in situ* — среднепалеолитические культурные горизонты и в одном и в другом случаях четко стратифицированы и приурочены к основанию лессовой толщи. При этом, третьи слои и Коршево I, и Коршево II залегают в гумусированных суглинках, подстилающих лессы и перекрывающих толщу меловой крошки (мела-сурки) (Тарасов, 1975. С. 81–82; 1986б. С. 49). Еще одной общей характеристикой для среднего палеолита Коршево I и Коршево II является отсутствие фаунистических остатков в культурных горизонтах. Коллекция Коршево I насчитывает 884 изделия, из которых 10 экз. составляют нуклеусы, 175 экз. — сколы-заготовки и 117 экз. — орудия. Коллекция Коршево II состоит из 1 413 изделий, 547 экз. из которых составляют заготовки и 206 экз. Л.М. Тарасов относит к орудиям (рис. 7). Наиболее выразительные изделия среди орудий обоих памятников, как и в Бетово, и в Хотылево относятся к двусторонне обработанным формам (Тарасов, 1986б. С. 49–52; 1989. С. 170–171; 1995. С. 16–17).

Округа д. Неготино исследовалась экспедицией Л. М. Тарасова в 1975–1978, 1981 и 1983 годах. Местонахождение расположено тоже на правом коренном берегу Десны, но в 15 км выше по течению от Бетово. Кроме исследований на пляже Десны и зачисток подошвы склона коренного берега в местах обнаружения В.А. Хохловкиной и Т.Н. Тралло среднепалеолитических изделий, экспедицией была произведена серия зачисток на левобережье правого притока Десны, р. Руднянки, в ее приустьевой части. В 1975 году здесь было найдено несколько изделий, и, позже, в 1978 году, в результате небольших раскопочных работ, коллекция пополнилась. Этот пункт обнаружения кремневого инвентаря был обозначен Л.М. Тарасовым как Неготино на Руднянке (Тарасов, 1978. С. 96–97). Стратиграфическое положение находок и в Неготино, и в Неготино на Руднянке, как отмечает Л.М. Тарасов, сходно. Отложения, содержащие отдельные кремня и изделия из него, в Неготино относят-

ся к низам перемытой днепровской морены, а в Неготино на Руднянке — к аллювиальным отложениям, которые также характеризуются как перемытый моренный материал (Тарасов, 1992. С. 91–92; 1987б. С. 66). Общей характеристикой материалов обоих местонахождений является его интенсивная заполированность и окатанность, что, наряду с отсутствием каких-либо признаков культурного горизонта, свидетельствует о переотложенности обнаруженных изделий. Коллекция, полученная в Неготино за все годы исследований, составляет 50 экз., из которых 24 — отщепы, 15 — изделия с вторичной обработкой и 18 — осколки кремневых плиток с единичными сколами (рис. 4) (Тарасов, 1992. С. 93–94). Материалы из Неготино на Руднянке более многочисленны (общее количество находок составляет 120 изделий) и разнообразны. Здесь выделяются 4 нуклеуса, 34 отщепа и около 50 изделий с вторичной обработкой (рис. 4) (Тарасов, 1987б. С. 67–69). Условия залегания (приуроченность изделий к моренным отложениям) и типологические характеристики материалов коллекций позволили Л.М. Тарасову датировать эти местонахождения раннемустье́рским или даже домустье́рским временем.

Результатом многолетних раскопок в Бетово, Коршевской балке и Неготино стала серия публикаций и докторская диссертация Л.М. Тарасова, в которых было произведено обобщение накопленного материала и предложен вариант хронологического соотношения памятников всего среднеснинского региона. Согласно этой схеме на основании стратиграфического положения и типологических характеристик инвентаря памятники делятся на три группы по степени древности — в первую группу входят местонахождения Неготино, Неготино на Руднянке и Хотылево I, следующая хронологическая группа представлена нижними слоями памятников Коршево I и Коршево II, в третью группу входят стоянка Бетово и местонахождение Лебедевка (Тарасов, 1986а. С. 261–262; 1988. С. 33–34; 1989. С. 166–175; 1994. С. 63–64).

Наконец, заключительный, третий этап исследования среднего палеолита Верхней Десны связан с современными работами. Это незначительные по объему спасательные раскопки на площади распространения памятника Хотылево I, предпринятые А.А. Чубуром (Брянский Государственный университет), и многолетние комплексные исследования верхнепалеолитического памятника Хотылево 2,

которые с 1995 года проводятся Хотылевской археологической экспедицией ИА РАН под руководством К.Н. Гаврилова. Раскоп А.А. Чубура располагался ниже по течению реки от 1 и 2 раскопов Ф.М. Заверняева, был пронумерован как восьмой (учитывая нумерацию раскопов Ф.М. Заверняева) и занимал площадь несанкционированного «песчаного карьера» (Чубур, 2006. С. 63) (рис. 2). В горизонте галечника, вскрытом А.А. Чубуром на площади в 12 м², был найден 131 предмет, отнесенный автором к аморфному комплексу, и фрагменты «фоссилизированных костей» (Чубур, 2006. С. 65). Помимо собственно раскопок на Хотылево I А.А. Чубур зафиксировал процесс разрушения центральной части местонахождения, которое ежегодно во время сезона паводка «теряет до полуметра насыщенного артефактами галечника». Это первая публикация об угрозе разрушения значительного участка местонахождения сезонными тальми водами, однако, проблема сохранности памятника была известна и раньше. Разрушение отдельных участков местонахождения неоднократно фиксировались Хотылевской археологической экспедицией ИА РАН, сотрудники которой осуществляли постоянный мониторинг разрушающегося Десной участка памятника Хотылево I (на месте 1 и 2 раскопов Ф.М. Заверняева). В то же время разведочные шурфы, заложенные в некоторых раскопах на Хотылево 2 после разборки верхнепалеолитического слоя, продемонстрировали наличие материала, который может относиться к среднему палеолиту (Воскресенская, Гаврилов, 2006. С. 148–149) (рис. 2).

Кроме работ на Хотылево I, ранее, в 2000 году, А.А. Чубур предпринял небольшие работы в районе д. Неготино, в приустьевой части русла р. Руднянки на месте будущей плотины (рис. 4) (Чубур, Миненко, 2006. С. 46–49). Здесь в небольшой зачистке он обнаружил 15 предметов в переотложенном состоянии, сходных по своим характеристикам с предметами из аморфного комплекса Хотылево I. На основании изучения геоморфологии неготинских местонахождений, которых, по А.А. Чубуру, насчитывается четыре, он предполагает вероятность того, что все пункты обнаружения кремневых материалов могли быть частями одного памятника. Датировка последнего, четвертого, местонахождения А.А. Чубуром также основана на фиксации кремневых материалов в переотложенной днепровской морене, что позволяет автору датировать материал

всех местонахождений «ранними этапами миккулинского либо даже одинцовским межледниковьем» (Чубур, Миненко, 2006. С. 48).

Таким образом, средний палеолит Верхней Десны на сегодняшний день представлен серией разнообразных по степени изученности и представительности памятников, среди которых выделяются как стратифицированные памятники, так и пункты сбора подъемного материала. К стратифицированным памятникам относятся местонахождения Хотылево I, Неготино, Неготино на Руднянке и остальные местонахождения в районе Неготино, стоянки Бетово, Коршево I (3 слой) и Коршево II (3 слой), самым значительным пунктом сбора подъемного материала является Лебедевка. Обнаружение и многолетние исследования самых представительных из этих памятников Хотылево I, Бетово, Коршево I (3 слой) и Коршево II (3 слой) связаны с деятельностью всего лишь двух исследователей, фактически открывших для систематического изучения средний палеолит Верхней Десны, Ф.М. Заверняева и Л.М. Тарасова.

Результаты только поверхностного сравнения этих памятников позволяют в самых общих чертах сформулировать особенности стратифицированного среднего палеолита региона – то, что объединяет эти памятники, и то, что отличает их друг от друга. К параметрам сходства, в первую очередь, можно отнести места расположения – все памятники правого берега реки приурочены к местам выхода сырья (мелового кремня черного цвета в виде отдельных плитчатой и, реже, желвачной формы) (Леянов, 1935; Заверняев, 1978; Праслов, 1984; Тарасов, 1995). Соответственно, значительная часть коллекций самых крупных памятников региона Бетово и Хотылево I представлена набором изделий, характерных, в первую очередь, для мастерских и стоянок-мастерских (Заверняев, 1978; Праслов, 1984; Тарасов, 1995; Матюхин, 2006). В орудийном наборе всех стратифицированных памятников присутствует компонент двусторонне обработанных орудий разных типов, причем практически везде выделяются серии незавершенных бифасиальных орудий. Для всех среднепалеолитических памятников Верхней Десны характерно отсутствие крупных фаунистических коллекций (Заверняев, 1978; Тарасов, 1977а, 1977б, 1986а, 1991а, 1991б, 1995). Кроме того, общей характеристикой, по крайней мере, для самых крупных памятников Хотылево I и Бетово, является смещенность или пере-

отложенность их отдельных, иногда — значительных, участков (Заверняев, 1978; Праслов, 1984; Тарасов, 1977а, 1977б, 1986а, 1991а, 1991б, 1995).

Разница между памятниками фиксируется по двум крупным признакам: во-первых, неодинаковому стратиграфическому положению, а во-вторых, по объему и составу коллекций. Однако, если не принимать в расчет несопоставимую разницу в размерах коллекций (коллекция Хотылево I, по данным Ф.М. Заверняева (Заверняев, 1978), насчитывает свыше 18 000 предметов и является, безусловно, наиболее крупной) между Хотылево I и другими памятниками, можно провести ряд аналогий. В первую очередь, это упоминавшиеся уже двусторонне обработанные формы. Нужно заметить особо, что наличие двусторонне обработанных изделий прослеживается во всех памятниках Верхней Десны.

Попытки обобщения материалов среднепалеолитических памятников Верхней Десны на основании типологии и хроностратиграфии уже предпринимались (Тарасов, 1988, 1989, 1991а, 1991б, 1995). Согласно этим схемам памятники делятся на три группы по степени древности — в первую группу входят местонахождения Нёготино, Нёготино на Руднянке и Хотылево I, следующая хронологическая группа представлена нижними слоями памятников Коршево I и II, в третью группу входят стоянка Бетово и местонахождение Лебедевка. Первая хронологическая группа формируется на основании определения характера отложений, перекрывающих или вмещающих слои с находками, в виде моренных и на основании оценки их геологического возраста — отмечается переотложенность материалов в одинаковых условиях для всех трех памятников. Следующие хронологические группы памятников формируются на основании типологической и морфологической оценки инвентаря.

Степень переотложенности среднепалеолитических памятников в данном микрорайоне Верхней Десны может играть ключевую роль в понимании хронологического положения каждой из стоянок. Ведь из всех семи, известных здесь на сегодняшний день среднепалеолитических памятников переотложенными считаются не только пункты с немногочисленными и невыразительными находками (Нёготино, Нёготино на Руднянке и Лебедевка), но и один из самых богатых и типологически выразительных среднепалеолитических

памятников Восточной Европы Хотылево I. Таким образом, стоянки с четкой стратиграфией и положением культурного слоя *in situ* представляют собой в регионе необходимое звено во взаимной корреляции всех среднепалеолитических памятников Верхней Десны. Необходимо отметить, что стратиграфическое положение переотложенных памятников, в данном случае Хотылево I, Нёготино и Нёготино на Руднянке, не может служить надежным хронологическим показателем. Несмотря на любую степень полноты или выразительности коллекций, на любые условия залегания (в случае с Хотылево I) такое положение вторично.

В отличие от значительно меньших по размерам памятников в районе поселка Бетово, стратиграфическая позиция культуросодержащих горизонтов которых не вызывает разночтений, в отношении Хотылево I на сегодняшний день существует, по меньшей мере, несколько точек зрения на стратиграфическое положение слоев, вмещающих культурные остатки (Заверняев, 1978. С. 20–28). Ф.М. Заверняев уже во время полевых работ выделил разные участки памятника, на которые пришлись заложённые им раскопы, вскрывавшие береговую линию вдоль русла Десны. Оснований для таких наблюдений было несколько.

Во-первых, «степень концентрации мустьерских изделий на разных участках террасы и в разных ее геологических образованиях резко колебалась. Наибольшее количество находок отмечено в местах овражно-балочных выносов или их перемытого и отсортированного субстрата. Отдельные обработанные кремни мустьероидного типа встречались и в выше лежащих наложениях. Но над слоем гиттии в раскопе 1 в пределах русловой фации и погребенной присклоновой почвы нижнего уровня в раскопах 5 и 6 в пойменных отложениях они уже не прослеживались» (Заверняев, 1978).

Во-вторых, находки в разных раскопах залегали в разных условиях. В раскопе 1 находки выявлены в крупном линзовидном углублении, «врезанном в глауконитовый песок, длиной около 19 м и глубиной в 1,5 м в центральной части». В углублении фиксируются несколько перекрывающих друг друга линз песка, разнозернистого, по-разному окрашенного и содержащего разнородную гальку, щебень, отдельные фосфориты, отдельные кремни. Местами отмечается косослоистое залегание гальки. Углубление, вскрытое в раскопе 1, классифицируется как русло палеоре-

ки. Кремневые изделия фиксируются в прослоях галечника в верхней части этого углубления (Заверняев, 1978). В раскопе 2 находки залегают в галечнике и в трех линзообразных углублениях, которые были вскрыты в галечнике и заполнены фосфоритами, «гравием» и прослоями светло-зеленого песка. Изделия в каждом из углублений фиксировались только в их верхних прослоях, связанных с галечником. В раскопе 3 находки содержатся «в присклоновом гумусированном песке под оползшими меловыми породами». Структура «гумусированного песка» и расположение изделий свидетельствуют о том, что они находятся во вторичном залегании так же, как и в 1 и во 2 раскопах, и, вероятнее всего, сносились с более высоких участков склона.

В раскопе 4 находки изделий встречались в отложениях разных типов: в галечнике, который определяется как галечник «прируслового типа, являвшийся древним бечевником», в песчаной прослойке между слоями гиттии (слой озерно-болотного суглинка, фиксирующийся в раскопах 2 (слой 16) и 4 (слой 7)) и галечника, а также «в линзовидном углублении руслового происхождения, заполненном галечником и крупнозернистым песком с прослойками мелкого гравия». Доминирующее количество материала здесь собрано в линзовидном углублении руслового происхождения.

В раскопе 5 картина также неоднозначна: изделия залегают в галечнике, в подстилающей его глине и в присклоновой погребенной почве. Однако, как следует из описания, галечник в раскопе 5 представляет собой (в западной части раскопа) овражно-балочный делювий. Здесь же галечник подстилается плотной темно-синеватой или зеленоватой глиной, в которой, в свою очередь, встречаются крупные отщепы и пластины. Погребенная почва, в которой найдены несколько орудий, зубов мамонтов, мелкие отщепы и чешуйки, обозначена в качестве «присклоновой (аллювиальной)». Кроме особых условий залегания, раскоп 5 выделяется еще и крайне высокой степенью насыщенности изделиями. Их основная масса залегала в западной части раскопа опять же в галечнике, где часто представляла собой «своеобразную брекчию» — по всей видимости, участки чрезвычайно высокой концентрации.

В раскопе 6, который являлся фактическим продолжением предыдущего раскопа, уже выделяется «нижний» горизонт находок (при этом какие-либо другие горизонты с на-

ходками не описываются), приуроченный здесь, как и во всех других раскопах, к слою галечника. В этом раскопе следует отметить (как и в раскопах 3 и 5), по меньшей мере, несколько важных моментов для понимания особенностей залегания Хотылево I — это появление в описании «верхнего гумусированного слоя» с находками, происхождение которого дополнительно не описывается, резкое увеличение числа находок «в сторону прислонения четвертичных пород к древнему погребенному склону» и фиксация особенностей состава галечника. Так, впервые отмечается, что находки в значительном количестве залегают не только в галечнике (мало того, выявлены участки, на которых количество находок, залегающих вне слоя галечника, резко увеличивается).

Итак, условия залегания находок можно охарактеризовать следующим образом. На участке коренного правого берега (протяженностью, судя по данным Ф.М. Заверняева, не менее 400 м) находки кремневых изделий среднепалеолитического облика залегают в отложениях двух типов. В раскопах 1, 2 и отчасти 4 они приурочены к слою галечника, который варьирует и по мощности, и по составу в зависимости от своей принадлежности к отложениям аллювиального (руслового) типа или к отложениям «прируслового» типа. В раскопах 3, 5 и 6 находки также залегают в отложениях с галечником. Однако этот галечник уже мало связан с русловыми отложениями и представляет собой результат контакта собственно руслового галечника со склоновыми отложениями коренного берега (раскопы 3 и 4) или «овражно-балочный делювий» с большим количеством отдельных кремня плитчатой формы (раскопы 5 и 6), по данным Ф.М. Заверняева. При этом необходимо помнить, что выше по течению Десны находятся как раз раскопы 5 и 6, в которых материал залегал в присклоновой (аллювиальной) почве и отложениях галечника «овражно-балочного» типа.

При таких условиях залегания материалов памятника можно констатировать, что наиболее адекватным объяснением появления материалов Хотылево I в аллювиальных (русловых, старичных (несколько отщепов из гиттии)) отложениях Десны является постепенный снос этих материалов по системе балок, устьевые части которых выходят (и, безусловно, выходили) к реке. Интенсивность этих процессов могла быть разной, но происходили они, скорее всего, по одному и тому же принципу.

С учетом того, что Хотылево I является пусть и самым представительным, но, тем не менее, *одним из* среднепалеолитических памятников региона, подход к изучению условий залегания хотылевских материалов без учета стратиграфического и геоморфологического положения ближайших памятников представляется малопродуктивным. Сравнение геологии Хотылево I с геологией ближайших памятников уместно уже только потому, что позволяет заново сформулировать вопрос об условиях его залегания. И рассмотреть этот вопрос с точки зрения процессов, которые могли привести к существующим условиям залегания.

Попытка сравнительного подхода к изучению стратиграфии и условий накопления отложений, в которых фиксируется Хотылево I, необходима не только из-за наличия чисто геологической проблемы выявления генезиса осадконакопления в микрорегионе и датирования памятника. Археологических проблем здесь не меньше — неодинаковые условия залегания материала фиксируются на примере его сохранности, что уже неоднократно отмечалось в литературе (Заверняев, 1978; Матюхин, 2006) и косвенно подтверждается различающимся составом коллекций из разных раскопов (Заверняев, 1978).

Характеристика инвентаря

После окончания раскопок в коллекции Хотылево I выделялись следующие типы изделий. Нуклеусы были разделены на 13 типов, среди которых, исключая невыразительные и фрагментированные изделия, доминировали дисковидные односторонние формы (300 экз.), черепаховидные формы (230 экз.) и односторонние нуклеусы параллельного скалывания (166 экз.). Призматические нуклеусы, «призматические и пирамидальные или конусовидные», наоборот, были представлены всего 21 экз. Среди сколов-заготовок доминировали отщепы (всего около 6525 экз.), среди которых выделялась представительная, но не доминирующая группа леваллуазских форм (1524 экз.). Среди пластинчатых сколов (1757 экз.) также выделялись леваллуазские (749 экз.) и нелеваллуазские (847 экз.) формы (Заверняев, 1978. С. 36–47). Группа изделий с вторичной обработкой (всего 883 экз.), за исключением орудий «аморфного» комплек-

са (249 экз.), включает 634 изделия, типология которых весьма разнообразна. Среди 86 полных бифасов было выделено 6 типов (ручные рубила, остроконечники, ножевидные, скребла, рубящие бифасы и бифасы неопределенных форм) и 8 подтипов — бифасиальные остроконечники делились на копьевидные, округло-удлиненные и треугольные. Частичные бифасы (16 экз.) и односторонние орудия (467 экз.) подразделялись на остроконечники (119 экз.), в которые входили ретушированные изделия (22 экз.) и остроконечники из треугольных заготовок (97 экз.), разнообразные скребла (113 экз.), среди которых выделялись угловатые, диагональные, поперечные и формы, дифференцирующиеся по абрису лезвия. Кроме этих, количественно доминирующих групп выделялись орудия с выступами и выемками (всего 78 экз.), сверла и проколки (3 экз.), резцы (6 экз.), зубчатые (30 экз.) и тейякские (25 экз.) формы. Отдельно выделялась представительная группа ножевидных форм (138 экз.) (Заверняев, 1978. С. 50–64) (см. рис. 5). Кремневый орудийный комплекс дополнялся серией изделий из кости. Судя по опубликованным данным, таких изделий было минимум 10. Особо выделяется изделие, найденное в раскопе 3 и обозначенное Ф.М. Заверняевым как «изделие в виде амулета», сделанное из осколка трубчатой кости (Заверняев, 1978. С. 65–66).

Единого типологического определения коллекции Хотылево I Ф.М. Заверняев не предложил. На основании различных — стратиграфических, геоморфологических и типологических признаков им было выделено несколько комплексов с разными характеристиками. Так, один из комплексов связан с двумя крупными линзовидными углублениями, в которых наблюдалась явная концентрация материала — около 800 нуклеусов, 351 орудие и 3,5 тысячи сколов-заготовок. Здесь же были обнаружены и шесть изделий из кости — наковаленки, «плохо выраженные» проколки и орудие типа «двухконечного острия со сквозным отверстием» (Заверняев, 1978. С. 116).

Дифференциация изделий на разные комплексы

Между тем результаты изучения коллекций Ф.М. Заверняевым уже в процессе раскопок убедили его в неоднородности инвентаря памятника. Причем речь идет не о так называемом «аморфном комплексе», который в ос-

новном был сформирован из находок в линзовидных русловых углублениях раскопов 1 и 2. Неоднородной, по мнению Ф.М. Заверняева, является и коллекция собственно «ашело-мустьерского комплекса». Этот термин, использованный Ф.М. Заверняевым для обозначения коллекций среднепалеолитических изделий из всех раскопов Хотылево I, не только использовался для обозначения противопоставления двух крупных групп находок — далеко не бесспорного «аморфного комплекса» и коллекций собственно среднепалеолитических изделий Хотылево I — но и не в последнюю очередь отразил мнение самого Ф.М. Заверняева по поводу типологических особенностей памятника и его хронологической позиции. Наличие двусторонне обработанных изделий в коллекциях вместе с односторонними типами мустьерского облика в данном случае расценивалось как весомый аргумент для удревнения хронологического положения Хотылево I.

Неоднородность коллекций фиксировалась в виде разницы между раскопами в составе инвентаря — и количественной, и качественной. В чем, по полевым наблюдениям Ф.М. Заверняева, эта разница проявлялась? Прежде всего — на уровне типологии коллекций. Выделяется как минимум три комплекса изделий с разными типологическими характеристиками.

Первый комплекс изделий

Ф.М. Заверняев отмечает, что «материал из трех раскопов в средней части местонахождения может быть выделен в самостоятельный комплекс». Здесь, по всей видимости, имеется в виду материал раскопов с первого по четвертый, который, по определению Ф.М. Заверняева, можно характеризовать как мустье типа Кина. Соответствующие признаки — это, в первую очередь, присутствие в комплексе большого количества скребел, изготовленных из массивных отщепов и пластин с лезвиями, обработанными чешуйчатой или ступенчатой ретушью. Помимо скребел в этой части местонахождения, по Ф.М. Заверняеву, выделяются: «нуклевидные орудия, рубильца, остроконечники, двухконечные острия типа лимасов, скребки, орудия с выступами, орудия с выемками, проколки и зубчатые». При этом односторонние и частично двусторонне обработанные скребла преобладают (Заверняев, 1978. С. 116–117). Кроме того, специально отмечается, что материал, происходящий из этих раскопов, типологически неустойчив,

груб, с большим количеством несовершенных форм, примитивно обработанных бифасов и нуклевидных орудий. Все это может указывать на древность комплексов этих раскопов в пределах мустьерской эпохи (Заверняев, 1978).

Второй комплекс изделий

В верхней части местонахождения, по Ф.М. Заверняеву, располагаются раскопы 5 и 6. Материал в этих раскопах (в частности, в раскопе 6) залегает двумя горизонтами, коллекции которых составили, соответственно, два комплекса. Самые многочисленные находки залегают здесь в нижнем слое. Большое количество опробованных кусков кремневых плиток, нуклеусов и нуклевидных изделий, простых сколов, а также отбойников позволило определить этот участок памятника как мастерскую. В наборе орудий из нижнего слоя выделяются изделия типа «ашельских ручных рубил» Ф.М. Заверняев выделяет массу признаков этих изделий, сохранившихся только в виде фрагментов. Остальной набор орудий второго слоя также характеризуется обилием массивных двусторонне обработанных форм, среди которых выделяются «крупные рубящие, скребловидные и режущие бифасы, изделия листовидных форм /.../ пикообразные орудия, двусторонне обработанные скребла, ножи типа прондник».

Специально выделяется Ф.М. Заверняевым здесь лишь один тип двусторонне обработанных изделий — листовидные формы, близкие к типу Blattspitzen. Отмечается, что эти листовидные острия изготовлены «грубой двусторонней ретушью, характерной для ранних эпох», что они «значительно отличаются от классических широких острий Центральной Европы /.../ более разнообразны типологически, хотя и менее устойчивы по форме, значительно грубее и примитивнее». Односторонние изделия часто изготовлены на тонких и правильных заготовках с помощью плоской ретуши — это угловатые скребла, ножевидные и скребловидные изделия, скребки, резцы, проколки, зубчатые и выемчатые изделия. Часто одно и то же лезвие изготовлено при помощи разных видов ретуши. На основании наличия разных типов многочисленных и выразительных двусторонне обработанных изделий, а также на основании морфологических особенностей изделий типа Blattspitzen Ф.М. Заверняев делает вывод о значительной древности этого комплекса, предварительно

датируя его «позднеашельским или раннемустье́рским временем, а точнее — ашело-мустье́рским».

Третий комплекс изделий

Этот комплекс формируют находки из верхнего культурного слоя, по Ф.М. Заверняеву, залегающего в слое погребенной присклоновой почвы в раскопах 5 и 6. Среди типов изделий здесь нет кардинальных отличий от первых двух комплексов — если говорить о типологии, то, по Ф.М. Заверняеву, все отличия в деталях. Здесь есть одно крупное двусторонне обработанное орудие («экземпляр крупного, почти полного ручного рубила треугольной формы, с округлой пяткой»), два листовидных орудия (видимо, также двусторонне обработанных), скребла, ножи и орудия с выемками. В качестве специфических черт этого комплекса выделяются следующие: тщательность вторичной обработки лезвий скребел, размер скребел, которые здесь значительно мельче, чем в раскопах 1 и 2, и кремь, из которого изготовлены орудия комплекса — здесь он беловатый или светлый опаловидный, кроме того, здесь больше односторонне патинизированных изделий. В целом, как отмечает Ф.М. Заверняев, «по величине изделий, типологии скребел, качеству кремневого сырья материал из верхнего слоя раскопов 5 и 6 близок к кремневоу материалу из раскопов 3 и 4» (Заверняев, 1978. С. 119). По Ф.М. Заверняеву, это самый молодой комплекс Хотылево I — по своим характеристикам он соответствует инвентарю стоянок типа ферраси. Кроме того, Ф.М. Заверняевым специально отмечается, что этот комплекс по сырью и некоторым типам изделий близок к материалам Бетово, которое исследовалось Л.М. Тарасовым как раз в 70-е годы — параллельно с подготовкой к печати монографии по Хотылево I (Заверняев, 1978. С. 119).

Проблема сырья

Несмотря на то, что на основании результатов работ 60-х и 70-х годов можно заключить, что сырье, использовавшееся на среднепалеолитических памятниках Верхней Десны, не является везде одинаковым, изучение источников сырья для коллекций среднего палеолита региона до сих пор не являлось предметом специальных исследований. Свидетельства Ф.М. Заверняева и Л.М. Тарасова позволяют проследить определенные различия в сырье,

зафиксированном на памятниках в округе Бетово и в районе локализации Хотылево I. Судя по наблюдениям Л.М. Тарасова, памятники Коршево I, Коршево II и, собственно, Бетово имеют моносырьевую базу (Тарасов, 1977а, 1977б, 1986б). Ситуация с коллекциями Хотылево I может быть несколько иной. Сырьевой фактор здесь являлся еще одним проявлением разницы между раскопами, отмеченным Ф.М. Заверняевым, писавшим, между прочим, что различные участки местонахождения отличаются друг от друга «по цвету и качеству кремневого сырья /.../ степени заполированности поверхности» (Заверняев, 1978. С. 46). Единственным признаком, использованным Ф.М. Заверняевым для описания вариантов кремня в различных раскопах памятника, является цвет. Им отмечено наличие изделий из черного, темно-серого, коричневого, буроватого, желтоватого и светлого кремня. Наиболее разнородным по цвету сырьем отличались участки памятника, вскрытые раскопами 1 и 2. Изделия из раскопов 5 и 6, напротив, отличаются большей однородностью в цвете сырья, однако и здесь прослеживается разница между верхним слоем (фиксирующимся в присклоновой погребенной почве) и нижним слоем (который фиксируется в галечнике): «в верхнем слое преобладает более светлый опаловидный кремь, в то время как в нижнем — темно-серый и черный прозрачный» (Заверняев, 1978. С. 46).

Выявление сырьевой дифференциации является необходимым элементом сравнительного анализа коллекций основных среднепалеолитических памятников Верхней Десны. В течение полевых сезонов 2007 и 2009 годов у нас была возможность сравнить плитчатые отдельности бетовского кремня и отдельности кремня из Хотылево (как правило, также плитчатые) в нескольких экспериментах по моделированию процесса расщепления. На основании этих экспериментов можно сделать некоторые предварительные заключения по сравнительным характеристикам бетовского и хотылевского кремня. Во-первых, плитчатые отдельности сырья из Хотылево и Бетово сильно различаются по размеру — хотылевские плитки, как правило, более крупные и массивные. Во-вторых, прослеживаются различия в цвете — цвет хотылевского кремня черный с небольшим коричневым и темно-коричневым флером. Пластины на просвет темно-коричнево-черноватые. На бетовском сырье эта коричневатость просматривается меньше и часто замещается сероватым оттен-

ком. В-третьих, различно количество, качество и особенности расположения зон концентрации включений в плитчатых отдельностях. Бетовское сырье и плитки имеют ярко выраженное слоистое и даже слоеватое строение. Слои и прослойки другой плотности и другого цвета, по которым концентрируются каверны и зоны химического выветривания, прослеживаются всегда вдоль плитки, часто разрезая ее по диагоналям разной протяженности. Приповерхностные части бетовских плиток, как правило, сильно повреждены десквамацией. Таким образом, пригодным для расщепления сырьем является прослойка в один, два сантиметра между центральной слоистой частью и, как правило, трещиноватой из-за десквамации поверхностью. В отличие от бетовского кремня каверны в хотылевском кремне в основном шарообразные и заполнены мелом. Трещины – внутренние и скрытые, не отличаются по цвету от остальных участков отдельности. Конечно, среди хотылевского кремня часто встречаются и некачественные отдельности, но серии тонких плиток, аналогичных по строению бетовским, пока нами не обнаружены. Наконец, хотылевский кремень является, скорее всего, более пластичным в сравнении с бетовским.

Прослеженные различия лишь ставят вопрос о неодинаковых характеристиках сырья, использовавшегося на среднепалеолитических памятниках Верхней Десны. Эта проблема, безусловно, нуждается в дополнительном изучении, в первую очередь, на базе петрографического анализа.

Положительное или отрицательное решение вопроса о сырьевой дифференциации в данном случае, скорее всего, может являться лишь косвенным аргументом в вопросах выделения отдельных памятников, и, тем не менее, он должен быть поставлен, прежде всего, в контексте всего среднего палеолита Верхней Десны. Вопрос одинакового или разного сырья в одном или нескольких памятниках в Хотылево в данном случае не отличается от того же вопроса для всего микрорегиона.

Сохранность инвентаря

Параллельным показателем неодинаковых условий залегания и дифференциации инвентаря на разных участках памятника является степень его сохранности в разных раскопах. Проблема эта была вскользь обозначена Ф.М. Заверняевым в его монографии 1978

года, и недавно более подробно представлена А.Е. Матюхиным (Матюхин, 2006. С. 105–106). При изучении материалов коллекции разница в сохранности предметов совершенно очевидна. Наиболее окатанные изделия из 1 и 2 раскопов резко контрастируют с коллекцией 5 и 6 раскопов. Степень сохранности изделий из раскопов 5 и 6 вполне соответствует сохранности, обычной при залегании *in situ* (насколько можно применить этот термин к среднепалеолитическим памятникам открытого типа...).

Подробный обзор повреждений на поверхностях изделий из раскопов 1–4 был произведен А.Е. Матюхиным, согласно которому наиболее сильно поврежден и окатан материал из раскопов 1 и 2. На этих изделиях помимо интенсивной окатанности отмечены серии специфических повреждений – наличие псевдоретуши на краях, вмятины, царапины, выбоины, концентрированные линии, потертости на межнегативных ребрах и самих негативах. Сама ретушь часто является разновеликой и несистематической, оси фасеток также часто располагаются под косым углом к краю предметов, а негативы сколов локализируются в таких местах, где их невозможно осуществить (Матюхин, 2006. С. 103–104). В раскопах 3–6 материал имеет совершенно другой облик. Причем здесь также заметна разница в степени сохранности. Если в 3 и 4 раскопах у изделий слабая или умеренная степень окатанности краев, то изделия из коллекции раскопов 5 и 6 практически не повреждены. На основании этих наблюдений А.Е. Матюхин выдвигает предположение о том, что среднепалеолитический слой, скорее всего, мог сохраниться на участке, вскрытом раскопами 5 и 6 (Матюхин, 2006. С. 104).

На самом деле степень сохранности изделий в разных коллекциях во многом соответствует условиям залегания в разных раскопах и практически полностью совпадает со стратиграфическими наблюдениями Ф.М. Заверняева в разрезах раскопов 1 и 2. Практически то же можно сказать и о коллекциях из 3–6 раскопов, в которых стратиграфическое положение слоев и горизонтов с изделиями (в частности, галечника) различается. Контакт русловых отложений с коренными склоновыми отложениями фиксируется в 3 и 4 раскопах, а в 5 и 6 раскопах наряду с галечником описываются уже овражно-балочные отложения. Таким образом, вероятность того, что вверх по течению отложения, содержащие горизонты с находками, относятся не только к русловому

аллювию, довольно высока. Вместе с тем, необходимо отметить, что сам факт увеличения количества отложений с инвентарем выше по течению на достаточно ограниченном участке может являться косвенным свидетельством переотложения изделий, обнаруженных в раскопах 1–4, на локальном участке берега. При этом, безусловно, нельзя утверждать, что среднепалеолитические горизонты в раскопах 5 и 6 сохранились *in situ*. Однако, разница в сохранности изделий, совпадающая с различными стратиграфическими наблюдениями, позволяет ожидать, что в районе раскопов 5 и 6 вероятность обнаружения соответствующих горизонтов, переотложенность которых будет минимальной, достаточно высока.

Состояние изученности памятника

Таким образом, хотылевское среднепалеолитическое местонахождение является памятником с массой внутренних сложноразрешимых проблем, которые уже были подробно изложены выше:

- неодинаковые условия залегания материала в разных раскопах;
- вероятность разных условий залегания галечника, с которым связаны изделия в разных раскопах;
- неодинаковое сырье, которое в первом приближении можно разделить на два вида – черный и темно-коричневый кремь без патины (с вариантами цвета) и «опаловидный», черно-серый кремь (в частности – с патиной);
- разная степень сохранности инвентаря, отмеченная для разных участков памятника;
- выделение на основании стратиграфических, геоморфологических и, в первую очередь, типолого-морфологических аргументов трех различных среднепалеолитических комплексов инвентаря.

В дополнение к этим проблемам можно привести обобщенную картину мнений геологов (и самого Ф.М. Заверняева), принимавших участие в изучении условий залегания материалов Хотылево I (Величко, 1961, 1969; Вознячук, 1961, 1969; Горецкий, 1970; Грищенко, 1964, 1971; Иванова, 1969а, 1969б; по: Заверняев, 1978. С. 20–28):

1. Место расположения памятника все специалисты относят к галечнику базального горизонта одной из террас правого берега Десны. Мнения различаются при характеристике этой террасы – ее классифицируют либо как вторую или третью надпойменную террасу

Десны, либо выделяют в качестве самостоятельной и локальной скульптурной формы.

2. Мнения по поводу датировки памятника значительно различаются. Террасовый уровень датируется либо микулинским временем, либо концом микулино и началом валдайского оледенения, либо промежутком от середины микулино до середины вюрма. М.Н. Грищенко, Г.И. Горецкий и Ф.М. Заверняев сильно удревяют его до конца днепровского – начала одинцовского времени.

3. Общепризнанным является факт синхронности процессов захоронения каменных изделий и редких фаунистических остатков и начала накопления аллювиальной толщи соответствующей террасы.

4. Данные по видовому определению останков позвоночных и моллюсков позволяют определить возраст памятника лишь в самых общих чертах.

Все эти тезисы можно свести к двум крупным проблемам – это не в полной мере ясная стратиграфическая картина памятника и не полная изученность каменного инвентаря коллекций. Таким образом, можно заключить, что памятник имеет большой потенциал для исследования. Причем, это не столько «изучение памятника на новом уровне» или «в свете последних достижений...», сколько доследование местонахождения совершенно тривиальными методами, которые могли бы прояснить в первую очередь процессы формирования культуросодержащих горизонтов Хотылево I.

Из-за отсутствия единого мнения по поводу двух крупных проблемных блоков, обозначенных выше, Хотылево I принято характеризовать и оценивать по-разному. В типологическом и стратиграфическом единстве (то есть в данном случае – однослойности в пределах всего местонахождения) сомневались Ф.М. Заверняев (Заверняев, 1978) и Л.М. Тарасов (Тарасов, 1995).

Ф.М. Заверняев, как упоминалось выше, на основании стратиграфических, геоморфологических и типологических критериев выделял здесь несколько различных комплексов инвентаря – это аморфный комплекс, комплексы изделий, соответствующие мустье типа кина (раскопы 1–4), мустье с ашельской традицией в леваллуазском варианте (нижний слой, зафиксированный в раскопах 5 и 6) и ферраси (верхний слой, зафиксированный в раскопах 5 и 6). Хронологическое распределение выделенных комплексов, по Ф.М. Заверняеву, выглядит следующим образом. Самым древним является аморфный (нижнепалеолитический)

комплекс — его возраст оценивается Ф.М. Заверняевым концом днепровского оледенения или началом ресс-вюрма. Комплекс мустье с ашельской традицией с леваллуазским расщеплением исследователь помещает в конец ашеля или в начало мустье (именно этот комплекс, по Ф.М. Заверняеву, и является собственно «ашело-мустьерским»). Комплекс кина из-за архаичных и несовершенных форм также датируется «весьма ранним мустьерским возрастом», а комплекс феррасси, соответственно, замыкает эту последовательность разновременных ранних комплексов, и имеет «несколько более поздний возраст» в пределах мустьерской эпохи. Необходимо отметить, что именно этот последний комплекс (комплекс феррасси) сопоставлялся Ф.М. Заверняевым с материалами стоянки Бетово (Заверняев, 1978. С. 114–120).

Интерпретация Хотылево I Л.М. Тарасовым варьирует от оценки материалов как частей единого комплекса (который, в свою очередь, интерпретируется как мастерская) в более ранних публикациях (Тарасов, 1987б. С. 69; 1989. С. 170) до фиксации в Хотылево I нескольких самостоятельных комплексов инвентаря (Тарасов, 1995. С. 17–18). В поздних публикациях Л.М. Тарасовым приводится и наиболее вероятная реконструкция событий, которые могли привести к смешиванию материалов разных комплексов памятника: «Хотылево I включает несколько самостоятельных пунктов обработки кремня у его выходов» и поселения, разрушенного общим размывом и «перемешанного с многочисленным расщепленным кремнем мастерских» (Тарасов, 1995. С. 18). Впрочем, изменения в интерпретации Л.М. Тарасовым памятника не коснулись его точки зрения на вероятный возраст Хотылево I. По Л.М. Тарасову, Хотылево I (как и пункты в Нёготино) залегает в отложениях ресской морены, размывтой в начале вюрма, и датируется ранним этапом мустьерской эпохи.

В то же время существует и обобщенная характеристика Хотылево I, при которой и каменные индустрии, и их стратиграфическое положение оцениваются как единый комплекс со специфическими чертами, которые отличают его от других, вероятно, синхронных по времени среднепалеолитических памятников — Сухой Мечетки, Носово и Рожка (Праслов, 1984. С. 108). Специфика памятника при такой интерпретации заключается только в его инвентаре, в котором представлено своеобразное сочетание леваллуазского расщепления крупных асимметричных нуклеусов, при отсутствии типичных леваллуазских острий, и листовидных двусторонне обработанных форм, ножей, различных видов скребел, черешковых орудий. Это не просто разные точки зрения на хроностратиграфическое положение памятника. Это разные точки зрения на коллекции — одна точка зрения воспринимает их, как части, возможно, разных памятников, частично или полностью переотложенных и группирующихся на участке правого берега Десны (Заверняев, 1978; Тарасов, 1995), а другая — как части инвентаря единого частично переотложенного памятника (Праслов, 1984. С. 108).

Основной вопрос, который должен определять особенности дальнейшего изучения Хотылево I, можно сформулировать следующим образом — является ли Хотылево I единым частично переотложенным археологическим памятником либо в данном районе с Хотылево существуют (или — существовали) несколько среднепалеолитических памятников, находящихся на разных стадиях переотложения. Состояние изученности памятника на сегодняшний день не предполагает никаких окончательных выводов по поводу разрешения этой проблемы. Но уже исходя из приведенных обстоятельств, принадлежность этого материала к какому-либо одному археологическому комплексу крайне сомнительна.

Литература

Беляева В.И., 2002. Палеолитическая стоянка Пушкари I (характеристика культурного слоя). Санкт-Петербург.

Величко А.А., 1961. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М.

Величко А.А., Иванова И.К., Муратов В.М., 1969. Геологическая история Русской равнины, Крыма и Кавказа в плейстоцене и возраст палеолитических культур // Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. М.

Воеводский М.В., 1940. Работы Деснинской экспедиции в 1939 г. // КСИА. М.; Л. № IV.

- Воеводский М.В., 1946. Деснинская археологическая экспедиция в 1940 году // КСИА. М.; Л. № XIII.
- Воеводский М.В., 1947. Кремневые изделия из сборов Орловского отряда Деснинской экспедиции // БКИЧП. № 9.
- Воеводский М.В., 1948. Ранний палеолит Русской равнины // Ученые записки МГУ. Вып. 115.
- Воеводский М.В., 1950. Находки нижнего палеолита в бассейне р. Десны // СА. № XII.
- Воеводский М.В., 1952. Ранний палеолит Русской равнины // Ископаемый человек и его культура на территории СССР. (Ученые записки МГУ; вып. 158).
- Вознячук Л.Н., 1961. Отложения последнего межледникового на территории Белоруссии // Материалы по антропогену Белоруссии. Минск.
- Вознячук Л.Н., 1969. Стратиграфо-палеогеографическая схема неоплейстоцена Белоруссии и смежных областей // Древности Белоруссии. Минск.
- Воскресенская Е.В., Гаврилов К.Н., 2006. Новый комплекс верхнепалеолитической стоянки Хотылево 2 // Деснинские древности. Брянск. Вып. IV.
- Горецкий Г.И., 1970. Аллювиальная летопись Великого Пра-Днепра. М.
- Грищенко М.Н., 1964. Основные итоги изучения неогеновых и четвертичных отложений территории КМА // Геология и полезные ископаемые Центральночерноземных областей. Воронеж.
- Грищенко М.Н., 1971. К геологии Хотылевского палеолитического местонахождения // МИА. № 173.
- Заверняев Ф.М., 1961. Хотылевское нижнепалеолитическое местонахождение. Брянск.
- Заверняев Ф.М., 1971. Нижнепалеолитическое местонахождение у с. Хотылево на Десне // МИА. № 173.
- Заверняев Ф.М., 1977. Кремяні заготовки середньопалеолітичного місцонаходження Хотильове // Археологія. № 23.
- Заверняев Ф.М., 1978. Хотылевское палеолитическое местонахождение. Л.
- Иванова И.К., 1969а. Распространение и возраст палеолитических стоянок // Лесс – перигляциал – палеолит на территории Средней и Восточной Европы. М.
- Иванова И.К., 1969б. Геологические условия нахождения палеолита на территории СССР // БМОИП. Отд. геол. Вып. 3.
- Лелянов Н.И., 1935. Палеолитический человек на территории Западной области // Геология и полезные ископаемые Западной области. Смоленск. II.
- Матюхин А.Е., 2006. Некоторые особенности кремневой индустрии среднепалеолитического памятника Хотылево 1 // Деснинские древности. Брянск. Вып. IV.
- Мотуз В.М., 1967. Четвертичные моллюски из хотылевского нижнепалеолитического местонахождения брянской области // БКИЧП. № 33.
- Праслов Н.Д., 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Палеолит СССР. М.
- Тарасов Л.М., 1973а. Мустьерская стоянка Бетово на Верхней Десне // Тезисы докладов конференции, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент.
- Тарасов Л.М., 1973б. Раскопки в Масловке и Бетово // АО 1972 г. М.
- Тарасов Л.М., 1974. Раскопки в Бетово // АО 1973 г. М.
- Тарасов Л.М., 1975. Новые раннепалеолитические стоянки на Десне // АО 1974 г. М.
- Тарасов Л.М., 1976. Исследования палеолита на Десне в районе Бетово // АО 1975 г. М.
- Тарасов Л.М., 1977а. Мустьерская стоянка Бетово и ее природное окружение // Палеоэкология древнего человека. X конгресс INQUA (Великобритания, 1977).
- Тарасов Л.М., 1977б. Раскопки палеолитических стоянок на Верхней Десне // АО 1976 г. М.
- Тарасов Л.М., 1978. Раскопки в Бетове и Косице // АО 1977 г. М.
- Тарасов Л.М., 1979. Раскопки Неготино на Руднянке // АО 1978 г. М.
- Тарасов Л.М., 1980. Исследование мустьерской стоянки Бетово // АО 1979 г. М.
- Тарасов Л.М., 1981. Изучение палеолита Верхней Десны // АО 1980 г. М.
- Тарасов Л.М., 1983. Исследование мустьерских стоянок на Десне // АО 1981 г. М.
- Тарасов Л.М., 1984. Исследование деснинских палеолитических стоянок // АО 1982 г. М.
- Тарасов Л.М., 1985. Результаты работы Деснинской экспедиции // АО 1983 г. М.

- Тарасов Л.М.*, 1986а. Относительная хронология палеолитических стоянок Верхней Десны // Корреляция отложений, событий и процессов антропогена: тезисы докладов VI Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Кишинев.
- Тарасов Л.М.*, 1986б. Многослойная стоянка Коршево I // Палеолит и неолит. М.
- Тарасов Л.М.*, 1987а. Условия обитания мустьерского человека в бассейне Десны // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии. Иркутск.
- Тарасов Л.М.*, 1987б. Мустьерское местонахождение Неготино в Руднянке // КСИА. М. № 189.
- Тарасов Л.М.*, 1988. Закономерности развития техники обработки камня в палеолите средне-русской возвышенности // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л.
- Тарасов Л.М.*, 1989. Периодизация палеолита бассейна Верхней Десны // Четвертичный период. Палеонтология и археология. К XXVIII Международному геологическому конгрессу, Вашингтон, 1989 г. Кишинев.
- Тарасов Л.М.*, 1991а. Палеолит бассейна Десны: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л.
- Тарасов Л.М.*, 1991б. О палеолите Деснинского бассейна // Древние культуры и археологические изыскания: материалы к пленуму ИИМК 26–28 ноября 1991. СПб. С. 4–82.
- Тарасов Л.М.*, 1992. Мустьерское местонахождение Неготино // Проблемы палеолита Восточной Европы. М. (КСИА; № 206).
- Тарасов Л.М.*, 1994. Мустье восточноевропейского приледниковья // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань.
- Тарасов Л.М.*, 1995. Мустьерские стоянки Верхней Десны // Деснинские древности. Брянск. Вып. I.
- Тарасов Л.М.*, 2002. Мустьерское местонахождение Лебедевка // Деснинские древности. Брянск. Вып. II.
- Хохловкина В.А.*, 1947. Находки раннего палеолита в Орловской области // БКИЧП. М.; Л. № 9.
- Чубур А.А.*, 2005. Деснянский палеолит: проблемы истории исследований, историографии и источниковедения. М.
- Чубур А.А.*, 2006. Новые исследования раннепалеолитического местонахождения Хотылево I // Деснинские древности. Брянск. Вып. IV.
- Чубур А.А., Миненко В.В.*, 2006. Новое нижнепалеолитическое местонахождение в Неготино // Археологическое изучение Центральной России. Липецк.
- Шинаков Е.А., Чубур А.А., Гаврилов К.Н.*, 2009. Древние поселенческие агломерации на территории села Хотылево // Русский сборник. Брянск. Вып. 5.

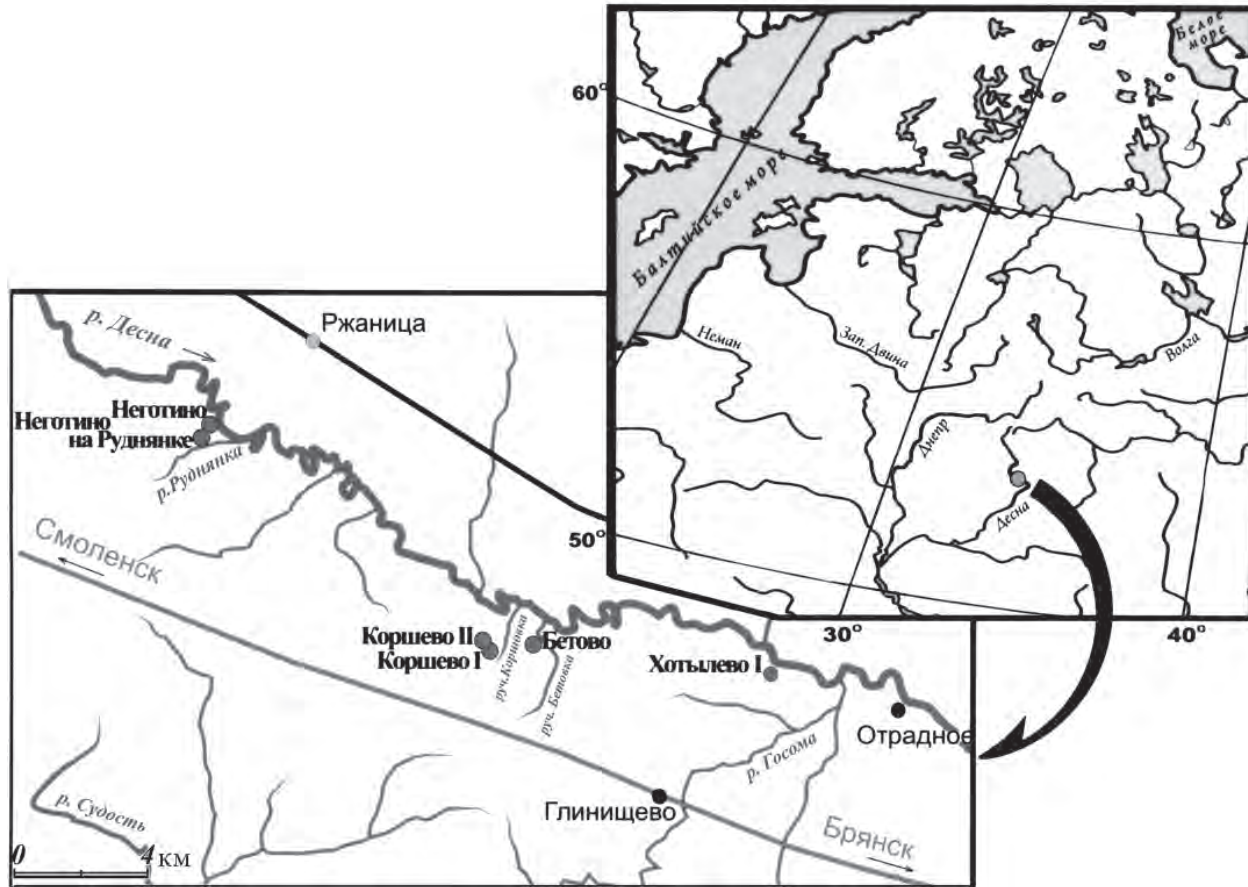

Рис. 1. Стратифицированные среднепалеолитические памятники Верхней Десны

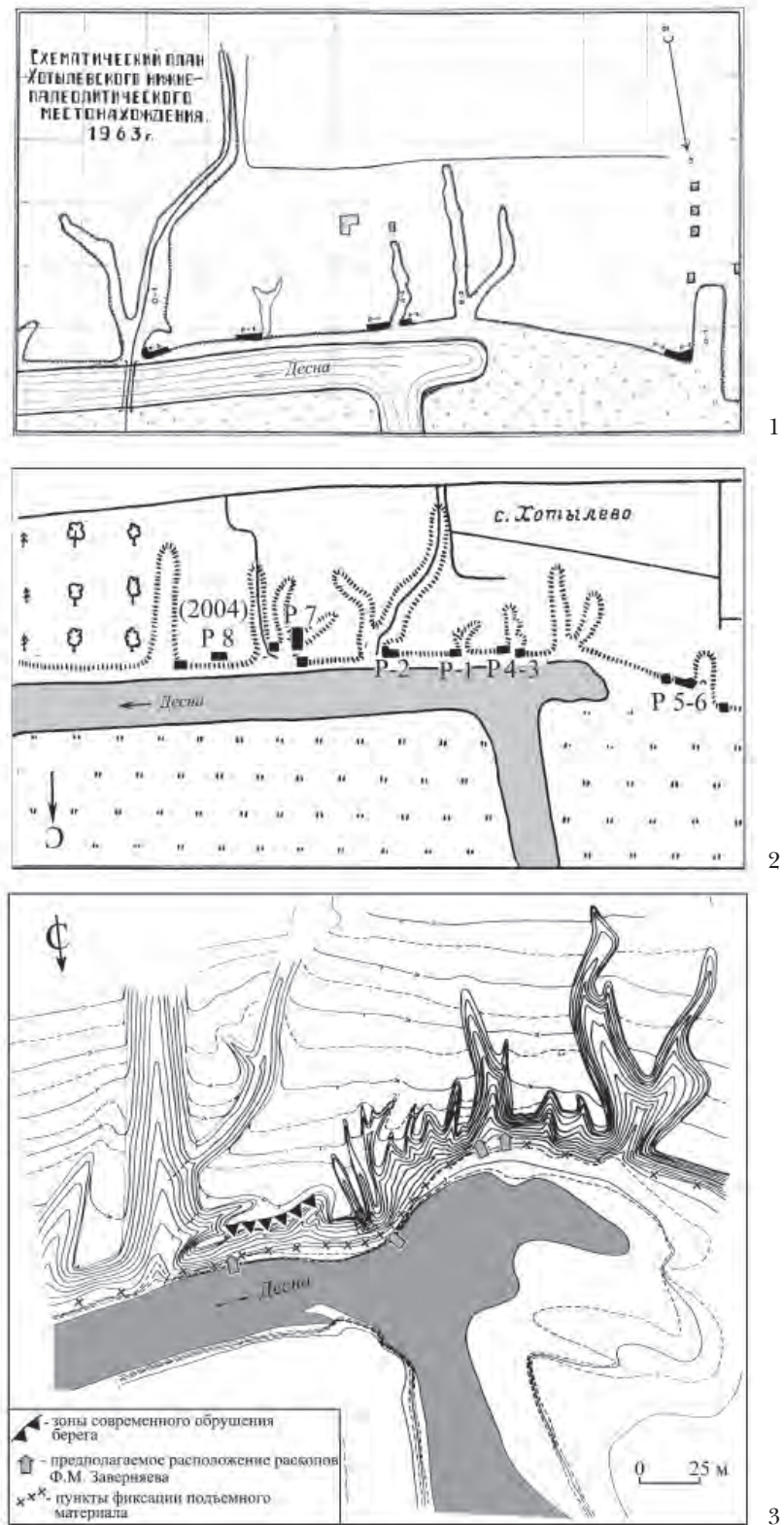

Рис. 2. Среднепалеолитическое местонахождение Хотылево I. Схемы расположения раскопов: 1 – по Ф.М. Заверняеву (БГОКМ. Рукописный архив Ф.М. Заверняева. Отчет 1963 г.); 2 – по Ф.М. Заверняеву и А.А. Чубуру (Заверняев, 1978, С. 9; Чубур, 2006, С. 64); 3 – топографический план излучины Десны в районе памятника Хотылево I

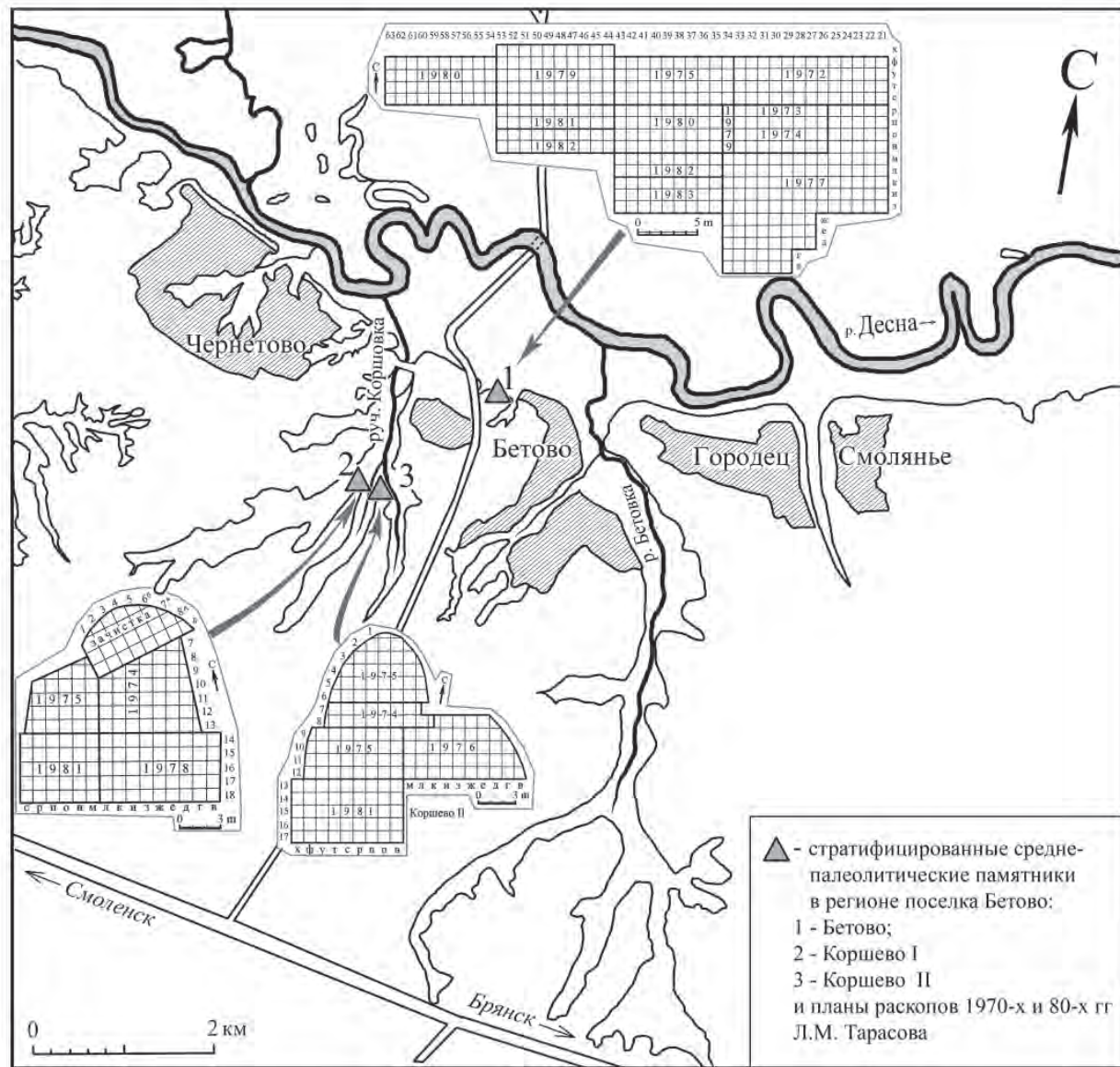

Рис. 3. Долина Десны в регионе поселка Бетово и сел Городец и Чернетово и планы раскопов Л.М. Тарасова в Бетово, в Коршево I и Коршево II (по: Тарасов Л.М. Отчет 1983 // ИИМК РАН. Рукописный архив. Ф. 35. Оп. 1)

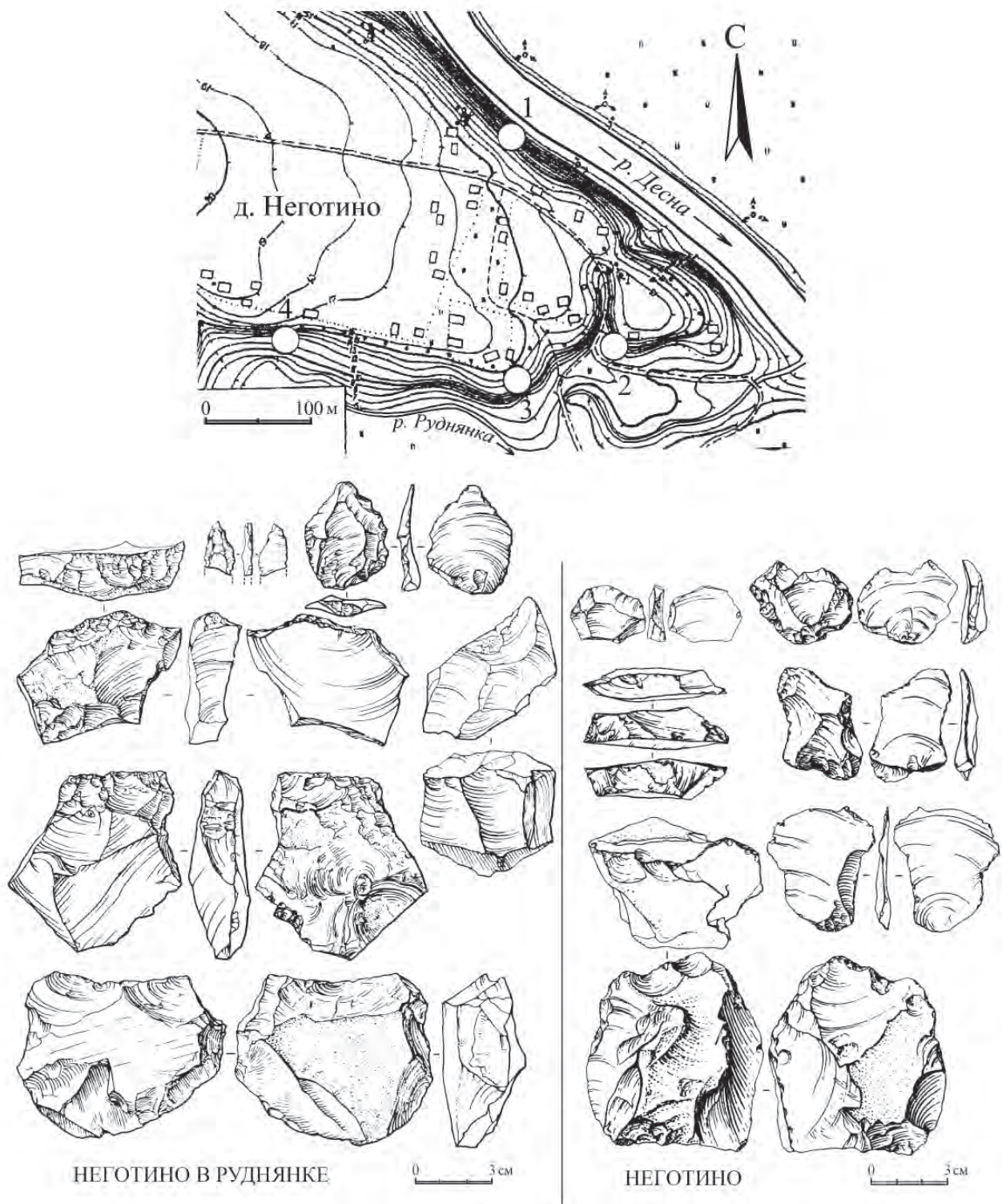

Рис. 4. Топографический план мыса в Неготино и пункты местонахождений по А.А. Чубуру (по: Чубур, 2006. С. 49); каменный инвентарь среднепалеолитических памятников Неготино (по: Тарасов, 1992. С. 93) и Неготино в Руднянке (по: Тарасов, 19876. С. 67)

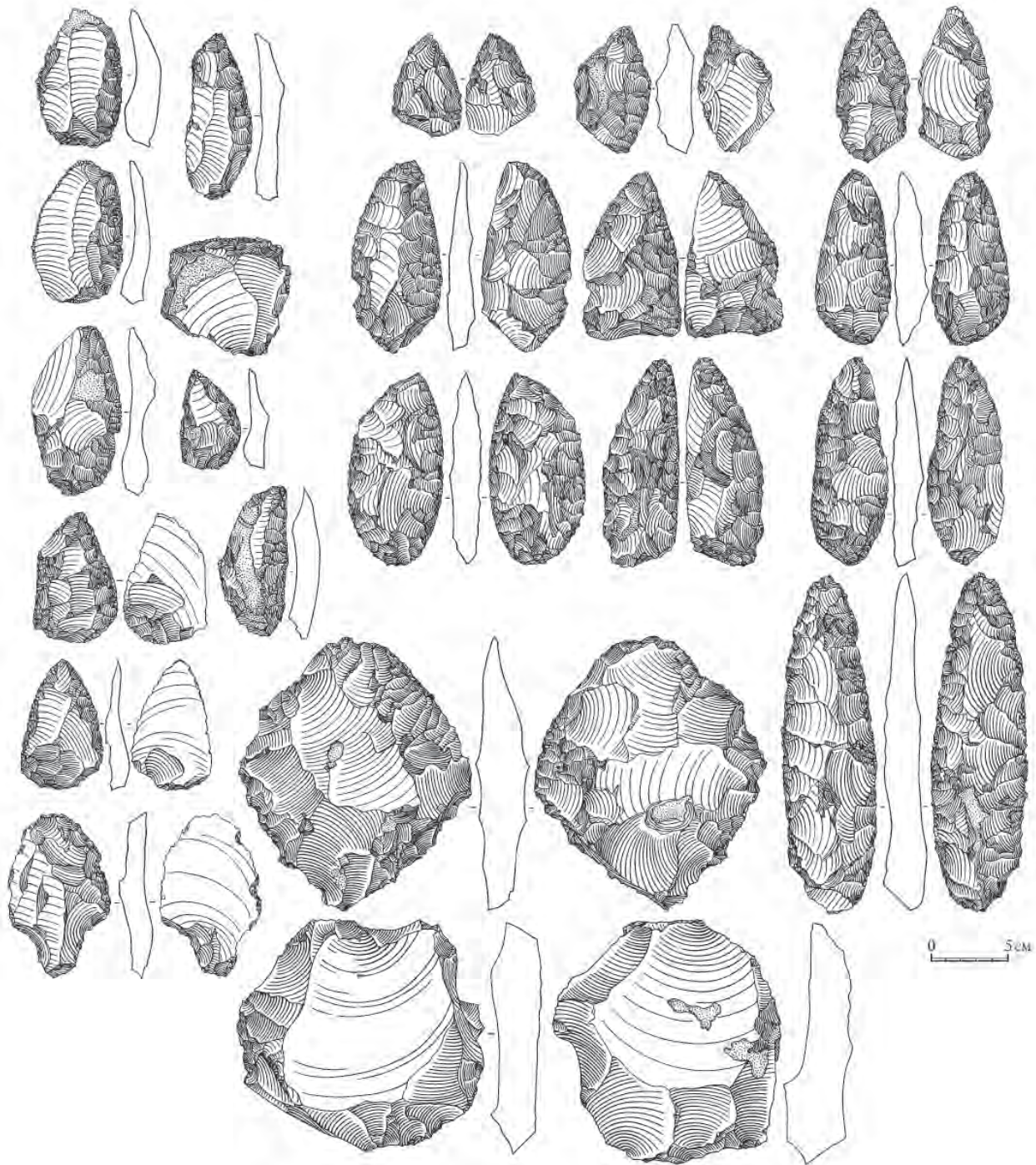

Рис. 5. Каменный инвентарь среднепалеолитического местонахождения Хотылево I (по: Заверняев, 1978. Табл. I, IV, XXVIII, XXIX, XXX, XXXI, XXXII, XLI, XLII, XLIV)

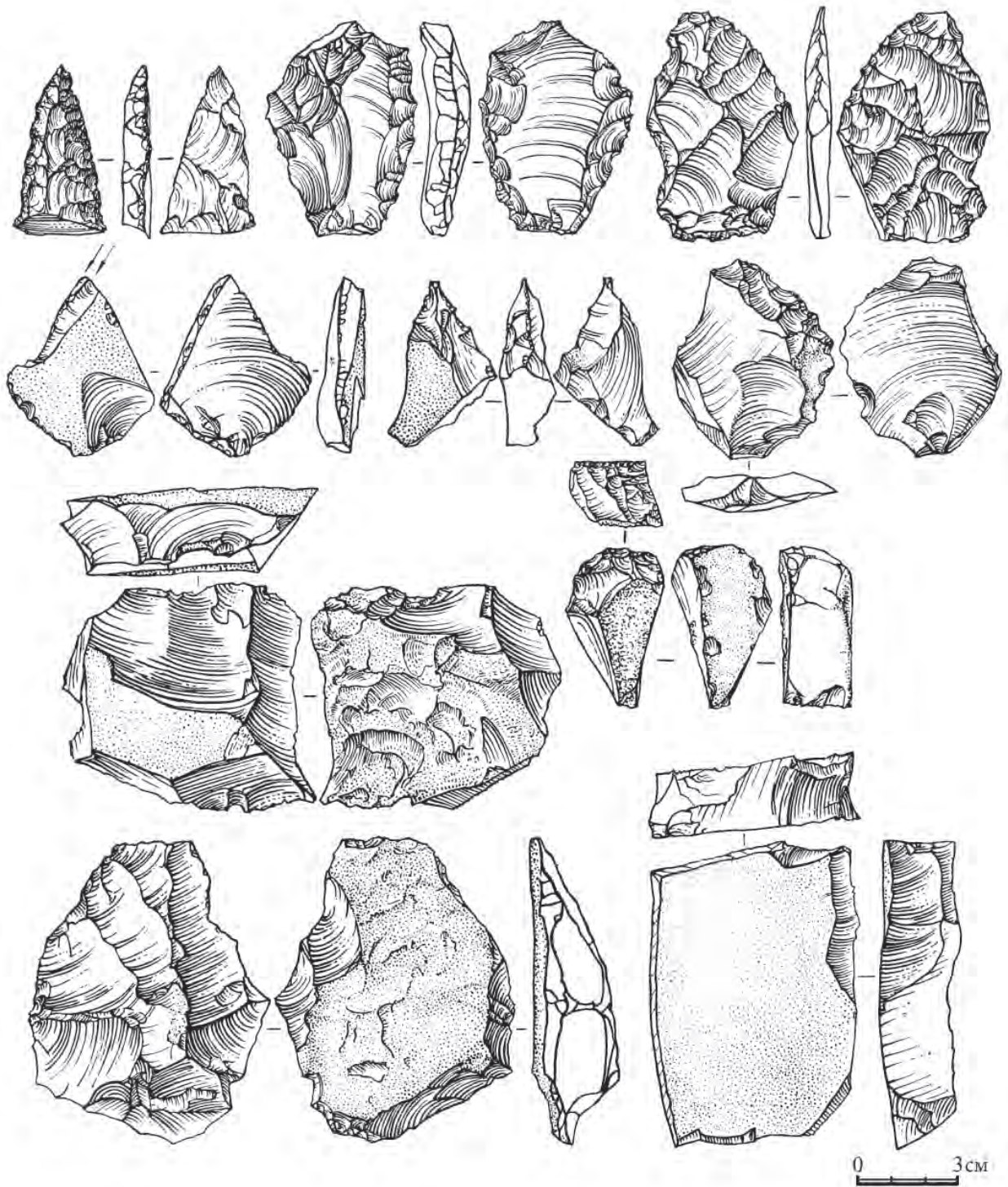

Рис. 6. Каменный инвентарь среднепалеолитического памятника Бетово (по: Тарасов, 1977а. С. 26, 28)

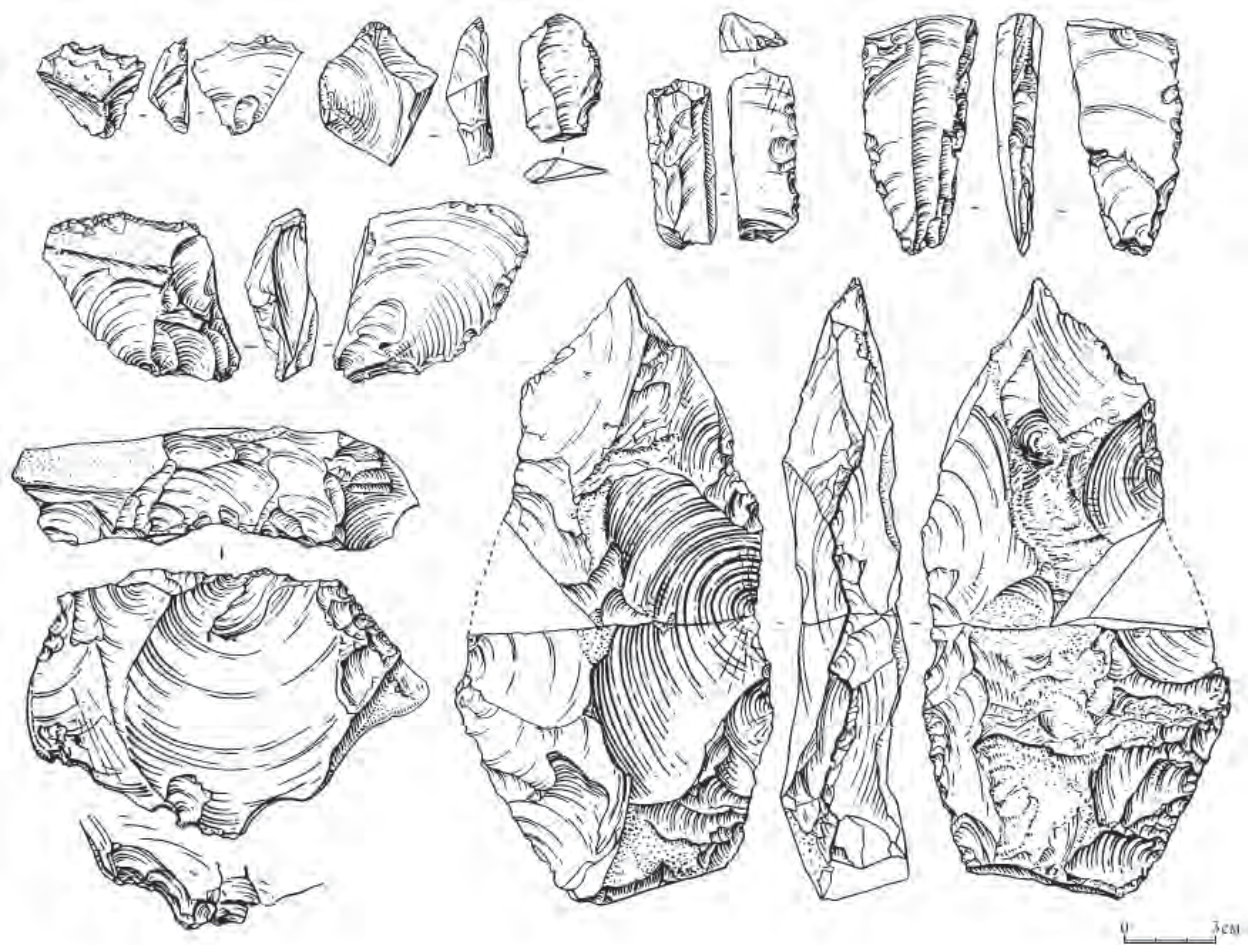

Рис. 7. Каменный инвентарь среднепалеолитического памятника Коршево I (третий слой) (по: Тарасов, 1986б. С. 50, 52)

Проблемы палеогеографии позднего палеолита Восточно-Европейской равнины*

Ю.Н. Грибченко**

Введение

В настоящее время накоплены многочисленные данные по результатам комплексных археолого-палеогеографических исследований стоянок позднего палеолита Восточно-Европейской равнины. Формирующиеся на их основе представления и реконструкции процессов первичного расселения и характера взаимодействий первобытных сообществ с окружающей природной средой разнообразны и неоднородны. Это связано со многими объективными и субъективными факторами и степенью изученности отдельных памятников, что определяет уровень обоснованности интерпретаций разнородных данных. Цикличность процессов первичного расселения позднепалеолитических сообществ в условиях сложных ландшафтно-климатических изменений позднего плейстоцена определяется многочисленными археолого-палеогеографическими и хронологическими данными (Величко и др., 1992; Величко и др., 1999; Величко и др., 2002; Синицын и др., 1997; и др.). Остается еще немало противоречивых фактических данных, которые требуют комплексного анализа культурных слоев и вмещающих их отложений, не только в пределах стояночных участков, но и исследований различных генетических типов отложений окружающих территорий. Накопление фактических данных по структуре и характеру культурных слоев стоянок, эволюции процессов формирования вмещающих отложений, а также анализ распределения ^{14}C дат часто приводит к коррекции сложившихся ранее представлений о возрасте, цикличности и продолжительности функционирования стоянок, условиях обитания человека.

Сопоставление имеющихся многочисленных археолого-палеогеографических данных

по изучению разновозрастных стоянок позднего палеолита, распространенных в разных регионах Восточно-Европейской равнины, позволяет определить важность анализа особенностей стоянок, относящихся к периоду последнего оледенения. Хронологический интервал раннего этапа расселения (ранней поры позднего палеолита) имеет наиболее широкие рамки от 27 до 36 (и более) тыс. лет назад. Кроме памятников Костенковской группы к ней относятся единичные стоянки юга равнины и более северные памятники – Сунгирь, Горнова, Заозерье, Гарчи 1, Бызовая и Мамонтова Курья. Все они связаны со сложной эпохой средневалдайского мегаинтерстадиала, на протяжении которого происходили многократные изменения ландшафтов и климата (Спиридонова, 1983; и др.).

Переход от этого этапа расселения к последующему (24–17 тыс. лет назад), соответствующему эпохе поздневалдайского оледенения, остается не достаточно ясным. В археологическом контексте большинство долговременных стоянок данного этапа относится к восточному граветту (Амирханов, 1998). Геоморфологические и стратиграфические позиции культурных слоев разнообразны, но большинство из них связано с водораздельными склонами широких речных долин. Сложность стратиграфии основных памятников данной группы заключается в их многослойности (не всегда четко выраженной). Отмечаются определенные сходства в строении вмещающих отложений большинства стоянок этого времени с некоторыми более ранними. В этой связи, анализ палеогеографических особенностей стоянок одного хронологического этапа без их сопоставлений с памятниками других эпох ограничивает возможности определения всех особенностей каждой группы.

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 10-06-00026.

** Учреждение Российской академии наук Институт географии РАН, Москва.

Для оценки условий обитания позднепалеолитического человека в разных регионах Восточной Европы в условиях суровых перигляциальных ландшафтов наиболее информативны данные, полученные для стоянок эпохи последнего оледенения. Многие памятники относятся к началу оледенения, часть приходится на его максимум, а другая часть связана с постмаксимальным периодом. Это говорит о том, что позднепалеолитические сообщества были достаточно приспособлены к обитанию в экстремально суровых климатических условиях и могли осваивать не только южные и центральные регионы равнины, но продвигаться и на север. С другой стороны, отдельные районы и территории были наиболее благоприятны для человека, что определяло возможности его периодического возвращения на традиционные участки обитания.

Проблемы хронологии и стратиграфии стоянок позднего палеолита

Изучение изменений природной среды в период обитания палеолитических сообществ на отдельных стоянках имеет важное значение в решении вопросов выбора благоприятных ландшафтов для размещения поселений. Хроностратиграфические и палеогеографические результаты, получаемые для стоянок, необходимы для анализа общих проблем палеогеографии позднего плейстоцена. Комплексные археолого-палеогеографические исследования позднепалеолитических памятников дают возможность для реконструкций условий обитания первобытных сообществ в различных районах равнины. Они позволяют оценивать соотношения локальных природных изменений в пределах стояночных участков с региональными и глобальными вариациями ландшафтов и климата.

Существующие, в настоящее время, представления о хронологии и стратиграфии стоянок позднего палеолита разнообразны и неоднозначны. Это связано со многими объективными и субъективными факторами, определяющимися результатами изучения археологических памятников и отдельных разрезов отложений позднеплейстоценовых формаций различного генезиса. Стратиграфические методы датирования культурных слоев стоянок во многих случаях характеризуют локальные

особенности процессов седиментации в пределах стояночных участков (Величко и др., 1996; Величко и др., 1999 и др.). Этим ограничены возможности корреляций отдельных горизонтов, вмещающих культурные слои памятников позднего палеолита, с различными стратиграфическими горизонтами лессово-почвенных формаций.

Общепринятые региональные стратиграфические схемы позднего плейстоцена основаны на выделении наиболее распространенных горизонтов ископаемых почв, разделяющих их лессов и криогенных горизонтов (Веклич, 1968; Москвитин, 1967; Величко и др., 1997; Величко и др., 2002; Герасименко, 2004; и др.). Они включают почвы микулинского (эемского) межледниковья и ранневалдайских интерстадиалов (бреруп, амерсфорт, верхневолжский, крутицкий, прилукский), которые часто образуют единый (мезинский, штильфрид А), почвенный комплекс (Москвитин, 1970; Величко, Морозова, 1972). Более поздние средневалдайские формации представлены сложными ископаемыми почвами (брянской, витачевской, штильфрид В и др.). В перекрывающих лессах позднего валдая выделяются несколько уровней почвообразования (трубчевский, дофиновский, веселово-вознесенский, пушинский, зарайский и др.), корреляционные соотношения которых остаются недостаточно определенными.

Для большинства известных поздневалдайских почвенных горизонтов и уровней почвообразования имеются только единичные радиоуглеродные датировки по гумусу. Неясным остается и генезис этих формаций. Причина таких неопределенностей заключается в том, что данные горизонты почв и эфемерного почвообразования отличаются небольшими мощностями и низкой гумусированностью. В большинстве случаев их формирование соответствует коротким периодам стабилизации палеоповерхностей в локальных условиях палеорельефа. Этим определяется прерывистость их распространения, пространственная изменчивость структуры и основных свойств. Возможности определения их корреляционных соотношений с известными интерстадиальными формациями, выделяемыми в различных природных зонах Европы (Раунис, Ляско, Ложери, Тюрсак и др.), ограничены из-за малочисленности ^{14}C датировок и отсутствия выдержанных морфотипических характеристик почвенных горизонтов. Предположения о глобальном характере ланд-

Таблица 1

**Радиоуглеродные датировки позднеплейстоценовых ископаемых почв,
распространенных в различных регионах Восточно-Европейской равнины**

Горизонты почв	Регион	Даты ¹⁴ C
Трубчевский	р. Десна	Нет дат
Почва (?)	Стоянка Боршево 2	12300 ± 100 (ГИН-88) ² , 11760 ± 240 (Мо-636) ²
Ласко	Стоянка (Франция)	15516 ± 900 (C-404) ⁷ , 17190 ± 140 (GrN-1632) ⁷
Веселово-Вознесенская	Северное Приазовье	15690 ± 330 (МГУ-ИОАН-58) ⁶
Сунгирская	Стоянка Сунгирь	16200 ± 400 (ГИН-15) ⁵
Елисеевичская	Стоянка Елисеевичи	16850 ± 120 (ГИН-4138) ⁴
Зарайская	Стоянка Зарайск	17900 ± 200 (ГИН-8865) ¹
Пушинская	Разрез, почва	18800 ± 200 (ГИН-4025) ⁸
Окская (?)	р. Фатьяновка (р. Ока)	19200 ± 250 (ИГАН-145) ³
Ложери-От	Стоянка (Франция)	20890 ± 300 (GrN-1888) ⁷ , 21980 ± 250 (GrN-1876) ⁷
Гмелинская	Стоянки: Костенки	21300 ± 400 (Мо±400) ² , 23900 ± 600 (Мо-435) ²
Брянская	Разрез Фатьяновка (р. Ока)	22300 ± 250 (ИГАН-197) ³
— " —	Разрез Новохоперск	22840 ± 220 (ИГАН-87) ³ , 32550 ± 700 (МГУ-344) ³
— " —	Разрез Брянск	22760 ± 410 (ИГАН-492) ³ , 24920 ± 1800 (Мо-337) ³
Тюрсак	Стоянка (Франция)	22500 23 100 23 500

¹ Амирханов, 2000; ² Синицын и др., 1997; ³ Чичагова, Черкинский, 1988; ⁴ Величко и др., 1997; ⁵ Бадер, 1978; ⁶ Марков, 1976; ⁷ Иванова, 1965; ⁸ Гугалинская, Алифанов, 2000.

шафтно-климатических изменений в периоды формирования таких почвенных горизонтов и уровней позднего валдая (верхнего пленигляциала) остаются мало аргументированными. Об этом говорит то, что признаки почвообразования выделяются только в единичных разрезах лессово-почвенных формаций европейских равнин, тогда как в сотнях других их признаки отсутствуют. При этом многие из почвенных горизонтов представлены и распространены только на стояночных участках позднего палеолита (табл. 1). Если принимать их все как свидетельства глобальных интерстадиальных потеплений или смягчений климата, то на эти интервалы приходится большая часть ледниковой эпохи, включая и часть максимума поздневалдайского оледенения.

В настоящее время на территории Восточной Европы изучено большое количество памятников позднего палеолита. Они представлены отдельными стоянками, сложными стояночными комплексами и местонахождениями археологического материала. Все они различаются, в первую очередь, по степени изученности пространственной структуры культурных слоев и их соотношений с вмещающими отложениями разных генетических типов, а также по насыщенности радиометрическими датировками и степенью обоснованности стратиграфических определений возраста. Такая неоднородность известных к настоящему времени археологических объектов имеет существенное влияние на степень аргументации

обоснованности периодизации и систематизации стоянок. Это влияет на формирование представлений о процессах первичного расселения человека позднего палеолита на территории Русской равнины.

В оценках соотношений циклов природных изменений различных рангов с этапами расселения человека в валдайскую эпоху существуют многочисленные противоречия. Во многих случаях это связано с недостаточной обоснованностью стратиграфических и хронологических корреляций разных генетических горизонтов отложений, вмещающих культурные слои стоянок, с отдельными эпохами и природными этапами позднего плейстоцена. Подобные сопоставления горизонтов (преимущественно ископаемых почв) с интерстадиальными формациями различных типов, выделяемых в разных регионах Европы, основываются на результатах радиоуглеродного датирования (рис. 1). В последние годы накоплены многочисленные данные датирования разнообразными методами — ¹⁴C (конвенциональные и AMS), TL, OSL, ЭПР и др., не только для стоянок позднего и среднего палеолита, но и для различных эпох позднего плейстоцена.

Разнообразие применяемых методов датирования позднепалеолитических стоянок и отложений, вмещающих культурные слои, определяется различными факторами. Естественные расхождения результатов, связанные с особенностями методов, иногда компенсируются различными способами калибровки (преиму-

щественно ^{14}C дат в сторону их удреждения), что делает их более близкими к результатам TL, OSL, ЭПР. Разработаны методики калибровки радиоуглеродных дат в соответствии с реконструированными изменениями содержания ^{14}C в атмосфере (Pettitt, 2000; Mellars, 2006). Использование таких калиброванных дат более приближает их к результатам люминисцентного датирования, но не снимает всех проблем их расхождений (Housley et al., 2006). Кроме того, использование люминисцентных и калиброванных ^{14}C дат весьма осложняет корреляционные возможности этих результатов с датировками других стоянок и особенно ископаемых почв и других формаций позднего плейстоцена. В последнее время отношение к калибровке датировок начинает меняться, поскольку подобная «корректировка» возраста приводит к возникновению более сложных проблем хроностратиграфии не только верхнего палеолита, но и позднего плейстоцена (Аникович и др., 2008).

Поскольку для абсолютного большинства известных стоянок и разрезов лессово-почвенных формаций Восточной Европы используются преимущественно некалиброванные ^{14}C датировки, именно они составляют основу выделения хронологических этапов первичного расселения позднепалеолитических сообществ на равнинах Северной Евразии (Величко и др., 2002). Это дает возможность для более аргументированных сопоставлений этапов первичного расселения с основными природными событиями позднего плейстоцена, отраженными в общих схемах хроностратиграфии лессово-почвенной формации. Основой стратиграфии позднего плейстоцена являются результаты палеогеографического изучения различных генетических формаций (ископаемых почв, озерно-болотных, лессовых, аллювиальных и др.), датированных стратиграфическими и ^{14}C методами и охарактеризованными палеонтологическими, палеопочвенными, палеомерзлотными и другими исследованиями. Наиболее используемыми в решениях проблем корреляций в настоящее время являются привязки стратиграфических горизонтов к изотопно-кислородным стадиям. Однако для решения проблем позднего палеолита путем сопоставления культурных слоев стоянок с многочисленными изотопными кривыми и стадиями OIS или MIS мало информативно, поскольку большинство памятников приходится на время финала стадии 3 и стадию 2. Кроме того, существуют определенные корреляционные расхождения региональных

хроностратиграфических схем, связанные с различными причинами.

Проблемы систематизации и классификации палеолитических стоянок

Для выявления основных закономерностей расселения позднепалеолитических сообществ в разных регионах необходим детальный и всесторонний анализ конкретных стоянок, особенно долговременных. Это дает возможности для систематизации памятников по различным критериям. Каждый из них отражает только некоторые закономерности. К наиболее важным из них можно отнести — определения возраста стоянок, характера стоянок (продолжительность, сезонность, периодичность функционирования и т.д.), степень воздействия первобытных сообществ на палеоповерхности обитания (создание костных и земляных конструкций, искусственных ям, землянок, жилищ, очагов) и др. Все они имеют определяющее значение в классификации и систематизации памятников позднего палеолита. Их выборочное использование не только ограничивает возможности аргументированных реконструкций процессов первичного расселения, но усложняет определения соотношений периодов обитания отдельных стоянок с природными изменениями разных рангов. Существующие расхождения в реконструкциях этапов расселения связаны, как правило, с выборочным использованием имеющихся данных по конкретным памятникам. Здесь важно учитывать все характеристики и искать причины возможных расхождений и противоречивости данных, полученных разными методами, но не отсеивать те, которые, на первый взгляд, сомнительны.

Сложная многоступенчатая классификация необходима для того, чтобы не ставить позднепалеолитические памятники с единичными археологическими находками или преотложенным материалом культурных слоев в один ряд с достаточно изученными, долговременными местообитаниями. Только комплексные данные археологических и палеогеографических исследований дают возможность оценки условий обитания и характера освоения разных территорий, а не только возможностей эпизодического проникновения на них палеолитического человека. Сбор и на-

копление фактических данных по отдельным стоянкам в процессе археологических раскопок дает возможность для детализаций общей структуры местообитаний. Новые данные могут приводить и к изменениям представлений о времени и условиях обитания первобытных сообществ на определенных территориях и в регионах. Примером этого являются исследования последних лет на стоянках – Зарайск, Хотылево 2, Сунгирь, Пушкари 1, Погон, Бугорок, Юдиново, Заозерье и др. (Амирханов и др., 2009; Гаврилов, 2008; Беляева, 2002; Величко и др., 1997; Павлов, 2004; Грибченко, 2008; и др.). Результаты расширения исследованных пространств на этих памятниках дают возможность корректировать существовавшие ранее представления о масштабах, структуре и хронологии функционирования поселений.

Степень информативности различных классификаций далеко неодинакова для отдельных стоянок, но они позволяют более объективно подходить к их анализу.

1 – классификации по возрасту и географическому положению – дают только общие представления о возможности расселения человека позднего палеолита в различных регионах. Противоречивость датировок и сложная стратиграфия стояночных участков, для которых характерна особая цикличность седиментационных и рельефообразующих процессов, выражается в неоднозначных корреляциях культурных слоев стоянок с различными хроностратиграфическими горизонтами позднего плейстоцена. Для более корректных определений степени значимости отдельных археологических памятников в реконструкциях хронологии первичного расселения и их соотношений с природными событиями важное значение имеет более четкая систематизация стоянок и местонахождений позднего палеолита.

2 – классификации по характеру памятников, определяющемуся особенностями структуры и продолжительности существования стоянок, степени их изученности и др.:

а) долговременные поселения с жилыми конструкциями и сложным культурным слоем (Зарайск, Пушкари 1, Хотылево 2, Мезин, Межирич, Добраничевка, Юдиново, Елисеевичи, Костенки 11 и др.). Стоянки этой группы являются наиболее значимыми для анализа особенностей условий обитания человека в различных природных условиях ледниковой эпохи.

б) многослойные памятники (Зарайск, Костенки, Сунгирь (?), Авдеево, Пушкари 1 (?),

Погон-Бугорок, Юдиново, Елисеевичи (?) и др.). Если для стоянок Зарайск, Костенки 1, 12, 14 и др., Юдиново многоэтапность функционирования является несомненной, то для других памятников еще требуется аргументированное археологическое и стратиграфическое обоснование.

в) памятники с неясной структурой культурных слоев (Бугорок, Супонево, Заозерье, Гарчи 1, Быки и др.) составляют наиболее значительную группу вместе с мало изученными стоянками и местонахождениями.

г) памятники с переотложенными культурными слоями (Бызовая, Мамонтовая Курья и др.). Группа наиболее сложных для исследования памятников, для которых неопределены условия размещения и характер первичных местообитаний. При этом остается неясность в определениях времени и характера процессов переотложения из-за недостатка данных.

д) местонахождения и мало изученные стоянки (Курская, Сучкино, Н.-Северская и др.).

3 – классификации по геоморфологическому положению позволяют оценивать критерии выбора участков, наиболее благоприятных для обитания в различных природных условиях. Приуроченность позднеледниковых памятников к различным геоморфологическим элементам речных долин не дает возможностей для однозначных определений возраста стоянок. Тем не менее, здесь прослеживаются некоторые особенности и закономерности (рис. 2). Они позволяют оценивать некоторые критерии выбора палеолитическими сообществами наиболее благоприятных местообитаний в разные периоды валдайской ледниковой эпохи в процессе трансформаций речных долин:

а) расположенные на водоразделах и высоких надпойменных террасах (Тимоновка, Хотылево, Зарайск, Пушкари, Погон, Бугорок),

б) III надпойменные террасы (Сунгирь, Хотылево 6, Заозерье, Гарчи 1),

в) II надпойменные террасы (Елисеевичи, Авдеево, Талицкого и др.),

г) I надпойменные террасы (Юдиново, Межирич),

д) балочные террасы (Мезин, Кирилловская, Гонцы, Добраничевка).

Особую группу составляют разнотипные многослойные памятники, к которым относятся комплексы поселений и местообитаний разного возраста. Они свидетельствуют о том, что первобытные сообщества обитали в пределах локальных стояночных участков в раз-

ное время, при некотором смещении зон размещения местообитаний. Численность таких памятников увеличивается по мере расширения археологических исследований. К другой категории относятся многочисленные местонахождения каменных орудий, не имеющих в настоящее время четких хронологических и стратиграфических привязок или определения которых неоднозначны и противоречивы. Такая систематизация археологических памятников является необходимой основой комплексных археолого-палеогеографических реконструкций. Как показывает опыт изучения различных стоянок позднего палеолита, наиболее информативными являются данные всестороннего анализа пространственной структуры культурных слоев и их соотношений с отдельными фациями и горизонтами вмещающих отложений. Это дает возможность для оценок стратиграфической значимости слоев и горизонтов, а также контроля имеющихся радиоуглеродных датировок. Вариации ^{14}C дат могут быть связаны с различными причинами и факторами – степенью сохранности датированного материала, источниками костей животных (объектов охоты или принесенного материала из более древних естественных захоронений), погрешностями методов датирования и т.д. Все это могло отразиться в расхождении результатов датирования. Поэтому выбор наиболее «достоверных» дат без достаточной аргументации другими методами, как и осреднение результатов датирования, не приемлемы. Стратиграфическое датирование культурных слоев конкретных стоянок часто так же не достаточно обосновано, особенно для сложных долговременных и многослойных стоянок.

Этапы первичного расселения

Изучение конкретных памятников палеолита является главным и безусловным фундаментом решения вопросов взаимодействия человека с окружающей средой, эволюции материальной культуры первобытных сообществ, характера адаптации человека к меняющимся ландшафтно-климатическим условиям и др. Для определений особенностей и закономерностей, объединяющих или различающих отдельные одновременные или разновозрастные памятники, распространенные в различных регионах, необходима их многофакторная систематизация. Одним из способов та-

кого анализа является подход, основанный на выделении этапности первичного расселения палеолитических сообществ.

В основу выделения этапов расселения заложен принцип соотношений основных датированных стоянок с хроностратиграфическими циклами позднего плейстоцена (Величко и др., 1992; Величко и др., 2002; и др.). В значительной степени такое разделение на этапы остается условным, как и разделение на хронологические группы, основанное на ^{14}C датировках культурных слоев стоянок (Синицын и др., 1997). Главным в использовании различных методов и подходов для группировки позднепалеолитических памятников является стремление к их систематизации.

Сложность выделения этапов заключается в неоднородности и недостаточности имеющихся археолого-палеогеографических данных для детализации соотношений положения стоянок с реконструируемыми ландшафтами разных периодов позднего плейстоцена (рис. 3). В результате этого возможны пока только весьма генерализованные выделения наиболее крупных этапов. Первый из них относится к эпохе средневалдайского мегаинтерстадиала (36–23 тыс. лет назад), в котором, весьма условно, можно выделить самый ранний интервал (36–27 тыс. лет назад). Второй этап связан с эпохой развития поздневалдайского оледенения, хронологические рамки которого условно определяются финалом интерстадиала и началом позднеледниковья (24–16 тыс. лет назад). Хронологический интервал третьего этапа более обоснован (15–12 тыс. лет назад). Несмотря на небольшую продолжительность этого этапа, на основании имеющихся археолого-палеогеографических данных существуют возможность и его разделения, учитывая сложность периода дегляциации, деградации многолетней мерзлоты и трансформации ландшафтов.

Для каждого этапа первичного проникновения и освоения различных регионов Восточно-Европейской равнины существуют проблемы, связанные с результатами исследований конкретных стоянок. Наиболее сложным является период ранней поры позднего палеолита. Немногочисленные памятники этого времени датируются периодом 27–36 и более тыс. лет назад. Диапазоны имеющихся датировок часто весьма значительны и причины этого различны. Помимо известных памятников центральных районов – Костенки 12, 14, Сунгирь, к этой группе относятся сто-

янки и местонахождения бассейнов Камы и Печоры — Заозерье, Гарчи 1, Бызовая и Мамонтова Курья (Павлов, 2002; Свендсен и др., 2008; Аникович и др., 2007; и др.). Определения времени обитания северных памятников, в большинстве случаев, основаны на наиболее ранних ^{14}C и OSL датах. При этом Мамонтова Курья и Бызовая являются местонахождениями переотложенного материала культурных слоев, связанными с естественными «кладбищами» мамонтов, а имеющиеся данные по стратиграфии и структуре культурных слоев ограничены и противоречивы (Павлов, 2002; Свендсен и др., 2008; Грибченко, 2008; и др.). Стоянки Заозерье и Гарчи 1 связаны с третьей надпойменной террасой Камы, как и Сунгирь. В строении вмещающих отложений этих стоянок прослеживается отчетливое сходство, несмотря на хронологические различия (Грибченко, 2008). Культурные слои памятников связаны со сложными почвенно-гумусированными формациями, в которых фиксируются фрагменты ранне- и средневалдайского почвообразования (рис. 4).

Общими свойствами для стоянок Сунгирь, Заозерье и Гарчи 1 является идентичность строения отложений, вмещающих культурные слои и геоморфологические позиции (III надпойменные террасы Клязьмы, Камы и Чусовой — флювиогляциальные). Кроме того, за пределами стояночных участков в строении лессово-почвенных формаций выделяются стратиграфические горизонты — поздневалдайской почвы, брянской почвы и сложного мезинского почвенного комплекса (см. рис. 4А). В основании разрезов залегают флювиогляциальные отложения последнего (днепровского) среднеплейстоценового оледенения. Культурные слои связаны с верхней (глиевой) частью брянской почвы, наложенной на мезинский почвенный комплекс.

Особый интерес представляет анализ соотношений стратиграфических позиций этих памятников с более поздними стоянками — Хотылево 2, 6, Пушкари 1 и Погон (бассейн Десны). Все эти памятники расположены в различных геоморфологических условиях речных долин, но имеют и много общих особенностей. Главной из них является то, что в основании культурных слоев залегают педокомплексы начала позднего плейстоцена (мезинский) и среднего валдая (брянский?). Культурные слои Сунгирия, Заозерья и Гарчей (датированные интервалом 31–28 тыс. лет) связаны с локальными участками не типично-

го почвообразования, где отсутствуют почвенные профили с генетическими горизонтами. Литолого-фациальные свойства этих формаций говорят о том, что человек обитал здесь в финале формирования почвы среднего валдая, в условиях многолетней мерзлоты, но на локальных участках, где криогенные деформации практически не проявлялись. Таким образом, оптимальные условия мегаинтерстадиала были, судя по всему, неблагоприятны для обитания позднепалеолитических сообществ, несмотря на длительную стабильность палеопереходных поверхностей. Судя по немногочисленным палинологическим данным, полученным для различных генетических типов отложений (Писарева, Фаустова, 2008), доминирующими ландшафтами северных и центральных регионов Русской равнины в период 28–26 тыс. лет назад (и ранее) были редкостойные леса и лесотундры (рис. 3А).

Последующие, эолово-делювиальные циклы седиментации прерывались кратковременными периодами затухания процессов аккумуляции, выраженные горизонтами эфемерного и элементарного почвообразования. Литолого-структурные особенности этих горизонтов имеют сходные и общие свойства с отложениями верхней части почвенного горизонта (брянского), с которым связаны основные культурные слои стоянок. Это позволяет предполагать, что почвенно-культурные горизонты памятников (Сунгирь, Заозерье и Гарчи 1) формировались в условиях сложной цикличности при сочетании почвенных, седиментационных и делювиальных процессов разной интенсивности.

Имеющиеся даты культурных слоев Сунгирия составляют диапазон от 28 до 23 тыс. лет назад (Сулержицкий и др., 2000), что позволяет предполагать этапность функционирования поселения. Из этого может следовать то, что человек мог обитать здесь в то же время, когда существовали поселения Хотылево 2 (Зарайск, Авдеево, Пушкари 1, Погон и др. близкие по времени стоянки). Таким образом, рубеж между ранним (средневалдайским) этапом расселения позднепалеолитических сообществ в Восточной Европе и последующим (ледниковым) остается весьма условным. Судя по наиболее поздним датам культурных слоев стоянок: Сунгирь, Хотылево 2, Пушкари 1, Погон — активизация процессов эолового лессонакопления началась после 22–21 тыс. лет назад, а на севере возможно раньше. Это является одним из наиболее значимых показателей

Таблица 2

Хронологическое и пространственное распределение основных стоянок эпохи поздневалдайского оледенения Восточно-Европейской равнины

¹⁴ C датировки	Юг	Центр	Северо-Восток
18–17 тыс. лет назад	Золотовка Молодова 5, Косауцы	Зарайск, Быки 7, 1, Пены, Елисеевичи	Медвежья
20–18 тыс. лет назад	Амвросиевка, Мураловка, Анетовка, Б. Акарджа, Лески	Костенки 1, 11, 21, Кирилловская, Н.-Северская, Зарайск	Талицкого
23–20 тыс. лет назад	Сагайдак	Авдеево, Хотылево 2, Бердыж, Зарайск, Пушкари 1, Погон	

кардинальной трансформации ландшафтов и перестройки характера природных процессов в начале поздневалдайского оледенения.

Для оценок степени благоприятности природных условий обитания в периоды первичного расселения позднепалеолитических сообществ на равнинах Восточной Европы важным является наиболее суровый период эпохи последнего оледенения (позднего валдая). Хронологические рамки максимума оледенения (по разным данным) определяются интервалом от 22 до 17 (20–18) тыс. лет назад (Величко и др., 2002). Судя по имеющимся радиоуглеродным датировкам культурных слоев ряда позднепалеолитических памятников, с этим интервалом связаны многие крупные стоянки Восточной Европы, распространенные в различных регионах (см. рис. 3В). Это говорит о том, что экстремально суровые ландшафтно-климатические условия ледниковой эпохи не являлись препятствием для миграций первобытных сообществ не только в южных и центральных регионах Русской равнины, но не ограничивали их продвижение к северо-востоку (в бассейны Камы и Печоры).

Если в данном этапе особо выделять максимум оледенения, как время максимальной суровости климата, то его можно условно разделить на три интервала (табл. 2). Учитывая диапазоны имеющихся датировок, многие стоянки относятся к различным интервалам. Важно то, что позднепалеолитические сообщества обитали в разных регионах Восточно-Европейской равнины в течение всей поздневалдайской ледниковой эпохи. Основная проблема заключается в ограниченной возможности определения соотношений периодов функционирования стоянок с различными этапами эволюции ледниковых покровов и циклами природных изменений. Фактические данные

палеогеографических методов исследования перигляциальных отложений этого времени немногочисленны. Больше данных имеется по результатам изучения отдельных стоянок, но сложность состоит в оценках ранга природных изменений – глобальных, региональных и локальных.

К заключительному (15–12 тыс. лет назад) позднеледниковому этапу расселения позднепалеолитического человека относятся многочисленные стоянки, расположенные в различных регионах (см. рис. 3В). Многие памятники этой группы представляют собой остатки крупных долговременных поселений (Мезин, Добраничевка, Межирич, Гонцы, Елисеевичи, Юдиново и др.). Основные проблемы изучения стоянок этого этапа заключаются в том, что в большинстве случаев отложения, вмещающие культурные слои, не содержат отчетливо выраженных стратиграфических горизонтов. Геоморфологические позиции разнообразны – стоянки расположены на водораздельных склонах речных долин (Тимоновка, Бугорок), на низких балочных террасах (Мезин, Гонцы, Добраничевка), а также на низких надпойменных террасах (Межирич, Юдиново).

Особенности стоянок эпохи поздневалдайского оледенения

Наиболее важным памятником рассматриваемого этапа является долговременное, многослойное поселение Зарайск (Амиханов, 2000). Имеющиеся данные многолетних археологических раскопок на стояночном участке говорят о значительных размерах площади поселения. Сложный палеорельеф водо-

раздельного участка, на котором размещено поселение, формировался за счет развития древней эрозионной системы, которая определяла характер седиментационных процессов в позднем плейстоцене. С этим связана значительная неоднородность лессово-почвенной стратиграфии отложений, вмещающих культурные слои памятника.

Как и для многих позднепалеолитических стоянок Восточно-Европейской равнины, в Зарайске отмечаются значительные расхождения результатов радиоуглеродного датирования, которые составляют хронологический диапазон от 23 до 16 тыс. лет назад (Амирханов, 2000). В подобных случаях (учитывая малую вероятность столь длительного существования стоянки) часто исключаются поздние даты, как омоложенные, либо предполагается многоэтапность обитания, которая не проявляется в явной многослойности памятников. Если необоснованная выбраковка молодых датировок часто искажает представления о времени функционирования стоянок, то определения многослойности только по датам требует археологической и палеогеографической аргументации. Возможность этого была доказана Х.А. Амирхановым для Зарайского памятника. Признаки многослойности проявились на некоторых участках стоянки Авдеево, где она предполагалась Л.Д. Сулержицким (2004) по анализу распределения датировок, и выявлены для Юдиново.

Зарайский стояночный участок является показательным и в плане решения стратиграфических проблем позднеплейстоценовых отложений, вмещающих культурные слои, а также определения критериев их корреляционных сопоставлений с различными стратотипическими горизонтами других территорий. В разрезе 1995 г. и в раскопе 5 представлены сложные почвенные горизонты и комплексы, прямые сопоставления которых достаточно сложны (рис. 5). Верхний горизонт зарайской почвы, с основанием которого связан один из культурных слоев, имеет морфотипические признаки, сходные с брянскими почвами. Это может говорить о том, что формирование почвы происходило в природных условиях, сходных с финалом брянского времени, но пока не имеет аргументированных стратиграфических аналогов даже в ближайших районах бассейна Оки. В других раскопах зарайской стоянки стратиграфия отложений, вмещающих культурные слои, имеет иной характер (Амирханов, 2000; Трусов, 1994), и возможности

прямых сопоставлений отдельных горизонтов весьма ограничены. Все это говорит о том, что единичные разрезы вмещающих отложений на участках сложных долговременных поселений во многих случаях не могут объективно характеризовать хроностратиграфию территорий.

Ниже зарайской почвы в разрезе и в раскопе 5 прослеживаются слабо выраженные признаки почвообразования со структурными характеристиками интерстадиального почвообразования. Очевидно, что почвенный профиль был частично эродирован и метаморфизован в процессе его погребения. Подобные процессы фиксировались в разрезах стоянок: Пушкири 1 (раскоп 5), Хотылево 2, Елисевици и др. Это связано, как правило, с особенностями микрорельефа палеоперехватов и литологическими свойствами отложений материнских пород и перекрывающих почвенные уровни.

Для большинства стояночных участков, с которыми связаны долговременные поселения позднепалеолитических сообществ, характерно прерывистое распространение разновременных почвенных горизонтов и эфемерных почв. Это связано с особенностями эволюции процессов седиментации и периодической стабилизации палеоперехватов. В зависимости от продолжительности периодов стабильности, характера ландшафтов и литологических свойств пород формировались мощность и генетические горизонты почвенных профилей. Литолого-фациальные и стратиграфические характеристики отложений, вмещающих культурные слои стоянок разных регионов Русской равнины, говорят о том, что периодическое формирование эфемерных и элементарных почвенных горизонтов происходило в разных ландшафтно-климатических условиях и в различные эпохи позднего плейстоцена.

Основные закономерности пространственного распространения такого рода почвенных образований свидетельствуют о том, что даже в пределах единого геоморфологического уровня элементарное почвообразование происходило в разные хронологические периоды. Это фиксировалось в раскопах и разрезах стоянок — Зарайск, Авдеево, Сунгирь, Пушкири-Погон, Юдиново, Межирич, Амвросиевка, Заозерье, Гарчи и др. Все эти стоянки расположены в разных регионах (от Северного Приазовья до Средней Камы) — от 48° до 58° северной широты. Горизонты почвообразования разделяют, как правило, эолово-делю-

виальные фации отложений, формирование которых происходило при различных условиях активности седиментации. Они различны по времени и масштабам проявления, но подчинены определенным закономерностям, что позволяет проводить оценки соотношений памятников близких по возрасту, расположенных в разных регионах.

Особенности изменчивости структуры и распространения разновозрастных горизонтов ископаемых почв разного ранга в пределах одного геоморфологического уровня отчетливо прослеживаются в пределах Пушкаревского стояночного участка (см. рис. 2). Здесь также отмечается изменение количества и мощностей почвенных горизонтов и уровней в зависимости от характера эрозионного палеорельефа. Это проявляется не только в свойствах маломощных уровней почвообразования. В пределах небольших участков, с достаточно выровненной современной поверхностью, происходит выклинивание довольно мощных почвенных профилей брянской либо мезинской. На других участках мощности этих почв значительно увеличиваются. Таким образом, существенно меняется стратиграфия отложений, вмещающих культурные слои (рис. 6). В результате этого практически невозможна корреляция почвенных горизонтов, сопряженных с культурными слоями Пушкарей 1 – раскопов 5 и 7, Погона. Возможность датирования самих горизонтов ограничена низким содержанием гумуса.

Судя по имеющимся данным, периоды формирования почвенных горизонтов позднего валдая не одновременны и связаны не с изменениями ландшафтов, а с локальными условиями кратковременных стабилизаций палеоперехватов, которые сменялись периодами активизации седиментационных процессов. Их сопоставления с интерстадиальными и интерфазальными изменениями ландшафтов и климата пока не имеют аргументированных оснований.

Еще одной особенностью Пушкаревского мыса является то, что только на отдельных участках здесь прослеживаются полигонально-жильные криогенные структуры. Очевидно, это их формирование определялось литологическими свойствами пород и степенью их влажности. Именно соотношения культурных слоев с мерзлотными деформациями (в раскопе 7) дает возможность предполагать здесь наличие одновременных культурных слоев. Материал раннего слоя фиксируется в заполнениях клиновидных структур, тогда как бо-

лее поздний имеет горизонтальное залегание над клиньями. С другой стороны, мерзлотная трещина, прослеживаемая в раскопе, разрывает (с незначительным вертикальным смещением) очажный участок. Возможность разновременных периодов функционирования на данном участке памятника требует детального изучения.

Аналогичные признаки вероятной многослойности были выявлены и на стоянке Авдеево (Грибченко и др., 2002). Как свидетельствуют результаты исследований стоянки Зарайск, в таких случаях необходимо детальное и всестороннее археологическое, микростратиграфическое, палеомерзлотное и хронологическое изучение памятников (Амирханов, 2000). Многочисленные датировки культурных слоев стоянки Авдеево составляют сложные разновременные серии, которые, по мнению Л.Д. Сулержицкого (2004), говорят о возможной многослойности памятника, которая не имеет отчетливых проявлений в разрезах.

Главные отличия Авдеевского памятника заключаются в том, что стоянка расположена на ограниченном участке останца второй надпойменной террасы Сейма и покровные лесовидные отложения имеют незначительную мощность до 1 м (Величко и др., 1999; Velichko, Gribchenko, 2000). Во вмещающей толще не отмечено горизонтов ископаемых почв. Основанием культурного слоя является сложный песчано-глинистый уровень с признаками слабой гумусированности на отдельных участках.

Несмотря на некоторые различия во времени существования стоянок Хотылево 2, 6, Пушкари 1 и Погон (с датировками 24–20 тыс. лет), а также Сунгирь и Зарайск, они имеют сходные или близкие условия стратиграфического положения культурных слоев. Хотылевские и Пушкаревские памятники расположены на водораздельных склонах долины Десны. Основание геоморфологических уровней представлено меловыми мезозойскими отложениями, содержащими кремневые конкреции, служившие сырьем для производства орудий. Пространственная изменчивость структуры и мощности ископаемых почв (мезинской и брянской) в пределах стояночных участков достаточно значительна. Кроме этого, в толще отложений, вмещающих культурные слои памятников, также выделяются горизонты почвообразования. Они представлены и на уровне культурных слоев и в перекрывающих лессовых отложениях, характеризуются прерывистым распространением и простран-

венной изменчивостью морфологических и литологических свойств.

Продолжающиеся археолого-палеогеографические исследования Деснинских памятников (Хотылево и Пушкари) постоянно дают новые фактические данные, позволяющие дополнять и корректировать представления о структуре поселений и соотношений периодов их функционирования с природными вариациями позднего плейстоцена. Разновременность периодов обитания человека на различных участках Хотылево определяется наличием здесь местообитаний мустьерских и позднепалеолитических сообществ. Мустьерские местонахождения выявлены в Пушкарях. Местонахождение мустье связано с геоморфологическим уровнем третьей надпойменной террасы Десны, как и стоянки Хотылево 1, Бетово и др. Можно предполагать, что определенные особенности эволюции структуры различных участков данных территорий обеспечивали стабильность палеорельефа и благоприятные условия обитания человека в различные периоды позднего плейстоцена.

Заключение

Исследования палеогеографических и геоморфологических особенностей разновозрастных позднепалеолитических стоянок, распространенных в различных регионах Восточно-Европейской равнины, имеет большое значение. Комплексный анализ дает возможность для выявления и систематизации различных закономерностей, характеризующих условия обитания первобытных сообществ в разные эпохи и в разных районах. Одной из закономерностей является то, что накопление фактических данных по исследованиям стоянок позволяет решать одни проблемы, но часто ставит другие вопросы. Это говорит о том, что мало изученные памятники (с единичными датировками) нельзя уверенно сопоставлять и ставить в один ряд с достаточно исследованными. С точки зрения палеогеографии — наиболее информативными являются сложные долговременные стоянки, относящиеся к разным периодам позднего палеолита.

Литература

- Амирханов Х.А., 1998. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы // Восточный граветт. М.: Научный мир. С. 15–34.
- Амирханов Х.А., 2000. Зарайская стоянка. М.: Научный мир. 246 с.
- Амирханов Х.А., Ахметгалеева Н.Б., Бужилова А.П., Бузова Н.Д., Лев С.Ю., Мащенко Е.Н., 2009. Исследования палеолита в Зарайске, 1999–2005. М.: Палеограф. 466 с.
- Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б., 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-История. 336 с.
- Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И., 2008. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История. 304 с.
- Бадер О.Н., 1978. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука. 271 с.
- Беляева В.И., 2002. Палеолитическая стоянка Пушкари 1 (характеристика культурного слоя). СПб.: Изд-во СПб. Ун-та. 156 с.
- Веклич М.Ф., 1968. Стратиграфия лессовой формации Украины и сопредельных стран. Киев. 238 с.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., 1992. Геоэкологические проблемы палеолита Русской равнины в свете данных геохронологии // Геохронология четвертичного периода. М.: Наука. С. 20–28.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., 1996. Природные условия первичного расселения первобытного человека в перигляциальной зоне Восточной Европы // Развитие области многолетней мерзлоты и перигляциальной зоны Северной Евразии и условия расселения древнего человека. М. С. 23–73.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., 1997. Стратиграфическое положение стоянок Пушкаревской группы // Пушкаревский сборник: по материалам исследований палеолитической стоянки Пушкари 1. СПб. С. 19–30.

- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Новенко Е.Ю., 1999. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // *Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене*. М. С. 19–50.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Абрамова З.А., Куренкова Е.И., Праслов Н.Д., 2002. Первобытное общество и окружающая среда. Поздний палеолит // *Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130000 лет: (атлас-монография)*. М.: ГЕОС. С. 138–146.
- Величко А.А., Морозова Т.Д., 1972. Основные горизонты лессов и ископаемых почв Русской равнины // *Лессы, погребенные почвы и криогенные явления на Русской равнине*. М.: Наука. С. 116–134.
- Гаврилов К.Н., 2008. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2, М.: ТАУС. 256 с.
- Герасименко Н.П., 2004. Развитие зональных ландшафтов четвертинного периода на Украине: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Киев. 41 с.
- Грибченко Ю.Н., 2008. Первичное расселение палеолитического и неолитического человека на Севере Восточно-Европейской равнины // *Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики*. М.: ИГ РАН. С. 107–133.
- Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Тимирева С.Н., Новенко Е.Ю., Воскресенская Е.В., 2002. Особенности позднепалеолитического освоения равнин Восточной Европы // *Пути эволюционной географии (итоги и перспективы)*. М. С. 280–300.
- Гричук В.П., 1982. Растительность Европы в позднем плейстоцене // *Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет*. М.: Наука. С. 92–109.
- Гричук В.П., 2002. Растительность позднего плейстоцена // *Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет: (атлас-монография)*. М.: ГЕОС. С. 64–89.
- Гугалинская Д.А., Алифанов В.М., 2000. Особенности почвообразовательного процесса по материалам поселения Сунгирь. М.: Научный мир. С. 43–46.
- Иванова И.К., 1965. Геологический возраст ископаемого человека. М.: Наука. 192 с.
- Марков К.К. (ред.), 1976. Разрез новейших отложений Северо-Восточного Приазовья. М.: Изд-во Моск. ун-та. 160 с.
- Москвитин А.И., 1967. По следам палеолита и погребенным почвам через Днестр в Чехословакию // *Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита*. М.: Изд-во АН СССР. С. 160–171.
- Москвитин А.И., 1970. Стратиграфия плейстоцена Центральной и Западной Европы. М.: Наука. 288 с.
- Павлов П.Ю., 2002. Древнейшие этапы заселения севера Евразии: северо-восток Европы в эпоху палеолита // *Северный Археологический Конгресс, 9–14 сент. 2002 г., Ханты-Мансийск: доклады*. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига. С. 192–209.
- Павлов П.Ю., 2004. Ранняя пора Верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы. Сыктывкар: УрО Коми НЦ РАН. 35с.
- Писарева В.В., Фаустова М.А., 2008. Реконструкция ландшафтов севера России в средневалдайском мегаинтерстадиале // *Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики*. М.: ИГ РАН. С. 53–62.
- Свендсен Й.И., Павлов П.Ю., Хеген Х., Мангеруд Я., Хуфтхаммер А.К., Робрукс В., 2008. Природные условия плейстоцена и палеолитические стоянки на севере западного склона Уральских гор // *Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики*. М.: ИГ РАН. С. 79–97.
- Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д., 1997. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы // *Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы*. СПб. С. 21–66.
- Спифидонова Е.А., 1983. Палинологическая характеристика мегаинтерстадиала и ее значение для восстановления истории развития флоры и растительности Русской равнины // *Бюллетень Комис. по изучению четв. периода*. М.: Наука. Вып. 32. С. 29–42.
- Сулержицкий Л.Д., Петит П., Бадер Н.О., 2000. Радиоуглеродный возраст поселения и обнаруженных погребений // *Homo sungirensis = Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования*. М.: Научный мир. С. 30–34.
- Сулержицкий Л.Д., 2004. Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // *Российская археология*. М. № 3. С. 103–112.

Трусов А.В., 1994. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки. Древности Оки. М. С. 94–116.

Чичагова О.А., Черкинский А.Е., 1988. Радиоуглеродные исследования в географии. М.: ИГ АН СССР. 79 с.

Housley R.A., Higham T.F.G., Anikovich M.V., 2006. New AMS radiocarbon dates from Kostenki 12 // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. СПб.: Нестор-История. С. 152–155.

Mellars P., 2006. A new radiocarbon revolution and the dispersal of modern humans // Nature. Vol. 429. P. 931–935.

Pettitt P., 2000. Chronology of the Mid Upper Palaeolithic: the radiocarbon evidence // Hunters of the Golden Age. The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30,000–20,000 bp. Leiden: Leiden University. P. 21–30.

Velichko A.A., Gribchenko Yu.N., 2000. Seim river valley // Paleogeography and Paleohydrology of the Lowland River Basins: guide-book for field excursion within Seim river basin, Russia. М.: IG RAS. P. 51–54.

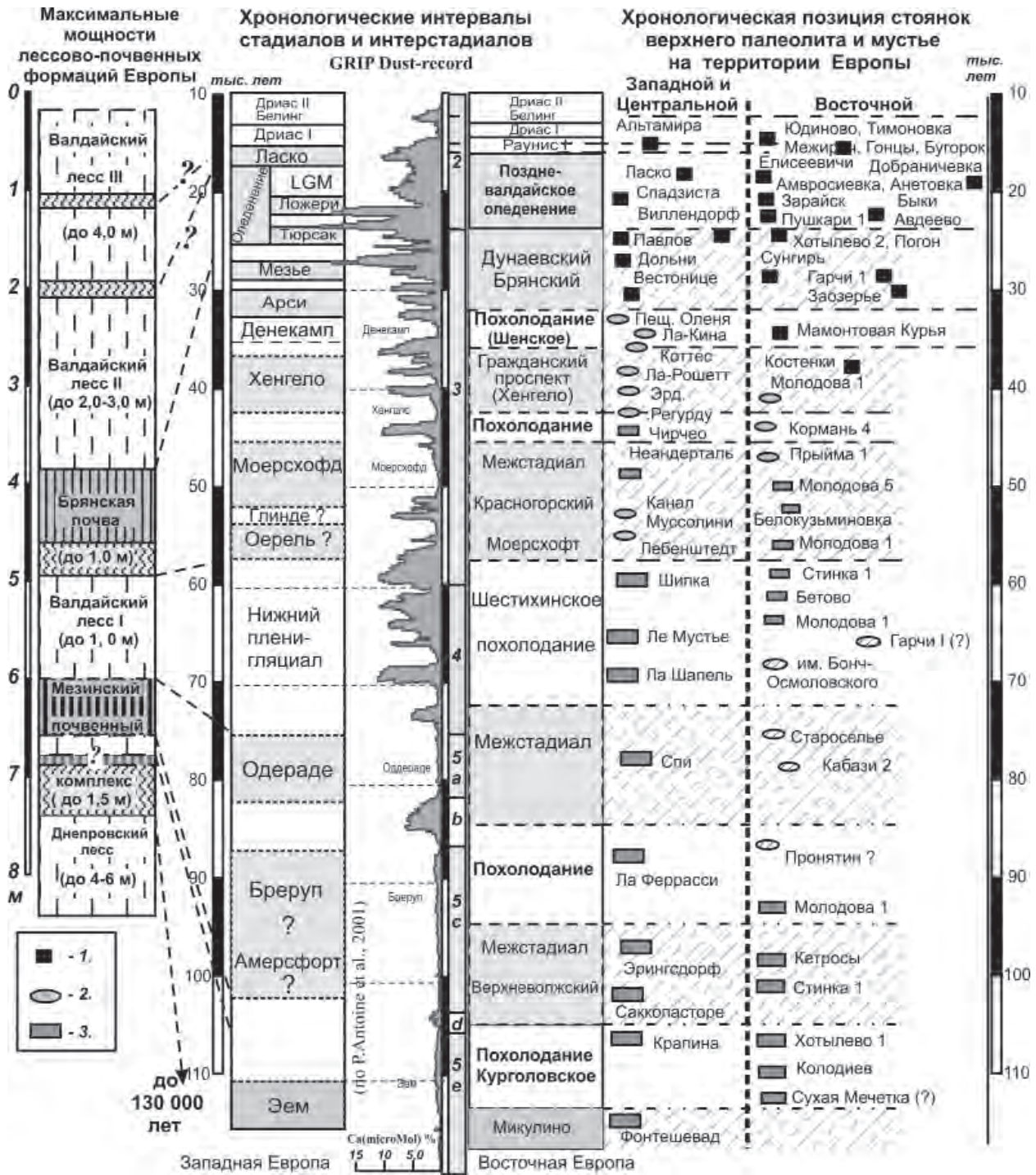

Рис. 1. Хроностратиграфические соотношения интерстадиалов позднего плейстоцена с датировками поздне-палеолитических и мустье-ских памятников Европы датированные памятники: 1. позднего палеолита по ¹⁴C датам, 2. мустье по разным датам, 3. мустье по стратиграфическому датированию

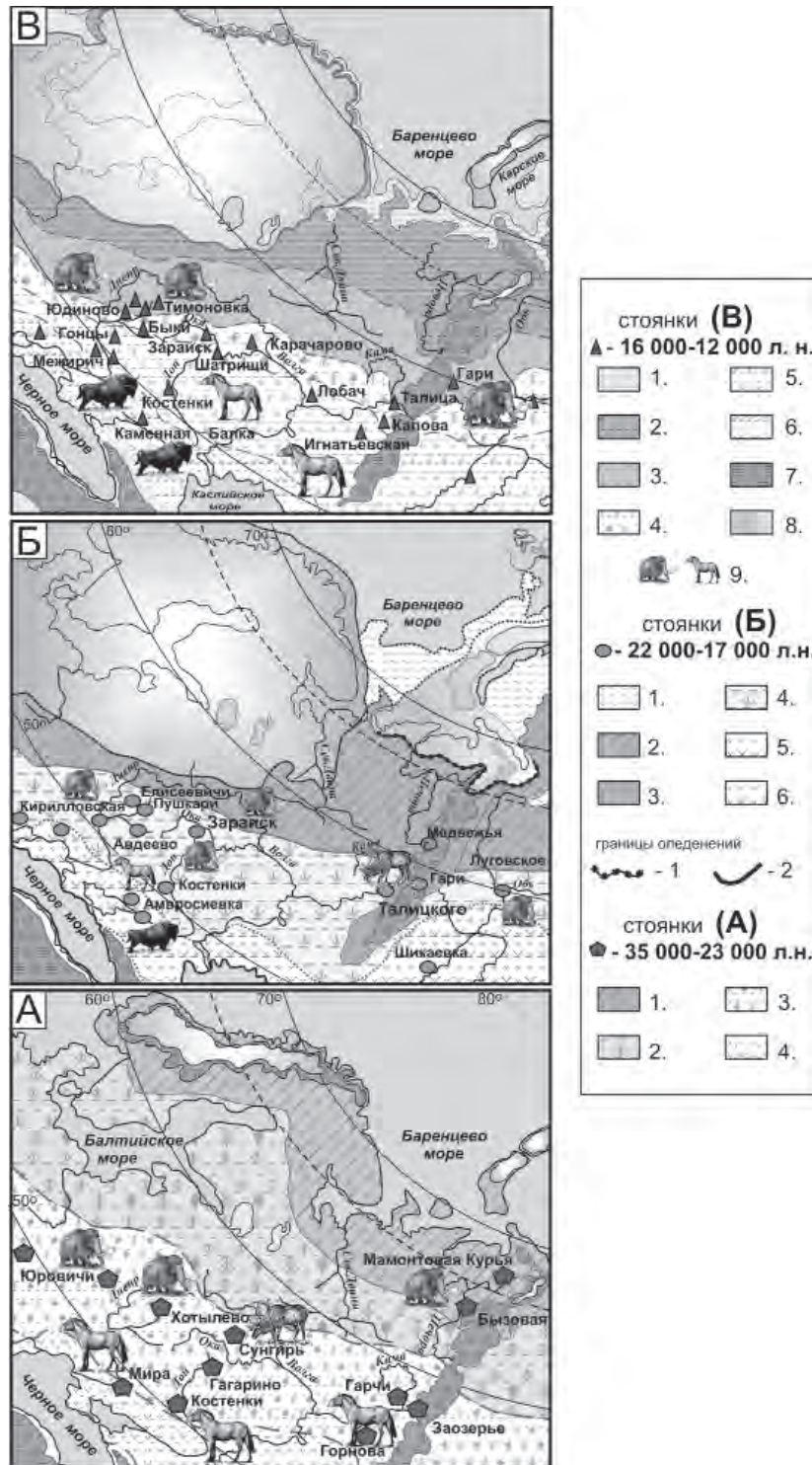

Рис. 3. Карты распространения позднепалеолитических стоянок.

А. средневалдайского мегainterстадиала (ландшафты по: Писарева и др., 2008). 1 – тундра, 2 – разреженные леса, 3 – лесостепи, 4 – степи.

Б. времени поздневалдайской ледниковой эпохи (ландшафты по: Гричук, 2002). 1 – осушенный шельф, 2 – тундра, 3 – горные тундры степи, 4 – перигляциальные степи, 5 – степи, 6 – сухие степи.

В. времени позднеледниковья (ландшафты по: Гричук, 1982). 1 – осушенный шельф, 2 – тундра, 3 – лесотундра, 4 – разреженные леса, 5 – лесостепи, 6 – степи, 7 – горные области, 8 – ледники, 9 – доминирующая фауна

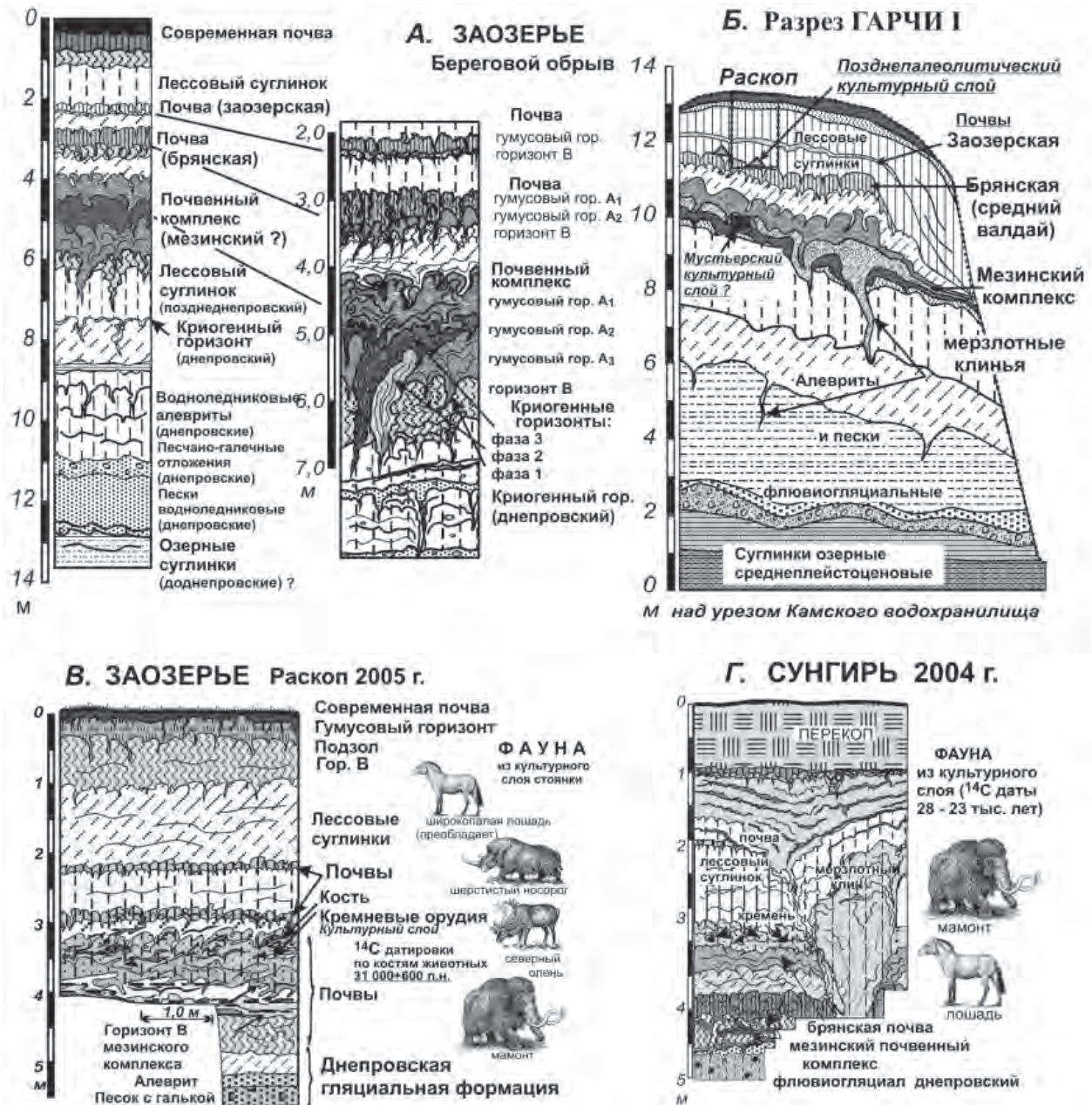

Рис. 4. Строение разрезов стоянок Заозерье (р. Чусовая), Гарчи I (р. Кама) и Сунгирь (р. Клязьма). А. строение лессово-почвенной формации III надпойменной террасы р. Чусовой на участке стоянки Заозерье; Б. строение лессово-почвенной формации III надпойменной террасы р. Камы на участке стоянки Гарчи I; В. Строение разреза стоянки Заозерье; Г. Строение разреза стоянки Сунгирь

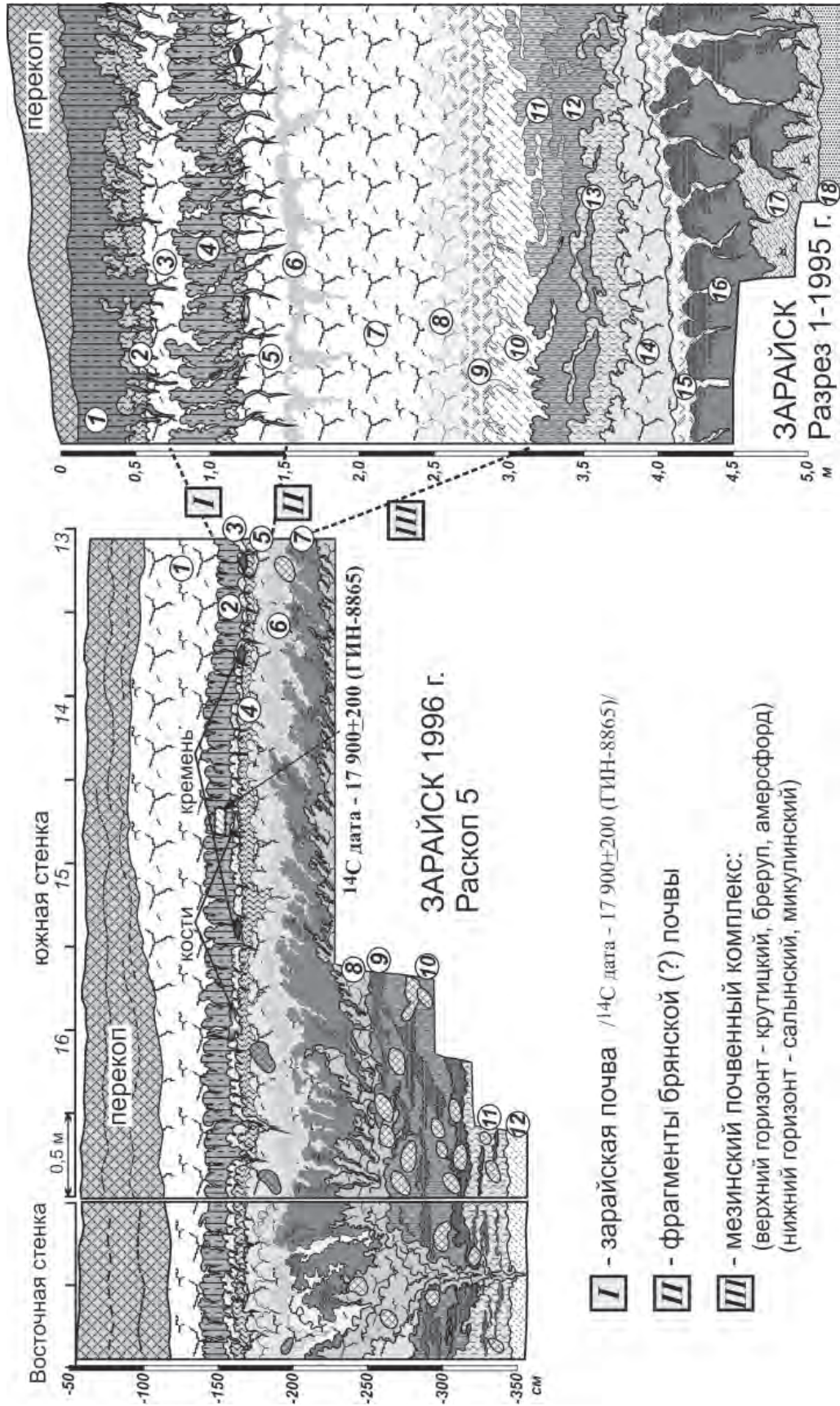

Рис. 5. Стростные разрезов стоянки Зарайск

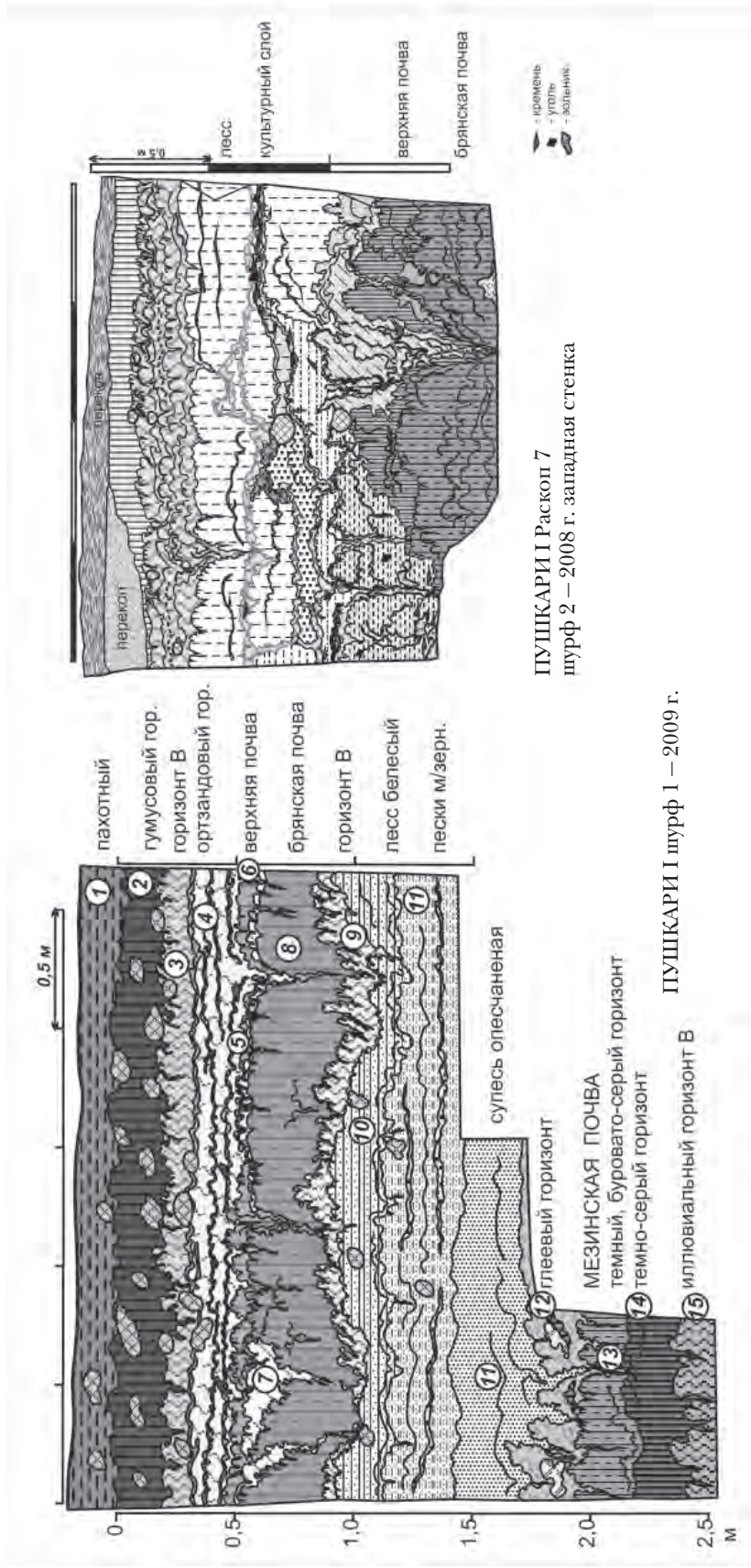

Рис. 6. Стрoение разрезов стоянки Пушкари I

Проблема сходства специфических типов орудий крымского микока и стрелецкой культуры

В.П. Чабай*

Введение

По мнению ряда исследователей, крымский микок является генетической подосновой или одним из доноров «симбиотической» стрелецкой АК (Аникович, 1991, 2001–2002, 2007а, 2007б; Степанчук, 2006; Вишняцкий, 2008). В определенной степени, попытка увидеть потомков микока в «селетоидной» стрелецкой АК является экстраполяцией на восточноевропейский материал предположения о том, что микок Центральной Европы был генетической подосновой селета (Allsworth-Jones, 1986). В отличие от центральноевропейской модели, генетическое родство стрелецкой АК и микока Крыма выглядит еще более проблематичным. Во-первых, речь идет о сосуществующих, а не хронологически сменяющих друг друга индустриях (табл. 1). Во-вторых, крымский микок и наиболее ранние проявления стрелецкой АК сосуществовали в разных экологических условиях и на достаточно удаленных территориях (Чабай, 2003; 2004а. С. 295–297), а не в пределах одной физико-географической зоны.

Впрочем, точка зрения о генетическом родстве крымского микока и стрелецкой АК основана на утверждении о типологическом сходстве ряда специфических форм орудий (Аникович, 2007а. С. 23, 24; 2007б. С. 248). Вместе с тем, скрупулезный типологический анализ специфических форм орудий крымского микока и стрелецкой АК проведен не был.

Технология изготовления артефактов и типология орудий крымского микока

Технологическую основу кремнеобработки крымского микока составляет изготовле-

ние двусторонних орудий. Преформы двусторонних орудий изготавливались в плоско-выпуклой (plano-convex) и двояковыпуклой (bi-convex) манере (Чабай, 2004а; Veselsky, 2008а, 2008б). Нуклеусное расщепление – не развито. Имеющиеся нуклеусы характеризуются необъемными рабочими поверхностями, отсутствием вспомогательных (латеральных) ударных площадок и фасетажа основных ударных площадок. Преобладают продольные нуклеусы, встречаются радиальные и конвергентные. Заготовками для изготовления односторонних орудий служили отщепы, которые были сняты с преформ двусторонних орудий и гораздо реже – с нуклеусов. Основной тип ретуши – чешуйчатая приостряющая, которая наносилась с одной стороны скола или преформы. Преформы двусторонних орудий обрабатывались односторонней чешуйчатой или альтернативной чешуйчатой ретушью – *wechselseitig-gleichgerichtete Kantenbearbeitung* (Bosinski, 1967) или *plan convex / plan convex* (Voëda, 1995). Развита техника разнообразных вентральных утончений односторонних орудий. Были известны, но не нашли широкого применения: техника Кина для нанесения ретуши на сколы и преформы двусторонних орудий (Yevtushenko, 1998; Chabai, 2004); способы базального и терминального, в том числе *prądnik*, утончений двусторонних орудий; техника *truncated-faceted*, использовавшаяся для обработки односторонних орудий. Крымским «микокцам» были практически не известны скребковая ретушь и техника резцового скола. Инструменты расщепления представлены отбойниками на гальках, в основном, из песчаника, а также ретушерами на трубчатых костях, гальках из песчаника и туфогенных пород (Степанчук, 1990; Yevtushenko, 1998; Chabai, 2004; Veselsky, 2008с).

Типологическая структура крымского микока определяется наличием двусторонних

* Крымский филиал Института археологии НАН Украины, Симферополь.

симметричных и асимметричных плоско-выпуклых острий и скребел, зачастую с обушками, и односторонних простых и конвергентных скребел, часто с разнообразными вентральными утончениями. Соотношение основных классов и типов орудий значительно варьирует в зависимости от фацальной принадлежности коллекций. Комплексы аккайской фацции содержат наивысшие показатели двусторонних острий / скребел (29%), достаточно высокие показатели односторонних простых скребел (43%), и наименьшие показатели односторонних остроконечников / конвергентных скребел (28%). Комплексы кииккобинской фацции значительно превосходят «аккайцев» по процентному содержанию односторонних острий и конвергентных скребел (56%), при этом уступая им по процентным выражениям простых скребел (32%), а особенно, двусторонних орудий (12%). Орудийные наборы старосельской фацции занимают промежуточное положение: простые скребла – 43%; конвергентные скребла и остроконечники – 44%; двусторонние орудия – 13%. Причиной такой вариативности типологических структур крымского микока является редукция артефактов, которая, в свою очередь, зависит от целого ряда естественно-географических и хозяйственных факторов (Чабай, 2004а. С. 298).

Морфология односторонних и двусторонних орудий крымского микока очень близка (Чабай, 2004а; Richter, 2004). От трети до половины всех орудий представлено простыми формами: одно- и двулезвийными односторонними и двусторонними скреблами. Практически все однолезвийные двусторонние скребла оснащены естественными, ретушированными или комбинацией естественных и ретушированных обушков. По мнению Ю.Г. Колосова (1978), двусторонние однолезвийные обушковые скребла (рис. 1, 2) близки к типу ножей Бокштайн.

На втором месте – сегментовидные формы двусторонних и односторонних острий и скребел (17–20%), которые подразделяются на полусегментовидные (рис. 2, 9), подсегментовидные (рис. 2, 1, 2), сегментовидные и клювовидные типы. Естественные, ретушированные или комбинированные обушки на двусторонних полусегментовидных скреблах и остриях (рис. 2, 9), по мнению Ю.Г. Колосова (1978), делали их близкими типу ножей Клаузеннише.

Третье место (12–16%) занимают листовидные формы двусторонних и односторон-

них острий и скребел: полулистовидные (рис. 1, 1; 2, 3, 7), подлистовидные (рис. 2, 8; 3, 2; 4, 1, 3, 6) и листовидные (рис. 3, 5; 4, 2, 4, 5) типы. Некоторые двусторонние полулистовидные скребла оснащены обушками (рис. 1, 1), что, по мнению Ю.Г. Колосова (1978), сближает их с типом ножей Клаузеннише. Среди двусторонних и односторонних листовидных форм преобладают (более 70%) удлиненные изделия с необработанным основанием (рис. 2, 3, 7, 8). У всех полу- и подлистовидных типов максимальная ширина приходится на нижнюю треть орудия (рис. 2, 3, 7, 8; 3, 2; 4, 1, 3, 6). Листовидные типы острий и скребел, у которых максимальная ширина приходится на середину орудия, единичны (рис. 3, 5; 4, 2, 4, 5), как, впрочем, немногочисленны и скребла/острия с тем или иным способом обработанным основанием (рис. 3, 5; 4, 1, 2, 3, 4, 5, 6).

Немного отстают от листовидных трапециевидные формы (10–15%) односторонних и двусторонних острий и скребел, которые подразделяются на полутрапециевидные (рис. 2, 4, 5), подтрапециевидные (рис. 2, 6) и трапециевидные типы. Двусторонние полу- и подтрапециевидные обушковые скребла и острия были интерпретированы Ю.Г. Колосовым (1978), как близкие к типам ножей Клаузеннише и Прондник.

На последнем месте находятся треугольные формы двусторонних острий и скребел. Их соотношение с остальными формами орудий никогда не превышает 5%, а во многих комплексах они не представлены вовсе. Треугольные формы односторонних/двусторонних острий и скребел подразделяются на подтреугольные (рис. 3, 1, 3) и треугольные типы (рис. 3, 4; 5, 1–18). Последние изделия получили название «чокурчинских треугольников». Чокурчинские треугольники объединяют разные по пропорциям треугольные двусторонние и треугольные односторонние скребла и остроконечники (Эрнст, 1934. С. 199–201, табл. IV, 6–10). Односторонние чокурчинские треугольники оснащены разнообразными вентральными утончениями, отличаются мелкими размерами и встречаются, в основном, в старосельских и кииккобинских палимпсестах, которые отличаются наибольшей интенсивностью использования кремневого сырья: Чокурча I; Заскальная V, I, IV; Пролом I; Киик Коба, верхний слой; Буран Кая III, B (Эрнст, 1934; Колосов, 1983; Степанчук, 2002; Демиденко, 2004; Chabai, 2004). Треугольные дорсальные/альтернативные скребла с разнообразными вен-

тральными утончениями, как правило, не имеют самостоятельного стилистического значения в крымском микоке, а являются крайней формой редукции полутрапезиевидных и подтрапезиевидных скребел (Демиденко, 2003. С. 155; Чабай, 2004а. С. 192). Так или иначе, но один из главных признаков односторонних чокурчинских треугольников — это наличие вентральных подправок и/или альтернативно ретушированных сторон.

Таким образом, морфологическая структура крымского микока определяется простыми, сегментовидными, листовидными и трапезиевидными формами односторонних и двусторонних орудий. Значительная часть двусторонних орудий была оснащена обушками, а односторонних — разнообразными вентральными утончениями. Специфическими типами крымского микока являются двусторонние простые полусегментовидные, подсегментовидные и полулистовидные острия и скребла, оснащенные различными обушками (рис. 1, 1, 2; 2, 7, 9); а также односторонние полусегментовидные, подсегментовидные, полулистовидные, полутрапезиевидные и подтрапезиевидные скребла, в том числе с вентральными утончениями (рис. 2, 1–6). Фактически данное определение специфических типов крымского микока близко тому, которое было предложено В.Н. Гладилиным (1976) для «типов Ак-Кая и Староселье». Приведенные специфические типы характерны для всех микокских комплексов Восточной и Центральной Европы. Иными словами, достаточно трудно выделить какой-либо специфический тип или серию специфических типов, которые бы отличали микок Крыма от остальных восточно- и центральноевропейских микокских памятников (Чабай, 2004а. С. 250–257). В целом, специфика микокского технокомплекса состоит в использовании специфических плоско-выпуклых методов изготовления и вторичной обработки двусторонних орудий, приведших, с одной стороны, к получению симметричных и асимметричных двусторонних острий и скребел, а с другой стороны, сколов для изготовления односторонних простых, сегментовидных, листовидных и трапезиевидных острий и скребел, при обработке которых часто использовались различные приемы вентральных утончений. Вместе с тем, крымский микок отличается от прочих среднепалеолитических индустрий, включая микокские, специфическими способами организации систем поселений, территорий поселений и инструментами

расщепления кремня (Чабай, 2004а; Chabai, Uthmeier, 2006; Chabai, Veselsky, 2007; Chabai, 2008b; Veselsky, 2008c; Uthmeier et al., 2008). Еще одной специфической чертой крымского микока является стабильность технологической и типологической структур: за все время существования микока в Крыму, от OIS 5d до OIS 3 включительно, не появилось ни одного нового типа орудий или технологического приема, как, впрочем, не исчез ни один из известных типов орудий и технологических приемов (Чабай, 2004а. С. 111–148, 158–165, 188–201).

Технология изготовления артефактов и типология орудий стрелецкой культуры

Технология кремнеобработки индустрий стрелецкой АК основана на использовании двусторонней обработки и нуклеусного расщепления. Двусторонние орудия производились в «технике тонкого бифаса», приводившей к получению тонких линзовидных в сечении острий (Bradley et al., 1995; Аникович и др., 1997). Среди нуклеусов преобладают параллельные одно- и двуплощадочные изделия «с плоским фронтом» (Рогачев, Аникович, 1984. С. 179). Распространены способы базальных утончений двусторонних и односторонних орудий. Использовались: скребковая ретушь, техника поперечного резцового скола, обработка лезвий сколов двусторонней ретушью, изготовление вогнутых оснований путем применения двусторонней ретуши.

Типологическая структура стрелецких памятников несколько меняется со временем. Этот факт послужил основанием для подразделения стрелецкой АК на четыре хронологические последовательных этапа. К первому этапу относится индустрия Костенок 12, III. В орудийном наборе Костенок 12, слой III практически в равных пропорциях доминируют три класса изделий, вместе составляя около половины всего орудийного набора: двусторонние орудия, скребки и скребла. Достаточно многочисленны сколы с ретушью — около трети всех ретушированных изделий. Немногочисленными или единичными изделиями представлены остроконечники, острия кэнсон, орудия с прямоусеченными концами, кремневые плитки с прямым двусторонне обработанным краем, «чешуйчатые орудия», дисковидные изделия,

резец и т.д. (Рогачев, Аникович, 1982. С. 139; Аникович, 2007б. С. 237). Двусторонние изделия подразделяются на многочисленные типы, среди которых выделяются: «треугольные наконечники с вогнутым основанием» (рис. 6, 13), «наконечники типа “лист тополя”», «удлиненные с основанием, обработанным скребковой ретушью», «удлиненные с округлым основанием», «удлиненные, сужающиеся к основанию» (рис. 6, 12), «листовидный наконечник с черешком» (Аникович, 2007б. С. 237). Скребки характеризуются следующим рядом общих признаков: «преобладание маленьких орудий, преобладание слабовыпуклых или прямых неровных лезвий, расширение краев к лезвию. У некоторых орудий основание подработано плоской вентральной ретушью» (Рогачев, Аникович, 1982. С. 139). Также обнаружены: овальный скребок и «грубый скребок высокой формы» (Аникович и др., 2004. С. 27). Скребла, в основном, представлены однолезвийными продольными выпуклыми, прямыми и выпукло-вогнутыми формами. В последнее время коллекция скребел пополнилась угловатым и конвергентным изделиями на отщепках (Аникович и др., 2004. С. 27).

Наиболее представительным комплексом, относящимся ко второму этапу стрелецкой АК, является индустрия Костенки I, слой V. Около 60% всего орудийного набора представлено двусторонними орудиями и скребками. По сравнению с этими двумя классами остальные орудия немногочисленны: резцы, чешуйчатые орудия — *pièces esquillées*, проколки и скребла. Сколы с ретушью и единичные типы орудий составляют около трети всех ретушированных изделий. Последние представлены атипичным остроконечником, двусторонне ретушированной плиткой и орудием с прямоусеченным концом (Рогачев и др., 1982. С. 65–66). Двусторонние орудия подразделяются на ряд типов: треугольные острия с вогнутым основанием; наконечники типа лист тополя; асимметричные ножи; листовидные изделия с основанием, обработанным скребковой ретушью (Рогачев и др., 1982. С. 66). Среди треугольных наконечников выделяются микроострия длиной 2–2,5 см (рис. 6, 14), у которых плоской двусторонней ретушью обработана лишь часть поверхности (Рогачев, Аникович, 1984. С. 181). По мнению А.Н. Рогачева, большинство скребков «сохраняет общегрупповые признаки, свойственные скребкам III слоя Костенок 12 (тенденция к миниатюрным размерам, к расширению краев к лезвию, к слабой выпуклости лезвия, наличие вентральной ретуши у основания)»

(Рогачев и др., 1982. С. 65). Среди скребков V культурного слоя Костенок 1 «совершенно четко выделяется, по крайней мере, два типа: подтреугольные скребки с прямыми краями, резко переходящими в прямое лезвие, и сердцевидные скребки». Для подтреугольных скребков характерно наличие утонченного с базальной и/или с дорсальной сторон основания. Наиболее представленный тип резцов — поперечные. Проколки и «чешуйчатые орудия» не образуют морфологически устойчивых типов. Среди скребел преобладают продольные однолезвийные формы.

Таким образом, основное отличие между стрелецкими комплексами 1 и 2 этапов состоит в почти трехкратном уменьшении количества «мустьерских – архаических форм», появлении резцов, большей стандартизации скребков и практически двукратном увеличении двусторонних орудий.

По мнению М.В. Аниковича (2007б), третий этап стрелецкой АК представлен материалами стоянок в Бирючей Балке. Наиболее представительным комплексом является долговременная мастерская по изготовлению двусторонних наконечников Бирючья Балка 2, слой 3 (Матюхин, 2007). Двусторонние орудия подразделяются на два основных типа: бифасы и треугольные острия (Матюхин, 2007. С. 34). Бифасы, в свою очередь, представлены грубыми изделиями, похожими на «аббевильские и ашельские образцы» (Матюхин, 2007. С. 34). Треугольные острия подразделяются на копьевидные, удлиненные, мелкие (рис. 6, 15, 16, 17, 18, 19) и умеренно удлиненные. Последние преобладают. Мелкие треугольные острия изготавливались из прямоосных отщепов (рис. 6, 15, 16, 18, 19), тогда как для изготовления более крупных треугольных острий использовались уплощенные желваки, обломки, плитки и крупные отщепы (Матюхин, 2007. С. 34, 36). Около 8% орудийного набора представлено скреблами, среди которых преобладают «боковые» изделия. Скребки составляют 15%. Скребки изготавливались, в основном, на отщепках, преобладают простые, представлены веерообразные типы. При изготовлении скребков использовался прием вентрального утончения (Матюхин, 2007. С. 34).

Четвертый этап стрелецкой АК представлен материалами Сунгирия. По мнению М.В. Аниковича (2007б. С. 246), для комплекса Сунгирия «явно ощущается изживание собственно стрелецких традиций». Треугольные наконечники, удлиненные наконечники с округлым основанием и короткие подтреугольные скребки

встречаются редко, но по-прежнему выразителен «архаический комплекс» «мустероидных форм» (Аникович, 2007б. С. 246).

Практически для всех стрелецких комплексов характерен устойчивый набор следующих типов: двусторонние треугольные острия с вогнутым основанием, двусторонние листовидные острия с суженным основанием, двусторонние листовидные острия с округлым основанием, треугольные (веерообразные) скребки. Также на всех этапах развития стрелецкой АК отмечается наличие «архаического комплекса» «мустероидных форм».

По мнению Е.Ю. Гири, «архаичные» орудия являются преформами и/или незаконченными двусторонними орудиями, тогда как «законченные» двусторонние орудия представлены только тонкими бифасами, то есть двусторонними треугольными и листовидными остриями. Более того, в стрелецких комплексах использовалась только верхнепалеолитическая технология кремнеобработки (Гирия, 1999. С. 120–122; Giria, 1999. P. 51–52).

Проблема анализа «специфических» типов орудий крымского микока и стрелецкой АК

М.В. Аникович утверждает, что «В каменных индустриях культурные традиции наиболее ярко проявляются в формообразовании. Следовательно, при попытках установить связи между среднепалеолитическими и ранними верхнепалеолитическими комплексами нужно ориентироваться именно на сходство специфических форм орудий. Понятно, что сходство не одной, а целого ряда таких форм делает заключение о генетическом родстве более весомым» (Аникович, 2007а. С. 23, 24). При этом сразу необходимо уточнить, что под «формами» М.В. Аникович понимает конкретные типы артефактов. По М.В. Аниковичу (2007б. С. 248), рядом таких форм/типов, доказывающим генетическое родство крымского микока и стрелецкой АК, являются:

- 1) «треугольные наконечники с вогнутым основанием», которые «представлены на памятниках “крымского микока” двумя разновидностями»;
- 2) «чокурчинские треугольники»;
- 3) «наконечники с округлым основанием “типа лист тополя” и вытянутых пропорций»;
- 4) «специфические формы двусторонних острий с суженным основанием»;
- 5) «подтреугольные скребки».

Наличие трех типов изделий в микоцких и стрелецких индустриях вызывают серьезные сомнения. Во-первых, М.В. Аникович считает, что «Хорошо известный тип “крымского микока” – “чокурчинский треугольник” – встречается также в Костенках–12, III и тоже не в одном варианте» (Аникович, 2007б. С. 248, 249, рис. 124: 14, 15). Ни в одном из опубликованных описаний стрелецкого инвентаря «чокурчинские треугольники» не упоминаются. Приведенные М.В. Аниковичем (Аникович, 2007б. С. 249, рис. 124: 14, 15) два варианта чокурчинских треугольников (односторонний и двусторонний) им же в той же главе на странице 237 и рисунке 117: 8, 9 интерпретированы как «треугольные наконечники с вогнутым основанием (наконечники стрелецкого типа) – основная “руководящая форма” костенковско-стрелецкой культуры». Одно из этих орудий изображено на рисунке 6, 13 данной статьи. Объяснений смены типологических дефиниций через 12 страниц одного и того же текста М.В. Аникович не приводит. Но проблема даже не в этом. Могут ли «чокурчинские треугольники», обнаруженные в двух экземплярах и только на одном памятнике, быть специфической формой орудий стрелецкой АК?

Во-вторых, М.В. Аникович считает, что «Типично стрелецкая форма – подтреугольные скребки известны и в аккайских индустриях, причем совпадают даже детали оформления, в частности, вентральная подтеска основания» (Аникович, 2001–2002. С. 270–271, рис. 3: 1, 2; Аникович, 2007б. С. 248–249, рис. 124: 1, 2). «Типично стрелецкие», – вплоть до вентральной подтески основания, – скребки оказались все теми же «чокурчинскими треугольниками» из коллекции IV культурного слоя Заскальной V. Приведенные М.В. Аниковичем (2007б. С. 248–249, рис. 124: 1, 2) орудия в качестве иллюстрации аккайских подтреугольных скребков, Ю.Г. Колосов определил как «ножи односторонние треугольные» (Колосов, 1983. С. 89, 90, 191, табл. LVI, 1, 3). Один из них изображен на рис. 5, 3 данной работы. Ю.Г. Колосову основанием для такого определения и сравнения с аналогичными изделиями из Чокурчи, Пролома и Киик Кобы послужили: наличие пологой, далеко заходящей на спинку заготовки ретуши, треугольная форма, три ретушированных стороны, наличие вентральных утончений (Колосов, 1983. С. 89–90). Вне всяких сомнений, Ю.Г. Колосов отнес бы эти изделия к скребкам, будь на них скребковая ретушь, но «чокурчинские треугольники», хоть и были крайне реду-

цированной формой скребел, но скребковой ретушью не обрабатывались. В этом же слое Ю.Г. Колосов выделил: «скребки типичные, на отщепках округлые»; «скребки атипичные, на отщепках округлые»; «скребки типичные концевые»; «скребок атипичный концевой» (Колосов, 1983. С. 92, 194, табл. LXI, 2, 3). То есть, в крымском микоке иногда случаются скребки на отщепках и пластинах, но типичные/атипичные концевые и типичные/атипичные округлые. А вот скребков треугольных с вентральной подтеской, характерных для стрелецких индустрий, в IV культурном слое Заскальной V нет, как, впрочем, они не представлены и в любом другом комплексе крымского микока. Конечно, пропорции некоторых односторонних «чокурчинских треугольников» (рис. 5, 3, 6, 11, 12, 18) близки к пропорциям треугольных скребков. Уровень сходства значительно повышается наличием вентральных утончений на «чокурчинских треугольниках». А если на иллюстрациях ориентировать «чокурчинские треугольники» вершиной вниз (рис. 5, 3, 6, 11, 12), то они станут практически неотличимы от треугольных скребков. Остается одна проблема: «чокурчинские треугольники», даже будучи наиболее редуцированным типом скребел, не обрабатывались скребковой ретушью. Иначе они точно были бы отнесены к классу скребков. Иными словами, треугольные скребки не являются *специфической формой орудий* крымского микока по причине их отсутствия среди артефактов микокских коллекций полуострова.

В-третьих, М.В. Аникович считает, что «Треугольные наконечники с вогнутым основанием представлены на памятниках “крымского микока” двумя разновидностями (рис. 124: 6, 7), зафиксированными и в костенковско-стрелецких индустриях, причем на всех хронологических этапах развития культуры...» (Аникович, 2007б. С. 248). Две разновидности микокских двусторонних треугольных наконечников с вогнутым основанием М.В. Аникович иллюстрирует двумя изделиями: одно происходит из верхнего слоя Пролома I, второе — из Заскальной V, II культурный слой. В подписи к рисунку ошибочно указано, что второе орудие относится к Заскальной V, слою III–V. Эти же орудия проиллюстрированы в данной статье (рис. 1, 2; 3, 1). Орудие из верхнего слоя Пролома I (рис. 3, 1) определено В.Н. Степанчуком, как наконечник двусторонний подтреугольный, базально-утонченный с вогнутым основанием (Степанчук, 2002. С. 80, 81, 206, табл. LIV, 2). Преднамеренность изготовления вогнутого основания

вызывает сомнения, так как вогнутая часть основания не обработана ретушью, а оформлена одним крупным сколом и несколькими более мелкими сколами, которые, скорее всего, являются результатом не совсем удачной попытки базального утончения. Такой тип оформления базального утончения был назван «подтеской» (Степанчук, 2002. С. 81). Поэтому данное острие было справедливо отнесено В.Н. Степанчуком (2002. С. 80, 81) не к типу двусторонних треугольных базально-вогнутых, а к типу двусторонних подтреугольных базально-утонченных. Разница здесь не в терминологии и не в типологической схоластике, а в методах оформления оснований двусторонних острий. Двусторонняя ретушь на основании приводит к получению треугольных острий, а если двусторонней ретушью на базальной части орудия оформляется вогнутый край, то такое острие относится к типу треугольных базально-вогнутых. Утончение — подтеска основания приводит к получению подтреугольных базально-утонченных острий. Таким же способом было «вогнуто» основание на полулистовидном двустороннем острие из Сюрени I, Gc1–Gc2 (Демиденко, 2001–2002. С. 375, рис. 10: 2) и на двустороннем острие из Староселья (Формозов, 1958. С. 86, рис. 45, 1). То есть после неудачных утончений основания двусторонних острий иногда образовывалась «вогнутость», которая подправлялась (рис. 3, 1) или не подправлялась (рис. 3, 3) рядом сколов. Со второй, приведенной М.В. Аниковичем, аналогией стрелецким наконечникам произошла досадная оплошность не только в отношении определения культурного слоя, но и в отношении типа изделия (Аникович, 2001–2002. С. 270, рис. 3: 6; Аникович, 2007б. С. 249, рис. 124: 6). Ю.Г. Колосов определил это изделие, как «нож двусторонний с комбинированной площадкой для упора, близкий типу Бокштайн» (Колосов, 1983. С. 62, 174, Табл. XXIV, 2). Данное орудие изображено на рисунке 1, 2 этой статьи. Комбинированная площадка, — правая сторона орудия покрыта коркой, левая сторона и вершина обработана сколами, — занимает три стороны кремневой плитки, на которой изготовлено орудие. На четвертой стороне плитки двусторонней ретушью оформлено единственное вогнутое лезвие, которое параллельно одному обушку, обработанному сколами, и почти перпендикулярно еще двум обушкам, один из которых покрыт желвачной коркой (рис. 1, 2). Вряд ли данное изделие может быть интерпретировано как даже обломок треугольного

наконечника, от которого осталось только вогнутое основание. Обломков наконечников с латеральным покрытым коркой обушком вместо лезвия не бывает, как, впрочем, и с единственным вогнутым лезвием, оснащенным со всех сторон разнообразными обушками. Следовательно, двусторонние треугольные наконечники с вогнутым основанием, характерные для стрелецкой АК, в микоке Крыма отсутствуют вовсе.

В-четвертых, М.В. Аникович (2001–2002. С. 270; 2007б. С. 248) считает, что подтверждением генетической связи крымского микока и стрелецкой АК может служить наличие в обоих комплексах наконечников «с округлым основанием типа “лист тополя” и вытянутых пропорций». То есть речь идет о двусторонних остриях полу-/подлистовидных и полу-/подлистовидных удлинённых с тем или иным способом обработанным основанием — утонченным или ретушированным. В целом, как было показано выше, листовидные формы (как совокупность полу-, под- и листовидных типов) занимают третье место в морфологической структуре орудийных наборов крымского микока и по праву могут считаться специфическими формами микокского инвентаря. Столь высокое место обеспечено за счет двусторонних скребел и острий полу-/подлистовидных типов, у которых не обнаружено какой-либо обработки основания. С другой стороны, двусторонние полу-/подлистовидные острия с утонченным или ретушированным основанием крайне редки: 11 изделий в 7 из 34 комплексов, для которых установлена или предполагается их хронологическая позиция (табл. 2). Соответственно, двусторонние полу-/подлистовидные острия разных пропорций с обработанным (ретушированным, утонченным) основаниями вряд ли могут считаться специфическими типами крымского микока.

В-пятых, еще одной аналогией называются двусторонне обработанные острия «с суженным основанием», то есть двусторонние листовидные (лавролистые, иволистые и веретенообразные). Приведенное М.В. Аниковичем (2001–2002. С. 270, рис. 3: 8; 2007б. С. 249, рис. 124: 8) двустороннее острие «с суженным основанием» происходит не из III–V культурных слоев, как указывается в подписи к рисунку, а из II культурного слоя Заскальной V (Колосов, 1983. С. 176, табл. XXVII, 1). Это орудие изображено на рисунке 4, 5 данной работы. Двусторонние листовидные острия в микоке Крыма — редкость (табл. 2). К упомянутым в таб-

лице 2 остриям «с суженным основанием» можно добавить три изделия из раскопок А.А. Формозова в Староселье (слой не ясен), два изделия из раскопок Ю.Г. Колосова в Сары Кае (датировка не ясна) и одно изделие происходит из Кабази V, III/7–3 (статистически неполноценная коллекция) (рис. 3, 5) (Формозов, 1958. С. 86, рис. 45, 4; С. 122, рис. 60, 1; Колосов и др., 1993. С. 103, 104, табл. 45, 46; С. 148, табл. 66). В итоге, 15 двусторонних острий «с суженным основанием» было обнаружено в 10 из 37 микокских комплексов. Даже если полученную сумму удвоить, то вряд ли из двусторонних острий «с суженным основанием» получится «специфический» тип орудий для крымского микока.

Итак, из пяти, приведенных М.В. Аниковичем специфических и общих для крымского микока и стрелецкой культуры типов орудий, два типа, — двусторонние треугольные острия с вогнутым основанием и треугольные скребки, — отсутствуют в крымском микоке, а один тип, — чокурчинские треугольники, — не представлен в стрелецкой АК.

Двусторонние полу-/подлистовидные острия с обработанными основаниями и листовидные острия встречаются в крымском микоке и стрелецкой культуре. Они представлены 20 экземплярами в 11 из 34 микокских комплексов, для которых установлена или предполагается их хронологическая позиция (табл. 2). Процентное содержание совокупности двусторонних полу-/подлистовидных с обработанными основаниями и листовидных острий варьирует от 0,04% до 2,33% (рис. 4). Большинство этих орудий обнаружено в комплексах, которые одновременно не только ранним, но и поздним проявлениям стрелецкой АК. То есть стрелецкой АК одновременно 31 микокский палимпсест Крыма: Заскальная V (3 культурных слоя); Заскальная VI (3 культурных слоя); Кабази V (16 горизонтов); Староселье (2 горизонта); Пролом I (2 культурных слоя); Пролом II (2 культурных слоя); Буран Кая III (2 горизонта); Киик Коба (1 культурный слой). В данных коллекциях обнаружено не менее семи с половиной тысяч (7 517) определяемых на уровне класса орудий, из которых 13 или 0,17% являются двусторонними полу-/подлистовидными остриями с обработанными основаниями и двусторонними листовидными остриями (табл. 2).

В Крыму микокские предшественники стрелецкой АК оставили 61 палимпсест: Заскальная V (3 культурных слоя); Заскальная VI (2 культурных слоя), Чокурча I (20 горизон-

тов), Кабази II (35 горизонтов) и, возможно, Пролом II, IV. На этих палимпсестах было обнаружено 2 029 определяемых на уровне класса орудий, из которых 7 или 0,34% являются двусторонними полу-/подлистовидными острьями с обработанными основаниями и двусторонними листовидными острьями (табл. 2).

Таким образом, генетические предшественники стрелецкой АК изготовили за 70–75 тыс. лет на 61 палимпсесте семь, а генетические современники стрелецкой АК произвели за 10–15 тыс. лет на 31 палимпсесте еще 13 двусторонних полу-/подлистовидных острий с обработанными основаниями и двусторонних листовидных острий. Следовательно, декларируемая М.В. Аниковичем (2007а. С. 23, 24; 2007б. С. 248) серийность специфических типов, необходимых для установления генетических связей, сводится к существенно «растянутым» во времени единичным изделиям, которые к тому же представлены далеко не во всех микокских комплексах.

Буран Кая III, слой С и стрелецкая АК

Наряду со стрелецкой АК к селетоидному технокомплексу относится коллекция Буран Каи III, слой С (Чабай и др., 1998). Слой С залегает под слоем В, который содержит материалы кийкобинской фации крымского микока (Чабай и др., 1998; Marks, 1998; Monigal, 2004a, 2004b; Demidenko, 2004). Культурно-стратиграфическая последовательность Буран Каи III является единственным в Европе случаем интерстратификации среднепалеолитической и верхнепалеолитической индустрий. Слой С отложился во время стадиальных условий Витачев, vt2 – Huneborg Stadial, слой В аккумуляровался во время интерстадиальных условий Витачев, vt3b – Denekamp.

В Буран Кае III, слой С использовалась технология изготовления тонких бифасов (Marks, 1998; Маркс, Монигал, 2000; Monigal, 2001, 2004a). При изготовлении двусторонних орудий использовался мягкий отбойник в сочетании с абразивной обработкой ударных площадок сколов. Результатом применения данной технологии были тонкие, линзовидные в сечении подлистовидные острья (рис. 6, 1). Сходная технология изготовления двусторонних орудий описана Б.А. Брэдли, М.В. Аниковичем и Е.Ю. Гирей для стрелецкой

культуры (Bradley et al., 1995; Аникович и др., 1997). В Буран Кае III, слой С технология «тонкого бифаса» применялась и для расщепления нуклеусов, с которых снимались заготовки для изготовления трапециевидных микролитов. Трапециевидные микролиты изготавливались на мелких отщепах путем нанесения двусторонней чешуйчатой/подпараллельной приостряющей ретуши. Трапеции подразделяются на изделия с прямыми (рис. 6, 2, 3, 4, 5) и вогнутыми (рис. 6, 6, 7, 8, 9, 10, 11) основаниями.

Известно, что в стрелецких комплексах на мелких отщепах путем нанесения двусторонней чешуйчатой/подпараллельной ретуши производились «микроострия», которые также подразделяются на изделия с прямыми (рис. 6, 19) и вогнутыми основаниями (рис. 6, 13, 14, 15, 16, 17, 18). В Буран Кае III, С и стрелецких комплексах не применялись пластинчатые технологии.

Таким образом, кремневые комплексы Буран Кая III, С и стрелецкой АК технологически сходны. Это сходство определяется использованием технологии «тонкого бифаса» и изготовления вогнутых оснований на трапециевидных микролитах и микроостриях. Материалы стрелецкой АК и Буран Каи III, С были отнесены к селетоидному технокомплексу (Чабай и др., 1998; Чабай, 2000; Аникович, 2005. С. 83–85). Вместе с тем, материалы Буран Каи III, С и стрелецкой АК являются типологически различными. Иными словами, использование сходной технологии кремнеобработки в данных индустриях привело к типологически отличающимся орудийным наборам.

С другой стороны, хронологическое (табл. 1) и стратиграфическое положение материалов Буран Каи III, С указывает на отсутствие генетических связей между крымским микоком и селетоидным технокомплексом. То есть селетоидный технокомплекс появился во время существования микокских индустрий и какое-то время сосуществовал с ними. Микокские индустрии продолжали существовать еще около 4 тыс. лет после «исчезновения» селетоидного технокомплекса в Крыму. Следовательно, по крайней мере, в Восточной Европе, центральноевропейская схема перерастания микока в селет вряд ли может быть принята.

Заключение

Таким образом, целый ряд фактов противоречит декларируемой генетической связи микока Крыма и стрелецкой АК. Во-пер-

вых, микокский технокомплекс существовал на всем протяжении развития селетоидного технокомплекса в Восточной Европе, в том числе и в Крыму. Во-вторых, микок Крыма и стрелецкая АК тесно связаны с различными физико-географическими зонами, существенно различающимися промысловыми видами фауны и ландшафтами. В-третьих, микок Крыма и стрелецкая АК технологически различны. В-четвертых, типологическое сходство кремневого инвентаря крымского микока и стрелецкой АК отсутствует: семь двусторонних острий, изготовленных за 70–75 тыс. лет микокскими предшественниками стрелецкой АК, вряд ли могут быть достаточным основанием для установления генетических связей.

Игнорирование изложенных фактов в сочетании со стремлением увидеть в крымском микоке генетическую подоснову стрелецкой АК приводит к необходимости создания очень сложных и маловероятных конструкций. Например: «...из общего центра, находящегося в Крыму, в северном и восточном направлении мигрировал определенный комплекс традиций, отразившихся в формообразовании, и послуживший истоком одной из древнейших верхнепалеолитических культур Русской равнины. В западном же направлении распространяется только одна, хотя и очень яркая форма: треугольный наконечник с вогнутым основанием...» (Аникович, 2001–2002. С. 272).

Во-первых, на север от Крыма нет ни одного микокского памятника времени OIS 4 и начала OIS 3, если не считать переотложенный удайский комплекс Антоновки из Приазовья (Колесник, 2003. С. 59). Следовательно, доказательств миграции на север «определенного комплекса традиций» во время, предшествовавшее и соответствующее ранним проявлениям стрелецкой АК, отсутствуют.

Во-вторых, действительно, для времени OIS 3 есть достаточно оснований, но пока мало доказательств для того, чтобы предполагать миграцию «определенных традиций» крымского микока на восток, то есть северо-западный Кавказ. Эта миграция, если она имела место, не привела к образованию верхнепалеолитических индустрий. В позднем микоке северо-западного Кавказа времени OIS 3 (Мезмайская, Баракаевская, Монашеская, Матузка) обнаружены исключительно среднепалеолитические наборы орудий (Любин, Аутлев, 1994; Беяева, 1999; Голованова, Хоффекер, 2000).

В-третьих, двусторонние подтреугольные, базально-утонченные острия «мигрировали» на

запад, вплоть до Центральной Европы, по дороге превратившись в треугольные двусторонние наконечники с вогнутым основанием, в то время, когда «похожие» формы орудий там уже были. В итоге получается, что в северном направлении миграция «определенного комплекса традиций» не оставила археологически материализовавшихся следов, в восточном направлении «традиции» мигрировали без каких-либо существенных изменений, а в западном, скорее всего, не мигрировали вовсе.

В-четвертых, если кремневые изделия распространялись по карте Европы не сами по себе, а вместе с населением, их производившим, то тогда необходим вразумительный ответ на вопрос о том, что вынудило «традиции» расстаться с бореальной/южно-бореальной лесостепью Крыма в OIS 4 / начале OIS 3 и направиться на север в тундру / таежные леса?. Какова была глубина демографического и/или экологического кризиса в предгорьях Крыма и на северо-западном Кавказе, чтобы часть населения отправилась в таежные леса в поисках лучшей судьбы? При этом для времени существования климатических условий OIS 4 и начала OIS 3 обычно предполагается отток населения на юг (Kozłowski, 2000; Чабай, 2004б), но не на север. Фактически этим же вопросом задались авторы аккультурационной гипотезы формирования симбиотической стрелецкой культуры: «По какой причине часть среднепалеолитического населения Северного Причерноморья была вынуждена уйти с земли своих предков?». Ответ тех же авторов был несколько неожиданным: «По этнографическим и историческим аналогиям мы можем предложить целую серию гипотез на этот счет. Но не они суть важны» (Аникович, Анисюткин, 2007. С. 289). Важно оказывается совсем иное:

1. Стрелецкая «симбиотическая» культура сложилась «как бы на “пустом месте”»; с востока (из Сибири?) подошли носители неведомой пока верхнепалеолитической культуры, а с юга носители микока Крыма и Кавказа; и те и другие встретились на Среднем Дону, где и те и другие оказались пришельцами и поэтому были более склонны к сотрудничеству, чем к агрессии (Аникович, Анисюткин, 2007. С. 289–290).

2. «Взаимная адаптация двух волн иммигрантов и послужила основой, на которой сложилась совершенно оригинальная верхнепалеолитическая традиция с множеством “архаичных” элементов – симбиотическая костенковско-стрелецкая культура» (Аникович, Анисюткин, 2007. С. 290).

3. На Среднем Дону микокские иммигранты «творчески восприняли» чужие, но тоже иммигрантские верхнепалеолитические «социокультурные характеристики» и творчески переработали, на основе этого творческого восприятия, прежнюю мустьерскую культурную традицию (Аникович, Анисюткин, 2007. С. 291).

Подобное теоретическое обоснование возникновения симбиотических культур было бы не полным без дополнений В.Н. Степанчука: «...контакт между одними и теми же традициями – “донорами” мог иметь место не единожды и приводит, в результате, к возникновению различных по своим характеристикам индустрий»; «период начальной “мутации” может быть предельно мал и археологически и антропологически просто не фиксироваться» (Степанчук, 2006. С. 200).

В результате получается, что:

1. Продвижение на север «причерноморских микокцев» археологически не прослеживается.

2. Верхнепалеолитический «донор» стрелецкой культуры не известен.

3. От тех же доноров возникли и другие симбиотические культуры, но они не найдены.

4. Адаптация «социокультурных характеристик» произошла так быстро, что археологически и антропологически материализовавшихся следов не осталось.

Таким образом, из четырех неизвестных возникла гипотеза о возникновении симбиотической стрелецкой культуры на генетической подоснове крымского микока. Фактическим основанием данной гипотезы являются

семь двусторонних острий, изготовленных за 70–75 тыс. лет на 61 микокском палимпсесте.

Что же касается сценария появления ранних верхнепалеолитических индустрий на территории Восточной Европы, то на основании имеющихся данных можно предположить миграцию носителей верхнепалеолитических комплексов из двух различных в физико-географическом отношении регионов: зоны степи/лесостепи и таежно-тундрового пояса (Чабай, 2003, 2004а. С. 297; Chabai et al., 2004. Р. 459–460). Ориньякские и «граветтоидные» индустрии Восточной Европы по технико-типологическим характеристикам достаточно близки к своим центральноевропейским аналогам, которые, в свою очередь, 37/35–30/29 тыс. лет назад получили широкое распространение в лесостепных/степных ландшафтах юга Центральной Европы. Для среднедонских стрелецких, спицынских и городцовских индустрий достаточно сложно подыскать аналогии на территории Центральной Европы. Не исключены азиатские корни населения, «вторгшегося» в Костенковско-Борщевский регион (Гладилин, Демиденко, 1989). Хотя не исключено и восточноевропейское происхождение индустрий ранней поры верхнего палеолита Среднего Дона, но, в любом случае, связь с таежно-тундровым поясом представляется необходимой. Имеющиеся в настоящее время данные по хронологии, экологии, технологии и типологии среднепалеолитических технокомплексов Восточной Европы не позволяют предположить их участие в сложении верхнепалеолитических индустрий.

Литература

Аникович М.В., 1991. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб.: Ин-т истории материальной культуры.

Аникович М.В., 2001–2002. Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между средним и верхним палеолитом // *Stratum plus*. № 1.

Аникович М.В., 2005. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и факты / ред. А.П. Деревянко. Новосибирск.

Аникович М.В., 2007а. Основные обобщающие понятия // Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии / ред. М.В. Аникович. СПб.

Аникович М.В., 2007б. Ранняя пора верхнего палеолита Среднего Дона (Костенковско-Борщевский район) // Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии / ред. М.В. Аникович. СПб.

- Аникович М.В., Бредли Б.А., Гирия Е.Ю., 1997. Технологический анализ стрелецких наконечников // Гирия Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. СПб.
- Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф., Попов В.В., Кузьмина Е.И., Левковская Г.М., Поспелова Г.А., Форман Ст., Холлидэй В.Т., 2004. Новые данные о многослойной стоянке Костенки 12 (Волковская) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное / редакторы: М.В. Аникович и Н.И. Платонова. Воронеж.
- Аникович М.В., Анисюткин Н.К., 2007. Основные сценарии становления верхнего палеолита Евразии // Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии / ред. М.В. Аникович. СПб.
- Беляева Е.В., 1999. Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). СПб.
- Вишняцкий Л.Б., 2008. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб.
- Гирия Е.Ю., 1999. Есть ли переходные технологии в Костенках? // Локальные различия в каменном веке. СПб.
- Гладилин В.Н., 1976. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев.
- Гладилин В.Н., Демиденко Ю.Э., 1989. К происхождению костенковско-стрелецкой культуры: Европа или Азия? // Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев.
- Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф., 2000. Микок на Северном Кавказе // АА. № 9.
- Демиденко Ю.Э., 2001–2002. Комплексы находок нижних культуросодержащих отложений на веса Сюрень-1 (Крым) // Stratum plus. № 1.
- Демиденко Ю.Э., 2003. Кииккобинский тип микокских индустрий среднего палеолита Крыма: дискретная культура «шарантоидного парамикока» или индустриальное проявление крайней степени кремнеобработки крымской микокской традиции? // Вариабельність середнього палеоліту України / ред. Л.В. Кулаковська. Київ.
- Демиденко Ю.Э., 2004. Буран-Кая-III, слой В – технико-типологическая характеристика и анализ артефактов, модели общей кремнеобработки и редукции орудий // Буран-Кая-III, слой В – эталонный памятник кииккобинского типа индустрии крымской микокской традиции. Комплексный анализ кремневых артефактов / ред. Ю.Э. Демиденко. Киев; Симферополь.
- Колесник А.В., 2003. Средний палеолит Донбасса // АА. № 12.
- Колосов Ю.Г., 1978. Специфические типы орудий аккайской мустьерской культуры в Крыму // Орудия каменного века. Киев.
- Колосов Ю.Г., 1983. Мустьерские стоянки района Белогорска. Киев.
- Колосов Ю.Г., 1986. Аккайская мустьерская культура. Киев.
- Колосов Ю.Г., Степанчук В.Н., Чабай В.П., 1993. Ранний палеолит Крыма. Киев.
- Любин В.П., Аутлев П.У., 1994. Каменный инвентарь мустьерского слоя // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе / ред. В.П. Любин. Майкоп.
- Маркс Э.Э., Монигал К., 2000. Конец среднего и начало верхнего палеолита в Крыму в свете материалов стоянки Буран-Кая-III // Stratum plus. № 1.
- Матюхин А.Е., 2007. Бирючья Балка 2. Многослойный палеолитический памятник на Северском Донце // Археологические вести. № 14.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1982. Костенки 12 (Волковская стоянка) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону, 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / редакторы Праслов Н.Д. и Рогачев А.Н. Л.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984. Поздний Палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР / ред. П.И. Борисковский. М.
- Рогачев А.Н., Праслов Н.Д., Аникович М.В., Беляева В.И., Дмитриева Т.Н., 1982. Костенки 1 (стоянка Полякова) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / редакторы Праслов Н.Д. и Рогачев А.Н. Л.
- Степанчук В.Н., 1990. Критерии подбора инструментов расщепления и ретуширования в мустье Крыма // Каменный век на территории Украины. Киев.
- Степанчук В.Н., 2002. Поздние неандертальцы Крыма. Киик-кобинские памятники. Киев.
- Степанчук В.Н., 2006. Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы.
- Формозов А.А., 1958. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА. М. № 71.
- Чабай В.П., 2000. Особенности перехода от среднего палеолита к позднему палеолиту в Крыму // Stratum plus. № 1.

- Чабай В.П.*, 2003. Хронология и экология перехода от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Европе // КДУ. № 4.
- Чабай В.П.*, 2004а. Средний палеолит Крыма. Симферополь.
- Чабай В.П.*, 2004б. Территориально-хронологические группы леваллуазских памятников Восточной Европы // Археология и палеоэкология Евразии / ред. А.П. Деревянко. Новосибирск.
- Чабай В.П.*, 2008. Кабази V в контексте финала среднего палеолита Крыма // АА. № 19.
- Чабай В.П., Маркс Э.Э., Отт М.*, 1998. Вариабельность среднего и ранней поры позднего палеолита Крыма: (предварительные итоги международного археологического проекта) // Археология. Київ. № 4.
- Эрикт Н.Л.*, 1934. Четвертичная стоянка в пещере удеревни Чокурча в Крыму // Труды II международной ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Л.; М.; Новосибирск. Вып. 5.
- Allsworth-Jones Ph.*, 1986. The Szeletian and the transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. Oxford: Clarendon Press.
- Boëda É.*, 1995. Steinartefakt-Produktionssequenzen im Micoquien der Kulna-Höhle // Quartär. № 45/46.
- Bosinski G.*, 1967. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa // Fundamenta. Köln; Graz: Böhlau Verlag. Т. А/4.
- Bradley B.A., Anikovich M., Giria E.*, 1995. Early Upper Paleolithic in the Russian Plane: Streletskayan Flaked Stone Artifacts and Technology // Antiquity. N 69 (266).
- Chabai V.P.*, 2004. Chokurcha I, Unit IV: Artifacts // The Paleolithic of Crimea. Liège. Vol. 3: The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea / Edited by: V. Chabai, K. Monigal and A. Marks. (ÉRAUL; No 104).
- Chabai V.P.*, 2005. Kabazi II, Units V and VI: artefacts // Kabazi II: Last Interglacial occupation, Environment & Subsistence / Edited by: V. Chabai, J. Richter, Th. Uthmeier. Simferopol; Cologne: Shlyakh. (The Palaeolithic Sites of Crimea; vol. 1).
- Chabai V.P.*, 2006. The Western Crimean Mousterian and Micoquian at Kabazi II, Units A, II, IIA, and III // Kabazi II: the 70000 years since the Last Interglacial / Edited by: V. Chabai, J. Richter, Th. Uthmeier. Simferopol; Cologne: Shlyakh. (Palaeolithic sites of Crimea; vol. 2).
- Chabai V.P.*, 2008а. Kabazi V, Sub-Unit III/2: The Ak-Kaya Facie of the Crimean Micoquian // Kabazi V: Interstratification of Micoquian & Levallois-Mousterian Camp Sites / Edited by: V. Chabai, J. Richter, Th. Uthmeier. Simferopol; Cologne: Shlyakh. (Palaeolithic sites of Crimea; vol. 3, pt. 2).
- Chabai V.P.*, 2008b. Kabazi V in the Context of the Crimean Middle Palaeolithic // Kabazi V: Interstratification of Micoquian & Levallois-Mousterian Camp Sites / Edited by: V. Chabai, J. Richter, Th. Uthmeier. Simferopol; Cologne: Shlyakh. (Palaeolithic sites of Crimea; vol. 3, pt. 2).
- Chabai V.P., Marks A.E. and Monigal K.*, 2004. Crimea in the context of Eastern European Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic // The Palaeolithic of Crimea. Vol. 3: The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea / Edited by: V. Chabai and K. Monigal. Liège. (ÉRAUL; No 104).
- Chabai V.P., Uthmeier Th.*, 2006. Settlement Systems in the Crimean Middle Palaeolithic // Kabazi II: the 70000 years since the Last Interglacial / Edited by: V. Chabai, J. Richter, Th. Uthmeier. Simferopol; Cologne: Shlyakh. (The Palaeolithic sites of Crimea; vol. 2).
- Chabai V.P., Veselsky A.P.*, 2007. Kabazi V: Hearths & Pits // Kabazi V: Interstratification of Micoquian & Levallois-Mousterian Camp Sites / Edited by: V. Chabai, J. Richter, Th. Uthmeier. Simferopol; Cologne: Shlyakh. (The Palaeolithic sites of Crimea; vol. 3, pt. 1).
- Demidenko Yu.E.*, 2004. Buran-Kaya III Layer B: The Lithic Assemblage // The Paleolithic of Crimea. Liège. Vol. 3: The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea / Edited by: V. Chabai, K. Monigal, and A. Marks. (ÉRAUL; No 104).
- Giria E.*, 1999. Do we have any "Transitive" technologies among the earliest industries at Kostenki? // Central and Eastern Europe from 50.000 – 30.000 B.P. International Workshop in the Neanderthal Museum. Abstracts. Mittmann: Neanderthal Museum.
- Kozłowski J.K.*, 2000. Southern Poland between 50 and 30 kyr B.P., environment and archaeology // Neanderthals and Modern Humans – Discussing the Transition: Central and Eastern Europe from 50.000 – 30.000 B.P. / Edited by: J. Orschiedt and G.-C. Weniger. Mittmann: Neanderthal Museum.

Marks A.E. A New Middle to Upper Paleolithic "Transitional" Assemblage from Buran-Kaya-III, Level C // Prehistoire de d'Anatolie. Genese de deux mondes. Liège. Vol. 1 / Edited by M. Otte. (ÉRAUL; No 85).

Marks A.E. and Monigal K., 1998. Starosele: The Lithic Artifacts // The Paleolithic of Crimea. Liège. Vol. 1: The Middle Paleolithic of Western Crimea / Edited by: A. Marks and V. Chabai. (ÉRAUL; No 84).

Monigal K., 2001. The Eastern Szeletian at Buran Kaya III (Crimea, Ukraine) and Its Place in the Middle to Upper Paleolithic Transition // Questioning the Answers: Re-solving Fundamental Problems of the Early Upper Paleolithic / Edited by M.A. Hays and P.T. Thacker. Oxford. (BAR; vol. 1005).

Monigal K., 2004a. The Lithic assemblage from Buran-Kaya III Level C // The Paleolithic of Crimea. Liège. Vol. 3: The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea / Edited by: V. Chabai, K. Monigal and A. Marks. (ÉRAUL; No 104).

Monigal K., 2004b. Introduction to the Site of Buran-Kaya III // The Paleolithic of Crimea. Liège. Vol. 3: The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea / Edited by: V. Chabai, K. Monigal, and A.Marks. (ÉRAUL; No 104).

Richter J., 2004. Operational Sequences of Foliate Pieces from Buran-Kaya III Level B1 // The Paleolithic of Crimea. Liège. Vol. 3: The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea / Edited by: V. Chabai, K. Monigal and A. Marks. (ÉRAUL; No 104).

Uthmeier Th., Ickler S., Kurbjuhn M., 2008. Site catchment analysis in the Late Crimean Middle Palaeolithic: a GIS based approach // Kabazi V: Interstratification of Micoquian & Levallois-Mousterian Camp Sites / Edited by: V. Chabai, J. Richter, Th. Uthmeier. Simferopol; Cologne: Shlyakh. (The Palaeolithic sites of Crimea; vol. 3, pt. 2).

Veselsky A.P., 2008a. Kabazi V, Sub-Unit III/1: The Starosele Facie of Micoquian // Kabazi V: Interstratification of Micoquian & Levallois-Mousterian Camp Sites / Edited by: V. Chabai, J. Richter, Th. Uthmeier. Simferopol; Cologne: Shlyakh. (The Palaeolithic sites of Crimea; vol. 3, pt. 2).

Veselsky A.P., 2008b. Kabazi V, Production and Rejuvenation of Bifacial Tools // Kabazi V: Interstratification of Micoquian & Levallois-Mousterian Camp Sites / Edited by: V. Chabai, J. Richter, Th. Uthmeier. Simferopol; Cologne: Shlyakh. (The Palaeolithic sites of Crimea; vol. 3, pt. 2).

Veselsky A.P., 2008c. Kabazi V, Bone and Stone Tools Used in Flint Knapping // Kabazi V: Interstratification of Micoquian & Levallois-Mousterian Camp Sites / Edited by: V. Chabai, J. Richter, Th. Uthmeier. Simferopol; Cologne: Shlyakh. (The Palaeolithic sites of Crimea; vol. 3, pt. 2).

Veselsky A.P., 2008d. Kabazi V, Sub-Unit III/7: Artefacts // Kabazi V: Interstratification of Micoquian & Levallois-Mousterian Camp Sites / Edited by: V. Chabai, J. Richter, Th. Uthmeier. Simferopol; Cologne: Shlyakh. (The Palaeolithic sites of Crimea; vol. 3, pt. 2).

Yevtushenko A.I. 1998. Kabazi V: Assemblages from selected levels // The Paleolithic of Crimea. Liège. Vol. 1: The Middle Paleolithic of Western Crimea / Edited by: A. Marks and V. Chabai. (ÉRAUL; No 84).

Yevtushenko A.I., 2008. Kabazi V, Sub-Unit III/5: The Staroselian Industry // Kabazi V: Interstratification of Micoquian & Levallois-Mousterian Camp Sites / Edited by: V. Chabai, J. Richter, Th. Uthmeier. Simferopol; Cologne: Shlyakh. (The Palaeolithic sites of Crimea; vol. 3, pt. 2).

Список сокращений

- AA — Археологический альманах. Донецк
- КДУ — Кам'яна доба України. Київ
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- BAR — British Archaeological Reports, International Series
- ÉRAUL — Études et Recherches Archéologiques de L'Université de Liège

Таблица 1

**Хроностратиграфия среднего палеолита, начала верхнего палеолита
Крыма и памятников стрелецкой АК Среднего Дона и Северского Донца***

КРЫМ			OIS	СРЕДНИЙ ДОН / СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ	
Технокомплексы	Стоянки, слои / горизонты	Геохронология		Геохронология	Стоянки, слои
Ориньякский	Сюрень I, F	Denekamp Interstadial, Витачев, vt _{3b}	OIS 3	Дунаевский (брянский) интерстадиал	Бирючья Балка 2, 3
Микокский	Буран-Кая III, B				Костенки I, V (вост.) (?)
Ориньякский	Сюрень I, G, H				Костенки 11, V
Микокский	Кабази V, II/4A – II/7				Костенки 12, Ia
	Пролом II, II				
Леваллу- мустьерский	Заскальная V, I			Костенки 12, Ia	
	Кабази V, III/1				
Леваллу- мустьерский	Кабази V, III/1A	Костенки 12, Ia			
	Кабази II, A3A – A4				
Леваллу- мустьерский	Кабази II, II/1A	Костенки 12, Ia			
	Заскальная VI, II				
Микокский	Заскальная V, II	Huneborg Stadial, Витачев, vt ₂	Стадиал		
	Кабази V, III/2, III/2A				
Селетоидный	Пролом I, верх. слой				Костенки 6 (?)
	Буран-Кая III, C				
Леваллу- мустьерский	Кабази II, II/1				Костенки 6 (?)
	Кабази II, II/2				
	Кабази II, II/3				
	Кабази II, II/4				
	Кабази II, II/5				
Микокский	Кабази V, III/3				Костенки 1, V (зап.) (?)
	Киик-Коба, IV				
Микокский	Пролом I, ниж. слой	Костенки 1, V (зап.) (?)			
	Заскальная VI, III				
Леваллу- мустьерский	Кабази II, II/6	Костенки 12, III			
	Кабази II, II/7				
Микокский	Заскальная VI, IIIa	Костенки 12, III			
	Кабази V, III/5–3B2				
Леваллу- мустьерский	Староселье, 1, 2	Костенки 12, III			
	Кабази II, II/7AB				
	Кабази II, II/7C, II/7D, II/7E				
	Кабази II, II/8				
	Кабази II, II/8C, II/8A/1				
Леваллу- мустьерский	Кабази V, IV/1 – IV/3	Костенки 12, III			
	Кабази II, II/2				
		Hosselo Stadial, Витачев, vt _{1b2-b1}			

* В таблице использованы хроностратиграфические корреляции М.В. Аниковича и В.П. Чабая (Аникович, 2007б; Chabai, 2008b).

Таблица 1 (продолжение)

КРЫМ			OIS	СРЕДНИЙ ДОН / СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ	
Технокомплексы	Стоянки, слои / горизонты	Геохронология		Геохронология	Стоянки, слои
Микокский	Чокурча I, IV-I, IV-M	Hosselo Stadial, Витачев, vt _{1b2-b1}	OIS 3		▼
	Чокурча I, IV-O				
	Заскальная V, IV				
	Заскальная VI, IV				?
	Кабази II, IIIA/4	Moershoofd Int., Витачев, vt _{1b1}	OIS 4		
	Кабази II, IIIA/4B	Ognon St. & Int., Удай, ud, Прилуки, pl ₃			
	Кабази II, III/1A				
	Кабази II, III/1				
	Кабази II, III/2	Odderade Interstadial, Прилуки, pl _{1b2}	OIS 5a		
	Кабази II, III/2A	Rederstall Stadial, Прилуки, pl _{1b2-b1}	OIS 5b		
	Кабази II, III/3				
	Заскальная V, V	Brörup Interstadial, Прилуки, pl _{1b1}	OIS 5c		
		Herning Stadial, Тясмин	OIS 5d		
Кабази II, V/3 – VI/17	Eemian (E6a), Кайдаки, kd _{3b2+c}				

Таблица 2

Крымский микок: представительность подлистовидных и листовидных двусторонних острей в комплексах с установленной и предполагаемой хронологической позицией*

OIS	Геохронология	Стоянки, слои/ горизонты	Двусторонние острей полю-/подлистовидные с утонченным/ретуши- рованными основаниями	Двусторонние острей листовидные – «с су- женным основанием»	ВСЕГО:	% по отношению ко всем орудиям, отделимым на уровне класса	ВСЕГО орудий отделимых на уровне класса:	
OIS 3	Denekamp Interstadial; Витачев, vt _{3b}	Буран Кая III, B	-	-	-	-	423	Современники стрелцкой АК
		Кабази V, II/4A – II/7	-	-	-	-	89	
		Пролом II, II	-	1	1	0,83	121	
		Заскальная V, I	-	-	-	-	88	
		Кабази V, III/1	-	-	-	-	393	
		Кабази V, III/1A	3	-	3	0,81	372	
	Huneberg Stadial; Витачев, vt ₂	Заскальная VI, II	1	-	1	0,04	2257	
		Заскальная V, II	-	1	1	0,13	756	
		Пролом II, III	-	-	-	-	123	
		Кабази V, III/2, III/2A	-	-	-	-	198	
		Пролом I, верх. слой	2	1	3	0,73	410	
	Huneberg Interstadial; Витачев, vt _{1c}	Киик Коба, IV	-	-	-	-	329	
		Пролом I, ниж. слой	-	-	-	-	212	
		Заскальная V, III	-	-	-	-	319	
		Заскальная VI, III	1	2	3	0,33	912	
		Заскальная VI, IIIa	-	-	-	-	100	
	Hengelo Interstadial; Витачев, vt _{1b2}	Кабази V, III/5	-	-	-	-	256	
		Староселье, 1, 2	-	1	1	0,63	159	
	Hosselo Stadial; Витачев, vt _{1b2-b1}	Чокурча I, IV	1	2	3	1,57	191	
		Заскальная V, IV	2	-	2	0,43	464	
Заскальная VI, IV		-	-	-	-	814		
Заскальная VI, V		-	-	-	-	70		
Moershoofd Int.; Витачев, vt _{1b1}	Пролом II, IV	-	-	-	-	112		
	Кабази II, IIА/4	-	-	-	-	12		
OIS 4	Ognon Stadial & Int.; Удай, ud; Прилуки, pl3	Кабази II, IIА/4B	-	-	-	-	Предшественники стрелцкой АК	
		Кабази II, III/1A	-	-	-	-		
		Кабази II, III/1	-	-	-	-		
OIS 5a	Oddergade Interstadial; Прилуки, pl _{1b2}	Кабази II, III/2	-	1	1	2,27		44
OIS 5b	Rederstall Stadial; Прилуки, pl _{1b2-b1}	Кабази II, III/2A	-	-	-	-		
		Кабази II, III/3	-	-	-	-		
OIS 5c	Brögrup Interstadial; Прилуки, pl _{1b1}	Заскальная V, V	-	-	-	-		84
		Заскальная V, VI	1	-	1	0,59		168
OIS 5d	Eemian (E6a); Кайдаки, kd _{3b2+c}	Кабази II, V	-	-	-	-		13
		Кабази II, VI	-	-	-	-		57
		Итого:	11	9	20	av. 0,76	9546	

* В таблице использованы результаты типологических исследований Ю.Г. Колосова, А.И. Евтушенко, Э.Э. Маркса, К. Монигал, В.Н. Степанчука, Ю.Э. Демиденко, В.П. Чабая и А.П. Весельского (Колосов, 1983, 1986; Yevtushenko, 1998, 2008; Marks, Monigal, 1998; Степанчук, 2002; Demidenko, 2004; Chabai, 2004, 2005, 2006, 2008a; Veselsky, 2008a). Курсивом выделена предполагаемая хронологическая позиция.

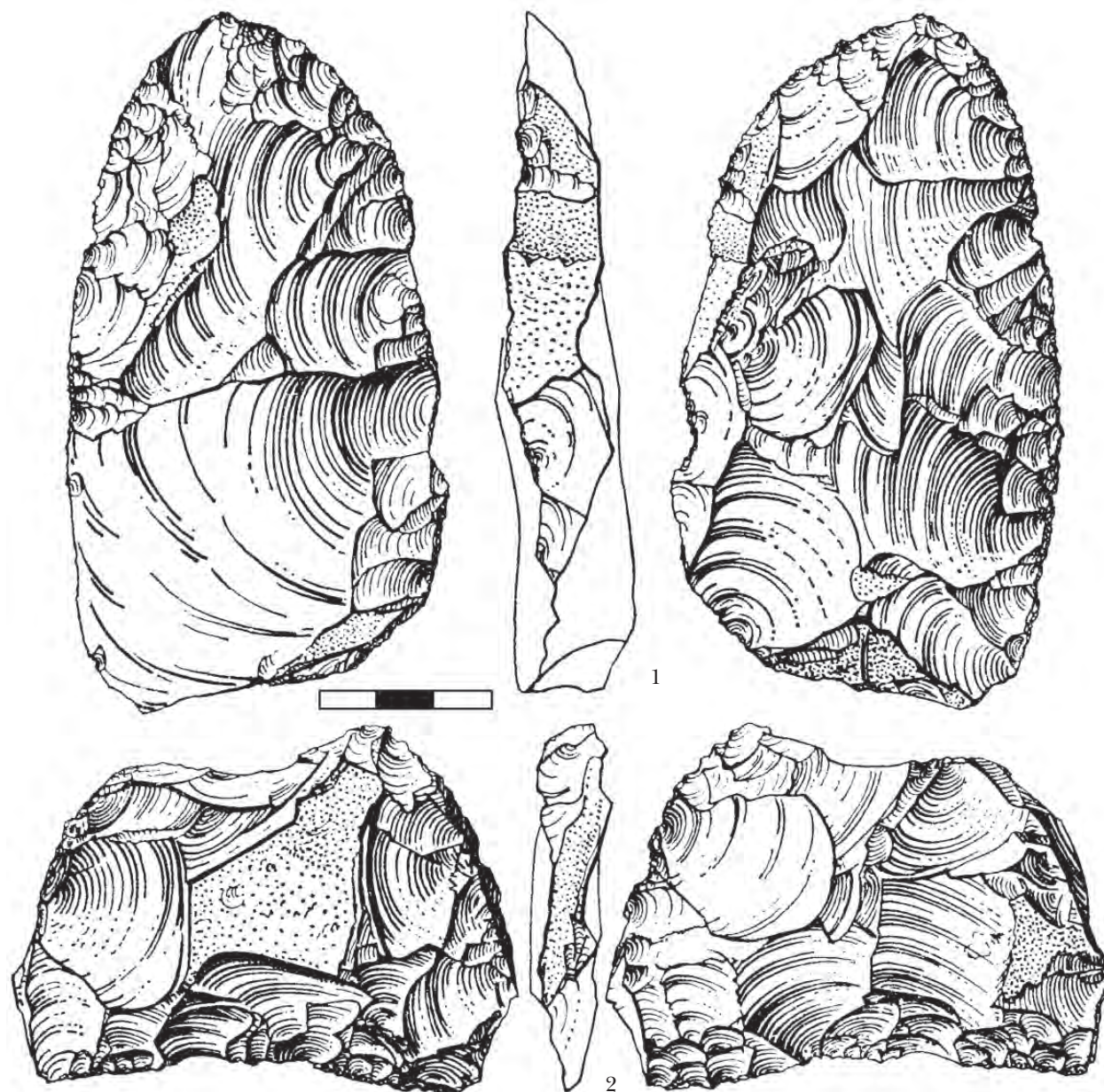

Рис. 1. Крымский микок: Заскальная V, II (1, 2), по Ю.Г. Колосову (1983). Двусторонние скребла: 1 – полулист-
товидное обушковое; 2 – вогнутое обушковое

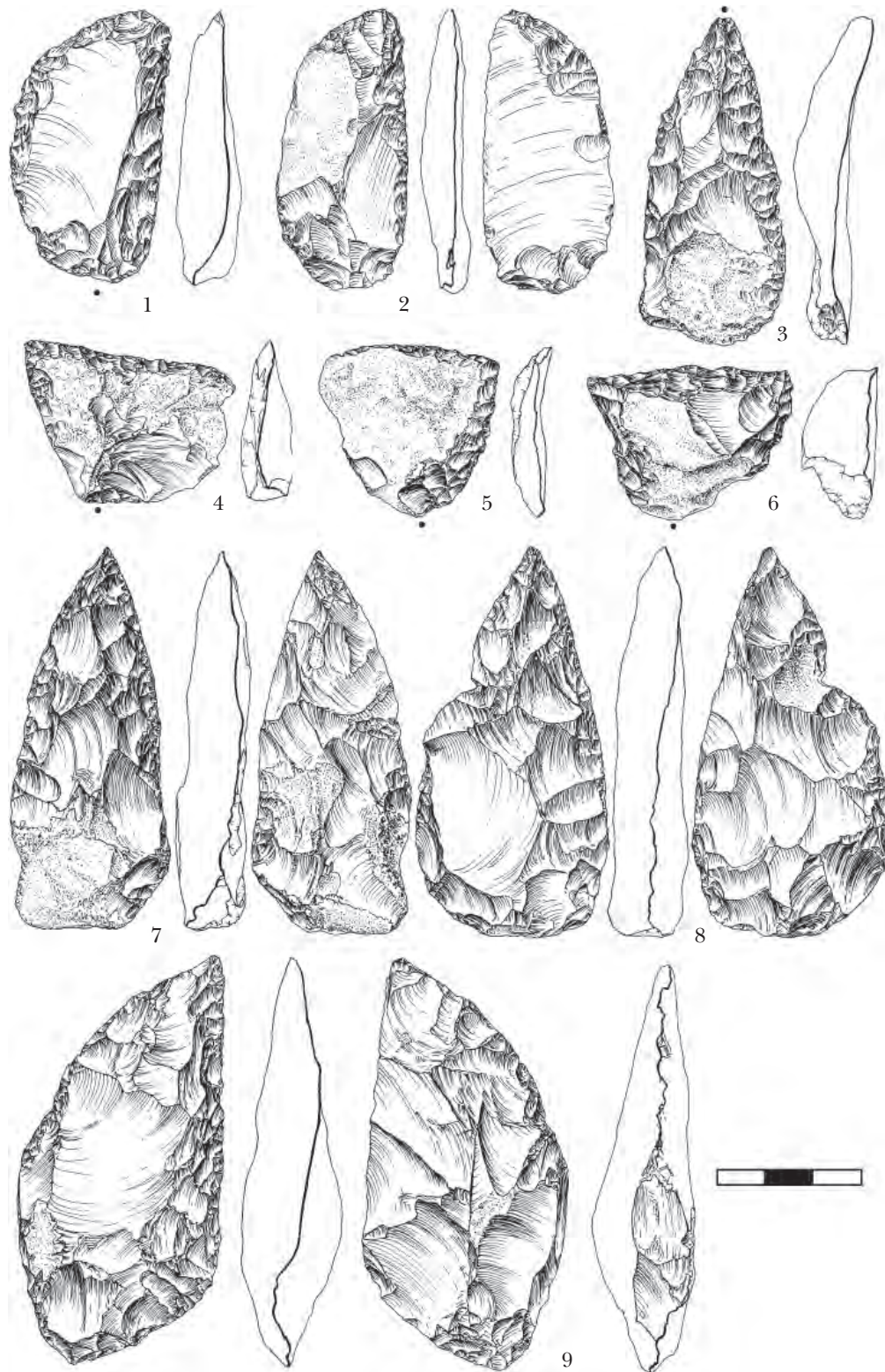

Рис. 2. Крымский микок: Кабази V, III/1 (1, 7), III/1A (2), III/2 (3, 8, 9), III/5-1A (4), III/5-3B (6), III/5-3B2 (5), по А.П. Весельскому, В.П. Чабая и А.И. Евтушенко (Veselsky, 2008a; Chabai, 2008a; Yevtushenko, 2008; Чабай, 2008). Скребла: 1 – подсегментовидное; 2 – подсегментовидное битерминально-утонченное; 3 – полулистовидное; 4 и 5 – полутрапезиевидные; 6 – подтрапезиевидное. Двусторонние остря: 7 – полулистовидное; 8 – подлистовидное; 9 – полусегментовидное обшуквое, базально-утонченное

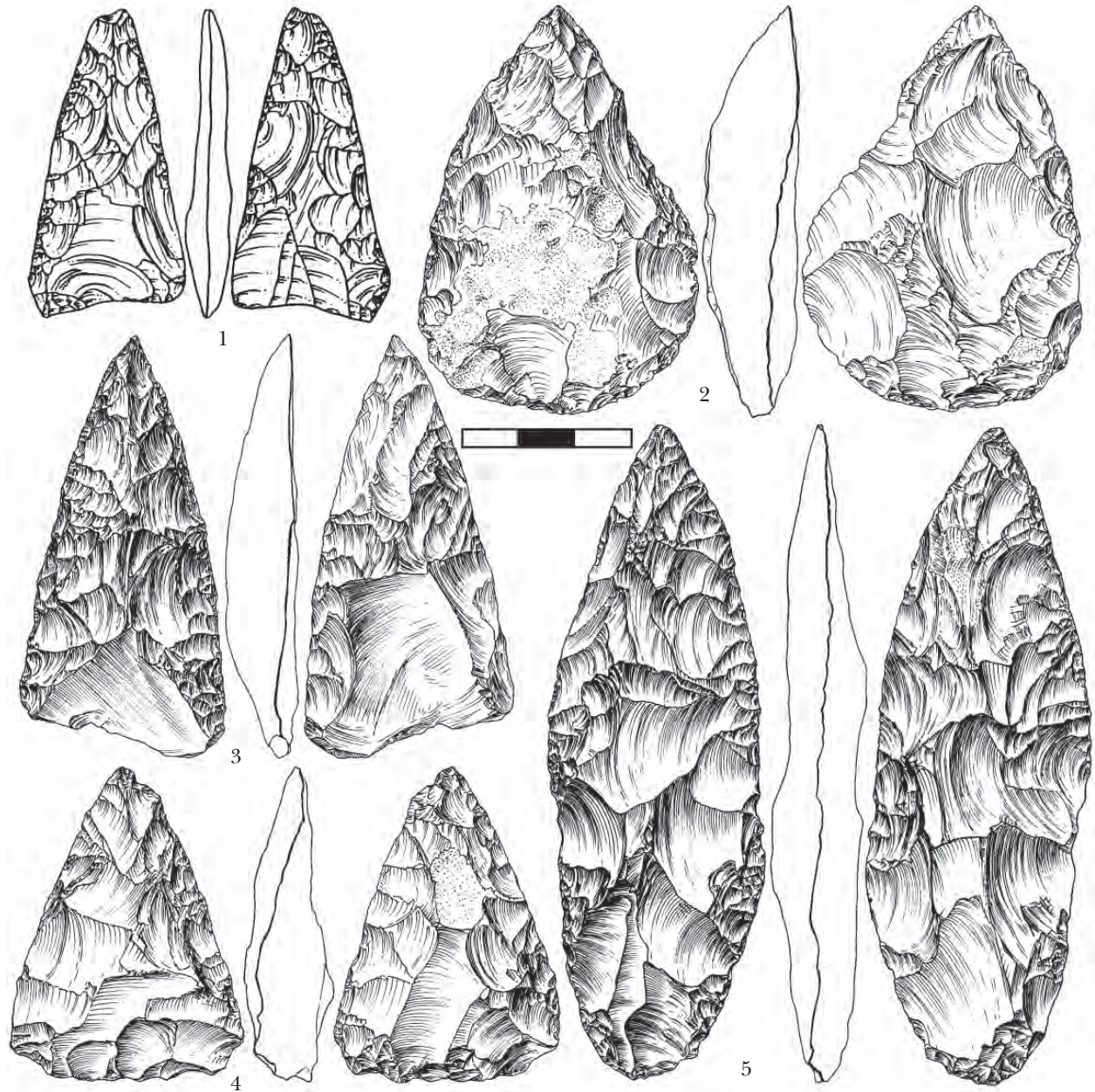

Рис. 3. Крымский микок: Пролом I, верхний слой (1), по В.Н. Степанчуку (2002); Кабази V, III/1A (2), III/1B (3), III/1 (4), III/7-3 (5), по А.П. Весельскому (Veselsky, 2008a, 2008d). Двусторонние острия: 1 – подтреугольное базально-утонченное; 2 – подлистовидное базально-утонченное; 3 – подтреугольное; 4 – треугольное; 5 – листовидное базально-утонченное

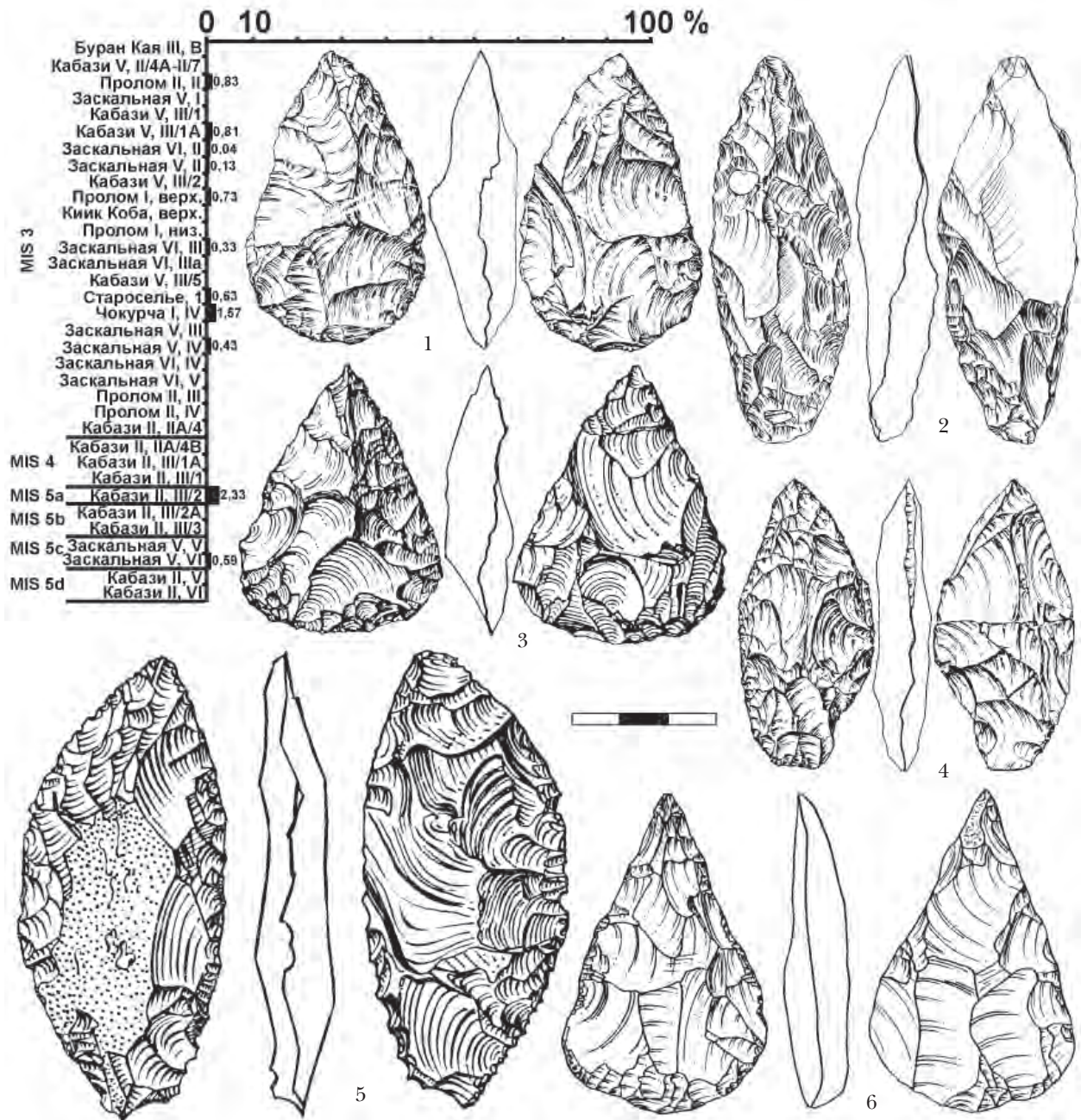

Рис. 4. Крымский микок: Чокурча I, IV-I (1), IV-K (4) и Кабази II, III/2 (2), по В.П. Чабая (Chabai, 2004, 2005); Заскальная V, IV (3), II (5), по Ю.Г. Колосову (1983); Пролом I, верхний слой (6), по В.Н. Степанчуку (2002). Двусторонние острия: 1, 3, 6 – подлистовидные базально-утонченные; 2, 4, 5 – листовидные базально-утонченные. На графике показаны процентные отношения совокупности двусторонних полу-/подлистовидных острий с утонченными и ретушированными основаниями и двусторонних листовидных острий ко всем определяемым на уровне класса орудиям в микокских комплексах Крыма, для которых установлена хронологическая позиция

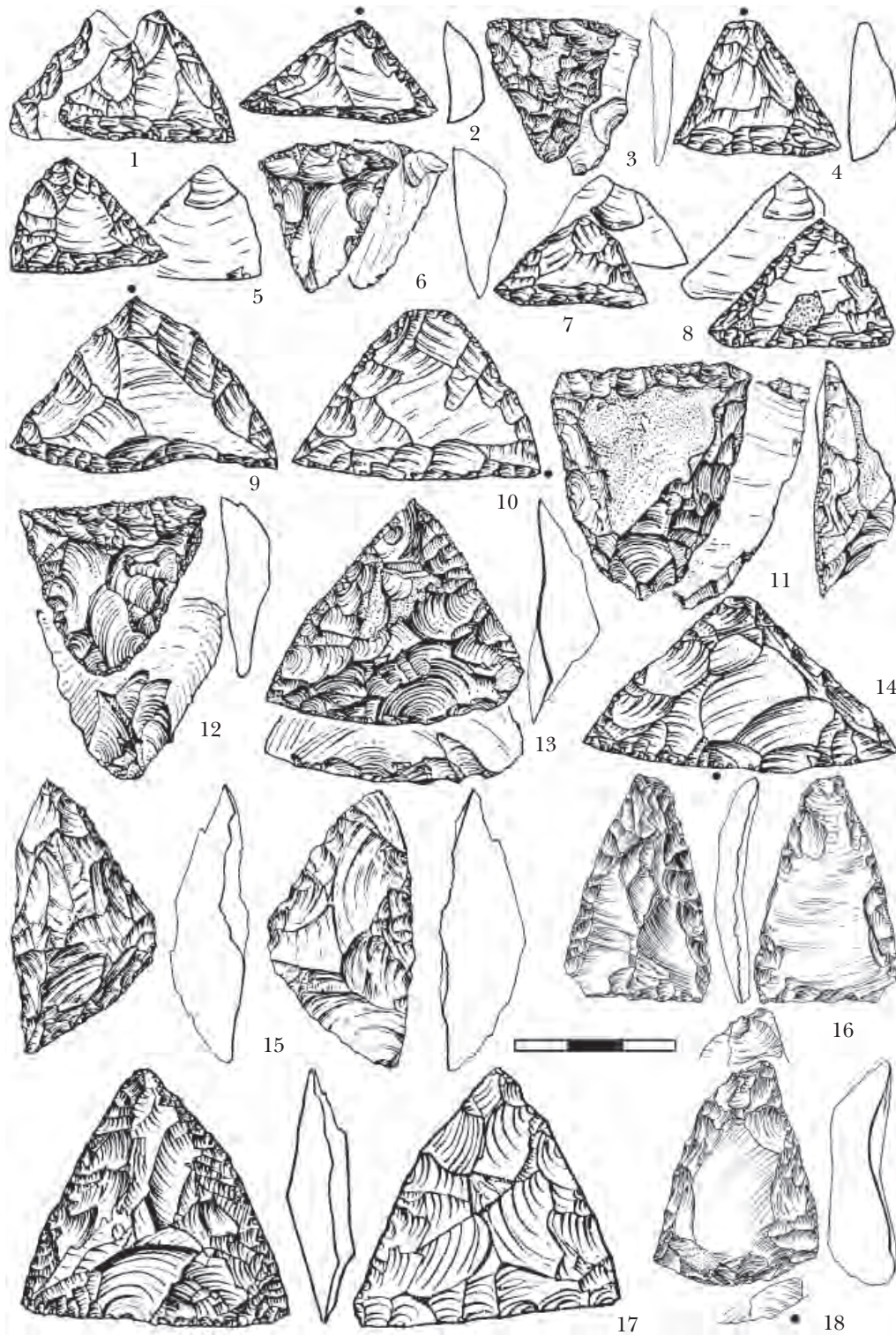

Рис. 5. Крымский микок: Киик Коба, верхний слой (1, 2, 4, 5, 7, 8) и Пролом I, нижний слой (9, 10, 14), по В.Н. Степанчуку (2002); Заскальная V, IV (3, 6, 11, 12, 13) и Заскальная V, V (17), по Ю.Г. Колосову (1983); Чокурча I, IV-I (15), по В.П. Чабай (Chabai, 2004); Кабази V, III/1 (16), III/1A (18), по А.П. Весельскому (Veselsky, 2008a). Скребла: 2, 4, 9, 10, 14 – треугольные; 1, 3 – треугольные тыльно-утонченные; 5, 7, 8, 12, 13 – треугольные базально-утонченные; 6 – треугольные терминально-утонченные; 16 – треугольные битерминально-/тыльно-утонченные; 11, 18 – треугольные битерминально-утонченные. Двусторонние скребла: 15, 17 – треугольные

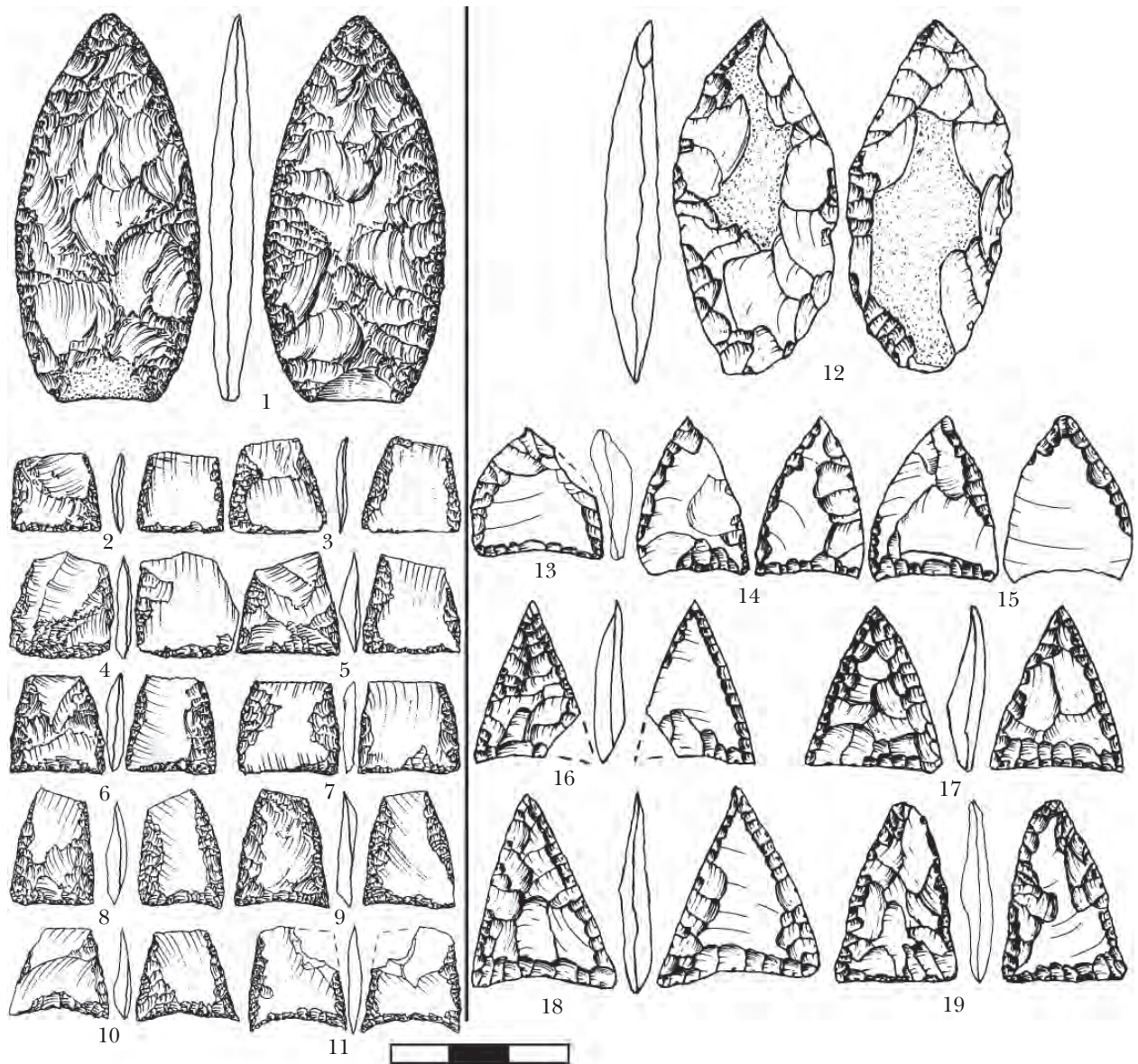

Рис. 6. Селетоидный технокомплекс: Буран Кая Ш, С (1-11), по К. Монигал (Monigal, 2004a); Костенки 12, Ш (12, 13) и Костенки 1, V (14), по М.В. Аниковичу (2007б); Бирючья Балка 2, слой 3 (15, 16, 17, 18, 19), по А.Е. Матюхину (2007). Двусторонние острия: 1 – подлистовидное; 12 – листовидное, «суженное к основанию». Двусторонне ретушированные трапеции: 2, 3, 4, 5 – с прямым основанием; 6, 7, 8, 9, 10, 11 – с вогнутым основанием. Микро-острия: 13 – дорсальное с вогнутым основанием; 14, 15, 16, 18 – двусторонне ретушированные с вогнутым основанием; 17 – двустороннее с вогнутым основанием; 19 – двусторонне ретушированные с прямым основанием

Стоянка Мира как источник для реконструкции начального освоения Восточной Европы человеком современного физического облика

*В.Н. Степанчук**

В последнее время получено немало новых данных, касающихся одного из наиболее остро дискутируемых вопросов отечественного палеолитоведения, а именно вопроса начала освоения территории Восточной Европы населением современного физического облика (см., напр., обзоры: Аникович и др., 2007; Вишняцкий, 2008; Деревянко, 2005). Некоторые новые данные, представляющие несомненный интерес в этом отношении, получены в последнее время и в Украине. В частности, речь идет о новой многослойной стоянке Мира в Подпорожье.

Стоянка Мира расположена на правом берегу Днепра неподалеку от с. Каневское Запорожского р-на Запорожской обл., в 20 км к югу от плотины Днепрогэса. Географические координаты стоянки 47°35'N; 35°5'E (рис. 1). Согласно современному физико-географическому районированию, стоянка расположена на участке Днепровской аккумулятивной аллювиальной равнины в Томаковско-Хортицком овражном долинно-балочном районе, входящем в степную область южных отрогов Приднепровской возвышенности (ФГР, 1968). Палеолитические остатки обнаружены в средней части 30-метровой аллювиальной террасы. Первые находки были сделаны И.Б. Писаревым в 1995 г. Работы на памятнике проводились в течение семи сезонов, между 1997 и 2009 г. Наиболее масштабные полевые исследования были проведены в 2000 г. благодаря финансированию, полученному от американского антропологического фонда L.S.B. Leakey Foundation. Предварительные результаты исследований частично опубликованы (Коев, Степанчук, 2001; Степанчук, 2003, 2003–2004, 2004, 2005; Степанчук, Коев, Герасименко та ін., 2004; Stepanchuk et al., 1998; Stepanchuk, 2005), а частично находятся в печати.

По данным Н.П. Герасименко, П. Эзарца и Ж.Н. Матвишиной (Степанчук та ін., 2004; Степанчук, Коев, Герасименко та ін., 2006), в разное время работавших с разрезом террасы в месте стоянки, литостратиграфическая колонка Мира демонстрирует сложную историю последовательных изменений окружающей среды в течение последних 30 тыс. лет. Согласно Н.П. Герасименко, в колонке отложений, изученных в основном раскопе, выделяется более 30 литологических горизонтов, подразделенных на три комплекса: I – голоценовый (литологические слои 1–9), II – времени верхнего пленигляциала (слои 10–20) и III – времени среднего пленигляциала (слои 21–32) (рис. 2). Спустя некоторое время после заселения урочища палеолитическим человеком, территория стоянки оказалась под водами пра-Днепра. Залегание аллювиальных отложений, перекрывающих горизонты с остатками жизнедеятельности человека, на довольно высоком гипсометрическом уровне, по мнению В.Г. Пазинича (2008), может свидетельствовать о кратковременном катастрофическом затоплении долины Днепра около 23–24 тыс. л.н. Так или иначе, аккумуляция толщ аллювиальных песчаных отложений содействовала лучшей сохранности остатков палеолитических поселений с момента окончательного выхода территории урочища в субаэральный режим. В целом, тафономические характеристики включающих слоев и включенных остатков позволяют заключить о минимальной нарушенности археологических слоев пост-аккумуляционными природными факторами (Степанчук, 2003).

В колонке зафиксировано несколько слоев с культурными остатками и разнородными объектами. Верхний (I) слой, наиболее насыщенный разнообразными следами жизнедеятельности палеолитического человека,

* Институт археологии НАН Украины, Киев.

доставляет богатую кремневую, каменную и костяную индустрию. Средний (II/1) слой включает многочисленные остатки естественного (?) пожара в виде сгоревших деревянных объектов; на вскрытых участках он не доставляет четких свидетельств синхронного пребывания человека. Нижний (II/2) слой доставляет немногочисленные, однако, несомненные свидетельства кратковременного пребывания человека.

Таким образом, урочище заселялось в палеолитическое время, по крайней мере, дважды. Оба культурных слоя связаны с горизонтами погребенных почв, которые М.Ф. Векличем и В.К. Пясецким сопоставлялись с дофинновским эпизодом (Stepanchuk et al., 1998; Пясецкий, 2007), а Н.П. Герасименко и Ж.Н. Матвишиной – с витачевским (Степанчук, Коен, Герасименко та ін., 2004; Степанчук и др., 2006). Здесь нет, как может показаться, противоречия в определении хронологического положения, речь в обоих случаях идет об отложениях одного возраста, но их стратиграфическое место обозначается по-разному. Следует подчеркнуть, что отечественные палеолитические исследования длительного времени базировались на официальной стратиграфической схеме четвертичных отложений Украины (Веклич и др., 1993). В последнее время эта схема активно пересматривается, в особенности в отношении событий верхнего плейстоцена (Герасименко, 2004), что, безусловно, приводит и будет приводить к разночтениям и известной путанице (Пясецкий, 2005). Серия радиоуглеродных дат, полученных по образцам древесного угля, кости и почвы в лабораториях Киева и Гронингена, определяет возраст обоих слоев между 27–28 тыс. л.н. (даты не калиброванные) (табл. 1). Калибровка этих дат в системе Fairbanks0107 указывает на календарный возраст 32–33 тыс. л.н. Кривые CALPAL 2005 SFCP и Fairbanks0805 помещают слои памятника в промежутке 29–31 тыс. л.н. (Киосак, 2008). Следует подчеркнуть, что устанавливаемая радиоуглеродным методом временная близость обоих поселений не противоречит геологическим и палинологическим данным. Вполне возможно, что разные моменты заселения урочища отделялись очень небольшим промежутком времени: около 100–200 лет. Однако ограниченные возможности современных методик датирования остатков палеолитического времени не позволяют установить это точно.

В момент функционирования обоих палеолитических поселений урочище представляло собой мыс низкой террасы или небольшое возвышение в пойме. Если исходить из особенностей распространения лесного пожара на уровне археологического слоя II/1, урочище, вероятнее всего, представляло собой мысовидное возвышение, с юга ограниченное водным пространством. Этот участок неоднократно подтапливался в периоды повышения уровня вод пра-Днепра, как о том свидетельствуют маломощные прослойки аллювиального песка в толще погребенных почв, включающих культурные остатки. По данным палинологического анализа, проведенного Н.П. Герасименко, в момент обитания урочище характеризовалось распространением пойменных злаковых и осоковых растений в низких участках заводи и лугового разнотравья на возвышенных участках. И палинологические данные, и результаты антракологического анализа фрагментов обугленной древесины, проведенного Ф. Дамбломом, указывают на преобладание сосны среди древесной растительности. Точное определение на уровне вида затруднено, но это определено либо *Pinus sylvestris*, либо *Pinus mugo*. В целом, расположение стоянки является классическим: в долине крупной реки у места впадения ее более мелких притоков. Такое расположение позволяло контролировать охотничьи угодья нескольких типов, а именно: открытые равнинные, ограниченные пастбища овражно-балочных систем и пастбища плавней береговой линии крупной реки.

По данным О.П. Журавлева, П.В. Пучкова, А. Брюжера, нижний слой Миры доставил небольшое количество костей бизона и дикой лошади. Верхний слой содержал остатки песка, лисицы, корсака, мамонта, широкопалой лошади, оленя благородного, оленя гигантского, оленя северного, бизона, барсука, байбака, зайца-русака. Состав мегафауны и микротериофауны (данные Л.И. Рековеца) (табл. 2) позволяет сделать вывод о доминировании степного ландшафта, усложненного балками и оврагами.

Основными видами, служившими объектами охотничьей деятельности обитателей верхнего археологического слоя, были лошадь, мелкие хищники и бизон. Наибольшим числом остатков представлены лошадь и мелкие хищники. Выборочность скелетных остатков благородного и северного оленей и бизона, а также состав этих остатков может

расцениваться как указание на единичные эпизоды добычи этих животных в удалении от места обитания. Внимание обращают на себя останки бизона, представленные лишь «мясными» частями и, возможно, представляющие собой остатки т.н. пищевого пакета (Frison, 1991; Binford, 1978, 1983). Специфика состава остатков гигантского оленя и мамонта не свидетельствует об охоте на этих животных. Напротив, практически полная представленность различных частей скелета лошади указывает на то, что добыча этого животного производилась неподалеку от места обитания, а также на то, что весь, или почти весь, цикл утилизации лошадиных туш производился на стоянке. Среди костей многочисленны обломки с нарезками и царапинами (109), имеются фрагменты с зарубками и вмятинами. Особенности половозрастного состава останков лошадей позволяют предполагать одноразовую успешную охоту на т.н. гаремный табун (Баскин, 1976; West, 1996). Специфика структуры имеющихся частей скелета мелких хищников (обычной, степной и полярной лисицы), среди которых преобладают кости краниального отдела (зубочелюстных остатков, в основном) и дистального отдела конечностей, свидетельствует о пушной ориентации охоты на этих животных, то есть указывает на зимнее время.

Между нижним и верхним палеолитическими слоями прослежен еще один слой (рис. 3), представляющий собой остатки сгоревшего редкого соснового леса. Скопления древесного угля позволяют довольно подробно установить положения стволов и отдельных ветвей, а иногда и диаметр отдельных деревьев. Судя по всем признакам (данные В.Ф. Руденко), горел относительно молодой лес, возрастом около 10–20 лет. Причины пожара окончательно не выяснены. Не исключено, что пожар имел антропогенное происхождение, но прямые указания на это отсутствуют. Изучение разрезов в нескольких местах в районе стоянки позволяет установить, что следы пожара являются наиболее интенсивными в месте стоянки, хотя отдельные угольки и сажистые примазки были зафиксированы в 500–600 м на юго-запад–запад от Днепра. Датирование остатков сосен из слоя пожара также указывает на возраст в 27–28 тыс. л.н.

Оба палеолитических слоя изучены на относительно большой площади (около 70 кв. м), но по количеству находок они резко различаются между собой. В верхнем слое найдено свыше 60 тыс. кремней (более 97%

от этого числа составляют мелкие и мельчайшие чешуйки), а в нижнем — их всего лишь около полутора сотен. Возможное объяснение усматривается в разности сроков заселения и экономическом профиле поселений. Поселение верхнего (I) слоя относительно долговременное, сезонное, и функционировало на протяжении нескольких месяцев. Ряд фактов позволяет довольно уверенно определять сезон существования этого поселения как осенне-зимний. В верхнем слое было зафиксировано более 30 различных объектов: ямок, очажных линз, а также сгоревших деревянных объектов. В свою очередь, поселение нижнего (II/2) слоя, возможно, является весьма кратковременной стоянкой, т.н. «охотничьим привалом». С другой стороны, вполне возможно, что раскопками в настоящий момент вскрыты краевые участки поселения нижнего слоя, и основные, насыщенные остатками деятельности человека, участки остаются еще не исследованными.

Верхний слой Миры доставил много указаний на сложную структурную организацию. В частности, слой содержал значительное количество разных ямок, часть которых является остатками столбиков и кольев. Наибольшие в диаметре и самые глубокие ямки очерчивают асимметричный прямоугольник размерами 3,2 × 1,7 м и площадью около 5,5 кв. м. Меньшие ямки от кольев формируют внешний неправильный сферический контур с диаметром от 4,0 до 4,6 м. В целом, планиграфические данные позволяют предполагать существование на стоянке наземного каркасного сферического или цилиндрического (по классификации А.А. Попова (1961)) жилища площадью около 14,5 кв. м и входом, обращенным к реке. Сооружение из I слоя Миры не имеет прямых аналогий в верхнепалеолитических свидетельствах Восточной Европы (Абрамова, 1997; Рогачев, 1964, 1970; Рогачев, Аникович, 1984; Сапожников, Сапожникова, 2002; Сергин, 1974; и др.).

Зоны особой концентрации орудий и отходов их изготовления и переоформления расположены по дуге, захватывающей обращенную к реке часть предполагаемой конструкции. На площади, занятой округлым внешним контуром конструкции, обнаружено 80,5% всего числа целых и фрагментированных ретушированных предметов, 83% всего обработанного кремня и 80,5% всех костяных орудий. Тыловая часть контура, проведенного по внешним столбовым ямкам, практически

лишена находок. С участками, расположенными в районе той части предполагаемой конструкции, которая была обращена в сторону реки, связана большая часть находок украшений и орнаментированных костяных поделок. За пределами жилища, на участках, расположенных в сторону реки, зафиксированы отдельные крупные угли, фрагменты обугленных веток и скопления сажистых масс, — возможное указание на направление, в котором находится внешний очаг. В пределах жилого контура, в особенности в части, обращенной к реке, зафиксировано значительное число мелких и мельчайших обломков обожженной кости и осколков кремня, образующих интенсивно темно окрашенный плотный слой мощностью в 1–3 см.

Практическая синхронность поселений верхнего и нижнего культурных слоев Миры приобретает особое значение, если принять во внимание полную несхожесть технологии и типологии кремневых орудий. Коротко охарактеризуем эту разницу.

В случае нижнего слоя применялось расщепление мягким отбойником, иногда с пришлифовкой зоны удара на нуклеусах. Нуклеусы, судя по имеющимся заготовкам, были одноплощадочными, с довольно узким рабочим фронтом. Основной тип заготовки — пластинка до 5 см длины, иногда с изогнутым профилем. В типологическом плане лицо комплекса составляют негеометрические микролиты на пластинках с кромками, обработанными притупляющей ретушью (рис. 4). По формальным признакам такие микролиты позволяют отнести индустрию нижнего слоя к кругу гравецких индустрий, но с определенными оговорками. Дело в том, что хотя принцип изготовления негеометрических микролитов Миры П/2 является — в широком понимании — гравецким, ни технология, ни морфология изделий не находят соответствия среди древних гравецких индустрий Европы (см., напр.: Амирханов, 1998; Demars, Laurent, 1989; Otte, 1985). Вместе с тем, прямые соответствия имеются в территориально довольно удаленной южно-итальянской стоянке грот Пальиччи, ориньякский слой 24A1 которой, наряду с типично ориньякскими изделиями, содержит и характерные для Миры микролиты подтреугольной формы на небольших пластинках (Palma di Cesnola, 2000, 2004). Так или иначе, по технологическим и типологическим критериям индустрия нижнего слоя может быть с уверенностью определена как настоящий верхний палеолит.

Индустрия верхнего слоя, напротив, характеризуется наличием крупных пластин и двусторонних орудий (рис. 5; 6; 7). Значительные сложности при определении ее параметров вызывает то обстоятельство, что инвентарь сильно «истощен» в результате интенсивного использования. Все изделия демонстрируют признаки многочисленных переоформлений, намеренной фрагментации и т.п. Причиной тому послужил недостаток исходного сырья. Как следствие, обитатели поселения были вынуждены снова и снова переоформлять и пускать в дело одни и те же каменные орудия. При расщеплении использовались более архаичные, чем в нижнем слое, технологии. В частности, широко применялся твердый отбойник, зона удара часто оформлялась в стиле среднего палеолита — фасетированием. В слое нет никаких признаков использования леваллуазских технологий, как иногда утверждается, специфика его в ином — в применении т.н. «микокской» технологии производства плоско-выпуклой двусторонней заготовки. Вместе с тем, есть признаки применения и верхнепалеолитических технологий. С точки зрения морфологии орудий индустрия слоя также сочетает черты верхнего и среднего палеолита. Так, в инвентаре представлены и остроконечники, и скребла, и, вместе с тем, концевые скребки и резцы, свойственные верхнему палеолиту. Среднепалеолитический облик имеет большинство двусторонних изделий: листовидных острий и остроконечников. В материалах представлены необычные негеометрические микролиты: небольшие чешуйки с мелкой притупляющей ретушью по поперечной кромке (рис. 8). В целом индустрия верхнего слоя Миры может быть определена как архаический или симбиотический верхний палеолит, или, по другой терминологии, как индустрия, переходная от среднего к верхнему палеолиту. Попутно следует заметить, что единственная антропологическая находка верхнего слоя Миры, сделанная в южном сегменте жилой конструкции, — обломок коронки верхнего второго моляра, принадлежит человеку современного вида (мнение Х.Г. Тернера, С.В. Васильева, А.А. Зубова и ряда других антропологов).

Специфика каменных индустрий позволяет, таким образом, утверждать, что верхний, наиболее насыщенный разнообразными следами жизнедеятельности палеолитического человека, культурный слой содержит переходную от среднего к верхнему палеолиту индустрию.

стрию. Нижний слой доставляет немногочисленные, однако, несомненные свидетельства кратковременного древне-граветтского заселения. Таким образом, стоянка Миры демонстрирует редкий пример интерстратификации палеолитических индустрий, где настоящий верхнепалеолитический слой перекрывается переходной от среднего к верхнему палеолиту индустрией (Степанчук, Коен, Герасименко та ін., 2004) (рис. 9).

Важно подчеркнуть, что среднепалеолитическая составляющая индустрии верхнего слоя Миры находит многочисленные аналогии в материалах позднейших проявлений крымского среднего палеолита с двусторонними формами орудий, в частности, в киик-кобинской индустрии (Колосов и др., 1993; Степанчук, 2002), которая датируется между 32 и 28 тыс. л. н. Что же касается верхнепалеолитической составляющей, то ближайшие аналогии I слоя Миры находятся в материалах городцовской культуры среднего Дона (Праслов, Рогачев, 1982; Sinitsyn, 2000), памятники которой в районе Костенок датируются между 31–26 тыс. л. н. С такими аналогиями Миры, слой I, согласно российским исследователям (Аникович и др., 2007), недооценивающие, однако, в своей трактовке материалов верхнего слоя Миры его важную технологическую и типологическую составляющую – серию двусторонне обработанных орудий. Находить аналогии на запад от Днепра сложнее, поскольку здесь практически отсутствуют сходные индустрии, для которых достоверно был бы установлен близкий абсолютный возраст. Насколько можно судить по имеющимся публикациям, которую аналогии материалам Миры, слой I, может представлять комплекс стоянки Чехлэу-Четэтика, ориньякский слой I (Chirica et al., 1996; Răunescu, 1998), однако, впечатление, составленное по рисункам, может быть и неверным. В известном смысле аналогии верхнего слоя Миры могут усматриваться в широком круге селетоидных индустрий, часть которых, особенно на юге Украины и в Крыму, безусловно, имеет отношение к переходной проблематике (Залізник та ін., 2008; Marks, 1998).

Как видим, есть основания утверждать, что стоянка Миры заселялась дважды в течение короткого времени, но населением разного происхождения. Это предположение опосредствованно подтверждается и данными по петрографическому составу каменного сырья, использованного для производства орудий. В материалах верхнего (I) слоя В.Ф. Петру-

нем было выявлено более 20 разновидностей пород камня, в том числе 13 разновидностей кремня (Петрунь, 2002–2003; Степанчук, Коен, Герасименко та ін., 2004; Stepanchuk, Petrougne, 2005) (табл. 3). Состав индустрии нижнего слоя более беден, к тому же здесь полностью отсутствуют изделия из некремневых пород. Согласно данным В.Ф. Петруня, сырье верхнего слоя в основной своей массе восточно-карпатское и происходит с территории современной Румынии. Учитывая количественное распределение сырья разного происхождения, есть основания полагать, что движение началось где-то на территории современной Румынии, затем следовало в долготном направлении и закончилось непосредственно в долине Днепра. Исходный набор предположительно восточно-карпатских кремневых и некремневых артефактов был дополнен кремневым сырьем, подобранным на маршруте к Днепру и некремневыми породами, собранными в долине Днепра. Следует подчеркнуть, что практически все разновидности удаленного сырья представлены фрагментами нескольких исходно единичных манупортов. Примером может служить сборка гальки актинолитита (рис. 10), крупных фрагментов отдельностей амфиболита, цеолитизированного туфа, болотного кипариса и других минералов. Наличие в коллекции слоя небольших серий изделий из кремневого сырья, происходящего из месторождений, расположенных в долинах крупных рек между Карпатами и Днепром: Прута, Днестра, Южного Буга, Ингульца – позволяет даже реконструировать возможный маршрут группы людей, которые поселились в урочище на уровне верхнего слоя (Степанчук, Петрунь, 2008. Рис. 1). Что же касается нижнего слоя, то сырье здесь совсем другое, и, согласно В.Ф. Петруню, происходит из западной Украины или с территорией, еще более удаленных от Миры в северо-западном направлении (рис. 1).

Таким образом, несмотря на выразительный среднепалеолитический компонент в индустрии верхнего слоя, другие признаки свидетельствуют скорее о верхнепалеолитическом стиле жизнедеятельности. Здесь имеются в виду свидетельства отдаленной краткосрочной миграции, транспортировка сырья на далекое расстояние, конструктивные особенности жилища и т.д. Верхнепалеолитический облик культуры людей верхнего слоя Миры усиливается наличием развитой костяной индустрии. Среди изделий представлены как орудия, так и

украшения. Интересно, что и среди костяных орудий (лощила, острия или наконечники, иглы (?)) присутствуют типичные для среднего палеолита костяные ретушеры: почти четыре десятка фрагментов толстостенных диафизов были использованы в качестве таких орудий. Украшения представлены просверленными во встречной манере зубами мелких хищников (рис. 11), янтарной подвеской. Отдельную группу составляют украшенные гравированием изделия, к сожалению, большей частью сильно фрагментированные. Эти находки, учитывая их возраст, являются уникальными для территории Украины.

В целом же, стоянка Мира представляет собой ценный, а во многих отношениях уникальный источник для реконструкции культур-

но-исторических процессов, происходивших в юго-западном сегменте восточноевропейской равнины между 40 и 25 тыс. л.н. Значительный отрезок этого периода характеризуется сосуществованием населения двух типов: неандертальского и анатомически современного, а в археологическом смысле — сосуществованием среднепалеолитических и верхнепалеолитических индустрий, а также бытованием архаичных индустрий переходного периода, один из вариантов которых демонстрирует верхний слой Миры. Являясь хронологически, по сути дела, синхронными, обитания I и II/2 слоев стоянки Мира явным образом отражают одновременное существование в Восточной Европе примерно около 28 тыс. л.н. различных традиций, а именно (пост) микока, ориньяка и граветта.

Литература

- Абрамова З.А., 1997. Жилища и поселения в палеолите Русской равнины. СПб. Вып. 3.
 Амирханов Х.А., 1998. (ред.): Восточный граветт. М.
 Аниконович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б., 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.
 Баскин Л.М., 1976. Поведение копытных животных. М.
 Веклич М.Ф., Сиренко Н.А., Матвилюшина Ж.Н. и др., 1993. Стратиграфическая схема четвертичных отложений Украины: объяснительная записка. Киев.
 Вишняцкий Л.Б., 2008. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб.
 Герасименко Н.П., 2004. Розвиток зональних ландшафтів четвертинного періоду на Україні: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Київ.
 Деревянюк А.П., 2005. (ред.): Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и факты. Новосибирск.
 Залізняка Л.Л., Беленко М.М., Озеров П.І., 2008. Стоянка Вись та її місце у пізньому палеоліті України // КДУ. № 11.
 Кіосак Д., 2008. Перспективи та труднощі плейстоценового калібрування // АА. № 19.
 Коен В.Ю., Степанчук В.Н., 2001. Полевые исследования стоянки Мира в 2000 году // Archaeological Discoveries in Ukraine in the years 1999–2000. Київ.
 Колосов Ю.Г., Степанчук В.Н., Чабай В.П., 1993. Ранний палеолит Крыма. Киев.
 Пазинич В.Г., 2008. Палеогеографічна інтерпретація деяких археологічних матеріалів басейну Дніпра // КДУ. № 11.
 Петрунь В.Ф., 2000. Петрографические данные // НА ІА НАНУ. Фонд експедицій. 2000/133.
 Степанчук В.И. и др. Мира. Новый позднеплейстоценовый памятник на Среднем Днепре (первые результаты полевых исследований 2000 г.).
 Попов А.А., 1961. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.
 Праслов Н.Д., Рогачев А.Н., 1982. (ред.): Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону, 1879–1979. Л.
 Пясецький В.К., 2005. До проблеми стратиграфії палеоліту // КДУ. № 7.
 Пясецький В.К., 2007. Стратиграфія деяких палеолітичних стоянок Криму, Донбасу, Придніпров'я, Житомирського Полісся, Закарпаття // КДУ. № 10.
 Рогачев А.Н., 1964. Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.

- Рогачев А.Н., 1970. Палеолитические жилища и поселения // Каменный век на территории СССР. М.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Палеолит СССР. М.
- Сапожніков І.В., Сапожнікова Г.В., 2002. Пізньопалеолітичні господарсько-побутові комплекси та житла степової України // КДУ. № 1.
- Сергин В.Я., 1974. Палеолитические жилища Европейской части СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Степанчук В.Н., 2002. Поздние неандертальцы Крыма. Киик-Кобинские памятники. Киев.
- Степанчук В.Н., 2003. Тафономия культурных остатков и включающих геологических слоев на стоянке Мира // КДУ. № 4.
- Степанчук В.Н., 2003–2004. Стоянка Мира в Среднем Поднепровье: к вопросу о гомогенности палеолитических слоев // *Stratum plus*. № 1.
- Степанчук В.М., 2004. Житлова конструкція I шару стоянки Мира // Археологія. № 2.
- Степанчук В.Н., 2005. Вопросы перехода к верхнему палеолиту в свете новых данных по Крыму и югу Восточноевропейской равнины // ТКБАЭ / ИИМК РАН. Вып. 3.
- Степанчук В.Н., Коен В.Ю., Герасименко Н.П. та ін., 2004. Багатошарова стоянка Мира на Середньому Дніпрі: основні результати розкопок 2000 року // КДУ. № 5.
- Степанчук В.Н., Петрунь В.Ф., 2008. Каменное сырье стоянки Мира на Среднем Днепре: разнообразие и предполагаемое происхождение // АА. № 19.
- Степанчук В.Н., С.Н.Рыжов, Ж.Н. Матвишинина и др., 2006. Отчет о работе Запорожской палеолитической экспедиции на стоянке Мира в 2005 г. // НА ІА НАНУ.
- ФГР, 1968 – Физико-географическое районирование Украинской ССР, 1968. Киев.
- Binford L.R., 1978. *Nunamiut Ethnoarchaeology*. New York; San-Francisco; London: Academic Press.
- Binford L.R., 1983. *In pursuit of the past: Decoding the archaeological record*. London: Thames & Hudson.
- Chirica V., Borzic I., Chetaru N., 1996. Gisement du Paléolithique Supérieure Ancien entre le Dniestr et la Tissa. Iași. (Biblioteca Archaeologica Iassensis; V).
- Demars, P.-Y., Laurent P., 1989. Types d'outils lithiques du Paléolithique supérieur en Europe // *Cahiers du Quaternaire*. No 14.
- Frison G.C., 1991. *Prehistoric hunter of the High Plains*. New York.
- Marks A.E., 1998. A New Middle to Upper Paleolithic "Transitional" Assemblage From Buran-Kaya II, Level C: a Preliminary Report // *E.R.A.U.L.* No 85.
- Otte M., 1985. Le Gravettien en Europe // *L'Anthropologie*. T. 89, No 4.
- Palma di Cesnola A., 2000. L'Aurignacien à lamelles à dos marginal de la Grotte Paglicci au Mont Garnago (Pouilles – Italie du Sud) // *E.R.A.U.L.* No 95.
- Palma di Cesnola A. 2004. (cur.) Paglicci. L'Aurignaziano e il Gavettiano antico. Foggia.
- Păunescu A., 1998. Paleoliticul și mezoliticul de pe teritoriul Moldovei cuprins între Carpați și Siret // *Studiu monographic*. București: Editura Satya Sai. Vol. I/1.
- Sinitsyn A.A., 2000. Composants Archaiques de Assemblage Lithique de Kostenki XIV (Couch 2) // *E.R.A.U.L.* No 95.
- Stepanchuk V., 2005. The Archaic to true UP interface: The case of Mira in Middle Dnieper area // *Eurasian Prehistory*. Vol. 3 (1).
- Stepanchuk V., Cohen V., Pisarev I., 1998. Mira, a New Late Pleistocene Site in the Middle Dnieper, Ukraine (Preliminary Report) // *Pyrenae*. No 29.
- Stepanchuk V., Petrougne V. Raw materials as source for tracing migration: the case of Mira in Middle Dnieper area // *Archaeometria Múhely*. 2005. Vol. 4.
- West D., 1996. Horse hunting, processing, and transport in the Middle Danube // *Paleolithic in the Middle Danube Region* / J. Svoboda, P. Skrdla, E.W. Ochse (eds.). Brno: Archeologicky ustav AV CR.

Список сокращений

- АА — Археологический альманах. Донецк
ИАЭ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КДУ — Кам'яна Доба України. Київ
НА ІА НАНУ — Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України
СПБУ — Санкт-Петербургский университет
ТКБАЭ — Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции
E.R.A.U.L — Études et recherches archéologiques de l'université de Liège

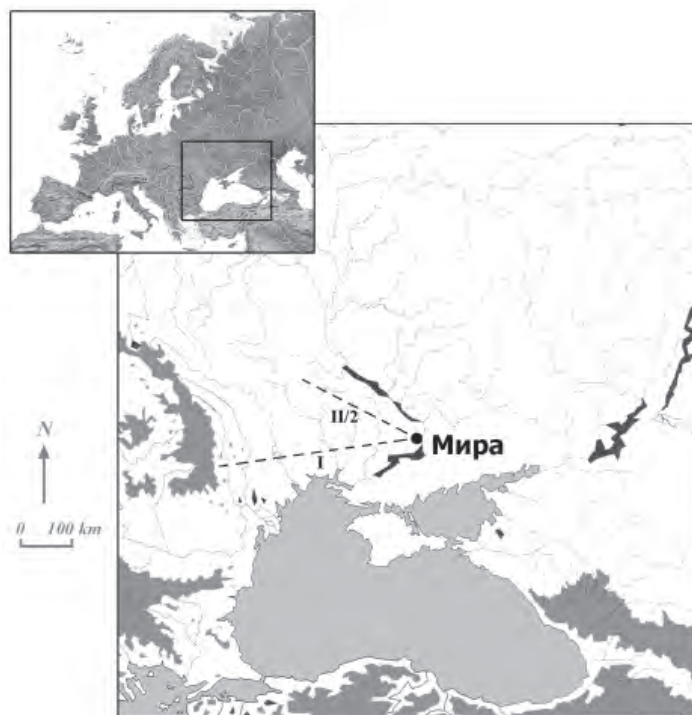

Рис. 1. Местоположение стоянки Мира. Пунктиром показаны удаленные месторождения каменного сырья, преимущественно использовавшегося в слоях I и II/1

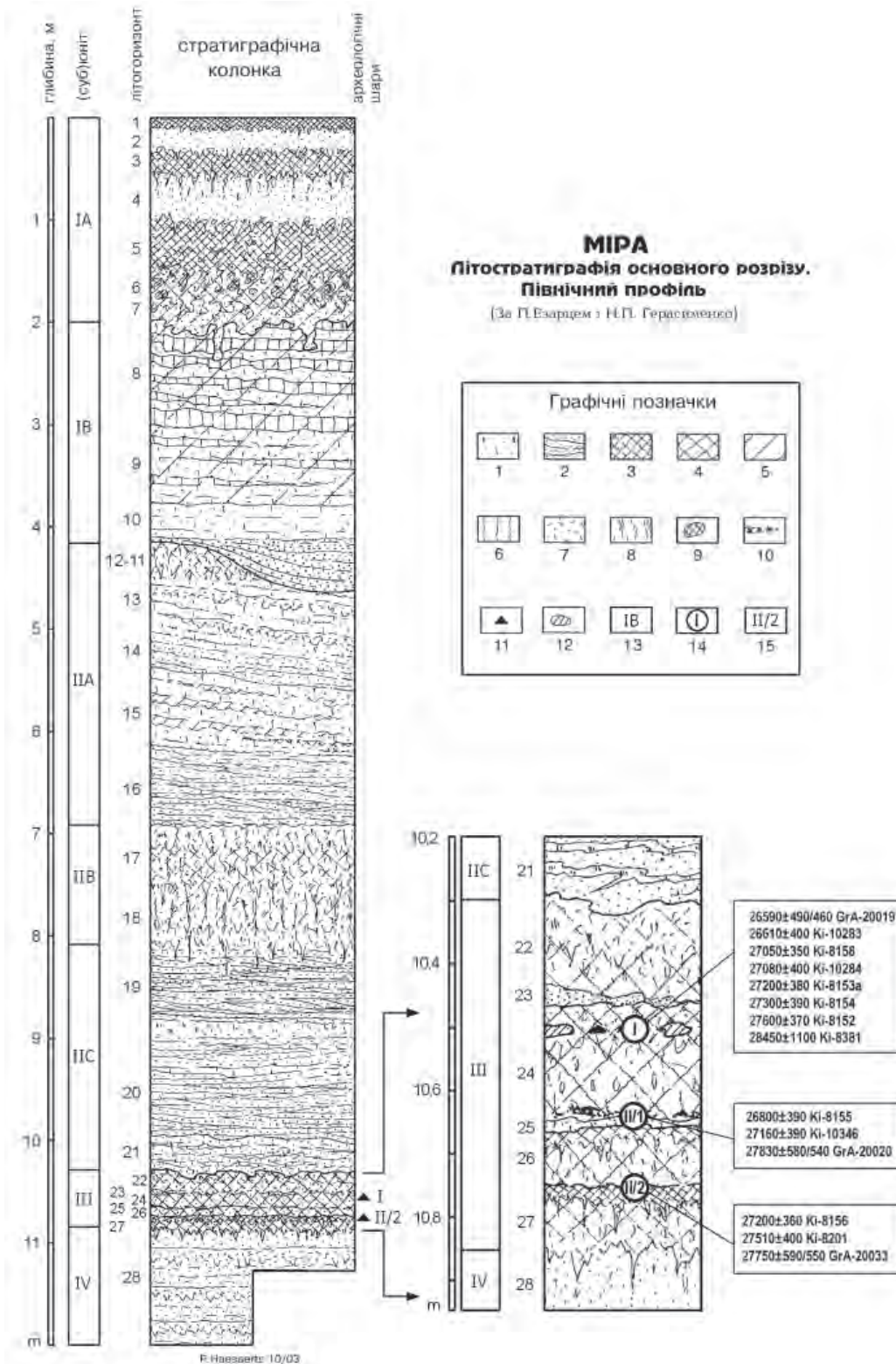

Рис. 2. Стратиграфия Миры (по Р. Haesaerts и Н.П. Герасименко): 1 – супесчаный лесс, 2 – песок, 3 – интенсивно гумусированный горизонт, 4 – слабо гумусированный горизонт, 5 – коричнево-палевый супесчаный лесс, 6 – призматическая структура, 7 – беловатый горизонт, окрашенный железом, 8 – корневище, 9 – кротовина, 10 – скопление древесного угля, 11 – артефакт, 12 – кость, 13 – литостратиграфическое подразделение, 14 и 15 – археологические слои

Рис. 3. Мира. Северо-западный сектор раскопа 2005 г., участок квадратов 30–31Г. На кв. 30Г частично вскрыты отложения под уровнем I культурного слоя. Под стенкой кв. 31Г (вскрыт частично) возобновлена стратиграфическая траншея

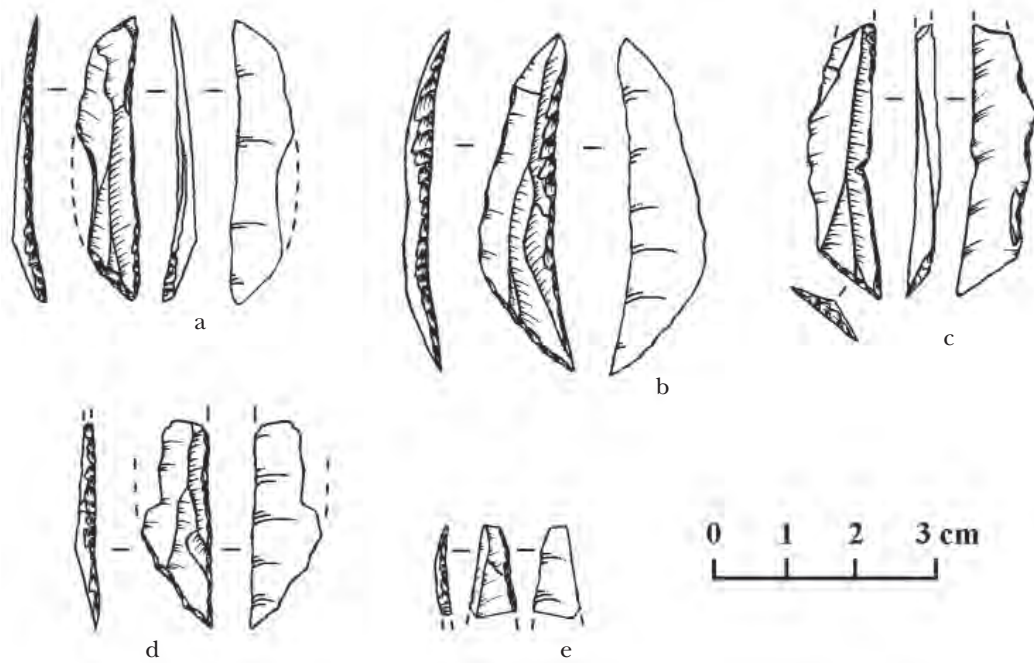

Рис. 4. Мира. Слой II/2, кремневые изделия

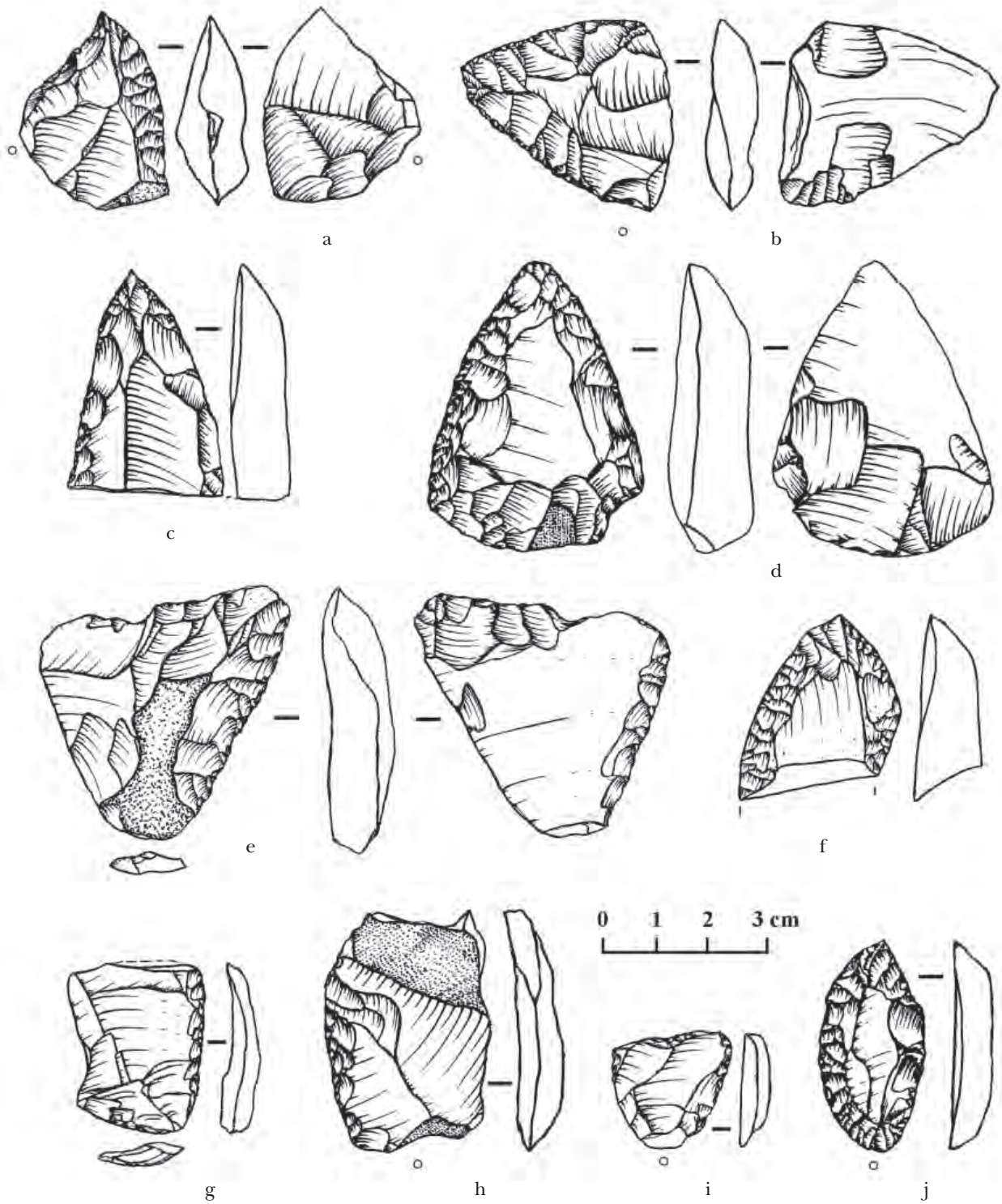

Рис. 5. Мира. Слой I, кремневые изделия

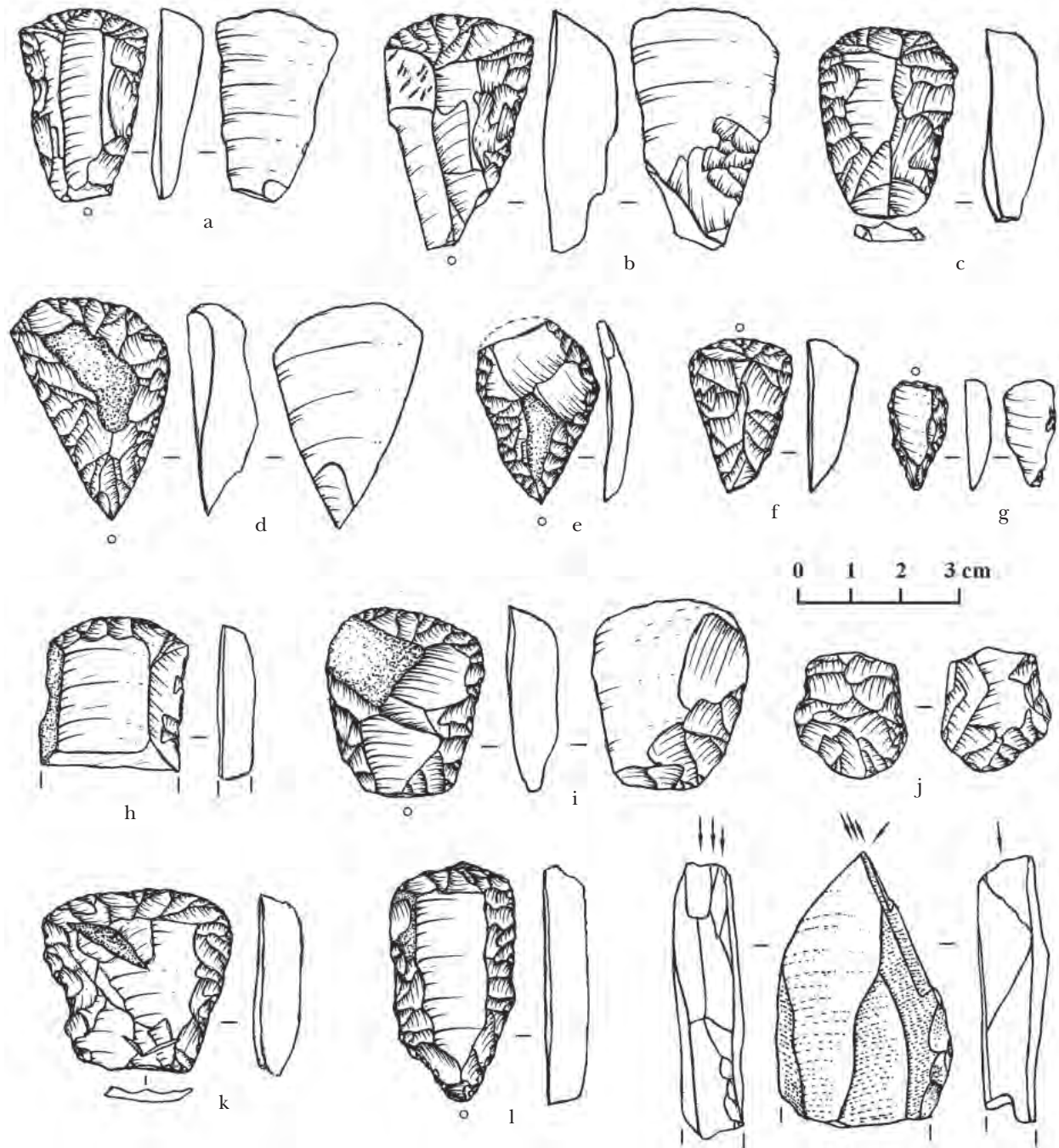

Рис. 6. Мира. Слой I, кремневые изделия

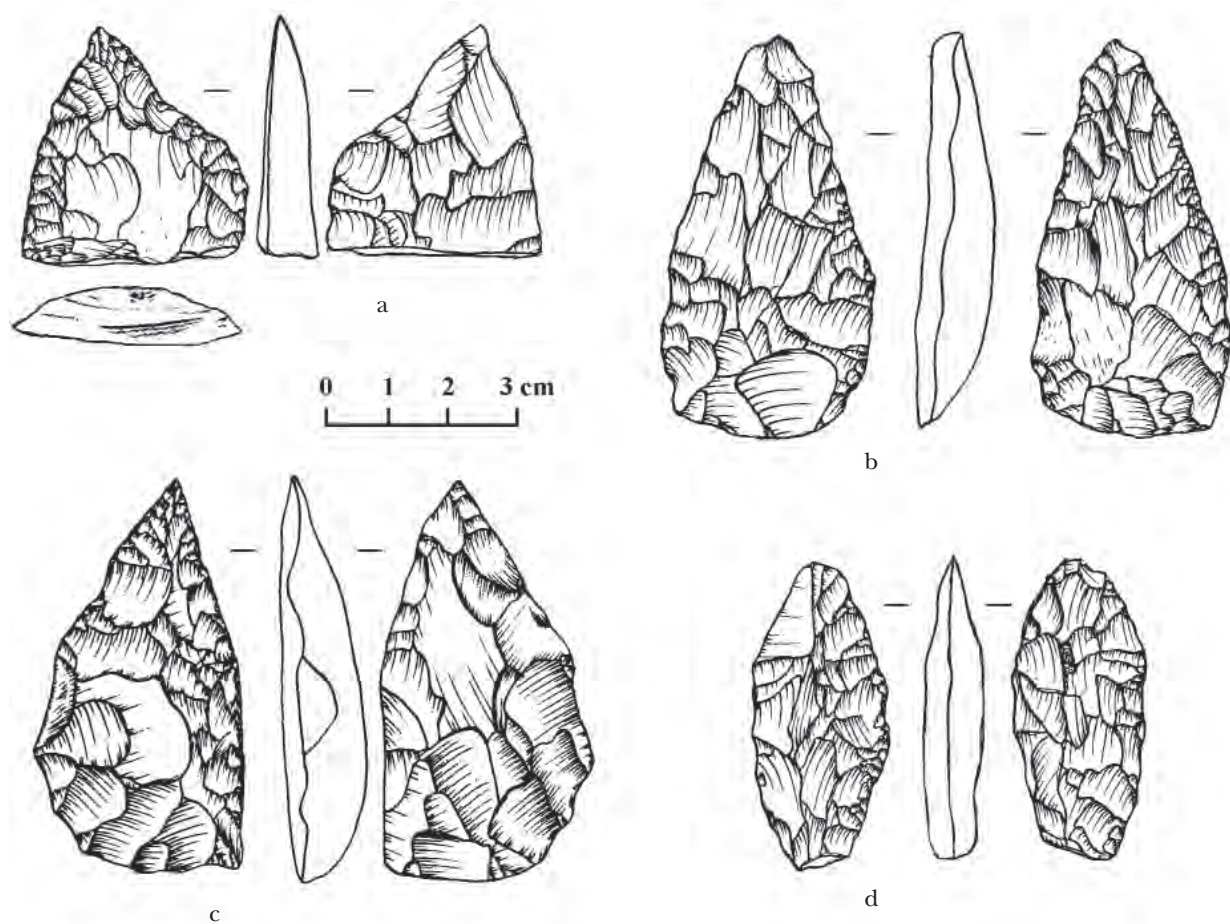

Рис. 7. Мира. Слой I, кремневые изделия

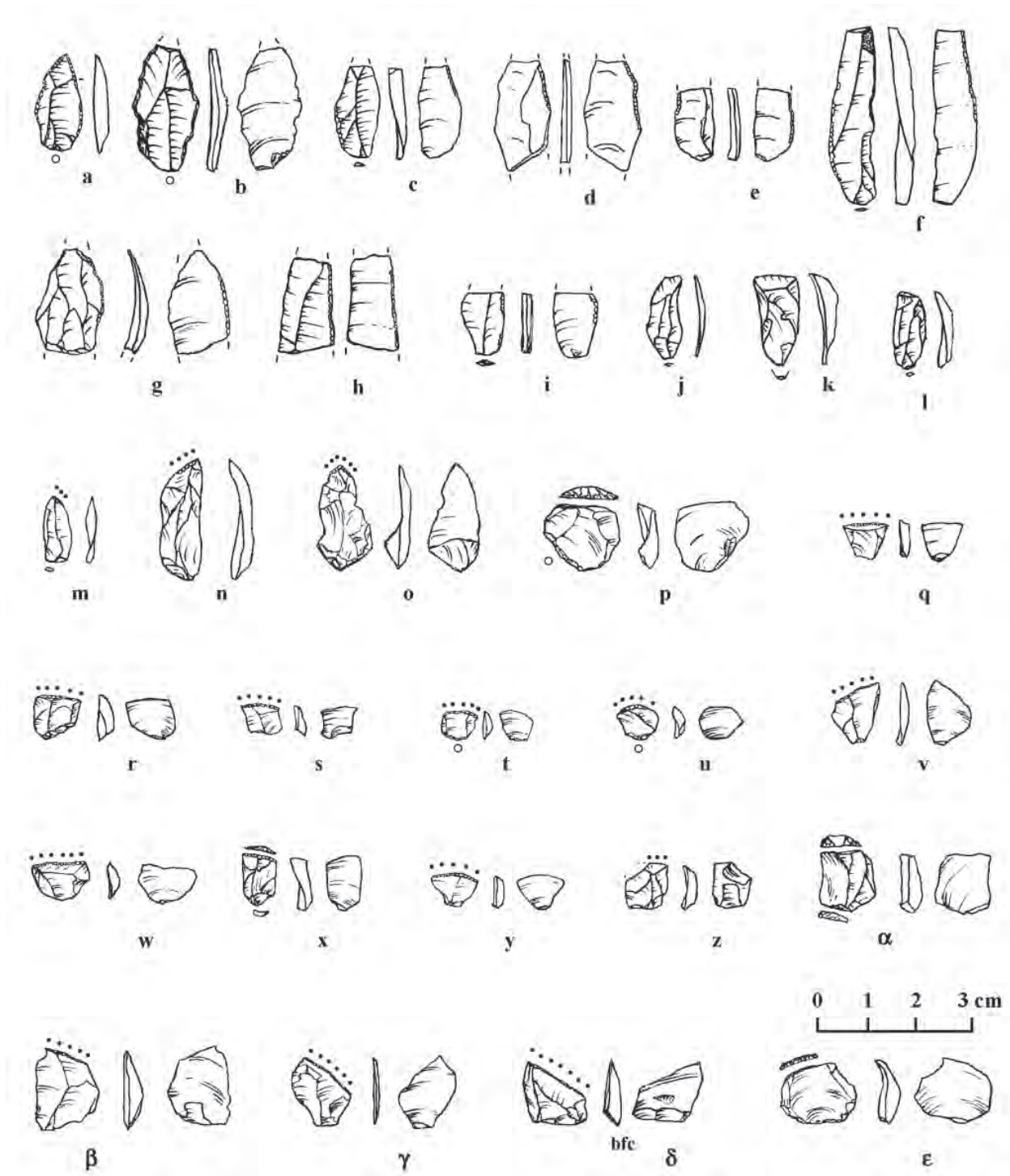

Рис. 8. Мира. Слой I, кремневые изделия

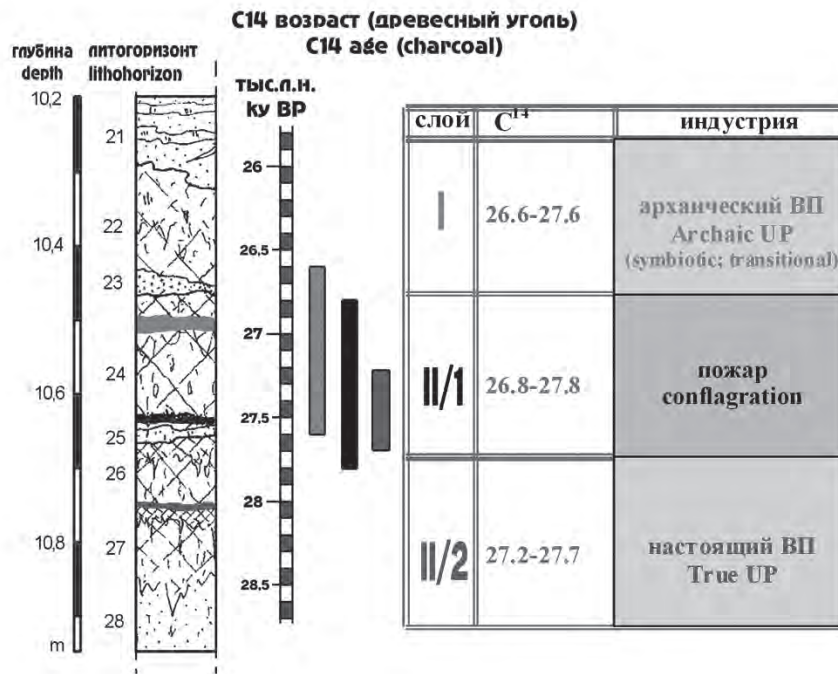

Рис. 9. Соотнесение событий и археологического контекста в последовательности стоянки Мира

Рис. 10. Ремонтаж гальки актинолитита из верхнего слоя Мира

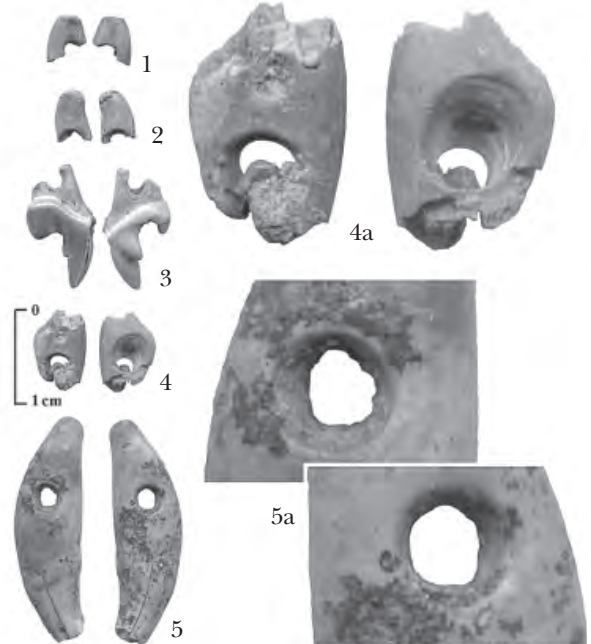

Рис. 11. Мира, слой I, украшения из зубов мелких хищников (1-5). На выноске рядом: увеличение 400% (4а, 5а)

Таблица 1

Абсолютный радиоуглеродный возраст стоянки Мира в Среднем Поднепровье

Слой горизонт	Лабораторный номер	Возраст, лет назад, некалиброванные даты	Возраст, лет назад, калиброванные даты, кривая Fairbanks0107
I	Ki-8152	27600±370	32943±420
I	Ki-8153a	27200±380	32518±434
I	Ki-8154	27300±390	32625±442
I	Ki-8158	27050±350	32359±403
I	Ki-10283	26610±400	31888±456
I	Ki-10284	27080±400	32391±453
I	Ki-8381	28450±1100	33822±11490
I	GrA-20019	26590±490/460	31866±548/516
II/1	Ki-8155	26800±390	32092±443
II/1	Ki-10346	27160±390	32476±445
II/1	GrA-20020	27830±580/540	33184±631/588
II/2	Ki-8156	27200±360	32519±413
II/2	Ki-8201	27510±400	32847±451
II/2	GrA-20033	27750±590/550	33090±642/601

Таблица 2

Список видов млекопитающих, обнаруженных на стоянке Мира (по данным О.П. Журавлева, П.В. Пучкова, Л.И. Рековца)

Вид млекопитающих				
Отряд		Наличие в культурном слое		
вид, латинское наименование	вид, русское наименование	I	II/1	II/2
Lagomorpha = Зайцеобразные				
Lepus cf. Europaens	Заяц-русак	+	-	-
Ochotona cf. pusilla	Степная пищуха	+	-	-
Rodentia = Грызуны				
Marmota bobac	Сурок степной (байбак)	+	-	-
Myospalax sp.	Цокор	+	-	-
Lagurus lagurus	Пеструшка степная	+	-	-
Eolagurus luteus	Пеструшка желтая	+	-	-
Clethrionomys sp.	Полевка лесная (рыжая)	+	-	-
Microtus gregalis	Полевка узкочерепная	-	-	+
Microtus cf. socialis	Полевка общественная	+	-	-
Microtus oeconomus	Полевка-экономка	+	-	-
Microtus arvalis-socialis	Полевка обыкновенная	+	-	-
Carnivora = Хищные				
Alopex lagopus	Песец	+	-	-
Vulpes vulpes	Лисица	+	-	-
Vulpes corsac	Корсак	+	-	-
Meles meles	Барсук	+	-	-

Таблица 2 (продолжение)

Вид млекопитающих				
Отряд		Наличие в культурном слое		
вид, латинское наименование	вид, русское наименование	I	II/1	II/2
Proboscidea = Хоботные				
Mammuthus primigenius	Мамонт	+	-	-
Perissodactyla = Непарнопалые				
Equus latipes	Лошадь широкопалая	+	?	+
Artiodactyla = Парнопалые				
Cervus elaphus	Олень благородный	+	-	-
Megaloceros giganteus	Олень гигантский	+	-	-
Rangifer tarandus	Олень северный	+	-	-
Bison priscus	Бизон	+	-	+

Таблица 3

Мира. Список пород, представленных в материалах археологических слоев I и II/2 (по данным В.Ф. Петруня)

Наименование породы	Условный код сырья	Наличие в слое I	Наличие в слое II/2
Кремень	Ia1, Ia2, Ia3, Ia4, Ia5, Ia-6 (A), Ia-6 (B), Ia-6 (B), Ia-6 (Г1), Ia-6 (Г2)	Все кроме Ia5	Ia5
Окаменелое дерево	Ib	+	-
Местный песчаник	IIa	+	-
Кварцитовидный песчаник	IIb	+	-
Цеолитизированный туф	III	+	-
Эффузивная порода	IV	+	-
Интрузивная порода	V(1)	+	-
Кварц-диабаз	V(2)	+	-
Кварц-милонит-ультралимонит	VIa	+	-
Кварцит	VIb	+	-
Актинолитит	VIIa	+	-
Амфиболит	VIIb	+	-
Мигматит или гнейс	VIII	+	-
Тектит-Молдавит (?)	IX	+	-

Особенности технологии изготовления каменного инвентаря стоянки костенковско-стрелецкой культуры Гарчи I (Северный Урал)*

*Е.Ю. Гиря** , П.Ю. Павлов****

Костенковско-стрелецкая культура является одной из древнейших культур начала верхнего палеолита Восточной Европы (Аникович, 2005). Ареал ее памятников в широтном направлении охватывает почти всю Восточно-европейскую равнину: от Северского Донца на юге (стоянка Бирючья Балка) до верховьев Камы на севере (Аникович, 2007) (рис. 1).

Самым северным (59°02' с.ш. и 56°10' в.д.) и одним из опорных памятников культуры является стоянка Гарчи I (см.: Аникович, 2007; Павлов, 2010). Раскопки стоянки проводились П.Ю. Павловым в 1990–1991 и 1995 гг. (Павлов, 2010). Общие сведения о памятнике, стратиграфия четвертичных отложений и типологический анализ коллекции каменного инвентаря стоянки опубликованы в ряде статей (Павлов, Макаров, 1998; Павлов, 2008, 2010). В данной работе публикуются результаты технологического анализа части коллекции каменного инвентаря, происходящего из раскопок стоянки в 1990–1991 гг.

Стоянка Гарчи I расположена на правом берегу Камы (Юсьвенский район Коми-Пермяцкого автономного округа Пермского края). Возраст памятника около 29 тыс. л.н. (Pavlov, Indrelid, 2000).

На стоянке выявлено два скопления культурных остатков, которые, вероятно, являются остатками наземных жилых сооружений (Павлов, 2010).

Особенности распространения культурного слоя на стоянке и состав коллекции каменного инвентаря позволяют предположить, что памятник представляет неоднократно посещавшуюся охотничью стоянку с полным производственным циклом изготовления каменных орудий.

Орудийный набор памятника содержит все основные типы, характерные для стоянок костенковско-стрелецкой культуры. Наиболее близкие аналогии прослеживаются в материалах V слоя стоянки Костенки I (Аникович и др., 2007; Аникович, 2003; Павлов, 2008, 2010).

Всего при раскопках культурного слоя памятника найдено 5 644 экз. каменных изделий. Гомогенность коллекции не вызывает сомнений. Основные данные по составу каменного инвентаря и его распределению по скоплениям приведены в таблице 1.

Традиционная технология первичного раскалывания представлена плоскими нуклеусами – 31 экз. (рис. 2, 1–3). Кроме этих изделий, в коллекции имеются пять нуклеусов, которые можно отнести к торцовым (рис. 2, 4). Несмотря на достаточно большое количество нуклеусов, сколы их систематического расщепления в качестве заготовок использовались редко.

Около половины орудий (49%) составляют треугольные двустороннеобработанные наконечники и скребки. Для инвентаря стоянки характерно также большое количество единичных форм, которые представлены, в основном, незаконченными бифасами. Ведущая форма заготовки – мелкая галька и отщеп, орудий на пластинчатых заготовках всего 4 экз. (2,5%). Состав орудийного набора стоянки приведен в таблице 2.

Наиболее выразительным элементом каменного инвентаря памятника являются треугольные двустороннеобработанные наконечники (рис. 3). В коллекции среди 29 изделий этой категории представлены как целые орудия – 13 экз., так и фрагменты наконечников

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (П-21), проект «Основные этапы освоения человеком северо-востока Европы в каменном веке» и гранта РГНФ № 8-01-94952а/Чел.

** Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

*** Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар.

Таблица 1

Стоянка Гарчи I. Каменный инвентарь и его распределение по скоплениям

Категории инвентаря	Скопление 1	Скопление 2	Всего	% от инвентаря
Куски, осколки	262	1051	1313	23,26%
Расколотые гальки	64	205	269	4,68%
Отщепы	359	647	1006	17,76%
Пластины	9	9	18	0,31%
Чешуйки	778	2066	2844	50,38%
Нуклеусы	15	23	38	0,67%
Орудия	44	112	156	2,76%
<i>Итого</i>	<i>1531</i>	<i>4113</i>	<i>5644</i>	<i>100%</i>

Таблица 2

Стоянка Гарчи I. Основные категории изделий с вторичной обработкой и их распределение по скоплениям

Категории орудий	Скопление 1	Скопление 2	Всего	% от орудий
Скребки	11	37	48	30,8%
Наконечники	9	20	29	18,58%
Скребла	4	13	17	10,9%
Резцы	6	9	15	9,61%
Острия, проколки	3	1	4	2,56%
Единичные формы	11	32	43	27,55%
<i>Всего</i>	<i>44</i>	<i>112</i>	<i>156</i>	<i>100%</i>

(12), заготовки или неудавшиеся изделия (4) (рис. 3, 13–18). Среди фрагментов больше всего (9) острых наконечников, обломившихся на стадии отделки.

Выделяется несколько подтипов треугольных наконечников.

Первый представлен типичными для костенковско-стрелецкой культуры треугольными наконечниками со слабой выемкой в основании и оттянутым углом базы. Наиболее близкие аналогии имеются в коллекции пятого слоя Костенок I и стоянке Сунгирь (рис. 3, 2–3, 11).

Второй подтип – треугольные вытянутые наконечники с прямой базой (рис. 3, 5, 7). Этот подтип среди стрелецких индустрий найден на стоянках Сунгирь и Бирючья Балка. Заготовка подобного наконечника с одним выпуклым, а вторым вогнутым краем идентична сунгирской (рис. 3, 6).

Довольно большую серию (5 экз.) составляют треугольные наконечники с необработанной базой (рис. 3, 9–10, 12). Полной уверенности в том, что это полностью законченные изделия нет, поэтому они в отдельный

подтип не выделены. Подобные наконечники представлены и в инвентаре стоянки Сунгирь.

Два наконечника, найденные на стоянке Гарчи, представляют особые подтипы. Один из них – удлинённый крупный наконечник с выраженным оттянутым шипом базы (рис. 3, 1). Особым подтипом, вероятно, является и крупный наконечник с частичной двусторонней обработкой и глубокой пологой выемкой в основании, образующей два шипа (рис. 3, 4). Аналогий этому наконечнику в памятниках стрелецкой культуры нет.

Скребки составляют самую многочисленную категорию орудий в коллекции. Преобладают концевые скребки на подтреугольных отщепах с вентральной подтеской (рис. 4, 1, 4–9). В коллекции представлены и обычные концевые скребки на отщепах (рис. 4, 17–20). Выделяются небольшие округлые скребки с вентральной подтеской, изготовленные на небольших гальках (рис. 4, 12–13). Оригинальной формой являются также скребки с шипом на лезвии (рис. 4, 10).

Важной особенностью каменного инвентаря верхнего слоя стоянки Гарчи I является

ся присутствие в нем «ориньякских» форм скребков, в том числе кареноидных (рис. 4, 2–3, 15–16).

Скребла представлены продольными односторонними формами на пластинчатых заготовках (рис. 2, 5–7). Одно из орудий, изготовленное на плитке кремня, имеет лезвие, обработанное плоско-выпуклой ретушью (рис. 5, 5).

Среди изделий с резцовым сколом, большая часть которых аморфна, выделяются серия трансверсальных резцов (рис. 2, 13–14). В коллекции есть несколько резцовых сколов, снятых с ретушированной площадки, которые свидетельствуют о достаточно развитой технике изготовления резцов.

Среди единичных форм выделяется массивная стамеска на крупном пластинчатом сколе. Выемчатый рабочий край расположен на дистальном конце заготовки и обработан чешуйчатой ретушью, формирующей массивное высокое лезвие с угловыми шипами (рис. 2, 11). Найдены также плитки кремня с двусторонней ретушью (рис. 2, 8). В коллекции имеется нож на первичном отщепе с рабочим краем, обработанным двусторонней плоской ретушью (рис. 2, 9). Орудие имеет диагональный обушок, образованный грубой обивкой. Эта форма типична для мустьерских комплексов восточного микока. Остальные изделия единичных форм представлены зубчато-выемчатыми изделиями (рис. 2, 10) и обломками и заготовками бифасов (рис. 2, 12).

На технологический облик коллекции памятника наложила большой отпечаток функциональная особенность стоянки, где, в основном, изготавливались предметы охотничьего вооружения — наконечники стрел (?) и копий.

Для изготовления орудий обитатели стоянки использовали почти исключительно галечное каменное сырье из аллювиальных отложений р. Кама, весьма разнообразное по составу: кремнистый сланец черного цвета (62%); кремень разнообразных цветов, в основном, серо-голубой девонского возраста (24%); яшму и яшмовидные породы (10%); аргиллит (1%); кварцитопесчаник (1%), другие кремнистые породы (2%).

В составе коллекции преобладают изделия из кремнистого сланца черного цвета грубой, средней и мелкой зернистости. Это сырье местного происхождения, большая часть его, по-видимому, происходит из аллювиальных отложений, поскольку многие первичные сколы в коллекции имеют следы характерной

окатанности естественных поверхностей. Куски сланца имеют продольную слоистость. К основным отрицательным качествам этого вида сырья следует отнести наличие продольной и поперечной трещиноватости, которая, безусловно, ограничивала возможности мастера в производстве изделий крупных размеров. В коллекции представлены также предметы из достаточно тонкозернистых разновидностей кремня и алевролита, обладающие гораздо более высокими пластическими качествами.

Продукты расщепления очень четко разделяются на две группы, относящиеся к двум самостоятельным технологическим контекстам, отражающим применение двух различных по сути технологий расщепления. Это: 1) производство тонких бифасов и 2) получение специализированных заготовок для производства скребков высокой формы и, возможно, орудий иных типов, из мелких галек кремня и алевролита.

Последняя технология состояла в продольном расщеплении галечного сырья удлиненной формы на жесткой наковальне жестким (каменным) отбойником. Ее целью было получение максимально длинного скола. В коллекции достаточно широко представлены полученные таким образом относительно толстые сколы-заготовки и расколотые вдоль гальки-нуклеусы.

Несмотря на естественную исходную форму и отсутствие следов предварительной подготовки (изготовления пренуклеуса определенного вида), данное расщепление можно признать стадийным, поскольку для обработки отбирались достаточно стандартные по форме и размерам овальные гальки удлиненных пропорций. Сколы с таких нуклеусов также имеют достаточно определенную (повторяющуюся) форму.

Техника скола может быть определена как контрударная с использованием каменных отбойника и наковальни. По всей видимости, с таких нуклеусов обычно снималось очень небольшое количество сколов-заготовок, после получения одного — двух (реже — трех) снятий ядрище приходило в негодность.

Технология производства бифасиальных форм в индустрии стоянки несколько более сложная. Выделяются две стадии расщепления, в ходе которых изменялись не только форма обрабатываемого предмета, но и применяемая техника скола: 1) оббивка — создание бифасиального ребра по всему периметру предмета расщепления (естественного плит-

Таблица 3

Характеристика бифасиальных изделий стоянки Гарчи I

Стоянка	Максимальная ширина (мм)	Максимальная толщина (мм)	Бифасы. Отношение ширины к толщине			Материал
			Завершенные		Незавершенные	
			заготовка неизвестна	заготовка на отщепе		
	27,5	6,5	4,2			Алевролит
	36,2	7,8	4,6			Сланец
	26,5	6,1	4,3			Кремень
	23,3	6,3	3,6			Кремень
	34,5	10			3,4	Кремень
	38,8	15,1			2,5	Сланец
	33,4	6,1	5,4			Сланец
	24,4	5,2	4,6			Сланец
Гарчи I	27,8	10			2,8	Сланец
	23,9	5,6	4,2			Сланец
	31,2	5,2		6		Сланец
	33	5		6,6		Сланец
	31,2	9,8			3,2 (на отщепе)	Сланец
	27,5	5,5			5 (на отщепе)	Сланец
	28,1	8,1			3,5 (на отщепе)	Сланец
ИТОГО			7	2	6	ВСЕГО: 15

Таблица 4

Характеристика технологических сколов индустрии стоянки Гарчи I

Осколки	Отщепы	Пластинчатые отщепы	Фрагменты сколов обработки бифасов	Фрагменты бифасов	Сколы обработки бифасов		
					С широкой площадкой без редуцирования карниза	С редуцированной площадкой	
> 300	60	6	102	> 10	39	7	22
					68		

чатого обломка или же отщепа) без специальной подготовки зон расщепления ударной техникой скола (каменный отбойник); 2) отделка – относительное утончение профиля и выравнивание поверхностей изделия сколами от уже готового бифасиального ребра, с регулярным применением изолирования участка поверхности скалывания, примыкающего к зоне расщепления и редуцирования (иногда включающего слабую пришлифовку кромки площадки). Техника скола ударная (каменный отбойник). Изготовление бифаса завершалось выравниванием кромки ребра по всему периметру. Этот заключительный этап обработки вряд ли может быть признан за отдель-

ную стадию расщепления, так как, по-видимому, не был связан ни с применением какой-либо иной (к примеру, отжимной) техники скола, ни с использованием сколько-нибудь более систематического расположения отдельных снятий. Общее количество, размеры и технологически значимые характеристики бифасиальных изделий со стоянки Гарчи I показаны на таблице 3.

Бифасы с наибольшей разницей между шириной и толщиной (6–6,6 раза) изготовлены из крупных отщепов черного сланца. Предметы со сплошной бифасиальной обработкой двух сторон имеют меньшее соотношение ширины и толщины в среднем 4,5. Интересно от-

метить, что качество сырья не имело в данной индустрии решающего значения. Изделия из кремня и алевролита не отличаются меньшей относительной толщиной, что, по всей видимости, свидетельствует о применении единой технологии расщепления при обработке сырья с различными пластическими свойствами. Причем сырье лучшего качества обрабатывалось так же, как и грубозернистый кремнистый сланец.

Технология производства тонких бифасов в данной индустрии, тем не менее, достаточно примитивна. При наличии отдельных признаков изолирования поверхности скалывания для получения сколов вторичного утончения, не прослежено никаких следов изолирования или освобождения площадок этих снятий. Утончение достигалось лишь благодаря тщательному редуцированию зон расщепления, иногда сопровождавшемуся слабой пришлифовкой бифасиальной кромки.

В целом, облик индустрии стоянки Гарчи I определяется подавляющим превосходством техники бифасиальной обработки, см. таблицу 4.

Орудия на пластинчатых заготовках представлены в коллекции единичными экземплярами, а среди сколов систематического расщепления пластин нет.

Среди иных стрелецких индустрий Восточноевропейской равнины индустрию стоянки Гарчи I особенно отличает присутствие контрударного расщепления галек. Возможно, решающую роль в данном случае сыграла форма имевшегося в наличии исходного сырья. В стрелецких индустриях Костенок, стоянки Сунгирь и многочисленных мастерских Бирючьей Балки (Матюхин, 2006) галеч-

ное сырье отсутствует. Но, по крайней мере, в некоторых из них, наряду с изготовлением тонких бифасов, можно найти следы производства пластин. Что наиболее ярко представлено в сунгирской индустрии. Несмотря на типологическую близость с изделиями перечисленных выше индустрий, двустороннеобработанные формы со стоянки Гарчи I также несколько отличны от таковых в иных памятниках костенковско-стрелецкой культуры. Наконечники коллекции стоянки Гарчи I – это тоже тонкие бифасы, но они изготавливались в соответствии с несколько иной, более простой технологией. Причем эта особенность лишь с трудом может быть объяснена просто спецификой местного сырья. Вполне допустимо, что изготовление тонкого бифаса с отношением ширины к толщине более 8–9-ти раз из черного кремнистого сланца (основного вида сырья на памятнике) было проблематично. Но такие изделия, безусловно, можно было изготавливать из кремня и алевролита, применяя весь комплекс приемов вторичного утончения бифасов, свойственный для иных стрелецких технологий (редуцирование, изолирование, освобождение и абразивная обработка зоны расщепления в сочетании с изолированием прилегающего к зоне расщепления участка поверхности скалывания). Есть, однако, некоторые основания полагать, что наличие продольной слоистости черного кремнистого сланца само по себе каким-то образом способствовало производству достаточно тонких изделий без особо изощренных приемов подготовки сколов вторичного утончения. Но и в этом случае остается неясным, почему при обработке кремня и алевролита использовалась все та же технология.

Литература

- Аникович М.В., 2003. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (14).
- Аникович М.В., 2005. Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (22).
- Аникович М.В., 2007. Пути становления верхнего палеолита Восточной Европы и Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (29).
- Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б., 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.
- Матюхин А.Е., 2006. Многослойные палеолитические памятники в устье Северского Донца // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: (материалы Междунар. конф. к 125-летию открытия палеолита в Костенках). СПб. (ТКБАЭ; вып. 4).

Павлов П.Ю., 2008. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (33).

Павлов П.Ю., 2010. Стоянка Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры на Верхней Каме (Северный Урал) // Археологические вести. № 16 (2009). СПб. С. 16–28.

Павлов П.Ю., Макаров Э.Ю., 1998. Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы // Северное Приуралье в эпоху камня и металла Сыктывкар. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; вып. 15).

Pavlov P., Indrelid S., 2000. Human Occupation in Northeastern Europe during the period 35 000–18 000 // Hunters of the Golden Age: The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30 000–20 000 BP / W. Roebroeks (ed.). Leiden.

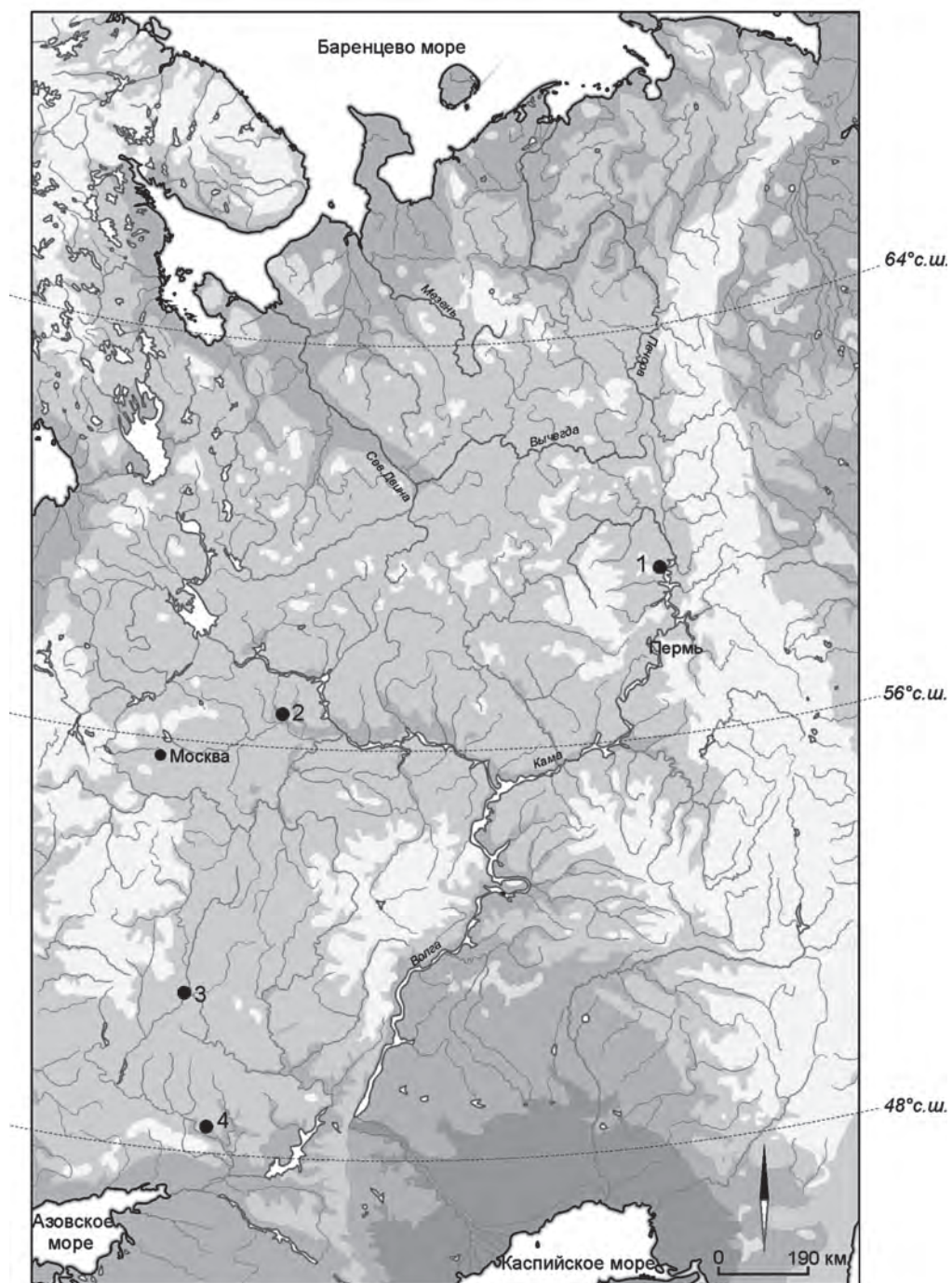

Рис. 1. Карта памятников костенковско-стрелецкой культуры:
1 – Гарчи I; 2 – Сунгирь; 3 – Костенки; 4 – Бирючья Балка II

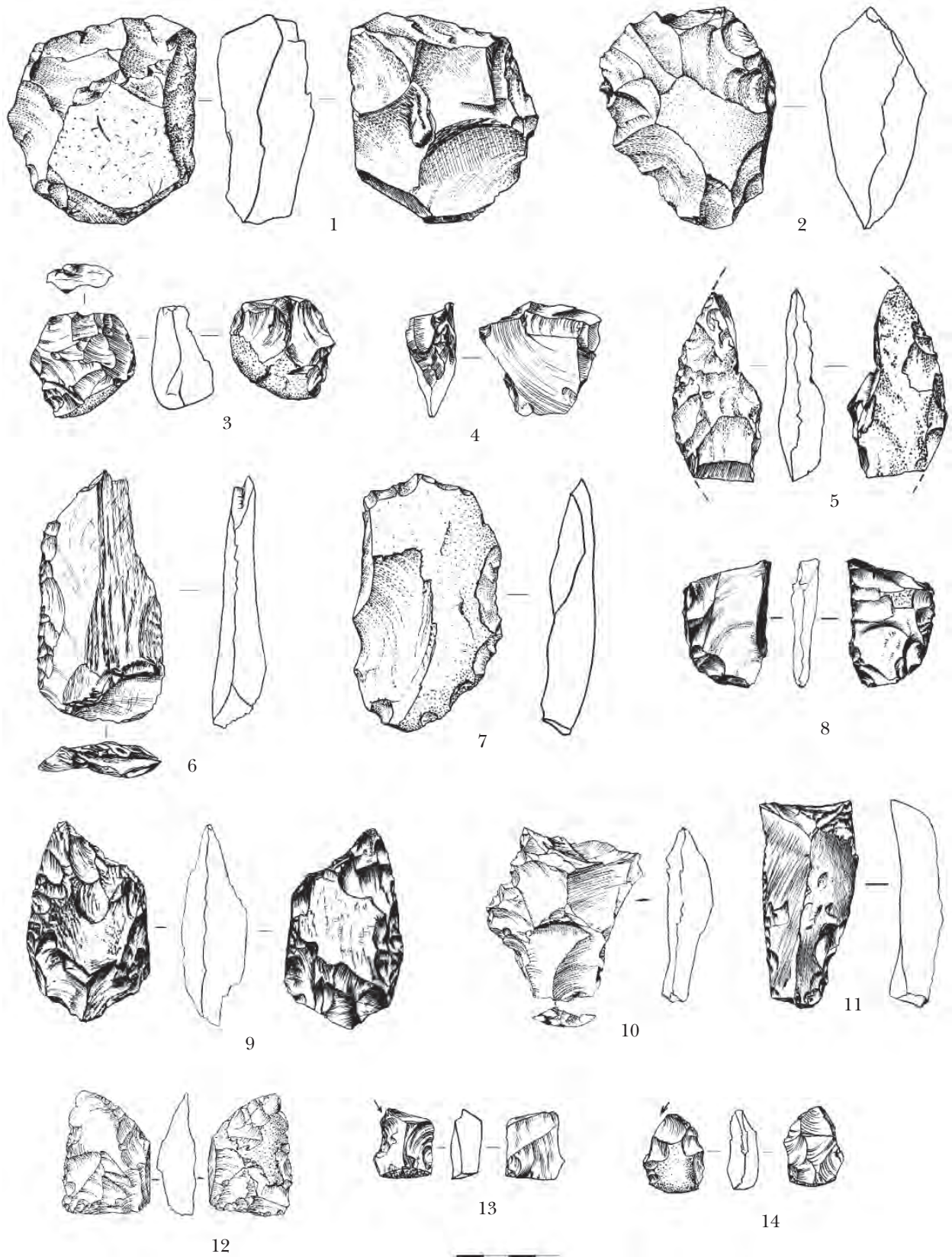

Рис. 2. Стоянка Гарчи I. Каменный инвентарь: 1-4 – нуклеусы; 5-7 – скребла; 8 – плитка кремня с двусторонней ретушью; 9 – обушковый нож; 10 – зубчато-выемчатое орудие; 11 – стамеска; 12 – бифас; 13-14 – резцы

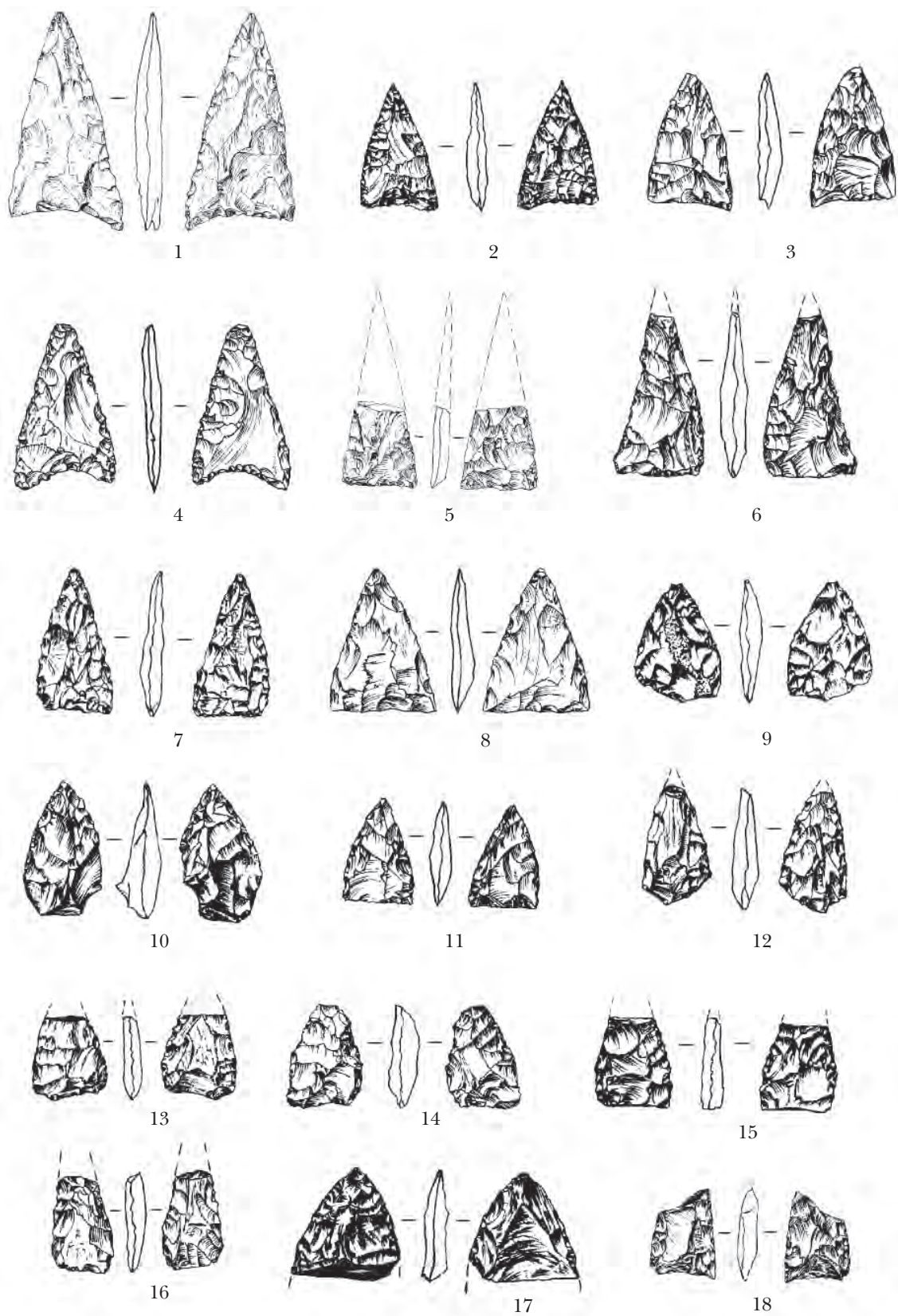

Рис. 3. Стоянка Гарчи I. Каменный инвентарь: 1–18 – треугольные наконечники

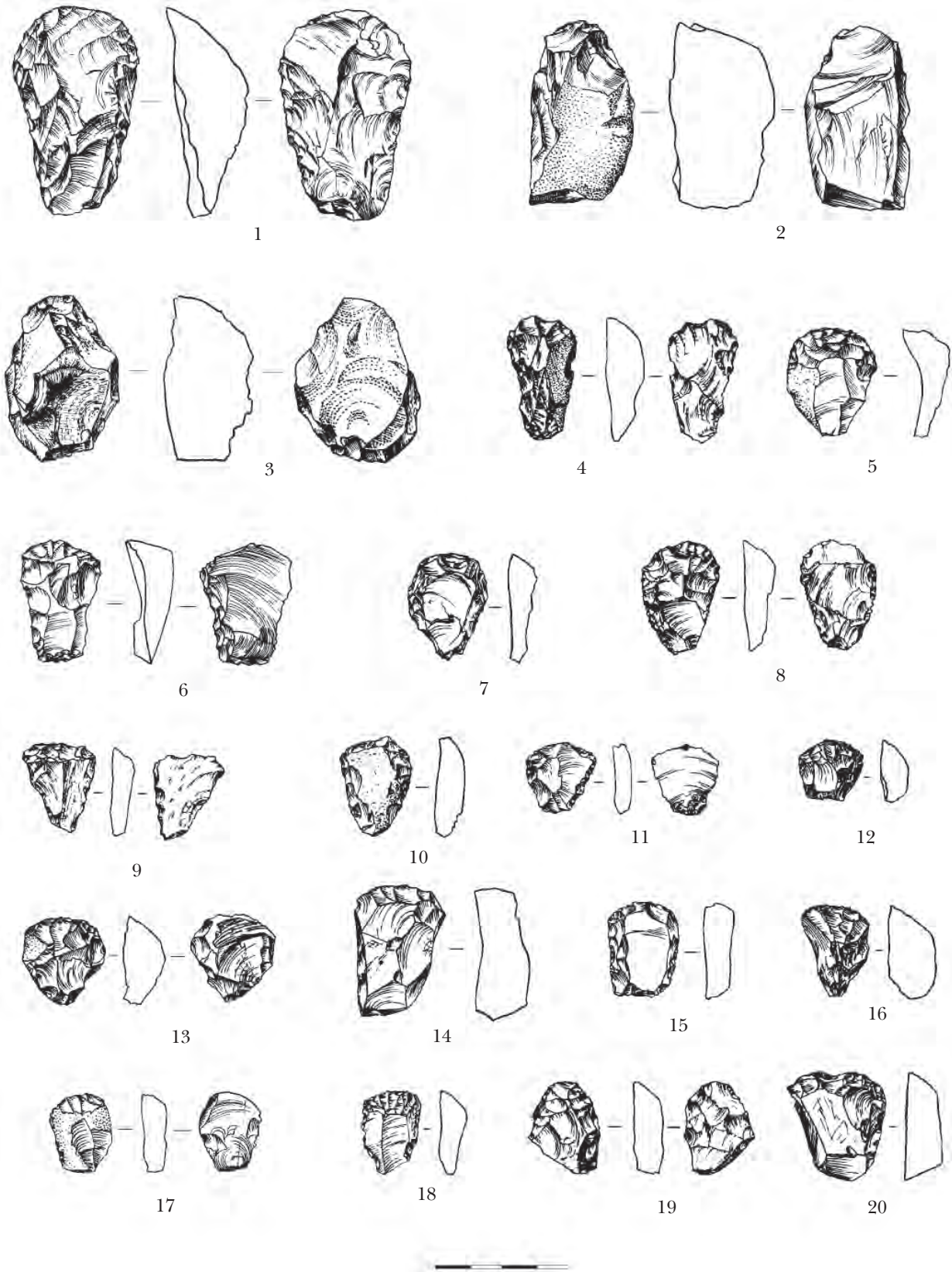

Рис. 4. Стоянка Гарчи I. Каменный инвентарь: 1-20 – скребки

Стоянка Хотылёво 6 (слой 3): предварительные итоги раскопок 2004 г.

*К.Н. Гаврилов**

До недавнего времени изучение верхнего палеолита Подесенья было ограничено памятниками, хронологическая позиция которых находилась в пределах, выделяемых для Русской равнины средней и поздней поры этой эпохи, то есть примерно от 24 до 14 тыс. л.н. согласно общепринятой радиоуглеродной хронологии. Более ранний хронологический пласт остается практически неизвестным. То, что подобная ситуация не отражает реальной исторической картины, было очевидно. Наличие в Верхнем Подесенье мустьерских стоянок (Заверняев, 1978; Тарасов, 1995), присутствие на территории бассейнов других великих рек Восточной Европы памятников, относящихся не только к ранней, но и к начальной поре верхнего палеолита (Аникович и др., 2007; Сеницын, 2002; Павлов, 2004; Матюхин, 2006; Черныш, 1987; Пясецкий, 1991), — все это свидетельствует в пользу перспективности поиска раннего верхнего палеолита в долинах Десны и ее притоков. Один из наиболее благоприятных в этом отношении участков для подобных исследований — округа села Хотылёво в Брянском районе Брянской области.

Первые результаты, связанные с исследованием ранней поры верхнего палеолита, были получены в результате раскопок Хотылёвской археологической экспедицией Института археологии РАН третьего культурного слоя на стоянке Хотылёво 6. Этот памятник был обнаружен в 1950-е годы Ф.М. Заверняевым. В 1981 г. исследовался А.Н. Сорокиным, в слое голоценовой почвы им были обнаружены очаги, собрана коллекция керамики, относившейся автором к среднеднепровской культуре, а также большое количество расщепленного кремня. Кроме того, в слое погребенной криотурбированной почвы, залегавшей на более чем трехметровой глубине от современной поверхности, А.Н. Сорокиным были найдены

кремневые изделия, которые исследователь датировал эпохой мустье.

Площадка, на которой располагается стоянка, представляет собой мысовой выступ, образованный бортом долины Десны и левым склоном Кладбищенской балки, в 700-х метрах к западу от стоянки Хотылёво 2 (рис. 1 и 2).

В 2004 г. Хотылёвской археологической экспедицией здесь в раскопе 1 были вскрыты два культурных слоя, относящиеся к эпохе верхнего палеолита. Стратиграфия отложений, зафиксированная в раскопе, имеет следующую последовательность (рис. 3 и 4).

Голоценовая почва (слой 1) представлена серой и светло-серой супесью. Серая супесь — пылеватая, биотурбированная. Изначально ровная нижняя граница — волнистая, за счет деятельности почвенной фауны, содержит мелкие фрагменты керамики и расколотый кремь (культурный слой 1). Это пахотный горизонт современной почвы, перекрытый и проработанный корнеходами из дернины, его средняя мощность составляет около 0,3 м. Пахотный горизонт подстилается светло-серой супесью, в нижней части приобретающей белесую окраску. Светло-серая супесь — легкая, пылеватая. В ней прослеживаются корнеходы и следы деятельности землероев. Средняя мощность светло-серой супеси — около 0,24 м. Современная почва залегаёт с небольшим уклоном к северо-востоку, согласно с рельефом мысового участка. Светло-серая супесь отчетливо прослеживалась в восточной, северной и западной стенках раскопа 1. К югу ее мощность уменьшалась, и в южной стенке раскопа она не была зафиксирована.

Слой современной почвы подстилался линзами неравномерно окрашенной супеси — коричневато-ржавой за счет ожелезнения и белесой за счет кремнеземистой присыпки, включенными в толщу легкого бурого суглин-

* Учреждение Российской академии наук Институт археологии РАН, Москва.

ка (слой 2). Толщина этих линз составляла от 0,12 до 0,23 м, мощность суглинка — 0,3–0,4 м. С верхом слоя 2 связаны изделия из расщепленного кремня — культурный слой 2. Суглинок слоя 2 подстилается ортзандами (слой 3). В свою очередь, слои ортзандов представлены чередованием переплетающихся прослоев темно-ржавого и белесого суглинка. В верхней части ожелезненные прослои имеют мощность до 15 см, в нижней истончаются до 3–5 см. Простирание прослоев в целом субгоризонтальное. Переход к нижележащему слою — плавный, по цвету и исчезновению четких ортзандов. Понижения ортзандов маркировали псевдоморфозы по повторно-жильным льдам, которые были зафиксированы в северной, восточной и западной стенках раскопа.

Горизонт ортзандов подстилался влажным суглинком палевого цвета с коричневым и серым оттенками (слой 4). Мощность суглинка в среднем составляла около 1 м, максимальная мощность достигала 1,6 м. Суглинок содержал многочисленные включения ожелезненных частиц, которые образовывали характерную сетку и залегали согласно с горизонтом ортзандов. В северной половине раскопа ожелезненные частицы были зафиксированы вплоть до уровня культурного слоя 3. В толще палевого суглинка были также зафиксированы две прослойки сероватосизового суглинка с включениями карбонатов. Эти прослойки толщиной от 0,1 до 0,2 м залегали субгоризонтально с небольшим наклоном к северо-востоку на глубинах 2 и 2,3 м от современной дневной поверхности и простирались на всей площади раскопа. По всей видимости, названные прослойки отмечают перерывы в осадконакоплении, связанные с существованием стабильных поверхностей на данном участке. Каких-либо находок в прослойках зафиксировано не было. Поверхности прослоев маркировались линзами белого кварцевого песка толщиной от 2 до 6 см. В профиле южной стенки была зафиксирована трещина, спущенная с поверхности нижней прослойки и заполненная песком. Ширина трещины в верхней части составила около 5 см, глубина — до 0,8 м. Трещина достигала поверхности погребенной брянской почвы.

Нижняя сизовато-серая прослойка подстилалась тяжелым влажным суглинком бурого цвета с коричневым оттенком (слой 5). В профиле восточной стенки суглинок приобрел серую окраску, а в профиле северной

стенки содержал большое количество ожелезненных включений. Толщина этого суглинка составила от 0,2 до 0,4 м, уменьшаясь в северо-восточном направлении. В толще бурого суглинка на уровне –7,5/–7,56 м были отмечены прослойки гумусированного материала, особенно отчетливо читавшиеся в профиле южной стенки. Толщина прослойки в среднем составляла около 3 см, иногда достигая 5–6 см. Над ними был также отмечен горизонт песчаных линз толщиной до 2 см, залегавших на 6 см выше. Гумусированная прослойка была рассечена трещинами, спускавшимися в нижележащие слои и разбивавшими погребенную брянскую почву. Никаких находок в гумусированной прослойке не было сделано.

Погребенная брянская почва (слой 6) залегала непосредственно под слоем тяжелого бурого суглинка. Она была представлена переотложенным склоново-мерзлотными процессами материалом: в верхней части залегал серовато-коричневый, серый и темно-серый суглинок, ниже — затеки прокрашенного в оттенки от черного до серовато-коричневого гумусированного материала, разбитые системой трещин. Заполнение трещин варьировалось в зависимости от ширины: крупные (около 1 см шириной) были заполнены оглееным серым с белесоватым оттенком суглинком, низы трещин шириной менее 0,5 см были заполнены коричневатосерым суглинком. В слое фиксировались многочисленные включения меловой крошки, в т.ч. сильно выветрившейся. Погребенная почва включала многочисленные гальки, а также желваки и обломки темно-серого местного плитчатого кремня. Расколотый кремь залегал в линзах темно-серого и серовато-коричневого (иногда — черного) гумусового материала (культурный слой 3). Залегание обломков и расколотого кремня было как субгоризонтальным, так и наклонным по контакту с трещинами. Общая мощность погребенной почвы составила от 0,4 до 0,5 м. Как уже было указано выше, брянская почва на участке раскопа 1 подверглась воздействию склоново-мерзлотных процессов, которые привели к ее частичному переотложению. Однако степень этого переотложения была неравномерной по всей площади раскопа, что в частности отразилось в профилях разрезов погребенной почвы. Прежде всего, необходимо отметить, что практически во всех профилях было прослежено однообразное чередование по вертикали почвенного материала. Оно проявлялось в том, что максимально гумуси-

рованные линзы суглинка, имевшие окраску от серовато-коричневого до черного, всегда подстилались менее гумусированным суглинком серого, серо-бурого или даже бурого цвета. Эта последовательность нарушалась только трещинами. Последние, в свою очередь, могут быть разделены на три стратиграфических группы. В первую входят трещины, спущенные с уровня поверхности погребенной почвы, во вторую — с уровня срединной части почвенной толщи, и, наконец, в третью группу могут быть включены трещины, заложенные на уровне основания погребенной почвы. Самое важное то, что трещины первой и второй групп связаны с линзами сильно-гумусированного суглинка. В этих же линзах фиксировался и расщепленный кремний. Толщина таких линз в среднем составляла от 2 до 6 см, но в некоторых случаях достигала 10–12 см. Наиболее выразительные прослойки гумусированного материала проявились в профиле южной стенки. Всего было зафиксировано три таких прослойки. Они разделялись слабо гумусированной породой толщиной от 5 до 12 см. Интересно, что они залегали наклонно в западном направлении, то есть в сторону, противоположную современному склону. Перепад глубин залегания прослоек достигал 40 см на протяжении 3 м в направлении с востока на запад, то есть был довольно значительным. Кремний в профиле южной стенки был зафиксирован в связи с верхней и нижней прослойкой гумусированного суглинка.

Погребенная почва подстилась слоистыми песками (слой 7), частично пройденными в шурфе № 4, заложенным в 2001 г.

Культурный слой 3 (геологический слой 6), как уже было отмечено, связан с гумусированным суглинком, имевшим окраску от серовато-коричневого до черного цвета. В толще суглинка, в линзах гумусированного материала, залегали расколотые кремнии, а также кремневые гальки и желваки. В плане, после горизонтальных зачисток, гумусированный суглинок выглядел как неравномерно окрашенные пятна, обычно подтреугольной или сегментовидной формы (рис. 5 и 6). Это было связано с тем, что трещины разбивали погребенную брянскую почву на полигоны, которые в дальнейшем смещались и становились наклонными. Соответственно, во время горизонтальных зачисток оказывалась вскрытой только верхняя часть такого полигона. Границы полигонов, как правило, выявлялись после разборки верхней половины толщи погребенной

почвы. Их размеры в поперечнике обычно составляли от 15 до 30 см, однако в северной половине раскопа на кв. Г/Ж-2/3 были зафиксированы крупные полигоны размерами 0,5 до 0,7 м.

Гумусированный слой погребенной почвы залегал с небольшим наклоном в северо-восточном направлении. Наиболее высокая позиция была зафиксирована на площади кв. 3-7, где гумус фиксировался на отметке -7,5 м. Понижение было достаточно плавным и в северо-восточном секторе раскопа 1 на площади кв. А/Г-1/4 гумусированный слой был зафиксирован на уровне -7,69 м. Однако расколотый кремний залегал несколько глубже этих уровней. Так, в юго-западном секторе раскопа он стал фиксироваться на уровне -7,61 м, а в северо-западном секторе — начиная с уровня -7,7 м. В северо-восточном секторе раскопа кремний залегал еще глубже, начиная с уровня -7,77 м.

Основная масса находок залегала на более глубоких уровнях, от -7,72 м в юго-западном секторе раскопа до -7,99 м в его северо-восточном секторе. При этом не совпадал характер распределения находок по вскрытой площади. На первом уровне фиксации культурного слоя, проведенном на площади 39 м² и связанном с верхом погребенной почвы, большинство расколотого кремния залегало в западной половине раскопа 1, не образуя сколько-нибудь четко выраженных скоплений. На втором уровне фиксации культурного слоя общей площадью в 30 м², связанного со срединной частью почвенной толщи, основная часть кремневых предметов распределялась в северной и северо-восточной частях раскопанной площади, образуя на кв. Д-2 отчетливо выраженное скопление, занимавшее на уровне -7,80/-7,92 практически всю площадь квадрата. Если средняя плотность залегания находок по раскопу составляла около 10 экземпляров на кв. м, то на кв. Д-2 этот показатель превысил значение в 50 экземпляров. Нужно отметить, что кремни на этом участке продолжали встречаться на глубинах от -8,01 до -8,225 м. Они образовывали небольшое скопление размерами 30 × 30 см в северо-западном секторе квадрата. Очевидно, на кв. Д-2 могла располагаться ямка с заполнением, содержащим расколотый кремний. Но зафиксировать границы этого углубленного объекта не удалось. Эти находки не могли попасть на такую глубину по трещинам, которые на этом квадрате располагались иначе.

По всей видимости, еще две ямки могли находиться в северо-восточных частях квадратов В-2 и Е-5. В обоих случаях были зафиксированы небольшие скопления кремневых предметов, залегающих ниже общего уровня распространения находок. В первом случае три предмета залегают на глубине -8,29 м, во втором — компактное скопление из девяти расколотых кремней залегают на глубинах от -7,83 до -7,96 м. Размеры последнего скопления составили 23 × 18 см.

Проникновение артефактов по трещинам глубже основного уровня залегания расколото-го кремня было зафиксировано на других участках раскопа. Как правило, их уровень залегания не превышал отметки -8,0 м. Однако на площади кв. Г-4, в его северо-восточном углу были найдены три предмета в заполнении трещины на уровне -8,80 м.

После зачистки поверхности песчаных отложений, подстилавших погребенную брянскую почву, на площади квадратов Г/Е-6 были обнаружены пять небольших ямок. Три из них, ямки № 1, 2 и 4, были вскрыты полностью, а две — № 3 и 5 — частично, так как они располагались на южной границе вскрытой раскопом 1 площади. Ямки в том же порядке, в котором они были перечислены, образовывали две линии, ориентированные по направлению запад-восток. О каком-либо планировочном единстве этих углубленных объектов судить пока преждевременно, поскольку они вскрыты на незначительной площади, к тому же у края раскопа. Ямка № 1, кв. Г-6 (рис. 7), имела неправильную в плане восьмеркообразную форму, возникшую в результате деформаций, вызванных образованием мерзлотных трещин, одна из которых рассекала ямку на две части. Стенки ямки были неровными, деформированными, с подбоями. Южная стенка — наклонная. Дно ямки было также деформировано трещиной и приобрело волнообразную поверхность. Размеры ямки по верху в плане составили 28 × 22,5 см, глубина — 25–27 см. Ямка была заполнена однородным темно-бурым гумусированным суглинком. В ее заполнении были обнаружены два предмета из расколото-го кремня, прислоненные к восточной стенке и залегающие на глубине 14 и 21 см от зафиксированного верха ямки. Заполнение было выбрано полностью, однако кремневые предметы оставлены на месте. Ямка № 2, кв. Д-6 (у восточной границы, рис. 7, 2), имела неправильную округлую в плане форму. Стенки ямки были наклонными, в верхней части бо-

лее пологими, с перегибом на уровне около 3 см от зафиксированного верха. Дно имело чашеобразную форму. Размеры ямки в поперечнике по верху составили 31 × 27,5 см, глубина — 11,5 см. Ямка была заполнена однородным темно-бурым гумусированным суглинком, на дне был зафиксирован камень, очевидно, кремневая галька. Заполнение было выбрано только в южной половине ямки, камень оставлен на месте. Ямка № 3, кв. Д-6 (южная граница, рис. 3 и 6), на вскрытом участке имела подовальную форму с неровными границами, вытянутую по линии запад-восток. Стенки ямки были наклонными, причем северная стенка пологая. Дно ямки по краям имело блюдцеобразную форму, а в центральной части располагалось чашеобразное углубление, достигавшее 4 см. Видимые размеры ямки составили 40 × 15 см, глубина от зафиксированной поверхности краев до дна без учета центрального углубления — около 10 см. Общая глубина ямки составила 14 см. Ямка была заполнена серо-бурым слабо гумусированным суглинком, который, в свою очередь, перекрывался линзами темно-серого гумусированного суглинка и прослойкой белесого суглинка. Заполнение ямки в ее северной половине было выбрано частично, с сохранением стратиграфической бровки по линии север-юг. Ямка № 4, кв. Д-6 (центральная часть), имела в плане грушевидную форму (рис. 7). Стенки ямки были наклонными, дно — блюдцеобразным. Размеры ямки по верху составили 31 × 25 см, глубина — 5 см. Заполнение ямки состояло из однородного светло-бурого суглинка. Ямка № 5, кв. Е-6 (южная граница), на вскрытом участке имела подовальную форму, вытянутую по линии запад — восток (рис. 3 и 6). Северная и восточная стенки ямки были наклонными, пологими. Западная стенка — слабо наклонная, почти вертикальная. Дно ямки имело блюдцеобразную форму. Видимые размеры ямки по верху составили 36 × 11,5 см, глубина — 8 см. Ямка была заполнена серо-бурым слабо гумусированным суглинком, перекрытым линзой темно-серого гумусированного суглинка и прослойкой белесого суглинка. Весь комплекс углубленных объектов в настоящее время законсервирован для их дальнейшего изучения в будущем.

К западу от ямки № 4 и к северу от ямки № 5, на площади квадратов Д/Е-6, были расчищены также четыре небольших западины неправильной формы, заполненные гумусированным темно-бурым суглинком (рис. 6). Их размеры в поперечнике не превышали

5–15 см, а глубина составила 3–4 см. Очевидно, в данном случае мы столкнулись с сильно окрашенными пятнами гумуса. Столь же интенсивно, и даже в большей степени, окрашенные пятна гумуса были зафиксированы на площади квадрата Д–6, к северу от ямки № 4, и на площади квадрата В–2, в его южной половине. Предположительно, столь интенсивная окраска гумуса, доходящая до черного цвета, связана с присутствием в породе мельчайших частиц угля, хотя на всей вскрытой площади не было зафиксировано углисто-золистых скоплений. Тем не менее, среди кремневых предметов были зафиксированы обожженные экземпляры. Кроме того, в ходе раскопок на кв. Ж–6 был найден мелкий фрагмент неопределимой кости, обожженный до белого кальцинированного состояния.

Коллекция находок насчитывает более 367 экземпляров, из которых 33 предмета — это окатанные фрагменты мелких размеров различных пород камня, среди которых встречен кварцит, сланец, гранит и окремненный песчаник. Остальные 334 предмета относятся к кремневым артефактам. Их состав приведен в таблице 1. Сырьем служил местный плиточный кремль темно-серого цвета, однако использовался также валунный кремль коричневого и черного цветов. Почти четверть расколотого кремня представлена обломками и осколками, полученными в результате первичной обработки сырья. Выраженных нуклеусов нет, хотя встречены нуклевидные преформы. В одном случае это был фрагмент плитки кремня с односторонней обработкой ребра крупной ретушью. Во втором случае обломок кремня имел подготовленную негативами сколов ударную площадку и даже негатив первого скола. Доля отщепов и пластин составляет 20,9% и 8,75% от общего количества инвентаря соответственно. Чуть более 4% приходится на неопределимые фрагменты сколов. Для отщепов характерны широкие плоские ударные площадки, среди пластин встречаются предметы с фасетированными и ретушированными ударными площадками и изогнутым профилем. В коллекции значительна серия кремневых галек (14,7%), большинство их расколото. Кремневые гальки использовались в качестве наковаленок, отбойников и ретушеров, чем, очевидно, и обуславливается наличие в составе коллекции значительного количества расколотых предметов. Набор каменных орудий характерен для ориньякоидных комплексов, о чем свидетельствуют кареноидный скре-

бок (рис. 8, 2) и нуклевидный резец (рис. 8, 8), скребла (рис. 8, 1) и широкие массивные пластины с крупной ретушью (рис. 8, 4, 5, 6). Однако в коллекции имеются два предмета, которые аналогичны изделиям, характерным для граветийских памятников. Это пластина, у которой регулярной подтеской обработана поверхность слома (рис. 8, 3), — черта, характерная для вторичной обработки ножей костенковского типа. Кроме того, в коллекции имеется один краевой скол — предмет, который также может быть связан с утилизацией предметов этой же категории.

Большинство каменных орудий изготовлено на отщепях (см. таблицу 2). Однако доля орудий на пластинах также велика и, что характерно, она заметно возрастает среди предметов с вторичной обработкой. Следует указать также на наличие в инвентаре ребристых пластин (13 экз.), что свидетельствует о целенаправленном характере производства пластинчатых заготовок.

Особенности кремневого инвентаря позволяют сделать вывод о том, что индустрия третьего слоя Хотылёво 6 типологически может быть отнесена к ранней поре верхнего палеолита. Такое определение вполне согласуется и со стратиграфическим положением культурного слоя 3. Ориньякоидный характер кремневой индустрии нижнего слоя Хотылёво 6 также хорошо вписывается в общий для заключительного этапа ранней поры верхнего палеолита Русской равнины культурно-исторический контекст, который характеризуется сосуществованием памятников с индустриями ориньякского и позднеселетского облика (Аникович и др., 2007). Однако инвентарь нижнего слоя Хотылёво 6 пока не содержит специфические типы орудий, которые позволили бы более детально определить культурную специфику этого комплекса. Наличие подтески на фрагменте скола, очевидно, пластинчатого, а также присутствие в кремневом инвентаре краевого скола дают основания для предположения о том, что расширение площади раскопок может существенным образом уточнить наши представления о культурной принадлежности этой стоянки. Не исключено, что отсутствие в инвентаре третьего культурного слоя пластин с притупленным краем отражает лишь фациальные особенности, связанные с функциональной спецификой данного участка.

Во всяком случае, уже сейчас представляется обоснованным предположение, что

Таблица 1

Кремневый инвентарь

Наименование	Количество	%
Фрагменты плиток кремня	11	3,4
Обломки кремня	40	12,5
В том числе: нуклеидные	2	
обожженные	1	
морозобойные	1	
Осколки	24	7,5
В том числе: морозобойные	5	
Наковаленка	1	0,3
Отбойники	3	0,9
Ретушеры	11	3,1
Преформы нуклеусов	3	0,9
Ребристые сколы	16	4,7
В том числе: пластины	13	
отщепы	3	
Сколы переоформления фронта скалывания нуклеуса	1	0,3
Отщепы	70	20,9
Пластины и пластинки	29	8,75
Чешуйки	21	5,9
Краевой скол	1	0,3
Неопределимые фрагменты сколов	13	4,1
Гальки кремневые	52	14,7
В том числе: расколотые	33	
<i>Орудия – предметы без вторичной обработки:</i>	16	5,0
Резцы	3	18,75
Скребки	4	25,0
Кареноидный скребок	1	6,25
Скребло	1	6,25 ¹
Острия	4	25,0
В том числе: на отщепах	3	
на пластинах	1	
Проколки	3	18,75
В том числе: на отщепах	2	
на пластинах	1	
<i>Орудия – предметы с вторичной обработкой:</i>	22	6,6
Резцы	1	4,8 ²
Скребки	3	9,5
Скребло	1	4,8
Пластина со срезанным ретушью концом	1	4,8
Пластина с подтеской на сломе	1	4,8
Проковка на отщепе	1	4,8
Пластины с ретушью	7	33,3
Отщепы с ретушью	3	14,3
Пластина с выемками	1	4,8
Отщепы с выемками	3	14,3
ВСЕГО	334	100,0

¹ % от общего количества предметов без вторичной обработки.² % от общего количества предметов с вторичной обработкой.

Таблица 2

Заготовки орудий

Наименование	Предметы без вторичной обработки		Предметы с вторичной обработкой		ВСЕГО	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Отщепы	8	50,0	10	47,82	18	48,65
Пластины	6	37,5	11	52,38	17	45,95
ребристые	2		1		3	
Обломки	2	12,5	—	—	2	5,40
ИТОГО	16	100,0	21	100,0	37	100,0

продолжение исследований Хотылёво 6 (культурный слой 3), как и других памятников, датируемых брянским временем, позволяет по-новому поставить вопрос о возникновении восточного граветта на Русской равнине. Традиционный ответ на него состоит в том, что какая-то часть охотников на мамонтов — носителей культуры восточного граветта, мигрировала из Центральной в Восточную Европу (Соффер, 1993). Действительно, радиоуглеродный возраст таких восточнограветтских памятников Моравии, как Дольни Вестонице или Павлов I, древнее, чем у стоянок в центре Русской равнины. Аналогии между центральными и восточноевропейскими проявлениями восточного граветта общеизвестны. Однако наиболее близкие аналогии связывают все же синхронные стоянки так называемого костенковско-виллендорфского единства, такие, как Виллендорф II (культурный слой 9), Краков-Спадзиста, Мораваны-Подковице в Центральной Европе и Костёнки I (культурный слой 1), Авдеево, Гагарино, Зарайск — в Восточной.

В Центральной Европе граветтским памятникам предшествуют ориньякские, а также позднеселетские с отчетливо выраженным ориньякоидным компонентом (Svoboda et al., 2002; Allsworth-Jones, 1986). Ориньякоидные типы орудий, а также единичные бифасы присутствуют в каменном инвентаре ранних восточнограветтских комплексов. Они зафиксированы в Пшедмости, в 10-м слое Молодовы V (Черныш, 1987). Эти факты давно положены в основание доказательства положения о том, что центральноевропейский восточный граветт происходит от местного ориньяка (Гри-

горьев, 1968). В центре Русской равнины соотношение между памятниками ориньяка и позднего селета, с одной стороны, и восточного граветта — с другой, выглядит практически аналогичным образом. В инвентаре восточнограветтских памятников, расположенных в бассейнах Десны, Дона и Оки, также отчетливо представлен ориньякоидный компонент (Амирханов, 2000; Гаврилов, 2008). Бифасиальная обработка характерна для так называемых «топориков» Костёнок I (культурный слой 1) и Зарайска (Беляева, 2001; Лев, 2009). Бифас — острие типа «лист тополя», формы, весьма характерной для комплексов костенковско-стрелецкой культуры, было обнаружено при раскопках Авдеево (Гвоздовер, 1998). В таком контексте неслучайным выглядит присутствие в инвентаре нижнего слоя Хотылёво 6 пластины с подтеской конца, а также краевого скола. Все это дает основание для постановки вопроса о возможных культурных связях между памятниками ориньякоидного, селетоидного и граветтоидного технокомплексов (по терминологии М.В. Аникивича) на территории центра Русской равнины. Хронологическое смещение рубежа между ранней и средней порой верхнего палеолита, которое при этом наблюдается, может свидетельствовать скорее не о массовой миграции населения, а о культурных импульсах, которые оказывали влияние на развитие верхнего палеолита приледниковой зоны Восточной Европы. Разумеется, эти импульсы были бы невозможны без постоянно существовавшего общения между соседним населением столь обширного региона.

Литература

- Амирханов Х.А.*, 2000. Зарайская стоянка. М.
- Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б.*, 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.
- Беляева В.И.*, 2001. Костёнковский топорик // Евразия сквозь века: сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова. СПб.
- Гаврилов К.Н.*, 2008. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2. М.
- Гвоздовец М.Д.*, 1998. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт. М.
- Григорьев Г.П.*, 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л.
- Заверняев Ф.М.*, 1978. Хотылёвское палеолитическое местонахождение. Л.
- Лев С.Ю.*, 2009. Каменный инвентарь Зарайской стоянки // Исследования палеолита в Зарайске, 1999–2005. М.
- Матюхин А.Е.*, 2006. Памятники с треугольными острями в долине Северского Донца и их место в позднем палеолите Русской равнины // Археологический альманах. Донецк. № 18.
- Павлов П.Ю.*, 2004. Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). Сыктывкар. (Научные доклады / Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук; вып. 467).
- Пясецкий В.К.*, 1991. Средний культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов // СА. № 2.
- Синицын А.А.*, 2002. Нижние культурные слои Костенок 14 (Маркина гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // Костенки в контексте палеолита Евразии. Исследования. СПб. Вып. 1: Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы: материалы Международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костенках, ИИМК РАН, IX. 1999.
- Соффер О.А.*, 1993. Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М.
- Тарасов Л.М.*, 1995. Мустьерские стоянки Верхней Десны // Деснинские древности. Брянск. Вып. I.
- Черныш А.П.*, 1987. Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Археология // Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. М.
- Allsworth-Jones Ph.*, 1986. The Szeletian and the Transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. Oxford.
- Svoboda J., Havlíček P., Ložek V., Macoun J., Přichystal A., Svobodová H., Vlček E.*, 2002. Paleolithic of Moravia and Silesia. 2nd actualized edition. Brno.

Рис. 1. Вид на стоянку Хотылёво 6 со стороны правого борга Кладбищенской балки

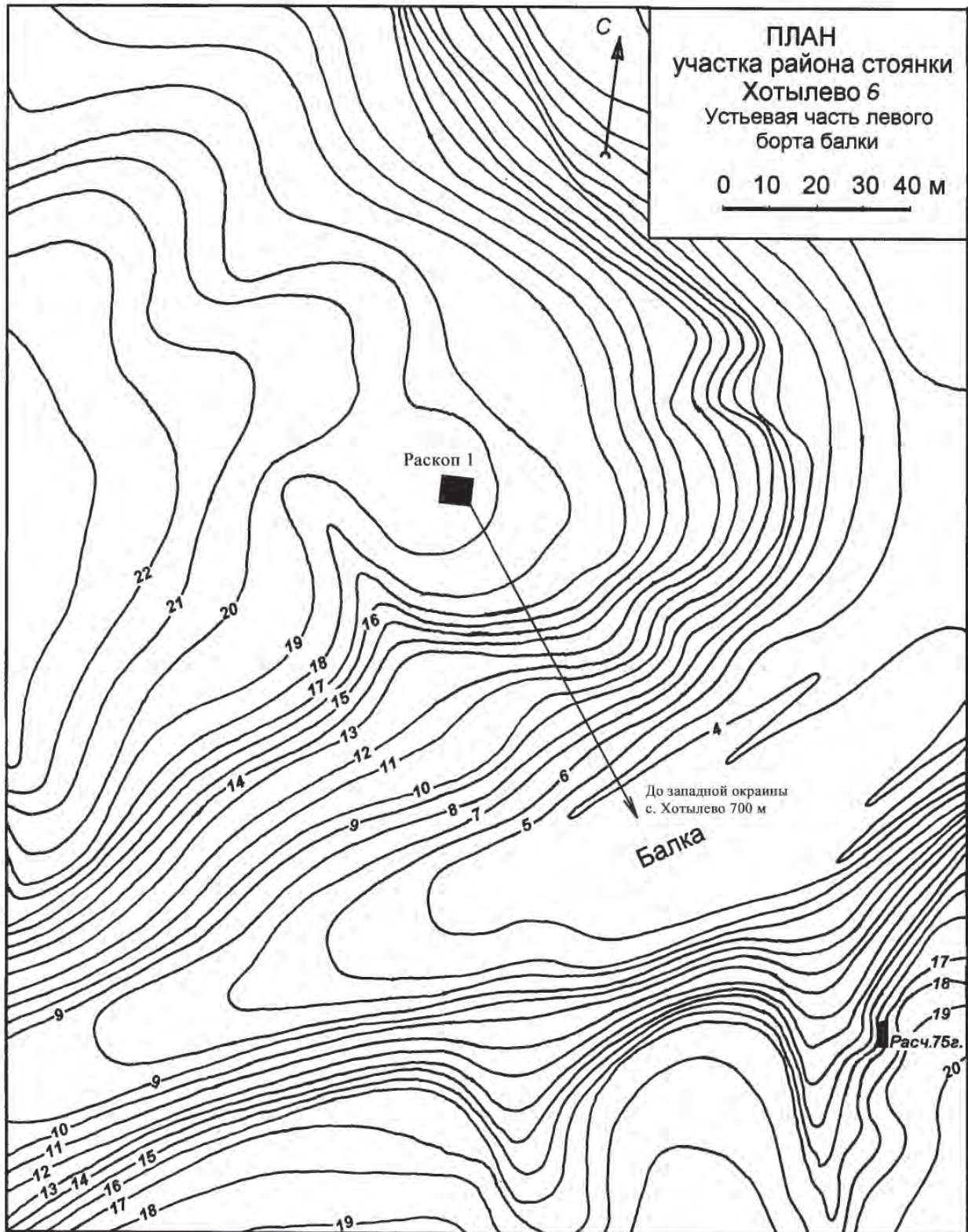

Рис. 2. План расположения стоянки Хотылёво 6 (выполнен Ю.Н. Грибченко)

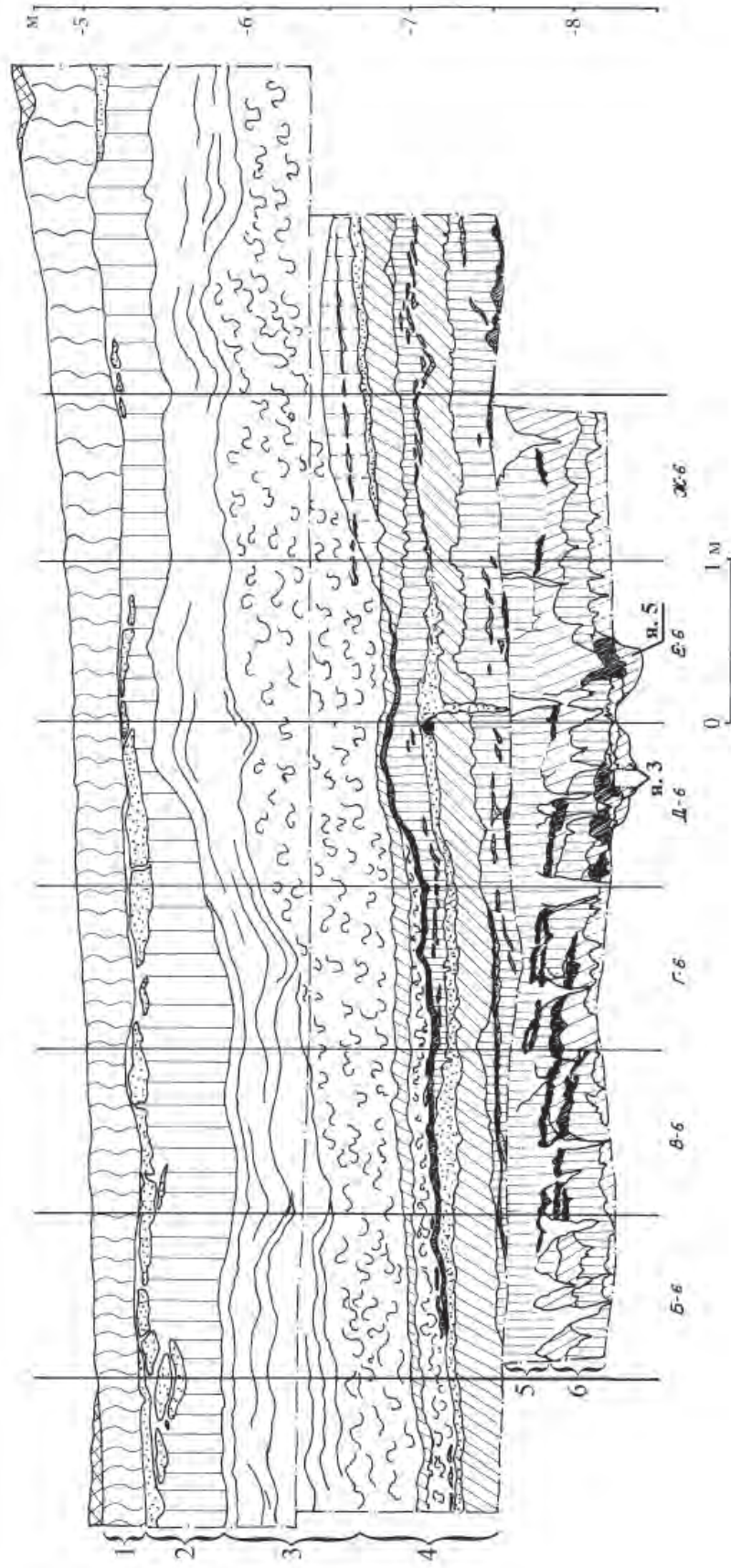

Рис. 3. Хотылёво 6, профиль южной стенки раскопа 1. Номера слоев соответствующего описанию в тексте

Рис. 4. Хотылёво 6, южная стенка раскопа 1

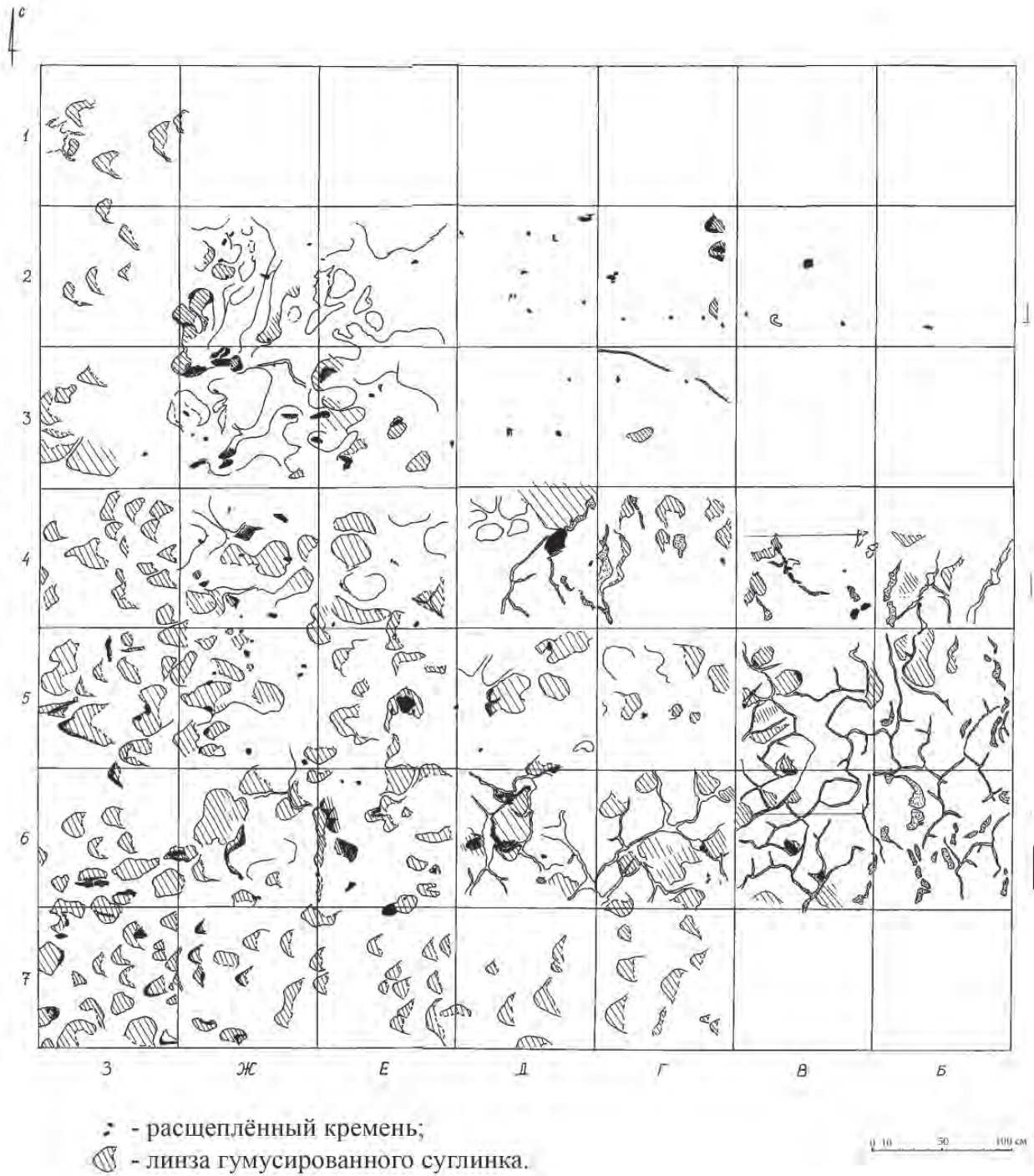

Рис. 5. Хотылёво 6, раскоп 1, культурный слой 3. Верхний уровень фиксации

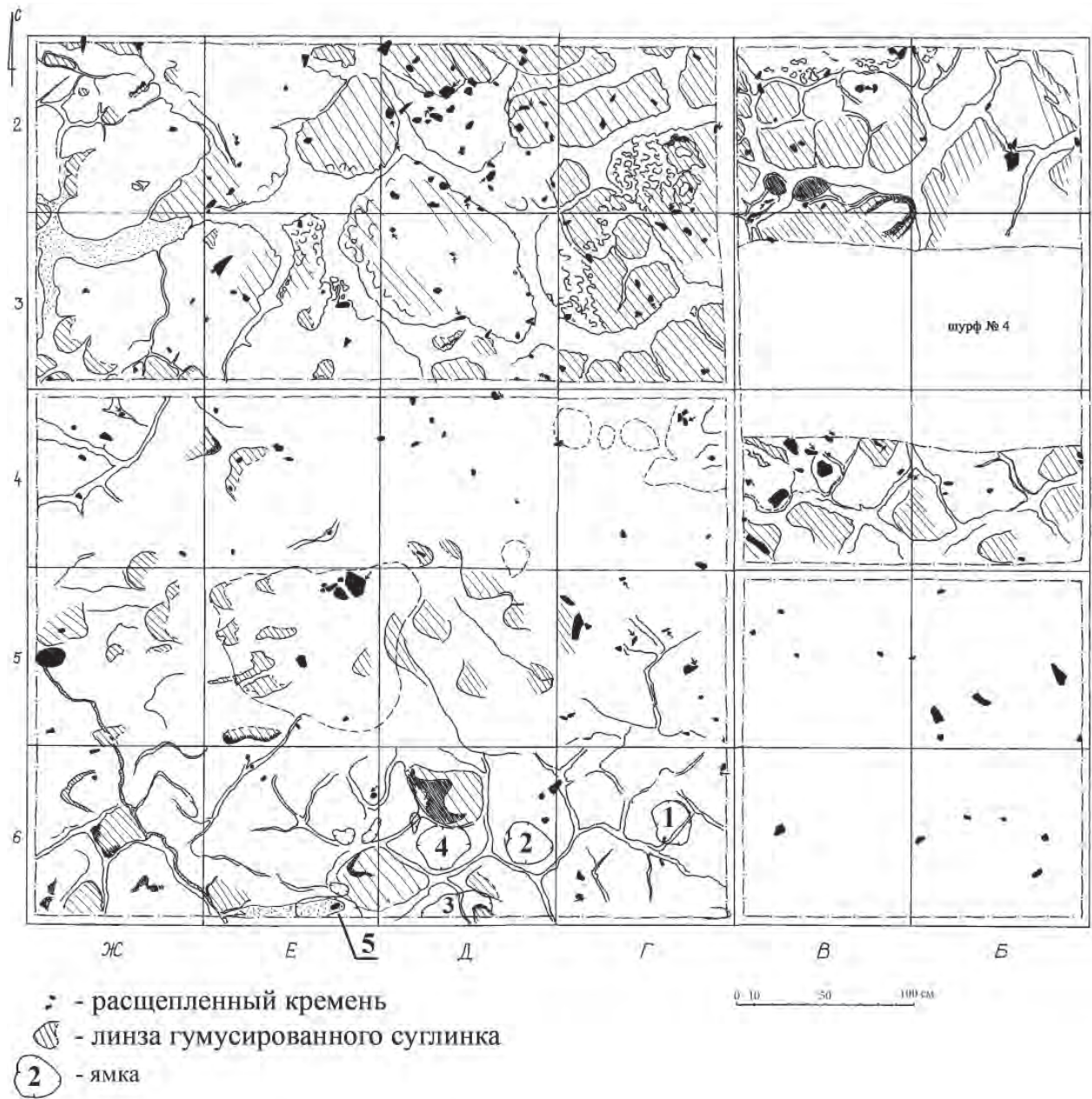

Рис. 6. Хотылёво 6, раскоп 1, культурный слой 3. Нижний уровень фиксации

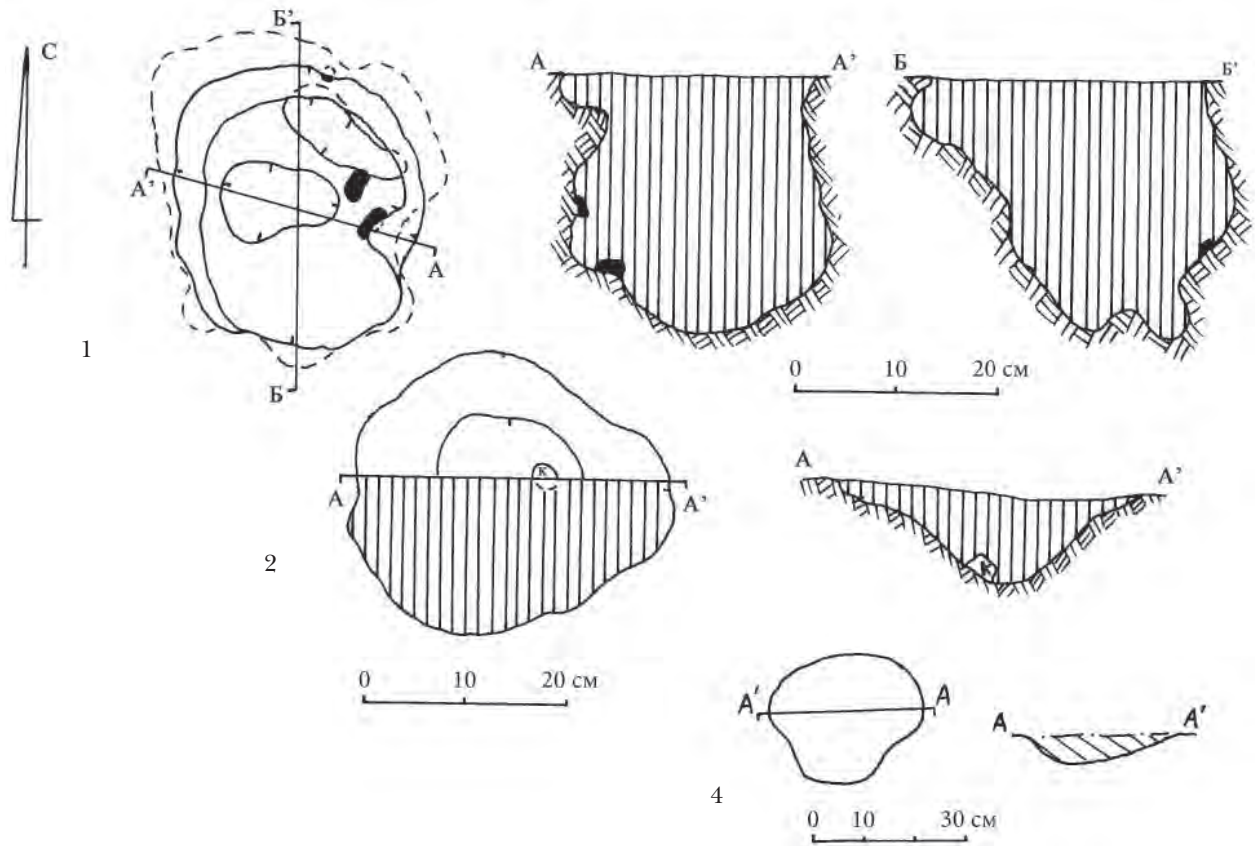

Рис. 7. Хотылёво 6, культурный слой 3. Планы и профили ямок

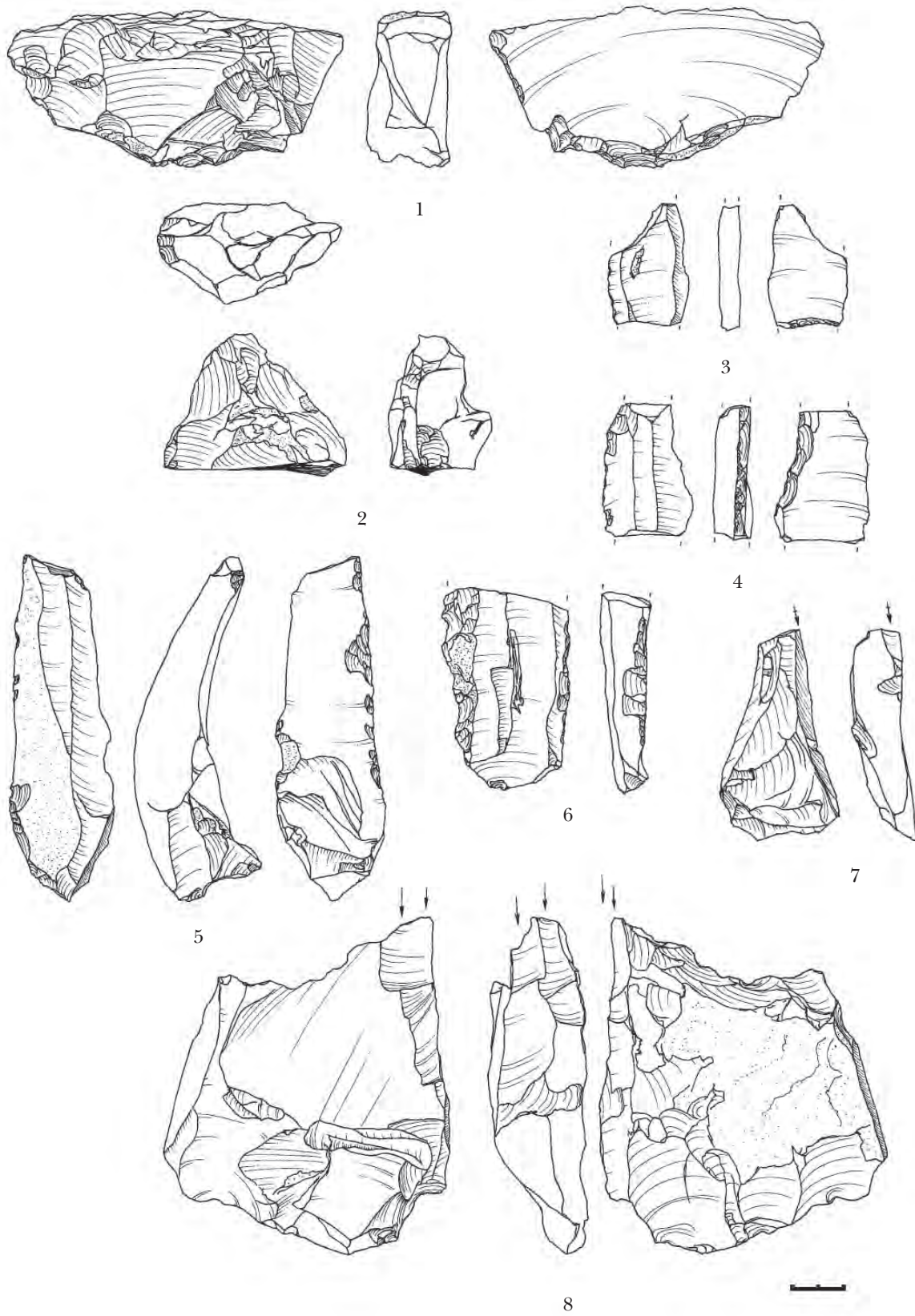

Рис. 8. Хотылёво 6, культурный слой 3. Предметы с вторичной обработкой

Многослойная палеолитическая стоянка Пушкари IX*

Г.А. Хлопачев**

Стоянка Пушкари IX (Бугорок) — один из палеолитических памятников пушкаревской группы, которые сосредоточены на южной окраине села Пушкари (Новгород-Сиверский район, Черниговская область, Украина) на территории урочища Погон — обширного, площадью более 1 кв. км, мыса, который представляет собой сниженный участок водораздельного плато, ограниченного с восточной стороны высоким правым бортом долины р. Десны, а с южной — древней балкой Мосолов ров (рис. 1). Стоянка расположена в центральной, наиболее возвышенной (около 46 м над урезом р. Десны) части Погонского мыса, где лессово-почвенная серия имеет самую высокую мощность и содержит все основные позднеплейстоценовые хроностратиграфические горизонты, а лессы имеют свое типичное строение.

Памятник был открыт в 1940 г. известным советским археологом М.В. Воеводским. Обследуя центральную возвышенную часть Погонского урочища, он обратил внимание на то, что в этом месте кремневые изделия на поверхности пашни распределяются неравномерно. На склонах к востоку, югу и западу от самой высокой точки урочища, получившей название «Бугорок», были прослежены «два пояса более сильного насыщения кремневыми поделками». Первый находился на расстоянии 30–75 м от вершины, а другой — в 100–175 м от нее. Поставленный на вершине «Бугорка» шурф № 1 (3,3 × 1 м) показал наличие здесь двух палеолитических культурных слоев, разделенных пятиметровой толщиной стерильных лессов, это утвердило М.В. Воеводского во мнении, о том что «пояса насыщения» проходят по краям двух разновременных палеолитических поселений и обозначают места, где их культурные слои оказались срезаны и разрушены в процессе формирования

склонов Пушкаревского мыса. Эти культурные слои были обозначены М.В. Воеводским, как два разных археологических памятника (Воеводский, 1950) (рис. 2). Поселение нижнего культурного слоя — как стоянка Пушкари VIII (Погон). По оценке исследователя, оно занимало почти всю территорию центральной части мыса и имело площадь около 40 000 кв. м. Поселение верхнего культурного слоя получило название стоянка Пушкари IX (Бугорок) и располагалось в пределах наиболее высокой части Погонского урочища («Бугорка») площадью всего около 13 000 кв. м. В дальнейшем стоянки Погон и Бугорок исследовались как два разных поселения, а не один многослойный памятник. При этом раскопки на большой площади были проведены только на стоянке Погон, причем на значительном удалении от «Бугорка» — участка мыса, на котором были представлены *in situ* оба культурных слоя и где сохранилась наиболее полная лессово-почвенная пачка четвертичных отложений. В 1940 г., на расстоянии 130 м к востоку от шурфа № 1, на «Бугорке» вниз по склону в направлении к р. Десне был заложен раскоп № 2, площадью 20 кв. м, а в 1946 г. к югу от него, на расстоянии 101 м от шурфа № 1 — раскоп № 3 площадью 40 кв. м (Воеводский, 1950. С. 43) (рис. 2). На территории собственно «Бугорка» в 1940 г. был вскрыт и изучен лишь участок верхнего культурного слоя, его площадь составила всего 13,6 кв. м (Гвоздовер, 1947. С. 93). Исследования же нижнего культурного слоя (стоянка Погон), если не считать вскрытого 1 кв. м в разведочном шурфе № 1, здесь не велись. Таким образом, археологическое изучение двух разновременных стоянок, образующих в центральной части мыса многослойный памятник, проводилось на удаленных друг от друга и отличных по своей геоморфологии участках.

* Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 09-06-00282-а.

** Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

Новые данные, полученные в ходе наших исследований в период с 1997 по 2010 г. на территории «Бугорка», дают основания говорить о том, что стоянка Пушкари IX должна рассматриваться в качестве отдельного многослойного палеолитического памятника, и не позволяют уверенно говорить о тождественности нижнего культурного слоя, открытого М.В. Воеводским на стоянке Пушкари IX, и культурного слоя стоянки Пушкари VIII, исследованной им в восточной части Погонского урочища.

Возможность продолжить археологические исследования стоянки Пушкари IX появилась после того, как в 1996 г. старший научный сотрудник Института географии РАН кандидат геологических наук Ю.Н. Грибченко при бурении геологических скважин на Погонском урочище обнаружил место, где находился шурф № 1 (шурф, поставленный В.А. Хохловкиной в 1940 г.). В 1997 г. в 15 м от его скважины был поставлен шурф (2 × 2 м) глубиной пять с половиной метров, который подтвердил существование здесь двух культурных слоев (Хлопачев, 2003). В 1998 г. на его месте был заложен раскоп IV¹ (6 × 6 м), который вскрыл 36 кв. м верхнего культурного слоя и 4,7 кв. м нижнего культурного слоя. В ходе дальнейших исследований в 1999, 2001–2010 гг. на стоянке Пушкари IX была заложена серия шурфов (шурфы № 2–8), а также два раскопа (раскопы V и VI) (рис. 3). При этом в шурфах № 2 и № 4 (в дальнейшем раскоп V), которые находились соответственно в 10 м к северу и в 13 м к югу от раскопа IV, исследовались как верхний, так и нижний культурные слои.

Изучение разрезов в раскопах IV и V, а также в шурфе № 2 дает представление как о строении лессово-почвенной пачки четвертичных отложений на участке «Бугорок» Погонского урочища, так и о процессах, нарушивших их первоначальное залегание. Наиболее показателен в этом смысле разрез южной стены раскопа V. По данным Ю.Н. Грибченко, в западной части данного разреза выявлена следующая стратиграфия отложений (рис. II — *цв. вкладка*; табл. 1).

Подобная картина в целом соответствует той стратиграфии четвертичных отложений, которая была описана В.А. Хохловкиной в шурфе № 1 на «Бугороке» в 1940 г.

В то же время наши раскопки показали, что проблема корреляции четвертичных отложений на участках, где расположены стоянки Пушкари IX (Бугорок) и раскопы 1940 г. и 1946 г. на стоянке Пушкари VIII (Погон), не имеет столь однозначного, как считалось ранее, решения. В 1940-е годы достаточным аргументом в пользу тождественности культурного слоя, исследованного в раскопах, нижнему культурному слою на Бугорке являлся уже сам факт залегания культурных остатков «почти непосредственно над горизонтом средней ископаемой надморенной почвы» (брянской. — Г.Х.). Так, согласно опубликованным данным, культурные остатки в раскопе II 1940 г. залегали на глубине около 1 м от дневной поверхности «в серо-коричневой супеси, имевшей здесь мощность около 20 см», которая подстилалась «20-ти сантиметровой прослойкой желтой супеси, лежащей на средней ископаемой почве» (Воеводский, 1950. С. 43). На Бугорке нижний культурный слой залегал на глубине более 5 м, также на 40 см выше брянской почвы, но в иной, куда более четкой стратиграфической позиции — в горизонте «лессовидной супеси с резким гумусовым потемнением», который, по мнению автора, мог являться верхней частью погребенной почвы (Воеводский, 1950. С. 42). Современные исследования нижнего слоя стоянки Пушкари IX показали, что резкие перерывы при отложении лессовой породы, вмещающей культурные остатки на этом участке, не происходили и между формированием брянской погребенной почвы и образованием культурного слоя, прошло относительно небольшое по геологическим меркам время. Представление о том, насколько различны и сложны могли быть процессы накопления лессовых отложений, перекрывающих брянскую почву, дает стратиграфия отложений в раскопе III 1946 г., где «картина была аналогичной» 1940-му г. (Воеводский, 1950. С. 44). О ней мы можем судить уже не только по публикации М.В. Воеводского (работе, подготовленной к печати и изданной после его смерти), но и по полевой документации, сохранившей в архиве Музея антропологии МГУ. Культурный слой здесь залегал на небольшой глубине около 1 м 35 см от современной дневной поверхности в песчанистом суглинке палевого цвета, местами переходящего «в песок с ортзандами и пятнами подзола» (Воеводский, 1950. С. 43).

¹ Наша нумерация раскопов продолжила систему обозначения раскопов, начатую М.В. Воеводским.

Таблица 1

**Западная часть южной стенки раскопа V в ее средней части
(нулевая глубина дается от реперной отметки 200 см от условного 0)**

№ слоя	Отложения	Мощность, м	Глубина, м
1.	Пахотный. Супесь серая, перемешанная, с большим количеством включений коричневой супеси. Нижний контакт неровный	0,20	0,10
2.	Ортзандовый горизонт. Супесь светлая, буровато-коричневая, пористая. Верхний культурный слой. В левой части описываемой стенки отмечаются слабо выраженные линзы и прослои ортзандов, опускающиеся к углу раскопа под углом около 10–15° до глубины 1 м. В правой и средней части стенки ортзандовые прослои слабо выражены и глубина их распространения доходит до 0,30 м. Ортзандовые прослои представлени коричневатой супесью, слабо ожеженной, мощностью 2–5 см и имеют волнистое залегание	0,30	0,40
3.	Супесь палевая, лессовая, легкая. Супесь тонкослоистая. Отмечаются мелкие карбонатные конкреции, включения марганца и скопления пылеватых карбонатов. На глубине 2,0 м прослеживаются слабо выраженные прослои сероватой, более темной супеси, с которыми связано увеличение количества включений марганца и пятен бурого ожелезнения	2,30	2,70
4.	Уровень гумусированности. Супесь буровато-серая, легкая, пористая, однородная. Верхний и нижний контакты мелкоязыковатые, волнистые. Отмечается большое содержание мелких включений марганца и пятен ожелезнения. Слой четко выделяется по цвету	0,15	2,85
5.	Супесь лессовая, серовато-палевая, однородная, с многочисленными пятнами и примазками марганца. На глубине 3,30 м отмечается тонкий прослой бурого ожелезнения слабонаклонного залегания к западу. На глубине 3,95 м отмечается тонкий прослой сизоватых оглеенных супесей, ниже которого лессовые отложения становятся сероватыми, более темными, с многочисленными пятнами сизого оглеения.	1,35	4,20
6.	Горизонт почвообразования. Супесь буровато-серая, легкая, пористая, однородная. Содержит многочисленные мелкие включения марганца, ожелезнения и карбонатов. Верхний и нижний контакты мелкоязыковатые, волнистые	0,10	4,30
7.	Супесь серовато-палевая, с многочисленными пятнами и примазками марганца. В нижней части слоя отмечаются многочисленные пятна сизого оглеения. Отмечаются вертикально ориентированные трещинки, заполненные более темным материалом	0,25	4,55
8.	Культурный слой. Супесь буровато-серая, плотная, неоднородная. Верхняя часть слоя более гумусирована, буроватого оттенка с пятнами ожелезнения и марганца. Нижняя часть более оглеенная. Культурные находки облекаются сизоватой супесью с пятнами ожелезнения. Нижний контакт нечеткий, волнообразный. В слое прослеживаются тонкие трещинки толщиной 1–2 см	0,15	4,70
9.	Супесь серая, плотная, с большим количеством железисто-марганцевых примазок и пятен сизого оглеения. Нижняя часть слоя более оглеенная. Нижний контакт неровный, в виде затеков и мелких языков	0,25	5,20
10.	Брянская почва. В разрезе вскрывается только верхняя часть почвы. Супесь тяжелая, плотная, буровато-серого цвета, с многочисленными затеками-языками и трещинами, заполненными материалом из вышележащего слоя. В слое отмечается большое количество железисто-марганцевых пятен-включений	0,30	5,50

Таблица 2

Стена шурфа № 1 (шурф «Бугорок») (по: Воеводский, 1950. С. 41–42)

№ слоя	Отложения	Мощность, м	Глубина, м
1.	Современная почва	0,48	0,48
2.	Темно-палевый лессовидный суглинок (цвет его связан, по-видимому, с современными почвообразовательными процессами). Горизонт насыщен кремневыми поделками стоянки Бугорок	0,63	1,11
3.	Светло-палевый лессовидный суглинок, грубый, с незначительным количеством кварцевых зерен средней величины	1,80	2,91
4.	Суглинок серовато-желтый, с большим количеством темных точек и известковых трубочек, слабопористый, слоистый. Светлые прослойки чередуются с более темными, благодаря чему он имеет оттенок более темный, чем горизонт 3-й	0,68	3,59
5.	Суглинок серо-желтый, слоистый, с большим количеством охристых пятен и полос. Производит впечатление почвенного покрова, сформировавшегося при непрерывном накоплении материала	0,95	4,54
6.	Гумусовая прослойка, резко выделяющаяся в виде темной полосы	0,10	4,64
7.	Суглинок серо-желтый	0,20–0,25	4,89
8.	Суглинок легкий (супесь), темно-серый, с желтоватым оттенком; в верхней части – гумусовое потемнение. В верхней части горизонта 8-го залежали кости слона нижнего культурного слоя (стоянки Погон).	0,20	5,09
9.	Плотный серо-желтый суглинок, легкий (супесь), с большим количеством мелких охристых пятен. Пористость очень слабая. Количество чешуек слюды заметно увеличивается по сравнению с верхними горизонтами. Этот горизонт выделяется в виде более светлой полосы между горизонтами 8-м и 10-м	0,35	5,44
10.	Погребенная почва (средняя) темно-серая, с коричневым отливом, сформирована на супеси	0,60	6,04

Таблица 3

Стратиграфия отложений на стоянке Пушкари VIII, раскоп III (1946 г.)

№ слоя	Отложения	Мощность, м	Глубина, м
1.	Пахотный слой	0,30	0,30
2.	Чернозем	0,30	0,60
3.	Суглинок палевый / Культурные остатки	0,75	1,35
4.	Ископаемая почва, серовато-бурая	0,90	2,25
5.	Серо-желтая супесь	Вскрытая 0,01	2,26

Таблица 4

Радиоуглеродные датировки стоянок Пушкари IX (нижний культурный слой) и Пушкари VIII (Погон)

Стоянка Пушкари IX (нижний культурный слой)			
№ п/п	Индекс	Материал, контекст	¹⁴ C дата
1.	ГИН-11312	Кость мамонта, шурф № 3	24000 ± 1200
2.	ГИН-11315	Ребро мамонта, шурф № 4	23800 ± 700
3.	ГИН-10193	Ребро мамонта, раскоп 1998 г.	23300 ± 300
4.	ГИН-10194	Кость мамонта, раскоп 1998 г.	22500 ± 450
Стоянка Пушкари VIII (Погон, раскопки М.В. Воеводского)			
1.	ЛУ-361	Кость	18690 ± 770

Стратиграфия в публикации описывается так (табл. 3, по: Воеводский, 1950. С. 44).

Согласно же полевой документации, стратиграфия была более сложной. На чертеже западной стены раскопа III 1946 г. находим такое описание стратиграфии: 1) пахотный слой; 2) чернозем; 3) суглинок современной почвы с прослойкой белой супеси и ортзандом; 4) ископаемая почва. Поверхность ископаемой почвы на квадрате д-4 в разрезе имела две «хорошо выраженные западины» глубиной 0,25 м и 0,15 м. Первая и наиболее глубокая из них была заполнена песком, в котором находилось скопление многочисленных кремней. Обращает на себя внимание и то, что «горизонт основных находок кремня» залегает выше «костеносного горизонта». Лишь отдельные кости залегали в слое 3, а основная их часть — компактным слоем на поверхности ископаемой почвы (рис. II — *цв. вкладка*). Сохранившиеся профили и описываемая картина больше напоминает картину четвертичных отложений на северной окраине Погонского мыса в районе стоянки Пушкари I (участок раскоп М.Я. Рудинского; личное сообщение кандидата геолого-минералогических наук Ю.Н. Грибченко, ИГ РАН) и свидетельствует о том, что между формированием брянской почвы и отложением перекрывающих ее супесей имела место быть некоторая стратиграфическая и временная лагуна, которая отсутствует в разрезах на стоянке Пушкари IX.

В пользу точки зрения о одновременности культурного слоя, исследованного в раскопах 1940-х годов, и нижнего культурного слоя стоянки Пушкари IX говорят также данные радиоуглеродного датирования, согласно которым первый датируется около 19 тыс. л.н., а второй — 24–23 тыс. л.н.

Таким образом, на сегодняшний день во избежание путаницы представляется более целесообразно рассматривать Пушкари IX в качестве отдельного самостоятельного памятника с двумя — верхним (стоянка Бугорок) и нижним — культурными слоями, а предложенное М.В. Воеводским обозначение Пушкари VIII (Погон) использовать только применительно к раскопанной им стоянке на западной окраине Погонского мыса.

Проводившиеся нами на протяжении более десятка лет исследования стоянки Пушкари IX позволяют более детально, чем это было ранее, охарактеризовать оба ее культурных слоя.

Верхний культурный слой (стоянка Бугорок)

Стоянка Бугорок была открыта в 1940 г. М.В. Воеводским (Воеводский, 1952). Раскапывалась в 1940 г. М.Д. Гвоздовер (Гвоздовер, 1947). Была вскрыта площадь 13,6 кв. м. В период с 1997 по 2010 г. автором было исследовано чуть более 60 кв. м площади стоянки. Верхний культурный слой стоянки Бугорок связан с горизонтом В голоценовой почвы (см. табл. 1), что оказало влияние на диагенетические изменения литологических свойств культурного слоя и вмещающих его отложений. На отдельных участках стоянки, как, например, в восточной половине раскопа V, слой помимо этого оказался разрушен палеомерзлотными явлениями (Беляева и др., 2002. С. 35–36). Разрезы на таких участках имеют своеобразное блоковое строение в виде буровато-коричневых ортзандов, соединяющихся вертикальными прослоями толщиной от 5 до 10 см, в результате чего образуются блоки от 15 × 15 см до 25 × 30 см (рис. 5). Внутри подобные блоки сложены более однородными палево-серыми супесями. Основание слоя имеет четкий уклон к востоку от 10° до 20°. В этом же направлении происходил и блоковый сброс культурного слоя. Высота «падения» слоя постепенно увеличивалась в направлении с запада на восток от 0,5 м до 2,5 м. При этом самые массивные находки (кварцитовые плиты, крупные кремневые желваки и нуклеусы, зубы мамонта), а также отдельные крупные блоки грунта с культурными остатками всегда оказывались на самом дне палеомерзлотной структуры. Массивы понижения и структура отложений, по мнению Ю.Н. Грибченко, говорят о том, что такие нарушения связаны не с влиянием склона стояночного мыса, а с палеомерзлотными проявлениями — неравномерной льдонасыщенностью пород и процессами деградации многолетней мерзлоты последней валдайской ледниковой эпохи. В лесовых районах бассейна Десны эти явления часто проявляются в виде округлых западин — «степных блюдец» или гидролакколитов.

Там, где культурный слой не подвергся подобным нарушениям (раскопы IV и VI), он представлял собой в целом выдержанный горизонт находок мощностью 30–35 см (рис. 6), хотя при этом культурные остатки и не образовывали хорошо читающегося слоя по всей длине разрезов. Возможно, это связано с воз-

действием почвенных процессов в начале голоцена, а также с неоднородностями литологических свойств лессовых фаций поздней стадии эоловой седиментации.

Культурный слой состоял из кремневых изделий и очень плохой сохранности фаунистических остатков, редких костных и еще более редких древесных угольков (рис. 7). Находки залегают на глубине около 30 см от современной дневной поверхности и были приурочены к нижней части буровато-коричневой супеси и верхней части палеовой супеси горизонта В современной почвы. В лессовых супесях, содержащих кремневые изделия, костные остатки и костные угольки, были выделены слабо выраженные фрагменты гумусированности, которые могут быть связаны с процессами эфемерного почвообразования. Положение кремневых изделий в слое, большое количество мелких и мельчайших кремневых чешуек, костей животных, залегающих в горизонтальном положении, в целом однородный характер отложений, присутствие в слое небольших включений и линз гумусированности, а также зольной массы заставляет нас исключить возможность существенного перемещения и переотложения культурного слоя, что доказывает его инситуальность (Хлопачев, Кулькова, 2007).

Наибольшая насыщенность кремневыми изделиями была отмечена в раскопе VI, где на один квадратный метр приходилось до 600 кремневых изделий, в то время как на площади раскопа IV это количество не превышало 40 единиц на квадратный метр. Фаунистические остатки на стоянке представлены костями мамонта, овцебыка и песца (определения старшего научного сотрудника Зоологического института РАН кандидата биологических наук М.В. Саблина).

На стоянке не выявлены какие-либо конструкции или объекты культурного слоя. Датировка же культурного слоя памятника несомненно важна при определении верхнего хронологического предела лессонакопления на территории Подесенья.

По результатам спорово-пыльцевого анализа образцов из палинологической колонки, отобранной из северной стены раскопа VI, в разрезе было выделено семь палинозон (определения кандидата географических наук Т.В. Сапелко, Институт озероведения РАН). Культурному слою в целом соответствует зона 5 (рис. 8). Здесь отмечено максимальное количество пыльцы древесных пород по разрезу (53%). Доминирует и встречается практиче-

ски постоянно пыльца сосны, ольховника, а также пыльца березы и ольхи. Среди пыльцы трав, как и по всему разрезу, преобладают злаки и осоковые. Практически постоянно отмечается пыльца эфедры. Отмечено большое видовое разнообразие пыльцы травянистых. Почти постоянно присутствует пыльца *Cichoriaceae*, *Rubiaceae*, *Polygonaceae*, *Brassicaceae*, *Fabaceae*, *Asteraceae*. К концу зоны появляется пыльца *Plantago*, *Chenopodiaceae*, *Ericaceae*, *Malvaceae*, *Malvaceae* появляется вновь после длительного перерыва и далее по разрезу присутствует почти постоянно. В середине зоны определено зерно *Fagorum*. Единично отмечена пыльца рогаза. Среди спор впервые отмечен *Lycopodium*. Палинозона 5 является самым благоприятным периодом для развития растительного покрова, когда площадь лесов увеличивается, однако и открытые тундрово-степные сообщества продолжали занимать значительные пространства, каменистые субстраты заполняла эфедра. Разнообразие ландшафтов (долинные сосновые и сосново-березовые леса, тундрово-степные сообщества и разнотравно-злаковые луга) в целом позволяет говорить о перигляциальной лесостепи. Комплекс растительности, реконструируемый по культурному слою стоянки Бугорок, в принципе схож с растительным покровом, окружающим такие стоянки, как Тимоновка, Елисеевичи, Юдиново. Основным отличием стоянки Бугорка является отсутствие сибирских хвойных пород, что, по заключению Т.В. Сапелко, может служить подтверждением иного, менее всего описанного поздневалдайского потепления — аллереда. Подобный вывод идет в разрез с устоявшимися представлениями о том, что возраст позднепалеолитической стоянки Бугорок не может быть моложе 12 тыс. лет (Величко и др., 1999). В какой-то мере, неожиданно, он нашел подтверждение в серии радиоуглеродных дат от 11 060 до 11 500 л. т.н., полученных по костному материалу из верхней части культурного слоя (табл. 5).

Единственную древнюю дату в $17\,200 \pm 250$ из верхнего горизонта культурного слоя мы не можем принять во внимание как заведомо удревненную. Костные образцы из нижнего горизонта этого же культурного слоя дали более привычные для памятников позднего верхнего палеолита Десны даты — $14\,770 \pm 115$ и $14\,820 \pm 60$.

Что касается каменного инвентаря верхнего слоя стоянки Пушкари IX, он и не обнаруживает сходства с каменным инвентарем памятников финального палеолита и мезо-

Таблица 5

Радиоуглеродные датировки стоянки Пушкари IX (Бугорок), верхний слой

№ п/п	Индекс	Материал, контекст	¹⁴ C дата
1.	ЛЕ-6961	Зуб мамонта, раскоп VI (верх основного горизонта). Раскопки 2003 г.	11500 ± 400
2.	Ki-13078	Зуб овцебыка. Раскопки Г.А. Хлопачева 2005 г.	11060 ± 140
3.	Ki-13079	Зуб мамонта. Раскопки. 2005 г.	11700 ± 250
4.	Hela-1517	Зуб. Раскопки Г.А. Хлопачева 2007 г.	14770 ± 115
5.	OxA-17799	Зуб мамонта, раскоп VI (низ основного горизонта). Раскопки 2007 г.	14820 ± 60
6.	Ki-11900	Зуб мамонта, раскоп VI (верхний горизонт). Раскопки 2003 г.	17200 ± 250

лита бассейна р. Десны. Подавляющее большинство кремневых изделий изготовлены из черного мелового желвачного и плитчатого кремня. Выходы желвачного сырья располагались в непосредственной близости от стоянки, что, вероятно, объясняет его преимущественное использование по сравнению с более качественным, лишенным многочисленных внутренних каверн, плитчатым сырьем. Всего на стоянке в ходе наших раскопок найдено более 5000 кремневых изделий. В том числе 342 нуклеуса. Большинство их имеет длину 5–8 см, изделия меньшего и большего размера немногочисленны. Преобладают торцевые нуклеусы и нуклеусы призматической и подпризматической формы. Вместе с тем, есть несколько изделий клиновидной, подклиновидной и пирамидальной формы. Большинство нуклеусов имеют одну площадку, однако достаточно много также двуплощадочных, в том числе и с бипродольной системой скальвания.

В материалах кремневой индустрии верхнего слоя стоянки Пушкари IX пластинчатые формы составляют 31,8%. Весь цикл расщепления кремня осуществлялся на стоянке. Здесь найдены желваки, плитки, преформы, нуклеусы, различные технические сколы обработки нуклеусов (ребристые сколы, сколы подправки и переоформления площадок нуклеусов). Орудия в инвентаре Бугорка составляют 5,4% (всего 387 экземпляров). В отличие от материалов раскопок 1940 г. они имеют лучшую сохранность и более разнообразны. Орудия представлены резцами – двугранными (рис. 9, 19, 20, 26), на сломе (рис. 9, 21), ретушными (рис. 9, 22–35) (в том числе двойными (рис. 9, 22–24)), скребками разных форм (концевыми, укороченными, двойными, нуклевидной, подокруглой формы) (рис. 10, 1–22), пластинками и микропластинками с притупленным краем (рис. 9, 1–11) (в том числе прямоугольниками

(рис. 9, 3, 4, 6)), пластинами и пластинками с прямо и косоусеченными концами (рис. 9, 12–18). Категориальный набор каменных орудий обнаруживает высокую степень сходства с каменными индустриями памятников тимоновско-юдиновской культуры Подесенья – Юдиново (нижний слой), Юдиново (верхний слой) и Чулатов II (Рабочий ров).

Нижний культурный слой

Слой был исследован на площади 12,5 кв. м. Он залегал на глубине от 4,50 м до 4,85 м от современной поверхности и на 1,25 м ниже культурного слоя известной стоянки Пушкари I по абсолютным отметкам. Культурный слой приурочен к горизонту буровато-серой супеси, заключенной между брянской ископаемой почвой и выраженным уровнем древнего почвообразования (см. табл. 1). Культурные находки располагались на 25–30 см выше брянской почвы и на 20–25 см ниже выразительного горизонта древней почвы. Хорошо читающийся в разрезе слой мощностью около 10 см представлял собой горизонт компактного залегания многочисленных фрагментов костей и небольшого количества каменных изделий (рис. 11). Нижний культурный слой стоянки Пушкари IX не выделяется по цвету от вмещающей породы и очень беден находками кремневых изделий. Вместе с тем, промывка грунта из культурного слоя дает большое количество антропогенного заполнителя. Наряду с костной трухой промывка дает значительное количество костного угля и мельчайших чешуек кремня, что позволяет говорить о полноценном, достаточно хорошо сохранившем свою структуру культурном слое. Сам по себе слой имеет сложную литологическую структуру – три микролитологических горизонта: 1

(верхний) – линзы слабо гумусированной супеси; 2 (средний) – темный гумусированный слой; 3 (нижний) – оглеенный. Самый верх (горизонт 1) культурного слоя обозначался небольшими обломками костей очень плохой сохранности, основной уровень залегания культурных находок связан с уровнем оглеенности сизоватого цвета. Именно здесь было обнаружено большинство костных остатков и все каменные изделия. Самые крупные кости лежали на супеси под уровнем оглеенности. При зачистке супеси на поверхности проступала четкая мелкая мерзлотная сетка.

Фаунистические остатки (191 ед.) представлены костями мамонта, волка и песка (определения М.В. Саблина). Картина захоронения костных остатков существенно отличается от Пушкарей I. Это четыре фрагмента зуба, четыре мелких фрагмента бивней и 86 определимых костей посткраниального скелета не менее чем от двух особей мамонта. Все они принадлежат некрупным полувзрослым животным, возможно, жертвам охоты. Преобладают ребра и позвонки, многие кости разбиты, какая-либо система (анатомическая) в пространственном расположении отдельных групп костей отсутствует. Кроме этого найде-

ны две кости конечностей волка и один фрагмент черепа песка. Все кости располагаются горизонтально, сверху они часто запечатаны известковистым натеком.

Кремневый инвентарь немногочислен. В ходе исследований было обнаружено всего 14 изделий. В том числе три пластинки с затупленным краем, фрагмент пластины с ретушью, девять пластин и их фрагментов, а также два отщепа и одна чешуйка (рис. 12). Все каменные изделия изготовлены из плитчатого мелового серовато-голубого кремня. При крайне низкой концентрации кремня на 1 кв. м на стоянке заметно преобладают пластинчатые формы. Промывка слоя показала, что мельчайшие чешуйки (0,1–0,3 см) в большом количестве и равномерно представлены на всей исследованной площади. В настоящее время полученная коллекция каменного инвентаря не позволяет судить о культурной принадлежности стоянки. Однако и наличие пластинок с затупленным краем, и стратиграфическая позиция залегания культурных остатков, и серия радиоуглеродных датировок указывают на время существования стоянки около 23–24 тыс. л.н. (см. табл. 4) – время распространения в Подесенье граветтской культурной традиции.

Литература

- Беляева В.И., Моисеев В.Г., Хлопачев Г.А., Арсеньева Д.Ю., 2002. Некоторые приемы анализа археологических данных на примере исследования Пушкаревских стоянок. СПб. С. 33–41.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Новенко Е.Ю., 1999. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // *Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене*. М. С. 19–50.
- Воеводский М.В., 1950. Палеолитическая стоянка Погон // *Краткие сообщения ИИМК*. М.; Л. Вып. XXXI. С. 40–54.
- Воеводский М.В., 1952. Стоянка Бугорок // *Ископаемый человек и его культура на территории СССР*. М. С. 87–99. (Ученые записки / Институт антропологии МГУ; вып. 158).
- Гвоздовер М.Д., 1947. Палеолитическая стоянка Бугорок // *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры имени Н.Я. Марра*. М.; Л. Вып. XV. С. 92–97.
- Хлопачев Г.А., 2003. Стоянки Погон и Бугорок (раскопки 1997–1999, 2001 гг.) // *Пушкаревский сборник*. СПб. Вып. 2. С. 42–45.
- Хлопачев Г.А., Кулькова М.А., 2007. Стоянка Бугорок (Пушкарки IX): геологическая характеристика и возраст // *Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г.* СПб. С. 226–231.

Рис. 1. Топографический план Пушкаревского мыса (выполнен Н.Е. Ющенко)

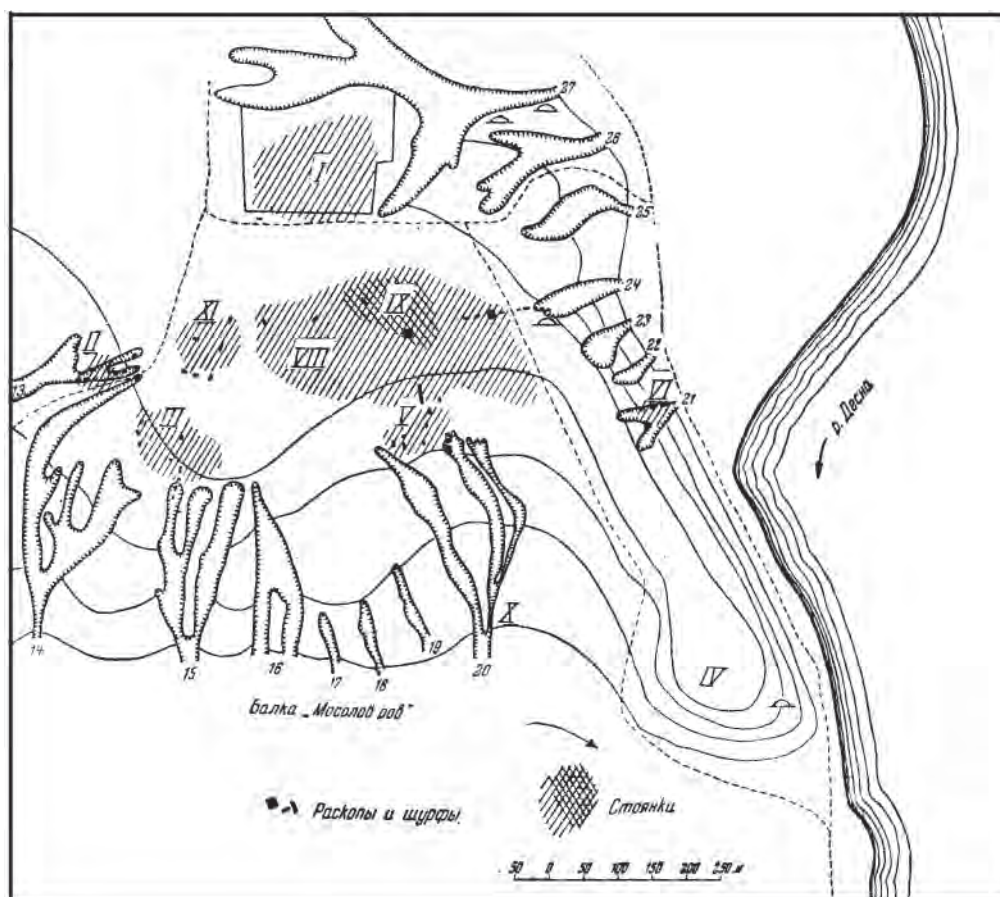

Рис. 2. Схема расположения стоянок на Пушкаревском мысу (по: Воеводский, 1950)

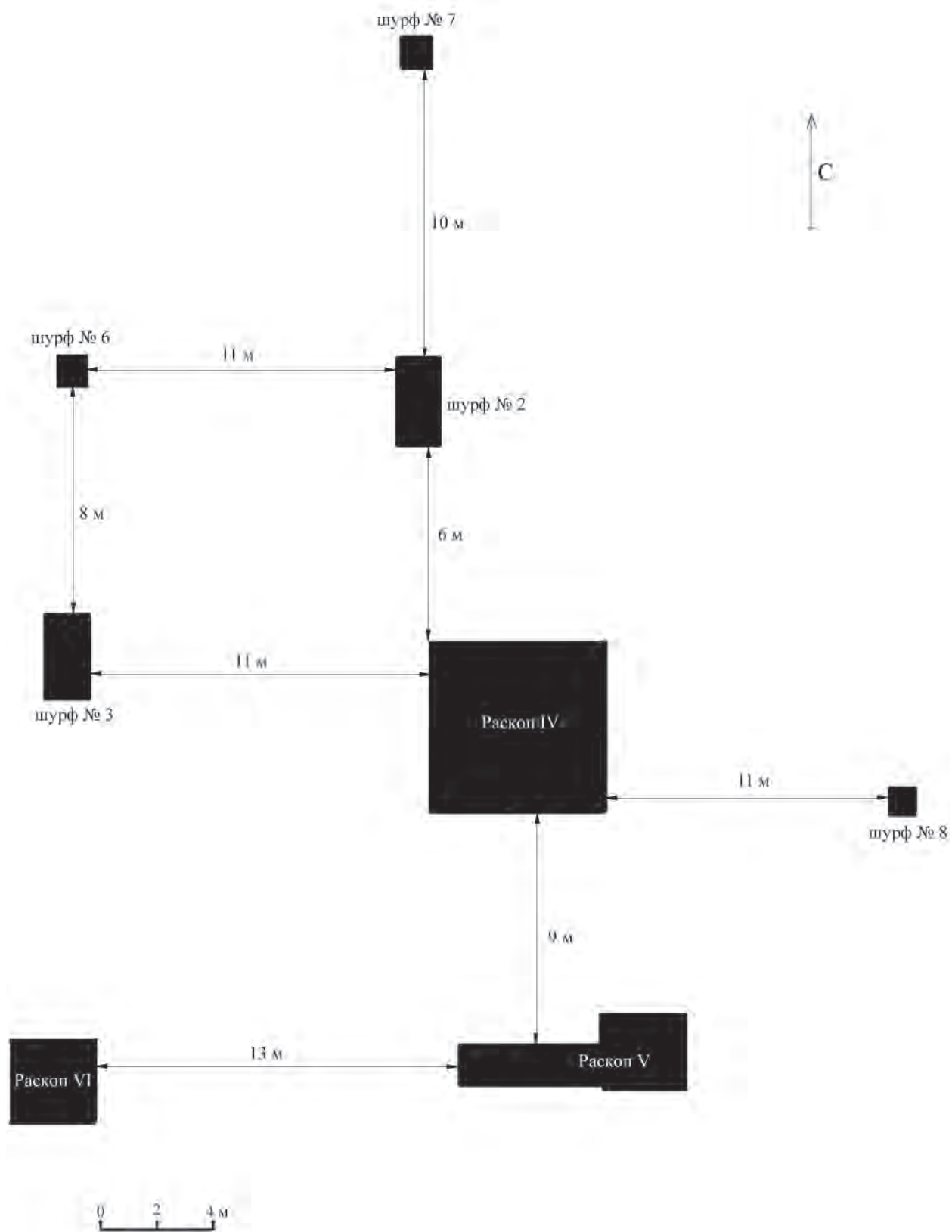

Рис. 3. Схема расположения шурфов и раскопов на стоянке Пушкари IX

Рис. 4. Стоянка Пушкари IX. Раскоп V. Южная стена

Рис. 5. Стоянка Пушкари IX. Восточная половина раскопа V. Стратиграфия отложений, вмещающих культурный слой

Рис. 6. Стоянка Пушкари IX. Раскоп VI. Стратиграфия отложений, вмещающих культурный слой

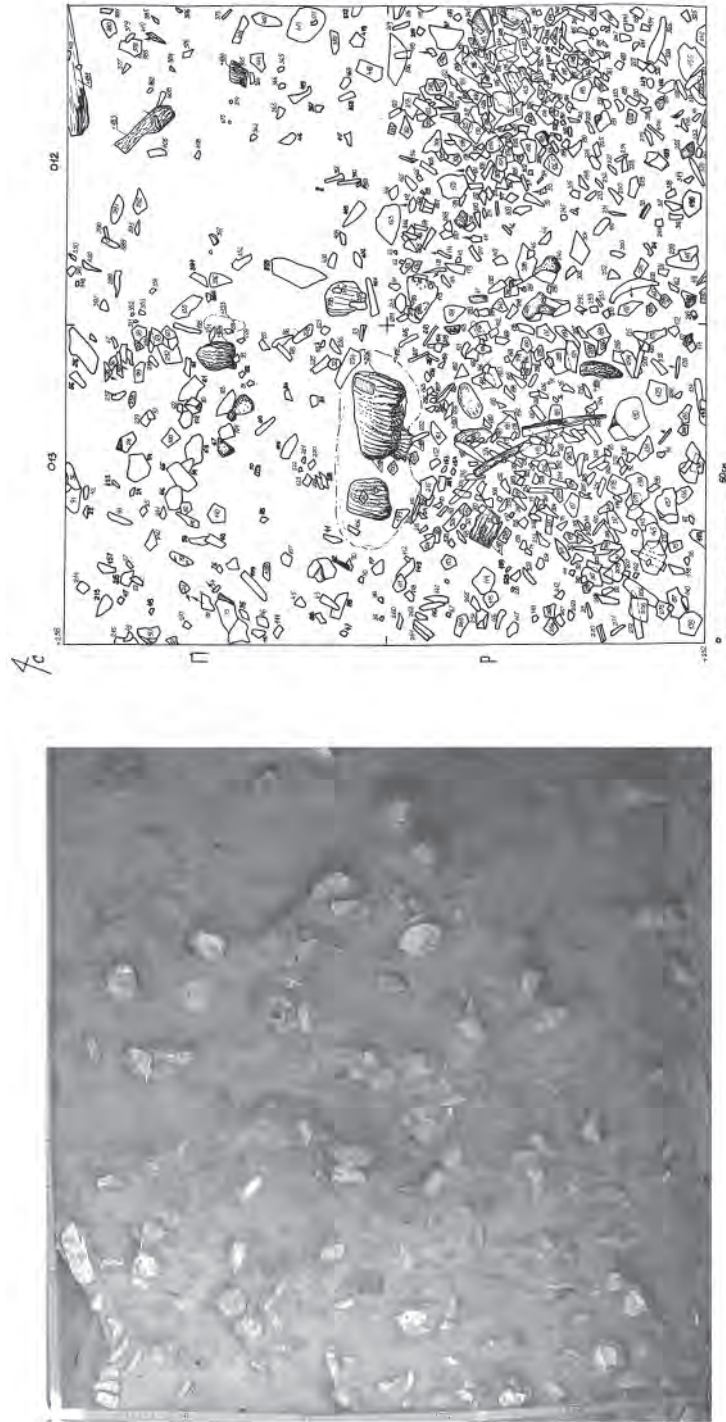

Рис. 7. Стоянка Пушкари IX. Верхний культурный слой

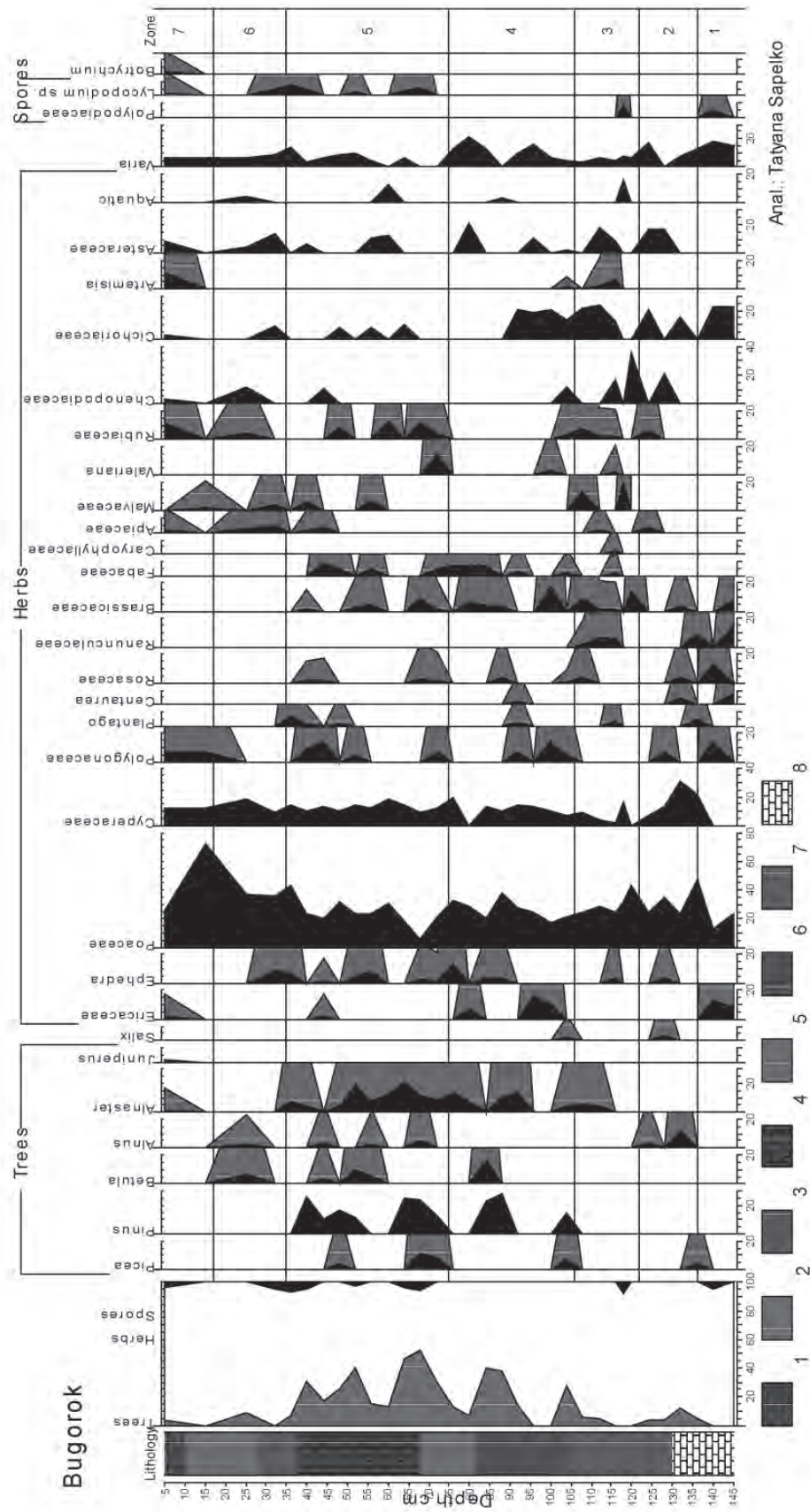

Рис. 8. Стоянка Пушкари IX. Результаты спорово-пыльцевого анализа образцов из палинологической колонки, отобранной из северной стены раскопа VI (определения канд. геогр. наук Т.В. Сапелко, ИНОЗ РАН)

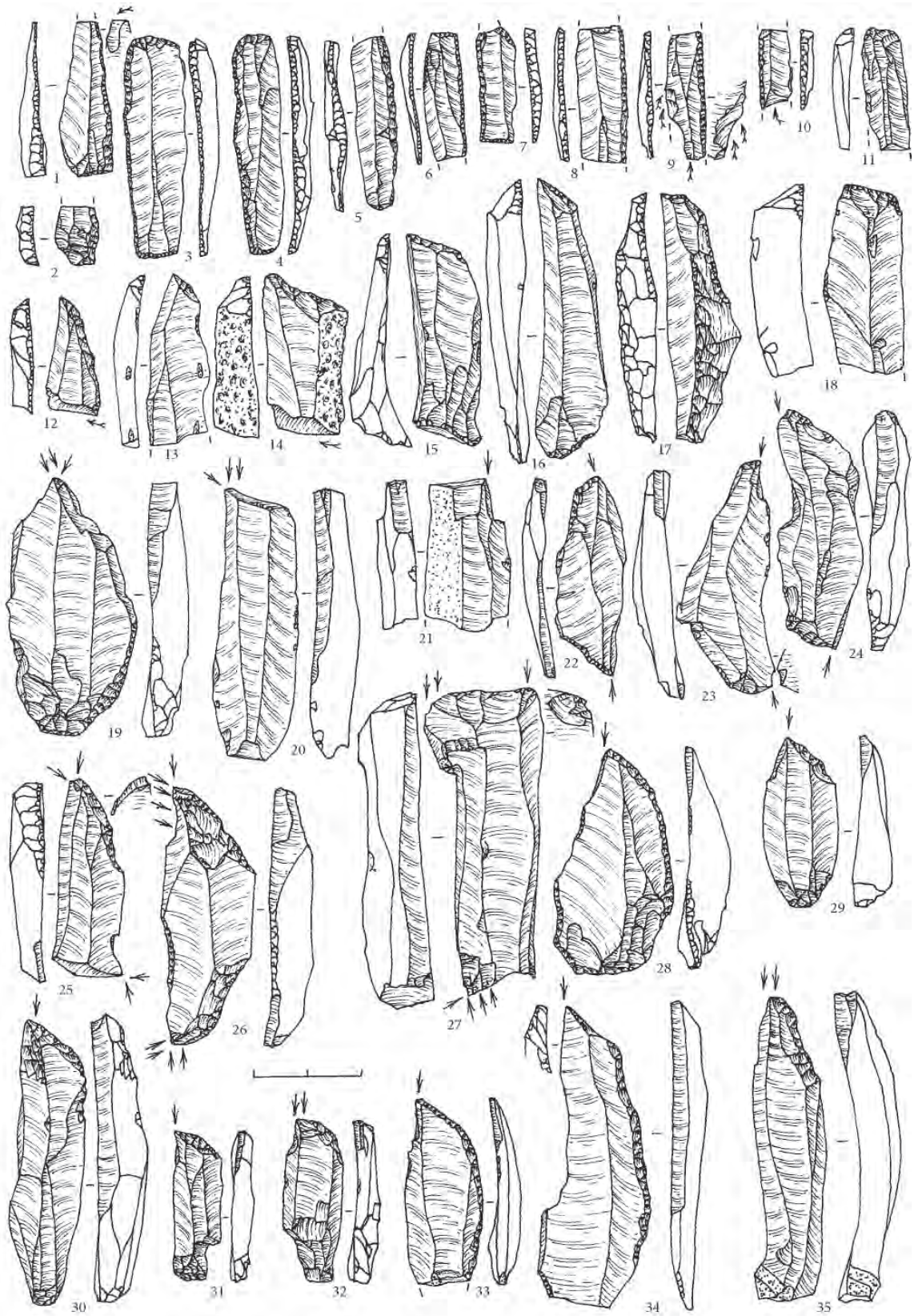

Рис. 9. Стоянка Пушкари IX. Верхний культурный слой. Кремневый инвентарь (пик, остря, резцы)

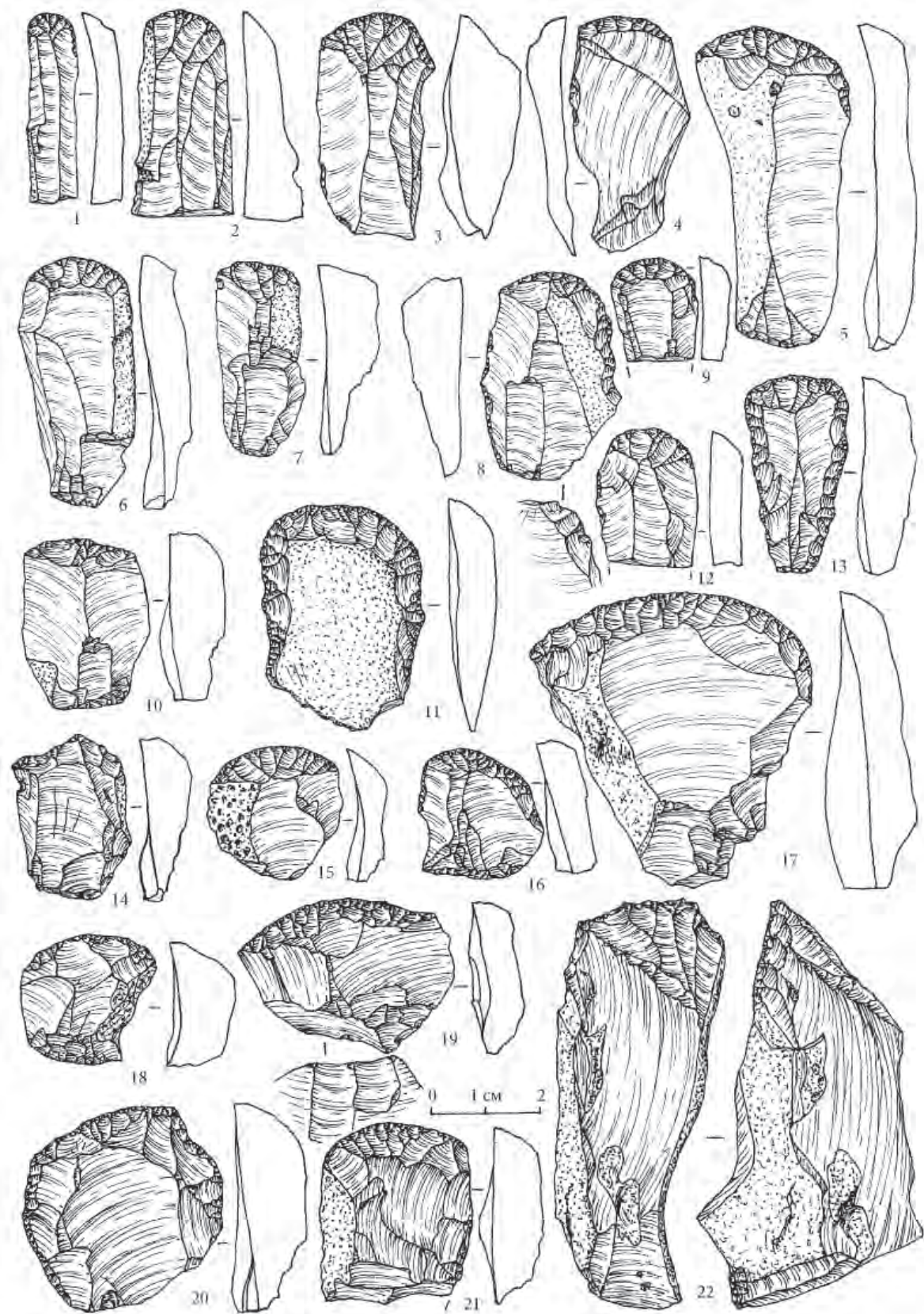
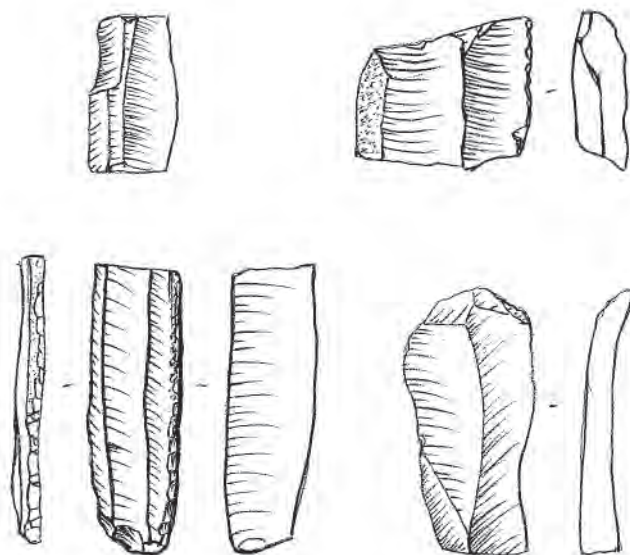

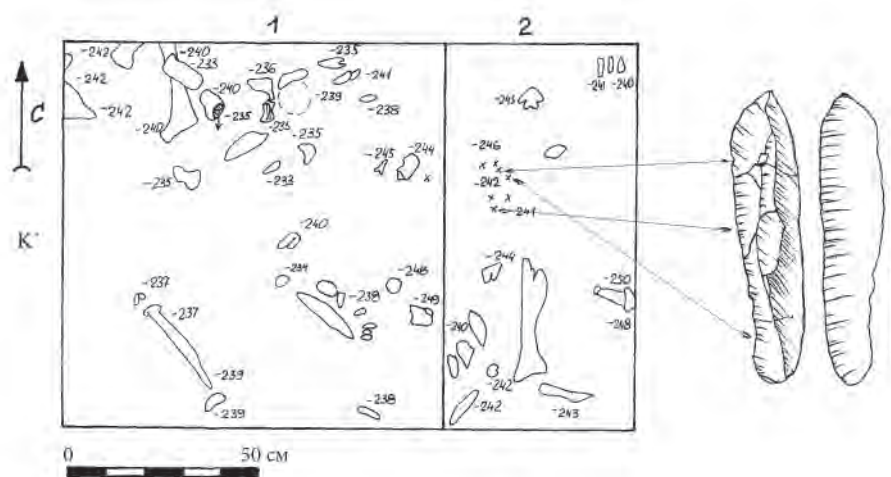
Рис. 10. Стоянка Пушкари IX. Верхний культурный слой. Кремневый инвентарь (скребки)

Рис. 11. Стоянка Пушкари IX. Нижний культурный слой. Раскоп V. Вид с востока

Раскоп IV. Кремневый инвентарь

Шурф № 2

Рис. 12. Стоянка Пушкари IX. Нижний культурный слой

Граветтийский комплекс стоянки Борщево 5 в Костенковско-Борщевском районе на Дону*

С.Н. Лисицын**

Местоположение. Многослойная стоянка Борщево 5 расположена в большом Борщевском логу, который является самым крупным логом в системе древних балок правого берега Дона в пределах Костенковско-Борщевского палеолитического района. Стоянка Борщево 5 в настоящее время является наиболее южным памятником этого района. Ближайшими к нему памятниками, также расположенными в приустьевой части Борщевского лога, являются Борщево 2 и Борщево 6.

Памятник залегает в отложениях второй надпойменной террасы долины Дона и приурочен к склону правого борта лога (абсолютные отметки 116–125 м над ур. моря и порядка 35 м над урезом реки), на расстоянии около 1,2 км на юго-запад от Дона, при левом приустьевом мысе впадающего в основной Большой Борщевский лог лога-отвершка. Поверхность мыса плавно падает по направлению с юга на север. Стоянка локализуется в центральной плоско-возвышенной части мыса, который прислонен с юга к сглаженному эрозией уступу докольной меловой террасы. С остальных сторон памятник ограничен резкими падениями склона, маркирующими более мелкие и частично выположенные древние овражки (рис. 1).

История изучения. Подъемный материал, который позволил судить о наличии стоянки, был найден А.В. Карихом, владельцем усадьбы в с. Борщево. Раскопочные работы на памятнике начались в 1998 г., когда была сделана зачистка борта дороги. Коллекция подъемного кремневого материала, собранная к этому времени А.В. Карихом, и находки в зачистке *in situ* позволили первоначально охарактеризовать стоянку как комплекс, принадлежащий граветтийской культурной традиции. Культурный слой залегал в верхней части

покровного лессовидного суглинки, ниже основания чернозема и сопровождался костями мамонта (Карих и др., 1999).

Продолжение исследований на стоянке стало возможным в 2002 г., когда была произведена разведочная шурфовка стоянки, имевшая целью уточнить площадь памятника и хроностратиграфическую позицию культурных остатков. Сверху вниз по склону подряд были поставлены шурфы, позволившие зафиксировать многослойность памятника. Три шурфа площадью 6 кв.м. каждый были заложены по линии северо-запад–юго-восток, вдоль распханного под огороды края террасовидного уступа древнего мыса. Четвертый шурф площадью 9 кв. м был заложен на сниженном северо-западном участке мыса и пятый площадью 6 кв. м — на самой высокой северо-восточной точке распространения подъемных находок. Все шурфы в 2002 г. были вписаны в единую метровую квадратную сетку, ориентированную углами по сторонам света, которая стала использоваться и в последующие годы раскопок. В ходе работ 2002 г. шурфы № 3 и № 5 удалось вскрыть на глубину полного профиля до щепенчатого основания четвертичных отложений, шурф № 1 был законсервирован на уровне основания верхнего культурного слоя, а шурфы 2 и 4 — на уровне основания второго культурного слоя. Результатом работ 2002 г. было обнаружение нижележащего (второго) культурного слоя, а также получение новых данных по стратиграфическому и геоморфологическому строению второй террасы в Большом Борщевском логу (Лисицын, 2002).

В результате полевых работ 2003 г. в раскопе площадью 28 кв. м, заложенного на срединном участке памятника, были последовательно изучены три культурных слоя, из которых третий был найден впервые. Верхний

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 09-06-00239а.

** Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

культурный слой, залегающий под черноземом в покровном суглинке, доставил большую коллекцию кремневых орудий, преимущественно изготовленных из мелового кремня: острый, микропласток с притупленным краем, долотовидных орудий, скребков и резцов; также впервые были представлены целые нуклеусы. Фауна представлена мамонтом, лошастью, песцом и волком. Конструктивных сооружений из костей, а также ям не обнаружено. Второй культурный слой, залегающий в верхней части первой гумусовой толщи, оказался беден каменными находками, что пока не позволило атрибутировать этот комплекс. К тому же, он оказался сильно поврежден крупной естественной деформацией — промоиной, пересекавшей раскоп по направлению с севера на юг. Кремневые артефакты второго культурного слоя, в отличие от верхнего, преимущественно сделаны из цветного кремня, но использовался и меловой. Орудия были представлены единственным скреблом на отщепе. Третий культурный слой в 2003 г. был обнаружен на площади 4 кв. м, после чего раскоп был законсервирован. Специфика этого слоя — в том, что он литологически связан с горизонтом вулканического пепла и имеет, таким образом, четкую корреляцию с имеющим аналогичное залегание культурным слоем на Костенках 14.

Наряду с раскопом в 2003 г. на памятнике был вскрыт законсервированный в 2002 г. шурф № 4 и доведен до глубины 5 м с целью получения всей колонки отложений — до щебенчатого основания четвертичной пачки. Кроме остатков верхних культурных слоев, шурф выявил еще два уровня залегания находок, в первом случае — кости мамонта в средней части нижней гумусовой толщи, во втором — единственный отщеп цветного кремня в ее основании (Лисицын, 2004).

В 2004 г. раскоп предыдущего года (Раскоп 1) был продолжен вглубь до материка, и в нем последовательно исследованы нижние: 3-й, 4-й и 5-й культурные слои, из которых 2 последних зафиксированы впервые в тех же стратиграфических позициях, что и в шурфе № 4 в 2002 г. 3-й культурный слой, залегающий *in situ* на горизонте вулканического пепла, доставил фаунистические остатки лошади, мамонта и небольшую коллекцию кремневых артефактов, к сожалению, недостаточную для определения культурной принадлежности (Лисицын, 2006). 4-й культурный слой, залегающий в перетолженном состоянии в средней части нижней гумусовой толщи, был представлен лишь

одной кремневой плиткой и несколькими костями лошади. 5-й культурный слой в раскопе 2004 г., приуроченный к основанию нижней гумусовой толщи, содержал лишь кости лошади и древесные угольки.

В 2005 г. было решено доисследовать шурф № 1, законсервированный в 2002 г. Шурф был расширен до 16 кв. м (Раскоп 2), и в нем был целиком изучен верхний культурный слой. Находки включали фаунистические остатки мамонта и лошади, а также немногочисленные кремневые изделия. В 2006 г. раскопок на памятнике не проводилось. В 2007 г. к раскопу 2005 г. был прирезан раскоп 3 размерами 5 × 5 м с целью проследить продолжение скопления костей мамонта в верхнем культурном слое раскопа 2. Однако, находки верхнего культурного слоя в раскопе оказались немногочисленными, а скопление костей закончилось у северо-западной стенки. В 2008 г. раскоп 3 был продолжен до материка, в нем были изучены в верхней гумусированной толще остатки 2 культурного слоя, представленного единичными находками, а также 3 культурный слой, связанный с вулканическим пеплом. Находки 4 и 5 культурных слоев в нем отсутствовали. Еще один раскоп (Раскоп 4) площадью 12 кв. м был прирезан к юго-западной стенке раскопа 2004 г. В нем был частично исследован и законсервирован верхний культурный слой на уровне залегания его верхнего контакта в покровном лессовидном суглинке. В 2009 г. на памятнике было продолжено изучение раскопа 4, и сделана новая прирезка 16 кв. м. Общая площадь раскопа 4, таким образом, составила 28 кв. м, на которой был доисследован верхний культурный слой, а также второй и частично третий культурный слой.

Материалы из верхнего культурного слоя, в том числе представительная коллекция кремневых орудий и дебитажа, шлифованные изделия из мягкого сланца, полученные в 2003–2009 гг. из раскопов 2, 3 и 4 на общей площади 95 кв. м дали массовый материал, который позволяет по-новому оценить культурную принадлежность и содержание данного комплекса.

Стратиграфия. Полная колонка отложений на Борщеве 5 была вскрыта в шурфах № 3, № 5 в 2002 г. и № 4 в 2003 г., а также в раскопе 1 в 2004 г. (Лисицын, 2006) и в раскопе 3 в 2008 г. Строение верхней части отложений второй террасы Дона на участке, занимаемом памятником, согласно данным 2008 г., выглядят следующим образом (рис. 2, А):

- (1) 0,0–0,40 м – пахотный слой.
- (2) – 0,40–0,90 м – чернозем, светлеет к низу.
- (3) 0,90–2,40 м – суглинок лессовидный светло-коричнево-бурый, местами до рыжего, неоднородный, неравномерно щебенный меловой крошкой.
- (4) Внутри этого слоя на глубине 1–2 м прослежены два горизонта слабогумусированного бурого, иногда до сизовато-пепельного цвета суглинка – следы почвообразования. Верхняя прослойка (1а) этой сдвоенной палеопочвы мощностью 10–15 см (рис. 2, А), которая залегает аморфными блоками или линзами, отделена от нижней прослойки (1б), залегающей единым горизонтом мощностью 20–40 см, прослоем лессовидного суглинка с большим количеством меловой крошки. Горизонт почвообразования (особенно 1б) связан с уровнем залегания 1 культурного слоя и ассоциируется с гмелинской палеопочвой.
- (5) 2,40–3,10 м – суглинок гумусированный темно-серый слоистый, неоднородный, местами слабощебенный, состоящий из двух прослоек переслаивающихся линз черного гумуса, разделенных осветленной слабо мергелистой рыжеватой прослойкой – верхняя (первая костенковская) гумусированная толща – уровень залегания 2 культурного слоя (по верхнему контакту пачки).
- (6) 3,10–3,60 м – суглинок мергелистый светло-серый до белесого, однородный, тяжелый, слабощебенный, с карбонатными стяжениями.
- (7) 3,60–3,90 м – суглинок очень слабо гумусированный, палево-коричневый с сероватым оттенком, залегает горизонтом с нечеткими границами и оторванными вверх отдельными линзами, переслаивающимися с мелкими линзочками вулканического пепла. Горизонт эфемерного почвообразования – уровень залегания 3 культурного слоя.
- (8) Вулканический пепел (прослойка внутри слоя 7) – монотонно-серый до голубоватого, иногда с зеленоватым оттенком, однородный, залегает местами единым горизонтом, а местами переслаивающимися линзами, по нижнему контакту имеет трещиноватые хвосты, уходящие на 5–20 см в нижележащий слой.
- (9) 3,90–4,00 м – горизонт кляксоподобных линз (мощностью 3–11 см) гумусированного суглинка темно-серого до сажисто-черного цвета, местами с включением ярко-рыжих до кирпичного пятен сильно прокаленного суглинка – следы пожара, не содержащие следов антропогенной деятельности. Эти линзы

частично подстилаются бледно-красноватым мергелистым суглинком, плавно переходящим в нижележащий, с волнистыми щебенными светлыми прожилками (мощностью 2–3 см) и следами морозного выпучивания.

(10) 4,00–4,10 м – суглинок мергелистый, неоднородный, светло-серо-коричневатый до белесого, насыщенный мелкими карбонатами и меловой крошкой. Залегает линзами, выклинивается к северу и уходит языками в нижележащий слой.

(11) 4,10–4,25 м – суглинок мергелистый светло-коричнево-серый до белесого, неоднородный с размытыми контактами, сильно иссечен гумусированными хвостами из вышележащего слоя, линзовидный – местами выклинивается.

(12) 4,25–4,60 м – суглинок гумусированный серо-кофейный до бурого, неоднородный, включающий линзы сильной и средней гумусированности. Нижний контакт рваный с трещиноватыми хвостами и затеками. Начало нижней (второй костенковской) гумусированной толщи. В основании, на контакте с нижележащим слоем – уровень залегания 4 культурного слоя.

(13) 4,60–4,75 м – суглинок тяжелый, неоднородный, серовато-коричневый до бурого, к низу рыжевато-коричневый. Содержит тонкие прослои и линзы слабой и более сильной гумусированности, в основании слоя – отдельные линзы белесого материала.

(14) 4,75–4,80 м – суглинок сильно гумусированный, темно-серый до углисто-черного, с выраженной горизонтальной слоистостью и бесструктурными пятнами белого тлена неясного генезиса. Залегает линзами, содержит древесные угли, местами выклинивается. Уровень залегания 5 культурного слоя.

(15) 4,80–4,90 м – суглинок однородный мергелистый, рыхлый, светло-палевый до белесого и чистого белого, с творожистыми карбонатными стяжениями.

(16) 4,90–5,00 м – суглинок гумусированный выраженно-слоистый, пестроцветный (темно-коричневый, серый до серо-черного), по-видимому, оглеенный. Состоит из чередующихся и выклинивающихся по простиранию очень тонких прослоек суглинка разной степени гумусированности. Погребенная почва, основание нижней гумусированной толщи.

(17) Ниже – суглинок мергелистый однородный палево-серый до пегого, очень плотный, щебенный по всей толще, с прослоями и линзами щебня и мела (материк).

Не касаясь подробностей строения нижней части стратиграфической колонки, обратим внимание на уровень залегания верхнего культурного слоя. По предыдущей публикации (Лисицын, 2004) верхний культурный слой в раскопе 1 (2003 г.) был целиком вмещен в погребенную почву, залегающую внутри пачки покровного лессовидного суглинка, который повсеместно подстилает в Костенковско-Борщевском районе голоценовый чернозем. Согласно полным стратиграфическим аналогиям этой почвы на Костенках 1 (стоянка Полякова), Костенках 21 (Гмелинская) и Костенках 14 (Маркина Гора), а также радиометрическим датировкам по вмещенным в нее культурным слоям, в целом не выходящим за хронологические рамки 22–20 тыс. л.н., эта палеопочва ассоциирована с гмелинским почвообразованием, маркирующим в Костенках граветтийский эпизод средней поры верхнего палеолита (Аникович и др., 2008).

В последние годы раскопок на Борщеве 5 в раскопе 2 и 3 и особенно раскопе 4 внутри покровной лессовидной пачки над первой гумусированной толщей были впервые четко зафиксированы не один, а два горизонта почвообразования на уровне залегания верхнего культурного слоя, получившие обозначения 1а и 1б (рис. 2, А). Мощность верхнего горизонта составляла 10–15 см, а нижнего доходила до 40 см. Они разделялись ~30 см прослоем лессовидного суглинка, отличающегося от подстилающего и перекрывающего лесса лишь тем, что он содержал большее количество меловой крошки. Отличия двух почвенных горизонтов прослежены также и по таким особенностям, как цветность и особенности залегания. Верхний горизонт залегал отдельными линзами, содержал много меловой крошки, местами выклинивался и имел более однородную и интенсивную бурю окраску, чем нижележащий. Последний залегал сплошным неразрывным горизонтом со следами незначительного полигонального растрескивания и имел неоднородно-пятнистый серовато-бурый цвет, местами уходящий в пепельно-сизоватый оттенок. Именно такой цвет и характер заполнения отличает палеопочву на эпонимной стоянке Костенки 21.

Таким образом, уровень почвообразования в лессовидной пачке, включающей 2 горизонта, имел мощность почти 1 м (слишком много для одного культурного слоя, даже учитывая склоновую позицию раскопанного участка). Поэтому при изучении покровной пачки отложений в раскопах 2, 3 и 4 наиболее важ-

ным оказался вопрос о культурном единстве верхнего культурного слоя, его связи с обоими горизонтами почвообразования и возможности разделения на хронологически разные комплексы.

Структура верхнего культурного слоя. В раскопе 2 культурные остатки залегают на глубине 2,2–2,4 м от поверхности и следовали общему падению склона по направлению с юга на север. Выше, в основании чернозема и лессовидном суглинке были встречены лишь несколько мелких кремней, но из-за насыщенности отложений кротовинами говорить об их инситуности не приходится. Следовательно, уровень залегания верхнего культурного слоя здесь соответствует исключительно нижнему, более мощному, горизонту почвообразования. Планиграфически никаких пятен, западин и иных структур в составе культурного слоя проследить не удалось.

Находки в раскопе 2 были представлены преимущественно костями мамонта, в меньшей степени – лошади. Кости располагались на площади раскопа неравномерно. В юго-восточном углу раскопа (квадраты X198–199/Y50–51) располагались нагроможденные друг на друга 2 челюсти молодых мамонтов (рис. 2, Б) вместе с горизонтально лежавшей лопаткой мамонта, в центре которой была пробитая сквозная дыра. С севера к этому скоплению примыкал фрагмент позвоночника мамонта в анатомической связке. Подобные сочетания мамонтовых остатков (лопатки с пробитой дырой, нагромождение челюстей и других крупных костей) обычно свойственны конструктивным элементам верхнепалеолитических жилищ, но нельзя исключить и случайное образование таких скоплений при скапывании вниз по склону. Рядом располагались кости – локтевые и другие трубчатые кости и обломки ребер мамонта, а также медиальная часть бивня без видимых следов обработки.

В восточном углу раскопа 2 (квадраты X196–197/Y50–51) был расчищен сильно денудированный череп мамонта, распавшийся на несколько крупных фрагментов, в окружении фрагментов крупных трубчатых костей. В северном углу (квадраты X196–197/Y52–53) залегало скопление разрозненных ребер и позвонков мамонта, а также таз мамонта в полувертикальной позиции. Практически пустыми оказались квадраты X196/Y53, X199/Y53 и X196/Y51. На квадратах X197/Y53 и X199/Y51 были найдены кости лошади – зубы, кости стопы и ребер вместе с мелкими фрагмен-

тами мамонтовых костей. Костяных изделий с вторичной обработкой в раскопе не найдено. Немногочисленные каменные артефакты были представлены исключительно находками дебитажа: кремневые и кварцевые отщепы, чешуйки и обломки пластинок (всего 15 экз.).

В прирезанном с юго-восточной стенке раскопа 2, с целью проследить продолжение скопления, в 2007 г. раскопе 3 культурные остатки верхнего культурного слоя *in situ* залегали на глубине 1,8–2,0 м от поверхности и аналогичным образом следовали общему падению склона по направлению юг-север. Находки также залегали в нижнем горизонте погребенной почвы. Каких-либо окрашенных пятен искусственного происхождения, западин и иных структур в составе культурного слоя проследить не удалось. Фаунистические находки были представлены костями мамонта. Кости располагались на площади раскопа неравномерно. В западном углу раскопа (квадраты X193–195/Y49–51) наблюдалась относительная их концентрация, а на остальной площади располагались лишь единичные фаунистические остатки. Упорядоченности в их расположении не прослеживалось (рис. 2, Б). Были представлены в обломках ребра, позвонки и кости конечностей мамонта, а также неопределимые обломки вне анатомической связи. Скопление костей, прослеженное в южном углу раскопа 2 в 2005 г. (в том числе пробитая лопатка и челюсти мамонта), не нашло продолжения в северной части раскопа 2007 г и фактически закончилось по линии прирезки. Относительная концентрация костей на смежных квадратах X192–193/Y50–51, включавшая 2 крупных трубчатых кости мамонта, позвонки (атлант) и несколько ребер, также не содержала каких-либо конструктивных элементов. Кроме фаунистических остатков мамонта, костей иных животных не обнаружено, за единственным исключением, — на границе квадратов X192–193/Y50 была найдена нижняя челюсть волка. В целом следует отметить очень плохую сохранность костей в раскопе 2007 г. Следы сильного выветривания отмечены на поверхности практически всех костей, что свидетельствует о том, что кости долго лежали на поверхности. Кремневые изделия на площади раскопа были представлены 10 экз., найденными в культурном слое, среди которых: сколы без обработки, долотовидное изделие на отщепе (рис. 2, В: 5) и базальная часть сломанного острия с вентральной подработкой основания (рис. 2, В: 1). Помимо кремня *in situ* несколько

орудий было найдено в черноземе и кротовинах: 2 микропластинки с притупленным краем (рис. 2, В: 2, 6), 2 обломка пластин с ретушью (рис. 2, В: 7, 8), 2 долотовидных изделия (рис. 2, В: 3, 4). Находки из кремня в культурном слое не образовывали отдельных концентраций. Они были рассредоточены по площади раскопа 3, и найдены преимущественно в западной его части вне устойчивой связи с фаунистическими находками (рис. 2, Б). Таким образом, материалы из раскопов 2 и 3 свидетельствуют, что верхний культурный слой Борщево 5 на раскопанном участке стоянки связан со вторым горизонтом почвообразования.

Раскоп 4 был прирезан к юго-западной стенке раскопа 1, в 23 м к юго-западу от раскопа 3, вверх по склону, который был незначительно выровнен при современной распашке проходящей здесь межи двух усадеб (рис. 1). На примыкающем участке раскопа 1 наблюдалась наибольшая концентрация находок в верхнем культурном слое. В раскопе 1 в 2003 г. было найдено 434 артефакта, отнесенных к верхнему культурному слою, который был целиком вмещен в погребенную почву, выглядывшую тогда единым и нерасчленимым горизонтом. Орудийный набор и стратиграфия из раскопок 2003–2004 гг. опубликованы (Лисицын 2004; 2006. С. 122). Однако то обстоятельство, что разброс находок по вертикали составлял 0,8–1 м, а также то, что уровень залегания слоя был сильно поврежден естественной деформацией (древней промоиной), позволяет теперь, по меньшей мере, усомниться в единстве комплекса из верхнего культурного слоя, полученного в раскопе 1.

О стратиграфическом строении верхней пачки отложений в раскопе 4 на данном участке стоянки, менее поврежденном и прослеженном значительно подробнее, можно судить по юго-западной стенке 2009 г. (рис. 3).

- (1) 0,0–0,25 м — пахотный слой.
- (2) 0,25–0,55 м — чернозем, светлеет к низу.
- (3) 0,55–0,65 м — суглинок лессовидный светло-коричнево-бурый, местами до рыжего, неоднородный, неравномерно ощебенный.
- (4) 0,65–0,79 м — палеопочва слабо гумусированная бледно-красновато-буроватая, залегает линзами (уровень залегания 1а культурного слоя).
- (5) 0,79–0,86 м — суглинок лессовидный светло-бурый, аналог слою 3, сильно ощебенный мелом.
- (6) 0,86–1,18 м — палеопочва слабо гумусированная сизовато-бурого до пепельного цве-

та (уровень залегания 1б культурного слоя). Местами между палеопочвой и нижележащим слоем прослеживается прослойка лессовидного суглинка, аналогичного слою 3.

(7) 1,18–1,85 м — верхняя гумусированная толща: суглинок гумусированный темно-серый слоистый, неоднородный, местами слабоощебненный, состоящий из двух прослоек переслаивающихся линз черного гумуса, разделенных осветленной рыжеватой прослойкой (в кровле пачки — уровень залегания 2 культурного слоя).

(8) 1,85–2,45 м — суглинок мергелистый светло-серый до белесого, однородный, тяжелый, слабоощебненный, с тонкой прослойкой линзовидных карбонатных стяжений в средней части.

(9) 2,45–2,55 м — суглинок очень слабо гумусированный, палево-коричневый с сероватым оттенком, залегает горизонтом с нечеткими границами и оторванными вверх отдельными линзами, переслаивающимися с мелкими линзочками подстилающего его вулканического пепла (уровень залегания 3 культурного слоя).

Артефакты в раскопе 4 в большом количестве стали встречаться уже в черноземе и в кротовинах, а с глубины 0,6 м был достигнут уровень залегания 1а культурного слоя. Находки — кости, кремневые изделия и осколки плиток кварцито-песчаника и сланца залегали хаотично, многие предметы лежали на ребре. Но в целом уровень залегания находок соответствовал общему падению склона. После углубления раскопа до 0,9–1,0 м в плане стали отмечаться пятна побурения суглинка, свидетельствующие о достижении верхнего контакта погребенной почвы. Характер залегания находок изменился: они встречены в основном в горизонтальном залегании.

На уровне верхнего контакта культурного слоя 1а (на глубине около 0,6–1 м от поверхности) скопления фаунистических остатков и каменных изделий были прослежены вдоль юго-западной и в северной части. На квадратах X220–221/Y48 была расчищена нижняя челюсть мамонтенка, а также анатомически связанные кости конечностей и челюсть песка (рис. 4). Возможно, тому же мамонтенку принадлежали лежавшие неподалеку в сочленении длинные кости конечностей на квадратах X222/Y50–51. В окружении костей бессистемно залегали немногочисленные кремневые изделия и обломки плиток красно-коричневого кварцито-песчаника. Некоторые из плиток имели поверхностные следы шлифовки,

что говорит об их использовании в качестве абразивов.

Относительно плотная концентрация находок расчищена в северной части раскопа и вдоль северо-западной стенки. Скопление мелких обломков костей (преимущественно ребер лошади и мамонта) и кремневых артефактов, вытянутое по линии запад–восток, прослежено на квадратах X219–220/Y51–52 (рис. 4). На квадратах X220–221/Y52 залегал обломок крупного бивня мамонта, который был расчищен в полувертикальной позиции. Бивень, вероятно, в древности залегал в вертикально острым концом в землю, но в результате мерзлотных и склоновых процессов был деформирован и расщеплен. Рядом с бивнем плотно залегали кремневые находки и каменные плитки в обломках, тяготея к его napольной южной стороне, что объясняется их сползанием по склону и застреванием в естественном углублении вокруг и в самом расщепленном бивне. Следов обработки на бивне не обнаружено.

Каких бы то ни было искусственных углубленных в дневную поверхность ям, которые отличались бы по своему заполнению от окружающего слоя, в культурном слое 1а прослежено не было. Единичные угольки (древесные и костные) залегали разрозненно и не образовывали скоплений. На фоне лессовидного суглинка выделялись лишь округлые очертания многочисленных кротовин и отдельные аморфные слабо-гумусированные и рыжеватокрасноватые пятна погребенной почвы, с которой связан слой 1а. Сначала эта легкая рыжеватая окрашенность была воспринята как окрашивание охрой культурного слоя, но потом стало ясно, что так проявляют себя именно отдельные линзы погребенной почвы, деформированной склоновыми процессами. Отдельные кусочки охры и гематита встречались почти на всей площади раскопа 4 и в слое 1а, и в слое 1б, но их цветность была интенсивной красно-малиновой и не влияла на вмещающие отложения.

В целом, судя по распространению культурных остатков, можно констатировать, что в раскопе 4 удалось зафиксировать локальное скопление находок 1а слоя (рис. 4). Периферийная часть этого скопления соответствует южному углу раскопа 2009 г., а более насыщенная часть уходит в северо-западную стенку. Для многих находок в этом скоплении, особенно кремневых, было отмечено полувертикальное положение в слое, что говорит о значительных склоновых смещениях и повреждениях,

вызванных деятельностью землеройных животных и/или древней эрозией. Мощность слоя 1а, судя по нивелировочным отметкам находок, составила около 15–20 см.

В восточном углу раскопа 4 была прослежена специфическая деформация — древняя промоина шириной около 1 м, вытянутая по линии север–юг, продолжение которой вниз по склону было прослежено в раскопе 1 в 2003–2004 гг., где она пересекала раскопанную площадь строго по диагонали из южного угла в северный и сильно расширялась. Выполненная промоина заполнена меловым щебнем и перемещенными с верхних участков склона отдельными археологическими находками. Промоина начиналась с уровня основания чернозема, прорезала лессовидную пачку с 1а, 1б и культурными слоями. Нечеткие границы бортов промоины в 2009 г. удалось проследить по щебнистому заполнению лишь на уровне 1б слоя, а поперечный профиль — в юго-восточной стенке раскопа. Глубина ее заполнения составила 0,9–1,1 м. Ее основание было прослежено до середины верхней гумусированной толщи включительно, чуть ниже уровня залегания 2 культурного слоя. На границе с раскопом 2002–2004 гг. в промоине залегала в окружении крупных костяных осколков крупная бедренная кость мамонта. Рядом с костью на квадрате X219/Y47 были найдены отщеп, чешуйка и угловой резец на пластине, которые гипсометрически соответствовали 1б культурному слою (рис. 6).

Находки слоя 1б были связаны с нижним горизонтом погребенной почвы, залегавшим в ~1,2 м от поверхности, который был отделен от вышележащего 1а слоя 10–20 см прослойкой лессовидного суглинка, сильно насыщенного меловой крошкой — в западной и южной частях раскопа, а в северной оба этих горизонта сливались в единую почву. Именно благодаря такой особенности, а также благодаря тому, что большая часть раскопа 1 была повреждена промоиной, разделение двух почвенных горизонтов не было прослежено в примыкавшем ниже по склону раскопе 1 в 2003 г. Горизонт погребенной почвы культурного слоя 1б залегал единым пластом, а не линзами, как в случае с 1а. Он был более гумусированным по насыщенности, а цвет варьировал от бурого до пепельно-сизого. Все находки 1б слоя концентрировались единым скоплением в северном углу раскопа (рис. 6). На остальной площади встречались лишь единичные кремневые артефакты. Состав находок принципиально не

отличался от слоя 1а, за исключением того, что здесь отсутствовали крупные кости (кроме обломков ребер мамонта). Кремневые артефакты, плитки кварцито-песчаника и фаунистические остатки бессистемно располагались в едином скоплении. Характер залегания находок в концентрациях отличался большей плотностью, по сравнению со слоем 1а, с преобладанием горизонтального, а не полувертикального положения артефактов.

Еще одним планиграфическим отличием от слоя 1б от 1а были зольно-углистые пятна, прослеженные на квадратах X220–222/Y51 и X219–220/Y52. Судя по протяженности (~1,2 × 3,5 м) зольности с юга на север — это шлейф растащенного вниз по склону кострища, которое располагалось на древней дневной поверхности и не было углублено в землю. Причем в южной части расчищенное кострище выглядело как компактные переслаивающиеся наплывы углистой массы с пятнами рыхловатого рыхлого на ощупь прокаленного суглинка мощностью 2–3 см, а в северной части ниже по склону — как отдельные оторванные пятна и зольные разводы аморфных очертаний. В заполнении прокаленной части кострища на границе квадратов X221–222/Y51 находки полностью отсутствовали, а в границах остального золистого пятна, наоборот, располагалось наиболее насыщенное скопление артефактов.

Со слоем 1б связаны отдельные наблюдения, свидетельствующие об инситуном положении находок. Так, на границе квадратов X219/Y50–51 вблизи границы с раскопом 2003–2004 гг. непосредственно в составе скопления была расчищена лежавшая горизонтально крупная пластина из бивня мамонта размерами 5 × 45 см и толщиной менее 1 см. Следов обработки на пластине не прослеживалось, но очевидно, что ее форма связана с расщеплением более крупной заготовки или бивневого нуклеуса. На квадрате X220/Y50 был найден обломок сильно поврежденной мотыжки из ребра мамонта размерами 24 × 3,5 см со скошенным под острым углом, закругленным и слегка пришлифованным рабочим концом. Мотыжка отличалась от окружающих костей заглаженностью боковых граней, а также темной (землистой) окрашенностью поверхности кости, что иногда характерно для палеолитических изделий, бывших в употреблении. На квадрате X220/Y52 были найдены 3 микропластинки с притупленным краем, залегавшие вместе, причем все в вертикальной позиции.

Похоже, что они являлись вкладышами какого-то пазового орудия с деревянной основой. После того как дерево сгнило, они ссыпались вместе.

В основании культурного слоя 1б на контакте с нижележащей гумусированной толщей находки концентрировались лишь в северном углу раскопа и были представлены кремневыми изделиями и мелкими обломками костей. Средняя мощность 1б слоя, согласно нивелировкам находок, составила 20–25 см. Таким образом, судя по распространению находок на планах слоя 1б, в раскопе 2009 г. был изучен один объект – разрушенное кострище. Можно реконструировать, что первоначально кострище было компактным (размерами менее 1 × 1 м), а по окружности от него относительно равномерно располагались культурные остатки. Впоследствии участок был подвержен эрозии, и все находки скатились на несколько метров севернее (ниже по склону), и само кострище размыло в том же направлении. В соответствии с направлением склонового смыва, продолжение этой хозяйственной площадки нужно локализовать в юго-западном и западном направлениях от раскопа 4, а значительное количество смещенных находок следует ожидать в северном и северо-западном направлениях ниже по склону.

Инвентарь. К 1а слою в раскопе 4 (раскопки 2008 и 2009 гг.) относятся 1 138 предметов из камня. Большая часть изделий выполнена на черном меловом кремне (1 077 экз.), в значительно меньшей степени представлен цветной (карбонатный и меловой) кремне (24 экз.), опока (14 экз.), кварцит (13 экз.) и сланец (3 экз.). Предметы, имеющие следы корки, немногочисленны (112 экз.), так же, как и краевые сколы (11 экз.). Поэтому, учитывая находки всего лишь 4 экз. одноплощадочных нуклеусов, в том числе 2 остаточных и 1 торцевого клиновидного, следует признать, что первичная обработка кремня производилась вне пределов стоянки. Такой же вывод был сделан и на основании коллекции 2003 г., включавшей минимум первичных сколов и лишь 4 нуклеуса, в том числе 1 крупный торцевой и 1 клиновидный (Лисицын, 2004. С. 76, 79). Каменный инвентарь 1а слоя носит выраженный пластинчатый облик. Среди всех орудий (всего 141 экз. – 12,4% от коллекции без учета отщепов и пластин с ретушью) наибольшим количеством представлены микропластинки с притупленным краем (56 экз.), среди которых выделяются изделия со скругленными (рис. 5, 1–3)

и спрямленными (рис. 5, 6–7) ретушью концами. Причем ретушь оформления концов, как правило, вентральная полукруглая и плоская. Специфичный прием вентрального ретушного усечения концов почти всех орудий на пластинах уже на стадии заготовок (рис. 5, 5) является особенной чертой данной каменной индустрии, выделяющей ее на фоне синхронных костенковских памятников. Резцы, среди которых серийно преобладают двугранные и угловые, найдены в 23 экз. (рис. 5, 25–26, 29, 33). Скребки выполнены на широких пластинчатых отщепах (10 экз.) с субпараллельными краями, кроме 2 экз., сделанных на пластине, и часто имеют ретушь по краям (рис. 5, 31–32, 27–28). Среди острий (26 экз.) выделяются несколько крупных листовидных изделий (рис. 5, 23–24, 21–22) на массивных пластинах, обработанных контурной дорсальной ретушью по всему периметру заготовки. Наиболее же характерны мелкие типично граветтийские острия с притупленной спинкой – асимметричные микрограветты (рис. 5, 8–9, 12–13) и симметричные флешетты (рис. 5, 16–17), у которых таким же образом, как и у МППК, вентральной ретушью оформлен насад. Встречены также 2 экз. павловских острий, у которых приострены вентральной ретушью оба конца и нет притупленного края (рис. 5, 10–11). Долотовидные орудия подчетыреугольных очертаний на отщепах составляют цельную серию (21 экз.). Найдена 1 проколка-сверло с вытянутым массивным жалом (рис. 5, 20). Отдельного упоминания заслуживают присутствие в коллекции характерных сколов с ножей костенковского типа (8 экз.) и двух таких атипичных ножа (НКТ) на массивных пластинах с усеченными концами и одним ретушированным лезвием (рис. 5, 34). Не исключено, что они техно-морфологически сопряжены с долотовидными изделиями, но отличаются от последних тем, что их подтесанные концы не несут следов забитости, т.к. использовались как площадки для снятия приостряющих сколов по краям (как это и бывает у типичных НКТ). Типологически важным элементом является и находка 2 обломков наконечников с боковой выемкой (НБВ) на небольших пластинках, у которых выемка, занимающая три четверти заготовки, лишь едва намечена и, по сути, мало чем отличается от притупленного края граветтийских острий (рис. 5, 21–22). Перо изделий оформлено вентральной ретушью на проксимальном конце пластины, что, наоборот, отличает их от последних, у которых острий-

ная часть расположена, как правило, на дистальном конце и не несет ретуши на брюшке. В целом же, оба этих восточнограветтских элемента (НКТ и НБВ), которые были впервые отмечены среди находок в раскопе 2008 г., не являются определяющими для инвентаря.

Были найдены также 3 шлифованных изделия. Одно из них сделано из мягкого зеленого сланца и представляет собой уплощенный четырехгранный брусок с одной поврежденной стороной. Брусок тщательно шлифован и имеет сглаженные ребра. Аналогичный брусок был найден в раскопе 2003 г. на расстоянии менее 2 м от находки 2009 г. Причем оба они, как выяснилось, представляют собой фрагменты одного изделия и апплицируются друг к другу. На плоской поверхности одной из сторон бруска есть следы интенсивного точечного пикетажа. Другое изделие из слоистого желтого сланца или плотного доломита по форме напоминает уплощенный квадрат с одним скошенным шлифовкой лезвием. У него нет выраженных граней, а все ребра также сглажены шлифовкой и частично повреждены. На наиболее выступающей стороне плоской части изделия заметны хаотичные линейные царапины. Похожее топоровидное орудие и из аналогичной породы камня, найденное в раскопе 2003 г., имело более крупные размеры и также несло на себе следы грубо-абразивной обработки по плоско-выпуклым поверхностям. Третий предмет из зеленого сланца – аморфный осколок плитки с пришлифованными гранями. Находки таких изделий из мягких пород камня со следами шлифовки характерны для круга памятников граветтского облика в Костенках (К1/І, К4, К11/І К21/ІІІ, К9).

Коллекция слоя 16 (635 экз.), включая орудия (69 экз. ~10,86% от коллекции, без учета ретушированных сколов), по составу почти полностью повторяет инвентарь слоя 1а. Сырьем служил тот же меловой (602 экз.) и цветной (15 экз.) кремний, а также использовались незначительно опока (8 экз.) и кварцит (6 экз.). Точно так же среди резцов (12 экз.) господствуют двугранные (рис. 7, 20, 24–25) и в меньшей степени угловые (рис. 7, 22–23, 26). Скребок аморфный на отщепе найден в единственном экземпляре (рис. 7, 30). Выделяются микропластинки с притупленным краем (33 экз.) со скругленными (рис. 7, 1, 3–4) и спрямленными (рис. 7, 2, 5–6) вентрально ретушированными концами. Среди острий (16 экз.) присутствуют мелкие граветты и флешетты (рис. 7, 7–8; 10, 19), а также крупные листовидные

формы, включая единственное из всех известных ранее крупное целое изделие (рис. 7, 28), выполненное на правильной пластине и ретушированное по контуру приостряющей дорсальной ретушью. Аналогичны 1а слою также долотовидные орудия (5 экз.) на отщепах (рис. 7, 39–40) и проколка (рис. 7, 27). В обломках были представлены нож костенковского типа (рис. 7: 38) и острие с притупленным краем, морфологически близкое к наконечникам с боковой выемкой (рис. 7, 14), у которого выемка практически не выражена. Сравним состав 1а и 1б слоев в раскопе 4:

АРТЕФАКТЫ	Культурный слой 1а	Культурный слой 1б
Отщепы	462 (40,50%)	147 (23,10%)
Пластины	212 (18,50%)	28 (4,40%)
Микропластины	27 (2,00%)	39 (6,10%)
Чешуйки	117 (9,93%)	252 (39,60%)
Осколки	5 (0,40%)	4 (0,60%)
Куски сырья	11 (0,90%)	2 (0,30%)
Нуклеусы	4 (0,30%)	1 (0,10%)
Резцы	23 (2,00%)	12 (1,80%)
МППК	56 (4,80%)	33 (5,20%)
Скребки	12 (1,00%)	1 (0,10%)
Скребла	1 (0,09%)	0 (0,00%)
Острия и микроострия	26 (2,00%)	16 (2,50%)
Долотовидные	21 (1,80%)	5 (0,79%)
Проколки	1 (0,09%)	1 (0,10%)
Ножи костенковского типа НКТ	2 (0,09%)	1 (0,10%)
Отщепы с ретушью	27 (2,00%)	25 (3,90%)
Пластины с ретушью	72 (6,30%)	30 (4,70%)
Микропластины с ретушью	4 (0,30%)	3 (0,40%)
Резцовые сколы	29 (4,90%)	27 (5,20%)
Краевые сколы	11 (0,90%)	3 (0,40%)
Сколы с НКТ	8 (0,70%)	1 (0,10%)
Шлифованные	3 (0,20%)	0 (0,00%)
Атипичные	4 (0,30%)	4 (0,60%)
ИТОГО	1138 (100%)	635 (100%)

Невзирая на то, что находок в 1а слое было найдено почти в два раза больше, чем в 1б, по процентному соотношению и составу находок орудийный набор обоих слоев является практически идентичным с минимальными количественными отклонениями. Фактически отличие кроется лишь в присутствии в соста-

ве 1а слоя шлифованных изделий. В орудийном наборе обоих комплексов одни и те же типы микро- и макроинвентаря, а также общие приемы их оформления (включая обязательной прием вентральной подтески многих орудий). Определенную общую культурную специфику инвентарю обоих комплексов придает наличие микрограветтов и флешеттов, крупных листовидных острий на пластинах с контурной обработкой, а также единичных ножей костенковского типа и типологически невыраженных наконечников с боковой выемкой. Таким образом, слои 1а и 1б фактически являются однокультурными.

Вопрос о хроностратиграфическом соотношении 1а и 1б слоев пока еще не может быть решен окончательно, особенно учитывая их принадлежность к единому комплексу. Четкого перерыва в залегании находок в раскопе 2009 г. по вертикали не наблюдалось, хотя и прослеживалась более плотная концентрация находок на уровне каждого из двух горизонтов почвообразования. Как уже отмечалось, в расположенных гипсометрически ниже и восточнее раскопах 2 и 3 в 2005 и 2007–2008 гг. верхний культурный слой, представленный нагромождениями крупных костей мамонта, был приурочен к наиболее мощному нижнему почвенному горизонту, а линзовидный верхний горизонт, отделенный от последнего щебнистой меловой толщей мощностью до 30 см, не содержал массовых находок. Общий облик двух горизонтов почвообразования различен. Так, если верхний горизонт имеет выраженную рыжевато-красноватую окраску и залегают переслаивающимися рваными линзами, то нижний имеет буровато-сизоватый оттенок и лежит единым непрерывным горизонтом. По итогам работ 2009 г. можно предложить два равноправных варианта интерпретации позиции находок: 1. Находки 1а и 1б слоев соответствуют двум разным культурным слоям, хронологически отделенным друг от друга эпизодом делювиального сноса обломочного материала (промежуточный слой мелового щебня и сильно ощебненного лесса). 2. Находки 1а и 1б слоев относятся к одному культурному слою, но если 1б имеет относительно инситное положение (об этом говорят кострище, горизонтальное положение и лучшая сохранность находок), то 1а является шлейфом размытого выше по склону того же самого культурного слоя, который просто наложился на нижележащий участок, благодаря чему и образовался своеобразный «слоеный пирог».

Датировка. Радиоуглеродные даты из предыдущих раскопок 2003–2004 гг. были опубликованы (Лисицын, 2004) для верхнего культурного слоя, когда он еще не расчленился на 1а и 1б. Новые датировки по результатам раскопок 2009 г. к моменту написания данной статьи еще не сделаны. Все прежние даты получены по костям:

МАТЕРИАЛ	ИНДЕКС	¹⁴ C (uncal.)
Кость (лошадь)	ЛЕ-6809	14060 ± 110
Кость (ребро мамонта)	ЛЕ-5571	17400 ± 2000
Кость (зуб мамонта)	ЛЕ-6947	20000 ± 300
Кость (ребро мамонта)	ГИН-10239	22500 ± 700

Как указывалось в прежней публикации, хроностратиграфическому положению культурных остатков верхнего культурного слоя соответствуют даты 22 и 20 тыс. л.н., что согласуется и с прежней интерпретацией верхнего культурного как единого комплекса. В связи с его разделением на 1а и 1б, вопрос о возможности выделения раннего и позднего этапа заселения может быть решен лишь после получения новых дат. Две поздние датировки 17 и 14 тыс. л.н. уже сейчас могут считаться неликвидными. В частности, радиоуглеродные определения 17400 ± 2000 (ЛЕ-5571) и 22500 ± 700 (ГИН-10239) были сделаны в разных лабораториях по обломкам одного и того же ребра мамонта, причем последняя по доверительному интервалу явно выигрывает у первой. Самая поздняя датировка 14060 ± 110 (ЛЕ-6809) единственная была получена по кости лошади, а не мамонта, причем происходящей с участка, где были сближены находки остатков лошади из верхнего и второго культурного слоев. Следовательно, она относится к нижней части лессовидной пачки отложений и никак не может быть поздневалдайской. В любом случае, хронологический разрыв 1а и 1б слоев по радиоуглеродной хронологии, скорее всего, должен быть минимален, так же, как у сближенных верхних культурных слоев, залегающих в покровной лессовой пачке на Костенках 4 и Костенках 11.

Культурная принадлежность. Граветтская атрибуция верхнего культурного слоя Борщево 5 на основании присутствия изделий с притупленным краем была дана уже в самых первых публикациях памятника (Карих и др., 1999; Лисицын, 2002). Однако место памятника среди стоянок территориально близкого

костенковского граветта, а также на фоне индустрий соседних регионов еще обсуждалось мало. Среди территориально и хронологически близких граветтийских памятников Костенок большинство не дает полных аналогий находкам из Борщево 5. В радиоуглеродных рамках 22–21 тыс л.н., определяющих «граветтийский эпизод» в Костенках, здесь выделяется несколько обособленных вариантов граветта (Аникович, 1998; Амирханов, 1998; Бессуднов, 2005; Sinitsyn, 2007; Аникович и др., 2008).

Наиболее изученным является костенково-авдеевско-зарайский вариант (восточный граветт в узком смысле), известный по комплексам на стоянках Костенки 1/I, 14/I, 13 и 18. Первичное расщепление восточно-граветтийских памятников (Girja, Bradley, 1998; Селезнев, 1998), направленное на получение дифференцированных пластинчатых заготовок — крупных «костенковских» пластин, средних пластин и миниатюрных микропластинок, предназначенных для изготовления разных типов орудий, не находит соответствия в индустрии Борщево 5, где четко отделяются таким образом друг от друга лишь пластины и микропластины. Чужеродным борщевскому выглядит и кремневый инвентарь, включающий богатейший набор форм наконечников с боковой выемкой и ножей костенковского типа. Представленные в обеих индустриях крупные листовидные острия также сильно различаются по заготовкам и вторичному оформлению. Определяющий для граветта Борщево 5 прием вентрального оформления оснований мелких притупленных острий и концов МППК в восточнограветтийских комплексах встречается нечасто, а присутствие здесь микрограветтов и флешеттов и вовсе эпизодично. Таким образом, принадлежность верхнего слоя Борщево 5 к восточному граветту можно полностью исключить.

Аносовско-гмелинский вариант костенковского граветта представлен материалами стоянок Костенки 11/II и Костенки 21/III (Иванова, 1985; Палеолит ... 1982; Аникович и др., 2008). Их категориальный набор практически полностью дублирует борщевский, включая шлифованные изделия из мягких пород камня. Однако совершенно противоположное типологическое наполнение указанных комплексов составляют ланцетовидные микроострия с дорсально ретушированным вертикальной ретушью краями и скребковидным основанием («азильские», «микрошательперроны»), МППК без обработки концов и круп-

ные аносовско-гмелинские острия на крупных пластинах со скошенным и выемчаторетушным рабочим концом. Вентральное оформление орудий здесь совершенно не практиковалось, кроме единичной формы листовидного острия из Костенок 11/II. К тому же южный комплекс Костенок 21/III содержит принципиально иной набор инвентаря ярко выраженного микролитовидного облика, включающий серию миниатюрных наконечников с боковой выемкой, ретушированных мелкой притупляющей ретушью микропластинок и длинных и узких микроострий, что позволяет говорить об его особой культурной специфике, имеющей сходство с таким же граветтоидным и, вероятно, хронологически более поздним комплексом Борщево 1 (Амирханов, 1998).

Граветт нижнего культурного слоя Александровской стоянки (Костенки 4/II) тоже отличается от Борщево 5 собственной типологической спецификой. Острия на пластинах с притупленным краем здесь имеют выемчатые или скошенные дорсальной ретушью основания (формы вытянутых ассиметричных трапеций — некоторые из них вентрально подретушированы, но только на острийном конце). Скребки выполнены преимущественно на отщепях и очень редко имеют ретушированные края, а многочисленные долотовидные изделия имеют вид однолезвийных стамесок. Микропластины с притупленным краем выполнены, как правило, в виде прямоугольников с прямыми дорсально ретушированными концами. Здесь встречаются также совершенно особые изделия этого типа с пильчатым краем. Прием ретуширования на брышке оснований острий или МППК, распространенный в Борщево 5, для комплекса Костенок 4/II совсем не был характерен (Рогачев, 1955; Палеолит ... 1982).

Наиболее полным аналогом борщевского комплекса следует признать стоянку Бирючий Лог — Костенки 9 и культурный горизонт Ia на соседней Тельманской стоянке (Костенки 8), возможно, являющийся ее периферией (Лисицын, 2004. С. 71; Аникович и др., 2008. С. 169). Стоянка Костенки 9 еще мало изучена и пока не имеет абсолютных дат (Палеолит ... 1982. С. 109–113; Литоучанка, 1966), но приуроченность ее культурного слоя к верхам лессовидного суглинка и типологический набор представителем каменного инвентаря (свыше 2 300 предметов), находящего полные аналогии на Борщево 5, позволяет говорить об их геологической синхронности, а также одно-

культурности. У обоих комплексов полностью совпадают особенности первичного расщепления, направленного на получение тонких (но не микролитовидных) правильных пластин и микропластин с одноплощадочных призматических нуклеусов, в том числе мелких торцово-клиновидных. Среди орудий Костенок 9 преобладают МППК и мелкие граветтийские острия симметричных и ассиметричных очертаний (те же микрограветты и флешетты). Причем именно для данного микроинвентаря характерно повсеместное вентральное оформление концов, даже у их заготовок (пластинок без обработки на краях). В целом аналогичны и не составляющие единообразную группу резцы на крупных и средних пластинах, среди которых представлены угловые, ретушные и двугранные. Скребки в Костенках 9 выполнены на пластинах и на отщепках, так же часто имеют ретушированные края, как субпараллельные, так и сходящиеся к основанию. Выразительна группа крупных листовидных острий на пластинах, со сплошной краевой ретушью, а также серия проколов и долотовидных изделий на отщепках. Показательно присутствие обломков 4 сланцевых галек и 2 экз. четырехгранных стержней из того же мягкого сланца со следами обработки шлифовкой. Таким образом, за исключением ножей костенковского типа и наконечников с боковой выемкой, которые единичными и несерийными формами представлены на Борщеве 5, оба комплекса абсолютно идентичны. М.В. Аникович отмечает отдельные ориньякоидные элементы в этой в целом граветтийской по облику костенковско-борщевской индустрии. В частности, он усматривает использование «ориньякской» краевой ретуши на скребках и остриях, а среди орудий особо выделяет мелкие долотовидные изделия городцовского типа (Аникович и др., 2008. С. 169). Однако контурная обработка орудий на пластинчатых изделиях, а также наличие мелких чешуйчатых орудий, при абсолютной лакуне иных ориньякских форм (выемчатых пластин, скребков высокой формы, дюфуров и др.) едва ли может свидетельствовать о каком-то позднеориньякском наследии. Из предшествующих по времени индустрий ориньякоидного (K1/III, K8/I) и городцовского (K12/I, K14/II, K15) облика набор орудий Борщеве 5 вывести практически невозможно, даже простым объединением различных признаков, поэтому указанные черты свидетельствуют скорее о собственной (явно не местной) специфике комплекса на фоне

родственных в культурном отношении памятников граветтийского круга.

За пределами Костенковско-Борщевского района некоторые параллели материалам верхнего слоя Борщеве 5 прослеживаются в хотылевско-гагаринской индустрии, прежде всего в микроинвентаре. Каменный инвентарь стоянки Хотылево 2, которая располагается на Десне, вблизи выходов кремня, включает как изделия на очень крупных пластинах, так и довольно миниатюрный орудийный набор на микропластинках (Гаврилов, 2008). Однотипные изделиям Борщеве 5 резцы и скребки выглядят значительно массивнее, что может объясняться близостью к источникам сырья, на котором явно не экономили. Кроме того, обе категории орудий выполнены практически без исключений на пластинах, а скребки, в отличие от борщевских, почти никогда не ретушировались по краям. Не характерны для Хотылево 2 обычные в Борщеве 5 долотовидные изделия и крупные листовидные острия, зато серийно представлены (хоть и немногочисленные) ножи костенковского типа и наконечники с боковой выемкой. Последние морфологически довольно разнообразны и находят аналогии не в костенковско-авдеевских, а в гмелинских и гагаринских изделиях (Гаврилов, 2008. С. 51). В микроинвентаре, однако, есть черта, которая сближает хотылевский и борщевский комплекс, — это широкое применение вентральной ретуши для оформления концов острий и МППК. Этот прием в равной мере использовался для обработки острий, наконечников с боковой выемкой и МППК. Среди острий выделяются микрограветты, а также длинные и узкие острия типа вашон — и те и другие с вентральной плоской ретушью на насаде и остром конце. Для категории МППК, стремящихся по форме к прямоугольникам, также характерно применение подтески концов, хотя встречаются и изделия, оформленные исключительно дорсально. Среди микроформ, тем не менее, полностью отсутствуют флешетты и борщевские притупленные острия со скругленным вентральной ретушью основанием и без подтески противоположного острейного конца. Кроме того, для всей этой группы изделий в Хотылево 2 характерно частое применение встречной притупляющей ретуши, не имеющей аналогий в Борщеве 5.

Каменный инвентарь стоянки Гагарино на верхнем Дону выглядит типологически гораздо более разнообразным (Тарасов, 1979). На категориальном уровне он полностью дуб-

лирует хотылевский, но здесь есть несколько обломков крупных листовидных острий, и присутствуют в массовом количестве скребки на отщепах и на пластинах (в том числе некоторые ретушированы по краям). Наконечники с боковой выемкой миниатюрнее и сделаны на мелких пластинках, а ножи костенковского типа более многочисленны. Среди микроострий имеются граветты, но нет иных форм. Тем не менее, прием вентрального оформления концов микроорудий здесь точно так же широко применялся на микроостриях и МППК.

Согласно мнению М.В. Аниковича, Хотылево 2 и Гагарино в технико-типологическом отношении имеют западные аналогии, прежде всего с памятниками павловского варианта граветта (Аникович, 1998), однако детальной проверки этой гипотезы с технико-типологическим сопоставлением индустрий по памятникам не проводилось. Общий для павловской и хотылевско-гагаринской индустрии прием вентрального ретуширования концов микроорудий и острий, а также минимальное присутствие восточногограветтских элементов может указывать лишь на направление поиска генетических связей или объяснение их контактов (Гаврилов, 2004). Точно такая же ситуация складывается и для граветтского комплекса Борщево 5, не находящего аналогий в рамках граветтского эпизода (23–21 тыс. л.н.) среди синхронных восточноевропейских индустрий. Отличий здесь от павловского набора тоже достаточно, особенно учитывая неоднородность самого «павловьена»: павловские острия, геометрические микроорудия и пилки, — они определяют облик лишь моравских памятников (Svoboda, 2004) и на нашей территории в едином сочетании неизвестны. Датировки, полученные в последнее время для павловских комплексов: Виллендорф 2/VI-VIII, Дольни Вестонице, Павлов I и Пржедмости показали возраст 27–25 тыс. л.н. (Haesaerts et al., 1996, 2004; Joris, Weninger, 2004), — несколько древнее, чем рассматриваемое время. Таким образом, вопрос о хронологическом и генетическом соотношении наиболее поздних павловских памятников с ^{14}C датами от 25 тыс. л.н. и чуть моложе, в частности, Дольни Вестонице, Миловице и Ярошов, и стоянок виллендорфско-костенковского облика (Виллендорф 2/IX, Петршковице, Мораваны, Краков-Спадзиста), датирующихся 23–21 тыс. л.н., еще окончательно не решен (Svoboda, 2007).

Перспективным в плане типологических аналогий представляется сравнение Борще-

во 5 с хронологически наиболее поздним граветтским комплексом в павловской последовательности — стоянкой Миловице в Моравии (Milovice ... 2009). Памятник располагается в 3 км от стоянки Павлов I на склоне холма в древней балке. Первые находки были сделаны здесь в 1949 г. Б. Климой при прокладке строителями дороги. С 1986 г. М. Олива начал планомерное изучение памятника, установил многослойность поселения и вскрыл несколько участков ниже и выше по склону, изучив остатки наземного жилища и нескольких бытовых комплексов с очагами. Верхний культурный комплекс памятника был атрибутирован граветтом, а нижний — ориньяком. Верхний культурный слой залегал в лессе, непосредственно подстилающем современную почву. Из него по кости и углю была получена серия ^{14}C дат в промежутке от 25,9 до 17,5 тыс. л.н. с основной группировкой дат в пределах 22–24 тыс. л.н. (Milovice ... 2009. P. 24).

Фауна стоянки включала таких животных, как мамонт (преобладает), лошадь, бизон, северный и благородный олень, пещерный лев, россомаха, песец и заяц. Коллекция каменного инвентаря только с основных раскопанных участков (сектор G) насчитывает порядка 10 тыс. предметов. Сырьем служил местный радиоларит и в меньшей степени — приносной кремль. Техника расщепления — выраженная пластинчатая, большинство орудий выполнено на пластинчатых заготовках. Нуклеусами служили призматические одно- и двухплощадочные ядрища с выпуклым фронтом, а также мелкие торцовые формы. Скребки выполнены на сечениях пластин и отщепах. Представлены изделия как с ретушированными, так и с необработанными субпараллельными краями. Среди резцов преобладают угловые и двугранные, в меньшей степени ретушные, выполненные на пластинах. Серийно представлены долотовидные изделия на отщепах и крупные листовидные острия на пластинах, в том числе остроконечники с контурной ретушью по периметру и типичные павловские острия с вентрально ретушированным насадом и концом. Единичными формами были представлены наконечники с боковой выемкой, сделанные на мелких пластинках, у которых выемка достигает половины длины заготовки и вентрально подретушировано перо (Milovice ... 2009. P. 186), а также ножи костенковского типа, не образующие четких серий. Микроинвентарь включал в себя разнообразные микроострия, в том числе граветты, вашины и флешетты с вентральным

оформлением насада. Микропластинки с при-
тупленным краем имели либо прямые, либо
скругленные вентральной ретушью концы. До-
полняет картину находка тонкого подовально-
го диска из мергеля со сплошной шлифованной
поверхностью (Milovice ... 2009. P. 268).

Таким образом, верхний культурный слой
Миловице дает полный типологический на-
бор, характерный для Борщево 5, и даже от-
личается от последнего большим типологи-
ческим разнообразием (в нашем памятнике,
например, нет вахонов, и найдено лишь 1 це-
лое павловское острие). Аналогии находкам в
Миловице прослеживаются и на других терри-
ториально намного более близких, но не столь
ярких памятниках, хронологически непосред-
ственно предшествующих ледниковому макси-
муму, которые И.А. Свобода считает переход-
ными от граветта к эпиграветту. Так, восточ-
нословацкая стоянка Кашов имеет 2 культур-
ных слоя с идентичным Миловице набором
типов орудий (Novak, 2004). По верхнему куль-
турному слою Кашова имеется радиоуглерод-
ная дата 18600 ± 390 BP, и он относится к эпи-
граветту, а нижний с датой $20\ 700 \pm 350$ BP — к
финальному граветту, причем наконечники с
боковой выемкой отсутствуют как в нижнем,
так и в верхнем слое памятника. В Сербии пе-
реходный от граветта к эпиграветту комплекс
представлен 4 культурным слоем пещерного
памятника Салитрена Печина, в котором так-
же содержится весь перечисленный набор ти-
пов инвентаря, в том числе 1 мелкий наконеч-
ник с боковой выемкой, занимающей треть
заготовки (Mihailović D., Mihailović B., 2007).
По И.А. Свободе, появление таких ранних эпи-
граветтийских памятников отражает процесс
приспособления носителей поздних гравет-
тийских традиций к начинавшемуся 20 тыс.

л.н. пиковому похолоданию в Центральной
Европе, которое в Западной Европе спровоци-
ровало распространение бадегульена, а в Вос-
точной Европе — липской культуры (Svoboda,
2007). Для всех этих индустрий было характер-
но уменьшение размеров пластин, которые
скалывали с призматических одноплощадоч-
ных и торцово-клиновидных нуклеусов, мик-
ролитизация самих орудий, распространение
микрограветтов и флешеттов и постепенное
исчезновение граветтийского наследия в ви-
де наконечников с боковой выемкой и ножей
костенковского типа. Согласно же мнению М.
Оливы, появление в Центральной Европе па-
мятников этого круга связано с влиянием сре-
диземноморского эпиграветта и переориента-
цией местных охотников с мамонта на добычу
копытных животных (Milovice ... 2009. P. 276).

Каким бы не было происхождение ком-
плексов типа Миловице, появление индуст-
рии верхнего слоя Борщево 5 и Костенок 9 на
Дону, — на таком значительном удалении от
родственных памятников в Центральной Ев-
ропе, демонстрирует миграционную модель,
которая уже была опробована в виллендорф-
ско-костенковском варианте. Причем вектор-
ные процессы распространения в широтном
направлении разнокультурных граветтийских
индустрий, судя по радиоуглеродным датам,
проходили, или одновременно, или последо-
вательно, но с минимальным хронологиче-
ским разрывом. Дальнейшая судьба граветтий-
ского населения в бассейне Дона, так же, как
и в Центральной Европе, была тесно связана
с валдайским ледниковым максимумом 18 тыс.
л.н., на которое приходится разрушение пре-
емственности культурного развития между па-
мятниками средней и поздней поры верхнего
палеолита.

Литература

- Амирханов Х.А., 1998. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Вос-
точной Европы // Восточный Граветт. М. С. 15–34.
Аникович М.В., 1998. Днепро-Донецкая историко-культурная область охотников на мамон-
тов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М. С. 35–66.
Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И., 2008. Палеолит Костенковско-Борщевского рай-
она в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.
Бессуднов А.А., 2005. Разновидности граветта в Костенковско-Борщевском верхнепалеолити-
ческом районе // Альманах молодых археологов. СПб. С. 11–21.
Гаврилов К.Н., 2004. Типология каменных орудий и культурная принадлежность Хотылев-
ской верхнепалеолитической стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. М.

- Гаврилов К.Н.*, 2008. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. М.
- Иванова М.А.*, 1985. Структура Гмелинского палеолитического поселения: автореф дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Карих А.В., Праслов Н.Д., Синицын А.А.*, 1999. Открытие новой верхнепалеолитической стоянки в Костенковско-Борщевском районе на Дону // Археологические вести. СПб. Вып. 6. С. 71–75.
- Лисицын С.Н.*, 2002. Многослойная стоянка Борщево 5 в контексте геоморфологии Костенковско-Борщевского района // Верхний палеолит – верхний плейстоцен. Динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб. С. 77–82.
- Лисицын С.Н.*, 2004. Хроностратиграфия и археология стоянки Борщево 5 по данным раскопок 2002–2003 гг. // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж. С. 66–79.
- Лисицын С.Н.*, 2006. Третий культурный слой стоянки Борщево 5, связанный с горизонтом вулканического пепла // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: (материалы Междунар. конф. к 125-летию открытия палеолита в Костенках). СПб. С. 114–124. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН; вып. 4).
- Литоучанка Л.М.*, 1966. Палеолітична стаянка Біручы Лог (Касценкі IX) // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. № 3.
- Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону, 1879–1979 / редакторы Праслов Н.Д., Рогачев А.Н., 1982. Л.
- Рогачев А.Н.*, 1955. Костенки IV – поселение древнекаменного века на Дону // МИА. М.; Л. № 45.
- Селезнев А.Б.*, 1998. Технология расщепления кремня на стоянке Хотылево 2 // Восточный Граветт. М. С. 214–225.
- Тарасов Л.М.*, 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолита Европы. Л.
- Giria Y., Bradley B.*, 1998. Blade technology at Kostenki 1/1, Avdeevo and Zaraysk // Восточный Граветт. М. С. 191–213.
- Haesaerts P., Borziak I., Chirica V., Damblon F., Koulakovska L.*, 2004. Cadre stratigraphique et chronologique du Gravettien en Europe Centrale // The Gravettian along the Danube. Brno. P. 33–56. (The Dolní Věstonice Studies; 11).
- Haesaerts P., Damblon F., Bachner M., Trnka G.*, 1996. Revised stratigraphy and chronology of the Willendorf II sequence, Lower Austria // Archaeologia Austriaca. 80. P. 25–42.
- Joris O., Weninger B.*, 2004. Coping with the cold: On the climatic context of the Moravian Mid Upper Palaeolithic // The Gravettian along the Danube. Brno. P. 57–70. (The Dolní Věstonice Studies; 11).
- Mihailović D., Mihailović B.*, 2007. Considérations sur le Gravettien et l'Épigravettien ancien des Balkans de l'ouest // Paléo. No 19. P. 115–130.
- Milovice: site of the mammoth people below the Pavlov hills / Ed. Oliva M., 2009. Brno.
- Novak M.*, 2004. Gravettian occupation in the lower layer of Kašov I // The Gravettian along the Danube. Brno. P. 217–242. (The Dolní Věstonice Studies; 11).
- Sinitsyn A.A.*, 2007. Variabilite du Gravettien de Kostienki (bassin moyen du Don) et des territoires associes // Paléo. No 19. P. 181–202.
- Svoboda J.A.*, 2004. Afterwords: The Pavlovian as a part of the Graveltian mosaic. // The Gravettian along the Danube. Brno. P. 283–297. (The Dolní Věstonice Studies; 11).
- Svoboda J.A.*, 2007. The Gravettian on the Middle Danube // Paléo. No 19. P. 203–220.

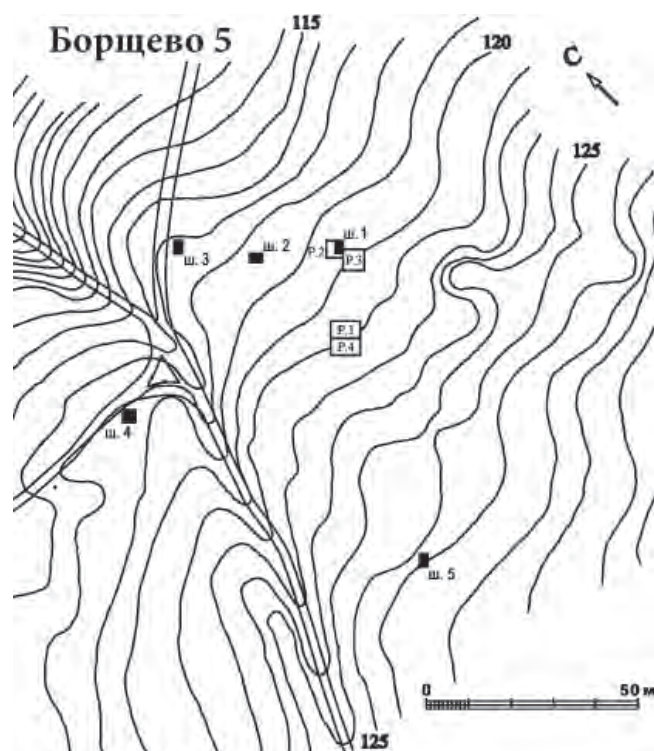

Рис. 1. Топография стоянки Борщево 5 и расположение шурфов (ш.) и раскопов (P.) 2002–2009 гг.

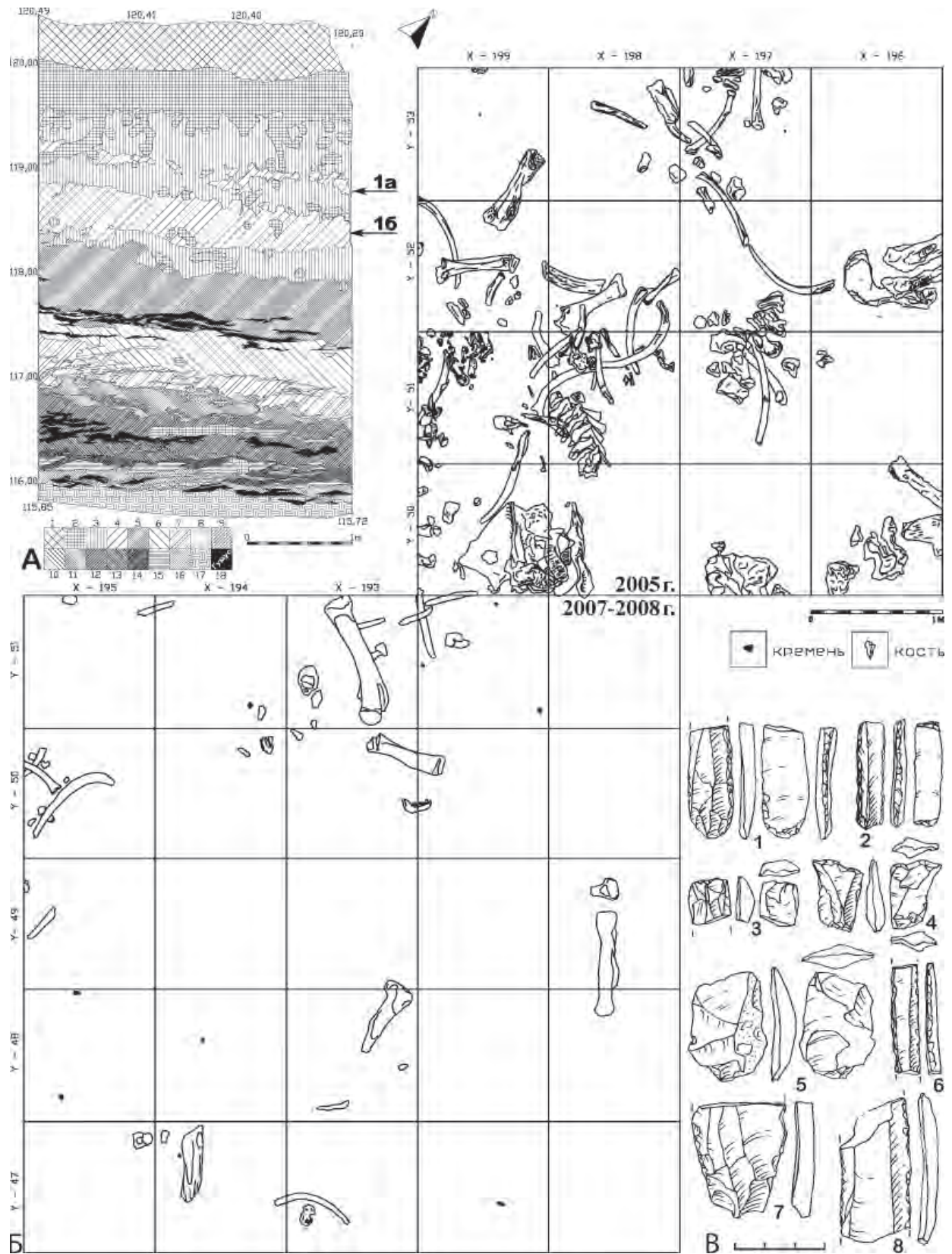

Рис. 2. Боршево 5, раскопы 2 и 3. А: Стратиграфия северо-западной стенки в раскопе 3 (2008 г.); Б: План находок в раскопах 2 и 3; В: Каменный инвентарь из раскопа 3

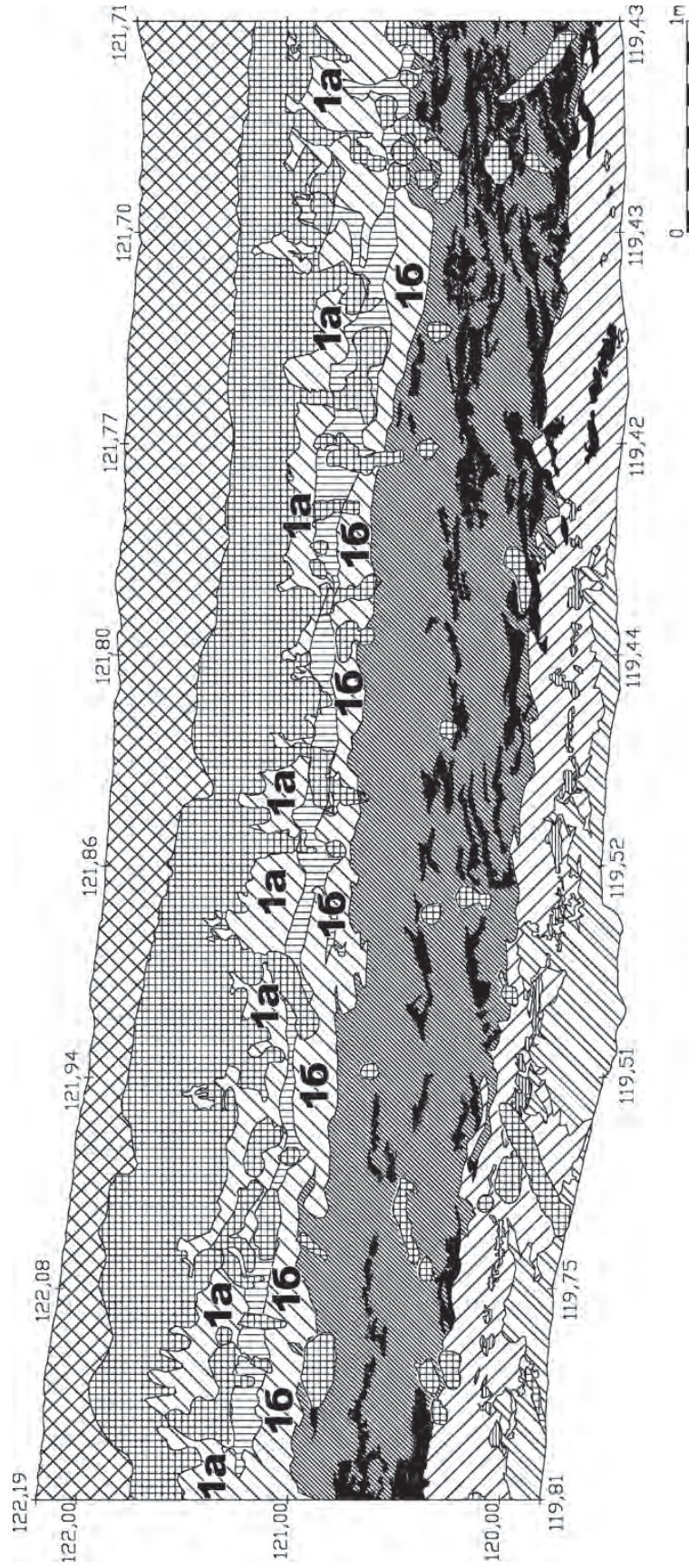

Рис. 3. Борщеве 5. Стратиграфия юго-западной стенки раскопа 4 (2009 г.)

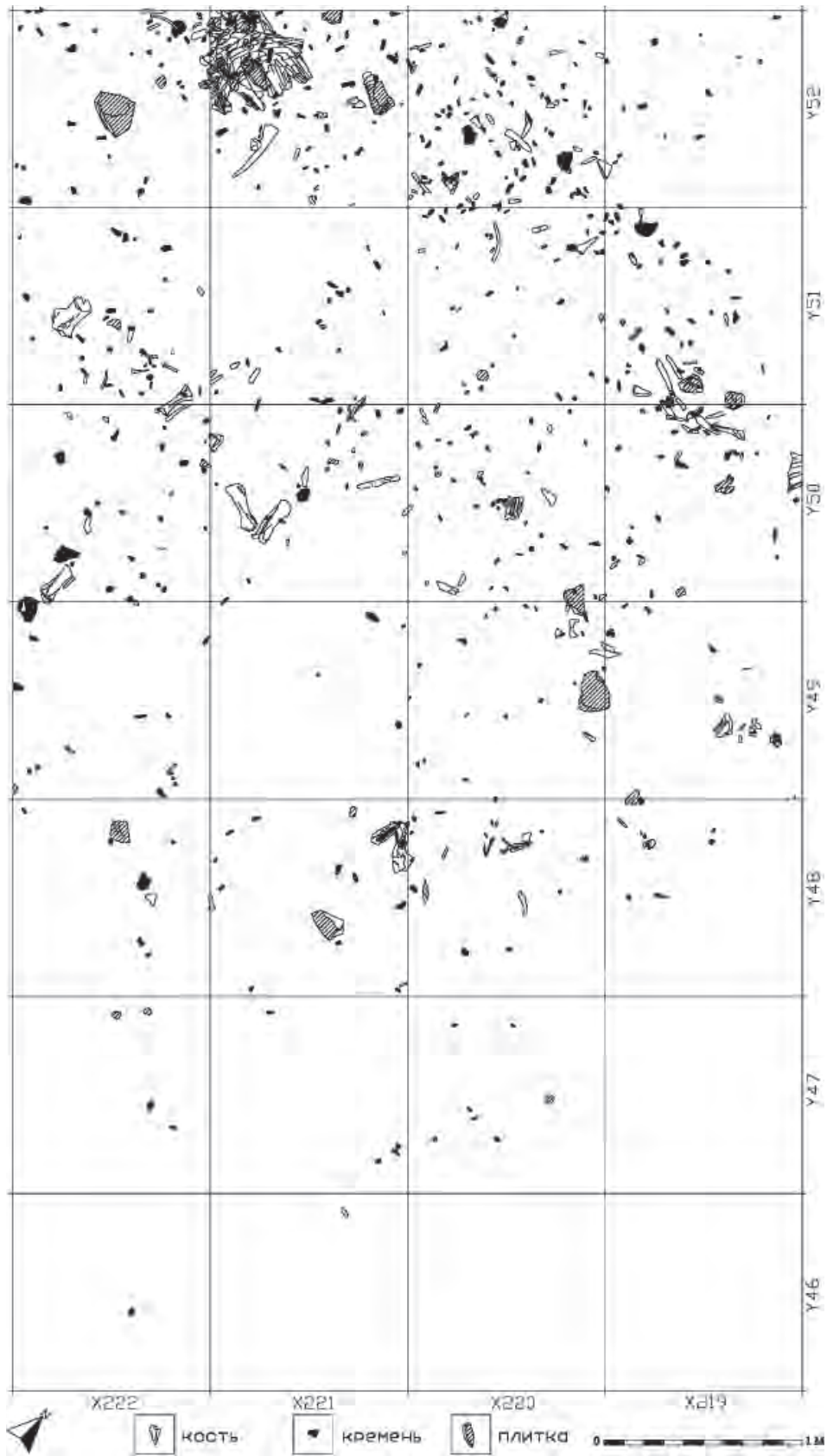

Рис. 4. Борщево 5. План находок Ia слоя в раскопе 4 (2008–2009 гг.)

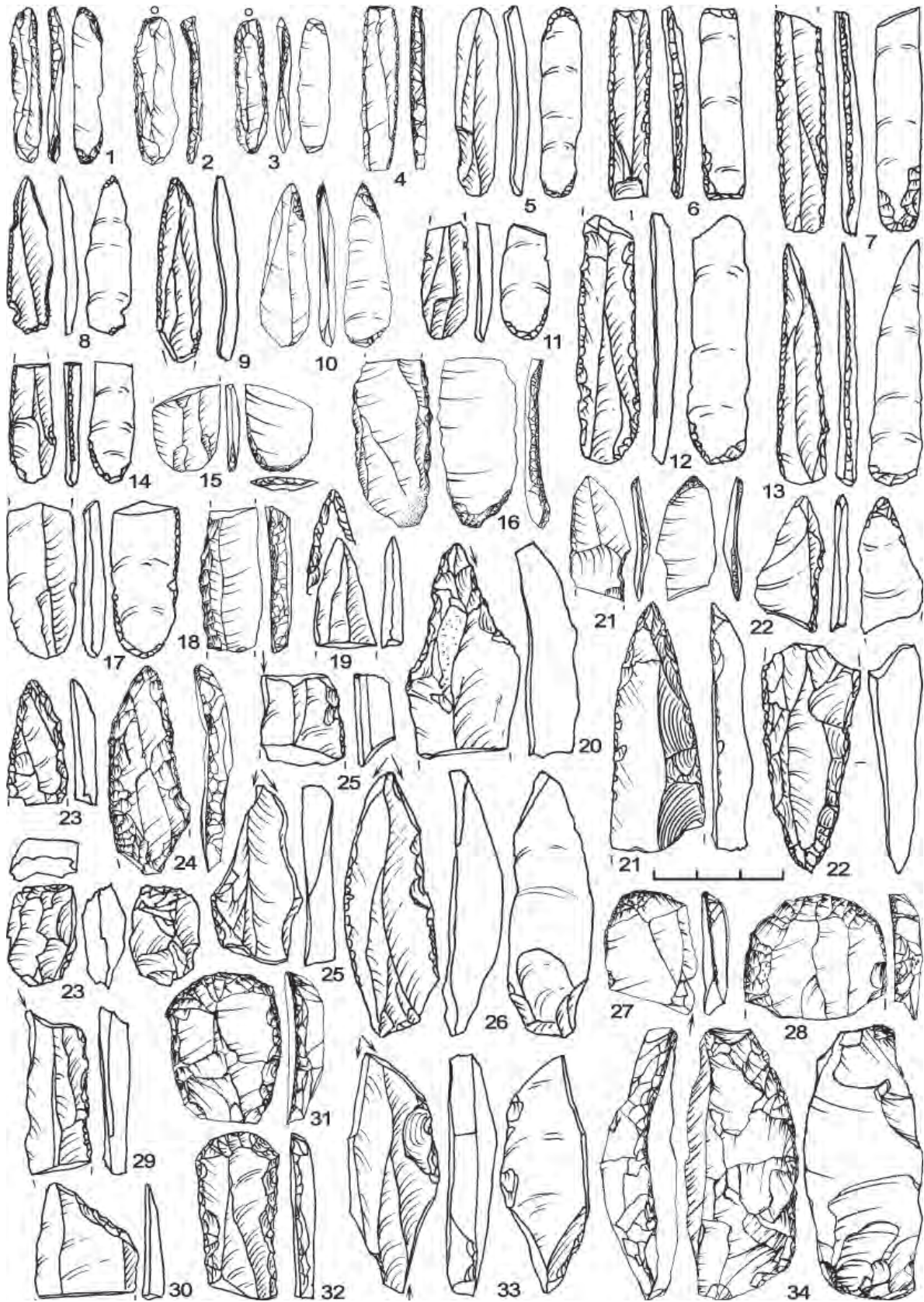

Рис. 5. Борщево 5. Каменный инвентарь слоя Ia

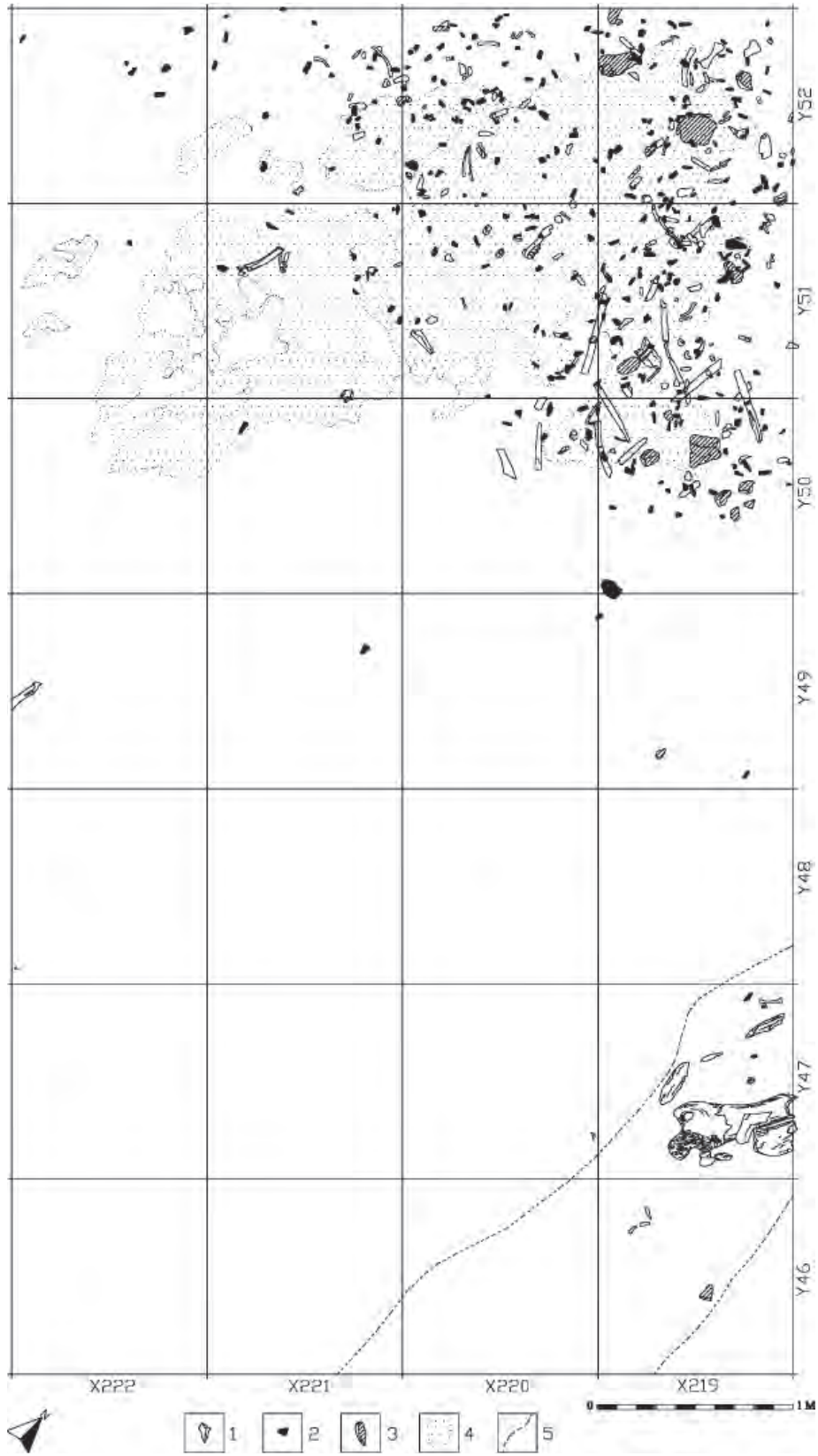

Рис. 6. Борщево 5. План находок 16 слоя в раскопе 4 (2009 г.): 1 – кости; 2 – кремьнь; 3 – плитки; 4 – зольность; 5 – границы деформации

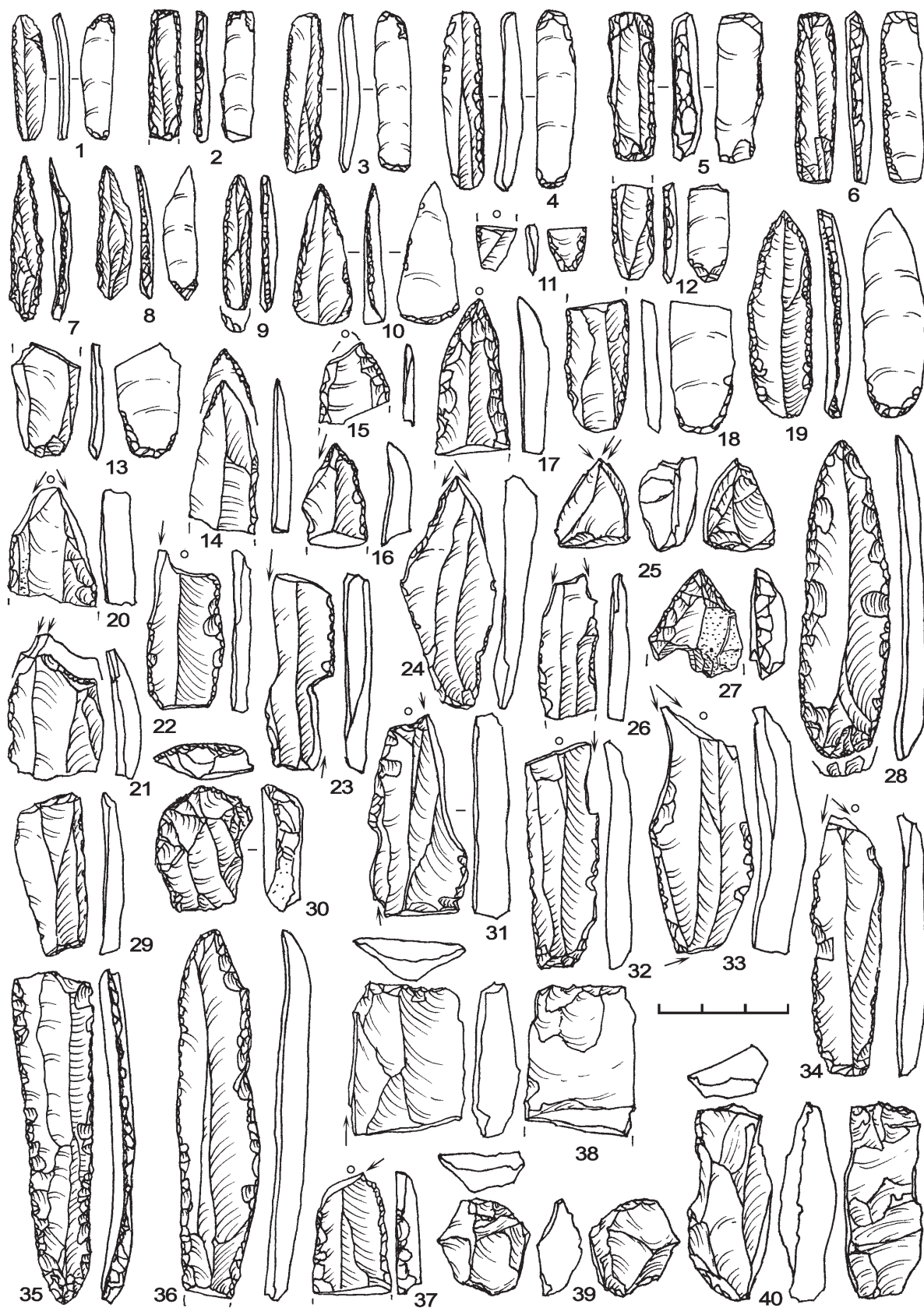

Рис. 7. Борщеве 5. Каменный инвентарь слоя 16

Острия александровского типа: контекст, морфология, функция*

*М.Н. Желтова***

Костенки 4 — Александровская стоянка — Кодин из интереснейших верхнепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района, расположенного примерно в 40 км к югу от Воронежа, на правом берегу Дона, на восточном склоне Среднерусской возвышенности. Этот район сам по себе уникален: здесь на ограниченной площади располагается более 60 поселений верхнего палеолита, разновременных и разнокультурных. Многие из них хорошо исследованы, так как история изучения палеолита в Костенковско-Борщевском районе насчитывает уже более 130 лет. В большинстве своем они имели хорошую сохранность, несмотря на то, что на этой площади расположены села Костенки и Борщево, и своим открытием большинство стоянок обязано хозяйственной деятельности местных жителей — рытью погребов, глинокопных ям и т.д.

Изучение этих палеолитических памятников дало нам широкий спектр каменных индустрий, прекрасные коллекции предметов искусства, а также выявило разнообразие способов адаптации к окружающей среде, проявляющееся, прежде всего, в различных традициях домостроительства и организации структуры поселений.

В палеолите Костенковско-Борщевского района Костенки 4 занимают особое место благодаря специфическому устройству жилищ и всей планировке поселения, уникальной коллекции каменного инвентаря, включающей серию шлифованных каменных изделий и специфические типы кремнёвых орудий.

Костенки 4 относятся к группе стоянок первой надпойменной террасы Дона, расположены на левом борту оврага, образованного слиянием при впадении в долину Дона

Александровского и Бирючьего логов. Полученные радиоуглеродные даты помещают стоянку в хронологическую группу, датированную 21–23 тыс. лет т.н. Раскопки велись в 1927/1928 гг. С.Н. Замятниным и П.П. Ефименко, в 1937/1938 гг., 1953 и 1959 гг. А.Н. Рогачевым. Благодаря применяемой А.Н. Рогачевым методике раскопок широкой площадью, были вскрыты остатки чрезвычайно интересного поселения, состоящего из двух углубленных длинных жилищ нижнего горизонта, расположенных почти параллельно друг другу на расстоянии 17–20 м. Длина южного жилища — 34 м, северного — 23 м, ширина в обоих случаях — 5,5 м. Глубина составляла в среднем 20–30 см. К северному жилищу — сбоку и в конце — примыкают 2 округлых жилых углубления верхнего горизонта, каждое 6 м в диаметре, с очагом в центре. Мощность обоих горизонтов была невелика и практически равнялась глубине жилой западины, стерильная прослойка отсутствовала, — эти два обстоятельства очень усложнили картину планировки поселения. На некоторых участках наблюдалось смешение двух разных по цвету горизонтов, увеличение общей мощности культурного слоя. Кое-где отчетливо выделялись яркие прослойки, перекрывающие или подстилающие окрашенный культурный слой (Желтова, 2009. С. 25–26). Не во всех случаях материал верхнего и нижнего горизонтов можно разделить при раскопках, более того, сама идея о двух разновременных горизонтах поселения пришла к А.Н. Рогачеву значительно позже. В первой публикации 1940 г. он давал единую картину реконструкции поселения, для чего были определены основания (Рогачев, 1940. С. 40). Позднее, переоценив различные факторы, главным из которых был характер каменного

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 09-01-00573 а/Б «Проблемы заселения запада лесной полосы Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите, мезолите».

** Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург.

инвентаря, А.Н. Рогачев пришел к выводу о одновременности и разнокультурности этих жилых комплексов.

Кремневая индустрия нижнего горизонта представляет собой типичный граветтийский комплекс, причем речь идет не о «восточном», а о классическом граветте. «Визитной карточкой» кремневого инвентаря нижнего горизонта Костенок 4 являются многочисленные разнообразные пластинки и микропластинки с притупленным краем, с зубчатой ретушью, типичные граветтийские острия и разнообразные долотовидные орудия, вторая по численности категория орудий после пластинок с притупленным краем.

Каменный инвентарь верхнего культурного горизонта имеет совсем другой облик. Своеобразие его, прежде всего, обуславливается большими сериями шлифованных орудий из сланца и известняка — продолговатыми сланцевыми тесловидными и клиновидными орудиями, линзовидными в сечении дисками с отверстиями в центре и без таковых. Кроме того, имеется представительная серия пестротерочников и кварцитовых орудий таких же типов, что и кремневые. Кремневая индустрия характеризуется наличием большого количества резцов, причем срединных, наличием небольшой серии бифасиальных орудий. Однако основным специфическим типом кремневой индустрии верхнего горизонта культурного слоя Костенок 4 являются острия александровского типа.

Это симметричные орудия на крупных пластинках с достаточным индексом массивности, ретушь только дорсальная, иногда покрывает значительную часть поверхности в дистальной части. Проксимальная часть оформлена в виде срединного резца, края обработаны ретушью по всей длине, за исключением участков, занятых резцовыми сколами. Функционально александровские острия рассматривались как универсальные орудия, связанные с охотой, подобно наконечникам с боковой выемкой, т.е. в качестве наконечников дротиков, ножей, а иногда и проколов (Рогачев, 1955. С. 49–50). Тем не менее, два орудия с видимыми невооруженным глазом следами использования, определены С.А. Семеновым как строгальные ножи по дереву (Рогачев, 1955. С. 51). При этом С.А. Семенов выделял эти орудия в один из трех типов строгальных ножей по дереву для верхнего палеолита, указывая на их существенное отличие от ножей Костенок 1 и Тимоновки (Семенов, 1957. С. 134–136). Исходя из специфики

этих острий и некоторой противоречивости определения их роли в хозяйстве обитателей верхнего горизонта поселения, было решено провести детальный морфологический и трасологический анализ всей серии. Сохранность материала в целом хорошая, небольшие пятна заполировки от культурного слоя и фасетки повреждений не портят картину. Использовались: бинокулярный микроскоп (×98) и металлографический (×200).

По А.Н. Рогачеву, количество целых острий составляет 35 экземпляров, дистальных фрагментов — 74, проксимальных — 63 и медиальных — 21 (Рогачев, 1955. С. 47). Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что фактически речь может идти только о целых остриях, а также, с серьезными оговорками, о дистальных фрагментах. Проксимальные же фрагменты представляют собой морфологически просто обломки срединных резцов, и мы не можем быть уверены, что это именно насад александровского острия, если это предположение не получит подтверждения данными трасологического анализа. Хотя и обнаружение следов рукояти не стало бы гарантией принадлежности фрагментов к орудиям именно этого типа: подобное оформление насада встречается и у других категорий орудий, например, скребков и тех же срединных резцов. Что касается медиальных фрагментов, то они являются просто сечениями разного рода пластин с ретушью по краям, каких много.

Дистальных фрагментов в коллекции числится 37, из которых 7 точно таковыми не являются. В одном случае это целое острие Александровского типа, изготовленное из сломанного наконечника дротика (рис. 2, 1). Еще один предмет представлял собой первоначально, вероятно, строгальный нож, затем использованный в качестве долотовидного орудия. Это довольно частая ситуация для Костенок 4. В ходе вторичного использования орудие было сломано, и получившийся при этом острый кончик использовался непродолжительное время как резчик-скобель для проскабливания отверстия или паза. Интересен еще один предмет, являющийся дистальным фрагментом, но не острия Александровского типа, а, скорее всего, наконечника с боковой выемкой (рис. 3, 1). Фасетки ретуши на самом кончике сильно заложены, на прилегающей части лезвия имеются следы износа, характерные для скобления мягкого материала. Среди прочих фрагментов — обломок боковой части орудия без диагностических следов износа, медиаль-

ный фрагмент пластины с ретушью, служившей ножом, фрагмент отщепы с ретушью — обломок стамески (или, возможно, долотовидного орудия). И один фрагмент имеет следы от рукояти и представляет собой проксимальную часть орудия. Само орудие было обнаружено среди проксимальных фрагментов листовидных острий (рис. 3, 2). Оно изготовлено на пластине и на конце имеет нечто вроде черешка, выделенного довольно крутой ретушью с одной стороны и каверной с другой. На этом выступе имеется зона интенсивной заполировки и группа микрофасеток, свидетельствующих об использовании этой части орудия в качестве резчика по дереву. Край использовался как пила по дереву.

Что касается остальных дистальных фрагментов, то они действительно являются дистальными частями острий (в одном случае для ее оформления использовалась проксимальная часть заготовки), однако можно ли их отнести именно к остриям александровского типа? Учитывая приведенный выше пример, в этом вопросе следует соблюдать большую осторожность.

Группа целых листовидных острий также далеко неоднородна, к тому же не столь многочисленна, как указано в публикации. Помимо ножа костенковского типа, очевидно, случайно учтенного в этой категории, три острия имеют ретушированное основание без оформления его в виде срединного резца (рис. 2, 5, 6, 8), есть еще один экземпляр с боковым резцом в проксимальной части (рис. 2, 2) и одно орудие с тупым концом (рис. 2, 7). Если последние пять упомянутых предметов можно, с определенными оговорками, рассматривать среди александровских острий как атипичные, то еще три грубых остроконечника на массивных отщепках совсем не имеют к ним отношения. Классических целых александровских острий всего девять. Об одном из них мы можем судить лишь по рисунку в публикации (Рогачев, 1955. С. 51), т.к. оно не было передано в МАЭ РАН, где хранится вся коллекция Костенок 4. Остальные были рассмотрены вместе с атипичными, прежде всего с точки зрения заготовок. Это крупные пластины, из 14 предметов 4 имеют участки корки на спинке, у 4 предметов прямой профиль, у остальных — изогнутый в разной степени. Длина колеблется от 11,7 см до 5 см, ширина — от 4,3 см до 1,6 см, толщина — от 1,6 см до 0,6 см. Индекс массивности пластин (отношение ширины к толщине) лежит в пределах 3,8–2,66. То есть мы видим, что

эти орудия вряд ли могли являться наконечниками метательного вооружения, при таких пропорциях заготовок изогнутый профиль у них недопустим.

Что касается вторичной обработки, здесь основное внимание уделено дистальной части орудия. Учитывались: симметрия дистальной части относительно продольной оси орудия, выделенность самого конца острия при помощи ретуши, крутизна краевой ретуши, способ оформления основания — в виде срединного или бокового резца или просто ретушью. Девять из четырнадцати предметов симметричны, выделение ретушью рабочего конца орудия мы встречаем также в девяти случаях. Краевая ретушь разнообразна в дистальной части, практически всегда она становится пологой уже к середине орудия. Крутой ретушью оформлены оба края дистальной части трех орудий, пологой — семи. Еще у четырех орудий левый край был оформлен пологой ретушью, а правый — крутой. Интересно, что только в одном случае встречена обратная комбинация. Возможно, такое оформление дистальной части связано с положением орудия во время работы правой или левой рукой или же рабочей позицией орудия при строгании «к себе» или «от себя».

Следует отметить, что по данным трасологического анализа, проксимальная часть лишь в одном случае использовалась в качестве резца. Кроме того, не всегда имеются следы от рукояти, в трех случаях можно уверенно говорить о таких следах и еще в двух — с некоторой долей вероятности. По функции вся группа разбивается на три подгруппы: 1) инструменты для деревообработки (9), 2) наконечники метательного вооружения, переоформленные в острия Александровского типа (3) и 3) ножи для разделки добычи (4). Два острия учитываются одновременно в 1 и 3 группах, так как имеют следы использования по дереву и от разделки добычи (рис. 1, 5 и рис. 2, 8).

Орудия для обработки дерева

Самая многочисленная группа, содержащая наибольшее количество типичных александровских острий. Грани спинок четырех орудий этой группы имеют следы от использования в качестве ретушера.

Два острия не имеют следов от рукояти, они полифункциональны (рис. 1, 5, 3). Следы утилизации в разных функциях частично на-

кладываются друг на друга на одних и тех же участках. Использовались оба края и конец для резания, строгания и скобления дерева. Более массивное орудие имеет также следы от разделки добычи. Еще два острия имеют явные следы от рукояти (рис. 1, 4, 1). У них функции разделены: более пологий край служил для строгания дерева, более крутой — для скобления. Их острые концы использовались в вентральной позиции как резчики-скобели, для прорезания пазов или резьбы по дереву.

Один из определенных С.А. Семеновым строгальных ножей (с тупым концом), строго говоря, острием не является, т.к. его дистальная часть представляет собой площадку заготовки, а не сломанный конец, как ошибочно указано в одной из публикаций (Семенов, 1957. С. 135). Однако остальные морфологические признаки вкупе с чрезвычайно интенсивными следами износа, характерными для всей категории строгальных ножей и присущих остриям этой функциональной группы, позволяют нам поставить это орудие в один ряд с александровскими остриями (рис. 2, 7). Что касается рукоятей, то в одном случае С.А. Семенов реконструирует процесс работы без рукояти, во втором — специально на этом вопросе не останавливается, упоминая об оформлении срединного резца «для крепления в рукояти» (Семенов, 1957. С. 135). Скорее всего, это высказывание не относится конкретно к данному орудью, т.к. на нем явных следов рукояти не заметно. Имеется в виду, что резцовые сколы служили не в качестве резцов, а только для аккомодации.

Острия с ретушированным основанием использовались в качестве строгальных ножей и резчиков по дереву. Одно, вероятно всего, имело рукоять (рис. 2, 8), и служило непродолжительное время еще и ножом для разделки добычи. Другое сильно залощено в проксимальной части от руки, или, скорее, от обертывания куском шкуры (рис. 2, 5), им работали только по дереву.

Еще одно острие александровского типа служило в качестве провертки/резчика для прорезания пазов или гравировки по дереву (рис. 1, 2).

Одно из них, как уже было сказано выше, представляет собой наконечник дротика, переоформленный после слома резцовыми сколами в проксимальной части. Наконечник интенсивно использовался по прямому назначению, о чем свидетельствуют возникшие до переоформления группы типичных линейных следов и характерный для ударно-проникающей функции слом кончика. Резцовое основание не имеет следов износа, а на небольшом участке левого края наблюдаются слабо выраженные следы скобления (рис. 2, 1).

Второй наконечник, рассматриваемый как атипичное острие — с боковым резцом в проксимальной части, также интенсивно использовался по прямому назначению, затем был заброшен и патинизирован (рис. 2, 2). Спустя продолжительное время орудие было подобрано и подработано крупными плоскими вентральными фасетками, о назначении которых трудно судить. Вторичная функция наконечника не определена из-за слабой выразительности следов износа. Следует, однако, заметить, что подобные боковые резцовые сколы у наконечников метательного вооружения нередко возникают при ударе в случае наличия люфта между наконечником и древком.

И, наконец, единственное в этой группе классическое острие александровского типа является также единственным, у которого на резцовом основании имеются следы использования в качестве резца (рис. 2, 3). Об использовании орудия в ударно-проникающей функции свидетельствует только плоская вентральная фасетка резцового скола, идущего с самого острия. Другие признаки, присущие наконечникам, например, линейные следы, явно выраженные у двух предыдущих орудий, здесь отсутствуют. Так что с известной долей вероятности, этот предмет можно отнести и к 3 функциональной группе, учитывая тот факт, что орудие достаточно долго и интенсивно служило в качестве ножа для разделки добычи. На это указывают и группы линейных следов и микрофасеток, и деформация кромки, и сформировавшаяся микрозаполировка — весь комплекс следов износа, присущих таким ножам.

Наконечники метательного вооружения

Три острия этой функциональной группы совершенно разнородны с морфологической

Ножи для разделки добычи

Два орудия связаны только с разделкой добычи — одно острие Александровского типа (рис. 2, 4) и одно — с ретушированным осно-

ванием (рис. 2, б). Это ножи для вспарывания шкуры и резания мяса, имеющие типичные для этих функций следы износа по одному лезвию. Оба ножа использовались непродолжительное время, достаточное, впрочем, для формирования легкой мягкой микрозаполировки. Еще два орудия — александровское острие (рис. 1, 5) и острие с ретушированным основанием (рис. 2, 8) имеют характерные для острия ножа следы износа и развитую заполировку от работы по мясу или шкуре в дистальной части. При этом края острий демонстрируют типичные следы от работы по дереву, хорошо выраженные в виде микрофасеток, линейных следов и заполировки.

Попробуем теперь рассмотреть острия в планиграфическом контексте. Следует заметить, что имеющиеся данные позволяют нам определить только поквadratную привязку находок согласно полевым шифрам (рис. 4). Немаловажно, что острия Александровского типа встречены только на площади северного жилого комплекса. В южном комплексе, где присутствует только нижний культурный горизонт, их нет.

Итак, ножи для разделки добычи найдены в западном круглом жилище — 3 и в восточном — 1. Орудие с ретушированным основанием, сочетающее следы от разделки добычи со следами обработки дерева, найдено к юго-востоку от сложного очага западного жилища, на одном квадрате с самым крупным типичным александровским острием с таким же комплексом следов износа. На этом квадрате залегал однородный культурный слой темноватой окраски, присущей верхнему горизонту находок. В западном жилище на северной границе (или с внешней стороны) было найдено острие александровского типа. Еще один нож для разделки добычи с ретушированным основанием найден на западной границе восточного круглого жилища. Эти предметы залежали внутри или вне жилищ на квадратах, где хорошо выражены подстилающая и перекрывающая культурный слой прослойки (Желтова, 2009. С. 25–26). В западном жилище интересующий нас участок границы маркируется дугообразным скоплением камней, в восточном — поднятием пола в виде невысокого вала.

Что касается наконечников, то два из трех связаны с восточным круглым жилищем. Наконечник дротика, переоформленный в острие, найден также на западной границе, на квадрате с выраженными двумя прослойками.

Классическое александровское острие, единственное, чье резцовое основание носит следы использования в качестве резца, найдено в однородном темноватом культурном слое, в самом центре жилища, к северо-западу от очага. А вот третье, атипичное острие с основанием в виде бокового резца и признаками позднейшей реутилизации, найдено на площади длинной жилой западины, у ее северной границы, в однородном культурном слое ярко-красного цвета, типичного исключительно для жилищ нижнего горизонта.

С горизонтом заполнения длинного жилища связано еще одно острие, с ретушированным основанием. Оно имеет очень ярко выраженные следы работы по дереву — резание (прорезание пазов), строгание.

Четыре оставшихся классических александровских острия относятся к группе деревообрабатывающих орудий и, вне всяких сомнений, связаны с жилищами верхнего горизонта. Два из них были найдены к югу от западного жилища, где культурный слой постепенно выклинивался. Еще одно — за пределами восточного жилища, у самой восточной границы раскопа, под которую уходил интенсивно окрашенный культурный слой.

К сожалению, те два предмета, что рассматривал С.А. Семенов, мы не можем привязать к плану раскопа. Известно лишь, что одно из них (типичное) — из западного жилища, другое (с тупым концом) — из восточного. Типичное острие не было передано в музей с основной коллекцией и в настоящее время считается утраченным. А с атипичного при трасологическом исследовании были стерты полевые шифры.

Рассмотренная нами картина планиграфического распределения острий Костенок 4 еще раз подтверждает, что классические острия александровского типа связаны именно с круглыми жилищами верхнего горизонта.

Итак, мы видим, что александровские острия представляют собой устойчивый тип орудий, специфический для верхнего горизонта Костенок 4. Одним из излюбленных технологических приемов оформления здесь было изготовление срединных резцов — как для использования по прямому назначению, так и в качестве аккомодационных частей других категорий орудий. Этот прием можно считать своеобразной «визитной карточкой» кремневой индустрии верхнего горизонта. Вопреки приведенному выше предположению А.А. Рогачева, эти острия, как и острия с ретуширо-

ванным основанием, не являются своеобразным заменителем наконечников с боковой выемкой в орудийном наборе памятника. Как и многие типы каменных орудий, они полифункциональны, однако в большинстве своем изготавливались и использовались для обработки дерева.

Кроме Костенок 4, где найдена представительная серия острий александровского типа, известно лишь 2 единичные находки таких предметов. Чрезвычайно выразительно массивное типичное александровское острие из Зарайска, раскопки 2003 г. (С. Лев, устное сообщение). Второе острие происходит из

мужского погребения Костенок 2, оно было в составе настолько немногочисленного погребального инвентаря, что П.И. Борисковский указывает, что «Человеческие кости... не сопровождал погребальный инвентарь» (Борисковский, 1963. С. 52). Это острие при несомненном морфологическом сходстве с александровскими отличается несколько меньшей массивностью заготовки и более мелкой краевой ретушью оформления дистальной части (рис. 3, 3). Интересно отметить, что срединный резец и здесь не имеет следов использования, а дистальная часть интенсивно использовалась в качестве сверла по дереву.

Литература

Борисковский П.И., 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках. М.; Л. 232 с. (МИА; № 121).

Желтова М.Н., 2009. Костенки-4: взаиморасположение объектов в пространстве и времени (анализ культурного слоя) // Археология, этнография, и антропология Евразии. Новосибирск. 2 (38). С. 19–27.

Рогачев А.Н., 1940. Палеолитическое поселение Костенки IV // КСИА. М.; Л. VI. С. 36–41.

Рогачев А.Н., 1955. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. М.; Л. 164 с. (МИА; № 45).

Семенов С.А., 1957. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л. 240 с. (МИА; № 54).

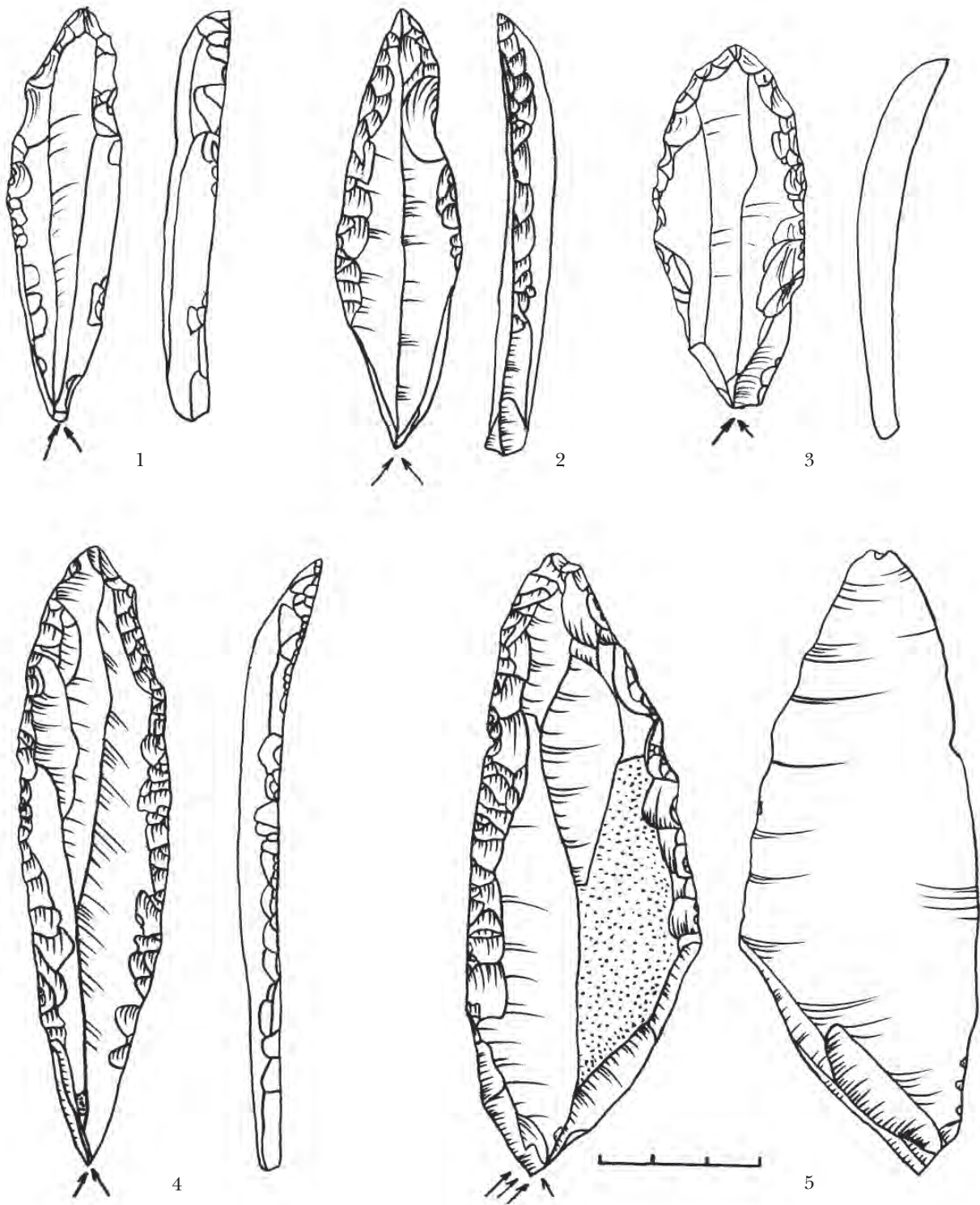

Рис. 1. Острия, использовавшиеся для обработки дерева

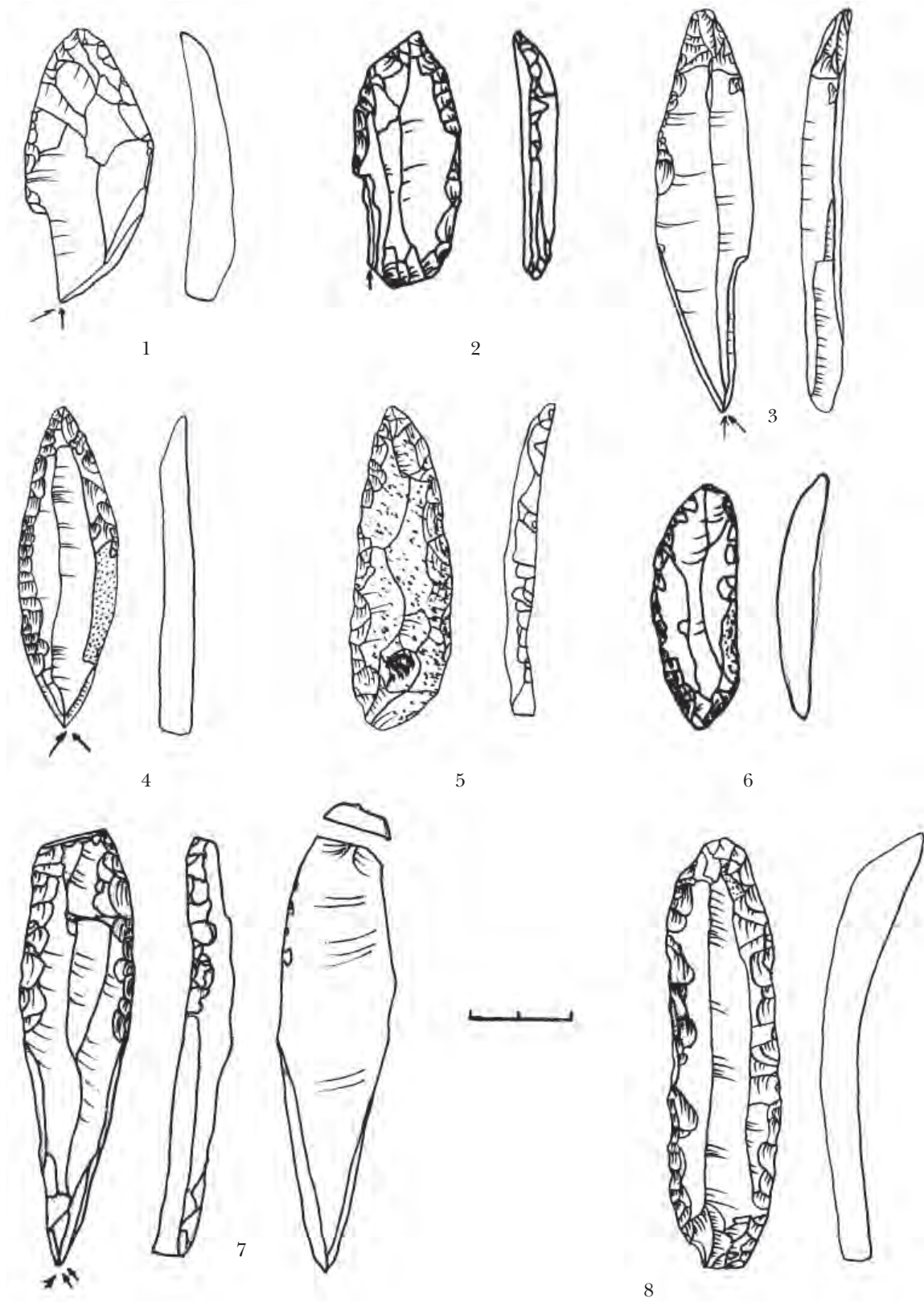

Рис. 2. Острия, использовавшиеся в качестве наконечников (1-3), ножей для разделки добычи (4, 6, 8) и для деревообработки (5, 7)

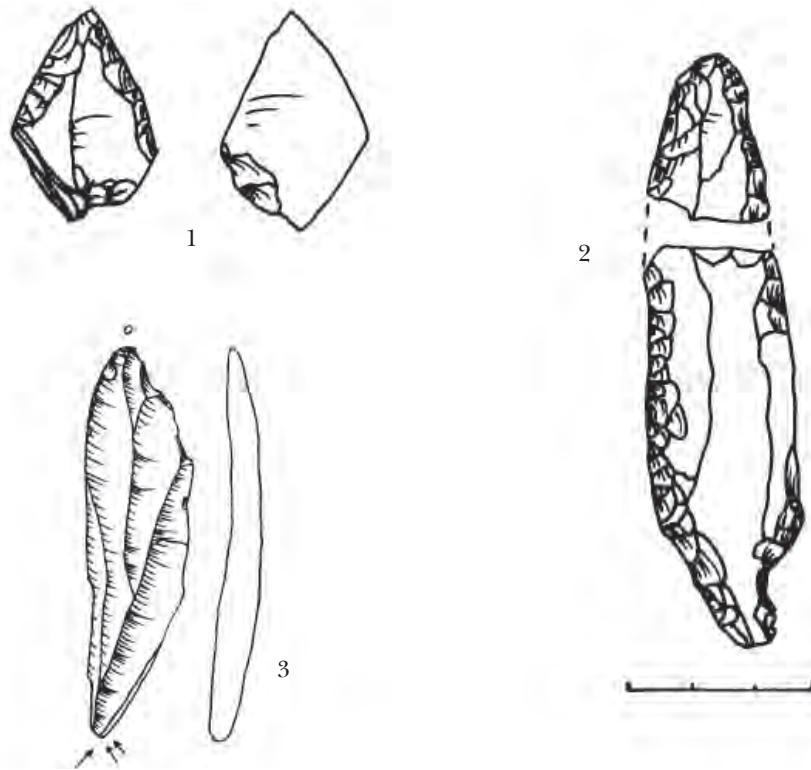

Рис. 3. Каменные орудия стоянок Костенки 4 (1, 2) и Костенки 2 (3):
 1 – дистальная часть наконечника с боковой выемкой; 2 – целое орудие, собранное из фрагментов, ошибочно считавшихся фрагментами александровских острий; 3 – острие из погребения мужчины

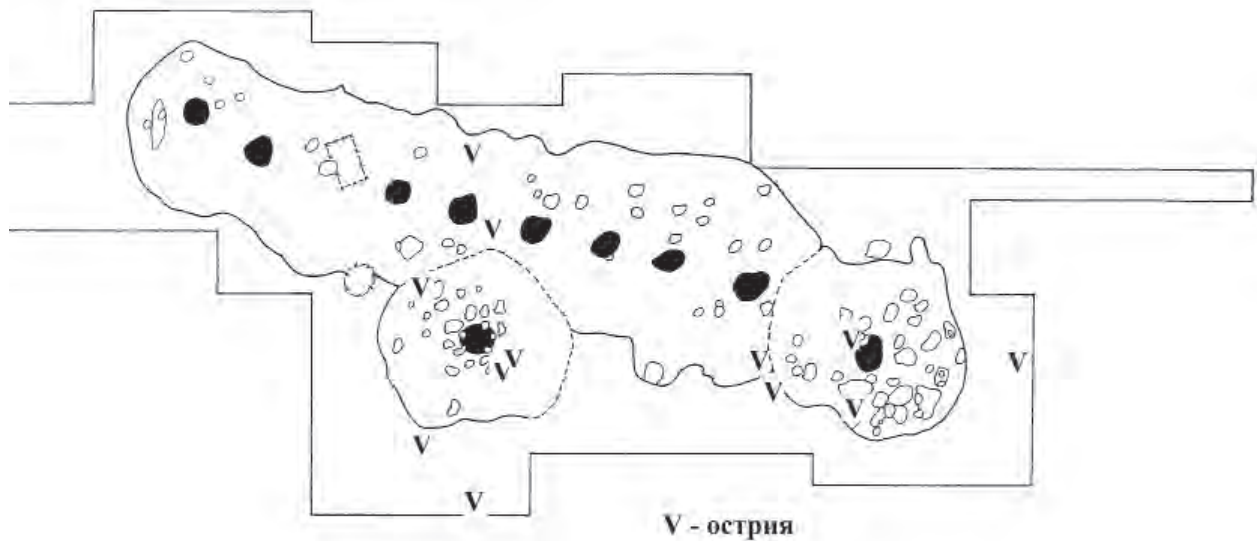

Рис. 4. Пространственное распределение острий на территории северного жилого комплекса Костенок 4

Ножи костенковского типа и пластины с подработкой конца: феномен конвергентного развития или родство технологий?

С.Ю. Лев*, Л. Кларик**, Е.Ю. Гиря***

Вступление

Вопросы о происхождении и взаимоотношениях первобытных человеческих коллективов всегда порождали массу дискуссий, как в отечественной, так и в зарубежной историографии. При внимательном рассмотрении оказывается, что и граветт (как обширное культурное явление или технокомплекс) не стал исключением. Этот мощный хроно-культурный пласт наметил множество новых идей в символическом и художественном аспектах, породил целый ряд технических инноваций в элементах орудийного набора, а также привел к изменениям в социо-культурной жизни древнего населения. Нет ничего удивительного в том, что многие исследователи нашли обширную почву для дискуссий на тему данного культурного явления, которое, пожалуй, впервые в истории современного человека приобрело устойчивый общеевропейский характер. Сложно пройти и мимо такого вопроса, как природа тех отношений, что сохраняли и поддерживали группы охотников-собирателей на огромных расстояниях в тысячи километров, от Португалии до Русской равнины. И если такие символические элементы, как женские статуэтки, неизменно привлекали внимание ученых, то другие, более тривиальные вещи лишь по прошествии некоторого времени стали предметом обсуждения. Каменные изделия уже по самой своей природе устойчивы к тафономическим условиям. В процессе постепенного становления хронологии палеолита в науке каменные индустрии всегда имели приоритетное значение, будучи в значительной мере объектом дискуссий при установлении связей между соседними или удаленными в

пространстве, но близкими хронологически группами древнего населения. Граветтские коллекции являют тому массу примеров, но мы решили заострить наше внимание лишь на одной категории вещей — «ножах костенковского типа» (НКТ). Эти орудия, выделенные в начале XX века известным отечественным исследователем палеолита П.П. Ефименко, на сегодняшний день стали одним из индексов каменной индустрии, подкрепляющим мнение о граветте как явлении не только общеевропейского масштаба, но и имеющем региональную специфику. И если предметы искусства, такие как женские статуэтки, делают эту точку зрения особенно привлекательной, мы полагаем, что НКТ (так как их понимает большая часть западных исследователей), не столь уж хороши в качестве объекта установления сходств/различий, как оно представлялось изначально.

1. Историографический аспект

1.1. История выделения типа

С начала XX века и до конца 1950-х годов

Именно в работах П.П. Ефименко были выделены ножи костенковского типа в коллекции первого слоя Костенок 1 (Ефименко, 1915, 1958). Наряду с наконечниками с боковой выемкой, листовидными остриями и пластинками с притупленным краем они стали «руководящими ископаемыми», культуроопределяющими типами для костенковско-авдеевской культуры. Традиционно называемые «типом», они не имеют однозначного ни типологического, ни категориального определения. Большинство исследователей к концу XX века

* Учреждение Российской академии наук Институт археологии РАН, Москва.

** Лаборатория праистории и технологии ИЦНИ (UMR-7055, CNRS), Париж.

*** Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

отмечали морфологическую вариабельность этих изделий. Но дискуссия об их положении в морфологической классификации остается по-прежнему открытой. Между тем, аббат Брейль идентифицировал аналогичные орудия на стоянке Пшедмости в Чехии и определил их (не давая четкой дефиниции) как тип «встречающийся часто, но бессистемный» (Breuil, 1924. P. 530). Он ассоциировал этот тип со «своего рода долотом» (Breuil, 1924. P. 530). П.П. Ефименко интерпретировал сколы, снятые по спинке орудия, как специальную технику, использованную для утончения пластин, выравнивания их продольного профиля (Ефименко, 1958. С. 230–233). На памятниках Западной Европы в то время еще не было обнаружено сопоставимых изделий.

Между 1960 и 1980

В 1961 году М.Д. Гвоздовер отметила существование довольно большой серии НКТ на стоянке Авдеево. Она рассматривала эти орудия не в качестве отдельного типа, а скорее, как результат специфической техники, прием обработки. Эта техника, описываемая как отличительная особенность костенковско-авдеевской культуры, в то же время применялась для получения разных с морфологической и функциональной точки зрения орудий (Гвоздовер, 1961).

Этот специфический термин, «нож костенковского типа», использовался также Ж. де Хейнзелином для обозначения определенных изделий стоянки Мэсьер-Каналь (Maisières-Canal), которые на самом деле оказались скорее близки к орудиям типа *pièces esquillées* (Heinzelin, 1962, 1973). По всей видимости, предметы, охарактеризованные выше, представлены и в граветте Бельгии (Otte, 1979). Потребуется еще несколько лет, чтобы в павловском варианте граветта Моравии НКТ были интерпретированы как «стамески» или «долота» (Klíma, 1968).

Что касается технико-функционального аспекта, довольно рано С.А. Семенов озвучил гипотезу, что в Костенках 1 у некоторых пластин (с подтеской по брюшку на двух концах) для резания использовались края. На определенных участках краев были прослежены следы от резания (Семенов, 1973. С. 63). Эта гипотеза не была, по всей видимости, воспринята в Западной Европе.

В 1974 году М.Х. Ньюкамер и Ф. Ивернель-Герр предлагают новую гипотезу интерпретации НКТ Костенок 1. Они опирались на их

сравнение с изделиями капсийской культуры из пещеры Гэмбла (Gamble's Cave), Кения. Исследователи рассматривали эти артефакты как возможные нуклеусы для получения микропластинок (Newcomer, Hivernel-Guerre, 1974). Однако эти рассуждения не были подкреплены технологическим исследованием.

В 1968 году Я. Козловский разработал классификационную схему НКТ, взяв за основу характер их вторичной обработки, главным образом базируясь на вариабельности формы концов орудий (Kozlowski, 1968).

Принимая во внимание сложности, касающиеся определения функции этих орудий, В.И. Беляева в 1977 году взялась за изучение НКТ эпонимного памятника, Костенок 1, 1 (Беляева, 1977, 1979). Автор основывался на анализе фактов присутствия определенных элементов обработки концов и их пространственном соотношении (противопоставление подтески по брюшку и пластинчатых сколов по спинке при обработке конца орудия; расположение элементов относительно друг друга и т.д.). Результатом исследования стало выделение четырех групп по принципу наличия/отсутствия тех или иных элементов обработки одного или двух концов, локализации подтески по спинке или брюшку.

С 1980-х по конец 1990-х годов

Несколькими годами позднее гипотеза М.Х. Ньюкамера и Ф. Ивернель-Герра была опровергнута М. Оттом, который предполагал, что такая обработка производилась для утончения в целях создания насада, закрепления в рукоятке (Otte, 1980. P. 55). Я. Козловский, опираясь на точку зрения В.И. Беляевой, предложил идею, что НКТ Костенок 1, 1 могут быть нуклеусами для микропластинок (Kozlowski, 1984. P. 38). Он писал о «пластинах, обработанных в костенковской технике», указывая на сложности в их выделении на фоне других групп или типов орудий. Эта работа была основана на анализе серии изделий, происходящих из коллекции стоянки Корбиак (Дордонь) — в то время единственным памятнике во Франции, где отмечалось наличие НКТ (Kozlowski, 1984). Мало представленные в Западной Европе, пластины с подработкой конца в «костенковской технике» оставались характерными изделиями в граветтийских комплексах Центральной и Восточной Европы. К. Валох, уточняя дефиниции павловской культуры вслед за А. Дельпортом и Б. Климой, признавал эти изделия

в качестве отличительного типологического маркера этого варианта граветта. Но, тем не менее, он подчеркивал, что эти орудия не всегда систематически представлены на эталонных памятниках (Valoch, 1986. Р. 55). В начале 90-х годов наличие НКТ было признано от берегов Дона до Дордони, но эти изделия по-прежнему оставались единичными для западного граветта.

Б. Брэдли, основываясь на изучении ряда артефактов Зарайской стоянки, выдвинул технологическую интерпретацию предмета исследования. Он посчитал формирование ножей технологическим приемом, отмечая, что «оно было скорее результатом подправки, приострения, чем средством намеренного создания острого рабочего края орудия до использования» (Брэдли, 1997. С. 175; Giria, Bradley, 1998).

Одновременно с этим на материалах Авдеево разрабатывался подход, комбинирующий морфологический анализ с характеристиками функциональных особенностей изделий. Он был подробно освещен на материале «орудий со стесанными концами» Авдеевской стоянки (Гвоздовер, 1998. С. 243–259). Ножи костенковского типа рассматриваются в качестве частного случая (типа) внутри категории орудий со стесанными концами, которые, в свою очередь, по мнению М. Д. Гвоздовер, «являются заведомо комбинированными орудиями, так как включают три рабочих элемента — поперечное лезвие, продольные лезвия и ... участок схождения края и подтесанного конца» (Гвоздовер, 1998. С. 243; Гвоздовер, Беляева, 1988).

С 2000-х по наши дни

В конце XX-го века работами одного из авторов (Л. К.) на стоянке Ле Бло (Le Blot), Франция, Центральный массив, было выявлено некоторое количество пластин с подработкой конца в «костенковской технике» в слоях позднего граветта (Klagic, 2000). Речь шла о второй (после Корбиака) стоянке во Франции, где были идентифицированы подобные артефакты. Проведенный технологический анализ этих изделий, обычно ассоциируемых с нуклеидными резцами, позволил говорить в данном случае скорее о «приеме получения микропластинчатых заготовок, снятых с ventralной поверхности изделия» и их последующем использовании для изготовления вкладышей/острий с притупленным краем (Ibid).

В то же время другой автор (Е. Г.), базируясь на материалах памятников Русской равнины, отмечал, что в функциональном плане у НКТ нет жесткого соотношения со статичной формой орудия, скорее, наоборот, форма достигается путем приострения пластины, затупившейся в результате использования (Гирия, Ресино Леон, 2002. С. 182). Эта точка зрения ранее высказывалась Б. Брэдли, а до него — С.А. Семеновым, впервые проводившим трасологические исследования этих изделий. Результатом работ Е.Ю. Гири и А. Ресино Леон стала точка зрения, предлагающая рассматривать НКТ не столько как форму или морфологию изделия, а скорее, как технологический прием изменения этой формы, имеющий определенную последовательность действий.

Однако, как отмечает Х.А. Амирханов, противопоставление «типа» и «технологии» в данном случае вряд ли уместно, так как эти изделия «являются и “типом” и особой (“костенковской”) технологией» (Амирханов, 2000. С. 159). Исходя именно из этих позиций одним из авторов (С. Л.) был проанализирован массив НКТ Зарайской стоянки (рис. 1) (Лев, 2005, 2009).

И, наконец, последняя из публикаций на сегодняшний день, касающихся непосредственно НКТ, осуществлена В.И. Беляевой (Беляева, 2007). В ней находят дальнейшее развитие наблюдения автора, известные по ранним публикациям (Беляева, 1977, 1979). Выделены четыре группы орудий, основываясь на их различиях по ряду формальных признаков (при отсутствии определенных элементов обработки концов, их пространственное соотношение).

По мнению некоторых авторов, анализ НКТ с позиций формальной типологии вряд ли может привести к адекватному результату: «При формально-типологической классификации различные формы ножей попадут в различные “ящики”, к категории “нож костенковского типа” будут отнесены лишь изделия с площадками или только изделия с плоскими резцовыми сколами, что зависит от “вкуса” типолога» (Гирия, Ресино Леон, 2002. С. 183). Это отчасти объясняет то недопонимание, которое случилось в Западной Европе по поводу определения и распознавания этих изделий.

Материалы данного исследования частично публиковались ранее в журнале «Российская Археология» (Лев и др., 2009), однако во всей полноте работа выходит в свет впервые.

1.2. Причины «недопонимания» на Западе и его последствия

Научный контекст

Итак, в 1984 году впервые для широкого граветтийского контекста Западной Европы Я. Козловским было продекларировано открытие нескольких десятков НКТ в Корбиаке. Это событие являет собой точку отсчета того, что мы называем «западным недопониманием». В конце 90-х один из авторов (Л. К.) проводил технологическое изучение граветтийской коллекции стоянки Ле Бло (Klagic, 1999). Эти работы выявили оригинальную модель производства микропластинчатых заготовок для вкладышей охотничьего вооружения на полиэдрических нуклеусах-резцах (Ibid; Klagic, 2003, 2007). Среди обработанных экземпляров было выявлено шесть предметов, которые были идентифицированы как концевые части пластин, подработанные в «костенковской технике» (Klagic, 2000). Заметное своеобразие этих вещей состояло в том, что ни одну из них нельзя было считать НКТ в полном смысле этого термина, поскольку подработка их концов (одного или двух) ассоциировалась в типологическом плане скорее с многофасеточными «резцами» (рис. 2). По этой причине изделия, вслед за Я. Козловским, были классифицированы как «пластины с подработкой конца в костенковской технике».

Технологическое исследование говорило в пользу гипотезы о получении заготовок, но эти плоские сколы, снимаемые со спинки пластины, не укладывались в общую модель производства микропластинок на памятнике. Они, скорее, представляли собой самостоятельный технический прием, используемый иногда в комбинации с другими типами снятий (сколы по краю с переходом на брюшко), которые в результате позволяли возобновлять скалывание микропластинок. Стала очевидной необходимость углубленного технологического анализа этих артефактов в западноевропейском контексте для выявления их функционального назначения. Несмотря на многочисленные попытки, определение этого «типа» по-прежнему оставалось весьма неопределенным, и технологический подход к этой проблеме, несомненно, мог внести некоторую ясность. А вот неполная осведомленность западных исследователей о подобном рода артефактах из граветтийских коллекций Восточной и Центральной Европы, безусловно, не шла на пользу...

Mea culpa (Л. К.)

«В то время я был знаком с этими артефактами из Восточной и Центральной Европы исключительно теоретически и по иллюстрациям. Исходя из публикаций, я полагал, что изделия со стоянки Ле Бло технологически сопоставимы с такого рода предметами некоторых граветтийских комплексов Европы. Доказывая это, я опирался на серию вещей граветтийской стоянки Майнц-Линзенберг (Mainz-Linsenberg, Рейнская область, Германия), весьма близких вещам из Ле Бло. Некоторые известные исследователи издавна квалифицировали их как НКТ (Otte, 1980. P. 56–57). В последующие годы я не имел возможности поработать с большими сериями пластин с подработкой концов в «костенковской технике» западноевропейских памятников. Разумеется, я ознакомился с орудиями из Майнц-Линзенберг, подтвердилась их удивительную близость материалам Ле Бло (Klagic, 2003, 2007), в других же западных коллекциях попадались лишь единичные экземпляры «ножей костенковского типа» (см. наст. публ., § 3.1 и 3.2). Моя ошибка состояла в том, что я тогда не пересмотрел вещи из Корбиака и способствовал поддержанию точки зрения об их возможной генетической связи с НКТ Восточной и Центральной Европы. К сожалению, я лишь недавно (в 2006 году от С. Л.) узнал о проницательной позиции М.Д. Гвоздовер, которая писала об орудиях из Корбиака: «...эта серия имеет лишь техническое сходство с костенковскими орудиями со стесанными концами» (Гвоздовер, 1998. С. 254). Это снова привлекло мое внимание к дискуссии о том, что НКТ костенковско-виллендорфского единства технологически не соответствуют предметам, описываемым в западноевропейских индустриях. Таким образом, я невольно поспособствовал «перемешиванию карт», применяя определение «пластины с подработкой концов в костенковской технике» к вещам, которые таковыми не являлись».

1.3. Проблематика

Предлагаем заострить внимание на вопросе, что же такое НКТ эпонимного региона и в чем же их отличие от артефактов, идентифицированных в Западной Европе? Немного предвосхищая доказательства, приведенные ниже, уже сейчас можно сказать, что касательно Восточной Европы речь идет об орудиях (настоящих ножах), в то время как в Западной Европе в большинстве рассмотренных случаев мы имеем дело с техникой пластинчатого (микропластинчатого) скалывания в рамках схемы получения заготовок.

Идея о возможности контактов (родственных связей) на супердалних расстояниях в граветте вносила, на наш взгляд, путаницу. Если подобные связи и существовали в действительности (наличие венер и там и там), мы хотели бы в своих выводах основываться лишь на бесспорных доказательствах, а не на простых совпадениях в морфологии каменных орудий. Достоверные культурные связи на расстояниях более тысячи километров представляются сомнительными. Лишь подход, совмещающий в себе все преимущества типологического, функционального и технологического анализов позволит внести ясность в сложившейся ситуации. В последнее время в западной историографии технологический анализ каменных индустрий очень часто служил для доказательства того, что некоторые формы или типы орудий на самом деле являлись нуклеусами. Возможно и обратное. В данной работе представлены доказательства того, что определенные категории артефактов с большой морфологической изменчивостью являются как раз орудиями, а не нуклеусами, как, возможно, порой могло бы показаться (очень типичный взгляд для французской школы).

2. Что же такое «ножи костенковского типа»?

Для ответа на этот вопрос мы попытаемся совместить обычно используемые независимо друг от друга виды анализов. Сочетание этих различных методов изучения артефактов (типологический, функциональный и технологический) позволяют глубже проникнуть в суть проблемы — как же они были изготовлены и почему имеют столь различную форму. Начнем же мы с типологических критериев, активно разрабатывавшихся нашими предшественниками. Далее будут продемонстрированы некоторые наблюдения функционального характера, и в конце мы рассмотрим НКТ через призму технологического анализа.

2.1. Классические критерии выделения ножей костенковского типа костенковско-авдеевской культуры

В свое время одним из авторов (С. Л.) была проделана работа по классификации боль-

шого массива НКТ одного из ключевых памятников костенковско-авдеевской культуры — Зарайской стоянки, и проведен сравнительный анализ с материалами других памятников. Остановимся на этом чуть подробнее.

Ставилась задача создания «работающей» методики описания НКТ с позиций формально-типологического метода для характеристики этих изделий в коллекции Зарайской стоянки (Лев, 2005, 2009). Были проанализированы материалы раскопок памятника с 1980 по 2000 год. Количество учтенных на тот момент ножей составило 963 предмета, а включая двойные ножи и комбинированные орудия, число «рабочих элементов» НКТ возрастает до 1 030 экз. В данном случае под «рабочим элементом» понимается один обработанный в соответствующей технике (о которой речь пойдет ниже) конец орудия. Зачастую НКТ имеют несколько лезвийных участков, как оформленных на одном конце, то есть примыкающих к одной площадке, так и образованных на двуконечных орудиях, на каждом из концов которых сформирована площадка. У последних максимальное количество лезвийных участков — четыре. Обычно ножи изготавливались на широких массивных «костенковских пластинах» (Палеолит ... 1982. С. 142).

Наиболее существенные типобразующие признаки для ножей костенковского типа фиксируются на конце орудия и примыкающем к нему участке края/краев пластины, а также части плоскости спинки, смыкающейся с обработанным концом. Подработка конца диктовалась необходимостью создания ударной площадки, с которой производилось два вида последующих сколов. Наличие такого рода площадки достигалось разными способами: подбором или формированием площадок, образованных изломом заготовки; формированием ее техникой крупной чешуйчатой слабонаклонной ретуши (часто довольно глубокой); иногда одним уплощенным чешуйчатым снятием, реже обычным ретушированием, а также техникой плоского резцового скола, идущего наискось или поперечно брюшку, формируя к нему наклонную плоскость (рис. 3, а–е). В подавляющем большинстве случаев площадка формировалась на брюшке заготовки. Все вышеперечисленные технологические приемы характерны также и для ножей Костенок 1, I и Авдеева (Гвоздовер, 1998. С. 243–259; Беляева, 1977).

Другим типологически значимым элементом НКТ является продольный край (иногда

оба края) орудия, обычно образующий с обработанным концом угол, близкий к острому. В зависимости от степени использования и подживления ножа, на крае наличествуют характерные признаки, отмечаемые для этого вида изделий. Если орудие находится на начальной степени утилизации, край может сохранять свои изначальные очертания, возможно присутствие мелкой ретуши. Впоследствии затупившийся край неоднократно приострялся. Подправка осуществлялась двумя способами или же иногда их комбинированием. Первый заключался в нанесении крупной краевой разнофасеточной ретуши, служившей для приострения края. Однако наиболее выразительным элементом подправки все же являются краевые сколы, ради возможности снятия которых и формировалась площадка на конце изделия. Формирование этих сколов диктовалось функциональной необходимостью. Порой в результате многократной подправки краевыми сколами и/или ретушью, угол между соответствующей гранью спинки и плоскостью брюшка все более приближался к 90° , а край приобретал сильно искривленные в плане очертания по мере приближения к подработанному концу.

Необходимо остановиться на еще одном существенном формообразующем элементе ножа. Это плоские продольные чешуйчатые снятия с плоскости спинки, используемые для срезания выступающего ребра и некоторого утончения корпуса заготовки на функционально значимом участке. Длина этих сколов утончения не превышает длину используемого участка края орудия, подживляемого ретушью и краевыми сколами.

Как отмечает Х.А. Амирханов, «наиболее существенным признаком для выделения вариантов будут представленность или не представленность на изделиях одного из трех типобразующих признаков и количество лезвийных участков на одной заготовке» (Амирханов, 2000. С. 163). Присоединяясь к этой точки зрения, массив НКТ удалось разбить на несколько групп. Основанием для расчленения массива ножей на группы служит наличие и взаимная сочетаемость следующих формообразующих признаков: 1) площадки ножа, 2) краевых сколов, 3) сколов утончения и сюда же добавлен признак наличия 4) крупной краевой разнофасеточной ретуши, также являющейся формообразующей.

Таким образом, выявилось восемь групп изделий (рис. 3, 1–8). В первую, довольно ма-

лочисленную группу (2,3%) входят изделия, у которых присутствует только один, правда, наиболее существенный признак — площадка. Остальные элементы орудия отсутствуют.

Во вторую группу входят изделия, у которых, кроме площадки, имеются плоские удлиненные сколы утончения, срезающие выступающее ребро заготовки (7,9%). Это также орудия на ранней стадии использования.

К третьей группе (5,3%) отнесены ножи, сочетающие наличие площадки и снятого с нее краевого скола (сколов). Это уже следующая ступень жизни орудия, так как вследствие его использования возникла необходимость в подправке края, возможно, утерявшего свои изначальные свойства в процессе утилизации. Краевой скол — один из возможных вариантов подправки лезвия. Вторым вариантом является нанесение крупной краевой разнофасеточной ретуши, служащей для тех же целей. В четвертую группу входят ножи, сочетающие наличие площадки и такого рода ретуши (8,1%).

Следующие пятая (32,3%) и шестая (15,7%) группы по сути являются вариантами двух предыдущих. К двум означенным элементам (площадка + краевой скол и площадка + ретушь) добавляется третий элемент в виде плоских удлиненных сколов утончения орудия по спинке. Именно на сочетание трех признаков приходится максимальное число реализаций. Есть также незначительная группа предметов (седьмая группа), у которых встречено сочетание площадки, краевых сколов и ретуши при отсутствии сколов утончения (2,6%).

И, наконец, в восьмую группу объединены ножи, сочетающие все четыре признака: наличие площадки, краевых сколов, сколов утончения и ретушь (25,8%). Это в большинстве случаев ножи на финальной стадии использования с сильно измененным контуром края и значительным углом между ним и плоскостью брюшка. Для значительной части двойных НКТ (оформленных на двух концах заготовки) характерно как раз такое сочетание признаков. Встречены орудия с двумя, тремя и даже четырьмя рабочими элементами, под которыми имеется в виду участки краев со следами утилизации и подживления, примыкающие к подработанным концам, то есть участки схождения краев и концов. Выделенные группы орудий отражают динамику использования и неоднократных подправок НКТ.

Таким образом, при наличии одинаковых по форме рабочих участков НКТ имеют различную морфологию (Амирханов, 2000.

С. 159–163), в зависимости от того, на какой стадии утилизации то или иное орудие попало в культурный слой.

Представляется возможным также разделение НКТ и по способу формирования площадки. Таких вариантов выделено пять (рис. 3, а–е). При формировании площадки, как справедливо отмечает М.Д. Гвоздовер, «проступает характерное для костенковской культуры многообразие технических приемов, выполняющих задачу создания одной определенной формы» (Гвоздовер, 1998. С. 252). Наиболее обычной и широко представленной является площадка, сформированная в традиционной для костенковско-авдеевской культуры технике крупной чешуйчатой слабонаклонной ретуши, зачастую, довольно грубой (71,9%), иногда называемой «подтеской».

На втором месте по частоте встречаемости – оформление площадки в технике резцового скола (15,7%). Это плоские резцовые снятия, идущие наискось или поперечно по брюшку. Угол площадки соответствует предыдущему варианту.

В несколько меньшем количестве обнаруживаются площадки, оформленные плоской достаточно широкой чешуйчатой фасеткой, иногда двумя (7,4%). Угол такой площадки заметно меньше.

Гораздо реже (2,6%) встречаются площадки, сформированные наклонной регулярной ретушью по спинке или по брюшку. Они обычно образуют ровные линейные площадки на тонких, но достаточно широких концах заготовок.

Еще один вид оформления конца изделия – «естественная» площадка, то есть в качестве площадки использован излом заготовки, обычно имеющий наклон к брюшку (2,4%). Впрочем, в некоторых случаях можно говорить о намеренном изломе пластины. Такой характер площадки не требовал дополнительной обработки, так как зачастую создавал необходимый для последующих сколов угол к брюшку.

Различные способы формирования площадки по наблюдениям над данной выборкой никак не коррелируются с наличием тех или иных формообразующих признаков НКТ, что вполне закономерно, если исходить из положения, что формирование площадки являлось технологически необходимым этапом изменения формы изделия.

Кроме изделий ОК (с одним обработанным концом) в коллекции встречены и двойные ножи (ДК), их насчитывается 67 экз., то

гда как НКТ с подработкой одного конца 794 предмета. То есть наблюдается картина, отличная от Костенок и Авдеево, где значительно преобладают орудия с подработкой двух концов (Гвоздовер, 1998, С. 252). Связано ли это с большей доступностью сырья на Зарайской стоянке или с недостаточной представительностью выборки, покажут дальнейшие работы на памятнике, хотя более вероятной выглядит первая версия. Возможно, этим же объясняется и единичная представленность НКТ укороченных пропорций, столь характерных для означенных памятников.

Несмотря на частичную изученность памятника, коллекция Зарайской стоянки численно превосходит любую из коллекций костенковско-авдеевской культуры как по количеству орудий, так и по представленности предметов без вторичной обработки. Какой-либо существенной разницы между НКТ Зарайской стоянки и материалами однокультурных памятников не прослежено. Среди комбинаций везде преобладает НКТ-резец. Довольно существенная разница в проценте НКТ наблюдается на основных памятниках костенковско-авдеевской культуры, причем максимальный разброс значений дают два комплекса Авдеевской стоянки – 27,4% в АВС и 10,3% в АВН (это наименьший показатель среди рассматриваемых памятников). В старом комплексе Авдеево (АВС) НКТ – наиболее часто встречаемое орудие. В Костенках 1, I они уступают по численности лишь резцам. На Зарайской стоянке и АВН ситуация идентична – НКТ находятся на третьей позиции после пластин/отщепов с ретушью и резцов. Впрочем, на Зарайской стоянке процентное соотношение резцов и НКТ весьма приближено и с расширением распанной площади возможны небольшие колебания значений в ту или иную сторону, что, скорее всего, не окажет существенного влияния на общую картину.

Материал Зарайской стоянки с большой степенью надежности можно считать репрезентативной выборкой, отражающей все основные тенденции и проявления комплекса технологических приемов, связанных с изготовлением НКТ.

2.2. Функциональный анализ ножей и краевых сколов второго жилого комплекса Костенок 1, I

В просмотренной нами коллекции нового жилого комплекса Костенок 1 (I) на 200 но-

жей костенковского типа, включая все виды их форм (рис. 4) и обломки, приходится около 150 сколов приострения лезвий (краевых сколов с НКТ).

На основании места расположения, характера износа и общей морфологии к НКТ отнесены многие пластины с ретушью продольных краев у дистальных и/или проксимальных концов. Кроме того, ножи костенковского типа представлены и другими, традиционно выделяемыми формами:

- ножи с подготовленной площадкой;
- ножи с подготовленными площадками и ретушью продольных краев в дистальной и/или проксимальной частях (рис. 5);
- ножи с подготовленными площадками, ретушью продольных краев и некраевыми продольными сколами с площадки (так называемые сколы утончения) (рис. III, 1, 3 – *ув. вкладка*);
- ножи с подготовленными площадками, ретушью продольных краев и краевыми продольными сколами с площадки (рис. III, 2, 4 – *ув. вкладка*);
- ножи с подготовленными площадками, ретушью продольных краев и продольными краевыми и не краевыми сколами с площадки (рис. 4).

Выделена группа обломков ножей, сломанных в ходе процесса приострения. Наибольшее количество подобных ошибок расщепления происходило при снятии некраевых продольных сколов с ножей, гораздо реже – при снятии краевых продольных сколов.

У всех костенковских орудий данного типа рабочими участками служили обработанные и необработанные углы пластин и прилегающие к ним участки боковых лезвий. Лезвия более чем 50% этих изделий имеют выразительные следы использования. Наибольшая часть ножей использовалась для разделки туш животных, меньшая часть – для обработки дерева. Отдельные орудия имеют следы от работы по кости и даже по мягкому камню (рис. III, 3 – *ув. вкладка*). Иными словами, НКТ – это самый обыкновенный хозяйственный нож.

2.3. Технологическое исследование серии НКТ Зарайской стоянки

Репрезентативность рассматриваемой выборки

Из богатой коллекции Зарайской стоянки было выбрано 150 НКТ и 100 целых краевых

сколов с ножей. Вещи были выбраны наугад, внимание обращалось лишь на наличие четких технических характеристик. В нашу выборку вошло порядка 15% НКТ, считая от их общего количества, опубликованного и вошедшего в подсчеты (Лев, 2009. С. 59). Процент краевых сколов составляет 7,5% от их общего числа. Конечно, имеющаяся выборка незначительна на фоне многотысячной коллекции памятника, однако она позволяет делать интересные наблюдения и намечать определенные тенденции, которые могут быть подтверждены последующими исследованиями. Кроме того, мы выбирали исключительно ножи ОК. Это позволило нам несколько упростить получение информации технологического плана, имея дело с более четкими формами. Тем не менее, несколько ножей ДК было изучено. Оказалось, что они полностью идентичны по своим характеристикам ножам ОК. Вспомним, что на эпонимных стоянках культуры преобладают ножи ДК, зачастую довольно маленького размера вследствие их интенсивного использования и подправок.

Могут ли НКТ служить нуклеусами для микропластинок?

Этой гипотезе можно противопоставить множество аргументов. Во-первых, в Зарайской коллекции не так много пластинок с притупленным краем (ППК) (рис. 6). И нет ни одного технологического аргумента в пользу того, что заготовками для ППК могли служить пластинчатые снятия с ножей. И если ламеллярные сколы со спинки НКТ теоретически можно сопоставить с заготовками, получаемыми с обычных нуклеусов, то краевые сколы с НКТ демонстрируют особую морфологию и технические характеристики, несопоставимые с изготовлением вкладышей орудий. Эти краевые сколы хорошо известны и не раз описывались в литературе. Пропорции и характер профиля делают их мало пригодными для использования в качестве вкладышей (рис. 7).

Кроме того, анализ ППК Зарайской коллекции говорит о том, что они изготавливались на обычных пластинках, крайне редко на микропластинках (Лев, 2009. С. 73–77). Для этого использовались мелкие или сработанные нуклеусы, а также вторичные нуклеусы на массивных отщепах и пластинах.

Таким образом, мы отрицаем возможность использования краевых сколов с НКТ для изготовления микролитов, однако не ис-

ключаем полностью вероятность того, что отдельные сколы утончения могли применяться в этом качестве. Большая морфологическая и размерная вариабельность негативов от сколов утончения по спинке НКТ вряд ли может быть соотнесена с реальным производством сколько-нибудь регулярных заготовок стандартизированных пропорций. Хотя случайно какой-то из сколов утончения исключительно правильных очертаний мог бы быть приспособлен как заготовка для ППК (рис. 1, б). Но это не будет доказательством, когда речь идет о действующей модели производства. В подавляющем большинстве случаев сколы утончения короткие и узкие, порой изогнутые. Обычно они короче краевых сколов (в 61 из 85 случаев) (рис. 7, 2, 4). По материалам Зарайска представляется разумным отринуть гипотезу о том, что НКТ имеют отношение к процессу целенаправленного получения заготовок для микроинвентаря.

Можно привести в пример изделия, у которых имеется только площадка, находящаяся под довольно крутым к брюшку углом, и один пластинчатый скол по спинке, произведенный с этой площадки. При этом краевые снятия отсутствуют (рис. 1, б; 8, 1). Теоретически это можно соотнести со схемой получения микропластинок, основанной на том же концептуальном принципе, что используется при «подживлении» ножей. Если эта гипотеза и возможна в теории, она опирается на малое число реализаций (26 случаев из 150). С другой стороны, мы предлагаем технологическое объяснение: эти артефакты соотносятся с определенной стадией приема подживления ножа.

Почему эти изделия являются ножами и почему они разбиваются на разные группы?

Если апеллировать к современным технологическим исследованиям НКТ и краевых сколов с них (Гирия, Ресино Леон, 2002; см. также наст. публ. § 2.2), становится очевидным, что эти изделия служили для резания различных материалов и действительно являются ножами. Несмотря на то, что кремний — достаточно твердый материал, режущая кромка довольно тонкая, и пластина имеет тенденцию к затуплению по ходу использования. Древние люди, несомненно, испытывали крайнюю необходимость в периодическом затачивании, подживлении сработанного лезвия.

Необходимо отметить, что проведенные типологические наблюдения свидетельствуют

о том, что у НКТ не всегда присутствуют краевые снятия (рис. 1, 3, 4), как, впрочем, иногда и другие типологические характеристики, упомянутые выше. Причина этого состоит в том, что некоторые изделия могли использоваться в качестве ножей без предварительной подготовки лезвия. В этом случае оформлялась только площадка на конце с учетом возможной необходимости подправки лезвия в будущем. Впрочем, подживание могло и не потребоваться, порой мастер предпочитал просто выбросить орудие (рис. 8, 3, б). Эти изделия видоизменялись в процессе использования, состоявшего из различных этапов переделки, подновления рабочей части, а вот функция их оставалась прежней. Эти факты поневоле подводят к мысли о группировке в одну категорию изделий с различными техническими характеристиками (они сопоставимы с группами, описанными в типологической части статьи), но которые, тем не менее, несут единую функциональную нагрузку. И эта категория — ножи.

Технологические особенности различных видов подправки ножей

В части, посвященной типологии, мы отметили наличие разных технологических приемов (площадка по брюшку, краевые сколы подживания, сколы утончения, краевая ретушь), корреляция которых позволяет выделять группы ножей. Каждая из них характеризуется определенным набором признаков. Задача состоит в том, чтобы продемонстрировать, что у каждого вида сколов была своя собственная роль в процессе подживания при использовании «костенковской техники». Эти различные способы подправки порой очень незначительно отличаются друг от друга. Роль каждого из них в общем технологическом процессе приходится изыскивать поэтапно, шаг за шагом.

** Роль площадки ножа костенковского типа*

Площадка у НКТ расположена по брюшку пластины-заготовки, на одном или же двух ее концах. Речь идет об участке, который позволяет мастеру производить операции по раскалыванию в продольном направлении по спинке ножа, а также вдоль края для подживания лезвия. В типологической части были продемонстрированы разные варианты оформления площадки. При анализе этого элемента ножа важно обращать внимание на два момента: угол, образованный площадкой и спинкой НКТ, и форму площадки (скошенная, вогнутая

и т.п.). Обращалось внимание на два параметра при анализе этого участка ножа: угол между площадкой и спинкой орудия и морфологию площадки (скошенность, вогнутость и т.п.).

Что касается первого пункта, значения угла могут варьировать очень сильно: от 80–86° у некоторых орудий с «подтеской» площадки до 42–49° у ножей с более плоской морфологией этого элемента. Из 150 ножей померить угол между площадкой и спинкой орудия удалось снять лишь у 70. Наибольшее количество значений находится в диапазоне между 50° и 59° (26 из 70 ножей) (рис. 9, 1). Второй момент касается формы площадки, морфология которой адаптирована для упрощения получения пластинчатых снятий по спинке (площадка более выпуклой формы) или для краевых снятий подживления (вогнутая или скошенная площадка). В этой связи можно упомянуть вариант площадки, оформленной плоским резцовым снятием. Этот скол, обычно поперечно ориентированный относительно продольной оси орудия, формирует скошенную площадку. Также это создает выступающий участок, необходимый для приложения удара вдоль соответствующего края, который необходимо подживить. Подобная конфигурация благоприятствует снятию краевого скола, так как выпуклый характер зоны контакта между площадкой и направляющим ребром (ребрами) позволит мастеру правильно приложить усилие при ударе и таким образом ограничить возможные неточности при акте раскалывания (как, например, в случае подготовки площадки со шпорой).

В конечном счете, разная морфология, варианты оформления площадки и различные углы между площадкой и спинкой орудия объясняются тем фактом, что содержание орудия в рабочем состоянии (в костенковской технике) требует соответствия всех факторов, необходимых для последующей экстракции краевого скола и оживления края. Это требует от мастера осуществления постоянной подработки изделия (переориентация или возобновление площадки, микросколы по спинке для подготовки краевого и т.п.) с целью облегчить или сделать возможным краевое снятие. Вследствие чего представляется логичным, что обработанный конец претерпевает различные морфологические трансформации в течение жизни орудия. Это объясняет типологическую вариабильность ножей костенковского типа с точки зрения обработки концов.

Важно отметить еще такой момент: речь идет о первом этапе использования пластины в качестве ножа, еще до того момента, как была осуществлена подработка конца изделия в костенковской технике. Ударная площадка пластины-заготовки сама по себе достаточно удобна и требует минимальных усилий для формирования площадки НКТ по брюшку. И в самом деле, угол между ударной площадкой и брюшком пластины весьма удачен и не превышает 90° (особенно в случае выступающих площадок у пластин, полученных мягким органическим отбойником). Таким образом, древний мастер имел возможность использовать по своему усмотрению тот или иной край пластины в ее проксимальной части без необходимости значительной модификации последней, а затем воспользоваться ударной площадкой пластины в качестве площадки для ламеллярных снятий по спинке и/или краевых сколов. Более того, изначальный наклон ударной площадки к брюшку значительно облегчает формирование площадки НКТ крупной чешуйчатой ретушью или несколькими мелкими фасетками по брюшку (это происходит до или после первого краевого снятия).

** Предназначение краевых сколов*

Этот вид операции немного напоминает односторонний скол транше (Brézillon, 1968. P. 367–370). Правда, в случае транше скол необходим для создания активной рабочей части орудия, тогда как у НКТ край пластины-заготовки может служить без какой-либо дополнительной подготовки, и, более того, будучи единственной подготовкой, и, более того, будучи единственным использованным, подживляться краевым сколом. Учитывались три параметра: длина искомого лезвийного участка, угол и морфология (в разрезе) лезвия орудия, также именуемая «угол заточки» в традиционном ножеделании (рис. 10, б).

1. По результатам наших исследований выборки ножей длина краевых снятий (когда ее можно измерить целиком, т.е. не перекрывается последующими сколами) достигает максимум 65 мм, но предпочтительно находится в диапазоне между 20 и 40 мм (рис. 9, 2). Некоторые сколы явно короче, но возможно это ошибки скалывания.

2. Морфология лезвия в разрезе, то есть варианты «заточки», угла схождения, также важна, даже если она в достаточной мере стандартизирована в случае ножей костенковского типа. Древние люди использовали естествен-

ную морфологию лезвия пластины, имеющей одностороннюю заточку по типу стамески, когда одна грань влияет на угол заточки (рис. 10, 4). Если быть более точным, естественная «заточка» кремневой пластины в разрезе скорее может быть определена как «линза/стамеска» (рис. 10, 5). «Линза», так как брюшко пластины всегда имеет слабовыпуклый профиль, и «стамеска», поскольку подправка рабочего края происходит исключительно на дорсальной поверхности пластины (как в случае заточки лезвия у современных стамесок). Когда лезвийный участок затупляется, краевое снятие нацелено на то, чтобы воссоздать новое лезвие с углом «заточки» в определенном диапазоне, с сохранением как эффективности, так и прочности.

3. Ну, и третий ключевой момент касается подживления и поддержания угла схождения, «заточки» лезвия. В противоположность железным ножам, у которых угол заточки находится между 18° и 35° (этот параметр варьирует в зависимости от типа лезвия, формы заточки, от использованного вида металла и от мастера), кремневая пластина, используемая в качестве ножа, не может быть слишком тонкой по причине большой хрупкости. Раскалывание кремня несет в себе риски, связанные с разными аспектами (уровень профессионализма мастера, аккуратность, неточность движения при расщеплении), и результат снятия скола подживления может быть в большей или меньшей степени удачным. Мы провели измерения этого угла лезвия на ножах из коллекции, дабы определить угол схождения, «заточки» лезвия, наиболее предпочтительный для древних людей. Однако этот угол может варьировать в зависимости от того, на каком участке лезвия ножа проводилось измерение (особенно если случайно получился закрученный скол). Поэтому мы систематично проводили измерения в средней части негатива краевого скола или естественного края, либо ретушированного края, поскольку далеко не на всех ножах присутствуют краевые сколы. В результате проведенных измерений мы подсчитали, что угол схождения (угол лезвия) сильно варьирует, значения колеблются в широком интервале между 34° и 111° (рис. 9, 3). Тем не менее, наблюдается тенденция, что предпочтительный угол составлял от 40° до 70° , а большинство ножей на финальной стадии демонстрировали значения между $51-60^\circ$ (в 61 случае из 150). На этом же графике видно, что после краевого снятия в наибольшей

степени представлены две группы значений, в интервале $51-60^\circ$ и $61-70^\circ$ (всего 58 случаев из 76 ножей с подживлением края) (рис. 9, 3, В). Эти цифры также подтверждаются нашими промерами серии краевых сколов, у которых измерялись два угла — до и после их снятия с ножа (рис. 11, 1). И вдобавок выяснилось, что углы схождения у сколов и до, и после их экстракции с ножа находятся все в тех же интервалах $51-60^\circ$ и $61-70^\circ$ (рис. 11, 2). Это подтверждает то, что древние мастера намеренно поддерживали угол «заточки» в четком диапазоне между $50-70^\circ$. В заключение можно отметить, что в целом подживление слабо изменяло угол лезвия ножа (между -10° и $+10^\circ$ относительно изначального угла), оно служило для поддержания этого угла «заточки». Из 100 изученных предметов у 35 угол прибавил 10° , у 24 изделий угол уменьшился на 10° , а в 5 случаях остался неизменным (рис. 11, 3).

Таким образом, задача краевых сколов состоит в воссоздании рабочего лезвия в целях последующего использования орудия (Гирия, Ресино Леон, 2002). У пластин, выбранных для использования в качестве ножа, изначальный угол «заточки» края был между 40° и 60° . После интенсивного использования лезвие подвергалось восстановлению, значения угла «заточки» отмечаются в интервале от 50° до максимум 70° . Причем в 64 случаях из 100 разница между углами до и после подживления не превышает 10° .

** Роль ретуши по рабочему краю ножа*

Выявлено пять вариантов применения приема ретуширования края, используемых до и после снятия краевого скола и имевших разные задачи.

До снятия краевого скола:

1. После первичного использования пластины в качестве ножа, когда край затупился. Использовалась приостряющая ретушь для подправки притупившегося лезвия с целью дальнейшего использования орудия. Эта ретушь применялась к рабочей части орудия (то есть лезвийный участок по краю изделия, прилегающему к одному из концов) и практически не изменяла угла «заточки» лезвия. Этот вариант ретуши относительно редок в исследованной части коллекции: всего 20 случаев, из которых у 10 угол после ретуширования находится в диапазоне $51-60^\circ$ (рис. 12, 1).

2. Крутая и полукрутая ретушь по краю, служащая направляющей при снятии краевого скола. Речь идет о формировании искусст-

венного ребра по оси будущего скола с целью облегчить его снятие (рис. 12, 2). Таким образом, край орудия приобретал трапециевидную форму (в профиле), что позволяло лучше контролировать угол краевого снятия и таким образом способствовало поддержанию угла подживляемого лезвия между 50° и 70°.

После снятия краевого скола:

3. В некоторых случаях скол подживления оставлял неровный, зигзагообразный край, форма которого не являлась преднамеренной и зависела от условий приложения удара. Тем не менее, существовала возможность для его выравнивания, в этом случае применялась плоская ретушь, но лишь местами, для удаления выступающих участков края. Она была направлена перпендикулярно оси скола (рис. 12, 3).

4. Возникали случаи, когда снятие краевого скола заканчивалось неудачей, то есть мастеру не удавалось достичь искомого угла: он оказывался почти тупым (больше 70°, то есть недостаточно острый) или, наоборот, слишком острый (менее 40–50°, то есть слишком хрупкий). В этих случаях имеются несколько путей решения проблемы: выбросить изделие, использовать другой участок пластины, произвести новый краевой скол или использовать ретушь подправки. В последнем случае (исправление угла путем ретуширования) существовала возможность по необходимости увеличить или уменьшить угол схождения по краю. Тем не менее, представляется, что это решение было, скорее, случайно. Из 55 ножей с краевым сколом и ретушью по краю в 15 случаях ретушь увеличивает угол лезвия, достигая 50–70° (рис. 13, F); в 4 случаях ситуация обратная, происходит уменьшение угла, чтобы попасть в диапазон 50–70° (рис. 13, G). В 10 случаях изменение угла находится вне приоритетного диапазона 50–70° (рис. 13, D, E), и, наконец, в 23 случаях угол сохраняется более или менее прежним (см. следующий случай).

5. В последнем случае рассматриваются орудия, у которых после подживления получался приемлемый угол, но, несмотря на это, край все равно был ретуширован. В этом случае краевая ретушь, как правило, мелкая приостряющая, она может быть интерпретирована как ретушь приострения/заточки после использования ножа (и уже после того, как он был подживлен краевым сколом). То есть речь идет о ретуши, с помощью которой пытались восстановить острый край, не меняя угла его «заточки», сохраняя последний в диапазоне 50–70° (те самые 23 случая в пункте 4) (рис. 13, H).

** Роль пластинчатых снятий («сколов утончения») по спинке*

Это наиболее сложный предмет в плане технологической реконструкции. И снова, существует несколько сценариев, в которых техническое объяснение варьируется в зависимости от обстоятельств. Их размеры неустойчивы (от нескольких миллиметров до нескольких сантиметров), количество сколов на ноже варьирует — от 0 до 4 и более, ширина их также варьирует. В целом, эти сколы многочисленны, их снимали довольно часто. Изучая эти многочисленные вариации, мы пришли к выводу, что главной задачей при оформлении сколов по спинке (все они снимались с площадки ножа) было создание выпуклости рельефа на поверхности скалывания, необходимой для успешного осуществления краевого снятия. Дополнительной функцией можно указать то, что они способствовали формированию ребра направляющей для последующего снятия. Исходя из их расположения на спинке пластины (по центру, по левому или правому краю), мы постарались определить функцию каждого из этих видов сколов и обозначили их, используя кальку с французского, как: простое центрирование, боковое центрирование и нервиюрование. Кроме того, некоторые микропластинчатые сколы по спинке могут служить для точечного корректирования финальной морфологии НКТ. Стоит также отметить, что эти варианты подработки могут сочетаться на одном изделии, что требует большой точности в их интерпретации. Несмотря на морфологическую вариабельность, все эти приемы направлены на обеспечение удачного подживления, улучшение эргономики орудия. Ниже мы внесем ясность в используемую терминологию и определимся с понятийным аппаратом.

Центрирование (фр. *cintrage*) — создание одним или серией сколов выпуклости рельефа («направляющей») в центральной части предмета расщепления (по спинке). Возможно их смещение ближе к краю. Это приводит к уменьшению толщины рельефа поверхности заготовки, создает направляющую для последующих краевых снятий. В связи с отсутствием прямого аналога этого термина по-русски, в тексте вместо кальки с французского используется словосочетание: «создание направляющей». Выявлено два варианта.

1. В первом случае (фр. *cintrage avant*) скол снимает неровность рельефа в центральной части пластины или ближе к краю с рабочим лезвием (рис. 14, I). Скол наносился с площад-

ки ножа и шел вдоль центрального ребра огранки пластины, обычно имевшей трехгранное сечение. Или же, если у пластины трапециевидное сечение (или больше трех ребер), скол был приурочен к тому ребру огранки (границы), что ближе к рабочему краю орудия. Эта операция вызвана необходимостью уменьшения плоскости фронта будущего краевого скола и создания новой направляющей для благоприятного прохождения ударной волны. Следует отметить, что если первое снятие оказалось не достаточным, могло быть осуществлено еще одно, теперь уже вдоль новой направляющей (рис. 14, 2). Этот вид формирования рельефа фронта скальвания позволял придать будущему краевому сколу наиболее благоприятное сечение в форме параллелограмма.

2. Во втором случае (фр. *cintrage arrière*) речь идет о том же типе подработки, с той лишь разницей, что сколы идут вдоль грани, находящейся ближе к другому краю, то есть краю, противоположному лезвию (рис. 14, 3). В этом случае целью является утончение пластины, сокращение ее толщины, а также формирование направляющих и рельефного фронта. Делается это для того, чтобы создать условия для более легкого доступа к той части пластины, край которой требуется подживить. Встречены комбинации обоих приемов (1 и 2) на одном изделии. Этот вариант подправки встречается почти исключительно на пластинах с трапециевидным сечением (или более чем 4 гранями) или же на пластинах, изначально имевших трехгранное сечение, но после того как центральная грань была удалена по варианту 1, она приобрела частично трапециевидное сечение.

3. Нервюрирование (фр. *nervurage*) — управление формой (выпуклостью) рельефа поверхности скальвания (рис. 14, 4, 5). А именно, формирование по спинке тонких узких микропластинчатых снятий, образующих микрорельеф, упрощающий производство последующих краевых сколов подживления. Представляется уместным вместо кальки с французского употреблять словосочетание: «управление формой микрорельефа». Эти микросколы, как и все вышеописанные, снимались с площадки на конце ножа и были приурочены к ребру огранки пластины, проходящему рядом с рабочим краем, требовавшим подживления. Целью являлось формирование профилированной огранки проксимального участка будущего краевого скола, чтобы соз-

дать начало направляющей в продольной оси скола. Следы этой операции зачастую хорошо различимы на краевых сколах (рис. 14, 6, 7). Эта техника хорошо известна в костенковско-авдеевской культуре. Она применяется также при скальвании пластин с нуклеуса и получила название «редуцирование» (Гиля, 1997).

Следующие два случая касаются пластинчатых снятий по спинке, осуществленных после подживления края и являющихся последними сколами, снятыми с ножа.

4. Утончение пластины. Одним из следствий трех вышеописанных видов пластинчатых снятий является (порой довольно существенное) утончение толщины пластины-заготовки ножа (рис. 1, 1, 4). В некоторых случаях сколы того же рода, что и вышеописанные (1–3), оформлялись уже после краевого снятия, являясь последними сколами, снятыми с ножа. Причина подобных действий не всегда очевидна. Видно, однако, что сколы не связаны с управлением формой рельефа и микрорельефа и произведены после подживления края. Конечно, возможно, что сколы предшествуют новому подживлению, которое так и не было осуществлено. Нам также представляется возможным связывать эти сколы с намеренным утончением пластины. Это утончение вряд ли было связано с формированием рукояточной части, насада (как предполагал М. Отт для некоторых изделий из Центральной Европы, см. выше), но, скорее, улучшало эргономику, управляемость орудия для тонкой работы и/или для использования в зонах, где для резания требовалось узкое лезвие (например, некоторые части скелета животных?).

5. Сколы удаления мешающего карниза после подживления. После подживления края или управления рельефом по спинке (1–3) могли возникнуть один или два маленьких остаточных карниза в проксимальной части по обе стороны от выемки-негатива ударного бугорка краевого скола или пластинчатого снятия по спинке. Эти карнизки затрудняли работу ножом, так как создавали микрошипы, мешающие резанию (создавали нерегулярный, рваный край при резе). В этом случае мастер одним или несколькими микропластинчатыми сколами срубал эти остаточные карнизы. Этими же сколами снимались участки меловой корки, затруднявшие работу орудием (как видно на ремонте ножа из Зарайска В, см. рис. IV, сколы 8, 9, 10 — *ув. вкладка*). Последний момент касается эргономики орудия и может частично объяснить, почему такого рода сколы

появляются после завершения его подправки и подживления.

Заключение: все упомянутые технические приемы позволяют оценить тот факт, что различная морфология элементов, составляющих нож, являются следствием выбора древнего мастера перед лицом затруднений, возникавших на пути подживления орудия и улучшения его эргономики. Представляется также очевидным, что большая вариабельность форм НКТ связана с разнообразием «арсенала технических решений», позволявших древним мастерам выходить из ситуаций, с которыми они могли столкнуться. Добавим также, что на разных стоянках эти ситуации могли отличаться в зависимости от степени доступности сырья. В Зарайске, где доступность сырья сомнений не вызывает, ножи демонстрируют разную степень истощения. Некоторые практически не использованы (ножи с одним обработанным концом и минимумом подправки), в то время как другие были в работе дольше (двойные орудия, с тремя и четырьмя рабочими участками). На стоянках, удаленных от источников сырья, логичным видится наличие множественных подправок на НКТ, влияющих на морфологию орудий (укороченные формы или отличающиеся от описанных в Зарайске). Сочетание технологического анализа с трасологическими исследованиями может помочь ближе подобраться к осознанию особенностей морфологии, их связи с теми или иными технологическими приемами и, в конечном счете, функцией конкретных орудий.

2.4. Анализ результатов ремонта

Анализ складня, представляющего собой нож костенковского типа на пластинчатом сколе — результат ремонта двух сколов с ножа костенковского типа и самого орудия, собранного из двух фрагментов (рис. IV, 0 — *цв. вкладка*), позволил выявить следы целого комплекса взаимосвязанных актов поведения (деятельности) древних обитателей Зарайской стоянки.

Удалось выделить два этапа «жизни» данного изделия: в качестве участка на поверхности нуклеуса и в качестве орудия, после отделения скола-заготовки от ядрища.

Изначально, сам по себе, реконструированный предмет представлял собой краевой скол, снятый с основной площадки, с правой стороны поверхности скальвания типичного зарайского нуклеуса (при его ориентации пло-

щадкой вверх). Эта пластина была получена на раннем этапе использования нуклеуса, когда он еще не утратил характерные для костенковско-авдеевско-зарайской культуры очертания преформы-«гигантолита». То есть на его дорсальной поверхности представлены:

- остатки желвачной корки и негативов поперечных сколов выравнивания боковых сторон пренуклеуса, снятых с центрального ребра, а также

- остатки негативов снятия четырех предыдущих пластинчатых сколов, снятых, как и данный скол, с основной площадки нуклеуса.

По имеющимся негативам можно проследить, что три (из четырех предыдущих) пластинчатых снятия были отделены от нуклеуса вполне успешно — два из них достигли дистальной части поверхности скальвания, третье — хотя и закончилось на половине ее длины, имело перообразное окончание и оставило после себя достаточно ровный рельеф, не затрудняющий дальнейшее расщепление.

На данном этапе утилизации нуклеус был на некоторое время оставлен, но не брошен. Об этом свидетельствует характер распределения следов «неутилитарного износа» (Гиря, Ресино-Леон, 2002. С. 179–182; Giria, 2004. P. 151–152; Гиря, 2004. С. 203–205) на ребрах и гранях дорсальной поверхности анализируемого складня. Несколько межфасеточных ребер (рис. IV, 0, A, B — *цв. вкладка*), оставшихся от удачных снятий пластин, в дистальной части скола сильно изношены (рис. V, 1, увеличение $\times 50$ — *цв. вкладка*), что, вероятнее всего, свидетельствует о его транспортировке совместно с иными твердыми предметами.

Попытка отделить от тела нуклеуса четвертую пластину оказалось неудачной. Снятие закончилось заломом на участке, по-видимому, соответствующем одной трети длины поверхности скальвания. Залом оказался достаточно крутым. По форме, он представляет собой нечто среднее между ступенчатым и петлеобразным окончанием скола. Получение заготовок с данного ядрища было на какое-то время приостановлено, о чем свидетельствует наличие неутилитарного износа на межфасеточных ребрах негатива от снятия четвертой пластины с петлеобразным окончанием (рис. V, 2 — *цв. вкладка*). Это весьма выразительный износ, но, в сравнении с износом ребер в дистальной части скола, он гораздо менее развит.

По происшествии некоторого времени была предпринята попытка «реанимации» нуклеуса. Для успешного продолжения снятия

пластин требовалось устранить образовавшийся дефект — выровнять рельеф поверхности скальвания, что можно было сделать либо встречными пластинчатыми снятиями, либо приемом «разделения залома» (Giria, Bradley, 1998. P. 200, fig. 13). Теоретически, существовала еще одна возможность подправки поверхности скальвания — путем воссоздания срединного ребра поперечными сколами. Однако, удаление последствий залома таким образом, в данном случае, не представлялось возможным в виду уплощенности, недостаточной выпуклости медиальной части поверхности скальвания нуклеуса.

Обитатели Зарайской стоянки избрали второй вариант подправки — путем «разделения залома». Суть этого приема удаления последствий ступенчатого и/или петлеобразного окончания на поверхности скальвания состоит в том, что сбоку от проблемного места снимается пластинчатый скол, задевающий залом лишь краем, на треть или половину его ширины. Для этой цели участок кромки площадки нуклеуса справа от места снятия скола с заломом был тщательно изолирован на поверхности скальвания, причем в качестве направляющего рельефа было выбрано правое ребро предыдущего скола (рис. V, 2 — *цв. вкладка*), редуцирован и пришлифован (рис. V, 3 — *цв. вкладка*). Интересно отметить, что для данного скола не была подготовлена выпуклая площадка, характерная для снятия крупных пластин в зарайской индустрии.

После описанной подготовки, пластинчатый скол удаления залома был успешно отделен от нуклеуса и использован в качестве ножа для резания мяса-шкуры. Он имел два острых продольных края, один с коркой, второй — без. Именно этот (чистый) край орудия, точнее — его проксимальная часть, был избран в качестве рабочего лезвия (рис. IV, 0, С — *цв. вкладка*). Наиболее выразительные следы (по полноте и четкости) — у проксимального конца (рис. V, 4, ×100; рис. V, 5, ×200 — *цв. вкладка*). Этот износ тянется практически вдоль всего рабочего края, но, по мере приближения к дистальному концу скола, начиная от середины, он постепенно теряет диагностичность. В дистальной части скола, его (износ края) четко срезает фасетка слома с острыми, не изношенными ребрами.

Последнее наблюдение представляется нам весьма важным для реконструкции дальнейшей «жизни» изделия, так как именно с данного слома сняты последние сколы форми-

рования площадки для производства дорсальных сколов ножа костенковского типа (НКТ). То есть мы имеем документальное свидетельство того, что дистальный конец заготовки был переоформлен в НКТ после того, как изделие уже было использовано в качестве ножа по мясу-шкуре.

Итак, на дистальном конце скола заготовки была сформирована площадка, с которой в плоскости спинки было снято более двух сколов с НКТ. Имеющиеся у нас сколы имеют краевую ретушь вдоль лезвия (рис. IV, 4 — *цв. вкладка*). Однако остается труднообъяснимым, почему ни одно из трех (на двух сколах и на пластине) лезвий НКТ не имеет каких-либо следов износа? В сравнении с описанными выше элементами формы орудия, края и поверхности сколов с НКТ и их негативов на заготовке просто «девственно» чисты.

Причина, по которой использование старого лезвия было прекращено, ясна — оно затупилось (рис. V, 4, ×100; рис. V, 5, ×200 — *цв. вкладка*). Однако остается не ясным, почему кромку лезвия не стали приострять краевой ретушью, как это обычно делалось и в Костенках, и в Авдеево, и в Зарайске?

Причина, по которой дистальный конец изделия не был избран изначально в качестве рабочего конца, также ясна — он был изогнут. В ходе формирования НКТ на дистальном конце заготовки часть ее длины, более 15 мм (рис. IV, 0 — *цв. вкладка*), была срезана, что немного «выпрямило» кончик лезвия.

Чистый (без корки) край дистального конца не был избран для формирования нового лезвия, по-видимому, из-за косоугольного слома, возникшего, как уже указывалось ранее, после формирования следов износа на первом лезвии, приуроченном к проксимальному концу (рис. IV, 0, С — *цв. вкладка*), но до создания последней площадки НКТ. Для исправления этого дефекта требовалось значительное ретуширование продольного края.

Противоположный, корочный край пытались освободить от корки краевой, не далеко заходящей ретушью.

Исходя из приведенных выше доводов и наблюдений, представляется наиболее вероятным, что все сколы с НКТ были сделаны с целью формирования чистого (без корки) края пластины на дистальном ее конце. Этой задаче были посвящены как снятие самих сколов с НКТ, так и ретуширование продольных краев, производившееся между отдельными снятиями.

По всей видимости, мастера не удовлетворяла длина получаемого после каждого цикла обработки чистого лезвия. В результате попытки снятия очередного скола с НКТ, заготовка сломалась пополам. Плоскость поперечного слома образовалась по линии бывшего залома от снятия предыдущей пластины на нуклеусе, для удаления которого и был предназначен данный пластинчатый скол. Кроме того, именно в этом месте в материале имеется включение (местное углубление) корочной массы в тело кремня. Оно также, вне всяких сомнений, способствовало фрагментации изделия в ходе его обработки.

Результаты анализа данного складня ни в коей мере не изменяют сложившегося у нас понимания способов производства и использования ножей костенковского типа в целом. Перед нами — один из примеров неудачного производства изделия данного типа из заготовки не лучшего качества. Трасологический анализ иных зарайских НКТ и сколов с них показал нормальное для костенковско-авдеевско-зарайского единства расположение рабочих краев на этих орудиях (рис. 1, 5, 8). Во всех памятниках данной культуры эти орудия, в основном, использовались в качестве ножей для резания мяса-шкур и строгания дерева.

2.5. Попытка идеальной реконструкции процесса

Основываясь на многочисленных наблюдениях, можно предложить попытку «идеальной» упрощенной модели реконструкции изменения морфологии НКТ. Речь идет не о реконструкции каждого из вышеописанных вариантов, а об иллюстрировании основных этапов этого технологического процесса (рис. 15).

Схема изменения морфологии ножа костенковского типа (рисунок А. Абдульмановой):

Исходная форма ножа — пластина. В качестве лезвия ножа используются края пластины в проксимальной и/или дистальной частях (рис. 15, 1).

По мере затупления лезвия ножа, край пластины приостряется краевой ретушью. Угол края притупляется, создавая рельеф, благоприятный для последующего краевого снятия (рис. 15, 2).

Формирование площадки ножа костенковского типа и подживание притупившегося края путем снятия плоского краевого скола с данной площадки (рис. 15, 3).

По мере дальнейшего использования рабочий край орудия притупляется и вновь дополнительно приостряется ретушью. При этом контур края изменяется, исключая возможность последующих подправок, сужается рабочий конец (площадка ножа) (рис. 15, 4).

Формирование нового выпуклого рельефа по спинке орудия путем снятия срединного скола (т.н. «сколы утончения») (рис. 15, 5).

Снятие еще одного краевого скола для приострения орудия (рис. 15, 6) с использованием ребра от предыдущего срединного скола в качестве направляющей. Орудие снова готово к использованию.

Эти шесть стадий жизни ножа в значительной степени отражают общую схему подработки орудия в «костенковской технике». В части работы, посвященной технологии, было продемонстрировано, что возможности, которыми располагал древний мастер, в реальности гораздо более многообразны.

2.6. Неоднозначные случаи: пластины с «ныряющим» окончанием скола

Стоит упомянуть об одном особом типе изделий, на которых в немалой степени основывается «недопонимание», возникшее на Западе. Речь идет о неудачных ножах, на которых имеется площадка по брюшку с одним ныряющим снятием по спинке (по центральному ребру огранки пластины) (рис. 16, 1). С технологической точки зрения можно говорить о классическом формировании ножа — создании площадки и выполнение первой операции по центрированию (снятие неровностей рельефа в центральной части пластины, формирование новой направляющей ближе к подживляемому краю). Однако пластина-заготовка оказалась слишком тонкой, риск ныряющего окончания вдоль ребра относительно высок. Этот инцидент произошел из-за чрезмерно сильного удара (возможно, прошедшего слишком по касательной). Начало скалывающей прошло нормально, но быстро (около 2–3 см от точки контакта) ударная волна выбрала наиболее короткий путь. Это значит, что ударная волна круто загнулась, сделав поворот на 90° в сторону брюшка, и рассеялась, выйдя за пределы ребра огранки пластины ныряющим окончанием. Такой вроде бы странный случай представляется особенно интересным, поскольку, несмотря на относительную редкость, он, вне всякого сомнения, способ-

ствует прояснению вопроса о схожести индустрий на некоторых памятниках позднего граветта Франции (Ле Бло, см.: Klaric 2000, 2007) (рис. 16, 2, 3). Однако даже наиболее примечательные случаи тождества, встреченные на разных стоянках, не могут быть основным аргументом, позволяющим сблизить Восточную и Западную Европу. В результате мы видим, что во Франции такого рода инциденты происходят при работе с нуклеидными резцами, нацеленными на производство заготовок метательного вооружения (пластинки, микропластинки), в то время как в Зарайске — в связи с подживлением лезвия ножа.

Выводы: приемы заточки, подправки, подживления лезвия — вопросы терминологии

На протяжении всей статьи многократно упомянут термин «подживление» для обозначения главной цели экстракции краевых сколов с НКТ. Он представляется нам более емким, нежели подправка или «заточка», которые отражают, скорее, просто восстановление свойств лезвия пластины. Снятие краевого скола возвращает лезвию ножа необходимую остроту. Речь идет о поддержании наиболее эффективного угла заточки, значения которого находятся между 50° и 70°. Это не просто исправление затупившейся кромки лезвия, которое достигалось путем ретуширования края. Здесь мы имеем дело с более глобальным явлением. «Костенковская техника» в терминах «французской школы» является приемом, методом, то есть ограниченной последовательностью действий и операций, упорядоченных в рамках общего плана, выработанного заранее и нацеленного на конкретную техническую задачу. Предлагаем вне зависимости от того, используется ли термин «НКТ» или «пластины с подработкой в «костенковской» технике», уточнять, что речь идет о именно приеме подживления рабочего лезвия ножа. Такая ясность в терминологии особенно важна для материалов Западной Европы, где мы видим ситуацию, когда изделия, классифицированные как «пластины с подработкой в «костенковской» технике», не имеют ничего общего с реальными НКТ (см. § 3).

3. «Ножи» или, скорее, «пластины с подработкой в «костенковской» технике» в контексте палеолита Западной Европы?

После того как нами установлено, что приведенное выше определение может относиться к большинству орудий, определяемых как ножи костенковского типа в Восточной и Центральной Европе, как же обстоит с этим делом в Западной Европе? Дело в том, что в последнее тридцатилетие на нескольких памятниках Западной Европы были определены так называемые «ножи костенковского типа» (или пластины, обработанные в костенковской технике). В немалой степени поспособствовав этой атрибуции, которую сегодня мы считаем ошибочной (Klaric, 1999, 2000), кажется полезным в свете нового исследования вновь поднять этот вопрос.

3.1. Пластинчатые снятия со спинки как составляющая настоящей схемы пластинчатого расщепления в позднем граветте

Ле Бло и Майнц-Линзенберг

С 2000 г. до сегодняшнего дня два памятника привлекали к себе особое внимание в отношении интересующего нас предмета (Л. К): речь идет о стоянке Ле Бло, расположенной в Центральном массиве (Верхняя Луара, Франция), и стоянке Майнц-Линзенберг (Рейнская обл., Германия) (Hahn, 1969; Otte, 1980; Klaric, 1999, 2000, 2003, 2007). На этих двух стоянках, относящихся к позднему гравету (Ле Бло) и к финалу позднего гравета (Майнц-Линзенберг), мы смогли доказать существование приема (техники) пластинчатого расщепления на многофасеточных резцах-нуклеусах. Эта техника служила для производства одинаковых заготовок, используемых для изготовления микролитических орудий (микро острия граветт и пластинки с притупленным краем). При этом на разных памятниках использовалось различное сырье. Наконец, именно на стоянке Ле Бло мы выявили так называемые пластины, подработанные в «костенковской» технике (Klaric, 2000). Тогда мы уточняли, что эти орудия (очень немногочисленные в серии: всего 6 предметов из 243 орудий) не обладают формой, типичной для «ножей костенковского типа» из Корбиака (Kozlowski, 1984). Технологический анализ выявил, что эти орудия

с мнимой подработкой костенковского типа являются на самом деле вариантом особой техники снятия пластинок с дорсальной стороны пластины. Эта техника вписывается в единый контекст с техникой получения микропластинок с резцов-нуклеусов (Klaric, 2000). Другими словами, эти пластинчатые снятия на дорсальной стороне пластины, производившиеся с площадки, оформленной на конце пластины по брюшку, служили исключительно для производства микропластинок. Очень редко встречаемые отдельно, они, как правило, комбинировались с другими видами пластинчатых снятий (с края пластины или с вентральной стороны), примыкая, с точки зрения морфологии, к резцам-нуклеусам на разных стадиях использования.

Одновременно описание М. Оттом (Otte, 1980, 1981) серии подобных предметов из Майнц-Линзенберга позволяет констатировать наличие сильных аналогий между этими двумя стоянками. Исследование нами индустрии Майнца-Линзенберга в 2000 г. позволяет утверждать, что разновидности техники получения микропластинок были одинаковы на этих двух стоянках. «Ножи костенковского типа», отмечаемые М. Оттом (1980, 1981) в Майнце-Линзенберге во всех смыслах схожи с теми, что мы описали в Ле Бло (рис. 16, 2–5). Тогда подобного рода признаки позволяли еще предполагать возможное сходство между индустриями Западной Европы и Центральной и Восточной Европы. Именно так и предполагали некоторые исследователи, столкнувшиеся с подобными предметами (не интерпретировавшимися пока как нуклеусы) (Onoratini et al., 1999; Onoratini, Combier, 1998). Между тем, эти аналогии, какими бы притягательными они ни были, кажутся нам лишь случайными. На самом деле, следует отметить, что ряд предметов, которые мы отмечали в Ле Бло и в Майнц-Линзенберге (рис. 16, 2, 3) очень сходны с некоторыми неудачными ножами, которые мы видели в Зарайске (см. выше 2.6) (рис. 16, 1). Следует еще раз подчеркнуть, что в контексте западных индустрий нет ни одного предмета, где пластинчатые снятия имели бы цель поджигления режущей кромки ножа. В Ле Бло и Майнц-Линзенберге эти немногочисленные предметы служили нуклеусами для получения микропластинок и являлись составной частью схемы снятия заготовок с многофасеточных резцов-нуклеусов. В Зарайске же речь идет о настоящих орудиях (весьма многочисленных), которые обрабатывались при по-

мощи определенной техники, нацеленной на поджигление режущего края. Таким образом, это две абсолютно разные функциональные задачи, и кажется несообразным использовать для их обозначения один и тот же термин. Действительно, смешение этих двух групп изделий приводит нас к вынужденному сближению двух индустрий, не имеющих ничего общего, кроме определенной хронологической близости (в особенности если учитывать, что хронология до сих пор остается деликатным вопросом при тех радиоуглеродных датировках, которыми мы располагаем в настоящее время).

*Другие французские стоянки,
где были обнаружены подобные предметы*

В ряде публикаций утверждалось присутствие «ножей костенковского типа» в различных индустриях среднего и позднего граветта центральной и южной Франции. Так, многочисленные примеры подобных предметов приводились для грота Марронье (Onoratini et al., 1999. P. 160), другие были зафиксированы в коллекции грота Плюметт (Primault, 2003. P. 270–271), и, наконец, несколько подобных предметов было выявлено на стоянках Манси (Луара) (Chehmina et al., 2008. P. 288) и Рабье (Дордонь) (Lorin, 2000). В коллекции грота Плюметт один предмет в особенности привлек наше внимание: он сходен с резцами-нуклеусами и возможно, у него имеется подтеска по брюшку (по рисунку это не до конца понятно), так же как и одно микропластинчатое снятие по спинке (Ibid. P. 271). В случае с гротом Марронье атрибуция этих предметов остается неясной из-за того, что материал еще не опубликован (Onoratini et al., 1999. P. 160). В свете новых наблюдений, которые мы приводим, кажется необходимым повторно исследовать эту серию предметов, чтобы уверенно утверждать, относятся ли они к настоящим ножам костенковского типа или же к формам, тяготеющим к резцам-нуклеусам, которые мы исследовали в Ле Бло и Майнц-Линзенберге.

Проблемный случай Корбиака

Невозможно представить себе разрешение проблемы атрибуции «ножей костенковского типа» Западной Европы без пересмотра первого научного описания серии из Корбиака. Действительно, именно выявление в Корбиаке пластин с подработкой в «костенковской технике» привело к выделению пред-

Различные группы изделий, определенные как «пластины, подработанные в костенковской технике». Корбиак, слой 1

<i>Типы проанализированных предметов из Корбиака</i>	<i>Количество экз.</i>
Пластина с чешуйчатой подтеской	2
Пластина с подработкой конца по брюшку	6
Пластина с подработкой конца по брюшку и чешуйчатыми снятиями по спинке (не пластинчатые снятия)	7
Пластина с площадкой по брюшку (усечение, излом и т.д.) и с возможными пластинчатыми снятиями, но с отсутствующими негативами от ударного бугорка на них	7
Пластина с подработкой конца по брюшку и несомненными пластинчатыми снятиями по спинке (наличие негатива ударного бугорка)	2
Многофасеточный резец-нуклус со снятиями на спинке	3
Пластина с концом, подработанным с брюшка (резцовый скол или излом), и резцовым сколом по спинке	12
<i>Всего:</i>	<i>39</i>

положительно сходных с ними предметов в других орудийных комплексах граветта Западной Европы. Тщательное изучение описаний и рисунков в статье Я. Козловского (1984) не позволяло проводить детальное технологическое сравнение с проанализированными нами ранее сериями западного граветта. Когда мы описывали подобные предметы в Ле Бло, для нас было достаточно констатировать, что среди них не представлено тех же форм, которые были в большом количестве выявлены в Корбиаке (пластины только с подтеской по брюшку, без пластинчатых снятий по спинке). В ходе коллективного исследования, проводимого в рамках этой работы, мы заново исследовали предметы из Корбиака, описанные Козловским, и находящиеся на хранении в Национальном музее Праистории Лез Эйзи-де-Тайак. Разобрав коллекцию орудий 1-го слоя (более 10000 орудий, раскопки Ф. Борда), нам удалось выявить некоторые предметы, описанные нашим предшественником. На большинстве из них стоял карандашный шифр «СССР» (рис. 17, 2, 3), что позволило нам их отобрать и сопоставить с некоторыми рисунками из статьи. Одной из проблем, с которой мы столкнулись, стало то, что число выявленных нами орудий не соответствует тому, что приводил Я. Козловский, но этот факт, по всей видимости, связан с тем, что коллекция хранится в нескольких местах вне музея и мы, возможно, не могли исследовать весь материал в целом (сложно утверждать это точно, учитывая, что коллекция насчитывает почти миллион предметов). Как бы то ни было, мы насчитали 39 изделий, соответствующих описанию Я. Козловского. Мы можем разбить их

на несколько групп согласно характеру обработки (табл.).

Сравнивая совокупности «ножей» из Корбиака и ножей из Зарайска по единой технико-типологической схеме (разработанной на материале Зарайска), мы приходим к выводу, что фактически ни один из вариантов костенковских ножей не обнаружен среди исследованных предметов Корбиака. Действительно, только две группы частично совпадают: речь идет о «пластинах с подработкой конца по брюшку и несомненными пластинчатыми снятиями по спинке» (насчитывающих 2 экз.) и «пластинах с концом, подработанным с брюшка (резцовый скол или излом), и резцовым сколом по спинке» (насчитывающих 12 экз.). Только эти две группы позволяют говорить о наличии сходных приемов оформления у орудий из Корбиака и ножей костенковского типа Восточной Европы. Однако внимательное изучение этих орудий позволяет выявить отличия между «ножами» Корбиака и классическими костенковскими ножами (такими, как в Зарайске). В числе проанализированных орудий Корбиака не выявляется таких, у которых фиксировались бы все технические приемы, характерные для ножей Зарайска (площадка по брюшку + пластинчатые сколы по спинке + краевые сколы + ретушь по краю).

Вместе с тем, особое внимание мы уделили тем орудиям, которые Я. Козловский считал типичными: те, у которых конец был усечен (или сломан) с брюшка, формируя площадку для пластинчатых снятий на спинке (Kozlowski, 1984. P. 46, 47, 50). Несмотря на то, что нам не удалось обнаружить все интересные нас орудия, те, которые мы выявили

и непосредственно исследовали, дали нам повод для размышлений. К нашему величайшему удивлению, мы были вынуждены констатировать, что не сходимся в интерпретации технологических приемов с Я. Козловским. Приведем здесь пять предметов, на примере которых покажем расхождения в интерпретации, которые нам удалось установить (рис. 18). Следует сразу отметить, что наши наблюдения расходятся относительно факта наличия пластинчатых снятий на спинке. Подойдем формально к интерпретации этих предметов. Ни в одном из рассматриваемых случаев речь не идет о пластинчатых снятиях, осуществляемых с «плечика», то есть площадки, сформированной подработкой (усечением) конца пластины. Напротив, эти пластинчатые снятия присутствовали на спинке орудия еще до формирования площадки. В одном случае (рис. 18, 4, 4') Я. Козловский определил в качестве пластинчатого скола по спинке негатив пластинчатого снятия, предшествовавший получению самой пластины-заготовки (как мы можем видеть на иллюстрации к статье 1984 г.). Из нового анализа этих пяти изделий следует, что предметы, рассматривавшиеся в качестве НКТ, на самом деле таковыми не являются.

Несомненно, некоторые пластины усечены с брюшка, однако это само по себе не является достаточным основанием для отнесения их к НКТ. Напротив, несколько орудий (самое большее 3 экз.) могут относиться к резцам-нуклеусам, описанным для Ле Бло и Майнц-Линзенберга (рис. 19, 1, 1'). У другого изделия имеется широкая площадка по брюшку, с которой по спинке было снято несколько коротких сколов, но и здесь по-прежнему сложно утверждать, что речь идет о НКТ (рис. 19, 4). Наконец, у большинства орудий с усеченным концом фиксируется только чешуйчатая подтека на спинке, что также не позволяет говорить об их близости с НКТ Зарайска (рис. 17, 2).

Наконец, остается последняя группа, которая напоминает НКТ: речь идет о пластинах с концом, подработанным с брюшка (резцовый скол или излом), который служил площадкой для снятия резцового скола, напоминающего краевой скол НКТ. Между тем, подобные орудия обычно близки, скорее, к резцам и у них почти никогда не фиксируется пластинчатых снятий на спинке (единственный случай: рис. 19, 3). Таким образом, мы склоняемся, скорее, к тому, чтобы называть подобные предметы резцами, форма одного из резцовых сколов которых

иногда случайным образом напоминает краевой скол, характерный для оформления НКТ.

Таким образом, мы можем сделать по Корбиаку следующие выводы: выделение Я. Козловским на материалах Корбиака ножей костенковского типа, на наш взгляд, необоснованно, так как оно основано исключительно на типологии орудий. Поскольку известно, что разного рода изделия могут демонстрировать совпадения по форме, это не должно автоматически приводить к заключению об их связи. Нам кажется, что наш предшественник неверно интерпретировал некоторые орудия, сходные по морфологии (с некоторыми группами НКТ), в качестве настоящих НКТ. Наконец, некоторые технологические интерпретации, осуществленные Я. Козловским, оказались ошибочными, что заставляет сомневаться в тех предметах, на основании которых он делал вывод о присутствии в коллекции пластин с подработкой в костенковской технике. Остальные формы, объединяемые им с «ножами», являются пластинами с усечением или изломом по брюшку на том или ином конце. Таким образом, если эти орудия могли бы быть отнесены к НКТ в контексте, где зафиксированы настоящие ножи костенковского типа, то они не могут быть к ним автоматически отнесены, если во всей проанализированной серии не было выявлено ни одной типичной формы. В обратном случае мы рискуем обнаружить атипичные «ножи костенковского типа» в любом орудийном наборе Западной Европы, где присутствуют пластины с вентральным усечением или изломом конца. Вследствие этого кажется, что «пластины с подработкой в костенковской технике» являются искусственным образованием, объединяющим типологически разнородные элементы (пластины с вентральным усечением, пластины с чешуйчатой подтекой, плоские двугранные резцы, резцы-нуклеусы).

Мы пришли к тому, что в орудийных наборах памятников позднего и финального граветта Западной Европы, которые нам удалось изучить (Ле Бло, Майнц-Линзенберг и Корбиак), отсутствует типичная форма ножей костенковского типа. На этих стоянках ни один технологический признак не позволяет думать, что техника подживления края пластины была известна и использовалась. Остается изучить некоторое количество орудий из коллекции грота Плюметт и грота Марронье. Но, вероятно, можно уже сейчас выдвинуть идею о том, что техника подживления края пластины,

характерная для ножей костенковского типа, отсутствует как во Франции, так и в западном граветте в целом. По крайней мере, убедительных доказательств обратного пока не найдено.

3.2. Единичные и атипичные случаи, относящиеся к другим фазам французского граветта

В ходе наших работ, связанных с изучением различных индустрий средней фазы граветта, у нас была возможность рассмотреть несколько спорных предметов, напоминающих пластины с подработкой в костенковской технике. В большинстве случаев речь идет о единичных предметах или малых сериях (от 1 до максимум 4 экз.). Одним из первых случаев, привлечших наше внимание, стал экземпляр, происходящий из орудийного комплекса среднего граветта, стоянки Ля Пикарди (Индри и Луара, Франция) с резцами типа Раис. Речь идет о медиальной части достаточно тонкой пластины с единственным пластинчатым снятием по спинке, произведенным с минимально подправленной площадкой, сформированной изломом. Этот скол был сделан во встречном направлении относительно прочих (рис. 20, 3). Других изделий, позволяющих утверждать, что это не случайная вещь в коллекции, не встречено. Ни в одном случае мы не сталкиваемся с настоящей техникой пластинчатых снятий, которая входила бы в схему расщепления, подобную выявленной в позднем граветте. Таким образом, речь, по всей видимости, идет о случайном сходстве.

Четыре других случая было зафиксировано в другом орудийном комплексе среднего граветта на стоянке Брасемпуй (Ланд, Франция) с резцами типа Ноай. В этой коллекции мы нашли четыре орудия, которые имеют сходство с пластинами, подработанными в «костенковской технике». Если три из них маловыразительны (короткие пластинчатые сколы, произведенные с излома пластины, рис. 20, 2), то о четвертом этого не скажешь. Для этого предмета характерны все признаки тех орудий, которые мы определяли в качестве ножей костенковского типа (рис. 20, 1): скошенное усечение конца по брюшку (плоским резцовым сколом), подготовка усечения плоскими короткими микрофасетками, пластинчатые снятия на спинке (центрирование), резцовый скол по краю, подживляющий лезвие. Хотя это орудие идентично ножам костенковского типа восточного граветта, следует отме-

тить, что оно представлено единственным экземпляром в коллекции, насчитывающей около 2 000 орудий. Это орудие должно, несмотря на свою единичность, приниматься в расчет при проведении далеко идущих аналогий (наряду с Венерой, наконечниками с боковой выемкой, наконечниками из бивня мамонта с орнаментированными поясками) между граветтом Брасемпуй и некоторыми стоянками Центральной и Восточной Европы (Simonet, 2009. P. 305–326).

3.3. Примеры сходства с орудиями других индустрий среднего и верхнего палеолита Франции

Кроме случаев, рассмотренных выше, следует также упомянуть о некоторых орудиях, сходных с ножами костенковского типа в других индустриях среднего и верхнего палеолита Западной Европы. Мы рассмотрим здесь два предмета, происходящих из орудийных комплексов мадлена: из Роше де ла Кёй (Луара, Франция) (Alix et al., 1995) (рис. 21, 1, 2, 3) и из грота де Ла Марш (Виенна, Франция) (Lwoff, 1944, 1967; Chehmana, в печати) (рис. 21, 4–5). Также мы упомянем о предмете со стоянки среднего палеолита Шам Гран (Луара, Франция) (Slimak, Lucas, 2005) (рис. 21, 6, 7). Разумеется, существует еще целый ряд стоянок, где были выявлены орудия, демонстрирующие некоторое сходство с ножами костенковского типа (см., например: Turq, Marcillaud, 1976). Однако приводить в рамках данной работы исчерпывающий перечень этих изделий затруднительно. Мы не станем давать подробное описание каждого отдельного предмета с этих стоянок, но предоставим иллюстрации, демонстрирующие некоторое сходство их с ножами костенковского типа (рис. 21). Следует также отметить, что на каждой из упомянутых стоянок эти предметы интерпретируются как нуклеусы для получения пластинок, а не как орудия. В трех случаях технологический анализ, проведенный несколькими разными исследователями (там же), показал, что эти предметы действительно являлись нуклеусами для получения пластинок, а не орудиями с утончением по спинке или ножами с подживлением рабочей части.

Эти примеры интересны тем, что они демонстрируют резко отличное от НКТ функциональное назначение, при морфологическом сходстве с последними (как и в Ле Бло, Майнц-Линзенберге и Корбиаке). Вместе с тем, тот

факт, что прием снятия пластинчатых сколов с конца, усеченного по брюшку, бытовал от среднего до верхнего палеолита, заставляет нас с осторожностью относиться к возможным сходным чертам в примерно одновременных, но расположенных в тысячах километров друг от друга индустриях. Другими словами, даже если нуклеусы типа Ла Марш из грота Ла Марш морфологически сходны с некоторыми ножами костенковского типа из Зарайска, кажется маловероятным, чтобы между этими двумя стоянками была какая-либо связь (по крайней мере, было бы весьма рискованно основываться на единственном аргументе, чтобы обосновывать эту связь). Так же разумно было бы проявлять осторожность к предметам, выявляемым в Ле Бло, Майнц-Линзенберге и Корбиаке, принимая во внимание те, что были описаны в Зарайске. Следует еще раз отметить, что тогда как описываемые предметы из Западной Европы (особенно из коллекций Ле Бло и Майнц-Линзенберга) относятся, скорее, к нуклеусам, предметы из Зарайска несомненно являются ножами.

Заключение

Еще немало аспектов, связанных с ножами костенковского типа, требует уточнения. Между тем, мы надеемся, что это исследование внесло вклад в понимание их функции и процесса подживления режущего края, характерного для этих орудий. Некоторые направления исследования кажутся нам весьма перспективными, в особенности процесс формирования угла режущей кромки и общая эргономика этих орудий. Мы надеемся, что эти вопросы будут решены в ходе дальнейших исследований, возможно в ходе экспериментов. В более широком смысле результаты исследования позволили нам прояснить некоторые спорные моменты, существовавшие до нынешнего времени, и касающиеся отождествления похожих изделий из индустрий Западной Европы. Мы пришли к тому, что, в случае с предметами из Западной Европы, речь идет лишь о некотором их морфологическом сходстве с ножами костенковского типа. На всех стоянках (даже в Корбиаке), коллекции кото-

рых мы на данный момент исследовали, отсутствуют свидетельства того, что костенковская техника подживления края была известна в этой части континента. Напротив, сделанные нами наблюдения позволяют утверждать, что большинство исследованных нами западноевропейских артефактов, первоначально названных «пластинами с подработкой в костенковской технике», являются на самом деле нуклеусами для получения пластинок. Результаты нашего исследования кладут конец досадному недоразумению в понимании граветта в общеевропейском масштабе, насколько это имеет отношение к аргументации, подкрепляющей сближение между этими двумя мирами (Западной Европы с одной стороны и Центральной и Восточной Европы с другой). Если и существуют аналогии между западным и восточным граветтом (например, находки венер), нам не кажется правильным усиливать их на основании наличия «псевдоножей» костенковского типа в Западной Европе. Наконец, заканчивая несколько провокационным замечанием, мы надеемся, что результаты этого исследования помогут положить конец часто звучащим в адрес «французской школы» упрекам в желании «во всем» видеть нуклеусы для получения пластинок.

Благодарности: Мы хотели бы выразить благодарность всем организациям, оказавшим нам поддержку в процессе работы. В частности, Отделу археологии каменного века ИА РАН, возглавляемом чл.-корр. РАН, проф. Х.А. Амирхановым, который нам оказал неоценимую помощь. Также Национальному музею Праистории Лез Эйзи-де-Тайак и его директору Жан-Жаку Клее-Мерль, позволившему работать с коллекцией Корбиака, и А. Морала, организовавшему нашу работу; МАЭ РАН и заведующему Отдела археологии МАЭ Г.А. Хлопачеву, давшему возможность ознакомиться с коллекцией первого комплекса Костенок 1, I; Д.К. Еськовой за помощь в переводе текста. Кроме того, наше сотрудничество не было бы возможным без поддержки Лаборатории праистории и технологии ИЦНИ (UMR-7055, CNRS), финансировавшей работу одного из авторов (Л. К.) в Москве и Санкт-Петербурге.

Литература

- Амирханов Х.А., 2000. Зарайская стоянка. М. 248 с.
- Беляева В.И., 1977. Опыт создания методики описания «ножей костенковского типа» // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л. С. 117–127.
- Беляева В.И., 1979. Кремневый инвентарь Костенок I (опыт классификации): диссертация на соискание учен. степ. канд. ист. наук. Л.
- Беляева В.И., 2007. Ножи Костенок I из коллекций раскопок П.П. Ефименко // Проблемы археологии каменного века: (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М. С. 80–100.
- Бредли Б., 1997. Костенковский нож: тип или технология? // РА. № 4. С. 175–176.
- Гвоздовер М.Д., 1961. Специфические особенности кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки // КСИА. М. Вып. 82. С. 112–119.
- Гвоздовер М.Д., 1998. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт. М. С. 234–278.
- Гвоздовер М.Д., Беляева В.И., 1988. О «ножах костенковского типа» // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л. С. 51–56.
- Гиря Е.Ю., 1997. Технологический анализ каменной индустрии Зарайской стоянки // РА. № 4. С. 17–34.
- Гиря Е.Ю., 2004. Трасологический анализ среднепалеолитических кремневых артефактов слоя В Буран-Каи-III // Грот Буран-Кая-III, слой В — эталонный памятник кииккобинского типа индустрии крымской микокской традиции. Комплексный анализ кремневых артефактов. Киев; Симферополь. С. 203–219.
- Гиря Е.Ю., Ресино Леон А., 2002. С.А. Семенов, Костенки, палеолитоведение // Археологические вести. СПб. Вып. 9. С. 173–190.
- Ефименко П.П., 1915. Костенковская палеолитическая стоянка // Ежегодник Русского антропологического общества при С.-Пб. Университете. Т. 5. С. 13–25.
- Ефименко П.П., 1958. Костенки I. М.; Л. 483 с.
- Лев С.Ю., 2005. «Ножи костенковского типа» Зарайской стоянки (типологический аспект) // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М. С. 18–27.
- Лев С.Ю., 2009. Каменный инвентарь Зарайской стоянки (типологический аспект) // Исследования палеолита в Зарайске, 1999–2005. М. С. 37–185.
- Лев С.Ю., Кларик Л., Гиря Е.Ю., 2009. О причинах разнообразия форм ножей костенковского типа // СА. № 4. С. 81–94.
- Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879–1979 гг. / под ред. Н.Д. Праслова, 1982. Л. 283 с.
- Семенов С.А., 1957. Первобытная техника. М.; Л. 240 с.
- Alix Ph., Pelegrin J., Deloge H., 1995. Un débitage original de lamelles par pression au Magdalénien du Rocher-de-la-Caille // Paléo. no 7. P. 187–199.
- Breuil H., 1924. Notes de voyage paléolithique en Europe centrale // L'Anthropologie. Т. 34. P. 515–533.
- Brézillon M., 1968. La dénomination des objets en pierre taillée / C.N.R.S. IV° supplément à Gallia Préhistoire. Paris.
- Chehmana L. In Pinçon G. (dir.). Angeles-sur-l'Anglin (Vienne). Le Roc aux sorciers: ses occupants les Magdaléniens et leur rapport à l'art. Ed. du C.T.H.S. À paraître.
- Chehmana L., Debout G., Valentin B., Bazin P., Bignon O., 2008. Quels auteurs pour l'industrie de Mancy à Saint-Brisson-sur-Loire (Loiret)? Réévaluation d'un assemblage présumé magdalénien en région Centre // Bulletin de la Société Préhistorique Française. Т. 105, n° 2. P. 283–290.
- Giria Y., Breadley B., 1998. Blade technology at Kostenki 1/1, Avdeevvo and Zaraysk // Восточный граветт. М. С. 191–213.
- Hahn J., 1969. Gravettien-Freilanstationen im Rheinland: Mainz-Linsenberg, Koblenz-Metternich und Rhens // Bonner Jahrbücher. 1969. Bd. 169. S. 44–87.
- Heinzelin J. de., 1973. Manuel de typologie des industries lithiques. Bruxelles. 74 p.
- Heinzelin J. de., 1973. L'industrie du site Paléolithique de Maisières-Canal. Bruxelles. (Institut Royal des Sciences Naturelles, Mémoire; n°171). 63 p.

Klaric L., 1999. Un schéma de production lamellaire original dans l'industrie gravettienne de l'ensemble moyen du gisement du Blot à Cerzat (Haute-Loire). Paris. 64 p. (Mémoire de DEA).

Klaric L., 2000. Note sur la présence de lames aménagées par technique de Kostienki dans les couches gravettiennes du Blot (Cerzat, Haute-Loire) // Bulletin de la Société Préhistorique Française. T. 97, n° 4. P. 625–636.

Klaric L., 2003. L'unité technique des industries à burins du Raysse dans leur contexte diachronique. Réflexions sur la diversité culturelle au Gravettien à partir des données de la Picardie, d'Arcy-sur-Cure, de Brassempouy et du Cirque de la Patrie, Thèse de doctorat. Paris. 426 p.

Klaric L., 2007. Des armatures aux burins: critères de distinction techniques et culturels des productions lamellaires de quelques sites du Gravettien moyen et récent // Araujo Igreja M., Bracco J.-P. et Lenrun-Ricalens F. (Ed.). Burins préhistoriques: formes, fonctionnements et fonctions, Actes de la Table Ronde d'Aix-en-Provence de Mars 2003, France. P. 199–223. (Collection Archéologiques).

Klima B., 1968. Das Pavlovien in den Weinberghöhlen von Mauern // Quartär. T. 19. P. 263–273.

Kosłowski J.K., 1968. Problem tzw kultury kostienkousko-willendorfskiej // Archeologia Polski. 1968. T. XIV, z. I.

Kosłowski J.K., 1984. Les lames aménagées par la «technique Kostienki» dans le Périgordien supérieur de Corbiac // Archaeologia interregionalis. P. 31–78.

Lorin Y., 2000. L'hypothèse de l'obtention de lamelles à partir de «pièces burinantes» sur le gisement de plein air Périgordien de Rabier à Lanquais (Dordogne): Caractérisation des objectifs de la production et des modalités de sa mise en œuvre. Paris. (Mémoire de DEA).

Lwoff S., 1944. Présentation de silex magdaléniens de la grotte de la Marche (Vienne) // Bulletin de la Société Préhistorique Française. T. 47, n° 7–8–9. P. 119–120.

Lwoff S., 1967. Ciseaux à facettes et ciseau à chanfrein de la Grotte de la Marche (Lussac-les-Châteaux, Vienne) // Bulletin de la Société Préhistorique Française. T. 64, n° 3. P. 71–77.

Newcomer M.H., Hivernel-Guerre F., 1974. Nucléus sur éclat: technologie et utilisation par différentes cultures préhistoriques // Bulletin de la Société Préhistorique Française. T. 71. P. 119–128.

Onoradini G., Chareyre R., Combiér J., Dal-Pra G., Thimon M., 1999. Nouvelles données sur la culture gravettienne en Vivarais // Sacchi D. (dir.). Les faciès leptolithiques du nord-ouest méditerranéen: milieux naturels et culturels: XXIVe Congrès Préhistorique de France, 26–30 septembre 1994, Carcassonne. Paris. P. 151–163.

Onoradini G., Combiér J., 1998. Les Gravettiens de le Bourgogne á la Méditerranée. Relations avec le Gravettien oriental // Восточный граветт. М. С. 90–124.

Otte M., 1979. Le Paléolithique supérieur ancien de Belgique. Musées Royaux d'arts et d'Histoire. Bruxelles. 684 p.

Otte M., 1980. Le «couteaux de Kostienki» // Helinium. T. 20. P. 54–58.

Otte M., 1981. Le Gravettien en Europe centrale, De Tempel, Dissertationes Archaeologicae Gandenses.

Primault J., 2003. Exploitation et diffusion des silex de la région du Grand-Pressigny au Paléolithique: Thèse de doctorat. Paris. X. 362 p.

Simonet A., 2009. Les Gravettiens des Pyrénées, des armes aux sociétés: Thèse de doctorat. Université de Toulouse II.

Stimak L., Lucas G., 2005. Le débitage lamellaire, une invention aurignacienne? // F. Lebrun-Ricalens (Eds.). Productions lamellaires attribuées à l'Aurignacien: Chaînes opératoires et perspectives technoculturelles», XIVe Congrès de l'UISPP, 2–8 septembre 2001. Liège. P. 75–100.

Turq A., Marcillaud J.-G., 1976. Les racloirs à amincissement de type «Kostienki» de la Plane commune de Mazeyrolles (Dordogne) // Bulletin de la Société Préhistorique Française. T. 73, n° 4. P. 75–79.

Valoch K., 1986. Les questions du Pavlovien // Antiquités Nationales. T. 18–19. P. 55–62.

Список сокращений

- АВН — Авдеево, новый комплекс
- АВС — Авдеево, старый комплекс
- ДК — орудие, обработанное с двух концов
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии
- НКТ — нож костенковского типа
- НЦНИ — Национальный Центр научных исследований, Франция
- ОК — орудие, обработанное только с одного конца
- ППК — пластинка с притупленным краем
- РА — журнал «Российская археология»

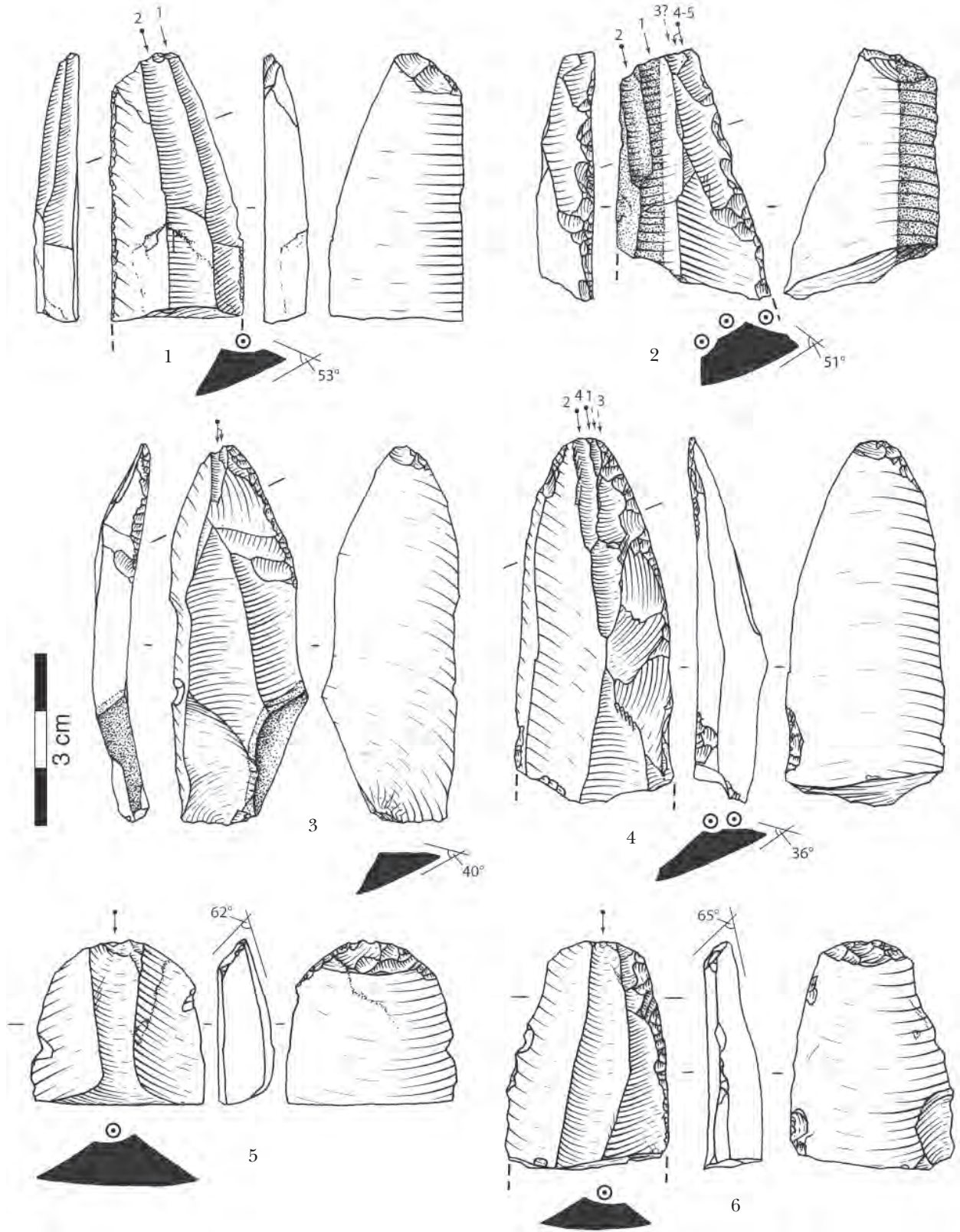

Рис. 1. Некоторые варианты НКТ из Костенок 1, 1 и Зарайска

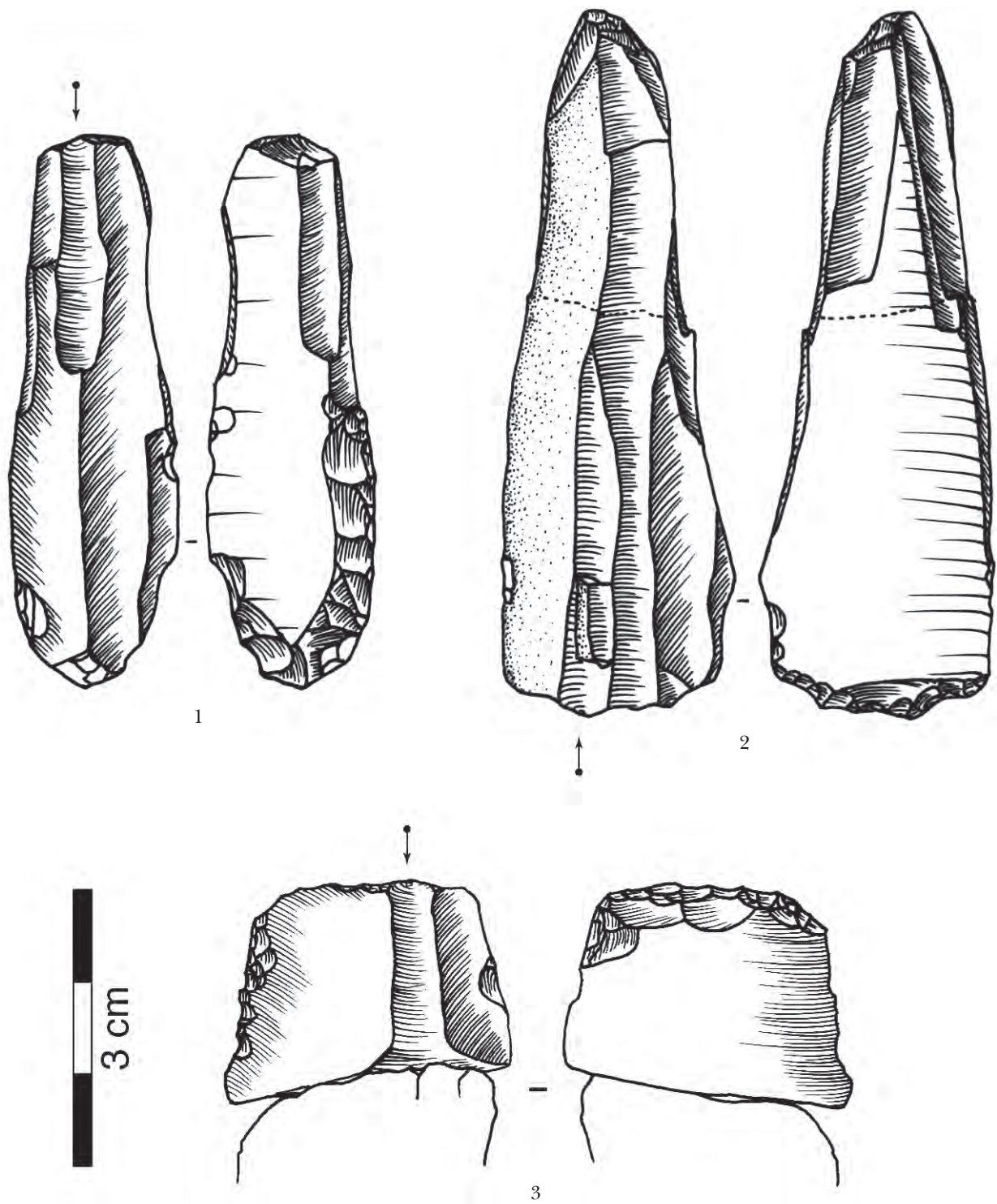

Рис. 2. Три артефакта из стоянки Ле Бло, интерпретируемые как пластины с подработкой конца в «костенковской технике»

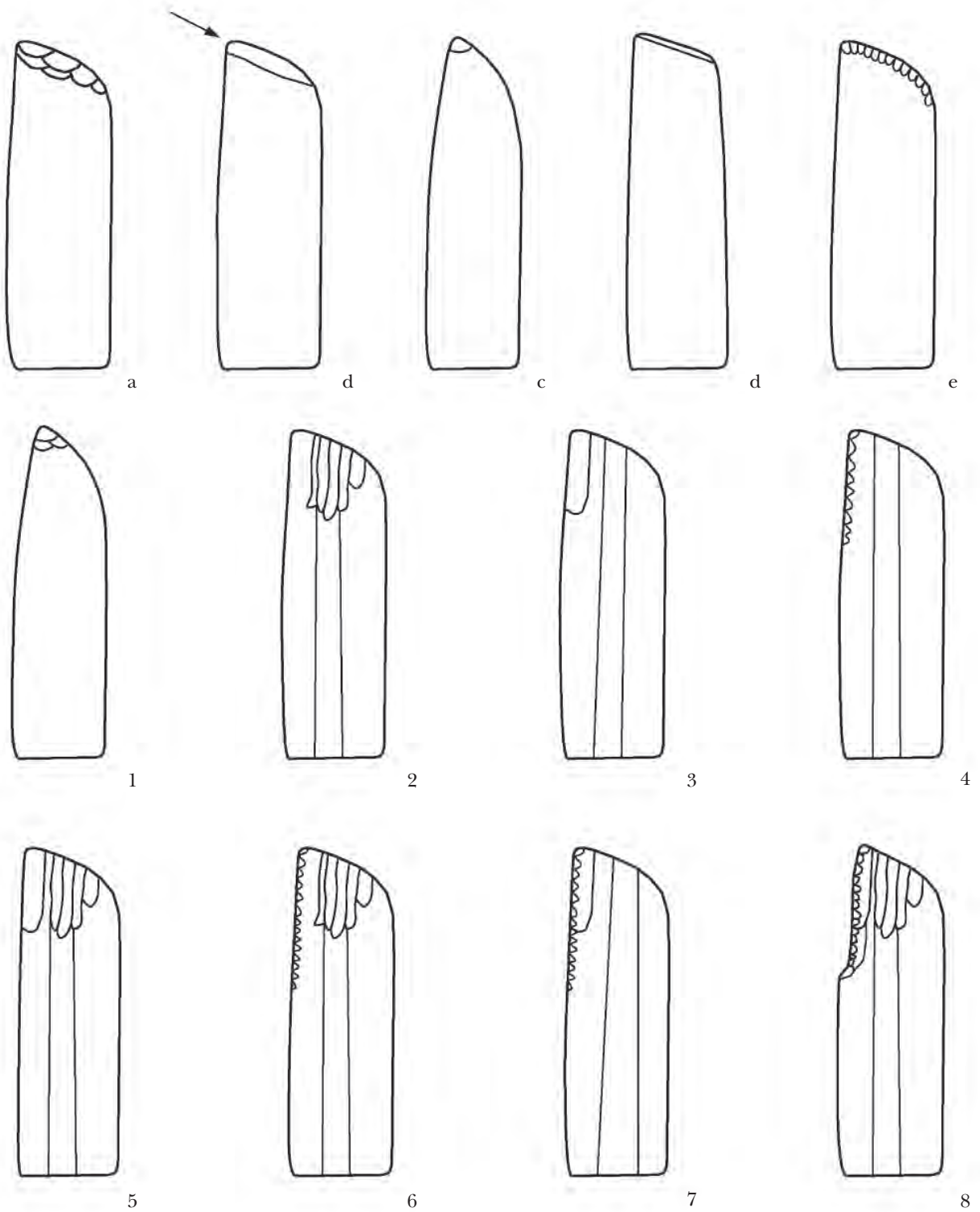

Рис. 3. Схематическое изображение групп ножей костенковского типа (ОК)

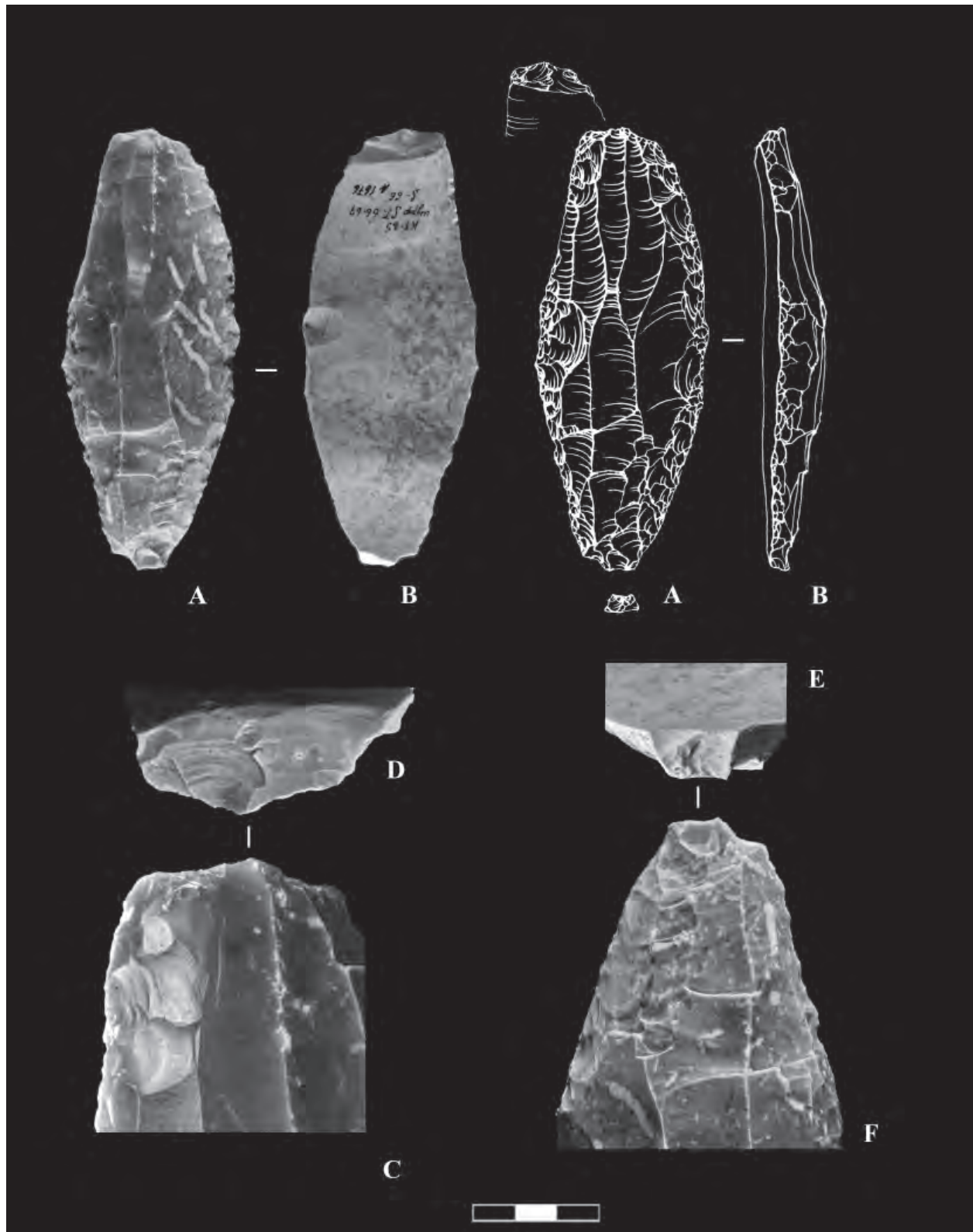

Рис. 4. НКТ двойной. Один конец (E, F) сработан: края уже тупые благодаря интенсивному приострению ретушью, а площадка уже слишком узкая, не достаточная для снятия сколов приострения края. Второй конец (D, C) иллюстрирует ситуацию, когда специально подготовленный центральный скол уже снят, а краевые — еще нет

Рис. 5. Нож на начальной стадии использования. Изготовлена площадка на дистальном конце пластины, приострение краев производилось ретушью, краевые и срединные сколы еще не сняты. Голубая патина локализуется в местах со следами использования

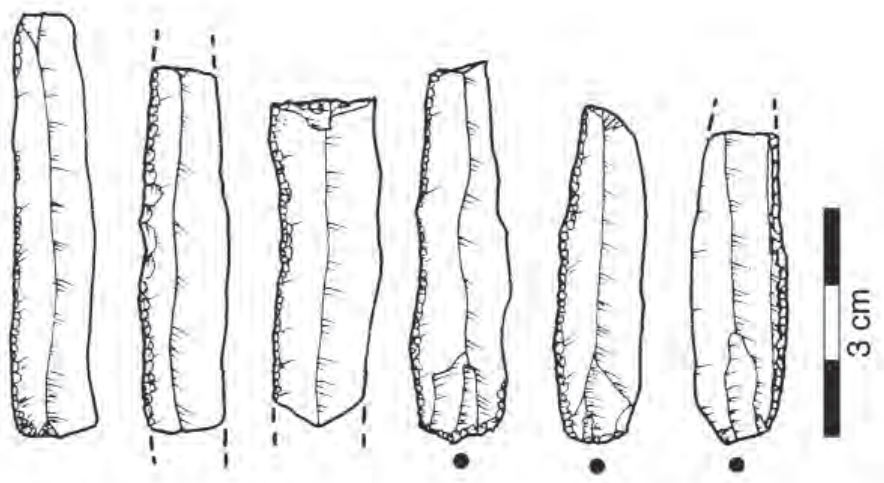

Рис. 6. Пластины с притупленным краем и подработкой концов, Зарайская стоянка

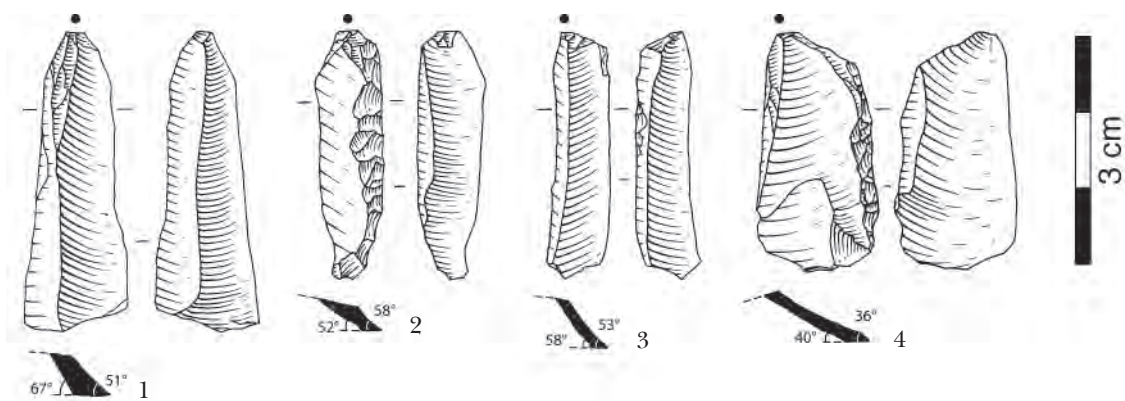

Рис. 7. Краевые сколы с НКТ Зарайской стоянки

Рис. 8. Разные группы НКТ Зарайской стоянки

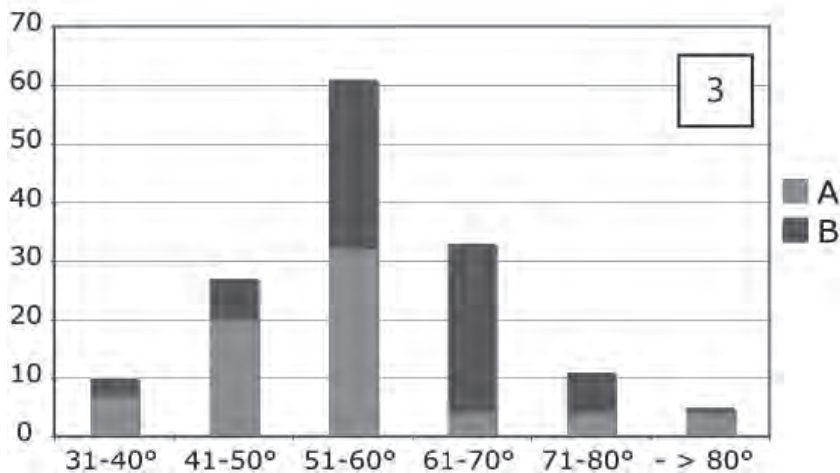
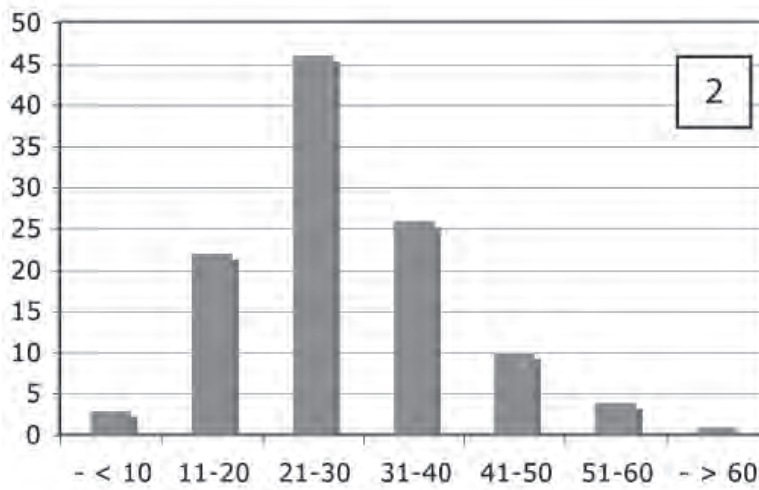
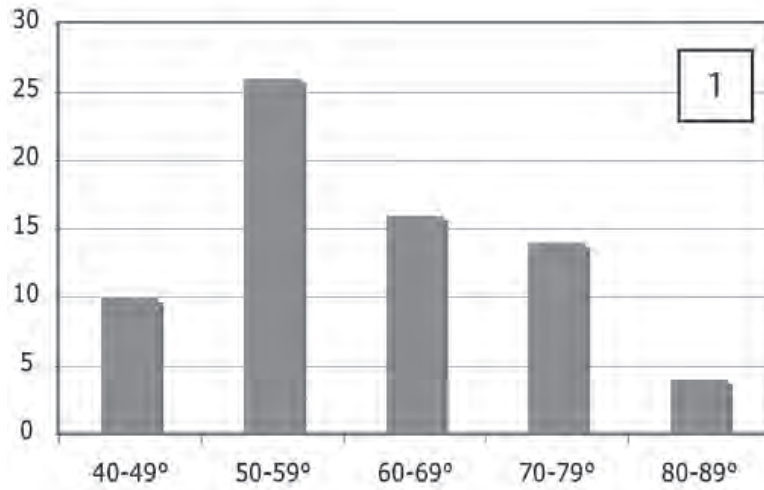

Рис. 9. 1. График распределения значения углов между площадкой и спинкой НКТ Зарайской стоянки (абсцисса: значения углов; ордината: количество предметов);
 2. График распределения длины краевых сколов с НКТ (абсцисса: значения длины в мм; ордината: количество предметов);
 3. График распределения значения углов «заточки» у сработанных НКТ: угол рабочего края между спинкой и брюшком ножа (абсцисса: значения углов; ордината: количество предметов), А: ножи с интенсивной краевой ретушью, В: ножи с подживлением краевым снятием (абсцисса: значения углов; ордината: количество предметов)

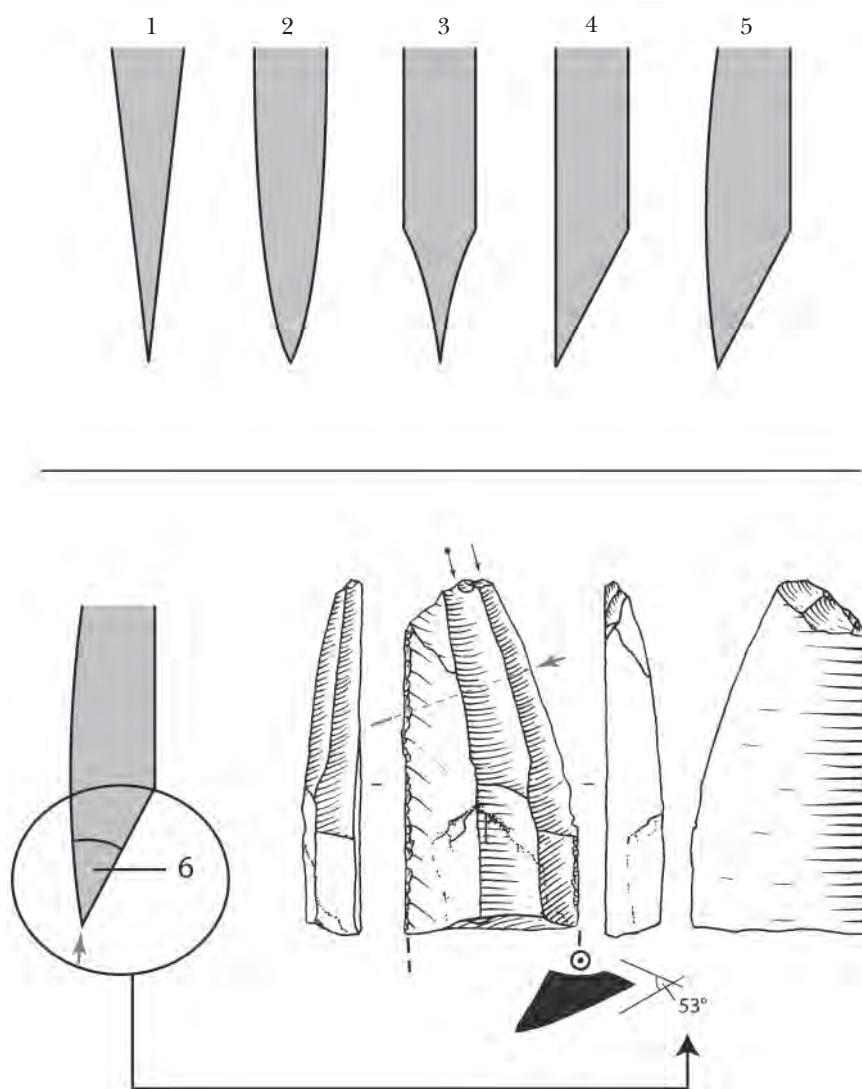

Рис. 10. Различные варианты заточки (с 1 по 4 – традиционные металлические ножи): 1. V-образная заточка, 2. линзовидная заточка (двояковыпуклая линза), 3. линзовидная заточка (двояковогнутая линза), 4. долото-видная заточка, 5. «заточка» в виде выпукло-вогнутой линзы (каменное орудие), 6. измерение угла «заточки» на НКТ

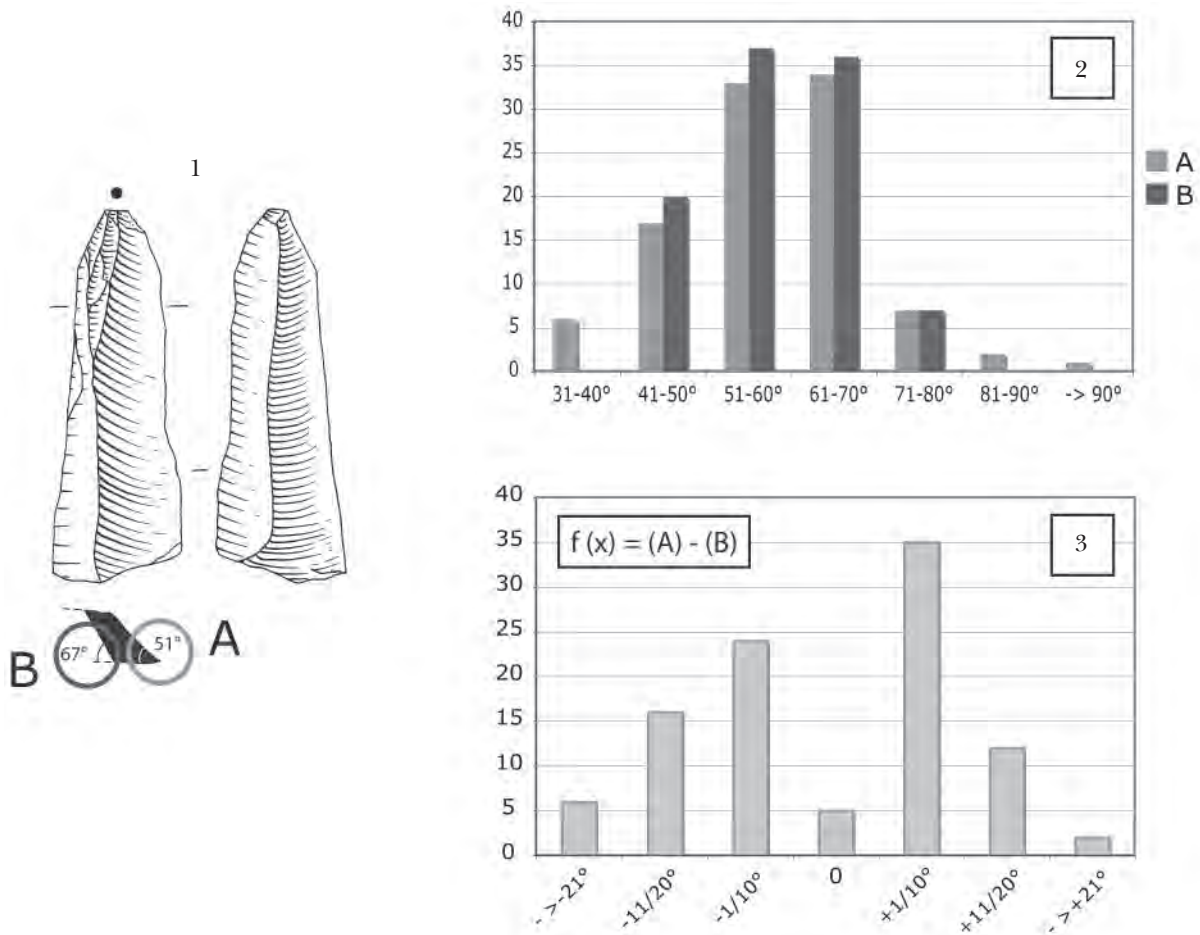

Рис. 11. Вариации углов «заточки» на краевых сколах с НКТ Зарайской стоянки.

1. Принцип измерения угла поджигления (А) и угла рабочего края ножа после поджигления (В);

2. График распределения значения углов «заточки» на краевых сколах с НКТ до поджигления (А) и после поджигления (В) (абсцисса: значения углов; ордината: количество предметов);

3. График распределения амплитуды значений углов «заточки» после снятия краевого скола. Вычисление амплитуды значений произведено по формуле: $f(x) = (A) - (B)$ (абсцисса: амплитуды значений; ордината: количество предметов)

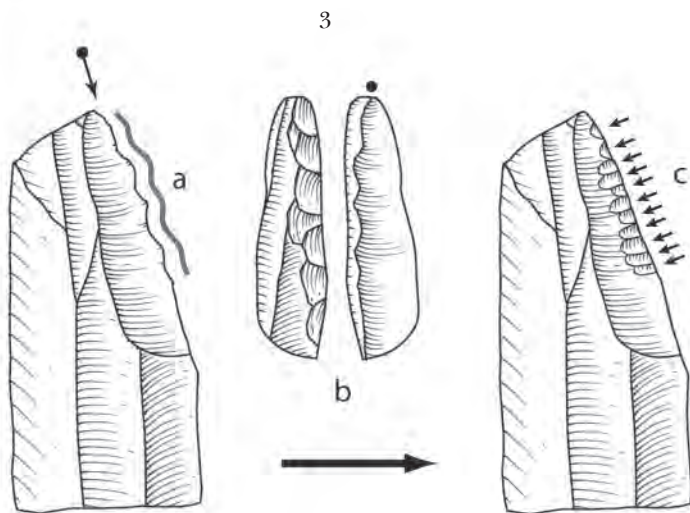
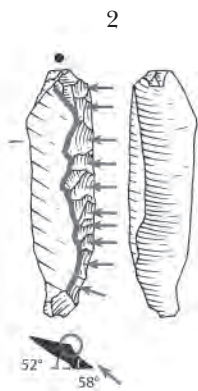
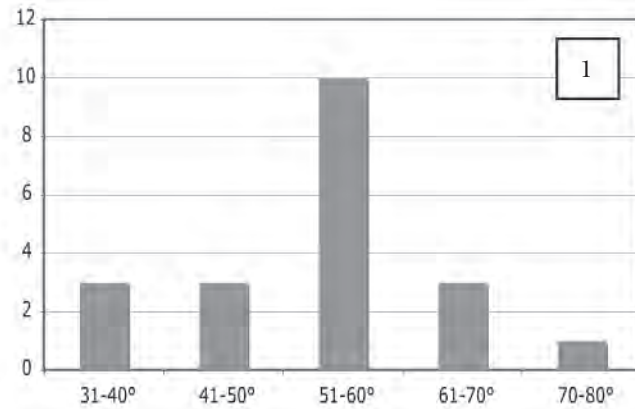

Рис. 12. 1. График распределения значения углов «заточки» рабочего края у НКТ с краевой ретушью подправки на Зарайской стоянке (абсцисса: значения углов; ордината: количество предметов);
 2. Приостраивающая ретушь по краю создает своего рода искусственное ребро, способствующее удачному снятию краевого скола и придает ему почти трапециевидное сечение (вид в разрезе);
 3. Применение краевой ретуши для упорядочивания зигзагообразного края, получившегося в результате подживления (а. нерегулярный извилистый край; б. краевой скол; с. краевая ретушь)

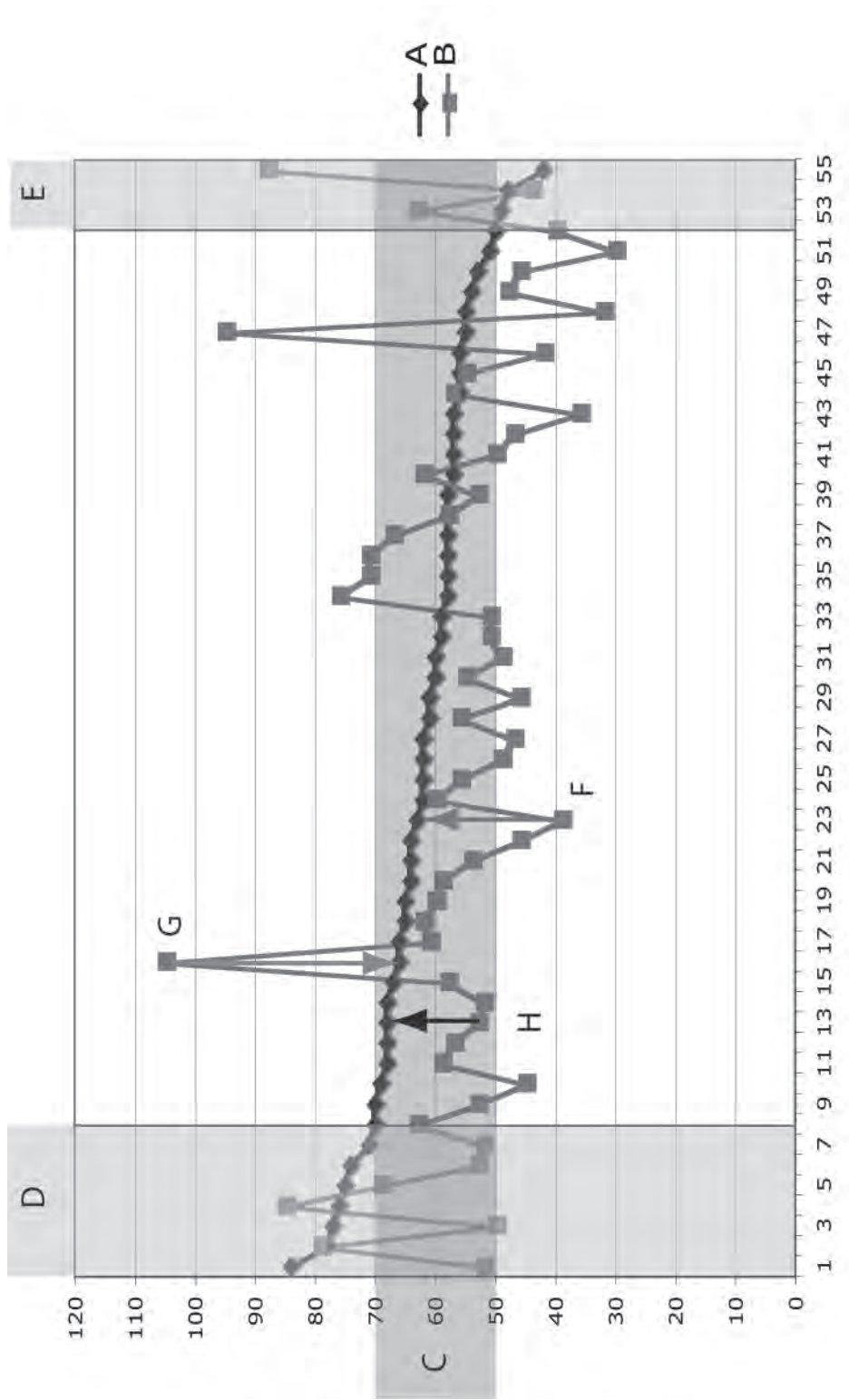

Рис. 13. График динамики изменения углов «заточки», полученных путем краевого ретуширования (всего 55 экз.). Каждая пара точек (А и В) означает один нож с:

А = углом «заточки» после подживления краевым снятием;

В = углом «заточки» после подправки ретушью;

С. Преимущественный интервал значений угла «заточки» (50–70°);

Д. Ножи с углом «заточки» более 70° после ретуширования;

Е. Ножи, у которых угол «заточки» после ретуширования стал менее 50°;

F. Пример ножа, у которого угол «заточки» увеличился с 39° до 64°;

С. Пример уменьшения угла «заточки» с 105° до 66°;

Н. Пример сохранения угла «заточки» в интервале 50–70° (в этом случае с 53° до 68°)

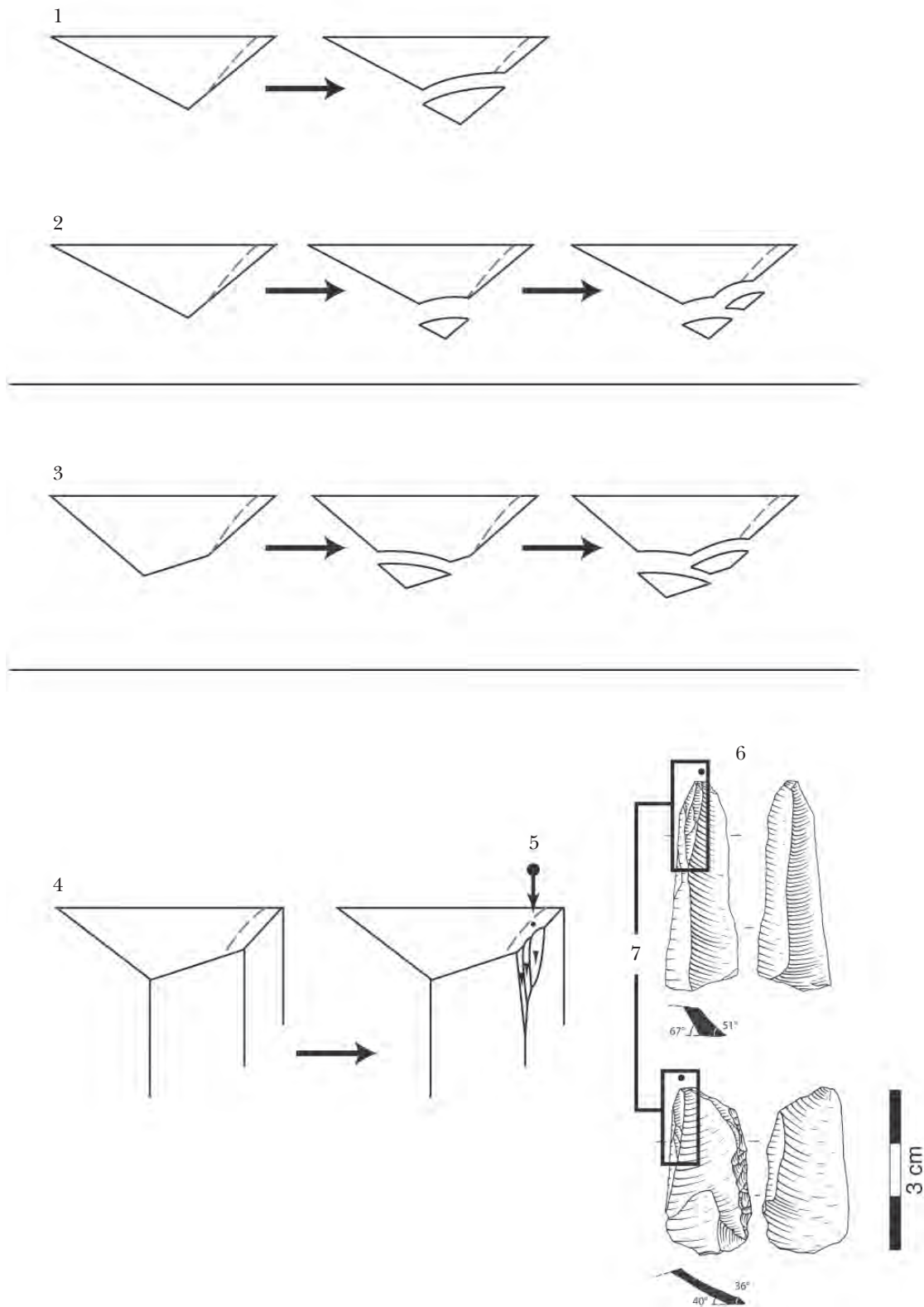

Рис. 14. Разные случаи «центрирования» и «нервюирования».
 1. «Простое центрирование»; 2. «Множественное боковое центрирование»; 3. «Боковое центрирование» плюс «простое центрирование»; 4. «Нервюирование»; 5. Фиксация точки удара для последующего краевого снятия благодаря «нервюированию»; 6–7. Примеры краевых сколов с НКТ с «нервюированием»

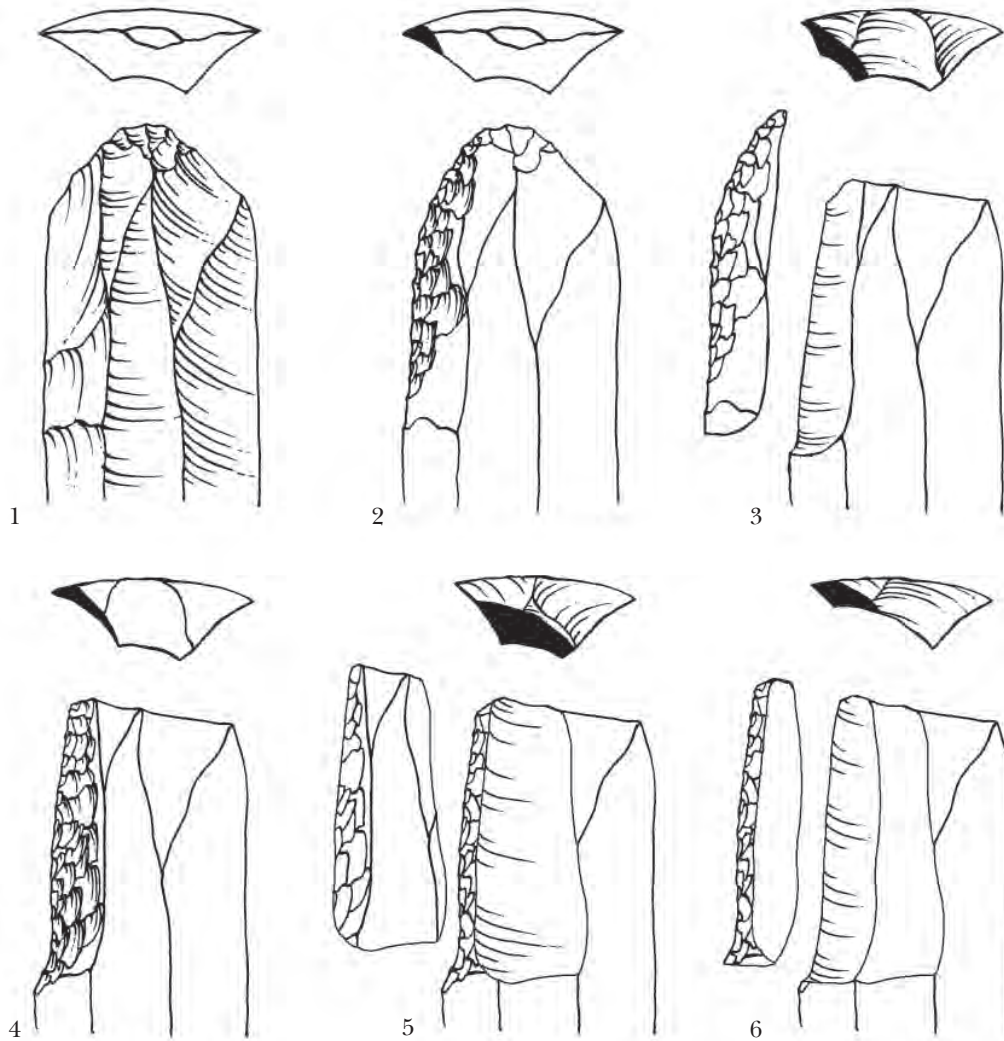

Рис. 15. Схема изменения морфологии ножа костенковского типа. 1. Исходная форма ножа — пластина. В качестве лезвия ножа используются края пластины в проксимальной и/или дистальной частях; 2. По мере затупления лезвия ножа, край пластины приостряется краевой ретушью. Угол края притупляется, создавая рельеф, благоприятный для последующего краевого снятия; 3. Формирование площадки ножа костенковского типа и подживление притупившегося края путем снятия плоского краевого скола с данной площадки; 4. По мере дальнейшего использования рабочий край орудия притупляется и вновь дополнительно приостряется ретушью. При этом контур края изменяется, исключая возможность последующих подправок, сужается рабочий конец (площадка ножа); 5. Формирование нового выпуклого рельефа по спинке орудия путем снятия срединного скола (т.н. «сколы утончения»); 6. Снятие еще одного краевого скола для приострения орудия с использованием ребра от предыдущего срединного скола в качестве направляющей. Орудие снова готово к использованию

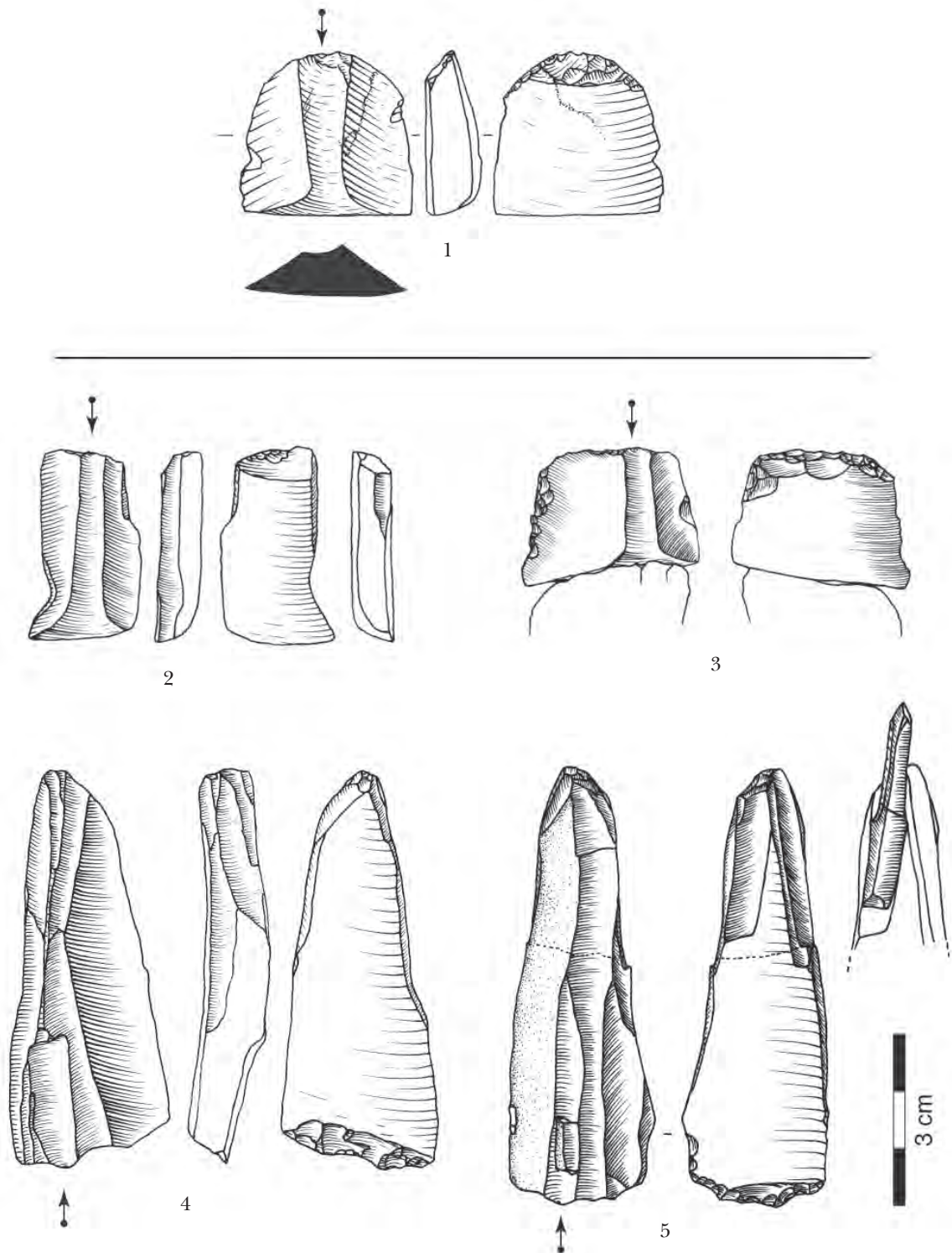

Рис. 16. Пример неудачного снятия скола утончения с «ныряющим окончанием» на спинке пластины (№ 1: Зарайская стоянка). Два похожих случая (примеры конвергентного характера) со стоянок Западной Европы (№ 2: Ле Бло, № 3: Майнц-Линзенберг). Примеры многофасеточных резцов-нукеусов, ошибочно атрибутируемых как предметы со вторичной обработкой в костенковской технике (№ 4: Майнц-Линзенберг, № 5: Ле Бло)

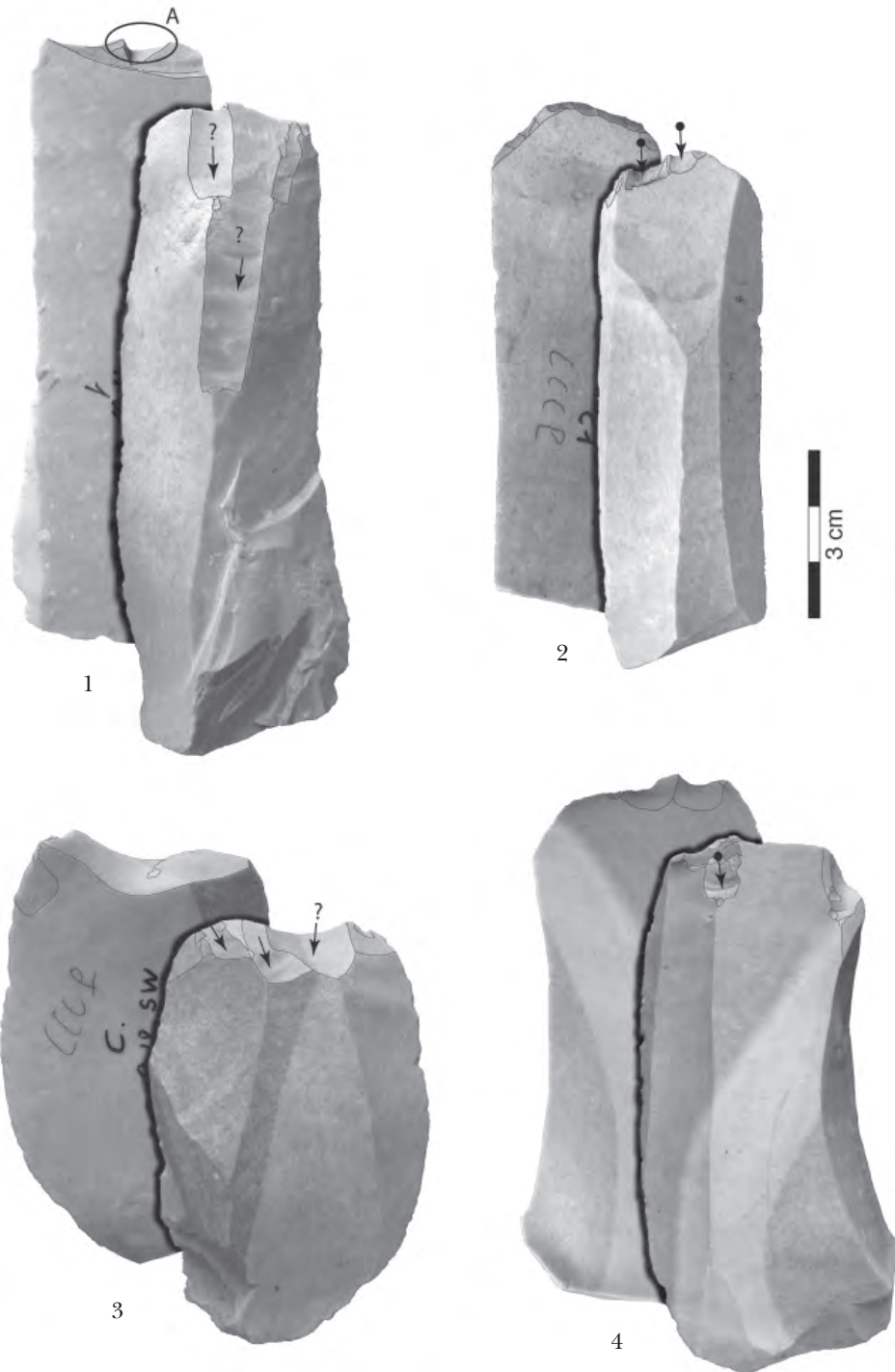

Рис. 17. Четыре пластины из коллекции стоянки Корбиаж, подработанные в костенковской технике согласно определению Я. Козловского (1984).

1. Скорее всего отсутствуют пластинчатые сколы (нет негативов ударного бугорка), и поперечный излом не мог служить ударной площадкой; 2. На пластине с площадкой по брюшку имеется несколько коротких глубоких сколов по спинке (Kozłowski, 1984. Р. 53, n°1); 3. Отщеп с площадкой по брюшку, сформированной одним сколом, по спинке которого нанесено несколько сомнительных коротких сколов; 4. Пластина с площадкой по брюшку, оформленной двумя мелкими сколами, и несколькими неудачными попытками (ступенчатые сколы) снятия пластинчатых сколов по спинке (Kozłowski, 1984. Р. 46, n°4). Изделие, в целом немного напоминающее НКТ, но отсутствует подживление по краю (оно было обозначено как соответствующее НКТ: Kozłowski, 1984. Р. 49)

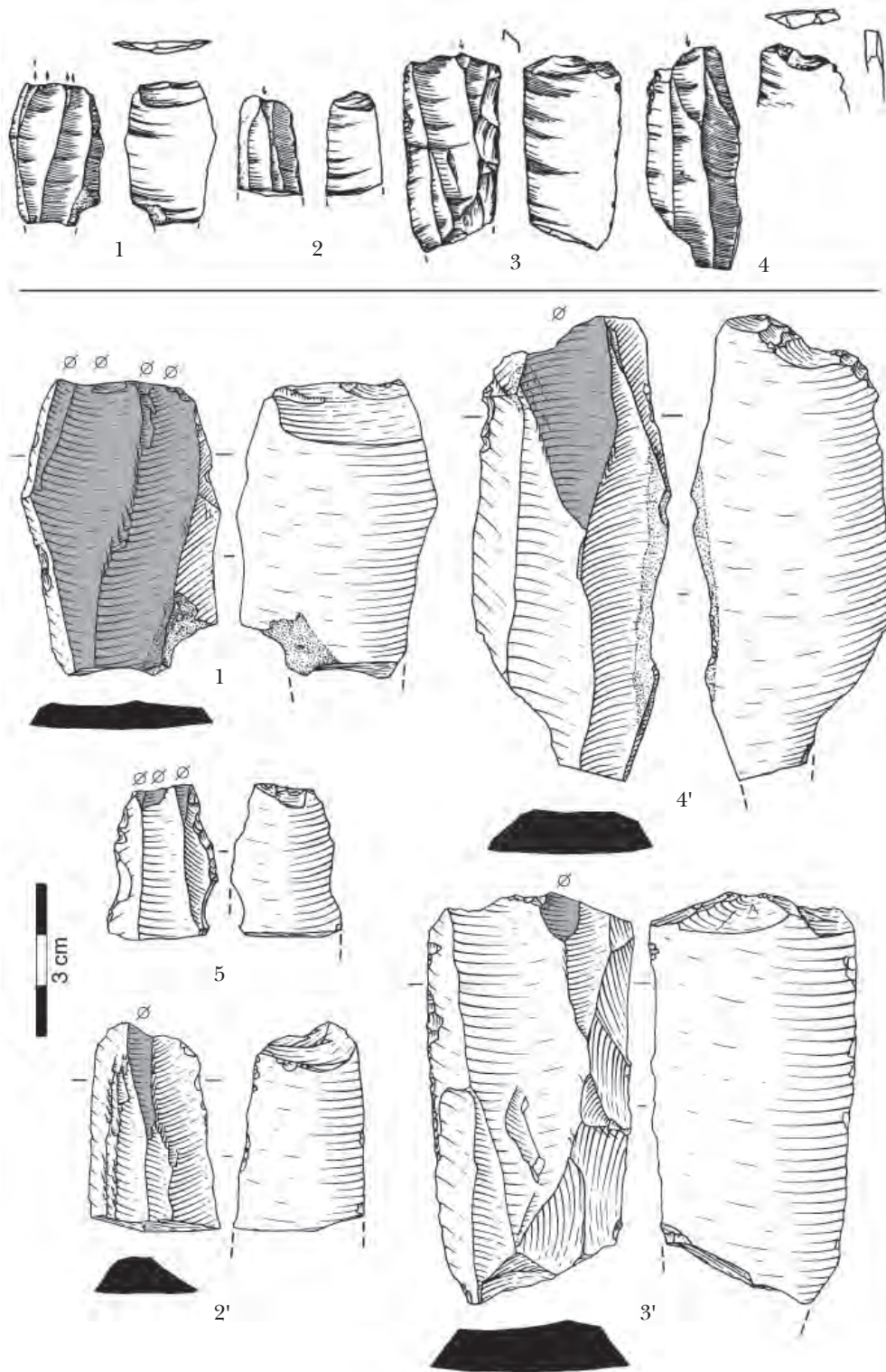

Рис. 18. Ряд спорно атрибутированных предметов из коллекции стоянки Корбиак. 1–4. Изделия, интерпретированные Я. Козловским как НКТ, группа 4, согласно его терминологии (Kozlowski, 1984. Р. 50, n°2, 3 et 5; Р. 47, n°5); 1–4. Те же изделия, пересмотренные нами. Важно отметить разницу в интерпретации наличия пластинчатых сколов по спинке (серым), снятых с подработанного конца. Значок «Ø» обозначает, что сколы, отмеченные Я. Козловским, нами не обнаружены; 5. Еще экземпляр из Корбиака с одной лишь площадкой по брюшку

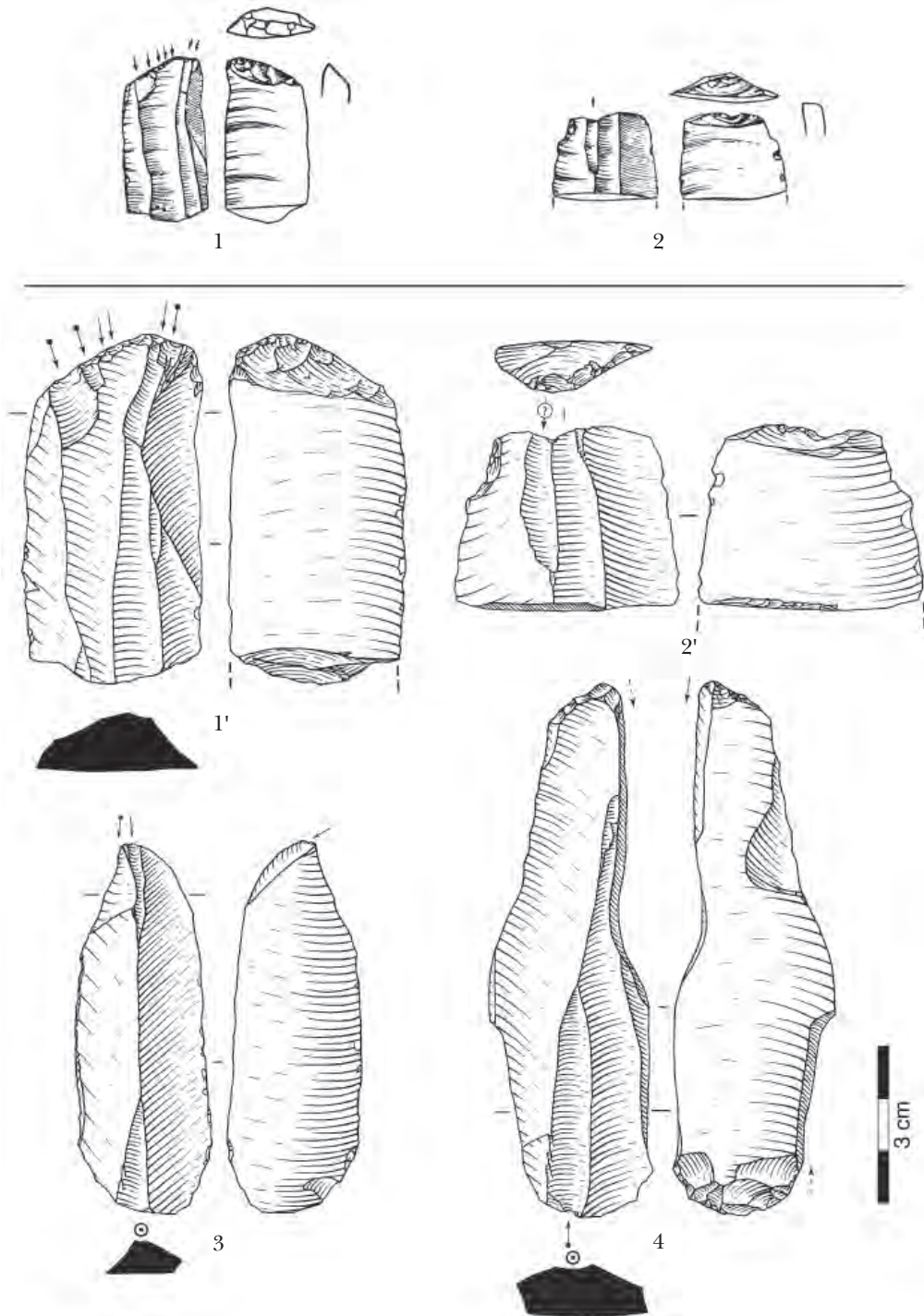

Рис. 19. Другие примеры неоднозначно интерпретируемых предметов со стоянки Корбиак.
 1–2. Два предмета, интерпретированных Я. Козловским как НКТ, группа 4 (Kozłowski, 1984. Р. 46, n° 5; Р. 47, n° 3). 1. Анализ, подтверждающий наличие площадки по брюшку и сколов по спинке. Однако подживление по краю отсутствует; 2. Изделие, у которого наличие сколов по спинке сомнительно, т.к. отсутствуют четкие негативы ударных бугорков (срезаны при подправке площадки). И снова нет краевых сколов; 3. Особый тип резца, морфология которого напоминает некоторые НКТ (площадка по брюшку сформирована плоским резовым сколом; имеется микропластинчатый скол по спинке и присутствует короткий краевой скол); 4. Многофасеточный резец, на другом конце которого оформлена площадка, с которой снят уверенный пластинчатый скол по спинке. В технологическом плане изделие аналогично предметам из Ле Бло и Майнц-Линзенберг (см. рис. 16, 4–5).

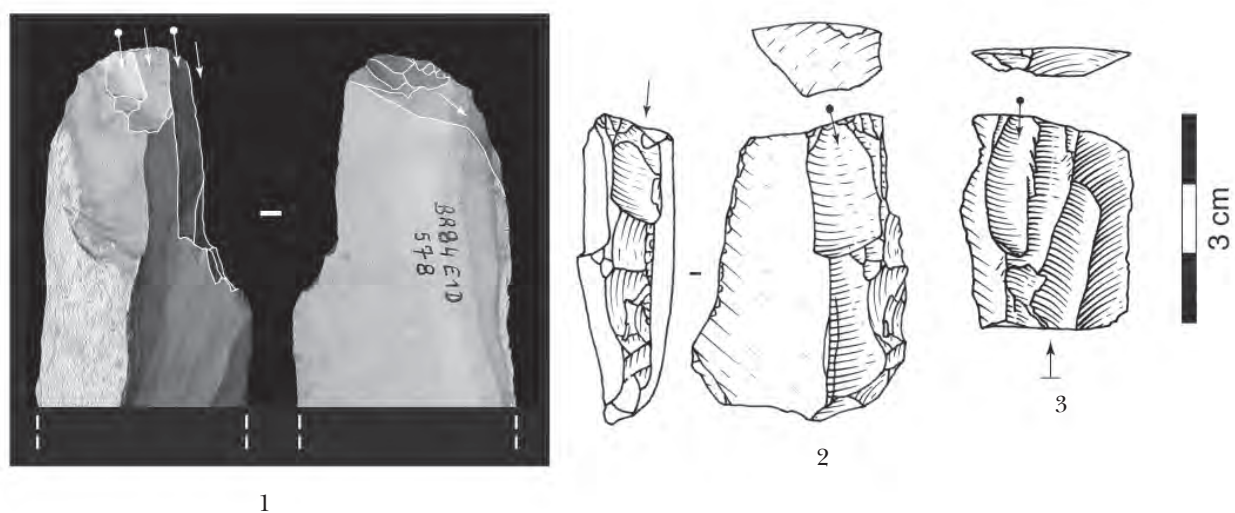

Рис. 20. Пластины (из разных фаз граветта Франции) с площадками по брюшку (излом или усечение), служившими для снятия одного или нескольких пластинчатых сколов по спинке. 1–2. Средняя фаза граветта, Брасемпуй (Ланд, Франция) (по: Klaric, 2003. P. 270). 3. Средняя фаза граветта, Ля Пикарди (Индра и Луара, Франция) (по: Klaric, 2003. P. 34)

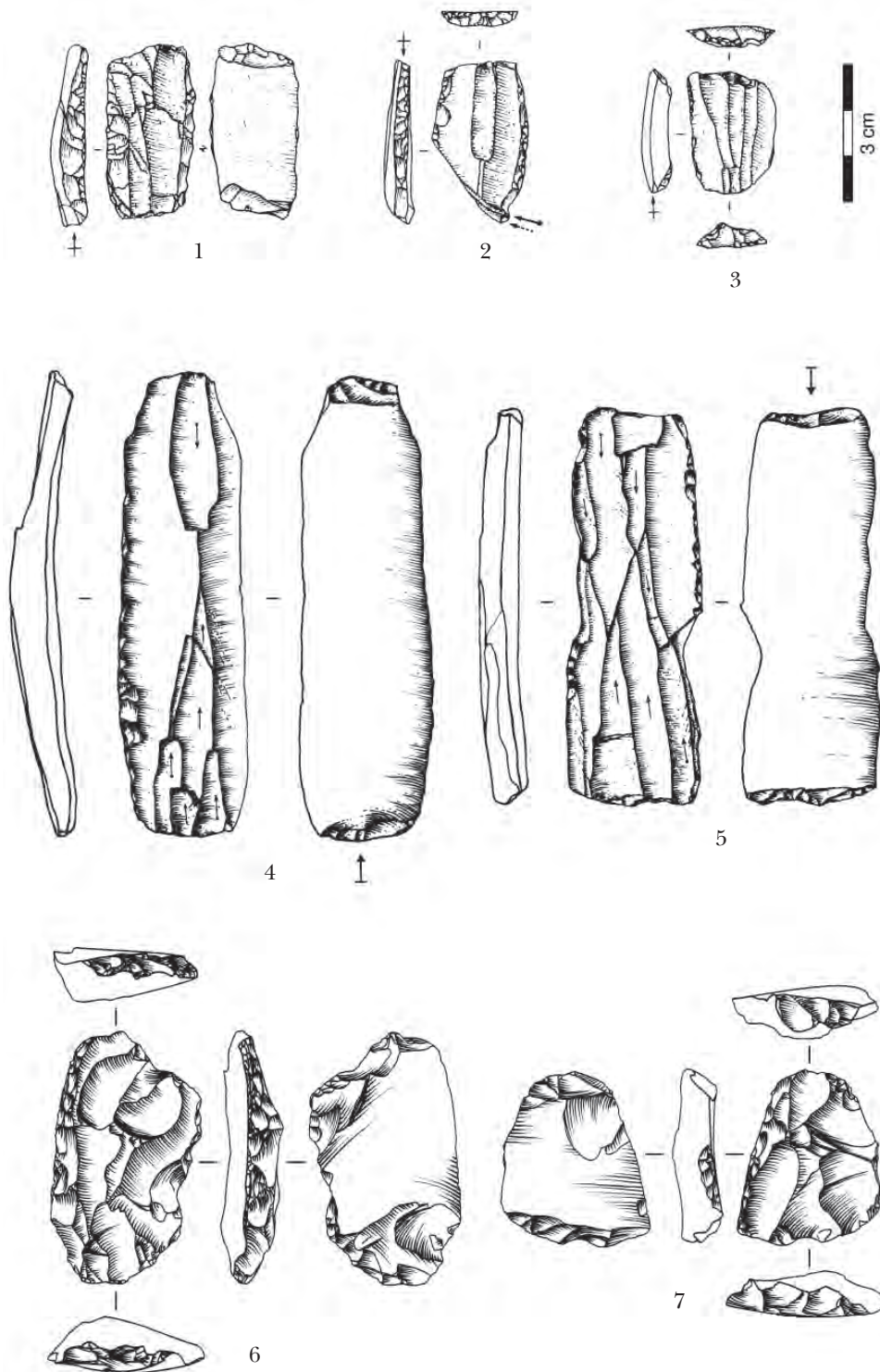

Рис. 21. Некоторые примеры артефактов со стоянок верхнего и среднего палеолита Франции, имеющих морфологическое сходство с НКТ, а также с упоминаемыми в статье предметами из Ле Бло и Майнц-Линзенберга.

1–3. Верхний мадлен, Роше де ла Кёй (Луара, Франция) (по: Alix et al., 1995. P. 190–191);

4–5. Средний мадлен, грот де Ла Марш (Виенна, Франция), коллекция: Lwoff, Musée d'Archéologie National, Saint-Germain-en-Laye (по: Chehmana, в печати);

6–7. Мустье, Шам Гран (Луара, Франция) (по: Slimak, Lucas, 2005. P. 83–84)

Верхнепалеолитические памятники бассейна р. Оки (вопросы организации жилого пространства и накопления культурного слоя)

А.Б. Селезнёв*

Организация жилого пространства на поселении — один из ключевых вопросов, с которым сталкиваются исследователи при обращении к материалам стоянок каменного века. В предлагаемой работе делается попытка решения данного аспекта поселенческой археологии прежде всего на материалах распределения массовых продуктов расщепления камня в культурных слоях верхнепалеолитических стоянок бассейна р. Оки — одного из важнейших регионов расселения человека современного вида и развития археологических культур позднего палеолита в Восточной Европе.

Проблемы стратегии выбора места и планировки поселения в связи с культурной спецификой, близостью или удаленностью от источников сырья, объектами охоты и адаптацией к природным условиям, на наш взгляд, могут решаться при помощи двух основных методических подходов. Первый методический подход заключается в детальном анализе стратиграфии и микростратиграфии культурных отложений, в результате которого культурный слой памятника может разделяться на отдельные составляющие — горизонты или уровни накопления культурного слоя, соответствующие отдельным посещениям стоянки. Второй методический подход выражается в планиграфическом анализе распространения находок на площади поселения в неразрывной связи с полученными данными о стратиграфическом разделении культурных остатков. Помимо стратиграфии и планиграфии продуктов массового расщепления на палеолитических стоянках основополагающую роль играет их соотношение с объектами культурного слоя (жилища, хозяйственные ямы, очаги, места раскалывания), в результате чего можно ставить вопросы о функциональном назначении различных участков поселения, их единства

или одновременности.

Основная часть исследования базируется на личном участии автора в раскопках и на непосредственной работе с источниками — кремневыми коллекциями наиболее изученных и раскопанных на большой площади верхнепалеолитических стоянок Окского бассейна. Это, прежде всего, такие памятники, как Сунгирь и Зарайск, относящиеся, соответственно, к ранней и средней поре позднего палеолита Русской равнины. Необходимо отметить, что указанные памятники расположены в непосредственной близости от источников сырья и поэтому с точки зрения информативности представляют наибольший интерес для решения поставленных задач.

Материалы остальных верхнепалеолитических памятников бассейна р. Оки — Русанихи, Трегубова 2, Карачарова, Колтова 7, Шатрищенских 1-й и 2-й стоянок, Заозерья 1, Вашаны и Клушина 1 — привлекались для решения поставленных задач прежде всего по публикациям (Уваров, 1881; Михайлова, 1985; Трусов, 1983, 1985, 1988, 1989, 1994, 2002, 2004, 2005, 2007, 2009; Фролов, 1987; Сидоров, 2002; Амирханов, 2000, 2002, 2004; Анисюткин, 2002; Анисюткин, Лисицын, 2007; Сорочкин, Ошибкина, Трусов, 2009).

История изучения палеолита бассейна р. Оки насчитывает более 130 лет — с момента открытия в 1877 г. графом А.С. Уваровым под г. Муромом во Владимирской губернии Карачаровской стоянки (Уваров, 1881). К настоящему времени на площади Окского бассейна, составляющей 245 тысяч квадратных километров, найдены немногим более десятка памятников ранней, средней и поздней поры верхнего палеолита (рис. 1). Небольшое количество открытых стоянок свидетельствует о недостаточной изученности данного региона

* Учреждение Российской академии наук Институт археологии РАН, Москва.

по сравнению с прилегающими бассейнами рек Днепра, Десны и Дона, где за тот же промежуток времени найдены сотни стоянок эпохи верхнего палеолита. Важно отметить, что в течение последних 30 лет (1977–2008) половина верхнепалеолитических памятников Окского бассейна были обнаружены и исследованы А.В. Трусовым: в 1977 г. Шатрище 1, в 1980 г. Зарайск, в 1987 г. Шатрище 2, в 1997 г. Трегубово 2 и в 2008 г. Клушино 1.

Геологически территория бассейна р. Оки входит в каменноугольную кремненосную провинцию. Коренные источники карбонатового кремня встречаются на всей территории бассейна, особенно в южной его части (северные отроги Среднерусской возвышенности), где слои осадочных пород каменноугольного возраста повсеместно выходят на современную поверхность и составляют одну из основных рельефообразующих форм (Геология СССР, 1971). Помимо коренных источников на территории Окского бассейна встречены морены последнего Валдайского оледенения, в которых залегают разнообразное каменное сырьё. Несомненно, что на протяжении всего верхнего палеолита в бассейне р. Оки человека привлекало наравне с животными — объектами охоты наличие доступных источников каменного сырья, использовавшегося для изготовления каменных изделий.

К ранней поре верхнего палеолита бассейна р. Оки относится стоянка Сунгирь, расположенная на высоком приводораздельном участке, образованном склоновым плато левого берега р. Клязьмы и правым, широким и пологим, склоном 2-й надпойменной террасы впадающего в Клязьму ручья Сунгирь (рис. 1). В 1956–1977 гг. Сунгирское поселение исследовалось Северной палеолитической экспедицией Института археологии АН СССР под руководством О.Н. Бадера (Бадер О.Н., 1978). В результате работ 1956–1978 гг. на памятнике была вскрыта значительная площадь свыше 4500 кв. м, — и собрана большая коллекция археологического и фаунистического материала (Бадер О.Н., 1978. Рис. 2). В 1986–1995 гг. на Сунгире проводились небольшие по объёму работы, которыми руководили Л.А. Михайлова, Ю.А. Смирнов и Н.О. Бадер; с 1992 г. была восстановлена постоянная комплексная Сунгирская экспедиция Института археологии РАН (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь ... 1998). В 2000 г., после пятилетнего перерыва, комплексные исследования Сунгиря продолжились на участке раскопа Па-

1986–1989 гг. (рис. 2). В ходе работ 2000 г. были отобраны образцы для контрольного анализа погребенной почвы и абсолютного датирования почвенно-культурного слоя по почвенному материалу (Sulerzhitsky, 2000). Исследования 2001, 2004 и 2005 гг. были направлены на продолжение естественнонаучного изучения стратиграфии культурного слоя и микростратиграфии культурных находок в непосредственной близости от погребений 1 и 2 Сунгирского поселения и на участке северной периферии памятника (Селезнёв, 2008. Илл. 3). Был произведен отбор образцов для естественнонаучных исследований. Результаты работ 2005 г. позволили сделать ряд интересных выводов. Впервые были найдены артефакты и фаунистические остатки в геологических отложениях и почвенных слоях, залегающих ниже культурного слоя Сунгирского поселения (Селезнёв, 2008. С. 6).

Сунгирское поселение относится к костенковско-стрелецкой культуре, к которой принадлежат следующие памятники: V слой Костенок 1 (стоянка Полякова), Костенки 6 (Стрелецкие стоянки 1 и 2), V слой Костенок 11 (Аносовка 2), I-а и III слои Костенок 12 (Волковская стоянка), стоянка Русаниха и стоянка Гарчи 1. Радиоуглеродные датировки с перечисленных стоянок расположены в хронологическом интервале от 36 до 25 тысяч лет назад (Радиоуглеродная хронология ... 1997).

В 1981 г. на территории г. Владимира, его северо-западной окраине, на мысе левого коренного берега р. Рпень (левый приток р. Клязьма), во время рытья котлована под фундамент механосборочного цеха Владимирского тракторного завода, была обнаружена стоянка Русаниха (рис. 1). Памятник, так же, как и соседняя стоянка Сунгирь, относится к позднему этапу развития стрелецкой культуры в ранней поре верхнего палеолита Русской равнины (Михайлова, 1985). В пределах разрушаемого строителями участка был исследован ограниченный участок культурного слоя памятника — 56 квадратных метров, с которого происходит более 900 кремневых изделий (в том числе 163 орудия), наконечник копья из бивня мамонта и костяная лопаточка (Михайлова, 1985). По условиям залегания культурного слоя в почвенном горизонте брянской почвы и характеру каменного инвентаря Русаниха близка к расположенной сравнительно недалеко (в 8 км к востоку-северо-востоку) стоянке Сунгирь. Фаунистические остатки представлены в основном костями мамонта (90–95%), се-

верный олень и лошадь представлены отдельными костями. Преобладание костей мамонта принципиально отличает Русаниху от Сунгирской стоянки, так как на последней среди фаунистических остатков первое место занимает северный олень. Стоянка Русаниха интерпретируется Л.А. Михайловой как временное стойбище охотников на мамонта (Михайлова, 1985).

Обратившись к полевой документации стоянки Русаниха, А.В. Трусов предложил свое объяснение различий между Русанихой и Сунгирем сезонностью обитания на этих стоянках (Трусов, 2005. С. 16). Наличие капитального жилища из костей мамонта и значительно меньший процент продуктов первичного раскалывания (83,3%) на Русанихе, по его мнению, может свидетельствовать о холодном (зимнем) времени обитания на памятнике (Трусов, 2005. Рис. 3–5).

В первой трети XX века возобновились попытки исследований Карачаровской стоянки (рис. 1). В 1910 г. Карачаровскую стоянку обследовал В.А. Городцов и приблизительно в 300 метрах к западу от раскопа С.А. Уварова, в направлении верховьев Карачаровского оврага, обнаружил новый пункт в виде залегания углистого слоя в стратиграфических условиях, сходных с находками графа А.С. Уварова (Городцов, 1910). В 1927 г. на площади Карачаровской стоянки О.Н. Бадер заложил шурф 2 × 2 м, в котором находок палеолитического возраста обнаружено не было (Борисковский, 1937). В 1934 г. П.И. Борисковский расширил обнаруженный раскоп графа А.С. Уварова 1877 г. и заложил выше и ниже от раскопа несколько траншей общей площадью 170 кв. м. (Борисковский, 1937). Ни в одном из раскопов культурных остатков обнаружено не было (Борисковский, 1937).

В конце XX века, в 1996–1997 гг., была предпринята еще одна попытка обнаружения Карачаровской стоянки (рис. 3). А.В. Трусов заложил пять шурфов вдоль борта Карачаровского оврага на протяжении 340 м (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 65, рис. 11). В шурфе № 3 в слое погребенной почвы, разбитой полигональной решеткой и залегающей в основании покровных валдайских суглинков, на глубине 2,5 м от поверхности, был найден фрагмент кремневой пластинки (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 68, рис. 12). Как отмечает автор, разрез шурфа № 3, отстоящий от предполагаемого места раскопа 1877 г. графа А.С. Уварова на 40 м к северо-востоку, бо-

лее всего соответствует описанию стратиграфии слоев Карачаровской стоянки (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 68, рис. 71). Это позволило А.В. Трусову сделать важный вывод о целесообразности продолжения исследований Карачаровской стоянки (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009).

Использование на Карачаровской стоянке бифасиальных заготовок нуклеусов с односторонними фронтами раскалывания, направленными на снятие крупных и широких пластин, подобным пластинам «костенковского типа», преобладание среди резцов двугранных резцов сближает Карачаровскую стоянку с Зарайской стоянкой. Это определенное сходство справедливо отметила Л.В. Грехова (Грехова, 1994. С. 15). Н.Д. Праслов и А.А. Синицын обращают внимание на специфические черты кремневого инвентаря Карачаровской стоянки, не сравнивая его конкретно с кремневым инвентарем других верхнепалеолитических памятников Русской равнины (Праслов, Синицын, Спиридонова, Сулержицкий, 2002. С. 164). Как нам кажется, что в случае с Карачарово, так же, как и с Трегубово 2, мы имеем пример развития восточнограветтской индустрии поздней поры верхнего палеолита после максимума Валдайского оледенения, поэтому точка зрения Л.В. Греховой представляется наиболее убедительной.

Открытая А.В. Трусовым в 1980 г. Зарайская стоянка (рис. 1) является одним из ключевых памятников средней поры верхнего палеолита на территории Русской равнины (Трусов, 1985). Она представляет значительный интерес для изучения позднепалеолитической эпохи не только в бассейне р. Оки, но и для решения вопросов, связанных с распространением виллендорфско-костенковской культурной общности в Восточной Европе (Восточный Граветт, 1998). Из известных в настоящее время памятников названной культурной общности Зарайское поселение является самым северо-восточным пунктом культуры охотников на мамонтов в перигляциальной зоне Европы.

Находки костей мамонта на берегах реки Осетр и в окрестностях г. Зарайска были известны еще с прошлого века (Уваров, 1881. С. 151–152). В 70-х годах XX-го века главный хранитель Зарайского историко-художественного музея Л.И. Максимова первой обратила внимание на искусственное происхождение кремневых предметов, встречавшихся в районе Зарайского кремля. Осенью 1979 г. соб-

ранной ею коллекцией кремневых изделий заинтересовался А.В. Трусов, занимающийся разведками палеолитических стоянок в бассейне р. Оки. В 1980 г. он заложил несколько шурфов у северной стены Зарайского кремля, в одном из которых был выявлен ярко выраженный культурный слой верхнепалеолитического поселения с многочисленными находками кремневых изделий и костей мамонта (Трусов, 1985).

В последующие годы А.В. Трусовым при участии Л.В. Греховой и А.Б. Селезнёва был исследован на разных участках Зарайского поселения ряд изолированных раскопов общей площадью 141 кв. м: раскоп № 1 1982–1983 гг. — 54 кв. м; аварийно-спасательная траншея по трассе водопровода 1983 г. — 46 кв. м; раскоп № 2 1989 г. — 23 кв. м и аварийный раскоп № 3 1994 г. — около 18 кв. м сохранившегося культурного слоя (Трусов, 1994; Грехова, 1994; Селезнёв, Трусов, 1995). С 1995 г. раскопки продолжили Х.А. Амирханов и С.Ю. Лев, расширившие раскоп А.В. Трусова 1994 г. С целью удобства было принято решение дать всем раскопам памятника сквозную нумерацию, начиная от раскопа № 1 1982–1983 гг. (Амирханов, 2000). Таким образом, траншея 1983 г. получила порядковый номер «2», раскоп № 2 1989 г. — «3», раскоп № 3 1994 г. — «4» и раскоп 1996 г. у шерстобитной мастерской — «5». На 1997 г. общая раскопанная площадь Зарайской стоянки вместе с шурфами составила около 200 кв. м, а число найденных кремневых изделий на памятнике превысило цифру в 45 тысяч экземпляров.

В результате работ последних лет было установлено, что Зарайская стоянка и прилегающая к ней территория является группой из четырех памятников — Зарайска А, В, С и D, сближенных в пространственном отношении и частично наплаивающихся друг на друга (Амирханов и др., 2009. С. 9–10, рис. 1). Все четыре памятника находятся в исторической черте г. Зарайска, на высоком правом берегу р. Осетр — правом притоке р. Оки — в нижней части вышоложенного коренного приводораздельного склона борта речной долины, на высоте 42–44 м над уровнем реки (рис. 4).

Зарайск А занимает пространство, непосредственно примыкающее к Никольской башне Зарайского кремля, и располагается на мысе, называемом кремлевским. Выявленная в результате разведочной шурфовки общая площадь поселения — несколько тысяч квадратных метров — приурочена к хорошо дрени-

руемому боковому участку мысовидного выступа юго-западной ориентации, образованному с северо-западной стороны высоким коренным берегом р. Осетр, а с южной — древним оврагом плейстоценового возраста, по которому сейчас протекает р. Монастырка (рис. 4). Культурные остатки на Зарайске А залегают в двух литогических слоях — верхней погребенной почве и подстилающем почву слое красноватой супеси и разделяются на четыре переслаивающиеся культурных слоя (Амирханов и др., 2009. С. 10, рис. 1). Зарайск В расположен на краевой части следующего, второго мыса к северу от кремлевского мыса и отделенного от последнего древним оврагом (рис. 4). Культурные остатки залегают здесь в слое погребенной почвы и на контакте почвы с подстилающим суглинком (Трусов, 1994; Амирханов и др., 2009. С. 10, рис. 1). Зарайск С находится на краевой части второго мыса (рис. 4). Культурные остатки на нем, подобно Зарайску А, залегают в слое погребенной почвы и подстилающем ее слое красноватой супеси (Амирханов и др., 2009. С. 10, рис. 1). Зарайск D расположен на третьем мысу к северу от кремлевского мыса в районе площади Пожарского (рис. 4). Культурные остатки палеолитического возраста расположены здесь, как и на Зарайске В, в основании слоя хорошо выраженной погребенной почвы (Амирханов и др., 2009).

К 2009 г. на Зарайской стоянке стационарными раскопками было исследовано около 400 квадратных метров площади. Из них более половины — 244 квадратных метра — приходится на раскоп 4, являющийся основным (рис. 4). Кремневый инвентарь Зарайской стоянки всесторонне характеризует весь цикл раскалывания сырья и изготовления орудий на базовом поселении, принадлежащем к костенковско-авдеевской культуре (Амирханов и др., 2009). Расположение Зарайской стоянки рядом с сырьевыми выходами является пока уникальным примером для названной культуры с момента открытия и дальнейшего исследования ее эпонимных стоянок — Костенок 1 (1 слой) и Авдеево (Ефименко, 1958; Gvozdover, 1995). В отличие от Зарайского поселения, Костенки 1 (1 слой) и Авдеево были значительно удалены от источников кремня, и их раскопки не дали полного набора материалов, относящихся к первичной обработке, массив которой исчерпывающе представлен в Зарайске (Селезнёв, 1996). В исследовании, посвященном кремневому инвентарю Авдеево, существование определенного поведенче-

ского стереотипа в добыче и использовании приносного сырья, выразившегося в высокой концентрации расщепленного кремня в культурном слое жилой площадки, объясняется экономной и почти полной утилизацией хорошего по качеству мелового кремневого сырья, а также неоднократным оживлением и переделкой орудий (Гвоздовер, 1998. С. 235–237). Близость Зарайской стоянки к источникам сырья в определенной мере повлияла на изменение отношения к кремневому сырью у носителей костенковско-авдеевской культуры.

В 1997 г. В.Я. Сергиным, М.Г. Жилиным, Е.Ю. Гирей и А.В. Трусовым были сделаны первые находки кремневых изделий в районе села Трегубово. Местонахождение получило название стоянка Трегубово 1 (Трусов, 2004). В 1999 г. в 370 м к северу–северо-западу от Трегубова 1 был обнаружен новый пункт с находками кремневых изделий, получивший название Трегубово 2 (Трусов, 2004). Памятник расположен на левом берегу р. Осетр, в 8 км к югу–юго-западу от г. Зарайска (рис. 1). Раскопами 1999–2001 гг. было вскрыто 100 квадратных метров площади Трегубово 2, на которой в виде скоплений располагались 5 производственных участков по первичному расщеплению кремневого сырья (Трусов, 2004. С. 218, рис. 1–4). Всего на площади раскопок Трегубово 2 было найдено 2 131 кремневое изделие, из которых 1 900 происходят с площади скоплений (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 55). А.В. Трусов считает, что этот памятник представляет собой остатки специализированной стоянки-мастерской по первичному расщеплению кремня и изготовлению пластин-заготовок. По условиям залегания культурного слоя в покровных валдайских суглинках и технике расщепления, направленной на получение крупных пластин «костенковского типа» (аналогичной зарайской), Трегубово 2 может быть отнесено к памятникам восточнограветийской традиции, переживших максимум Валдайского оледенения и развивающихся в позднюю пору верхнего палеолита (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2005. С. 53, 62–63).

В 1990 г. А.В. Трусовым была обнаружена стоянка Колтово 7 (Колтово. Поселение 2, Мутенка), расположенная на мысу левого коренного берега р. Медведка, левого притока р. Мутенка, правого притока р. Оки (рис. 1). Было выделено 2 пункта находок на высоте 30–35 м и 55–60 м, геоморфологически связанных с верхней частью плаща покровных валдайских суглинков на перегибе плато (Сидоров, 2002.

С. 14–15). В 1995 г. исследование стоянки было продолжено В.В. Сидоровым (Сидоров, 2002. С. 23–24). На площади 200 квадратных метров было раскопано 9 мест по первичному раскалыванию в виде скоплений кремневых изделий, состоявших, в основном, из отщепов и пластин. Основной целью этих мастерских было получение заготовок для орудий — пластин и микропластин (Сидоров, 2002). Технология получения пластин на стоянке Колтово 7, которая была направлена на получение крупной широкой пластины «костенковского типа», находит определенное сходство с материалами стоянок Зарайск и Трегубово 2. Это дает основание видеть в материалах кремневой индустрии развитие восточнограветийской традиции в Окском бассейне и датировать его не финальным палеолитом (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 116–127), а поздней порой верхнего палеолита (Сидоров, 2002. С. 24; Амирханов, 2004. С. 13).

Стоянка Клушино 1 была открыта в 1971 г. А.Н. Неклюдовым (Трусов, 2009). На основании собранных материалов памятник был датирован А.Н. Неклюдовым эпохой неолита. Памятник расположен в Солнечногорском районе Московской области, в 1,2 км к северозападу от д. Клушино, на мысу первой надпойменной террасы левого берега Клязьмы, на высоте около 3 м от уровня реки (рис. 1). В 2008 г. А.В. Трусовым при проведении охранных археологических раскопок на памятнике был заложено раскоп 600 квадратных метров, выявивший материалы поздней бронзы, неолита и верхнего палеолита в числе 1 058 кремневых изделий (Трусов, 2009). Большая часть последних была сделана из качественного карбонового кремня из коренных источников, меньшая часть — из низкосортного моренного сырья (Трусов, 2009). Палеолитический материал в виде двух кремневых скоплений — мастерских по первичному расщеплению и производству крупных пластин в основном из карбонового кремня (скопление 1 — 607 изделий, скопление 2 — 80 изделий) залегал на поверхности светло-бурого покровного суглинка (Трусов, 2009). Автор раскопок справедливо отмечает палеолитическую технологию получения пластин-заготовок на стоянке Клушино 1, для которой характерны двусторонне-оббитые заготовки для торцовых нуклеусов со скошенными ударными площадками, перебор карниза и абразивная подработка края ударной площадки (Трусов, 2009). Можно согласиться с А.В. Трусовым, считающим, что подобные приемы

при снятии пластин характерны для граветтской технологии, и что ближайшими по культуре памятниками для стоянки Клушино 1 являются стоянки Зарайск и Трегубово 2 на р. Осетр (Трусов, 2009).

В 1977 г. А.В. Трусовым была открыта верхнепалеолитическая стоянка Шатрище 1 (Трусов, 1983). Памятник расположен на территории с. Шатрище, на правом берегу р. Оки (рис. 1, 5), на овражном мысу, образованном двумя сливающимися ручьями р. Черной, на расстоянии около 0,5 км от впадения р. Черной в р. Оку (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 79, рис. 18–20). В 1979 и 1981 гг. стоянка Шатрище 1 была вскрыта на площади 46 квадратных метров, на которой было найдено 159 кремневых изделий (Трусов, 1989. Илл. 23). По особенностям кремневого инвентаря памятника, таким, как отсутствие специфических культууроопределяющих форм, преобладание боковых резцов, использование высокой притупляющей ретуши, стоянка Шатрище 1 находит определенное сходство с памятниками поздней поры верхнего палеолита Деснинского (Тимоновка, Супонево, Юдиново, Чулатово, Карачиж, Бугорок) и Донского (Боршево 2) бассейнов (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 89).

В 1987 г. А.В. Трусовым была открыта стоянка Шатрище 2 (рис. 1, 5), расположенная в 310 м к северо-западу от стоянки Шатрище 1 (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 52). Находки залегали в 4 культурных слоях, связанных с литологическими слоями общей мощностью около 5 м (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 90–96). В результате последующих раскопок 1997 и 2000–2001 гг. в общей сложности было вскрыто 30 квадратных метров (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009). В двух верхних слоях Шатрища 2 из-за небольшой вскрытой площади врезки в борт оврага, было найдено, соответственно, 15 и 9 кремневых изделий (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 92). В культурных слоях 3 и 4, разобранных на площади 30 кв. м, было встречено, соответственно, 176 (5,7% орудий) и 144 (6,3% орудий) кремневых изделия (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 93–94). По технике первичного расщепления кремня и орудийному набору стоянка Шатрище 2 является однокультурной с расположенной поблизости стоянкой Шатрище 1 (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 96). Отличия выявлены в разной представленности фаунистических остатков на стоянках. На Шатрище 1 основными промысловы-

ми животными были лошадь и бизон, на Шатрище 2 — северный олень, волк и копытный лемминг (Там же). Как справедливо отмечает автор, данные отличия могут свидетельствовать о разных сезонах обитания человеческих коллективах на указанных стоянках (Там же).

В 1983 г. А.С. Фроловым была открыта стоянка Заозерье 1, расположенная на левом берегу р. Москвы (рис. 1), в 1,5 км от д. Заозерье Раменского района Московской области (Фролов, 1984). В 1984 г. памятник был раскопан в месте наибольшей концентрации расщепленного кремня в пахотном слое на площади 42 кв. м, где было найдено 1 262 кремневых изделия, изготовленных из карбонового кремня, добытого в коренных источниках (Фролов, 1987). Анализ кремневой индустрии Заозерья 1, базирующейся на использовании пластинчатой техники раскалывания, доминировании среди орудий ретушных резцов и наличии МППК и пластин со скошенным ретушью концом, позволил сделать вывод о позднепалеолитическом возрасте памятника и сравнить стоянку Заозерье 1 с деснинскими памятниками поздней поры верхнего палеолита (Фролов, 1987. С. 76, 82). А.С. Трусов полагает, что материалы стоянки Заозерье 1 находят определенные аналогии в кремневых коллекциях стоянок Шатрище 1 и 2 (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 102).

В 2001 г. в Алексинском районе Тульской области Н.К. Анисюткиным была открыта стоянка Вашана (рис. 1), расположенная на правом берегу р. Вашаны — правом притоке р. Оки (Анисюткин, 2002). На стоянке было заложено 3 шурфа, наиболее информативные материалы дал шурф на западном мысу, где в литологическом слое 9 было обнаружено 323 кремневых предмета, изготовленных из карбонового кремня, залегающего в коренных известняковых отложениях в непосредственной близости от стоянки (Анисюткин, Лисицын, 2007. С. 137). Индустрия стоянки Вашана характеризуется совершенной призматической техникой расщепления, направленной на получение пластин и микропластин. Наличие в коллекции памятника скола с бифасиальной заготовки нуклеуса, угловых резцов на пластинах, вкладышей на фрагментированных пластинах, скребков на отщепах и долотовидного изделия позволяет отнести стоянку Вашану к позднему палеолиту, несмотря на высказанное мнение о ее близости к бутовским раннемезолитическим памятникам Волго-Окского междуречья (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 120).

Несмотря на то, что с последней четверти XIX века по начало XXI века в бассейне р. Оки было открыто небольшое число памятников, можно сделать вывод, что этот регион был заселен на протяжении всего верхнего палеолита (рис. 1). К памятникам ранней поры верхнего палеолита в Окском бассейне относятся стоянки Сунгирь и Русаниха, к памятникам средней и поздней поры — стоянка Зарайск, к памятникам поздней поры — стоянки Карачарово, Трегубово 2, Колтово 7, Клушино 1, Шатрище 1, Шатрище 2, Заозерье 1 и Вашана. Необходимо отметить, что 9 из 11 названных стоянок бассейна р. Оки были обнаружены за последние 30 из 130 лет периода исследования региона. Такое «ускорение» процесса позволяет ожидать открытия новых позднепалеолитических окских памятников в самое ближайшее время.

В результате радиоуглеродного датирования были получены даты для памятников бассейна р. Оки. Датировки по ^{14}C из Сунгиря, за исключением явно омоложенных дат, сделанных в 60-е годы, расположены в верхнем пределе радиоуглеродной шкалы — во временных рамках от **27700 до 24430 л.н.** (Синицын, Праслов, Свеженцев, Сулержицкий, 1997. С. 42, 60). Это дало основание некоторым исследователям отнести Сунгирское поселение к самому позднему этапу развития стрелецкой культуры на территории северо-востока Русской равнины в эпоху Валдайского оледенения в конце ранней поры верхнего палеолита (Аникович, 1991). В лаборатории радиоуглеродного анализа ГИН была сделана серия из 18 дат по костям животных из культурного слоя Сунгирской стоянки раскопок 1957–1977 гг., удревнившая нижнюю хронологическую границу памятника до **29–28 тыс. л.н.** (Sulerzhitsky, 2000; Сулержицкий, Бадер Н.О., Петит, 2001).

Культурный слой Сунгиря залегает в сильно нарушенной солифлюкцией и мерзлотными деформациями второй сверху погребенной почве плейстоценового возраста, перекрытой трехметровой толщей делювиальных лессовидных суглинков — так называемых «владимирских лессов» ((Бадер О.Н., 1978. С. 28; Москвитин, 1967. С. 52). Находки распространены по всей толщине перемешанной солифлюкцией ископаемой почвы, не образуя стратиграфических горизонтов. На некоторых наиболее насыщенных участках находки начинали встречаться еще в нижней части суглинков, с уровня около 20 см над почвой (Бадер О.Н., 1978. С. 28–29, 32).

В ходе раскопок на Сунгире были сделаны интересные наблюдения о существовании на площади стоянки сухой небольшой ложбинки шириной 5–6 м и глубиной 20–25 см, своей ориентацией совпадающей со стрелкой мыса и протянувшейся через всю стоянку в сторону устья ручья Сунгирь (рис. 2). К северо-западу от ложбинки, на ее левом уступе располагалась основная масса культурных остатков, погребения и подавляющее большинство очажных ям (Бадер О.Н., 1978. С. 36).

Большую важность представляет вопрос о соотношении времени формирования культурного слоя и погребенной почвой на Сунгирском поселении. По полевым наблюдениям о залегании культурных остатков был сделан вывод о «вложенности» культурного слоя стоянки в почвенный слой. Предполагалось, что накопление культурных остатков было несравненно более коротким процессом, чем образование слоя почвы, о чем свидетельствовала слабая насыщенность раскопочных квадратов культурными остатками и костями (Бадер О.Н., 1978. С. 37).

В раскопе П-а 1986–1989 гг., впервые за все время раскопок, было установлено, что на этом участке сунгирская почва четко разделяется по цветности на два горизонта — верхний (светлый) и темный (нижний), которые были условно определены как верхняя и нижняя погребенная почва (рис. 6), каждая из которых была разрушена солифлюкцией (Бадер Н.О., Михайлова, 1998. С. 170, рис. 2). Проведенные независимо друг от друга исследования двух горизонтов сунгирской почвы привели к выводу о наличии в культурном слое стоянки двух погребенных почв, нижняя из которых (темная, сильно гумусированная) по данным палинологии существовала в зоне еловых лесов с примесью сосны и березы и значительными участками болот и разнотравных лугов, а верхняя (светлая) — в зоне сосновых лесов с примесью березы и ивы также с лугами и заболоченными пространствами (Лаврушин, Спиридонова, 1998. С. 216, 218). Очень важно, что по обломку кости бизона, извлеченной из темной почвы в 1987 г. в раскопе III, была получена радиоуглеродная дата **27700 ± 500 л.н.** (ГИН-5880) (Радиоуглеродная хронология ... 1997. С. 60; Лаврушин, Спиридонова, 1998. С. 217). Эта дата отнесена исследователями к завершающему этапу формирования литологического слоя темной почвы (Лаврушин, Спиридонова, 1998. С. 218). Археологические исследования 1986–1989 гг. впервые позволили соотносить с

каждым из почвенных горизонтов отдельный горизонт культурного слоя (рис. 10). Светлой почве соответствовал верхний горизонт с единичными находками, а темной почве — нижний, насыщенный культурными остатками и тяготеющий к верхней половине почвы (Бадер Н.О., Михайлова, 1998. С. 170, 177).

В 2000 г., из вновь вскрытой северо-западной стенки раскопа П-а (рис. 2), из разных стратиграфических горизонтов почвенно-культурного слоя, впервые за всю историю изучения Сунгирского поселения было отобрано 4 образца почвенного материала на радиоуглеродное датирование. По образцу из светлого (верхнего) горизонта почвы была получена дата **24800 ± 2100** (ГИН-10922), по образцу из верхней части темного (нижнего) горизонта почвы — **25800 ± 800** (ГИН-10921), по образцу из нижней части темного (нижнего) горизонта почвы — **25800 ± 800** (ГИН-10920), по образцу из линз черного гумуса в основании темной почвы — **26500 ± 1600** (ГИН-10919) (Sulerzhitsky, 2000). Радиоуглеродное датирование образцов из разных почвенных горизонтов, с нашей точки зрения, может свидетельствовать об относительной хронологической разнице между временем формирования «светлого» и «темного» горизонтов погребенной почвы, что, как мы отметили выше, также может подтверждаться данными палинологического анализа этих горизонтов.

Со стоянки Русаниха в настоящее время получено две радиуглеродные даты по зубам мамонта — **25500 ± 200 л.н.** (ГИН-3700) и **27180 ± 340 л.н.** (ИГАН-555). Эти датировки хорошо сопоставляются с датами по ¹⁴C из Сунгиря (Синицын, Праслов, Свеженцев, Сулержицкий, 1997. С. 60–61). Культурный слой Русанихи приурочен к уровню брянского почвообразования в литологическом слое 5 (рис. 7) и занимает большую по мощности его часть, нижние 10–15 см слоя не содержали находок (Михайлова, 1985. С. 108). Это дает возможность сравнить стратиграфию стоянки Русаниха со стратиграфией Сунгиря (Цейтлин, 1965). Разрезы культурного слоя на Русанихе, так же, как и в случае с жилищем 3 на Сунгире, показывают наличие хорошо сохранившегося единого слоя со слабо волнистыми границами, имеющего слабый уклон в южном направлении (Михайлова, 1985).

На Зарайской стоянке из слоя верхней погребенной почвы по образцам костного угля была получена серия из трех дат, которые дали относительный разброс от **16,7** до **15,6**

тыс. л.н.: 16700 ± 1200 (ГИН-3726) — по образцу костного угля из кострища в раскопе № 1; **16200 ± 1000** (ГИН-8489) — по образцу костного угля из углубленного очага № 1 в раскопе № 4 и **15600 ± 300** (ГИН-6035) — по образцу костного угля из кострища в раскопе № 3 (Синицын, Праслов, Свеженцев, Сулержицкий, 1997). По образцу почвенного гумуса, взятому Ю.Н. Грибченко из раскопа № 5 1996 г. на площади Зарайска В, имеющего наиболее близкую стратиграфию к раскопу № 2 1983 г. А.В. Трусова, была получена дата **17900 ± 200 л.н.** (ГИН-8865). Дата по гумусу является немного более ранней, чем серия дат по археологическим объектам. На наш взгляд, это может свидетельствовать о более раннем возрасте начального периода формирования зарайской почвы по сравнению с археологическими объектами, т.е. с приходом людей на стоянку. Кроме того, более молодой возраст культурных остатков из слоя почвы может объясняться перерывом в процессе накопления культурного слоя на Зарайской стоянке между его нижними уровнями, сопоставляемыми с различными литологическими слоями, датируемыми по ¹⁴C временем 23–18,3 тыс. л.н., и верхним уровнем в зарайской почве (17,9–15,6 тыс. л.н.).

С нашей точки зрения, интересные результаты получаются при сравнении зарайской серии дат с сериями лаборатории ГИН по Костенкам 1 (I) и Авдеево. 16 дат по костному углю и зубам мамонта из Костенок 1 (I) составили интервал **24,1–20,8 тыс. л.н.**; 15 дат из Авдеево — **23,4–19,5 тыс. л.н.** (Радиоуглеродная хронология ... 1997. С. 47–48, 53). Нетрудно заметить, что даты, связанные со слоем зарайской почвы, разделены с датировками из Костенок и Авдеево максимумом Валдайского оледенения, который датируется временем **20–18 тыс. л.н.** Наличие серии из более десятка дат от **23** до **18,3 тыс. л.н.** по костному углю и зубам мамонта лаборатории ГИН из литологических слоев с культурными находками ниже зарайской почвы дало Л.Д. Сулержицкому основание предположить, что Зарайское поселение было не только одним из самых длительно посещавшихся верхнепалеолитических поселений на Русской равнине, но и продолжало существовать, в отличие от Костенок и Авдеево, и после максимума Валдайского оледенения (Сулержицкий, 1997).

В задачи данной работы не вошел подробный анализ общей стратиграфии культурных отложений Зарайской стоянки, так как этим вопросам уделялось пристальное внимание

со стороны авторов раскопок (Трусов, 1994; Амирханов, 2000; Амирханов, Лев, 2004). Комплексные работы последних лет с участием специалистов-естественников позволили охарактеризовать верхнюю погребенную почву на Зарайской стоянке в качестве самостоятельной стратиграфической единицы и отнести ее формирование к времени после максимума Валдайского оледенения (Амирханов и др., 2009). Прослеживающийся в большинстве разрезов кремлевского мыса и на примыкающих к нему участках, гумусный горизонт этой почвы мощностью 5–15 см опесчанен, имеет темно-серую окраску, слабо деформирован сезонным мерзлотным растрескиванием и перекрыт плащом делювиальных суглинков поздневалдайского времени (рис. 8). Зарайская почва датируется разными авторами временем 17–15 тыс. л.н. и, возможно, коррелируется с другими горизонтами почвообразования на Русской равнине — *трубчевским горизонтом*, *весело-вознесенской* и *пушинской* почвами (Трусов, 1994; Амирханов и др., 2009).

Для стоянки Трегубово 2 по причине отсутствия в культурном слое датирующего материала — костей, угля или золы — радиоуглеродных датировок получено не было (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 54). Культурный слой памятника в виде горизонта залегания находок мощностью до 10 см приурочен к верхней части покровных валдайских суглинков и имеет падение вниз по склону (Трусов, 2004. Рис. 3). На культурный слой Трегубово 2 разрушающее воздействие оказали мерзлотные процессы, в результате чего отдельные кремневые изделия распались на мерзлотобойные куски и обломки. Эти факторы, как считает А.В. Трусов, помимо палеолитической технологии первичного расщепления, также могут указывать на верхнепалеолитический возраст памятника в пределах от **20 до 15 тыс. л.н.** (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 54–55).

Для стоянки Клушино 1 основными датирующими данными являются топографическое положение и условия залегания археологических материалов (Трусов, 2009). Археологические остатки памятника залегают на поверхности покровных валдайских суглинков. Исходя из палеолитической технологии первичного раскалывания, стоянка Клушино, как считает А.В. Трусов может датироваться временем не древнее 15 тыс. л.н. (Трусов, 2009).

Для Карачаровской стоянки по фаунистическим остаткам из раскопок графа А.С. Уварова имеются 4 радиоуглеродные даты: **15250 ± 400**

(ГИН-8567), **15850 ± 150** (ГИН-8018), **15900 ± 150** (ГИН-8411) и **15800 ± 150** (ГИН-8412) (Синицын, Праслов, Свеженцев, Сулержицкий, 1997. С. 60–61). Необходимо отметить, что разброс датировок со стоянки Карачарово — от **15,9 до 15,25 тыс. л.н.** можно сопоставить с разбросом дат по археологическому материалу из слоя погребенной почвы Зарайской стоянки — от **16,7 до 15,6 тыс. л.н.** Культурный слой Карачарово (рис. 9), также как и культурный слой в верхней погребенной почве Зарайска, приурочен к гумусному горизонту погребенной почвы, разбитой трещинами усыхания (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 67–68, рис. 12).

Стоянка Шатрище 1 имеет одну радиоуглеродную дату: **14360 ± 150** (ГИН-2913), которая хорошо сопоставляется с радиоуглеродными датировками памятников поздней поры верхнего палеолита бассейна р. Десны — Тимоновки 1, 2, Чулатово 1, Супонево и др., бытовавших в интервале от 15,6 до 13,8 тыс. л.н. (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 88–89). Культурный слой Шатрище 1 выделяется как горизонт находок и приурочен к контакту литологических слоев 5 и 6 (рис. 10), в пределах раскопа отмечена переотложенность культурного слоя, связанного с западиной, входящей в зону аллювиального размыва (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 79–83, рис. 21).

Для стоянки Шатрище 2 получена радиоуглеродная дата: **12270 ± 120** (ГИН-3753). На памятнике выделены 4 культурных слоя, связанные с литологическими слоями 2, 4, 6а и 6б (рис. 10). 1-й и 2-й слои памятника ввиду невыразительности и малочисленности находок не имеют надежной культурной привязки; 3-й и 4-й слои, залегающие в аллювиальных фациях, объединяются А.В. Трусовым в единую культурную общность и являются однокультурными стоянке Шатрище 1 (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 90–92, 96, рис. 26).

Стоянки Заозерье 1 и Колтово 7 не имеют радиоуглеродных датировок. Археологический материал с первого памятника происходит из пахотного слоя (Фролов, 1987). Кремневые изделия со стоянки Колтово 7 в виде 9 скоплений (мастерских по первичному расщеплению) залежали в верхах покровных валдайских суглинков на площади около 50 кв. м, отделенные прослойкой светлой супеси мощностью 5–15 см от культурного слоя древнерусского селища (Сидоров, 2002. С. 23–24). В.В. Сидоров полагает, что стоянка Колтово 7 занимает промежуточное положение между

Зарайской стоянкой и мезолитической рессетинской культурой (Сидоров, 2002. С. 24)

Со стоянки Вашана были получены 2 даты: по древесному углю — 9600 ± 450 (ЛЕ-6285) и по костям — 9680 ± 160 (ЛЕ-6644), которые являются омоложенными, так как не соответствуют геологическим условиям залегания культурных остатков (Анисюткин, Лисицын, 2007. С. 138). Верхнепалеолитический культурный слой памятника залегает на глубине 3,4 м, состоит из 2 горизонтов и приурочен к гумусному горизонту ископаемой почвы с находками древесных угольков, кремневых изделий и небольших фрагментов костей северного оленя, бизона и зайца (Анисюткин, 2002).

Анализ радиоуглеродных датировок и стратиграфические условия залегания культурных слоев верхнепалеолитических памятников бассейна р. Оки, позволяет на наш взгляд, сделать определенные выводы. Культурные слои памятников ранней поры изучаемого региона — Сунгиря и Русанихи — связаны с ископаемой брянской почвой, чему не противоречат даты по ^{14}C . Причем в случае с Сунгирской стоянкой отдельным уровням брянского почвообразования соответствуют выделенные археологические горизонты. Для стоянок поздней поры ситуация видится несколько сложнее. Верхний культурный слой Зарайска и культурный слой Карачаровской стоянки, относящихся к восточно-граветтской традиции и являющихся базовыми памятниками, связаны с ископаемыми почвами, образовавшимися после максимума Валдайского похолодания. Для зарайской почвы по гуминовым кислотам получена более древняя дата, чем по археологическим остаткам, что может свидетельствовать о более раннем начале формирования почвы в сравнении с отложением верхнего культурного слоя Зарайска. Как уже было сказано выше, разброс дат Карачаровской стоянки от **15,9 до 15,25 тыс. л.н.** можно сопоставить с разбросом дат по археологическому материалу из слоя погребенной почвы Зарайской стоянки — от **16,7 до 15,6 тыс. л.н.** Культурные слои стоянок-мастерских восточнограветтской традиции — Трегубово 2, Колтово 7 и Клушино 1 залегают в верхах покровных валдайских суглинков, которые в общей системе стратиграфии позднеплейстоценовых отложений бассейна р. Оки перекрывают зарайскую почву, т.е. занимают более высокую стратиграфическую позицию. Хотя дат по ^{14}C для Трегубово 2, Колтово 7 и Клушино 1 не получено, по кремневому инвентарю их мож-

но надежно датировать поздней порой верхнего палеолита. Базовая стоянка Шатрище 1 и интерпретируемая А.В. Трусовым как охотничий лагерь стоянка Шатрище 2, находящиеся аналогии со стоянками Деснинского бассейна, имеют более молодые даты — от **14 до 12 тыс. л.н.** Культурные слои этих памятников залегают в горизонтах аллювиального размыва и частично переотложены. Как нам кажется, подобные различия могут свидетельствовать о неодновременном развитии разных культурных традиций в бассейне р. Оки в различных палеогеографических условиях.

Одними из важнейших вопросов формирования культурного слоя палеолитических памятников являются проблемы длительности и этапности. Обращаясь к материалам стоянки Сунгирь, можно сопоставить условные горизонты снятия культурного слоя и археологические объекты в раскопках Сунгиря 1956–1977 гг. с почвенными и археологическими горизонтами, выявленными в работах 1986–89, 1993, 1995 и 2000–2005 гг. (рис. 2, 6).

Выше было отмечено, что в результате комплексных работ последних лет считавшийся единым почвенно-культурный слой Сунгиря был разделен на два отдельных литологических слоя (темная и светлая почвы), каждому из которых соответствовал свой горизонт культурных остатков (Бадер Н.О., Михайлова, 1998). В статье, посвященной реконструкции хозяйственно-жилой площадки на месте жилища 3 (раскоп III), я высказал предположение, что уровень концентрации предметов первичного раскалывания на площади жилища 3 мог соответствовать верхнему (светлому) горизонту почвы и относиться к завершающему этапу существования Сунгирского поселения. Это предположение также может подтверждаться единой структурой и стратиграфической одновременностью очажных ям и кострищ жилища 3 (Селезнёв, 2004).

Культурный слой Русанихи мощностью 60–70 см был приурочен к гумусному горизонту брянской почвы, занимая большую часть слоя почвы, за исключением ее основания (Михайлова, 1985). Раскопом было вскрыто скопление находок в виде овальной структуры размерами 5 × 6 м с углубленным очагом в центре, с восточной стороны от которого было отмечено несколько скоплений углисто-золистой массы (результат эвакуации из очага), а с западной — распространение пятен охры (Михайлова, 1985. С. 110, рис. 3). Основная часть костного материала (черепа, трубчатые кости

и бивни мамонтов) не выходила за пределы скопления находок, причем все черепа мамонтов относились к нижним горизонтам (Михайлова, 1985). В результате анализа распределения кремневых изделий и костей на полевых планах раскопок стоянки Русаниха А.В. Трусов сделал вывод, что в данном случае раскопками было вскрыто жилище округлой формы диаметром около 6 метров, с цоколем, сооруженным из костей мамонта (Трусов, 2005).

Культурные остатки, залегающие в слое зарайской почвы, были найдены во всех пяти раскопах на памятниках «Зарайск А, В, D» (рис. 4). В отличие от этого, находки в нижележащих культурных слоях фиксировались только в раскопах № 1 1982–1983 гг., № 3 1989 г. и № 4 1994–2007 гг., расположенных на площадке кремлевского мыса. Таким образом, приблизительная площадь памятников, относящихся к слою зарайской почвы, могла составлять несколько десятков тысяч квадратных метров. На сегодняшний день пятью раскопами вместе с разведочными шурфами исследовано около 370 кв. м этой площади (рис. 4). Исходя из этого, можно заметить, что до полного вскрытия раскопками Зарайской стоянки верхнего культурного слоя предлагаемое исследование будет носить предварительный характер, выводы которого впоследствии будут, без сомнения, скорректированы.

Основным каменным сырьем, использованным для изготовления орудий на Зарайской стоянке, был полосчатый кремнь каменноугольного возраста различных оттенков желтого, коричневого, красного и розового цветов. В настоящее время его ближайшие выходы расположены на правом берегу р. Осетр: в 2 км выше по течению по берегам речки Аглинка, правого притока р. Осетр, и в 4 км ниже по течению — в урочище «Красная Глинка». Выходы связаны с коренными известняковыми породами, составляющими основу восточных склонов «Карбонового плато», являющегося северной частью Среднерусской возвышенности, к которой географически относится Зарайская стоянка (Геология СССР, 1971).

Отличия в использовании кремневого сырья по культурным слоям на Зарайском поселении состоят в степени утилизации различных форм конкреций карбонового кремня. В слое зарайской почвы материалы первичного раскалывания в основном представлены плоской кремневой плиткой регулярной формы. Толщина плиток составляет 5–7 см, длина — 10–20 см. Стороны плиток с коркой имеют

ровные поверхности, одна из которых тонкая и гладкая на ощупь, а противоположная, более толстая, содержит множество остатков раковин и оболочек моллюсков (брахиопод), характерных палеонтологических ископаемых, относящихся к москворецкому ярусу карбоновых отложений. Форма зарайского карбонового плитчатого сырья сближает его с меловым плитчатым сырьем, которое использовалось на верхнепалеолитических памятниках бассейна р. Десны — Хотылево 2, Пушкири I, Тимоновка I, II и ряда других (Селезнёв, 1996). В отличие от нижележащих уровней, в верхнем уровне накопления культурного слоя на Зарайской стоянке карбоновый кремнь в виде крупных уплощенных желваков нерегулярной формы с гладкой коркой и толщиной до 15–20 см встречается реже. Приведенные факты, на наш взгляд, могут свидетельствовать о том, что на протяжении различных этапов жизни памятника использовалось кремневое сырье из доступных на тот момент источников. Причем временная незаселенность места стоянки между этапами ее бытования могла быть довольно длительной, когда из-за климатических и ландшафтных изменений ранее использовавшиеся источники кремневого сырья становились недоступными для новых поселенцев.

Транспортировка кремневого сырья на Зарайскую стоянку производилась в виде целых необработанных кусков плитки и желваков, известны примеры нахождения последних на площади памятника. Первичная обработка кремня велась на самой стоянке, о чем свидетельствуют полный набор продуктов первичного расщепления в коллекции памятника. Сюда относятся отходы первичной оббивки желваков каменными отбойниками: отщепы, их обломки, заготовки нуклеусов и сами нуклеусы на различных этапах их утилизации, различные технологические сколы, оставшиеся от формирования на нуклеусах площадок и поверхностей раскалывания, целые пластины-заготовки, а также их фрагменты и обломки (Селезнёв, 1996).

Ниже, в таблице, в виде примера, мы даем общую статистику расщепленного кремня из культурного слоя в зарайской почве (вместе со скоплениями расщепленного кремня).

При сравнении статистики расщепленного кремня из слоя зарайской почвы со статистикой кремневых изделий со стоянок Костенки 1 (I) и Авдеево (см.: Гвоздовер, 1998. С. 239, табл. 1) нельзя не заметить между ними сходства по процентному соотношению кате-

Статистика кремневых изделий из слоя верхней погребенной почвы (коллекции 1982–1997 гг.)

Название изделия	Количество изделий	% от общего числа кремня	% от общего числа орудий
Осколки и обломки отщепов	3373	27,1 %	–
Отщепы	4143	33,29%	–
Ребристые пластины	244	1,96 %	–
Нуклеусы и их обломки	100	0,8%	–
Сколы с площадки нуклеусов	61	0,49%	–
Целые ножевидные пластины без ретуши	675	5,42 %	–
Фрагменты пластин	1702	13,68%	–
Отщепы и обломки с ретушью	392	3,15 %	23,71 %
Пластины с ретушью	534	4,29%	32,31 %
Резцы	368	2,96 %	22,26 %
Резцовые сколы	238	1,91 %	–
Ножи костяного типа	264	2,12 %	15,97%
Сколы с ножей костяного типа	256	2,06 %	–
Скребки	46	0,37%	2,78%
Скребла	3	0,024%	0,18%
Острия разные	28	0,23 %	1,69%
Пластины с усеченным концом (тронке)	11	0,09%	0,67%
Наконечники с боковой выемкой	5	0,04%	0,3%
Листовидные острия	2	0,016%	0,12 %
ВСЕГО	12 445	100%	–
ОРУДИЯ	1653	13,28%	100%

горий массива первичной обработки (даже несмотря на доступность зарайского сырья!), а также по процентному соотношению определенных видов орудий – резцов, ножей костяного типа, острий, скребок и тронке. На наш взгляд, данную ситуацию можно объяснить тем, что, с одной стороны, в индустрии Зарайской стоянки последнего этапа сохраняется костяно-авдеевская технология расщепления кремня, позволявшая без большого числа отходов получить нужные заготовки, а с другой – базовым характером самой стоянки. В кремневой коллекции из слоя зарайской почвы в три раза меньше резцовых и краевых сколов, чем в Костенках I (I) и Авдеево и в среднем в два раза больше пластин и отщепов с ретушью. Эти данные наводят на мысль об изменении поведенческого стереотипа (см. выше) культуры в отношении к кремню, когда при обилии последнего уже не требовалось многократно поджиглять и перделывать орудия.

Необходимо отметить, что нивелировочные отметки залегания культурного слоя в

зарайской почве в раскопах № 1, № 3 и № 4 довольно близки друг к другу, в пределах раскопов их перепад составляет несколько сантиметров, между раскопами – 10–15 см. Это может свидетельствовать о наличии довольно ровной дневной поверхности древнего рельефа, на котором формировалась зарайская почва.

Как уже было сказано выше, раскопками стоянки Трегубово 2 было вскрыто около 100 кв. м площади (2 131 экз. кремневых изделий), на которой было обнаружено 5 скопления кремневого материала – мастерских по первичному раскалыванию сырья и производству пластин-заготовок (Трусов, 2004. С. 221, рис. 4). В полевых исследованиях стоянки Трегубово 2 была применена современная методика разборки культурного слоя и фиксации каждого кремневого изделия в трехмерном пространстве (Трусов, 2004). Это позволило определить четкую локализацию мастерских, сходства и различия их между собой, а попытки ремонта нуклеусов с пластинами дали возможность определить, что наиболее удачные

пластины были унесены из мест по их производству (Трусов, 2009. С. 55–57, 62).

В результате раскопок стоянки Колтово 7 с фиксацией точного места и нивелировочной отметки каждой находки, на площади стоянки было найдено 9 мастерских по первичной обработке сырья и производству пластин-заготовок площадью от 0,5 до 4 кв. м (Сидоров, 2002. С. 23–24).

Полевыми исследованиями стоянки Клушино 1 была вскрыта площадь 600 кв. м, с которой происходит 1 058 кремневых изделий (Трусов, 2009). Современными методами раскопок удалось зафиксировать 2 скопления кремневого материала – мастерских по первичному раскалыванию (Трусов, 2009). В мастерской 1 площадью 0,6 × 0,8 м было обнаружено 607 кремневых предмета, в мастерской 2, расположенной в 10 м от мастерской 1, было найдено 80 кремневых изделий. Ремонт изделий между мастерскими показал одновременность во времени их функционирования (Трусов, 2009).

В раскопках стоянки Карачарово в 1877 г. графом А.С. Уваровым за 4 дня раскопок на площади около 10 кв. м было найдено 525 кремневых изделий (Уваров, 1881. Т. 1. С. 115). Как пишет А.С. Уваров: «Они (кремневые орудия) окружали каждую кость» (Там же. С. 114–115). Исходя из насыщенности кремневыми предметами площади Карачаровской стоянки, в среднем около 50 экземпляров кремневых изделий на 1 кв. м, можно предположить, что стоянка Карачарово находилась поблизости от источников сырья, и что первичное расщепление кремня велось на стоянке. На сегодняшний день исследователю Карачарово А.В. Трусову удалось исследовать 189 кремневых предмета из разных музейных собраний, в качестве сырья, в основном выступал коричневый карбонный кремь различных оттенков из коренных источников сырья (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 71).

Исследованная А.В. Трусовым на площади 46 кв. м стоянка Шатрище 1 дала 159 кремневых изделий, происходящих из переотложенного культурного слоя (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 83). Слабая насыщенность культурного слоя кремневыми изделиями, сильно истощенные нуклеусы и высокий процент орудий (13,8%) позволяют сделать вывод, что источники сырья от стоянки Шатрище 1 были удалены, а сама стоянка являлась, в отличие от стоянок-мастерских Трегубово 2, Колтово 7 и Клушино 1, базовым поселени-

ем (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 83, рис. 23).

Раскопанная на площади 30 кв. м многослойная стоянка Шатрище 2, дала 176 кремневых изделия из слоя ба (5,7% орудий) и 144 – из слоя бб (6,3% орудий) (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 93–94). Найденные на стоянке кости животных в анатомическом порядке, преобладание в кремневом инвентаре предметов вооружения, а также резцов и скребков (и, соответственно, отсутствие мест по первичному расщеплению кремневого сырья. – А.С.), позволили А.В. Трусову сделать вывод, что Шатрищенская 2-я стоянка являлась охотничьим лагерем, где производилась разделка туш добытых животных (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 96).

Со стоянки Заозерье 1, исследованной на площади 42 кв. м, происходит 1 262 кремневых изделия (13% орудий), изготовленных, главным образом, из карбонового кремня сиреневых оттенков, коренные источники которого расположены в 1 км от стоянки (Фролов, 1985). Несмотря на разрушенность распашкой культурного слоя, и принимая во внимание приближенность источников сырья к стоянке, высокий процент (5,6%) категорий первичного расщепления – сколов подготовки нуклеусов к раскалыванию (нуклевидные изделия, сколы с площадки нуклеусов и ребристые пластины), большой объем отщепов (49%), можно сделать вывод, что на стоянке Заозерье 1 производилось первичное раскалывание и производство пластин-заготовок.

Из основного культурного слоя стоянки Вашана, раскопанного разведочным шурфом, происходит 323 кремневых изделия (около 8% орудий) из карбонового сырья (Анисюткин, Лисицын, 2007. С. 137). Такая большая насыщенность культурного слоя расщепленным кремнем, находка в шурфе около 1000 костей животных, наличие скопления древесного и костного угля, интерпретированное как очаг (Анисюткин, 2002), позволяет сделать предварительный вывод, что стоянка Вашана располагалась поблизости от источников сырья и являлась, вероятно, базовым поселением.

Попытка реконструкции организации жилого пространства и соотношения с определенными уровнями погребенной почвы участков жилищ 1, 2 и 3 Сунгирского поселения по стратиграфическим и планиграфическим данным распределения кремневых изделий и объектов по условным горизонтам снятия культурного слоя привела к определенным результа-

там. Они свидетельствуют, что условные горизонты полевой фиксации изделий комплекса первичной обработки камня могли соответствовать определенным уровням накопления культурного слоя и возможности выявления хозяйственной и временной специфики деятельности на участке жилищ 1, 2 и 3 Сунгирия (Селезнёв, 2008).

Сравнительный анализ общего числа изделий массива первичного расщепления по сортам использовавшегося кремня на участках 1, 2 и 3 жилищ показывает некоторую разницу в использовании различных сортов кремня (в пределах 1–4%). Можно отметить, что на площади жилищ 1 и 2 чаще других сортов раскалывались наиболее качественные и пластичные сорта кремня. На площади жилища 3 больше менее пластичных и более крупнозернистых сортов. С нашей точки зрения, эти расхождения могут говорить об использовании сунгирскими поселенцами для расщепления и изготовления орудий различных источников моренного кремня и о различных возможностях в добычании кремневого сырья и последующем его расщеплении на участках указанных раскопов (Селезнёв, 2008. С. 46–47). Можно высказать предположение, что на участке жилища 3 в процессе первичного расщепления могли в большей степени использоваться менее качественные сорта кремня после того, как в моренных выходах наиболее качественные его сорта стали иссякать.

На площади жилища 1 выделяются два участка с разной концентрацией предметов первичного раскалывания в разных горизонтах. На площади северо-западной половины жилища 1, расположенной к западу от могилы 2, максимум материалов массового расщепления камня приходится на 2-й горизонт, который можно сопоставить с верхней частью слоя «темной» почвы. Кострища и очажные ямы на этом участке также начинают фиксироваться на уровне 2-го горизонта. 2-й участок на площади жилища 1, расположенный к востоку от могилы 2, показывает несколько отличный от 1-го участка уровень концентрации изделий комплекса массового расщепления камня. На площади 2-го участка предметы массива первичного раскалывания имеют продолжают встречаться на более низкой стратиграфической позиции – на уровне 3-го горизонта. Подобные различия, с нашей точки зрения, могут свидетельствовать о возможности одновременного формирования анализируемых участков. На площади жилища 2 этот уровень

относится ко 2-му горизонту и может быть сопоставлен с верхней частью слоя «темной» почвы. Расщепление на площади жилища 2 проходило на участках, расположенных в непосредственной близости от очажных ям и кострищ. Важно отметить, что участок могилы 1 практически не перекрывался интенсивным культурным слоем, насыщенным отходами кремневого производства. Составляющие между собой генетическое единство каменные изделия массива первичной обработки на участке жилища 3 относятся к верхнему уровню концентрации культурных остатков (Селезнёв, 2008. С. 32, 51).

Можно высказать предположение, что выделенные нами уровни концентрации предметов первичного раскалывания на площади жилищ 1, 2 и 3 могут соответствовать определенным горизонтам накопления культурного слоя. Выше нами было отмечено, что в результате комплексных работ последних лет считавшийся единым почвенно-культурный слой Сунгирия был разделен на два отдельных литологических слоя (темная и светлая почвы), каждому из которых соответствовал свой горизонт культурных остатков. Более ранний уровень образования культурного слоя поселения, как нам кажется, представлен участком жилища 1 в юго-западном, верхнем по склону скоплении культурных остатков (Бадер О.Н., 1978), где в первичной обработке некремневых пород широко использовался сланец (Селезнёв, 2008. С. 53). Жилище 2 в юго-западном и жилище 3 в северо-восточном скоплениях культурных остатков (Бадер О.Н., 1978), по нашим данным, могут иметь схожее стратиграфическое положение и относиться к завершающему этапу существования Сунгирского поселения. Особенно это может касаться жилища 3, где в процессе раскалывания использовался менее качественный кремль, чем в жилище 2 (Селезнёв, 2008. С. 53).

Сравнивая жилища 1, 2, 3 Сунгирия с жилищем стоянки Русанихи, принадлежащей, как и Сунгирь, к стрелецкой археологической культуре, можно заметить, что жилища однокультурных памятников принадлежат к разным типам и, возможно, функционировали в разные сезоны. Жилище Русанихи более капитальное, при его строительстве был использован цоколь, состоящий из крупных костей мамонта (черепа, трубчатые кости и бивни), в центре находился углубленный очаг. Данные факты могут свидетельствовать о холодном периоде обитания на стоянке Русанихи. На Сун-

гире, напротив, период обитания был связан с теплым временем года. Жилище Русанихи находит определенное сходство с костенковским жилищем с очагом в центре (Костенки 1, V слой), отличаясь от последнего наличием костной конструкции. Важно отметить, что кремь, использовавшийся для раскалывания на стоянках Сунгирь и Русаниха, происходил из моренных источников и отличался более низким качеством по сравнению с кремнем из коренных источников — каменноугольных известняков. Концентрация кремневых предметов на стоянке Русаниха совпадает на плане с участком жилищной конструкции из костей мамонта. Высокий процент орудий на стоянке Русаниха — 16,7% (в 2 раза больше, чем на Сунгире) и меньший объем комплекса первичного расщепления камня, которое производилось внутри жилища, могут свидетельствовать об обитании на стоянке Русаниха в холодное (зимнее?) время года.

В результате анализа пространственного распределения культурных остатков в слое верхней погребенной почвы Зарайской стоянки выявились закономерности в распределении кремневых находок и хозяйственная специфика деятельности, связанной с обработкой кремня и применением кремневых орудий на поселении завершающего этапа жизни памятника (Селезнёв, 1997, 1999).

Если посмотреть на распределение общего числа материалов первичного расщепления кремня вне скоплений Зарайской стоянки последнего этапа (рис. 11), при более-менее равномерном их распределении в раскопе № 4, можно отметить тенденцию к увеличению их концентрации в раскопе № 1 к северу, а в раскопе № 3 — к югу. Причем к раскопу № 1 с большей концентрацией кремня в северной части, чем в южной части раскопа № 3, этот участок мог находиться ближе. Нам кажется, что подобная закономерность может свидетельствовать о возможном расположении между раскопами № 1, № 2 и № 4 еще неисследованного центрального участка верхнего уровня накопления культурного слоя в слое зарайской почвы, ориентированного с юго-востока на северо-запад.

В 1982–1983, 1989, 1994–1997 гг. четырежды отдельными раскопами были вскрыты различные по характеру участки культурного слоя в верхней погребенной почве Зарайска А и Зарайска В. В случае с южным участком раскопа № 1 и раскопом № 2 мы, вероятно, имеем дело с периферийной частью памятника, где про-

изводилось первичное раскалывание кремневых желваков и снятие пластин-заготовок с нуклеусов на открытом месте (раскоп № 2), а также, по-видимому, организовывались санитарные зоны по складированию отходов кремневого производства и использованных орудий (раскопы № 1 и № 2). Участки похожей функциональной направленности были вскрыты на стоянках Трегубово 2, Колтово 7, Клушино 1 и, вероятно, Карачарово — памятниках восточно-граветтийской традиции в поздней поре верхнего палеолита бассейна р. Оки. На указанных памятниках фиксировались места по первичному раскалыванию коренного карбонового кремня и изготовлению пластин-заготовок.

Раскоп № 3 затронул также периферийный участок памятника последнего этапа бытования стоянки, но, в отличие от раскопов № 1 и № 2, этот участок не был связан непосредственно с первичным раскалыванием кремневого сырья, о чем свидетельствует минимальная концентрация кремневых категорий, относящихся к этому виду хозяйственной деятельности.

Северные участки раскопов № 1 и № 4 вскрыли, по-видимому, центральный участок памятника в слое верхней погребенной почвы. Прежде всего, это относится к раскопу № 4 с равномерным и насыщенным распределением находок по всей толще слоя зарайской почвы, наличием углубленного очага, хозяйственных ям и отсутствием мест по первичному раскалыванию. Здесь на хозяйственно-жилой площадке располагались очаги открытого типа, хозяйственные ямы и происходила основная деятельность по расщеплению кремня, изготовлению и использованию кремневых орудий. На распространявшейся к юго-западу и северо-востоку периферии жилой площадки стоянки (раскопы № 2, № 3, южная часть раскопа № 1) находились места по первичному раскалыванию кремня, места отсыпки мусорных отходов и какие-то легкие хозяйственные сооружения наземного типа неизвестного назначения.

Из-за ограниченности и большой разнородности раскопанной площади поселения, относящегося к слою зарайской почвы, датирующейся временем после максимума Валдайского оледенения, все еще остается целый ряд нерешенных вопросов. В раскопках не найдены объекты, которые можно с большой долей вероятности отнести к жилым постройкам. Пока преждевременно говорить о детальной

планировке памятника последнего этапа бытования. Выше, на основе имеющихся данных, мы сделали предположение, что центральная часть Зарайской стоянки позднейшего времени могла быть ориентирована по линии северо-запад — юго-восток и совпадать с ориентацией более древнего памятника. Для подтверждения этого предположения предстоит вскрыть участок стоянки, расположенный между раскопам № 1, № 3 и № 4.

В целом, несмотря на малое число открытых памятников в бассейне р. Оки на протяжении последней четверти XIX — начала XXI века, этот регион был заселен в течение всего верхнего палеолита. К ранней поре относятся стоянки Сунгирь и Русаниха, к средней и поздней поре — стоянка Зарайск, к поздней поре — стоянки Карачарово, Трегубово 2, Колтово 7, Клушино 1, Шатрище 1, Шатрище 2, Заозерье 1 и Вашана¹. Культурные слои памятников ранней поры Сунгирия и Русанихи, относящихся к стрелецкой культуре, связаны с ископаемой брянской почвой, чему не противоречат даты по ¹⁴C. Для стоянки Сунгирь отдельным уровням брянского почвообразования соответствуют выделенные археологические горизонты. Распределение культурных остатков в культурном слое в верхней погребенной почве Зарайской стоянки (Зарайск А и Зарайск В), может, по-видимому, свидетельствовать об активной деятельности по расщеплению легкодоступного кремневого сырья и применению орудий на жилой площадке открытого типа с легкими наземными сооружениями, очагами и кострищами в теплое время года. Косвенно на это может указывать отсутствие крупных и глубоких ям-хранилищ и «ям-землянок», спущенных с уровня зарайской почвы. Зарайская стоянка последнего этапа показывает большую специализацию и разнесенность в пространстве поселения отдельных хозяйственных участков, чем стоянки нижележащих культурных уровней. Типы очагов, ям, скоплений кремня и хозяйственных построек в слое почвы отличаются не только от их аналогов в культурных отложениях Зарайского поселения финала брянского этапа и максимума оледенения (23–18 тыс. л.н.), но и от подобных объектов на стоянках Костенки 1 (1 слой) и Авдеево.

Культурный слой в верхней погребенной почве Зарайской стоянки и культурный слой Карачаровской стоянки — базовых стоянок, относящихся к восточно-граветтской тра-

диции, связаны с ископаемыми почвами, образовавшимися после максимума Валдайского похолодания. Для зарайской почвы получена более древняя дата, чем по археологическим остаткам, что может свидетельствовать о более раннем начале формирования почвы в сравнении с отложением верхнего культурного слоя Зарайска.

Культурные слои стоянок-мастерских восточнограветтской традиции — Трегубово 2, Колтово 7 и Клушино 1 залегают в верхах покровных валдайских суглинков, которые в общей системе стратиграфии позднплейстоценовых отложений бассейна р. Оки перекрывают зарайскую почву, т.е. занимают более высокую стратиграфическую позицию. Несмотря на отсутствие радиоуглеродных дат для Трегубово 2, Колтово 7 и Клушино 1, по кремневому инвентарю их можно надежно датировать поздней порой верхнего палеолита. Находящиеся аналогии со стоянками Деснинского бассейна, базовая стоянка Шатрище 1 и стоянка — охотничий лагерь Шатрище 2, имеют более молодые даты — от 14 до 12 тыс. л.н. Культурные слои этих памятников залегают в горизонтах аллювиального размыва и частично переотложены.

Как нам кажется, подобные различия могут свидетельствовать о неодновременном развитии разных культурных традиций в бассейне р. Оки в различных палеогеографических условиях. Так, при неизменном костенковско-авдеевском характере технологии и типологии кремневой индустрии из слоя зарайской почвы, меняется тип памятника в новых природно-климатических условиях после максимума Валдайского похолодания.

Важно отметить, что в Окском бассейне все без исключения памятники восточнограветтской традиции средней и начала поздней поры верхнего палеолита (23–15 тыс. л.н.) — Зарайск, Трегубово 2, Карачарово, Колтово 7 и Клушино 1 — имели сходную сырьевую парадигму — использование в расщеплении только коренного карбонового кремня. Несомненно, такая адаптационная модель была связана с конкретной технологией первичного расщепления, направленной на получение серий крупных длинных и широких пластин-заготовок так называемого «костенковского типа» при помощи техники мягкого отбойника.

На других памятниках региона — стоянках Шатрище 1, 2, Заозерье 1 и, вероятно, Вашана

¹ Верхнепалеолитический возраст Вашаны не подтверждается.

на, относящихся к поздней поре верхнего палеолита и находящихся культурные параллели с памятниками поздней поры бассейна р. Десны, применялась технология первичного расщепления, направленная на получение стандартных небольших призматических пластин с использованием техники радиального расщепления, возможно, при помощи посредника. По этой причине указанные памятники не были жестко привязаны к коренным источникам кремневого сырья. Это прежде всего касается стоянок Шатрище 1 и Шатрище 2, на

которых отмечается сырьевой голод и использование более разнообразного кремневого сырья, чем на окских восточнограветтских памятниках. Можно надеяться, что открытие новых верхнепалеолитических памятников и продолжение раскопок уже найденных поселений в бассейне р. Оки, позволит продолжить движение в направлении решения вопросов организации жилого пространства через распределение массовых материалов расщепления каменного сырья в культурных слоях окских позднепалеолитических стоянок.

Литература

- Амирханов Х.А., 2000. Зарайская стоянка. М. 246 с.
- Амирханов Х.А., 2002. Восточнограветтские технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб. С. 83–86.
- Амирханов Х.А., 2004. Восточнограветтские элементы в культурном субстрате волго-окского мезолита // Проблемы каменного века Русской равнины. М. С. 5–18.
- Амирханов Х.А., Лев С.Ю., 2004. Зарайская стоянка: проблемы стратиграфии и структуры поселения в свете раскопок последних лет // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж. С. 81–82.
- Амирханов Х.А., Ахметгалеева Н.Б., Бужилова А.П., Бурова Н.Д., Лев С.Ю., Мащенко Е.Н., 2009. Исследования палеолита в Зарайске, 1999–2005. М. 466 с.
- Аникович М.В., 1991. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.
- Анисюткин Н.К., 2002. Открытие палеолита в Тульской области // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб. С. 158–163.
- Анисюткин Н.К., Лисицын С.Н., 2007. Стоянка Вашана – памятник рубежа плейстоцена и голоцена в Тульской области // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М. С. 134–148.
- Бадер О.Н., 1978. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.
- Бадер О.Н., Михайлова Л.А., 1998. Культурный слой поселения Сунгирь по раскопкам 1987–1995 гг. // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М. С. 165–188.
- Борисковский П.И., 1937. Палеолитические и эпипалеолитические местонахождения бассейна р. Оки // Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA). М.; Л. Вып. 1. С. 302–317.
- Восточный граветт, 1998. М.
- Гвоздовец М.Д., 1998. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт. М. С. 234–278.
- Геология СССР, 1971. Т. 4. М.
- Городцов В.А., 1910. Археологические исследования в окрестностях Муром в 1910 // Древности: труды Московского Археологического Общества. М. Т. XXIV.
- Грехова Л.В., 1994. Место стоянок Окского бассейна в системе палеолита Русской равнины // Древности Оки. М. С. 7–19. (Труды / ГИМ; вып. 85).
- Ефименко П.П., 1958. Костенки 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 1998. Геолого-палеоэкологические события и обстановки позднего плейстоцена в районе палеолитического поселения Сунгирь // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М. С. 189–218.

- Михайлова Л.А., 1985. Русаниха — новый палеолитический памятник вблизи Сунгиря // СА. № 4.
- Москвитин А.И., 1967. Стратиграфия плейстоцена Европейской части СССР // Труды / АН СССР, Геологический институт. М. Вып. 156. С. 52–59.
- Позднепалеолитическое поселение Сунгирь ... 1998. — Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда) / под. ред. О.Н. Бадера и Ю.А. Лаврушина. М.
- Праслов Н.Д., Сеницын А.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д., 2002. Карачаровская палеолитическая стоянка: значение, история и перспективы исследования // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб. С. 160–166.
- Радиоуглеродная хронология ... 1997. — Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии / под. ред. А.А. Сеницына и Н.Д. Праслова. СПб.
- Селезнёв А.Б., Трусов А.В., 1995. Предварительные итоги полевых исследований Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Археологические вести / ИИМК РАН. СПб. № 4.
- Селезнёв А.Б., 1996. Технология первичного расщепления на стоянке Пушкари I (в сравнительном освещении): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 22 с.
- Селезнёв А.Б., 1997. К проблеме планиграфического анализа верхнего уровня культурных отложений Зарайской стоянки // Восточный гравитт: тезисы докладов международного коллоквиума. М. С. 54–57.
- Селезнёв А.Б., 1999. Верхний уровень накопления культурного слоя Зарайской стоянки (по материалам раскопок 1982–1997 гг.) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы: тезисы докладов международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костенках (15–19 ноября 1999 г.). СПб. С. 56–58.
- Селезнёв А.Б., 2004. Жилище 3 Сунгиря. Вопросы организации жилого пространства по стратиграфическим и планиграфическим данным // Проблемы каменного века Русской равнины. М. С. 199–217.
- Селезнёв А.Б., 2008. Стоянка Сунгирь. Вопросы организации жилого пространства. М. 79 с.
- Сидоров В.В., 2002. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Кашира. Вып. 1: Археология. С. 22–45.
- Сеницын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д., 1997. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. Археологические изыскания. СПб. Вып. 52. С. 21–66.
- Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В., 2009. На переломе эпох. М. 387 с.
- Сулержицкий Л.Д., 1997. — Сулержицкий Л.Д. Доклад на заседании Отдела каменного века ИА РАН от 13.02.1997.
- Сулержицкий Л.Д., Бадер Н.О., Петит П., 2001. Радиоуглеродный возраст поселения и обнаруженных погребений // Homo Sungirensis = Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М. С. 30–34.
- Трусов А.В., 1983. Раскопки верхнепалеолитической стоянки Шатрище // АО-1981. М. С. 96–111.
- Трусов А.В., 1985. Зарайская верхнепалеолитическая стоянка (предварительное сообщение) // СА. № 3. С. 110–118.
- Трусов А.В., 1988. Новая верхнепалеолитическая стоянка Шатрище 2 // Археология Рязанской земли: науч. чтения: тез. докл. Рязань.
- Трусов А.В., 1989. Верхнепалеолитическая стоянка Шатрище на Средней Оке // СА. № 3. С. 96–112.
- Трусов А.В., 1994. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки. М. С. 94–116. (Труды ГИМ; вып. 85).
- Трусов А.В., 2002. Культурный слой Зарайской палеолитической стоянки (морфология — стратиграфический аспект) // Костенки в контексте палеолита Евразии. Исследования. СПб. Вып. 1: Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы: материалы международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костенках, ИИМК РАН, XI. 1999. С. 151–159.
- Трусов А.В., 2004. Трегубово 2 — палеолитическая мастерская по первичной обработке кремневого сырья // Проблемы каменного века Русской равнины. М. С. 218–230.

Трусов А.В., 2005. О возможности выделения остатков жилого сооружения на стоянке Русаниха и о некоторых отличиях хозяйственного типа Русанихи и Сунгиря // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М. С. 7–17.

Трусов А.В., 2007. Позднепалеолитическая стоянка Шатрище 2 // Проблемы археологии каменного века: (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М. С. 233–244.

Трусов А.В., 2009. Клушино 1 – новый палеолитический памятник в Подмосковье // РА. № 4. С. 108–113.

Уваров А.С., 1881. Археология России. Каменный период. Т. 1. М.

Фролов А.С., 1984. Палинологическая датировка стоянки Ладыжено 3 и ее место в Окском мезолите // Человек и природная среда в древности и средновековье. М. С. 46–51.

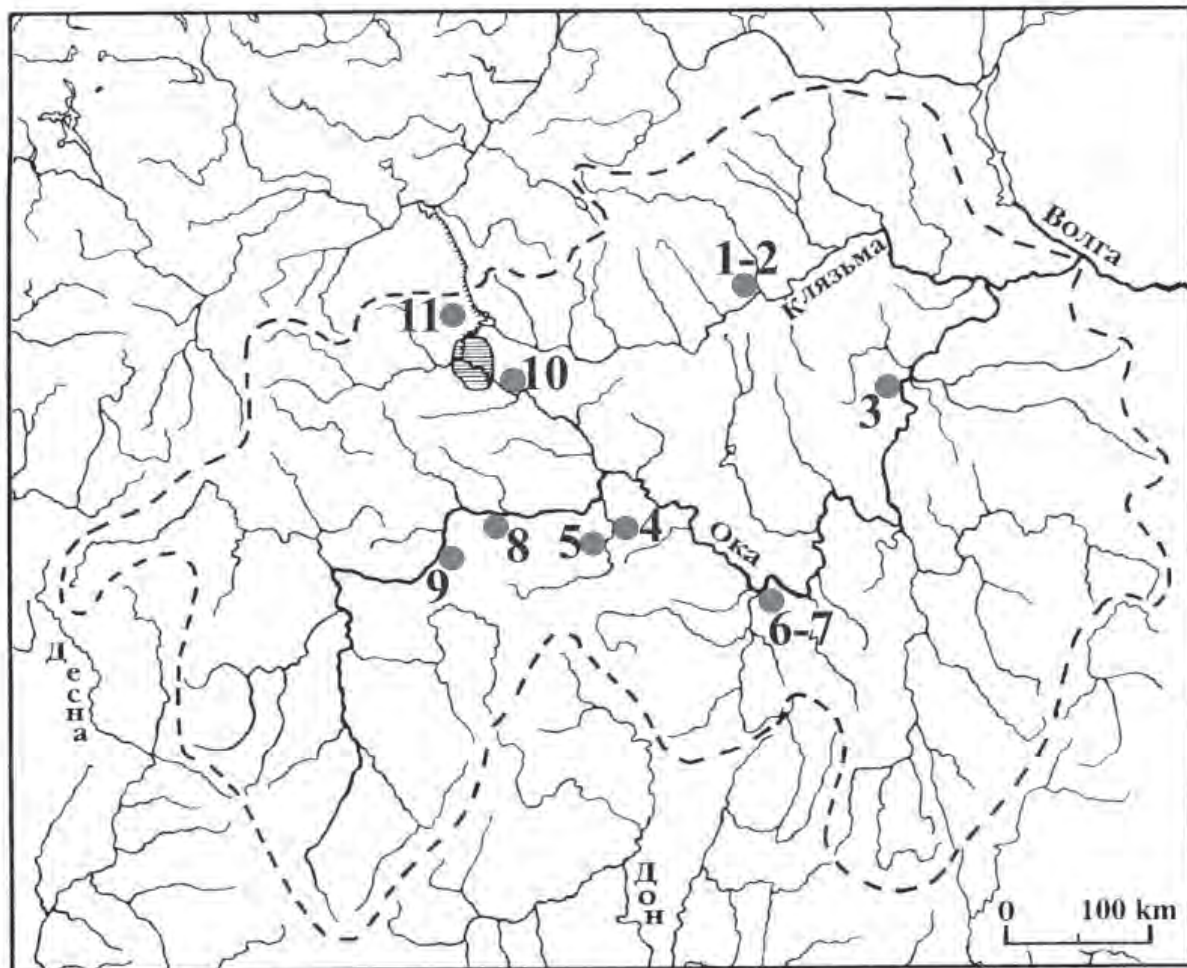
Фролов А.С., 1985. Исследования стоянки Заозерье на р. Москва // АО–1983. М.

Фролов А.С., 1987. Стоянка Заозерье 1 на Москве-реке // КСИА. М. Вып. 189. С. 75–83.

Цейтлин С.М., 1965. Геология района верхнепалеолитической стоянки Сунгирь во Владимирской области // Стратиграфия и периодизация Восточной и Центральной Европы. М.

Gvozdover M.D., 1995. Art of Mammoth Hunters: The Finds from Avdeevo. Oxford. (Oxbow Monograph; 49).

Sulerzhitsky L.D., 2000. Paleosoils and modern soils as stages of continuous soil formation: Abstracts and Field Excursion Guidebook of V International Symposium on Paleopedology, Suzdal, July 10–16, 2000. Moscow.

--- - бассейн р. Оки ● - памятники верхнего палеолита

Рис. 1. Памятники верхнего палеолита бассейна р. Оки:
1 – Сунгирь, 2 – Русаниха; 3 – Карачарово; 4 – Зарайск; 5 – Трегубово 2; 6 – Шатрище 1; 7 – Шатрище 2;
8 – Колтово 7; 9 – Вашана; 10 – Заозерье 1; 11 – Клушино 1

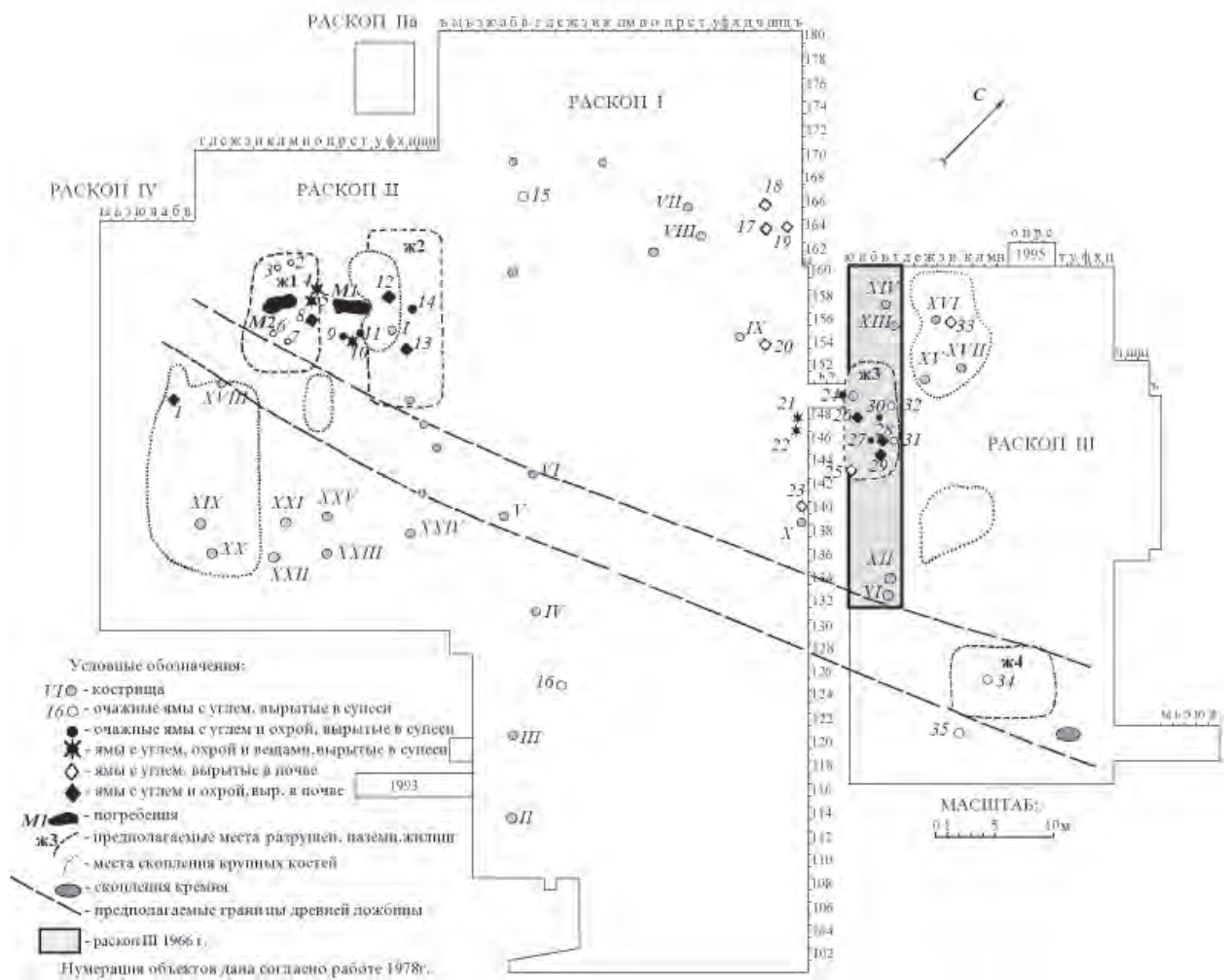
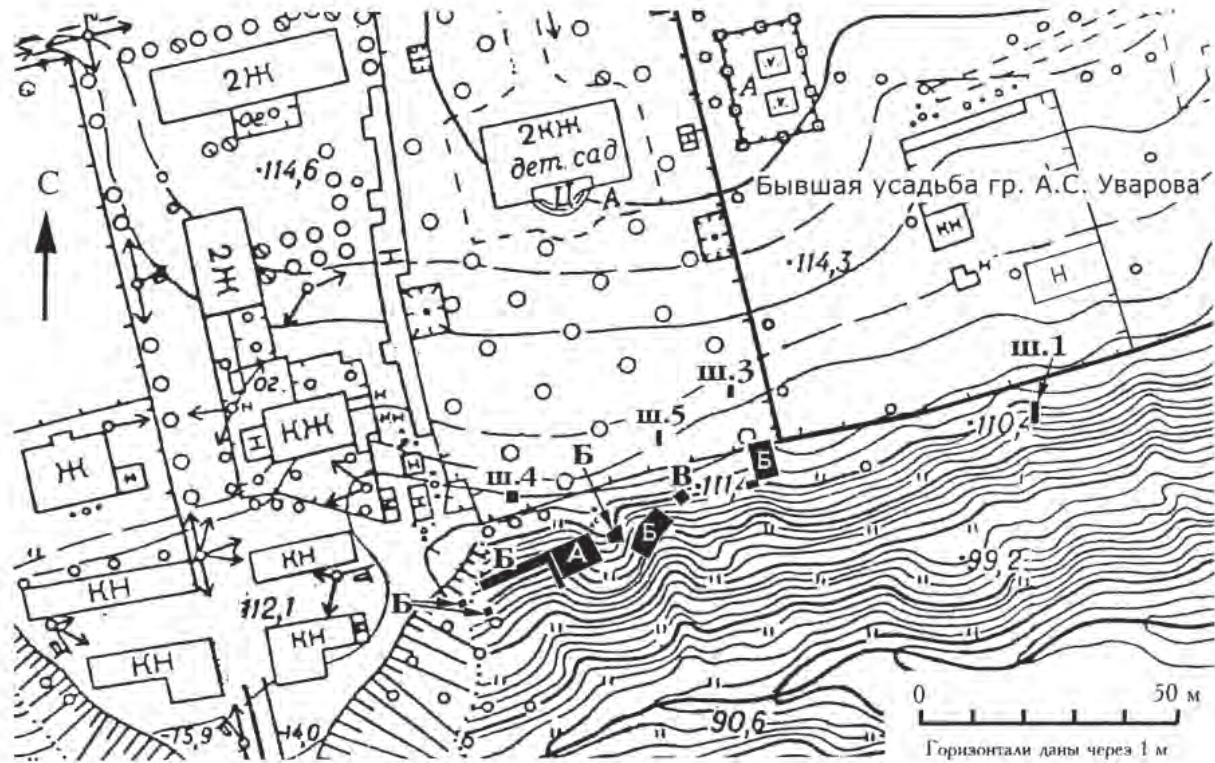

Рис. 2. Поселение Сунгирь. План вскрытой площади в раскопках 1956–1995 гг.

Карачаровская стоянка. Расположение шурфов и раскопов:
«А» — А.С. Уварова, «Б» — П.И. Борисковского,
«В» — О.Н. Бадера, 1, 3, 4, 5 — А.В. Трусова

Рис. 3. Ситуационный план расположения стоянки Карачарово.
(По: Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. Рис. 11)

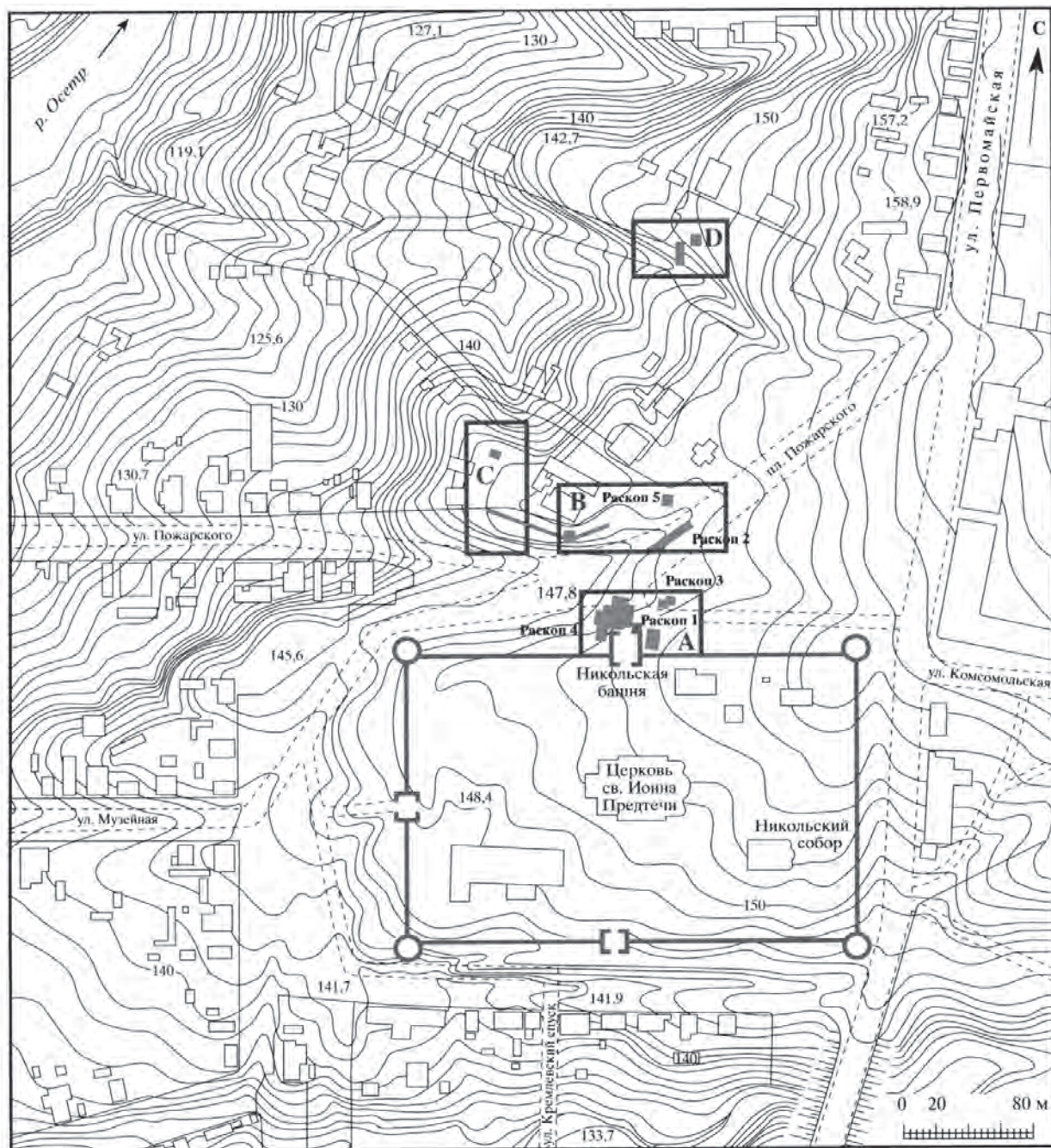

Рис. 4. Расположение памятников Зарайск А, В, С и D и раскопов на топографическом плане (по: Амирханов и др., 2009. Рис. 1)

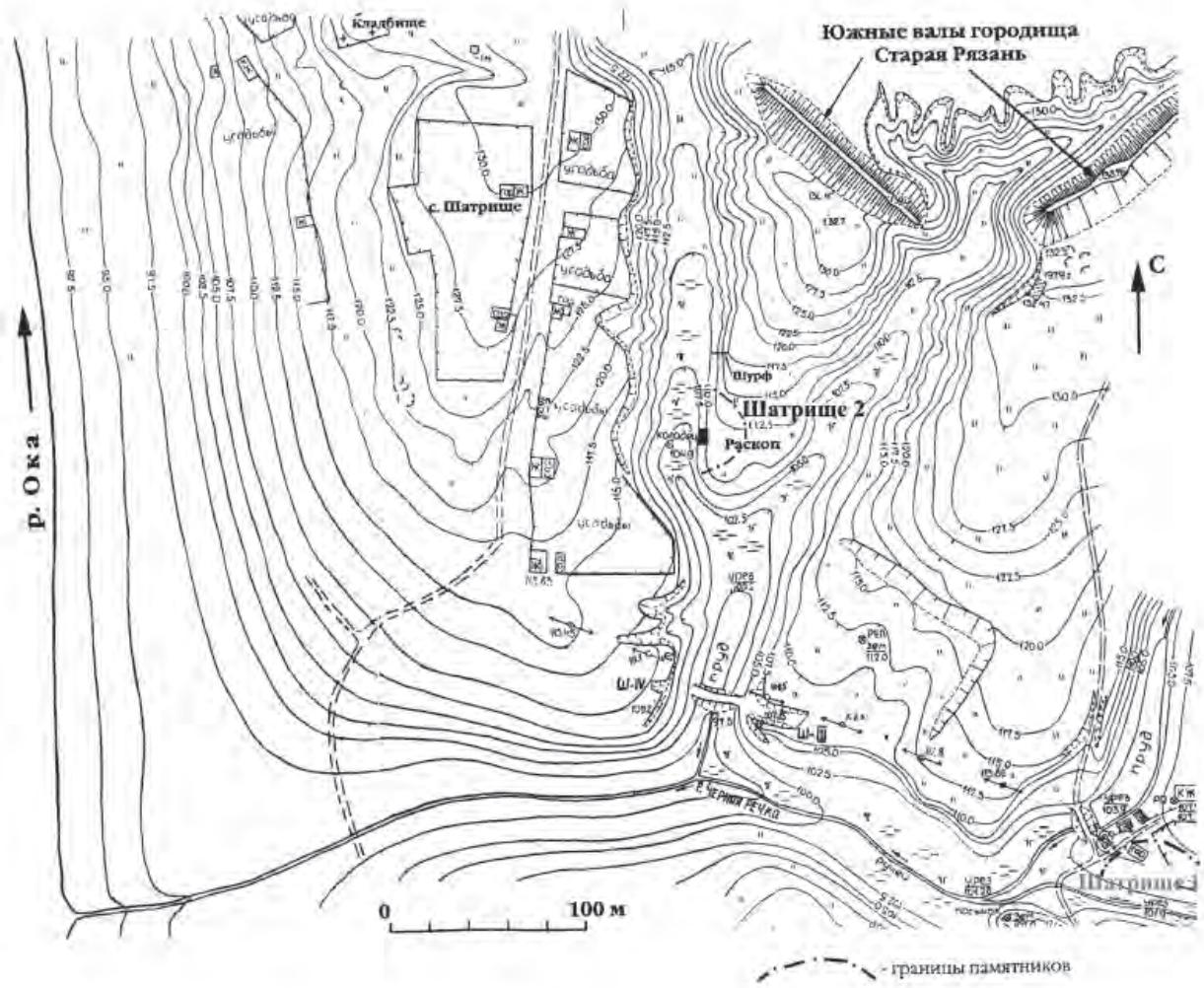

Рис. 5. Ситуационный план расположения стоянок Шатрище 1 и 2. (По: Сорокин, Ошибкина, Трусков, 2009. Рис. 18)

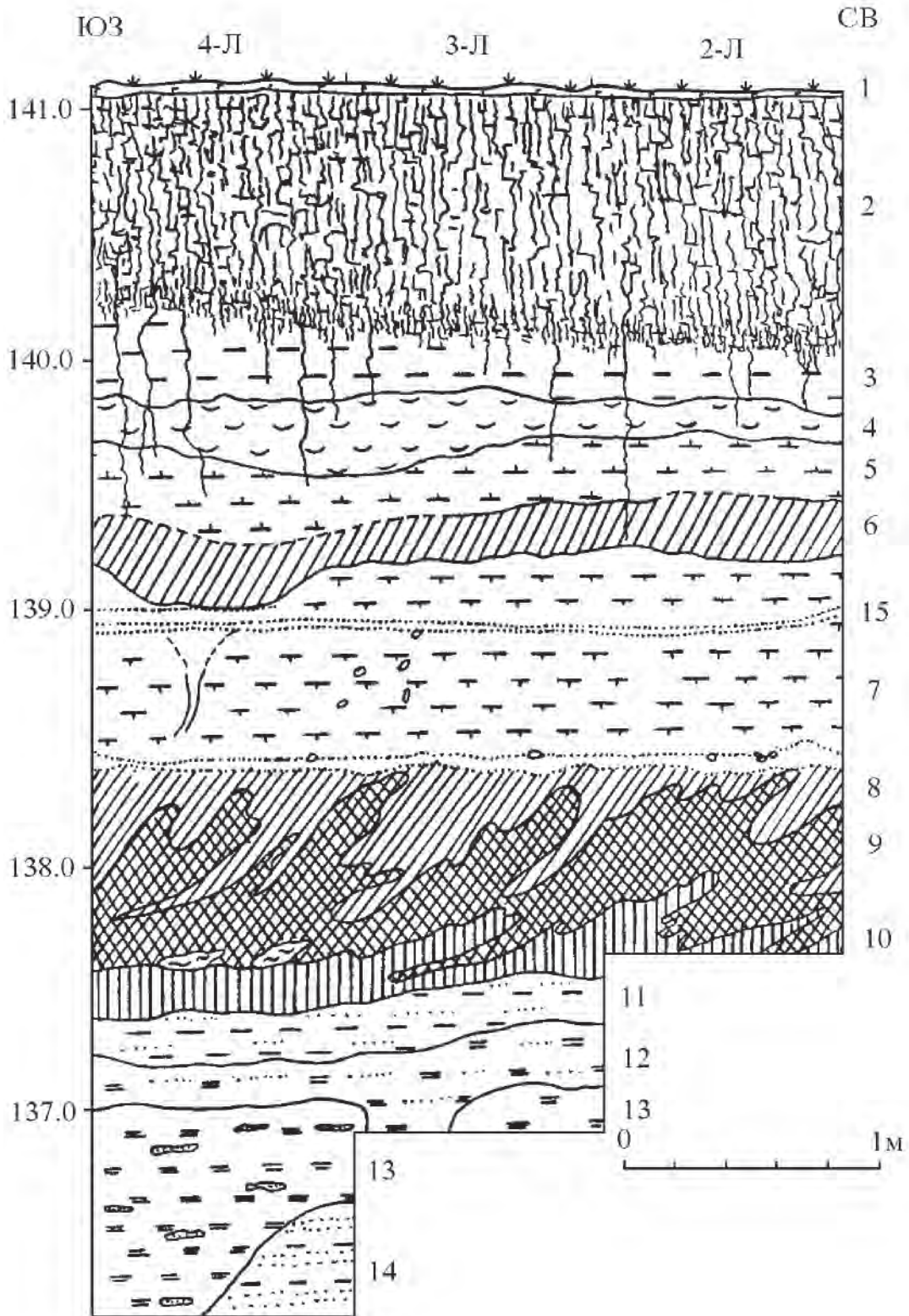
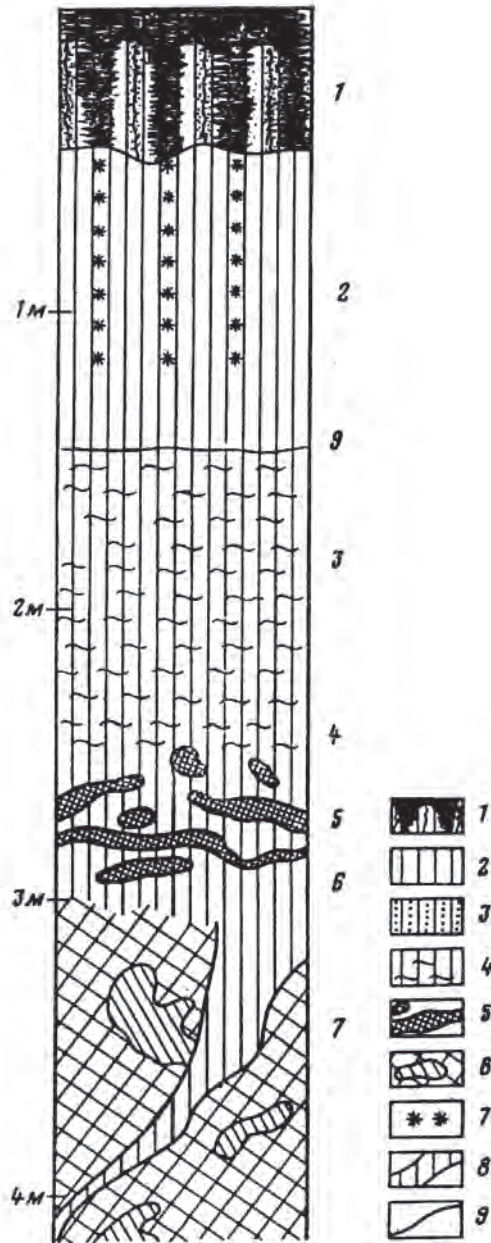

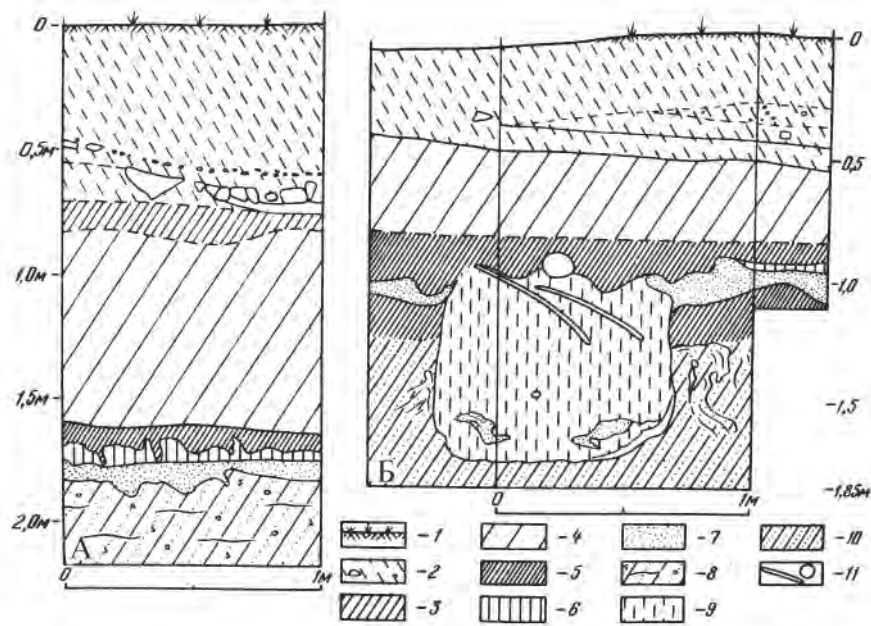
Рис. 6. Сунгирь. Профиль северо-западной стенки квадратов Л-2-4 Раскопа II-а. (По: Бадер Н.О., Михайлова, 1998)

Геологический разрез стоянки Русаниха

1 — современная почва; 2 — суглинок; 3 — суглинок песчанистый; 4 — суглинок плотный, пластичный; 5 — фрагменты солифлюкционно-деформированной почвы; 6 — погребённая почва с пятнами подзола (?) внутри; 7 — карбонатные присыпки; 8 — мерзлотный клин; 9 — следы размытой первой ископаемой почвы

Рис. 7. Русаниха. Геологический разрез стоянки. (По: Михайлова, 1985. С. 109, рис. 2)

А — по северной стенке раскопа 1 (уч. кв. Л4); Б — по западной стенке раскопа 2 через яму с костями (кв. В3, Г3, Д3); Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — городские культурные отложения; 3 — гумусный горизонт современной почвы; 4 — покровный суглинок; 5 — верхний и нижний уровни гумусированности; 6 — красноватая супесь; 7 — прослойка желтого переотложенного песка; 8 — флювиогляциальные отложения; 9 — заполнение ямы; 10 — слоистые криотурбированные песчано-суглинистые отложения; 11 — кости.

Рис. 8. Зарайск. Стратиграфия культурного слоя. (По: Трусов, 1994. С. 97, рис. 2)

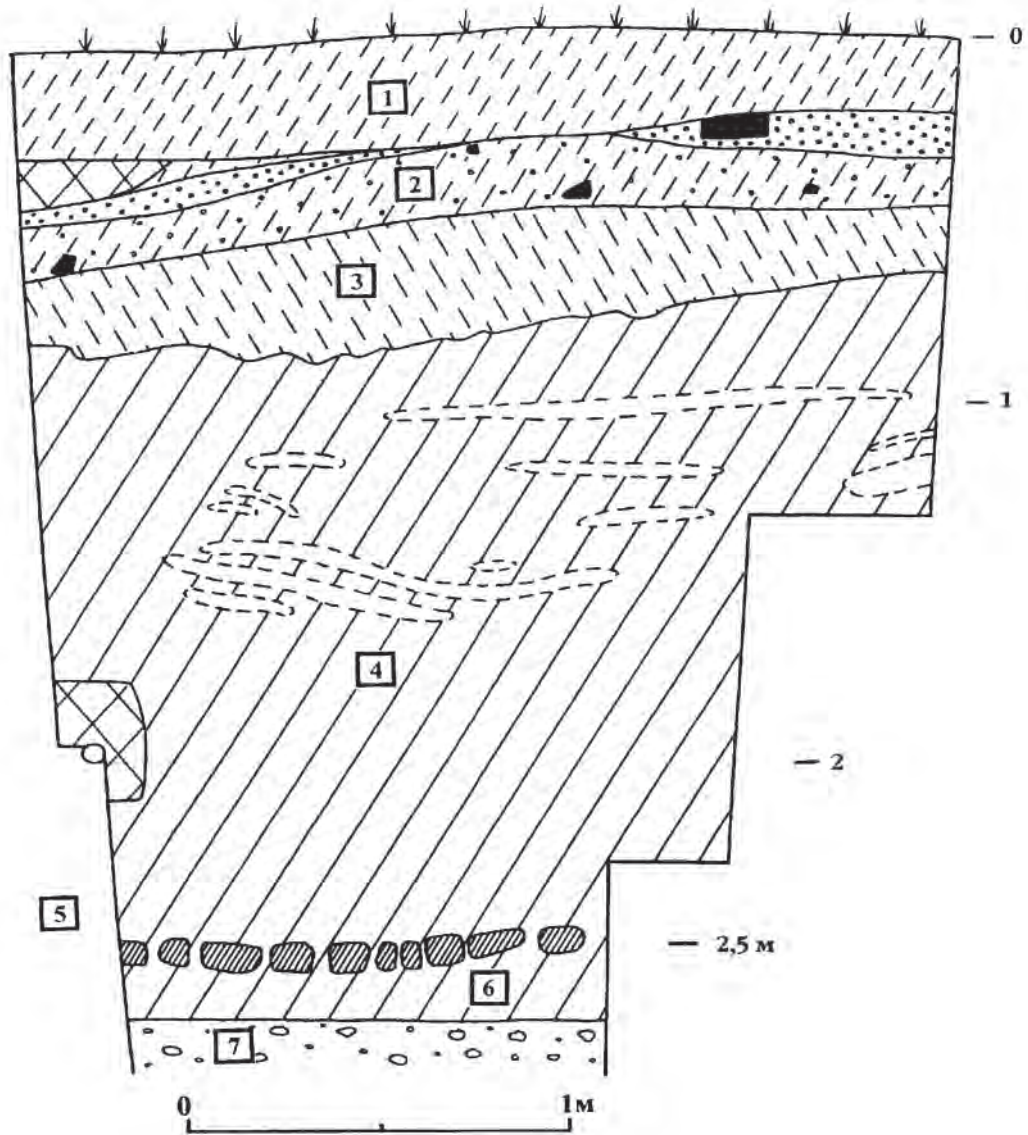

Рис. 9. Карачарово. Стратиграфия культурного слоя. (По: Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 68, рис. 12)

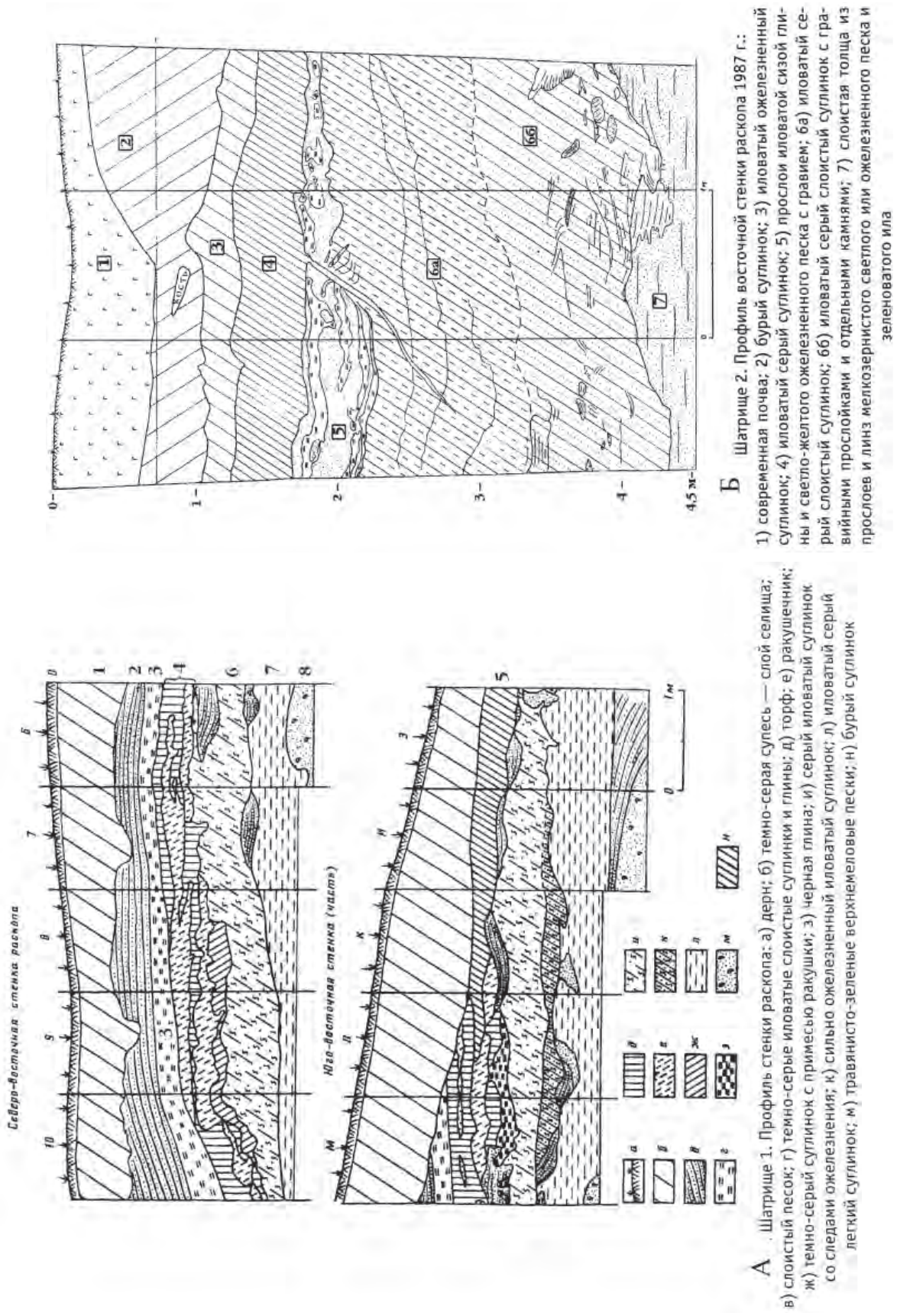

Рис. 10. Шатрище 1 (А), Шатрище 2 (Б). Стратиграфия культурных слоев Шатрищенских стоянок. (По: Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 79–81, рис. 21, 26)

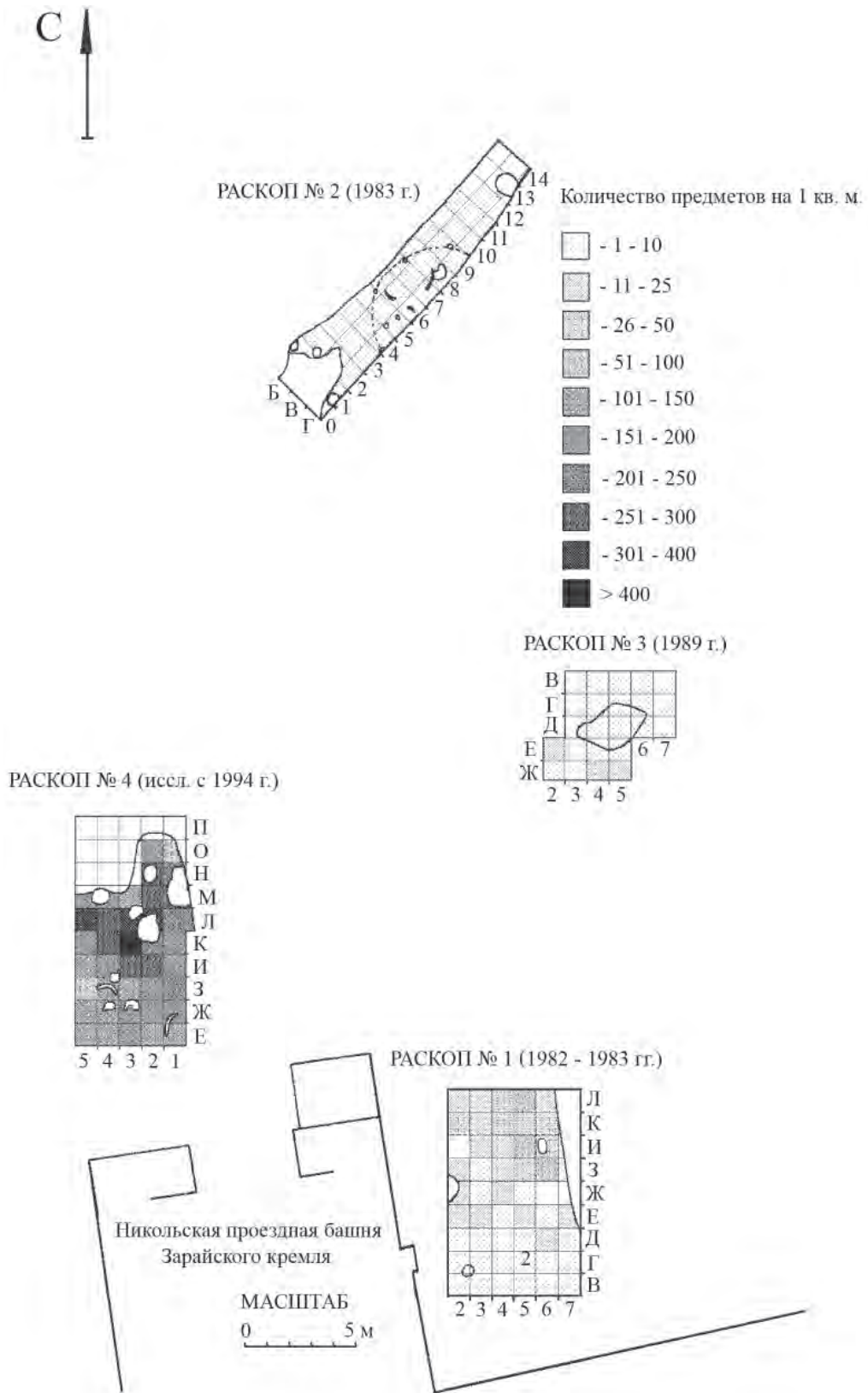

Рис. 11. Зарайск. Распределение общего числа категорий первичного раскалывания в слое верхней погребенной почвы

Сопоставление жилищ поселений среднеднепровского типа по костным остаткам

*В.Я. Сергин**

Вопрос о сходстве и различии жилищ данной группы возник еще в 70-е годы после больших раскопок Добраничевки и Межирича. Но состояние источников не способствовало выделению признаков, на основе которых могло осуществляться полноценное сравнение, и это положение мало изменилось к настоящему времени. Тем не менее, насущность задачи подталкивает делать посильные шаги к ее разрешению.

Первую и пока единственную попытку системного подхода к установлению соотношения жилищ сделала З.А. Абрамова (Абрамова, Григорьева, 1997. С. 55–62). Предпринятое ниже повторное обращение к несколько дополненному списку жилищ оправдывается пересмотром состава или характера уже использованных признаков (Абрамова, Григорьева, 1997. Табл. 1) и введением новых.

Деление жилищ на крупные, средние и мелкие вполне приемлемо, поскольку контраст между крайними размерами велик и имеются достаточно выраженные жилища средней величины. Но измерения делаются по внешним контурам (Абрамова, Григорьева, 1997. Рис. 16). Это не вызвало бы возражения, если бы ограждающие конструкции имели в плане одинаковую толщину, чего в действительности не наблюдается. Нами жилища сопоставляются по внутреннему диаметру, отражающему реальную жилую площадь. По внешним очертаниям развалов жилищ определяется З.А. Абрамовой и их форма, округлая или овальная. Отнесение к этим вариантам формы некоторых жилищ недостаточно точно. Так, у мезинского жилища форма ближе к отсеченной половине овала, у жилища 1 Юдинова, судя по отступающим от стен конструкциям, — ромбовидна, у жилища 3 того же поселения южная часть — подпрямоугольна. Очертания жилища 2 Межирича могут рассматриваться и

как подпрямоугольные с закругленными углами, а поврежденное жилище Костенок 2 могло быть и округлым, и овальным.

Ограждающие конструкции, дававшие внешние очертания, по всей вероятности, складывались не сразу. Большее значение опять же имеют внутренние очертания жилищ. Наряду с размерами они являлись результатом планирования, учитывавшего идеальные образцы, состав населения и условия конкретной ситуации. Однако имеющиеся данные не позволяют с необходимой точностью судить и о форме интерьера ряда жилищ (жилищ 1–3 Межирича, 3, 4 — Юдинова, Гонцовского жилища и др.). Очевидно, вводить в качестве признака как внешнюю форму жилища, так и форму интерьера пока преждевременно.

Углубленность как еще один признак указана у жилища 1 Добраничевки, жилища Костенок 11 и жилищ 1–3 Юдинова. Сведения о добраничевском жилище неполны и отчасти противоречивы, поэтому его пришлось исключить из списка рассматриваемых жилищ. У жилища Костенок 11 была легкая углубленность (Рогачев, 1962. С. 13). Жилища 1 и 2 Юдинова, раскопанные К.М. Поликарповичем, не считались им углубленными (Поликарпович, 1968. С. 140–166). Об их углубленности писал В.Д. Будько после повторного вскрытия жилища, но убедительных свидетельств он не привел (Сергин, 2008. С. 191–193), что отметили еще авторы отзыва об его отчете, А.Н. Рогачев и В.П. Левенок (Будько, 1964. Л. 20–25). В описании жилища 3 Юдинова не указаны ни границы интерьера, ни уровень пола и отношение к нему краевых частей развала жилища (Абрамова, 1995. С. 28–77), а на схематических профилях «отчетливо наземное» жилище 4 не кажется существенно отличным от «отчетливо углубленного» жилища 3 (Абрамова, Григорь-

* Учреждение Российской академии наук Институт археологии РАН, Москва.

ева, 1997. С. 57. Рис. 13, 14). Таким образом, из указанных жилищ не более трех были в разной степени углублены в землю, но сведения о них недостаточно определены. В отчетных материалах содержится также сообщение о небольшой углубленности жилищ 2 (Шовкопляс, 1967. Л. 9) и 3 Добраничевки, достигающей у третьего жилища 10–12 и до 16 см (Шовкопляс, 1969. Л. 11). Природа углубленности не выяснена, и в публикациях И.Г. Шовкопляс не отмечал понижения уровня пола этих жилищ. Использовать углубленность в качестве признака жилищ в данных обстоятельствах не представляется возможным.

Признак числа особей мамонта, относящихся к каждой постройке, имел бы значение, если бы в конструкции построек содержался весь комплект крупных костей, соответствующий определенному числу особей. Этого, как известно, нет, и кости разных наименований представлены в развалах в разной пропорции и количестве. Характерен пример жилища 1 Межирича. Число особей мамонта, относящееся к нему, дано по нижним челюстям (Абрамова, Григорьева, 1997. Табл. 1), а нижние челюсти составляют в нем около трети всех крупных костей (Пидопличко, 1976. Табл. 3).

Известные конструктивные детали, характерные для части жилищ: кладки из нижних челюстей и трубчатых костей и наличие костей с отверстиями — ценные признаки для исследования соотношения жилищ. Нами они используются в более детализированном виде. Важным признаком являются и встречаемые в развалах жилищ части позвоночного столба. Еще одна деталь, вошедшая в указанную таблицу З.А. Абрамовой, — «переплетение бивней в стене» жилища 3 Юдинова (Абрамова, 1995. Рис. 19, южный край) и жилища Костенок 2. В первом случае бивни четко связаны с участком ограждающей конструкции. Во втором большая их часть, по-видимому, относится к обкладке стены жилища, а в ограждение, как на других участках, входило не более трех бивней (Борисковский, 1963. Рис. 5). Поскольку указанный признак отражает разные явления, нами он не используется.

Четыре признака связаны в таблице со входами в жилища и очагами. Входы делятся на находящиеся с юга и с прочих сторон, а очаги — на имеющиеся внутри и снаружи. Однако ориентировка входов не имеет прямого отношения к жилищам как к постройкам. Она зависела от природных и, должно быть, социальных факторов (Сергин, 2007. С. 12, 13).

Косвенно соотносятся с постройками и очаги, в особенности внешние. В частности, положение очагов не влияло на форму построек. Данные признаки можно было бы использовать в более широком контексте, не ограниченном развалами жилищ.

Сбор детальной информации по рассматриваемым жилищам в опубликованных и архивных материалах представляет значительную сложность и нередко заходит в тупик. Это сказывается на разносторонности признаков и полноте отражения ими характера жилищ. При сопоставлении жилищ должно быть известно наличие или отсутствие определенного признака для каждого жилища. Данное условие соблюдено не в полной мере, иначе пришлось бы исключить из анализа ряд важных позиций или существенно сократить список используемых жилищ.

Выделенные признаки за малым исключением касаются костных остатков. Кости должны соотноситься с ограждением, обкладкой ограждения, обкладкой стен и кровлей. При чем обкладка ограждения может отсутствовать, а граница между завалившимися костями обкладки стен и кровли, как правило, нечеткая. Но хуже то, что распределение костей по элементам конструкции дано лишь для жилищ 1–3 Межирича и только в подсчетах (Пидопличко, 1976. Табл. 3). В публикациях, а чаще всего и в архивных материалах отсутствуют полные списки костей. Возможность проследить положение костей на планах и сравнить элементы конструкций разных жилищ по количеству и характеру распределения в них различных костей сильно ограничена. В связи с этим сопоставление ведется в рамках стабильной внешней основы, включающей ограждение и его обкладку и внутреннего завала костей стен и кровли.

Общие особенности планиграфии стабильной части жилищ проявляются в группировке костей в виде отдельных массивов, как в жилищах 1–4 Юдинова, и в относительно равномерном их размещении плотно или разреженно, большими скоплениями и поодиночке (табл. 1). Данные особенности имеют более существенное значение, чем состав костей стабильной части. Они отражают какие-то базовые подходы к строительству, тогда как состав костей изменчив в зависимости от наличного материала и отчасти от распределения его между жилищами. Более детальные признаки стабильной основы связаны с положением черепов, нижних челюстей и группировкой од-

народных костей. Включены наиболее часто встречающиеся позиции черепов. Перевернутые черепа, направленные бивневыми альвеолами к центру, первоначально занимали положение, сходное со вкопанными черепами. Некоторые из них, возможно, укреплялись в земле, но завалились, а другие удерживались благодаря тому, что были приставлены к стене жилища. Перевернутые черепа, обращенные бивневыми альвеолами от центра, также приставлялись к стене жилища, но они опирались на затылочную часть, как установлено в Мезине (Шовкопляс, 1965. С. 39–47). Иные позиции черепов встречаются относительно редко, более случайны или неясны. Взаимоположение нижних челюстей дает интересные варианты, но они ограничиваются отдельными жилищами.

Группировки однородных костей, наличие которых является характерной особенностью стабильной основы жилищ, могли выполнять разные функции. Связанные с ограждением плоские кости и бивни ставили для заполнения промежутков между черепами. Таким же образом часто использовались и трубчатые кости, приобретающие после разрушения жилища основную ориентировку перпендикулярно ограждению. Но наиболее широко их использовали в обкладке ограждения, нередко складывая в виде «поленниц».

На пространстве внутри ограждения выделены два обобщенных признака: малочисленность и большое количество костей, приходящихся на единицу площади. Граница достаточно четко пролегает по наличию до одной крупной кости на квадратный метр и выше одной кости. С некоторой условностью определено место жилища 4 Юдинова, параметры которого наименее ясны. Еще три признака разнородны. Это наличие скоплений ребер, которые могли входить в конструкцию перекрытия, использование арок из бивней и величина поперечника внутреннего пространства, насколько она могла быть установлена. Допустимая погрешность ее измерения не выходит за пределы, принятые для жилищ разного размера.

Ряд признаков касается модификации костей, помещавшихся в постройки (табл. 2). В той или иной мере модификация могла быть не связанной со строительным назначением кости, как, например, изъятие зубов из верхних челюстей. Но концентрация подобных костей в конструктивных остатках жилищ свидетельствует о том, что они по-

мещались там осознанно. Во многих случаях можно предположить, с какой целью была произведена обработка кости. Так, отделение частей позвоночного столба, вероятно, обуславливалось тем, что группа позвонков в целом соответствовала массивности цельных костей. Использование анатомически связанных позвонков могло вынуждаться нехваткой крупных костей. Ряд признаков касается плоских и трубчатых костей. В лопатках и тазовых костях пробивались отверстия, у лопаток сбивались гребни. В костях конечностей, как правило, в верхних частях бедренных костей, пробивались сквозные или глухие отверстия. Реже встречаются отверстия в концевой части костей. Искусственное происхождение значительной части концевых отверстий подкрепляется положением костей отверстием вверх и наличием еще одного приема подготовки костей для строительства — расчленением их по диафизу. Такие кости закрепляли в земле вскрытым диафизом вверх для помещения в нем жерди или другой кости.

По наличию общих признаков устанавливается числовое значение сходства или интенсивность связи каждых двух жилищ (табл. 3–5). При выявлении общего признака на счет жилищ начисляется по единице. Обычно признаки выражены не сильно, нередко едва фиксируются по имеющимся материалам. Но в ряде случаев они охватывают основную часть костей, которых касаются. Если такой признак сопоставляется с признаком, выраженным слабее, обоим жилищам баллы не начисляются. Максимальное значение признаков у двух жилищ дает им, как и в случае наиболее распространенных по выраженности признаков, по баллу. В дальнейшем этот подход будет несколько видоизменен, поскольку важно само наличие признака.

Интенсивность связей разных жилищ колеблется в широких пределах. Она зависит от количества исследуемых признаков, выявленных по материалам жилища, наличия или отсутствия признаков с удвоенным значением и широко распространенных признаков. К наиболее интенсивным относятся, например, связи жилища 2 Межирича и жилищ 3 и 1 Юдинова. По строительным приемам их числовое значение хотя и относится к наиболее высокому, но уступает значению некоторых связей других жилищ этих поселений (табл. 3). Преимущество обеспечивает им максимальная интенсивность их связей также и по модифицированным костям (табл. 4). Самые низкие

значения интенсивности связей по материалам данных таблиц наблюдаются у жилищ 2 и 3 Добраничевки, содержащих минимальное количество исследуемых признаков (табл. 3–5). Жилище 4, отличающееся от них значительно более широким использованием костей, обладает и более интенсивными связями. Следует заметить, что если сопоставляемые связи строятся при наличии невыясненных позиций и выражающие их числа различаются незначительно, они могут служить только определенным ориентиром, а не достаточной основой для каких-либо суждений.

Набор признаков у отдельных жилищ значительно меньше, чем у всей их совокупности. Можно проследить, как характеризуются в данном отношении поселения. По строительным приемам в Добраничевке отсутствует 7 позиций, по модифицированным костям 3, в целом 10. Юдиново не содержит только 4 позиции по строительным приемам. Отдельные жилища этого поселения лишены соответственно 7–10 и 2–3 позиций. В Межириче по строительным приемам отсутствует 3, а по модифицированным костям 1 позиция. У отдельных жилищ этого поселения отсутствует 6–9 позиций по строительным приемам и по 2–3 позиции по модифицированным костям. Очевидно, в материалах одного жилища с большой неполнотой доходит набор приемов, обнаруживаемый в остатках всего поселения, и единичное жилище не может служить адекватным образцом своего поселения.

В Юдинове и Межириче отсутствуют разные признаки. В Юдинове — регулярная стабильная основа, перевернутое положение черепов с бивневыми альвеолами к центру, в Межириче — стабильная основа из массивов костей, малочисленность крупных костей и скоплений ребер в центральной части, тазовые кости с отверстиями. Лишь отчасти совпадают у них связи со сдвоенным значением. Тем не менее, в материалах каждого из этих поселений охвачен почти весь используемый набор признаков, у них недостает по 4 позиции, но два признака, касающиеся ограждающих конструкций и внутреннего пространства, основаны на принципе взаимоисключения и поэтому не могут приниматься в расчет. Сходство набора признаков свидетельствует о том, что данные поселения, далеко отстоящие друг от друга и различающиеся обликом кремневого инвентаря и предметов искусства, все же обладают значительной культурной близостью.

На 17 исследуемых жилищ приходится 136 связей. Их интенсивность в числовом выражении колеблется от 2 (связи жилища 2 Добраничевки с жилищами Костенок 2 и 11) до 15. Среднее значение связи, равное около 8, может дать представление об уровне разнообразных связей жилищ.

Большой интерес представляет вопрос, насколько близки друг к другу жилища одного поселения. В Юдинове, судя по интенсивности связи, достигающей предельного значения, наиболее близки жилища 3 и 4, планы которых выделяются и внешним сходством. Их связь выражена числом 15. Затем идут связи жилища 1 с жилищами 2–4 (с числом 12). Наименее слабо связаны жилища 2 и 5 (число 8). В Межириче между жилищами 1 и 4 повторяется самый высокий показатель связи, только что отмеченный в Юдинове. Связь жилищ 1 и 2, 2 и 4 выражается числом 13, а наиболее слабая связь у жилищ 3 и 4 — числом 9.

Как видим, интенсивность связей между жилищами на данных поселениях в большинстве случаев значительно выше, чем у средней связи всей группы жилищ. О том же можно судить и по числовой величине средней внутренней связи на поселении. В Юдинове сумма числовых значений внутренних связей равна 110. На каждую из 10 связей приходится число 11. Среднее значение внутренней связи дает возможность яснее оценить, насколько близки каждые два жилища на поселении. В Межириче суммарное значение связей меньше — 72. Но и жилищ меньше, и на каждую из 6 связей приходится число 12. Оба показателя значительно выше среднего значения связи всех исследуемых жилищ. Разница средних показателей в Юдинове и Межириче, по-видимому, свидетельствует о том, что конструктивные связи жилищ Межиричского поселения более тесные, чем Юдиновского. Три внутренние связи неполного Добраничевского поселения выражены числом 16 — по 5,3 на одну связь. Столь слабая интенсивность внутренних связей является следствием упрощенности костных конструкций жилищ 2 и 3 и использования в них ограниченного набора приемов.

Подобным же образом можно оценить и относительную интенсивность внешних связей поселений. В Юдинове значение связей составляет в сумме 691 — по 138 на жилище. В Межириче эти числа равны соответственно 602 и 150, в Добраничевке 304 и 101. Таким образом, интенсивность внешних связей в Межириче выше, чем в Юдинове, при том,

что поселения равны по количеству выявленных признаков. Это могло произойти за счет большей доли шире распространенных признаков в материалах Межирича. Внутренние и внешние показатели Юдинова и Межирича находятся в определенной пропорции. У Добраничевки внутренние показатели вдвое меньше, чем у этих поселений, а внешний — всего в полтора. Видимо, в последнем случае, как и в Межириче, сказывается относительно высокая доля широко распространенных признаков в добраничевском наборе.

Для определения места жилищ в системе связей целесообразно соотнести единичные жилища ряда поселений с жилищами Юдинова и Межирича, представлявшими в своей совокупности самостоятельные культурные явления (табл. 6). От Добраничевского поселения, не содержащего достаточной полноты информации, используем только жилище 4, для которого характерно широкое применение костей мамонта. Во избежание искажений, обусловленных разным количеством жилищ в Юдинове и Межириче, будем сравнивать не числовые значения связей единичных жилищ с поселением, а части числовых значений, приходящиеся на одно жилище поселения. Как видим, все жилища в большей мере тяготеют к Межиричу, в особенности добраничевское и мезинское с показателями 11,2 и 11, вплотную приближающимися к значению средней внутренней связи Межирича (12). Гонцы и Костенки 11 находятся несколько дальше (показатели 10,5). Но сведения о части конструкций гонцовского жилища слишком скудны, а Костенки 11 содержат много неопределенных деталей.

Отношения единичных жилищ с Юдиново и Межиричем выявляются и по разнице тех же показателей. У жилища 4 Добраничевки, мезинского и гонцовского жилищ она составляет 3,2; 2,6 и 2,3. У Костенок 2 и 11 разница меньше и почти одинаковая — 1,8 и 1,7, у супоневского жилища — 1,2. Первые три жилища сооружались в традициях строительства, наиболее близких к Межиричу. Но и у костенковских жилищ разница все же довольно высока. Сходство их с Межиричем по существенным признакам (строение ограждающих конструкций) и специфическим деталям («сосенки» в Костенках 11 и большое количество нижних челюстей в Костенках 2, возможно, также отчасти составлявших «сосенки») предполагает, что в действительности оно могло быть еще более значительным.

Хотя среднее значение одной связи в Юдинове и Межириче намного выше, чем в группе рассматриваемых жилищ в целом, интенсивность некоторых связей единичных жилищ других поселений с отдельными жилищами Юдинова и Межирича имеет ту же величину, что и у внутренних связей этих поселений (табл. 5). Так соотносится жилище 4 Межирича и жилище Костенок 11 с жилищем 1 Юдинова, жилище 2 Межирича с жилищем 4 Юдинова, а показатели связи жилища 2 Межирича с жилищами 1 и 3 Юдинова выше среднего значения внутренней связи Юдинова. Они равны 12 и 13. Первый показатель также равен, а второй превышает значение средней интенсивности связи в Межириче. Аналогично соотношение мезинского жилища с жилищами 1 и 4 и жилища 4 Добраничевки с жилищами 1 и 2 Межирича. На уровне среднего значения внутренней связи Межирича с его жилищами 2 и 3 соотносится гонцовское жилище.

Высокое числовое значение связей некоторых жилищ с отдельными жилищами рассматриваемых поселений означает степень близости их по ряду признаков костных конструкций. Можно полагать, что эти жилища столь же или даже более сходны с частью жилищ поселений, чем те с другими жилищами своего поселения. Но такое суждение нельзя принять без оговорок. Количество использованных признаков ограничено, что не позволяет достичь надежной точности. Линии связей жилищ во многом совпадают, но набор признаков близости с Юдиново не совсем тот, что с Межиричем. Выше это отмечено в отношении жилища Костенок 11, близкого и по числовому значению связей, и по имеющимся признакам с жилищами 1, 2, 4 Межирича. В такой же мере оно сходно лишь с жилищем 1 Юдинова благодаря некоторым признакам, отличающим это жилище прежде всего от жилищ 3 и 4 того же поселения.

Еще более значительная числовая связь четвертого добраничевского жилища с теми же жилищами Межирича имеет сходную основу в наборе признаков. В частности, только в конструкции этого жилища, как в жилище 1 Межирича и мезинском жилище, имелась арка из бивней. Наиболее интенсивная связь жилища Костенок 2 соединяет его с жилищем 2 Межирича. Также максимальные значения имеют связи Гонцов с жилищами 2 и 3 Межирича. В отношении жилища 4 Добраничевки и гонцовского жилища можно предполагать сходство с межиричскими жи-

лищами в пределах свойственных им вариаций.

В заключение отметим, что числовое выражение связей костных остатков жилищ по совпадающим признакам позволяет в некоторой мере судить об интенсивности связей, а на этом основании — и о конструктивной близости жилищ. Правомерность суждений зависит от разработанности системы признаков. По использованному набору признаков устанавливается, что интенсивность связей жилищ Межиричского поселения со всеми остальными (внешние связи) в целом выше, чем Юдиновского. Большей интенсивностью обладали и связи между жилищами Межиричского поселения по сравнению с жилищами Юдинова (внутренние связи). Но среднее числовое значение внутренних связей каждого из этих поселений значительно превышает среднее значение связей, объединяющих всю совокупность жилищ.

Географически рассматриваемая группа памятников делится на три группы: южную, восточную и северную. Южная группа включает жилища Межирича, Добраничевского поселения (у которого анализируется в основном жилище 4) и гонцовское жилище. Эти жилища обладали наибольшим сходством по костным конструкциям. Восточная группа — жилища поселений Костенки 2 и 11. Несмотря на то, что у этих жилищ, особенно у жилища Костенок 2, присутствие ряда использованных признаков осталось под вопросом (табл. 1; 2), интенсивность их связей высокая (табл. 5). Северная группа состоит из жилищ Юдинова, Мезина и Супонева. Жилище Мезина и в меньшей мере Супонева тяготеют к южной группе, причем показатель интенсивности связи между ними ниже среднего показателя по всей рассмотренной группе жилищ (5). В обкладке ограждения супоневского жилища среди большого количества нижних челюстей две челюсти образовывали такую довольно специфическую деталь, как «сосенка» (Сергин, 2003. С. 11, рис. 9). «Сосенки», как упоминалось, представлены кроме того лишь в Межириче и Костенках 11. Восточная группа определенно сближена с южной (табл. 3–6), имея вместе с тем связи высокой интенсивности с жилищами 1 и 3 Юдиновского поселения. Но и поселения южной группы, как отмечалось, отго-

рожены от Юдиновского поселения только по нескольким, хотя и существенным позициям. Как и Костенки 2 и 11, они имеют интенсивные связи с жилищами 1 и 3. Супоневское жилище, сведения о котором очень неполны, обнаруживает наиболее интенсивные связи с Межиричем и Гонцами. В целом северная группа отличается от южной и восточной гетерогенностью своего состава.

Учитывая меру сходства и различия трех групп жилищ по применению костей мамонта, их можно отнести к межиричскому и юдиновскому подтипам. Для первого наиболее характерно регулярное плотное или разреженное размещение костей в ограждающей конструкции, массовое использование в ней вкопанных черепов с изъятymi зубами, наличие на внутреннем пространстве большого количества различных крупных костей. Некоторые жилища межиричского подтипа содержат, кроме того, арки из бивней и «сосенки» из нижних челюстей. Мезинское жилище и жилища восточной группы входят в межиричский подтип как его варианты. Юдиновский подтип отличается сложением ограждающих конструкций в виде отдельных массивов, малочисленность крупных костей на внутренней площади при наличии там значительного количества ребер, присутствие искусственных отверстий в большинстве лопаток и части тазовых костей.

Костные остатки жилищ содержат по преимуществу косвенную информацию о форме жилищ, их остове и покрытии и не являются непосредственным отражением характера жилищ. Так, исключительно обедненный состав костных деталей у жилищ 2 и 3 Добраничевки мог бы интерпретироваться как свидетельство того, что эти постройки, в отличие от жилищ 1 и 4, были легкими. Но хозяйственное окружение жилищ 2 и 3 содержит не меньший объем остатков продолжительной жизнедеятельности, чем хозяйственные объекты возле жилищ 1 и 4 (Шовкопляс, 1971, 1972, 1976). В связи с этим вероятнее, что и конструкция построек, и их утепленность на поселении были сходными. Вместе с тем, костные остатки жилищ — почти все, что осталось от их конструкции. Это обуславливает необходимость дальнейшего детального их изучения для выяснения техники строительства, возможной реконструкции и культурных аспектов.

Литература

- Абрамова З.А.*, 1995. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб. Вып. 1.
- Абрамова З.А., Григорьева Г.В.*, 1997. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб. Вып. 3.
- Борисковский П.И.*, 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках. М.; Л. (МИА; № 121).
- Будько В.Д.*, 1964. Отчет об исследовании Юдиновского поселения в 1964 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 3115.
- Пидопличко И.Г.*, 1969. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев.
- Пидопличко И.Г.*, 1976. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев.
- Поликарапович К.М.*, 1968. Палеолит верхнего Поднепровья. Минск.
- Рогачев А.Н.*, 1962. Об аносовско-мезинском типе жилищ на Русской равнине // КСИА. М. № 92.
- Сергин В.Я.*, 2003. Супонево: общие сведения. Остатки жилища // РА. № 2.
- Сергин В.Я.*, 2007. Палеолитические поселения и некоторые особенности природной среды // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М.
- Сергин В.Я.*, 2008. Малоизвестные жилища поселения Юдиново // Человек, адаптация, культура. М.
- Шовкопляс И.Г.*, 1965. Мезинская стоянка. Киев.
- Шовкопляс И.Г.*, 1967. Отчет о работе палеолитической экспедиции Института археологии АН УССР в 1967 году. Раскопки Добраничевской позднепалеолитической стоянки // Архив ИА НАН Украины. 1967/9. Ф. эксп. № 4867.
- Шовкопляс И.Г.*, 1969. Отчет о работе палеолитической экспедиции в 1969 г. Раскопки Добраничевской стоянки на Киевщине // Архив ИА НАН Украины. 1969/3. Ф. эксп. № 5364.
- Шовкопляс И.Г.*, 1971. Исследования Добраничевской стоянки // АО 1970 года. М.
- Шовкопляс И.Г.*, 1972. Добраничевская стоянка на Киевщине // МИА. Л. № 185.
- Шовкопляс И.Г.*, 1976. Исследования в Добраничевке на Киевщине // АО 1975 года. М.

Список сокращений

- АО – Археологические открытия
 ИА – Институт археологии РАН
 КСИА – Краткие сообщения ИА РАН
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 РА – Российская археология, журнал
 НАН – Национальная академия наук

Таблица 1

Строительные приемы

Поселения и жилища	Стабильная внешняя основа												Внутреннее пространство					
	Плотная	Разреженная	Из массивов костей	Череп			Ниж. челюсти			Группы однород. костей				Многочисленные крупные кости	Малочисленные крупные кости	Скопление ребер	Арки из бивней	Поперечник
				альвеолы вниз, лоб к центру	перевёрнуто, альвеолы к центру	перевёрнуто, альвеолы во вне	отделены в разной позиции	«сосенки» из двух челюстей	сложные «сосенки»	бивни	плоские кости	трубчатые радиально	«толелиты» из трубчатых					
Супонево	-	+	-	?	?	+	+	+	-	-	+	+	-	+	-	-	-	+
Юдиново 1	-	-	+	++	-	-	+	-	-	-	+	+	++	+	-	+	-	+++
2	-	-	+	++	-	-	+	-	-	-	+	-	++	-	+	+	-	+
3	-	-	+	+	-	++	+	-	-	+	+	+	+	-	+	+	-	+
4	-	-	+	+	-	++	?	-	-	-	+	+	++	-	+	+	-	+
5	-	+	-	+	-	-	+	-	-	-	+	+	+	-	+	+	-	+
Мезин	+	-	-	+	++	-	+	-	-	-	+	+	-	+	+	-	+	++
Межирич 1	+	-	-	++	+	+	+	++	+	-	+	+	-	+	-	-	+	++
2	+	-	-	++	-	+	+	-	-	+	+	++	-	+	-	-	-	+
3	-	+	-	++	-	+	+	+	-	-	+	+	++	+	-	-	-	+
4	+	-	-	++	+	?	+	+	+	-	+	+	-	+	-	-	-	++
Добраничевка 2	-	+	-	++	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
3	-	+	-	++	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	-	-	+
4	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	+	+
Гонцы	-	+	-	++	+	+	+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+
Костенки 2	+	-	-	+	?	+	+	?	?	+	?	+	-	+	-	-	-	+++
Костенки 11	+	-	-	+	?	+	+	-	+	-	+	+	+	+	-	-	-	+++

+ – наличие признака

++ – преобладающее положение черепов, более 10 «сосенок» из нижних челюстей и 10 трубчатых костей в группе.

Диаметр внутреннего пространства жилища: + – до 4 м, ++ – 4–5 м, +++ – более 5 м, – – отсутствие признака

Таблица 2

Модифицированные кости

Поселения и жилища	Череп	Позв. столбы	Лопатки		Тазовые кости	Кости конечностей		
	Ихvatие зубов	Отделение группы позвонков	Пробивание отверстий	Сбивание гребня	Пробивание отверстий	Пробивание боковых отверстий	Пробивание концевых отверстий	Отбивание по диаметру
Супонево	?	-	+	?	+	+	?	+
Юдиново 1	+	+	++	?	+	+	+	+
2	?	-	++	+	+	-	-	+
3	+	-	+	+	-	+	+	+
4	+	+	+	+	-	-	+	+
5	?	+	+	?	-	-	+	+
Мезин	++	-	?	++	-	-	+	+
Межирич 1	++	+	-	-	-	-	+	+
2	++	+	+	+	-	+	+	+
3	++	-	-	+	-	+	-	-
4	+	+	+	+	?	?	+	+
Добраничевка 2	?	-	-	?	-	-	-	+
3	?	-	+	+	-	-	-	+
4	++	+	+	+	?	-	-	+
Гонцы	++	-	++	+	+	+	-	-
Костенки 2	?	+	+	?	?	+	?	+
Костенки 11	?	+	?	+	?	+	+	+

+ – наличие признака

++ – преобладание признака

Таблица 3

Числовые значения связей жилищ по строительным приемам

Поселения и жилища	Юдиново					Мезин	Межирич				Добраничевка			Гонцы	Костенки 2	Костенки 11
	1	2	3	4	5		1	2	3	4	2	3	4			
Супонево	4	3	4	4	5	4	6	6	8	5	2	5	5	6	4	5
Юдиново 1		8	7	7	5	6	6	6	8	6	2	4	4	5	4	7
2			8	8	6	5	4	5	7	4	4	5	3	5	2	4
3				10	7	6	5	7	7	4	3	5	5	5	5	6
4					6	5	4	5	7	3	3	5	5	4	3	5
5						5	4	5	7	4	4	6	4	5	3	5
Мезин							9	6	5	8	2	4	6	5	5	6
Межирич 1								8	8	11	2	4	8	7	6	8
2									8	7	3	5	7	7	7	7
3										7	4	6	6	8	5	7
4											2	4	6	6	5	7
Добраничевка 2												5	2	4	1	1
3													4	5	2	3
4														6	5	6
Гонцы															4	5
Костенки 2																7

Таблица 4

Числовые значения связей жилищ по модифицированным костям

Поселения и жилища	Юдиново					Мезин	Межирич				Добраничевка			Гонцы	Костенки 2	Костенки 11
	1	2	3	4	5		1	2	3	4	2	3	4			
Супонево	4	3	3	2	2	1	1	3	1	2	1	2	2	3	3	2
Юдиново 1		4	5	5	4	3	4	6	2	5	1	2	4	5	4	4
2			3	3	2	2	1	3	1	3	1	3	3	4	2	2
3				5	3	4	3	6	3	5	1	3	4	4	3	4
4					4	4	4	6	2	6	1	3	5	3	3	4
5						2	3	4	0	4	1	2	3	1	3	3
Мезин							4	5	3	4	1	2	4	3	1	3
Межирич 1								5	2	4	1	1	4	2	2	3
2									4	6	1	3	6	5	4	4
3										2	0	1	3	4	1	2
4											1	3	5	3	3	4
Добраничевка 2												1	1	0	1	1
3													3	2	2	2
4														4	3	3
Гонцы															2	2
Костенки 2																3

Таблица 5

Числовые значения связей жилищ

Поселения и жилища	Юдиново					Мезин	Межирич				Добраничевка			Гонцы	Костенки 2	Костенки 11
	1	2	3	4	5		1	2	3	4	2	3	4			
Супонево	8	6	7	6	7	5	7	9	9	7	3	7	7	9	7	7
Юдиново 1		12	12	12	9	9	10	12	10	11	3	6	8	10	8	11
2			11	11	8	7	5	8	8	7	5	8	6	9	4	6
3				15	10	10	8	13	10	9	4	8	9	9	8	10
4					10	9	8	11	9	9	4	8	10	7	6	9
5						7	7	9	7	8	5	8	7	6	6	8
Мезин							13	11	8	12	3	6	10	8	6	9
Межирич 1								13	10	15	3	5	12	9	8	11
2									12	13	4	8	13	12	11	11
3										9	4	7	9	12	6	9
4											3	7	11	9	8	11
Добраничевка 2												6	3	4	2	2
3													7	7	4	5
4														10	8	9
Гонцы															6	7
Костенки 2																10

Таблица 6

Числовые выражения связей поселений с жилищами Юдиново и Межирич

Поселение и жилище	Юдиново						Межирич					
	По строительным приемам	На одно жилище	По модифицированным костям	На одно жилище	В целом	На одно жилище	По строительным приемам	На одно жилище	По модифицированным костям	На одно жилище	В целом	На одно жилище
Супонево	20	4,0	14	2,8	34	6,8	25	6,25	7,0	1,7	32	8,0
Мезин	27	5,4	15	3,0	42	8,4	28	7,0	16	4,0	44	11
Добраничевка 4	22	4,4	19	3,8	40	8,0	27	6,75	18	4,5	45	11,25
Гонцы	24	4,8	17	3,4	41	8,2	28	7,0	14	3,5	42	10,5
Костенки 2	17	3,4	15	3,0	32	6,4	23	5,75	10	2,5	33	8,25
Костенки 11	27	5,4	17	3,4	44	8,8	29	7,25	13	3,25	42	10,5

Первое жилище межиричского верхнепалеолитического поселения: индустриальная вариабельность содержимого хозяйственных объектов

*Д.Ю. Нужный**, *П.С. Шидловский***

Введение

Верхнепалеолитическое поселение Межирич находится на территории села Межирич Каневского района Черкасской области [49° 38 мин. северной широты и 31° 28 мин. восточной долготы]. Памятник расположен на мысу, образованном долинами речек Роси и Россавы, около 12 км на запад от р. Днепр, в 200 м от высокого коренного склона плато в долине р. Рось. С точки зрения геоморфологии, стоянка соотносится с уровнем второй надпойменной террасы р. Рось, осложненной конусом выноса большого древнего оврага в долину этой речки, которая имеет высоту 10–12 м над современной поймой. Палеолитические культурные остатки памятника залегают на глубине 2,5–3 м от современной дневной поверхности мыса, немного выше основного уровня покрытия аллювием второй надпойменной террасы Роси. Большая часть из девятнадцати радиоуглеродных дат, которые были произведены вызывающими доверие лабораториями и сделанные по костям различных животных, в том числе и мамонта, являются довольно схожими. Они были отобраны со всех исследованных на сегодняшний день жилищ и окружающих их объектов, и определяют возраст стоянки в довольно узких хронологических рамках около середины 15 тысячелетия от наших дней (P. Naesaerts, частное сообщение; Нужный *in.*, 2007). В калиброванных календарных датах это соответствует периоду между 17 000 и 18 070 лет до наших дней. На настоящий момент, Межиричское верхнепалеолитическое поселение является одним из наиболее надежно датированных комплексов Восточной Европы.

Памятник исследовался академиком И.Г. Пидопличко (1966–1974 гг.), который пол-

ностью раскопал жилища из мамонтовых костей трех хозяйственно-бытовых комплексов (Пидопличко, 1969, 1976). С 1976 по 2002 г. раскопки стоянки и междисциплинарные исследования на ней проводились Н.Л. Корниец, М.И. Гладких, В.Ю. Сунцовым, а также археологами и специалистами природоведческих наук из России и США (М.И. Величко, Ю.Н. Грибченко, Е.М. Зеликсон, Дж. Адовазио, О. Соффер и др.). На протяжении 1979–1981 годов были выявлены и раскрыты еще один хозяйственно-бытовой комплекс жилища № 4 (Гладких, Корниец, 1982), а также ряд ям и участков культурного слоя, так называемых «топталищ» (рис. 1), связанных с жилищами № 1, 2 и 4. Результаты этих работ были частично опубликованы (Корниец и др., 1981; Soffer et al., 1997). Начиная с 2003 г. памятник комплексно исследуется совместной украинско-французской экспедицией на объектах, связанных с хозяйственно-бытовыми комплексами № 1 и 2. Предварительные результаты последних работ также опубликованы (Komar et al., 2003). Результатом этих полевых исследований стало полное исследование содержимого ямы № 7, которая принадлежит к раскопанному в 1966 г. жилищу № 1, а также прилегающих к ней интересных производственных и хозяйственных объектов (рис. 1). Яма № 7 была открыта и частично исследована (южный сектор) украинско-американской экспедицией на протяжении 1995, 1996 и 1998 годов (Корниец, Сунцов, 1999). Три остальных ее сектора были раскопаны на протяжении 2002–2008 годов совместной украинско-французской экспедицией при поддержке Института археологии НАН Украины, Института палеонтологии человека (Париж) и Agency Nationale de Recherche (Франция) в рамках программы “The end of the Mammoth Steppe: men / environmentat interaction at Late Pleninglacial

* Институт археологии НАН Украины, Киев.

** Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев.

in Eastern Europe” под руководством Д.Ю. Нужного и Ст. Пеана.

Кремневый комплекс заполнения жилища № 1

Межиричское жилище из костей мамонта № 1 является наиболее известным объектом этого поселения. Его реконструкция, выполненная академиком И.Г. Пидопличко, сейчас экспонируется в Центральном научно-природоведческом музее НАН Украины. Оно имело цоколь, составленный из 25 черепов мамонта, который потом был обложен мамонтовыми нижними челюстями, вставленными друг в друга. В середине жилища располагался очаг, а также место первичного расщепления кремня и изготовления орудий труда (Пидопличко, 1976). Специфику этому жилищу на фоне других подобных конструкций Межиричского поселения придают яркие изделия палеолитического искусства в виде стилизованных антропоморфных фигурок и фрагмента орнаментированного бивня, в котором видят общую схему Межиричского поселения, которое на настоящий момент состоит из четырех жилищ (Пидопличко, 1976). Наиболее показательными для жилища № 1 являются находки нескольких подвесок из морских раковин вида “*Nassa Reticulata*”, безусловно, экспортированных из причерноморского бассейна, которые отсутствуют в остальных жилищах стоянки, однако выявлены в других эпиграветтских комплексах межиричской индустрии (Семеновка II и III) в этом регионе, датированных этим же временем (Пидопличко, 1969; Nuzhnyi, 2006). Для анализа данных, представленных в разделе, были использованы материалы, полученные исключительно из заполнения этого жилища; находки из окружающих его участков культурного слоя (так называемых «топталыц») и внешних очагов не учитывались.

Существующая на сегодняшний день коллекция обработанных кремней из заполнения жилища № 1 насчитывает 3710 изделий. Эта коллекция включает находки, которые происходят из участков «топталыца» или культурного слоя, которые окружали жилище с юга и востока в раскопе 1966 года (Пидопличко, 1969) и раскопов 2002–2008 годов. Основные статистические показатели этого комплекса приведены в таблице 1.

Изделия с вторичной обработкой составляют 11% от всего кремневого комплекса. Среди последнего пластины, микропластины, реберчатые пластины, их фрагменты, а также орудия, изготовленные на этих полуфабрикатах, насчитывают около 59,9%. Всего отходы первичного раскалывания и остатки изготовления орудий труда составляют 89,2% комплекса, причем нуклеусы, их фрагменты и аморфные формы насчитывают тут около 1,4% от его общего количества. Сколы оживления ударных площадок нуклеусов представлены 0,09% от количества отходов производства, а резцовые их разновидности насчитывают около 0,17% последнего.

Система первичного раскалывания комплекса из заполнения жилища базировалась на использовании в основном одноплощадочных призматических и субпирамидальных нуклеусов небольших (в пределах 3–5 см длиной) размеров (рис. 4, 12–14; 4, 13, 14; 5, 1, 2, 4, 7–12). Двуплощадочные нуклеусы также представлены в данной коллекции, причем использование одной из двух ударных площадок зависело от ситуационных потребностей снятия призматических пластин довольно небольших размеров (рис. 3, 15–17; 4, 13; 5, 3, 6, 7). В случае возникновения заломов со стороны основной ударной площадки, вспомогательная превращалась в основную. Абразивная подготовка карниза на пластинах и точечный ударный бугорок прослеживается практически на всех призматических сколах. Абсолютное большинство орудий труда (или 91% от изделий с вторичной обработкой) было изготовлено из призматических пластин небольших размеров 3–10 см. Вообще, изделий на пластинах насчитывается 365 экземпляров, тогда как отщеповые полуфабрикаты использовались всего лишь в 35 случаях.

Доминирующей категорией орудий труда являются разнообразные резцы (40,6% изделий с вторичной обработкой), что есть типичным для комплексов межиричской индустрии и эпиграветта Восточной Европы вообще. Среди последних абсолютно доминируют боковые образцы, в основном на диагонально тронкированных пластинах (рис. 3, 2–10). Изготовленные также на пластинах угловые резцы являются вторым по количеству типом этой категории изделий (рис. 3, 11). Срединные резцы представлены практически в одинаковом количестве в сравнении с угловыми (рис. 4, 9), однако их доля на отщепах значительно выше. Часть срединных резцов,

Таблица 1

Кремневые предметы из комплекса жилища № 1

<i>Изделия с вторичной обработкой</i>	<i>Жилище № 1</i>	<i>Яма № 7. Заполнение</i>
МИКРОЛИТЫ	56	10
Ланцетовидные острия с ретушированной базовой частью	3	
Микрограветтские острия с ретушированной базовой частью	4	
Микрограветтские острия без ретушированной базовой части	3	
Фрагменты приостренных частей острий	3	
Типичные прямоугольники с двумя тронкированными концами	10	2
Атипичные прямоугольники с одним тронкированным концом	6	
Фрагменты тронкированных базовых частей острий или прямоугольников	6	6
Тронкированные микропластины или их фрагменты	5	1
Фрагменты проксимальных частей микролитов с притупленным краем	5	
Фрагменты медиальных частей микролитов с притупленным краем	11	1
РЕЗЦЫ	167	17
Однолезвийные	139	11
В том числе:		
угловые на пластинах	25	1
угловые на отщепях	1	
угловые трансверсальные на пластинах	2	
ретушные боковые на пластинах	75	4
ретушные боковые на отщепях	7	
срединные на пластинах	18	2
срединные на отщепях	7	
неопределимые фрагменты резцов на пластинах	4	1
Многолезвийные	28	6
В том числе:		
угловые комбинированные с угловыми на пластинах	1	1
угловые комбинированные с боковыми ретушными на пластинах	4	2
ретушные боковые комбинированные с боковыми на пластинах	12	2
ретушные боковые комбинированные со срединными на пластинах	10	1
срединные комбинированные со срединными на пластинах	1	
ТРОНКИРОВАННЫЕ ПЛАСТИНЫ	32	3
ТРОНКИРОВАННЫЕ ОТЩЕПЫ	2	
СКРЕБКИ	106	3
Концевые на пластинах	76	2
Концевые на отщепях	15	1
Двойные концевые на пластинах	12	
Двойные концевые на отщепях	3	
СКРЕБКИ КОМБИНИРОВАННЫЕ С РЕЗЦАМИ	13	
Концевые комбинированные с ретушными боковыми на пластинах	10	
Концевые комбинированные со срединными	1	
Концевые комбинированные с угловыми на пластинах	2	
СВЕРЛА-ПРОКОЛКИ	7	1
ПЛАСТИНЫ С НЕРЕГУЛЯРНОЙ РЕТУШЬЮ ИЛИ ВЫЕМКАМИ	27	6
ОТЩЕПЫ С ЛАТЕРАЛЬНОЙ РЕТУШЬЮ ИЛИ ВЫЕМКАМИ		3
Всего орудий труда	410	40
Продукты раскалывания и изготовления орудий:		

Таблица 1 (продолжение)

<i>Изделия с вторичной обработкой</i>	<i>Жилище № 1</i>	<i>Яма № 7. Заполнение</i>
ПРИЗМАТИЧЕСКИЕ ПЛАСТИНЫ, МИКРОПЛАСТИНЫ И ИХ ФРАГМЕНТЫ	1682	324
РЕБЕРЧАТЫЕ ПЛАСТИНЫ И ОТЩЕПЫ	154	18
НУКЛЕУСЫ	52	2
призматические и субпирамидальные с одной ударной площадкой	27	1
призматические с двумя ударными площадками	19	1
аморфные	3	
фрагменты нуклеусов	3	
СКОЛЫ ПОДПРАВКИ УДАРНЫХ ПЛОЩАДОК НУКЛЕУСОВ	3	3
РЕЗЦОВЫЕ СКОЛЫ	6	31
СКОЛЫ ЗАОСТРЕНИЯ ДИАГОНАЛЬНО ТРОНКИРОВАННЫХ ПЛАСТИН	1	1
ОТЩЕПЫ И ЧЕШУЙКИ	1360	953
ОБЛОМКИ КРЕМНЯ	42	
<i>ВСЕГО ОТХОДОВ ПРОИЗВОДСТВА</i>	3300	1332
<i>ВСЕГО ОБРАБОТАННЫХ КРЕМНЕЙ</i>	3710	1372

безусловно, является изделиями реутилизованными из боковых форм (рис. 3, 1). Многолезвийные резцы составляют около 16,7% этих изделий. В основном, они представлены боковыми формами, комбинированными также с боковыми (рис. 3, 8) или со срединными (рис. 3, 9).

Второй по количеству категорией орудий труда из заполнения жилища являются скребки (25,8% изделий с вторичной обработкой). Как и свойственно межиричской индустрии и большинству эпиграветтских комплексов Восточной Европы, это — концевые формы, изготовленные на довольно коротких пластинах (3–5 см длиной) или на пластинчатых отщепках (рис. 2, 50–52, 54–56). Другим типом скребков являются двойные образцы (11% от общего количества этой категории орудий), которые также имеют небольшие размеры и изготовлены из аналогичных полуфабрикатов (рис. 2, 46–49). Довольно часто рабочая часть скребков обработана специфической полукрутой довольно пологой, так называемой «веерообразной» ретушью (рис. 2, 46, 47, 50, 52, 56), что является характерным для подобных изделий всей межиричской индустрии. Судя по наличию ударных бугорков в верхних частях фасеток ретуши (рис. 2, 46, 47, 56), для их изготовления активно применялась техника контрудара с использованием рогового или костяного отбойника. Иногда встречается еще и обработка боковых сторон нерегулярной ретушью, возможно, связанная с реутилизацией призматических полуфабрикатов, из которых изго-

тавливались скребки.

Микролиты с притупленным краем являются третьей доминирующей категорией орудий кремневого комплекса из заполнения жилища № 1 Межирича (13% изделий с вторичной обработкой). Эти микролиты изготовлены на микропластинах и обработаны полукрутой тщательной дорсальной ретушью, иногда довольно мелкой «жемчужной» ее разновидностью. Вентральная обработка, или «подтеска» использовалась только в единичных случаях (рис. 2, 4, 28, 36, 37, 40). Комплекс состоит из ланцетовидных острий с обработанной базовой частью (рис. 2, 1–3), микрограветтских форм с ретушированными (рис. 2, 4–6, 43) и неретушированными базовыми частями (рис. 2, 7–9). Показательным является присутствие типичного микрограветтского острия «мезинского типа» с диагонально тронкированной и сломанной базовой частью (рис. 2, 53). Обломки заостренных частей ланцетовидных и микрограветтских острий тоже хорошо представлены в коллекции (рис. 2, 10, 11).

Вторым типом микролитов являются разнообразные узкие типичные прямоугольники с двумя тронкированными концами (рис. 2, 12–20) и их атипичные формы с сохранным ударным бугорком микропластин (рис. 2, 21–28). Некоторые из прямоугольников имеют выразительный конический макроизнос, который свидетельствует об их столкновении с другими микролитами (рис. 2, 20, 22) при использовании их в качестве боковых лезвий композиционных наконечников метательных

го оружия. Также присутствуют тронкированные микропластины и их фрагменты (рис. 2, 33, 39, 40; 4, 1). Другие обломки микролитов комплекса являются или тронкированными базовыми частями острий, или фрагментами прямоугольников (рис. 2, 29–34, 37). Фрагменты средних частей или изделий с сохраненным ударным бугорком пластины, связанные с обоими упоминавшимися типами микролитов, также представлены в коллекции (рис. 2, 35–43). Часть из них повреждена диагностическим макроизносом метательного характера (“bending” и “spin-off” типов), что говорит об их использовании в качестве наконечников стрел колющего типа (рис. 2, 10, 30, 38).

Репрезентативной и выразительной категорией орудий труда (7,8% от общего количества изделий с вторичной обработкой) представлены довольно разнообразные тронкированные пластины (рис. 4, 2, 6–8, 10, 11). В основном они имеют диагональный или трансверсальный конец, обработанный полукрутой дорсальной ретушью. Вентральная обработка встречается лишь как исключение (рис. 4, 8). Есть в коллекции и единичные тронкированные отщепы (рис. 4, 3).

Скрепки комбинированные с резцами составляют 3,2% от общего количества орудий (рис. 2, 57–59). Это концевые типы на пластинах, объединенные в основном с боковыми резцами, а в единичных случаях с резцами углового и срединного типов (рис. 2, 59). Кремневые сверла-проколки (рис. 2, 44, 45) составляют всего 1,3% изделий с вторичной обработкой, тогда как пластины с довольно нерегулярной латеральной ретушью или выемками (рис. 4, 4, 12) насчитывают 6,7%.

Заполнение ямы № 7

Яма № 7, которая принадлежит к хозяйственно-бытовому комплексу № 1, имеет типичную стратиграфию и заполнение, характерное для подобных структур, расположенных на юг от жилищ из мамонтовых костей Межиричского поселения. Именно в южном направлении от жилища располагаются участки концентрированного зольного слоя (так называемые «топталища») с многочисленными культурными и фаунистическими остатками, которые окружают подобные объекты (рис. 1). Эта яма отличалась довольно высокой концентрацией костей и артефактов в придонной части, включая многочисленные анатомические группы

различных животных и даже два фрагмента черепов мамонта (фото 1; 2). Сверху концентрированная костно-зольная брекчия традиционно была перекрыта линзами белого песка различной мощности, которые перемежались с прослойками делювиального лессовидного супеска. Эти слои, а особенно линзы песка отличались достаточно низкой концентрацией фаунистических и культурных остатков. В верхней части, над ямой, как это свойственно другим подобным структурам Межиричского поселения, располагались еще и несколько массивных фрагментов или целых мамонтовых костей.

Статистические показатели кремневой коллекции из заполнения ямы представлены в вышеприведенной таблице. Судя по двум имеющимся нуклеусам, система первичного раскалывания также основывалась на использовании одноплощадочных субпирамидальных (рис. 6, 29) и призматических двухплощадочных нуклеусов небольших размеров. Последние также представлены в довольно незначительном количестве (всего 0,15% от количества отходов кремневого производства). Что же касается общего индекса пластинчатого раскалывания, то процент пластин, микропластин и их фрагментов, а также их реберчатых разновидностей и орудий, изготовленных из этих призматических полуфабрикатов, составляет около 28% всего комплекса кремневых изделий. Отходы первичного раскалывания и изготовления орудий труда составляют 97% всего комплекса, тогда как сколы оживления ударных площадок нуклеусов и резцовые сколы составляют 0,2% и 2,3% их количества соответственно.

Изделия с вторичной обработкой насчитывают здесь всего около 3% от общей коллекции обработанных кремней, причем бесспорное их большинство изготовлено из небольших призматических пластин (38 экз., или 88% орудий) и только незначительная часть из отщепов (5 экз.).

Самую многочисленную категорию орудий здесь традиционно составляют разнообразные резцы (50% изделий с вторичной обработкой), изготовленные на пластинах (рис. 6, 10–22). Среди них угловые на пластинах (рис. 6, 11–13, 19) представлены в одинаковом количестве с боковыми их формами, что не является типичным для комплексов межиричской индустрии. Другую категорию резцов составляют боковые разновидности, которые преимущественно имеют диагональное тронкиро-

вание (рис. 6, 17, 18, 21). Срединные резцы являются наименее численной категорией (рис. 6, 14, 15). Многолезвийные резцы составляют около 35% от комплекса этих орудий, что есть необычайно высоким. Это преимущественно угловые комбинированные с боковыми (рис. 6, 10) или боковые с боковыми (рис. 6, 22), а в одиночных случаях это угловые, объединенные также с угловыми (рис. 6, 11) или боковые со срединными (рис. 6, 20).

Вторую по численности категорию изделий с вторичной обработкой (23,3%) составляют разнообразные микролиты с притупленным краем и их обломки (рис. 6, 1–9), что характерно лишь для отдельных комплексов межиричской индустрии. Последние не имеют серьезных конструкций из мамонтовых костей и, скорее всего, связаны с функционированием в теплое время года (Нужный, 2002). Сам же набор микролитов является достаточно типичным. Они изготовлены на микропластинах с помощью достаточно мелкой крутой и полукрутой дорсальной ретуши. Вентральная обработка полукрутой ретушью использовалась также достаточно часто (4 экз.), то есть почти на половине имеющихся микролитов (рис. 6, 3, 4, 8, 9). Подобные приемы также не являются характерными для микролитического комплекса заполнения жилища № 1, расположенного рядом, где подобный прием обработки наблюдается лишь в четырех случаях из 43 микролитов (рис. 2, 1–43). Но в целом набор микролитов является типичным для межиричской индустрии. Это, в первую очередь, узкие типичные прямоугольники с двумя тронкированными концами (рис. 6, 6) и обломки подобных прямоугольников или базовых частей ланцетовидных и микрограветтских острий (рис. 6, 1, 3, 8, 9). Есть в коллекции изделие, которое можно отнести или к прямоугольникам, или к атипичным микрограветтским остриям с ретушированной базовой частью (рис. 6, 7), а также фрагмент тронкированной микропластины с вентральной обработкой (рис. 6, 4). Очень красноречивым является наличие здесь четырех фрагментов от двух микролитов, поврежденных диагностическим макроизносом типа “spin-off” и “bending” метательного характера (рис. 6, 8, 9), которые были найдены неподалеку один от другого в одних и тех же стратиграфических условиях. Это свидетельствует о наличии здесь мягких тканей охотничьей добычи (мяса), в которых они повредились, а затем вместе попали в

яму. Правда, эти микролиты были найдены в верхних слоях ее заполнения.

Скребки концевой типа, изготовленные также преимущественно на пластинах (рис. 6, 24) или реже отщепях (рис. 6, 23), составляют лишь 6,9% орудий. Подобный же процент имеют и тронкированные пластины (рис. 6, 25–27). Пластины с латеральной достаточно нерегулярной ретушью составляют 13,9%, тогда как отщепы с аналогичной обработкой 6,9%. Сверла-проколки в виде лишь одного обломка (рис. 6, 28) вообще составляют здесь лишь 2,3% всего комплекса орудий труда.

Производственный комплекс около ямы № 7 и прилегающие к нему участки «Топталища»

Раскопками 2006–2008 гг. был исследован участок культурного слоя «топталища», который непосредственно прилегает с юга (рис. 1; 7, 1) к яме № 7 первого жилищного комплекса. В кв. 405/А несколькими этапами расчистки «топталища», которое имело обычный вид (рис. 7, 1), в восточном углу квадрата, который граничил с краем ямы № 7 (рис. 7, 2) было обнаружено значительное количество чешуек, а также фрагмент микролита с притупленным краем, поврежденный диагностическим макроизносом метательного характера (рис. 9, 3). В процессе углубления на этом участке была раскрыта более мощная концентрация продуктов раскалывания в компактном скоплении. Во время исследования последнего стало очевидно, что концентрация является остатками производственного участка, связанного не только с первичной обработкой кремневого сырья, но и с изготовлением орудий труда, поскольку она содержала два микролита с притупленным краем (рис. 9, 1, 4), резцовые сколы и несколько тронкованных пластин. На это указывает преобладание сколов из однотипного сырья, значительная плотность культурных остатков, присутствие сработанного нуклеуса, который располагался на краю скопления.

Это скопление, размерами 45 × 35 см, размещалось непосредственно на южном наклонном крае ямы № 7, и демонстрирует увеличение глубины залегания «топталища» в сторону ямы (рис. 8). Концентрация четко очерчена со всех сторон ввиду значительной плотности залегания культурных остатков, что достаточно ярко выделяет ее из окружающего культурно-

го слоя (фото 3). Такие особенности расположения скопления дают возможность выделения этого комплекса в отдельный археологический объект под названием «Точек».

Это уже второй объект подобного рода, связанный с жилищным комплексом № 1 на стоянке. Первый был открыт раскопками И.Г. Пидопличко в 1966 г. непосредственно в заполнении жилища № 1, в кв. № 11, вблизи центрального очага. Значительная часть материала из этого квадрата маркировано «Точек» и, скорее всего, происходила из подобного скопления продуктов расщепления, но которое размещалось внутри жилища (Научные фонды ИА НАН Украины).

В обоих случаях материалом для обработки служил так называемый «каневский» кремль местного происхождения, который являлся основным сырьем для изготовления орудий труда обитателями стоянки.

Единственными геологическими выходами этого сырья в Среднем Поднепровье являются Каневские дислокации, сложное тектоническое строение которых предопределено поднятием древних геологических слоев на современную поверхность (Петрунь, 2004. С. 202–204).

С целью подтверждения выводов о местном происхождении первичных залежей кремневого сырья, на территории Каневских дислокаций, в ур. Марьин Яр, которое непосредственно выходит в пойму Днепра, был заложен геологический разрез. Был обнаружен слой гальки мощностью 5–15 см, который состоял из небольших по размерам конкреций и гальки кремня и кварца, которые залежали в ортзане желтого и желто-бурого цвета (Пічкур, Шидловський, 2003. С. 121–123). Стратиграфически он залегает над темно-серыми келовейскими глинами юрской системы и подстилает сеноманские песчаники. По показаниям геологов, этот слой принадлежит к так называемому «слою Выржыковского», который относится к альбского ярусу нижнего отдела меловой системы мезозойской группы (Палієнко, Мороз, Куделя, 1971. С. 6–7). Впервые этот геологический горизонт был описан Р.Р. Выржыковским в 1916 г. (Выржыковский, 1916). Конкреции небольших размеров, черного цвета внутри, с желтоватым цветом ближе к корке, которая имеет характер «мытой» или «пористой», не покрытая известняком. В разной гальке и конкрециях цвет изменяется от полностью черного к полностью желтоватому (Шидловський, 2005. С. 32–35).

Такие характеристики кремневого сырья значительно выделяют его среди других видов, что дает возможность определения этого типа кремня даже визуально (Petroigne, 1995. P. 191–192). Именно за этими визуально-морфологическими чертами найденные конкреции были идентичными с тем типом кремня, который проходил обработку на Межиричской стоянке. По подсчетам В.Ю. Сунцова, процентное соотношение изделий из этого типа кремня составляет до 76% среди других, из разных участков стоянки (Корниец, Сунцов, Соффер, 1996. С. 23–24).

«Значительная доля изделий с галечной коркой (27,7%) и ее присутствие на нуклеусах указывают на первичное расщепление кремня непосредственно на стоянке. Необработанный кремль приносился на стоянку, где из него изготавливались нуклеусы для производства пластин» (Корниец, 1997. С. 20).

Доминирующее количество находок из объекта «Точек» изготовлено из каневского кремня, за исключением некоторых изделий, например, одного микролита с притупленным краем (рис. 9, 1), который оказался здесь более позже, чем депонирование концентрации кремней, и находился непосредственно над основным материалом продуктов раскалывания.

Общее количество кремневых изделий, которые происходят из скопления и окружающих участков «топталища» в пределах кв. 405/А, насчитывает 245 экз. за исключением самых мелких чешуек, количество которых не учитывалось ввиду их минимальных размеров и значительной плотности залегания в концентрации. Среди изделий представлены как отходы производства, так и орудия труда.

Отходы производства (231 экз., или 94,2% комплекса) представлены отщепами, пластинами, осколками, резцовыми сколами и нуклеусом. Среди отщепов и чешуек (175 экз.) значительное количество составляют сколы оформления нуклеусов — первичные и реберчатые отщепы (26 экз., четверть от всех отщепов). Пластинчатые заготовки (45 экз., 27% от всех отходов) представлены преимущественно пластинами (21 экз.), также присутствуют более мелкие пластинки и микропластинки (13 и 11 экз.). Вместе с орудиями, изготовленными на пластинах, это составляет 59 изделий (или 24,5% комплекса). Необходимо отметить наличие 9 резцовых сколов, что составляют 3,9% отходов производства.

Среди материалов объекта имеется один нуклеус, который составляет 0,4% отходов

производства. Нуклеус двухплощадочный призматический уплощенный (рис. 9, 14). Одна ударная площадка исполняла главную роль, другая — дополнительную. Фасетирование площадки отсутствует.

Изделия с вторичной обработкой (14 экз., или 5,7% комплекса) представлены микропластинами с притупленным краем и их фрагментами, ретушированными и тронкованными пластинами, скребками и резцами. Все они изготовлены на микропластинках и пластинах небольших размеров (рис. 9, 1–13, 14).

Несмотря на то, что комплекс орудий этого производственного объекта не превосходит 100 экз., что является необходимым для статистически достоверной выборки, соответствующие индексы приводятся ниже. Среди микроинвентаря (4 экз.) имеются две проксимальные части пластинок с притупленным краем (одна из них с тронкованной основой) (рис. 9, 1, 3) и две медиальных части микролитов с притупленным краем (один поврежден в результате макроизноса) (рис. 9, 2, 4). Таким образом, микролиты составляют 28,6% изделий с вторичной обработкой этого комплекса.

Другие орудия представлены двумя скребками концевой типа (14,2% изделий с вторичной обработкой) на широких пластинках, рабочий край одного из них сформирован веерообразным достаточно наклонным полукруглым ретушированием, характерным для межричской индустрии (рис. 9, 12–13), а также тремя резцами (21,4% орудий). Среди последних — два являются обломками рабочих частей резцов бокового и углового типов (рис. 9, 6, 7). Третий резец представлен угловым комбинированным с боковым, который был изготовлен на реберчатой пластине (рис. 9, 15). Присутствуют в коллекции еще и три тронкованные пластины (рис. 9, 5, 9, 11), которые составляют 21,4% орудий труда и две пластины с нерегулярной ретушью (рис. 9, 8, 10). Статистические данные этого комплекса представлены в таблице 2.

Однотипность сырья, значительное количество сколов оформления нуклеуса и сработанный нуклеус свидетельствуют о том, что открытый объект является местом обработки, скорее всего, одного желвака каневского кремня с целью получения качественных призматических полуфабрикатов. Техника первичного раскалывания характеризуется использованием двухплощадочного нуклеуса, причем одна из ударных площадок играла вспомогательную роль. Наличие реберчатых сколов свидетель-

ствует об использовании этого приема для оформления плоскости раскалывания. Площадки не фасетировались, зато, с целью получения качественных призматических сколов, применялся прием переборки карниза и шлифовки края ударной площадки. Конечно, наиболее качественные призматические пластины были отобраны мастером в качестве полуфабрикатов для последующей обработки или непосредственного использования в качестве резательных орудий труда. Об этом свидетельствует достаточно незначительная их часть (25%), по сравнению с усредненными данными по комплексу жилища № 1 (40–52%) (Гладких, 2001. С. 20–21). Технология первичной обработки и изготовления орудий труда является типичной для комплекса Межиричской стоянки (Nuzhnyi, 2008. Р. 104–105). На месте «точка» происходила также и вторичная обработка сырья. Об этом свидетельствует наличие девяти резцовых сколов и ретушированных изделий, которые представлены незначительным количеством.

Таким образом, объект возможно интерпретировать в качестве места по первичной обработке кремневого сырья и изготовления орудий труда. Раскалывание происходило непосредственно на краю ямы, что обусловило попадание части изделий в заполнение ямы № 7, среди материалов которой присутствуют первичные отщепы значительных размеров — результат предварительной обработки кремневого желвака. Такое расположение скопления дает возможность большего понимания особенностей функционирования объекта «Яма №7» в последней фазе ее использования. На время образования производственного участка, она уже играла функцию мусорника, что делает понятным, почему проводились операции по первичной обработке кремня, которые были бы невозможны на краю жилища результатов охотничьей добычи.

Исследования следующих лет в этом направлении доказывают, что производственный участок продолжается к югу от первого жилищного комплекса. Так, в квадратах 405/В и U/20 также отмечались скопления дебитажки и сработанные нуклеусы. Это подтверждает мысль о том, что именно южная от жилища сторона была зоной активной хозяйственной деятельности его обитателей. Подобная ситуация является довольно типичной для Межиричского поселения в целом. Этот вывод открывает определенные перспективы для понимания общей структуры последнего и

Таблица 2

Кремневые предметы из комплекса «топталица», кв. 405/А

<i>Отходы производства (без мелких чешуек из промывки)</i>		
Отщепы и чешуйки		175
Пластины	пластины 21	45
	пластинки 13	
	микропластины 11	
Реберчатый отщеп		1
Резцовые сколы		9
Нуклеус		1
Всего отходов производства		231
<i>Изделия с вторичной обработкой</i>		
Резцы	боковой 1	3
	угловой 1	
	комбинированный 1	
Скребки концевые		2
Пластины тронкированные		3
Пластины ретушированные		2
Микролиты		4
Всего орудий труда		14
ВСЕГО в комплексе		245

разграничения разных хозяйственно-бытовых комплексов между собой.

Выводы

Таким образом, исследование кремневых коллекций трех разных объектов хозяйственно-бытового комплекса № 1, а именно — собственно жилища из мамонтовых костей, ямы № 7 расположенной южнее и размещенного по соседству производственного центра с прилегающими участками «топталица», показало, что они достаточно существенно отличаются по своим типолого-статистическим и технологическим показателям. Понятно, что эти данные требуют коррекции, связанной с учетом разной методики раскопок жилища № 1 в 1966 г. в сравнении с окружающими объектами, исследованными в 1995–2006 годах. Вместе с тем, расхождения в определенных статистических индексах не могут быть объяснены лишь действием вышеупомянутых факторов.

Так, исключительно высокий процент нуклеусов в жилище (1,4%), обломков кремня, пригодных к раскалыванию, орудий труда (11%) и пластин с учетом изделий с вторичной

обработкой, сделанных из них (59,6%), является достаточно показательным. Количество пластин и сделанных из них орудий составляет в яме и «Точке» с прилегающими к нему участками культурного слоя всего 28% и 24,5% соответственно. Это свидетельствует, что основные ресурсы кремневого сырья, пригодные для первичной обработки, орудия труда и полученные призматические полуфабрикаты хранились именно в жилище. Процент отходов производства (первичные продукты раскалывания и оформления орудий) является здесь минимальным (89,2 %) в сравнении с аналогичными показателями из заполнения ямы (97%) и «Точка» с участками «топталица» (94%). Так же необычным является и процент сколов оживления ударных площадок нуклеусов в яме и жилище (0,2% и 0,09% от общего количества отходов производства соответственно), которое свидетельствует о том, что первичное раскалывание кремня осуществлялось преимущественно за пределами последнего.

Относительно производства орудий труда, а именно резцов, то наименьшее количество резцовых сколов относительно других отходов производства зафиксировано именно в жилище

(0,17%), что несравненно меньше от показателей из заполнения ямы (2,3%) и «Точка» с прилегающими участками культурного слоя (3,9%).

С точки зрения стилистики и характера обработки орудий труда все три объекта является абсолютно идентичными. Но общий процент орудий труда в заполнении ямы и «Точке» с прилегающими участками культурного слоя (3,1% и 5,7% соответственно) значительно отличается от аналогичного показателя комплекса из заполнения жилища (11%). Это также свидетельствует, что орудия использовались и хранились именно в жилище, и возможно, подтверждает использование последнего в холодную пору года. Также заслуживает внимание значительно высший процент микролитов среди орудий труда в комплексах ямы и «Точка» (23,2% и 28,6%) в сравнении с их количеством в заполнении жилища (13,6%), однако это, возможно, связано с разной методикой раскопок этих объектов. Подобный процент резцов среди орудий жилища (40,6%)

и ямы (39,5%), но в «Точке» он значительно меньший (21,4%). Аналогичная ситуация наблюдается и касательно тронкированных пластин (7,8% — жилище, 6,9% — яма), но их 21,4% в «Точке». Несравненно выше является процент скребков в жилище (25,8%), в сравнении с их количеством в двух других вышеупомянутых объектах (6,9% в яме и 14,2% в «Точке»). Это также, возможно, свидетельствует о хранении подобных орудий именно в жилище.

В целом типолого-статистические данные кремневых комплексов трех вышеупомянутых объектов хозяйственно-бытового комплекса № 1 Межиричского поселения свидетельствуют об их значительной вариабельности. Это указывает на необходимость осторожного отношения к подобным подсчетам относительно других верхнепалеолитических комплексов, раскопанных частично. Функционально разные части поселений могут достаточно существенно отличаться между собой по этим показателям.

Литература

- Выржыковский Р.Р.*, 1916. К геологии южной части Каневского узда. Протоколы Киевского общества естествоиспытателей за 1915 г. Киев.
- Гладких М.И.*, 2001. Кремневый инвентарь межиричского позднепалеолитического поселения // *Vita Antiqua*. № 3–4. С. 15–21.
- Гладких М.И., Корниец Н.Л.*, 1982. Отчет об исследованиях Межиричского позднепалеолитического поселения в 1979–1981 годах // Научный архив ИА НАН Украины. № 1981/143.
- Корниец Н.Л., Гладких М.И., Величко А.А., Антонова В.Г., Грибченко Ю.Н., Зеликсон Е.М., Куренкова Е.И., Халчева Т.А., Чепалыга А.Л.*, 1981. Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины / Величко А.А. (отв. ред.). М. С. 106–119.
- Корниец Н.Л.*, 1997. Отчет о раскопках позднепалеолитической стоянки Межирич в 1996 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1996/54.
- Корниец Н.Л., Сунцов Ю.В., Соффер О.*, 1996. Отчет о раскопках позднепалеолитической стоянки Межирич в 1995 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1995/96.
- Корниец Н.Л., Сунцов В.Ю.*, 1999. Отчет о раскопках палеолитической стоянки Межирич в 1998 г. // Научный архив ИА НАН Украины. № 1998/51.
- Нужний Д.Ю.*, 2002. Верхньопалеолітичні пам'ятки типу Межирич та їх місце серед епіграветських комплексів Середнього Дніпра // Кам'яна доба України. 1. С. 57–81.
- Нужний Д.Ю., Корниец Н.Л., Пеан Ст., Езердз П.*, 2007. Звіт про розкопки верхньопалеолітичного поселення Межирич у 2006 р. // Научный архив ИА НАН Украины. № 2006/65.
- Палиєнко Е.Т., Мороз С.А., Куделя Ю.А.*, 1971. Рельєф та геологічна будова Канівського Подніпров'я. Київ.
- Петрунь В.Ф.*, 2004. Використання мінеральної сировини населенням Трипільської культури // Енциклопедія трипільської цивілізації. Київ. Т. 1. С. 199–219.
- Пидопличко И.Г.*, 1969. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев.
- Пидопличко И.Г.*, 1976. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев.
- Пічкур Є.В., Шидловський П.С.*, 2003. Комплекс кременеобробки поселення Пекарі II. Трипільські поселення-гіганти: (матеріали міжнародної конференції). Київ. С. 121–128.

Шидловський П.С., 2005. Вплив фізичного оточення на формування матеріальної культури пізньопалеолітичного населення Середнього Подніпров'я // Проблеми археології Середнього Подніпров'я: (до 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею). Фастив; Київ. С. 32–39.

Komar M.S., Kornietz N.L., Nuzhnyi D., Pean S., 2003. Mezhirich Upper Paleolithic site: The reconstruction of environmental conditions of the Late Pleistocene and human adaptation in the Middle Dnieper basin (Northern Ukraine) // Кам'яна доба України. 4. Р. 262–277.

Nuzhnyi D., 2006. The Latest Epigravettian Assemblages of the Middle Dnieper Basin (Northern Ukraine) // Archaeologia Baltica. Klaipeda. Vol. 7. Р. 58–93.

Nuzhnyi D., 2008. The epigravettian variability of the middle Dnieper river basin // Дослідження первісної археології в Україні: матеріали міжнародної наукової конференції (Радомишль та його історія). Київ. С. 96–134.

Petrougne V.F., 1995. Petrographical-lithological characteristics of stone materials from Late-Tripolye cemeteries of the Sofievka type: Cemeteries of the Sofievka Type. Р. 190–199. (Baltic-Pontic Studies; 3).

Soffer O., Adovasio J.M., Kornietz N.L., Velichko A.A., Gribchenko Yu.N., Lenz B.R. & Suntsov V.Yu., 1997. Cultural stratigraphy at Mezhirich, an Upper Paleolithic site in Ukraine with multiple occupation // Antiquity. 71, N 271. Р. 48–62.

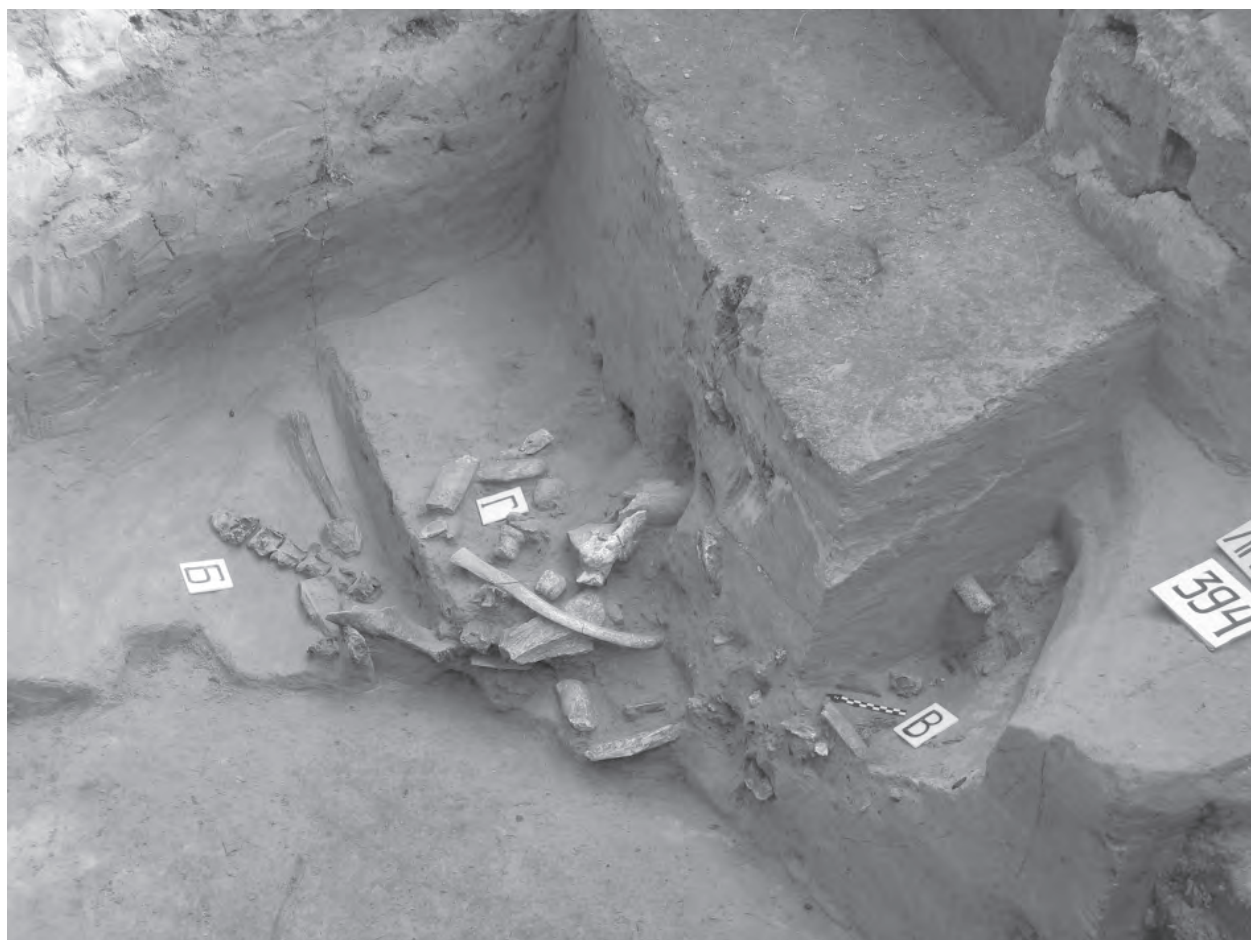

Фото 1. Вид на зольное заполнение ямы № 7 с запада

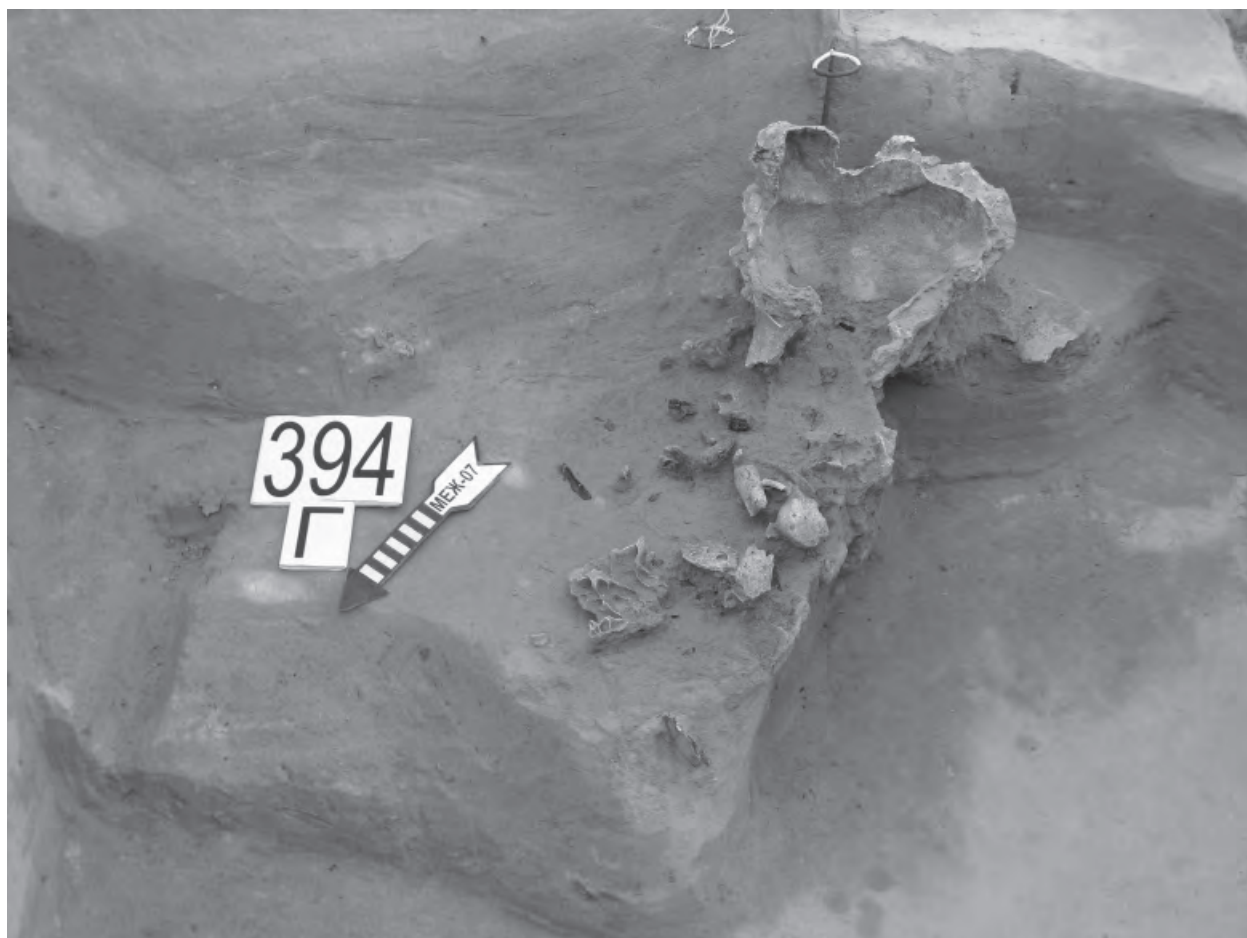

Фото 2. Вид на зольное заполнение ямы № 7 с севера

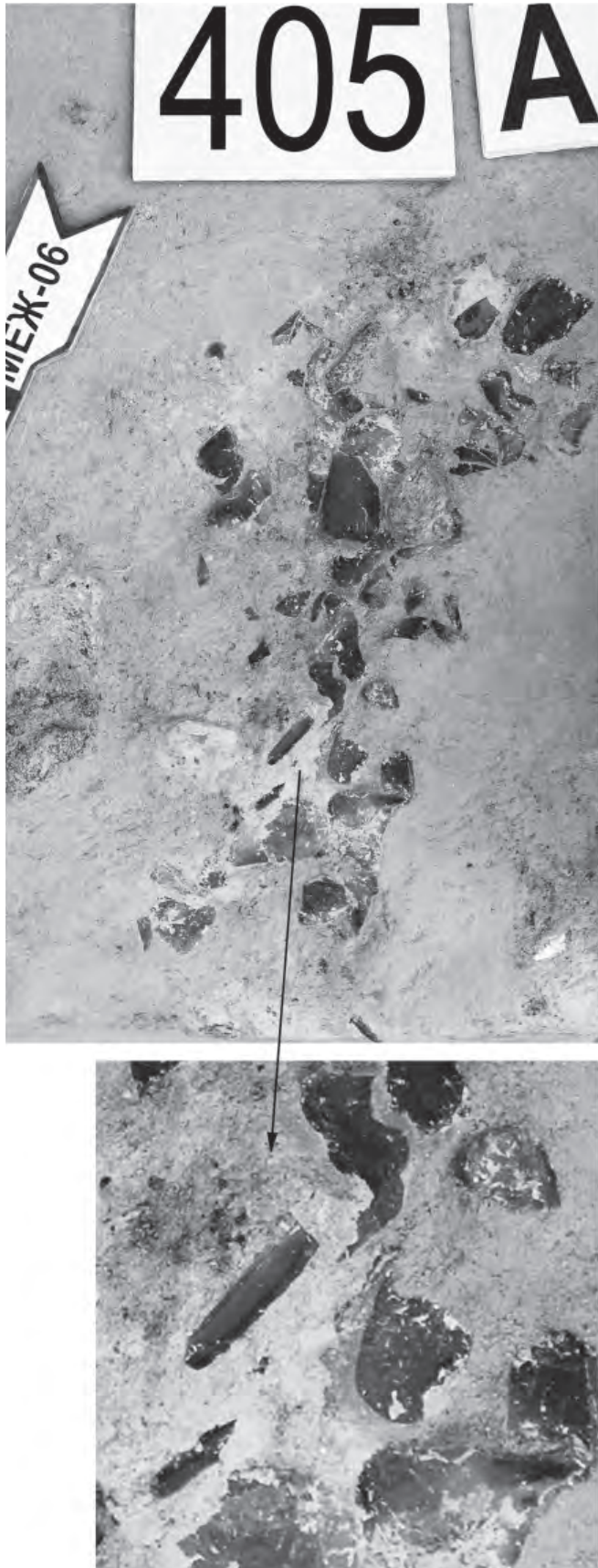

Фото 3. Вид «Точка» в южной части ямы № 7

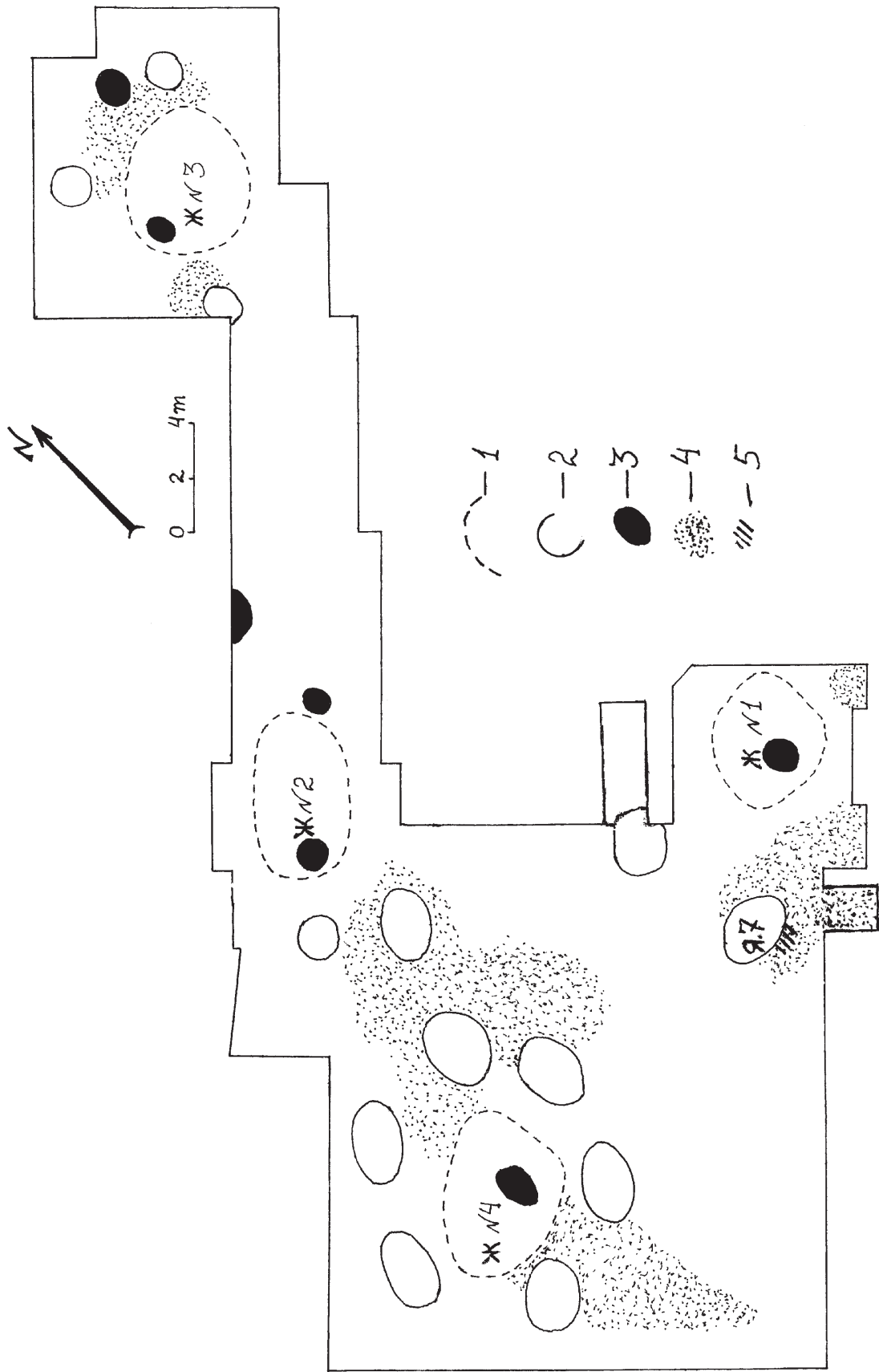

Рис. 1. Общий план Межиричского поселения

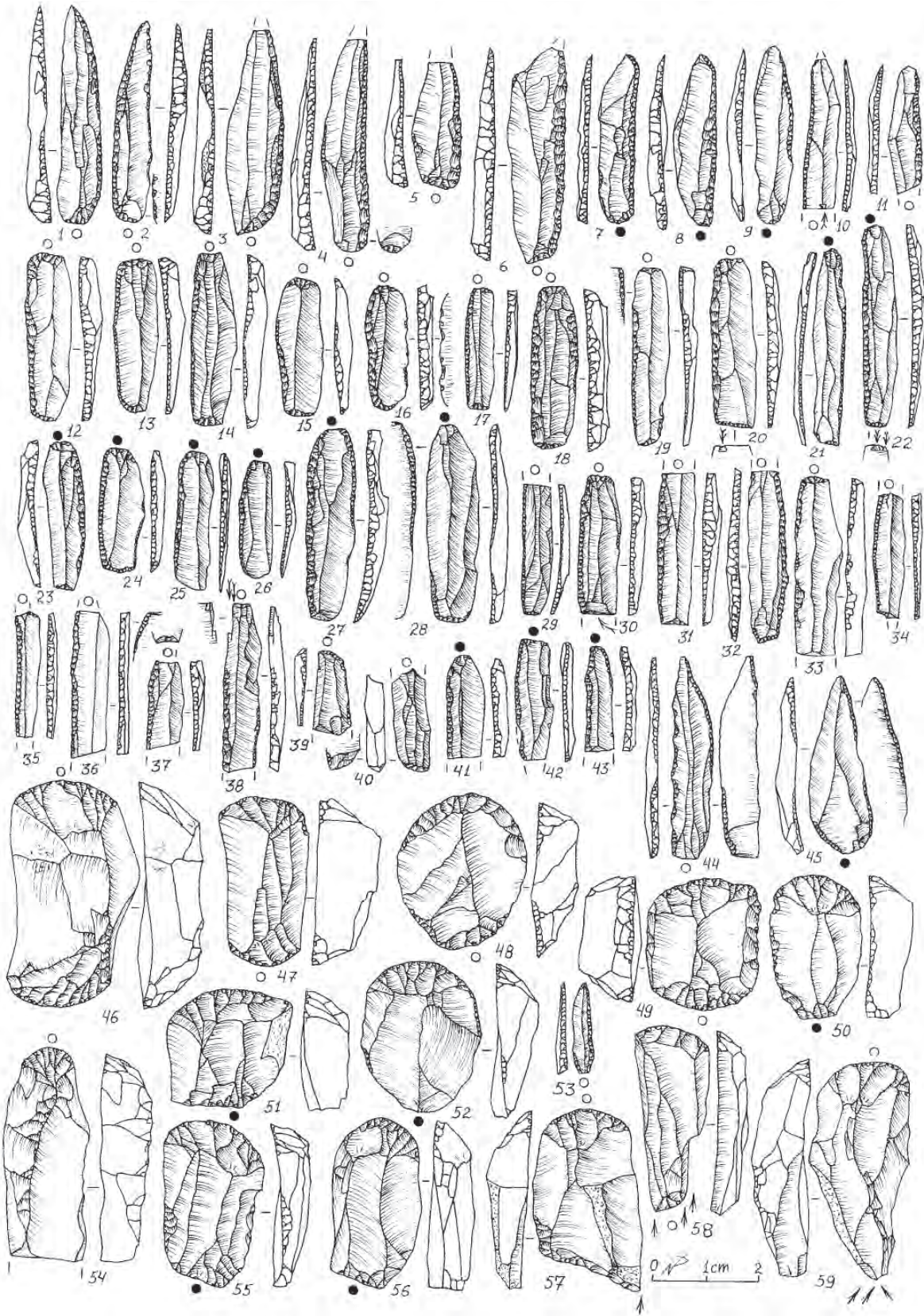

Рис. 2. Орудия из заполнения жилища № 1

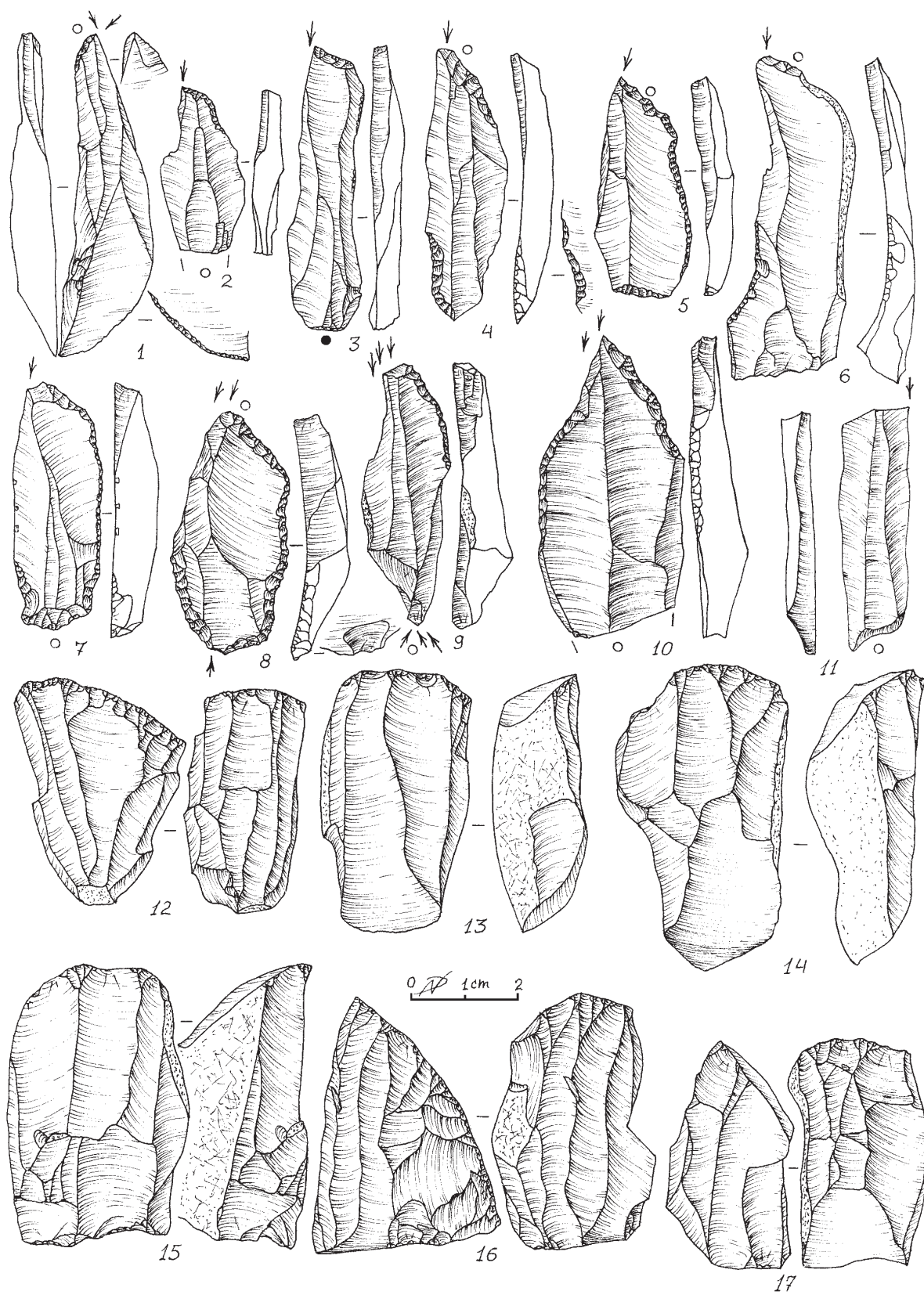

Рис. 3. Орудия и нуклеусы из заполнения жилища № 1

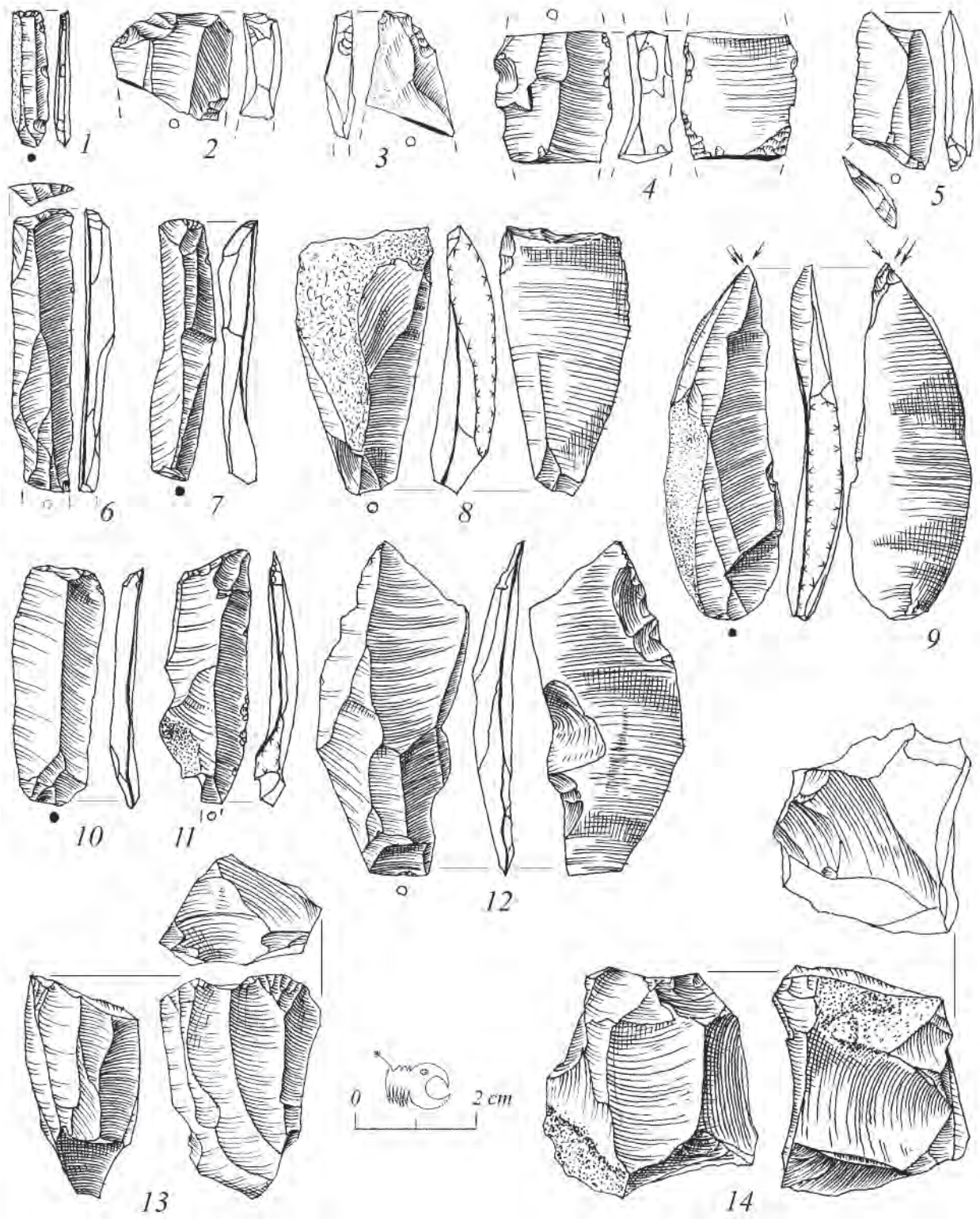

Рис. 4. Орудия и нуклеусы из заполнения жилища № 1

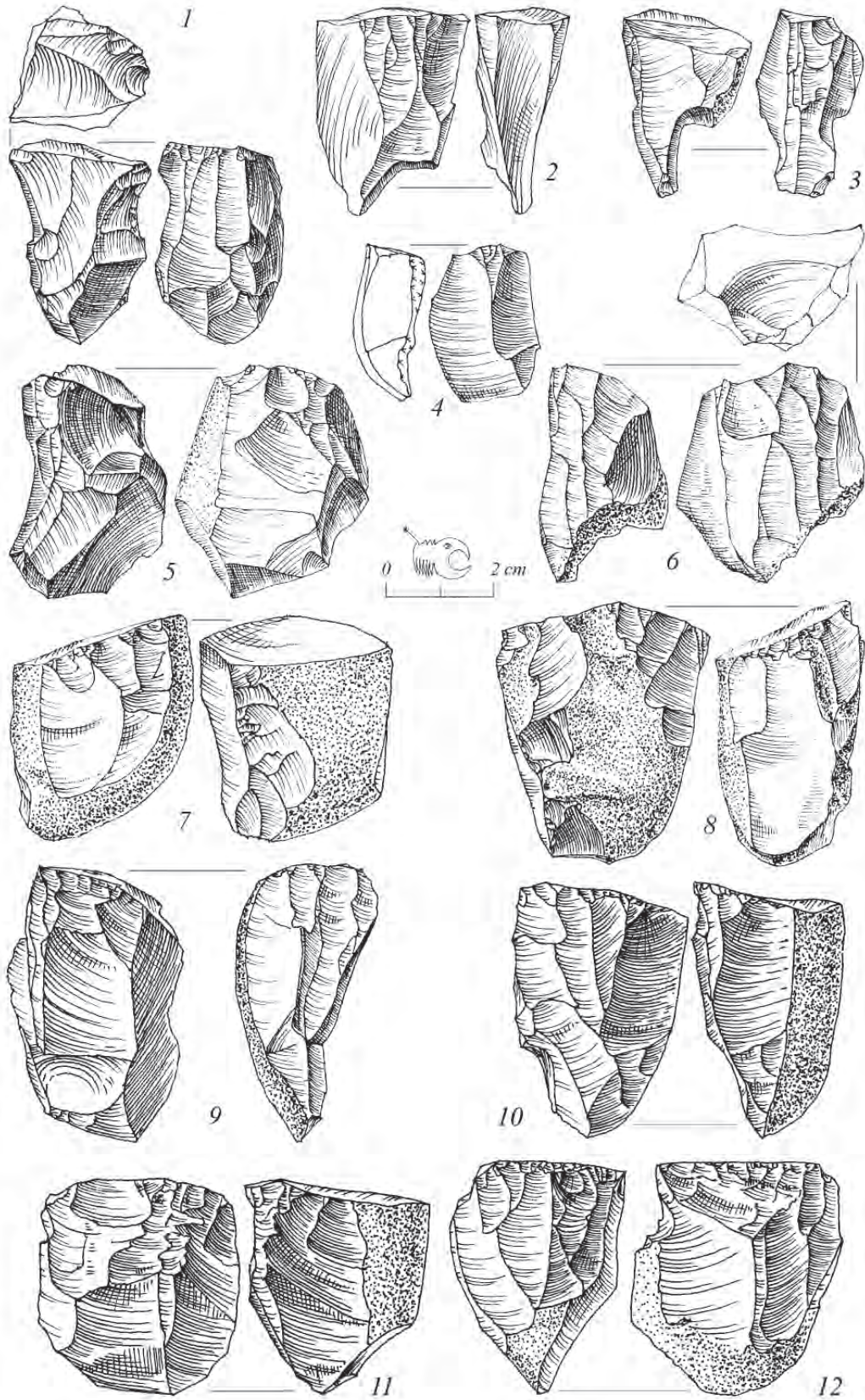

Рис. 5. Нуклеусы из заполнения жилища № 1

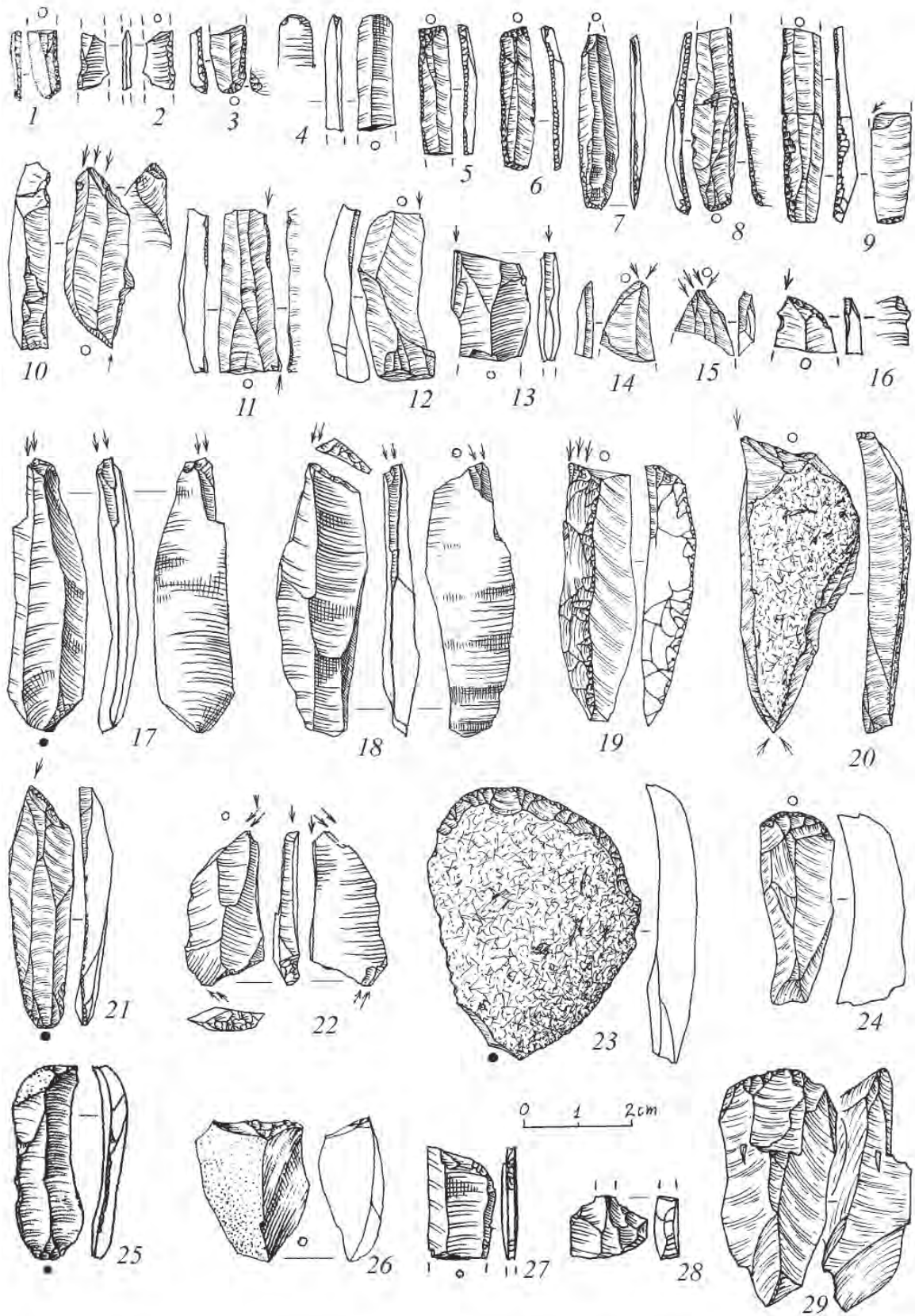
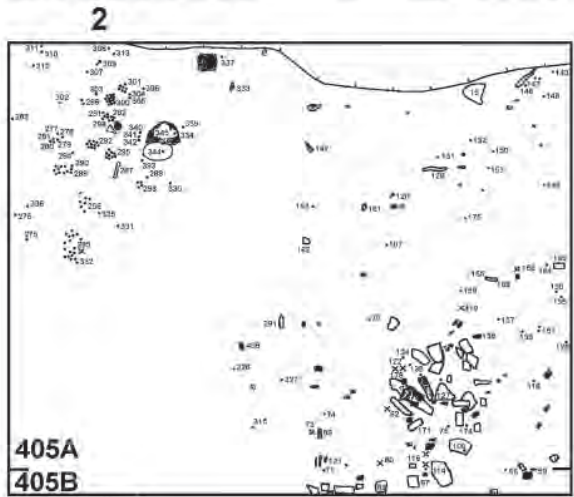
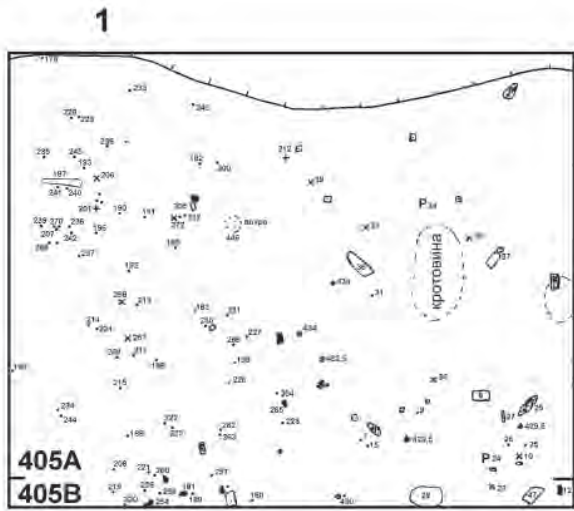

Рис. 6. Орудия и нуклеус из заполнения ямы № 7

- Умовні позначки
- × мікроліт
 - р різець
 - с скребачка
 - відщеп
 - × платівка
 - + різцевий скол
 - платівка з ретушю
 - тронкована платівка
 - ◆ кісткове вугілля чи перепалена кістка
 - кістка
 - межа зруйнованих стінок розкопів
- N 0 10 cm

Рис. 7. План расположения находок в верхней части «Точка»

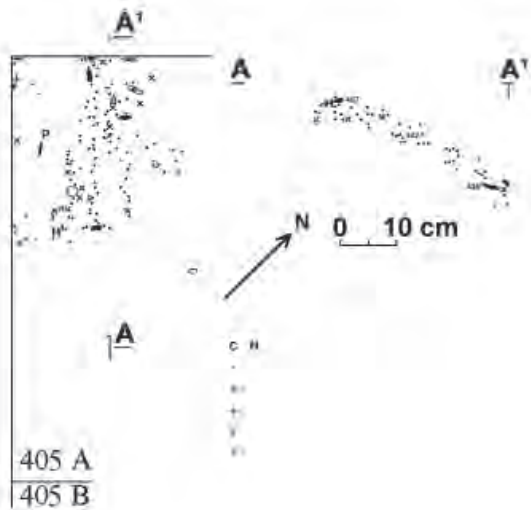

Рис. 8. План и профиль расположения находок в нижней части «Точка»

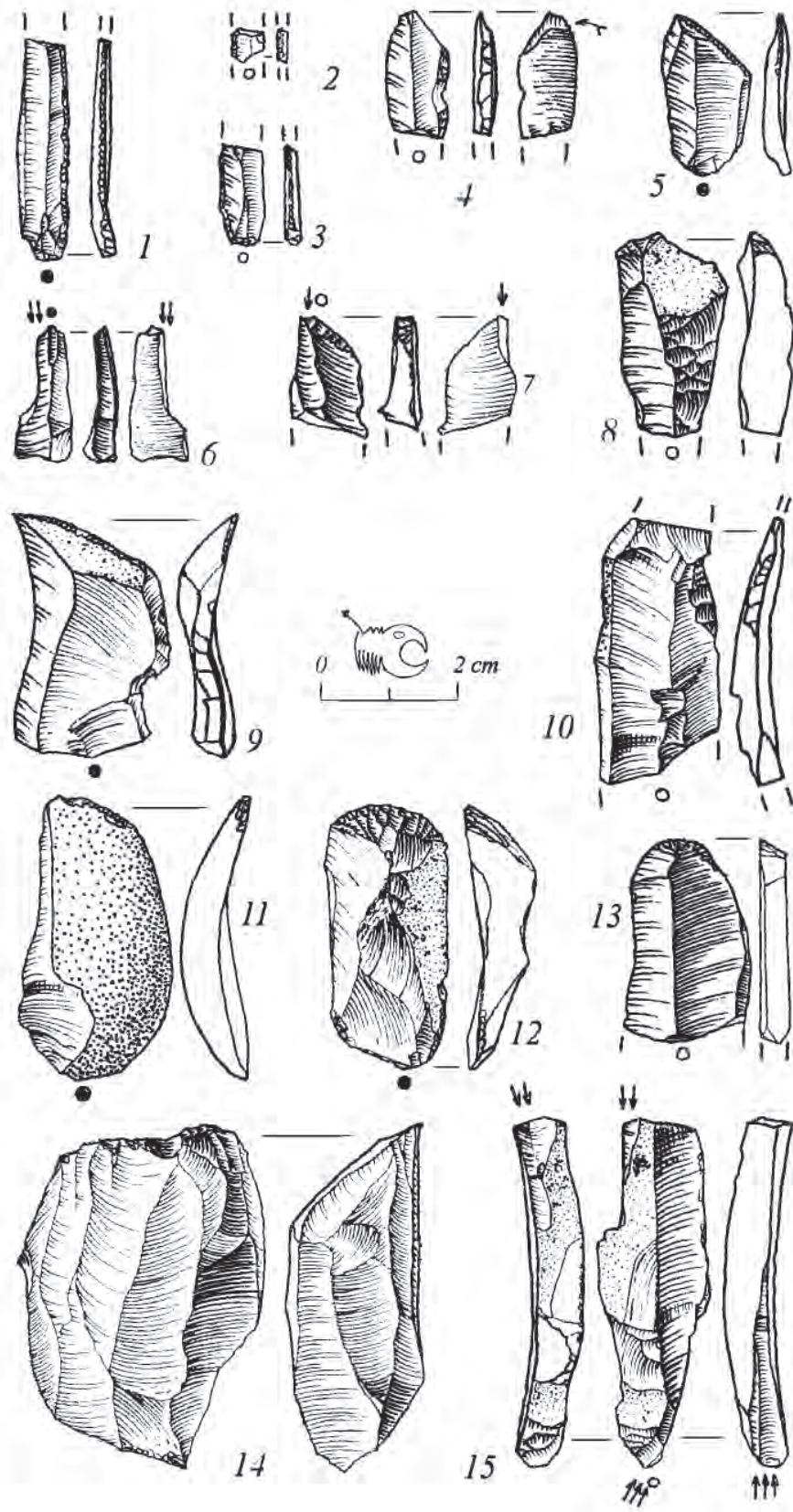

Рис. 9. Орудия и нуклеус с «Точка»

Нижний культурный слой стоянки Быки-7: проблемы и перспективы исследований

Н.Б. Ахметгалеева*

Культурные слои стоянки Быки-7. Выделяя культурные слои на стоянке Быки-7, автор следовал определению культурного слоя, предложенному Х.А. Амирхановым (Амирханов, 1997): «Культурный слой – это структурное единство предметов, объектов и других остатков человеческой деятельности, залегающих в погребенном состоянии».

В настоящий момент на памятнике выделено три культурных слоя, соответствующих разным уровням обитания. Каждый из них отражает разделенные во времени периоды существования поселений на данном участке древнего мыса. На выделенных уровнях обитания существенно отличается пространственное и структурное распространение культурных остатков (рис. 2). Археологические материалы верхних слоев относятся к единой культурной традиции, в то время как материалы нижнего культурного слоя свидетельствуют об иных технологических приоритетах.

Культурные слои получили нумерацию в соответствии с хронологией их открытия. Первым изучался I слой, в настоящий момент являющийся по своему расположению средним. Находки, залегавшие в нижней пачке лессовидных супесей, первое время (2000–2004 гг.) проходили как культурные отложения верхнего (Ia) горизонта I культурного слоя, так как в зоне жилого объекта разделяющие их супесчаные и песчаные прослойки оказались уничтожены в результате древней антропогенной деятельности, а мерзлотные деформации вызвали разнос артефактов по вертикали. Только в 2005 году, когда были вскрыты участки с насыщенным верхним культурным слоем вне жилого объекта, были четко разграничены культурные отложения разных хронологических периодов. Полученные микропрофили на новых участках показали, что существует отдельный уровень залегания находок выше культурных отложе-

ний I слоя на 15–20 см, их расположение ниже, как правило, связано с нарушениями. Не сходится и пространственное распространение культурных отложений рассматриваемых слоев. О хронологическом промежутке между периодами накопления культурных остатков свидетельствует факт разрыва искусственных ям **I культурного слоя** мерзлотными клиньями, заполненными в верхней и центральной части культурными остатками, отнесенными нами к верхнему **Ia слою**.

Культурные отложения нижнего уровня обитания, обозначенного как **II культурный слой**, были зафиксированы во время контрольного прокопа позже остальных, в 2003 году, при изучении северных границ жилого пространства I слоя. Радиоуглеродные даты, к сожалению, еще не получены. Но так как они известны для двух верхних слоев и находятся в диапазоне 14–17 тыс. лет, то возраст культурных остатков II слоя соответственно древнее и может быть около 17–18 тыс. л.н.

Стратиграфическое положение. II культурный слой расположен ниже I слоя на 50–60 см, он запечатан между толщей песка и подстилающим его прослоем бурой супеси с выраженными элементами эмбрионального почвообразования и омарганцованности (рис. 3, 4). На этом уровне фиксировались древние кротовины и многочисленные журавчики. Накопление культурных остатков приурочено к периоду относительной стабилизации древней поверхности обитания и началу процесса почвообразования.

Определялся культурный слой по охристо-углистым вкраплениям, находкам расщепленного кремня и фрагментов костей (рис. 5, 6). Большинство артефактов залегало *in situ*, образуя единый горизонт. Находки непосредственно перекрывались песком, патина на кремневых предметах отсутствовала. Все это

* Курчатовский краеведческий музей, Курчатов.

свидетельствует о резкой смене климатических условий и быстрой консервации культурного слоя.

На уровне древней поверхности фиксировалась тонкая полигональная сетка, связанная с криогенными деформациями, а на нее накладывались мерзлотные трещины более ранней генерации, разрывающие культурный слой (рис. 3–7). Условно можно подразделить участки на деформированные только мерзлотными трещинами I генерации и где фиксируется только полигональная сетка. Но в наибольшей степени древняя поверхность была изменена там, где воздействие оказали обе системы. Опишем их подробнее.

Криогенные деформации **I генерации** разрывают II культурный слой, и, соответственно, подстилающие его слои песков и супесей. Период образования: до формирования песчаной толщи, которая составляет их заполнение. Направление основных трещин идет с юго-востока на северо-запад, ширина 0,10–0,25 см. Расстояние между ними 1,2 м и более метра. Поперечные трещины слабо выражены, их ширина, как правило, не превышает 0,3–0,5 см. Борта располагаются преимущественно на одном уровне. В северном направлении мощность трещин значительно увеличивается, появляются ступенчатые разрывы. На ближайших от южной границы западины десяти метрах они накладываются на полигональную сетку трещин II генерации (рис. 2).

Мерзлотные трещины **II генерации** разрывают нижнюю толщу коричневатобурой супеси и пачку серовато-желтого мелкозернистого песка. Они образуют единую сетку. Их границы аморфны. Как в плане, так и в разрезе на разных участках они имеют разную форму, ширину, протяженность и особенности заполнения. По всей видимости, мы имеем дело с сочетанием разных видов криогенных деформаций, связанных с процессами замерзания-оттаивания. Нарушения имеют разную глубину, в большинстве случаев они заканчиваются в средней части песчаной толщи. Клиновидные структуры пробивают глубже, и в этих случаях мы наблюдаем тонкие песчаные прожилки в бурой супеси на уровне II культурного слоя, т.н. полигональную сетку. Наиболее ярко полигональная сетка проявляется, как правило, в местах крупных криогенных деформаций I генерации. Можно сказать, что она накладывается на них.

Опишем наиболее показательный участок, связанный с воздействием на культур-

ные слои криогенных деформаций разных генераций (рис. 4). На квадрате Ж-VI клиновидная структура с супесчаным заполнением постепенно переросла в трещину I генерации максимальной глубины, заполненную светло-желтым мелкозернистым песком. Собственно, нижнее дно трещины на этом участке мы не смогли поймать, т.к. после небольшого перешейка на уровне супесчаных прослоек ниже II культурного слоя она опять расширилась и ушла далеко вглубь. В разрезах южнее на квадратах E-VIII/VII и севернее на квадрате И-IV наблюдалось продолжение трещины I генерации. Выше наблюдалась сетка достаточно глубоких трещин II генерации. Нивелировочные отметки попавших туда костных остатков были самыми низкими.

В 2005–2007 гг. изучалась мощная система криогенных деформаций ранней (I) генерации, которая образовала протяженную западину, идущую с юго-запада на северо-восток через квадраты И-К/5–1, Л-Н/1-V, Н-П/VI-VIII (рис. 2, 3). Благодаря геофизической разведке, проведенной с помощью магнитометра В.Г. Бездудным, мы можем предположить, что ее ширина около 15 м, а длина может превышать 40 м. Сквозные разрезы через западину показали наличие крупных мерзлотных клиньев, образующих единую трещину, идущую по ее периметру. На расстоянии чуть более метра в пределах вскрытой площади раскопа параллельно ей расположена вторая трещина, шириной около 40 см. К северо-востоку размеры обеих трещин уменьшаются. Поперечные трещины слабо выражены, ширина их не превышает 5 см. Борта западины сложены из серовато-желтого песка, который создает подошву углубления, превращаясь в тонкую линзу.

По границе западины резко оборвалось распространение II культурного слоя. Только несколько отдельных кремней найдено по бортам и внутри мерзлотных трещин.

Можно сделать вывод о том, что резкое похолодание, вызвавшее образование мерзлотных трещин, произошло после того, как первобытный человек пришел впервые на данный участок древнего мыса. Было ли оно причиной его ухода или это произошло чуть позже, неизвестно. Культурные отложения I слоя формировались уже после деградации мерзлоты.

Пространственное распределение культурных отложений и анализ археологических материалов. Площадь распространения культурных отложений ограничена, и вероятно, не

превышает 25–30 м² (рис. 2, 5). Основная масса находок залегала на участке, прилегающем к природной западине. Как уже отмечалось, по краю западины культурные отложения резко обрывались. Не исключено, что криогенные деформации уничтожили часть данного культурного слоя. В настоящий момент во всех направлениях от зоны концентрации находок вскрыто до 4 м т. н. периферии, где культурные отложения отсутствуют или чрезвычайно редки.

Назвать изученный нами горизонт находок «жилой площадкой» или чем-то еще большим затруднительно. Это небольшой участок, на котором кратковременно происходили какие-то действия небольшой первобытной группы. Рассмотрим подробнее.

Углубленных объектов, ям, конструкций обнаружено не было, отмечались только отдельные небольшие зольные пятна. Самое большое из них 50 на 12 см мощностью 2–2,5 см (рис. 6).

Каменные орудия концентрировались в центральной части вскрытой площади. На остальной площади происходило расщепление кремня, использовались принесенные плитки. Изготовление орудий происходило в крайне ограниченных размерах.

Используемое сырье для производства кремневых изделий — черный, плитчатый мелкозернистый кремль высокого качества. На восточных участках фиксировались многочисленные предметы из темно-серого желвачного сырья. Техника расщепления плитчатая.

Всего собрано 609 экз. расщепленного кремня. Из них 4 нуклеуса, 6 нуклеивидных обломков, есть фрагмент плитки, присутствуют 3 скола — подправки площадок нуклеусов. Отщепов и мелких сколов — 203 экз. Преобладающее большинство из них не подходят для создания орудий, т.е. являются отходами производства. Чешуек 306 экз. Пластин встречено 25 экз., пластинок 24 экз., микропластинок 8 экз., также в коллекции присутствует 4 пластины с ретушью, есть пластинка с ретушью утилизации и один отщеп с ретушью.

Морфологически выраженных орудий 23 экз. (рис. 8).

Наиболее многочисленной категорией являются резцы. Их 13 экз. Есть многофасеточный, двугранный и ретушный резец на сломе пластины, двойной нуклеивидный, три многофасеточных, на сломе пластины, поперечноретушные, микрорезец на сколе, срединный резец на пластинке. Много встреча-

но и резцовых сколов — 12 экз. Есть фрагмент острия с микрорезцовым сколом. Скребок всего один — концевой со скошенным лезвием, встречены две пластины с подтеской и два еще неопределимых фрагмента орудий с ретушью. Наиболее интересной частью каменной коллекции являются две тронкированные пластинки с притупленным краем и два прямоугольника.

Пока можно говорить только о предварительных трасологических наблюдениях. Наблюдения производились с помощью металлографического микроскопа с увеличением ×100 и ×200. Исследовались в основном орудия. Отметим наиболее показательное.

Материалы стоянки оказались трудно диагностируемыми функционально, ввиду отсутствия многочисленных следов естественного происхождения. Отмечен люстраж на гранях изделий (особенно на спинке), блеск от вмещающей породы, равномерно облегающий микрорельеф, наличие «зеркалец» с плотной яркой заполировкой и беспорядочными царапинками. Кромки некоторых изделий покрыты слабой патиной, осветляющей их и «размывающей» следы износа.

На ряде изделий выявлены следы от скобления и прорезания умеренно-твердых материалов (предположительно, преобладает работа по дереву) и шкур. Хорошо развитой заполировки ни по твердым, ни по мягким материалам не встречено. Возможная причина этого видится в небольшой продолжительности работ, а также в частом переоформлении орудий. Наиболее используемые рабочие лезвия — это боковые лезвия и кромка резцового скола в ее проксимальной части. Резцовое острие на изделиях, как правило, выкрошено и слегка затуплено, наблюдаются не диагностируемые пятна слабой заполировки. Наблюдается износ на коротком участке прикромочной линии непосредственно около проксимальных концов резцовых кромок. Образоваться подобные следы могли при выстругивании тонких острий или прорезании скобящими движениями отверстий (рис. 8, 15, рис. VI а, б — *ув. вставка*).

Обратил на себя внимание технологический прием, связанный, по всей вероятности, с переоформлением орудий. На двух изделиях (ретушированной пластине и поперечноретушном резце) преднамеренно была удалена наиболее толстая часть, включающая скребковидное лезвие (рис. 8, 14, 16). На резце (рис. 8, 16) наблюдаются несколько отдельных, не-

больших и невыразительных участков со следами износа. Наиболее выражена жирная, оплавливающая края «шкурная» заполировка, покрывающая кромку излома и прилегающую, сохранившуюся часть скребкового лезвия. Сформировалась она уже после того, как последнее было преднамеренно сломано. На кромке излома присутствуют мелкие отдельные фасетки. Слабые следы скобления умеренно-твердого материала есть на проксимальной части резцовой кромки и на боковом лезвии (рис. VII — *цв. вкладка*). Наблюдение под микроскопом неконических фасеток с заломами на брюшке изделия, снятых с попеременно ретушированной кромки и утончающих дистальную часть предмета, показало следующее. Их происхождение связано с давлением на предмет, например, при использовании его как клина. Таким образом, мы засвидетельствовали неоднократное использование орудия в разных функциях, которое повлияло на существенное изменение первоначальной формы.

Судя по следам износа, в сходных функциях использовались тронкированные пластинки с притушенным краем и прямоугольники. Поверхность предметов блестит от контакта с вмещающим грунтом. Их необработанные боковые кромки немного выкрошены. Отдельные мелкие фасетки ретуши утилизации наблюдаются с обеих сторон кромки. Интенсивные следы износа отсутствуют, заполировка сохранилась только пятнами, покрывающими небольшие участки зубчиков (рис. VIII а — *цв. вкладка*). Заполировка пятнистая, создающая узкую, прерывающуюся в фасетках прикромочную линию. Рабочее лезвие не округлено, но немного затуплено. Кромочная линия неровная. Наиболее выражены следы на фрагментированных орудиях, и располагаются они около излома. Предположительно, изделия могли использоваться при резании умеренно-твердого материала (дерево?). По углам рабочей кромки наблюдаются фасетки, которые могли возникнуть при боковом давлении, например, соседнего вкладыша.

На обломке микролита (рис. 8: 3, рис. VIII б, в — *цв. вкладка*) есть участок, где, вероятно, на данный вид заполировки накладывалась проникающая, более жирная заполировка (контакт с кожей?).

Остеологическая коллекция включает всего 39 фрагментов костей. Но при такой малочисленности удивляет их разнообразие. Фаунистический анализ был произведен Н.Д. Буровой. Выявлено присутствие костных ос-

татков 5 видов животных. В основном — это осколки, образованные при раскалывании костей копытных животных в целях добычи костного мозга (лошадь — *Equus ferus*, северный олень — *Rangifer tarandus* (L.)), присутствуют костные остатки песца (*Alopex lagopus* (L.)) и зайца (*Lepus tanaiticus*), ребро волка (*Canis lupus* L.). Найдено 2 фрагмента отростка рога северного оленя. Наличие костных остатков пушных зверей предполагает возможность обитания в холодный период.

Анализируя в целом археологические материалы II культурного слоя, можно предположить, что здесь, во-первых, происходило первичное расщепление кремня, а во-вторых, в ограниченных размерах выполнялись какие-то домашние работы. Специализированный характер хозяйственной деятельности, маломощность и ограниченность распространения культурного слоя указывают на то, что мы вскрыли остатки временного перевалочного пункта. В то же время остеологический материал характерен, скорее, не для отдельного, пусть и кратковременного пункта, а для части поселения. Поэтому не исключено, что вскрыта или не вся территория стоянки или, как уже оговаривалось выше, часть археологических материалов была уничтожена и перенесена в результате сильных криогенных деформаций. Дальнейшие исследования прилегающей площади, возможно, помогут разрешить этот вопрос.

Закключение. Пространственное и структурное распределение археологических материалов II культурного слоя Быков-7 отличается от материалов вышележающих I и Ia слоев. Нижний слой имеет и более определенную локализацию во вмещающей толще.

В культурном отношении каменная индустрия II культурного слоя стоянки Быки-7 в наибольшей степени тяготеет к эпиграветтским памятникам бассейна Десны. В то же время и в технологическом, и в типологическом плане она существенно отличается от материалов вышележающих слоев с геометрическими микролитами. Возможные параллели данному инвентарю можно поискать в материалах Быков-6. Однако данных для полного анализа пока недостаточно.

Приуроченность трех культурных слоев Быков-7 к контакту разных литологических слоев отражает не только резкие изменения природного характера, но и изменение древнего рельефа. Проявления различных типов криогенеза и возникающие затем периоды деградации мерзлоты, приводившие к значи-

тельными трансформациям поверхностей, вынуждали человека покинуть привычное место. Наши исследования показали, что впервые первобытный человек пришел на данный участок древнего мыса до наступления мерзлоты, вызвавшей существенные изменения палеорельефа. Впоследствии, изучаемый участок в периоды стабилизации древней поверхности

стал вновь обитаем, но уже носителями иных культурных традиций.

Благодарности. Автор благодарит за совместные исследования своих коллег Н.Д. Бурову и В.Г. Бездудного. Особую признательность за неоднократные консультации выражаю чл.-корр. РАН Х.А. Амирханову, канд. ист. наук Е.Ю. Гире.

Литература

Амирханов Х.А., 1997. К проблеме стратиграфии и датировки культурных отложений Зарайской стоянки // РА. № 4. С. 5–16.

Ахметгалеева Н.Б., 2004. Кремневый комплекс стоянки Быки-7 // Проблемы каменного века Русской равнины. М. С. 285–298.

Ахметгалеева Н.Б., 2004. Микроиндустрия стоянки Быки-7 // Деснинские древности-III: сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. Брянск. С. 58–67.

Ахметгалеева Н.Б., 2007. О перспективе исследований взаимодействия окружающей природы и верхнепалеолитических коллективов по материалам стоянок Быки в Посеймье // Проблемы археологии каменного века: (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М. С. 155–169.

Ахметгалеева Н.Б., 2008. Смена типов верхнепалеолитических поселений на заключительных этапах последнего оледенения (по материалам стоянок Посеймья Быки) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. Т. 1. С. 102–105.

Ахметгалеева Н.Б., Бурова Н.Д., 2008. Зооархеологические наблюдения и реконструкция функционального назначения вскрытых участков стоянки Быки-7 // Человек. Адаптация. Культура. М. С. 44–55.

Рис. 1. Расположение комплекса стоянок Быки в Посеймье

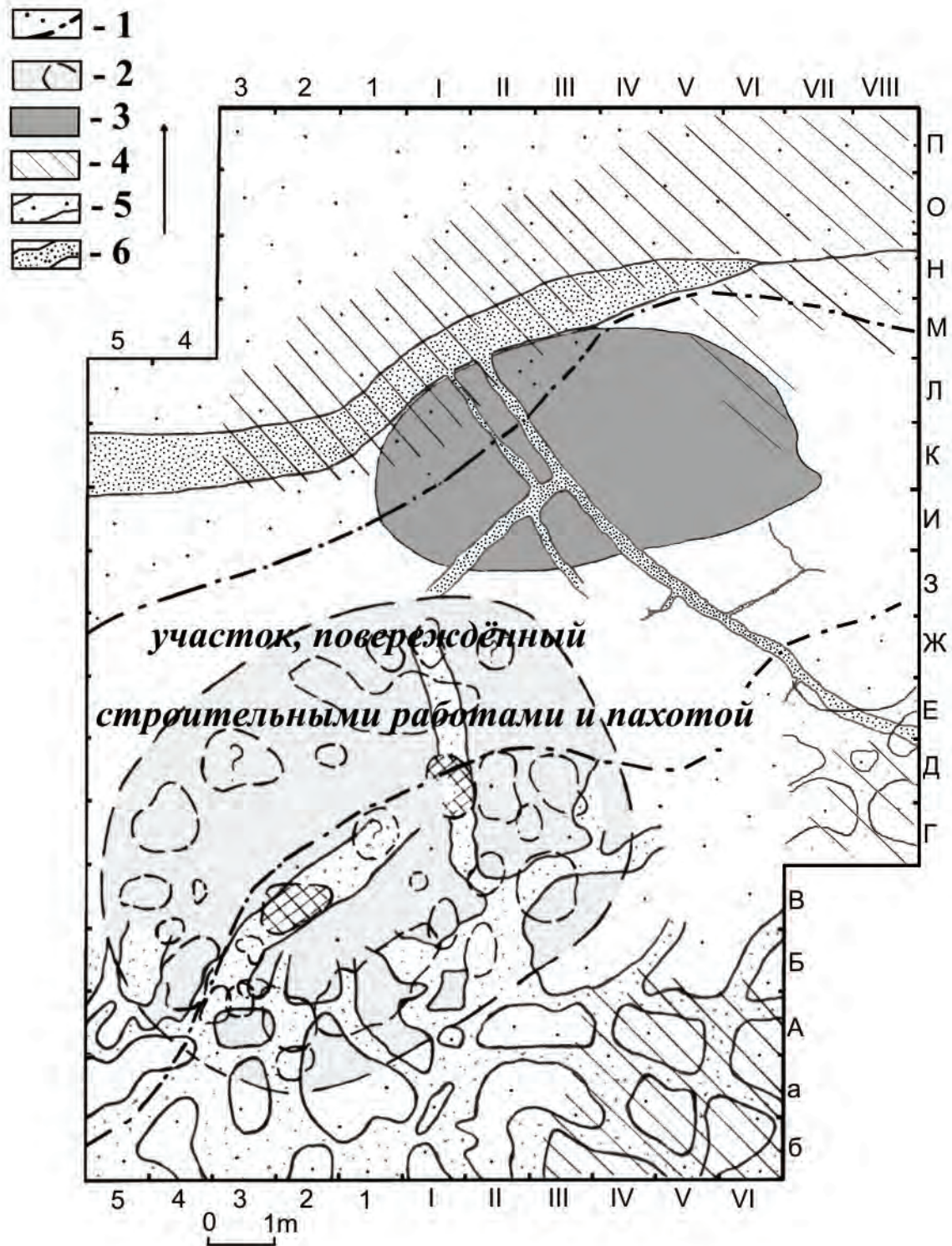

Рис. 2. Расположение культурных слоев на стоянке Быки-7, 2000–2007 гг.
 1 – Ia культурный слой; 2 – I культурный слой с искусственными объектами; 3 – II культурный слой; 4 – наиболее насыщенные участки Ia к/с; 5 – мерзлотные трещины II генерации; 6 – мерзлотные трещины I генерации

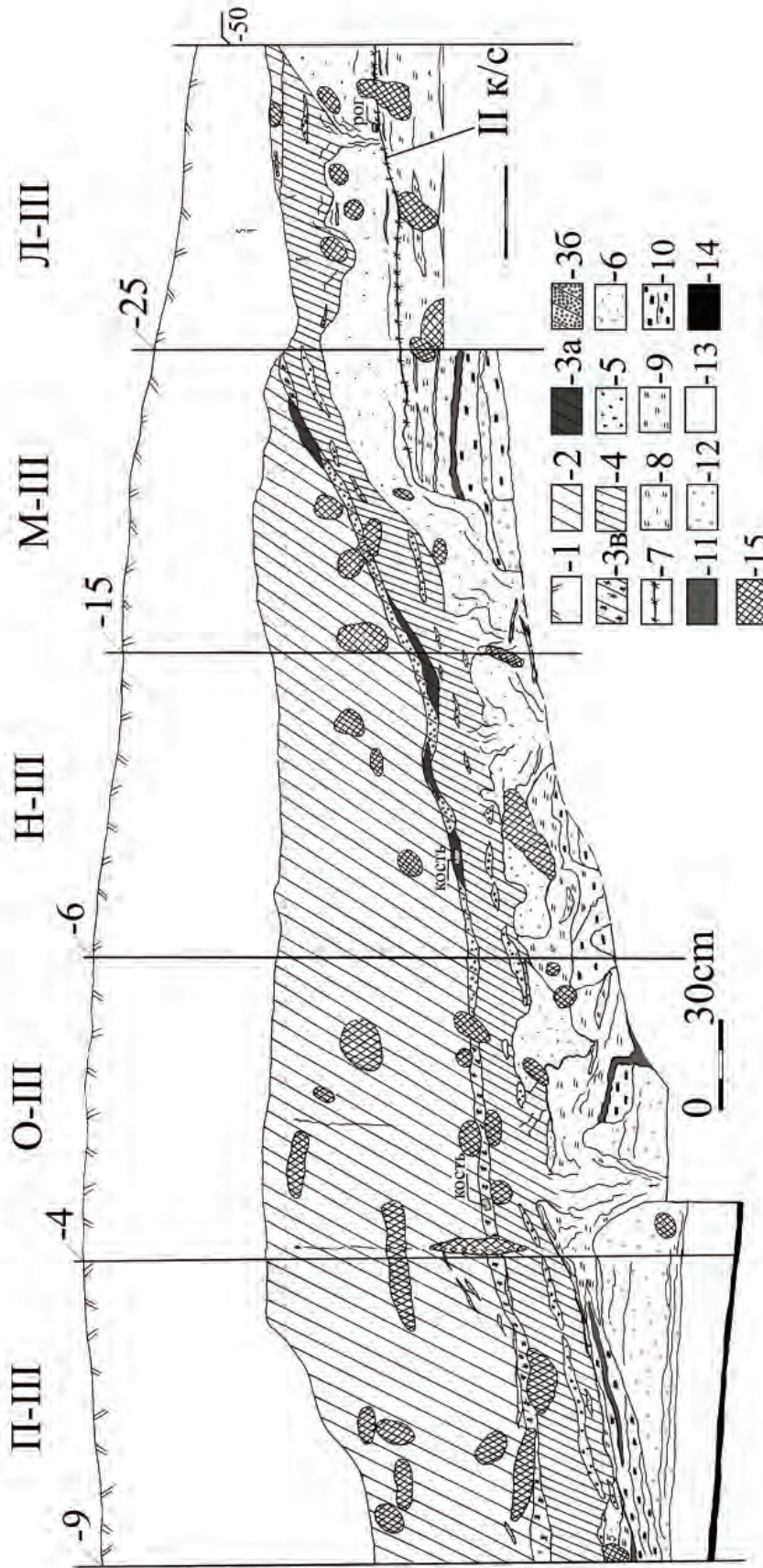

Рис. 3. Разрез восточной стенки раскопа Быки-7 / 2006:

1 – пахотный мешанный слой; 2 – лессовидная серовато-бурая супесь; 3 – 3а культурный слой; 3 – 3б культурный слой; 3 – 3в культурный слой; 4 – пахотный слой; 5 – супесь с редкими включениями углито-охристой массы; 6 – супесь с редкими включениями углито-охристой массы; 7 – прослойка зеленовато-белого песка; 8 – серовато-желтые слоистые супеси (на других участках верхней части культурный слой); 9 – прослойка белого песка; 10 – бурый слоистый супесь; 11 – бурый слоистый супесь; 12 – бурый слоистый супесь; 13 – зеленовато-белые супеси; 14 – марганцевая прослойка черного цвета, перекрывающая рыжие железистые супеси; 15 – кротовины

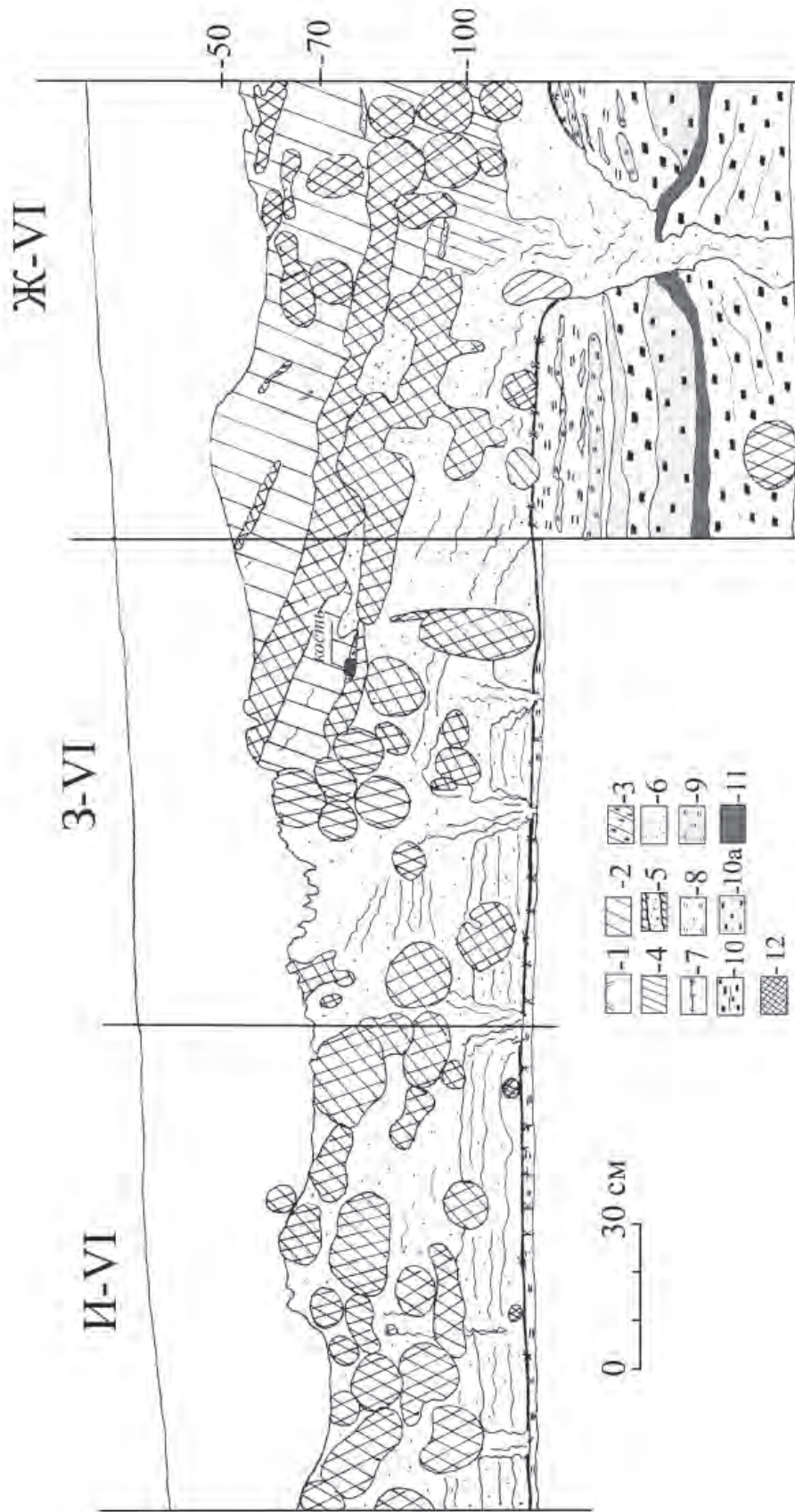

Рис. 4. Разрез восточной стенки раскопа Быки-7/2006:
 1 – пахотный мешанный слой; 2 – лессовидная серовато-бурая супесь; 3 – Ia культурный слой; 4 – коричневатого-бурая супесь; 5 – прослойка зелено-вато-белого песка; 6 – серовато-желтые слоистые пески (на других участках верхней части данных отложений соответствует I культурный слой); 7 – II культурный слой; 8 – бурые слоистые супеси; 9 – бурые слоистые супеси; 10 – темно-бурые и желтые супеси; 10a – слой желтого мелкозернистого песка в бурой супеси (№ 10); 11 – сизая супесь; 12 – тротвинны

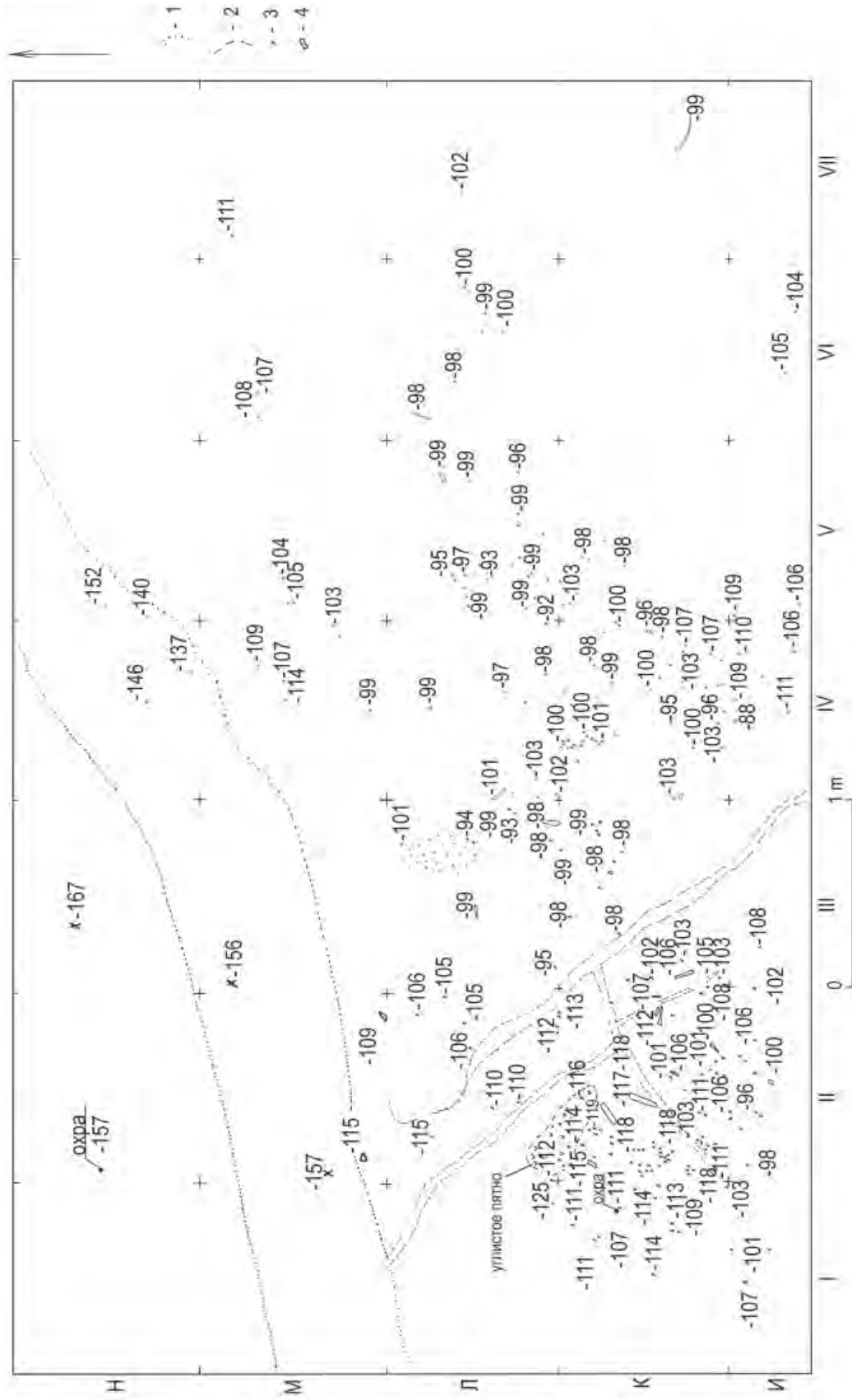

Рис. 5. План находок на стоянке Быки-7, II культурный слой.
 Условные обозначения: 1 – мерзлотная трещина I генерации, 2 – мерзлотные трещины I генерации, на которые накладывается полигональная сетка трещин II генерации, 3 – кремьень, 4 – кость

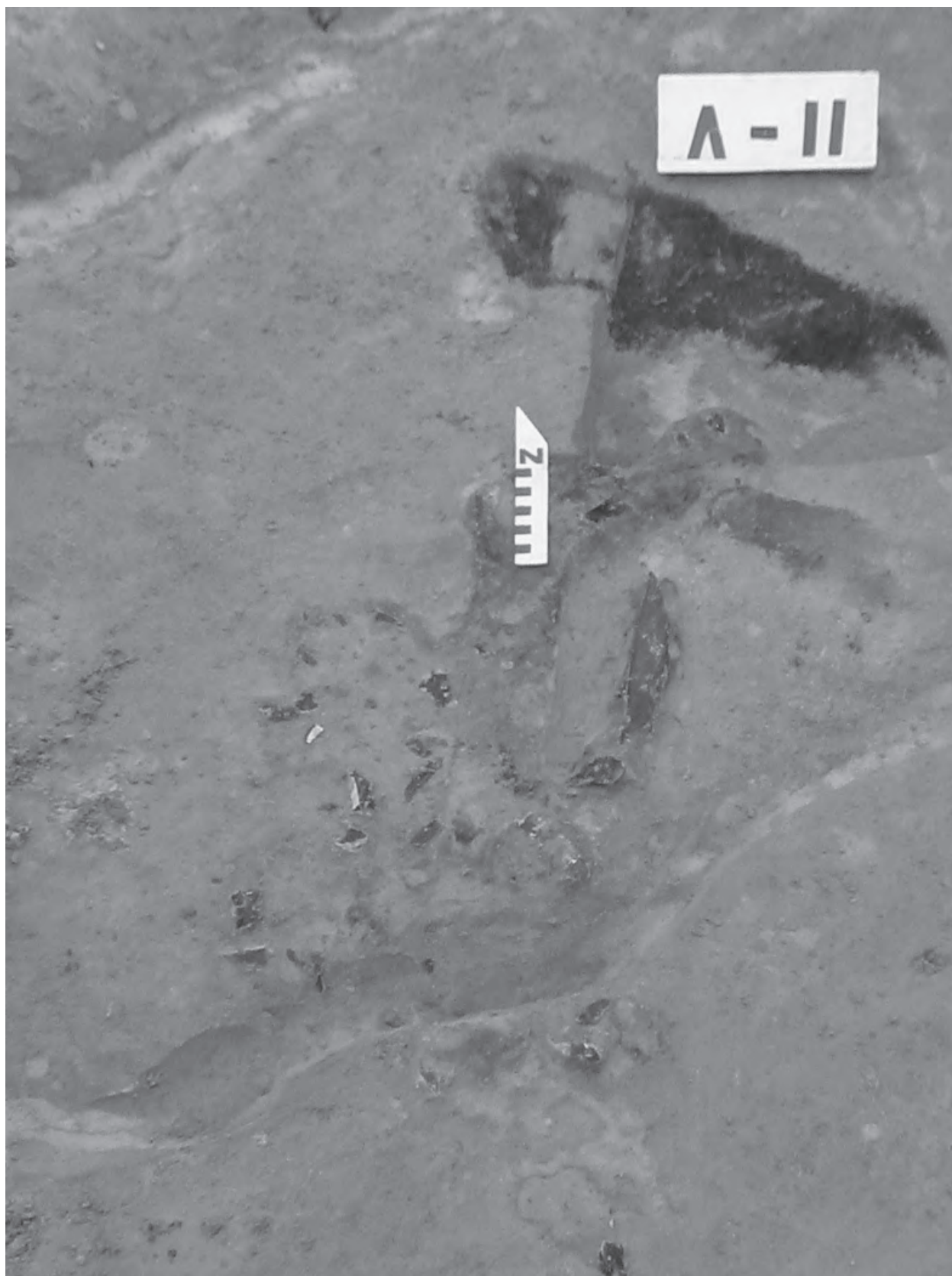

Рис. 6. II культурный слой, Быки-7. Квадрат Л-II

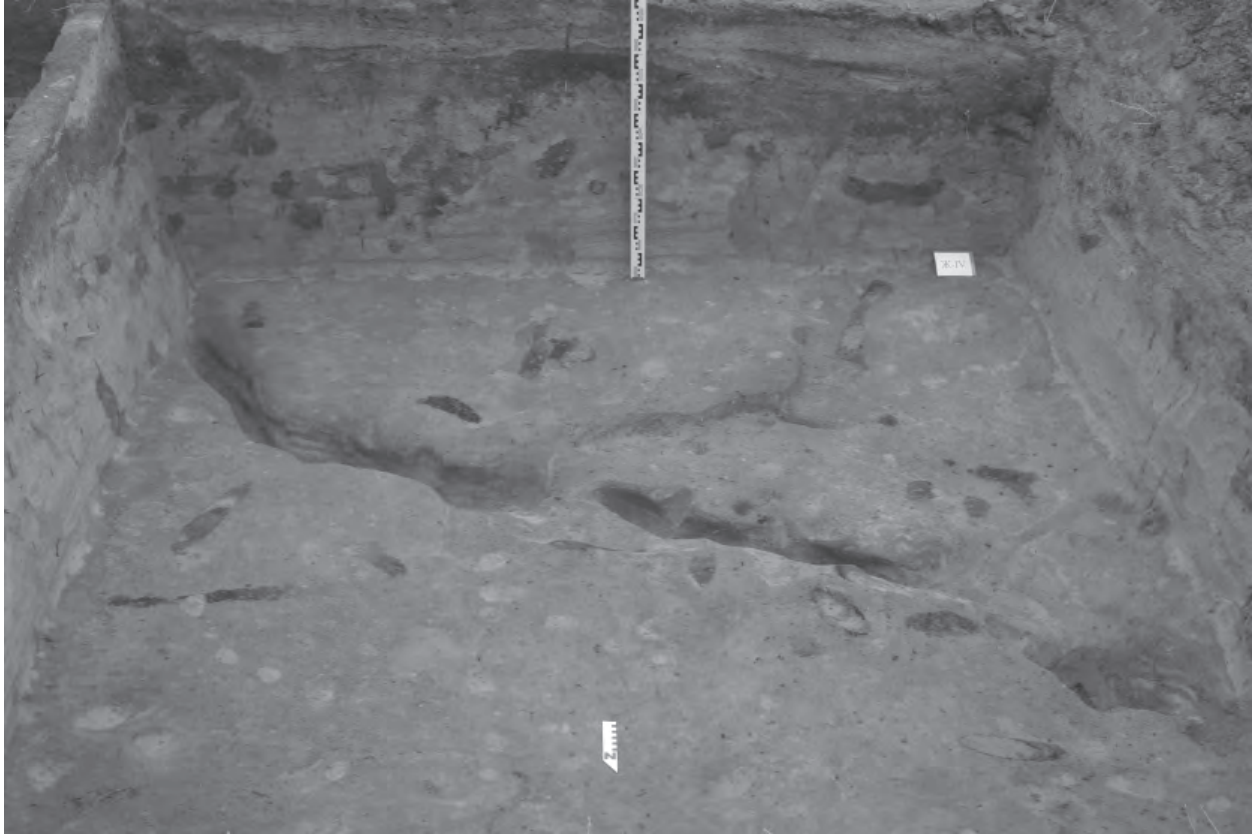

Рис. 7. II культурный слой, Быки-7.
Квадраты И-Ж/VI-IV. Пробрана мерзлотная трещина I генерации

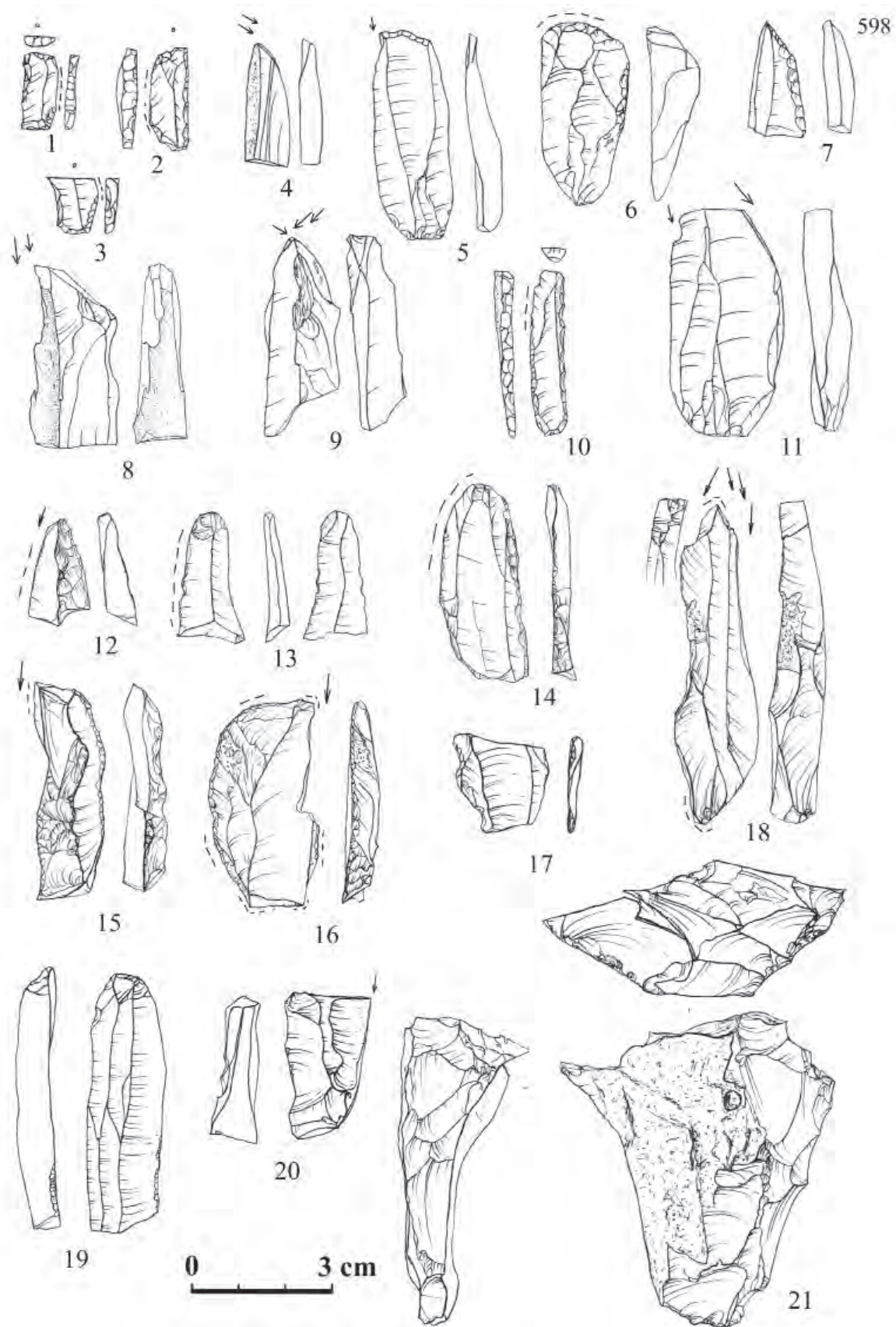

Рис. 8. Кремь II культурного слоя, Быки-7

Позднепалеолитическая стоянка Замятино 14 на Верхнем Дону

А.Н. Бессуднов*, А.А. Бессуднов**

Итоги исследований палеолитических древностей Восточной Европы в последние десятилетия позволили выйти на качественно иной уровень их интерпретации и реально обозначить в этом направлении новые возможности. Вне всякого сомнения, что в немалой степени этому способствовало достаточно активное комплексное изучение Зарайской стоянки под руководством юбиляра, Х.А. Амирханова.

Атрибуция любого нового памятника поздней поры верхнего палеолита в верхнем течении Дона интуитивно определяется его отношением к костенковско-авдеевской культуре как наиболее выразительной культуре среднего этапа. Трудно представить, чтобы столь развитая по содержанию и широкая по распространению культура бесследно исчезла с территории Русской равнины после максимума последнего оледенения. Предпринимались неоднократные попытки поиска возможных ее «преемников» среди памятников поздней поры палеолита и даже мезолита (Амирханов, 2002, 2004). Если предположение Х.А. Амирханова о «восточногравецких элементах» в финально-палеолитических и мезолитических памятниках выглядит убедительно для волго-окского бассейна, то для территории Верхнего и Среднего Дона они кажутся преждевременными из-за недостаточной историкокультурной базы и слабой изученности региона. Введение в оборот материалов новых стоянок, безусловно, способствует закрытию «белых пятен» в этом круге проблем.

До недавнего времени памятники поздней поры верхнего палеолита на Дону были представлены лишь несколькими борщевскими стоянками и единичными находками из Масловки. В последние годы были обнаружены

и изучены несколько новых стоянок, относящихся к этому периоду (Березуцкая, 1996; Шабалин и др., 2004. С. 44–48; Федюнин, 2008. С. 108–111; Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н., 2010. С. 136–145). Целью настоящей работы является введение в научный оборот материалов нового палеолитического памятника Замятино 14.

Стоянка Замятино 14 расположена в историко-географическом районе Острая Лука (излучина р. Дон возле г. Задонска) восточнее села Замятино Задонского р-на Липецкой обл. (рис. 1; координаты – 52°19'7.07" с.ш., 38°56'17.90" в.д.). Дон на данном участке делает несколько поворотов, обтекая Задонский кряж – цепь высоких холмов с выходами скальных пород, где местами сохранились реликтовые дубравы. Широкая пойма Дона и долины впадающих в него рек (Сновы, Каменки, Репца), обилие хорошо выраженных относительно низких террас, леса, которыми в древности был покрыт весь кряж, – все это способствовало высокой концентрации населения на Острой Луке во все исторические эпохи.

Район Острой Луки Дона достаточно хорошо изучен археологически. Помимо планомерных многолетних исследований на поселениях широкого хронологического диапазона от эпохи бронзы до древнерусского времени (Острая Лука ... 2004, и др.), здесь также активно производились и археологические разведки, в том числе специально организуемые для поиска палеолитических стоянок (Чубур, 1992). Несмотря на обнаружение единичных расщепленных кремней палеолитического облика и ряда позднеплейстоценовых местонахождений костей мамонта, стоянок с выраженным культурным слоем до недавнего времени так и не было выявлено.

* Липецкий государственный педагогический университет, Липецк.

** Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

Поселение Замятино 14 обнаружено в 1997 году экспедицией Государственной дирекции по охране культурного наследия Липецкой области под руководством И.Е. Бирюкова. На распахиваемой площади его были обнаружены фрагменты лепной посуды городецкой культуры (IV–III вв. до н.э.) раннего железного века (Бирюков, 1997). Им же в 1999 году было проведено повторное обследование, в ходе которого, кроме материалов сарматского времени раннего железного века, на пашне обнаружены кремневые пластина, резцовый скол и кварцитовая пластина со следами утилизации. Данные находки были отнесены к эпохе мезолита (Бирюков, 1999).

В следующем, 2000 году этой же экспедицией поселение Замятино 14 вновь обследовалось, в результате чего были выявлены свидетельства кремневой индустрии, представленные несколькими отщепами, скребками, предположительно соотнесенные с эпохой позднего палеолита – раннего мезолита (Бирюков, 2000).

В 2002 году одним из авторов публикации было продолжено изучение данного памятника посредством раскопок. Всего раскопами 1 и 2 была изучена площадь 637 кв. м (раскоп 1 – 621 кв. м, раскоп 2 – 16 кв. м) (рис. 2). При этом следует отметить, что основное сосредоточение кремневого инвентаря укладывается в площадь раскопа 1 и не превышает 25 кв. м.

Располагается памятник в 0,6 км к востоку от молочно-товарной фермы, находящейся на восточной окраине села Замятино, в 0,9 км к востоку – юго-востоку от понтонного моста через реку Дон и занимает возвышенную (22–23 м) часть правобережной террасы реки Дон, в 300 метрах южнее ее русла (рис. 1). С западной стороны он ограничен оврагом, с северо-восточной – небольшой ложбиной, за которой начинается поселение раннего железного века Замятино 3. Примерные размеры Замятино 14, определенные по распространению подъемного материала, – 200 × 80 м. Поверхность поселения разрушается интенсивной распашкой, а в западной части – оврагом.

Специальных работ по изучению геологии и геоморфологии поселения не проводилось. Суждения об условиях залегания памятника основаны на аналогиях с Гагаринской стоянкой (наиболее близко расположенной; Величко, 1961; Грищенко, 1974) и с геологией территории бассейна Верхнего Дона в целом (Грищенко, 1976). Как отмечает М.Н. Грищенко, «первая надпойменная терраса в

бассейне Верхнего Дона по высоте сближается с высокой поймой (7–8 м), геоморфологически она не выделяется и в большинстве случаев принималась за пойму» (Грищенко, 1976. С. 180). Высота второй террасы определяется им в разных районах верхнедонского бассейна от 15 до 30 м от современного уреза воды. Аналогичная ситуация прослеживается и на Замятино 14. Выположенный правый берег Дона не имеет четко выраженных ярусов, однако гипсометрический уровень мыса позволяет определить его как вторую надпойменную террасу.

Раскопами на стоянке вскрыта следующая последовательность отложений (рис. 3):

№	Характеристика отложений	Мощность, м
1	Темный (темно-коричневый) гумус (чернозем), подвергавшийся распашке на всю глубину. Содержит культурный слой раннего железного века	0,15–0,3
2	Светло-коричневый суглинок с примесью темного гумуса; в этом слое встречается небольшое количество кротовин	0,2–0,3
3	Серо-желтая плотная глина, видимая мощность	0,1–0,4

Стратиграфическая ситуация едина на всей площади мыса. Слой темного чернозема и светло-коричневого суглинка довольно сильно перемешан распашкой и кротовинами. Находки эпохи палеолита связаны с нижней частью суглинка (0,4–0,5 м от поверхности), однако встречаются и в слое пахотного чернозема и на поверхности пахоты как подъемный материал.

Слабонасыщенный палеолитический культурный слой локализуется на площади 4 × 6 м в неглубокой линзовидной западине. Западина имеет подовальную форму, слегка вытянутую по линии северо-запад – юго-восток, максимальная ее глубина не превышает 0,1–0,15 м. За пределами углубления встречаются лишь единичные находки (рис. 2). Слой представлен исключительно расщепленными кремнями и кварцитами. Признаков переотложения культурного слоя не выявлено, возможно лишь его небольшое смещение по склону.

Каменный инвентарь насчитывает 444 предмета (табл. 1), из них 367 происходят из культурного слоя. Большую часть коллекции составляют отщепы и осколки, в основном мелкие (около 50%).

Таблица 1

Замятино 14. Каменный инвентарь

Наименование	Кремень	Кварцит	%*
Орудия	35	—	7,89
Нуклеусы	3	—	0,68
Пластины, пластинки и их обломки	75	5	18,01
Пластины с ретушью утилизации	16	—	3,6
МП с ретушью утилизации	9	—	2,02
Отщепы с ретушью утилизации	2	1	0,68
Резцовые сколы	23	—	5,18
Изъянцы	2	—	0,46
Технические сколы	13	3	3,6
Отщепы	109	28	30,85
Осколки	21	1	4,96
Чешуйки и осколки <1 см	87	11	22,07
Соотношение сырья	395	49	88,97/11,03
Общее количество предметов		444	100

* Процентное соотношение каменного инвентаря приводится без учета характера сырья.

Таблица 2

Замятино 14. Орудийный набор

Наименование	Количество	%
Резцы	13	37,15
Скребки	10	28,55
Микропластинки с притупленным краем	4	11,5
Геометрические формы	2	5,7
Комбинированные орудия	2	5,7
Микропластинка с выемкой	1	2,85
Пластина с ретушью	1	2,85
Скребло	1	2,85
Ретушер	1	2,85
Всего	35	100

Основным сырьем служил черный меловой высококачественный кремень (>88%), также использовался белый кварцит. В одном случае в качестве ретушера использовалась конкреция местного слоистого плитчатого кремня коричневого цвета. Весь кремень покрыт патиной, цвет которой варьирует от белого до темно-синего. Кварцит, напротив, не имеет патины, на некоторых предметах присутствует песчаниковая корка темно-желтого цвета. Все изделия с вторичной обработкой выполнены из черного мелового кремня.

Первичная обработка кремня на стоянке не производилась, несмотря на то, что в коллекции присутствуют несколько сколов с желвачной коркой. Обращает на себя внимание бережное отношение к сырью: все крупные первичные и технические сколы переоформлялись в орудия или несут на себе ретушь утилизации.

Техника расщепления направлена на получение узких коротких пластинчатых заготовок шириной 0,5–2,5 см и длиной 2–5 см (рис. 4, 8). В то же время, подавляющее большинство изделий с вторичной обработкой выполнено на крупных широких пластинах (до 4 см в ширину

и 7 см в длину), нуклеусов с негативами таких пропорций на стоянке не обнаружено.

Большинство пластинок имеет параллельную однонаправленную огранку (>61%). Пластины с негативами встречного скальвания также присутствуют (около 5%), однако лишь в единичных случаях длина встречных сколов превышает треть размера заготовки. На большинстве крупных пластин-заготовок, в том числе на выполненных на них орудиях, имеются следы утилизации в виде мелкой нерегулярной ретуши. Интересна серия ныряющих сколов с частью противоложащей площадки – возможно, они являются результатом специального технологического приема для выравнивания поверхности скальвания (рис. 4, 2, 3, 5, 6).

На всех ядрищах, а также на серии пластинчатых снятий присутствуют дополнительные элементы подправки кромки площадки – редуцирование и абразивная подработка, реже прослеживается пришлифовка карниза.

Специфической чертой техники вторичной обработки является применение крутой и полукрутой ретуши. Распространенной является техника резцового скола: помимо серии резцов, в коллекции представлены 22 резцовых скола, из них 4 несут ретушь на боковой кромке (рис. 5, 9).

В коллекции насчитывается 3 нуклеуса. Все торцовые одноплощадочные, выполнены на массивных нуклеидных отщепках и осколках кремня, сохранивших участки желвачной корки. Вероятно, они были переоформлены в торцовые после истощения нуклеуса предыдущей стадии, о чем свидетельствует серия унаследованных крупных негативов. Предназначены для снятия пластинок и микропластинок: максимальные размеры негативов на рабочем фронте составляют 5,3 см в длину и 1,9 см в ширину.

Поверхность площадок нуклеусов гладкая, сформирована одним, реже двумя сколами. В одном случае площадка дугообразная, плавно заходящая на боковые стороны (рис. 4, 1), в двух – фронт скальвания ограничен предыдущими снятиями с тыла (рис. 4, 4, 9). Один из нуклеусов неудачный – после снятия нескольких сколов образовался залом, устранить который не удалось (рис. 4, 4).

Наличие выразительной серии технических сколов свидетельствует о неоднократном переоформлении нуклеусов. Распространен прием выравнивания поверхности скальвания путем создания унифасиального ребра (рис. 4, 5, 10).

Орудийный набор состоит из 35 предметов (табл. 2). Наиболее многочисленными категориями являются резцы (13 экз.) и скребки (10 экз.).

Резцы подразделяются на ретушные (5 экз.), угловые (3 экз.), заготовки с унаследованным резцовым сколом (т.е. без площадки, с которой происходило резцовое снятие) (3 экз.) и двугранные (1 экз.). Все резцы, за исключением двух (рис. 5, 10), выполнены на пластинах.

Технической особенностью всех ретушных резцов (за исключением одного) является формирование «узкой» площадки в месте снятия резцового скола (рис. 5, 1, 4, 7, 10). Лишь в одном случае в качестве площадки использовался притупленный крутой ретушью край пластины (рис. 5, 8). 4 ретушных резца имеют косую площадку, усекающую часть заготовки (во всех случаях дистальную), на трех из них резцовый скол слегка развернут на брюшко. Один резец имеет вентральную ретушь части дистального конца заготовки, которая при пересечении с негативом резцового скола, снятого с противоположного конца, образует небольшой шип (ретушная площадка?) (рис. 5, 7). Длина резцовых сколов занимает всю или большую часть заготовки.

Интерес представляет трансверсальный резец на отщепе с площадкой на боковой стороне, оформленной мелкой ретушью в месте снятия (рис. 5, 10).

Один боковой резец выполнен на массивной широкой пластине, площадкой для снятия резцового скола служило сильно забитое ребро в дистальной части (рис. 5, 3). Два боковых резца выполнены на массивных технических сколах с участками меловой корки: один – на реберчатой пластине (рис. 5, 5), другой – на сколе подправки площадки с негативами однонаправленного снятия на спинке пластины (рис. 5, 4). В первом случае широкая резцовая кромка подправлена двумя мелкими снятиями, во втором на площадке для снятия резцового скола наблюдается ретушь утилизации.

Кроме того, в коллекции представлены срединный резец, изготовленный на длинной пластине (рис. 5, 2), и орудия с унаследованными резцовыми сколами – два на пластинах, одна из которых ретушированная (рис. 5, 6); один – на осколке кремня.

Скребки насчитывают 10 экз.: 6 изготовлены на пластинах, остальные на отщепках. Два имеют форму вытянутого равнобедренного треугольника. Один из них, изготовленный

на реберчатой пластине с мелкой нерегулярной ретушью по одному краю, имеет высокое в профиль лезвие, перпендикулярно срезающее заготовку (рис. 6, 2). Другой выполнен на первичной пластине, имеет слабовыпуклое лезвие и полукруглую ретушь по двум сторонам (рис. 6, 3). У последнего плоскими сколами подтесан ударный бугорок. По форме к ним близок трапециевидный концебоковой скребок с выпуклым лезвием с выделенным шипом и ретушированными краями (рис. 6, 1).

Интересен стрельчатый скребок с сильно выпуклым лезвием, которое на контакте с боковыми гранями пластины образует небольшие шипы (рис. 6, 4). По обеим сторонам скребка имеется мелкая вентральная ретушь.

Один скребок миниатюрных пропорций выполнен на фрагменте полупервичной пластины с лезвием в дистальной части заготовки, оформленным стелящейся субпараллельной ретушью (рис. 6, 8).

Скрепки на отщепе имеют простые формы: два изготовлены на массивных сколах с участками меловой корки; один — на неудачном сколе с заломом. Среди них один имеет высокое в профиле лезвие, которое образует практически прямой угол с заготовкой; у двух скребков слегка скошенное лезвие (рис. 6, 5, 6). Кроме того, в коллекции содержится один мелкий обломок скребка (рис. 6, 10).

Комбинированные орудия представлены сочетанием скребок-резец. Одно орудие выполнено на длинной изогнутой в профиль пластине: на дистальном конце заготовки оформлено скребковое лезвие, на проксимальном — выемчаторетушный резец (рис. 6, 11). Одна сторона пластины покрыта меловой коркой, на другой имеется мелкая нерегулярная ретушь утилизации. Другое орудие на отщепе, снятие резцового скола происходило с противоположного скребковому лезвию конца (рис. 6, 9).

Микроинвентарь представлен микропластинками с притупленным краем (МППК) и двумя трапециями (целая и обломок). Целая трапеция — низкая, удлинённых пропорций, косое усечение краев заготовки выполнено альтернативной мелкой притупляющей ретушью (рис. 6, 14). Имеет частично притупленное основание. Обломок представляет собой пластинку с притупленным краем (основание) и косым усечением конца (рис. 6, 15).

Все микропластинки с притупленным краем фрагментированы (рис. 6, 16–19). Примечательна длинная узкая пластинка с частично притупленным краем и плоской вентральной

ретушью на противоположном крае (рис. 6, 18). По мнению Е.Ю. Гири, подобная ретушь на бруске является результатом метательного износа при использовании пластинки в качестве вкладыша. Один из обломков МППК имеет противоположную вентральную ретушь в месте слома (рис. 6, 16).

Интерес представляет проксимальный фрагмент пластины с ретушью (рис. 6, 13). По одному краю мелкая притупляющая ретушь расположена у основания заготовки; на противоположном притупляющей зубчатой ретушью сформирована выемка, отчего пластина приобретает сходство с черешком наколника с боковой выемкой.

Среди единичных орудий имеются боковое скребло на первичном отщепе (рис. 6, 12) и пластинка с выемкой (рис. 6, 21).

Также в коллекции имеется серия кремневых изделий с нерегулярной мелкой ретушью утилизации (7 пластин, 6 микропластин и 3 отщепе). На пяти пластинах ретушь локализована на боковых сторонах близко к одному из концов заготовки. На двух — дорсальная ретушь расположена в проксимальной части, вентральная — в дистальной (по одному краю) (рис. 4, 7, 10). Такое расположение ретуши позволяет предположить использование пластин в качестве ножей. Ретушь утилизации на отдельных участках микропластин может свидетельствовать о применении их в составных орудиях как вкладышей.

В целом каменный инвентарь представляется единым гомогенным комплексом. Значение памятнику придает то, что он раскопан полностью: за пределами линзовидного скопления следов культурного слоя обнаружено не было, несмотря на многократные поиски как широкими площадями, так и системой шурфов. Слабо насыщенный культурный слой, отсутствие фаунистических остатков и признаков конструктивных элементов свидетельствуют в пользу того, что данный памятник представляет собой кратковременную стоянку.

Во время обсуждения материала Замятино 14 на заседании Отдела палеолита ИИМК РАН рядом исследователей высказывалась точка зрения о принадлежности памятника к средней или финальной поре верхнего палеолита (Протокол ... 2004. С. 36). Стратиграфическая позиция культурного слоя, залегающего непосредственно под современным черноземом, не противоречит такому определению возраста. При полном отсутствии материала для радиоуглеродного датирования, наиболее

предпочтительным временем существования стоянки является отрезок 16–12 тыс. л.н.

Малочисленность коллекции не позволяет однозначно определить культурно-хронологическую позицию памятника. В орудийном наборе отсутствуют ярко выраженные специфические формы. Наличие пластинок с притупленным краем в совокупности с преобладанием ретушных резцов дают возможность лишь констатировать сходство с широким кругом памятников поздней поры верхнего палеолита. Представленные в коллекции трапеции имеют облик, не типичный для более поздних эпох на данной территории. В большинстве случаев трапециевидные изделия мезолита-неолита характеризуются высокими правильными геометрическими формами и выполнены на сечениях крупных или средних пластин (Сурков, Федюнин, 2006). Присутствие геометрических форм отмечается на многих разновременных палеолитических стоянках Русской равнины (Ахметгалеева, 2004. С. 298 и др.), при этом для поздней поры в большей степени характерны трапеции (Григорьева, 1983. С. 60) и низкие трапеции-прямоугольники (Горелик, 2001. С. 311–312). Сходство материалов Замятино 14 и памятников межиричской группы, предположенное одним из авторов данной работы (Бессуднов, 2004. С. 93), после детального анализа каменного инвентаря можно считать справедливым лишь на «стадиальном» уровне.

Сходство с отдельными категориями каменного инвентаря можно отметить в Борщеве 1. В первую очередь, это относится к скребкам на ретушированных пластинах, представленных в Борщеве 1 и Замятино 14, среди них выделяются специфические орудия, близкими по форме к высокой трапеции (Векилова, 1953). Интерес также представляет обломок черешка (?) из коллекции Замятино 14, напоминающий обломки атипичных наконечников с боковой выемкой, присутствующих в Борщеве 1.

В технике расщепления кремня определенные аналогии с замятинским комплексом отмечались А.А. Синицыным в верхнем культурном слое Костенок 1 (Протокол ... 2004. С. 36). Однако в кремневом инвентаре Замятино 14 доминирует узкая пластинчатая заготовка и отсутствуют специфические приемы изолирования и освобождения ударной площадки перед снятием пластинчатых сколов, характерных для костенковско-авдеевской культуры (Гирия, 1997. С. 166–167). Скорее всего, специфические размеры заготовок стоянки связаны с нехваткой кремневого сырья, что подтверждается предельной сработанностью нуклеусов, серии сколов их переоформления и использованием в качестве орудий «малопригодных» сколов. При этом весьма примечательным является полное отсутствие в коллекции цветного валунного кремня, тогда как на Гагаринской стоянке, расположенной менее чем в 50 км к северу, это сырье является доминирующим (Тарасов, 1979. С. 62). Ряд схожих черт наблюдается на ближайшей расположенной к югу стоянке Масловка: положение на второй террасе, залегание культурного слоя в суглинке под черноземом, использование высококачественного мелового кремня (Тарасов, 1983). К сожалению, каменный инвентарь Масловки еще менее репрезентативен, однако следует отметить наличие в коллекции микропластинки с притупленным краем.

В настоящее время происходит постепенное накопление новых и переосмысление старых данных о поздней поре верхнего палеолита Дона. Неполнота и порой даже ущербность источников не позволяет четко определять временную и культурную принадлежность отдельных памятников этого времени. При этом значителен сам факт обнаружения палеолитической стоянки между Костенками и Гагарино, делающий этот район перспективным для новых поисков.

Литература

- Амирханов Х.А., 2002. Восточнограветтские технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб.
- Амирханов Х.А., 2004. Восточнограветтские элементы в культурном субстрате волго-окского мезолита // Проблемы каменного века Русской равнины. М.
- Ахметгалеева Н.Б., 2004. Кремневый комплекс стоянки Быки 7 // Проблемы каменного века Русской равнины. М. С. 285–298.

- Березуцкая Т.Ю.*, 1996. Отчет к Открытому листу № 85 о проведении археологических исследований в Новохарьковском микрорайоне (Ольховатский район Воронежской области) в 1995 г. // Архив ИА РАН.
- Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н.*, 2010. Новые верхнепалеолитические памятники у хутора Дивногорье на Среднем Дону // РА. М. № 2. С. 136–145.
- Бессуднов А.Н.*, 2004. Новые верхнепалеолитические местонахождения бассейна Верхнего и Среднего Дона // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: тезисы Международной конференции (23–26 августа 2004 г.). Воронеж. С. 92–93.
- Бессуднов А.Н.*, 2009. Отчет о проведении охранных раскопок многослойного поселения Замятино 14 у села Замятино Задонского района Липецкой области в 2002 году // Архив ИА РАН.
- Бирюков И.Е.*, 1997. Отчет отряда по изучению памятников раннего железного века археологической экспедиции липецкой Госдирекции по охране культурного наследия области в 1997 году // Архив ИА РАН.
- Бирюков И.Е.*, 1999. Отчет археологической экспедиции липецкой Госдирекции по охране культурного наследия области в 1999 году // Архив ИА РАН.
- Бирюков И.Е.*, 2000. Отчет археологической экспедиции Госдирекции по охране культурного наследия области за 2000 год // Архив ИА РАН.
- Бирюков И.Е., Бессуднов А.Н.*, 2006. Поселение сарматского времени в районе Острой Луки Дона // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж. Вып. 12. С. 156–163.
- Векилова Е.А.*, 1953. Палеолитическая стоянка Боршево I // МИА. М.; Л. № 39. С. 111–136.
- Величко А.А.*, 1961. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М.
- Гиря Е.Ю.*, 1997. Технологический анализ каменных индустрий. СПб. Ч. 2.
- Григорьева Г.В.*, 1983. Позднепалеолитические памятники с геометрическими микролитами на Русской равнине // КСИА. М. Вып. 173. С. 55–61.
- Горелик А.Ф.*, 2001. Памятники Роголико-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев; Луганск.
- Грищенко М.Н.*, 1974. Особенности среды обитания человека верхнего палеолита в бассейне Верхнего Дона // Первообытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.
- Грищенко М.Н.*, 1976. Плейстоцен и голоцен бассейна Верхнего Дона. М.
- Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени, 2004. М. (Раннеславянский мир; вып. 6).
- Протокол заседания Отдела палеолита № 5 от 16 февраля 2004 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 312. Оп. 1. № 1976.
- Сурков А.В., Федюнин И.В.*, 2006. Геометрические микролиты Среднего и Верхнего Дона // Археологическое изучение Центральной России: тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.). Липецк. С. 84–86.
- Тарасов Л.М.*, 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.
- Тарасов Л.М.*, 1983. Масловка – палеолитическая стоянка на р. Воронеж // КСИА. М. Вып. 173. С. 67–71.
- Федюнин И.В.*, 2008. Памятник позднего палеолита в нижнем течении р. Черная Калитва на Среднем Дону // РА. М. № 4. С. 108–111.
- Чубур А.А.*, 1992. Отчет о работе палеолитического отряда археологической экспедиции Курского госпединститута в Задонском районе Липецкой и Брянском районе Брянской областей в 1992 году // Архив ИА РАН.
- Шабалин М.И., Праслов Н.Д., Холмовой Г.В.*, 2004. Открытие палеолита в окрестностях г. Воронежа // Вестник Воронежского государственного университета. Геология. Воронеж. Вып. 2. С. 44–48.

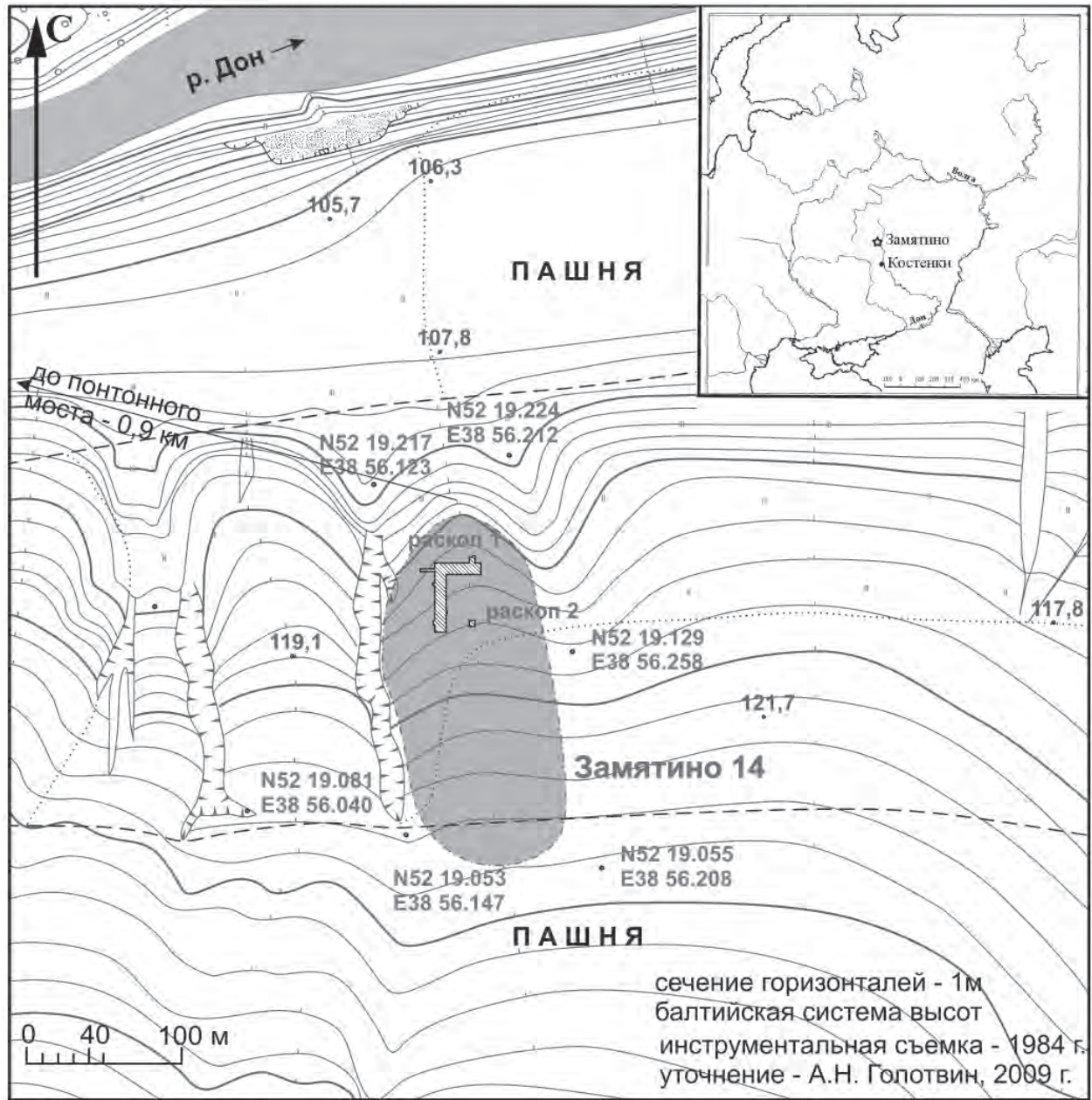

Рис. 1. Топографический план расположения стоянки Замятино 14. Заливкой отмечена площадь распространения подъемного материала

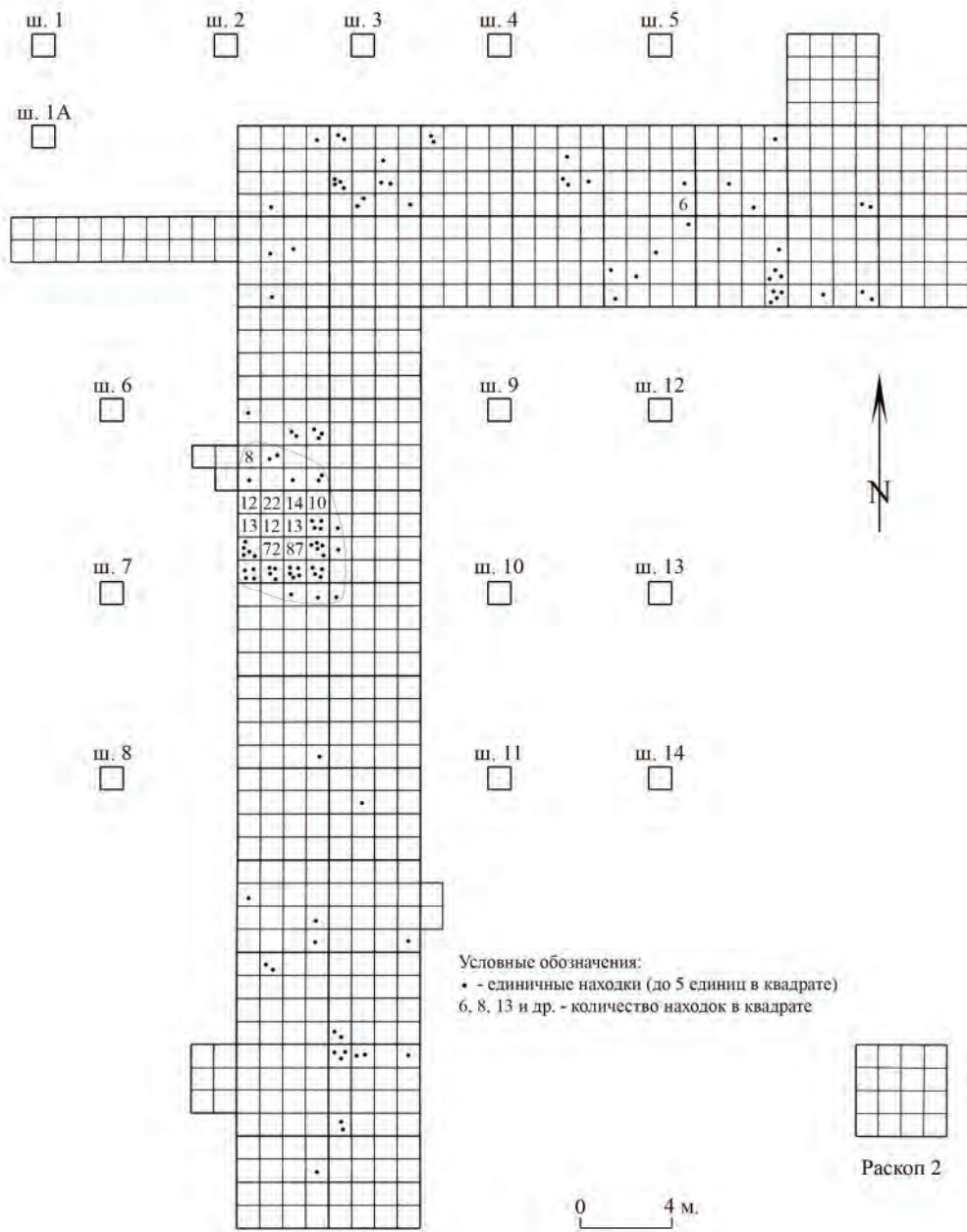

Рис. 2. Распространение каменного инвентаря по площади раскопа

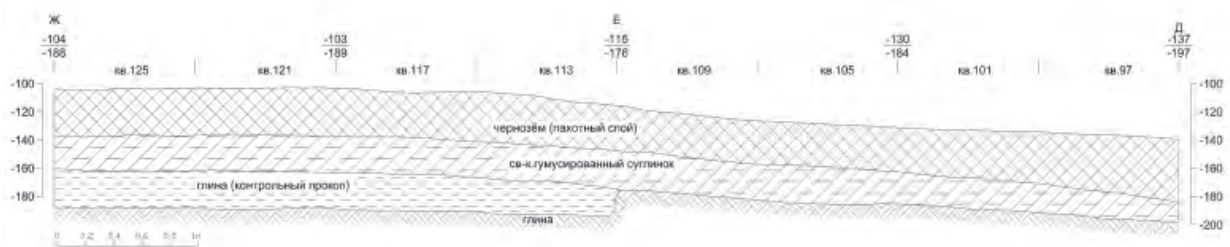

Рис. 3. Стратиграфия стоянки Замятино 14. Профиль по линии А-Б

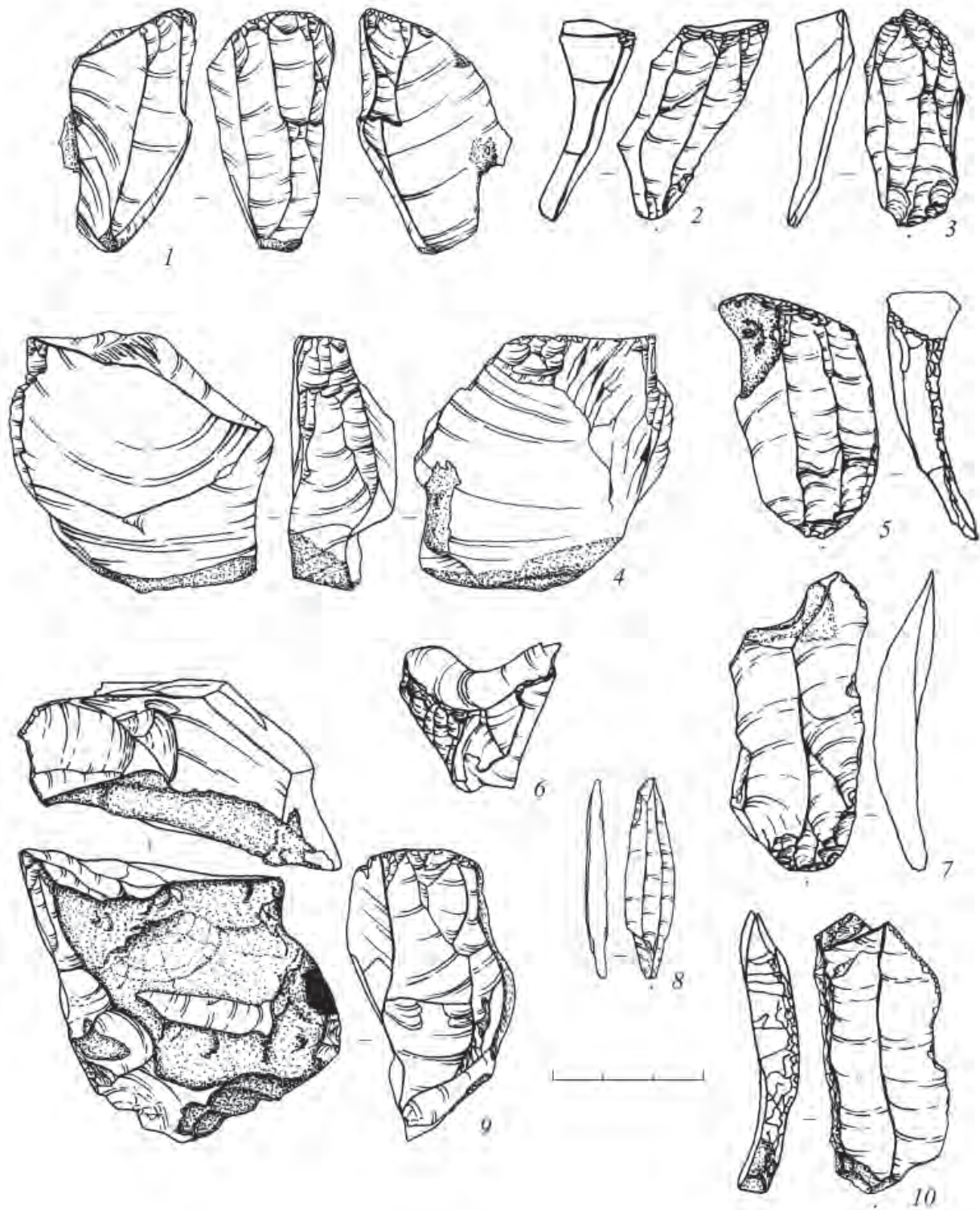

Рис. 4. Замятино 14. Каменный инвентарь (черным отмечены свежие сколы): 1, 4, 9— нуклеусы; 2, 3, 5, 6— технические сколы; 7, 10— пластины с нерегулярной ретушью; 8— пластинка

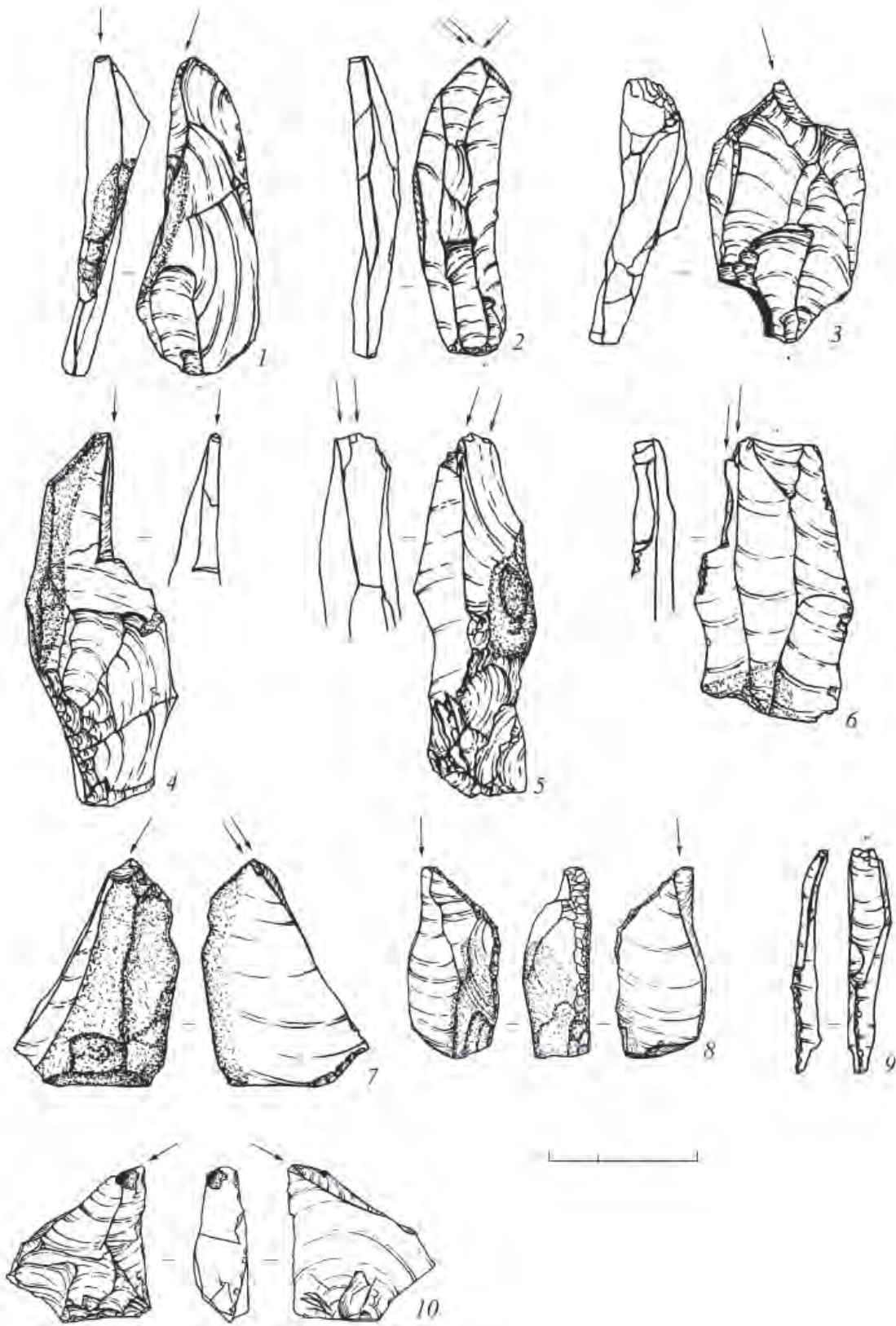

Рис. 5. Замятино 14. Каменный инвентарь (черным отмечены свежие сколы). Резцы (1-8, 10, 11) и резцовый скол с ретушью (9)

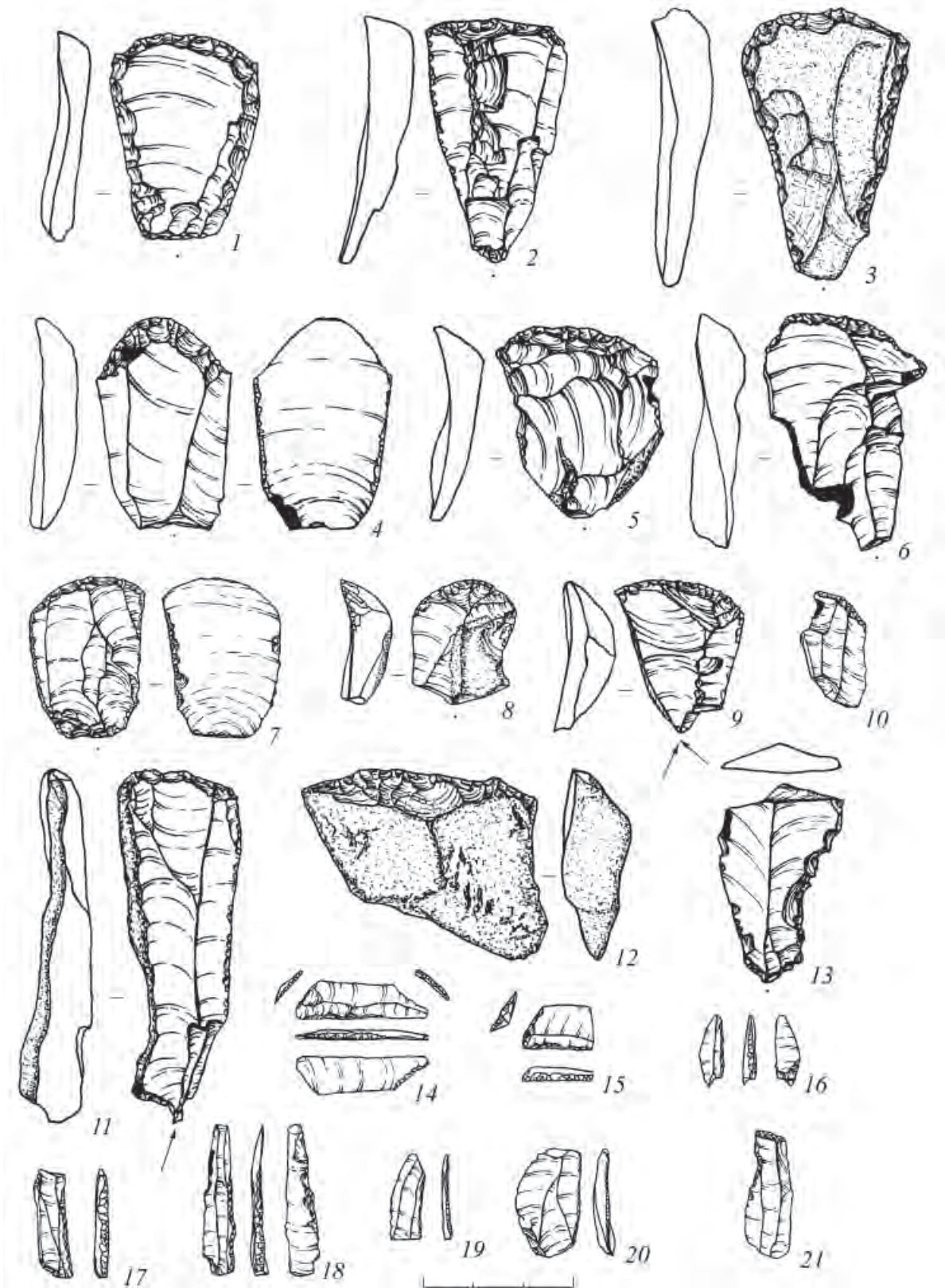

Рис. 6. Замятино 14. Каменный инвентарь (черным отмечены свежие сколы): 1-8, 10— скребки; 9, 11— комбинированные орудия; 12— скребло; 13— пластина с выемкой (черешок?); 14-21— микроинвентарь

Система природопользования и жизнеобеспечения в позднем верхнем палеолите на юге Русской равнины (на примере основного слоя верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II)*

Е.А. Виноградова, Н.Б. Леонова, М. Хамакава**

Верхнепалеолитические стоянки каменно-балковской культуры, расположенные в балке Каменной (правобережье Дона, близ его устья) хорошо известны в специальной литературе благодаря тому, что они изучались в течение долгого времени, сопровождаясь комплексными естественно-научными исследованиями. В процессе исследований собраны большие материалы, позволяющие предпринимать достаточно подробные реконструкции способов адаптации древних насельников региона к условиям окружающего их мира (Палеоэкология равнинного палеолита, 2006).

Район расположения стоянок Каменной Балки может рассматриваться в качестве модели для построения подобных реконструкций для периода верхнего плейстоцена в Северном Приазовье по следующим параметрам:

– наличие датированных или коррелятивных аналогов всех подразделений общей шкалы верхнего неойплейстоцена Восточной Европы;

– присутствие практически единственно в Северном Приазовье фаунистически датированного обнажения карангатской лиманно-морской террасы;

– палинологическая датировка всех аналогов подразделений верхнеплейстоценового (вюрмского) оледенения;

– полноценный палеозоологический анализ (на макро- и микроуровне) фаунистических материалов стоянок;

– археологическая и абсолютная датировка поздневалдайских отложений.

Реконструкции системы природопользования включают территории: 1) места жительства, 2) ежедневного регулярного посещения, 3) частых однодневных вылазок для охоты и собирательства, 4) дальних охотничьих экспедиций с организацией временных лагерей.

Каждый тип палеореконструкций предусматривает охват соответствующих по площади территорий и производится в масштабах, которые позволяют отразить строение рельефа и их ландшафтов. Кроме того, каждый раз меняются задачи использования территорий человеком, что должно находить отражение в легенде карт и схем, отражающих перечисленные реконструкции. *Территория места жительства* реконструируется обычно в масштабах порядка 1:10 – 1:100. *Территория ежедневного регулярного посещения* обычно охватывает первые сотни метров вокруг стоянки. Палеореконструкция производится в масштабах порядка 1:1000 – 1:2000. *Территория частых однодневных вылазок* для охоты и собирательства, как правило, не превышает радиуса в первые десятки километров вокруг стоянки и реконструируется в масштабах около 1:25000 – 1:100000. *Территория дальних охотничьих экспедиций* с организацией временных лагерей могла охватывать районы, расположенные на расстоянии нескольких дневных переходов, т.е. в нескольких десятках и даже первых сотнях километров от базового лагеря. При этом расширяется и целевая адресность экспедиций (в нее могут включаться задачи добычи каменного сырья, обмена и др.). Палеореконструкции при этом составляются в двух масштабах: 1) обзорный

* Работа выполнена по гранту РФФИ 10-06-00479-а «Проблемы палеоэкологических реконструкций верхнепалеолитических базовых стоянок открытого типа».

** Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва.

масштаб порядка 1:100 000 – 1:500 000 предусматривает выявление основных направлений экспедиций, 2) детальный масштаб отражает ситуацию в районе каждого временного лагеря и в целом совпадает с анализом территорий частых однодневных вылазок.

Реконструкции системы природопользования, как правило, должны сопровождаться целым рядом вспомогательных разномасштабных и многоцелевых дополнительных реконструкций. Наиболее типичными из них можно считать представления о растительности, животном мире, способах охоты, видах собирательства, стиле хозяйственной деятельности, плотности населения в регионе и возможности функциональной дифференциации этого населения (преимущественно охотники, преимущественно рыболовы и т.п.).

Сочетание разнообразных и полноценных данных по палеоэкологии и археологии могут служить основой для построения модели системы природопользования в то или иное время обитания в районе расположения памятников каменнобалковской культуры. Рассмотрим такую модель существования стоянки во время образования второго (основного) слоя – 15–16 000 лет тому назад.

Место обитания древних обитателей Каменной Балки – правый берег древнего Пра-Дона, широкой долины, в которую было глубоко врезано его русло, что произошло во время Антского регрессивного этапа, когда уровень Черного моря был более чем на 80 м ниже современного. Естественно, что Азовского моря тогда не существовало, а Дон интенсивно врезался в бывшее морское ложе.

Время накопления палеовой пачки суглинков, содержащей основной культурный слой стоянки Каменная Балка II, в значительной степени отвечает Мстинскому интерстадиалу, который начался примерно 16–15 000 лет тому назад, что соответствует абсолютным датам, полученным на материалах второго культурного слоя.

В этот период в непосредственной близости от стоянки, балка была хорошо выражена, так же как и ее правосторонний приток (овраг Большой), проходящий за стоянкой Третий мыс (рис. 1). Выше начиналась глубокая и узкая ущелистая долина среднего течения балки Каменной. В районе группы стоянок хорошо прослеживается хорошо выраженная подходящая с запада равнина и углубленные в нее основная балка и ее ложбинообразные притоки. Мыс, на котором располагалось поселение,

ограничивался с юга оврагом (так называемый Стойбищенский овраг: рис. 1), склоны которого были очень крутыми в его средней и нижней частях. Однако выше, по направлению к плакору, овраг быстро терял свою глубину. На самой стоянке наличие этого оврага вызвало формирование и существование небольшой ложбины, простирающейся с северо-запада на юго-восток, углубляющейся по направлению к юго-востоку и становящейся все более мелкой и расширяющейся к северо-западу. Она хорошо прослежена при археологических раскопках, и эти изменения в микрорельефе было использовано жителями стоянки в своей деятельности (Виноградова, 1995, 2000; Палеоэкология равнинного палеолита, 2006).

Таким образом, стоянка Каменная Балка II в эпоху формирования второго культурного слоя возвышалась над руслом Дона на 50–60 м (современная высота – 35 м). Поэтому с нее открывался прекрасный обзор прилегающих с юга и юго-востока террасовых и пойменных равнин. Вполне вероятно, что это обстоятельство играло не последнюю роль в выборе места для базовой стоянки. С северной стороны к стоянке была близка узкая лощина среднего течения балки Каменной и широкая лощина правого притока балки – оврага Большого, скорее всего обводненного. Учитывая наличие обширных возвышенных равнин по обоим бортам балки, можно предположить наличие большого разнообразия вариантов для охотничьей и собирательской деятельности.

Очень важный вопрос – наличие источников воды. Судя по проведенным исследованиям, водоток постоянно проходил в основном русле балки Каменной, но, кроме него, по-видимому, были обводнены и правобережные притоки балки – овраги Большой и Водопадный (рис. 1), которые находились не далее чем в 300–500 м от самой стоянки.

Палеоландшафтная реконструкция для времени формирования основного слоя достаточно сложна (Палеоэкология равнинного палеолита, 2006. С. 110–120), однако общая характеристика, полученная на большой серии палинологических и палеопедологических анализов (Леонова и др., 2001–2002; Спиридонова, 1991), говорит о том, что этот период был достаточно теплым. Преобладали или были существенно представлены островные сосновые и березовые леса, в состав которых входили и широколиственные породы; обычны зеленые и сфанговые мхи и реже – папоротники. Следует учесть, что при значи-

тельной облесенности в состав травянистой растительности входят разнообразные виды растений влажных лугов. Кроме того, широко представлены прибрежно-водные растения и водоросли типа *Pediastrum*, что свидетельствует о существовании небольших временных водоемов и луж. Принимая во внимание видовой состав трав (присутствие полыней и маревых, наряду с различным мезофильным разнотравьем и злаками), можно говорить о том, что некоторая часть территорий была покрыта травянисто-кустарничковыми группировками различного состава. Разнообразие растительных группировок определялось характером рельефа территории – можно с уверенностью предполагать, что обитатели стоянки жили в окружении перелесков и лугов.

С подобной палеорекострукцией растительности вполне сочетается разработанная по палеопедологическим материалам реконструкция формирования степных почв (Палеоэкология равнинного палеолита, 2006. С. 85–100).

Подобный ландшафт и состав растительного покрова представляли хорошую кормовую базу для животных, а также и для собирательской деятельности людей. О наличии собирательства косвенно свидетельствуют находки терочных плиток, присутствующие в ансамбле находок второго культурного слоя.

При обилии в ближайшем окружении древесины логично предполагать, что дерево использовалось для различных бытовых и хозяйственных нужд, а также для создания жилых конструкций или ветровых заслонов. Это положение находит подтверждение и в данных фитолитового анализа, показывающего наличие древесных фитолитов в очагах, и недавние трасологические исследования показали высокий процент орудий со следами износа, характерными для твердых материалов (кость, рог, дерево), среди которых выделяется группа скребков, использованных предположительно по работе по дереву (Александрова, 2010).

Палеозоологические данные (определения д-ра геол.-минерал. наук Э.А. Вангенгейм, канд. биол. наук И.В. Кирилловой, д-ра биол. наук А.К. Агаджаняна) соответствуют предлагаемым палеоландшафтными реконструкциям, хотя и имеют определенные ограничения – так как для определений использовались только материалы культурного слоя, то учитывались не все представители животного мира, а лишь объекты охотничьей добычи. В составе

промысловых животных встречены как обитатели открытых пространств – дикая широкопалая лошадь (*Equus latipus*), бизон (*Bison sp.*), северный олень (*Rangifer tarandus*), кулан/осел (*Equus sp. hemionus*), баран (*Ovis ovis*), обитатели лесостепных ландшафтов – заяц (*Lepus sp.*), так и лесные виды животных – бурый медведь (*Ursus arctos*), лось (*Alces alces*), зубр (*Bison Pr.*).

Анализ микрофауны также подтверждает предлагаемую реконструкцию палеоландшафтов, в коллекциях представлены животные, обитающие в разных условиях, виды, преобладающие в остепненных пространствах или лугах с присутствием древесной растительности: суслик (*Spermophilus*), сурок (*Marmota bobak*), тушканчик (*Allactada*), пищуха (*Ochotona*), мелкие землерои (*Spalax*, *Sorex*, *Crociodura*). Их общий видовой состав свидетельствует об относительно теплых и мягких климатических условиях, близких к современным. Следует заметить, что, судя по археологическим материалам, большое количество костей сурков и сусликов было найдено в обожженном состоянии в заполнении очагов основного слоя, что позволяет говорить о том, что эти животные активно использовались в пищу. Сделанный анализ костей мелких млекопитающих подтверждает то, что они были искусственно обожжены (Агаджанян, 2006; Палеоэкология равнинного палеолита, 2006). По-видимому, при моделируемом разнообразии ландшафтов животный мир был весьма разнообразен.

Изучение памятников каменнобалковской культуры позволяет предложить следующую модель заселения этого района: базовая стоянка была расположена в низовьях балки Каменной на относительно высоком борту долины. На окружающей ее близкой территории, которая посещалась достаточно регулярно, располагалась несколько маленьких стоянок-спутников – охотничьих и/или собирательских лагерей. В настоящее время здесь зафиксировано некоторое количество небольших памятников с бедным или разрушенным культурным слоем (рис. 4). Их изучение – дальнейшая задача исследований.

Анализ распределения и состава фаунистических остатков на базовых стоянках каменнобалковской культуры показывает, что далеко не все части скелета промысловых животных представлены на них (рис. 2–3). Тщательное палеозоологическое исследование показывает, что на стоянку приносились только те части, которые имели либо пищевую, либо

какую-то иную ценность: так, например, нижние челюсти лошади могли использоваться как основа для вкладышевых орудий, а длинные кости копытных использовались при создании строительных конструкций. На всех стоянках каменнобалковской культуры известны так называемые «ямки со вкопанными костями», которые, судя по их расположению, служили забутовками для столбов и столбиков каких-то конструкций. Часть костей служила топливом.

Исходя из всего вышесказанного, можно с уверенностью говорить о том, что разделка охотничьей добычи происходила вне базовой стоянки. Многочисленные данные этноархеологии позволяют с определенной долей уверенности говорить о существовании специальных охотничьих мест забоя и разделки — известные археологические данные (Амвросиевское костыще, материалы по подобным памятникам палеоиндейцев) не противостоят этому положению (Леонова, Миньков, 1987; Frison, 1988, 1989; Todd, 1984; Leonova, Min'kov, 1988).

Новые методы исследования остатков охотничьей добычи позволили отчасти решить вопрос о длительности бытования памятника: проделанный анализ зубного цемента добытых и принесенных на стоянку животных позволяет говорить о практически круглогодичной охоте, проводившейся на стоянке. Данные анализа, методика которого подробно описана в работах Г.А. Клевезаль (Клевезаль, 1988), и который был проделан на большой выборке остеологического материала основного слоя под ее руководством Е.В. Леоновой, показывают, что крупные промысловые животные добывались во все годовые сезоны, а их пространственное распределение позволяет говорить о том, что они распределяются по площади стоянки достаточно равномерно (Палеоэкология равнинного палеолита, 2006. С. 239).

Район регулярного посещения, определяющийся размерами средней дневной охотничьей или собирательской вылазки, включал в себя часть аллювиальной пойменной равнины палео-Дона и прилегающую к ней с севера полого-холмистую правобережную возвышенность. Эта возвышенность объединяет древние (плиоценовые) водоразделы, ограничивающие бассейн балки Каменной и расположенное между ними широкое днище, в которое углублен узкий плейстоценовый врез верхнего и среднего течения современной балки.

Этот участок имел в плане форму, близкую к треугольной; восточное ребро этого умозрительного треугольника было субмеридиональным, длиной 10–15 км, и проходило по долине реки Мокрый Чалтырь, где известна одна тонкослойная стоянка каменнобалковской культуры (Мокрочалтырская стоянка) и два местонахождения кремневого материала. Северо-западное ребро было диагональным, протяженностью 15–20 км, что соответствует правобережью балки Донской Чулек, где обнаружен ряд местонахождений кремня каменнобалковского характера, а также известная стоянка Каменецкого (Донской Чулек 1), расположенная на левом берегу балки, содержащая богатый инвентарь, но несохранившийся культурный слой. Южное ребро определялось расположением глубоких проток на пойме палео-Дона. Можно предполагать, что общая площадь этой территории вряд ли превышала 150–200 кв. км (рис. 4.)

Кроме территории регулярного посещения население Каменной Балки пользовались ресурсами и более отдаленных областей: кремневое сырье поставлялось из долины р. Крынки, притока р. Миус, расположенной западнее на расстоянии 120–150 км, и района Лысогорки — в 80 км по направлению к юго-западу. Так как у выходов кремненосных пород сохранились лишь мастерские по первичной обработке сырья, существовавшие, судя по отходам производства и редким изделиям, в течение длительного времени, а стоянок, имеющих культурную атрибуцию, не известно, то мы не можем с уверенностью означать конкретное место (места), где насельники Каменной Балки добывали необходимое им сырье. Однако петрографический и спектральный петрографический анализ достаточно точно их определяет, из чего следует, что древние обитатели Каменной балки предпринимали с какой-то регулярностью достаточно длительные путешествия.

Таким образом, можно сказать, что территории, охватывавшиеся хозяйственной деятельностью жителей стоянок Каменной балки, были достаточно велики, но использовались с разной частотой.

Археологическое изучение культурных слоев стоянок позволяет говорить о сложной планировке поселений, наличии производственных зон и жилых площадок, включавших легкие наземные жилища. Количество жилых площадок, существовавших одновременно, позволяет говорить о численности жителей по-

селения в определенный момент его существования.

Жилая площадка каменнобалковской культуры, хорошо прослеженная на материалах основного слоя стоянок Каменная Балка II, Каменная Балка I, выглядит следующим образом: ее «центром» является относительно небольшой участок (20–22 кв. м), с насыщенным культурными остатками слоем. Этот участок имеет четкие пространственные границы, которые, скорее всего, были определены наличием ограждения, о чем зачастую свидетельствуют соответственно расположенные ямки со вкопанными костями, которые могли служить укрепленными упорами для центральных, как правило, расположенных у очагов, и краевых столбов. По длинной оси этого участка, или в его центральной части, расположено несколько очагов. Вокруг очагов концентрировались насыщенные кремневым материалом участки, характеризующиеся интенсивным использованием разных групп орудий, хотя встречаются и очаги, вокруг которых группируются лишь кухонные отбросы. Судя по проведенному анализу включенных в слой аминокислот и белков, здесь происходили действия по разделке и употреблению мясных продуктов или продуктов, содержащих белок.

Можно с уверенностью предполагать, что такое овальное скопление культурных остатков представляет собой остатки наземного жилища. Состав расщепленного кремня на таком скоплении богат орудиями, в то время как продукты первичного расщепления представлены, как правило, в меньшем объеме.

В непосредственной близости от такого объекта (жилища) обычно располагалось несколько специализированных производственных центров, на которых происходила разнообразная работа, связанная с подготовкой и расщеплением нуклеуса, изготовлением и использованием различных орудий. Эти производственные центры невелики по площади, но очень насыщены расщепленным кремнем. Расстояние, разделяющее жилище и сопутствующие производственные центры, невелико, оно колеблется от 2 до 8–10 м. Таким образом, вся «жилая площадка», включающая жилище и его «округу, подворье», невелика и не превышает 80–100 кв. м. Данные ремонта показывают тесные связи, объединяющие производственные центры как между собой, так и с приочажными участками в жилище (Виноградова, 2009; Леонова, 2009).

Жилые площадки более позднего этапа существования культуры несколько изменяют-

ся, что показывают материалы верхнего слоя стоянки Третий Мыс (Хайкунова, 2006, 2007).

Количество жилых площадок, существовавших одновременно, позволяет говорить о численности жителей поселения в определенный момент его существования. Для второго слоя стоянки Каменная Балка II мы можем с большой степенью уверенности говорить о единовременном существовании четырех (пяти?) жилых площадок, на которых, вероятно, могло проживать около 50 человек. Одновременность некоторых из этих объектов в полной мере подтверждается данными ремонта, который был проведен для значительной части территории стоянки (рис. 5).

Работы по ремонту кремневых находок стоянки позволили выявить более 1 500 подбирающихся фрагментов, несмотря на то, что кремень основного слоя Каменной Балки II представляет собой довольно сложный материал для применения аппликативного метода. Сложность операций по ремонту объясняется, прежде всего, огромным количеством находок и их небольшим размером. Обитатели стоянки чрезвычайно экономно использовали принесенное издалека кремневое сырье. Об этом свидетельствует большое количество практически полностью сработанных нуклеусов и мелкий размер дебитажа. Микропластинки, мелкие отщепы и осколки в среднем составляют более 70% всех находок. Предметы, дорсальная или вентральная стороны которых размером менее 1,5 см, практически не пригодны для ремонта.

Всего в результате долговременных работ по ремонту было выявлено около 700 связей (некоторые из складанок состояли из трех и более фрагментов).

Большинство подбирающихся предметов находились недалеко друг от друга, обычно на расстоянии 20–40 см. Вероятно, они появились в результате определенной производственной деятельности практически одновременно и остались на месте в качестве отходов производства или неиспользованного материала. Среди различных категорий кремня, участвующих в ремонте, большую часть составляли первичные сколы и пластинчатые формы. Это можно объяснить тем, что пластины и отщепы с коркой, как правило, при изготовлении нуклеуса оставались на местах, а сломанные заготовки были брошены на месте изготовления орудий. И те, и другие категории представляют собой отходы определенного цикла расщепления.

Более далекие связи (между жилыми площадками и производственными комплексами) указывали на то, что нередко предметы переносились от одного рабочего места к другому и уже там использовались по назначению.

Анализ ремонта кремневых фрагментов по их удаленности друг от друга позволил не только выявить последовательность производственных операций, но и «географию» этих операций в рамках территории стоянки, указав на несомненные связи между некоторыми жилыми площадками.

Установленные связи предметов позволили определить одновременность существования 1-й и 2-й, 3-й и 4-й жилых площадок, а также их связи с производственными скоплениями. Жилые площадки 1 и 2 оказались связанными по ремонту с производственной зоной в западной части стоянки (раскопы 1990–1993, 1998 гг.). В северной части стоянки на жилых площадках 3 и 4 были выявлены фрагменты изделий, складывающиеся с находками из производственных комплексов южнее жилой зоны (раскопы 2000, 2001 гг.).

Наибольший процент выявленных связей показали отдельные объекты культурного слоя, в особенности небольшие компактные скопления кремня, как на территории, так и вне жилых площадок (Палеоэкология равнинного палеолита, 2006, С. 201, 203, 209). Ремонт «внутри» таких скоплений позволил не только восстановить последовательность раскалывания, характер трудовой операции, но и выявить связи различных объектов культурного слоя.

Как уже говорилось выше, второй культурный слой стоянки очень богат разнообразными структурными элементами — скоплениями каменного и костного материала разной площади, очагами и зольными пятнами и пр. Все это, в целом, указывает на разнообразную хозяйственную деятельность, проходившую на поселении. Здесь можно выделять самые разные участки — по степени насыщенности, по однородности или разнородности материала. В некоторых случаях ее интерпретация может быть достаточно ясна, в других — нуждается в дополнительном анализе.

Анализ микродебитажа, полученного в результате промывки вмещающей культурный слой породы, и его сравнение с находками, полученными обычным путем, подтверждают активность и разнообразие хозяйственной деятельности на стоянке.

По всей площади стоянки, раскопанной с 1982 по 2009 г., суммарное количество микро-

дебитажа составляет приблизительно 400 000 предметов. Наиболее насыщенная часть содержит в 1 кв. м более 6 000 мельчайших кремневых предметов, таких, как осколки, чешуйки, обломки микропластинок и пр. Как правило, микродебитаж концентрируется там, где расположены скопления культурных остатков, и на общем плане существует очевидная связь между его распределением и скоплениями кремневых находок, которые почти всегда совпадают.

Общепризнанно, что микродебитаж является, чаще всего, продуктом изготовления, использования, подправки изделий после их утилизации, и нет никаких сомнений в том, что какая-то деятельность древних людей происходила в тех местах, где выделены его концентрации. Результаты специального исследования по использованию материалов микродебитажа (Хамакава, 2009) позволяют говорить о том, что, несмотря на все многообразие различной производственной деятельности, происходившей на стоянке, можно выделить общую тенденцию — все производственные операции происходили, как правило, в одном месте. То есть весь цикл производства — от приготовления нуклеуса и получения заготовок до изготовления орудий — не был разделен, а, напротив, был локализован на очень небольшом по площади участке.

Планиграфический анализ, показывающий сочетание разных видов микродебитажа, таких, как чешуйки, фрагменты микропластинок, резцовые отщепки с другими находками, позволяет выделять конкретные места ряда трудовых операций и определять функциональную характеристику участка более точно, что помогает при построении модели хозяйственной планировки стоянки.

Например, когда прослеживается сочетание скопления осколков с продуктами первичного расщепления, то следует предположить, что здесь происходила деятельность по оформлению нуклеуса и/или получению заготовок.

Большие скопления с повышенным содержанием чешуек чаще всего сочетаются с большим числом заготовок и мелкими отходами производства. Этот факт позволяет, без сомнения, говорить о том, что эти скопления, в основном, образуются в результате производства каких-то изделий. В том случае, когда скопление микродебитажа не сочетается с находками орудий, можно предположить, что это место служило для изготовления орудий, но они могли быть унесены в другие места по

какой-нибудь причине, т.е. для их дальнейшего использования (рис. 6, 7).

Если же небольшие скопления микродебитажа сопровождаются орудиями и костными остатками (в том случае, когда типы орудий и их состав связан с обработкой кости), то можно считать, что здесь могли изготавливаться орудия и происходить определенная обработка кости, например, изготовление вкладышевых орудий, рюкяток и т.п.

Совсем недавно, практически, впервые в практике палеолитоведения были проведены трасологические исследования материалов микродебитажа, которые дают достоверные свидетельства об осуществлении подправки рабочей части орудий (М. Хамакава – работа над канд. диссертацией). Трасологическому анализу подверглось более 50 000 предметов с участка, раскопанного с 2006 по 2009 г. В результате чего были выделены приблизительно 300 чешуек со следами сработанности. Как правило, износ рабочего лезвия, оставшегося на проксимальном конце чешуек, выражен довольно сильно и часто наблюдается без микроскопа. Характер износа на чешуйках позволяет с большой осторожностью предположить использование орудий, с которых они были сняты, для работы, в основном, по шкуре и твердым материалам. Приведенные результаты позволяют думать о том, что на поселении производилось оживление сработанных лезвий орудий и повторно использовались одни и те же орудия. Вместе с тем, наличие мелких орудий, например, коротких скребков, объясняется тем, что их размеры уменьшались в процессе многократного ретуширования, что можно рассматривать как тактику экономии сырья, ввиду отсутствия местного источника его добычи.

Все вышесказанное позволяет с уверенностью говорить об интенсивной и разнообразной хозяйственной деятельности, происшедшей на базовой стоянке, косвенно подтверждая стабильный образ жизни ее обитателей.

Если мы добавим к этому, что на стоянке, кроме нескольких жилых площадок, существовавших одновременно, в некотором отдалении от них, обнаружен объект неутилитарной деятельности – большое скопление ярко окрашенной кости в неглубокой, но четко оформленной яме, причем состав этого скопления не соответствует обычному костному скоплению, – то мы можем сказать, что, кроме обычной хозяйственной деятельности, здесь производились и какие-то «ритуальные» действия (Палеоэкология равнинного палеолита, 2006. С. 153–157; Миньков, 2001). Все это вместе свидетельствует о сложном устройстве жизни на базовой стоянке верхнепалеолитического времени.

Подведем итоги. Судя по мощности культурного слоя, сложности планировки, многочисленности каменного инвентаря при отсутствии поблизости выходов каменного сырья, количеству фаунистических остатков, которые, согласно данным анализа зубного цемента, добывались в течение календарного года, наличию терочных плиток для использования растительных пищевых ресурсов, можно говорить о достаточно оседлом и стабильном существовании людей в этом районе. Стоит добавить, что временной интервал заселения этого района носителями каменнобалковской культур велик – с 21–22 тыс. до 12–13 тыс. лет тому назад, что говорит о устойчивости и разнообразии культурных адаптаций человека к окружающим его природным условиям.

Литература

- Агаджанян А.К., 2006. Мелкие млекопитающие основного слоя верхнепалеолитического памятника Каменная Балка II // Палеоэкология равнинного палеолита. М. С. 318–329.
- Александрова О.Н., 2010. Функционально-планиграфический анализ скребков верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II (северо-восточный участок): дипломная работа / МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра археологии.
- Виноградова Е.А., 1995. Хозяйственная структура юго-западной части стоянки Каменная Балка II (по данным планиграфии) // Археологический альманах. Донецк. Вып. 4. С. 88–92.
- Виноградова Е.А., 2000. Планировка верхнепалеолитических поселений: древний рельеф и хозяйственно-бытовая структура памятника // Донская археология. Ростов н/Д. № 3–4. С. 24–37.

Виноградова Е.А., 2009. Жилые площадки Каменной Балки II (особенности орудийного набора по данным раскопок 2000–2007 гг. // С.Н. Бибиков и первобытная археология. СПб. С. 202–209.

Гвоздовер М.Д., 1964. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.; Л. С. 37–41. (САИ; вып. А1-5).

Клевезаль Г.А., 1988. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М. С. 245.

Леонова Н.Б., 2009. Жилые площадки каменнобалковской культуры // С.Н. Бибиков и первобытная археология. СПб. С. 195–202.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Спиридонова Е.А., Сычева С.А., 2001–2002. Стратиграфия покровных отложений и реконструкция условий обитания древнего человека на позднепалеолитической стоянке Каменная Балка II // *Stratum plus*. № 3. С. 523–537.

Леонова Н.Б., Миньков Е.В., 1987. К вопросу об интерпретации Амвросиевского костяка – уникального памятника позднего палеолита Приазовья // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе. С. 34–50.

Миньков Е.В., 2001. О культовой деятельности на стоянке Каменная Балка II // Археологический альманах. Донецк. № 10. С. 23–39.

Палеоэкология равнинного палеолита / Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. М. 2006. 342 с.

Спиридонова Е.А., 1991. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене (верхний палеолит – бронза). М. 221 с.

Хайкунова Н.А., 2006. Проблема выявления жилых мест на стоянке Третий Мыс (к постановке вопроса) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов. Вып. 22. С. 147–152.

Хайкунова Н.А., 2007. Южный участок стоянки Третий Мыс (Каменная Балка III) // Проблемы археологии каменного века: (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М. С. 257–276.

Хамакава М., 2009. Анализ микродебитажа как основа интерпретации хозяйственной деятельности на верхнепалеолитических стоянках (северо-западный участок верхнепалеолитического памятника Каменная Балка II) // Археологические записки. Ростов н/Д. Вып. 6. С. 23–41.

Frison G.C., 1988. Paleoindian subsistence and settlement during Post-Clovis times on the Northwestern Plains, the adjacent mountains rangeland, and intermountain Basins // *American before Columbus: Ice-Age origins* / Dep. of Anthropology, University of Pittsburgh. Pennsylvania. P. 83–106. (Ethnology Monographs; N 12).

Frison G.C., 1989. North American High Plain Paleoindian hunting strategies and weaponry assemblages // Paper prepared for Russian-American Symposium On Upper Paleolithic-Paleoindian relationships / University of Wyoming. Laramie, Wyoming. 21 p.

Leonova N.B., Min'kov E.V., 1988. Spatial analysis of faunal remains from Kamennaya Balka II // *Journal of the anthropological archaeology*. 7. P. 203–230.

Todd L.C., 1984. The Horner site: Taphonomy of an early Holocene bison bonebed. Ann Arbor, Michigan: University Microfilms International. 340 p.

Todd L.C., 1987. Taphonomy of the Horner II Bone Bed // Frison G.C., Todd L.C. The Horner site; The Type site of the Cody cultural complex. New-York. P. 107–198.

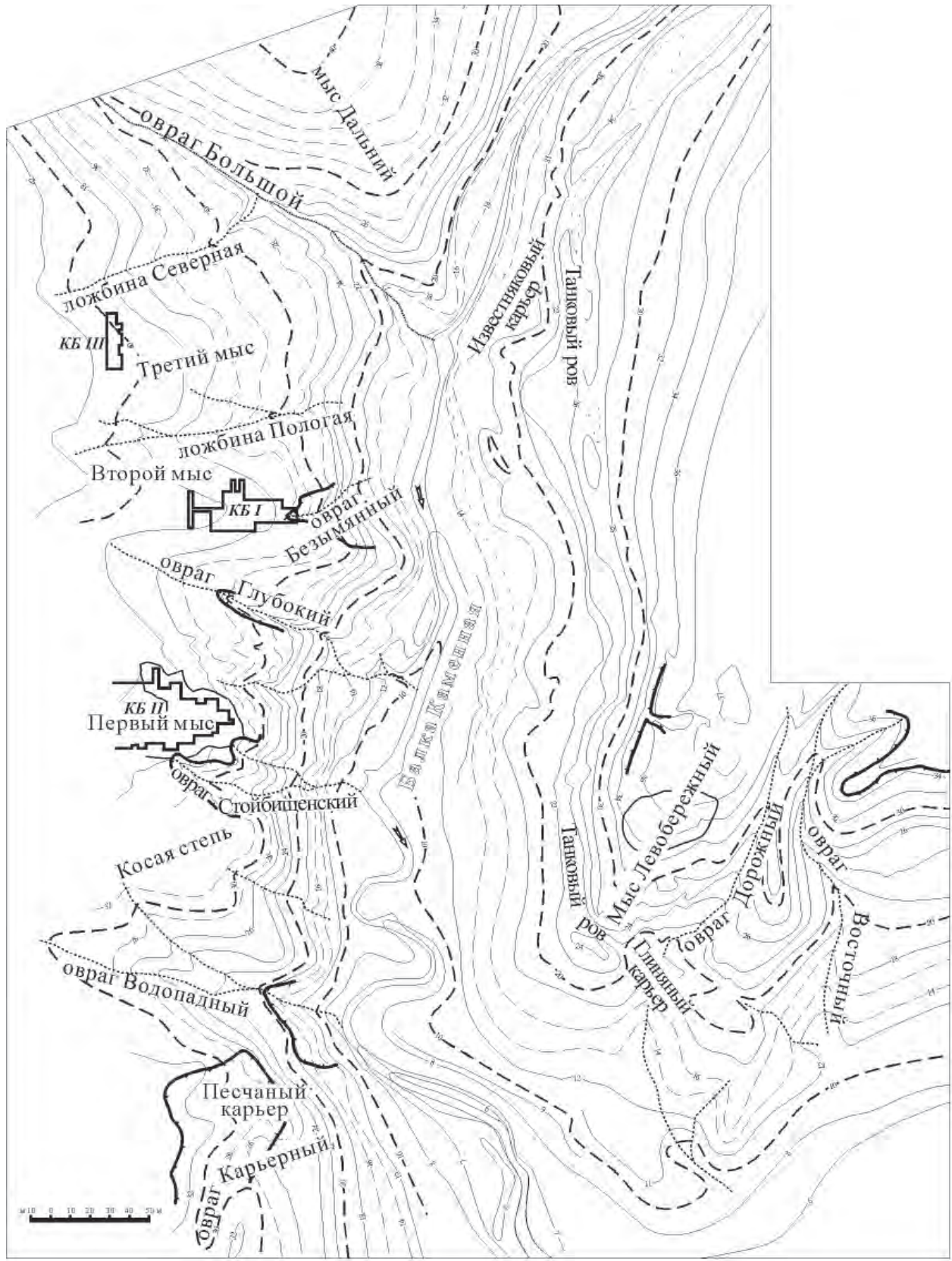

Рис. 1. Топонимика района низовий балки Каменной

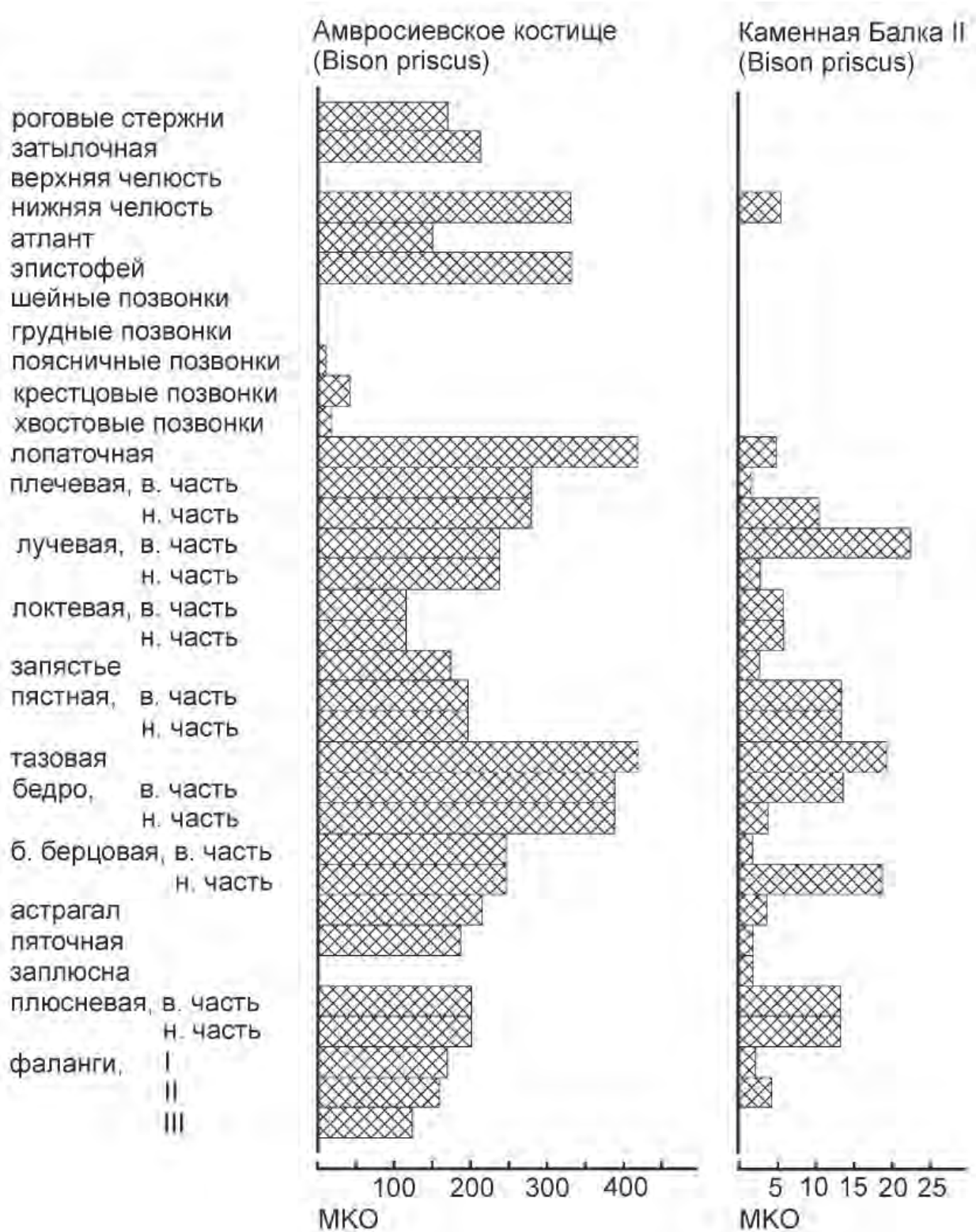

Рис. 2. Представленность частей скелета Bovidae и Equidae на верхнепалеолитических памятниках

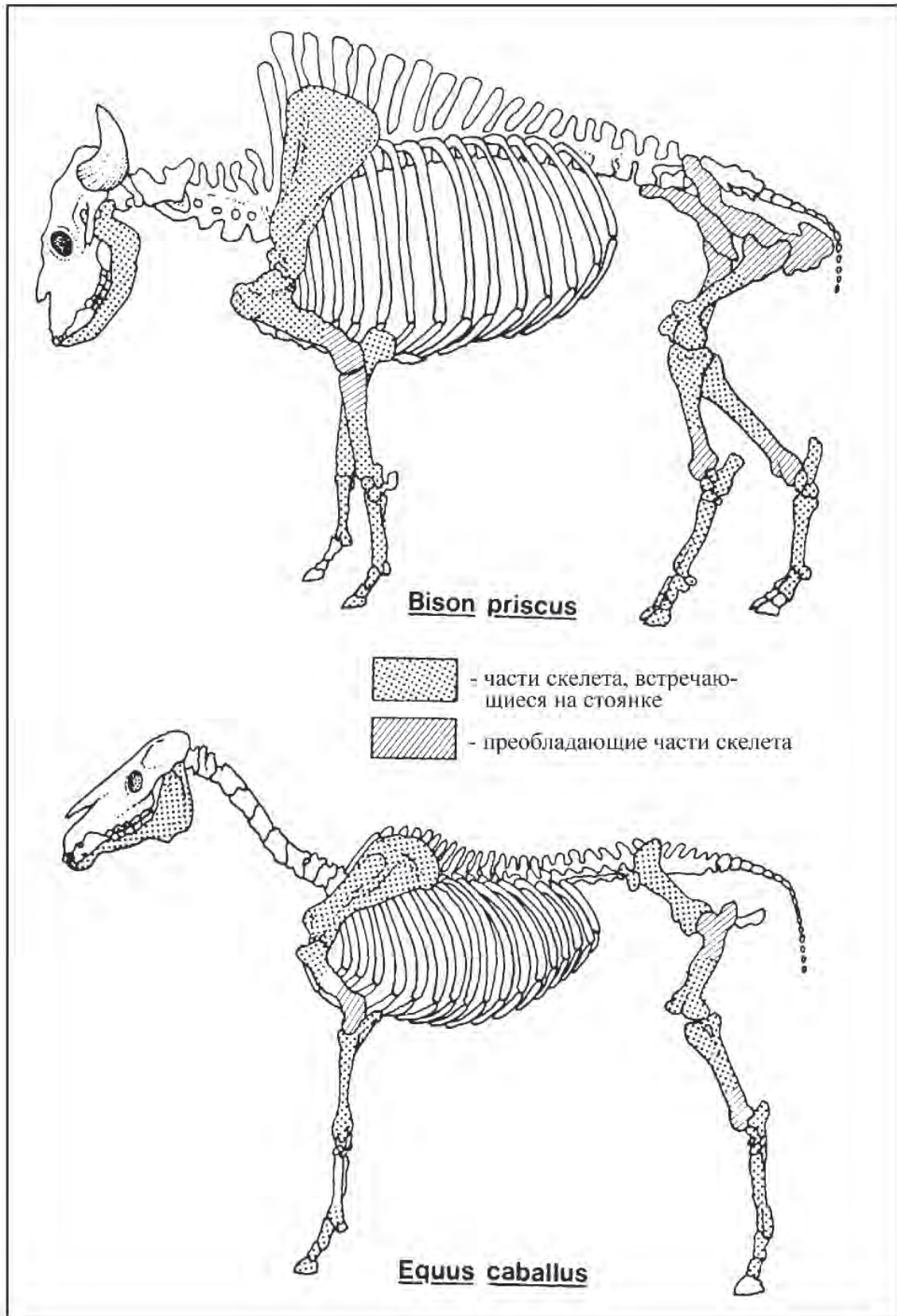

Рис. 3. Каменная Балка II. Основной (2-й) слой. Распределение костей скелета бизона и лошади

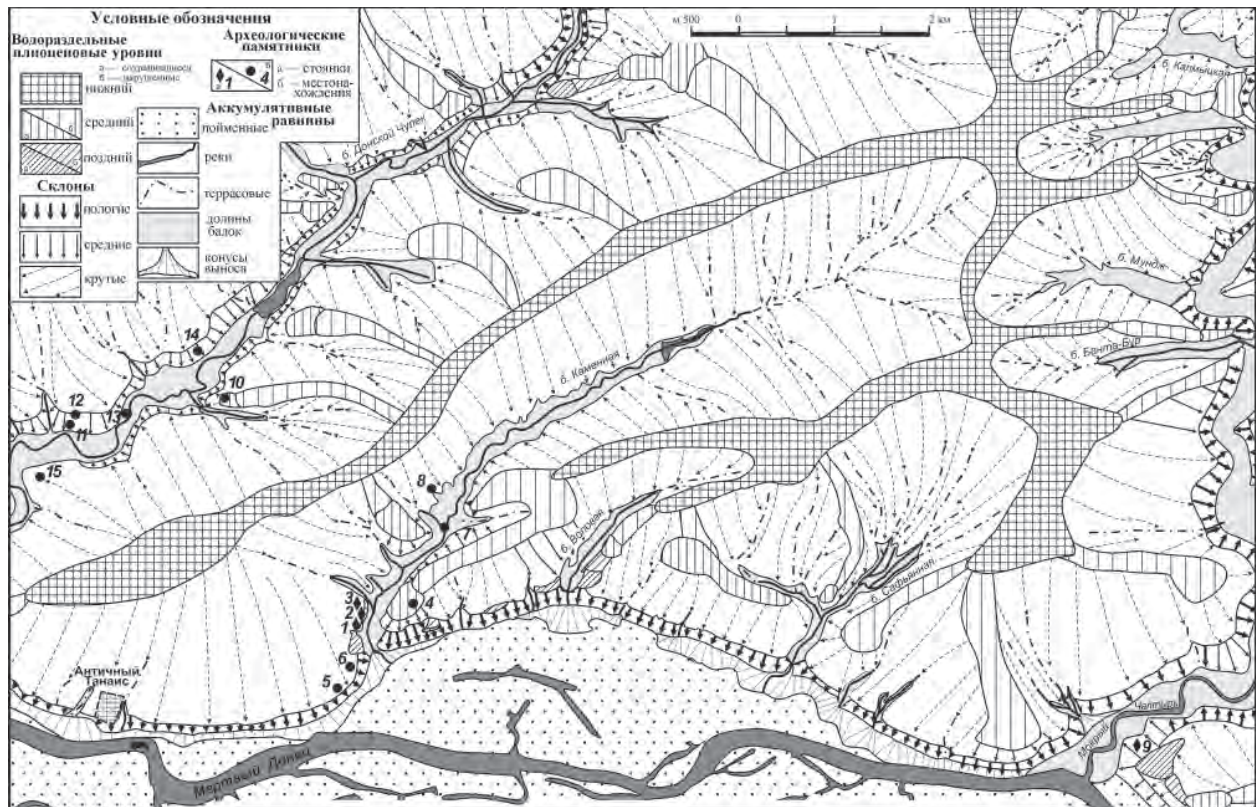

Рис. 4. Геоморфологическая карта района распространения верхнепалеолитических памятников камненбаловской культуры

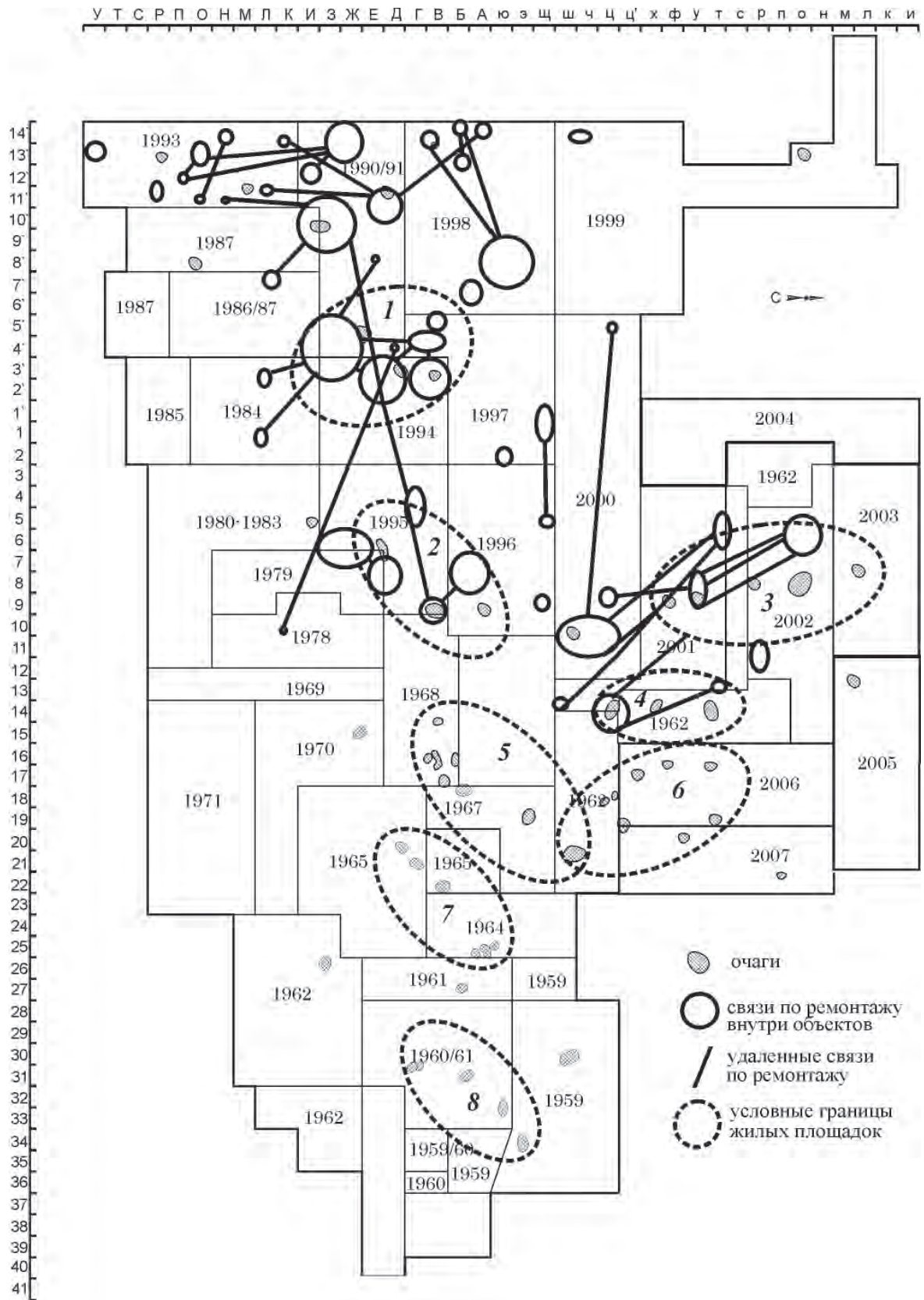

Рис. 5. Каменная Балка II. Связи по ремонту скоплений основного культурного слоя

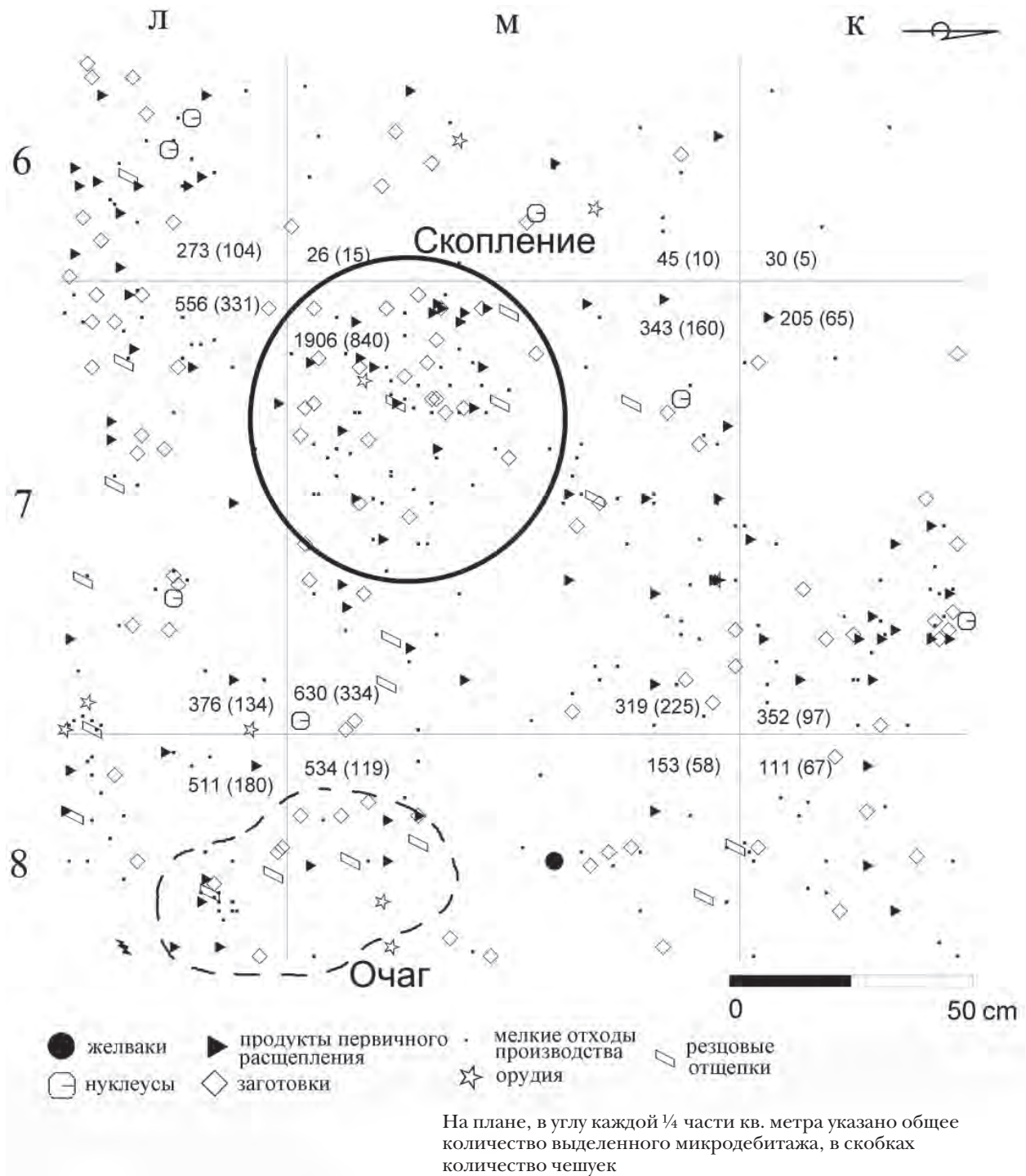

Рис. 6. Каменная Балка II. Распределение категорий находок и микродебитажа основного слоя на кв. км, 6–8
 1 – желваки, 2 – нуклеусы, 3 – продукты первичного расщепления, 4 – заготовки, 5 – мелкие отходы производства, 6 – орудия, 7 – резцовые отщепки
 На плане, в углу каждой ¼ част кв. метра указано общее количество выделенного микродебитажа, в скобках количество чешуек

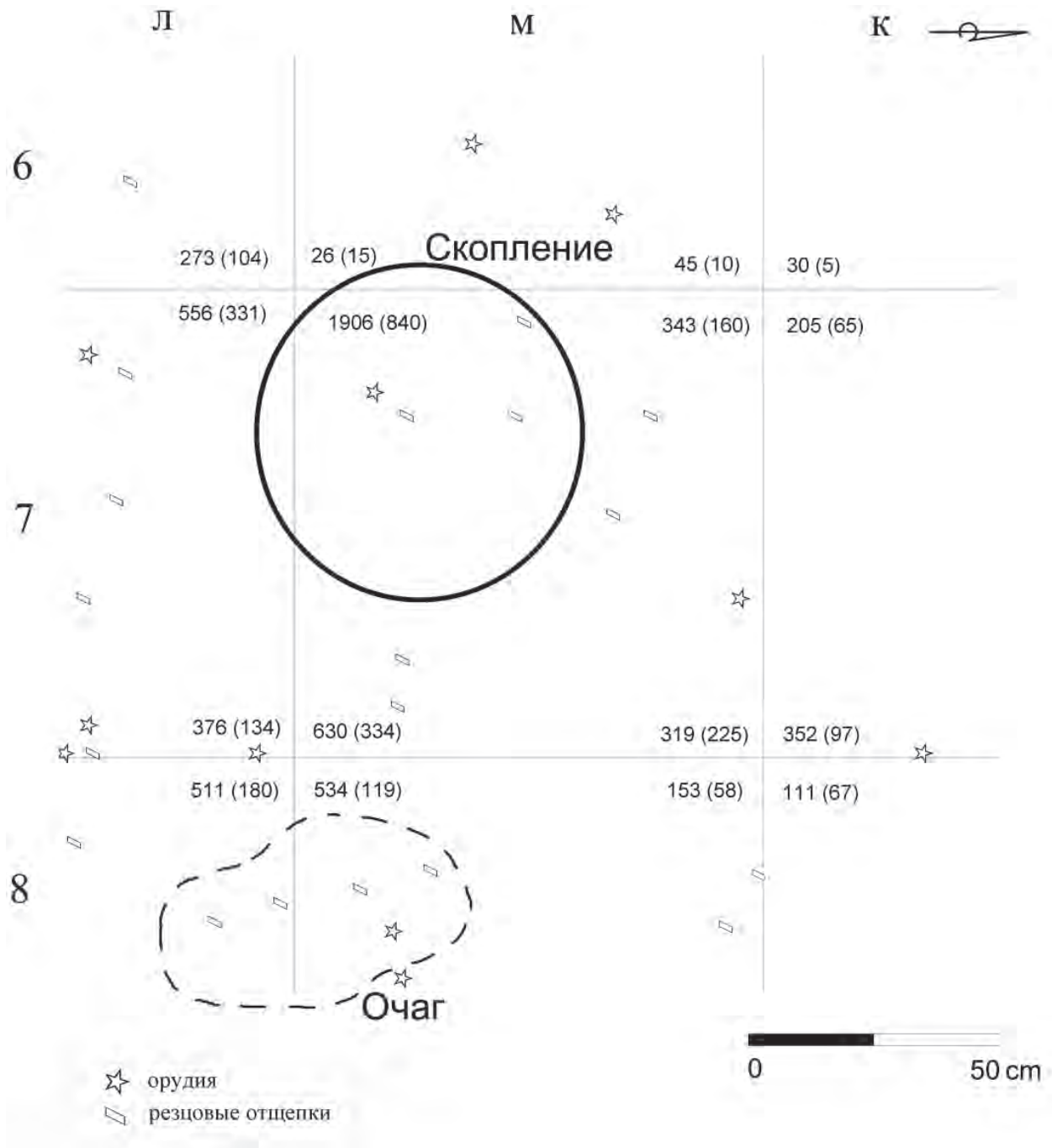

Рис. 7. Каменная Балка II. Распределение орудий, резцовых отщепков и микродебитажа основного слоя на кв. км, 6–8
 1 – орудия, 2 – резцовые отщепки

Комплексы стоянки Третий Мыс: проблема объединения

Н.А. Хайкунова*

Стоянка Третий Мыс (Каменная Балка 3) за четверть века раскопок исследована на довольно значительной площади (383 кв. м). На всей вскрытой площади распространен только второй культурный слой – поселение каменнобалковской культуры, базовая стоянка. Первый и третий слои представлены небольшими скоплениями находок производственного характера в восточной части памятника. Изначально они были определены как остатки кратковременного поселения типа охотничьего лагеря, и до сего времени, несмотря на увеличившуюся площадь и находки очагов, их характеристика не изменилась.

Проблема выделения структур и определения их характера для второго слоя, в частности разделения на производственные объекты и зоны отдыха, затрагивалась неоднократно (Хайкунова, 2004, 2006, 2007). В последние 6 лет исследуется восточная часть стоянки, расположенная ниже по склону балки, чем зона раскопок первых десятилетий. Этот участок, в силу естественных причин, подвергся более сильным природным разрушениям. Тем не менее, здесь исследован ряд объектов различного характера, привязанных к поперечной ложбинке-промоине. Сейчас все они рассматриваются как большая производственная зона с участками разного характера. Зон отдыха или «спальных мест» здесь не выявлено (что не исключает их обнаружение при расширении зоны работ).

В силу вышесказанного, новых данных для ранее исследованных объектов второго слоя (Комплексов) нет, однако и на старые можно попробовать взглянуть под иным углом зрения. Комплексы второго слоя были уже выделены и описаны. Они имеют повторяющиеся «обязательные» элементы: очаг, значительное по площади приочажное скопление, чаще дугообразной формы, частично охватывающее

относительно свободное от находок пространство, интерпретируемое как «спальная» зона или зона отдыха, и мелкие дополнительные скопления находок разного характера вне приочажной зоны (внешние объекты). Из 4 исследованных Комплексов наиболее интересными представляются два – № 3 и 4. Это смежные объекты, занимающие значительную площадь в юго-западной части исследованной территории памятника (рис. 1, 2).

Комплекс 3 находится в юго-западной части стоянки, достаточно простой по структуре, состоит из очага (№ 8 по общей для слоя нумерации) с крупным приочажным скоплением в восточной половине территории комплекса и небольшим производственным центром по первичной обработке кремня на юго-западной окраине. Западная часть, свободная от кремневого дебитажа и раздробленной кости, трактуется как «зона отдыха» или «спальное место», где велась только работа орудиями, не оставлявшая много отходов. Возможно, именно на этом месте могло быть жилище.

Нужно оговориться, что до настоящего времени нигде во втором слое не обнаружено явных следов конструкций, которые можно ассоциировать с жилыми постройками. Известны лишь несколько единичных ямок с вкопанными костями, которые считаются основаниями жердей для деревянной конструкции. Но они расположены в разных комплексах. Одна – у очага № 7 на кв. ЦЧ-36 (Комплекс 4), вторая – недалеко от очага № 4 (кв. ЦЧ-31, сейчас считается зоной Комплекса 2). Известны также ряд мелких ямок возле очага № 8 (кв. Ъ-36) и несколько нерегулярных ямок у очага в производственной зоне ниже по склону балки. Они ничем не укреплены, интерпретируются как остатки ветрового заслона. Иными словами, следов жилой конструкции на поселении второго слоя не обнаруживается. Она

* Государственный исторический музей, Москва.

реконструируется только теоретически как легкая постройка.

Комплекс 4 расположен севернее Комплекса 3, вплотную к нему. Он гораздо больше по площади в целом и сложнее по структуре (рис. 2). В него входят 3 близко расположенных очага с общим Большим приочажным скоплением и крупной производственной зоной к востоку от него, включающей несколько далеко отстоящих объектов. Однако непосредственно приочажные скопления и «спальные места» Комплексов 3 и 4 по площади близки. При первом рассмотрении и выделении комплексов граница между ними была проведена по нескольким признакам: 1. В рельефе древней дневной поверхности между производственными приочажными скоплениями и очагами была древняя мелкая промоина с более разреженным слоем, т.е. приочажные скопления не смыкались. 2. Ремонт кремневых находок на тот момент практически не показывал связей между участками. 3. Разделение полупустых «спальных мест» было сделано по участку слоя, не содержащему даже мелких находок — как кремней и костной крошки, так и уголков и пр., т.н. «стерильному». В целом, это деление довольно условно.

Внутренняя характеристика Комплексов (их структура и реконструкция производственной деятельности) на данный момент не изменилась. Однако некоторые данные (в частности, ремонт) позволяют ставить новые вопросы. Например, если Комплексы 3 и 4 рассматривать вместе, как тогда будет выглядеть этот объединенный участок? Данная работа предлагает вариант интерпретации объектов, выделяемых на стоянке, не полностью отличный от предыдущего, но позволяющий по-иному характеризовать их.

Все 4 очага двух комплексов располагались внутри насыщенного находками скопления дугообразной формы, которое охватывало с востока полупустое пространство (рис. 1). Его северная разреженная часть относится к Комплексу 2 (рис. 2). В нее входит сильно поврежденный очаг с небольшим приочажным скоплением, в основном костным, и разреженная полоса находок, в которой мало кремня и практически нет орудий. Между Комплексами 2 и 4 есть немного разреженная зона шириной около 1 м. Северо-восточная часть дугообразного скопления имела уже иной характер: здесь более насыщенный слой и ремонт кремня связывает его с Комплексом 4.

Полупустое пространство внутри дугообразной полосы находок имеет площадь

около 22–24 кв. м. В восточной его части, ближе к приочажным скоплениям, количество находок больше, чем в западной, но они, в основном, мелкие по размерам (рис. 1). Здесь не было крупных фрагментов кости, вообще нет определимых (т.е. суставов и зубов), крупные кремневые сколы единичны и встречены в основном в юго-восточной части этой зоны.

К сожалению, западный край этой территории, раскопанный в 1967 г., описан недостаточно подробно, чтобы можно было отнести его к исследуемому комплексу или рассматривать отдельно. Находок здесь немного, но больше, чем в полупустой зоне. Ремонт кремня не проводился, поскольку коллекции находятся в разных местах.

Микрорельеф древней поверхности в области приочажных скоплений показывает, что находки лежали на ровной, но не горизонтальной поверхности склона (рис. 3). Северная часть его вплоть до очага № 6 на кв. Ш/35–36, слегка наклонена к югу (рис. 3, линия 35). Восточнее, т.е. ниже по склону балки, этот наклон продолжился до кв. Ь (рис. 3, линия 36). Южнее поверхность имела обратную экспозицию — легкий наклон к северу. Иными словами, балочный склон на этом месте имел небольшой прогиб, увеличивавшийся к востоку, в направлении тальвега балки. За пределами рассматриваемых комплексов он превратился в поперечную ложбинку, где, как упоминалось, фиксируются производственные объекты. Южная часть скопления (Комплекс 3) лежала на склоне с наклоном к северу, а вторая половина, северная (Комплекс 4) — с наклоном к югу или в нижней части прогиба. Полупустая зона, расположенная западнее, выше по склону балки, была на более ровной, практически горизонтальной поверхности.

Поперечные профили находок по линиям запад–восток, показывают несколько более сложную конфигурацию поверхности (рис. 4). Полупустая зона в направлении запад–восток была на ровном участке склона, имевшем слабый наклон к востоку, согласно общему большому склону балки Каменной. Очаг № 5 на кв. ЦЧ–35 и часть приочажного скопления возле него лежали также. Но большая часть приочажных скоплений у очагов № 6–8 располагалась иначе. Их западные края, граничащие с полупустой зоной, еще были на ровном участке, но сами скопления уже попали на маленькие склоны (участки, имевшие больший наклон поверхности).

Расположение очагов различно, как и микрорельеф поверхности рядом с ними (Хайкунова, 2007). Очаг № 6 находился внизу короткого склона, окружавшего его с севера и запада (рис. 3; 4, линия III). К юго-востоку от него участок поверхности относительно ровный, с уклоном к востоку, к балке. Соседний очаг № 7 лежал наверху короткого склона с юго-восточной экспозицией, имевшего более сильный наклон поверхности (рис. 3, линия 35; 4, линия III). В результате чего он оказался на верхней части небольшого выступа, склон которого покрыт находками, имеющими явные признаки переотложения. Зольные включения и угольки показывают, что эвакуация заполнения очага происходила в этом же направлении. Мощное, но небольшое по площади производственное скопление кремня у очага к востоку (квадраты ЩБ/35–36), примыкающее к полупустой зоне, находилось на горизонтальной поверхности, и только край его оказался на крутом участке склона (рис. 1; 2; 4, линия Б). Ниже на этом склоне в приочажном скоплении находок также много, но состав его уже иной — здесь гораздо больше кости. Наклон участка к югу увеличился (на протяжении около 1 м), но далее поверхность снова стала более полой.

Продольный разрез слоя (по линии север–юг) показывает, что разреженный участок слоя между приочажными скоплениями комплексов 3 и 4 (на квадратах ББ/35–36) лежал внизу, но не в самой нижней части прогиба древней поверхности (рис. 3). Его самая нижняя точка находилась под коротким склоном у очага № 7.

Находки Комплекса 3 лежали на слегка наклонной к северу поверхности (рис. 3). Она была рассечена только короткой ложбинкой-промоиной (рис. 4, линия Б). Ложбинка протянулась с юго-запада на северо-восток от одного края приочажного скопления на кв. Ю–35 до другого края скопления на кв. Б–36. Она полая по краям и глубокая в средней части на квадратах ЭБ–35. Очаг № 8 лежал внизу восточного борта ложбинки, в середине приочажного скопления.

Редкие находки полупустого пространства Комплексов — смежные «спальные зоны», находились, как уже упоминалось, на ровной поверхности, имевшей незначительный наклон к востоку по склону балки. Слой здесь сильно разрежен, некоторые квадраты пустые. Количество находок здесь по комплексам примерно одинаково, но состав их слегка различается,

что само по себе любопытно. Четкой границы, позволившей бы с уверенностью говорить о стенке или перегородке между скоплением и пустым пространством, нет, но и отрицать ее наличие нельзя. Размытость границ могла возникнуть в период после оставления человеком поселения.

Комплексы. Три очага Комплекса 4 и их сложное общее Большое приочажное скопление уже описаны достаточно подробно (Хайкунова, 2007). Северный очаг № 5 находился немного выше по склону, другие располагались ниже: № 6 — в нижней части короткого склона, № 7 рядом, почти на том же уровне (рис. 3). Очаг № 5 был центром разнообразной производственной деятельности, видимо, без особой специализации. Средний очаг № 6, вокруг которого много зубов, кости, в том числе больших суставов, скорее, связан с кухонной деятельностью. Рядом с южным очагом № 7 находилось кремневое скопление. Кости вокруг него много, но основной характер работы был все-таки связан с расщеплением кремня, производством и использованием орудий. Именно возле него (западнее) находилось небольшое пространство (около 0,5 кв. м), ровное, с редкими находками, слабо окрашенное золой — возможное место сидения во время работы и/или вход в жилище — «спальную зону». Два других очага расположены внутри скопления.

В Большом приочажном скоплении было расположено четыре малых, связанных, прежде всего, с первичным расщеплением и получением заготовок (рис. 2). Одно — у очага № 5, где в крупном, но рассеянном скоплении также работали и орудиями. Только в его северо-западной части, в маленьком «точке» орудий нет. В целом вокруг этого очага работали резцами, скребками и вкладышевыми орудиями. МППК здесь преобладающая категория. Тяготения скребков к свободным от находок местам не отмечено. Вероятно, здесь работа ими носила характер, не требующий свободного пространства. Больше всего этих орудий (как и МППК) между очагами № 5 и 6.

Восточнее среднего очага № 6, связываемого с кухонной деятельностью, располагались 2 кремневых скопления-«точка». В малом орудий нет, но рядом несколько МППК, в большем — орудия единичны. Эти объекты полностью связаны с первичным расщеплением и получением заготовок. Скорее всего, сами орудия здесь не изготавливались. Еще восточнее, на краю приочажного скопления,

выделено 3 участка, связанных с работой по кости и ямка с костями (рис. 2). Объекты небольшие, кроме нескольких резцов (среди них массивный резец — скребковидное орудие), фрагментов МППК и 3 нуклеидных орудий, рядом ничего нет. Кость сюда, скорее всего, попадала из зоны очага № 6.

Возле очага № 7 находилось самое насыщенное кремнем скопление, в первую очередь, связанное с первичным расщеплением и получением заготовок. Оно расположено на ровной поверхности, но край его попал на короткий склон под очагом. Из-за этого, вероятно, часть материала рассеяна по склону. В скоплении выделяются 2 части. Обе они связаны с расщеплением кремня, а также и с работой орудиями. В северной половине, ближе к очагу, больше МППК, в южной — резцов. Также здесь найдены 2 проколки. Это нечастая находка, характерно, что она сделана рядом с очагом, в скоплении, но возле «спальной зоны». В целом вокруг очага орудий много (рис. 6). Состав их такой же, как и на участке рядом, но в процентном соотношении гораздо больше МППК. Резцов немного, а скребки единичны.

Орудий в «спальной зоне» нет, только несколько резцовых отщепков.

В Комплексе 3 расположение объектов несколько отличается от Комплекса 4. Очаг № 8 находился в середине мощного скопления на борту (почти на дне) короткой ложбинки, разделяющей скопление на 2 части и отделяющей его от «спальной зоны». Судя по расположению находок и цветных пятен в слое (зольных, гумусированных и др.) вход в нее мог располагаться на крайней верхней части западной половины приочажного скопления (кв. Ь-34?).

Характер деятельности в западной и восточной половинах скопления различен. На западном склоне ложбинки велась интенсивная работа орудиями (рис. 6). Насыщенность этого участка находками в целом меньше, чем в восточной половине, но орудий больше. Здесь не было явных мест (скоплений), связанных с первичным расщеплением кремня, но довольно много не только первичных сколов, но и ребристых. В первую очередь, они приурочены к ложбинке, куда мог скидываться или смываться мусор, но есть и на склоне. Здесь найдено очень много МППК мелкого размера, почти все сломанные. В Комплексе 3 все МППК, как целые, так и сломанные, были небольшими. Их ширина в основном менее 5–7 мм, а у многих — 3–3,5 мм, длина целых — до 3–4 см. Немногочисленные отходы производ-

ства этих орудий говорят о том, что делали их тут же. Есть игловидные предметы, похожие на маленькие проколки, длиной менее 2 см, толщиной и шириной менее 2 мм. Максимальное количество МППК находилось в сгущении материала в юго-западной части кв. Ь-35, несколько меньше орудий попало в ложбинку, восточнее, вероятно, при смыве (рис. 6). Также многочисленны резцы и резцовые отщепки, некоторые апплицируются друг к другу. Их меньше, чем МППК, и в основном они сконцентрированы на краю приочажного скопления вверху ложбинки (рис. 6). Наличие многочисленных фрагментов кости позволяет связать это место с ее обработкой. Фактически за пределами приочажного скопления или в его сильно разреженной части, на кв. Ю-34 резцовые отщепки лежали маленьким скоплением. Кости рядом мало, так что это, скорее, место производства и переоформления резцов, чем место работы ими.

На восточном склоне ложбинки, у очага, в приочажном скоплении находились несколько участков, связанных с первичным расщеплением кремня (в т.ч. маленький «точок», со сколами необычного очень светлого кремня). Возле самого очага много МППК, но меньше, чем в западной части скопления. Подавляющее большинство их было сосредоточено к югу и юго-востоку от очага. Часть орудий лежали на дне ложбинки и могли быть смыты с любого склона. Резцы и резцовые отщепки здесь также многочисленны, но их аппликаций гораздо меньше. Интересно маленькое сгущение материала в северо-западном углу кв. Ю-36 (рис. 1, 6). Здесь найдено несколько резцов и апплицирующихся к ним резцовых отщепков. Это край скопления в ложбинке, там, где она еще очень пологая. Вероятно, здесь не следует делить приочажное скопление на западную и восточную части. Все это место в целом связано с работой резцами. Зато в скоплении восточнее очага и особенно за его пределами ниже по склону много скребков (рис. 6). Вероятно здесь, в зоне редкого слоя, и происходила обработка шкур, связываемая с этими орудиями.

Рядом с очагом, к северо-востоку от него прослежен ряд узких вертикальных ямок. Возможно, это остатки ветрового заслона, который мог защищать очаг от ветра, дующего из верховьев балки. Время существования конструкции неясно. Ямки зафиксированы на уровне низа скопления, которое в этом месте довольно мощное — 3–5 см. Они пересекают

скопление, мощность которого с обеих сторон линии ямок практически одинакова, как и состав находок. Возле них нет особых мест работ. Расположение линии таково, что, если здесь действительно был заслон, он мог защищать только очаг. Возможно, сооружение существовало недолго или возобновлялось по мере необходимости, а не стояло все время.

Внутри «спальной зоны» Комплекса 3 было мало «мусора» и довольно много орудий: МППК, резцов и резцовых отщепков (рис. 6). Конечно, их значительно меньше, чем в приочажном скоплении, но они хорошо заметны в редком слое. Весьма любопытно, что несколько резцов и резцовых отщепков из «спальной зоны» и «резцового» участка вне ее на квадратах Ю/34–35 апплицированы друг к другу (рис. 6). Это свидетельствует о том, что «спальная зона» не была замкнутым пространством, деятельность внутри нее связана с соседними участками. Прочие орудия единичны (скребок, проколка, похожая на МППК, и чешуйчатое орудие). Проколка и наличие маленьких игловидных МППК позволяет реконструировать в «спальной зоне» такой вид работ, как шитье. Также здесь на кв. Э–33 была сделана необычная находка – вертикально стоящий удлиненный ретушер, а под ним вертикально стоящие друг над другом 2 кремневых скола – первичная пластинка и резцовый отщепок, похожий на неправильную пластинку. Он был апплицирован к резцу с кв. Ю–35. Трещин или иных явных деформаций суглинка не обнаружено. Ретушер был в нижней части слоя, а сколы – ниже слоя. Скорее всего, можно предполагать, что он и кремни были помещены в узкую глубокую ямку.

Если рассматривать планиграфическое распределение орудий в комплексах в целом, то можно сделать несколько общих выводов (рис. 6). 1. В зоне приочажных скоплений и «спальных местах» нет участков только с одной категорией орудий, есть места с преобладающей категорией орудий, но в единичных экземплярах присутствуют и другие. Иными словами, мест чистой специализации не выявлено. 2. Преобладающей категорией являются МППК. В обоих комплексах они в подавляющем большинстве небольшого размера или очень мелкие. В меньшем количестве представлены резцы, скребков еще меньше, прочие орудия единичны. 3. Все орудия привязаны к определенным зонам или участкам. МППК – к скоплениям возле очагов, резцы – к местам, где есть кость, но не обязательно

близко к очагам. Скребки тяготеют больше к краям скоплений или к зоне вне их. Есть некоторые исключения, так, скребки могут быть в зоне скопления (у очагов № 5–6). 4. «Спальные зоны» комплексов различаются по наличию орудий. В Комплексе 4 в ней нет ничего, кроме нескольких резцовых отщепков. В «спальной зоне» Комплекса 3 орудий, напротив, довольно много, большинство фрагментировано. Есть ремонт не только сломанных предметов, но и резцов и резцовых отщепков. В одном случае к резцу даже апплицирован крупный первичный отщеп, найденный недалеко. Это делает этот участок особенным. Очевидно, что работа орудиями, не оставившая много мусора, должна отличаться от работы аналогичным орудиями в других местах. Типология МППК не дает основания как-то выделить орудия этой зоны. Все они являются типичными четырехугольниками, в большинстве, асимметричными, и треугольниками, такими же, как и в других местах. Возможно, дополнительную информацию могла бы дать трасология. Проколка в «спальной зоне», острое, похожее на проколку, комбинированное транке-проколка с шиповидным жалцем из приочажного скопления, но недалеко от «спальной зоны», а также фрагменты игловидных МППК говорят о том, что на этом участке занимались шитьем. Все работы велись в восточной половине «спальной зоны» и продолжались «снаружи» на смежной территории. Если здесь были стены, то можно предположить, что работа была приурочена к более светлому месту – входу. Очаг был слишком далеко, низко и маленьких размеров, чтобы давать много света.

Очень любопытные результаты дал **ремонт** кремня (рис. 5). В схему вошел как ремонт орудий, так и кремневого дебитажа на территории несколько большей, чем на рис. 1, где даны только приочажные скопления и «спальная зона». Сюда частично включены внешние производственные объекты Комплекса 4, в статье не рассматриваемые. Этот трудоемкий процесс пока нельзя считать полностью законченным. Возможно, дальнейшие связи еще возникнут, но основная работа в Комплексах 3, 4 и соседних территориях завершена.

1. Наиболее интенсивные связи имеются в области приочажных скоплений. Меньше аппликаций дают внешние объекты – кремневые скопления в производственной зоне вдали от очагов. Ремонт показывает их связь с приочажной зоной. Собственно, он и является

ся подтверждением того, что эти объекты относятся к данному Комплексу.

2. На территории Комплексов выделено три места с наиболее многочисленными аппликациями находок, хотя скоплений кремня здесь больше. В Комплексе 4 это приочажное скопление на кв. ЩБ–35. Ремонтаж подтверждает некое своеобразие двух выделенных частей скопления. В северной половине, ближе к очагу больше аппликаций внутри скопления, а внешние связи имеют в основном восточное направление — вниз по склону. Здесь много подбирающихся последовательно снятых первичных сколов, что подчеркивает его специализацию как места первичной обработки кремня. В южной половине связи в основном выходят за пределы скопления, в том числе и в северную половину, а также на кв. Щ–34, где предположительно мог быть вход в жилище. Здесь также много первичных, ребристых сколов, даже просто фрагментов первичной корки. Мелкой кремневой фракции (чешуек и осколков) было значительно больше в северной половине объекта. Все это позволяет предполагать, что в южной части скопления сырье проходило предварительную обработку: нуклеус подготавливался, формировалась площадка, фронт скалывания, оббивалась лишняя корка. Потом в северной половине скопления происходило получение заготовок, а также и дальнейшее переоформление нуклеусов. Наличие МППК позволяет также предположить, что часть заготовок, полученных здесь, шла на изготовление этих орудий.

В Комплексе 3 наибольшее количество аппликаций кремня происходит из маленького кремневого скопления на кв. Э–36. Они связывают его со всеми частями восточного борта ложбинки и тальвегом. Также много аппликаций кремня происходит из самой ложбинки. Здесь плотность находок высока, но не выделено определенных центров ни по составу материала, ни по ремонтажу, хотя на ее бортах такие места есть. Вероятнее всего, сюда сбрасывалось или смывалось много материала с обоих бортов, поэтому это не место работ, а скопление разнообразных отходов. Аналогичное место — склон ниже очага № 7 на кв. Щ–36. Только там материал был разнесен смывом и переотложением дальше к востоку.

3. Ремонтаж в других частях приочажных скоплений гораздо более редок. Он показывает наличие общей связи между объектами. В Комплексе 4 видно, что соседние очаги связаны друг с другом, а крайние — практически

нет. В Комплексе 3 ремонтаж показывает некоторую обособленность западной и восточной частей приочажного скопления. Ложбинка и ее западный борт связаны со «спальным пространством», а восточная половина имеет связи внутри себя и с западным бортом, но не со «спальной зоной». Маленькое кремневое скопление на кв. Ю–34, где помимо дебитажки были резцовые отщепки, оказалось связанным с дальними территориями — окраиной Комплекса 4. Большинство связей внутри «спальной зоны» имели направление юго-восток–северо-запад, т.е. вниз по склону, но с легким отклонением.

4. Приочажные скопления комплексов имели очень редкие связи между собой, но они, тем не менее, есть. С одной стороны, это говорит об обособленности объектов, с другой — о том, что они не были полностью изолированными и существовали одновременно.

5. Ремонтаж орудий показал, что они привязаны к своим скоплениям (участкам в них, рис. 6). Дальние связи с другими объектами есть, но мало, хотя они наиболее любопытны. Так, в Комплексе 3 по этому признаку можно судить о том, что «спальная зона» довольно тесно связана с частью приочажного скопления на западном борту ложбинки. В Комплексе 4 ремонтаж резцов и резцовых отщепков связывает кремневое скопление около очага № 5 с приочажной зоной «кухонного» очага № 6 и скопление-«точка» на кв. Ц–40 с местом, где реконструируется работа с костью на кв. ЦЧ–37.

Если объединить два рассмотренных Комплекса в один объект, что получится в результате, кроме увеличения площади? Схема такого комплекса (рабочее название Комплекс 3+4), наложенная на план распределения орудий, показывает следующее (рис. 6):

1. Выделенная «классическая» дугообразная форма скопления, охватывающая свободное от находок место, не только сохраняется, но и становится более выразительной. Площадь скопления возрастает до 22–24 кв. м. Площадь полупустой «спальной зоны» — до 16–17 кв. м (min). Возможно также, что в нее могут быть включены примыкающие западные линии квадратов (линии 31 и 30 — ок. 10 кв. м).

2. Объединение приочажных скоплений не означает их слияния, каждый очаг имеет свою округу. Виды деятельности в них похожи, но каждое место имеет свои особенности и отличия в деталях. Единичные аппликации

кремня дают основания судить о связи всех крупных участков большого скопления, которая не была особенно тесной.

3. Внешние объекты (производственные участки вне приочажного скопления) не связаны между собой.

4. Наиболее любопытной представляется увеличенная «спальная зона». В северной ее части нет ни орудий, ни мусора, т.е. любые виды человеческой деятельности, оставляющие материальные следы, отсутствуют. В южной реконструируются «чистые» трудовые операции, такие, как шитье. При этом оба участка имели свой выход к очагам, в южной части он мог быть шире, чем в северной. Если на стоянке и существовали жилища как конструкции, то это — наиболее вероятное место для одного из них. Оно должно было быть достаточно легким и не слишком большим, т.к. нет следов укрепления конструкции. Внутри оно делилось на две половины — вероятно, собственно спальную и рабочую, с двумя выходами, обращенными к востоку.

Подводя итоги, можно сказать, что выделенные на стоянке Третий Мыс (второй слой) Комплексы хозяйственно-бытового назначения имеют особую структуру, при этом размер и сложность их может различаться. Укрупненный Комплекс 3+4 имеет те же общие элементы, что и более простые Комплексы 1 и 2, но состав самих элементов более сложный. Размер малых объектов комплексов не связан с размером его самого и зависит только от вида и продолжительности деятельности на них.

Что касается однокультурных, но более ранних поселений на стоянках Каменные Балки 1 и 2, то Третий Мыс имеет с ними как общие черты, так и существенные отличия.

Для основного слоя стоянки Каменная Балка 2 были характерны крупные сложноставные «жилые площадки» с более толстым и делящимся на микрогоризонты культурным слоем. Последние годы этому вопросу посвящено немало работ (Леонова, 2003; Leonova N., 2003; Леонова, 2008, 2009; Палеоэкология равнинного палеолита, 2006; Виноградова, 2008, 2009). Здесь на одних и тех же местах в разное время могли вестись разные работы, что обогащало культурный слой и усложняет его интерпретацию. Все такие объекты являлись скоплениями материала, где выделялись те или иные участки различных видов деятельности. Собственно «спальных» мест там не обнаружено, хотя остатки конструкций, интерпретируемых как возможные жилища, там

есть.

На стоянке Третий Мыс (второй слой) ситуация несколько иная — выделяемые жилые структуры проще и менее насыщены находками. Здесь четко выделяются места разнообразной деятельности — скопления материала. И есть места, где предположительно обитатели стоянки могли бы отдыхать или работать, не оставляя многочисленного мусора. По общим признакам приочажное скопление Комплекса 3+4 очень похоже на жилые площадки Каменной Балки 2: большое удлиненное скопление материала с линией очагов, вокруг которых происходила разнообразная деятельность. Есть отдельные объекты (скопления) за пределами этого участка, связанные с его частями. Как представляется сейчас, наиболее существенным отличием стоянки Третий Мыс от стоянок Каменные Балки 1 и 2 является наличие на первом отдельных «спальных мест», территория которых могла перекрываться постройкой легкого типа, собственно жилищем. Соседняя производственная зона здесь, скорее всего, не перекрывалась. Микрорельеф дневной поверхности возле очагов показывает, что эвакуация материала из них происходила просто вниз по склону, т.е. вся «грязь» оставалась в пределах скопления.

Сопоставляя памятники, нужно подчеркнуть, что типологически коллекции кремневого материала всех трех поселений настолько похожи как по сырью, так и по морфологии, что при смешении их трудно было бы разделить. Отличия есть только в отдельных видах предметов и в процентном соотношении категорий орудий. Обитатели стоянок на протяжении всего существования каменнобалковской культуры (как минимум трехтысячелетнего) оставались охотниками, собирателями и рыбаками, соблюдая почти неизменными традиции изготовления орудий. Изменения происходили в характере этих видов деятельности, но сами они сохранялись, что и нашло отражение в составе орудий памятников. А вот в структуре поселения отличий значительно больше, притом, что все они являются базовыми стоянками. Объясняться это может по-разному. В первую очередь — длительностью обитания на каждом из них. Несомненно, для стоянки Каменная Балка 2 этот срок более долгий. Реконструкция палеоэкологической обстановки для стоянок показывает более благоприятные для стоянки Каменная Балка 2 и более суровые для стоянки Третий Мыс (Палеоэкология равнинного палеолита, 2006).

Животный и растительный мир и более теплый климат предоставлял для обитателей первого поселения больше возможностей. Спектр их охотничьей добычи шире, лучше условия для собирательства, даже рыбная ловля, судя по остеологическим находкам, имела место. Обитатели поселения на стоянке Третий Мыс жили в более суровом климате, более сухом и холодном, леса исчезли. Соответственно, возможности для охоты и собирательства были меньше. На данный момент точно определены только 2 объекта охоты – лошадь и бизон. Рыбная ловля не известна.

Можно предполагать, что именно более суровые условия обитания и были основной причиной формирования второго культурного слоя стоянки Третий Мыс таким, какой он есть. Мигрирующая сезонно добыча, более короткий теплый период не позволяли населению долго оставаться на одном месте. Если

предположить, что размеры стад копытных в теплом и холодном климате были различны, то это, в свою очередь, могло привести к изменению стратегии охоты и, как результат, длительности обитания на одном месте.

Неизвестно, все ли Комплексы поселения существовали одновременно. Культурный слой не имеет переслаивающихся микрогоризонтов, что позволяет предполагать его одновременность, но ремонтаж подтверждает только связи ближних объектов. Комплексы 1 и 2 внешних связей не имеют. Существование их одновременно или в другое время с Комплексами 3–4 не доказано однозначно.

Что касается сезона обитания, то (если наши реконструкции верны) косвенным признаком теплого времени года может быть то, что жилище не имело внутренних очагов, т.е. не требовало дополнительного источника тепла.

Литература

- Виноградова Е.А.*, 2008. Особенности орудийного набора жилых площадок Каменной Балки II // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М. Т. I. С. 45–50.
- Виноградова Е.А.*, 2009. Жилые площадки Каменной Балки 2 (особенности орудийного набора по данным раскопок 2000–2007 гг.) // С.Н. Бибиков и первобытная археология. СПб. С. 202–209.
- Леопова Н.Б.*, 2003. Жилые площадки и жилища: особенности формирования культурного слоя (на примере памятников культурного слоя юга Восточной Европы) // Кам'яна доба України. Київ. Вып. 4. С. 223–235.
- Леопова Н.Б.*, 2008. Организация жилого пространства на стоянках каменнобалковской культуры // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М. Т. I. С. 135–139.
- Леопова Н.Б.*, 2009. Жилые площадки каменнобалковской культуры // С.Н. Бибиков и первобытная археология. СПб. С. 195–201.
- Палеоэкология равнинного палеолита / *Леопова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А.*, 2006. М.
- Хайкунова Н.А.*, 2004. Производственно-бытовой комплекс на верхнепалеолитической стоянке Третий мыс (новый раскоп) // Проблемы каменного века Русской равнины. М. С. 231–261.
- Хайкунова Н.А.*, 2006. Проблема выявления жилых мест на стоянке Третий мыс (к постановке вопроса) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов. Вып. 22. С. 147–152.
- Хайкунова Н.А.*, 2007. Южный участок стоянки Третий Мыс (Каменная Балка III) // Проблемы археологии каменного века: (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М. С. 257–276.
- Leonova N.*, 2003. Dwelling in the Eastern "Steppe Zone" // Perceived Landscapes and Built Environments. The Cultural geography of Late Paleolithic Eurasia. Oxford. P. 17–24. (BAR, International Series; 1122).

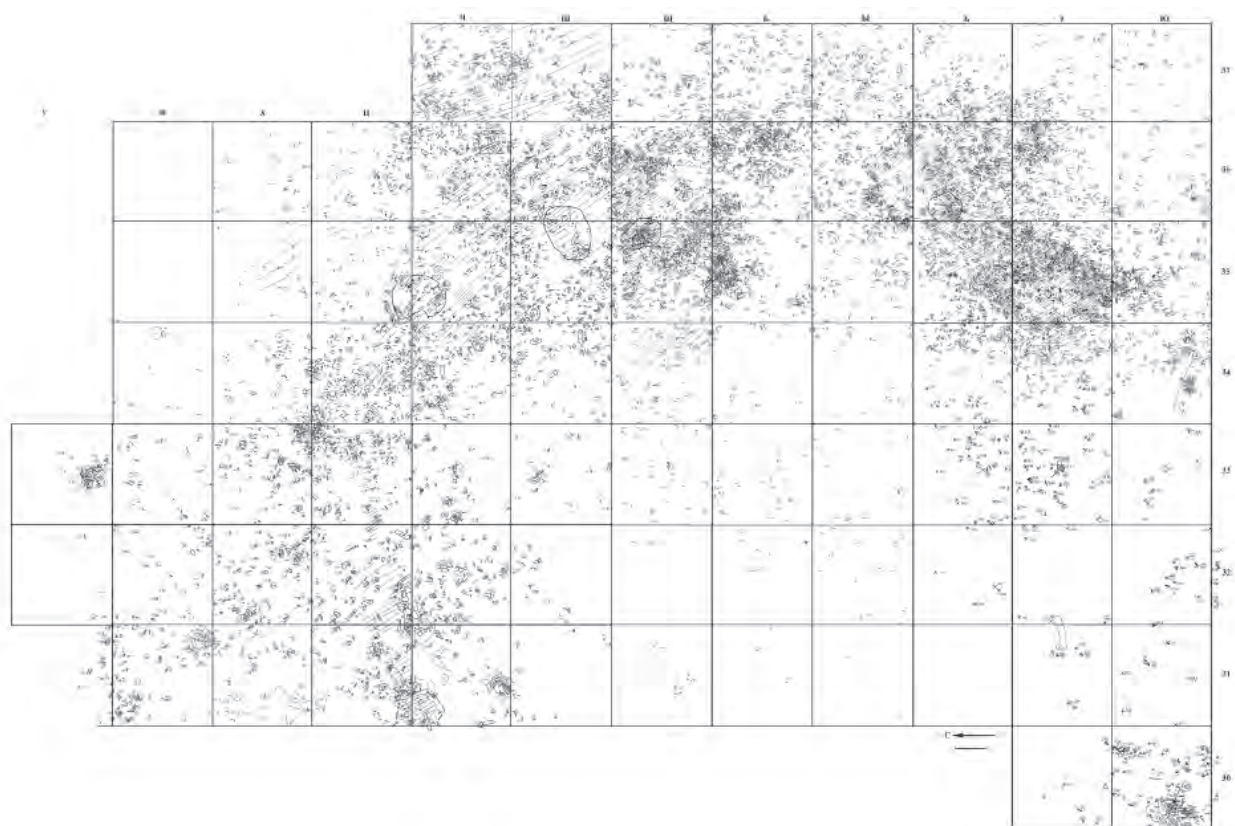

Рис. 1. Третий Мыс. Юго-западный участок, второй слой

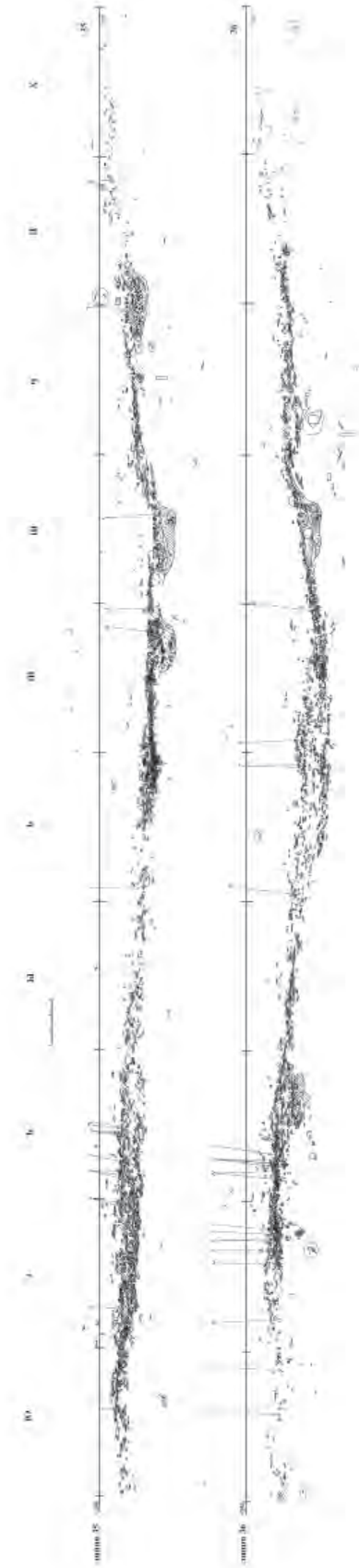

Рис. 3. Третий Мыс. Профиля находок по линиям 35–36 (север–юг), квадраты X-Ю. Вид с востока

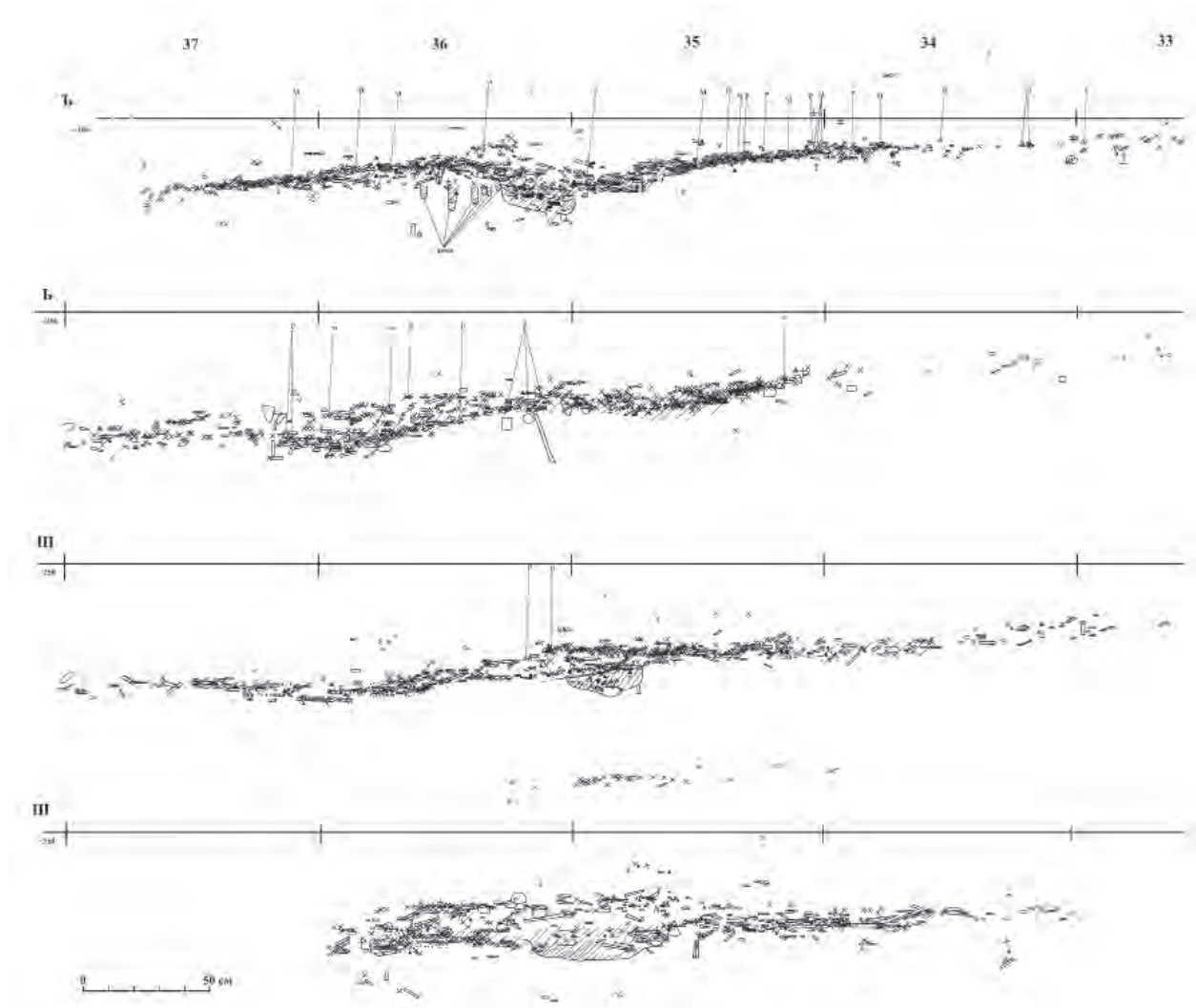

Рис. 4. Третий Мыс. Профиля находок по линиям Ш-Б, Б (восток-запад), квадраты 34-37. Вид с севера

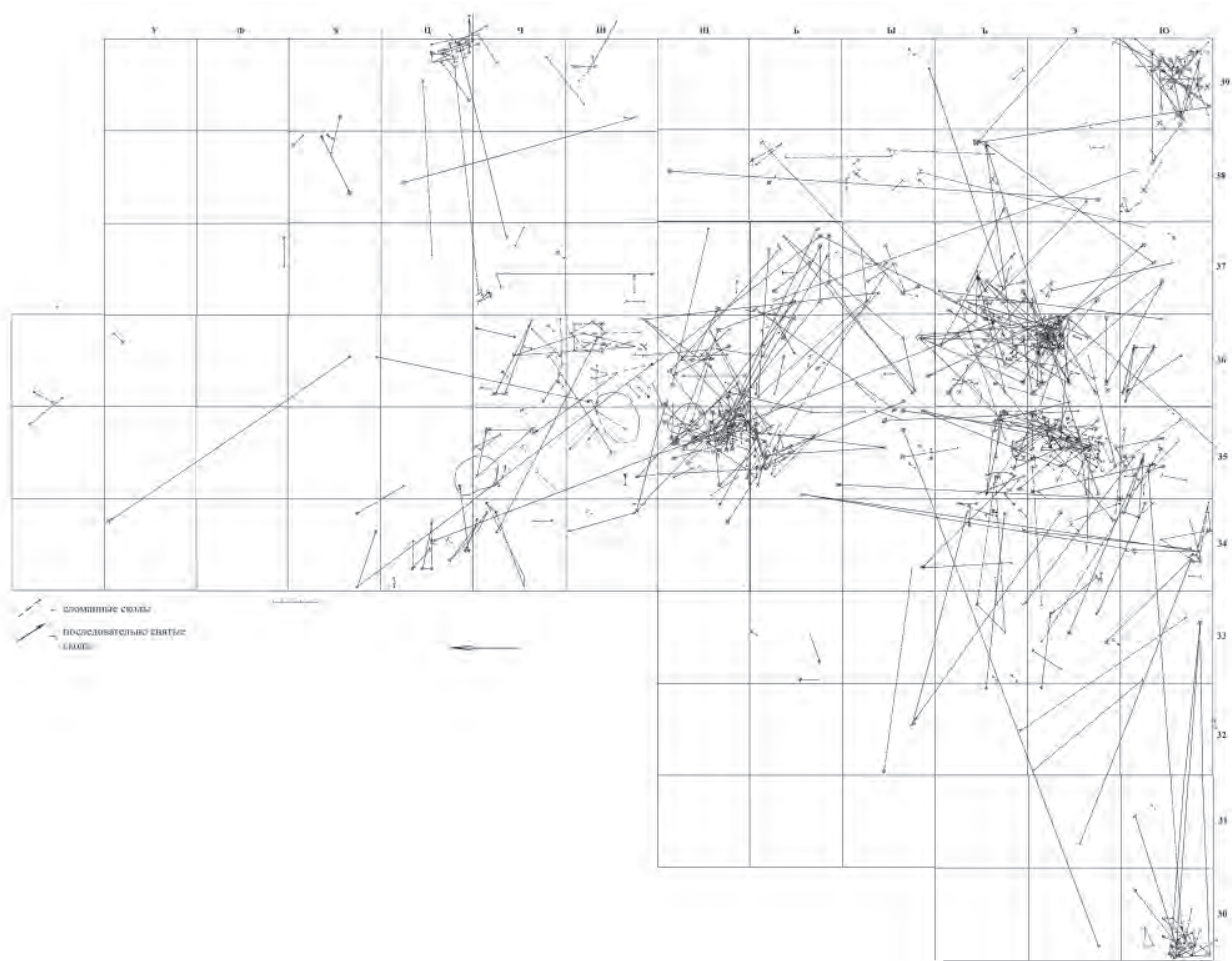

Рис. 5. Третий Мыс. Ремонт кремня на юго-западном участке

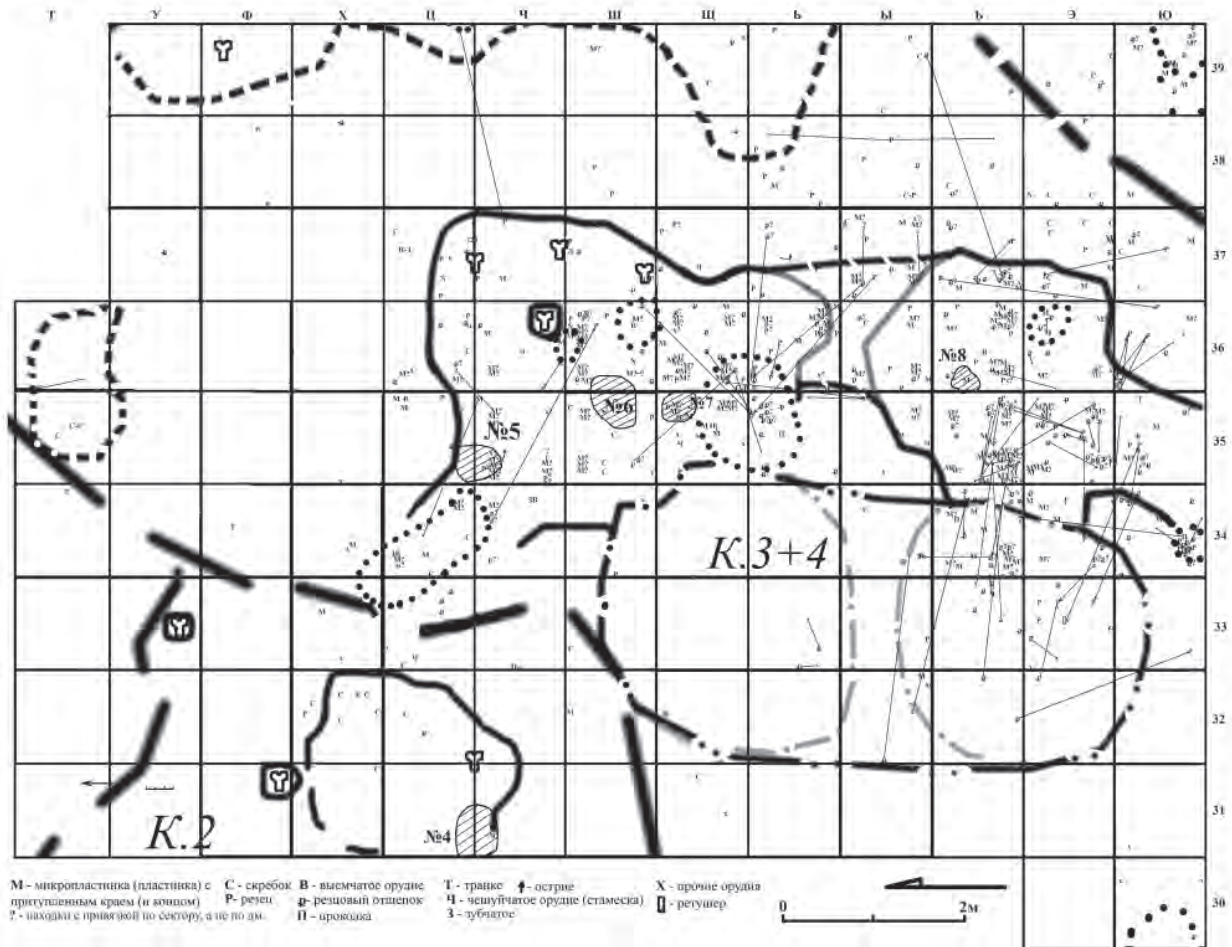

Рис. 6. Третий Мыс. План распределения орудий на юго-западном участке и объединенный Комплекс 3+4

Комплекс кремневых изделий из п. Донецкий на Северском Донце (Украина)

*А.В. Колесник, Ю.Г. Коваль**

Введение

В 1982 г. краевед и житель п. Донецкий Славянского района Донецкой области Костенко Н.Г. случайно обнаружил небольшое компактное скопление кремневых изделий на склоне правого берега р. Северский Донец, недалеко от поселка (рис. 1). Находка была приурочена к сильно расчлененному эрозией склону крутого коренного берега на высоте около 50 м над уровнем реки. На данном участке базальные меловые породы перекрыты незначительным по мощности чехлом четвертичных лессовидных суглинков. Скопление связано с незадернованным крутым склоном реки на краю заброшенного карьера по добыче глины. Голоценовый почвенный слой на данном участке разрушен вскрышными работами. Со слов Н.Г. Костенко, найденные им кремни залежали в виде плотного сгустка на размытой «лессовой» поверхности берегового склона; единичные кремни находились на расстоянии около 1 м от скопления вниз по склону. Первоначально было собрано более десятка кремней. Какие-либо другие находки вблизи данного скопления кремней отсутствовали. Визуальные размеры скопления определялись в пределах около 40–50 см. Приблизительно через месяц А.Р. Федонин (г. Донецк) расчистил этот участок ножом, и непосредственно в месте основного скопления в относительно плотном не размытом лессовидном суглинке нашел еще несколько тесно прилегающих друг к другу кремневых пластин на участке приблизительно 20 × 20 см. Найденные А.Ф. Федониным пластины залежали параллельно и, видимо, маркировали остатки сохранившегося в первоначальном положении скопления кремневых изделий. Две переотложенные пластины были найдены на расстоянии до 1 м от основного скопления вниз по склону.

В 2007 г. местонахождение было осмотрено одним из авторов статьи (Колесник А.В.) с участием обоих первооткрывателей. Несмотря на склоновую эрозию и значительный срок, прошедший с момента открытия, место находки скопления кремневых изделий сохранилось удовлетворительно, и было точно локализовано находчиками. Дополнительные археологические материалы непосредственно в месте скопления кремневых изделий не обнаружены. Обнаженный на местонахождении лессовидный суглинок светло-желтый, бесструктурный, с включением мелкой меловой крошки. Не выявлены следы культурного слоя и вблизи скопления, по крайней мере, в пределах нескольких сотен метров. Приблизительно в 400 м от места обнаружения кремней вниз по склону на краю тыльного шва речной террасы на размытой дерновой поверхности найдены два фрагмента лепной керамики бронзового века без признаков культурного слоя.

Таким образом, имеются явные признаки небольшого разрушенного скопления кремневых изделий, на момент открытия частично сохранившегося *in situ*. Скопление залежало в позднеплейстоценовом лессовидном суглинке на глубине около 1 м от предполагаемого уровня дневной поверхности, вероятно, в верхней части лессовидной толщи.

Все найденные предметы скопления кремневой продукции из п. Донецкий полностью сохранились у авторов открытия, за исключением двух пластин. Суммарно, выявленная часть скопления состояла из 22 (–2) целых и фрагментированных пластин, 2 пластинчатых отщепов и 3 траншевидных орудий. Скорее всего, скопление сохранилось и было собрано полностью или почти полностью. Таким образом, анализируемая коллекция содержит 25 кремневых предметов, преимущественно целых.

* Донецкий областной краеведческий музей, Донецк, Украина.

Характеристика кремневого сырья

Материалом для всех изделий кремневого комплекса послужил местный качественный темно-серо-коричневый мелкозернистый стекловидный кремнь с жирным блеском, с небольшим включением серых матовых крупнозернистых не перекристаллизованных участков. Эти включения образуют на поверхности скола бесформенные пятна разных размеров с размытыми границами. Отдельные кремни отличаются более темной поверхностной окраской при серо-коричневой окраске на просвет и гляцевым отливом. Эти отличия не выходят за рамки вариаций одной кремневой конкреции. Можно сказать, что все изделия изготовлены из кремня одной сырьевой группы. Кальцитовая корка тонкая, гладкая.

Использовались крупные конкреции (конкреция?) сферической формы с ровной поверхностью. В Донбассе кремни такого рода происходят, в основном, из толщ туронского яруса верхнего мела. Высокие пластические свойства и большие размеры конкреций делали этот вид кремня незаменимым сырьем при производстве крупных отбивных и отжимных пластин в регионе в разные периоды каменного века — энеолита. Месторождения кремня данной сырьевой группы распространены на правом берегу Северского Донца достаточно широко и не могут быть локализованы без проведения детального петрографического анализа.

Кремни свежие на вид, не окатанные. На некоторых изделиях местами заметен неравномерный белесо-жемчужный налет — первые признаки процесса патинизации.

Структура коллекции

Коллекция состоит из отобранных относительно крупных пластин и пластинчатых сколов, а также небольшой группы специфических рубящих орудий. Налицо явная искусственная сепарация изделий в древности. Теоретически, такая сортировка исключает возможность субъективного комплектования выборки неспециалистами из материалов какой-либо стоянки или мастерской. Как будет показано выше, значительное количество пластин совмещаются между собой. Это является серьезным аргументом в пользу признания гомогенности комплекса. В целом, 89% сохра-

нившегося комплекса составляют пластины и пластинчатые сколы (22 шт.), 11% — траншевидные орудия (3 шт.).

Морфологическая характеристика кремневых изделий комплекса

Пластинчатые сколы

Количественно основную часть скопления составляют крупные отбивные пластины. При этом 18 из 22 представленных в коллекции пластин и пластинчатых сколов сохранили более или менее значительные участки гладкой первичной корки, т.е. связаны с поверхностным слоем конкреции, и образовались на начальной стадии обработки и систематического расщепления.

Вследствие малочисленности и явных признаков искусственной сепарации, сравнительный анализ пластин по методике Е.Ю. Гиря (Гиря, 1997) применяется в ограниченном объеме.

Параметрические характеристики целых пластин даны в таблице.

Из таблицы следует, что практически все целые пластины превышают в длину 100 мм, достигая в максимальном случае 153 мм. Средняя длина целых пластин составляет 120 мм. С учетом преобладающей однонаправленной огранки дорсальной поверхности, это свидетельствует о весьма значительной высоте рабочего фронта нуклеуса — ориентировочно до 200 мм. Средний индекс массивности 8,0, средний коэффициент удлиненности — 369. В целом, пластины весьма массивные. Одна из пластин (рис. 4, 4) имеет спиралевидно изогнутый корпус, что явилось следствием отделения от углового участка рабочего фронта.

Пластины распадаются на две параметрические категории, которые условно можно назвать «служебные» и «целевые». Примечательно, что при сепарации комплекса в древности были отобраны в основном т.н. «служебные» сколы, связанные с оформлением тела нуклеуса и, возможно, с поддержанием выпуклости фронта. К т.н. «целевым» сколам можно отнести всего несколько пластин, которые отличаются регулярной огранкой дорсальной поверхности и низкой массивностью (напр., рис. 4, 1–2). Безусловно, деление сколов на «служебные» и «целевые» в большинстве случаев имеет чисто технологический аспект, т.е. отражает их позицию в последовательности под-

Параметры целых пластин

№	Рис.	Длина (мм)	Ширина (мм)	Толщина (мм)	<i>I mas</i>	Коэффициент удлиненности
1	4, 5	110	31	8	7,3	355
2	4, 3	150	33	16	10,7	455
3	2, 4 – верх	122	19	9	7,4	642
4	3, 1	152	40	16	10,5	380
5	3, 4	137	56	12	8,8	245
6	3, 4	104	40	12	11,5	371
7	4, 1	111	22	4	3,6	505
8	3, 5	100	32	6	6,0	313
9	4, 4	118	52	9	7,6	227
10	3, 3	90	30	7	7,8	300
11	2, 1 – низ	107	33	7	6,5	324
12	2, 1 – верх	100	30	7	7,0	333
13	2, 2	136	32	6	4,4	425
14	2, 1 – низ	116	35	17	15,5	314
15	4, 3	153	45	9	5,8	340

готовки и расщепления нуклеуса. В функциональном смысле обе эти категории пластин с одинаковым успехом могли использоваться в качестве преформы орудий, в зависимости от субъективных пристрастий древнего мастера. Как известно, в каменном веке в условиях общего или ситуационного дефицита сырья в качестве преформы орудий могли использоваться все пластины, в том числе «служебные» реберчатые.

Одна из торцовых пластин в двух частях (рис. 4, 2) на дистальном участке сохраняет следы вторичной бифасиальной подправки основания нуклеуса, что вполне типично для нуклеусов с торцовым рабочим фронтом.

Серия качественных пластин и пластинчатых сколов, явно снятых с одного нуклеуса на стадии его подготовки и начала целевого расщепления, позволяет детально охарактеризовать этот небольшой производственный эпизод.

Прежде всего, отметим, что девять пластин скопления апплицируются в группы из 2–3 сколов; еще одна пластина реставрируется из двух фрагментов. Всего аппликативных групп четыре:

Аппликативная группа № 1 состоит из двух двухгранных пластин с остатками первичной корки (рис. 2, 4). Верхняя пластина может быть отнесена к категории реберчатых краевых сколов. В ее базальной части отмечен ре-

тушированный участок. Судя по огранке топографически верхней пластины, обработке подвергся боковой участок нуклеуса. Поперечные сколы направлены «на ребро». Окончания сколов перообразные. Площадка верхней пластины в плане «выше» площадки нижней.

Аппликативная группа № 2 включает две двухгранные полупервичные пластины с перообразным окончанием (рис. 2, 1). Порядок скальвания соответствует порядку последовательной обработки сферической поверхности. Площадки располагаются в плане ступенчато.

Аппликативная группа № 3 представлена тремя пластинчатыми сколами, два из которых сохранили участок первичной корки (рис. 3, 2, 4). Судя по ступенеобразному расположению ударных площадок, топографически эти сколы приурочены к боковому-угловому участку пренуклеуса с характерным наклонным расположением основной функциональной площадки.

Аппликативная группа № 4 – аппликация двух двухгранных полупервичных пластин, сколотых с бокового участка торцового нуклеуса (рис. 2, 2); одна из пластин целая, вторая сохранилась наполовину. Точечные редуцированные площадки расположены на различной высоте по отношению друг к другу.

Крупная пластина из двух фрагментов (рис. 4, 2) в дистальной части захватывает уча-

сток с реберчатой огранкой базальной части нуклеуса. Может быть определена как целевая по характеру огранки, по крайней мере, скальвалась с центрального участка торцового фронта. Фрагментация пластины произошла, судя по образованию мелких сегментовидных (отсутствующих) сколов, в результате относительно сильного удара с вентральной стороны. Возможно, это связано с постгенетической деструкцией скопления.

В целом, ремонтаж является неполным, фрагментарным, что весьма характерно для искусственной выборки продуктов первичного расщепления, и подчеркивает преднамеренную сепарацию предметов при их депонировании в древности.

Все апплицирующиеся группы связаны с боковой оббивкой и начальной стадией расщепления крупного нуклеуса с торцовым рабочим фронтом и длинной наклонной площадкой (площадками?). Обычно такие нуклеусы проходили бифасиальную стадию предварительной обработки и широко представлены в европейских индустриях второй половины позднего палеолита и его финала.

Судя по размерам пластин, они отделялись от весьма крупного нуклеуса, высотой не менее 20 см. Топография пластинчатых сколов на корпусе нуклеуса уверенно восстанавливается по характеру аппликаций. Площадки нескольких сколов расположены в плане ступеннеобразно, поскольку они отделялись с краев предварительно сформированной наклонной площадки, т.е. с боковых и угловых участков. В Донбассе такой тип служебных пластинчатых сколов детально описан в материалах позднепалеолитической мастерской в Вислой Балке на Северском Донце (Колесник, Коваль, Гирия, 2002). Есть они и в памятниках финального палеолита региона — в Татьяновке, Святых Горах (Коваль, Вотякова, 2005; Коваль, 2008). Эти пластины имеют наклонные площадки, что отражает их положение на боковых участках торцового нуклеуса. В отличие от асимметричных в плане площадок данных пластин, площадки пластин публикуемой серии имеют два симметричных «плеча», что свидетельствует о тщательном выделении их перед сколом. Все площадки узкие, гладкие, с небольшим наклоном в вентральную сторону. По крайней мере, 5 из них можно назвать точечными. Все площадки редуцированы; во всех случаях отмечена тонкая краевая «губа», которая опоясывает ударную площадку с вентральной стороны. Ударные бу-

горки небольшие среднерельефные. На 9-ти площадках отмечены явные признаки пришлифовки. Только две пластины имеют заметно изогнутый профиль, определенный рельефом поверхности скальвания. Таким образом, имеются явные признаки ударной техники скола с применением т.н. «мягкого» отбойника. Техника получения крупных отбивных пластин при помощи «мягкого» отбойника в сочетании с редуциацией и шлифовкой ударных площадок ассоциируется с эпохой позднего или финального палеолита.

Траншевидные орудия

Вторая часть коллекции состоит из трех траншевидных рубящих орудий. Они стандартной величины и пропорций, выполнены из того же материала, что и пластины, имеют такую же степень сохранности.

Первое имеет размеры $9,2 \times 5,0 \times 2,7$ см (рис. 5, 1). Изготовлено из крупного (ширина 92 мм) массивного (толщина 30 мм) первичного отщепы с тонкой гладкой известковой коркой. Путем интенсивной модуляции сохранен средний, наиболее толстый участок преформы, базальная и дистальная части усечены оббивкой. Оббивкой заготовки с базального конца преформы с вентральной стороны создан крутой, вогнутый в плане край (эффект «перехвата»). Обработка дистального участка преформы (правый, по рисунку, край орудий) осуществлена в более сложной технике — в т.н. «ядрищной» манере. Сначала с дорсальной стороны серией грубых сколов был удален относительно тонкий край, затем с образовавшейся грани-площадки было произведено грубое частичное утончение спинки изделия. Работа проводилась жестким отбойником. Судя по забитости и смятости образовавшегося ребра, целью ядрищной обработки правого продольного края орудий было не столько утончение корпуса, сколько устранение острого выступающего ребра, видимо, мешавшего плавному охвату корпуса нитями обвязки или при фиксации в муфте. Лезвие расположено слегка косо по отношению к продольной оси. Лезвие фактически прямое в плане, с углом заострения $35-40^\circ$ в средней части; по кромке заметны мелкие выщерблины, в основном, с вентральной стороны. Тыльный участок также заостренный, без следов обработки и сработанности. Продольное сечение орудий имеет явный линзовидный контур, что существенно влияло на

функциональную кинематику этого вкладыша рубящего инструмента.

Второе орудие размерами $7,5 \times 6,9 \times 3,0$ см (рис. 5, 2). Несмотря на внешне простую форму, орудий было сформировано в ходе нескольких этапов модуляции. В качестве заготовки использовался массивный крупный вторичный отщеп. Орудие сформировано из наиболее массивной средней части преформы путем усечения методом оббивки базальной и дистальной частей преформы. Формующая оббивка велась жестким отбойником со стороны брюшка заготовки. Возле одной из выемок сохранились следы трех сильных ударов в виде конусовидных трещин. Оба продольных края орудия получились вогнутыми, с «нависающим» профилем; выемки интенсивно забиты, скруглены на стыке с вентральной плоскостью. В результате такой обработки поперечное сечение орудия в центральной части приобрело вид, близкий к грубому овалу. Продольное сечение орудий асимметричное, близкое к плоско-выпуклому. Обушковая часть несет следы поперечного усечения; с образовавшейся площадки снят продольный скол утончения корпуса. Судя по «стратиграфии» негативов, обработка корпуса, как кажется, велась в такой последовательности: правый (по рисунку) край — обушок — левый край. Лезвие в плане выпуклое, с углом заострения около $45\text{--}50^\circ$. С вентральной стороны вдоль узкой кромки невооруженным глазом видна узкая заполированная полоса с мельчайшими фасетками. Такие же фасетки видны и на кромке с дорсальной стороны.

Третье траншевидное изделие приблизительно такой же величины — $8,4 \times 5,9 \times 3,0$ см (рис. 5, 3). Преформой послужил массивный вторичный отщеп, который срезал с нуклеидной заготовки грубо оббитый реберчатый участок. Эта реберчатая поверхность образует спинку траншевидного орудия. Продольная ось отщепа совпадает с продольной осью орудия. На отщепе-преформе имелась перпендикулярная брюшковой поверхности боковая грань, которая использовалась в качестве площадки при формировании правого (по рисунку) края. Короткие поперечные сколы с этой грани-площадки были направлены на устранение бокового ребра и приданию поперечному сечению более плавных округленных очертаний. Левый вогнутый край сформирован крутой нависающей ретушью с вентральной стороны; кромка интенсивно забита. Обушок в профиле заостренный, специально не обра-

ботан. Продольное сечение в виде неправильной вогнутой линзы. Как и у остальных орудий из скопления, лезвие этого инструмента двухгранное. В плане оно вогнуто. Угол заострения около 50° . Вдоль кромки с дорсальной стороны видны мельчайшие фасетки выкрошенности.

Случаи ремонта «транше» с пластинами из скопления не отмечены. Скорее всего, это объясняется тем, что при изготовлении траншевидных орудий использовались крупные массивные сколы, сбитые с участков конкреций, непосредственно не связанных с местами параллельной огранкой корпуса пренуклеуса, т.е. на стадии первичной модуляции конкреции.

Суммарно о траншевидных орудиях из скопления можно сказать следующее. Ориентация скола-заготовки и характер дорсальной поверхности, видимо, не имели принципиального значения при их изготовлении, так как форма заготовки существенно перерабатывалась оббивкой при модуляции корпуса изделий. Главным для древнего мастера было сохранение относительно прямой лезвийной кромки, образованной вентральной поверхностью скола-заготовки и негативом крупного скола на дорсальной стороне (двухгранное лезвие). Эта кромка расположена преимущественно перпендикулярно к продольной оси корпуса. В одном случае лезвийная кромка выпуклая, в двух — вогнутая. Корпус формировался двумя приемами. При первом в качестве площадки использовалась вентральная поверхность скола-заготовки, и формующие сколы просто усекали боковую массу, придавая телу орудий трапециевидные очертания. При втором — в качестве площадки использовалась естественная или специально созданная оббивкой продольная грань, почти перпендикулярная брюшку заготовки. Сколы с такой грани делали корпус более тонким. В целом же боковая обработка отщепов придавала корпусу орудий массивность в средней части. В результате получались грубо оформленные орудия, с трапециевидными очертаниями, с необработанными поперечными лезвиями-гранями. При относительной симметрии в плане орудия отличаются ярко выраженной асимметрией в профиле. Обушковые части орудий дополнительно не обработаны, что, видимо, связано со способом крепления. Лезвия не имеют следов ретушной подправки или поджигления. Медиальные участки в нескольких случаях оформлены в виде выемок при помощи интенсивной нависающей ударной ретуши, в средней части

интенсивно забиты. Складывается впечатление, что забитость создавалась специально с целью притупления продольного ребра (аккомодационный прием?).

Грубый облик этих изделий в большей степени характерен для заготовок орудий, однако в различных стояночных комплексах предметы с такой морфологией встречаются в орудийном контексте. В археологической литературе они называются по-разному: транше, траншевидные орудия, топоры с перехватом, топоры из отщепов и т.д.

Общая оценка комплекса кремневых изделий

Небольшие планиграфически дискретные и компактные скопления изделий вне культурного слоя поселений и погребальных комплексов либо скопления специально отобранных однородных предметов в составе культурного слоя в археологии принято диагностировать в качестве «кладов». Предметы кладов обычно залегают плотной массой, отражая первоначальный портативный объем упаковки или последующего захоронения (сумка, мешочек, короб, ямка?).

Немонетные восточноевропейские древние клады вообще (историографию см.: Бочкарев, 2002; и др.) и клады каменного века в частности всегда находились в центре внимания исследователей. Под словом «клад» в археологии понимаются полисемантические археологические объекты или специально сокрытые с различными целями материальные и иные ценности. В последнее время широко распространилось мнение, что в процессуальном смысле клады и погребальный инвентарь часто образуют взаимосвязанную бинарную оппозицию, при этом преобладают сакральные мотивы накопления кладов (см.: Бочкарев, 2002).

В среднем течении Северского Донца известно несколько кладов кремневых изделий разного времени. Это неолитический клад кремневых топоров из п. Денежнековка в Луганской области (Горелік, 2003), энеолитический 2-й Гончаровский клад из окрестностей г. Изюм в Харьковской области (Одинцова, 1956), энеолитический клад отжимных пластин из поселения у с. Крейдянка на Харьковщине (Колесник, Клименко, 1998), а также энеолитический клад треугольных наконечников (тесел?) из с. Татьяновки в Донецкой об-

ласти (Колесник, Рассамакин, 2006; Колесник, 2006). Все эти клады связаны с кремненосным участком Северского Донца. Географически к этому скоплению кладов тяготеет крупный клад наконечников (тесел?) и пластин, найденный в 1819 г. при строительстве Луганского чугунолитейного завода на правом берегу Северского Донца, на берегу р. Лугань (Гесс де Кальве, 1820. Цит. по: Выборный, 1995).

В последнее время небольшие клады кремневого инвентаря принято оценивать как индивидуальные «ранцевые наборы» (“tool kits”) – небольшие портативные краткосрочные переносимые в сумке запасы каменных орудий и, в основном, пластинчатых или отщеповых заготовок (редко сырьё с минимальной предварительной обработкой). Спецификой ранцевых наборов при их относительно небольших размерах является разнообразие состава, поскольку они отражают многообразие краткосрочных бытовых и производственных потребностей владельцев. Количество изделий (заготовок и законченных орудий) в ранцевых наборах позднего – финального палеолита иногда может достигать до 50, но чаще колеблется в пределах одного – двух десятков. Так, в составе индивидуальных кладов из хорошо исследованных местонахождений в окрестностях Рыдно в Польше известны четыре небольшие по размерам плотные скопления (клады), содержащие от 3 до 40 отобранных кремневых изделий (Fiedorczuk, 1997). В мезо-неолитических «кладах» Среднего Зауралья (Сериков, 2007) содержится приблизительно такое же количество предметов, иногда в виде составных наконечников. В культурном слое позднепалеолитической стоянки Каменная Балка II были найдены специально сокрытые наборы кремневых изделий (Гвоздовер, Леонова, 1977; Леонова, в печати). Этот список можно продолжить дальше. Наиболее типичный состав ранца (т.е. сумки с орудиями и их заготовками) поздних этапов каменного века – несколько необработанных отщепов и пластин, заготовки нуклеусов и/или рубящих орудий, минимум законченных орудий (Синицына, 2000; и др.), иногда небольшие запасы каменного сырья.

Стратегия переноса орудийных наборов в составе индивидуальной поклажи отчетливо проявляется уже в среднем палеолите, когда она была основной формой обеспечения экономики каменными изделиями. Об этом убедительно свидетельствуют материалы из богатейших крымских собраний уникальной

сохранности (см.: Чабай, 2004; Kretschmer, 2006; Bataille, 2006a; Bataille, 2006b; и др.). Соответственно, для среднего палеолита весьма характерна «ранцевая» сырьевая стратегия, которая фактически доминирует в системах переноса-распределения каменного сырья (Колесник, 2009). В последующем ранцевые стратегии играли в Донском регионе второстепенную роль, но в финальном палеолите в среднем течении Северского Донца вновь переживают анимацию в связи с широким распространением специфического типа мобильности. Одним из проявлений этого особого типа мобильности являлись, видимо, непродолжительные промысловые рейды в кремненосных районах (Колесник и др., 2007), что отразилось в накоплении целого ряда эфемерных мастерских для пополнения текущего дневного или краткосрочного запаса кремневых изделий.

Вес кладов — индивидуальных ранцевых наборов каменного века был относительно небольшим. В публикациях по кремневымкладам Восточной Европы такие данные как будто отсутствуют. Вес сохранившейся части скопления кремневых изделий из п. Донецкого около 1,45 кг, т.е. составлял приблизительно полтора килограмма. Это вполне приемлемый вес «личной сумки с кремнем» пешего охотника-собирателя в условиях дневного промыслового рейда, с учетом дополнительного сопутствующего инвентаря, необходимого для краткосрочных хозяйственно-бытовых целей.

Семантическое значение портативных кладов кремневой продукции из «личной сумки» подлежит отдельному обсуждению. Априорно ясно, что мотивы сокрытия («дарения») небольшого набора личных вещей были чрезвычайно разнообразными и отражают социо-культурные нормы группового и индивидуального поведения. Видимо, основным мотивом формирования ранцевых наборов являлась индивидуальная потребительская ценность предметов. Соответственно, при «жертвовании» ранцевым набором основной акцент был связан с индивидуальной собственностью, т.е. процедура сокрытия «клада» носила личностный характер.

Сравнительный анализ и проблема датировки комплекса

Сравнительный анализ кремневого комплекса из п. Донецкого может быть проведен в

двух направления — отдельно для каждой из категорий находок (пластины и траншевидные орудия), а также в плане комплексных аналогий. Такой метод сравнения позволит произвести более объективную оценку общего и частного в публикуемых материалах.

Количественно основным слагающим элементом коллекции являются отбивные пластины. Как отмечено выше, эта пластинчатая составная комплекса встречает ряд прямых аналогий в кругу памятников позднего — финального палеолита Донбасса.

Второй компонент коллекции — три рубящие орудия из отщепов.

Под траншевидными орудиями, в целом, следует понимать относительно небольшие изделия из отщепов с грубой формующей обработкой и трапецевидными (преимущественно) очертаниями. Поперечное сечение, как правило, имеет выраженную асимметрию. Вполне корректно называть их каменными вкладышами рубящих орудий с коленчатой рукояткой. Особенностью траншевидных орудий из отщепов является минимальная обработка корпуса и лезвий. Для лезвийной кромки подбирались протяженные участки отщепов с углом заострения в основном в пределах 30–45°. Простота изготовления и функциональная эффективность этого класса орудий обеспечили их широкое распространение во времени и пространстве.

Тип траншевидных орудий публикуемого скопления может сопоставляться с широким кругом аналогий от позднего палеолита до неолита включительно. Как известно, средние по размеру грубые рубящие орудия из отщепов начинают распространяться в пределах Восточной Европы еще в позднем палеолите (Павлов, 2007). Серийно представлены траншевидные орудия на отщепах в свидерских памятниках Украины (Зализняк, 1989; Зализняк, 1999, 2005), в различных мезолитических культурах Русской равнины и Валдайской возвышенности, например, иеневской (Кольцов, 1989; Сорокин, 2006; Жилин, 2004), осокоровской (Телегин, 1989) и ряде других комплексов (Левицкий, Телегин, 1956). В культурах финального палеолита — мезолита лесной зоны Восточной Европы традиция изготовления траншевидных орудий из отщепов базируется на сходной технологической базе, поскольку общая культурологическая модель этого сектора Евразии основывалась на непрерывности культурного развития на рубеже плейстоцена и голоцена (Поздний палеолит ... 2005).

Универсальная типология траншевидных рубящих орудий каменного века еще ждет своего часа. Типообразующими признаками, возможно, являются форма обушка, форма бойковой части, наличие на лезвиях следов плоских резцеvidных сколов формирования или подживления, наличие перехвата (углубления) в средней части корпуса. Морфологически устойчивую группу как будто образуют уплощенные свидерские «транше» с поперечной подтеской лезвия, что придает профилю некую симметричность (Залізник, 1999). У мезолитических «транше» довольно часто бывает выделен заостренный в плане обушок (Черныш, 1977; Телегин, 1989). Нередко траншевидные орудия с плоско-выпуклым сечением образуют вместе с бифасиально оббитыми «топориками» с линзовидным сечением одну сопряженную типологическую группу. Некоторые отличия (следы продольной подправки лезвий, уплощение корпуса), возможно, отражают различный редуционный возраст конкретных изделий при похожем способе формирования-подправки. Принципиальные морфологические отличия (заостренный обушок, трапезиевидные очертания или перехват в средней части корпуса) могут быть связаны со способом крепления кремневого орудия в рукояти — при помощи пазовой выемки с упором либо при помощи роговой (деревянной) муфты-посредника. Роговые (Жилин, 2001) и деревянные (Лозовский, Рамсеер, 1997) муфты коленчатого типа хорошо известны в мезолитических памятниках лесной зоны Восточной Европы в отложениях торфа. Перехват в средней части корпуса усиливал прочность крепления кремневого вкладыша к пазовой выемке при наличии плотной обмотки.

В сводных таблицах (рис. 6–8) показаны некоторые наиболее выразительные траншевидные отщеповые орудия из комплексов финального палеолита, мезолита и неолита Европы. Как видно, типологически разнообразные траншевидные орудия весьма широко распространены в комплексах финального палеолита и мезолита Восточной Европы, эпизодически в неолите.

Отдельно рассмотрим региональные параллели траншевидным орудиям из публикуемого комплекса. Здесь они известны пока только в неолитических материалах. Прежде всего, «транше» из п. Донецкого демонстрируют весьма близкое сходство с материалами поздненеолитического местонахождения Старица XVIII, расположенного на левом берегу

Северского Донца напротив с. Богородичное Славянского р-на Донецкой обл. (Горелик и др., 2006). Этот памятник имеет культурный слой уникальной сохранности. Его открытие и тщательное полевое и камеральное исследование — бесспорная удача региональной (и не только) археологии. Н.П. Герасименко по стратиграфическим данным датирует культурный слой второй половиной голоценового климатического оптимума. Культурный слой залегает на глубине около полутора метров на переработанной процессами дефляции инициальной ископаемой почвой и сверху перекрыт стерильным песчаным горизонтом. Среди типологически значимого материала присутствуют заготовки нуклеусов для крупных отжимных пластин (усиленный отжим?), скребки, резцеvidные орудия, около 50 заготовок и целых траншевидных орудий и др. Траншевидные изделия морфологически устойчивых очертаний (Горелик и др., 2006. рис. 1, 2–4; 3, 9–13; 4, 1–5; 5, 1–3) образуют типологическое ядро коллекции. Они, в основном, массивны, изготовлены из отщепов, часто с перехватом в средней части. Прямой хронологической и культурной аналогией Старице XVIII, по-видимому, является неолитический слой комплексного памятника археологии в ур. Выдылыха на правом берегу Донца у того же села, в 1,5–2 км к юго-западу. Неолитический слой Выдылыхи с признаками *in situ* также датируется Н.П. Герасименко атлантикумом. Слой залегает в виде компактного по вертикальному простиранию горизонта в низу современной почвы с концентрацией на глубине 0,70–0,75 м. Сохранились кости животных и, в отдельных случаях, структурные элементы в виде скопленных продуктов расщепления кремневых конкреций, однако слой существенно разрушен в результате постгенетической деформации и перекопов раннего средневековья. В коллекции — заготовки призматических нуклеусов под крупную отжимную пластину, «резцы с ретушированной перемычкой», траншевидные орудия, скребки и пр. (Колесник и др., 2006).

Таким образом, один из эпизодов бытования траншевидных орудий в Подонцовье уверенно датируется поздним неолитом, приблизительно V тыс. до н.э.

Теперь рассмотрим возможности комплексного сравнения коллекции пластин и траншевидных орудий из п. Донецкого.

Наиболее полной комплексной аналогией кремневым изделиям из п. Донецкого яв-

ляются материалы стоянки в Миньевском Яру на правом берегу Северского Донца. В самом верхнем горизонте лессовидного суглинка здесь также найдены «топоры с перехватом» из отщепов и пластины со следами ударной техники скалывания. Расстояние от места находки клада до Миньевского Яра около 25 км по прямой. Сразу следует признать, что датировка верхнего лессового комплекса многослойной стоянки в Миньевском Яру является ключом к датировке публикуемого кремневого комплекса из п. Донецкого. Однако вокруг датировки этого слоя в силу ряда обстоятельств изначально сложилась довольно противоречивая ситуация.

Напомним, что многослойная стоянка в устье Миньевского Яра была открыта П.П. Ефименко во время его плодотворной поездки по Восточной Украине в 1924–1925 гг. (Ефименко, 1928). Этой поездке предшествовала длительная переписка между Н.В. Сибилевым и П.П. Ефименко (Цвейбель, 1973; Колесник, 2003). Е.В. Сибилев — замечательный изюмский краевед, основатель Изюмского (1920) и Артемогорского (1934) музеев, автор открытия более 350 памятников археологии в среднем течении Северского Донца (Сибилев, 1926а, 1926б; Сибилев, 1928, 1930), в том числе палеолитических (Сибилев, 1946). При обработке собранного материала он активно консультировался со специалистами из ведущих академических центров страны. В ходе своей поездки в Подонцовье П.П. Ефименко обнаружил, помимо стоянки в Миньевском Яру, также широко известный памятник «мустьерской эпохи» в устье р. Деркул (Ефименко, 1935) и ряд других находок. Первоначально стоянка в Миньевском Яру позиционировалась автором открытия как позднепалеолитическая. Такая датировка находок была обусловлена, прежде всего, геологическими признаками, так как «...кремни ... залегали гнездами на глубине свыше 2 метров, под черноземом, в слое желтоватого суглинка. ... Время этого интересного местонахождения может быть определено только путем раскопок, но за ранний возраст его говорит как будто характер залегания ... в ... условиях, которые свойственны нашим стоянкам позднего палеолита» (Ефименко, 1928. С. 5–6). В 1935 г. Н.В. Сибилев писал об археологическом памятнике в Миньевском Яру как о стоянке, которая является «подозрительная по палеолиту» (Сибилев, 1935. С. 119). Последующие предвоенные полевые работы Н.В. Сибилева в Миньевском Яру (1938–1939 гг.)

дали основание для более широкой датировки памятника, включая «поздний неолит». Так, в ходе полевых работ в то время в голоценовых слоях В.Н. Сибилев обнаружил свежее на вид кремни неолитического облика и фрагменты остродонного лепного сосуда (Сибилев, 1946). В фундаментальной сводке памятников древней фауны Украины, подготовленной И.Г. Пидопличко, в основном, по материалам довоенных сборов, в сборах из Миньевского Яра 1937–1939 гг. фигурируют исключительно голоценовые виды животных (Пидопличко, 1956. С. 116–117). Вместе с тем, в 1940 г. раскопки Н.В. Сибилева «...захопили не крутой схил Миньївської балки, а берег понад самим Донцем. Тут культурні шари знайдено не тільки в черноземі, а й у чотирьох горизонтах суглинка. ... У 3-му горизонті суглинка було знайдено разом кістки й зуби благородного оленя, (за визначенням І.Г. Пидоплички), крем'яні знаряддя верхньо-палеолітичного часу...» (Сибилев, 1946. С. 34). В целом, явная двойственность хронологических трактовок памятника в Миньевском Яру объясняется его многослойностью. Факт многослойности стоянки еще раз был подтвержден полевыми работами И.Ф. Левицкого и Д.Я. Телегина в 1950 г., а также раскопками А.Ф. Горелика и А.А. Кротовой в 1976 г., которые произвели раскопки памятника на площади суммарно более 200 кв. м. Были обнаружены разновременные культурные слои от позднего палеолита до средневековья включительно (Левицкий, Телегин, 1956; Кротова, 1985. С. 6; Горелик, Кротова, 1977; Кротова, 1986. С. 54–57; и др.). Тем не менее, несмотря на многослойность памятника, на длительное время в центре внимания специалистов по каменному веку оказался, прежде всего, культурный слой удивительной сохранности из верха лессовидного суглинка, который залегает на 10–12 см ниже кровли суглинка на глубине около 2 м от современной поверхности. Участок этого слоя с наиболее насыщенными культурными остатками был раскопан в основном в 1950 г. благодаря усилиям И.Ф. Левицкого и Д.Я. Телегина (Левицкий, Телегин, 1956). Именно здесь найдены классические траншевидные орудия из отщепов или «топоры с перехватом». Длительное время этот слой стоянки традиционно считался мезолитическим (Ефименко, 1953. С. 638; Телегин, 1982. С. 148–152; Телегин, 1989. С. 120–121; Горелик, 1984. С. 6–7; 1986. С. 8–9; Горелик, Кротова, 1977. С. 282; и др.). Вместе с тем, В.Н. Даниленко (1969. С. 30) до-

пускал его неолитический возраст, возможно, из-за путаницы в трактовках. О присутствии в слое (каком?) Миньевского Яра фрагментов неолитического остродонного лепного сосуда под влиянием сведений Н.В. Сибилева в своих послевоенных работах писал и П.П. Ефименко (Ефименко, 1953. С. 638). Недавно А.Ф. Горелик с коллегами на основании морфологической близости траншевидных орудий и некоторых других категорий инвентаря из эталонного слоя Миньевского Яра и Старицы XVIII шчел возможным назвать комплексы однокультурными, отнести их к типу памятников «Миньевский Яр», и существенно омолодить этот культурный слой Миньевского Яра, вплоть до неолита (Горелик и др., 2006. С. 124, 128).

Как видим, вокруг датировки верхнего лессового комплекса из Миньевского Яра явно сложилась проблемная ситуация, непосредственно связанная с датировкой скопления кремневых изделий из п. Донецкое. Возможно, ответ на данный вопрос даст разработка современных тафономических моделей накопления и разрушения комплексов культурных остатков памятника в устье Миньевского Яра на основе принятых в последние годы методик раскопок и анализа культурного слоя. Хорошо известно, что «стратиграфическая оболочка» археологических комплексов в ряде случаев может не соответствовать их истинному ка-

лендарному возрасту, причем как в сторону удешевления, так и омоложения.

Поскольку описанные классы кремневых изделий (пластины и траншевидные орудия) сами по себе вписываются в независимые хронологические шкалы, «нумизматический» принцип датирования всего комплекса не может быть принят. Как известно, время депонирования монетного клада определяют по самой молодой монете. В данном случае более подходит метод определения возраста «клада» отрезком времени, в пределах которого шкалы накладываются одна на другую (метод независимых переменных). Несложно установить, что крупнопластинчатая торцовая отбивная технология и грубые траншевидные орудия на отщепях сосуществуют в пределах финального палеолита и раннего мезолита, причем в весьма широком пространственном контексте. Таким образом, акцент в узкой датировке комплекса из п. Донецкого могут ставить, скорее, отбивные пластины, чем траншевидные орудия.

Исходя из приведенных данных, нам кажется, что наиболее предпочтительной является датировка кремневых изделий из п. Донецкое финальным палеолитом или мезолитом. Разумеется, эта дата условная, поскольку она базируется на косвенных данных, которые могут быть оспорены.

Литература

- Абрамова З.А., 1957. Неолитическая «мастерская» кремневых орудий на Волге близ Костромы // КСИИМК. М.; Л. Вып. 67. С. 71–76.
- Бочкарев В.С., 2002. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб. С. 45–55.
- Выборный В.Ю., 1995. Памятники археологии Луганска // Краеведческие записки / Луганский государственный областной краеведческий музей. Луганск. Вып. 3: К 200-летию основания г. Луганска. С. 11–21.
- Гвоздовер М.Д., Леонова Н.Б., 1977. Клад кремня из верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л. С. 127–136.
- Гесс де Кальве, 1820. Опыт исторического исследования об образовании человеческих способностей, в особенности по части минералогии // Труды / Вольное общество любителей российской словесности. СПб. Ч. X. С. 251–252.
- Гиля Е.Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий: методика макро-микрoанализа древних орудий труда. СПб. Ч. 2. 198 с.
- Горелик А.Ф., 1984. Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (вопросы культурно-хронологического членения) // Материалы каменного века на территории Украины. Киев. С. 4–23.
- Горелик А.Ф., 1986. Мезолит бассейна Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья: автореф. дис. ... канд. ист. нук. Л. 16 с.

- Горелік О.Ф., 2003. Денежніківський «скарб» неолітичних тесел (Південно-Східна Україна) // Археологический альманах. Донецк. № 13. С. 272–280.
- Горелік А.Ф., Кротова А.А., 1977. Раскопки поселения в уроч. Миньевский Яр // Археологические открытия 1976 г. М. С. 282.
- Горелік А.Ф., Дегерменджи С.М., Разумов С.Н., 2006. Старица XVIII новая неолитическая стоянка в Среднем Подонцовье // Археологический альманах. Донецк. № 18. С. 118–129.
- Даниленко В.Н., 1969. Неолит Украины. Киев. 257 с.
- Епимахов А.В., 2003. Верхне-Кизильский клад: варианты интерпретации // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. 4 (16). С. 96–102.
- Ефименко П.П., 1928. Стоянки каменного века в окрестностях г. Изюма // Старовинності Ізюмщини. Ізюм. С. 5–10.
- Ефименко П.П., 1935. Находки остатков мустьерского времени на р. Деркул // Палеолит СССР. М.; Л. С. 13–25. (Известия / ГАИМК; вып. 118).
- Ефименко П.П., 1953. Первобытное общество. Киев. 659 с.
- Жилин М.Г., 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.
- Жилин М., 2004. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М. 141 с.
- Жилин М.Г., Кольцов Л.В., 2008. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М. 313 с.
- Зализняк Л.Л., 1989. Охотники на северного оленя украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев. 173 с.
- Зализняк Л., 1999. Фінальний палеоліт південного заходу Східної Європи (Культурний поділ і періодизація). Київ. 283 с.
- Зализняк Л., 2005. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України // Кам'яна доба України. Київ. Вип. 8. 184 с.
- Коваль Ю.Г., 1995. Финальнопалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская Татьянавка 1 на Северском Донце // Археологический альманах. Донецк. № 4. С. 84–87.
- Коваль Ю.Г., 2008. Вислабалкинская группа памятников финального палеолита в среднем течении Северского Донца // Святогірський альманах, 2008. Донецьк. С. 20–27.
- Коваль Ю.Г., Вотякова О.Л., 2005. Кремнеобрабатывающая мастерская финального палеолита Святыя Горы // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні: (всеукраїнська науково-практична конференція м. Святогірськ Донецької області 25–27 травня 2005 року). Слов'янськ. С. 182.
- Колесник А.В., 1994. О зонах производственной активности в каменном веке Донбасса // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Тирасполь. С. 9–12.
- Колесник А.В., 2003. Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах. Донецк. Вып. 12.
- Колесник А.В., 2006. Клад энеолитических кремневых наконечников из с. Татьянавка на Северском Донце // Святогірський альманах, 2006. Донецьк. С. 52–64.
- Колесник А.В., Клименко В.Ф., 1998. Клад кремневых пластин из Харьковщины // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: тез. докл. Ростов н/Д. С. 45.
- Колесник А.В., Коваль Ю.Г., Гиря Е.Ю., 2002. Морфология продуктов первичного расщепления и краткий технологический анализ // Висла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце. Донецк. С. 98–135. (Археологический альманах; № 11).
- Колесник А.В., Кузин В.И., Хозин С.Р., 2006. Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области в 2005 году совместной археологической экспедицией Донецкого национального университета и Донецкого областного краеведческого музея. Донецк // Научный архив Института археологии НАН Украины.
- Колесник А.В., Рассемакин Ю.Я., 2006. Феномен кладов Гончаровского типа // In situ: (к 85-летию профессора А.Д. Столяра). СПб. С. 173–189.
- Колесник А.В., Коваль Ю.Г., Давыденко В.В., 2007. Позднепалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская «Шарукань» на Северном Донце // Святогірський альманах, 2007. Донецьк. С. 24–34.
- Колесник А.В., Коваль Ю.Г., Давыденко В.В., 2008. Позднепалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская в Теплинском лесу (среднее течение Северского Донца) // Археологический альманах. Донецк. № 19. С. 201–210.

- Кольцов Л.В.*, 1989. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М. С. 68–87.
- Крижевская Л.Я.*, 1950. Неолитические мастерские Верхнего Поволжья // МИА. М.; Л. № 13. С. 55–69.
- Кротова А.А.*, 1985. Поздний палеолит Северского Донца и Приазовья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев. 17 с.
- Кротова А.А.*, 1986. Культурно-хронологическое членение позднепалеолитических памятников Юго-Востока Украины // Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев. С. 6–73.
- Левцицкий И.Ф., Телегин Д.Я.*, 1956. Дослідження стоянки на балці Минівський Яр на Сіверському Донці // Археологічні пам'ятки. Київ. № 6.
- Леопова Н.Б.* Клады верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II (в печати).
- Лозовский В.М., Рамсеер Д.*, 1997. Предметы из дерева стоянки Замостье 2 // Древности Залесского края. Сергиев Посад. С. 66–73.
- Одинцова С.Н.*, 1956. Клады кремневых изделий из с. Гончаровка // КСИА АН УССР. Вып. 6. С. 43–46.
- Павлов П.Ю.*, 2007. Поздний и финальный палеолит северо-востока Европы // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М. С. 73–85.
- Підоплічко І.Г.*, 1956. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. Київ. Вип. 2. 233 с.
- Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений / Васильев С.А., Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Лисицын С.Н., Сеницына Г.В., 2005. СПб. 106 с.
- Сериков Ю.Б.*, 2007. Клады каменных изделий на территории Среднего Зауралья // Формирование и взаимодействие уральских народов к изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография: чтения памяти К.В. Сальникова (1900–1966). Уфа. С. 182–188.
- Сибилев Н.В.*, 1926а. Древности Изюмщины. Изюм. Вып. I. 10 с., 40 табл.
- Сибилев Н.В.*, 2006б. Древности Изюмщины. Изюм. Вып. II. 20 с., 8 табл., 6 карт.
- Сибилев М.В.*, 1928. Старовинності Ізюмщини. Ізюм. Вип. III. 19 с., 62 табл.
- Сибилев М.В.*, 1930. Старовинності Ізюмщини. Ізюм. Вип. IV. 28 с., 84 табл.
- Сибилев Н.В.*, 1935. Артемогорский краеведческий музей // Советская этнография. № 3. С. 119–121.
- Сибилев М.В.*, 1946. Підсумки досліджень палеолітичних і неолітичних стоянок басейну р. Донця // Наукові Записки / Інститут історії і археології України. Київ. Кн. 2. С. 29–37.
- Сеницына Г.В.*, 2000. «Клады» валдайской культуры и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы: тез. докл. междунар. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук Н.Н. Гуриной. СПб. С. 69–71.
- Сорокин А.Н.*, 2006. Мезолит Оки. Проблема культурных различий // Труды / Отдел охранных раскопок. М. Т. 5. 309 с.
- Телегин Д.Я.*, 1982. Мезолітичні пам'ятки України (IX–VI тис. до н.е.). Київ.
- Телегин Д.Я.*, 1989. Мезолит Юго-Запада СССР (Украина и Молдавия) // Мезолит СССР. М. С. 106–124.
- Федоров В.В.*, 1953. К вопросу «о кремневых складах» в неолитическое время // МИА. М.; Л. № 39. С. 286–292.
- Цвейбель Д.С.*, 1973. Дослідник минулого Донбасу М.В. Сибилев: (до 100-річчя від дня народження) // УІЖ. № 2. С. 132–134.
- Чабай В.П.*, 2004. Средний палеолит Крыма. Симферополь. 323 с.
- Черныш А.П.*, 1977. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и ее место в палеолите // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М. С. 7–77.
- Bataille G.*, 2006а. Kabazi II, Level II/8: Import and Evacuation of Lithic Material // Kabazi II: the 70000 years since the Last Interglacial / Chabai V., Richter J. and Uthmeier T. (eds.). Simferopol; Cologne. P. 131–142.
- Bataille G.*, 2006б. Kabazi II, Level III/A: Tools for Immediate Consumption, Cores for Future Needs // Kabazi II: the 70000 years since the Last Interglacial / Chabai V., Richter J. and Uthmeier T. (eds.). Simferopol; Cologne. P. 241–251.
- Fiedorczuk J.*, 1997. Processing workshops and habitation sites of the final palaeolithic Mazowian complex. A view from the perspective of flint artefacts refitting // Man and flint: Proceeding of the

VIIth International Flint Symposium, Warszawa – Ostrowiec Swietokrzyski, September 1995. Warszawa. P. 201–208.

Kretschmer I., 2006. Kabazi II, Level II/7AB: Hunting and Raw Material Procurement for Stone Artefact Production // Kabazi II: the 70000 years since the Last Interglacial / Chabai V., Richter J. and Uthmeier T. (eds.). Simferopol; Cologne. P. 73–84.

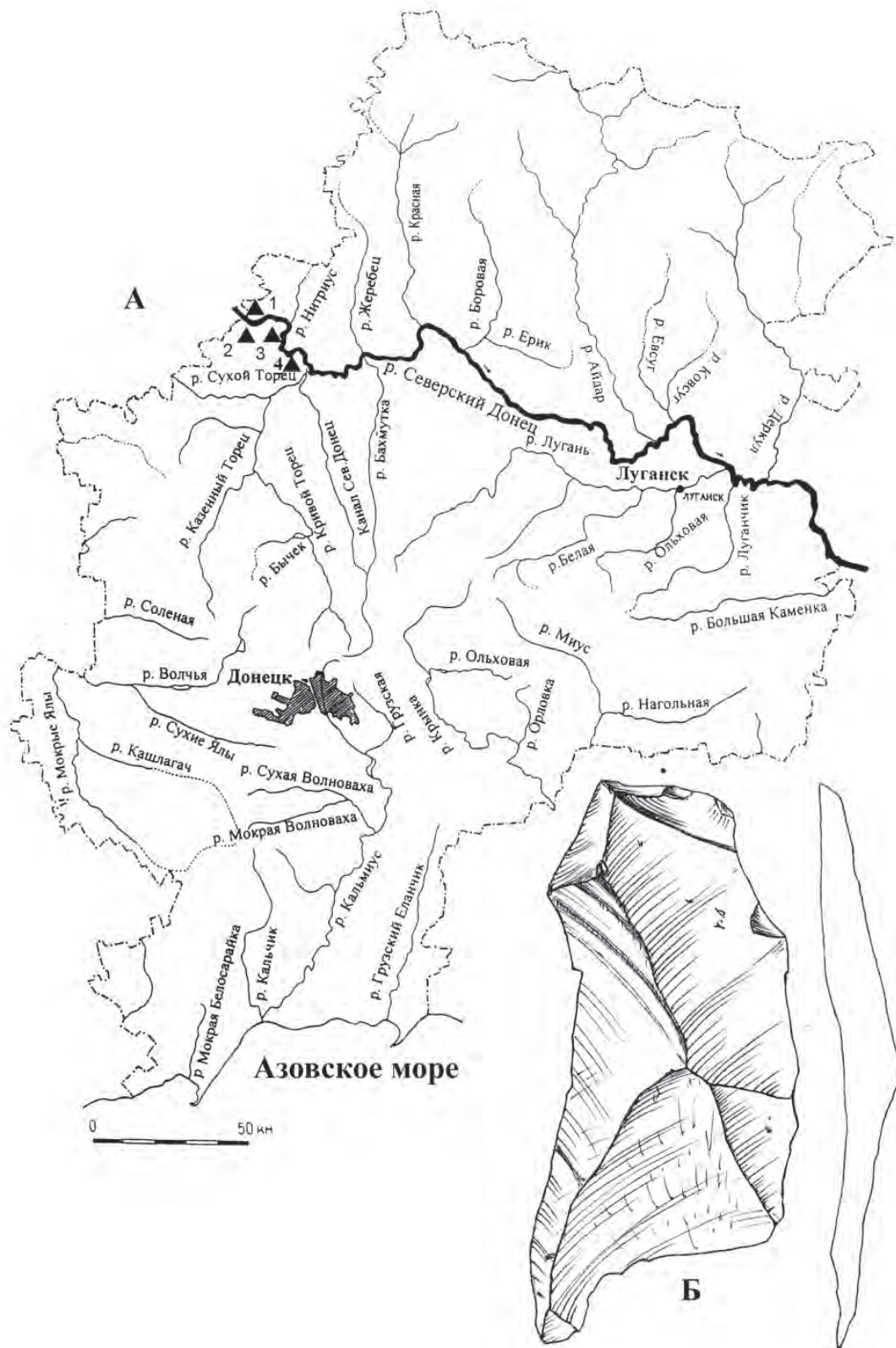

Рис. 1. Карта-схема расположения находок. Пластинчатый отщеп. А – памятники, содержащие находки траншевидных изделий: 1 – Старица XVIII; 2 – Миньевский Яр; 3 – Средний Яр; 4 – пос. Донецкий. Б – Пос. Донецкий – кремневский отщеп

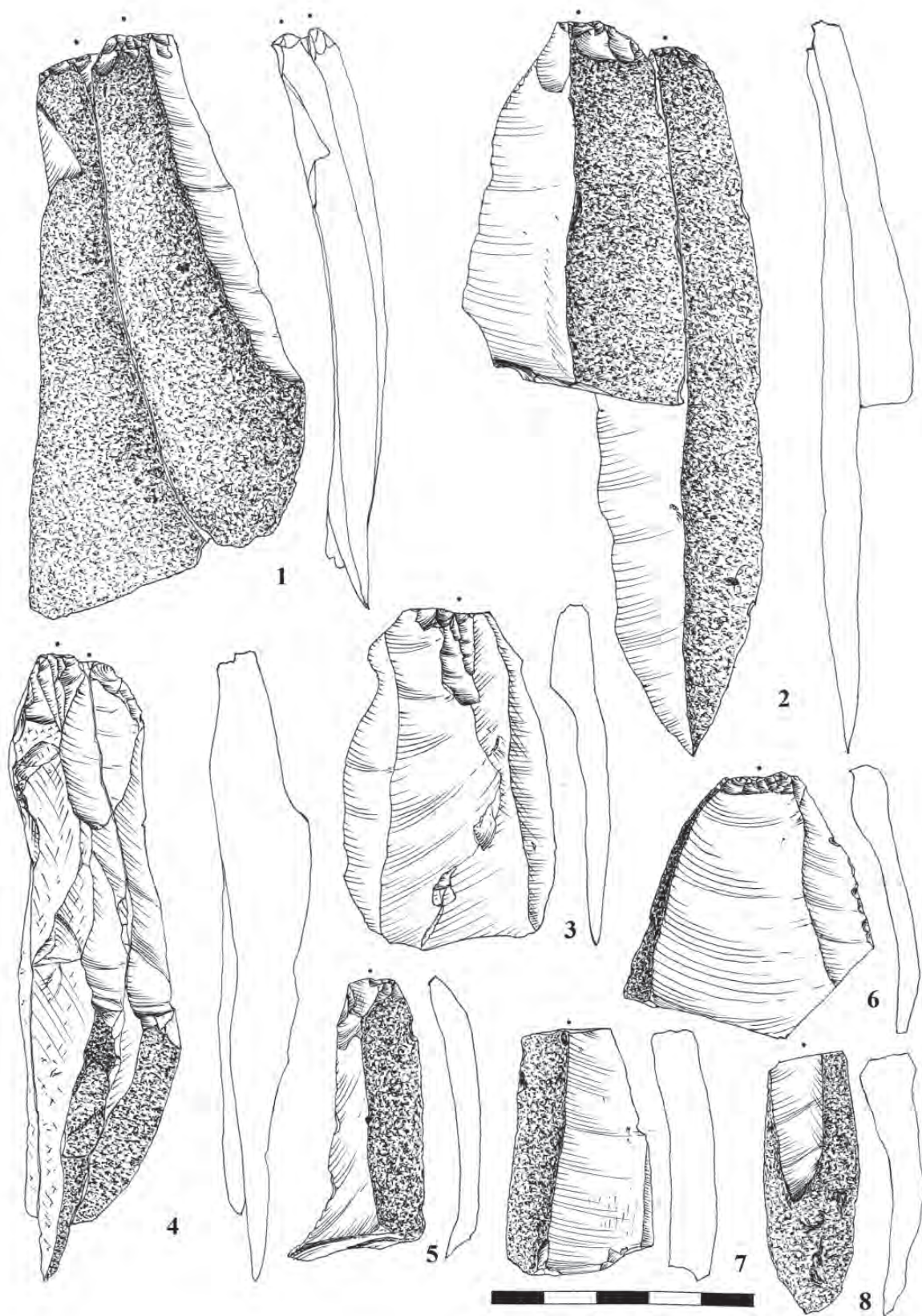

Рис. 2. Пос. Донецкий. Кремневые изделия

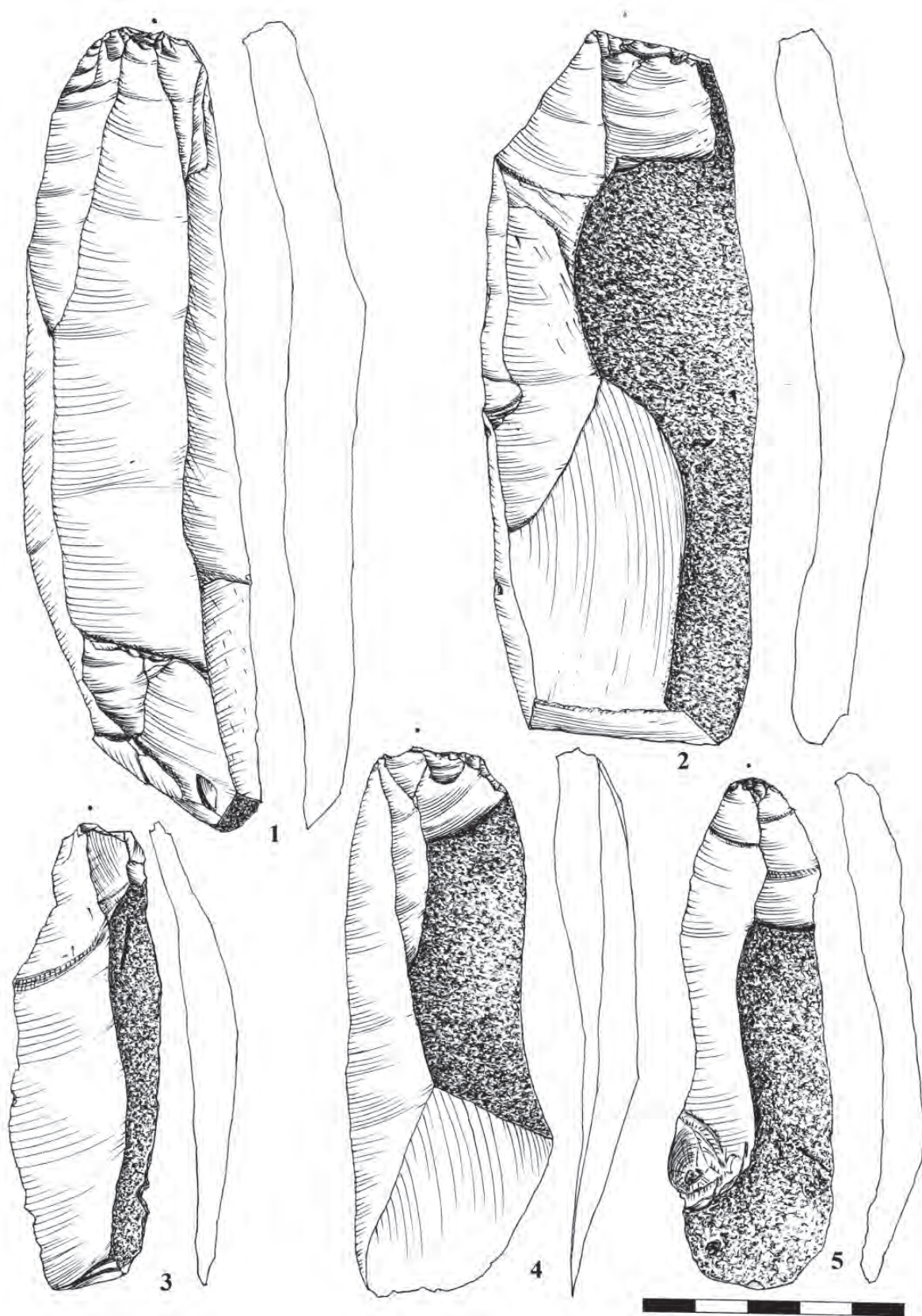

Рис. 3. Пос. Донецкий. Кремневые изделия

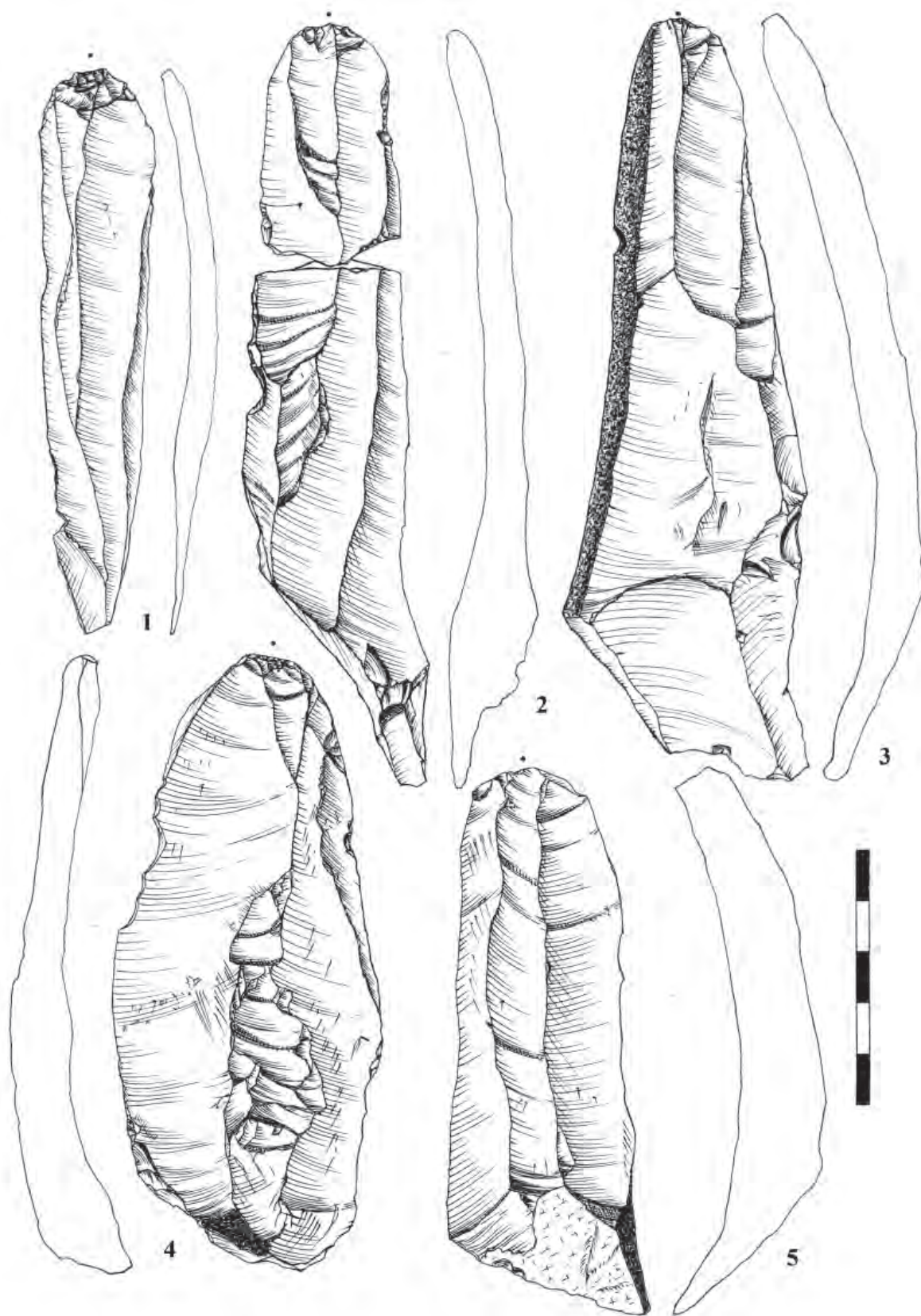

Рис. 4. Пос. Донецкий. Кремневые изделия

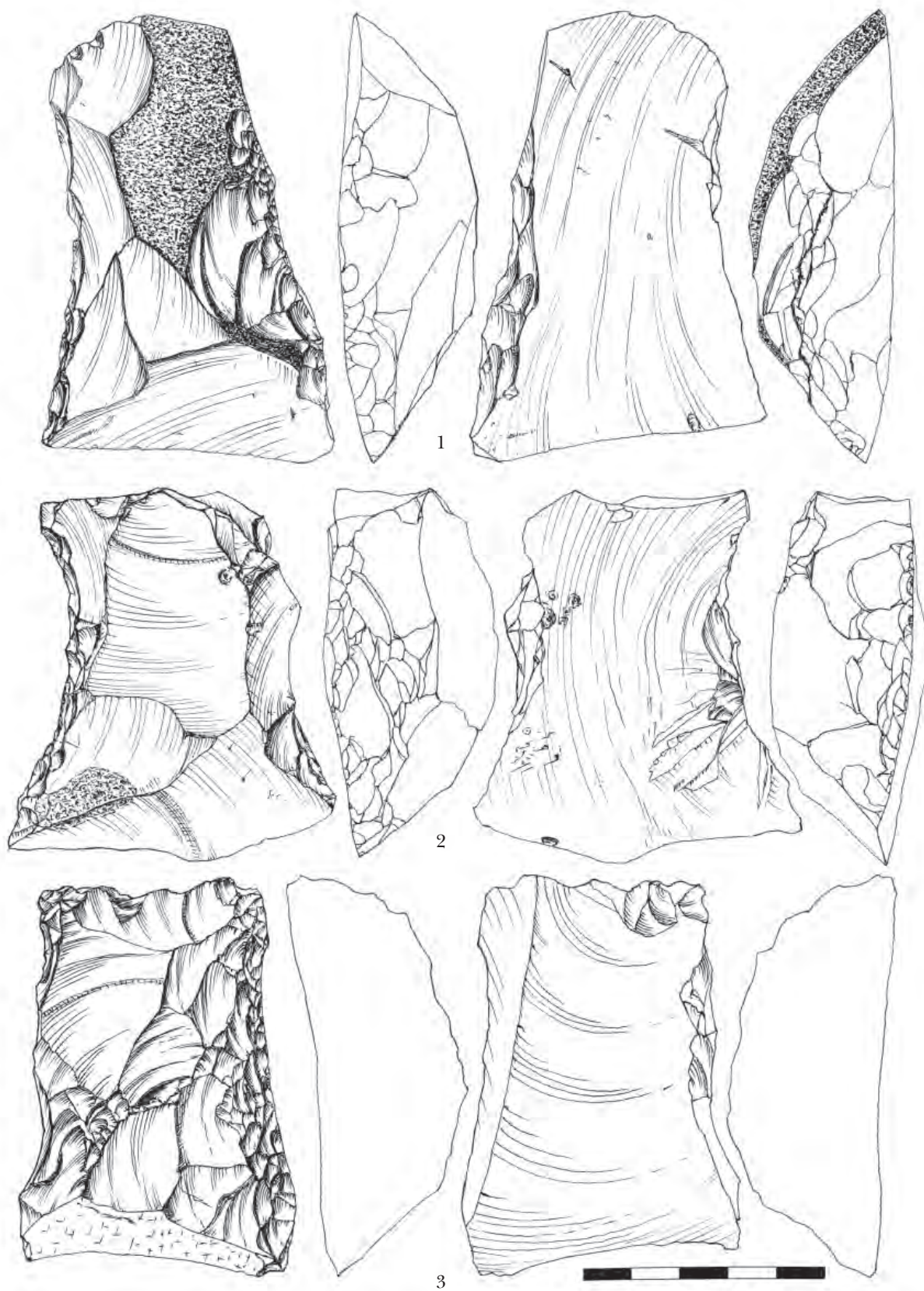

Рис. 5. Пос. Донецкий. Кремневые изделия

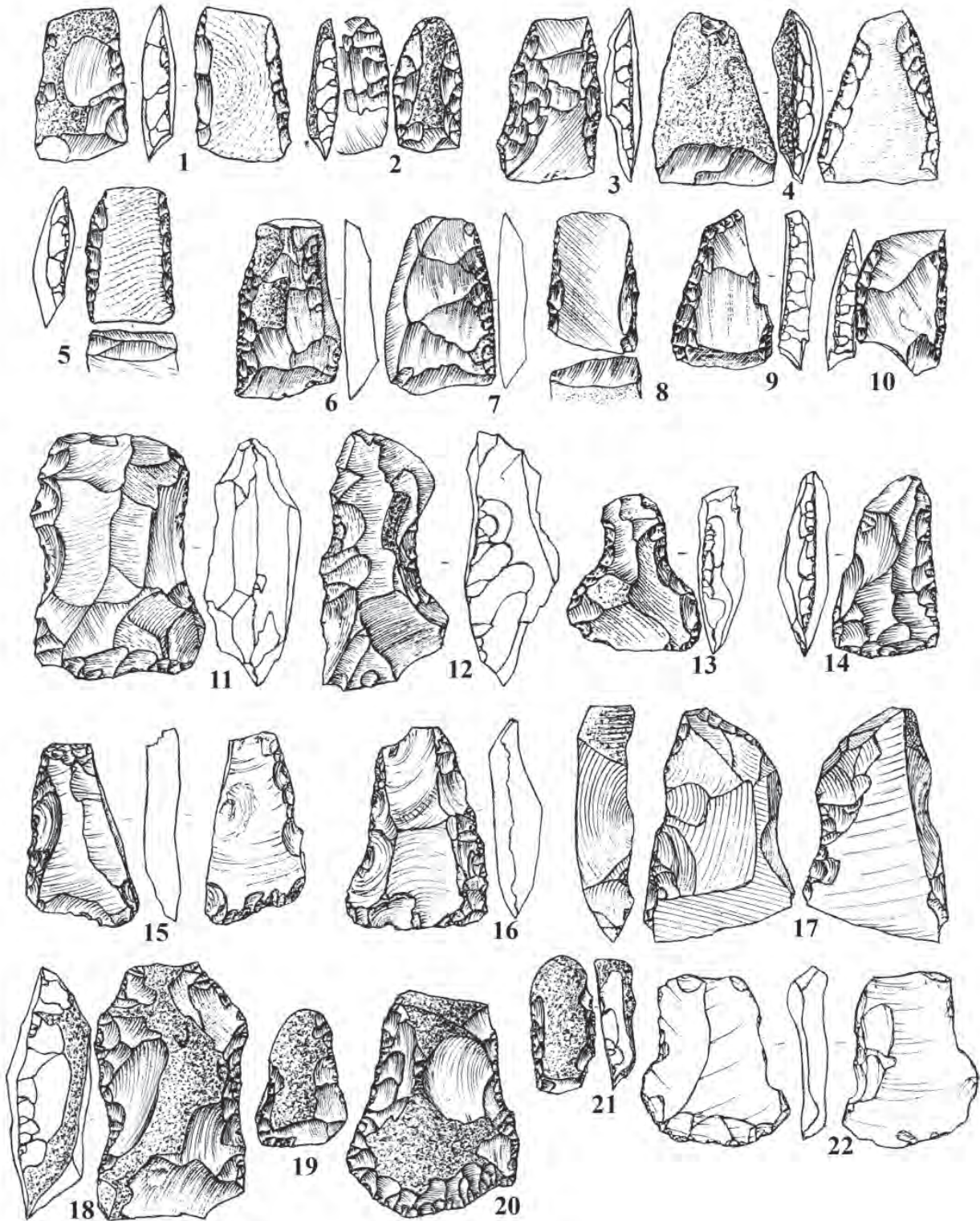

Рис. 6. Траншевидные орудия из позднепалеолитических и финальнопалеолитических комплексов: 1-5 – Переволоки Е (Залізняк, 1999); 6-7 – Нобель 1 (Залізняк, 1999); 8-9 – Воронцово (Залізняк, 1999); 10-13 – Гибор 13 А (Залізняк, 1999); 14-16 – Подол 3; 17 – Березно (Залізняк, 1999); 18-20 – Березно 14 (Залізняк, 1989); 21-22 – Теплый Ручей (Жилин, Кольцов, 2008)

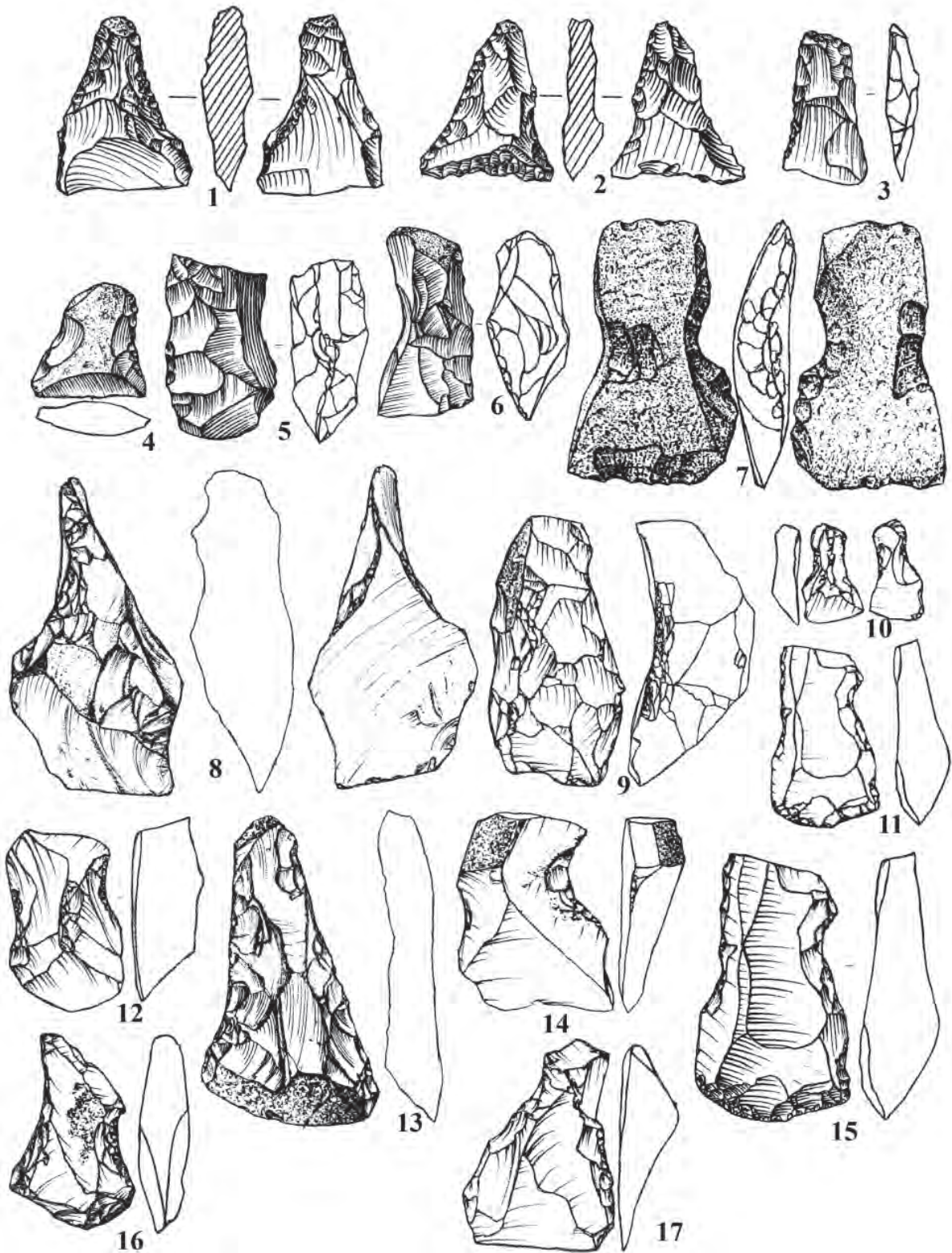

Рис. 7. Граншевидные орудия из мезолитических комплексов: 1–2 – Кормань 4 (Черныш, 1977); 3 – Смячки (Телегин, 1989); 4–7 – Миньевский Яр (Телегин, 1989); 8, 13 – Средний Яр (Коваль, Колесник, в печати); 9, 14 – Песочный Ров (Залізняк, 2005); 10 – Пеньково (Жилин, 2004); 11–12 – Иенево 2 (Жилин, 2004); 15 – Дмитровское 4 (Жилин, 2004); 16–17 – Братино (Сорокин, 2006)

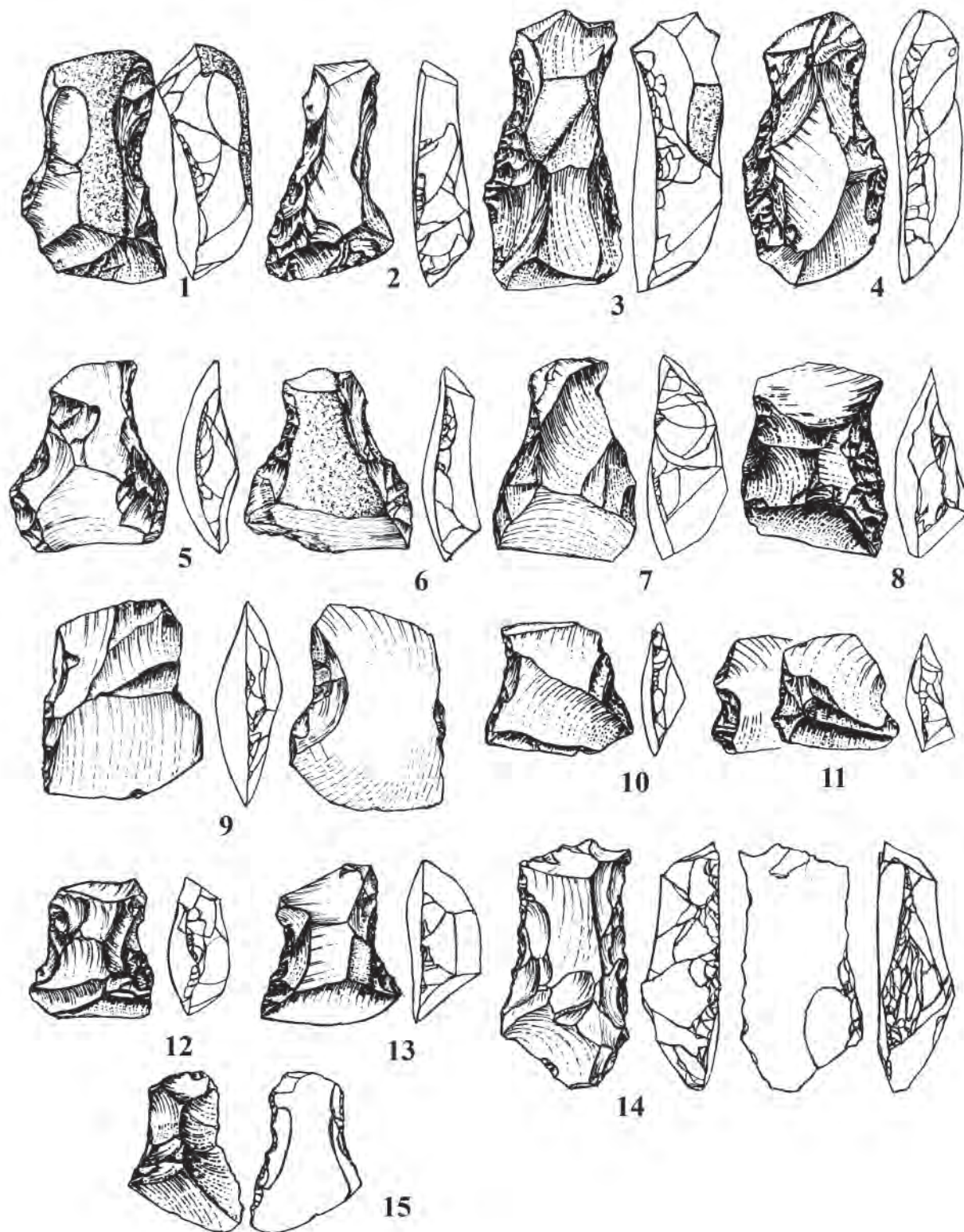

Рис. 8. Траншевидные орудия из неолитических комплексов: 1–13, 15 – Старица XVIII (Горелик и др., 2006); 14 – ур. Выдылыха

Варианты адаптации в мезолите лесной зоны Европы

*Л.В. Кольцов**

Современная лесная зона начала формироваться в начале голоцена. Сначала леса были разреженными, перемежались открытыми пространствами, но уже в пребореальном периоде эти пространства становились все меньше, уступая место лесной растительности. К концу пребореала леса покрывали территорию, в значительной мере совпадавшую с их современными границами. В настоящее время в пределах лесной зоны выделено свыше 30 мезолитических культур, каждая из которых имела свою систему адаптации. Естественно, что рамки данной статьи не позволяют подробно рассмотреть все эти системы, дать им полную характеристику. Я ограничусь примерами каждого возможного варианта систем адаптации, тем более, что полная оценка этих систем часто бывает невозможна из-за характера полученных при раскопках данных: многие мезолитические памятники располагались на песчаных почвах, где органика в большинстве случаев не сохранилась.

Я рассматриваю адаптацию как сложное явление, состоявшее из нескольких форм — экономической, социальной, культурной (Кольцов, 1998). В настоящей статье основное внимание будет уделено экономической составляющей процесса адаптации, хотя все указанные формы тесно переплетаются между собой. В археологических сборах есть ряд культур, при раскопках памятников которых получены достаточно полные данные, позволяющие попытку реконструкции экономического уклада данной группы людей. Наряду с этим встречены культуры, для которых при отсутствии органики можно предполагать только охоту по находкам наконечников стрел из камня.

В Восточной Европе одной из культур, давших наиболее полные данные о хозяйстве, является бутовская. Для меня нет необходимо-

сти характеризовать ее экономику, поскольку это достаточно подробно сделал М.Г.Жилин (Жилин, 2004). Целый ряд раскопанных в последние годы болотных стоянок дал прекрасные коллекции фаунистических остатков, костяные, роговые и деревянные изделия, что позволило сделать интересные наблюдения по интересующему вопросу. Это поселения Становое 4 (Жилин, 2002а), Сахтыш 9 (Жилин, 2002б), Озерки 5 и 17 (Жилин, 2006), Нушполы 11 (Кольцов, Жилин, 1999) и др. Найденные фаунистические данные позволяют, прежде всего, судить об охоте. В них всегда преобладают кости лося и бобра. Видимо, можно говорить, что эти два вида животных предпочитались населением бутовской культуры как основные поставщики мясных ресурсов. Кроме мяса, использовались шкуры, рога и кости лося, челюсти бобра и его мех, а также жир и сухожилия. В ряде стоянок встречены и другие виды пищевых зверей: северный олень, медведь, заяц, барсук, косуля, благородный олень, кабан (последний в более поздних памятниках). Однако эти виды представлены или единичными экземплярами, или в небольшом количестве. Найдено некоторое число костей пушных животных — куницы, норки, выдры, лисицы. Мясо части из них тоже могло употребляться в пищу, хотя по своим качествам не такое ценное, как у перечисленных выше «мясных» животных. Во многих памятниках найдены костные остатки домашней собаки. Разумеется, она, вероятно, широко использовалась на охоте при розыске и преследовании добычи. Но есть признаки употребления собаки и в пищу — кости ее со следами разделывания. Вместе с тем, нет костей животных со следами собачьих погрызов. Это может говорить о том, что мяса у людей было достаточно много, чтобы кормить им и собак.

* Учреждение Российской академии наук Институт археологии РАН, Москва.

Основным охотничьим вооружением при охоте на млекопитающих был, конечно, лук. Наконечники стрел изготавливались из камня, кости, рога. Главными формами кремневых наконечников были иволистные и черешковые на пластинах. Применялись самые разнообразные виды костяных и роговых наконечников колющего типа — игловидные, узкие уплощенные, весловидные, с одним или двумя крыльями и т.д. Использовались наконечники из тех же материалов с зубцами (так называемые зубчатые острия). Применялось костяное вооружение с кремневыми вкладышами. Кроме лука и стрел, могли употребляться на охоте копья и дротики с похожими наконечниками, а также рогатины и кинжалы. Не исключено использование ловушек разного рода. Таким образом, охота на млекопитающих представляется хорошо развитой и организованной отраслью хозяйства. Надо отметить еще одну черту экономики населения данной культуры: высылку охотничьих экспедиций, подтверждающихся мелкими стоянками типа Красново. Наличие этой разновидности памятников позволяет говорить о слиянии экономической и социальной форм адаптации.

Разновидностью охоты следует считать добычу птиц. Практически во всех торфяниковых памятниках кости птиц обнаружены в достаточно большом числе. Видовой состав их весьма разнообразен. Преобладают гидрофильные птицы. Среди них разные виды уток и гусей, гагары, озерная чайка, скопа, белохвостый орлан, пастушки, кулики, серая цапля, серый журавль, выпь. Глухарь, вальдшнеп, сова-неясыть, дрозд-дереяба, в какой-то мере тетерев относятся к лесным видам. Черный коршун, ворона и грач представляют собой обитателей разреженных участков местности. Из приведенного списка ясно, что есть оседлые и перелетные птицы. Охотились на них тоже с помощью лука, с использованием ловушек и, возможно, сетей. Линяющую птицу можно было бить просто палками. Во всяком случае, охота на птицу была разнообразной и хорошо развитой. Большинство видов птиц поступали в пищу. Но некоторых убивали, видимо, из-за перьев, для оснащения стрел. Это относится к ряду хищных птиц, обычно мало съедобных. Пищевые же виды были хорошим подспорьем в питании.

Вторым способом добычи пищевых ресурсов было рыболовство. При раскопках большинства торфяниковых стоянок получены серии костей рыб. Преобладали практически

всегда костные остатки щуки. Ее доля в уловах иногда превосходила 80%, но всегда была больше половины всех костных остатков. Представительную часть уловов составляли окунь, лещ, линь, карась, сом. Достаточно часто встречались кости судака, налима, плотвы, реже голавля, сига, жереха, язя. Только на одном поселении (Ивановское 7) во всех мезолитических слоях найдены кости ряпушки, которая водится в этом районе и сейчас. Лов осуществлялся сетями: известен случай находки кусочка такой сети, в нескольких стоянках обнаружены поплавки и грузила. Применялись верши (есть их находки), рыболовные крючки, возможно, остроги на мелководье.

Собирательство являло собой третий способ добычи пищевых ресурсов. В ряде стоянок встречена скорлупа лесных орехов, а в Озерках 5 — скорлупа водяного ореха в самом центре скопления находок. В той же стоянке была обнаружена ямка, набитая косточками каких-то плодов (пока не определенных). Найдены плоды желтой кувшинки, которые вполне съедобны, причем есть случаи таких находок в копролитах людей. Есть в ряде стоянок находки раковин беззубки, а в стоянке Соболево 5 такие раковины в обожженном состоянии встречены на очаге. Все это говорит о достаточном развитии и этой отрасли добычи пищи. К собирательству надо отнести также и вероятный сбор лекарственных растений, а также получение материалов, необходимых в повседневной жизни (береста, смола, лыко, другие растительные волокна и т.п.).

Приведенные описания позволяют признать, что способы добычи пищи в этой культуре достигли высокой степени адаптации к окружающей лесной среде, практически полностью обеспечивая процесс воспроизводства общества. Разумеется, они сопровождались различными приемами обработки добытых продуктов и субпродуктов, высоко развитыми способами пополнения оружейного запаса путем обработки камня, кости, рога, дерева, получения выработанных в данной культуре форм орудий в достаточном для жизни количестве, изготовления одежды, обуви, покрытия жилищ, вероятно, одеял из шкур животных. На всем этом я не буду здесь останавливаться, поскольку инвентарь бутовской культуры неоднократно описывался в литературе.

По-видимому, аналогичные системы экономической формы адаптации имели еще, по крайней мере, две культуры мезолита в лесной зоне Восточной Европы — кундская и веретье.

Первая из них представлена памятниками, имеющими датировки пребореалом, бореалом и атлантиком. Начиная с самых ранних (Пулли) среди находок много костей различных животных, что позволяет оценить главенствующую роль охоты в экономике населения. Почти повсеместно в комплексах фауны преобладают кости лося и бобра. Видимо, как и в бутовской культуре, эти два вида были наиболее предпочтительной добычей. Охотились и на других «пищевых» животных. Обращает на себя внимание более важная роль кабана в охоте, чем в бутовской культуре. В ряде памятников его доля — на третьем месте как по количеству костей, так и по количеству особей. Встречены кости и других «пищевых» и «пушных» зверей. Они обычно представлены в небольшом числе. Надо отметить появление костей тюленей в прибрежных поселениях. Это, естественно, может считаться особой чертой экономической адаптации. Однако я не могу считать это особым вариантом экономической формы адаптации. Это, скорее, подвариант, поскольку все остальные убитые виды животных, встреченные в кундской культуре, обнаружены и в бутовской. Применялась охота на птиц. По данным А.Крийска, в памятниках мезолита Эстонии, например, найдены кости водоплавающих и боровых птиц (Крийска, 2009). Для охоты тоже широко применялся лук, при этом любопытно, что в позднем мезолите практически исчезают каменные наконечники стрел, их заменяют костяные и роговые. Формы их разнообразны, как и в бутовской культуре, хотя не полностью совпадают, обеспечивая кундской культуре ее культурное своеобразие. Конечно, употреблялись на охоте и разного рода ловушки, а линяющую птицу можно было убивать палками или руками.

Другим способом добычи пищи было рыболовство. Практически в каждой стоянке, где сохранялась органика, были обнаружены кости рыб. За исключением стоянки Пулли, всегда на первом месте в уловах стоит щука. Ловили представителей семейства окуневых (окунь, судак), карповых (лещ, линь, карась и др.), а также сома, налима, угря. Из морских рыб среди костей отмечается мерлан. Были встречены и кости такой проходной рыбы, как лосось. Перечисление пород пойманных рыб заставляет предполагать ловлю на удочку с помощью крючка, возможное использование невода и ставных сетей. Любопытно, что в самой ранней стоянке данной культуры — Пулли — число костей рыб крайне невелико, что, кажется,

предполагает начало становления рыболовства как самостоятельной отрасли хозяйства в середине пребореала. Интересно наблюдение, что в большинстве поселений преобладали в фауне кости пищевых млекопитающих, тогда как кости рыб значительно уступали им количественно. Отсюда можно заключить, что у данных групп населения рыболовство играло вторую роль при добыче пищи.

Третьим видом добычи продуктов питания, как и везде, следует считать собирательство. Для кундской культуры об этом очень мало данных. По сути дела они ограничиваются остатками водяного ореха, косточками земляники, малины, кизила. Тем не менее, существование собирательства можно считать непреложным фактом.

Разумеется, добыча пищевых ресурсов сопровождалась различными видами их обработки. Обрабатывались для дальнейшего употребления и субпродукты охоты в виде шкур, сухожилий, костей и рогов. Пополнялись орудийные запасы. Велась обработка дерева. Одним словом, проводились все домашние работы, как и во всех других мезолитических культурах лесной зоны.

Немаловажным обстоятельством следует считать нехватку качественного каменного сырья в зоне распространения кундской культуры. По-видимому, в значительной мере этим объясняется замена каменных заготовок костяными при изготовлении охотничьего оружия. Кажется, есть основания говорить об импорте кремня из других районов Восточной Европы. Одним словом, и здесь первобытный человек проявил свои адаптационные способности и возможности. Любопытно, что, двигаясь из Эстонии в Финляндию, население данной культуры захватывало с собой имеющиеся кремневые запасы.

К похожему варианту относится экономика населения культуры веретье (Ошибкина, 1983, 1997, 2006). Люди, оставившие памятники этой культуры, жили в таежных условиях, в приозерном районе. В фаунистических списках, как и в предыдущих культурах, на первых местах стоят лось и бобр. Полностью отсутствует кабан, который был столь важен в кундской культуре. Зато здесь представлен северный олень, правда, в небольшом числе особей. Отсутствует тур/зубр. Другие пищевые виды представлены медведем и зайцем в небольшом числе особей. Зато достаточно разнообразны виды пушных зверей, в том числе такой северный вид как песец. Очень часты находки

костей домашней собаки, иногда в большом числе. С.В. Ошибкина полагает, что ее могли порой употреблять в пищу.

Основным видом охотничьего вооружения был, вероятно, лук. Наконечники стрел из камня не слишком многочисленны. Но это хорошо компенсировалось разными формами стрел из кости, найденными в значительном числе. Кроме того, обнаружены и деревянные наконечники, в том числе тупые для охоты на пушных зверей. Древки стрел делались из сосновых веток. Кроме того, встречены деревянные копья и дротики, которые, конечно, тоже употреблялись на охоте. Не исключено использование луков-самострелов. В коллекциях имеются костяные и роговые рогатины и кинжалы, которые были, наверное, частью охотничьего вооружения.

В сборах на памятниках представлены и кости птиц, но видовой состав их не указан. Во всяком случае, охотились и на птиц. Не исключено применение способа охоты с собакой.

Вторым видом добычи пищи было рыболовство. Как и в других культурах, на первом месте в уловах стоит щука. За ней чаще всего идет окунь. Представлены разные виды карповых (лещ, линь, карась, язь), а также налим. Ловля производилась сетями, на удочку (с помощью крючков), а также острогами и стрельбой рыбы из лука на отмелях. Однако хотя рыболовство составляло существенную отрасль добычи пищевых ресурсов, по мнению М.Г. Жилина, при учете количества особей животных, добытых с помощью охоты и рыболовства, становится ясным, что охота была неизмеримо более важным средством добычи пищи. Получаемая с ее помощью биомасса в несколько раз превосходила состав пищи, доставляемой от ловли рыбы.

Сложнее обстоит дело с собирательством. В публикациях С.В. Ошибкиной о памятниках культуры веретье не приводится никаких данных об этом. Однако трудно поверить, что люди могли существовать без растительных пищевых добавок, содержащих необходимые для жизни витамины. Это тем более удивительно, что они собирали разные растительные материалы в виде, например, растительных волокон или березовой и сосновой коры для своих нужд. Думается, что и собирательство растительной пищи все же существовало.

Естественно, бытовали самые разнообразные способы обработки добычи как для повседневного употребления, так и для запаса

впрок. Достаточно широко была развита камнеобработка для пополнения запасов орудий, выделка костяных, роговых и деревянных изделий в виде предметов вооружения или повседневных вещей, обработка растительных волокон при изготовлении разного рода плетений и т.д. Обработывалась не только мясная часть добычи, но и сопутствующие ей материалы — шкуры, мех, сухожилия, не говоря уже о кости и роге. Все это позволяет считать адаптационную модель данной культуры достаточно высоко развитой.

Таким образом, без большой ошибки можно считать, что у трех перечисленных культур лесного мезолита Восточной Европы существовал один вариант экономической адаптации. Может быть, внутри него, как уже говорилось выше, можно выделить субварианты, но сути дела это не меняет. По большому счету все они представляют собой один вариант адаптационной системы.

В рамках остальных культур мезолита лесной зоны этого огромного региона мы не можем пока утверждать бытование той или иной системы экономической адаптации, поскольку в их памятниках очень плохо сохранялись или не сохранялись совсем органические материалы, что не дает возможности с полнотой реконструировать их хозяйственную организацию. Единственно, о чем можно говорить без сомнений, это наличие охоты в той или иной форме, поскольку каменные наконечники стрел найдены в большинстве мезолитических памятников.

В Центральной Европе аналогичный вариант экономической формы адаптации обнаруживает культура дуфензе, памятники которой встречены в северо-восточной Германии, западной Дании, южной Швеции, а также на острове Борнхольм у берегов Скандинавского полуострова. Наиболее полно археологические материалы этой культуры получены при раскопках стоянок Фризак 4 (Gramsch, 2000), Хоен Фихельн (Schuldt, 1961), Дуфензе (Bokelmann, 1971). Все памятники этой культуры помещаются в хронологических рамках от середины пребореала до третьей четверти бореала. Часто они представляют собой поселения неоднократного заселения: в них бывает выявлен не один слой культуры дуфензе, а несколько (как это было во Фризаке или в Хоен Фихельн) или несколько мест поселений в пределах берегов одного бывшего озера. В перечисленных стоянках встречен богатый инвентарь, в том числе много вещей из орга-

нических материалов, что дает возможность с достаточной полнотой реконструировать хозяйственную систему этой культуры.

Богатые фаунистические комплексы, полученные во время раскопок, обнаруживают первое отличие от мезолита Восточной Европы. Преобладающими по числу костей видами здесь являются благородный олень и кабан, хотя на лося и бобра тоже охотились. Из пищевых видов следует еще назвать тура/зубра, косулю, медведя, дикую лошадь, зайца русака, барсука. Кроме того, охотились на виды, которые можно отнести к пушным (хотя часть из них вполне съедобна) — волка, выдру, лисицу, хорька, куницу, дикого кота, рысь. Надо сказать, что эти виды в коллекциях представлены небольшим числом костей. Практически во всех стоянках, где сохранилась фауна, встречаются кости домашней собаки, которую не только использовали как помощницу при охоте, но могли при случае и есть.

Широко была развита охота на птиц. В представленных коллекциях доминируют гидрофильные виды пернатых: разные виды уток и гусей, лебеди, кулики и т.д. Есть птицы, тяготеющие к луговым участкам местности или лесу. Одним словом, охота у населения данной культуры, если учесть состав добытых животных, была весьма развитой и разнообразной.

Здесь мы подходим еще к одному отличию от Восточной Европы. И там и здесь основным охотничьим вооружением был лук. Однако в культуре дүфензе наконечники стрел как каменные, так и костяные отличались от восточноевропейских, что заставляет считать этот вариант адаптации особым. Здесь нет таких выраженных наконечников, как на востоке Европы, зато широко распространены разные формы кремневых острий (типов Коморница, Маглемозе, ланцетовидных, а в ряде комплексов и типа Гарденуа). В несколько меньшем числе в качестве наконечников использовались, вероятно, треугольники — неравносторонние и равнобедренные. Иначе говоря, оснастка стрел производилась в этой культуре совершенно другими формами каменных наконечников.

То же самое следует сказать и о костяных формах наконечников. Здесь среди костяных и роговых зубчатых острий преобладают типы Дүфензе, Доббертин, Притцербе (по классификации Г. Кларка), начинает встречаться тип Муллеруп. Этих типов или нет в восточноевропейских памятниках, или они встреча-

лись в единичных экземплярах, да и то порой случайно. Этот факт тоже говорит об ином оснащении стрел в данной культуре.

Употреблялись на охоте, вероятно, копья и дротики; использование рогатин, судя по числу их находок, было, скорее всего, редким. Были обнаружены отдельные кинжалы.

Вторым способом добычи пищи было рыболовство. Как и в Восточной Европе, основным видом вылавливавшихся рыб была щука. Другие виды (например, окунь) встречались гораздо реже. Ловля производилась сетями, фрагменты которых в большом числе найдены во Фризаке, а грузила и поплавки — в Хоен Фихельн. Сети, вероятно, ставились с лодок: во Фризаке найден обломок весла. Часть улова добывалась, видимо, с помощью острог, которые оснащались теми же типами зубчатых острий, что и стрелы, и, возможно, лука на отмылях. Надо отметить, что рыболовство не сразу получило серьезную роль: в ранних памятниках число рыбьих костей по сравнению с костями млекопитающих весьма незначительно.

О собирательстве у нас очень мало данных. Есть находки скорлупы лесного ореха; его, конечно, использовали в пищу. Других данных о пищевых растениях мне не известно. Можно отнести к собирательству данные об использовании растительных волокон и коры деревьев при изготовлении предметов обихода. Может быть, в какой-то мере о существовании собирательства свидетельствуют довольно частые находки мотыг разных типов, которые могли применяться для выкапывания съедобных корней.

Итак, перед нами новый вариант экономической формы адаптации, представленный одной из ранних мезолитических культур Центральной Европы. Я попытался выше показать его отличия от восточноевропейских моделей. Во всяком случае, отличия, хотя и не слишком большие, все же есть.

Сходный вариант обнаруживает культура маглемозе. В фаунистических списках в разных комбинациях встречаются те же виды млекопитающих, что и в предыдущей культуре. Это и понятно: памятники культуры маглемозе занимают ту же экологическую нишу — север Германии, датский остров Зеландия, юг Швеции. Преобладают среди добытых животных благородный олень, кабан и косуля, встречаются лось, бобр, тур/зубр и др. Есть серия «пушных» видов. Найдены кости птиц — съедобных и хищных, убитых из-за перьев. Одним словом, списки охотничьей добычи почти то-

ждественны видам животных, добывавшихся населением культуры дуфензе.

Сходно и охотничье вооружение. Правда, здесь преобладают среди кремневых наконечников острия типа Маглемозе и ланцетовидные, а среди треугольников сильно вытянутые неравносторонние формы. Следует отметить широкое распространение кремневых вкладышей — как неретушированных, так и обработанных или по краю или по основанию пластины.

Несколько изменился состав костяных и роговых острий. Преобладающими в данной культуре становятся острия типа Муллеруп, а также с одним зубцом у острия и типа Кунда. Но самой важной инновацией по сравнению с предшествующими культурами Центральной и Западной Европы является появление костяных и роговых острий с пазами для вкладышей по одному или двум боковым краям. Найдены остатки луков и стрел из дерева. Характерно наличие тупых деревянных стрел для охоты на пушнину. Охотничье вооружение дополняется кинжалами из кости типа стилетов.

Вторым способом добычи пищевых ресурсов было рыболовство. Оно фиксируется как преимущественным расположением поселений на берегах озер и островах на них, так и находками частей сетей, рыболовных крючков, весел и многочисленных костей рыб, среди которых важное место по-прежнему занимает щука. Ловили и других пресноводных рыб. Морские виды почти не встречаются. При рыбной ловле использовалась лодка, о чем говорят находки весел.

Собирательство фиксируется по находкам скорлупы лесных орехов. Изредка встречались раковины беззубки.

Разумеется, все добытые продукты подвергались разным видам обработки. При этом обрабатывалось не только мясо, но и шкуры, сухожилия, кость, рог. Широко была развита камнеобработка, необходимая для восполнения орудийного запаса, выделка орудий из рога и кости, обработка дерева. Одним словом, трудовая деятельность, как и в других культурах, была всесторонней.

Совершенно аналогична только что описанной адаптационная система населения, оставившего культуру ольдесло — наследницу культуры маглемозе. Она датируется началом атлантического периода, ее памятники известны в северной Германии и южной Швеции. Единственным серьезным отличием от материнской культуры является появление трапе-

ций — высоких и средних пропорций, которые, вероятно, были наконечниками стрел с поперечным лезвием. Поселения этой культуры тоже размещались, в основном, в озерных системах. Охотничья добыча, судя по находкам во Фризаке, стала менее разнообразной, но в ней не появилось новых видов животных. То же можно сказать и о рыболовстве. Одним словом, изменения столь незначительны, что экономическую адаптацию культур маглемозе и ольдесло можно считать относящимися к одному варианту.

Культура конгемозе тоже наследует культуре маглемозе, во всяком случае, хронологически и территориально. Ее памятники, тоже относящиеся к атлантическому периоду, располагаются на территории современных Дании и южной Швеции. Основой хозяйства, как и во всех описанных выше культурах, была охота с луком. Часть форм кремневых наконечников стрел осталась в инвентарях от культуры маглемозе (например, некоторые типы острий и треугольников). Вместе с тем, широкое распространение получает новая форма — ромбы из широких пластин, которым сопутствуют высокие асимметричные трапеции. Состав охотничьей добычи несколько меньше в смысле количества добываемых видов по сравнению с культурой маглемозе. Однако основные поставщики мяса — благородный олень, лось, косуля, кабан, тур/зубр, бобр — по-прежнему представлены. Есть несколько пушных видов. Новым по сравнению с предыдущими культурами является появление костей тюленя. Среди птиц заметно увеличение числа видов, связанных с морем. Это понятно: часть поселений данной культуры находится в приморской береговой зоне. Среди пойманных рыб есть и морские виды (например, треска). Одним словом, вся конструкция системы добычи пищи практически не меняется, если не считать возможных выходов в море. Однако именно этот выход в море заставляет считать данную систему экономической адаптации если не новым вариантом, то уж без сомнения субвариантом экономической формы адаптации. Возможно, что и на тюленя охотились в море, но возможна и другая форма охоты на него — на берегу на лежбище, где тюлень практически беспомощен.

В собирательстве начинается сбор морских съедобных моллюсков, что тоже в какой-то мере в этом регионе инновация. Сохраняется сбор орехов.

Остальные виды хозяйственной деятельности мало меняются. Это и обработка пище-

вых ресурсов и субпродуктов охоты, и выделка каменных и костяных орудий (кстати сказать, облик последних практически не меняется по сравнению с культурой маглемозе), обработка дерева.

Представляется несомненным, что этот вариант или субвариант адаптации отличается от синхронного и рядом существующего варианта культуры ольдесло. Пока довольно трудно это объяснить. Ведь, обе эти культуры ведут свое происхождение от маглемозе. По-видимому, уже к концу бытования этой последней культуры внутренние связи между отдельными коллективами в ней уже сильно ослабли, что облегчало контакт отдельных групп с соседями, относящимися к другому культурному кругу (я имею в виду обогащение инвентарей конгемозе ромбами от контакта с населением соседней культуры фосна). Одним словом, постмаглемозские культуры, наверное, дают некоторый спектр вариантов адаптации, особенно если учесть, что есть еще культуры де лейен-вартена, хойнице-пеньковская и яниславицкая.

Интересны формы экономической адаптации в мезолите Британских островов. Самый ранний мезолит представлен достоверно в двух районах — в торфяниках северной Англии и в бассейне Темзы. Здесь раскопана серия стоянок, относящаяся по радиоуглеродным определениям к первой половине пребореала. Так, стоянка Стар Карр дала пространный список видов фауны, где преобладал благородный олень, присутствовали косуля, лось, тур/зубр, бобр, кабан, заяц-русак, барсук (пищевые виды), куница, волк, лисица (пушные виды), еж. Была распространена охота на птиц: встречены кости длинноносого крохали, красногорлой гагары, поганок большой (чомги) и малой, шилохвости, серого журавля, белого аиста, чибиса, канюка. Из этого списка видно, что есть пищевые виды и птицы, на которых охотились из-за перьев для оснастки стрел. Нет ни одной кости рыб. На стоянках в бассейне Темзы в местности Вэтчем список фауны аналогичен, только добавляются несколько пушных видов, а в списке птиц преобладающее место занимают несколько видов уток (кряква, два вида чирков, гоголь и др.), есть серый журавль и дрозд. Таким образом, эти списки говорят о том, что охота была очень развитой отраслью хозяйства.

Эта мысль подтверждается при знакомстве с археологическими коллекциями. Очень большое место в них занимают вещи, так или

иначе связанные именно с охотой. Это, в первую очередь, наконечники стрел из камня и, вероятно, из кости. Становится при этом очевидным, что основным охотничьим вооружением был, как и повсюду в мезолите, лук. В качестве наконечников употреблялись разные типы острий (Коморница, Маглемозе, косые, ланцетовидные, с затупленным краем и ретушированным основанием, изредка типов Совтерр и Гарденуа), различные треугольники (неравносторонние и равнобедренные, изредка с ретушью по трем краям), сегменты, низкие трапеции; встречены и настоящие наконечники типа Бромме и типа Маглемозе. Кроме каменных, были широко распространены костяные изделия в виде зубчатых острий типов Кунда, Дуфензе, Доббертин, Притцербе. Значительная их часть тоже употреблялась в качестве наконечников стрел. Не исключено, что некоторые костяные острия были наконечниками копий и дротиков.

Из сказанного ясно, что охота была развитой; поскольку состав охотничьей добычи разнообразен, можно предполагать, что существовали разные приемы охоты; однако при этом роль лука была главенствующей.

Совершенно другое следует сказать о рыболовстве. Во всех стоянках данной культуры найдена только одна рыбья кость, к тому же неопределенная. Возможно, что она случайно попала в культурный слой. Отсутствуют орудия, целенаправленно предназначенные для рыбной ловли. Возможно, часть зубчатых острий могла служить зубцами острога. Но тогда возникает естественный вопрос: почему при великолепной сохранности костей млекопитающих и птиц практически не сохранилось костей рыб? Очень сомнительный гарпун со стоянки Стар Карр не может быть безусловно принят за орудие рыбной ловли. находка весла тоже не может быть решающим аргументом в пользу существования рыболовства. Конечно, не исключено существование здесь лодки, но это не говорит прямо в пользу рыбной ловли с ее помощью. Кроме того, весло могло использоваться и при передвижении на плоту. Одним словом, существование рыболовства здесь нельзя считать доказанным. Похоже, его не было, что совсем не удивительно, поскольку охота давала большое количество мяса. Характерно, что на найденных при раскопках костях нет собачьих погрызов. По-видимому, мяса было так много, что хватало и собакам.

Существование собирательства фиксируется по находкам скорлупы лесных орехов.

Кроме того, в Вэтчеме найдены раковины пресноводных и наземных моллюсков. Возможно, что некоторые из них использовались в пищу. Г. Кларк отмечает (Clark, 1972), что при раскопках Стар Карр были найдены макроостатки растений, которые вполне могли употребляться в пищу: тростник, болотный боб, крапива, семена кувшинки. Однако он не считает возможным говорить о непереносимости их использовании. В одной из стоянок в Вэтчеме найдены косточки дикой сливы и какого-то неопределенного овоща. Одним словом, можно сказать, что собирательство в определенной форме бытовало в данной культуре.

Существовали, разумеется, разные отрасли обрабатывающих производств. В них входили обработка продуктов охоты, камня, кости, рога, дерева, иначе говоря, всех производств, обеспечивавших жизнедеятельность и воспроизводство данного общества. Хотелось бы отметить еще одно обстоятельство. Основная масса поселений этой культуры располагалась в низинных районах, недалеко от озерных и речных систем. Однако уже достаточно рано началась практика высылки охотничьих экспедиций в горы летом вслед за уходящим в это время туда благородным оленем. Это фиксируется по находкам небольших поселений в горах.

Необходимо остановиться еще вот на каком факте. Во второй половине своего существования культура британского маглемозе начинает испытывать влияние с материка от культур совтеррско-гарденуазского культурного круга. Это выражается в некоторых изменениях в технологии в пользу получения более правильных и более узких пластин, а также в появлении в комплексах новых типов орудий — острий типов Совтерр и Гарденуа. Ниже я остановлюсь на этом явлении еще раз.

Поздний мезолит острова Британия представлен культурой шиппи хилл. Начало ее сложения надо искать в конце первой половины бореала, пока Британия еще соединена с материком. Только в это время был возможен приход групп нового населения с материка. В состав инвентарей этой новой культуры вошли элементы старой, британского маглемозе, и новых насельников Британии — носителей традиций совтеррско-гарденуазской культурной общности. Это выразилось не только в типологической, но и в технологической сторонах каменных комплексов.

Число стоянок этой культуры, давших фаунистический материал при раскопках, неве-

лико. Однако при этом видно, что состав животных, на которых производилась охота, мало изменился: по-прежнему это благородный олень, кабан, косуля, тур/зубр, бобр, пушные звери. Нет только лося; по некоторым данным, в середине бореала он исчез с Британских островов. Поселения этой культуры распространены по всему острову Британия; были заселены и многочисленные прилегающие к нему более мелкие острова. На некоторых из этих островов найдены кости тюленя; иначе говоря, в этой культуре применялась охота и на него. Охотились в это время и на птиц, при этом заметно увеличение доли морских видов.

Основным охотничьим вооружением по-прежнему остается лук. Стрелы оснащались каменными и, возможно, костяными наконечниками (последние известны только по случайным находкам в болотах). Каменные наконечники представлены формами, уже встречавшимися в британском маглемозе: это острия ланцетовидные, с затупленным краем и ретушированным основанием, ромбовидные, типов Коморница, Маглемозе, наконечниками типа Маглемозе. Однако широко распространяются типы, которые были занесены в Британию с материка: это острия типов Совтерр, Гарденуа, Ставинога. Большие сериями представлены треугольники равнобедренные, неравнобедренные, в том числе с ретушью по трем краям. Гораздо чаще, чем прежде, обнаруживаются низкие трапеции и сегменты. Единичными экземплярами представлены ромбы и параллелограммы. Появляется и новый вид геометрических изделий — прямоугольники, порой со всеми ретушированными краями. Не все эти вещи напрямую были наконечниками стрел: некоторые из них могли входить в состав вкладышевых орудий. К сожалению, богатых костяных инвентарей не встречено, а случайные находки, пусть и датированные, не дают полного представления о костяных охотничьих орудиях.

Произошли серьезные изменения в собирательстве. Во многих стоянках обнаружена скорлупа лесного ореха. Есть находки желудей, косточек — плодов дикой груши, семян кувшинки, болотного мирта, алзины. Но появляется совсем новый вид собирательства — сбор съедобных моллюсков. В некоторых местах он достигает большого объема и значения в первобытных коллективах. Так, на стоянке Мёртон В найдены моллюски 41 вида (Coles, 1971). Сборы этих животных были иногда столь велики, что образовывались раковинные кучи

на местах некоторых поселений. В нескольких стоянках обнаружена скорлупка крабов, которых, вероятно, ловили или на отмелях, или на пляжах после отлива.

Совершенно новым видом хозяйства (во всяком случае, ранее археологически не документировавшимся) представляется рыболовство. Можно высказать предположение, что оно было внедрено пришедшими в Британию носителями совтеррско-гарденуазской традиции и быстро охватило как этот остров, так и близлежащие острова в качестве альтернативного охоте способа добычи пищи.

В составе собранных при раскопках костей рыб есть как пресноводные виды (окунь), так и проходные (лосось или морская форель) и множество морских видов (треска, пикша, тюрбо или калкан — один из видов камбалы, осетр атлантический, серая акула, скаты обычный и морская лисица, морской угорь, лобан, морской черный лещ и др.). Рыбная ловля была коллективной, вероятно, сетями, поскольку такую рыбу, как треска или пикша, не подходящую близко к берегу, можно было поймать только с лодки. Лодки населению были хорошо известны: в Англии есть две находки лодок-долбленок из целого ствола. Видимо, на этих лодках и выходили в море, хотя не исключено и существование кожаных. Ловили рыбу и индивидуально, на удочку (найлены рыболовные крючки), с берега или с лодок. Как правило, костей рыб меньше, чем сухопутных животных и птиц. Исключением можно считать некоторые памятники на мелких островах, где костей рыб обычно достаточно много. Поэтому напрашивается предположение, что рыболовство не везде играло большую роль в добыче пищи. Основную массу животной пищи доставляла охота, которая, может быть, ввиду островного положения стала менее эффективной, поэтому рыболовство и было освоено людьми.

Естественно, все обрабатывающие отрасли деятельности сохранились в полном объеме. На первом месте, как всегда, стояла обработка добычи. Трудно сказать, какие методы при этом использовались. Однако высказывалось предположение, что сохранившиеся на некоторых стоянках беспорядочно расположенные ямки от столбов были остатками вешал, на которых вялилось мясо, что доказать сейчас невозможно. Сохранялись в полной мере обработка камня и деревообработка. Обработка кости плохо выявляется по археологическим материалам, но она, конечно, существовала.

Постоянно пополнялся запас орудий. Были обнаружены сооружения в виде помостов и плотов. Одним словом, хозяйственная деятельность была достаточно развитой и оживленной.

На примере этих данных мы видим уже новый для Британии вариант экономической адаптации, где задействованы все три главных способа добычи пищевых ресурсов. Об их формах поговорим ниже. Таким образом, в мезолите острова Британия можно выявить два последовательных варианта экономической формы адаптации, заметно отличающиеся друг от друга как по составу инвентаря, обеспечивающего экономику населения, так и по способам добычи пищевых ресурсов.

Заселение острова Ирландия произошло в начале бореального периода. Первое его население было, по всей видимости, своим происхождением связано с совтеррской культурой, ближайшие к Ирландии памятники которой располагались в южной половине Франции. В Ирландии поселения раннего мезолита размещаются на севере. При раскопках найдены кости животных. Из млекопитающих это кабан, заяц, дикий кот, мелкий волк или домашняя собака. Птицы представлены несколькими семействами. Больше всего костей принадлежит самому крупному голубю лесной полосы — вяхирю. Утки отражены в костном материале кряквой, чирком-свистунком и свизью. Из водоплавающих встречена еще лысуха (семейство пастушковых). К семейству тетеревиных относятся найденные кости глухаря и белой куропатки. Кроме того, в списке птиц упомянуты бекасовые (без указания вида). Скорее всего, это были бекас обыкновенный или вальдшнеп. К лесным птицам относится дрозд (без указания вида). Убивали и хищников, вероятно, для получения перьев при оснащении стрел: это ястреб-тетеревятник, сокол-сапсан, совы; встречены кости краснозобой гагары (добывалась из-за пуха) и сойки. Таким образом, спектр добытых птиц был весьма велик.

Как и в других мезолитических культурах, основным охотничьим оружием был лук. В качестве каменных наконечников стрел применялся, вероятно, широкий спектр микролитов, найденных при раскопках. Среди них типы острий, широко распространенные в лесных культурах Западной и Центральной Европы: типов Коморница, Маглемозе, ланцетовидные, ромбовидные, с затупленным краем и ретушированным основанием. Все эти типы есть в раннем мезолите соседнего

острова Британия. Однако в Ирландии встречены формы, которых или очень мало в Британии, где они занимают в комплексах явно маргинальное положение, или их нет совсем. Это острия типов Совтерр и Ставинога. Зато они широко распространены в совтеррской культуре. Поэтому первоначальное заселение Ирландии и связывается с носителями этой культуры. О том же говорит и предпочтение кабана как главной охотничьей добычи. То же самое было и в совтеррской культуре. Первое население Ирландии не охотилось на благородного оленя, хотя он был уже на этом острове. Кроме указанных типов острий, в качестве компонентов охотничьего вооружения применялись длинные неравносторонние треугольники. Интересно отметить, что, хотя число найденных костей млекопитающих достаточно велико, ассортимент видов их весьма ограничен, в то время как количество видов убитых птиц гораздо больше.

Вторым способом добычи пищи было рыболовство. Обнаружены кости семги, кумжи, еще какого-то вида лосося (может быть, ручьевой форели), угря, камбалы. Часть этих рыб могла быть поймана в пресных водоемах, а лососи и камбала — и у берегов в море. Но атлантический морской окунь, кости которого тоже найдены при раскопках, никогда не подходит к берегам и живет на достаточно большой глубине. Он мог быть пойман только с лодки в открытом море сетями или на удочку. Остальные виды рыб тоже могли ловиться также с той только разницей, что нельзя исключать и ловлю на удочку с берега. К сожалению, никаких следов рыболовных орудий не было обнаружено. Поэтому в деталях нельзя ничего сказать о приемах рыбной ловли.

Третьим способом добычи пищи было собирательство. Оно документируется, прежде всего, найденной скорлупой лесных орехов. Кроме того, обнаружены семена дикой груши или яблони и белой водяной лилии, которые, вероятно, тоже могли употребляться в пищу. Есть семена подорожника (лекарственное растение) и вики (медонос).

Таким образом, данная группа населения обладала хорошо развитой системой добычи пищевых ресурсов, что делало ее существование вполне обеспеченным до поры до времени, как мы увидим ниже.

Добыча пищи требовала определенных способов ее обработки, включавших не только ее немедленное приготовление для еды, но и запас впрок разными способами. Наличие

ям-хранилищ говорит о способности населения заготавливать ее. Путем обработки камня и органических материалов пополнялся непрерывно орудийный запас, необходимый для всесторонней хозяйственной деятельности. Существовала и деревообработка. Одним словом, можно признать, что эта сторона деятельности вряд ли сильно отличалась от аналогичных процессов в других культурах.

Около 7700 лет назад в мезолите Ирландии происходит трудно объяснимая перемена. Она заметна и в хозяйственной деятельности и в технологии обработки камня. Изменилось и вооружение (Woodman, 1977).

По имеющимся исследованным памятникам и их коллекциям становится ясно, что охота остается одной из важнейших отраслей хозяйства. Продолжают охотиться на кабана и зайца. Однако теперь в фаунистических сборах встречается благородный олень. В одной из стоянок обнаружены кости тюленя (вид не указан). В нескольких стоянках найдены кости китообразных (без указания вида). Думается, что вряд ли люди в то время охотились на китов; скорее, они пользовались животным, обмелевшим после отлива или, как бывает у китов, выбросившимся на берег. Тем не менее, люди начали охотиться на морских животных. Сохранилась охота на птиц, хотя не ясно, какие виды добывались. Можно предположить, что их состав мало изменился.

Однако охотничье вооружение резко меняется (при этом нет оснований говорить о смене населения). Полностью исчезают все формы острий, характерные для предыдущего этапа мезолита. Иначе говоря, нет теперь никаких совтеррских микролитов, ни признаков британского маглемозе в виде присущих ему типов острий и геометрических микролитов. Встречаются только косые острия, имеющиеся в подавляющем большинстве мезолитических культур. Зато появляется совсем новая форма — острия типа Бэнн. Они изготавливались на отщепах или широких пластинах путем выделения ретушью широкого черешка, располагавшегося в проксимальной части заготовки, со стороны ударного бугорка. Ретушь обычно вентральная. П. Уудмен считает, что они имели универсальную функцию: могли быть наконечниками метательного вооружения (судя по размерам, копий или дротиков) или ножами или кинжалами (трасологический анализ не производился). Тот же автор предполагает, что наконечники стрел были костяными. Однако в процессе раскопок най-

дены только их фрагменты, которые не дают возможности не только восстановить их форму, но и вообще определить, что это было. Никаких аналогов остриям типа Бэнн нет ни в одной из культур мезолита. Вероятно, это местная инновация. Во всяком случае, эти вещи были все же частью охотничьего вооружения, эффективность которого полностью не ясна.

Продолжает развиваться рыболовство. Во внутренних стоянках найдены кости европейского угря и лосося (семги или кумжи), зашедших в реку из моря. На других стоянках в приморской зоне обнаружены кости морского угря (ловился, вероятно, на крючок), трески (ловилась с лодки сетями или на удочку), лобана (ловля сетями), европейского губана (ловился на удочку), европейской мерлузы (ловля в сеть или на удочку), синей акулы (ловилась на удочку на живца). Из этого списка видно, что ловля в море стала более разнообразной и, судя по количеству костей, весьма эффективной. Применялись при этом разные приемы лова.

Продолжает существовать и растительное собирательство. Об этом говорят находки скорлупы лесного ореха и косточек малины (Zvelebil, 1994). Однако на этом этапе мезолитической истории Ирландии осваивается совершенно новый для этого населения вид собирательства — сбор съедобных морских моллюсков. Он принял столь серьезный размах, что появились неизвестные доселе памятники — раковинные кучи. В них часто, кроме пустых раковин моллюсков, находят кости животных и рыб; однако именно моллюски составляют основу этих куч. Были случаи находок таких куч, где единственными представителями древней фауны были именно моллюски. Интересно, что иногда в одном районе исследуется несколько раковинных куч (как, например, в районе Феррайтерс в графстве Корк). При этом каждая куча «специализировалась» на одном, собственном виде моллюсков: в одной это были блюдечки, в другой волнистые рожки, в третьей береговички. В последнем случае несколько десятков тысяч раковин находились в одной яме. Характерно, что при этом предпочитались молодые особи как более съедобные. Сбор съедобных моллюсков оказался прекрасным средством восполнения скудеющих на острове пищевых ресурсов. При этом этот источник пищи не оскудевал. Ежедневные приливы (а они в Ирландии одни из самых высоких в Европе) приносили массу новых моллюсков, которые при отливах

оставались на пляжах или отмелях и были легко доступны для сбора.

Конечно, кроме добычи пищи, были и другие виды деятельности. Обработывались в разной форме продукты охоты, рыболовства и собирательства. Спектр видов орудий из камня сократился, но, тем не менее, требовал постоянного пополнения. Интересно, что к этому времени относится появление настоящих стоянок-мастерских для добычи и первичного раскалывания кремня. Я уже отмечал изменения в технологии обработки камня. Есть и еще одно изменение в этой области. Появляются приемы шлифовки и полировки камня при изготовлении рубящих орудий. Тем самым вносятся определенные изменения в деревообработку. Вероятно, обрабатывались кость и рог, хотя следов этого в виде костяных орудий крайне мало (найден лишь несколько фрагментов). Существовали и другие отрасли хозяйственной деятельности в домашних условиях.

Таким образом, в мезолите острова Ирландия несомненно существование двух вариантов экономической адаптации (Кольцов, 2005).

По каким же признакам можно разделять варианты экономической формы адаптации? С моей точки зрения, главным в любой экономической системе первобытности являются способы добычи пищевых ресурсов, которые обеспечивают существование данного сообщества и делают возможным его воспроизводство. В мезолите таких способов было три: охота, рыболовство и собирательство. Объектами охоты были, главным образом, сухопутные млекопитающие и птицы, реже — морские млекопитающие. Во всех культурах основным видом оружия был лук с различными наконечниками стрел; при охоте на суше могли использоваться копьё, дротики, рогатины, кинжалы. На мелких животных могли ставить силки. Птиц добывали с помощью лука, силков, а при линьке — просто палками. На морских млекопитающих охотились с помощью лука, может быть, гарпуна, на береговых лежбищах их коледи копьями, били палками.

Рыболовство следует делить на коллективное и индивидуальное. Оба эти основные вида его использовались и на внутренних водоемах, и на море. Вероятно, и снасти при этом употреблялись похожие: сети, верши, удочка с крючком, реже жерлицы.

Собирательство можно тоже разделить по его объектам: растениям и моллюскам (имеется в виду только пищевая составляющая).

Если исходить из только что приведенного списка, то в Восточной Европе все три разобранных культуры относятся к одному варианту экономической адаптации; разница между ними не столь уж существенна, а инвентарь этих культур достаточно близок по своим параметрам, что позволяет их объединить в одну культурную общность. Бутовская культура выделяется отсутствием морской охоты и рыболовства, как и культура веретье. Однако это объясняется их географическим положением. Вместе с тем, охота на тюленя в кундской культуре не имеет всеобщего значения для данной культуры. Кости тюленя встречены только в эстонских памятниках. Однако даже самый крупный современный специалист по мезолиту Эстонии А. Крийска считает, что эта охота не имела серьезного значения в экономике мезолитического населения Эстонии. В других районах существования этой культуры (Латвия, Финляндия, Ленинградская область) кости тюленя в мезолите не обнаружены. Только в бутовской культуре выявлено употребление в пищу моллюска беззубки. Однако и здесь этот факт тоже кажется в какой-то мере случайным. Серьезнее представляется отсутствие данных о собирательстве в культуре веретье. Трудно поверить, что люди могли обходиться совсем без растительной пищи. А может дело в характере вмещающих отложений и соответственно их раскопок? Я склонен именно так смотреть на это. Следовательно, можно отнести все изложенные в данной статье адаптационные системы в Восточной Европе к одному варианту, может быть, с субвариантами.

Восстанавливающиеся адаптационные системы мезолитических культур Центральной Европы (дунфензе, маглемозе, ольдесло, конгемозе) обнаруживают совершенно определенные отличия от восточноевропейских. Это выражается в предпочтении иных видов млекопитающих в составе охотничьей добычи (благородный олень, косуля, кабан вместо лося и бобра), а также в формах наконечников стрел, применявшихся для оснащения охотничьего вооружения: здесь почти не встречаются типичные наконечники, зато велика доля разных типов острий и геометрических микролитов, использовавшихся в этом качестве или в виде вкладышей в составном оружии. Следовательно. Это иной вариант адаптации экономики. Однако и указанные центрально-европейские системы не однородны. Культура конгемозе по ряду показателей отделяется от остальных. Это одна из немногих мезолитиче-

ских культур, где встречены все составляющие перечисленных выше средств добычи пищевых ресурсов: охота и на сухопутных и морских млекопитающих и на птиц (в том числе морские виды), рыболовство на пресных водоемах и в море (по-видимому, индивидуальное и коллективное), собирательство как растительных компонентов, так и моллюсков. В других культурах Центральной Европы эта сторона адаптационных систем не представлена так полно. Помимо этого, охотничье вооружение культуры конгемозе тоже сильно отличается от остальных культур. В качестве наконечников стрел здесь широко применялись ромбы, которых практически нет в других культурах. Все это заставляет меня считать, что в Центральной Европе в мезолите (во всяком случае, позднем) существовали два варианта экономической адаптации.

В Западной Европе адаптационные системы надежно определяются только по памятникам мезолита Британских островов. Здесь хорошо прослеживаются варианты экономической адаптации. Так, в раннем мезолите острова Британия не обнаружено серьезных признаков существования рыболовства (культура британского маглемозе). Нет и признаков морской охоты и сборов съедобных моллюсков. Напротив, в позднем мезолите (культура шиппи хилл) представлен (местами) полный спектр всех средств добычи пищевых ресурсов, включая рыболовство коллективное и индивидуальное во внутренних водоемах и в море, а также полное собирательство — растений и моллюсков вплоть до образования отдельных раковинных куч. Налицо существование двух вариантов экономической адаптации.

Похожая картина наблюдается на острове Ирландия. В раннем мезолите здесь существовала адаптационная система, полностью принесенная извне: это были первые насельники острова. Если обратиться к способам добычи пищи, то отсутствуют только охота на морских млекопитающих и сбор съедобных моллюсков. В позднем же мезолите наблюдается полный спектр способов получения пищевых ресурсов (культура ларни). Это расширение возможностей добычи пищи сопровождается серьезными изменениями в технологии обработки камня, а также исчезновении серии типов орудий и появлении новых их типов. Следовательно, и здесь выявляются два варианта экономической адаптации.

Как объяснить возникновение этих вариантов? Мне кажется, что здесь несколько при-

чин, как экологических, так и социально-культурных. В самом деле, как можно собирать морских моллюсков, если поблизости нет моря? Думается, что для этого не стали бы направлять специальные экспедиции. Значит, развивались те способы добычи пищи, существованию которых не препятствовали окружающие природные условия. Это одна причина. Вторая, с моей точки зрения, должна находиться в зоне социальных отношений, а именно в наличии определенных групповых охотничьих территорий, которые в какой-то мере могли диктовать развитие тех или иных способов добычи пищи и подавление других. Третья причина, с моей точки зрения, лежит в области культурных традиций. Я уже приводил пример первых насельников Ирландии. Культурная традиция заставляла их предпочитать кабана в качестве главного объекта охоты, хотя в окружающем мире существовали и другие подходящие для этого звери. Наконец, оскудение охотничьей добычи в ряде мест во время позднего мезолита вызвало появление новых отраслей хозяйства в виде морских охоты и рыболовства, а также сбора

съедобных моллюсков, что привело к сложению ряда новых вариантов экономической адаптации. Существование во многих вариантах своеобразных вещественных инвентарей обусловлено чаще всего (за небольшим исключением) генетическими причинами, т.е. той же культурной традицией.

Все упомянутые варианты экономической адаптации, как видно из изложенного выше, близки друг другу. Это может объясняться только одинаковой степенью социально-экономического развития, поскольку все названные культуры, естественно, имели присваивающую экономику. Думается, что и переход к производящему хозяйству потомков тех групп населения, о которых говорилось выше, не сразу привел к полной замене охоты, рыболовства и собирательства земледелием и скотоводством. Для этого нужно было определенное время. А это значит, что указанные варианты по сути еще мезолитической адаптации могли существовать и в неолите. Но это уже другая проблема, которая должна стать темой другой статьи.

Литература

- Жилин М.Г.*, 2002а. Заселение Сахтышского торфяника в мезолите // ТАС. Тверь. Вып. 5.
Жилин М.Г., 2002б. Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье // ТАС. Тверь. Вып. 5.
Жилин М.Г., 2004. Природная среда и хозяйство мезолитического населения Центра и Северо-Запада лесной зоны Восточной Европы. М.
Жилин М.Г., 2006. Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М.
Кольцов Л.В., 1998. Формы, способы и средства адаптации в мезолите Северной Европы // ТАС. Тверь. Вып. 3.
Кольцов Л.В., 2005. Мезолит Британских островов. М.
Кольцов Л.В., Жилин М.Г., 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М.
Крийска А., 2009. Мезолит Эстонии // ТАС. Тверь. Вып. 7.
Ошибкина С.В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.
Ошибкина С.В., 1997. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.
Ошибкина С.В., 2006. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М.
Vokelmann K., 1971. Duvensee, ein Wohnplatz des Mesolithikums in Schleswig-Holstein, und die Duvenseeegruppe // Offa. T. 28.
Clark J.G.D., 1972. Star Carr: a Case Study in Bioarchaeology. Reading, Massachusetts. (Addition-Wesley Publications; Vol. 10).
Coles J.M., 1971. The Early Settlement of Scotland. Excavations at Morton, Five // PPS. L. Vol. 37, pt. II.
Gramsch B., 2000. Friesack: Letzte Jäger und Sammler in Brandenburg // Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 47. Jahrgang.

- Schuldt E.*, 1961. Hohen Viecheln, ein mittelsteinzeitlicher Wohnplatz in Mecklenburg. Berlin.
Woodman P., 1977. Recent Excavations at Newferry, Co. Antrim // PPS. L. Vol. 43.
Zvelebil M., 1994. Plant Use in the Mesolithic and its Role in the Transition to Farming // PPS. L. Vol. 60.

Список сокращений

- ТАС — Тверской Археологический Сборник
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society

Как отделить культурные различия от многих других?

(по материалам мезолита
Волго-Окского междуречья)

*М.Г. Жилин**

Большая часть мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья расположена на различных минеральных грунтах, где не сохраняются органические материалы. К концу прошлого века в этом регионе было открыто более 500 стоянок эпохи мезолита, около 100 из них были в той или иной степени раскопаны. Но только около 15 из них являются стратифицированными стоянками с хорошей сохранностью органических материалов. Остальные дали только изделия из камня, иногда фрагменты обожженных костей и следы очагов, ям и т.п. Для определения культурной принадлежности населения, оставившего подобные стоянки, археолог обычно изучает форму каменных изделий и технологию их обработки, используя типологический, статистический и другие методы. В целом такой подход представляется корректным, но следует учитывать и другие важные аспекты, если мы не хотим спутать культурные различия с функциональными, хронологическими и другими.

Понятно, что для выявления культурных различий, специфики, контактов и т.п. пригодны хорошо раскопанные памятники, единство коллекций которых надежно обосновано. В противном случае всегда есть сильная вероятность, что в коллекции в силу естественных причин механически смешаны изделия, относящиеся к разновременным посещениям одного места, возможно, разнокультурным населением (Кравцов, 2004). В силу этого большая часть памятников, представленных подъемным материалом, вряд ли пригодна для выявления культурных различий, специфики, контактов и т.п., если не установлено единство коллекции. Впрочем, это всего лишь вероятность, и смешанность, как и «чистоту», коллекции надо обосновывать в каждом конкретном случае. Не подлежит сомнению, что памятники, отбираемые для подобных исследований

в качестве опорных, должны быть раскопаны полностью или на значительной площади; иметь четкую планиграфически выраженную структуру; давать представительный инвентарь, позволяющий установить культурную принадлежность и хозяйственную направленность. Желательно, чтобы они имели естественнонаучные датировки и коллекции были достаточно полно опубликованы или доступны для детального анализа (Кравцов, Жилин, 1995; Жилин и др., 1998; Кравцов, 1999, 2004).

Хорошо известно, что отдельные участки таких стоянок часто различаются по количеству и типам орудий в зависимости от видов деятельности, осуществлявшихся на них. Поэтому, если стоянка раскопана не полностью, очень важно установить, какая именно часть памятника была раскопана и какая деятельность здесь осуществлялась. Для определения функциональной структуры инвентаря стоянки необходимо проведение трасологического анализа всех полученных в результате раскопок каменных изделий. Без учета этого функциональные различия стоянок могут приняты за культурные. В качестве примера подобной ошибки можно привести выделение А.Н. Сорокиным култинской культуры (Сорокин, 2004). Также очень важно учитывать распределение находок и их связь с остатками различных сооружений (если они обнаружены при раскопках). Такой анализ позволил выделить разные функциональные типы стоянок в мезолите Волго-Окского междуречья (Zhilin, 2004).

К первому типу относятся специализированные охотничьи лагеря, функционировавшие в течение короткого и очень короткого времени (“kill sites”). Они расположены на песчаных дюнах или террасах по берегам рек и озер как в бассейне Верхней Волги, так и в бассейне Оки. Спорово-пыльцевой анализ относит их к первой половине бореального пе-

* Учреждение Российской академии наук Институт археологии РАН, Москва.

риода (Кольцов, Жилин, 1999). Их культурные слои не выделяются по цвету или структуре и представляют собой горизонт залегания находок. На них не встречено следов жилых сооружений, зато хорошо выделяется основное скопление обработанного кремня и периферийная часть с небольшим количеством находок. Это очень хорошо заметно на планах стоянок Утрех 5 и Велетьминская 9, раскопанных полностью (рис. 1, 2–4). Такие стоянки использовались однократно, вероятно, в течение нескольких дней в теплый период года. На стоянке Велетьминская 2 отмечено два скопления находок на двух соседних вершинках дюны. Контрольная траншея шириной 2 м, соединившая оба раскопа, показала отсутствие находок между этими скоплениями. Судя по идентичности приносного сырья, технологии и морфологии каменных изделий и функциональной структуры инвентаря стоянка посещалась дважды представителями одной группы населения. На стоянке Красново 1 обнаружена яма, заполненная кремнем, а на расстоянии 2 м от ее краев находок уже практически нет (рис. 1; 5). Вероятно, эта стоянка функционировала в холодное время года.

Состав каменного инвентаря стоянок этого типа очень своеобразен как с типологической, так и с функциональной точек зрения. Трасологический анализ показал резкое преобладание орудий охоты и разделки добычи. Например, на стоянке Красново 1 на Верхней Волге (Бодунов, Воробьев, Жилин, 1983) вкладыши метательного оружия составляют 29,1% орудий со следами работы; разделочные ножи и вкладыши разделочных ножей — 39,8%; скребки для шкур — 2,8%; проколки — 2,8%; скобели для дерева — 12,6%; резчики для дерева — 5,8%; скобели для кости — 1,9%; резцы для кости — 1,9%; отбойники — 1,9%; ретушеры — 1,9%. Орудия охоты и разделки добычи составляют 68,9%; орудия для обработки шкуры — 4,9%; орудия для обработки дерева — 18,4%; орудия для обработки кости и рога — 3,9%; орудия для обработки камня — 3,9%.

В раскопе 1 на стоянке Велетьминская 9 на Нижней Оке (Кольцов, Жилин, 1999) вкладыши метательного оружия составляют 28% использованных орудий; разделочные ножи и вкладыши разделочных ножей — 31%; скребки для шкуры — 2,7%; раскроечный нож для шкуры — 0,4%; проколки — 0,8%; скребки для дерева — 0,8%; резчики для дерева — 24,4%; строгальные ножи — 1,5%; стамеска — 0,4%; резцы для кости — 9,2%; сверло для кости —

0,4%; шлифовальные плитки — 0,8%. Орудия охоты и разделки добычи составляют здесь 59,5%; орудия для обработки шкуры — 3,9%; орудия для обработки дерева — 27,1%; орудия для обработки кости и рога — 9,6%; орудия для обработки камня — 0,8%. В раскопе 2 на стоянке Велетьминская 2 определены: наконечник стрелы — 0,3%; вкладыши метательного оружия — 27,8%; разделочные ножи и вкладыши разделочных ножей — 50,2%; скребки для шкуры — 2%; проколки — 0,6%; скобели для дерева — 5,9%; резчики для дерева — 5,1%; строгальные ножи для дерева — 1,4%; сверло для дерева — 0,3%; скобели для кости — 1,1%; резцы для кости — 4,0%; пилки для кости — 0,6%; сверла для кости — 0,8%. Орудия охоты и разделки добычи составляют 78,3%; орудия для обработки шкуры — 2,6%; орудия для обработки дерева — 12,7%; орудия для обработки кости и рога — 6,5%.

Наряду с вкладышами составного оружия, разделочными ножами и их вкладышами значительную серию на рассмотренных стоянках образуют резцы с очень узким лезвием, служившие для прорезания пазов в дереве и кости. Соответствие резцов и вкладышей указывает на использование резцов, главным образом, для изготовления и починки составного вооружения и ножей. Для этих же целей, вероятно, использовались и скобели. Таким образом, охота, разделка добычи и производство (или починка) вооружения и разделочных ножей были главными видами деятельности на стоянках этого типа, остальные виды деятельности не играли существенной роли.

Большинство мезолитических памятников, раскопанных в Волго-Окском междуречье, по функциональной структуре инвентаря можно отнести к сезонным стоянкам с разнообразной производственной и бытовой деятельностью без признаков специализации. На стоянках с хорошо сохранившимся культурным слоем, как правило, встречены остатки сооружений, главным образом, ям и очагов. Концентрации каменных изделий обычно отмечаются в нескольких местах, что указывает на существование отдельных производственных площадок. На некоторых стоянках найдены остатки жилищ, углубленных в материк до 30–50 см. На других встречены следы наземных жилищ в виде линзы гумуса с очагом (иногда двумя очагами), ямами и концентрацией кремневых изделий. На некоторых стоянках встречены остатки двух и более жилищ (Кольцов, 1989). Из всего массива этих памятников

лишь немногие вскрыты полностью или на площади, позволяющей провести пространственный анализ поселения.

Хорошим примером подобных памятников является стоянка Беливо 4Г-северная (рис. 1) в бассейне Оки (Кравцов, Жилин, 1995). Раскопана почти вся площадь памятника. Исследованы остатки наземного жилища, нескольких ям и очагов (рис. 6). Ремонтаж фрагментов связывает три концентрации каменных изделий, указывая на их одновременность и единство комплекса этой стоянки. Состав орудий и отходов производства различен в каждом скоплении как с типологической, так и с функциональной точки зрения. Трасологический анализ всех каменных орудий стоянки показывает типично поселенческую структуру инвентаря. Наконечники стрел составляют 4,8% всех использованных орудий; вкладыши метательного вооружения — 2,8%; разделочные ножи — 17,3%; вкладыши разделочных ножей — 3,8%; скребки по шкуре — 20,2%; перфораторы — 3,8%; ложило — 1%; скобели для дерева — 12,5%; резчики для дерева — 4,8%; строгальный нож для дерева — 1%; пилки для дерева — 1,9%; сверло для дерева — 1%; скобели для кости — 4,8%; резцы для кости — 19,2%; отбойник — 1%. Орудия охоты и разделки добычи составляют 28,8%; орудия для обработки шкуры — 25%; орудия для обработки дерева — 21,2%; орудия для обработки кости и рога — 24%; орудия для обработки камня — 0,1%.

Сходную картину показывает стоянка Беливо 6В (рис. 1), также расположенная в бассейне Оки (Жилин и др., 1998). Раскопками исследована как центральная часть памятника, так и его периферия. Встречены два скопления каменных изделий, одно в юго-западном, другое — в северо-восточном углах раскопа. Немного восточнее последнего обнаружен очаг и хозяйственная яма (рис. 7). Связи по ремонту указывают на единство обоих скоплений. Юго-западный участок использовался как мастерская для производства заготовок и вторичной обработки каменных орудий, а также разделки добычи, обработки шкур и кости. Судя по находкам разделочных ножей, северо-восточный участок использовался для приготовления и употребления пищи. Прочие орудия довольно редки и говорят о различных видах эпизодической деятельности около очага. Трасологический анализ показал такое функциональное распределение каменных орудий: наконечники стрел — 2,1% использованных орудий; разделочные ножи — 20,2%; вклады-

ши разделочных ножей — 2,1%; скребки для шкуры — 25,7%; раскроечные ножи для шкуры — 0,3%; проколки — 1,4%; скобели для дерева — 8,8%; резчики для дерева — 4,7%; строгальный нож для дерева — 0,1%; сверло для дерева — 0,1%; скобели для кости — 8,9%; резцы для кости — 24,4%; строгальные ножи для кости — 0,3%; пилки для кости — 0,7%; сверло для кости — 0,1%; орудие для рубки кости — 0,1%; отжимник — 0,1%; пилка для минеральной краски — 0,1%. Орудия охоты и разделки добычи составляют 24,7%; орудия для обработки шкуры — 27,4%; орудия для обработки дерева — 13,7%; орудия для обработки кости и рога — 34%; орудия для обработки камня — 0,2%.

В раскопе 4 на стоянке Бутово 1 (рис. 1) на Верхней Волге (Кольцов, 1989; Кольцов, Жилин, 1999) встречено несколько хозяйственных ям и очагов, рядом с которыми отмечались скопления каменных изделий. Трасологический анализ позволил определить следующие орудия: наконечники стрел — 1,5% использованных орудий; вкладыши метательного оружия — 3,1%; разделочные ножи — 26,0%; вкладыши разделочных ножей — 9,0%; скребки для шкуры — 11,4%; раскроечные ножи для шкуры — 0,7%; проколки — 1,7%; скобели для дерева — 3,7%; резчики для дерева — 8,5%; строгальные ножи для дерева — 3,3%; пилки для дерева — 1,3%; сверла для дерева — 1,1%; топор для дерева — 0,2%; долото для дерева — 0,2%; скобели для кости — 7,6%; резцы для кости — 17,1%; строгальные ножи для кости — 1,1%; пилки для кости — 1,8%; сверла для кости — 0,6%; отбойник — 0,2%; плитка для растирания — 0,2%. Орудия охоты и разделки добычи составляют 39,6%; орудия для обработки шкуры — 13,8%; орудия для обработки дерева — 18,3%; орудия для обработки кости и рога — 28,2%; орудия для обработки камня — 0,2%.

На стоянке Соболево 5 (рис. 1), также находящейся на Верхней Волге, обнаружены следы трех жилищ, очаги и хозяйственные ямы (Кольцов, 1989; Кольцов, Жилин, 1999). Среди орудий определены наконечники стрел — 1,1% использованных орудий; вкладыши метательного оружия — 4,6%; разделочные ножи — 26,1%; вкладыши разделочных ножей — 5,1%; скребки для шкуры — 23,9%; проколки — 1,3%; скобели для дерева — 12,1%; резчики для дерева — 12,3%; строгальные ножи для дерева — 1,3%; пилки для дерева — 0,8%; сверла для дерева — 0,7%; рубящие орудия для дерева — 0,4%; скобели для кости — 2,5%; резцы для кости — 6,8%; строгальные ножи для кости —

0,1%; пилки для кости — 0,4%; сверла для кости — 0,5%; отбойники — 0,1%. Орудия охоты и разделки добычи составляют 36,9%; орудия для обработки шкуры — 25,1%; орудия для обработки дерева — 27,5%; орудия для обработки кости и рога — 10,3%; орудия для обработки камня — 0,1%.

Четыре рассмотренных стоянки — Беливо 4Г-северная, Беливо 6В, Бутово 1 (раскоп 4) и Соболево 5 показывают сходный функциональный состав каменных орудий с некоторыми индивидуальными вариациями. Такой состав орудий указывает на разнообразную деятельность, которая осуществлялась на стоянках охотников, рыболовов и собирателей лесной зоны без черт специализации. Этот вывод подтверждается наличием остатков разнообразных сооружений и мест определенной хозяйственной деятельности, что указывает на использование стоянки в течение довольно длительного времени, вероятно, сезона или его части. В литературе этот тип памятников нередко называется базовым лагерем или поселением.

После установления хозяйственного типа раскопанных памятников можно сравнить их каменный инвентарь. Но при этом следует помнить, что если мы хотим увидеть культурные различия стоянок одного хозяйственного типа в пределах какой-либо территории, необходимо сравнивать только синхронные памятники. А если ставится цель проследить культурные традиции во времени, необходимо взять последовательность надежно датированных стоянок. Без учета этого легко спутать хронологические различия с культурными. В качестве примера подобной путаницы можно привести неудачную попытку В.М. Лозовского выделить на материалах мезолитических слоев стоянки Замостья 2 особую культуру, отличную от бутовской. Вместо того, чтобы сравнивать инвентарь мезолитических слоев Замостья 2 с синхронными позднебутовскими памятниками, такими, как Окаево 5, Озерки 5 и верхний мезолитический слой Ивановского 7, он проводит сравнение со стоянками предшествующих этапов, акцентируя внимание исключительно на различиях (Лозовский, 2001. С. 270).

В настоящей статье сравнивается инвентарь синхронных неспециализированных стоянок — Беливо 4Г-северная, Беливо 6В, Бутово 1 (раскоп 4) и Соболево 5 из разных частей Волго-Окского междуречья. Данные палинологического анализа помещают их в

конец пребореального — начало бореального периода голоцена (Кравцов, 1999; Кольцов, Жилин, 1999). Как показано выше, все они имеют единую функциональную структуру каменного инвентаря. Но форма многих орудий и технология их изготовления существенно отличаются. Четко видно сходство изделий стоянок Беливо 4Г-северная (рис. 8) и Беливо 6В (рис. 9), с одной стороны, и сходство стоянок Бутово 1 (рис. 10) и Соболево 5 (рис. 11), с другой стороны. Первые характеризуются использованием широких пластин неправильной огранки и отщепов в качестве основной заготовки для орудий, очень слабым развитием отжимной техники получения микропластин и специфическим набором наконечников стрел, включающим косолезвийные наконечники с боковой выемкой и затупленным краем, а также поперечнолезвийные наконечники (рис. 8, 1, 12, 13, 18; 9, 1–10). Эти признаки типичны для памятников иеневской культуры (Кольцов, 1989; Кравцов, 1999). Для стоянок Бутово 1 и Соболево 5 характерна высокая роль узких пластин в качестве заготовок для орудий, хорошо развитая отжимная техника получения микропластинок для оснащения составных вкладышевых орудий и оружия. Наконечники стрел представлены колющими иволостными и черешковыми с пологой или плоской вентральной ретушью насада, сделанными из узких пластин (рис. 10, 1–4, 7, 9; 11, 1, 2, 9, 17, 24). Вкладыши метательного оружия и разделочных ножей представлены выразительными сериями, большинство из них без вторичной обработки, но с хорошо выраженной краевой выкрошенностью (рис. 11, 8, 15). Встречаются также микропластинки с ретушированными краями и/или концами (рис. 11, 10, 12, 13). Эти черты типичны для второго этапа бутовской культуры (Кольцов, Жилин, 1999). При таком сравнении синхронных памятников одного хозяйственного типа культурная специфика отчетливо видна.

Кратковременные специализированные охотничьи лагеря Велетьминская 9 и Утрех 5 по палинологическим данным относятся к первой половине бореального периода (Кольцов, Жилин, 1999), то есть они синхронны рассмотренным выше поселениям. Каменный инвентарь стоянок этого типа характеризуется следующими чертами. Очень хорошо развита отжимная техника получения пластин и микропластин. Среди морфологически выраженных орудий доминируют вкладыши (рис. 12, 5, 7–14; 13, 1–9), резцы с очень узкой кромкой на

сломе пластинок, реже отщепов (рис. 12, 17–18; 13, 17), пластинки со скошенным или затупленным концом (рис. 12, 1–4, 16; 13, 11–13, 16). Остальные изделия либо представлены единичными экземплярами, либо не представлены. Следует отметить, что все типы и варианты каменных изделий, встреченных на местах кратковременных лагерей, в том числе и единичные колющие наконечники стрел и их обломки (рис. 13, 10), представлены на поселениях бутовской культуры.

Каменный инвентарь синхронных торфяниковых стоянок бутовской культуры (рис. 14) помимо колющих наконечников стрел и их обломков (рис. 14, 1–2) включает серии вкладышей из микропластинок. Большая часть последних без ретуши, но с краевой выкрошенностью (рис. 14, 3–7). Количество этих вкладышей значительно превышает количество колющих наконечников стрел из пластин на всех стоянках бутовской культуры. Помимо этого, торфяниковые стоянки дают серии костяных вкладышевых наконечников стрел, копий и кинжалов, в некоторых из которых вкладыши сохранились в пазах (рис. 15, 3–6). При этом количество костяных вкладышевых наконечников стрел в некоторых памятниках существенно превышает число колющих наконечников стрел из пластин. Так, в раскопе 3 Станового 4 в слое бутовской культуры, относящемся к концу пребореального – началу бореального периода, найдено 2 целых и обломков колющего наконечника из пластин и 19 костяных вкладышевых наконечников стрел включая обломки. В раскопе 2 того же памятника, в слое бутовской культуры первой половины бореального периода встречен только один обломок иволистного наконечника стрелы из пластины и 11 костяных вкладышевых наконечников и их обломков. К этому надо добавить вкладышевые наконечники копий и дротиков, дополнявших лук и стрелы на тех же стоянках. Эти факты позволяют утверждать, что в конце пребореального – начале бореального периодов составные костяные наконечники метательного вооружения, оснащенные вкладышами из кремневых микропластинок, играли в бутовской культуре значительно большую роль, чем колющие наконечники из пластин. Таким образом, на специализированных охотничьих лагерях типа Красново 1 использовалось типичное для бутовской культуры вкладышевое охотничье оружие, от которого сохранились только вкладыши. Основным объектом охоты в Волго-Окском междуречье в

это время был лось (Жилин, 2004), для добычи и разделки которого составное вкладышевое вооружение и разделочные орудия были наиболее эффективны.

Помимо сказанного необходимо учитывать и обеспеченность пригодным для изготовления орудий каменным сырьем в различных частях изучаемой территории. Так, западная часть Волго-Окского междуречья богата высококачественным кремнем, который встречается как в виде линз и прослоек в известняках, так и в виде различных по форме и размерам желваков. Не составляет труда найти его в необходимом количестве по берегам рек, ручьев, в оврагах и промоинах. С другой стороны, восточная часть региона бедна кремнем, который встречается, главным образом, в виде мелкой гальки невысокого качества в моренных и аллювиальных отложениях (Zhilin, 1997). Сравнение каменного инвентаря стоянки Бутово 1 (рис. 10), расположенной в западной части Волго-Окского междуречья, и синхронного слоя бутовской культуры из раскопа 3 Станового 4 (рис. 14), расположенной в восточной части региона, показывает ряд существенных отличий, вызванных разницей в сырьевой базе. Отсутствие качественного кремня в восточной части Волго-Окского междуречья заставило население Станового 4 обрабатывать кремнистый известняк, кремнистый сланец, роговик, кварцит, кварц, сланец и другие породы, которые не применялись для изготовления аналогичных орудий в западной, богатой хорошим кремнем части региона. В силу этого пластины правильной огранки шириной более 1 см, обычные в Бутове 1, крайне редки в Становом 4 и сделаны из приносного кремня. Точнее, они были принесены на стоянку в готовом виде, поскольку какие-либо следы обработки такого сырья отсутствуют. В то же время многочисленны мелкие пластинки и микропластинки из местного сырья и нуклеусы для их получения. В отличие от Бутова 1, в Становом 4 отщепы преобладают в качестве заготовки для многих орудий, прежде всего, скребков. Шлифованные рубящие орудия, совершенно неизвестные в Бутове 1, в Становом 4 многочисленны и разнообразны. Эти черты уже проявляются в нижнем бутовском слое Станового 4, относящемся по результатам палинологического анализа к самому концу позднего дриаса, датированном около 10000 лет назад радиоуглеродным методом (Жилин, 2006). Сравнение каменных изделий этого слоя с изделиями слоя бутовской культуры

раскопа 3 Станового 4 конца пребореального — начала бореального периода показывает адаптацию этой группы населения бутовской культуры к особенностям местного каменного сырья (Жилин, 1998). Вместе с тем, основные типологические характеристики бутовской культуры легко распознаются в каменном инвентаре как Бутова 1, так и синхронного слоя Станового 4.

Те же процессы прослеживаются во многих регионах, бедных кремнем, которые заселялись на протяжении пребореального периода населением, привычным к использованию качественного кремневого сырья. Наиболее ярко это проявилось в Финляндии, где население кундско-бутовской общности было вынуждено перейти с кремня на кварц. Если мы попробуем сравнить каменную индустрию бореальных стоянок Финляндии с кварцевым инвентарем (Luho, 1967) с индустрией стоянок пребореального времени Восточной Европы, основанной на качественном меловом или каменноугольном кремне, таких, как Пулли (Jaamits, 1980) или Бутово 1 (Кольцов, Жилин, 1999), то не найдем практически ничего общего. На связь этих памятников, как и на вероятное заселение южной Финляндии кундско-бутовским населением (Жилин, 2002), указывают стоянки Лахти Ристола (Takala, 2005) и Юотсено Саренойя 2 (Jussila, Matiskainen, 2003). В их инвентаре имеются как орудия пуллийских и бутовских типов, сделанные из приносного мелового и каменноугольного кремня, так и разнообразные изделия из кварца, характерные для бореальных памятников Финляндии.

Одной из наиболее сложных для разрешения является проблема контактов населения

разных мезолитических культур Волго-Окского междуречья. Для этого в нашем распоряжении слишком мало достоверных фактов. Большинство стоянок, где изделия, характерные для разных культур, лежат в одном слое, считаются механически смешанными в силу естественных причин (Кравцов, 2004). Вероятно, это так, хотя смешанность материалов, как и их единство, надо доказывать в каждом конкретном случае. В силу этого особый интерес представляют стоянки, «чистота» которых не вызывает сомнений, содержащие отдельные изделия, не характерные для данной культуры. Так, описанная выше стоянка Беливо 4Г-северная, помимо типично иеневского инвентаря, дала три вкладыша из микропластинок, характерных для бутовской культуры. Стоянка Миккулино, расположенная сравнительно недалеко от предыдущей (рис. 1), дала одно скопление каменных изделий вокруг очага (Сорокин, 2004). По технико-морфологическим характеристикам ее инвентарь (рис. 16) типичен для второго этапа бутовской культуры (Кольцов, Жилин, 1999), однако в нем присутствует единичная трапеция, характерная для иеневской культуры (рис. 16, 13). Поскольку оба памятника расположены на песчаных грунтах, нельзя исключать и случайное попадание этих изделий, тем более, что они служили для оснащения метательного оружия и могли быть потеряны на охоте. Но с не меньшей вероятностью эти находки могут указывать на эпизодические контакты населения иеневской и бутовской культур, одновременно населявших Волго-Окское междуречье на протяжении пребореального и бореального периодов, судя по палинологическим и радиоуглеродным данным (Кравцов, 1999; Кольцов, Жилин, 1999).

Литература

Аверин В.А., Жилин М.Г., 2001. Каменный инвентарь мезолитических слоев поселения Становое 4 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород. Вып. 5. С. 8–16.

Бодунов Е.В., Воробьев В.М., Жилин М.Г., 1983. Мезолитическая стоянка Красново 1 // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин. С. 3–11.

Жилин М.Г., 1998. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 3. С. 25–31.

Жилин М.Г., 2002. К вопросу о пионерном заселении Южной Карелии и Финляндии в раннем голоцене // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск. Вып. 4. С. 3–15.

Жилин М.Г., 2004. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М. 144 с.

- Жилин М.Г.*, 2006. Природная среда и хозяйство населения бутовской культуры в финале плейстоцена (по материалам нижнего слоя Станового 4) // Тверской археологический сборник / Черных И.Н. (ред.). Тверь. Вып. 6. С. 116–125.
- Жилин М.Г., Кравцов А.Е., Леонова Е.В.*, 1998. Мезолитическая стоянка Беливо 6В // Археологический сборник. М. С. 88–108. (Труды ГИМ; вып. 96).
- Кольцов Л.В.*, 1989. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. Археология СССР. М. С. 68–86.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г.*, 1999. Мезолит Волго-окского междуречья. (Памятники бутовской культуры). М.
- Кравцов А.Е.*, 1999. Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х – 1990-х годов) // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М. С. 79–108. (Труды ГИМ; вып. 103).
- Кравцов А.Е.*, 2004. Об источниках для изучения Волго-Окского мезолита и некоторых принципах их анализа // Проблемы каменного века Русской равнины / Х.А. Амирханов (ред.). М. С. 29–48.
- Кравцов А.Е., Жилин М.Г.*, 1995. Опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо 4Г-северная // РА. № 2. С. 135–148.
- Лозовский В.М.*, 2001. Вопросы перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Сергиев Посад. С. 265–272.
- Сорокин А.Н.*, 2004. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины / Х.А. Амирханов (ред.). М. С. 69–91.
- Jaanits K.*, 1980. Die mesolithischen Siedlungsplätze mit Feuersteininventar in Estland // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte. Potsdam. Bd. 14/15. S. 389–399.
- Jussila T., Matiskainen H.*, 2003. Mesolithic settlement during the Preboreal period in Finland // Mesolithic on the Move / Lars Larsson, Hans Kindgren, Kjell Knutsson, David Leffler and Agneta Akerlund (eds.). Oxford. P. 664–670. (Oxbow books).
- Luhov V.*, 1967. Die Suomusjarvi-Kultur. Die Mittel- und Spätmesolithische Zeit in Finland. Helsinki.
- Takala Hannu*, 2005. The Ristola site in Lahti. Helsinki.
- Zhilin M.G.*, 1997. Flint Raw Material from the Upper Volga and its Use in the Final Palaeolithic – Neolithic // Man and Flint / R. Schild, Z. Sulgostovska (eds). Warszawa. P. 331–333.
- Zhilin M.G.*, 2004. The use of living space at Mesolithic sites in Central Russia // The Use of living space in Prehistory / Olena V. Smyntina (ed.). Oxford. P. 79–87. (BAR International Series; 1224).

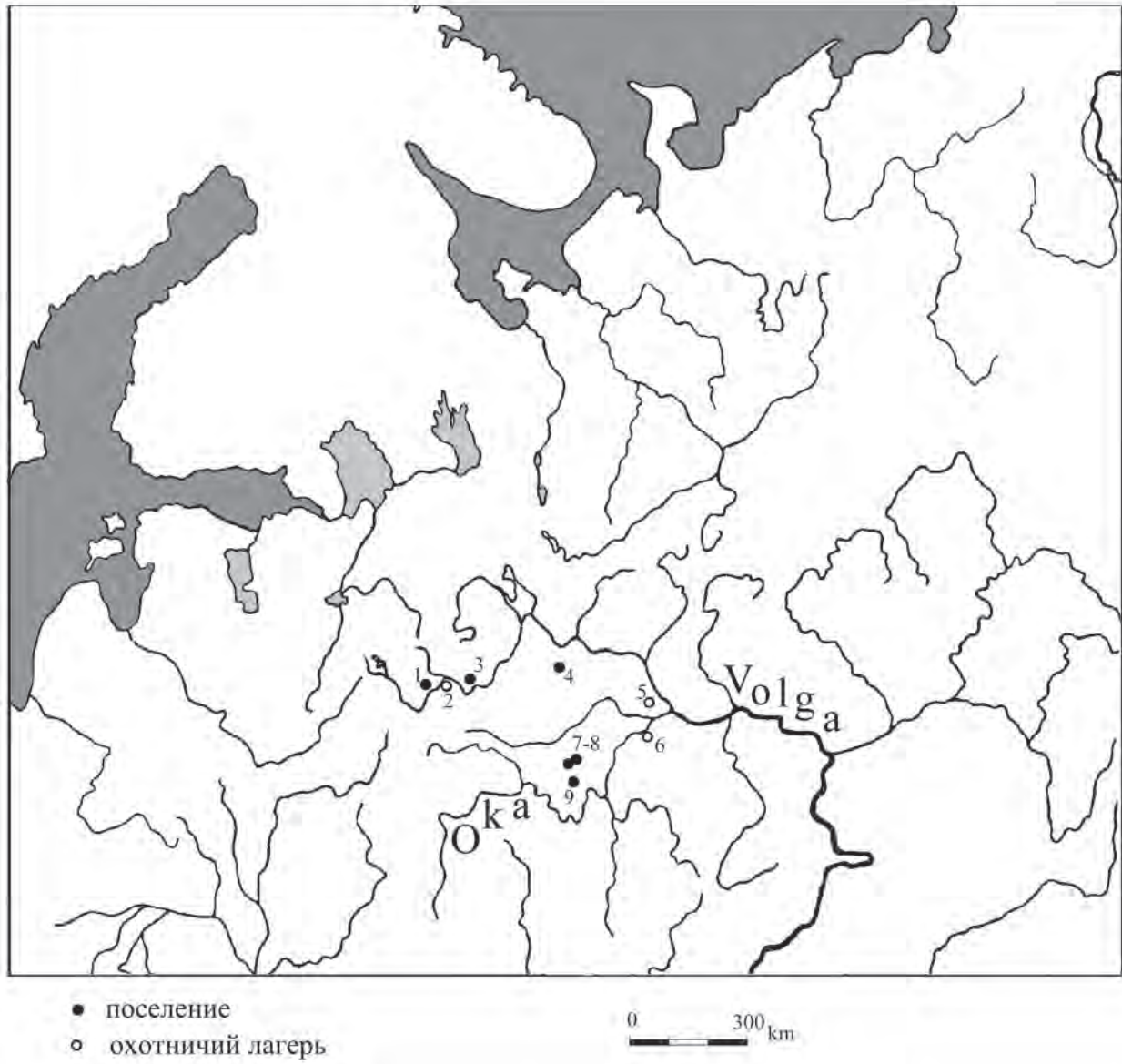

Рис. 1. Мезолитические стоянки, упомянутые в тексте статьи: 1 – Бутово 1; 2 – Красново 1; 3 – Соболево 5; 4 – Становое 4; 5 – Утрех 5; 6 – Велетьминская 9; 7-8 – Беливо 4Г и 6В; 9 – Микулино

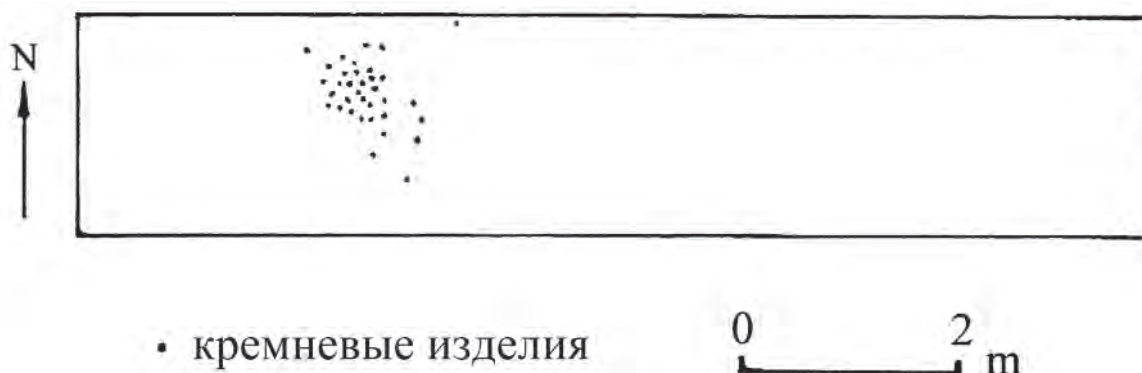

Рис. 2. Угreh 26 план раскопа (по: Zhilin, 2004)

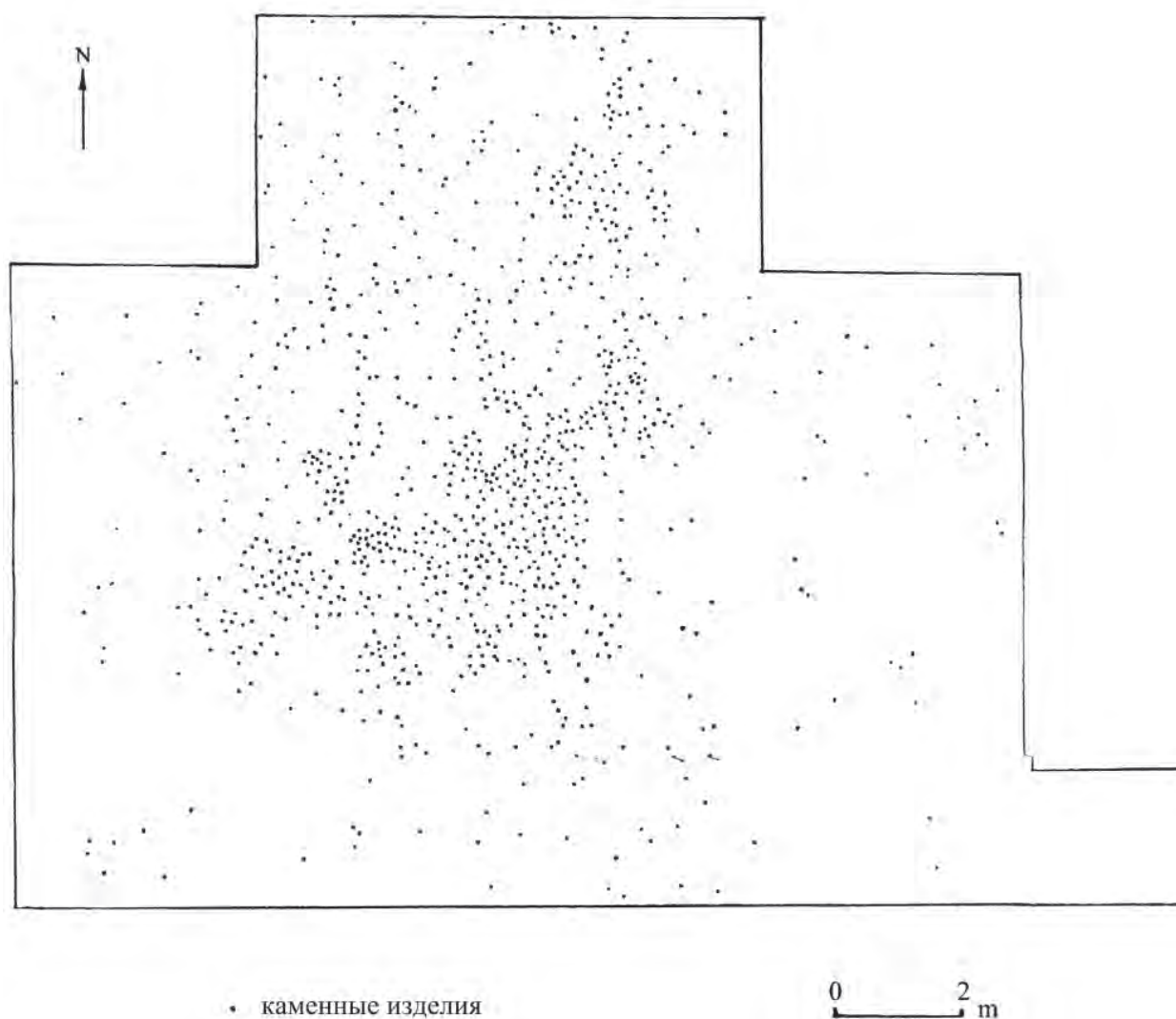

Рис. 3. Велетьминская 9, план раскопа 1 (по: Zhilin, 2004)

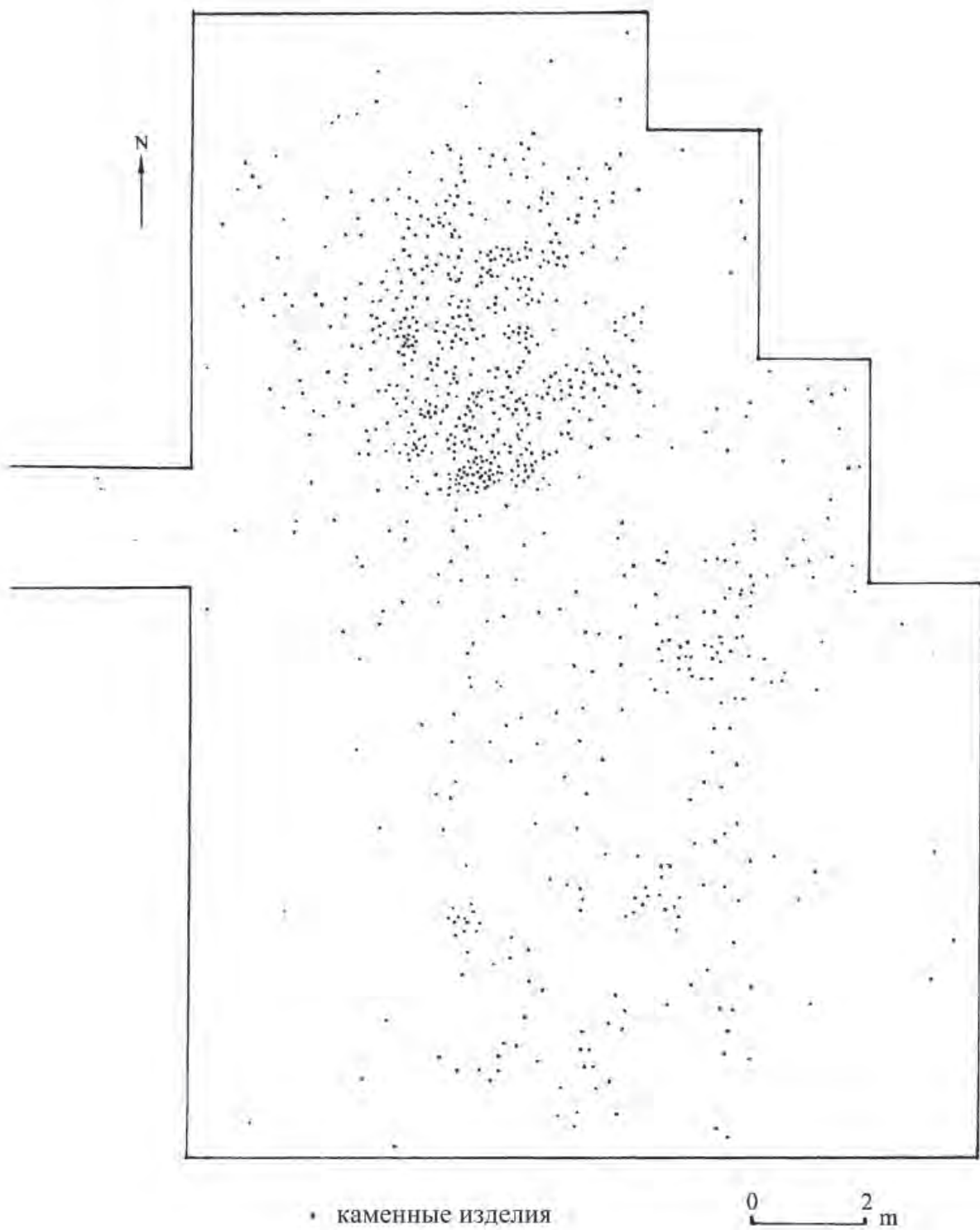

Рис. 4. Вельяминская 9, план раскопа 2 (по: Zhilin, 2004)

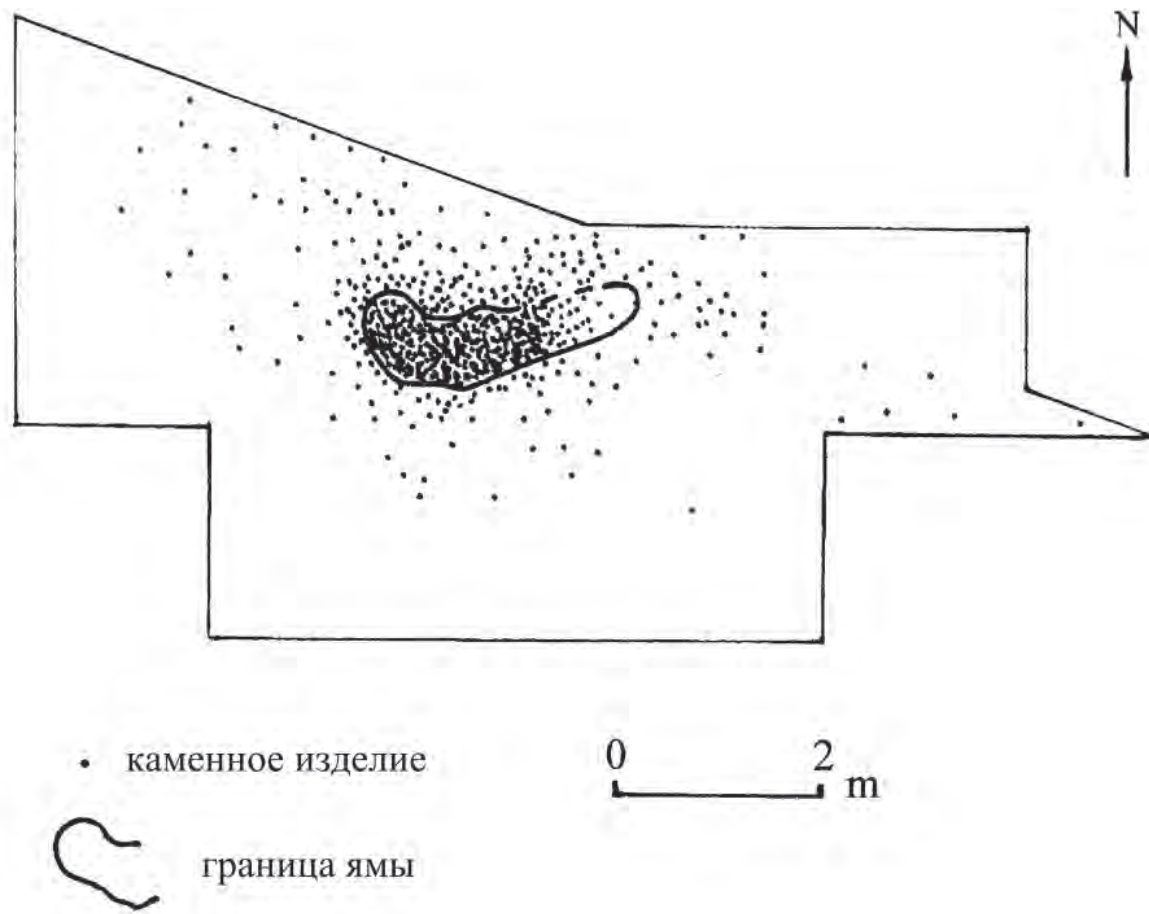

Рис. 5. Красново 1, план раскопа (по: Zhilin, 2004)

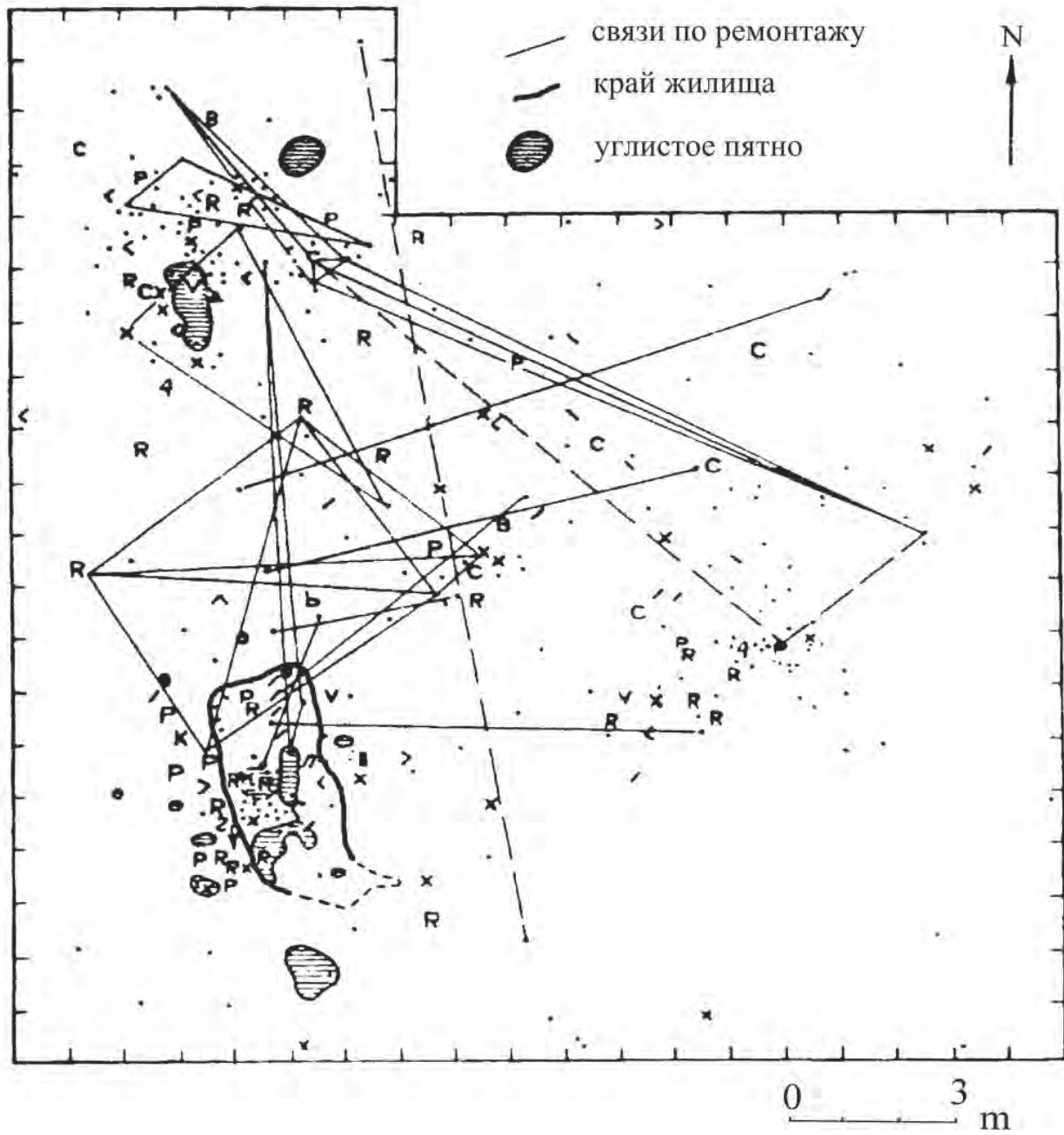

Рис. 6. Беливо 4Г-северная, план раскопа (по: Кравцов, Жилин, 1995)

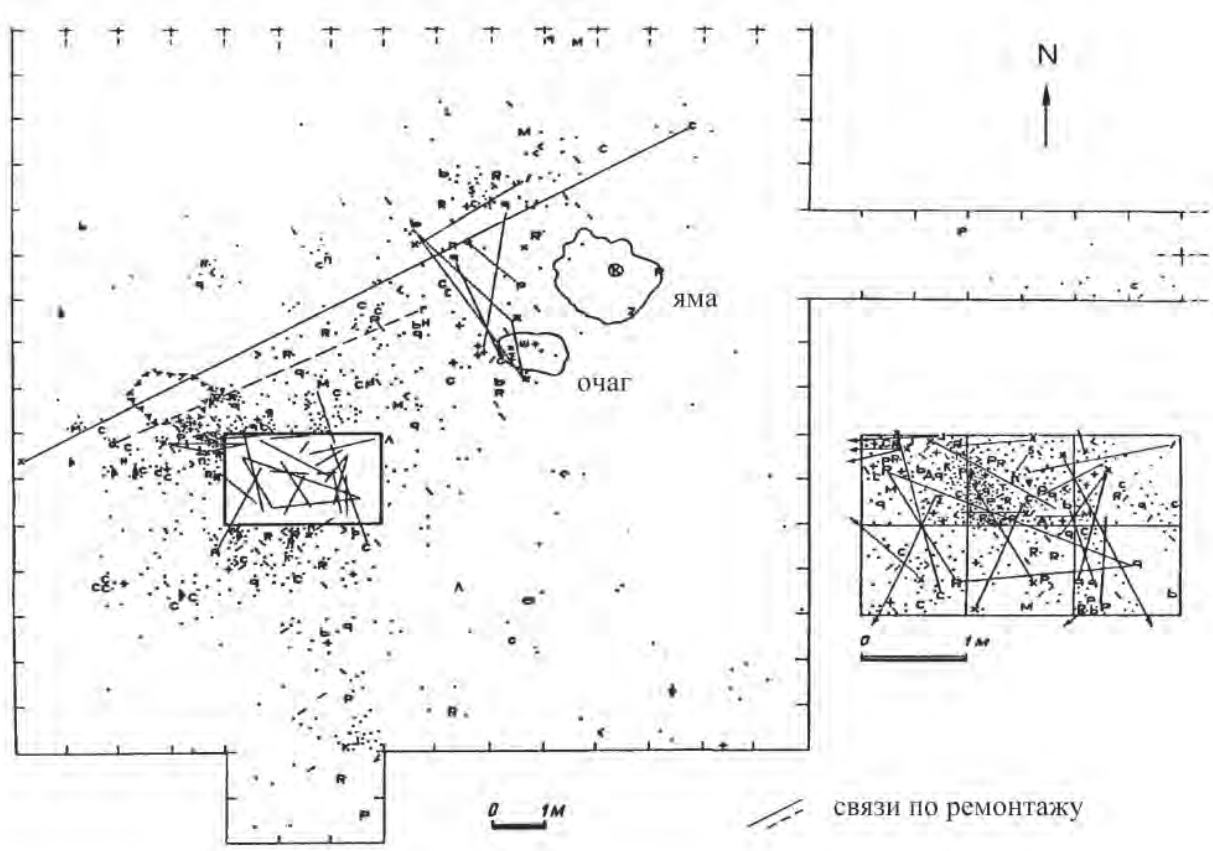

Рис. 7. Беливо 6В, план раскопа (по: Жилин, Кравцов, Леонова, 1998)

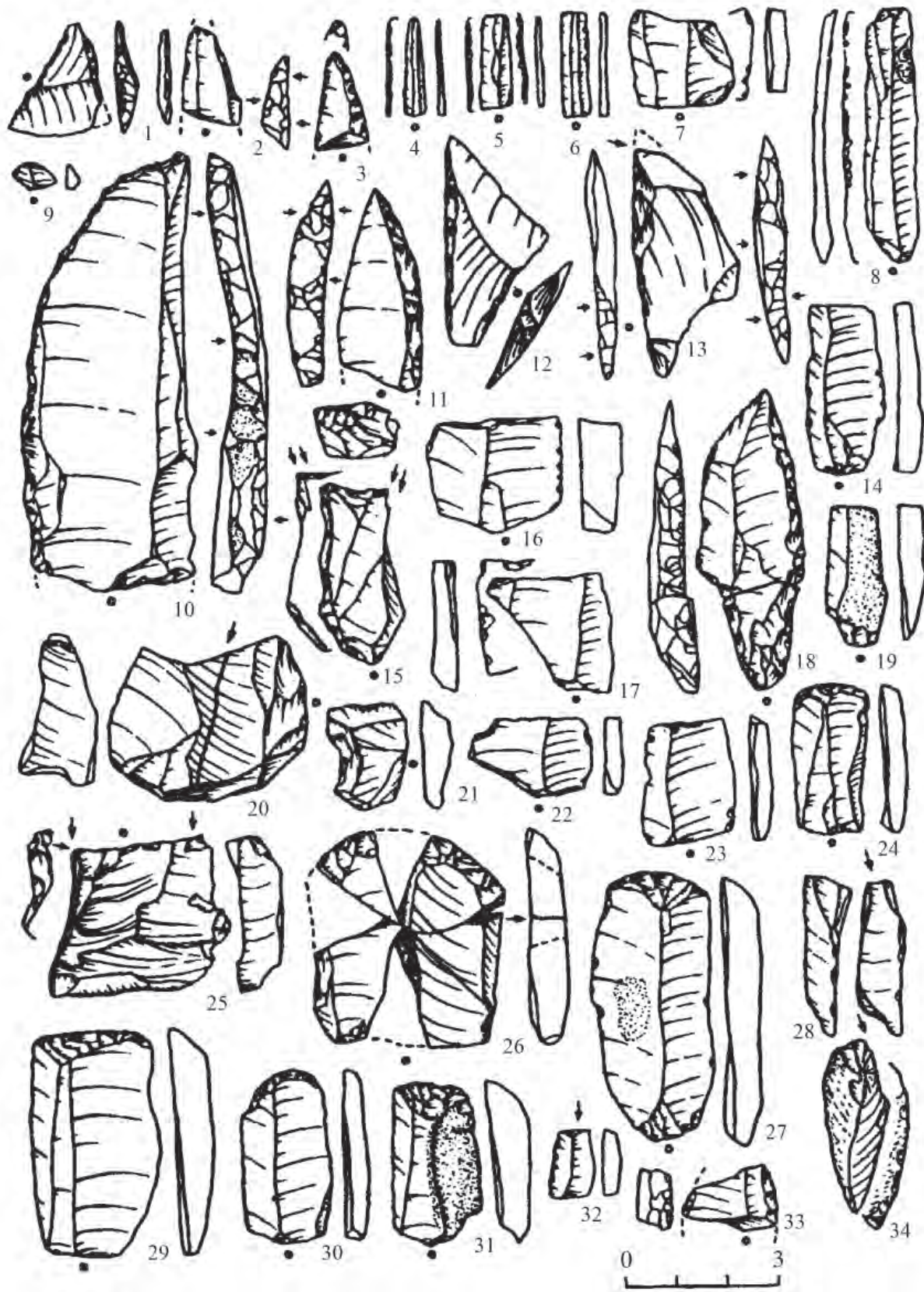

Рис. 8. Беливо 4Г-северная, каменные изделия (по: Кравцов, Жилин, 1995)

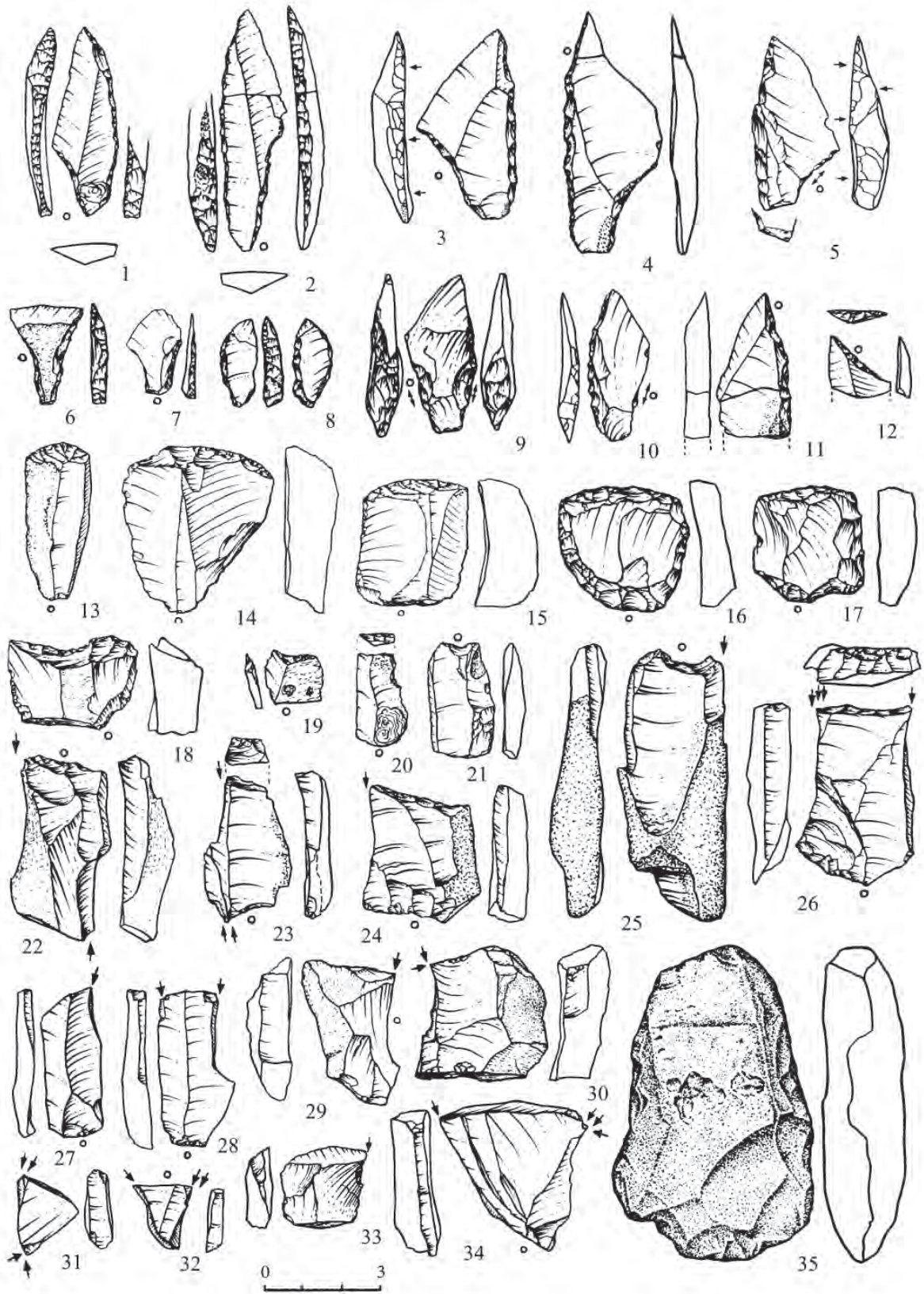

Рис. 9. Беливо 6В, каменные изделия (по: Жилин, Кравцов, Леонова, 1998)

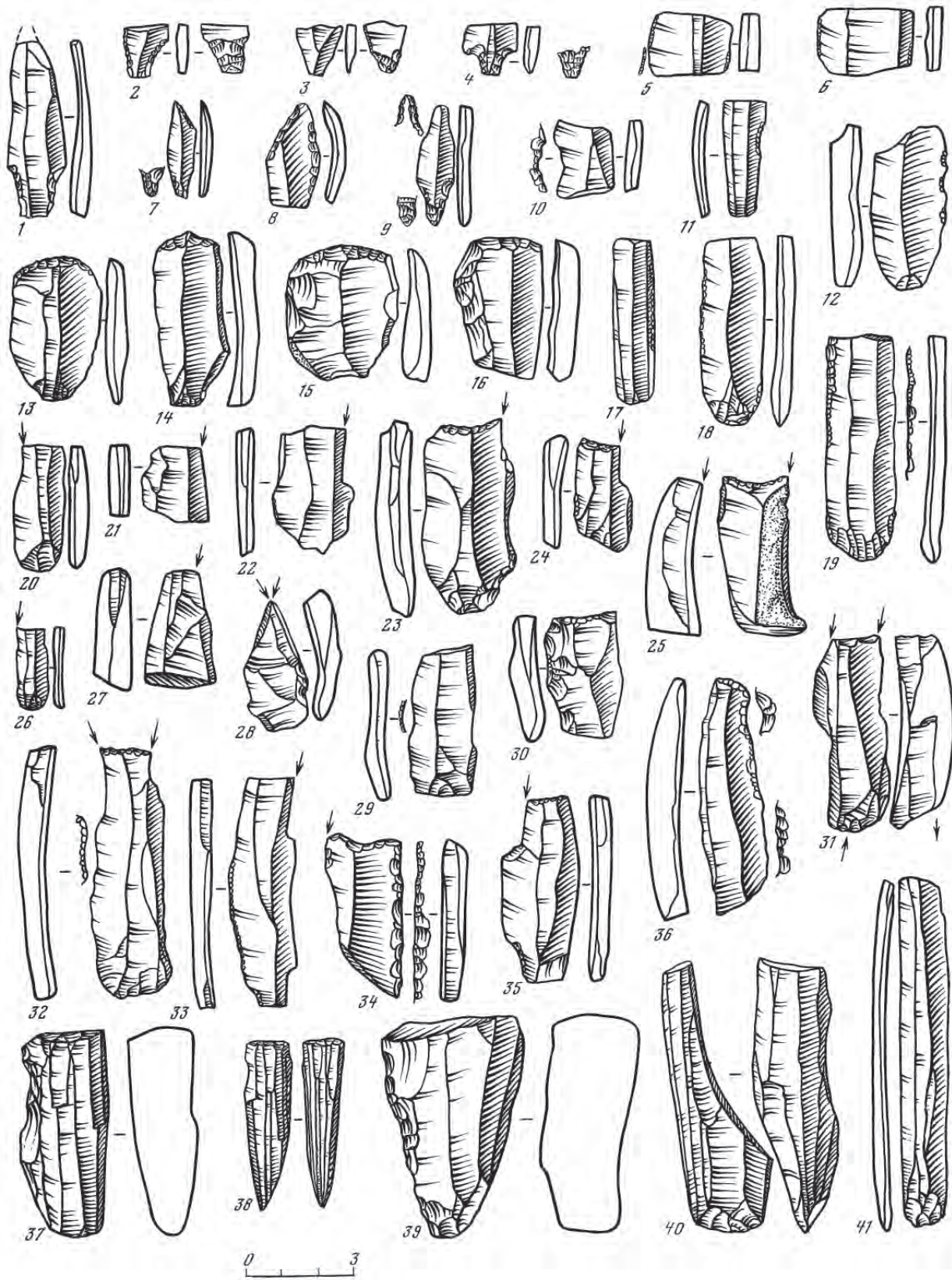

Рис. 10. Бутово 1, каменные изделия (по: Кольцов, 1989)

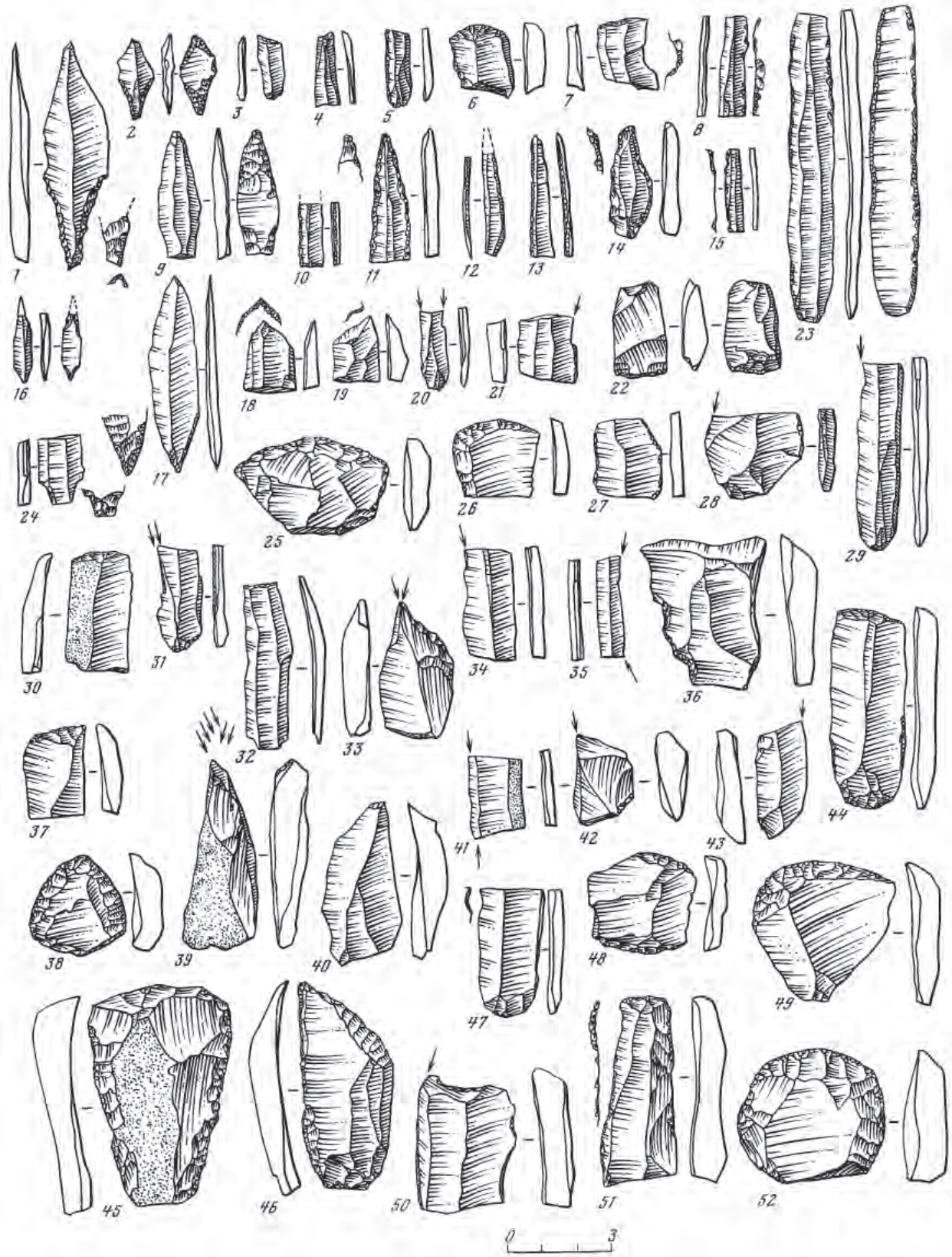

Рис. 11. Соболево 5, каменные изделия (по: Кольцов, 1989)

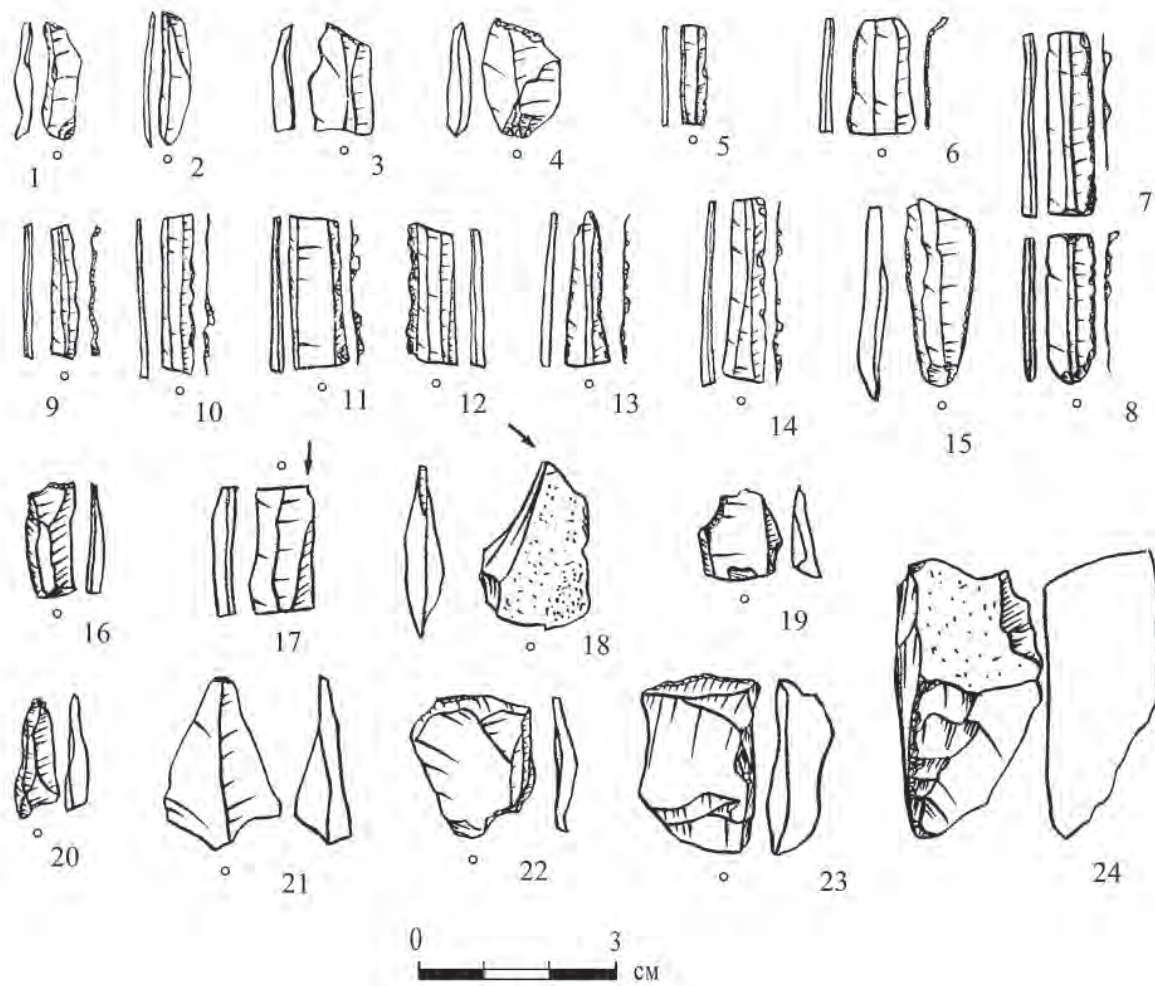

Рис. 12. Красново 1, каменные изделия (по: Бодунов, Воробьев, Жилин, 1983)

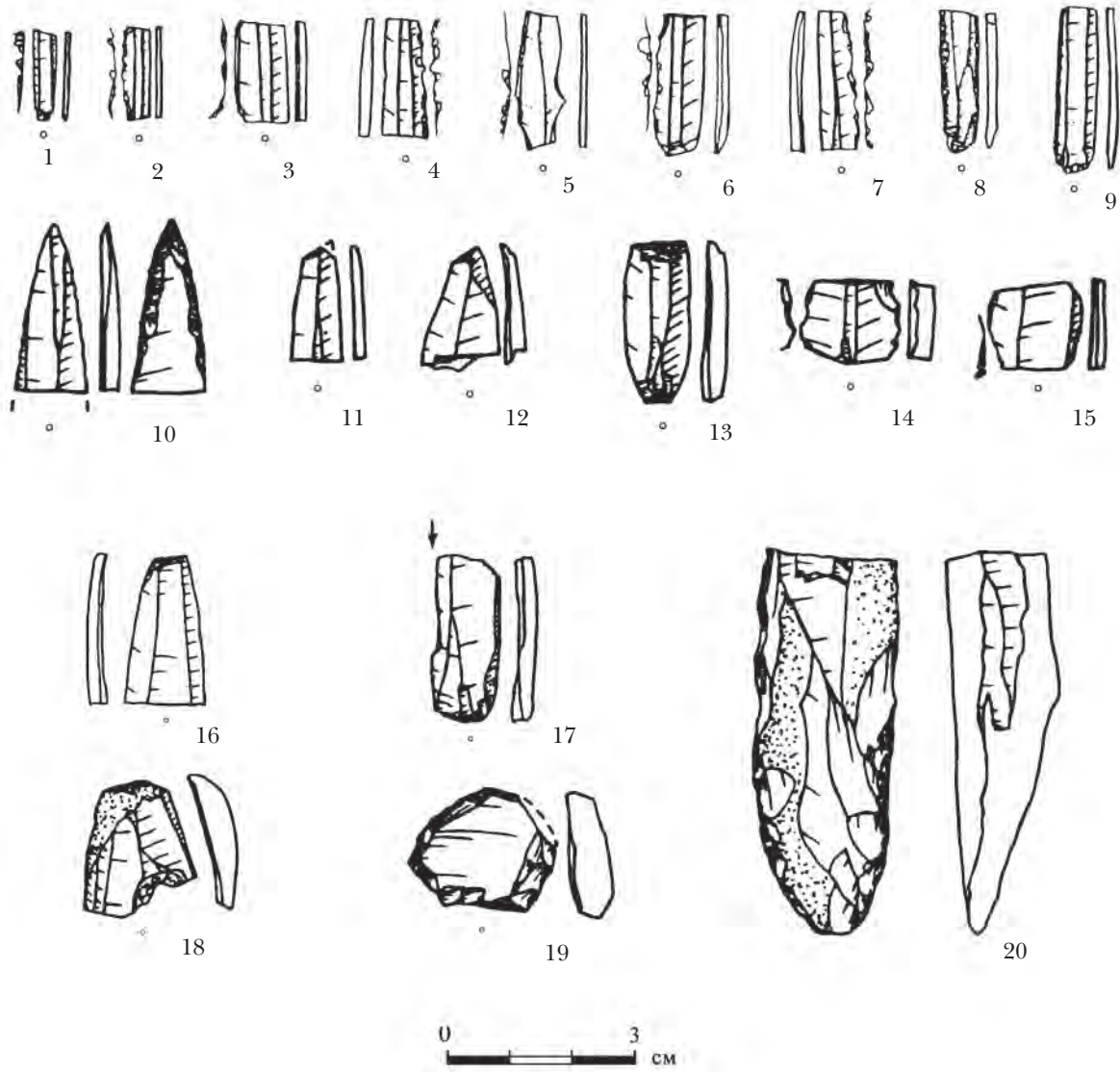

Рис. 13. Велетьминская 9, раскоп 2, каменные изделия (по: Кольцов, Жилин, 1999)

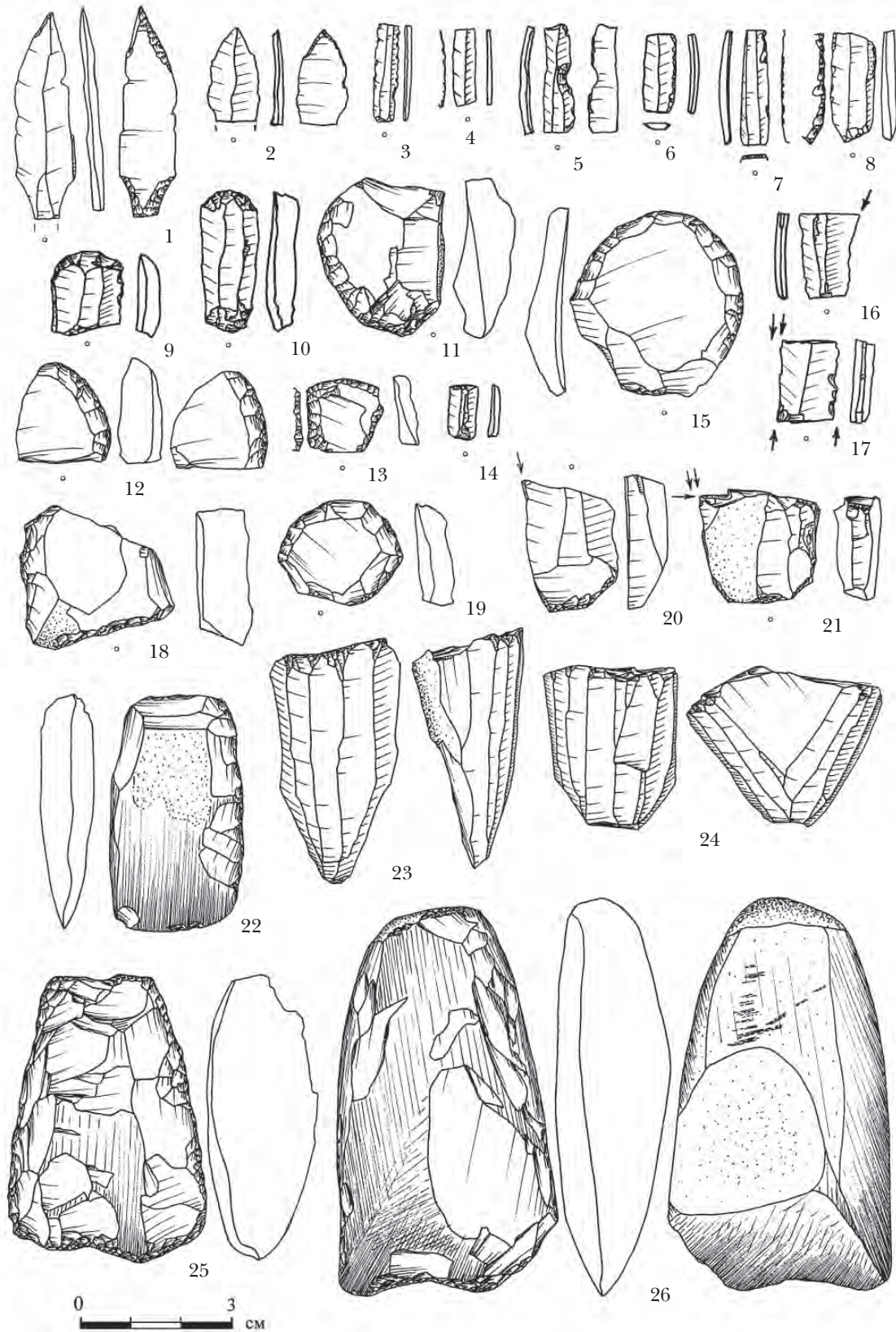

Рис. 14. Становое 4, раскоп 3, слой III (по: Аверин, Жилин, 2001)

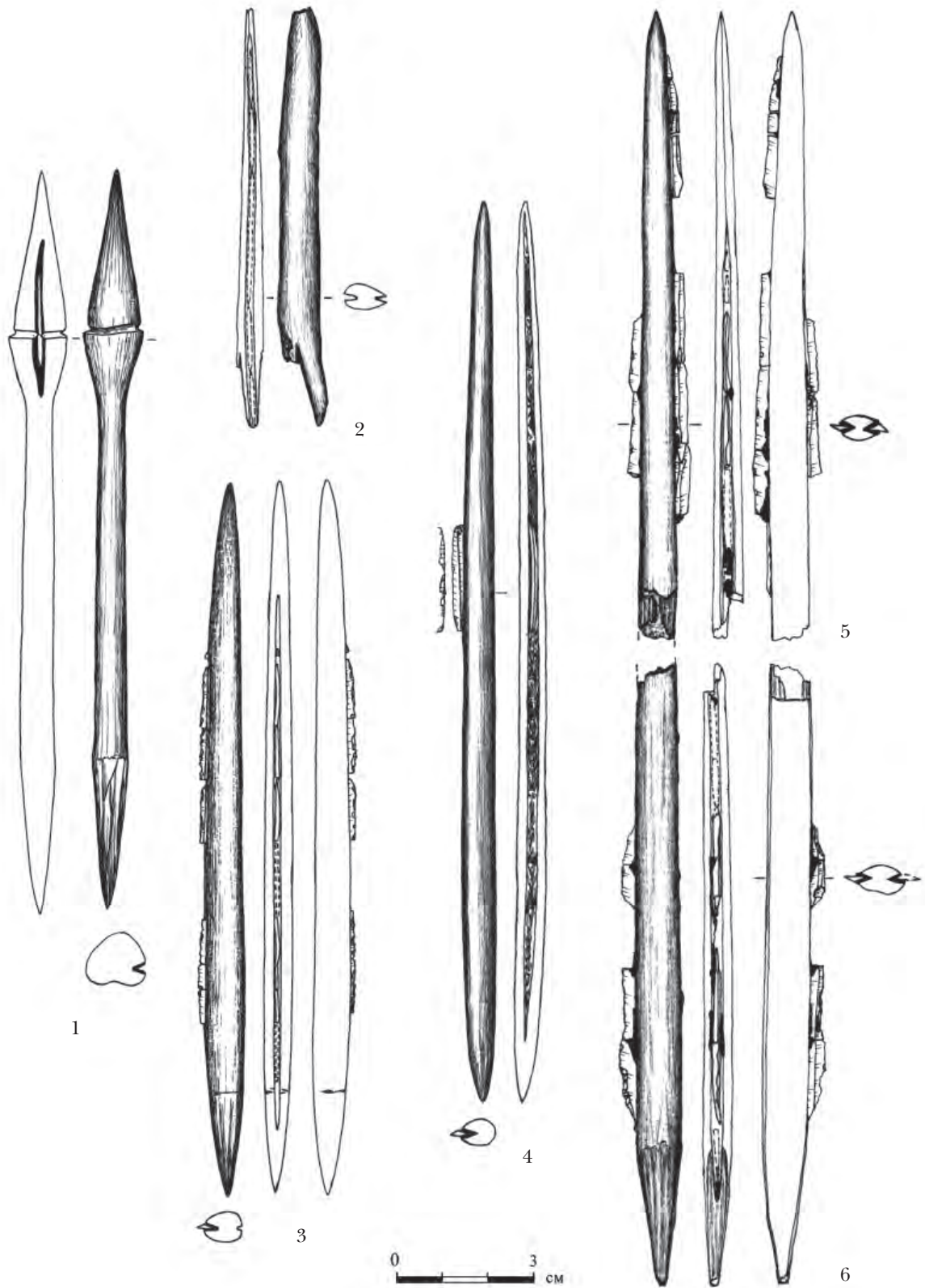

Рис. 15. Становое 4, вкладышевые наконечники стрел: 1-5 – раскоп 2, слой III; 6 – раскоп 3, слой III (по: Zhilin, 2006)

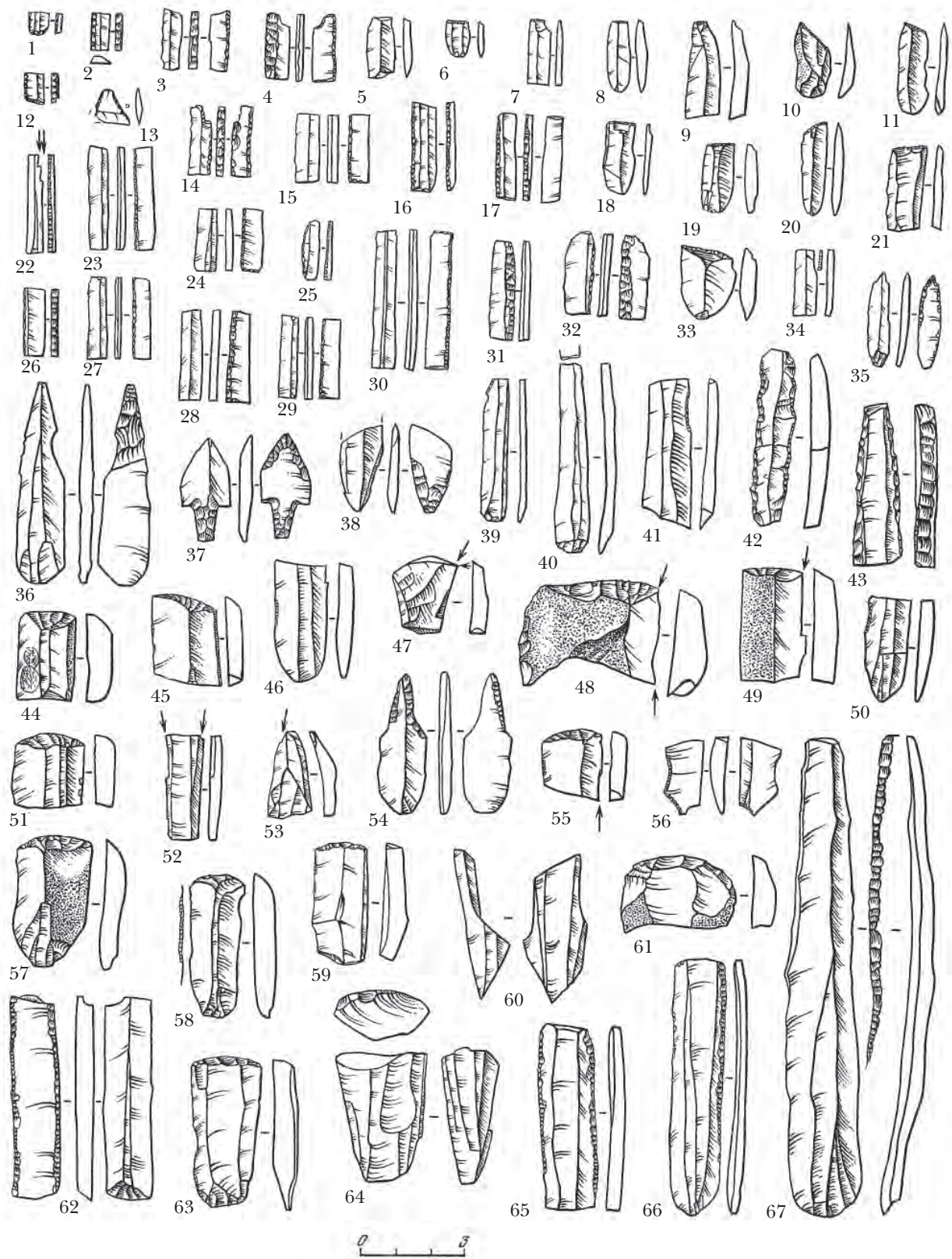

Рис. 16. Микулино, каменные изделия (по: Кольцов, 1989)

Исследования памятников каменного века по р. Таруса Калужской области Тарусского района

К.Е. Агеева*

Исследования по р. Таруса в окрестностях деревень Аксиньино и Лопатино Калужской области Тарусского района проводились Н.Н. Гостунским, которым были найдены памятники раннего железного века Лопатино (4 селища на правом и левом берегу р. Таруса) и Лопатино, курган на левом берегу р. Таруса. Исследованиями И.К. Фролова были открыты памятники Залужье, селище 1 на левом берегу р. Таруса раннего железного века (4–7 вв.), Залужье, селище 2 (14–17 вв.) и курган Залужье на левом берегу р. Таруса. В конце 1970-х годов возле д. Аксиньино на пашне А.В. Трусовым и Н.В. Александровой собрано около 490 изделий из камня, которые предварительно были отнесены к каменному веку**.

В 2005 г. Окским отрядом Института археологии РАН под руководством автора было проведено обследование этой территории – среднего течения р. Тарусы (левого притока Оки) с целью документирования и выяснение характера местонахождения расщепленных кремней Аксиньино 1. Было проведено выборочное обследование внепойменных территорий в среднем течении р. Тарусы (левого притока Оки) в окрестностях деревень Аксиньино и Лопатино и было обнаружено, исключая уже известный памятник Аксиньино 1, девять местонахождений каменного века: Аксиньино 2–7, Лопатино 1–3.

Местонахождение **Аксиньино 1** находится приблизительно в 750 м к востоку–юго-востоку от восточной окраины д. Аксиньино Тарусского района Калужской области. Расположено на площадке второй (?) надпойменной террасы, на высоте 58–59 м над уровнем воды в р. Таруса (296 м над уровнем Балтийского моря) и удалено от русла на 35 м. Видимо, сборами А.В. Трусова и Н.В. Александровой была выбрана основная масса подъемного материала,

потому что при сборах 2005 г. подъемного материала было мало. Расщепленный кремь образовал скопление и был собран на скошенном поле и частично на грунтовой дороге на площади 175 × 56 м. Скопление было вытянуто в направлении северо-запад – юго-восток вдоль кромки террасы. На месте наибольшей концентрации находок были заложены два шурфа на расстоянии 150 м друг от друга. Стратиграфия обоих шурфов схожа (описание слоев сверху вниз):

1. Бурый суглинок (пахотный слой), проработанный корневой системой растений, мощностью 6–13 см.

2. Легкий бурый суглинок, более светлый в верхней части и более темного цвета с включениями рыжего суглинка книзу (пахотный слой), мощностью 28–34 см.

3. Бурый суглинок, более светлый сверху из-за серых подзолистых затеков и более темный книзу, видимой мощностью до 42 см.

Помимо этого, во втором шурфе удалось проследить на северном профиле контур поздней ямы шириной 38 см и глубиной 11 см. Она была зафиксирована на границе коричнево-серого легкого суглинка (пахотного слоя) и бурого суглинка. Ее дно котловидное. В ней встречались мелкие фрагменты гончарной керамики, расщепленного кремня не было. В плане яму выявить не удалось.

Поскольку все находки из шурфов находились в пахотном слое, они рассматриваются вместе с подъемным материалом. Общее количество находок 573 экземпляра.

В собранной коллекции каменного инвентаря преобладают изделия из низкокачественного кремня черного или серовато-черного цвета. Реже встречаются осколки и отщепы желтого и коричневого цветов. Но все нуклеусы и нуклевидные обломки из кремня черно-

* Учреждение Российской академии наук Институт археологии РАН, Москва.

** Выражаю благодарность А.В. Трусову и Н.В. Александровой за предоставленные материалы.

го или серовато-черного цвета, необработанные куски которого встречаются как в пашне, так и на грунтовых дорогах. На некоторых предметах фиксируются следы пребывания в огне.

В группе нуклевидных: нуклевидных обломков 12 экз., преформа нуклеуса (или нуклеус в начальной стадии скалывания) 1 экз. на куске сырья, часть которого утрачена и часть покрыта коркой. Оформлена площадка, с которой снято несколько сколов и оформлено ребро. Нуклеусов 22 экз. Среди них — одноплощадочных 7 экз. Один нуклеус — двухплощадочный торцевой от пластин, со встречным скалыванием. На одной из боковых сторон с одной из площадок тоже начато снятие сколов. Один вторичный кругового скалывания от отщепов. Один конический от пластин, площадка оформлена сколами. Остальные нуклеусы аморфные от отщепов.

Двухплощадочных 3 экз., два из которых торцевые от пластин, один встречного скалывания от пластин и отщепов. Площадки оформлены сколами.

Многоплощадочных нуклеусов 12 экз. Они все аморфные, от отщепов.

Технологические сколы: 34 экз. Из них: сколов оживления площадки нуклеуса 14 экз. Все площадки подправлены. Ребристых отщепов 18 экз., ребристых пластин 2 экз.

Отщепы и осколки: общее количество 431 экз., среди них чешуек 5 экз. и пластинчатых отщепов 5 экз.

Отщепы с ретушью — 3 экз.

Пластины и фрагменты пластин: общее количество 32 экз., из них целых 5 экз., остальные фрагменты. Микропластин нет. Среди пластин преобладают широкие, грубые. Неконическое начало позволяет сделать вывод о том, что расщепление осуществлялось с помощью твердого отбойника (см.: Нехорошев П.Е. К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня // РА. 1993. № 3. С. 104).

Орудия: общее количество 17 экз. Они подразделены на ряд категорий. *Скребки* 6 экз. Два скребка концевых на пластине (один с вогнутым лезвием), два скребка концевых на отщепе (один с вогнутым лезвием), один скребок дублированный на широкой пластине. Еще один скребок концевой высокой формы на фрагменте нуклеуса.

Скребловидное орудие: 1 экз. В качестве заготовки для этого орудия использовался нуклеус. Нуклеус многоплощадочный от отщепов. Лез-

вие скребла оформлено на ребре нуклеуса. Выделение данного предмета является спорным. Лезвие скребла, возможно, является оформленным ребром нуклеуса, которое использовалось впоследствии как площадка нуклеуса, с которой был произведен скол.

Тронкированная пластина: 1 экз. Дистальный конец пластины косо усечен крутой ретушью, нанесенной с брюшка на спинку.

Отщеп целый с регулярной ретушью на дистальном конце. Ретушь полукруглая, нанесена со спинки на брюшко. Возможно, это ретушь техногенная.

Орудия с выемками — 4 экз., 3 на отщепе, 1 на ребристой пластине. Эти орудия не образуют серии, выемки оформлены очень разнообразно. Орудия с выемкой на отщепе: у одного из них выемка оформлена на краю, на участке, примыкающем к проксимальной части. Выемка неглубокая, оформлена вертикальной ретушью со спинки на брюшко. Второе орудие оформлено на массивном фрагменте отщепе. Выемка оформлена вертикальной ретушью со спинки на брюшко. Дистальный конец обломан. Слом произошел в наиболее массивном месте, и образовавшаяся площадка использовался для снятия серии регулярных сколов непонятного назначения. Выемка другого орудия оформлена на участке края ближе к дистальному концу массивного отщепе. Ретушь крутая, нанесена с брюшка на спинку.

Орудие на ребристой пластине: на одном из краев оформлена глубокая выемка с вертикальной крупнофасеточной ретушью, нанесенной с брюшка на спинку.

Наконечник с боковой выемкой: 1 экз. на пластине с обломанным кончиком пера. У наконечника полностью ретуширован один край заготовки и оформлена ретушью боковая выемка. Ретушь вертикальная, затупливающая. На брюшке заготовки две плоские фасетки.

Острие: 1 экз. Острие на пластинчатом отщепе с вогнутым обушком, оформленным полукруглой ретушью по краю. Возможно, использовался как перфоратор.

Перфоратор: Орудие оформлено на проксимальной части пластины. Крутой ретушью по двум краям оформлено лезвие перфоратора.

Комбинированные орудия (скребок + орудие с выемкой): на ребристой пластине на дистальной части оформлено лезвие скребка и на одном из краев вертикальной ретушью оформлена выемка.

Среди находок встречены также фрагменты гончарной деревенской керамики XVIII–XIX вв. (7 фрагментов венчиков и 3 фрагмента донцев, а также 14 фрагментов стенки сосуда).

Таким образом, характер первичного расщепления, а также обломок наконечника стрелы с вертикальной ретушью одного края полностью и боковой выемкой по другому позволили предварительно отнести этот памятник к иеневской мезолитической культуре и определить его как разрушенную стоянку (стоянку-мастерскую?).

В результате разведочных работ около северной и восточной окраин д. Аксиньино на правом берегу р. Таруса было найдено еще несколько стоянок каменного века. Местонахождение **Аксиньино 2** находится на склоне первой (?) надпойменной террасы, на высоте 10–12 м над уровнем воды в реке (246–248 м над уровнем Балтийского моря), на грунтовой дороге и частично на распаханном поле. Находки образовали скопление, площадью приблизительно 100 × 50 м, вытянутое с северо-запада на юго-восток. Местонахождение **Аксиньино 3** располагается на высоте 19 м над уровнем воды в реке (255 м над уровнем Балтийского моря) на первой (?) надпойменной террасе на пашне. Местонахождение **Аксиньино 4** находится на пашне на высоте 271 м над уровнем моря и 35 м над уровнем воды в реке. Местонахождение **Аксиньино 5** находится на высоте 281 м над уровнем моря и 44 м над уровнем воды в реке. Местонахождение **Аксиньино 6** находится на второй надпойменной террасе на высоте 283 м над уровнем моря и 46 м над уровнем воды в реке на грунтовой дороге и частично на распаханном поле. Находки образовали скопление, площадью приблизительно 130 × 55 м, вытянутое с запада на восток. Местонахождение **Аксиньино 7** находится на второй надпойменной террасе на высоте 297 м над уровнем моря и 60 м над уровнем воды в реке.

Кремень в коллекции преимущественно низкокачественный серовато-черного цвета. Такое кремневое сырье в виде необработанных отдельностей кремня низкого качества встречается на поверхности грунтовой дороги или, реже, на распаханном слое. В коллекции встречаются единичные экземпляры осколков и отщепов серого и желто-серого цветов. На некоторых кремневых изделиях фиксируются следы пребывания в огне.

Находки этих стоянок немногочисленны. Некоторые из них представлены только одним отщепом (Аксиньино 3, Аксиньино 7) или только пластиной (Аксиньино 4). Орудий среди находок нет. На площади скопления местонахождения Аксиньино 2 собрано 17 предметов: 12 отщепов и осколков, 1 чешуйка и 1 целая пластина, а также 3 фрагмента гончарной керамики. На местонахождении Аксиньино 6 собрано 9 предметов: 5 отщепов и осколков, 2 технологических скола, 2 фрагмента гончарной керамики. На местонахождении Аксиньино 5 найден одноплощадочный нуклеус от пластин.

По характеру находок данные местонахождения можно отнести к каменному веку. Точнее определить время из-за малочисленности находок не представляется возможным.

В 1 км к северо-западу от северной окраины д. Лопатино Тарусского района Калужской области на правом берегу р. Таруса на распаханном поле на самой высокой точке обнаружены два местонахождения каменного века на расстоянии приблизительно 200 м друг от друга.

Лопатино 1. Местонахождение находится в 1 км к северо-западу от северной окраины д. Лопатино на высоте 53 м над уровнем воды в реке (290 м над уровнем Балтийского моря). Здесь на участке распаханного склона второй (?) надпойменной террасы найдены: 4 отщепов и осколков, 1 фрагмент пластины, 1 технологический скол и 1 концевой скребок на пластине. Находки свидетельствуют о том, что это местонахождение каменного века, эпохи мезолит.

Лопатино 2. Местонахождение находится в 1 км к северо-западу от северной окраины д. Лопатино на высоте 54 м над уровнем поймы (292 м над уровнем Балтийского моря). На пашне подъемным материалом собраны: 1 фрагмент пластины, 1 отщеп и 1 осколок. Находки свидетельствуют о том, что это местонахождение каменного века.

Лопатино 3. На грунтовой дороге от д. Лопатино к д. Аксиньино приблизительно в 1 км от д. Лопатино на высоте 51 м над уровнем воды в реке (290 м над уровнем моря) обнаружен обломок нуклеуса.

Кремень в коллекциях также, главным образом, черный, низкокачественный, местный. Единичные экземпляры осколков и отщепов имеют серый, желтый и коричневый цвет.

Таким образом, артефакты из выявленных местонахождений в окрестностях деревень Аксиньино и Лопатино, в основном, относятся к мезолиту, а в некоторых пунктах могут оказаться и более древними. Об этом

свидетельствует достаточно высокое топографическое расположение памятников. Результаты первичного обследования показывают, что территория бассейна р. Таруса является перспективной для дальнейшего изучения.

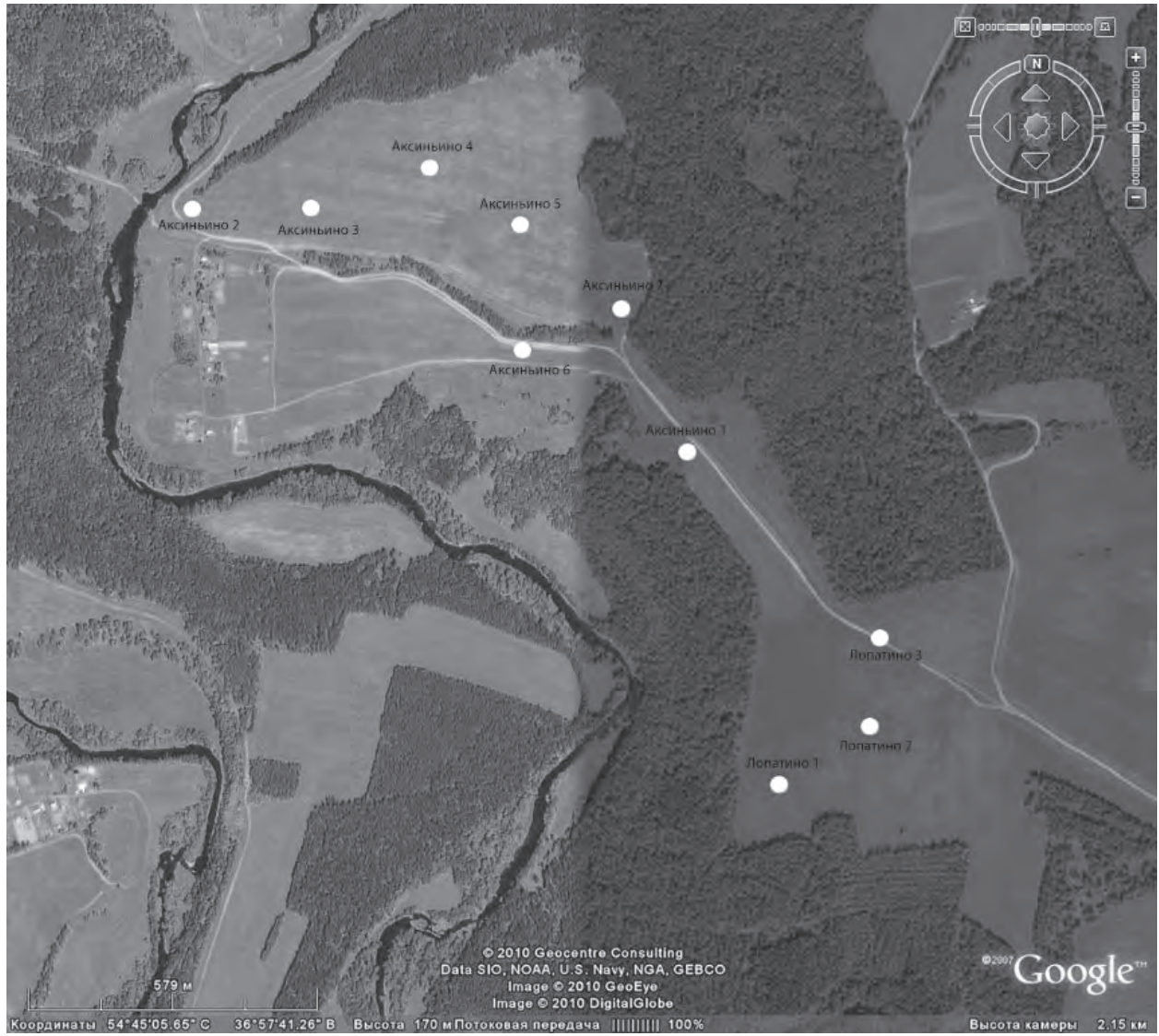
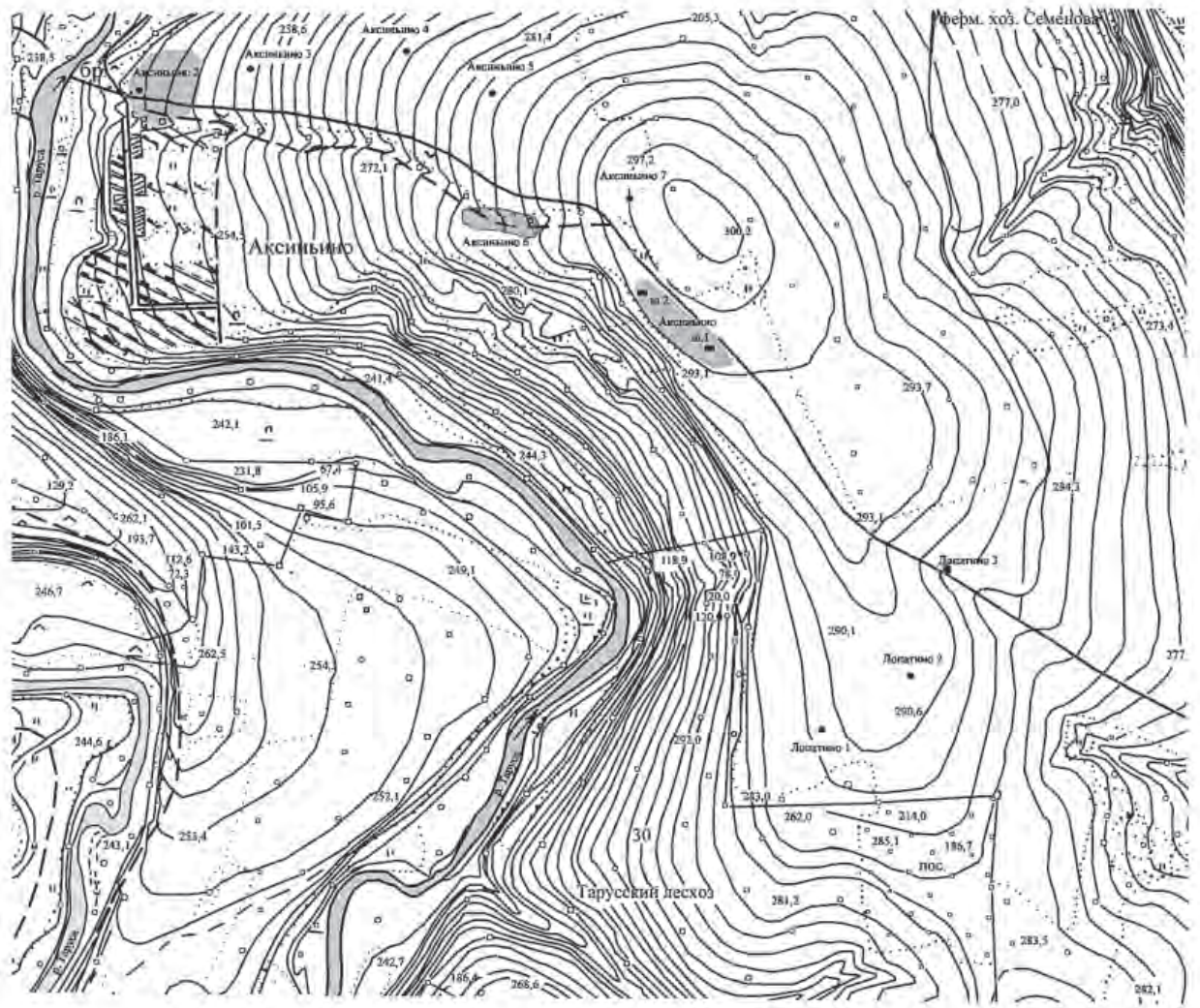

Рис. 1. Снимок из космоса района исследований памятников каменного века по р. Таруса

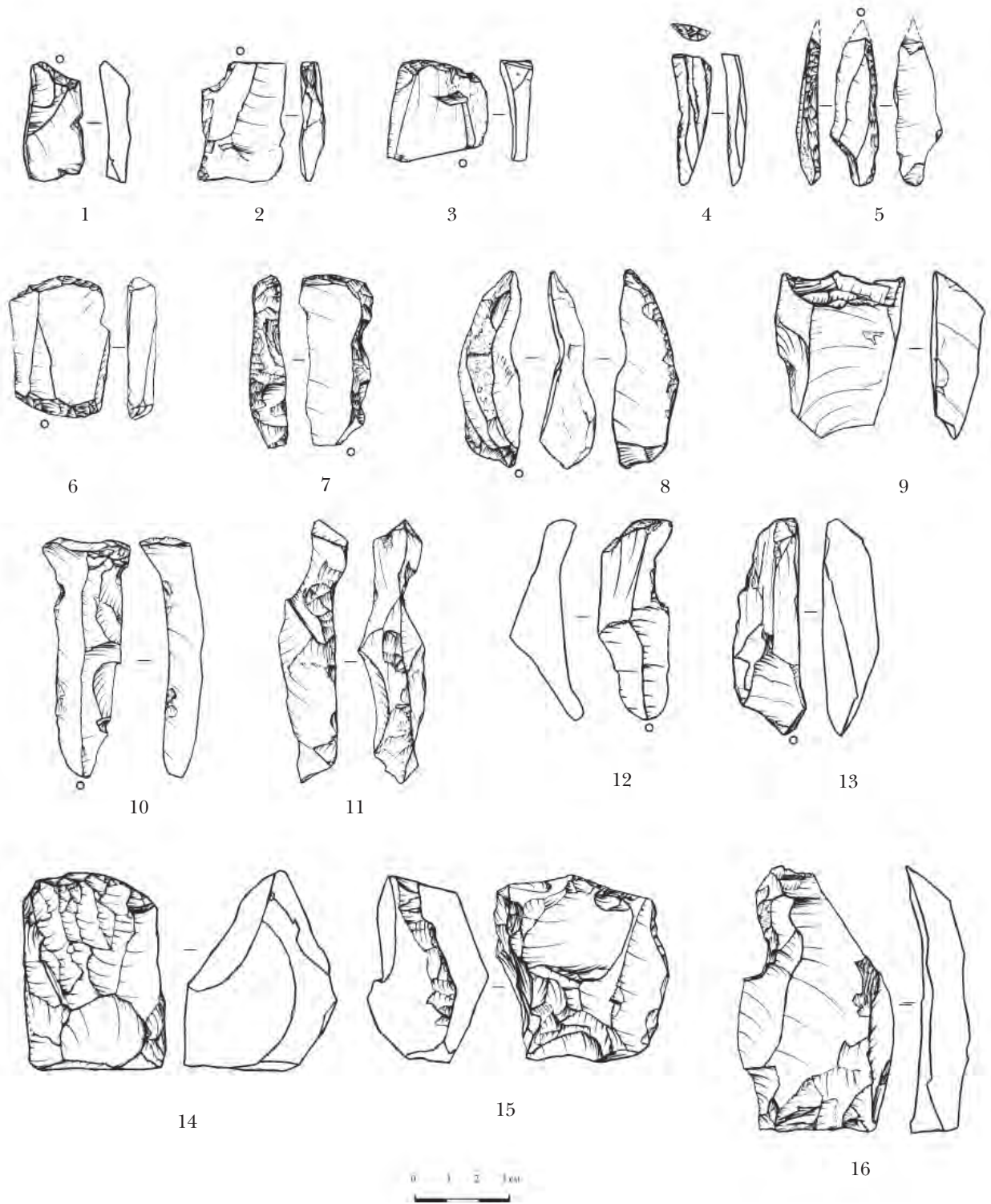

Рис. 3. Каменные орудия: 1 – Лопатино 1; 2–11, 15, 16 – Аксиньино 1; 12 – Аксиньино 2; 13 – Аксиньино 4; 14 – Аксиньино 5

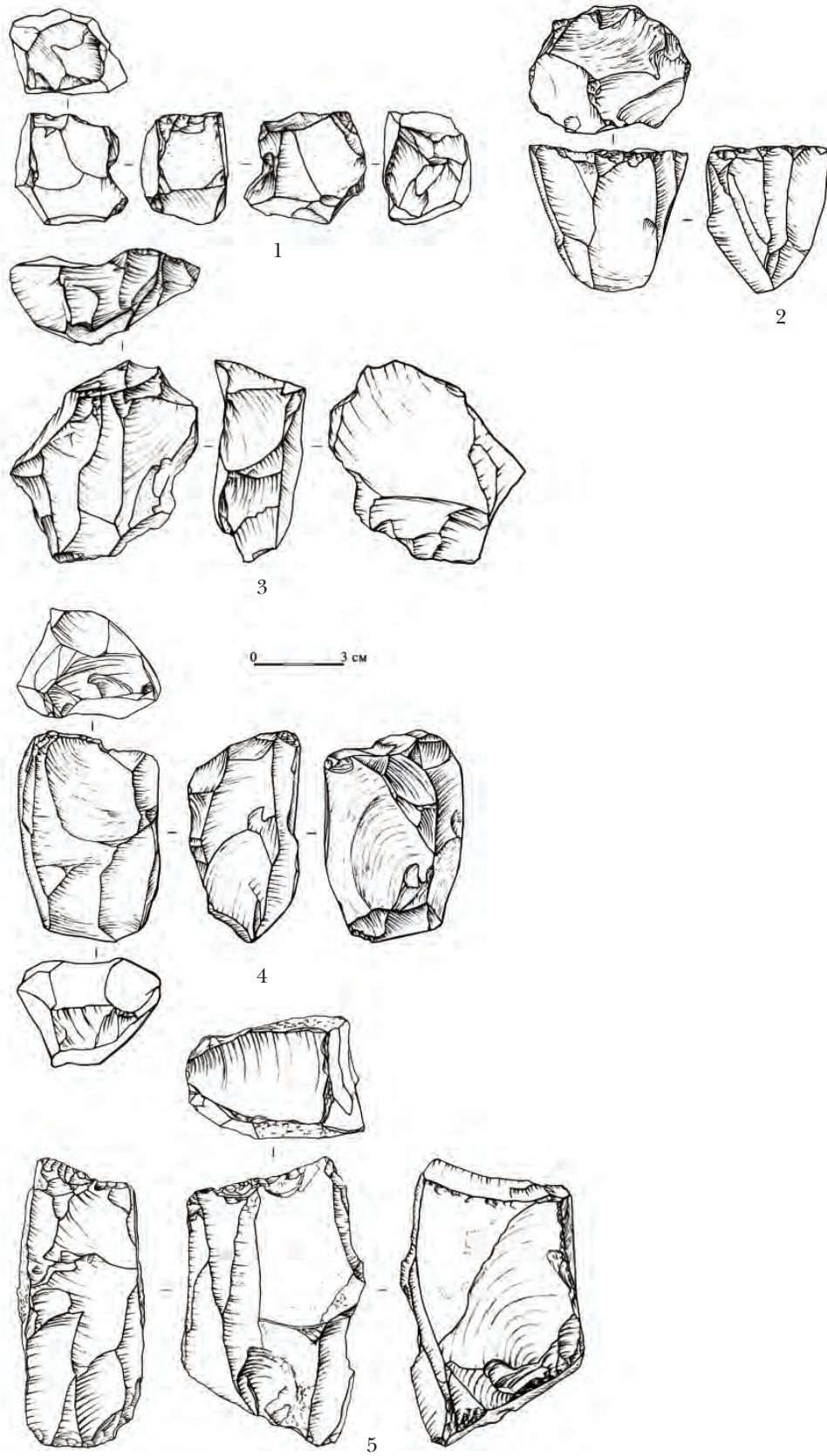

Рис. 4. Нуклеусы со стоянки Аксиньино I

Антропологические материалы из южно-уральских пещерных памятников с настенными изображениями: к постановке проблемы

*В.С. Житенёв**

В 2010 г. исполнилось 50 лет научному археологическому изучению Каповой пещеры (рис. 1, 2). В процессе работ экспедицией О.Н. Бадера в 1960–1978 гг. было открыто и зафиксировано более тридцати настенных изображений, но культурного слоя обнаружено не было. Верхнепалеолитический возраст красочных рисунков был обоснован наличием изображений мамонта и шерстистого носорога (Бадер, 1965).

В результате комплексных исследований Каповой пещеры в 1982–1991 гг., проводившихся под руководством В.Е. Щелинского, были получены важные сведения, в том числе о времени посещения пещеры верхнепалеолитическим человеком и природно-климатических условиях того периода. Данные результаты стали возможны благодаря открытию и всестороннему изучению культурного слоя в зале Знаков среднего уровня пещеры «в непосредственной близости от настенных рисунков» (Щелинский, 1996. С. 15). Чрезвычайно значимой находкой в культурном слое, помимо всего, стала отпавшая или сбитая со стены «глыба» известняка, «на которой сохранился фрагмент (длиной около 15 см) небольшого красочного изображения (возможно, мамонта), близкого некоторым изображениям на стенах пещеры» (Там же). Таким образом, место расположения культурного слоя, сходство цвета настенных рисунков с цветом минеральной краски («истертых кусочков» охры) и фрагмента изображения на «глыбе», позволили «прямо увязывать» обнаруженный верхнепалеолитический культурный слой «с живописью святилища и считать эти два явления в определенной мере синхронными и связанными между собой» (Там же).

В 2008 г. Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ под руководством авто-

ра приступила к работам в Каповой пещере. Основной целью исследований 2009 г. являлась комплексная оценка состояния археологического комплекса Каповой пещеры, изучение состояния красочных пигментов настенных изображений и разработка программы первоочередных действий по их сохранению.

Одной из основных задач полевых работ 2009 г. было проведение сплошного поиска культурных остатков на поверхности и в нишах залов пещеры (рис. 2). Наиболее заметными находками в Купольном зале стали обнаруженные (4 июля 2009 г. Б. Громадовой и Т.Е. Солдатовой, соответственно аспиранткой и студенткой 3 курса кафедры археологии исторического факультета МГУ) в двух разных местах антропологические останки — фрагмент свода черепа и череп, частично выступавшие над современной дневной поверхностью (рис. 3). Исходя из очередности работ, места обнаружения антропологических останков были, в рабочем порядке, обозначены как «пункт А» (кв. Г–8) и «пункт Б» (кв. Е–25). «Пункт А» расположен в так называемой «нише Купольного зала» — низком углублении в западной стене, длиной 8 м, глубиной около 3,5 м. В 0,45 м от южной границы ниши и зала был обнаружен предмет, напоминающий фрагмент черепа человека, выступавший над современной дневной поверхностью на 2 см. С целью выявить — действительно ли данный предмет является фрагментом черепа человека (и, в таком случае, в каком контексте находится) или же кальцитовым натеком, было решено поставить шурф. В самом начале очистки предмета от налипшей глины стало очевидно, что это фрагмент свода черепа человека (гл. +2/–4), находившийся в суглинке, однако внутреннее пространство, не заполненное рыхлыми отло-

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва.

жениями, было полым. До максимальной глубины залегания свода черепа никакого костного материала и культурных остатков рядом обнаружено не было, за исключением трех древесных углей, зафиксированных на глубине 2 см от современного уровня пола. Связь угольков с фрагментом свода черепа представляется сомнительной, поскольку обнаружены они практически на уровне современной поверхности пола, где древесные угли — остатки факелов туристов — нередко встречаются в разных местах.

После фиксации контекста расположения свода черепа на исследованном участке вся площадь квадрата была углублена на 10 см от современной дневной поверхности. При этом была выявлена неоднородность рыхлых отложений. Юго-западная часть квадрата была заполнена слоистым коричневато-серым суглинком, тогда как вся остальная исследованная площадь представляла собой слоистый коричневато-серый суглинок с большим содержанием фрагментов кальцитовых натёков. По всей видимости, подобная картина взаиморасположения литологических прослоек связана с профилем карниза ниши, в котором именно над юго-западным участком квадрата наблюдается локальное углубление контура кровли, в связи с чем зона конденсации влаги и условия образования кальцита на поверхности пола могли различаться на соседних участках. Наибольшая плотность кальцита, переходящего на остальных участках квадрата в плотную кальцитовую крошку, зафиксирована в южной части шурфа на глубине -10/-12 см. Следует отметить, что наличие разных участков плотности встречаемого кальцита не влияло на характер углистой и золистой прослоек.

На глубине -7 см была обнаружена углистая прослойка, мощностью до 3 см, в которой встречались фрагменты костей. Под углистой прослойкой была зафиксирована золистая прослойка, мощностью до 11 см (гл. -7/-18 см), где также обнаружены фрагменты костей. Следует отметить тот факт, что ряд костей частично покрыт кальцитовой корочкой разной толщины. Увеличение мощности прослойки наблюдается по направлению к выходу от ниши в зал. Скопление фрагментов костей и древесного угля зафиксировано в юго-восточном секторе (гл. -16/-18 см).

Одна из костей имеет следы антропогенного воздействия (гл. -15). О синхронности костного материала и древесных углей свидетельствуют фрагменты костей с приставшими

угольками; особенно ярко это видно на примере фрагмента длинной кости конечности (гл. -16), частично покрытой кальцитовой корочкой, под которой находится один из углей.

Никаких предметов в шурфе обнаружено не было. Крупный обломочный материал отсутствует; остатки или следы каких-либо искусственных конструкций и концентрации остеологического материала в исследованном слое не выявлены.

Работы были остановлены на глубине -20 см, после окончания изучения золистой прослойки, т.к. цели работ 2009 г. не предполагали масштабных земляных работ, а для продолжения исследований было необходимо увеличить исследуемую площадь.

После завершения летней части полевых исследований Южно-Уральской археологической экспедиции работы в Каповой пещере начал В.Г. Котов (Уфа). В шурфе на «пункте А» (квадраты Г-6-7), поставленном в так называемой «нише Купольного зала», был обнаружен целый череп человека без нижней челюсти со следами антропогенного воздействия (В.Г. Котов, личное сообщение).

«Пункт Б» (кв. Е-25) расположен в 3 м северо-восточнее входа в так называемый проход Горло — физической и микроклиматической границы между Сталактитовым и Купольным залами. Здесь во время разведочных работ по изучению современной дневной поверхности был обнаружен натёкообразный объект, выступавший на 6 см над современной дневной поверхностью. В процессе очистки от глинистых отложений был открыт зуб, а затем и полный череп человека без нижней челюсти (гл. -6/-41), лежавший на правой стороне. Дальнейшая очистка не проводилась, и в месте обнаружения черепа был поставлен шурф 1 × 1 м.

Верхний литологический горизонт, мощностью до 2 см, представляет собой современную дневную поверхность (с включением битого бутылочного стекла, окурков и т.п.), хорошо утоптанную проходившими здесь многочисленными экскурсантами.

Следующий литологический горизонт представляет собой коричневато-серый суглинок с включениями темно-коричневого и светло-коричневого суглинков, в которых высока примесь золы и древесных угольков, т.е. является, по существу, плотным золистым слоем. Следует особенно подчеркнуть, что, в связи с высокой влажностью в пещере и близостью микроклиматического барьера, исследовавшийся участок характеризуется чрезвычайно

высокой влажностью. С потолка постоянно капает вода, пол скользкий, в некоторых местах стоят лужицы. И это при том, что летом 2009 г. в пещере было необычно сухо (в сравнении с предыдущими годами), и в исследуемом месте не было привычной сезонной застойной лужи.

После начала расчистки второго литологического горизонта основные усилия были сосредоточены на расчистке черепа (гл. –26/–41). Череп (без нижней челюсти), частично покрытый кальцитовой коркой, лежал на правой стороне. Предварительное антропологическое исследование показало, что череп принадлежит молодой девушке. Возраст находки – предположительно, поздний голоцен. При расчистке черепа были зафиксированы отдельные угольки и мельчайшие фрагменты костей.

Непосредственно вблизи черепа обнаружено несколько костей и их фрагментов. На одной из костей (гл. –38) отмечены следы антропогенного воздействия, а также прижавшие древесные угольки. Поскольку во время расчистки древесные угли найдены прижавшимися и к черепу, то следует считать синхронными событиями попадание в данный литологический горизонт костных материалов и углей.

Весь квадрат на уровне –32/–38 второго литологического горизонта занимает плотный золистый слой с включением отдельных древесных угольков. В связи с незначительной глубиной залегания, высокой влажностью и периодическим затоплением данного участка плотный золистый слой претерпел существенные качественные физико-химические изменения внешней структуры. При расчистке складывается впечатление, что работа идет над плохо сохранившимся множеством сильно фрагментированных кальцинированных костей, залегающих в золистой прослойке. Однако наблюдаемая концентрация белесо-сероатой субстанции не является «костной брекчией», а представляет собой (местами покрытую тончайшими кальцитовыми каплями и микроскопическими натечками) особую пористую слабо сцементированную золистую массу. Необходимо отметить, что ее структура неоднородна даже на исследованной площади.

Никаких находок при работах обнаружено не было. Крупный обломочный материал на площади квадрата практически отсутствует; остатки или следы каких-либо искусственных конструкций и концентрации остеологическо-

го материала в исследованном слое не выявлены.

По завершении расчистки площади квадрата сложилось впечатление, что изученный золистый слой представляет собой натек золы от расположенного рядом кострища, пространственно и стратиграфически, вероятно, связанного с черепом и костным материалом. Поэтому после окончания изучения золистой прослойки работы были остановлены, т.к. цели исследований 2009 г. не предполагали масштабных земляных работ, а для продолжения исследований необходимо увеличить исследуемую площадь.

Таким образом, в результате полевых исследований 2009 г. были обнаружены антропологические останки, стратиграфически очевидно относящиеся к голоценовому времени.

Следует отметить, что в Каповой пещере, еще до начала собственно научных археологических исследований – в XVIII – начале XX в., были обнаружены и антропологические, и археологические материалы голоценовой эпохи – по всей видимости, от мезолита до Нового времени.

В научной литературе Капова пещера была впервые описана в 1760 г. членом-корреспондентом Российской Академии наук П.И. Рычковым (Рычков, 1760). 7 января 1760 г. им был изучен средний уровень (этаж) пещеры. В ходе осмотра был найден антропологический материал. На дальнем от входа участке Главной галереи П.И. Рычков со спутниками «поднимались так, как бы уже на крутую гору – с немалым трудом, ибо сия крутость состоит из многих разбитых немалых камней, кои от капли сверху сквозь свод стекловатый на себе гланец показывают. Между обеих стен ширина была семь сажень, где вышеозначенных окаменелых сосулек и шишек весьма много. От фундамента вверх стены, на правой стороне видны полати, или хоры, с скважинами в стену. Признается быть там еще побочным пещерам, а может статься по высоте сего места от первых пещер не найдется ль иногда и выходу на самую поверхность горы. При окончании сего места, на повороте в левую сторону видно, что от долговременной капли сквозь свод сделан немалый камень наподобие стула, над которым в своде висит другой ему ж подобный, и чрез него каплями из свода текущая вода упадет на тот нижней камень, кой тем, как можно видеть, от времени до времени увеличится» (Рычков, 1760. С. 205–206). В последнем предложении совершенно явно описывается

Сталактитовый зал, в котором и сегодня находятся отмеченные выше сталактит и сталагмит. Далее П.И. Рычков сообщает: «От одного стула пещера склоняется несколько в левую сторону, и виден тут так как бы простенок (может быть для подкрепления сводов) длиною шести сажен с половиною, а в ширину на три и на пять сажен. Здесь грунт найден весьма плоский и ровный, из влажной мягкой глины, видом красноватой же. От капли сквозь свод были разные луночки, в коих стояла самая свежая и вкусом приятная вода. В тех луночках лежало по несколько круглых и продолговатых камешков разных цветов, а больше красноватых. Может статься, что она глиняная чрез долгое время, способом из сводов капающей воды, по немногу в те камешки претворяется. Здесь же по глине примечается, что временем ручей и течение воды бывает; может быть, что то делается весною и летом в самые дождливые погоды, когда сквозь свод воде бывает большее течение. По окончании одного простенка, находится кругловатая пещера наподобие пространного купола, где найдена сухая человеческая голова (выделено мною. — В.Ж.), тут же оказалось несколько летучих мышей, кои сидели на стенах, но большее число как бы прицепившись висели. Они так были смиренны, что люди, бывшие со мною в пещере, без труда могли их снимать; однако некоторые отлетали вдаль и в верх свода. Оной простенок и стены купола облиты все каменным соком, и затвердели с глянцем бело-желтоватого виду, а в некоторых местах из свода капель, и от нее каменные трубочки, сосульки, шишки и дощечки, как выше означено» (Рычков, 1760. С. 206–207).

Совершенно очевидно, что «сухая человеческая голова» была обнаружена в Купольном зале Каповой пещеры.

Ниже П.И. Рычков описывает ясно узнаваемый переход в зал Знаков и, далее, в зал Хаоса: «От того крутого места паки вправо, чрез девять сажен найден особый свод, или вертеп, коего ширина была около десяти сажен. При конце сего места на середине лежит превеликий камень, между которого к правой стене узким местом должно проходить, ибо в левой стороне навалено множество немалой же величины камней, по которым иттить неудобно. Свод сего места в вышину сажен на восемь. Капелей, висячих трубок и прочих окаменелых вещей разных фигур и

цветов, також и летучих мышей, усмотрено здесь много.

Отсюда вправо, поднимаясь все в гору, шли шестнадцать сажен. Ширина сего места сажен на десять, где в конце еще найдена камера с большим и высоким сводом. Оный свод и стены облились все соком каменным и закрепились; под, или грунт — из мягкой глины, плоский и ровный.

Далее чрез десять сажен шли с трудностью по большим камням, где найден еще круглой вертеп, или пещера, коей ширина двенадцать сажен. Свод столь высокий, что по примеру казалось сажен двенадцать» (Рычков, 1760. С. 207–208).

Следующая находка антропологического материала в Каповой пещере состоялась чрез 136 лет после визита П.И. Рычкова. 3 марта 1896 г. Ф. Симон (Лесничий Оренбургского Лесничества, ученый лесовод I разряда), его помощник И. Заневский (ученый лесовод) и Д. Соколов (земледелец, «окончивший курс Московского Университета») посетили Капову пещеру с целью ее осмотра и измерения (Соколов и др., 1897. С. 75). Место расположения находки (рис. 4) описано следующим образом: «Среди третьяго зала, из которого входят во второй этаж, с потолка висит описанный Рычковым большой сталактит, под сталактитом высится сталагмит, названный Рычковым стулом; у сталагмита высота пола над полом у входа 35,8 фута. Зимой в этом зале торчит масса ледяных колонок и глыбок.

В этом же зале Рычков нашел, как он выражается, «сухую человеческую голову»¹. — Приблизительно там же — точно понять место из описания Рычкова трудно — один из провожатых, казенный лесник Федор Гусев, нашел в нише, в углу ее и пола остаток человеческого черепа, лежавшего затылком вверх, а темнем упиравшегося в наплывшую из потолка известь. Кости стали тонки, черны и пропитаны известью. Оне переданы в Оренбургский Отдел ИМПЕРАТОРСКОГО Географического Общества.

Соображаясь с тем, что череп оставил после себя углубление и оттиск в извести до глубины 1,5 вершка (~ 6,7 см. — В.Ж.), следует заключить, что пол пещеры приподнялся.

Место нахождения черепа обозначено на чертеже буквами Ch» (Соколов и др., 1897. С. 77).

¹ Это, безусловно, ошибочное указание на место обнаружения П.И. Рычковым и его спутниками «сухой человеческой головы».

Исходя из вышеизложенного, со всей очевидностью можно утверждать, что к началу XX в. в Каповой пещере было найдено 2 человеческих черепа — в Сталактитовом и Купольном залах.

Ошибочное предположение о том, что Д. Соколов со спутниками обнаружил тот же череп, что и П.И. Рычков, высказал Г.В. Вахрушев: «Против первого отверстия, ведущего на второй этаж пещеры, эти исследователи нашли человеческий череп, пропитанный известью. Он врос в туф на 6,7 см. Может быть, это остатки той самой “сухой человеческой головы”, которую видел здесь И.И. Лепехин 127 лет тому назад? (здесь явная описка. — В.Ж.)» (Вахрушев, 1960. С. 10). Данное предположение Г.В. Вахрушева впоследствии уже как утверждение стало кочевать по многим публикациям о Каповой пещере.

Летом 2009 г. первым идею о том, что в пещере к концу XIX в. было найдено 2 человеческих черепа, а не один, как принято считать, высказал А.К. Солодейников (руководитель рабочей группы «Аркус»), проводивший в составе Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ работы по фото-каталогизации настенных изображений Каповой пещеры.

Таким образом, с 1760 г. и к окончанию полевого сезона 2009 г. в Каповой пещере всего обнаружено 4 черепа человека и один фрагмент свода черепа. Топографически все антропологические останки найдены в двух залах — Сталактитовом и Купольном, а месторасположение черепов (за исключением «сухой человеческой головы», о которой П.И. Рычков ничего подробно не сообщает) связано с естественными нишами стен. Вопрос о причинах подобного явления еще предстоит прояснить: либо черепа были преднамеренно помещены в пространство ниш, либо это явилось следствием естественных обстоятельств, связанных с постдепозиционными условиями пребывания антропологических останков на поверхности данных залов пещеры. Показательно, что все найденные черепа частично возвышались над поверхностью пола пещеры.

Кроме антропологических материалов, в Каповой пещере в конце XIX — первой половине XX в. были обнаружены и культурные остатки голоценового времени (Вахрушев, 1960. С. 19; Матюшин, 1976. С. 194).

Исходя из всего вышеизложенного, следует признать, что кроме пласта культурных остатков позднеплейстоценового возраста,

составной частью археологического комплекса Каповой пещеры являются и материалы голоценового времени.

Необходимо отметить и значительную роль Каповой пещеры в башкирском фольклоре (напр.: Котов, 1997). Тем более, что «широкое распространение в башкирских сказках мотива принесения в жертву девушек хозяину озера (Котов, 1997, 2000), а также отголоски этих обрядов в башкирской этнографии (Султангареева, 2000) говорит в пользу того, что это отголоски каких-то реальных обрядов, существовавших в глубокой древности в связи с почитанием озера Шульган, прежде всего» (Котов, 2008. С. 220). В результате полевых работ 2009 г. данный тезис (в том числе и поло-возрастная принадлежность жертв) был подтвержден. Однако до тех пор, пока не будут получены данные радиоуглеродного датирования, следует максимально осторожно проводить параллели между археологическим и фольклорным материалами.

Кроме Каповой пещеры, и в других пещерах западного склона Южного Урала известны антропологические находки.

В 1770 г. известный естествоиспытатель, географ и путешественник П.С. Паллас при посещении пещеры в «горе Ямазеташ» — Игнатиевской пещеры — обнаружил ряд антропологических материалов (рис. 1, 5). Первый пункт расположен в т.н. Правом гроте — северо-восточном ответвлении на границе Входного грота и Входного коридора, откуда начинается Боковой коридор, ведущий в Большой зал (рис. 5). «Сажени за полпяты от стены имеется в правую сторону к Ю.З. (по всей видимости, описка. — В.Ж.) проулок саженой двух ширины, но с начала так низок, что ползти в его надобно. Но три сажени от главного ходу он расширяется в пространную палату, коея большей поперечник от С.З. к Ю.В. более пяти сажен, ширины от 3 до 4 ½ сажен, а вышины более сажени. К С.З. продолжается сия палата умяляющимся углом, который обращаясь к западу делает кривизну к низу и кончится глубокою яминою, пред которою лежит большой кабан (т.е. глыба — см. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. — В.Ж.), и где мы нашли не только различных зверей кости, но и человеческие, в том числе маленькой головной череп» (Паллас, 1786. С. 53).

Следующий пункт, где, по данным П.С. Палласа, были обнаружены антропологические материалы, находится в Южном коридоре (откуда отходят лазы в Дальний зал).

«И угол сего зала продолжается далее на лево к Югу ведущим ходом, который с начала три, после две сажени, а наконец становится только несколько аршин шириною; за девять сажен с половиною кончится оный ямою и в глубь идущим скатом, где мы также опять нашли детские и звериные кости» (Паллас, 1786. С. 56).

В 1913 г. археологические исследования в Игнatieвской пещере (рис. 6) проводил известный отечественный ученый С.И. Руденко, который также обнаружил антропологические материалы (Руденко, 1914). «В начале главного коридора встречаются барсучьи норы, а в них кости различных животных. Кроме того, много костей встречается в конце грота и в начале пещеры, а, главным образом, в боковых ответвлениях, часть которых мы и собрали... Кроме того, в глубине грота и в начале пещеры (у п. 4–8) (на границе Низкого перехода и начала Основного коридора. — В.Ж.), а также у восточного ответвления, отходящего от п. 2-го (Правый грот. — В.Ж.), мною были найдены обломки черепа, нижняя челюсть, крестец и некоторые другие человеческие кости, принадлежащая взрослым субъектам (двум индивидам) и подростку (лет 10–11)» (Руденко, 1914. С. 13). Среди материалов из раскопок С.И. Руденко во Входном гроте антропологических останков зафиксировано не было.

В 1951 г. разведочные работы во Входном гроте Игнatieвской пещеры провела М.А. Бадер на площади трех шурфов (по 1 м² каждый) (Бадер, 1980). В 1960–1961 гг. во Входном гроте Игнatieвской пещеры возобновились исследования под руководством О.Н. Бадера (Бадер, 1980). В раскопе у северной стены Входного грота были найдены антропологические останки: «фрагмент человеческого черепа (затылочная кость с прилегающими частями теменных), а в другое время еще и обломки локтевой кости человека, лучевой кости, еще один обломок локтевой и фаланга. Кости человека залегали на глубине от 0,30 см до 0,80 см. По мнению Э.А. Вангенгейм они явно голоценовые (две кости найдены на глубине не выше 30 см), но более глубокие находки могут указывать на более ранний, плейстоценовый возраст. Г.Ф. Дебец, ознакомившийся с остатками черепа в 1962 г., определил его принадлежность к виду *Homo sapiens* и, отметив его массивность и ярко выраженный рельеф, считал, что эти черты свойственны в большей мере верхнепалеолитическим, чем более поздним черепам. Вопрос о возрасте черепа остается открытым» (Бадер, 1980. С. 69).

В 1980 г. археологической экспедицией под руководством В.Т. Петрина в Игнatieвской пещере была зафиксирована настенная живопись, а сами работы продолжались с 1980 по 1986 г. (Петрин, 1992). В результате археологических работ на площади пяти раскопов обнаружены культурные остатки, относящиеся к разным эпохам.

Антропологические останки были найдены в Низком переходе во время работ по сборам археологического материала с поверхности пола пещеры, на предвходовом склоне и у его основания. В.Т. Петрин уточняет, что «в связи с посещением пещеры антропологом академиком В.П. Алексеевым, археологами доктором исторических наук П.И. Борисковским и кандидатом исторических наук Н.Д. Прасловым в центре внимания оказался череп человека, найденный в Низком переходе в 1982 г. ... Поэтому (в 1983 г. — В.Ж.) был заложен раскоп IV на месте, где лежал череп» (Петрин, 1992. С. 85). Череп ребенка 6–7 лет, обнаруженный на месте I горизонта IV раскопа (Низкий переход), «лежал на боку, теменная и лицевая части очень разрушены, зубы сохранились лишь частично, нижняя челюсть отсутствует» (Петрин, 1992. С. 97). Следует отметить, что «внутри черепа в заполнившей его почве находились также два фрагмента диафизов длинных костей, не поддающихся определению. Один из них имеет рубленый след. Фрагменты могли принадлежать взрослому человеку» (Чикишева, 1992. С. 197). Кроме того, на том же квадрате (Б/1), где был найден череп, в I горизонте зафиксированы и другие антропологические останки, в том числе «фрагмент верхней челюсти взрослого человека», «причем на месте корня правого скулового отростка имеется рубленый след. Создается впечатление, что фрагмент верхней челюсти был вырублен из черепа» (Чикишева, 1992. С. 198).

В Низком переходе было обнаружено 163 фрагмента керамики (Шорин, 1992). Подавляющее большинство керамики из Низкого перехода относится к межовской культуре бронзового века. В целом, «керамический комплекс Игнatieвской пещеры включает в себя керамику пяти типов: чераскульско-межовского, гафурийского, кушнаренковского, сылвинского и русского» (Шорин, 1992. С. 198). Развал русской керамики обнаружен в Дальнем зале, где, по свидетельству С.И. Руденко, находились «развалины избушки. Говорят, что здесь жили келейники или, как их называют на Урале, “труженики”, — люди, бежавшие от пре-

следования местных властей» (Руденко, 1914. С. 12).

Обобщая известные данные по находкам антропологических материалов в Игнatieвской пещере, В.Т. Петрин пишет: «Кости человека были сосредоточены в Низком переходе и на примыкающих к нему участках Входного грота и Основного коридора. Кстати, в этой же зоне в 1968 г. юные спелеологи г. Свердловска нашли почти полный скелет человека»² (Петрин, 1992. С. 104). В.Т. Петрин отмечает, «что касается антропологических остатков, то интересна прежде всего топография находок. Она почти такая же, как во Второй Серпиевской пещере (Петрин, Чаиркин, Широков, 1990). Можно предположить, что это связано с каким-то ритуалом, видимо, относящимся ко времени раннего железного века» (Петрин, 1992. С. 157). Тогда как «археологические остатки (не палеолитического времени. — В.Ж.) также, скорее всего, связаны с функционированием святилища во входном отделе пещеры, примерно на протяжении 60 м от входа, т.е. в освещенной части пещеры. Эти материалы относятся к началу бронзового века — концу средневековья» (Там же).

Таким образом, антропологические останки, явно голоценового возраста, в большинстве своем сосредоточены во входных отделах Игнatieвской пещеры. За одним исключением — «детские кости», о которых сообщает П.С. Паллас, были найдены в Южном коридоре Большого зала. В некоторых случаях возможно, что рыхлые отложения входных отделов пещеры в большей степени подверглись биогенным нарушениям, в результате чего на поверхности оказывалось большее количество антропологических останков. Кроме того, степень изученности входных отделов по масштабам проведенных работ значительнее, нежели внутренних частей пещеры. Тем не менее, на сегодняшний день очевидно, что большинство антропологических останков обнаружено именно во входных отделах Игнatieвской пещеры, как и во Второй Серпиевской.

Антропологические останки, найденные во Второй Серпиевской пещере, по определению Т.А. Чикишевой, принадлежат двум ин-

дивидуумам — женщине (18–20 лет) и мужчине (25–35 лет), «все фрагменты посткраниального скелета» которого «отрублены» (Петрин, Чаиркин, Широков, 1990. С. 19). По свидетельству авторов исследования, «почти весь антропологический материал собран у входа в пещеру. Лишь фрагмент отдела черепа найден несколько дальше входной части. По заключению Чикишевой Т.А., он, вероятно, принадлежал женской особи» (Там же).

Следует отметить, что в районе расположения Игнatieвской и Второй Серпиевской пещер находится еще несколько пещерных археологических памятников, в которых обнаружены антропологические останки (рис. 1). В первую очередь, это грот у Каменного Кольца на р. Сим, а также Усть-Катавская II пещера, Бурановская пещера, Идрисовская пещера и навес Старичный гребень на р. Юрюзань (Бадер, 1973; Бибиков, 1950; Широков, 2004). Антропологические материалы зафиксированы и в гроте Кульметовский, р. Ай (Широков, 2004. С. 307).

В пещере Усть-Катавская II, по определению Е.В. Жирова, обнаруженные останки «относятся, по меньшей мере, к двум субъектам, пол которых установить нельзя. Один костяк, плохо сохранившийся, но довольно полный, принадлежит ребенку 5–7 лет, прочие же костные остатки слишком незначительны и по ним можно составить только приблизительное представление о возрасте субъекта, умершего 30–60 лет от роду» (Бибиков, 1950. С. 113). Кости взрослого индивидуума — фаланги кистей, стоп и фрагменты плюсневых костей — находились в разрозненном состоянии «почти под самой поверхностью напластований на I–II штыке» (Бибиков, 1950. С. 114). Тогда как останки ребенка — обломки позвонков, костей предплечья, ребро, нижняя челюсть и череп — «носят отчетливые следы окраски красной охрой и сильно обожжены. В положении костей нельзя установить анатомического порядка и можно отметить лишь, что помещались они в могильном углублении, прослеженном на глубину 15–20 см, уходящем в желтый суглинок (третий слой). Это не была могильная яма в обычном понимании, а округ-

² Возможно, последний имеет отношение к следующему сообщению С.И. Руденко: «При входе в этот канал (Боковой ход со стороны Большого зала; который на плане С.И. Руденко показан слепым — без выхода в Правый грот. — В.Ж.) сначала приходится довольно круто спускаться вниз, а после п. 12 самого низкого и тесного настолько, что едва можно проползти на животе, он немного повышается и в конце можно уже довольно свободно идти. Этот ход заканчивается небольшой прямоугольной кельей, метра 2 ½ высоты, в которой похоронен отшельник Игнатий, по имени которого и была названа гора и пещера в ней» (Руденко, 1914. С. 11).

лое углубление, куда, видимо, были положены кости, и которое затем было завалено камнями. Над камнями же разложены костры, в силу чего суглинистая присыпка на камнях и сами камни сильно обожжены» (Бибиков, 1950. С. 114). В пределах распространения останков ребенка найдено большое количество украшений, лишь слегка подвергшихся воздействию огня.

В 10 км северо-западнее Усть-Катавской II пещеры расположена пещера Бурановская. У входа, на правой стене пещеры зафиксированы изображения³, выполненные красной охрой (Бибиков, 1950. С. 100, 102–103). Рядом с писаницей, в I слое (I горизонте) обнаружены «в разрозненном состоянии кости человека, принадлежавшие, по крайней мере, трем субъектам — двум взрослым и ребенку — и далеко не составляющие полного набора. О погребении можно говорить только для одной группы костей, положение которых было приурочено к верхнему горизонту 2-го слоя. Таким образом, погребение находилось ниже уровня горизонта с наибольшим количеством находок и входит в горизонт, где находки не встречаются. Следов могильной ямы не установлено и трудно предполагать ее наличие в прошлом. Резкий цветовой контраст между 1-м и 2-м слоями, безусловно, сохранил бы контуры могильной ямы, если бы таковая была на самом деле. Костяк был захоронен между обломками камней и, вероятно, лишь слегка присыпан светлой землей» (Бибиков, 1950. С. 98–99). Череп «находился в специально вырытой ямке, плотно засыпанной красной краской (охрой). Ямка, глубиной до 7 см, имеет округлую форму» (Бибиков, 1950. С. 99). Необходимо отметить следующую деталь: «Примерно у грудной части костяка в слое найдено три удлиненных крупных голыша, вбитых рядом, узкими концами в землю» (Бибиков, 1950. С. 99). Погребальный инвентарь состоит из 35 подвесок, изготовленных из зеленоватого офита (змеевика).

С.Н. Бибиков полагает, что «косвенным указанием на принадлежность изображений к

погребению может служить и охра. Сличение цвета охры из ямки у черепа погребенного с цветом изображения не оставляет сомнений в полной цветовой адекватности. Между тем никаких признаков охры в культурном слое над погребением не обнаружено, несмотря на тщательные наблюдения именно под этим углом зрения» (Бибиков, 1950. С. 105). Однако в ходе новых работ в Бурановской пещере в культурном слое было зафиксировано несколько известняковых галек (преимущественно, красного и розового цветов); фрагмент некоторых из которых имеет следы сильного термического воздействия⁴, а цвет идентичен охре из погребения и пигменту писаницы (Житенёв, 2004, 2009). В результате комплексного естественно-научного исследования образцов красителей из Бурановской пещеры (кусочков охры, пережженной гальки, порошка охры из ямки с черепом погребенного) и Бурановской I писаницы было убедительно доказано их сходство. Следует особо отметить исчезающе малую долю окислов или гидроокислов железа в минеральном составе данных пигментов. По всей видимости, основа охристого пигмента из культурного слоя, погребения и писаницы у входа в пещеру была приготовлена одним и тем же способом — из измельченной пережженной гальки, аналогичной обнаруженной в культурном слое; а для получения собственно краски был введен разбавитель — полевой шпат. Кроме того, использование галек для приготовления красочного пигмента позволяет с новой стороны рассмотреть вопрос о значении вбитых у грудной части костяка из Бурановской пещеры трех удлиненных крупных «голышей».

Следует отметить сходство рецептуры изготовления (например, использование полевого шпата как неорганической примеси — наполнителя) некоторых красящих пигментов в Игнatieвской и Бурановской пещерах. Аналогичность рецептуры, с одной стороны, позволяет вновь поставить вопрос о времени создания изображений в Игнatieвской пеще-

³ В 1938–1939 гг., когда проводились исследования памятника, С.Н. Бибиков отмечал, что «сохранность рисунков хорошая. Лишь небольшие выбоинки и отслоившиеся поверхностные частицы известняка несколько нарушают целостность изображения» (Бибиков, 1950. С. 103). На сегодняшний день естественные факторы в сочетании с постоянно увеличивающимся потоком туристов привели к практически полному исчезновению рисунков.

⁴ В шурфе непосредственно около Бурановской II писаницы (расположенной в 150–170 м вверх по течению р. Юрюзань от Бурановской пещеры) «обнаружен развал сосуда из 53 фрагментов гаринского типа, датированного энеолитом. Вместе с развалом сосуда зафиксировано скопление галек длиной от 2 до 9 см. Многие из них расколоты, вероятно, вследствие нагрева: их поверхность обожжена» (Широков, 2004. С. 309). Кроме фрагментов энеолитических сосудов, найдены фрагменты керамики, датированной поздним неолитом, эпохой бронзы и раннего железного века.

ре, особенно учитывая результаты прямого датирования изображения «Черного мамонта», выполненного древесным углем (Steelman et al., 2002); с другой стороны, демонстрирует один из вариантов выявления и выстраивания относительной хронологии изобразительных ансамблей как внутри пещеры, так и в региональном контексте (Clottes, 1997; Nameau et al., 2001).

Кроме вышеперечисленных примеров, известен еще ряд памятников, где были сделаны находки антропологических останков. У навеса Старичный гребень обнаружено «погребение человека, аналогичное бурановскому. Так же, как и в Бурановской пещере, труп был погребен без могильной ямы и лишь присыпан землей. Подобный тип захоронения, конечно, не обеспечил должной сохранности костяка, который дошел до нас в неполном виде, будучи, вероятно, растащен хищниками после погребения и потревожен грызунами... Череп отсутствует; нижняя челюсть находилась ближе к нижнему эпифизу правой плечевой кости и обращена венечными отростками кверху. Из шейных позвонков сохранились атлант, эпистрофей и третий шейный... У правой кисти руки выделяется яркое пятно красной охры» (Бибиков, 1950. С. 109–110). По определению Е.В. Жирова, скелет принадлежит женщине «в возрасте 40–60 лет, по своим расовым признакам стоящий близко к костяку из Бурановской пещеры. Особенно близкую, если не сказать полную, аналогию проявляет могильный инвентарь», который представлен 15 подвесками из офита, «повторяющими бурановские и по форме и по технике обработки. Единственное отличие их в том, что они несколько мельче бурановских...» (Бибиков, 1950. С. 110). С.Н. Бибиков отмечает «почти полную аналогию в обряде захоронения и в сопровождающем их инвентаре. Погребения из Старичного Гребня и Бурановской пещеры совершены без могильных ям. Положения костяков одинаковые, — на спине, с вытянутыми руками, в обоих случаях констатировано наличие охры. И, наконец, украшения, сопровождающие погребения, и даже размещение их в нижних отделах костяков и вокруг тазовых костей целиком совпадают» (Бибиков, 1950. С. 111). Писаница на Старичном Гребне открыта В.Т. Петриным и В.Н. Широковым в 1982 г. (Широков, 2004. С. 310)

В Идрисовской пещере обнаружены слои верхнепалеолитического времени, энеолита и раннего железного века. Антропологические

останки связаны с энеолитическим горизонтом, где зафиксированы «остатки объекта возле скальной стенки в виде темно-серого пятна с насыщенным углем заполнением. В заполнении отмечена кость ребенка, а несколько выше его уровня — два фрагмента черепа человека» (Широков, 2004. С. 311). Идрисовская I писаница найдена в 1930-х г. М.И. Касьяновым, Идрисовская II писаница обнаружена в 1976 г. экспедицией В.Т. Петрина (Коишевский, 1948; Петрин, 1984; Широков, 2004. С. 310).

В Кульметовском гроте «обнаружен небольшой комплекс вещей от энеолита до раннего железного века... В отложениях грота обнаружено разрушенное погребение ребенка энеолитического времени с подсышкой из охры. В этом же горизонте встречены фаланга и метаподия взрослого человека, в других горизонтах — также фаланга и фрагмент черепа, принадлежавшие, вероятно одной особи» (Широков, 2004. С. 307). Погребение ребенка представляет собой «скопление охры, трех фрагментов черепа, четырех ребер и лопатки новорожденного», рядом с которыми найдена костяная каплевидная подвеска (Широков, 1990. С. 67). Кроме того, «в небольшом зале за осыпью отложений грота обнаружено погребение взрослого человека, судя по стратиграфии, энеолитического или доэнеолитического времени. У входа в зал лежала глыба с тремя красными параллельными линиями шириной до 5 см» (Там же). Писаница у грота обнаружена в 1978 г. экспедицией В.Т. Петрина.

За пределами рассматриваемого региона, антропологические останки найдены около Аллакской писаницы на озере Большие Аллаки (Чернецов, 1971. С. 47). На Среднем Урале антропологические материалы в непосредственной близости от наскальных изображений зафиксированы у Старичной писаницы, р. Нейва (Широков, 2004. С. 299).

Таким образом, на сегодняшний день складывается следующая картина. В подавляющем большинстве пещер на Южном Урале, где зафиксированы настенные изображения, и в пещерах, рядом с которыми расположены наскальные рисунки, обнаружены и антропологические останки. В связи с активной разрушительной деятельностью грызунов и норных животных культурные остатки и антропологические материалы часто не находятся *in situ*, поэтому определить время устройства захоронений или совершения действий, в результате которых человеческие останки (часто со следами преднамеренного антропогенного

воздействия, например, рубки) располагаются практически на современной поверхности пола пещер, без проведения прямого радиоуглеродного датирования в большинстве случаев невозможно. В связи с тем, что антропологические останки в сходных контекстах (отсутствие могильных ям, намеренное нарушение анатомических связей...) обнаружены и в пещерах, где настенные изображения принято датировать позднеплейстоценовым временем, и на памятниках, где изображения выполнены явно в голоценовую эпоху, становится очевидной необходимость проведения новых исследований по датированию изображений/антропологических материалов и выявления возможных направлений развития культурной преемственности в использовании пещер на западном склоне Южного Урала на протяжении весьма продолжительного времени: от эпохи верхнего палеолита до этнографической современности.

В.Т. Петрин отмечал, что «разрыв во времени между писаницами и палеолитической живописью как будто существует, но это допущение основано на том, что слишком мало пока данных для положительного решения вопроса о взаимосвязи палеолитических рисунков из пещер с наскальными изображениями.

Небезынтересно, что В.Н. Чернецов приводит позитивные данные в пользу возможного генетического единства пещерных росписей и рисунков на скалах: «не случайно расположение писаниц главным образом на тех скалах, где в непосредственной близости находятся пещеры, навесы и ниши (Чернецов, 1971. С. 111)» (Петрин, 1984. С. 103). Возможно, полагает, В.Т. Петрин, «существование очень древних изображений на открытых скалах Урала... необходима трудоемкая работа по расчистке поверхности скал от лишайников, кальцитовых натечков. Только в этом случае можно попытаться найти «связующее звено» между палеолитическими и более поздними рисунками Урала» (Петрин, 1984. С. 103). Однако, исходя из имеющегося сегодня массива данных по пещерным и наскальным изображениям Южного Урала, а также принимая во внимание археологический контекст рассматриваемых памятников, взаимосвязь и преемственность позднеплейстоценового и голоценового монументального искусства будет, быстрее всего, надежно зафиксирована (с использованием аналитических естественно-научных методов) на материалах археологических ансамблей Каповой и Игнatieвской пещер.

Литература

- Бадер О.Н.*, 1965. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М. 34 с.
- Бадер О.Н.*, 1973. Отчет об археологических исследованиях северной палеолитической экспедиции Института археологии Академии наук СССР в 1973 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9591.
- Бадер О.Н.*, 1980. Следы палеолита в пещере Ямазы-Таш (Игнatieвской) на Южном Урале // Первобытная археология – поиски, находки. Киев.
- Бибиков С.Н.*, 1950. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. XIII. С. 95–138.
- Вахрушев Г.В.*, 1960. Загадки Каповой пещеры. Уфа. 30 с.
- Житенёв В.С.*, 2004. Исследование пещерных стоянок в бассейнах рек Ай и Юрюзань // АО 2003. М. С. 314–315.
- Кошневский Б.А.*, 1948. Итоги археологического изучения Башкирской АССР // Историко-археологический сборник / Науч.-исслед. ин-т краеведческой и музейной работы. М. С. 161–170.
- Котов В.Г.*, 1997. Пещера Шульган-Таш и мифология Южного Урала. Уфа. 30 с.
- Котов В.Г.*, 2000. Южноуральский пласт индоарийской мифологии / Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. Уфа. С. 84–109.
- Котов В.Г.*, 2008. Хранители пещеры Шульган-Таш // Биологическое разнообразие, спелеологические объекты и историко-культурное наследие охраняемых природных территорий Республики Башкортостан. Уфа. С. 214–228.
- Ляхницкий Ю.С.*, 2006. Многолетние исследования пещеры Шульган-Таш группой ВСЕГЕИ и РГО, как основа спасения ее палеолитической живописи // Изучение заповедной природы Южного Урала: сб. науч. тр. Уфа.

- Матюшин Г.Н.*, 1976. Мезолит Южного Урала. М. 368 с.
- Паллас П.С.*, 1786. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. Ч. 2, кн. 1: 1770. СПб. [6], 476 с.
- Петрин В.Т.*, 1984. Новые наскальные изображения Южного Урала // СА. № 3. С. 96–104.
- Петрин В.Т.*, 1992. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск. 206 с.
- Петрин В.Т., Широков В.Н., Чаиркин С.Е.*, 1990. Древнее святилище во 2-й Серпиевской пещере на Южном Урале // Семантика древних образов. Новосибирск. С. 7–20.
- Руденко С.И.*, 1914. Лаклинская и Игнatieва пещеры Южного Урала // Труды Общества земледения при Императорском С.-Петербургском университете. Т. 3. С. 118–132.
- Рычков П.И.*, 1760. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается // Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб. Март. С. 195–220.
- Соколов Д., Заневский И., Симон Ф.*, 1897. Протокол об осмотре и измерении Каповой пещеры на р. Белой в Орском уезде Оренбургской губернии, близ д. Шульгановой (Адилгиреевой) 3-й Бурзянской волости // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. Оренбург. Вып. 10. С. 75–85. Прил. I к ст. Симона Ф. «Лесистая часть Общего Сырта».
- Султангареева Р.А.*, 2000. Категория «йола» в эпосе «Урал-батыр» // Башкирский фольклор. Уфа. Вып. IV. С. 111–122.
- Чернецов В.Н.*, 1971. Наскальные изображения Урала. М. [Ч. 2]. 120 с. (САИ; вып. В4-12).
- Чикишева Т.А.*, 1992. Антропологические остатки из Игнatieвской пещеры // *Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск. Прил. № 10.
- Широков В.Н.*, 1990. Писаницы р. Ай // Кокшаров С.Ф., Широков В.Н. Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. Препринт. Свердловск: УрО АН СССР. С. 29–77.
- Широков В.Н.*, 2004. Уральские писаницы // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург. С. 281–314.
- Шорин А.Ф.*, 1992. Археологические материалы позднего времени (бронзовый век – средневековье) из Игнatieвской пещеры // *Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск. Прил. № 11.
- Щелинский В.Е.*, 1996. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа. 30 с.
- Clottes J.*, 1997. New Laboratory Techniques and Their Impact on Paleolithic Cave Art // Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol. P. 37–52. (Memoirs of the California Academy of Sciences; N 23).
- Hameau Ph., Cruz V., Laval E., Menu M., Vignaud C.*, 2001. Analyse de la peinture de quelques sites postglaciaires du Sud-Est de la France // L'Anthropologie. Т. 105. P. 611–626.
- Steelman K.L., Rowe M.W., Shirokov V.N., Southon J.R.*, 2002. Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya Cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna // Antiquity. Vol. 76. P. 341–348.

Рис. 1. Месторасположение пещерных памятников, обсуждаемых в статье: 1 – Капова пещера; 2 – Игнатьевская пещера; 3 – 2-я Сергиевская пещера; 4 – грот у Каменного Кольца; 5 – Усть-Катавская II пещера; 6 – Бурановская пещера; 7 – навес старичный гребень; 8 – Ижрисовская пещера; 9 – Кульметовский грот. М. 1:1 000 000

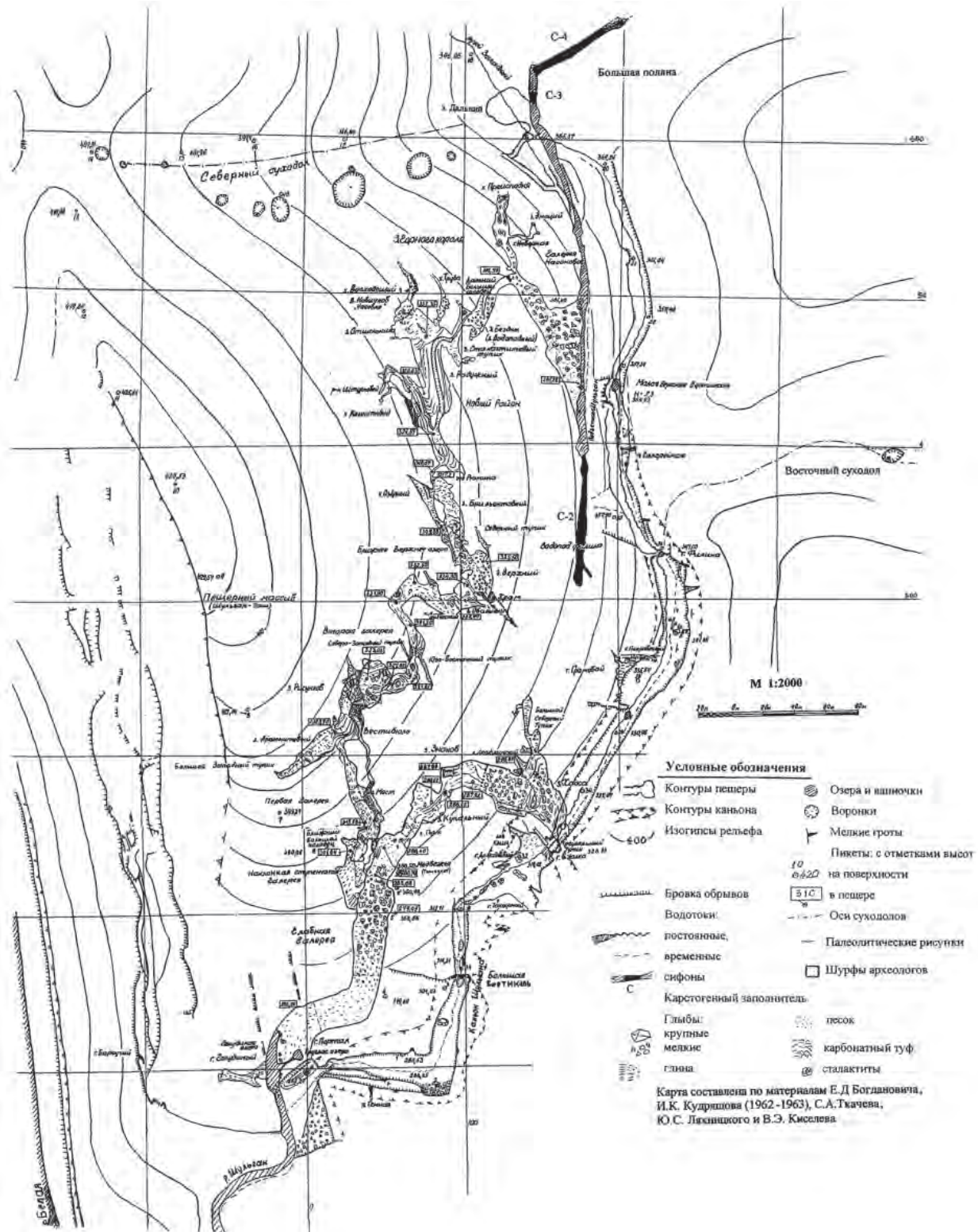

Рис. 2. План пещеры Капова (Шульган-Таш)

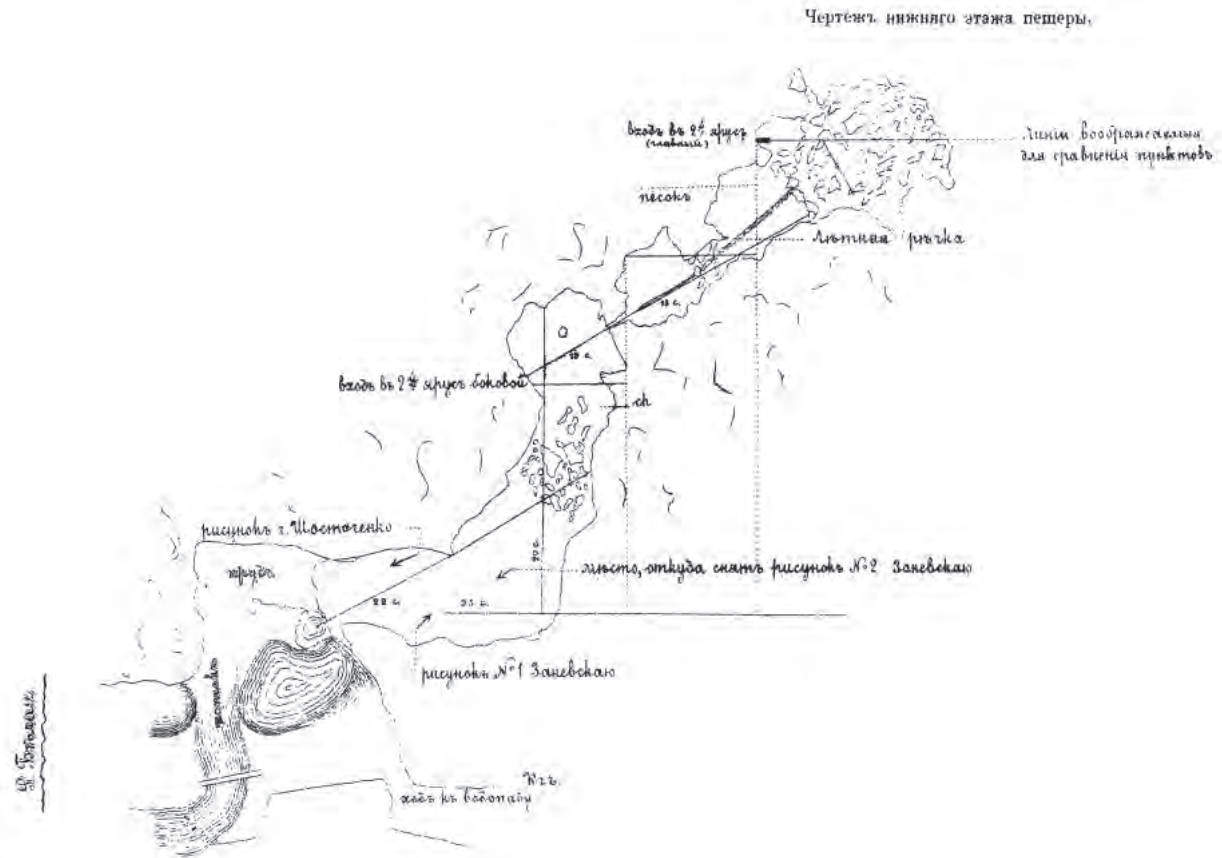

Рис. 4. План среднего яруса Каповой пещеры. Место находки в 1896 г. Черепа человека обозначено буквами «ch» (Соколов и др., 1897)

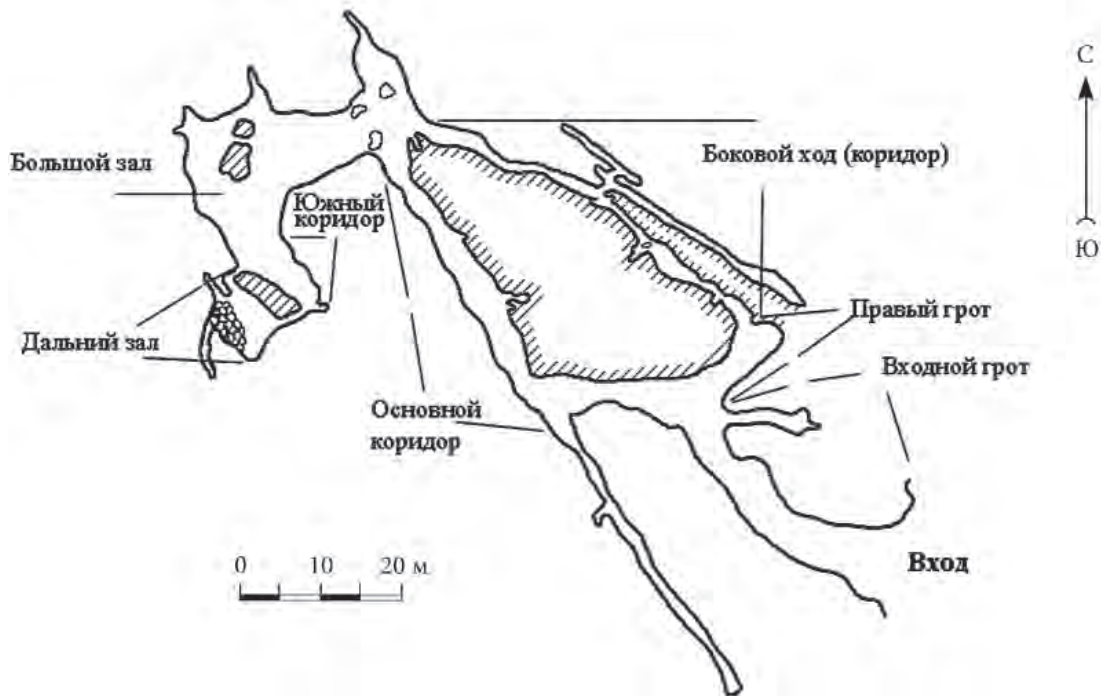

Рис. 5. План Игнатьевской пещеры. Съемка СГС, 1965 г. Составил Г.Ф. Коваленко

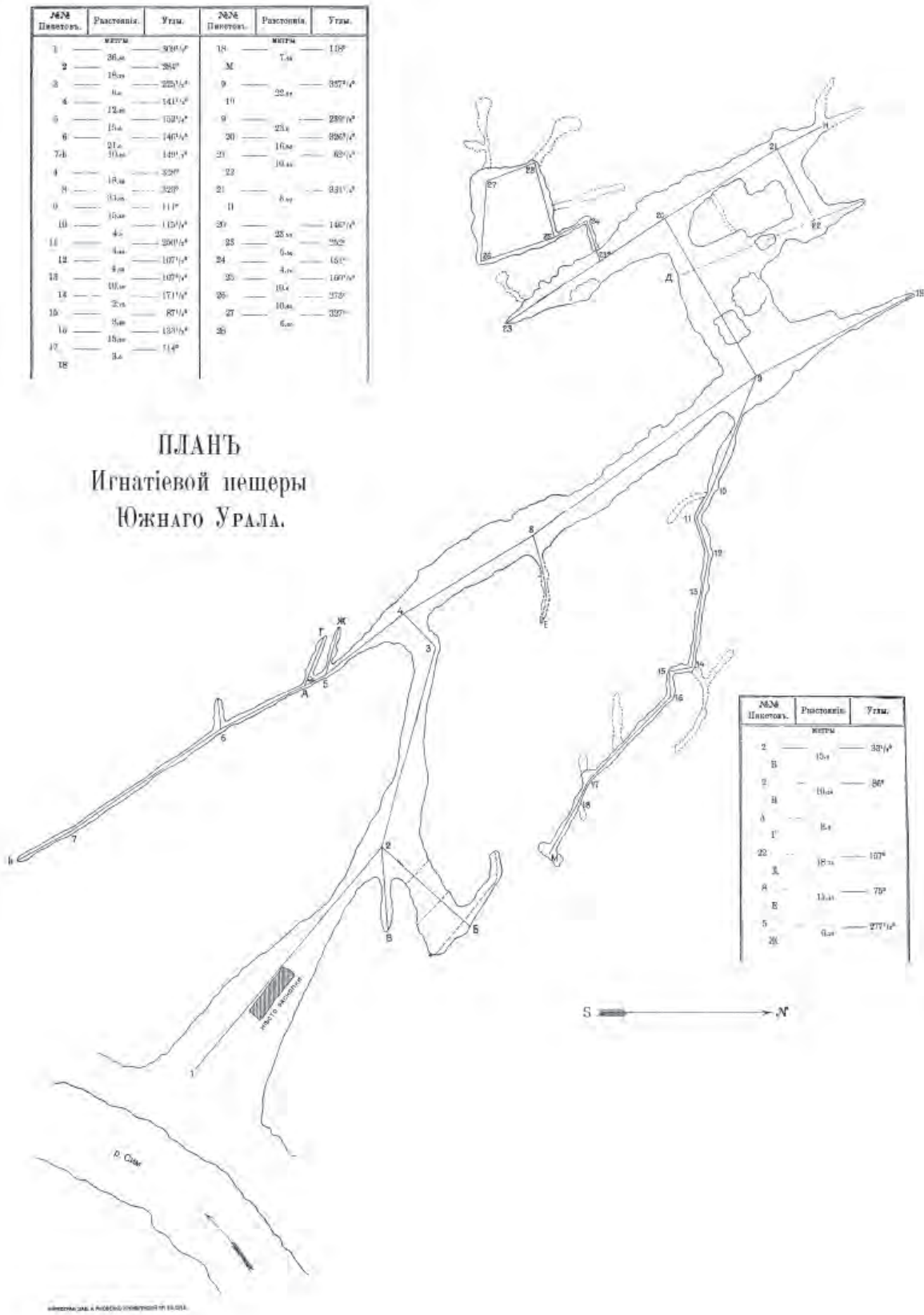

Рис. 6. План пещеры Игнатьевская (по: Руденко, 1914)

О личности в эпоху верхнего палеолита*

М.В. Аникович**

Введение

Признаюсь: я всегда побаивался тем, связанных с палеолитическим искусством, духовной культурой палеолитического человека, его социальными взаимоотношениями, его особенностями как индивида и т.п. Слишком легко здесь соскользнуть, незаметно для себя самого, из области научного подхода в мир собственных фантазий и грез, где живут «совоголовые прамеры», где создают «календари пяти планет солнечной системы», отправляют посланцев к Венере и т.д. и т.п.¹ Именно поэтому меня всегда восхищали палеолитоведы, которые смело разрабатывали столь сложную и «скользкую» проблематику, стараясь при этом по возможности не выходить за пределы научного подхода.

В нашей стране одним из специалистов мирового уровня в данной области, бесспорно, является З.А. Абрамова. Ее труды, в которых скрупулезнейшим образом рассматриваются и анализируются различные аспекты творчества и мировоззрения людей древнего каменного века, по праву могут считаться классикой мирового палеолитоведения (Абрамова, 1962, 1966, 2000, 2005; Abramova, 1995). Интереснейшие работы по искусству палеолита, отличающиеся неординарностью подходов и выводов, принадлежат А.К. Филиппову (Филиппов, 1997, 2004). Невозможно не упомянуть также концепцию происхождения искусства, разработавшуюся А.Д. Столяром на протяжении последних десятилетий (Столяр, 1985). На мой взгляд, это единственная после-

довательно материалистическая, внутренне логичная концепция происхождения искусства, построенная на принципах однолинейного эволюционизма. Главный же ее недостаток — крайне ненадежная (если не сказать больше) фактологическая база.

Ядро концепции А.Д. Столяра составляет концепция «натурального макета», предполагающая следующую эволюционную последовательность: исходное звено — «натуральный макет», т.е. туша убитого медведя; затем объемная скульптура, подобие чучела (шкура и голова медведя накладываются на искусственную или естественную выпуклость). Далее из этого вырастает барельеф, потом, наконец — изображения на плоскости.

Данная схема привлекает своей внутренней логикой и ясностью. Однако, современные открытия, на мой взгляд, совершенно перечеркивают эту логику. В частности, теперь уже стало общепризнанным, что высокохудожественное изобразительное искусство, включающее, с современной точки зрения, совершенные образцы, появилось отнюдь не в позднюю пору верхнего палеолита, а на самой ранней его ступени (ориньякский грот Шове). Сравнительно недавно этот сюжет был детально рассмотрен Г.П. Григорьевым (Григорьев, 2007). Как констатируют авторы новейшей монографии по проблеме происхождения искусства, модель А.Д. Столяра «...может быть, и приемлемая с логической точки зрения, вскоре вступила в противоречия с фактами. Еще до открытия живописи в гроте Шове самыми ранними из известных древнейших изобра-

* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (рук. проекта М.В. Аникович).

** Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

¹ Необходимо подчеркнуть: я в высшей степени ценю труды В.Е. Ларичева, в особенности его историографические работы. Считаю, что его двухтомник, посвященный изучению палеолита Сибири, — лучшая, никем еще не превзойденная книга на эту тему. При этом я столь же безоговорочно отвергаю его идеи по части первобытной календаристики, «малосыйского искусства» и т.п.

жений были не барельефы, а именно гравюры, как на стенах пещер, так и на отдельных плитках (Абрамова, 1972. С. 28). Отсутствие прямых материальных следов “эмбриональной стадии созревания” искусства заменяется рассуждениями, суть которых сводится к тому, что если в XXXII–XV тысячелетиях было такое совершенное и яркое искусство, то его созревание должно было начаться, по крайней мере, за 100 тыс. лет до этого, т. е. примерно в начале среднего палеолита...» (Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004. С. 132).

Современный подход к проблеме происхождения искусства как неотъемлемой части *знакового поведения* подразумевает обращение, в этой связи, к этапам развития детской изобразительной деятельности (Шер (ред.), 1998; Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004). На мой взгляд, он обладает большим потенциалом. При этом важно подчеркнуть: соавторы не склонны преувеличивать свои успехи (в сущности, их разработки — только начало пути) и специально подчеркивают свои разногласия по целому ряду вопросов. В предисловии к монографии Я.А. Шер особо подчеркивает: «Не снимая с себя редакторской ответственности, я бы хотел отметить, что главы и разделы, написанные моими коллегами, почти не подвергались не согласованной с авторами правке даже тогда, когда я не был согласен с их стилем изложения и терминологическими предпочтениями... Каждый автор — творческая личность, изначально обладающая правом на свой стиль и свое понимание тех или иных терминов. Тем самым он берет на себя свою долю ответственности» (Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004. С. 5). Подобный подход можно только приветствовать.

Разумеется, вклад российских археологов в разработку столь сложной темы отнюдь не ограничивается названными выше именами. Впрочем, настоящая статья и не претендует на хоть сколько-нибудь исчерпывающий охват материала по данной проблеме. Если угодно, я упомянул здесь лишь тех, чьи работы оказали на меня, в свое время, особенно сильное влияние.

Примерно десять лет назад я впервые попытался коснуться подобных вопросов, не выходя за рамки археологических источников и не соблазняясь, по возможности, общими идеями, даже самыми устоявшимися и представляющимися самоочевидными (Аникович, 2000). В этой статье я кратко коснусь одного из этих вопросов, а именно: можем ли мы говорить о человеке эпохи верхнего палеолита как

о личности в современном (или хотя бы приближающемся к современному) смысле слова?

1. «Личность» — общие представления

В классической немецкой философии (И. Кант, И. Фихте, Г. Гегель) личность понималась как самосознание и, в сущности, самоцель, выступающая определенным образом по отношению как к природе, так и к другим личностям, и к обществу в целом. Марксизм, в свою очередь, сводил личность к совокупности общественных отношений. В настоящее время сущностью личности признается ее многомерность. Человек выступает как личность: а) в качестве носителя определенных социальных ролей; б) как деятельное существо, способное к диалогу с другими людьми; в) как субъект свободного, ответственного, целенаправленного поведения, обладающий совокупностью неповторимых, индивидуальных качеств.

2. Подход и источники

Что же можно сказать о личности в столь отдаленную эпоху, как верхний палеолит? — Немногое. Нужно сразу оговориться: речь пойдет не о каких-то специфических личностных характеристиках верхнепалеолитического человека. На сей предмет мы можем, увы, только фантазировать. Но, оставаясь в рамках характерного для гуманитарных дисциплин «нестроного научного подхода», можно попытаться установить, выражал ли палеолитический человек не только некие коллективные идеи, образы, представления, но и личностное, *персонифицированное* отношение к окружающей действительности? А если да, то когда и как?

Круг возможных источников здесь очень узок. Достаточно очевидно, что ни массовый археологический материал, ни структура поселения ничего об этом поведать не могут. Единственная надежда извлечь хоть какую-то информацию по интересующему нас вопросу заключается в анализе палеолитического искусства или «изобразительной деятельности». Уже одно противопоставление этих двух терминов показывает необходимость хотя бы вкратце обратиться к сложным и многократно

дискутируемым метафизическим проблемам. Главная из них формулируется очень просто: «Что такое искусство?»

3. Что же такое искусство?

Сразу отмечу: если я попытаюсь наикратчайшим образом сформулировать основные высказывания по этому поводу, то мне придется написать специальную монографию. А.К. Филиппов совершенно справедливо отметил: «...понятий “искусство” столько, что выбраться из логики каждого автора чрезвычайно трудно, и одни и те же произведения можно отнести “к искусству” и “к неискусству”» (Филиппов, 2004. С. 9). Из подобной ситуации выход один: сформулировать собственное понимание предмета и предложить его на суд читателю.

По моему мнению, искусство есть не что иное, как **создание другой реальности**. Это творческий акт, позволяющий человеку (и только человеку!) создавать некую особую реальность, инобытие. Или, как выражались романтики, — «уноситься в иной мир». При этом связи «иной» реальности с реальностью «подлинной» могут быть самыми различными. От весьма тесных (мнимые «отражения действительности»), до крайне отдаленных (наиболее адекватный термин — сюрреализм).

Сразу же укажу: такое понимание искусства возникло не на пустом месте. Его философской базой стали взгляды русских религиозных философов — В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева и др. (Соловьев, 1990; Бердяев, 1991). Впрочем, говоря о них как о некоей основе, я отнюдь не подразумеваю свое полное согласие с утверждениями и взглядами названных авторов. Сколько-нибудь детальное рассмотрение этой проблемы требует специальной разработки. Здесь я лишь укажу, что, по моему мнению, такое понимание искусства ведет к разрушению целого ряда стандартных стереотипов. В частности:

1. В современном обыденном сознании *искусство есть обязательно нечто возвышенное, прекрасное, ведущее к добру*. Оно и в самом деле может быть таковым, но это вовсе не его неотъемлемая функция. Для меня нет ничего прекраснее и возвышеннее древнерусских икон, и это, безусловно, великое искусство. Но произведения Марка Шагала и Сальвадора Дали — это тоже искусство, причем великое.

2. Этот пункт напрямую связан с предыдущим. Очень многие убеждены в том, что *искус-*

ство и эстетика неразрывно взаимосвязаны. Искусство по самой своей природе обязано быть красивым (эстетичным). Не буду тратить время на опровержение этого тезиса. Авангард, попса и прочие формы искусства XX века своим существованием и успехом доказали, что это не так.

3. По общераспространенному мнению, *искусство призвано отражать реальность и чем точнее оно эту реальность отражает, тем оно совершеннее*. В действительности, если искусство что-то и «отражает», то лишь состояние души художника, своего творца. А творец, в свою очередь, может стремиться к некоей истине, но может быть обеспокоен исключительно удачной продажей своего произведения. И в том, и в другом случае произведение искусства остается произведением искусства. Я с глубочайшим презрением отношусь к живописи акад. Д.А. Налбандяна («первая кисть Политбюро!»), к роману «Хлеб» А.Н. Толстого (что, впрочем, не мешает мне любить другие произведения этого писателя). Не говорю уж о современном эстрадном дрыгоножестве! Но от этого все они вовсе не перестают быть произведениями искусства. Разумеется, можно разделить искусство на «хорошее» и «плохое». Но... по какому принципу? Знаменитые разноцветные квадраты К.С. Малевича — это хорошо или плохо?

4. Еще одна иллюзия: *искусство призвано чему-то учить*. Отчасти — да, но только в том случае, если к этому стремился сам художник. Хотел бы я знать: чему и кого стремился «научить» И.И. Левитан? А вот с автором незабвенного полотна «Утро нашей Родины» — того самого, где товарищ Сталин наслаждается солнечным восходом на фоне тучных хлебов и высоковольтных линий, — тут все ясно. Все, что художник хотел сказать зрителю, прочитывается четко, как в школьной тетрадке в косую линейку! Фамилию его я не очень хотел вспоминать, но приходится — Федор Шурпин, лауреат Сталинской премии. Впрочем... это тоже искусство.

Что же остается? — Очень важный для нас вывод: *искусство является творческим актом, присущим из земных существ человеку и только человеку*. Причем «другую реальность» создают не только известные (или малоизвестные) художники, писатели, поэты, музыканты и пр. Ее создает, в сущности, каждый из нас, по крайней мере, в своем воображении. И эта «другая реальность» всегда создается по образу и подобию своего творца. Вот почему я

считаю чистой схоластикой знаменитый спор о том, следует ли считать верхнепалеолитическую пластику, гравировку и живопись «искусством» или «изобразительной деятельностью»? — По моему убеждению, все это, включая простейшие геометрические знаки, является искусством. И анализ этих произведений искусства — единственный путь, на котором мы сможем хоть что-то узнать о духовном мире наших предков.

Повторю еще раз: *в искусстве человек творит другую реальность по образу и подобию своему.*

4. Общие замечания о палеолитическом искусстве

Искусство эпохи палеолита обычно подразделяется на две основные категории: монументальное искусство (главным образом, пещерная живопись) и так называемое искусство малых форм. Пещерная живопись отличается особой выразительностью, но, вместе с тем, ограниченностью распространения (практически, все высочайшие ее шедевры замкнуты территориально во франко-кантабрийском регионе). Кроме того, существуют трудности с их датировкой, которые лишь отчасти преодолены в последние десятилетия. С учетом всего перечисленного, искусство малых форм представляет для нас повышенный интерес по трем основным причинам:

- произведения «искусства малых форм» гораздо шире распространены;
- они лучше датированы;
- их культурная принадлежность надежнее обоснована.

Но прежде чем говорить о самих произведениях верхнепалеолитического искусства, уместно задать вопрос: а что им предшествовало? Возникли они сразу и внезапно или же появились в результате некоего эволюционного процесса?

5. Древнейшая символическая деятельность

Самые ранние следы изобразительной деятельности обычно связываются с эпохой среднего палеолита. По своему характеру почти все они не фигуративные, а знаковые (кости с перекрещивающейся штриховкой из Ля-Ферраси, камни с округлыми углубления-

ми оттуда же, галька с резной штриховкой из Терра-Аматы и пр.). Аналогичный характер имеют древнейшие верхнепалеолитические следы изобразительной деятельности на Русской равнине (плитки со штриховкой и резными линиями из третьего слоя Костенок-12 (рис. 2, 1-2), штриховка на мергелевой подвеске из пятого слоя Костенок-1 (рис. 2, 3) и пр. Никакой информации о личностном отношении к миру они не содержат — тем более, что по своему характеру они вполне сопоставимы с детским творчеством первой стадии (штриховой рисунок).

Однако и в среднем, и даже в раннем палеолите известны и проявления фигуративного искусства. Они весьма малочисленны и в подавляющем большинстве сомнительны. Тем не менее, есть исключение: всемирно известная заготовка, по-видимому, женской статуэтки из израильской стоянки Берехат-Рам (рис. 1, 1). Фигурка имеет высоту 3,5 см и выполнена из окатанного вулканического туфа. Процарапанными бороздками на заготовке намечены голова, шея, плечи и бюст. Особенно важны тут два обстоятельства:

1. В подлинности этой фигурки сомнений, по-видимому, нет.
2. Стратиграфически она хорошо датируется перекрывающим и подстилающим вулканическими слоями; соответственно, время ее изготовления определяется в промежутке между 280 и 150 тыс. л.н.

6. Искусство верхнего палеолита

Ранняя пора верхнего палеолита (РВП). Подлинное фигуративное искусство (в современном понимании) широко распространяется в разных культурах начиная с ранней поры верхнего палеолита, скорее всего, одновременно со «штриховой деятельностью». В этот период наиболее древние проявления фигуративного искусства зафиксировано в Костенках-14/IVб (Синицын, 2002. С. 230) (рис. 1, 2). Возраст этой стоянки сейчас определяется около 40 тыс. л.н., то есть одновременно с упомянутыми выше штриховыми рисунками РВП.

Более молодые образцы связаны с памятниками центральноевропейского ориньяка (Фогельхерд, Холленштейн-Штадель), городцовой культуры (Костенки-14/II), стрелецкой культуры (Сунгирь). Их возраст по ¹⁴C составляет ~30–23 тыс. л.н. При всех различиях,

они обладают и общими признаками — это стилизованные образы различных животных (лошадь, мамонт, бизон (?), волк (?), пещерный лев), человека и фантастического существа — человеко-льва (рис. 3, 1–4). Эти фигурки говорят о многом: и о высокоразвитом эстетическом чувстве (особенно пластика Фогельхерда), и о достаточно сложных представлениях, образном мышлении (человеко-лев), и об уровне абстрагирования (часть вместо целого: голова волка на навершии фибулы из Костенок-14/II). Но о персонификации эти фигурки не говорят ничего: мы не можем воспринимать их иначе как обобщенные образы.

Средняя пора верхнего палеолита. Ситуация меняется с появлением палеолитических «венер», и, в первую очередь — в виллендорфско-костенковской культуре, где они, по-видимому, и зародились (27–21 тыс. л.н.). По поводу этих статуэток уже написаны горы литературы, где поднята масса самых различных вопросов. Не касаясь даже вскользь многих аспектов этой проблематики, остановлюсь лишь на важнейших моментах, непосредственно связанных с проблемой персонификации.

Подавляющее большинство «венер» из памятников виллендорфско-костенковской культуры выполнено в определенном каноне: наклонная голова, руки сложены под грудью, бедра до колен сведены, икры раздвинуты, носки соединены (рис. 4, 1–4). В той или иной степени, следование указанному канону обнаруживается и в Западной Европе, и даже в Сибири, в памятниках мальтинско-буретинской культуры. Тем не менее, даже в памятниках виллендорфско-костенковской культуры имеются более или менее значительные отступления от канона. В инокультурных стоянках отступлений, разумеется, намного больше.

Отметим особо: несмотря на общий канон, большинство статуэток виллендорфско-костенковской культуры индивидуализировано. Индивидуализация отражается:

А. В пропорциях и строении тела; речь идет не только о двух разновидностях, подмеченных еще П.П. Ефименко: первая — полная, невысокая, коренастая; вторая — худощавая, грациальная. Нетрудно заметить, что даже в пределах каждой из этих двух разновидностей детали фигуры старательно индивидуализируются.

Б. В «орнаментике», передающей украшения, татуировку (?), прическу или головной убор; и опять-таки: это не неизбежные отклонения от одного канона, но явно преднамеренная индивидуализация.

В. В редких случаях — в передаче черт лица, хотя в целом для пластики виллендорфско-костенковской культуры это не характерно — в отличие от мальтинско-буретинской культуры, где индивидуализация образа осуществляется именно посредством передачи черт лица, а также деталей одежды и прически (рис. 4, 5).

Следовательно, какой бы ни была семантика образа палеолитической «венеры», древний мастер воплощал ее персонифицированными средствами, ориентируясь, по-видимому, на конкретных женщин. В этом и только в этом смысле можно говорить о «портретном сходстве» палеолитических женских фигур. Предполагать, что это были подлинные портреты, именно с этой целью и выполнявшиеся, было бы, пожалуй, слишком смело. Да и канонические черты противоречат такому предположению.

Заметим, что персонификация осуществлялась, преимущественно, через особенности тела и знаки, а не через черты лица. Может быть, эта особенность, в какой-то мере, позволит нам понять психологию тех, кто создавал эти фигурки. В большинстве случаев основное внимание обращалось даже не на половые признаки, а на самые выдающиеся части женского тела. Впрочем, здесь, как и во многих случаях, исключения оказываются красноречивее правила. Подлинными шедеврами верхнепалеолитической пластики данного круга, в которых стремление передать черты лица конкретного человека не вызывает сомнений, являются женские головки из Дольних Вестониц и Брасемпуи.

Из довольно многочисленных изображений животных, обнаруженных на памятниках виллендорфско-костенковской культуры, признаки персонификации встречаются, скорее, как исключение. Это хорошо известная, неоднократно издававшаяся головка пещерной львицы из Костенок 1/I и удивительная по своей выразительности скульптура бизона из третьего культурного горизонта Зарайской стоянки (рис. 5).

Искусство средней и поздней поры верхнего палеолита сильно различается, в зависимости от культурной принадлежности. В этом отношении показательна, с одной стороны, мелкая пластика Днепро-Донского бассейна (20–14 тыс. л.н.), с ее усложненной знаковой символикой. Наиболее яркий пример — знаменитые мезинские птички и фаллосы, являющиеся, по-видимому, многозначными (полиэконическими) образами (рис. 6, 1–6). По орнаментике каждая из этих фигурок индивидуальна. Быть

может, в глазах мастера они были не менее персонифицированы, чем женские статуэтки. Однако пока мы не можем об этом судить.

Особенно показательно искусство мадленской культуры Западной Европы (18–11 тыс. л.н.). Здесь персонифицированы не только изображения человека, но и многих животных — как в пещерном искусстве, так и в мелкой пластике. Индивидуальное в гравированных изображениях человека передается в привычной для нас форме — через черты лица, причем в ряде случаев — в виде явно шаржированных изображений (рис. 7). Персонификация образа зверя передается через индивидуальные особенности поведения. Так, неповторимы в своем движении каждый из плывущих оленей (грот Лартэ) (рис. 8), в своем спокойствии — олени Фон-де-Гома (рис. 9, 4), объединенные в удивительно изящную композицию. Точно так же неповторим одинокий пасущийся олень из Твингена (рис. 9, 1). Список можно продолжить. Это уже не просто образ «олenea вообще». Это — персонифицированный образ. Чтобы создать *такое*, нужно быть не просто хорошим мастером. Нужно быть личностью в нашем понимании этого слова.

В последующие периоды нашей истории — в мезолите и неолите — образы такого рода исчезают совершенно. Наскальные композиции Кольского полуострова многогранны по своему смысловому значению, очень динамичны. Росписи испанского Леванта — изящны в эстетическом отношении. Но о чем бы ни повествовали эти и многие другие подобные композиции — в них нет и следа персонификации. Это отражение именно коллективного сознания, в котором каждый индивид неотделим от целого, от своего социума.

Приходится признать: в верхнем палеолите дело обстояло иначе — по крайней мере, в некоторых культурах.

7. Возникновение искусства: внезапность или результат эволюционного процесса?

Поскольку этот вопрос был уже поставлен в конце раздела «Общие замечания о палеолитическом искусстве», попытаюсь дать на

него ответ. Сразу отмечу: уже само, предложенное мною здесь, определение искусства принципиально отрицает «трудовую версию» его происхождения. По моим представлениям, искусство не сводится безоговорочно ни к знаковому поведению, как таковому, ни к эстетическому началу. Хотя наличие прямых и обратных связей здесь отрицать невозможно. Казалось бы, параллели, прослеженные между рядом произведений палеолитического искусства и стадиями детской изобразительной деятельности, недвусмысленно говорят о том, что «детская изобразительная деятельность в ускоренном темпе повторяет и в определенной мере моделирует многотысячелетний процесс зарождения и развития первобытного искусства» (Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004. С. 224). Однако уже через две страницы в цитируемой книге следует существенная оговорка: «В отличие от детского рисования, в котором более или менее четко прослеживаются определенные возрастные стадии, в первобытном искусстве на начальных этапах его развития таких стадий быть не могло или границы между ними были настолько размыты, что редкие, сохранившиеся до нашего времени памятники не позволяют их уловить» (Там же. С. 226). В самом деле, приведенные выше примеры — фигурка из израильской стоянки Берехат-Рам, головка из Костенок-14/IVб — при всей своей малочисленности², показывают, что фигуративное искусство возникает не после, а, как минимум, одновременно со штрихами, знаками, охристыми пятнами и т.п.

Но, в конце концов, отвлечемся от этих все же единичных образцов и рассмотрим следующий вопрос: имело ли собственно верхнепалеолитическое изобразительное искусство некое всеобщее направление и всеобщую динамику развития? — По моему, одно открытие живописи в гроте Шове неизбежно подразумевает отрицательный ответ на этот вопрос. Оно показало (и с этим уже никто не спорит), что искусство раннего ориньяка «оказалось по своим художественным достоинствам чуть ли не самым “зрелым” из всей верхнепалеолитической живописи, которую мы сегодня знаем» (Там же. С. 138–139).

Что же из этого следует? Можно и должно выделять и анализировать различные стили в искусстве палеолита, но при этом стоит воз-

² Если признавать фигурку из Берехат-Рама подлинной и если ее возраст не вызывает сомнений, то это неизбежно должно уменьшить скептицизм в отношении других предполагаемых среднепалеолитических изображений.

держаться от характернейшей ошибки: *нельзя придавать этим стилям стадильное и тем более хронологическое значение!* Стоит, в этой связи, вспомнить хорошо датированную статуэтку бизона из Зарайской стоянки. «Какой бы... классификации мы ни придерживались, получается, что эта статуэтка на несколько тысячелетий древнее времени, когда получает широкое распространение художественный стиль, к которому она относится» (Амирханов, Лев, 2004. С. 316). Добавлю: мадленская пещерная живопись (и в наибольшей степени плафон Альтамиры) — со стилистической точки зрения ближе всего к импрессионизму и даже экспрессионизму (рис. 10). Вспомним шестиногого кабана: умножение ног — типичный экспрессионистский прием передачи движения.

Как же в таком случае следует относиться к рассмотренным выше персонифицированным образам? Что это, некие «граветтская» или «мадленская» стадии развития искусства? — Нет. Это свидетельство того, что и в столь отдаленные времена (и даже в более отдаленные — грот Шове) творцы художественных произведений могли представлять собой полноценные личности в нашем современном понимании. Везде и всюду? — Безусловно, нет! Скорее всего, это имело место лишь в отдельных социумах (археологических культурах) палеолита.

Уважаемые коллеги, оглянитесь вокруг! Ведь в нашем современном обществе происходит, в сущности, то же самое! Духовное развитие личности, ее способности и таланты не определяются полностью ни социальной, ни, тем более, природной средой. Однако существуют условия, благоприятствующие такому проявлению или, напротив, препятствующие ему. С другой стороны, препятствия и трудности, сами по себе, иногда стимулируют, казалось бы, заурядного человека к высшему проявлению личностных качеств... И это отнюдь не определяется какими-то «стадиями развития человечества».

Полагаю, что тоталитарные режимы современности препятствовали и препятствуют проявлению развития личностных качеств в значительно большей степени,

чем архаичные сообщества эпохи неолита. Но до сих пор еще ни одному диктатору не удалось превратить все население своей страны поголовно в единую серую массу, не знающую исключений. В конечном счете, личности оказывались везде.

Выводы

На основании всего изложенного выше можно заключить следующее: нельзя говорить априорно об уровне духовной культуры эпохи верхнего палеолита «вообще» — точно так же, как бессмысленно высказывать такого рода суждения по отношению к современному человечеству. Духовный уровень отдельных социумов этой эпохи различался, вероятно, еще заметнее, чем уровень их материальной культуры.

Персонифицированные образы в искусстве отдельных верхнепалеолитических социумов фиксируют высший взлет духовной культуры этой эпохи. На этом уровне можно говорить о появлении личности в современном смысле этого слова. В последующие периоды эта особенность высших образцов палеолитического искусства была утрачена на многие тысячелетия и возродилась, далеко не сразу, лишь в древних цивилизациях.

Приходится думать, что верхнепалеолитическая эпоха в истории человечества представляет собой совершенно особое явление, не соответствующее нашим привычным представлениям о первобытном обществе, сложившимся на основе данных этнографии, фольклора, лингвистики. Верхнепалеолитические социумы, действительно, не имеют аналогов среди известных архаических социумов. Та «история первобытного общества», которую мы более или менее знаем, — уходит в прошлое не глубже неолитической эпохи. Глубже лежит прошлое, известное только археологам-палеолитоведам, да и то лишь крайне фрагментарно, неупорядоченно, почти исключительно с внешней стороны.

Литература

- Абрамова З.А., 1962. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л. (САИ; А4-3).
- Абрамова З.А., 1966. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.
- Абрамова З.А., 1970. Палеолитическое искусство // Каменный век на территории СССР. М. (МИА; № 166).
- Абрамова З.А., 1972. Древнейшие формы изобразительного творчества: (археологический анализ палеолитического искусства) // Ранние формы искусства. М.
- Абрамова З.А., 2000. Мамонт и женщина в палеолитическом искусстве Европы // STRATUM plus. № 1.
- Абрамова З.А., 2005. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб.
- Амирханов Х.А., Лев С.Ю., 2004. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. М.
- Аникович М.В., 2000. Общество и личность в палеолите: что могут сказать об этом археологические данные // Теория и методология архаики: материалы теоретического семинара. СПб. Вып. 2: Культура: социум и индивид.
- Бердяев Н.А., 1991. Самопознание. Л.
- Григорьев Г.П., 2007. Эволюция в палеолитическом искусстве (как она представляется после 1994 года) // Искусство и религия древних обществ. Луганск.
- Дэвлет Е.Г., 2004. Альтамира. У истоков искусства. М.
- Ефименко П.П., 1953. Первобытное общество: (очерки по истории палеолитического времени. 3-е изд. Киев.
- Синицын А.А., 2002. Нижние культурные слои Костенок 14 (Маркина гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // Костенки в контексте палеолита Евразии. Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.
- Соловьев В.С., 1990. Сочинения: в 2 т. Изд. 2-е. М. Т. 2.
- Столяр А.Д., 1985. Происхождение изобразительного искусства. М.
- Филиппов А.К., 1997. Происхождение изобразительного искусства. СПб.
- Филиппов А.К., 2004. Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб.
- Шер Я.А. (ред.), 1998. Первобытное искусство (проблема происхождения). Кемерово.
- Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С., 2004. Происхождение знакового поведения. М.
- Abramova Z.A., 1995. L'art paléolithique d'Europe orientale et de Sibérie. Grenoble.
- Djindjian F., Koslowski J., Otte M., 1999. Le paléolithique supérieur en Europe. Paris.

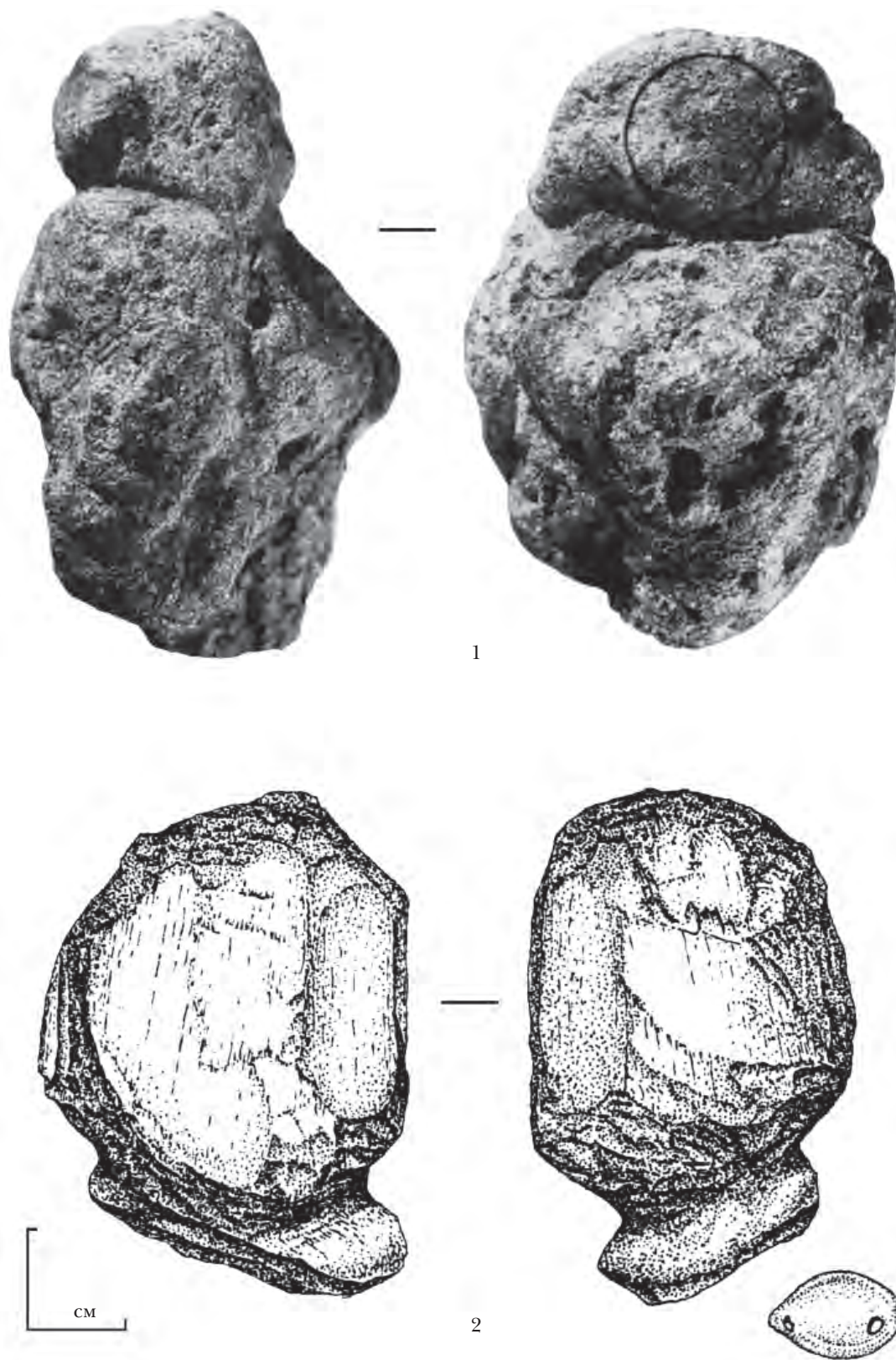

Рис. 1. Древнейшие образцы палеолитической скульптуры:
1 – Берехат-Рам, Израиль, нижний палеолит (вид сбоку и спереди) (по: Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004);
2 – Костенки-14 (Маркина гора), IV6 культурный слой. Ранняя пора верхнего палеолита (по: Синицын, 2002)

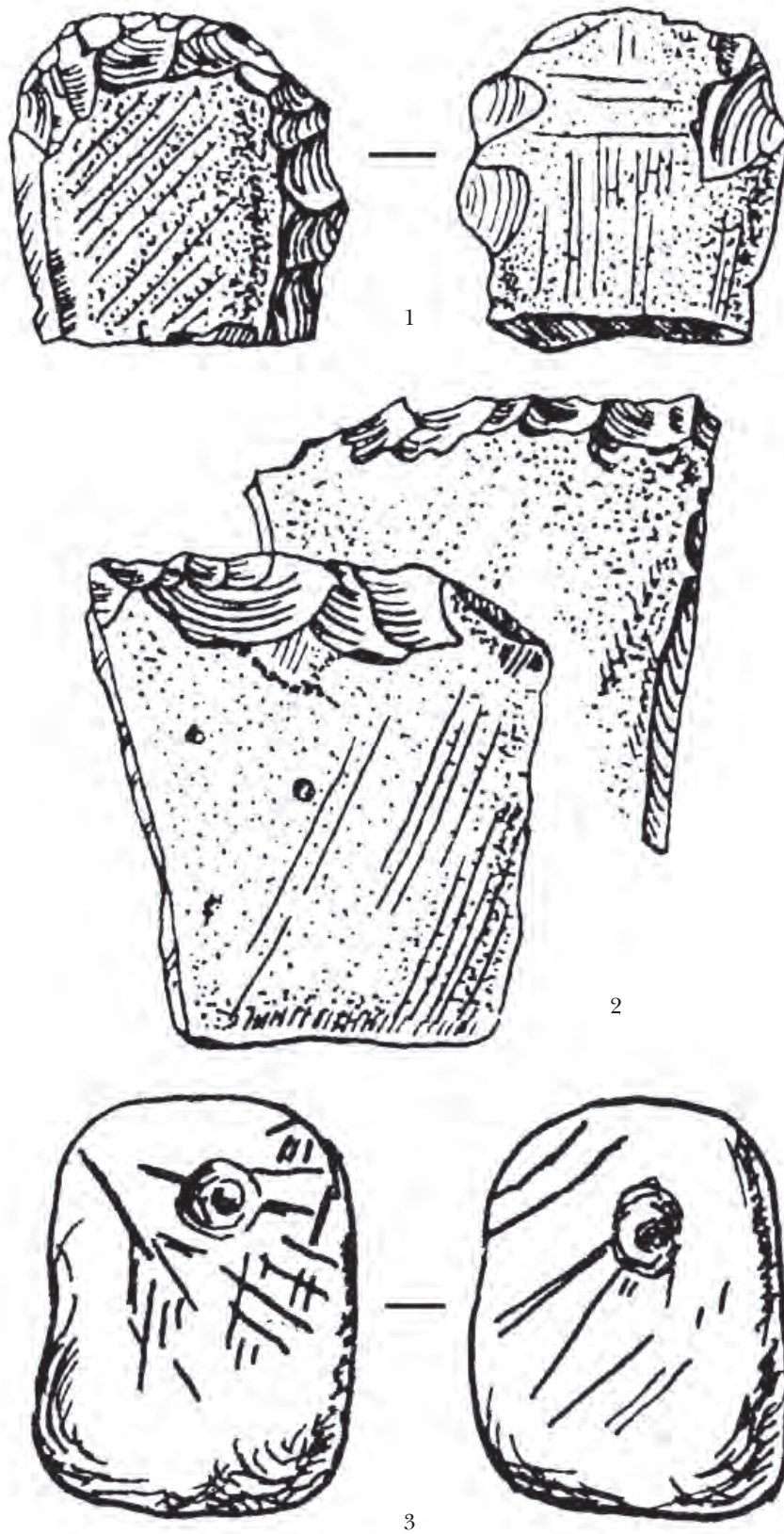

Рис. 2. Изобразительная деятельность начальной поры верхнего палеолита:
1-2 – Костенки 12/Ш; 3 – Костенки 1/V

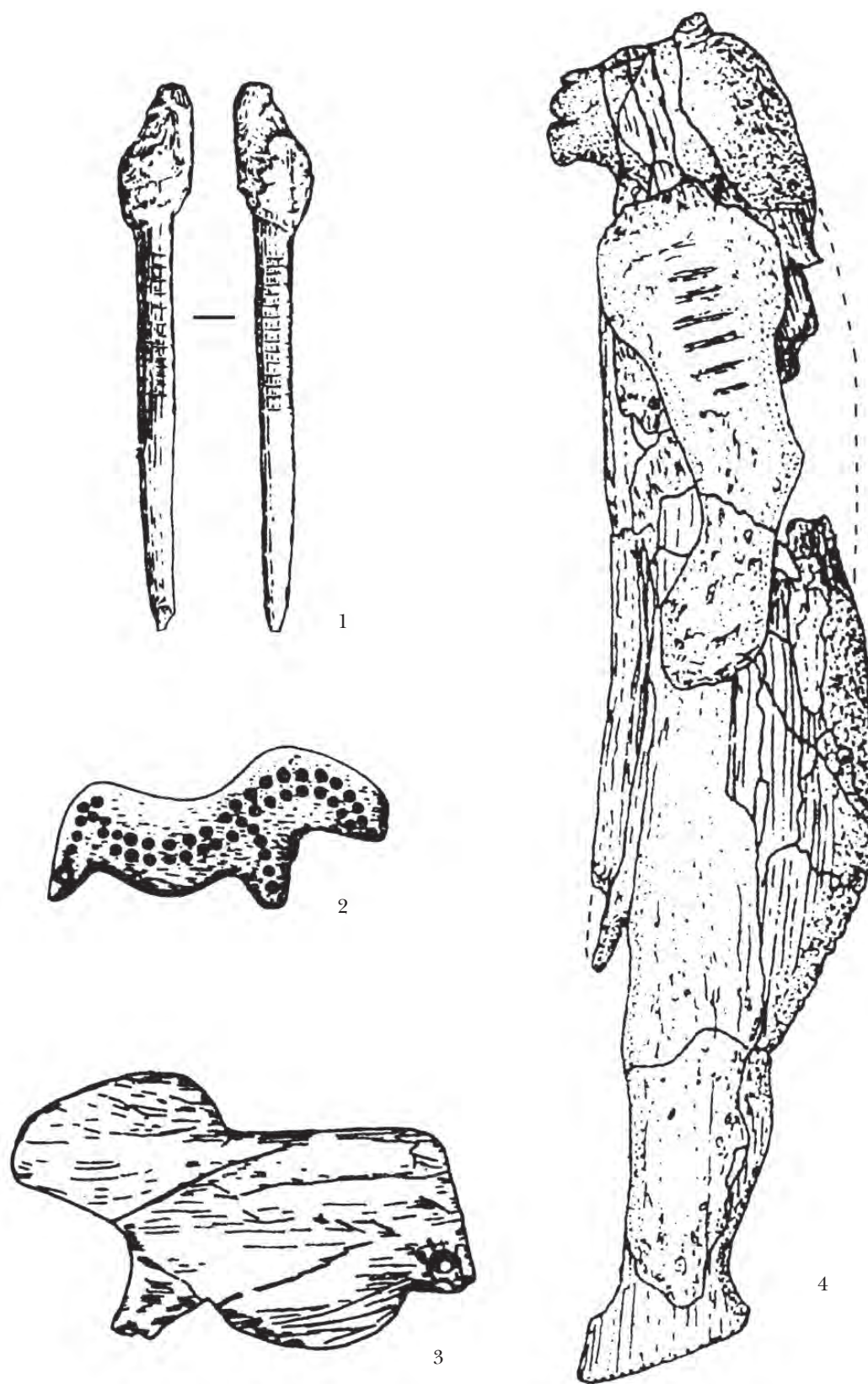

Рис. 3. Искусство ранней поры верхнего палеолита: 1 – Костенки-14/II; 2-3 – Сунгирь; 4 – Холленштейн-Штадель

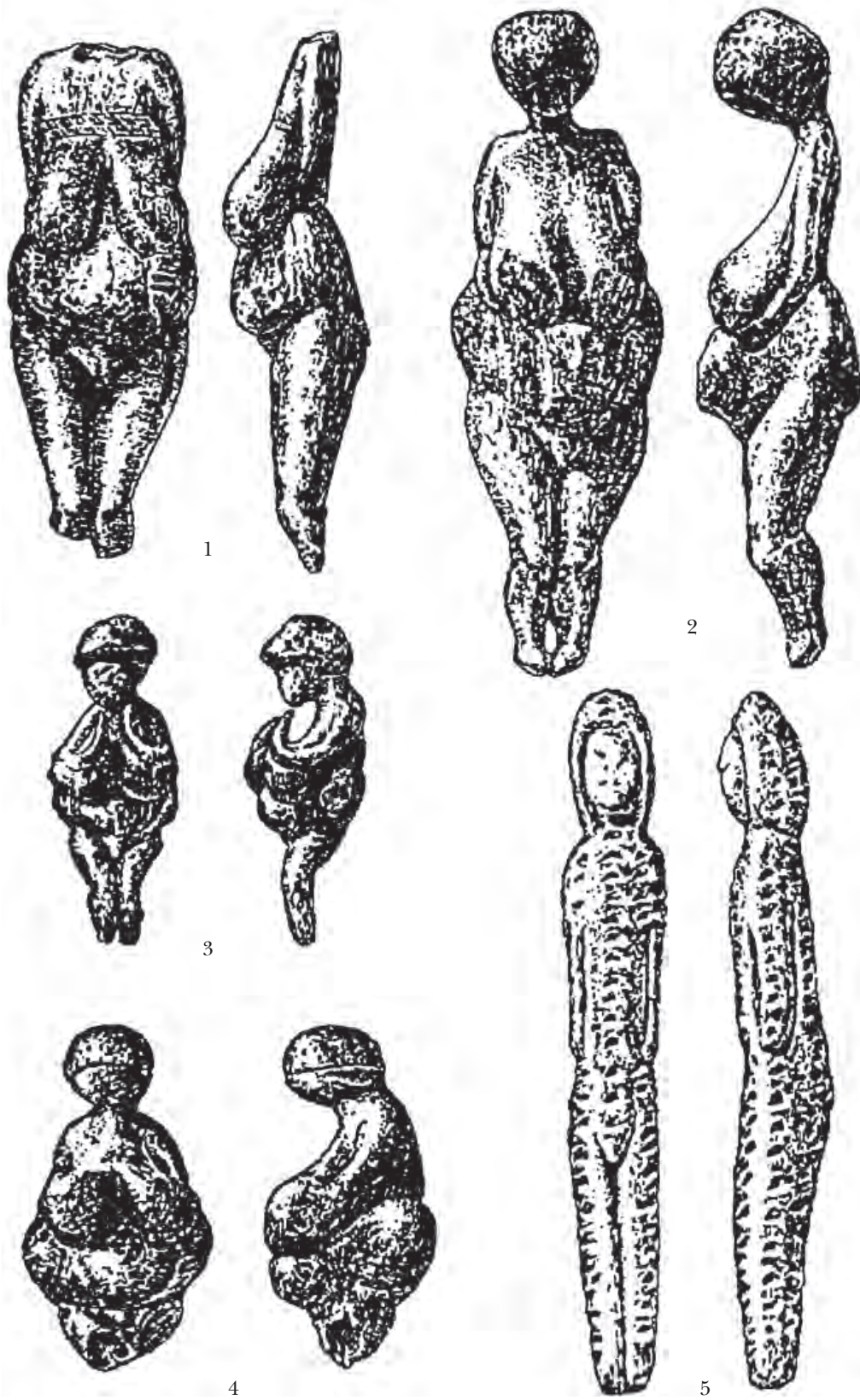

Рис. 4. Средняя пора верхнего палеолита. Женские статуэтки: 1-2—Костенки-1, слой I; 3-4—Гагарино; 5—Буреть (по: Ефименко, 1953)

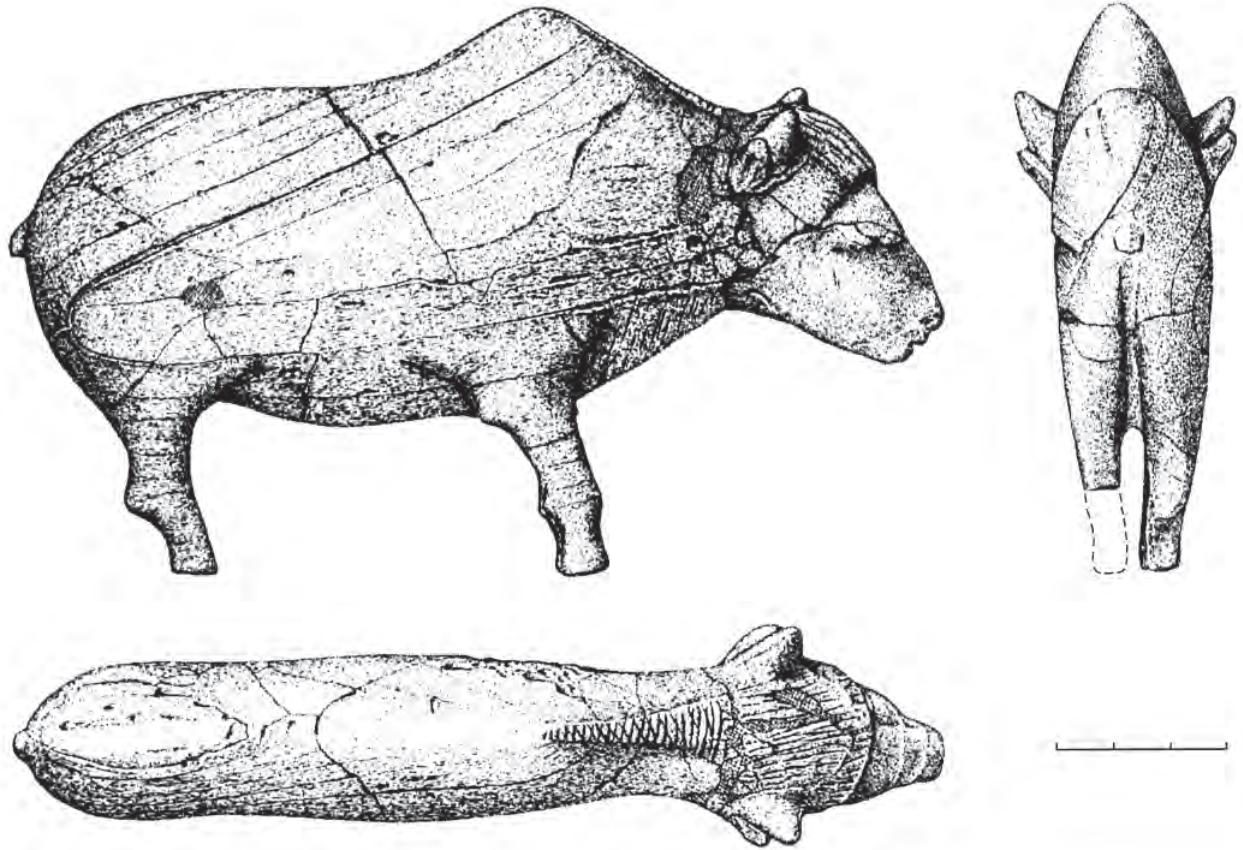

Рис. 5. Виллендорфско-костенковская культура. Зарайская стоянка. Статуэтка бизона из бивня мамонта (по: Амирханов, Лев, 2004)

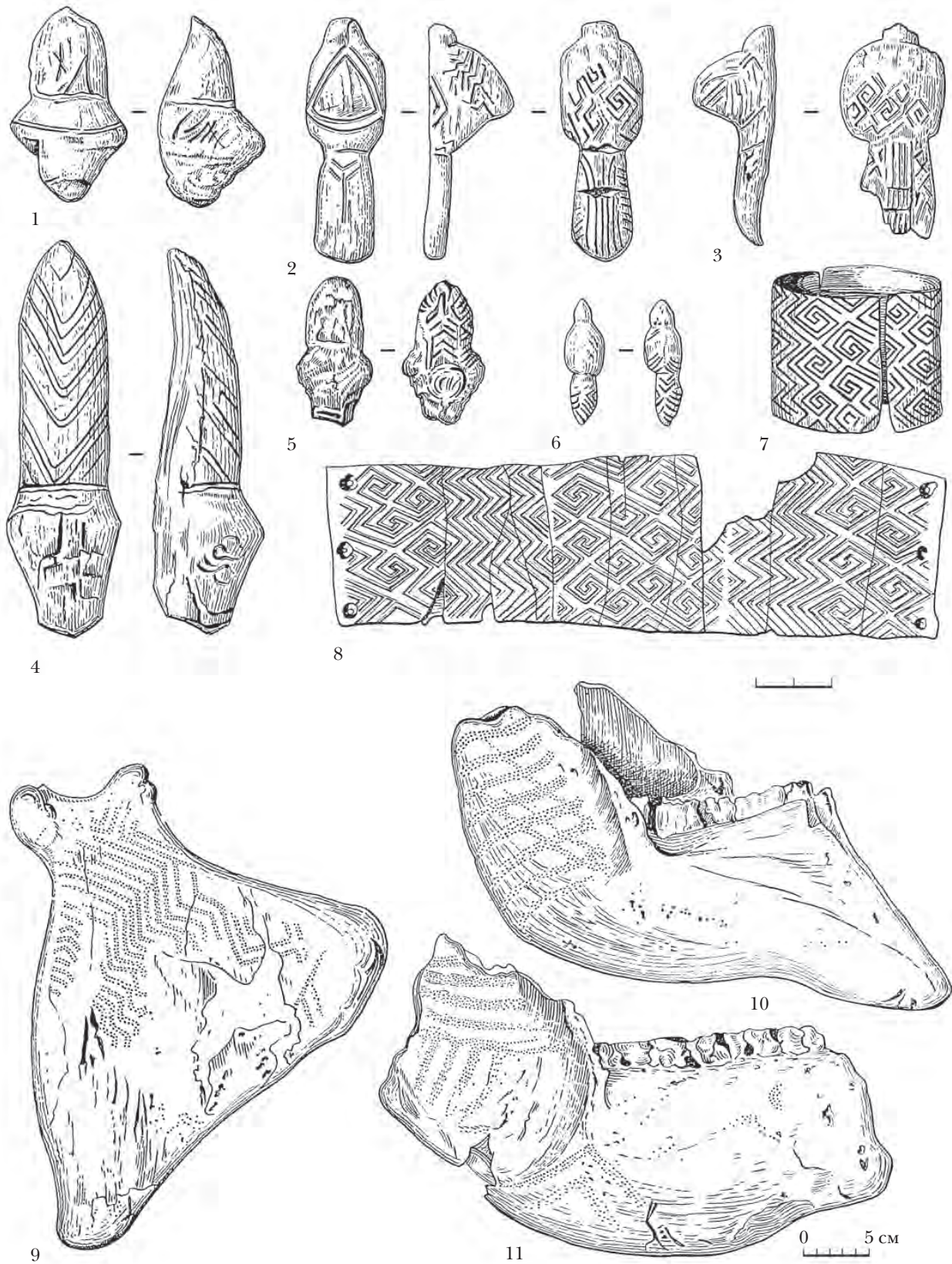

Рис. 6. Искусство мезинской культуры. Мезинская стоянка: 1-6 — стилизованные изображения женщин; 7 — браслет; 8 — браслет (развертка); 9-11 — кости мамонта, орнаментированные охрой (по: Абрамова, 1962)

Рис. 7. Гравированные изображения лица человека в памятниках мадленской культуры (по: Djindjian et al., 1999)

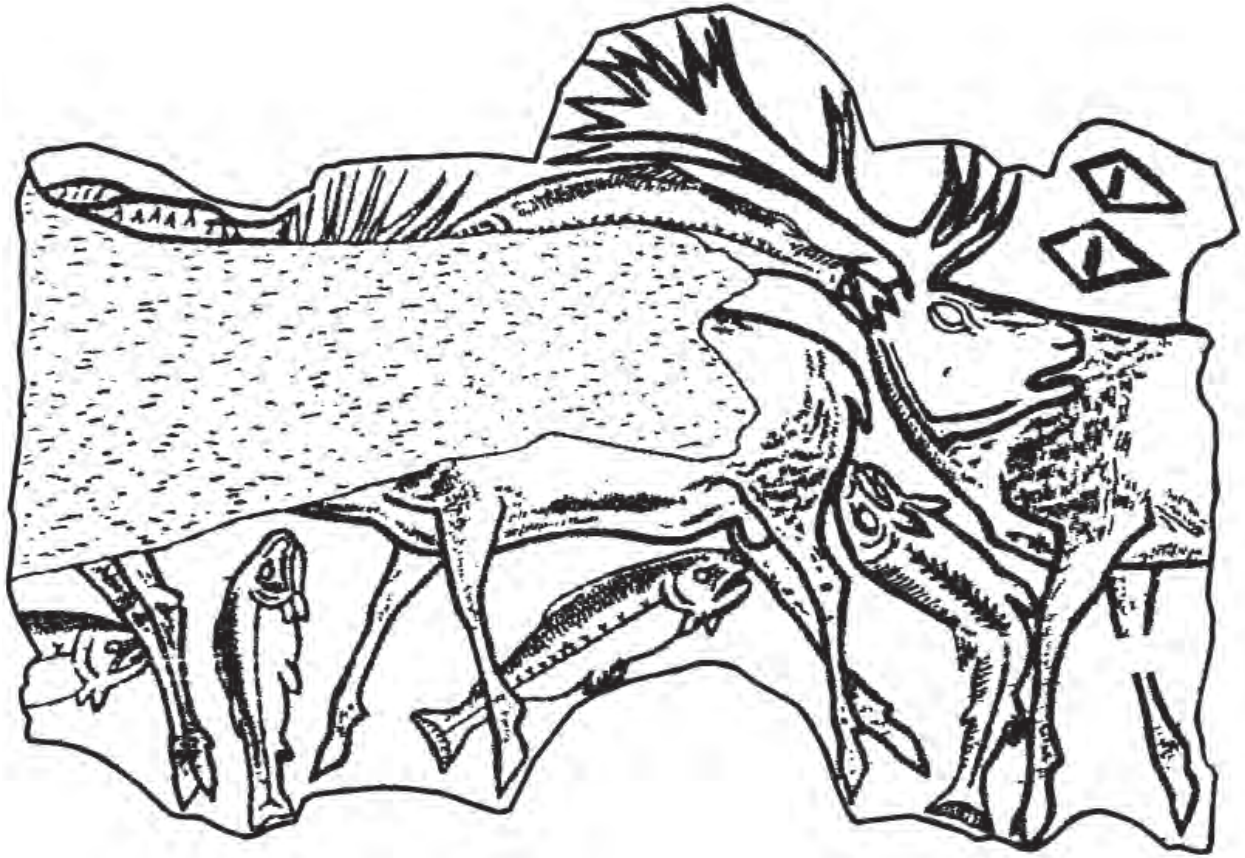

Рис. 8. Плывущие олени и лососи. Рисунок из грота Лартэ (Франция) (по: Абрамова, 1970)

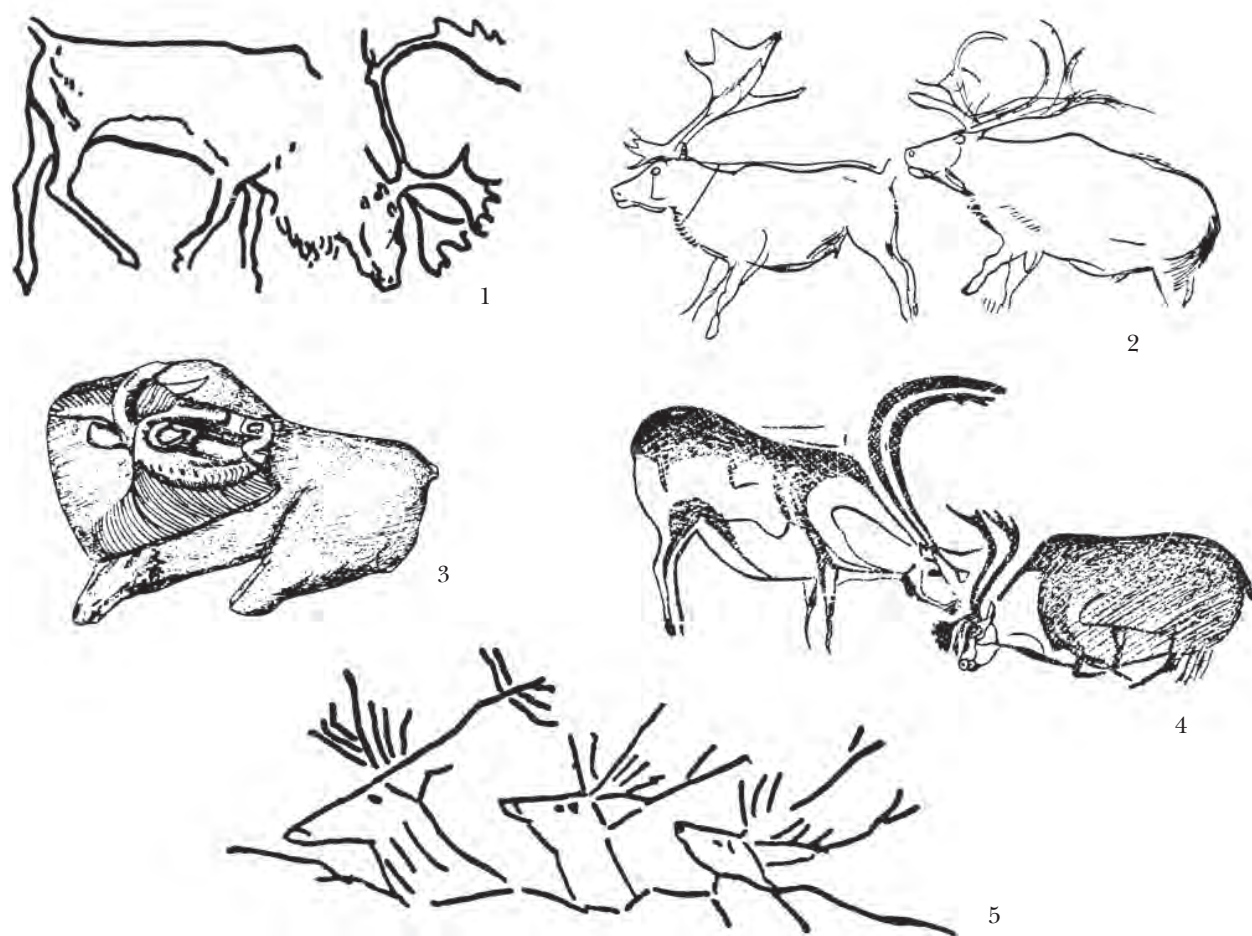

Рис. 9. Изображения животных в мадленской культуре: 1 – Твинген; 2 – Комбарель; 3 – Мадлен; 4 – Фон-де-Гом; 5 – Ляско (по: Абрамова, 1970)

Рис. 10. Изображения бизонов на большом плафоне Альтамиры (по: Дэвлет, 2004)

РЕДАКТОР, КОРРЕКТОР
О.А. Пруцкова

ОБРАБОТКА ИЛЛЮСТРАЦИЙ
А. Архиреев

ДИЗАЙН ОБЛОЖКИ
З.В. Морозова

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
М.И. Бѣлхова, Г.Э. Валиева

Подписано в печать 05.12.2011 г.
Гарнитура NewBaskerville. Формат 60 × 90/8
Усл. печ. л. 63,00. Тираж 300 экз. Заказ № 3749-11

Издательство «Таус»
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
e-mail: taus@mail.ru
<http://www.taus.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ЗАО «Полиграф-защита»
Москва, ул. Южнопортовая, 24

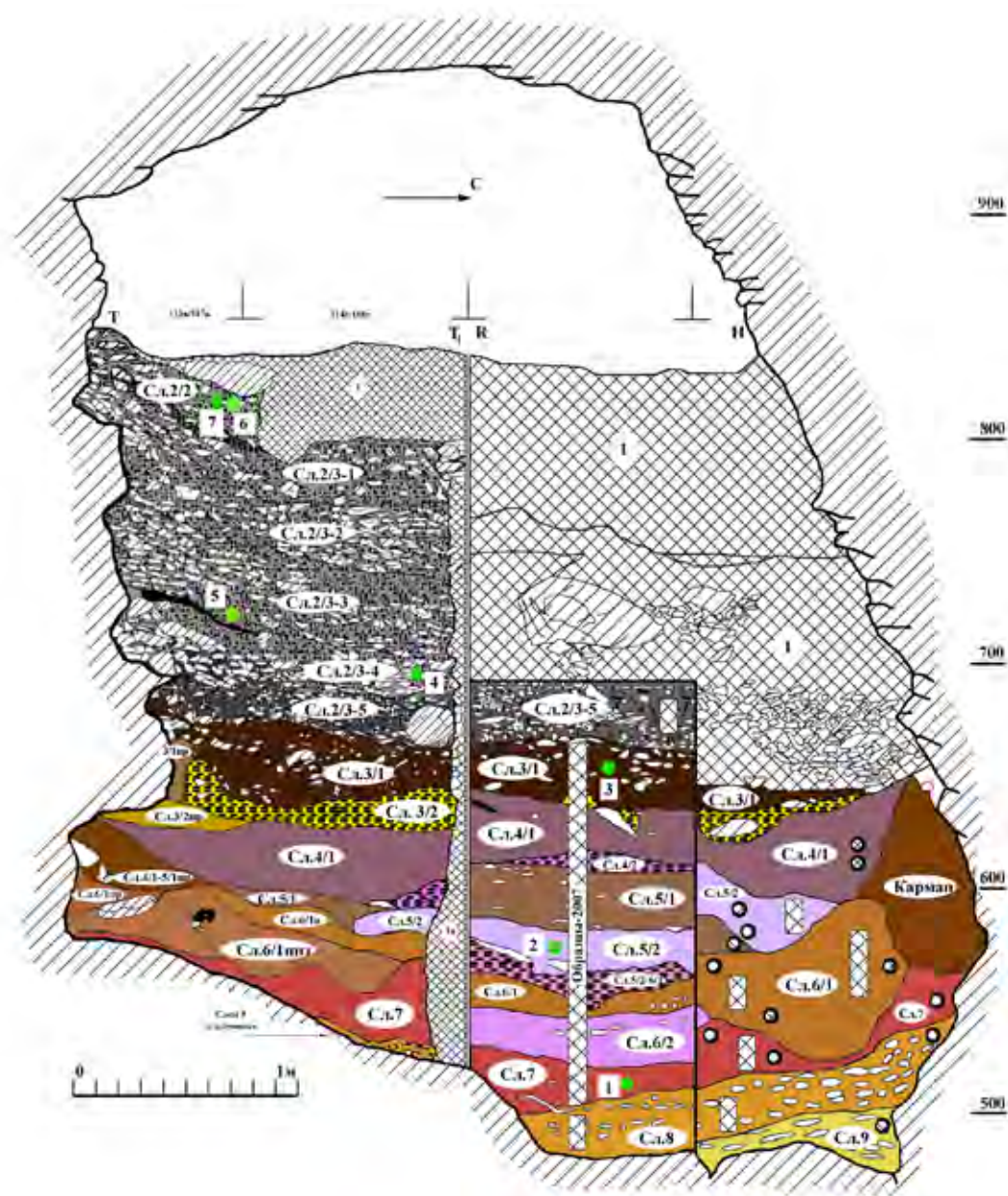

Рис. 1. К статье С.А. Кулаков, М.А. Кулькова: Предварительная корреляция результатов стратиграфического и литолого-минералогического изучения отложений Ахштырской пещерной стоянки. Ахштырская пещерная стоянка. Обобщенный поперечный разрез пещерных отложений T-T|R-N, 1996–2008 гг.

1. Участки разрушенных пещерных отложений.

1а. Заполнение шурфа 1961 г.

Сл. 2/2 – Сл. 9 – нумерация слоев.

3/1пр. – Сл. 6/1пр. – пристенные участки слоев возле южной стены.

Образцы–2007 – расположение колонки отобранных образцов пещерных отложений.

1–7 – местоположение точек абсолютного датирования:

1 – 306000 + 61000 л.т.н. (РТЛ–926, Москва, МГУ).

2 – 112000 + 22000 л.т.н. (РТЛ–927, Москва, МГУ).

3 – 35000 + 2000 л.т.н. (Чердынцев, 1065а).

4 – 25300 + 500 л.т.н. (ЛЕ–6238, С.-Петербург, ИИМК РАН).

5 – 24500 + 500 л.т.н. (СП6–102, С.-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена).

6 – 19000 + 500 л.т.н. (Чердынцев, 1965б).

7 – 18370 + 400 л.т.н. (СП6–101, С.-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

Рис. III. К статье С.Ю. Лев, Л. Кларик, Е.Ю. Гирия «Ножи Костенковского типа и пластины с подработкой конца: феномен конвергентного развития или родство технологий?»

1 – Некраевые сколы (срединные) с ножом в литературе получили название «сколы утончения» НКТ.

Большую часть таких сколов опознать трудно, так как они практически неотличимы от обычных микропластинок. Приведенные на фото сколы определены только лишь потому, что на их спинках присутствуют дистальные части фасеток ретуши приострения рабочего края ножа.

2 – Краевой скол с НКТ с усиленной подготовкой площадки для его снятия. Подготовка выражается в наличии следов редуцирования и интенсивной абразивной обработки зоны расщепления. По всему ретушированному рабочему краю ножа наблюдаются следы затупления вследствие сработанности – утилизации (указаны красными точками).

3 – Уникальный тип износа – скобление-строгание мягкого камня (мергеля?). Расположение износа указано красными точками. (Подавляющая часть краевых сколов имеет следы износа. Чаще всего ножи использовались для строгания мяса и работы по дереву).

4 – Краевой скол с НКТ, полученный с края затупленного многорядной ретушью с заломами. Данная ретушь демонстрирует многократные (более трех) попытки приострения рабочего края. Каждый последующий этап (ряд ретуши), приостряя кромку, в то же время притуплял общий угол рабочего лезвия. Фасетки лишь следовали поверхности рельефа края пластины, не изменяя общего угла лезвия в сторону приострения. Таким образом, необходимость снятия данного скола продиктована функционально и технологически

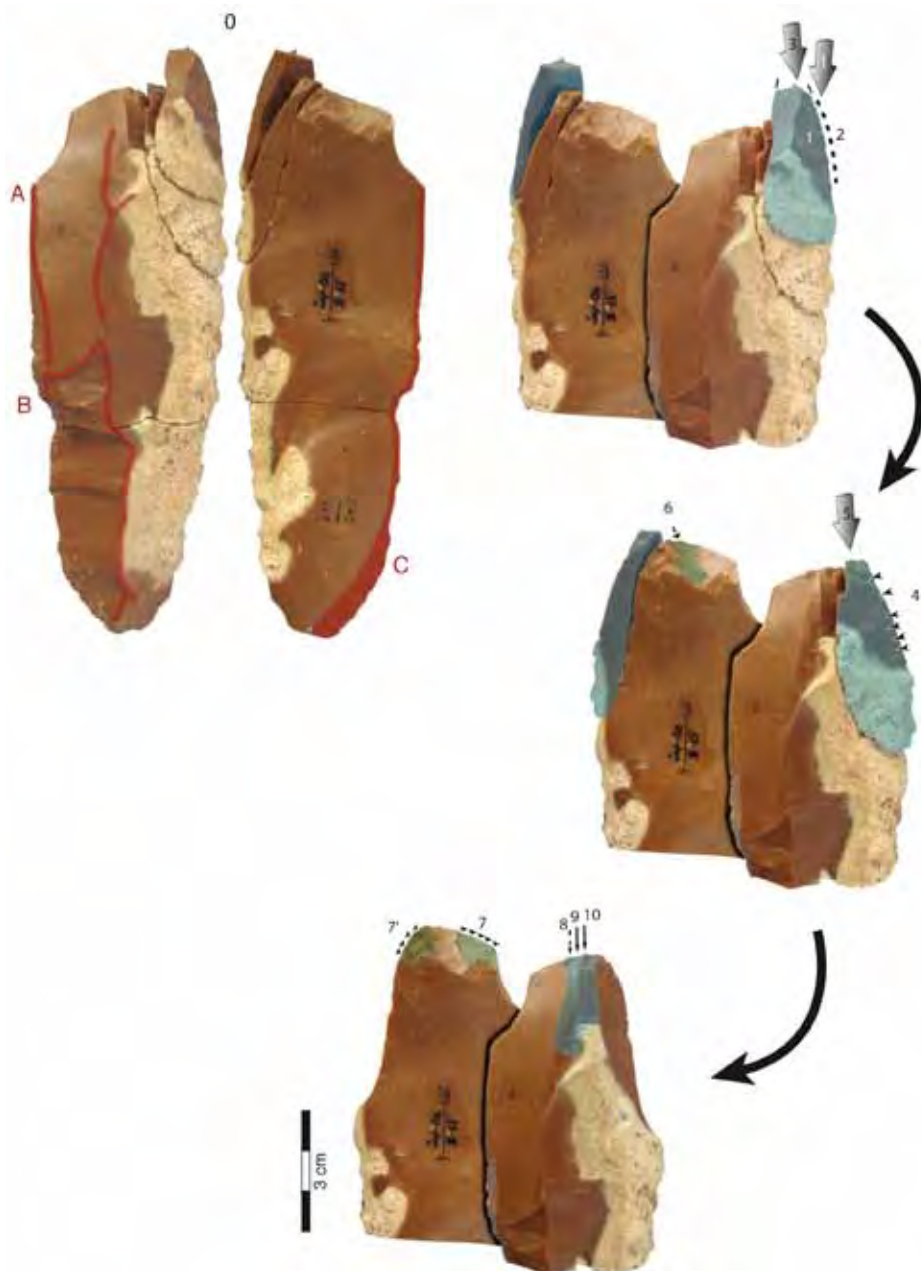

Рис. IV. К статье С.Ю. Лев, Л. Кларики, Е.Ю. Гирия «Ножи Костенковского типа и пластины с подработкой конца: феномен конвергентного развития или родство технологий?

Пример ремонта краевых сколов НКТ Зарайской стоянки.

0. Нож костенковского типа на пластинчатом сколе с меловой коркой. А. Два межфасеточных ребра, оставшихся от удачных снятий пластин, в дистальной части скола. В. Наличие неутилитарного износа на межфасеточных ребрах негатива от снятия пластины с петлеобразным окончанием. С. Участок края пластины с выразительными следами износа.

1. Первое краевое снятие (освобождение края от корки).

2. Использование края (?).

3. Второй скол подживления.

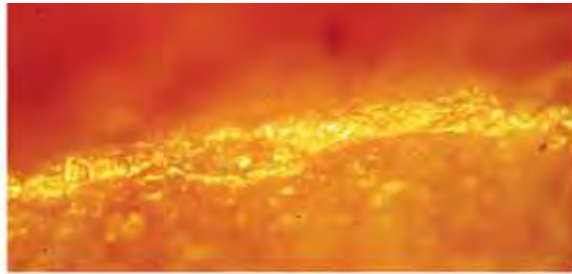
4. Приострение края ретушью.

5. Третий скол подживления.

6. Поперечный скол оформления площадки.

7-7'. Дополнительные сколы по краям площадки.

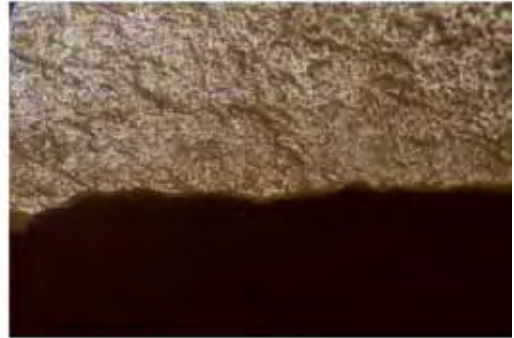
8, 9, 10. Уплотненные короткие ламеллярные снятия по спинке (неудачная подготовка для «нервюрирования» и «центрирования»). Выброс орудия

1

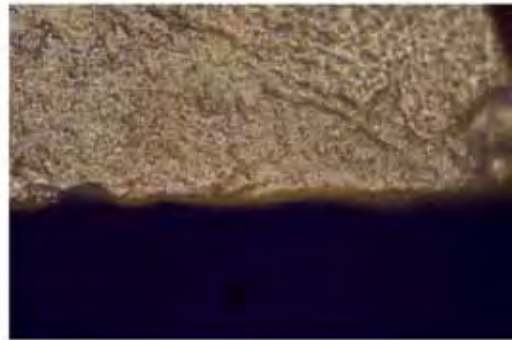
2

4

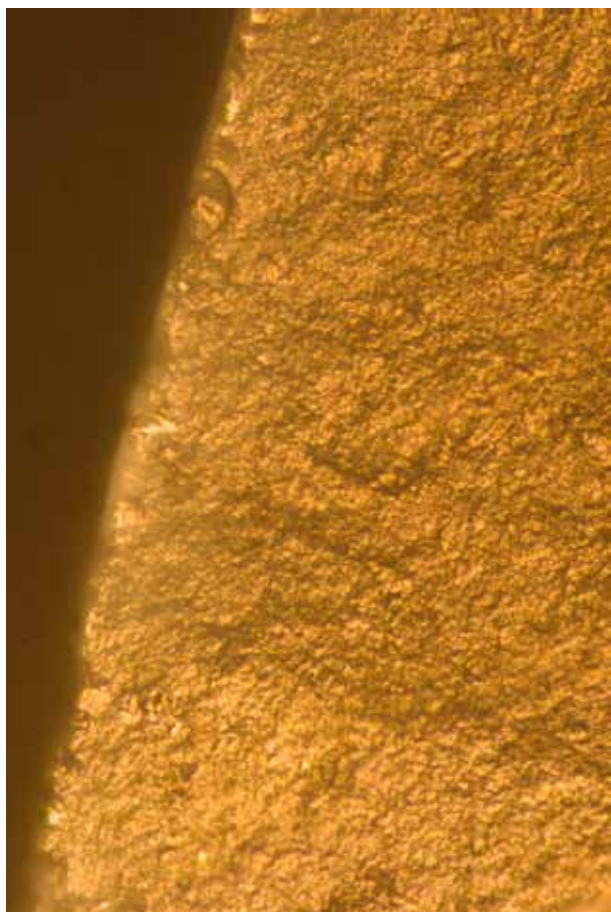

3

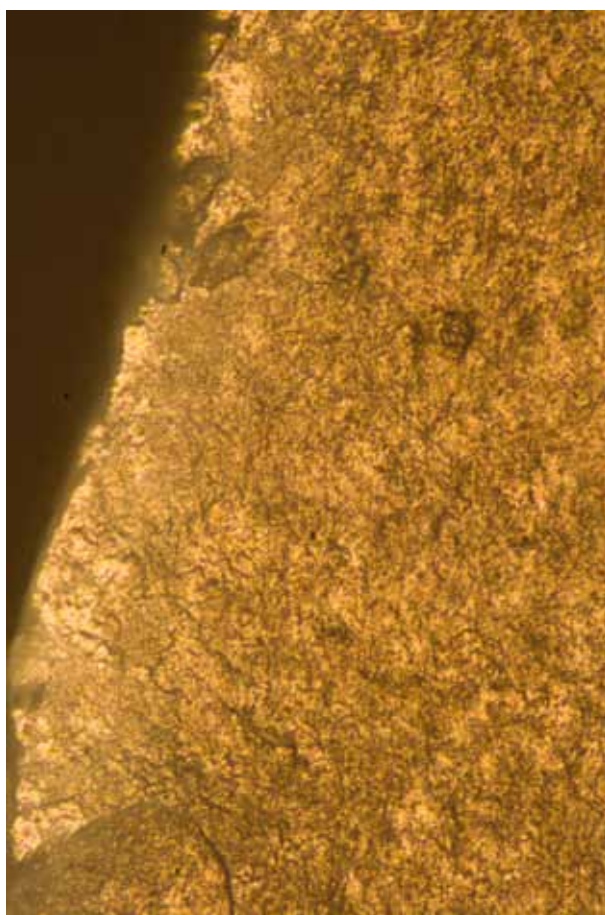

5

Рис. V. К статье С.Ю. Лев, Л. Кларик, Е.Ю. Гиря «Ножи Костенковского типа и пластины с подработкой конца: феномен конвергентного развития или родство технологий? Ремонт НКТ Зарайской стоянки. 1. Неутилитарный износ межфасеточных ребер. 2. Ударная площадка пластины-заготовки НКТ, вид сверху. 3. Редукция и шлифовка ударной площадки пластины. 4, 5. Макроследы от резания мяса-шкура

a

б

Рис. VI. К статье Н.Б. Ахметгалиевой: Нижний культурный слой стоянки Быки-7: проблемы и перспективы исследования
Следы износа на резце (рис. 8, 15): *a* – за-
полировка по твердому материалу (рог-
кость?) на резцовой кромке, увел. $\times 100$,
б – обратная сторона, увел. $\times 100$

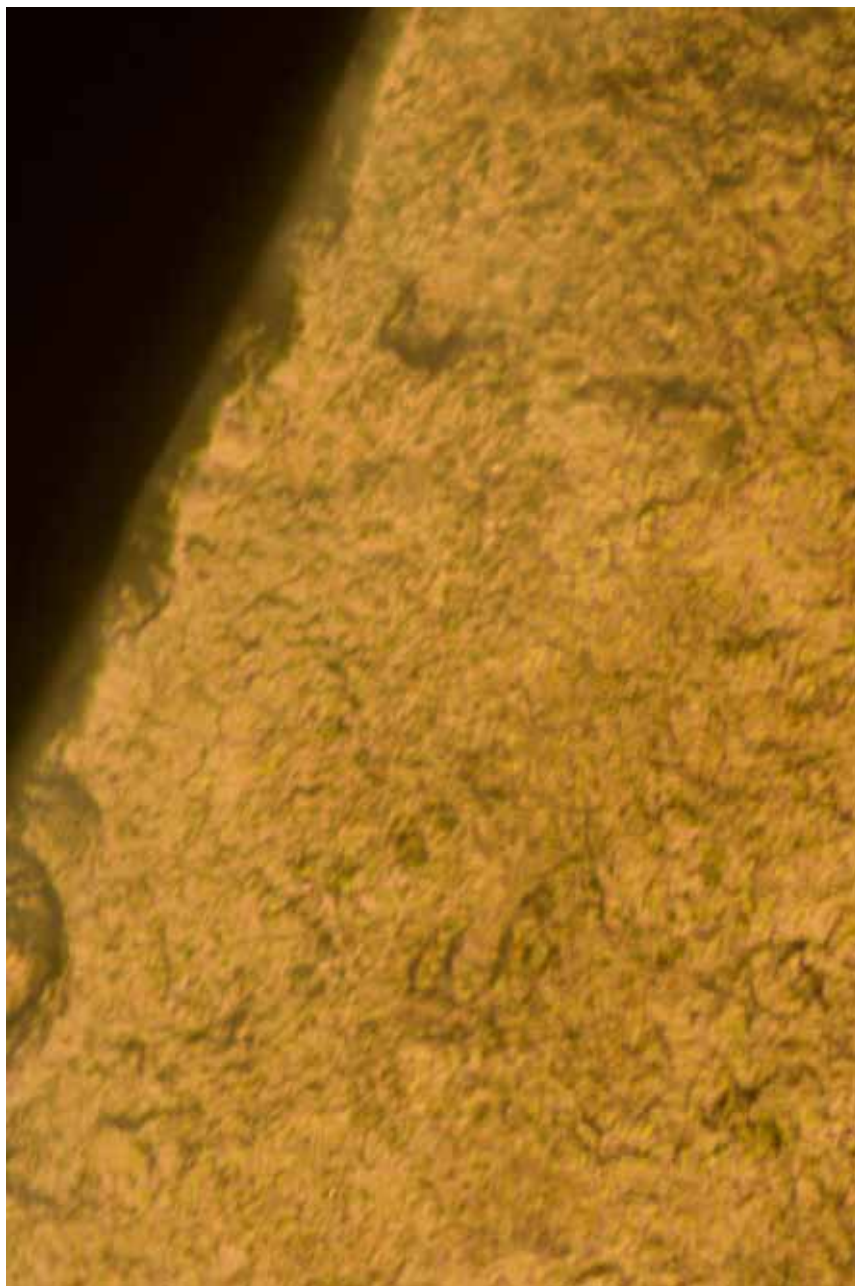
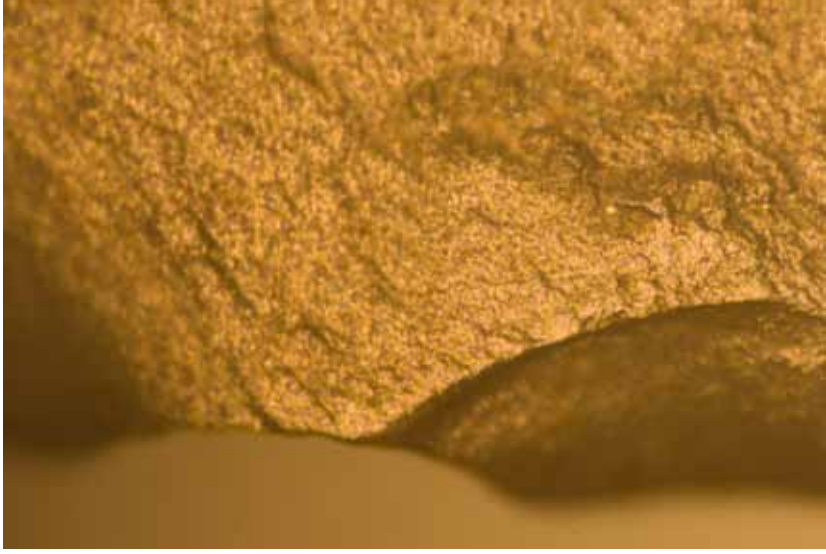
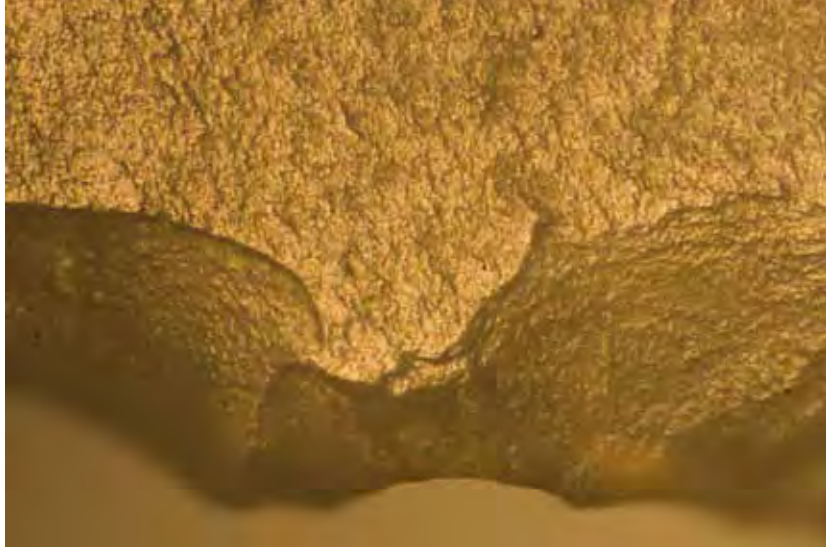

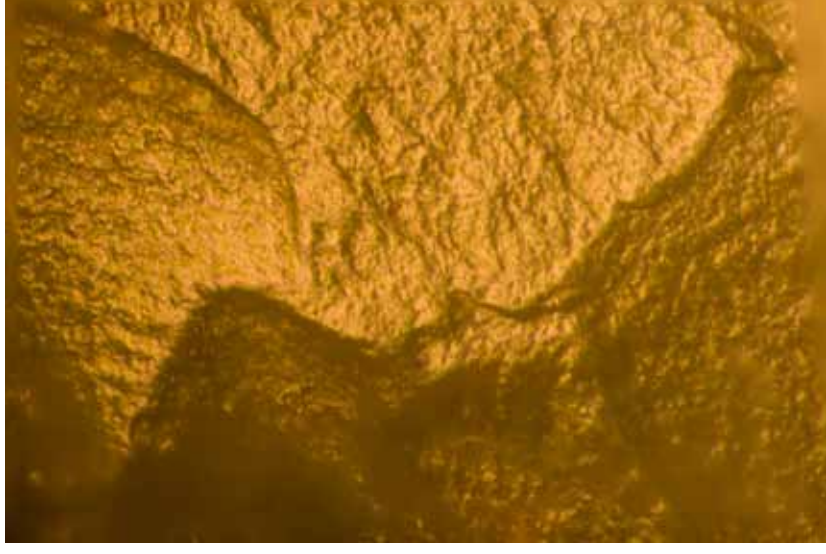
Рис. VII. К статье Н.Б. Ахметгалеевой: Нижний культурный слой стоянки Быки-7: проблемы и перспективы исследования
Следы скобления твердого материала (дерево?) на боковой кромке резца (рис. 8, 16). Увел. $\times 100$

a

б

в

Рис. VIII. К статье Н.Б. Ахметгалеевой: Нижний культурный слой стоянки Быки-7: проблемы и перспективы исследования
Следы износа на фрагменте микролита, рис. 8, 3. *a* – следы резания умеренно-твердого материала (дерево?), увел. $\times 100$, *б* – комбинированная за-
ливка, увел. $\times 100$, *в* – то же, увел. $\times 200$